

ЭТНОГЕНЕЗ УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ

АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОГО УРАЛА — СТЕПЬ

Российская академия наук
Уральское отделение
Южно-Уральский филиал Института истории и археологии
Челябинский научный центр
Южно-Уральский государственный университет

АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОГО УРАЛА.
СТЕПЬ
(проблемы культурогенеза)

Челябинск
2006

ББК Т48(235.55) ж43

УДК 930.26(082)

А 874

А 874 Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей» 2006. 528 с.

В книге представлены основные современные точки зрения на процессы культурогенеза, проходившие в степных районах Южного Урала. Рассматриваются как абсолютно новые, так и ранее не опубликованные археологические материалы по всем эпохам от каменного века до средневековья. В каждой главе выделены разделы, посвященные основным этапам и проблемам культурогенеза, обоснованные с современных научных позиций. Книга предназначена для специалистов-археологов, историков, а также для студентов вузов, колледжей и широкого круга заинтересованных читателей.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук С.Г. Боталов, кандидат исторических наук С.А. Григорьев, кандидат исторических наук С.Ю. Гудалов, доктор исторических наук В.С. Мосин, доктор исторических наук А.Д. Таиров

Рецензенты:

доктор исторических наук А.И. Мартынов
кандидат исторических наук П.Ф. Кузнецов

Работы выполнены при финансовой поддержке грантов Правительства Челябинской области. Проект № УрЧел-04-06-96003 и проект 3 05-01-85103а У-ГУБ.

А $\frac{050401000}{58K(03)-95}$

ISBN 5-88521-164-7

© Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН
© ООО «Археологический научный центр»

The Russian academy of the sciences
Ural branch
South-Ural branch of the Institute of history and archeology
Chelyabinsk scientific centre
South-Ural State University

ARCHEOLOGY OF THE SOUTH URAL.
THE STEPPE
(the problems of cultural genesis).

Chelyabinsk
2006

A 874 Archeology of the South Ural. The Steppe (the problems of cultural genesis). The Series "Etnogeny of the Urals nations" - Chelyabinsk: «Rifey», 2006. 528 p.

The main modern standpoints on processes of cultural genesis in the South Ural steppe region are presented in the book. They are considered as absolutely new, so and earlier unpublished archeological material on all epoch from the Stone Age to the Middle Ages. In each chapter are divided to sections, denoted main stage and problems of genesis of cultures, motivated with modern scientific position. The book is intended for specialist-archeologist, historian, as well as for student high school, colleges and broad circle of the interested readers.

The Editorial board: Professor S.G. Botalov, doctor S.A. Grigoriev, Doctor S.Yu. Gutzalov, professor V.S. Mosin, doctor A.D. Tairov

Reviewers: Professor A.I. Martynov, Doctor P.F. Kuznetsov

Work are executed under financial support of grants of Government Chelyabinsk region. The Project № UrChel-04-06-96003 and project 3 05-01-85103a U-GUB.

ISBN 5-88521-164-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Степи Южного Урала (вместо введения). <i>Е.А. Чибилёв</i>	10

Глава I. КАМЕННЫЙ ВЕК

§ 1. Современное состояние исследований. <i>В.С. Мосин</i>	16
§ 2. Материальная культура: новейшие исследования	
1. Кремнистое сырье степного Зауралья. <i>В.С. Мосин, В.Ю. Никольский</i>	19
2. Стоянки эпохи мезолита. <i>В.С. Мосин</i>	30
3. Стоянки эпохи неолита. <i>В.С. Мосин, В.А. Куприянов</i>	41
4. Стоянки эпохи энеолита. <i>В.С. Мосин, О.Ф. Бытковский, С.Н. Заседателева, В.А. Куприянов</i>	62
§ 3. Основные этапы и проблемы культурогенеза. <i>В.С. Мосин</i>	72

Глава II. ЭПОХА БРОНЗЫ

§ 1. Современное состояние исследований. <i>С.А. Григорьев, Г.Б. Зданович</i>	85
§ 2. Материальная культура: новейшие исследования	
1. Погребальные комплексы. Могильники Ак-Мулла I, Городищенское IX, Наровчатский II. <i>А.Г. Гаврилюк, С.А. Григорьев, С.С. Марков</i>	89
2. Поселение Берсуат XVIII. <i>Т.С. Малютина, Г.Б. Зданович, Л.Ю. Петрова</i>	153
3. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования. <i>А.В. Етимахов, И.В. Чечушков</i>	173
§ 3. Основные этапы и проблемы культурогенеза. <i>С.А. Григорьев</i>	188

ГЛАВА III. ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

§ 1. Современное состояние исследований. <i>А.Д. Таиров, С.Ю. Гуцалов</i>	223
§ 2. Материальная культура: новейшие исследования	
1. Иртыш 14 – погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи. <i>А.Г. Гаврилюк, А.Д. Таиров</i>	225
2. Могильник Сарытау-1. Курган 7 (скифская эпоха). <i>С.Ю. Гуцалов</i>	246
3. Могильник Солянка II. Курган 2 (среднесарматская культура). <i>С.Ю. Гуцалов, Г. Тасмагамбет</i>	251

§3. Основные этапы и проблемы культурогенеза	
1. К вопросу о генезисе культур раннесакского времени урало-казахстанских степей. <i>А.Д. Таиров</i>	256
2. Этапы культурогенеза населения урало-казахстанских степей в эпоху раннего железа. <i>С.Г. Боталов</i>	299
3. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н.э. <i>А.Д. Таиров, С.Ю. Гуцалов</i>	312
4. Этногенез кочевников Южного Приуралья в начале раннего железного века. <i>Л.Т. Яблонский</i>	341

ГЛАВА 4. КОЧЕВНИКИ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

§1. Современное состояние исследований. <i>С.Г. Боталов, В.П. Костюков, А.Ф. Яминов</i>	366
§2. Материальная культура: новейшие исследования	
1. Коллекция гунно-сарматского периода II–IV вв. <i>С.Г. Боталов</i>	371
2. Курганы с усами:	
2.1. Новоактюбинский I, Солончанка IX, Новокоңдуровский I. <i>И.Э. Любчанский, О.Ф. Бытковский</i>	374
2.2. Типология и хронология. <i>И.Э. Любчанский</i>	386
3. Памятники кыпчако-половецкого этапа (XI – начало XIII века). <i>А.А. Бисембаев, Э.Р. Усманова, С.Г. Боталов</i>	409
4. Золотоордынский период:	
4.1. Комплексы Агаповских гор и низовий реки Кирса. <i>С.Г. Боталов, К.Н. Бабенков</i>	414
4.2. Этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды. <i>А.Ф. Яминов</i>	435
§3. Основные этапы и проблемы культурогенеза	
1. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. <i>В.П. Костюков</i>	444
2. Этапы культурогенеза урало-казахстанских степей в эпоху поздней древности и средневековья. <i>С.Г. Боталов</i>	457
3. Современные проблемы археологии эпохи средневековья на Южном Урале. <i>В.А. Иванов</i>	475
ЛИТЕРАТУРА	483
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	519
SUMMARY	520

THE CONTENTS

Preface	9
Steppes of the South Urals (instead of introduction). E.A.Chibilyov	10

CHAPTERS I. THE STONE AGE

§ 1. The modern state of the studies. V.S. Mosin	16
§ 2. The material culture: the newest studies	
1. The siliceous raw material of the steppe Cis-Urals. V.S. Mosin, V.Yu. Nikoliskii	19
2. Sites of the Mesolithic. V.S. Mosin	30
3. Sites of the Neolithic. V.S. Mosin, V.A. Kupriyanov	41
4. Sites of the Eneolithic.	
V.S.Mosin, O.F. Bytkovskii, S.N. Zasedateleva, V.A. Kupriyanov	62
§ 3. The main phases and problems of cultural genesis. V.S. Mosin	72

CHAPTERS II. THE BRONZE AGE

§ 1. The modern state of the studies. S.A. Grigoriev, G.B. Zdanovich	85
§ 2. The Material culture: the newest studies	
1. The Funeral complexes. Bureals Ak-Mullah I, Gorodischenskoe IX, Narovchatskii II.	
A.G. Gavriluk, S.A. Grigoriev, S.S. The Markov	89
2. The Settlement Bersuat XVIII. T.S. Malyutina, G.B. Zdanovich, L.Yu. Petrova	153
3. The Eurasian chariots: constructive features and possibility of the operation.	
A.V. Epimakhov, I.V. Chechushkov	173
§ 3. The main phases and problems of cultural genesis. S.A. Grigoriev	188

CHAPTERS III. THE SOUTH CIS-URALS in the EARLY IRON AGE

§ 1. The modern state of the studies. A.D. Tairov, S.Yu. Gutzalov.....	223
§ 2. The Material culture: the newest studies	
1. Irt'yash 14 - a funeral complex of steppe nomads in the Cis-Urals forest-steppe A.G.	
Gavriluk, A.D. Tairov	225
2. Mogilnik Sarytau-1. The Burial mound 7 (the Scythian epoch). S.Yu. Gutzalov	246
3. Mogilnik Solyanka II. The Burial mound 2 (the Middle Sarmat culture).	
S.Yu. Gutzalov, Tasmagambet	251

§ 3. The main phases and problems of cultural genesis	
1. About genesis of the cultures of the early Sac time in the Urals-Kazakhstan steppes. A.D. Tairov	256
2. The stages of cultural genesis of the Urals-Kazakhstan steppes population in the Early Iron Age. S.G. Botalov	299
3. Ethnic and cultural processes in the South Urals in VII-II c. BC. A.D. Tairov, S.Yu. Gucalov	312
4. Ethnogeny of the South Pre-Urals nomads in the beginning of the Early Iron Age. L.T. Yablonskii	341

CHAPTERS 4. THE NOMADS of LATE ANTIQUITY and the MIDDLE AGES

§ 1. The modern state of the studies. S.G. Botalov, V.P. Kostyukov, A.F. Yaminov	366
§ 2. The Material culture: the newest studies	
1. The collections of the Hun-Sarmat period II-IV c. S.G. Botalov	371
2. The Burial mounds with "moustaches":	
2.1. Novoaktyubinskii I, Solonchanka IX, Novokondurovskii I. I.E. Lyubchanskii, O.F. Bytkovskii	374
2.2. The Typology and chronology. I.E. Lyubchanskii	386
3. The sites of the Kypchak-Polovtzy stage (XI - begin XIII c.). A.A. Bisembayev, E.R. Usmanova, S.G. Botalov	409
4. The Golden Horde period:	
4.1. The complexes of the Agapovka mountains and lower Kirska river. S.G. Botalov, K.N. Babenkov	414
4.2. Ethno-cultural map of the South Urals in the Golden Horde epoch. A.F. Yaminov	414
§ 3. The main phases and problems of cultural genesis	
1. The cultural transformations in the Urals-Kazakhstan steppe in the first half of II th. AD V.P. Kostyukov	444
2. The stages of cultural genesis of the Urals-Kazakhstan steppes in epoch of the late antiquity and middle ages. S.G. Botalov	457
3. The modern problems of archeology of the middle ages epoch in the South Urals. V.A. Ivanov	475

LITERATURE	483
------------------	-----

LIST OF ABBREVIATION	519
----------------------------	-----

SUMMARY	520
---------------	-----

Активное накопление археологических источников и развитие представлений об основных этапах культуриногенеза на территории Южного Урала и сопредельных с ним регионов, таких как Поволжье, Казахстан, Западная Сибирь, требует от исследователей не только публикации новых материалов, их систематизации и создания новых хронологических схем, но и уточнения или пересмотра ранее сложившихся представлений на протекавшие здесь этнокультурные процессы. В этой связи настоящее издание является продолжением вышедшей ранее двухтомной коллективной монографии «Древняя история Южного Зауралья» (Челябинск, 2000 г.), в которой был сделан обзор археологического изучения древней и средневековой истории края и выделены основные проблемы, на которых в дальнейшем следовало акцентировать внимание. Главы предлагаемой книги призваны не только ввести в научный оборот результаты археологических исследований последних десятилетий на Южном Урале, но и скорректировать предлагаемые ранее реконструкции процессов культуриногенеза.

На первый взгляд может сложиться мнение, что по своей форме данная коллективная монография весьма схожа с обычным сборником научных статей. Однако при детальном ознакомлении читатель безусловно увидит строгую логику изложения материалов. Структурно монография состоит из четырех глав, сформированных по хронологическому принципу: Каменный век, Эпоха бронзы, Древние кочевники, Кочевники поздней древности и средневековья. В первом параграфе каждой главы дается краткий историографический очерк, отражающий современное состояние исследований по данной эпохе. Параграф «Материальная культура» включает результаты новейших исследований материальной культуры. Здесь же вводятся в научный оборот новые, как правило, ранее не публиковавшиеся материалы. Следующий параграф вполне логично посвящен основным этапам и проблемам культуриногенеза, которые отражены в тематических сюжетах отдельных авторов. Заключительными являются, как правило, сюжеты, которые обобщают и систематизируют материалы данной главы, намечают вопросы для полемики и последующего научного поиска. Все это позволяет представить предлагаемое коллективное издание как цельную монографию, отражающую своеобразный срез на сегодняшний день археологических исследований степной зоны Южного Урала.

Безусловно, не все историко-культурные сюжеты раскрываются равнозначно. Это связано как с неоднородностью процесса накопления нового материала, так и с полнотой предыдущего исследования отдельных проблем культуриногенеза, отраженного в предыдущем двухтомном издании. Надеемся, что пытливый и вдумчивый читатель сможет сбалансировать информативные достоинства данных изданий коллектива южноуральских исследователей.

Редакционная коллегия выражает искреннюю благодарность губернатору Челябинской области П.И. Сумину за финансовую поддержку научных исследований, результаты которых нашли отражение в предлагаемой читателям книге.

Степи Южного Урала (вместо введения)

Степные природные зоны развиты на всех континентах нашей планеты, за исключением Антарктиды. Степное пространство нашего материка, Евразии, растянулось полосой шириной от 150 до 600 км более чем на 8000 км, располагаясь в глубине континента между 27° и 127° в. д., 55° и 46° с. ш.

Степные зоны умеренных поясов северного и южного полушарий характеризуются сухим континентальным климатом, безлесьем водоразделов, господством травянистой, преимущественно злаковой, растительности на черноземных, темно-каштановых и каштановых почвах. Степным зонам субтропических поясов обоих полушарий свойственны сухой теплый климат, преобладание в естественных ландшафтах травянистой и кустарниковой растительности.

Степной тип ландшафта отличается своим степным климатом, степной фауной и флорой, степными почвами.

Находясь в динамичном контакте с прилегающими природными зонами, в первую очередь лесами и пустынями, степи сформировались как зональный тип ландшафта, занимающий срединное положение в эколого-географической структуре материка.

Местоположение, размеры и конфигурация ареалов степных ландшафтов свидетельствуют о внутриконтинентальном происхождении степей. Чем больше размеры материка, тем меньше его внутренние части подвержены влиянию влажного океанического воздуха и тем сильнее колебания температуры при разогреве летом и остывании зимой. Таким образом, на крупных массивах суши происходит дифференциация климатов не только по тепловому режиму, но и по степени увлажненности. В центре материка формируется сухая аридная зона, а на его окраинах – влажная гумидная.

Такие условия начали формироваться, когда размеры и форма Евразии стали приближаться к современным в триасовом периоде, примерно 230–200 млн. лет назад. Именно с этого времени существует промежуточная между лесом и пустыней зона с неустойчивым сезонным климатом, являющимся важнейшим условием для возникновения степных ландшафтов. Наилучшие возможности для их дальнейшего развития и совершенствования в Евразии возникли в палеогене, когда сформировались основные разновидности степей.

Рассматривая историю природы Евразии перед началом четвертичного периода, академик

К.К. Марков (1965) так рисует общую ландшафтную ситуацию на материке. На всем пространстве от Индии до Арктики географическая зональность была выражена слабо. Выделялись лишь субтропическая и тропическая зоны, не было арктической пустыни и тундры, а пустыни и степи в то время еще имели в субтропиках не очень четкие очертания. С начала четвертичного периода зональная структура ландшафтов непрерывно усложняется, усиливаются различия между природными зонами. В результате, как указывает Марков, в Центральной Азии, климат которой отличался наибольшей засушливостью, обособляются пустыни и степи. Позднее климат становится еще суше и холоднее. Пустыни и степи продвигают свои границы на запад.

В Средней Азии и Казахстане в эоцене (50–30 млн. лет назад) еще господствовали лесные и лесостепные ландшафты. Остепнение происходит здесь с конца олигоцена – начала миоцена (около 25 млн. лет назад). На юге Русской равнины до этого периода тоже преобладал лесной тип растительности. Но затем остепнение захватывает юго-восток и юг Русской равнины – в отложениях на территории Нижнего Дона, Кубани и Ставрополя, имеющих возраст 10–7 млн. лет, присутствует почти исключительно пыльца степных травянистых и кустарниковых растений.

В плиоцене в Причерноморье, там, где сейчас Одесса, обитали верблюды и страусы. На юге Русской равнины в это время образовались красноцветная кора выветривания и коричневые почвы, свидетельствующие о климате средиземноморского типа с жарким сухим летом и теплой дождливой зимой. В четвертичном периоде великое остепнение охватило огромное пространство Евразии и Северной Америки.

Новый характер придали остепнению чередующиеся оледенения и межледниковые периоды. Они способствовали колебательному изменению границ степей. В эти периоды наряду с «теплой» степью образуется своеобразная «холодная» степь (тундро-лесостепь), элементы которой проникают к северу до полярных морей. В межледниковые эпохи в средней полосе Русской равнины холодная степь вытесняется лесом, а в южной – обычная степь сменяется лесостепью. В этих перемещениях в северо-южном направлении степная флора обогащалась тундровыми, лесными и пустынными элементами и закалялась, приспосабливаясь к экстремальным климатическим условиям.

Более 10 тыс. лет назад, после окончания последнего ледникового периода, порядок ланд-

шафтных зон восстанавливается и приобретает современные черты.

Таким образом, доисторический этап эволюции степных ландшафтов начался несколько десятков миллионов лет назад. Но только в четвертичное время, наступившее примерно 1 млн. лет назад, произошли повсеместное похолодание территории Северной Евразии, возрастание аридности ее центральных районов, за счет чего усилились местные и зональные природные контрасты.

О взаимоотношениях степей с другими природными зонами есть несколько версий. Многие исследователи утверждают, что лес наступает на степь, а сама степь отступает в зону полупустынь; в противоположность такой точке зрения есть мнение, что степь, сама постепенно иссушаясь, наступает на лес. Имеется также циклическая гипотеза о том, что степь и лес постоянно сменяют друг друга.

Но все эти точки зрения опровергаются палеоботаническим и палеозоологическим материалом, который свидетельствует, что степная ландшафтная зона – устойчивый во времени и пространстве комплекс. На основе этого материала выяснено, что в последледниковое время границы степной зоны почти не изменились.

На основе анализа данных изучения сделано заключение, что современные границы степной зоны на Русской равнине установились в начале последледниковой. В дальнейшем занята лесами площадь сильно сократилась под влиянием антропогенного фактора, но общие природные границы степной зоны изменились мало. Картина, которую мы наблюдаем сейчас, – усиление аридизации, локальное увеличение площади степи, проникновение в степную зону пустынных и полупустынных элементов, последствия современной повсеместной распашки, перевыпаса скота, степных пожаров, вырубки степных лесов и т. д.

Одна из самых характерных черт степной зоны, оказывающая сильнейшее влияние на развитие человеческого общества с самого его здесь появления, это её безлесие. О причинах безлесия степного ландшафта выдвинуто много гипотез.

Со времен экспедиций П.С. Палласа широко распространилось и до сих пор поддерживается мнение о вторичном безлесии степей, согласно которому произраставшие в степях леса были уничтожены человеком.

Другие исследователи объясняли безлесие степей действием юго-восточных суховея, недостаточным увлажнением, низкой относительной влажностью и другими неблагоприятными для леса климатическими факторами.

Существуют геоботаническая версия безлесия степей, по которой лес в степи не выдерживает конкуренции с травянистой растительностью из-за развития мощного дерна, образованного корнями злаков, и мнение о том, что произрастанию леса в степи препятствует засоленность почв и грунтов. Имеется геоморфологическая версия, по которой произрастанию лесов в степях препятствует не климат, а равнинность рельефа, а климат не служит причиной безлесия степей, а лишь определяет состав их флоры. Многие последниковые изменения в ландшафте степей по этой версии справедливо объясняются не изменениями климата, а врезанием рек и усилением дренажа вследствие развития овражно-балочной сети.

В действительности основные причины безлесия степей отражают, дополняя друг друга, все названные гипотезы. Современные ландшафтоведы утверждают, что безлесие степей – явление зональное, связанное, прежде всего, с неблагоприятным сухим климатом. Произрастанию лесов в этих условиях препятствуют засоленность почв, конкуренция степного травостоя, равнинность рельефа и другие факторы. Говоря о безлесии как отличительной черте степи, нельзя забывать, что в степной ландшафтной зоне подчас встречается довольно много лесов. Нередко даже в центральной части степного пояса местность приобретает «лесостепной» вид. Причиной тому – особые условия повышенной увлажненности отдельных мест, которые могут быть связаны с самыми разными причинами: близким залеганием или выклиниванием грунтовых вод, развитием позднелесенных снежников, особенностями геологии, высотой местности и изрезанностью рельефа, а также с реликтовым характером растительности в своеобразных природных убежищах.

Степной тип ландшафта отличается своим степным климатом, степной фауной и флорой, степными почвами.

До настоящего времени существует множество определений термина «степь» – в современной географической литературе имеются сотни определений степей и их разновидности.

Одно из первых географических определений степи дано в сочинении «Новейшее землеописание земель Российской империи...» (1807) Е.Ф. Заблonsкого – «Степные пространства, кои идут от реки Дона через Волгу, Урал, до Эмбы, чрезвычайно сухи, безлесны и безводны, наполнены солеными озерами и солончаками и только местами для скотоводства удобны, хлебопашественные земли весьма изредка попадаются и вообще мало населены».

В соответствии с Большой Советской Энциклопедией степи – «тип растительности, представленный сообществами из засухо- и морозоустойчивых многолетних травянистых растений с господством дерновинных злаков, реже осок и луков. Степи связаны преимущественно с черноземами и каштановыми почвами и засушливым климатом, с максимумом осадков в летние месяцы».

Само слово степь в русской лексикографии отмечено сравнительно недавно. В древнерусских рукописях степь называется полем, а Кипчакская степь – Половецким полем.

В качестве первого русского источника обычно указывают сочинение о путешествии 1623 года московского купца Федора Котова «О ходу в персидское царство и из Персиды в Турскую землю, и в Индию, и в Урзум», а впервые в литературе слово «steppe» употребил в 1600 году Шекспир в произведении «Сон в летнюю ночь»,

Происхождение термина «степь» до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения. Известно, что термин степь восточные славяне не заимствовали у восточных народов. В тюркских, монгольских и иранских языках для выражения этого понятия существует обширная номенклатура, в которой отсутствует слово, с которым можно было бы сопоставить этот термин.

Некоторые исследователи объясняют это восточнославянское слово с иранским на правах родственных образований (H.W. Bailey, по Фасмер М. Этимологический словарь русского языка/Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд.–М., 1986. Т. 3). Имеются в виду осетинское слово *taprap* – «плоский», «приземистый», иранское *tap* – «плоский» из общендоевропейского *step* – «быть плоским, ровным, низким». Однако такая этимология может быть отвергнута по причине что осетинское *taprap* происходит от тюркского – *taprap*, *taban* – подошва, плоское место.

Весьма вероятной выглядит теория о переходе слова «степи» – спина – из говоров через устойчивую семантическую связь «спина – возвышенность» в орографический, а затем и ландшафтный термин бесконечных дорог, проходящих по водоразделам у осевших в степях казаков (Бушаков В.А., Дрогобич Н.Е., 2003).

Наряду с общендоевропейским словом «степь» для обозначения открытых безлесных пространств в Евразии употребляется множество других терминов. Например, венгры называют степь «пунта» или «лусто» – слова эти имеют очевидные славянские корни и означают то же, что слово «пустошь», то есть пустое место среди лесов.

Точно так же, как для индоевропейских языков всеобщим является термин «степь», для тюркских, монгольских и тунгусско-маньчжурских названий обычен топоним «дала», «тала», – «степь», «равнина», «поле».

Знакомство со степной топонимикой свидетельствует о том, что термин «степь» и его географические синонимы известны на всех континентах, кроме Антарктиды. Вряд ли найдется другой тип ландшафтов, так широко представленный в языках народов мира. Масштабы, запутанность и многослойность степной топонимики при внимательном рассмотрении проливают свет на богатую историю заселения обширных районов Европы и Азии и дают представление о великих переселениях народов в пределах огромного степного коридора Евразии за последние три тысячелетия (Чибилев А.А., 1998).

Растительность степей имеет три основные особенности. Во-первых, степные экосистемы отличаются низким травянистым покровом с преобладанием узколистных дерновинных злаков, способных переносить периодическую засуху. Во-вторых, под степной растительностью развивается мощная корневая система, превосходящая наземную в десятки раз. В-третьих, степная растительность обладает способностью к быстрым трансформациям или разложению до минеральных составных.

В условиях недостаточного поверхностного увлажнения на распределение растительности влияют микрорельеф и литология почв и грунтов. Понижения в рельефе резко выделяются как луговые западины. Подавляющее большинство степных растений, ксерофиты, успешно переносят перегрев и отсутствие влаги.

Большая группа степных растений, так называемых эфемероидов, развивается весной, когда почва достаточно увлажнена. Они успевают отцвести и дать плоды до наступления засушливого периода.

Лесная растительность среди луговых степей характерна для зоны лесостепи. Но степная и полупустынная зоны Северной Евразии не совершенно безлесны. Леса встречаются здесь в особых местообитаниях, связанных с повышенной увлажненностью. Они занимают малую часть территории степной зоны, но отличаются большим разнообразием. В степи расположены такие характерные лесные экосистемы, как водораздельные дубравы, березово-осиновые колки на песках и по степным западинам, нагорные березняки и дубяки, сосновые редколесья на гранитах, низинные «осиновые кусты», заросли вдоль ручьев,

байрачные леса по долинно-балочной сети. По составу древесных пород в европейских степях преобладают дубовые леса, а к востоку от Урала – березняки, осинники и сосняки.

Характерная особенность степного ландшафта – развитие здесь кустарниковых зарослей, образованных степной вишней, терном, бобовником, чилигой, спиреей, шиповником.

Характерной особенностью степной фауны является обилие животных, имеющих полизональные ареалы, что объясняется широким диапазоном экологических условий во времени и богатым набором местообитаний.

Из позвоночных животных для степей наиболее характерны травоядные копытные и многочисленные грызуны. К этому следует добавить, что животное население степной зоны характеризуется крайним непостоянством видового разнообразия и численности. Одни степные животные осуществляют сезонные миграции, при которых они могут на время покидать степную зону (сайгак, кулан, дрофа). Другие активно живут лишь несколько летних месяцев в год (сурок, суслик). Третьи – интенсивно размножаются в степи лишь в благоприятные для них годы (черный гриф). Так животные реагируют на резкие колебания экологических факторов в степи и неуравновешенность степных экосистем.

В степях Евразии обитают 92 вида млекопитающих (Формозов, 1981). В это число не входят давно уже истребленные дикий тур, равнинный зубр, тарпан.

Важнейшим отличительным свойством степной зоны является открытость ландшафта, заставляющая «мирных» животных совместно наблюдать за опасностью. Поэтому в степи немало стадных и колоннальных животных. Стадность – главная особенность жизни степных копытных животных. Она обязывает защиту слабых членов стада от крупных хищников. Стада в 50–100, а иногда 1000 голов были характерны для тарпанов и куланов. Первые из них полностью исчезли, вторые покинули степную зону. Из диких копытных, до настоящего времени кочующих в калмыцких, казахстанских и южноуральских степях, сохранились только сайгаки.

Ни в одной другой природной зоне Земли животный мир не был так подвержен истреблению и изменению человеком, как в степях Евразии. До появления человека на открытых просторах Старого Света паслись миллионы травоядных животных: тарпанов, сайгаков, оленей, туров, равнинных зубров. Подсчитано, например, что численность сайгаков в степях Евразии состав-

ляла не менее 10 млн., дзеренов – 5 млн. голов (Морджкович В.Г., 1982). Десятками миллионов числилось поголовье диких лошадей и туров.

Скотоводство, а затем земледелие уничтожили среду обитания диких копытных в степи. Их истребление и вытеснение в степях Северной Евразии растянулось на 2–3 тысячелетия и было завершено к концу XIX столетия.

Интенсивное хозяйственное освоение степей и прямое истребление затронуло не только копытных млекопитающих, но и хищников, грызунов, а также таких характерных обитателей степи, как дрофа и стрепет.

Говоря о современной фауне степей Северной Евразии, необходимо помнить о том, что за последние пять веков на 90% площади видовой состав животного мира изменился до неузнаваемости. Из крупных травоядных млекопитающих дикий образ жизни сохраняют лишь сайгаки и дзерены. Дзерены уже давно не заходят в сельскохозяйственные степные районы, а сайгаки к середине девяностых годов резко сократили северные пределы своих миграций.

Группу степных почв образуют черноземы и каштановые почвы.

Чернозем – один из самых плодородных типов почв. В Северной Евразии он занимает около 1,9 млн. кв. км. В эту площадь входят черноземные угодья степной и лесостепной зон.

Оптимальные условия для черноземообразования складываются в южной части лесостепной зоны, в полосе типичных черноземов. Здесь имеются максимальное количество растительной массы и благоприятный гидротермический режим. Севернее более влажный климат способствует разрушению первичных минералов и ведет к появлению признаков оподзоливания почв. К югу с нарастанием дефицита влаги уменьшается растительный опад, ухудшается его состав, что приводит к формированию менее богатых органическим веществом и элементами питания подтипов черноземных почв.

Семейство черноземных почв состоит из нескольких подтипов, с севера на юг происходит их широтно-зональная смена.

В степную зону восточного Зауралья входят части территорий Башкортостана, Оренбургской и Челябинской областей.

Рельеф степи на этой территории значительно меняется: в западной части, примыкающей к горам Южного Урала, степь холмистая, увалистая, в восточной – ровная, горные породы перекрыты здесь горизонтально лежащими морскими осадками и отложениями суглинков и супесей.

В Башкирии зауральские степи расположены в юго-восточной части и представляют оstepенную мелко-увалистую равнину. Растительность представлена в северной и предгорной частях равнины ковыльно-разнотравными, а в юго-восточной – ковыльно-типчаковыми степными группировками. В почвенном покрове преобладают на севере маломощные грубоскелетные почвы и черноземы, преимущественно выщелоченные, а на юге – солонцеватые черноземы и солонцы. Осадков выпадает немного (350–400 мм), из них на лето приходится около 200 мм. Сумма температур за период активной вегетации 1800–2300°C. Продолжительность этого периода на севере 119–127, на юге 127–136 дней; безморозного – 110–120 дней.

Степной ландшафт, являясь уникальным природным объектом, обладающий богатейшим и неповторимым разнообразием флоры и фауны, как никакой другой подвергся разрушительному воздействию человека. Нарушению равновесия степных экосистем способствовали развитие механизации и химизации сельского хозяйства, мелиорация и орошение, распахивание целинных участков, перевыпас скота и многие другие негативные факторы, имеющие антропогенное происхождение. В итоге большие площади ранее обширных степных ландшафтов Северной Евразии навсегда и безвозвратно утратены.

В Челябинской области к зоне степей традиционно относят все земли, находящиеся южнее 54° с. ш. (южнее реки Уй). В ней расположены административные территории Агаповского, Брединского, Варненского, Верхнеуральского, Карталинского, Кизильского, Нагайбакского и Чесменского районов площадью около 34 тыс. кв. км, что составляет почти 40% от общей площади области (на самом деле, по совокупности почвенно-климатических факторов, особенностей флоры и фауны, часть этих территорий с севера и востока занимает буферный экотон, обеспечивающий динамичный контакт лесной и степной зон – южная лесостепь). Здесь расположено более 200 населенных пунктов, один из которых – город Магнитогорск – крупный промышленный центр с населением 419 тыс. человек (по переписи 2002 года).

Предгорная часть степной зоны Челябинской области отличается достаточно теплым и умеренно засушливым климатом. Продолжительность периода активной вегетации – более 135 дней (с 5–11 мая по 14–18 сентября). За это время сумма эффективных температур – 2100–2300°C. Сумма осадков за год составляет в среднем 330–404 мм, гидротермический коэффициент, как правило, не

превышает единицы. Устойчивый снежный покров незначительной мощности (18–22 см) в предгорной степной части области устанавливается в середине ноября и сохраняется 140–150 дней. Равнинная часть степной зоны отличается более теплым и засушливым климатом. Период активной вегетации составляет около 140 дней (с 5–7 мая по 18–20 сентября). За это время накапливается до 2500°C положительных температур. За вегетационный период выпадает 160–210 мм осадков, гидротермический коэффициент 0,8.

Зима на равнинной части малоснежная и морозная. Продолжительность зимы около 140 дней. Высота снежного покрова обычно около 20–30 см (в понижениях рельефа до 40 см), а среднее количество осадков 125 мм.

По многолетним наблюдениям местных метеостанций в степной зоне области отмечены: самое солнечное место – Троицк (2218 солнечных часов в году), самое сухое место – поселок Измайловский (Кизильский район, 286 мм осадков за год), самое теплое место – поселок Бреды (среднегодовая температура 1,7°C, максимум – 41°C).

Годовая сумма солнечной энергии и осадков соответствует семиаридному климату умеренных широт (т. е. настоящему степному).

Занимая восточный макросклон Южного Урала (восточное предгорье), степная зона Челябинской области является сочетанием вытянутых с юга на север увалов и плоских водоразделов высотой от 200 м на востоке и до 400 м на западе. При таком рельефе климат, почвообразующие породы и растительность обеспечили развитие двух почвообразующих процессов – дернового (черноземного), который является основным, и солончково-солонцеватого.

Около 85% верхнего почвенного покрова степной зоны – черноземы обыкновенные, выщелоченные, южные, осолоделые и неполноразвитые. Солонцы занимают менее 20% всей площади. Практически весь почвенный покров можно отнести к мало- или среднегумусовому (4–9,8%). Последние 100 лет наблюдается дефицитный баланс гумуса, с максимальными потерями до 1,07 т/га ежегодно, что объясняется тем, что после распахивания целинных почв в острозасушливой зоне при отрицательном балансе органического вещества в агроценозах активизировались процессы минерализации гумуса, усиливается ветровая эрозия (Козаченко А.П., 1999).

Лесные массивы в степной зоне распределены крайне неравномерно и имеют колковый, ленточный или островной характер. Здесь расположены

реликтовые островные бору – Джабык-Карагайский, Каратубайский, Брединский и др., относящиеся к Урало-Тобольскому водоразделу. Они играют исключительную роль в обеспечении экологической устойчивости степной зоны Челябинской области – формировании ландшафта, сохранении биологического разнообразия и накоплении водных ресурсов.

На территории степной зоны области насчитывается более 30 средних и малых рек, общая протяженность которых составляет около 1800 км. Большая их часть относится к бассейну реки Урал, меньшая – к бассейну реки Тобол.

Наиболее крупные реки – Урал, его притоки Гумбейка, Зингейка, Большая и Малая Караганки и притоки Тобола – Уй, Тогузак, Караталы–Аят, Карагайлы–Аят, Сынтасты (Синташта) и Бирсуат.

Водное обеспечение всех рек осуществляется на 90% за счет атмосферных осадков. Все реки степной зоны зарегулированы плотинами, здесь около 80 водохранилищ искусственного происхождения. Ресурсы подземных вод в степной зоне малы и используются в основном в бытовых целях.

В области развиты следующие типы степей (с севера на юг): луговые, разнотравно-ковыльные, ковыльные, встречаются фрагменты опустыненных и полупустынных степей на каменистых склонах и солончаках.

Очень высоко современное видовое разнообразие флоры и фауны степной зоны Челябинской области. Здесь отмечено не менее 850 видов высших растений, несколько тысяч видов насекомых, 25 видов рыб, 8 видов земноводных, 9 видов пресмыкающихся, около 240 видов птиц, 61 вид млекопитающих. Но видовое богатство при этом распределено очень неравномерно, наибольшее биологическое разнообразие наблюдается на участках, расположенных по периферии области за счет меньшего антропогенного влияния на них.

Из негативных факторов для всех животных степной зоны области наиболее существенны дефицит местообитаний, прямое истребление человеком и антропогенное беспокойство. Действие других факторов проявляется по отношению к отдельным группам животных.

Для различных групп животных лимитирующие факторы различаются. Для рыб, например, наиболее существенными являются зарегулированность рек при гидростроительстве, промышленное и сельскохозяйственное загрязнение и перепромысел отдельных видов. Амфибии страдают из-за загрязнения местообитаний и гибели на до-

рогах, рептилии – из-за дефицита местообитаний, прямого уничтожения человеком и гибели на дорогах. У птиц помимо дефицита местообитаний существенное значение имеет фактор беспокойства, прямое истребление человеком (особенно для редких видов, например орла-могильника), охота и раннее сенокошение, которое по эффекту воздействия тоже можно записать в раздел прямого уничтожения. На млекопитающих, кроме недостатка местообитаний, влияет и прямое истребление человеком.

Притом что степь была освоена и используется человеком еще с эпохи мезолита-неолита, современная структура земельных угодий Челябинской области сложилась в советский период при продолжении политики сегрегации по отношению к степным ландшафтам. Особое влияние на структуру ландшафтов оказало освоение целины, приведшее к уничтожению степного ландшафтного разнообразия и естественной растительности, резкому сокращению количества степных животных, уменьшению водности малых рек. Негативное воздействие оказал и перевыпас скота, приведший на значительных территориях к пастбищной дигрессии и деградации почвенного покрова. В связи с расширением дорог и коммуникаций степные ландшафты области значительно фрагментированы.

На сегодняшний день под пашнями и залежами находится около 50% степей области, еще около 40% дигрессировали под перевыпасом или заняты культурно-покосными территориями, сельскими и селитебными постройками, водохранилищами, лесополосами и т. д.

Таким образом, под естественными (квазиестественными) степными ландшафтами осталось не более 10%. В основном это земли, избежавшие распахивания в силу пересеченности рельефа и высокой скелетности почв. Определенное значение оказала историческая судьба территории, например, попадание ее на административную границу (районную, областную) или в состав землепользования хозяйства определенной специализации и т. п.

При этом лишь небольшое количество уцелевших территорий обладает зональными ландшафтами, практически не осталось степей на плакорах. Большая часть сохранившихся земель несет интразональные или внезональные элементы ландшафта.

В настоящее время большая часть степей области находится на стадии экстенсивного земледелия, в последние годы большие территории оказались на залежной стадии.

§ 1. Современное состояние исследований

Рассматривая степную зону Южного Урала в каменном веке, необходимо заранее иметь в виду следующие факторы. Официально принято считать степную зону, расположенную южнее реки Уй, что обусловлено большей частью характером формирования почв и другими специфическими географическими показателями. В реальности, имея на Южном Урале преобладание вертикальной зональности, обусловленной меридиональной вытянутостью Уральских гор, собственно к степным можно отнести восточную часть Варненского и Каргалинского районов и Брединский район Челябинской области, территории Орского района Оренбургской области, восточнее и южнее рек Урал и Кумак, и прилегающие с востока и юга области Северного и Западного Казахстана. Территория к западу от условной линии, проведенной от Троицка к Чесме, далее на юг западнее Каргалов, далее на юго-запад к пос. Ершовскому и Новоорску, представляет собой приподнятый зауральский пенеплен и по сути является холмисто-увалистой лесостепью. Учитывая данные палеогеографии, можно с большой долей уверенности, во всяком случае, для атлантики, как климатического оптимума с более теплым и влажным климатом и начала суббореала, говорить об указанных районах как лесостепных. Такое понимание ландшафтного деления полностью соответствует историко-культурному делению в каменном веке Южного Урала.

Основным вмещающим ландшафтом для населения Южного Урала в каменном веке являлись холмисто-увалистая лесостепь, полоса восточных и южных предгорий и долины горных рек Южного Урала. Эта основная территория обрамлялась контактными (буферными) зонами, которые представляли на северо-востоке западносибирскими лесостепными районами Курганской области, на востоке – степными районами Челябинской области и Казахстана, в основном по реке Тобол, на юго-востоке – степными районами Орского Оренбуржья юго-восточнее рек Суундук и Большой Кумак, на юге – южнее широтного течения реки Урал, на юго-западе – по бассейну реки Белой на отрезке течения с юга на север, на северо-востоке – лесостепными районами Башкирии в бассейне реки Ай. Эти контактные зоны одновременно и разделяли, и соединяли население Южного Урала с населением северных и западных районов

Казахстана и Западной Сибири, волжских и камских культур Приуралья. На севере основная зона вмещающего ландшафта южноуральско-среднеуральских, а, правильнее называть их просто уральскими, поскольку историко-культурной границы между Южным и Средним Уралом не существует, доходит до широты г. Нижнего Тагила и на востоке контактной (буферной зоной) выступает Тюменское Притоболье, на западе Пермское Предуралье.

Территориально конкретизируя высказанные положения, подчеркнем, что основной территорией проживания южно- и среднеуральского (в неолите и энеолите это население в большинстве однородно, автохтонно и генетически связано между собой, за исключением культур-мигрантов, например боборыкинской) являются горные районы Южного и Среднего Урала, прилегающие с востока предгорья и холмисто-увалистая лесостепь. Необходимо также заметить, что территории западного Оренбуржья и лесостепной Башкирии – это Предуралье с населением в каменном веке средневолжских и камских культур, являвшихся западными соседями населения собственно Южного Урала. Западные предгорья в правобережье реки Белой и левобережье реки Уфы являлись зоной контактов между волжским, камским и южноуральским населением.

Исходя из этих положений, некоторые памятники, рассматриваемые в этой главе, расположены собственно в степи, некоторые – на границе степи и лесостепи (район предгорий), некоторые – в контактной территории. Несмотря на такое деление, все памятники относятся к южноуральским культурам каменного века.

Территория степной зоны Южного Урала в плане изучения каменного века исследуется с 60-х годов XX века, однако осталось еще немало «белых пятен». Сегодня этот регион входит в зону распространения южнозауральской мезолитической, чебаркульской неолитической и кысыкульско-суртаидинской энеолитической культур Южного Урала. Археологические памятники расположены в бассейнах двух крупных рек: на востоке – реки Тобол, на западе – реки Урал.

Разведочными работами, проводившимися в разные годы, выявлено около 150 памятников, относящихся к различным периодам каменного века (рис. 1.1). Большинство из известных степных стоянок, как правило, не имеет значительного по мощности культурного слоя и представлено подъемны-

ми сборами. Исследованных раскопами памятников для каждой эпохи каменного века – единицы.

Материалы эпохи палеолита происходят преимущественно из бассейна реки Урал. К раннему палеолиту относятся стоянка Богдановка, расположенная на левом берегу реки Урал в Кизильском районе Челябинской области (Широков, 1989. С. 162–165), и стоянка Мысовая на западном берегу озера Карабалыкты в Абзелиловском районе Республики Башкортостан (Матюшин, 1973. С. 67–76). На стоянке Богдановка были проведены зачистка берегового обрыва и подъемные сборы, на стоянке Мысовая палеолитические материалы происходят из нижнего слоя, перекрытого слоями мезолита, неолита и энеолита. Оба памятника исследователи относят к эпохе мустье.

Верхнепалеолитическая эпоха представлена местонахождениями Ириклинские I–V, которые расположены на Ириклинском водохранилище на левом берегу реки Урал, в Орском районе Оренбургской области (Петрин, 1985. С. 35–40), и слоями в пещерах Смеловская I и II (Бадер, 1971. С. 200–208). В Тобольском бассейне на высоком коренном берегу реки Синташта В.С. Мосиным и В.И. Зантовым были обнаружены крупные мастерские верхнепалеолитического времени. Находки залегали как на поверхности, так и в желто-красной глине на глубине до 1 м и представлены в основном пренуклеусами, заготовками и отщепами.

Обобщающих работ по палеолиту Южного Урала пока нет, хотя появившиеся новые материалы позволяют это сделать.

Южнозауральская мезолитическая культура в южной степной части граничит на западе с романовской культурой Предуралья, на востоке – с единичными памятниками мезолита Кустанайской области Казахстана, для которых археологическая культура еще не выделена. Южное направление пока остается неисследованным.

Выделенная ранее янгельская культура содержит смешанные материалы мезолита, неолита и энеолита и сегодня неактуальна. Памятники этой культуры были исследованы на очень небольшой территории на берегах рядом расположенных озер – Чебаркуль, Бабное, Карабалыкты, Узункуль. В непосредственной близости находятся основные на Южном Урале выходы на поверхность кремнистых пород, которыми буквально

усыпаны окружающие отроги восточного склона и берега озер. Территория активно обжигалась во все эпохи каменного века. Материалы стоянок в подавляющем большинстве неизбежно смешаны и не отражают истинные характеристики мезолитической эпохи. Нуклеусы стоянок Янгелька, Якты-Куль и Кусимовская (Матюшин, 1976. С. 339, 340, 344, 347) не соответствуют параметрам микропластинчатой техники. Ретушь, которой оформлены орудия на пластинах, крупная, часто по двум граням со стороны спинки или брюшка (Матюшин, 1976. Табл. 24, 26, 28; Табл. 25, 23, 29, 31, 33, 36, 38, 39; Табл. 39, 1, 2; Табл. 40, 8, 19, 28, 29–33; Табл. 42б, 16, 17, 18, 20, 22 и др.). Острия, сверла и развертки обработаны крутой противоположающей или двусторонней ретушью, оформляющей характерный рабочий край (Матюшин, 1976. Табл. 24, 22, 23, 25, 26–28, 33; Табл. 32, 7, 9; Табл. 41, 5, 10, 11, 13, 15, 16, 20, 21; Табл. 48, 1, 2, 9, 16, 24). Часть скребков на отщепе типологически характерны для материалов более поздних эпох (Матюшин, 1976. Табл. 27, 2, 10, 22, 33; Табл. 33, 15, 18, 24, 26; Табл. 38, 13, 14, 21). В целом материалы янгельской культуры не отражают типологического единства каменного инвентаря, характерного для мезолитических памятников всего Зауралья. Указанные отличительные черты являются признаками присутствия материалов эпохи неолита и, возможно, энеолита, поскольку эти типы орудий чаще всего встречаются в неолитических памятниках не только Южного, но и Среднего Зауралья, а отмеченные типы скребков характерны для энеолита и Зауралья и Северного Казахстана.

Мезолитическая эпоха сменяется эпохой неолита, представленной памятниками чебаркульской культуры. Неолитические стоянки известны на всех реках и озерах степной зоны, но нуждаются в серьезных дополнительных исследованиях. Энеолитическое время характеризуется кысыкульско-суртандинской культурой, которая завершает процесс развития каменного века на Южном Урале. Культуры мезолита, неолита и энеолита генетически связаны между собой и представляют единую линию в развитии автохтонного населения Южного Урала.

Представленные в настоящей главе новые материалы по каменному веку степной зоны закрывают некоторые «белые пятна» и помогают в понимании процессов культурогенеза, происходивших в южноуральских степях в раннем голоцене.

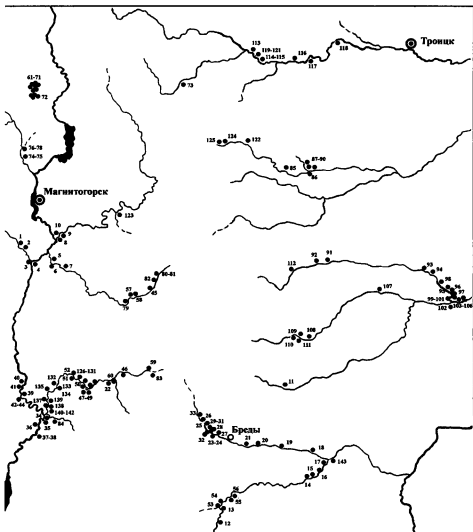

Рис. 1.1. Карта памятников каменного века степного Зауралья.

1. Искра; 2. Урал II; 3. Янгелька II; 4. Янгелька IV; 5. Черноотрог; 6. Светлогорск I; 7. Светлогорск II; 8. Янай; 9. Кривое Озеро; 10. Агаповка I; 11. Княжеская II; 12. Бирсуат IV; 13. Бирсуат X; 14. Бирсуат XVI; 15. Бирсуат XIX; 16. Бирсуат XX; 17. Марининский II; 18. у с. Андреевское; 19. Восточное I; 20. Восход I; 21. Октябрьское II; 22. Александровка I; 23. Синташта VIII; 24. Синташта X; 25. Синташта XX; 26. Синташта VI; 27. Синташта XIX; 28. Мирный I; 29. Мирный III; 30. Мирный IV; 31. Синташта V; 32. Синташта X; 33. Рыбинская I; 34. Ершовский Утес; 35. Елганкин Дол; 36. Первая Ледянка; 37. Богдановская I; 38. Богдановская II; 39. Соколки; 40. Соколки ХII; 41. Соколки XVIII; 42. Грязнушеская I; 43. Грязнушеская II; 44. Грязнушеская; 45. Заря I; 46. Черкасы I; 47. Кондуровка I; 48. Кондуровка II; 49. Кондуровка III; 50. Кондуровка IV; 51. Кондуровка V; 52. Измайловская; 53. Поперечная I; 54. Поперечная II; 55. Наследница I; 56. Наследница II; 57. Лебяжье I; 58. Сарым-Саклы; 59. Песчаный Брод; 60. Усть-Утяганская; 61. Лагерная; 62. Большой Бугодак I; 63. Большой Бугодак II; 64. Большой Бугодак III; 65. Большой Бугодак IV; 66. Большой Бугодак V; 67. Большой Бугодак IX; 68. Большой Бугодак XII; 69. Боль-

§ 2. Материальная культура: новейшие исследования

1. Кремнистое сырье степного Зауралья

Одной из важных проблем в изучении каменного века любого региона является определение источников сырья для изготовления орудий древним населением, путей его распространения по территории той или иной археологической культуры и возможности использования в различные археологические периоды. На Урале подобные исследования до сих пор были единичны (Сериков, 1988), на Южном Урале вообще не проводились. Как правило, исследователи предполагают использование в качестве сырья для изготовления орудий плиток и галечников с отmelей рек и озер и т. д., вплоть до «специальных экспедиций» за сырьем в районы распространения кремнистых пород и минералов. Отдельной проблемой являются разночтения в названиях пород сырья – или яшма, или кремнь, или еще что-то. Традиционно для уральской археологии большинство исследователей определяет сырье Южного Урала обобщенно – южноуральская яшма, хотя это далеко не всегда так.

Существуют общепринятая классификация и номенклатура кремнистых образований (Хворова, 1983. С. 163–177). Породы, основной составляющей которых является аутигенный кремнезем, определяются как кремнистые, или силлиты. В каменном веке в Уральском регионе использовались кремнистые образования халцедон-кварцевой группы палеозоя.

Классификация силлитов основана на их минеральных, химических, структурных и текстурных особенностях. К силлитам обычно относятся породы с 50%-м и более содержанием кремнезема. В нашем случае рассматриваются седиментационные и постседиментационные силлиты палеозоя. Материал, с которым имеют дело археологи, представ-

лен кремнистыми породами и составляющими их минералами. Кремнистые породы иногда называют просто – кремни (кремь).

Седиментационные силлиты. К этой группе относятся: фтаниты (лидиты) – темные, иногда почти черные образования, которые в археологии обозначаются как черный кремнь. Это твердые породы с блестящим стекловатым, шелковистым или матовым блеском, с прямым или чаще раковистым изломом. Текстура их однородная, четко слоистая или неясно слоистая, что связано с неравномерным распределением минеральных примесей и органических остатков. Обычно порода очень тонко раскристаллизована. Существенной составной частью фтанитов являются халцедон, и поэтому такие породы иногда определяются как халцедонолиты. Органические остатки в одних случаях отсутствуют или редки, в других – являются породообразующими. Содержание кремнезема различно и достигает 95%. Наиболее обычна примесь глины, в некоторых толщах, кроме того, присутствует карбонатный материал. Спорадически наблюдается кластический материал. Фтаниты обладают некоторыми особенностями состава – в них повышено содержание органического углерода (до нескольких %), вследствие чего железо находится в закисной форме, обычно пиритной. Часто отмечаются фосфатизация и повышенные значения *V*, *Mo*, а иногда *Сu* и *As*. При длительном выветривании, особенно на пенеплене, фтаниты обесцвечиваются и происходит патинизация. Плотность их – 2,382–2,741, пористость – 1,33%.

Фтанитоиды – внешне похожи на фтаниты, но менее темные, обычно с синеватым, голубоватым и зеленоватым оттенками. Археологами часто обозначаются как яшма различных оттенков – серая, серо-зеленая и т. п. Основные структурные и текстурные особенности у них тоже сходны, но фтанитоиды несколько лучше раскристаллизованы. Присутствуют органические остатки. Общий химический состав тот же, что и у фтанитов, но

шой Бугодак XIII; 70. Большой Бугодак X; 71. Большой Бугодак; 72. Малый Бугодак IV; 73. Курасан II; 74. Черников Брод I; 75. Черников Брод II; 76. Пещера Смеловская I; 77. Пещера Смеловская II; 78. у Смеловских пещер; 79. Кабхак VII; 80. Еленника IV; 81. Еленника V; 82. Еленника VI; 83. Верхнекараганская; 84. Малая Караганка; 85. Бородиновка II; 86. Тесткан II; 87. Тесткан III; 88. Дружный XV; 89. Дружный IV; 90. Дружный XIV; 91. Котенно; 92. Кулевни Б; 93. Кулевни I; 94. Александровка II; 95. Александровка I; 96. Арчеги III; 97. Арчеги IV; 98. Арчеги V; 99. Арчеги I; 100. Усть-Караталы I; 101. Усть-Караталы II; 102. Усть-Караталы III; 103. Усть-Караталы IV; 104. Арчеги IV; 105. Новая Владимировка; 106. Николаевка II; 107. Николаевка VI; 108. Николаевка VIII; 109. Карагайлы XIV; 110. Карагайлы XVIII; 111. Карагайлы XXI; 112. Карагайлы XII; 113. Гириал II; 114. Путиловская Замка; 115. Уйская I; 116. Уйская II; 117. Подгорное V; 118. Подгорное I; 119. Осиповка II; 120. Стрелецкая I; 121. Стрелецкая II; 122. Стрелецкая III; 123. Бахта; 124. Тогузак I; 125. Рыбное I; 126. Рыбное III; 127. Каменный Дол; 128. Новокудуровская; 129. Лымонов Дол I; 130. Лымонов Дол II; 131. Лымонов Дол III; 132. Амамбайка; 133. Ждановка I; 134. Ждановка II; 135. Ждановка III; 136. Ждановка IV; 137. Ждановка V; 138. Разбейка; 139. Двадцать Третья Балка I; 140. Двадцать Третья Балка II; 141. Двадцать Третья Балка III; 142. Горное Озеро; 143. Марининское.

в среднем содержание органического углерода и фосфора ниже, а марганца – выше. Все отмеченные отличия прямо или косвенно связаны с уменьшением органического вещества: чем меньше его, тем меньше сходства с фтанитами.

Собственно **яшмы** – твердые породы с раковистым изломом, шелковистым или матовым блеском, чаще разных оттенков красного цвета, зеленые или пестроцветные – красные тона чередуются с зелеными, желтыми, лиловыми. Изредка встречаются темно-коричневые и почти черные тона, образующие линзы и пятна среди красного или зеленого цвета. Текстура однородная, хаотическая (или притупленно) пятнистая, слоистая и неяснослоистая. Структура – от тонко- до мелкокристаллической. Органические остатки либо редко рассеяны в породе, либо являются породообразующими. Часто наблюдается тонкое чередование биоморфных прослоев и прослоев с редкими органическими остатками или без них. Содержание кремнезема варьирует в широких пределах и достигает 95–97%. Примесь обычно является глинистой и карбонатное вещество, причем в палеозойских формациях яшмы бескарбонатны. Некоторые особенности химического состава резко отличают яшмы от фтанитов. В яшмах железо представлено в окисной форме (гематит, гетит). Причем его содержание иногда достигает значений, при которых порода уже квалифицируется как железистая. Углерод и фосфор в яшмах почти отсутствуют, но содержание марганца, как правило, превышает средние значения для осадочных пород и распределение его в породе неравномерно. Плотность яшм 2,67–2,92, пористость – менее 0,12%.

Новакулиты («арканзасский камень») – молочно-белые породы с полураковистым изломом и матовым блеском. У археологов – белый кремь. Для них характерен близкий размер породообразующих частиц (обычно в пределах 15–25 мк) и плотная их упаковка. Минеральный состав кварцевый. Халцедон обычно присутствует в незначительном количестве. Органических остатков мало. Новакулит – самая высококремнистая порода: содержание кремнезема достигает 99% и более. Кроме типичного новакулита, выделяется и субновакулит, отличающийся менее однородной структурой и составом; в нем отмечается алевроитовая примесь и включения пирита и гематита.

В каменном веке использовались и **минералы**, такие как халцедон, опал, кварц и хрусталь, которые присутствуют в природе как в чистом виде, так и являются составляющими кремнистых пород.

Кремнеобломочные породы представлены брекчиями, конгломератами, гравеллитами и пес-

чанниками, меньшее значение имеют алевролиты. Обломочные фтаниты и фтанитоиды (реже яшмы) известны среди палеозойских толщ. Состоят такие породы из обломков силицитов, без примеси или с незначительной примесью другого материала. Обломки имеют различную окатанность и сортировку. Связующей массы, как правило, мало, и она тоже кремнистая. Текстура разная, часто гравитационная. Иногда отмечаются текстуры, характерные для подводных оползней.

Постседиментационные силициты. В природе широко распространены. Эти кремнистые образования обычно представлены конкрециями, часто приурочены к определенным горизонтам, иногда переходящим в сплошные кремниевые линзы и пласты. Конкреции имеют различный минеральный состав: опалкristобалитовый, кварцхалцедонкristобалитовый, кварцхалцедоновый, встречаются зонарные конкреции с кварцевым ядром и внешними зонами из кристобалита, иногда с халцедоном и включениями кристобалита и кальцита. Конкреции возникают в осадках и в породах разного состава. Структура конкреционных кремней, их форма и процесс формирования во многом определяются характером вмещающих пород. Особенно часто кремниевые конкреции присутствуют в карбонатных породах. Состоят они из халцедона и кварца, реже – кристобалита и халцедона. Структура вмещающей породы определяет таковую у кремней. Например, в песч. мелу последние (они получили название «флинтов») – микрокристаллические однородные и имеют глобулярную или агрегатно-глобулярную микроструктуру. Внешние флинты – плотные, часто зонально-полосчатые, с характерным жирным блеском на раковистом изломе. В тонких осколках они полупрозрачны и имеют острые режущие края. Конкреции флинтовых силицитов встречаются в тонкозернистых известняках. Они менее равномерно раскристаллизованы, и в них появляются участки с кристалломорфной микроструктурой. В известняках первично неоднородных кремни неравномерно и более крупно раскристаллизованы, в них обычно хорошо различимы очертания органических остатков, оолитов и других породообразующих частиц. Иногда в кремнях заметны ромбы доломита. Меньшее значение имеют гипергенные кремнистые образования, и их развитие характерно для определенных палеоклиматических обстановок. В областях теплого гумидного климата в зоне поверхностного выветривания происходила декальцизация окремненных известняков с образованием пористых высококремнистых пород.

Развитие Уральской складчатой горной системы происходило на протяжении сотен миллионов лет, и ведущую роль при этом играла тектоника и сопровождавший ее вулканизм. В палеозойскую эру большинство вулканов в Уральском регионе было морскими, поэтому продукты вулканической деятельности перемешиваются с осадками, накопившимися в тех же бассейнах. Обширный палеоокеан был распространен к востоку не меньше чем на 1500 км. В конце палеозоя начинается подъем суши. Море отступает. Породы, находившиеся под водой, выходят на поверхность. Их громадные толщи, сложенные морскими, континентальными и вулканическими породами, превращаются в высокие Уральские горы с заснеженными вершинами, которые протянулись с севера на юг почти на 2500 км. Образование горной системы сопровождается внедрением интрузивных магматических тел различного состава (Левит, 2001. С. 17–20).

При этом, несмотря на региональную общность Уральского горного сооружения, по совокупности признаков (составу и происхождению горных пород и степени тектонической раздробленности) Урал разделяется на ряд крупных структурно-формационных зон (рис. 1.2). Все они сформировались в палеозойское время. С запада на восток выделяются:

- I. Предуральский прогиб. Восточная окраина Русской платформы. Западноуральская внешняя зона складчатости.
- II. Центрально-Уральское поднятие.
- III. Магнитогорский прогиб (Магнитогорский вулканический пояс).
- IV. Восточноуральская зона прогибов и поднятий.
- V. Зауральское поднятие.
- VI. Тюменско-Кустанайский прогиб.
- VII. Казахстанские структуры.

Наибольший объем силикатов, залегающих среди других палеозойских пород в виде прослоев, линз и собственно толщ, содержится в Западно-Уральской зоне складчатости (кремнистые сланцы); Магнитогорском прогибе (кремни, яшмы, туффы); Восточно-Уральской зоне прогибов и поднятий (красные яшмы). Таким образом, практически во всех центральных структурных зонах Южно-Уральского региона развиты палеозойские образования, содержащие в своем составе кремнистые породы. Материал последних перемещался *естественным* путем в мезо-кайнозойское время

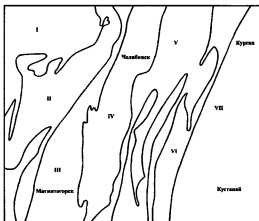

Рис. 1.2. Схема структурно-формационного районирования Южного Урала

как по вертикали (сверху вниз), так и по латерали (горизонтально) – в Южном Зауралье – с запада на восток.

Развитие Уральского горного сооружения в палеозое, разделившее его на соответствующие геологические структуры, и дальнейшая мезокайнозойская история со свойственной для нее тектоникой и климатом определили и его геоморфологическое строение. В мезо-кайнозойское время Урал претерпел значительные изменения в своем строении и трансформировался на определенные геоморфологические области и районы, в принципе соответствующие палеозойским геологическим структурам. В региональном плане Урал разделяется на ряд крупных геоморфологических областей: Русская равнина (I), Урал – зона кража (II–III), Урал – зона пенеппена (IV), Западно-Сибирская низменность (V) (рис. 1.3). Все эти районы вытянуты в субмеридиональном направлении в соответствии с общепалеозойскими геологическими структурами (Сигов, Шуб, Гузовский и др., 1968. С. 21–35).

Чтобы лучше понять сущность поднятой проблемы, необходимо рассмотреть этапы развития Уральского региона также в мезозое и в кайнозое.

Мезозойско-нижнепалеогеновый этап (240–40 млн. лет назад) характеризовался относительной тектонической стабильностью Урала и медленным погружением Зауралья, обусловленным трансгрессией моря на востоке. В это время был теплый и жаркий климат, преимущественно влажный, но в отдельные времена засушливый. Этому

этапу отвечает образование регионального пенеплена, в условиях которого образовалась крупная формация мезозойской коры выветривания каолинитового типа. При этом происходило неравномерное (селективное) выветривание домезозойских пород. Наиболее активному выветриванию подвергались алюмосиликатные породы (вулканогенные, терригенные, метаморфические, интрузивные и т. п.), которые и образовывали мощ-

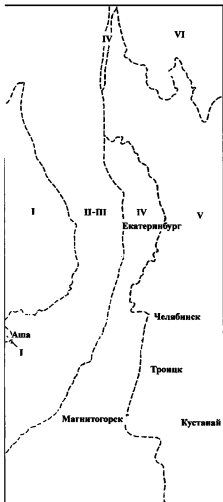

Рис. 1.3. Геоморфологические области Урала (по А.П. Сигову, 1969)

ные глинистые химические коры выветривания. Кремнистые породы, очень устойчивые к такому выветриванию, почти не участвовали в этом процессе. Они лишь незначительно растрескивались, в них образовывались каверны и т. п. Карбонатные же породы весьма активно подвергались деструктивным процессам: растворению и выщелачиванию с образованием различных карстовых форм — полостей, воронок, пещер, полей, а также линейно вытянутых на большие расстояния каньонообразных понижений, так называемых структурно-эрозийных депрессий, ориентированных в субмеридиональном направлении, согласно с общеуральскими геологическими структурами (рис. 1.4). Карстовые формы заполнялись переносимым с возвышенных частей рельефа глинистым материалом кор выветривания. Сюда же поступал и материал силицитов из зон тектонической раздробленности и физического выветривания в виде глыб, плиток и щебня. В Зауралье накапливались морские и прибрежно-морские осадки мезозоя, перекрывая вышеотмеченные континентальные образования осадочной формации.

Верхнепалеогеновый тектоноклиматический этап (40 — 35 млн. лет назад) характеризуется общим незначительным поднятием Урала и изменением движений в Зауралье с отрицательных на слабо положительные. В это же время существовал умеренно теплый и влажный климат, который способствовал образованию маломощной коры выветривания каолиново-гидрослюдистого типа по схеме выветривания палеозойских пород, аналогичной мезозою. Речная сеть этого этапа на западном склоне Урала наследует мезозойские структурно-эрозийные депрессии субмеридионального направления, перемывая и переоткладывавая материал последних и добавляя новый. На Восточном склоне и в Зауралье фрагменты олигоценных долин часто вытягиваются в субширотном направлении, прерывая отложения мезозойских рек в местах пересечения с ними (рис. 1.5).

Нижнеогеновый этап (35—10 млн. лет назад) характеризовался относительным тектоническим покоем региона и проявился главным образом как этап климатический. В условиях своеобразного засушливого климата с сезонами ливневых дождей происходили интенсивный плоскостной смыв более древних, ранее образованных рыхлых отложений с возвышенных частей рельефа и заполнение вновь образующимися осадками прилегающих низин. Так образовалась нижнеогеновая поверхность выравнивания, с которой связана формация осадков педиплена (сочетание денудационных и аккумулятивных поверхностей и форм

рельефа). На равнинах Предуралья и Зауралья были развиты водосмы озерного типа. Осадки этих водоемов были объединены в осадочную формацию нижне-неогеновых бассейнов. Нижне-неогеновая речная сеть западного склона Урала наследовала древние речные артерии, о чем свидетельствует приуроченность аллювиальных отложений этого времени к мезозойским и палеогеновым долинам.

Последний верхне-неоген – четвертичный этап (10 млн. лет назад) своеобразен как в климатическом, так и в тектоническом отношении. Сильное похолодание климата вызвало оледенение. Образовавшиеся ледниковые и водно-ледниковые отложения объединены в виде осадочной ледниковой четвертичной формации. К ней же относятся перигляциальные отложения. Кроме этого, рассматриваемый этап характеризовался повсеместным оживлением тектонических движений преимущественно положительного знака. Вследствие этого на восточном склоне Урала происходит перестройка речной сети, принявшей современные очертания, на западном – вновь врезание рек в ранее образованные (мезозойско-неогеновые) широкие речные днища субмеридиональных направлений. Верхне-неогеновые и четвертичные отложения – аллювиальные (пойменные и террасовые), делювиальные, озерные, золовые и другие – составляют осадочную формацию верхне-неоген-четвертичных эрозионных циклов.

Таким образом, в период описанных выше геологических событий Урал разрушался под воздействием денудационно-эрозионных процессов с образованием так называемых поверхностей выравнивания различного генезиса (денудационные, аккумулятивные, эрозионные), расположенных на разных гипсометрических уровнях. Более высокие уровни (вершины хребтов, гор и отдельных возвышенностей и т. п.) занимают породы наиболее устойчивые к химическому выветриванию – кварцевые песчаники, кварциты, кремнистые образования. На низких уровнях это были легко выщелачивающиеся карбонатные породы с различными карстовыми формами рельефа. Поверхности с древними корами выветривания занимали некоторое промежуточное положение.

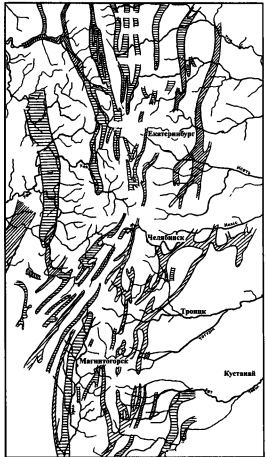

Рис. 1.4. Мезозойские структурно-эрозионные депрессии Урала (по А.П. Сигову, 1969)

Нахождение кремнистого сырья в природе разнообразно, но подчинено определенным геологическим позициям. Это можно представить в виде следующего ряда: 1) в коренном залегании на хребтах, увалах и отдельных вершинах в виде скальных, гребешковых выходов и развалов глыб, плиток и щебня; 2) элювиально-делювиальные незначительно перемещенные образования в при-вершинных частях и на горных террасах в виде фрагментов среди задернованной поверхности; 3) делювиальные, пролювиальные образования в виде обломочного материала различных форм

Рис. 1.5. Верхнепалеогеновые долины Урала (по А.П. Ситову, 1969)

и размеров, перемещенные на склоны и к подножиям под действием сил гравитации и гидродинамики, образующие своеобразные шлейфы вокруг положительных форм рельефа; они часто сцементированы глинистым материалом; 4) перемещенные и отложенные обломки в озерных ваннах и долинах рек.

В процессе перемещения обломочного материала по описанной схеме происходила его естественная «абразивная» обработка – от грубообломочной, трещиноватой и кавернозной до хорошо окатанных, отшлифованных валунов и галек различных размеров и форм, удобных для употребления их при изготовлении орудий.

Особенно хорошая обработка происходила при переносе речными потоками, когда обломочный материал переносился на весьма большие расстояния, до нескольких десятков и сотен километров. Во всех случаях перемещения обломочного кремнистого материала происходило его уменьшение в размерах и увеличение коэффициента окатанности. Эталонном может служить окатанность кварцитов и монокристаллического кварца в зависимости от пройденного пути, поскольку они обладают близкой константой гипергенной устойчивости в зоне переноса (Шило, 1981. С. 11–17), как и кремнистые породы (Кленовицкий, Нестерова, Разумихин, 1962. С. 513) (рис. 1.6). Мезозойско-кайнозойские образования полигенеза в процессе описанных выше событий подвергались неоднократно перемыву, переносу и перетолжению материала каждого предыдущего этапа, дополняясь вновь поступающим. Плитки окатывались до уплощенных галек, удлинённый материал преобразовывался в эллипсоидные гальки, изометричные обломки и конкреции образовывали относительно круглые гальки.

К моменту появления первого человека рельеф Урала сформировался и практически не изменился до настоящего времени, претерпев лишь незначительные деформации в четвертичное время. В мезо-кайнозойский временной период в долинах рек всегда существовали русловые, косовые, пляжевые, пойменные и террасовые отложения, которые и по сей день содержат в своем составе кремнистые обломки в тех или иных количествах.

Авторами настоящей исследования был проведен анализ накопленного археологического материала и кремнистого сырья Южного Урала в контексте с геологическим и геоморфологическим его строением. При полевых работах проводились обследования в районе города Магнитогорска; от города Верхнеуральска на севере – до поселка Агаповка на юге; от передовых хребтов Восточного склона Урала вблизи озер Банное, Сабакты, Карабалыкты на западе – до города Магнитогорска на востоке.

Археологические исследования на озерах Банное, Сабакты и Карабалыкты в разные годы проводились Г.Н. Матюшиным (Матюшин,

1976; 1982). Выявлено около 30 стоянок, относящихся к различным периодам каменного века – от палеолита до энеолита.

На озере Карабалыкты известно 15 стоянок. Наиболее ранние находки, относящиеся к эпохе ашель–мустье, обнаружены на стоянке Мысовая (Карабалыкты III). Изделия изготовлены из темно-серого и черного кремня и покрыты глубокой патиной. На стоянке раннего неолита Карабалыкты V черный кремень и темно-синие породы кремня и яшмы составляют 91,12% (Матюшин, 1976а. С. 37–56). На неолитической стоянке Карабалыкты I большая часть каменного инвентаря представлена изделиями из черного, темно-синего кремня и зеленой яшмы (Матюшин, 1969. С. 91–101). На стоянке позднего неолита Ташбулатово I доля черных и темно-серых пород кремня составляет 56, 77%, красной яшмы – 7,4%. На энеолитической стоянке Карабалыкты IX сырье распределяется следующим образом: черный кремень – 41,4%, серый – 33,1%, красная яшма – 9,5%, пестрые яшмы – 6,7%, зеленые – 3%, сургучная – 1,1% и т.д. (Матюшин, 1982. С. 81). На стоянке Сабакты III доля черных и темно-серых кремней составляет 47, 92%. Темный кремень является преобладающим и для других стоянок озер Банное и Сабакты.

Таким образом, для изготовления орудий население приозерных территорий в эпоху палеолита–энеолита предпочитало фтаниты и фтанитонды (черный и темно-серый кремень) и в меньшей степени зеленую и сургучно-зеленую яшмы (Матюшин, 1976. С. 141; 1982).

Указанный район расположен в пределах структурно-формационных зон: Центрально-Уральского поднятия и Магнитогорского прогиба, сложенных породами палеозоя, в геоморфологическом отношении – на остаточных горах восточного склона Урала и приподнятом Зауральском пенеппле (рис. 1.7). Обследовался хребет субмеридионального направления северо-западнее поселка Кусимово. Вершинная часть хребта сложена скальными гребешковыми выходами и развалами глыб и щебня кремнистых пород. Среди них наблюдались практически все их виды: сургучно-красные, пестроцветные, красно-зеленые яшмы, черные фтаниты, серые, зеленовато-серые фтанитонды, светлые до белых новакулиты. Структура их аморфная, субмикроструктурная или микроструктурная. Текстуры: однородные, хаотичнопятнистые, четкослоистые, неяснослоистые. Ниже по склону и у подножия распространены преимущественно перемещенные глыбы, плитки и щебень вышеописанных пород в виде фрагментов скоплений среди задернованной и слабо залесенной поверхности.

Был обследован увал восточнее поселка Ташбулатово, имеющий субмеридиональное направление. Вершинная часть его сложена складчатыми кремнистыми породами в виде небольших скальных фрагментов, гребешковых выходов и скоплений глыб, щебня и плиток среди слабо задернованной поверхности. Кремнистые породы представлены черными однотонными фтанитами; тонкослоистыми фтанитами, слоистость обусловлена наличием тонких (от долей мм до 1 мм) светлых параллельных полосок на фоне основной черной массы; фта-

Кварцит

20 км	25 км	30 км	40 км	55 км	70 км	90 км	110 км	130 км	180 км	230 км

Монокристаллический кварц

Исх.	5 км	15 км	20 км	30 км	40 км	55 км	70 км	85 км	125 км

Рис. 1.6. Эволюция форм гальки в зависимости от пройденного пути

нитками голубовато-серыми; грубослонистыми фтанитондами, слоистость обусловлена наличием светло-серых (до белых) полосок (до 1 см) среди серой основной массы; яшмами пестроцветными, неравномернопятнистыми с нечеткими границами, зеленовато-серыми с сургучно-красными пятнами, серыми с сургучно-красными пятнами; сургучно-красными тонкослонистыми, слоистость обусловлена наличием тонких (доли мм) светлых полосок; однотонными сургучно-красными. В целом преобладают фтаниты и фтанитонды, в меньшей степени присутствуют яшмы, а сургучно-красные имеют подчиненное значение в виде маломощных (до 10 см) линзовидных прослоев, достигающих в длину 2–3 м. Вниз по склону и у подножия увала эти породы встречаются в виде высыпок глыбок, плиток и щебня среди слабо задернованной или распаханной поверхности.

Гора Зепа, восточнее поселка Биккулово, в южной части имеет искусственный субвертикальный уступ, вскрывающий складчатый фундамент, сложенный вышеописанными кремнистыми образованиями, интенсивно трещиноватыми.

Западнее озера Северные Улянды увал с абс. отм. 525,4 в южной части, южнее железной дороги, вскрыт карьером размером около 100х50 м. Здесь наблюдаются преимущественно сургучно-красные и пестроцветные яшмы в коренном залегании и в виде щебня и глыб.

Гора Кылыскыр, западнее озера Южные Улянды, в виде увала с абс. отм. 545,3 м субмеридионального направления сложена яшмами пестроцветными, серыми с сургучно-красными пятнами, светлыми желтовато-серыми фтанитондами в виде глыб в вершинной части и на склонах среди задернованной поверхности и кустарниково-древесной растительности. Породы плохого качества, сильно трещиноваты.

Гора Малый Кизил в виде субмеридионального увала с абс. отм. 417,5 и 412,6 м в вершинной части сложена глыбовыми выходами пестроцветных красно-зеленых и сургучно-зеленоватых яшм среди задернованной поверхности.

Кроме этого района были обследованы еще несколько участков. Южнее поселка Самарского на возвышенной части рельефа (левый борт долины р. Узельга) карьером размерами около 200х200 м, глубиной около 100 м вскрыты сургучно-красные яшмы.

В правом борту долины реки Гумбейки в районе поселка Первомайский – возвышенные части рельефа с глыбовыми выходами сургучно-красной яшмы среди задернованной поверхности. По-

ниженные части рельефа буквально усыпаны ее щебнем. В правом борту реки Гумбейки севернее поселка Аблязово увалы субмеридионального направления в вершинных частях сложены небольшими скальными выходами и глыбовыми развалами сургучно-красной яшмы. В этом районе исследовалась стоянка раннего энеолита Агаповка I.

Общим для выходов коренных, элювиальных, элювиально-делювиальных и делювиальных кремнистых пород в большинстве случаев является их плохое качество, они трещиноваты, кавернозные, патинизированы и т. п., а также здесь отсутствуют следы какой-либо деятельности древнего человека. Однако несомненным является тот факт, что Магнитогорская зона на протяжении мезо-кайнозоя и до настоящего времени является поставщиком кремнистых пород, которые слагают здесь господствующие высоты и с которых они *естественным* путем под действием денудации попадали и попадают в гидродинамические обстановки рек и озер восточного склона Урала и Зауралья и использовались в различные археологические периоды, начиная с палеолита.

Также подробно были обследованы долины рек Кирса, Малый Кизил, Аналык (рис. 1.7). Все они являются притоками реки Урал и относятся, согласно схеме районирования территории Южно-Уральской серии для четвертичных отложений, к Урало-Гумбейской зоне, которая расположена в пределах Магнитогорского прогиба с развитыми в ней породами палеозоя и геоморфологически принадлежит Зауральскому пенеплену. Общим для всех этих рек является то, что они берут начало с возвышенных частей рельефа Центрально-Уральского поднятия, где развиты кремнистые породы; наследуют древние мезозойско-палеогеновые долины, отложения которых в виде реликтовых останцов и высыпок обломочного материала наблюдаются в бортах долин. Четвертичный аллювий представлен пойменно-старичным комплексом, прорезанным современными руслами, то есть с палеогена до настоящего времени реки находятся в инстативной фазе развития (врезания), углубляясь и сужаясь. В русловых, иногда пойменных, и в террасовых отложениях содержится большое количество обломочного материала кремнистых пород разной величины (от долей см до глыб) и разной степени окатанности (от остроугольных до хорошо окатанных). Это говорит о том, что постоянно кремнистые породы поступали и поступают в сферу действия гидродинамических обстановок рек, подвергаясь неоднократному переносу и перестроению. Поймы их

широкие, достигающие 1–1,5 км, среди которых русла современных рек интенсивно меандрируют, имеют многочисленные старицы, как обводненные, так и сухие. Долины рек с четко выраженными первыми надпойменными террасами с отвесными и наклонными уступами, бровками и тыловыми швами, примыкают к коренным склонам, сложенным более древними палеозойско-мезозойско-кайнозойскими образованиями. В уступах террас, в основании, часто фрагментарно наблюдается палеозойский цоколь. Иногда они постепенно переходят в пойму. Террасы и их элементы часто осложнены поперечными логами, современными промоинами – как обводненными, так и суходолами. Лога преимущественно задерживаются, но иногда в их бортах и тальвегах фрагментарно наблюдаются плоские коренные выходы палеозойских пород.

Наиболее детально был обследован левый борт долины реки Малый Кизил от поселка Супряк до поселка Новосмеловка. Здесь был пройден маршрут вдоль бровки первой надпойменной террасы (рис. 1.7). Длина маршрута составила 7,9 км. Методика обследования сводилась к следующему: подробно описывались точки наблюдения на мысах, а между ними велись наблюдения по ходу. Точкам наблюдений присваивались порядко-

вые номера. В результате был составлен глазомерный план по маршруту обследования. Кроме того, таким же методом был пройден маршрут вкост долины реки от стоянки Черников Брод 1.

Долину реки Малый Кизил пересекают две толщи палеозойских пород. В юго-восточной части развиты вулканогенные породы. Далее до впадения реки Кирсы распространены известняки. Граница между этими толщами тектоническая и контролируется логом. Развитие этих двух толщ в долине реки Малый Кизил наложило свой отпечаток на геоморфологические элементы.

В пределах развития вулканогенных пород ширина долины около 4 км и ограничена горизонталями 380 м с обоих бортов. Ширина поймы около 1,5 км. Русло реки интенсивно меандрирует. В пойме наблюдаются старицы. Глубина водного потока в русле достигает 0,5 м. Дно песчаное. Площадка поймы покрыта растительностью и кустарником. Ширина площадки террасы от 20 до 300 м. Высота уступа первой надпойменной террасы колеблется от 4 до 6–8 м. Она чаще всего слабо наклонена в сторону русла. Уступ наклонен в сторону русла под углом 30–40 градусов. Все элементы террасы задерживаются и покрыты степным разнотравьем. Терраса и уступ часто осложнены поперечными логами с пологими

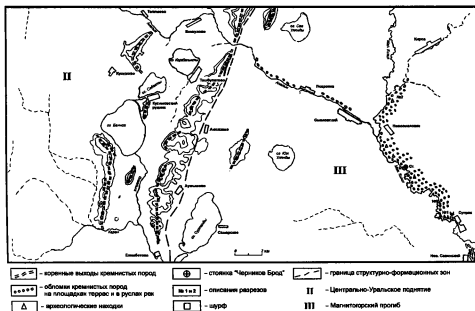

Рис. 1.7. Район исследований в Магнитогорской зоне

злупками задернованными, покрытыми степным энзотравьем склонами. Тальвеги логов чаще всего открыты луговыми травами.

В точке наблюдения 9 (рис. 1.7) хорошо выраженный в рельефе мыс, представляющий собой фрагмент первой надпойменной террасы, ограниченный обеих сторон пологими уступами, переходящими пойма. Уступ террасы со стороны реки отвесный, сложенный древними рыхлыми отложениями. Ширина обнаженной части 35 м, высота над урезом воды 4 м. Бровка уступа имеет выпуклую поверхность. Мыс длиной около 60 м, шириной тыловой части уступа около 30 м. Площадка имеет ровную толообразную поверхность, задернованную и поющую степным разнотравьем. Описание рыхлых сложенных (рис. 1.8):

1. Почвенно-растительный слой неравномерной мощности (5–20 см), выклинивающийся в стороны сопряжения с пойменным комплексом. Представляет собой почву с корнями травы и многочисленными мелкими обломками кварца, кварцита и различных кремнистых пород. Размер обломков от долей см до 2–3 см.

2. Глинисто-щебнисто-галечный горизонт переменной мощности (10–30 см) с волнистой нижней границей. Обломочный материал различной размерности (от см до 10 см), разной степени окатанности (от остроугольных до хорошо окатанных) и разной формы (эллипсоидной, плитчатой, прямоугольной и т. п.). Состав обломочного материала: кварциты, красная и пестроцветная яшма, фтаниты. Наибольшее количество обломков представлено кварцитами, которые имеют наилучшую окатанность и примерно одинаковую размерность;

фтаниты имеют размерность от первых долей см до 10 см, плитчатую и прямоугольную форму с завальцованными краями, они покрыты коричневой и белой патиной, являются наиболее качественным сырьем; фтанитонды серого и зеленовато-серого цвета редки и плохого качества, плитчатой и прямоугольной формы, часто неокатаны; яшмы различной размерности от 1 до 10 см, плитчатой формы или бесформенные, плохого качества.

3. Маршаллитоподобный материал (0,1–0,3 м) белого цвета с редкими завальцованными обломками тех же пород. Обломки сосредоточены преимущественно внизу слоя, имеют хорошую окатанность. Нижняя граница этого слоя неровная, часто прерывистая, форма тел линзообразная.

4. Коричнево-бурая глинистая кора выветривания алевролитов по вулканогенным породам, которые наблюдаются в свежем виде над урезом воды на уровне поймы (1,0 м – видимая).

5. Слоистые отложения. Слоистость обусловлена чередованием слоев до 4–5 см черного гумусированного и светлого материала слоя 3, обломочного материала нет (0,5 м).

6. Бурая супесь с многочисленными обломками отмеченных выше пород примерно одной размерности от 1 до 3 см, от неокатанных до хорошо окатанных, различной формы (0,3–0,4 м).

7. Буровато-серая супесь без обломков (0,3 м).

8. Современный свал под углом естественного откоса (2,0 м).

В целом поверхность мыса представляет собой фрагмент первой надпойменной террасы, аккумулятивно-эрозивной дождливой, сложенной древними мезозойско-неогеновыми образованиями, которые

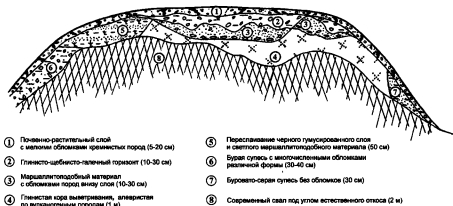

Рис. 1.8. Разрез фрагмента террасы реки Малый Кизил

представлены (снизу вверх) глинистой химической корой (4) выветривания; на ее размытую поверхность налагают реликты алапаевской толщи верхнего мезозоя (3). На размытую поверхность верхнего мезозоя налагают реликты отложений палеогена (2), содержащие наибольшее количество обломочного материала. С южной стороны в древние отложения «вложены» образования четвертичной первой надпойменной террасы. Верхняя часть их представлена слоистыми отложениями пойменной фации, в составе которых участвуют илестые осадки и перетолженный материал алапаевской толщи. В основании – материал русловой фации. С севера вложены аллювиальные отложения пойменной фации. Различный размер обломочного материала, различная его окатанность и состав говорят о неоднократном перемыве и переносе, то есть о циклическом его передвижении. Таким образом, рассмотренный выше разрез показывает, что кремнистый материал начал поступать в данный район еще в период около 140 млн. лет назад. Он периодически размывался водными потоками, цементировался глинной и практически до настоящего времени доступен для использования.

В зоне развития известняков ширина долины реки Малый Кизил до впадения в нее реки Кирса – 1,5 км и ограничена горизонталями 400 м. Пойма реки имеет здесь ширину около 1 км. Поверхность ее носит волнистый карстовый характер и покрыта луговой растительностью. Карстовые понижения округлой формы или линейно вытянуты, изогнуты и представляют собой отменявшиеся некогда русла в виде суходолов. Берега русла крутые и сложенные отложениями пойменного комплекса. Первая надпойменная терраса наблюдается фрагментарно. Она осложнена логами, которые образуют мысы. Кроме того, здесь наблюдаются мысы, образованные путем естественных изгибов. В первом случае на уступе, вблизи бровки террасы и в поперечных логах часто наблюдаются коренные выходы известняков. Во втором случае уступ террасы постепенно переходит в пойму. Таким образом, терраса реки Малый Кизил в обследованной части является эрозионно-аккумулятивной, как и на всех перечисленных выше реках. Площадки их представляют собой древние размытые поверхности, на которых наблюдаются реликты в виде коренных выходов палеозойских пород, на которых наблюдаются высыпки разной величины и окатанности кремнистых обломков из древних водосоедов. В левом борту долины реки Малый Кизил обломки кремнистых пород наблюдаются на расстоянии 3 км от его русла. Кроме того, по маршруту вдоль бровки террасы – подъемный материал в виде сколов, отщепов, пластинок и изделий из них.

Детально обследована и долина реки Кирса по левому борту от юго-западной окраины одноименного поселка до впадения в реку Малый Кизил. Здесь реки имеют практически единую долину. У них разделены только русла и поймы невысоким увалистым возвышенным участком. Ширина поймы реки Кирса около 2 км. Уступ первой надпойменной террасы нарушен широким конусообразным логом. Отчетливо терраса наблюдается лишь севернее поселения бронзового века Кирса V, где уступ ее имеет наклон около 45 градусов в сторону русла, четкую бровку и площадку шириной около 200 м, также слабо наклоненную в сторону русла. Тыловой шов довольно отчетливый и примыкает к коренному склону. Вдоль бровки террасы – многочисленные высыпки обломков кремнистых пород (красные яшмы, черные фаниты, серые и зеленовато-серые фанитоиды, новакулиты) разной величины (от долей см до 10 см), разной степени окатанности (от остроугольных до хорошо окатанных). Здесь же подъемный материал в виде кремнистых сколов, отщепов, пластинок. Кремнистое сырье и артефакты наблюдались и в раскопах курганов и поселения. В поперечном логу, упомянутом выше, в размытой части тальвега наблюдаются красноцветные глины неогена. В уступе первой надпойменной террасы, севернее поселения Кирса V в современной промоине наблюдаются те же красноцветные глины. Здесь была сделана расчистка, которая вскрыла следующий разрез:

1. Почвенно-растительный слой – 0,3 м.
2. Глина красноцветная песчаная – 0,5 м.
3. Глина ярко-желтая песчаная – 0,5 м. Граница между этими глинами постепенная.
4. В основании разреза обломки различных кремнистых пород, отмеченных выше. Здесь они примерно одной размерности (4–5 см), но разной степени окатанности (от остроугольных до хорошо окатанных) – 0,5 м.

Южнее поселения Кирса V до впадения в реку Малый Кизил терраса цокольная, высотой около 5 м, с почти отвесным уступом, сложенным известняками. Бровка террасы слабо задернована, с плоскими фрагментами коренных выходов известняков.

В левом борту долины реки Кирса дорожно-строительными работами сделана бульдозерная выемка глубиной около 4 м, длиной около 100 м, вскрывшая образования верхнего мезозоя, представленные корой выветривания вулканогенных пород, рыхлыми отложениями верхнего мезозоя и красноцветными нижнеэоценовыми глина-

ми. Наибольший интерес представляют отложения верхнего мезозоя в восточной части выемки, представленные алапавской толщей. Здесь в вертикальной стенке, ориентированной север – юг, был исследован разрез:

0,3–0,5 м – почвенно-растительный слой;

0,5–1,5 м – затронутые диагенезом желтовато-бурые отложения глыбково-галечные, сцементированные глинистым материалом;

от 1,5 м и глубже – светло-серые до белых глыбково-галечные отложения, сцементированные глинисто-маршаллитовым материалом. Очень плотные. Обломочный материал примерно одинакового размера – до 4–5 см и разной степени окатанности (от остроугольных до хорошо окатанных): известняки, кварц, кремни. Кремни представлены всем своим разнообразием: фтаниты, фтанитоиды (серые, зеленовато-серые, зеленые и т. п.), суггучно-красные и пестроцветные яшмы. Эти отложения располагаются на гипсометрическом уровне около 420 м и представляют собой реликтовый останец нижнемеловой аккумулятивной поверхности, некогда слагавшей структурно-эрозионную депрессию, откуда в дальнейшем при размыве и заныствованиях кремнистые обломки.

Обследованный район насыщен кремнистым сырьем в пониженных частях рельефа – в долинах рек и в озерных ваннах, в виде высыпок обломочного материала кремнистых пород разной величины и степени окатанности, поступающих до настоящего времени с возвышенных частей рельефа, в которых развиты их коренные аналоги и рыхлые образования мезозой-неогена, содержащие в своем составе кремнистый обломочный материал. К пониженным частям рельефа приурочены и археологические памятники каменного века.

Восточные районы степного Зауралья, по которым протекают реки бассейна реки Тобол, пока еще в плане поставленной проблемы подробно не исследовались. Однако анализ археологических материалов стоянок каменного века, происходящих из разведочных работ, проведенных разными авторами и в различные годы по рекам Зигейка, Бирсуат, Сипташта, Караталы-Аят, Аят, Арчаглы-Аят, позволяют сделать предварительные выводы.

Прежде всего необходимо отметить принципиальную однотипность кремнистого сырья западных и восточных районов степного Зауралья. Это фтаниты, фтанитоиды, яшмы, яшмоиды, новакулиты, субновакулиты, халцедон. Присутствует также незначительное количество кремнеобломочных пород: мелкобрекчиевых, конгломератов, гравелитов и

песчаников, меньшее значение имеют алевролиты. Иногда встречаются кремнеобломочные породы смешанного граулометрического состава.

Все эти кремнистые образования идентичны таковым, развитым в Магнитогорской структурной зоне. Весьма вероятно предположить, что кремнистые породы переносились с запада на восток древними мезозойско-палеогеновыми потоками и переносятся до сих пор в виде обломочного материала современными реками, водосбор которых начинается в Магнитогорской структурной зоне. Кроме этого, голоценовые русла рек, врезааясь в древние мезозойско-палеогеновые долины, наследовали кремнистое сырье из их отложений.

2. Стоянки эпохи мезолита

Микропластинчатая техника, как основа материальной культуры, является главным показателем эпохи мезолита на Южном Урале. Применение этого признака позволяет отделить мезолитические комплексы от комплексов позднего палеолита, где микропластинчатая техника еще не стала стандартом и пока нет серийности и типологической устойчивости нуклеусов и микропластинок, как основных заготовок. В неолите уже наблюдается сокращение микропластинчатости при появлении все большего удельного веса двустороннего ретуширования пластин, изготовления двустороннеобработанных наконечников на отщепах и, наконец, появление керамики, как исключительно нового проявления в материальной культуре.

В настоящее время остается достаточно острым вопрос о выделении мезолита как эпохи вообще. Определение мезолита было дано в последнем крупном издании по проблемам мезолита (Мезолит СССР, 1989. С. 6). Конечно, это определение достаточно расплывчатое и включает в себя различные критерии: хронологический, культурный, хозяйственно-экономический, но это и неизбежно при существующей несколько десятков лет дискуссии по поводу выделения мезолита как археологической эпохи.

В западноевропейской археологической литературе термин мезолит, обозначающий комплекс каменных орудий, занимающих промежуточное положение между палеолитом и неолитом, впервые был употреблен А. Брауном в 1893 году (Мезолит СССР, 1989. С. 5). В начале XX века в Западной Европе этот термин существовал параллельно с термином эпипалеолит и окончательно утвердился после выхода работ Г. Кларка, который отверг концепцию эпипалеолита и отстаивал

мезолит как самостоятельную археологическую эпоху, критерием выделения которой явились кардинальные изменения природной среды, и адаптацию к ним человеческих коллективов (Лыниша В.А., 1991. С. 3–7; Кларк, 1953).

В советской археологической науке первой половины XX века термин «мезолит», введенный М.Я. Рудинским, также употреблялся параллельно с термином «эпипалеолит». К началу 60-х годов XX века в связи с выходом в свет работ М.В. Воеводского, Д.А. Крайнова, А.А. Формозова понятие мезолита как археологической эпохи довольно прочно утвердилось в советской археологической литературе (Воеводский, 1950; Крайнов, 1960; Формозов, 1959; Матюшин, 1976. С. 8). Тем не менее и до настоящего времени часть исследователей употребляет термины «эпипалеолит», «голоценовый палеолит», «докерамический неолит», «мезолит с керамикой» (Рогачев, 1966; Никитин, 1984. С. 3–20). Как правило, все зависит от конкретной территории и тех критериев, которые использует исследователь. Проведенные в Ленинграде два совещания 1962 и 1974 гг. по проблемам мезолита обозначили значительные расхождения в позициях ученых на критерии и подходы при выделении эпохи мезолита (У истоков древних культур, 1966; Памятники эпохи мезолита, 1977).

В целом можно выделить несколько основных критериев в определении понятия мезолит: экономический, хронологический, технологический, культурно-исторический.

При применении экономического критерия мезолит понимается как этап кардинальных изменений в хозяйственно-экономическом устройстве древнего общества, изменении типа охоты, выходе из кризиса охотничьего хозяйства конца плейстоцена и движению к освоению производящего хозяйства (Формозов, 1959. С. 67–70).

Применять экономический критерий к выделению мезолита Урала, как, впрочем, и соседних регионов Поволжья и Западной Сибири, вряд ли уместно, поскольку зачатки производящего хозяйства здесь появляются только к концу энеолита, а данных по хозяйству конца плейстоцена – начала голоцена крайне мало. Стоянки позднего палеолита и мезолита имеют маломощные культурные слои, как правило, без жилищных конструкций или с наземными сооружениями, практически полное отсутствие остеологических материалов.

Хронологический критерий подразумевает рассмотрение мезолита как чисто хронологического понятия. При таком подходе мезолитическое время памятника определяется геологическими или

палеогеографическими методами (Крайнов, Брюсов, 1961. С. 149) независимо от историко-культурного или экономического содержания.

При таком подходе понятие мезолита на различных территориях становится достаточно различным. Для территории Урала поздне-последнего ледникового рубеж датируется около 10 300 лет назад (Хотинский, Немкова, Сурова, 1982. С. 147), на Южном Урале и в Поволжье переходом от позднеледниковых к голоцену Ю.А. Лаврушин и Е.А. Спиридонова считают пребореальный период – 10 000–9 000 лет назад (Лаврушин, Спиридонова, 1995. С. 167; 1999. С. 99).

Большинство исследователей Урала и прилегающих территорий связывают начало эпохи мезолита с началом голоцена (Матюшин, 1976; Мезолит СССР, 1989; Мосин, 2000; Сериков, 2000). Но этот фактор также не может быть универсальным и каждая конкретная территория требует индивидуального подхода. Так, сумнангинская культура Якутии датируется Ю.А. Мочановым периодом от 10 до 6 тыс. лет назад и интерпретируется как «заключительный этап одной из линий развития палеолита Северной Азии» (Мочанов, 1969. С. 85). В то же время на Дальнем Востоке В.Е. Медведевым в слоях осиповской «мезолитической» культуры зафиксирована древнейшая керамика на памятниках Гася и Гогсян. «Находки с этого памятника, возможно, несколько моложе самого раннего материала поселения Гася, радиоуглеродная дата которого равна $12\,960 \pm 90$, ЛЕ – $1\,781$. Они должны соответствовать верхней части его осиповского слоя, возраст которого, согласно анализам по C14, в основном, около 11 тыс. лет назад ($10\,875 \pm 90$, АА – $13\,393$) и несколько больше» (Медведев, 2003. С. 38–43). Новейшие исследования на Дальнем Востоке, в Японии и Китае показывают, что «в настоящее время можно считать установленным, что осиповская и гоматухинская культуры существовали около 13 000 – 10 000 лет назад в условиях темнохвойных лесов с примесью широколиственных пород. Таким образом, памятники этих культур (Гася, Хумми, Гончарка, Гоматуха) являются древнейшими неолитическими комплексами Дальнего Востока России и Сибири и относятся к начальному неолиту Восточной Азии» (Кузьмин, 2002. С. 154–157). К этому же времени относится появление древнейшей керамики в Японии и Китае. Отсутствие мезолита в археологической периодизации наглядно демонстрируется на материалах Нижнего Приамурья и Приморья, где для переходного от палеолита к неолиту времени А.П. Деревянко и В.Е. Медве-

девым предложено название "начальный неолит" (Васильевский, 1998. С.107–116).

То есть, по сути, в одно и то же время на Урале и в Западной Сибири – это мезолит, в Якутии – эппалеолит, а на Дальнем Востоке – неолит.

Технологический, а точнее типолого-технологический критерий подразумевает рассмотрение, в первую очередь, комплексов материальной культуры и выделения суммы признаков, характерных для групп памятников достаточно широкого региона (Телегина, 1977. С. 33; Формозов, 1970. С. 10). Основным моментом в данном принципе выступает появление индустрии микропластин и вкладышевой техники (Диков, 1979. С. 85–86). Еще дальше пошли Е.Ю. Гиря и П.Е. Нехорошев, которые предложили определять начало мезолита по распространению отжимной техники получения пластин (Гиря, Нехорошев, 1993. С. 5–25). С распространением такой техники появляется стандартизация микропластин с правильной огранкой и возможность массового изготовления вкладышевых орудий. Однако же подобные процессы проходили не на всех территориях одновременно. Например, для Сибири зарождение техники получения микропластин связывается с рубежом среднего и позднего палеолита (Деревякин, Волков, Петрин, 2002; Зенин, 2002. С. 22–44). Иркутские археологи, основываясь в основном на технологическом принципе, определяют хронологические рамки мезолита в пределах с 13–12 до 7 тыс. лет назад (Медведев, Михнюк, Шмыгун, 1975. С. 79). Для районов Урала и Западной Сибири в вопросе о появлении микропластинчатых индустрий мезолита своеобразным эталоном является стоянка Черноозерье II, материалы которой «фиксируют пример жизнедеятельности охотничье-рыболовческого населения в финальном палеолите» (Петрин, 2002. С. 245–246).

Наиболее приемлемым критерием, на мой взгляд, может являться культурно-хронологический, в более общем виде обозначенный О.Н. Бадером: «Мезолит – это определенный этап в развитии первобытной культуры каменного века, переходный от палеолита к неолиту, но хронологически неоднородный на различных и в особенности на удаленных друг от друга территориях» (Бадер, 1966. С. 194).

Уточняя это определение применительно к региону Урала и сопредельных территорий Поволжья и Западной Сибири, можно констатировать, что выделение мезолита как эпохи здесь безусловно правомерно. Мезолитическое время характеризуют раннеголоценовые памятники, основой ма-

териальной культуры в которых является микропластинчатая техника, получившая широкое распространение уже в позднем палеолите. Верхним рубежом мезолита является появление комплексов с керамикой и двусторонней обработкой орудий, органично сочетающимися с традиционной микропластинчатой индустрией. Имеющиеся в регионе радиоуглеродные даты показывают существование эпохи мезолита в рамках IX – VI тыс. до н.э. (Сериков, 2000. С. 129; Гусенцова, 1981. С. 135, 144; Беспрозванный, 1997. С. 36; Мезолит СССР, 1989. С. 122; Матюшин, 1976. С. 177).

В степной зоне к мезолиту относятся стоянки Андреевка III, Евгеньевка I, Убаган III, Марининская I, расположенные на реках бассейна реки Тобол, то есть в восточной части Южного Урала (рис. 1.1).

Стоянка Андреевка III расположена на ровной площадке террасы, приуроченной к высокому древнему руслу правого берега реки Сингашта. Высота площадки от уровня воды в реке Сингашта в 1988 году составляла около 4 м, поверхность стоянки интенсивно распахивалась. Исследовалась В.С. Мосиным в 1988–1989 годах. В связи со строительством водохранилища на стоянке было заложено три раскопа общей площадью 706 кв. м. Стратиграфия раскопов одинакова: пахотный слой темной гумусированной супеси с находками кремня – 0–0,25 м; серо-коричневая супесь – основной культурный слой – 0,25–0,5 м; желтая супесь, изрытая землеройками, материк. Остатков жилищных сооружений не зафиксировано. В раскопе II на уровне материка были обнаружены три ямы овальной формы размерами 1,5х1,25х0,8 м; 1,38х1,2х0,45 м и 1,9х1,35х0,68 м. Ямы были заполнены культурным слоем с находками. Назначение ям неясно. Находки по площади раскопов распространялись равномерно, не образуя отдельных скоплений.

Всего в коллекции стоянки 2527 изделий из камня: нуклеусы, пластинки и микропластинки без ретуши и с обработкой, угловые резцы, геометрический микролит – асимметричная трапеция, пластинки с притупленным краем, острия, концевые скребки, отбойники (рис. 1.9–1.11).

Стоянка Марининская I расположена недалеко от места слияния рек Сингашта и Берсуат, на правом берегу и находится на территории Казахстана. Обследована В.С. Мосиным в 1986 году. Памятник занимает ровную площадку береговой террасы высотой 4 м. Культурный слой частично разрушен и представлен серо-коричневой супе-

стью мощностью до 0,25 м, подстилаемой скалой. В результате шурфовки и подземных сборов была получена коллекция из 683 предметов из камня. Основу коллекции составляют микропластинки и орудия на них. Среди орудий: нуклеус, пластинки без обработки, пластинки с ретушью, пластинки с притупленным краем, скошенные острия, концевые скребки на пластинах, скребки на отщепах (рис. 1.12).

Стоянка Евгеньевка I находится на правобережье Тобола, примерно в 16–20 км от реки, на развешенной поверхности песчаной дюны, находящейся между озерами Балдан и Угловое. Исследовалась В.Н. Логвиным в 1975 году (Логвин, 1977. С. 270–275). Находки, относящиеся к каменному веку, были сконцентрированы в южной части котловины на площади, равной примерно 725 кв. м. При этом в западной части они залегают совместно с алакульской керамикой, а в восточной – самостоятельно. Коллекция стоянки характеризуется преобладанием пластин, которые составляют 60,4% всего инвентаря. В коллекции стоянки нуклеус, пластины и орудия на них с ярко выраженным микропластинчатым характером, геометрические микролиты – асимметричные трапеции, пластины с обработанным торцом, пластины с притупленной спинкой, острие, резцы угловые, концевые скребки из пластин. В целом орудия из пластин резко преобладают над орудиями из отщепов (рис. 1.13).

Стоянка Убаган III расположена на границе Курганской области и Республики Казахстан в месте впадения реки Убаган в реку Тобол. Исследовалась В.Ф. Зайбертом и Т.М. Потемкиной в 1977–1978 годах (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 107–129). Стоянка расположена на тупом мысу, образованном р. Убаган и ее старицей. На памятнике двумя раскопами была вскрыта площадь 280 кв. м. Мезолитический слой обнаружен только в раскопе II – 186 кв. м. Памятник многослойный. Культурный слой мезолитической стоянки мощностью 0,05–0,25 м приурочен к сероватому, слегка гумусированному вязкому суглинку на глубине 0,9–1,1 м от поверхности. Сверху залегал мощный (0,6–1 м) слой гумусированной супеси с включениями кремневых изделий и керамики эпохи позднего неолита-энеолита. Два культурных слоя разделяла прослойка стерильного светло-серого песка толщиной 0,06–0,18 м, местами с затеками темной супеси. При зачистке площадки мезолитической стоянки на уровне материка были выявлены следы наземного жилища близкой к прямоугольной формы площадью до 80 кв. м. Находки концен-

трировались двумя скоплениями: у кострища и у южной стенки жилища. Это изделия из зеленой яшмы и кремня, расколотые трубчатые кости животных плохой сохранности, фрагмент рога лося, обломок костяного изделия типа острия с тщательно обработанным рабочим концом, челюсти крупного быка типа зубра, тура. Изделия из камня представлены пластинками и микропластинками с ретушью и без обработки, пластинками с выемкой, угловыми резцами, пластинами с обработанным торцом (рис. 1.14). Компактное залегание двумя скоплениями под плотным слоем стерильной прослойки позволяет считать комплекс одновременным. Ряд изделий мезолитического облика, типологически близких вышеописанной коллекции, собран на поверхности в разрушенной части памятника: конические нуклеусы из горного хрусталя и темно-зеленого кремня, пластины с притупленным краем, развертка, угловой дублированный резец и скребки на отщепах (рис. 1.14, 17–23).

Сырьем для изготовления орудий в мезолитических памятниках степной зоны Южного Урала служили темный кремь (фтаниты и фтанитонды) и яшмы сургучного, сургучно-зеленого, коричневого и других цветов, иногда кремнистые сланды, хрусталь. На стоянке Андреевка III зафиксирован светлый кремь. На стоянке Евгеньевка I преобладали яшмовкварциты, кварцито-песчаники, кремнистые алевролиты. Источниками сырья служили речные или озерные галечники, характерным отличием которых была бурчотная окатанная поверхность, или плитки гладкие и сильно патинизированные. Корку, свидетельствующую о принадлежности к этим группам, имеют изделия практически из всех материалов. Обнаруженный на стоянке Андреевка III светлый кремь сильно патинизирован. Поверхность большинства отщепов и обломков этого кремня покрыта известковой коркой.

С характером исходных заготовок непосредственно связаны типы нуклеусов: торцовые, уплощенные (торцово-фронтальные), конические, призматические. Размеры определялись величиной исходной заготовки. Высота в большинстве случаев не превышала 4–5 см, толщина 2–2,5 см.

Торцовые нуклеусы (рис. 1.9, 1–2), видимо, представляли собой первый этап обработки плиток или гальки. Скалывание проводилось с одной, торцовой, грани плиток, начиная с угла; в результате чего получалась первичная пластина треугольного или сегментовидного сечения, со спинкой, полностью покрытой желвачной коркой. Затем с

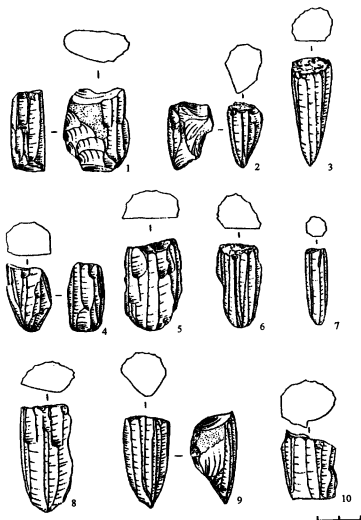

Рис. 1.9. Стоянка Андреевка III. Нуклеусы

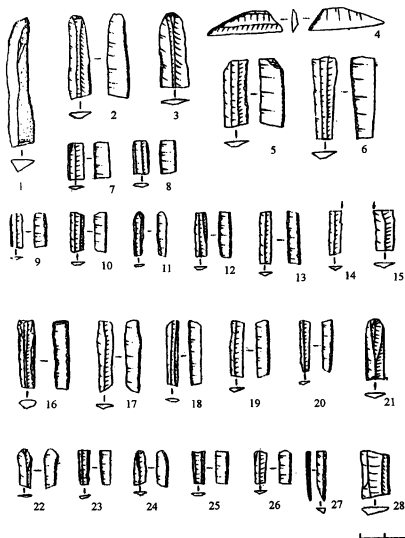

Рис. 1.10. Стоянка Андреевка III. Орудия на пластинах

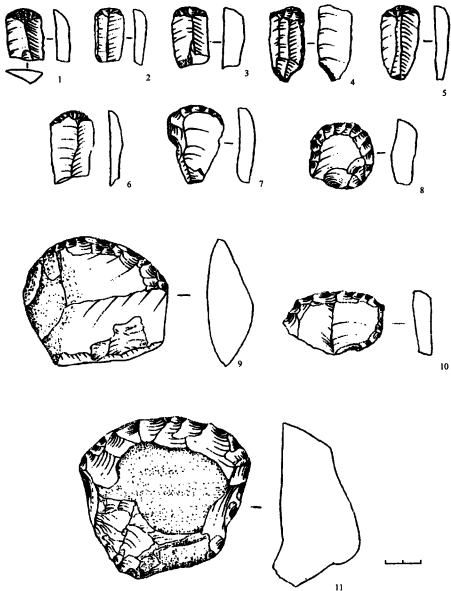

Рис. 1.11. Стоянка Андреевка III. Скребки и скребла

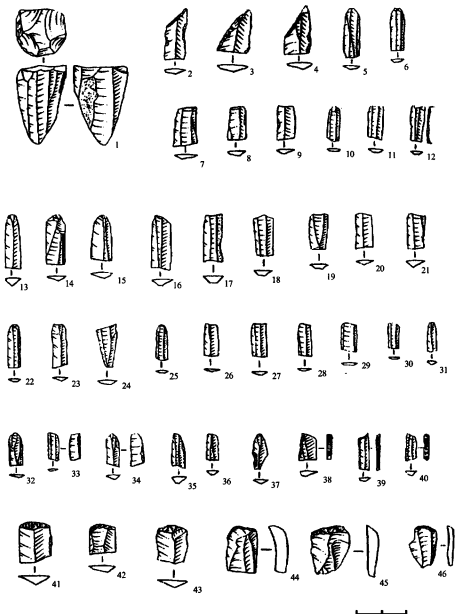

Рис. 1.12. Стоянка Маринская I. Каменный инвентарь

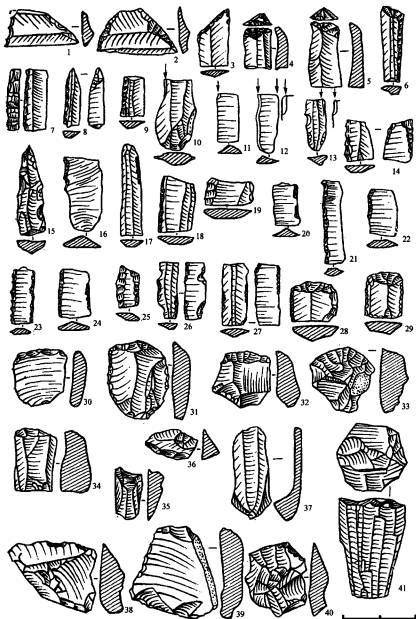

Рис. 1.13. Стоянка Евгеньевка I. Каменный инвентарь (по В.Н. Логвину)

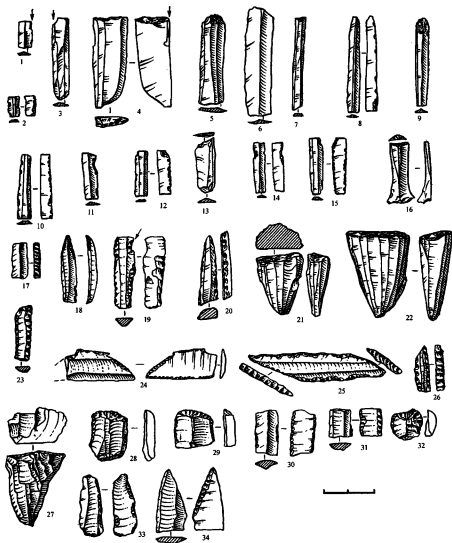

Рис. 1.14. Стоянки Убаган III – 1–23, Убаган V – 24–34. Каменный инвентарь
(по В.Ф. Зайберту, Т.М. Потемкиной)

наложением на получившийся негатив снимались пластины правильных очертаний. Они в основном имели треугольное сечение и одну плоскость на спинке, полностью покрытую желвачной коркой: на стоянке Андреевка III, например, их насчитывается 49 экземпляров.

Уплощенные (торцово-фронтальные нуклеусы рис. 1.9, 4–6, 8–9; 1.14, 21) – это следующая стадия обработки, когда скалывание проводилось по торцовой и соседней боковой стороне. Контрфронт оставался покрыт желвачной коркой, а ударная площадка приобретала очертания сектора или сегмента.

Конические и призматические нуклеусы могли завершать процесс обработки плитки (рис. 1.9, 3, 7, 10; 1.13, 41). Следует выделить некоторые специфические приемы оформления нуклеусов: обработка одной грани крупным продольным сколом, поперечными сколами. Часто на контрфронте наблюдается ребро, образованное плоскостью, покрытой желвачной коркой и поперечными сколами или продольными и поперечными сколами. Такое ребро часто подрабатывалось крутой ретушью, напоминающей скребковую, благодаря чему часть нуклеусов по своей форме напоминает клиновидные. Основания некоторых нуклеусов несут следы забитости, что позволяет предположить употребление твердой наковальни в процессе скалывания. У части нуклеусов основания со стороны контрфронта уплощены крупным сколом, направленным под острым углом к плоскости скалывания. Почти половина нуклеусов имеет скошенные ударные площадки.

Подправка нуклеусов проводилась, в основном, поперечными сколами. Наиболее представительную группу составляют площадки нуклеусов и сколы с них, половина из них имеют на боковых гранях и иногда на плоскости желвачную корку. Ребристые пластины покрыты желвачной коркой.

В качестве основной заготовки для орудий использовалась правильная микропластинка с симметричными гранями. Доля пластин шириной до 1 см составляет до 86%.

Следы сработанности, представленные выщерблинами, заломами или мельчайшей ретушью на лезвии, являются, на наш взгляд, результатом использования неретушированных пластинок в качестве вкладышей. Пластинок с такими следами на Андреевке III – 5% от общего числа необработанных пластин.

Наиболее представительной среди орудий является группа пластин с краевой ретушью (рис. 1.10, 2, 3, 6–13, 16–28; 1.12, 32–35, 38–40). Ретушь наносилась преимущественно по одной грани со

спинки или брюшка. Обработка по двум граням встречена лишь в шести случаях на Андреевке III. Ретушь в основном регулярная, притупляющая.

Пластинки с притупленным краем или, как их еще называют, с притупленной спинкой (рис. 1.10, 27; 1.12, 38–40; 1.13, 7, 9; 1.14, 17, 26) – перпендикулярной ретушью затуплен один край. Оригинальным приемом обработки серия пластин (стоянки Андреевка III – 11 экз., Марининская I – 1 экз.): все они шириной 6–8 мм и представлены сечениями. Регулярная ретушь нанесена по одной грани, образуя на лезвии характерные зубчики, расположенные друг от друга на расстоянии 5–8 мм. У большой группы пластин обработка имеет нерегулярный, эпизодический характер, причем на Андреевке III таких орудий пять.

Пластинки шириной более 1 см обрабатывались в основном со спинки. Вероятно, что орудия на крупных пластинах, найденные на мезолитических памятниках, выполняли функции ножей, пилок, боковых скребков и т. д. Верхние части пластин шириной 5...6 мм также имеют краевую обработку. Видимо, они использовались как сечения в качестве вкладышей, либо существовал прием предварительного ретуширования заготовки и дальнейшего ее членения.

Угловые резцы (рис. 1.10, 14–15; 1.13, 10–13; 1.14, 1, 3, 4, 19) составляют следующую по количеству группу орудий на пластинах. Все относятся к типу угловых. Резчики сравнительно немного (рис. 1.12, 37; 1.13, 16, 20, 21). Ширина орудий, как правило, не превышает 0,8 см.

Пластинки с обработанным торцовым краем (рис. 1.10, 5; 1.12, 39; 1.13, 4–6; 1.14, 13, 16). На стоянке Андреевка III обнаружено орудие со скошенным торцовым краем, обработанным притупляющей ретушью с брюшка. Аналогично обработана и смежная грань, имеющая волнистые очертания, напоминающие пластинку с ломаным краем (рис. 1.10, 5).

Скошенные острия (рис. 1.12, 2–4; 1.13, 3). Одна грань скошена по диагонали крутой ретушью. Острия изготовлены на сечениях пластин и различаются по своим параметрам. Все обработаны по спинке заготовки и имеют острый угол скола.

Геометрические микролиты (рис. 1.10, 4; 1.11, 16; 1.13, 1, 2; 1.14, 24, 25). Низкая асимметричная трапеция обнаружена на стоянке Андреевка III. Изготовлена на сечении пластины шириной 1 см. На стоянке Евгеньевка I найдены асимметричные трапеции. Боковые стороны обработаны ретушью, нанесенной со спинки. Одна из них с боковой выпуклой. Ретушь затупляющая (рис. 1.13, 1). У

другой выпуклые стороны обработаны заостряющей ретушью (рис. 1.13, 2). На Убагане V найдены нетипичная трапеция и параллелограмм.

Острия симметричные (рис. 1.13, 8). Рабочий край оформлен ретушью со спинки, сводящей грани на острие.

Пластины с выемками (рис. 1.14, 11, 14). Имеют, как правило, по одной выемке, оформленной мелкой светляющей ретушью.

Скребки на пластинах (рис. 1.11, 1–7; 1.12, 41–44, 46; 1.13, 28, 29; 1.14, 28, 29). Концевые скребки без дополнительной обработки боковых граней или с минимальной эпизодической ретушью в основном изготовлены на пластинах шириной 1,1–3 см. Более половины орудий имеют ширину 1,1–1,2 см. Рабочие края полукруглые. Есть скребки с обработкой боковых граней. Ретушь регулярная, крупная, иногда далеко заходящая на плоскость изделий. К последней группе примыкают два скребка, у которых на тыльной стороне оформлен рабочий край сверла или развертки (рис. 1.11, 4). Скребки на отщепе (рис. 1.11, 7, 8, 10; 1.14, 32). Под вопросом остается принадлежность к мезолитическому комплексу двух скребел со стоянки Андреевка III (рис. 1.11, 9, 11). Кроме этого, иногда встречаются отщепы с ретушью определенных функций.

Три отбойника встречено только на стоянке Андреевка III. Это гальки с характерными для этого типа орудий сколами и забитостями на концах.

Отщепов в коллекциях всех памятников сравнительно немного. Они небольших размеров, значительная часть их покрыта желвачной коркой. Практически везде пластины преобладают количественно. Исключением является стоянка Андреевка III, где обнаружены скопления отщепов и сколов светлого кремня – видимо, остатки производственной площадки.

Мезолитические памятники степной зоны, охарактеризованные выше, имеют ряд общих черт. Памятники расположены на мысах, в седловинах между возвышенностями и на площадках, непосредственно примыкавших к воде. Высота расположения стоянок обусловлена высотой террасы. Наличие очагов, столбовых и хозяйственных ямок, концентрация каменного инвентаря компактными скоплениями предполагает наличие легких наземных построек. Нуклеусы призматические, конические и торцовые для получения микропластинок. Едины технические приемы скалывания пластин, оформления площадок, контрфронта, основания. Все комплексы имеют ярко выраженную микропластинчатую индустрию, содержащую более 80 %

пластинок шириной не более 1 см. Стабильный типологический набор орудий: пластинки с краевой ретушью, не заходящей далеко на грани; угловые резцы, преимущественно с одним рабочим лезвием; резчики; пластины с обработанным торцом; геометрические микролиты – трапеции и треугольники, преимущественно асимметричной формы, симметричные и скошенные острия; пластинки с выемками; концевые скребки на пластинах и, в меньшей мере, скребки на отщепах. Отсутствие в коллекциях памятников двустороннеобработанных орудий, керамики, других типов пластинчатых орудий, характерных для неолита Зауралья, позволяет типологически относить эти коллекции к мезолиту.

Для мезолита степной зоны были получены радиоуглеродные даты в Северном Казахстане и Южном Приуралье. На североказахстанской стоянке Тельмана XIV, исследованной В.Ф. Зайбертом, в мезолитическом слое была зафиксирована яма с углистым заполнением и проколом, давшая радиоуглеродную дату – 10 540±200 лет назад, т. е. IX тыс. до н. э., что соответствует началу голоцена (Мезолит СССР, 1989, С. 122). В Южном Приуралье на стоянке Холодный Ключ было получено две радиоуглеродные даты – 9620±50 (БашГИ-76) и 9650±50 (БашГИ-77) лет назад, происходящие из почвы, перекрывающей культурный слой. Для стоянки Муллино II получены радиоуглеродные даты из культурного слоя – 8320±100 (БашГИ-58) и 8500±180 (БашГИ-59) лет назад (Матюшин, 1976. С. 177). То есть мезолитические памятники Южного Урала укладываются в пределы IX–VII тыс. до н. э.

3. Стоянки эпохи неолита

Неолит степной части Зауралья исследован еще недостаточно полно, однако имеющиеся в настоящее время материалы позволяют сделать ряд обобщений и выводов. История изучения каменного века в Южном Зауралье недавно опубликована (История археологии Южного Зауралья, 2003) и поэтому здесь не приводится.

В степной зоне Зауралья исследовано 12 стоянок, расположенных как на реках, так и на озерах (рис. 1.1). *Стоянка Усть-Утятанская* расположена на левом берегу реки Большая Караганка в месте впадения левого притока – реки Утятанка. Река относится к бассейну реки Урал. Стоянка исследована В.С. Мосиным в 1987 году. Памятник занимает ровную площадку мыса, образованного слиянием рек, первой надпойменной террасы, высотой 4 м от уреза воды. Исследовалась централь-

ная часть мыса, на которой был заложен раскоп площадью 140 кв. м. Культурный слой был приурочен к нижней части темно-серой и серо-коричневой супеси мощностью до 0,7 м. На площадке раскопа было зафиксировано три небольших углубления неясного назначения и семь столбовых ямок. Находки на площадке раскопа распределялись равномерно, не образуя скоплений. Планиграфия и стратиграфия раскопа показывают однослойность памятника. В коллекции стоянки 400 изделий и отходов из камня и 63 фрагмента керамики. Изделия из камня представлены нуклеусами, пластинками, угловыми резцами, скребками, обломком наконечника стрелы, топориком. Очень интересна находка верхней части сосуда из талькового камня (Мосин, 1996. С. 4–21).

В бассейне реки Тобол исследовано три стоянки (Синташта XIX, XX, XXI), расположенных на левом берегу реки Синташта рядом друг с другом. Стоянки занимали площадки второй надпойменной террасы. На *стоянке Синташта XIX* (Нохрина, 1974. С. 10–11) было заложено два раскопа общей площадью 213 кв. м. Культурный слой представлен гумусированным суглинком мощностью до 0,4 м. Остатков конструкций на площадке раскопов не зафиксировано. Планиграфический и стратиграфический анализы показывают однослойность стоянки. Коллекция стоянки представлена 2267 изделиями и отходами из камня и 34 фрагментами керамики. Среди орудий из камня – нуклеусы, пластины с ретушью, скребки, наконечники стрел и дротиков, обломки различных орудий, абразивы.

Стоянки Синташта XX и XXI (Дрябина, 1974. С. 11–12) расположены в 40 м друг от друга. На стоянке Синташта XX был заложен раскоп площадью 81 кв. м, на стоянке Синташта XXI – 90 кв. м. Раскопы расположены в местах наибольшего скопления материала на поверхности. Культурные слои стоянок были сильно разрушенными, и находки зафиксированы на поверхности и в гумусированном суглинке мощностью до 0,3 м. Следов сооружений не зафиксировано. На стоянке Синташта XXI основная масса отщепов, нуклеусов, нуклевидных сколов концентрировалась на площади 20–25 кв. м. В коллекции обеих стоянок представлены нуклеусы, нуклевидные сколы, отбойники, ретушеры. Основная масса находок – отщепы. Характер планиграфической концентрации находок и их типологический состав характерны для кратковременных стоянок-мастерских.

Следующая группа степных стоянок исследована на расположенных рядом озерах башкир-

ского Зауралья: Карабалыкты, Сабакты, Банное, находящихся на правом берегу реки Урал. Особенностью этих озерных стоянок является то, что озера расположены в окружении невысоких хребтов предгорий Урала, сложенных кремнем и известняком. До сегодняшнего дня берега озер усыпаны кремневым сырьем в виде плиток, гальки, крупных и мелких обломков. Это обстоятельство сформировало своеобразный облик в характеристиках стоянок. На берегах озера Карабалыкты Г.Н. Матюшин в разные годы были исследованы стоянки Карабалыкты I, Карабалыкты V, Карабалыкты X (Ташбулатово I), Карабалыкты VIIIa, а также неолитический слой на многослойной стоянке Мысовая (Карабалыкты VII). Само озеро очень небольшое, всего 2–3 км в диаметре, и все более или менее удобные площадки заняты стоянками каменного века различных периодов – от мезолита до энеолита. Принцип расположения стоянок можно видеть на примере стоянки Карабалыкты VIII (Матюшин, 1973. С. 96).

Наиболее представительной является *стоянка Ташбулатово I*. На ней был заложен раскоп площадью 104 кв. м. Культурный слой неолитического времени представлен гумусированным бурым суглинком с мелкими камнями мощностью до 0,5–0,7 м. Остаток жилищных сооружений не обнаружено, но замечена концентрация находок у очагов. Коллекция стоянки представлена 7889 изделиями и отходами из камня и 233 фрагментами керамики, причем отходы составляют почти 5000 предметов. Среди изделий из кремня – нуклеусы, пластины с ретушью, пластины с выемкой, резцы, резчики, наконечники стрел, пластины без ретуши, скребки, пила, орудия из отщепов и некремнистых пород камня – топоры, топора, абразивы и т. д. (Матюшин, 1970. С. 5–39).

Стоянка Карабалыкты VIIIa располагалась в небольшой седловине между двумя возвышенностями. Раскопом вскрыто 36 кв. м. Культурный слой представлен бурым гумусированным суглинком мощностью 0,2 м, залегавшим под дерном и гумусом на глубине 0,6–0,8 м. В коллекции стоянки 3818 изделий и отходов из камня и 104 фрагмента керамики. Среди изделий – нуклеусы, пластины без ретуши и с ретушью, две асимметричные трапеции, угловые резцы, пластины с выемкой, острия и сверла, скребки, двустороннеобработанные орудия, грузила, абразивы. Преобладающее количество находок – отщепы, отщепы, чешуйки и т. п. – 3000 экземпляров (Матюшин, 1973. С. 96–103).

Стоянка Карабалыкты V расположена на береговом мысу. Раскоп площадью 104 кв. м.

Культурный слой представлен бурым суглинком с камнем, залегающим под дерном и гумусом до глубины 0,55–0,6 м. Основная масса находок приурочена к углублению в скальном основании площадью 80 кв. м, которое могло использоваться в качестве жилища. Находки концентрировались скоплениями вокруг крупных камней. Коллекция представлена 13 389 экз. находок, из которых керамики только 300 экз. Основная масса – отходы производства (8 596 экз.). Среди изделий – асимметричная трапеция, угловые резцы, пластины без обработки и с ретушью, острия и сверла, концевые скребки, двустороннеобработанные орудия, скребки на отщепах, рубящие орудия. Памятник можно интерпретировать как стоянку-мастерскую (Матюшин, 1976. С. 47–56).

Стоянка Карабалыкты I также расположена на береговом мысу. Общая вскрытая площадь 93 кв. м. Культурный слой представлен бурым гумусированным суглинком с камнем мощностью 0,25–0,35 м, перекрытым дерном и гумусом. В раскопе зафиксировано углубление прямоугольно-овальной формы, в котором концентрировалась основная масса находок. Внутри углубления были расположены остатки трех очагов. В коллекции стоянки 1925 экземпляров находок из камня и 12 фрагментов керамики. Основная масса находок – отходы, 1525 экз. Среди изделий из камня – нуклеусы, пластины с ретушью и без ретуши, резцы, резчики, острия и сверла, пластины с выемками, скребки, двустороннеобработанные орудия и заготовки. Памятник классифицируется как стоянка-мастерская.

Стоянка Сабакты VI расположена на берегу озера Сабакты, отделенного от озера Карабалыкты скалистыми сопками шириной около 1 км. Раскопом вскрыто 188 кв. м, практически вся площадь стоянки. Культурный слой залегал в слое бурого суглинка на скале. Коллекция представлена 1566 находками из камня и 6 фрагментами керамики. Основная масса находок – отходы, 1275 экз. Среди изделий из камня – нуклеусы, угловой резец, резчики, пластины с выемкой, острие, пластины с ретушью и без ретуши, скребки. Характер памятника – мастерская (Матюшин, 1969. С. 91–101).

Неолитические слои также зафиксированы на многослойных стоянках Карабалыкты VII (Мысовая), Березки на озере Банное и на стоянке Мурад на озере Узукуль. Поскольку на этих памятниках присутствуют находки как более раннего (мезолит), так и более позднего (энеолит) времени, собственно неолитические материалы выделяются только типологически.

Представленные в настоящей работе новые материалы стоянок Черников Брод I и Большой Бутадак IV имеют большое значение в понимании неолита Южного Зауралья.

Стоянка Черников Брод I расположена на левом берегу старичного русла реки Малый Кизил (правый приток реки Урал) в 4,5 км к юго-востоку от поселка Смеловского Агаповского района Челябинской области (рис. 1.1).

Стоянка была обнаружена в 1950 году разведочным отрядом Южно-Уральской археологической экспедиции под руководством К.В. Сальникова. Тогда же было проведено первое полевое обследование памятника, определена его хронологическая позиция. В 1972 году отрядом Магнитогорской археологической экспедиции под руководством Ю.Ф. Рыжова на памятнике были произведены раскопки. Раскопом в 35 кв.м был вскрыт участок, расположенный в юго-западной части стоянки. Полученные материалы дали возможность предполагать однослойность памятника и датировать его эпохой неолита (Ю.Ф. Рыжов. Отчет об археологических исследованиях Магнитогорского отряда в Агаповском и Верхнеуральском районах Челябинской области. 1973 г.). В 2003 году археологической экспедицией Южноуральского отдела ИИА УрО РАН под руководством В.С. Мосина на стоянке проводились стационарные исследования.

В региональном плане стоянка Черников Брод I находится в зоне приподнятого Зауральского пeneплена. В районе местонахождения стоянки ландшафт характеризуется пересеченным рельефом, обусловленным возвышенным водораздельным пространством, разделенным большими и малыми реками, логами и т. п.

Река Малый Кизил имеет широкую – до 4 км долину, V-образное поперечное сечение с пологими и выпуклыми берегами. Борта долины осложнены поперечными логами, образующими своеобразные мысы. Русло реки интенсивно меандрирует, имеет многочисленные старицы и протоки. В районе стоянки пойменная часть имеет довольно ровную поверхность шириной до 1,5 км, поросшую кустарником и деревьями. Тыловой шов поймы фиксируется довольно четко, так же, как и уступ первой надпойменной аккумулятивно-эрозийной террасы, наклоненной в сторону русла под углом 30–45°. Площадка первой надпойменной террасы довольно ровная и слабо наклонена в сторону русла, с многочисленными карстовыми провалами, которые фиксируются и в пойме. Она представляет собой размытую древнюю поверх-

ность верхнемезозойско-неогенового диапозона. На поверхности фрагментарно, но довольно часто наблюдаются высыпки разрушенных кремнистых пород в виде щебня, плиток и галек различной окатанности. Обломки кремнистых пород чаще всего патинированы, что говорит об их древнем происхождении.

Стоянка расположена на мысу, образованном с севера логом, а с юга естественным изгибом русла реки, представляющим собой остатки первой надпойменной террасы. В этом месте уступ террасы крутой, вертикальный, сложен известняками. У основания тылового шва поймы фиксируется глыбово-щебнистый свал тех же известняков. Высота над урезом воды составляет около 4,5 м. Площадка покрыта степным разнотравьем с фрагментами плоских выходов известняка.

Раскоп общей площадью 63 кв. м был заложен в центральной части памятника, на относительно ровной площадке. Культурный слой представлен темным гумусом, залегающим под незначительным слоем дерна и перемешанным слоями различных цветовых оттенков, подстилающимся слегка прозоленным легким желто-белым суглинком. В качестве материала выступали монолиты скальных выходов, разборная скала и желто-красная материковая глина. Мощность культурного слоя на межжилищной территории составляет от 30 до 45 см, в пределах жилищного котлована – до 70 см.

Очертания жилищного котлована были зафиксированы в южной части раскопа. Жилище было сооружено в карстовой воронке и имело форму искривленного овала. Длина котлована составила 6,6 м, ширина – 3,8 м, площадь – около 25 кв. м; ориентирован он по линии запад–восток, параллельно руслу реки. В средней части северной стены был устроен длинный коридорообразный выход, ориентированный по направлению север – юг. Котлован жилища углублен в материк на 0,35–0,45 м, понижение в материк ступенчатое со всех сторон, кроме южной, где зафиксирован крутой спуск в котлован непосредственно от скального выхода, который одновременно является стеной жилища (рис. 1.15). Наиболее глубокая часть жилища – центральная. Стенами жилища по всему периметру, кроме северо-западной стороны, являются естественные выходы известняка, представленные разборной скалой. При сооружении котлована края скальных выходов подчищались от рухляка для придания стенам более вертикальной формы. Особенно хорошо это фиксировалось в юго-восточной части постройки. Северо-западная стена жилища была

сложена из необработанных камней средних и мелких размеров, которые были уложены непосредственно на разборную скалу. Развал данной стены начал фиксироваться уже с самых верхних горизонтов. Искусственная кладка фиксировалась также вдоль восточной стенки выхода из жилища (рис. 1.15). Вдоль южной стены сооружения отмечено два канавообразных углубления, сделанные в разборной скале. Длина этих углублений составляет 1,6 и 1,3 м, ширина – 0,2–0,25 м, глубина – 0,15–0,2 м.

Заполнение жилища представлено слоем темно-го гумуса, перемешанного с золой и слабо прозоленным легким желто-белым суглинком. На верхних горизонтах котлован был полностью перекрыт темной гумусированной супесью. После снятия этого слоя по периметру жилищного котлована обнажился массив разборной скалы, а в северо-западной части – развал каменной кладки. В самом жилище в плане был зафиксирован слой гумуса, перемешанного с золой, который залегал по всей площади котлована, а также фиксировался за его пределами к северу от жилища. На уровне (–35)–(–40) заполнение жилищного котлована изменилось и приобрело логически оформленные очертания. На этом уровне была осуществлена графическая фиксация плана (рис. 1.15). В центральной части жилища околонурилось овальное пятно сильно гумусированной супеси, перемешанной с золой. В южной части котлована этот слой залегал вплотную к стене жилища. С трех сторон его окаймлял слой слабо прозоленного желто-белого суглинка. С западной стороны слой суглинка залегал широким пластом, частично примыкая к юго-западному краю жилища. С востока он фиксировался узкой полосой вдоль восточной стены. С севера данный слой отмечен в виде неширокой линзы. В центральной и западной частях котлована было расчищено несколько скоплений мелких камней. При зачистке по матерiku в пределах жилищного котлована были выявлены пять столбовых ямок и пятно прокала. Столбовые ямки диаметром 0,15–0,2 м, глубиной 0,1–0,2 м. Две из них имели профили с таким наклоном, что столбы, вкопанные в них, стояли по диагонали, вершинами к центру жилища. Пятно прокала имело округлую форму диаметром около 0,4 м, мощностью 0,03–0,05 м.

Жилище было сооружено в естественном углублении – карстовой воронке, которая была вычищена от камней для подготовки котлована. Оно относится к типу полуземлянок. Основой для стен служили выходы известняка, только с одной стороны (северо-западный угол) отмечена

Рис. 1.15. Стоянка Черников Брод I. Общий план раскопа, зачистка на уровне материка

каменная кладка. Камни здесь уложены непосредственно на скальную породу и, судя по площади развала, кладка была высотой 0,7–0,8 м от уровня пола жилища, что в целом соответствует высоте скальных выходов по всему периметру котлована. Таким образом, основа стен жилища находилась на одном гипсометрическом уровне.

Конструкцию перекрытия можно реконструировать как шалашеобразную. Подобный вывод был сделан исходя из расположения столбовых ямок и

канавок в южной стенке. В длинной северной стенке жилища был сооружен коридорообразный выход.

Коллекция стоянки представлена 964 экземплярами находок, из которых более 98% составляет каменный инвентарь. Кроме того, присутствуют несколько фрагментов керамики и остеологические остатки.

Стратиграфические наблюдения за распространением находок показали, что различий в распределении категорий инвентаря по глубине залегания нет. Различные по ширине пластины и отщепы, а

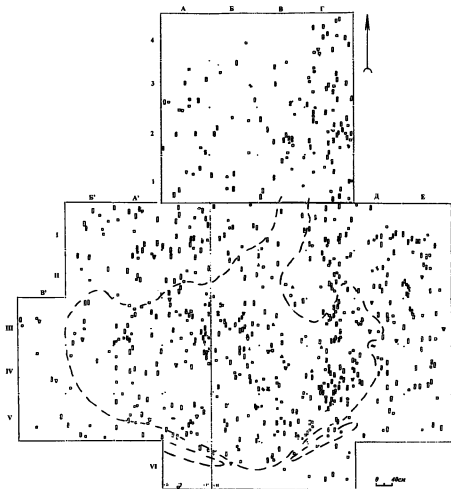

Рис. 1.16. Стоянка Черников Брод I. Сводный план распространения находок. Уровень 0–30 см

также орудия, изготовленные из них, залегали совместно по всей площади раскопа (рис. 1.16; 1.17). В планиграфическом отношении наибольшее количество находок пришлось на участки, где был зафиксирован жилищный котлован (рис. 1.17).

В коллекции стоянки выделяется большая серия пластин без обработки, нуклеусов и отходов их производства. Также отмечены разнообразные орудия, изготовленные на пластинах; среди них – трапеция, пластины с выемками, пластины с ретушью, концевые скребки, угловые резцы и т. п. Отщепы и чешуйки составляют менее значительную

категорию находок. Орудия, изготовленные на отщепах, немногочисленны – это скребки, скобели, наконечник стрелы. Единичны находки двустороннеобработанных орудий и заготовок для них, среди которых выделяются наконечники стрел и нож. Кроме того, в коллекции присутствуют грубо расколотые куски кремня и технические сколы, а также одно грузило.

Нуклеусы характеризуют различные этапы процесса расщепления. Среди них целые нуклеусы – 10 экз., из которых два уплощенных подтреугольной и прямоугольной в плане формы,

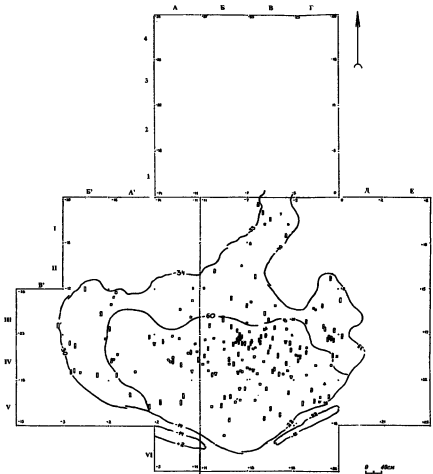

Рис. 1.17. Стоянка Черников Брод I. Сводный план распространения находок. Уровень пола жилища

одноплощадочные, со скошенной к контрфорсу площадкой и параллельным снятием заготовок-пластин, которое производилось по одной или двум сторонам. Тыльная сторона оформлена в одном случае крупными сколами, в другом – покрыта галечной коркой, нижний край нуклеусов приострен. Высота изделий составляет 2,8 и 3,9 см, негативы сколов 4–8 мм (рис. 1.18, 1–2). Торцевые нуклеусы – 4 экз., три из которых изготовлены на кремневых плитках, покрытых галечной коркой, один – из кремневой гальки. Снятие заготовок производилось с одной (в трех случаях) либо с двух (один случай) торцевых сторон. Ударные площадки, как правило, образованы одним или несколькими крупными сколами, снятие пластин отличается небрежностью. Высота этих нуклеусов составляет от 5,5 до 9 см, негативы сколов 8–12 мм (рис. 1.18, 3, 5–6). Конические нуклеусы – 1 экз. Площадка нуклеуса прямая, фасетированная. Снятие заготовок производилось по 2/3 поверхности, тыльная сторона образована крупными сколами. Размер нуклеуса 5,3 см, негативы сколов 7–10 см (рис. 1.18, 4). Два сильно сработанных нуклеуса размерами от 2,8 до 3,6 см, негативы сколов 0,7–1,2 см. Один аморфный нуклеус, с беспорядочным снятием заготовок отщепов.

Кроме того, в коллекции присутствуют 3 пре-нуклеуса с оформленными ударными площадками, 11 продольных сколов с нуклеусов, 3 поперечных и 6 ребристых пластин.

Пластины без обработки, всего 543 экземпляра, делятся на пластины с правильной огранкой и на пластины с неправильной огранкой. Пластины с правильной огранкой, всего 371 экз., из них 5 целых, 137 проксимальных, 190 медиальных и 39 дистальных частей. Пластины с неправильной огранкой, всего 172 экз., из них целых – 2, проксимальных – 74, медиальных – 59 и дистальных – 37 частей. Распределение пластин приведено в табл. 1.

Пластины с ретушью представлены небольшой серией изделий, различных по размерам и по огранке; всего в коллекции насчитывается 17 экземпляров. Среди них выделяются пластины с ретушью утилизации – 7 предметов и собственно пластины с ретушью – 10 экз. Основная масса пластин имеет ширину в пределах от 0,6, до 1 см, их насчитывается 14 экз. (рис. 1.19, 1–7, 10), оставшиеся 3 пластины имеют ширину до 2,3 см (рис. 1.19, 16, 26, 30). Рабочий край пластин с ретушью утилизации оформлен заломами и неровными фасетками, образовав-

шимися в ходе их использования без дополнительной обработки. Ретушированные пластины оформлялись краевой параллельной непрерывной ретушью по одной (8 экз.) или по обеим (2 экз.) сторонам. Во всех случаях, кроме одного, ретушь нанесена со стороны спинки.

Пластины с выемкой (скобели) – 3 экз. Два изготовлено на пластинах шириной 0,9 и 1,2 см и один на пластинке шириной 0,4 см. Два экземпляра имеют по одной боковой выемке, оформленной мелкой краевой ретушью, один – со стороны спинки, другой – со стороны брюшка (рис. 1.19, 9, 28). Один скобель имеет выемки с обеих сторон, ретушированные со стороны спинки (рис. 1.19, 8).

Резцы – 5 экз. Все относятся к типу угловых. Четыре имеют один резцовый скол, один – два. Орудия изготовлены на пластинах, имеющих ширину от 0,8 до 1,3 см (рис. 1.19, 17–19, 22–23).

Резчик изготовлен на пластине шириной 1,3 см. Рабочий край прямой, оформлен краевой приостряющей ретушью, нанесенной со стороны спинки (рис. 1.19, 25).

Острия – 4 экз. Изготовлены на сечениях пластин шириной от 0,8 до 1,8 см. Три предмета имеют скошенный рабочий край, оформленный мелкой ретушью со стороны спинки (рис. 1.19, 20–21, 24). Один экземпляр имеет клювовидное острие, ретушированное со стороны спинки (рис. 1.19, 27).

Развертка изготовлена на пластине шириной 0,9 см. Рабочий край изделия с обеих сторон оформлен противоположащей ретушью, нижняя часть пластины ретуширована со стороны брюшка (рис. 1.19, 29).

Пластина с ретушированным торцевым краем изготовлена на медиальной части пластины шириной 1,1 см. Торцевой край ретуширован мелкой краевой ретушью, нанесенной со стороны спинки (рис. 1.19, 12).

Скребки – 3 экз. Все относятся к типу концевых, рабочий край округлый. Заготовками служили пластины шириной от 0,9 до 1,7 см (рис. 1.19, 13–15).

Геометрический микролит представлен низкой асимметричной трапецией, изготовленной на пластине шириной 1 см. Торцовые стороны ретушированы противоположащей ретушью (рис. 1.19, 11).

Орудия на отщепе. Скребки – 4 экз., форма орудия зависит от конфигурации отщепе. По способу оформления лезвия два скребка относятся к типу концевых, один – угловой и один – с обработкой поверхности на 3/4 (рис. 1.20, 5–7, 11).

Скребло имеет на противоположной от ударного бугорка стороне оформленный приостряющей

Таблица 1

Распределение пластин по ширине

Ширина м/м	Пластинки и их части			
	Проксимальные	Медialные	Дистальные	Целые
Пластинки с правильной огранкой				
3		2		
4	6	12	3	
5	10	24	5	
6	13	35	9	1
7	24	36	7	1
8	20	28	6	1
9	26	12	2	
10	18	20	4	
11	8	12	2	
12	5	4		2
13	2	2		
14	2	1	1	
15	2	1		
16		1		
17	1			
18				
19				
Пластинки с неправильной огранкой				
5	2	2		
6	2	4	1	
7	8	14	6	
8	13	5	8	
9	7	8	6	
10	7	10	4	
11	7	3	2	
12	10	7	3	
13	3	2	1	
14	4	2	4	1
15	3			
16	2	1	1	
17				1
18	1			
19	2			
20			1	
21	2			
22		1		
23	1			

ретушью подтреугольный рабочий край. Размеры изделия 2,8×2,8 см (рис. 1.20, 8).

Резьчики – 2 экз. Изготовлены на пластинчатых отщепках. Рабочий край, обработанный красной ретушью со стороны спинки, слегка вогнутый (рис. 1.20, 4, 10).

Скобели – 3 экз. Два экземпляра имеют по одной боковой выемке, оформленной красной ре-

тушью со стороны спинки. Один скобель имеет выемки с обеих сторон, ретушированные со стороны спинки (рис. 1.20, 9, 12, 13).

Наконечник стрелы (?) изготовлен на мелком отщепе, имеющем длину 1,5 см. Лезвие обработано противоположной ретушью, с одной стороны красной, с другой – захватывающей (рис. 1.20, 1).

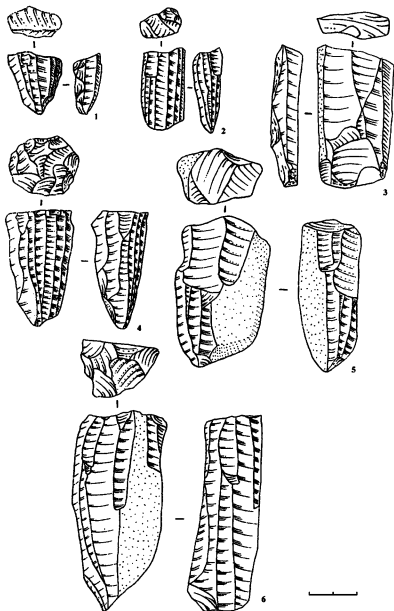

Рис. 1.18. Стоянка Черников Брод I. Нуклеусы

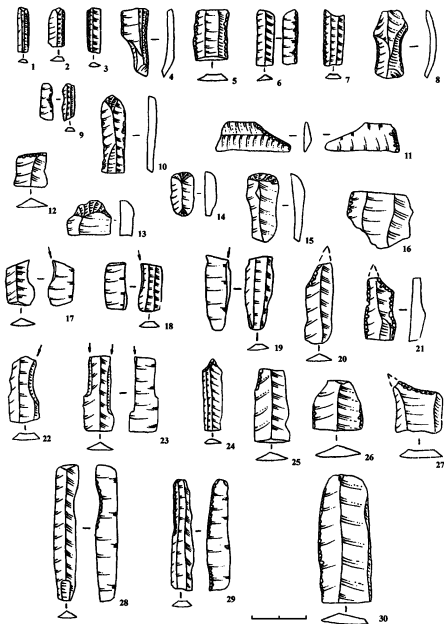

Рис. 1.19. Стоянка Черников Брод I. Орудия на пластинах

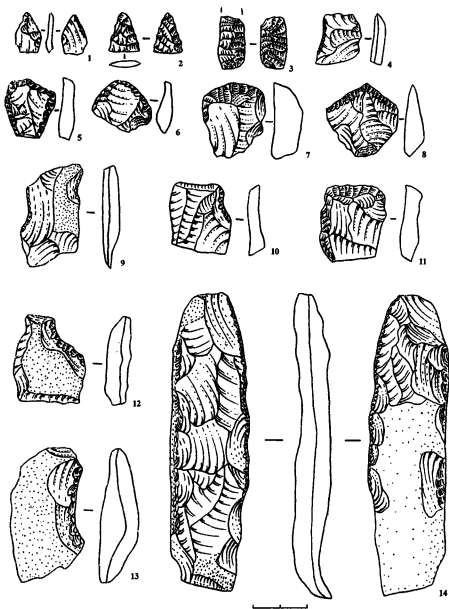

Рис. 1.20. Стоянка Черников Брод I. Орудия на отщепках

Двустороннеобработанные орудия представлены двумя наконечниками стрел и ножом. Оба наконечника в обломках. У одного сохранилась только верхняя часть (рис. 1.20, 2), другой, представленный фрагментом нижней части, бесчерешковый, с прямым насадом, имел иволистную форму (рис. 1.20, 3).

Нож подпрямоугольной формы размерами 11,5×3,3 см хорошо разделен на лезвие и рукоять. Лезвие изделия занимает 2/3 длины, оформлено крупными сколами и подправлено двусторонней красной ретушью. Нож имеет тщательно подработанную спинку и естественный обшук, покрытый галечной коркой. Рукоять с одной стороны подработана крупными сколами, с другой – покрыта галечной коркой (рис. 1.20, 14).

Отщепы без обработки – 332 экз. Из них крупные отщепы – 48 экз., средние – 107 экз., мелкие – 83 экз. и чешуйки – 76 экз. Кроме того, 19 пластинчатых отщепов. Также в коллекции находок со стоянки есть 10 крупных расколотых кусков кремня.

Было найдено одно грузило, изготовленное на кремневой плитке. Изделие имеет овальную форму и размеры 11,3×8,2 см. По длинным боковым сторонам фиксируются выемки для перевязи.

Каменному инвентарю стоянки соответствуют остатки одного сосуда, представленные восемью фрагментами венчика и доньшка. Сосуд реконструируется как остродонный, с закрытой горловиной и слегка раздутым туловом. Венчик приотсранный, со срезом по внутреннему краю. Толщина стенок от 0,5 см в верхней части до 1,1 у дна. Цвет фрагментов серо-коричневый, поверхность хорошо заглажена, в тесте фиксируется примесь песка и талька. Сосуд не орнаментирован (рис. 1.21).

Стоянка Большой Бугодак IV была исследована в 1971 году археологической экспедицией под руководством Ю.Ф. Рыжова. Материалы раскопок хранятся в Магнитогорском краеведческом музее и были проанализированы авторами настоящей работы в 2003 году. Авторы выражают большую признательность Ю.Ф. Рыжову, руководству и сотрудникам Магнитогорского музея за предоставленную возможность работы с коллекцией.

Раскоп общей площадью 82 кв. м был вытянут по линии запад–восток и имел в длину 12 м.

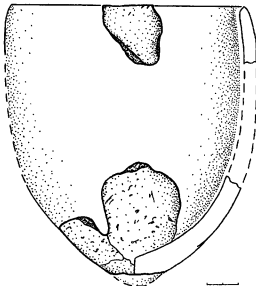

Рис. 1.21. Стоянка Черников Брод I. Сосуд

Вскрытие производилось метрическими горизонтонами по 10 см. Мощность культурного слоя в раскопе достигает 40 см. Под дерном лежит слой темной гумусированной супеси. Ниже него фиксируется тонкая прослойка бурой супеси, которую подстилает либо материковая желтая глина, либо скала. На некоторых участках слой темной гумусированной супеси залегает непосредственно на скальных выходах.

В основании культурного слоя обнаружено много камней среднего и крупного размеров. Камни залегали непосредственно на материковой глине, или на скальных выходах, либо на тонкой прослойке темного гумуса (погребенной почве). В ходе раскопок было отмечено залегание камней как по одному, так и скоплениями, которые, возможно, представляли развалы стен жилища, но последовательность в их расположении еще в древности во многих местах была нарушена. По этой причине не удалось проследить границ жилища.

Насыщенность материалом культурного слоя стоянки неравномерна – от 5–10 до 700 предметов на одном участке. Находки залегали и в слое гумуса, и в бурой супеси. В основном они представлены изделиями из камня и отходами каменной индустрии; керамика малочисленна.

Общее количество находок составляет 4250 экз. Из них более 98% приходится на каменный инвентарь. Керамика сильно фрагментирована и в основном относится к эпохе бронзы и раннему железному веку. Только несколько фрагментов можно отнести к каменному веку.

Каменная индустрия представлена преимущественно пластинчатой техникой. Орудия, изготовленные на пластинах, разнообразны; среди них отмечены скошенные острия, трапеции, пластины с выемками, пластины с ретушью, концевые скребки, угловые резцы, а также большая серия нуклеусов и пластин без обработки.

Орудия, изготовленные на отщепах, немногочисленны – это скребки, скребла, нож. Кроме того, имеется ряд предметов, изготовленных из некремнистых пород камня, – это отбойники и грузила.

Нуклеусы – 34 экз., среди которых отмечены торцевые, призматические, уплощенные, конусовидные и карандашевидные. Наиболее массовыми являются уплощенные подтреугольной формы, одноплощадочные, со скошенной к контрфорсу площадкой и параллельным снятием заготовочной пластины, которое производилось по одной, реже – двум сторонам. Тыльная сторона оформлена крупными сколами, нижний край нуклеусов приострен. Эта серия представлена 15 нуклеусами. Их высота 3–4 см, негативы сколов 4–8 мм (рис. 1.22, 1, 2–7). Торцевые нуклеусы – 5 экз. Все изготовлены на кремневых плитках, покрытых галечной коркой. Снятие заготовок производилось с одной торцевой стороны. Ударные площадки, как правило, образованы одним или несколькими крупными сколами, снятие пластин отличается небрежностью. Высота этих нуклеусов составляет от 3,5 до 6 см, негативы сколов – 8–12 мм (рис. 1.22, 8, 10). Конечные нуклеусы – 7 экз. Площадки этих нуклеусов прямые, фасетированные. Снятие заготовок производилось в пяти случаях по 2/3 поверхности; при этом тыльная сторона либо была образована крупными сколами, либо покрыта галечной коркой (рис. 1.22, 11). В двух случаях отмечено крутовое снятие заготовок. Размеры этих нуклеусов от 3,5 до 4,7 см, негативы сколов – 7–13 см (рис. 1.22, 1). Карандашевидные нуклеусы – 3 экз., ударные площадки прямые, фасетированные. Нуклеусы имеют правильную огранку со всех сторон, размеры 2,5–3 см, негативы сколов – 0,5–1 см. Призматические нуклеусы – 3 экз.: два одноплощадочных, один двухплощадочный. Ударные площадки прямые, фасетированные. Снятие заготовок осуществлялось по двум плоскостям, тыльные стороны покрыты желвачной коркой либо образованы крупными ско-

лами. Размеры изделий от 2,8 до 3,6 см, негативы сколов – 0,7–1,2 см (рис. 1.22, 9). Один аморфный нуклеус имеет беспорядочное снятие заготовок отщепов. Кроме того, в коллекции присутствуют семь продольных сколов с нуклеусов, четыре поперечных и восемь ребристых пластин.

Пластины без обработки, всего 1220 экз. (рис. 1.23, 1–6, 2–20, 34–55), делятся на пластины с правильной огранкой и на пластины с неправильной огранкой.

Пластины с правильной огранкой. Всего 634 экз., из них три целых, 207 проксимальных, 238 медиальных и 186 дистальных частей.

Пластины с неправильной огранкой. Всего 586 экз., из них: целых – пять, проксимальных – 212, медиальных – 225 и дистальных – 144 части. Распределение пластин по ширине приведено в табл. 2.

Пластины с ретушью представлены большой серией разнообразных по размерам и огранке изделий; всего в коллекции насчитывается 310 экз. Среди них выделяются пластины с ретушью утилизации – 142 экз. и собственно пластины с ретушью – 168 экз. Рабочий край пластин с ретушью утилизации оформлен заломами и неровными фасетками, образовавшимися в ходе их использования без дополнительной обработки. Ретушированные пластины, как правило, оформлялись краевой параллельной, непрерывной ретушью по одной (84 экз.), или по обеим (67 экз.) сторонам. Только в 10 случаях ретушировалась часть пластины, а в семи отмечена попеременная ретушь. В 101 случае ретушь нанесена со стороны спинки, в 60 случаях – со стороны брешка, семь пластин имеют противоположащую ретушь.

Орудия на пластинах. Пластины с выемкой (скобели) – 16 экз. Изготовлены на пластинах шириной от 0,9 до 1,2 см. Все экземпляры имеют по одной боковой выемке, оформленной мелкой краевой ретушью со стороны спинки в 10 случаях и со стороны брешка – в шести случаях. В пяти случаях скобели изготовлены на ретушированных пластинах (рис. 1.23, 28, 31, 49).

Резцы – 7 экз. Все относятся к типу угловых и имеют один режущий скол. Орудия изготовлены на пластинах, имеющих ширину от 1 до 1,3 см (рис. 1.24, 19, 25).

Резьчики – 5 экз. Изготовлены на частях пластин, имеющих ширину от 1 до 1,4 см. Рабочий край прямой (4 экз.) или слегка вогнутый (1 экз.). Оформлен краевой простирающей ретушью, нанесенной со стороны спинки в трех случаях и со стороны брешка – в двух случаях (рис. 1.24, 21, 32).

Острия симметричные – 11 экз. Изготовлены на сечениях пластин шириной от 0,6 до 1,3 см.

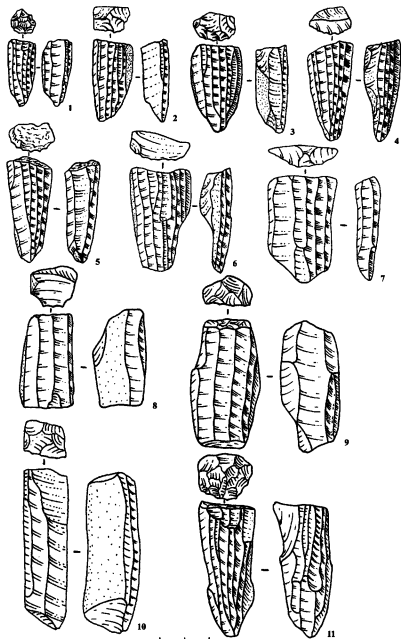

Рис. 1.22. Стоянка Большой Бугодак IV. Нуклеусы

Распределение пластин по ширине

Шир м/м	Пластины с правильной огранкой			
	Пластины и их части			
	проксимальные	медиальные	дистальные	целые
4	2	6		
5		7	1	
6	4	5	6	
7	19	25	23	
8	22	38	39	
9	39	29	31	
10	31	41	23	
11	18	23	5	1
12	21	26	12	
13		7	8	
14	9	9	9	1
15	9	3	4	
16	8	8	2	
17			6	
18				1
19		7	4	
20	11	2	6	
21		4	3	
22	7	5	2	
23		2		
24	5		1	
25		1	1	
26				
27	2			
Пластины с неправильной огранкой				
4	1			
5	3	1	1	
6	8	9	8	
7	23	35	30	
8	41	41	43	
9	35	40	19	
10	40	38	9	1
11	27	10	11	
12	16	7	14	1
13	13	8		1
14	10	4		
15	8	6	3	1
16	6	8		
17		7		
18	3	3	1	
19			1	
20	1	4		1
21		1		
22		1	2	
23				
24	2			
25		1	1	
26		1		
27	1			
28			1	

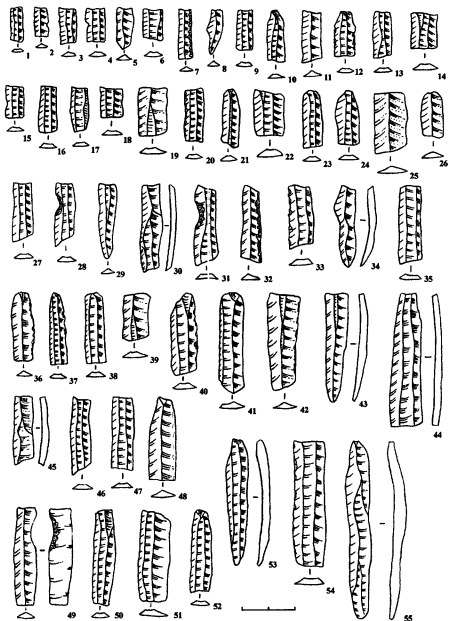

Рис. 1.23. Стоянка Большой Бугодак IV. Каменный инвентарь.

Десять предметов имеют прямой рабочий край, оформленный мелкой ретушью, в шести случаях – со стороны спинки (рис. 1.24, 8), в четырех – со стороны брющка (рис. 1.24, 2).

Развертки – 4 экз. Изготовлены на пластинах шириной от 0,7 до 1,1 см. Рабочий край изделий оформлен с обеих сторон, в одном случае развертка изготовлена на ретушированной пластине (рис. 1.24, 3–4, 9).

Скошенные острия – 2 экз. Изготовлены на медиальных частях пластин, острие оформлено мелкой краевой ретушью, нанесенной со стороны спинки (рис. 1.24, 31, 33).

Скребки – 45 экз. Все относятся к типу концевых, рабочий край округлый в 40 случаях и скошенный – в пяти случаях. Заготовками для основной массы служили пластины шириной от 1 см до 1,9 (рис. 1.24, 26–30). Только один изготовлен на продольном сколе с нуклеуса, рабочий край оформлен на противоположной от ударной площадки стороне (рис. 1.24, 41). В семи случаях зафиксирована дополнительная подработка краевой ретушью, нанесенной со стороны спинки.

Геометрические микролиты – 12 экз. Изготовлены на пластинах шириной от 0,9 до 1,3 см. Одиннадцать предметов относятся к типу асимметричных трапеций, два из них имеют ретушированные торцевые стороны со стороны спинки, три экземпляра ретушированы противоположащей ретушью, пять имеют вертикальный короткий торцевой край, подработанный ретушью в двух случаях со стороны спинки и в трех случаях – со стороны брющка (рис. 1.24, 5, 7, 10–13, 15–16). Одна трапеция имеет небольшую выемку в короткой торцевой стороне, ретушированную со стороны спинки (рис. 1.24, 18). Один экземпляр имеет обломанную короткую торцевую сторону (рис. 1.24, 6). Одна трапеция относится к типу симметричных трапеций, торцевые стороны у нее ретушированы противоположащей ретушью (рис. 1.24, 14).

Орудия на отщепе. Скребки – 16 экз., в основном форма орудий зависит от отщепа, на котором оно изготовлено. По способу оформления лезвия можно выделить следующие типы скребков: концевые (4 экз.), боковые (7 экз.), один скребок с «носиком», один с обработкой поверхности на 2/3 (рис. 1.24, 37) и три скребка с аморфным лезвием.

Скребла – 2 экз. Изготовлены на удлинённых отщепах, рабочее лезвие имеет выпуклую форму и обработано полукруглой ретушью. Обухок оформлен крупными сколами. Размеры орудий 2,8 и 3,4 см по самой длинной стороне.

Среди двустороннеобработанных орудий отмечен один нож. Изделие имеет длину 4,9 см, ширину 1,6 см, лезвие имеет неровную режущую грань (рис. 1.24, 40).

Отщепы без обработки – 1651 экз. Из них крупные отщепы – 134 экз., средние – 826 экз., мелкие отщепы и чешуйки 517 экз. Кроме того, обнаружено 174 пластинчатых отщепа. Также в коллекции стоянки присутствуют 18 крупных расколотых кусков кремня.

Среди предметов, изготовленных из некремнистых пород, выделяются небольшие, шарообразной формы ядрища – 4 экз. и один – отбойник, изготовленный из крупной гальки, на противоположных концах которого отмечены следы забитости. Грузила – 3 экз., все являются предметами овальной формы, на боковых сторонах фиксируются выемки для крепления.

Неолитическая керамика представлена пятью фрагментами как минимум от двух сосудов, все они имеют характерный красноватый цвет, поверхность (как внутренняя, так и внешняя) хорошо заглажена. Наиболее крупный фрагмент принадлежит сосуду чашевидной формы, орнаментированному мелким гребенчатым штампом. По верхнему краю сосуда идут наклонные короткие ряды оттисков штампа. Горизонтальные ряды опоясывают всю поверхность фрагмента, три вертикальных линии гребенчатого штампа разделяют зону горизонтальных рядов. От другого сосуда сохранился незначительный фрагмент венчика; он орнаментирован редкими рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа, нанесенных по его срезу. Фрагменты стенок орнаментированы оттисками гребенчатого штампа.

Сравнивая материалы стоянок Черников Брод I и Большой Бутодак IV, можно отметить как их сходство, так и различия. Коллекция стоянки Черников Брод I представлена микропластинчатым комплексом и небольшим количеством орудий на отщепах с двусторонней обработкой. Микропластины шириной до 1 см составляют 79,6%, притом, что доля микропластин с правильной огранкой – 87,6%, а с неправильной огранкой – 62,2%. Типологический набор орудий – торцевые и концевые нуклеусы, пластины с ретушью, скошенные острия, низкая асимметричная трапеция и т. д., а также уровень микропластинчатости предельно сближает комплекс стоянки с мезолитическими памятниками Южного Зауралья, таких как стоянка Андреевка III. В то же время присутствие двустороннеобработанных наконечников стрел и ножа свидетельствует в пользу послемезолитического возраста каменного

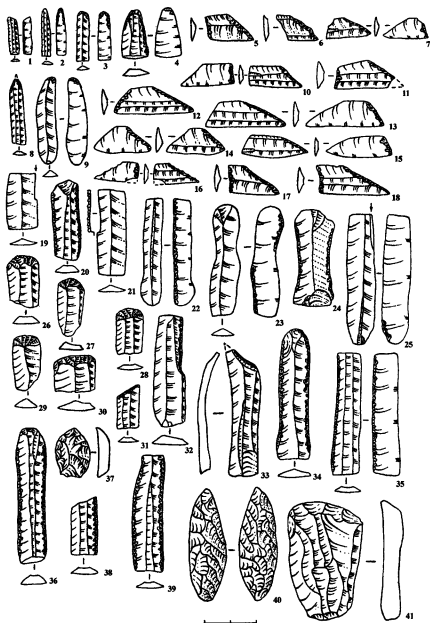

Рис. 1.24. Стоянка Большой Бугодак IV. Каменный инвентарь

инвентаря стоянок. Зафиксированная в жилище не-орнаментированная керамика безусловно соответствует каменному инвентарю и, вероятно, является древнейшей на сегодняшний день в Зауралье. Наиболее близкими типологически и территориально являются материалы стоянок Карабалыкты VIIa и Карабалыкты V. Аналогии подобной керамики можно видеть только в еланской культуре Волго-Уралья (Моргунова, 1995). В целом стоянку Черныков Брод I можно с уверенностью датировать ранним неолитом.

Коллекция стоянки Большой Бугодак IV более представительна количественно и более разнообразна типологически. Нуклеусы представлены всеми формами, характерными для неолита Южного Зауралья – призматической, конической, уплощенной и т. п. Микропластинчатый комплекс составляет 70%, причем среди пластин с правильной огранкой – 61,7%, с неправильной огранкой – 72,7%. Типологический набор орудий, сочетающий орудия на пластинах и отщеплах, и керамика, орнаментированная отгисками гребенчатого штампа, позволяют датировать стоянку поздним неолитом.

Обобщая все имеющиеся материалы по неолиту степного Зауралья, можно сделать некоторые выводы. Топография стоянок имеет несколько вариантов. На озерах – это мысы, выдающиеся в озеро, или площадки в седловинах между двумя возвышенностями. На реках занимались ровные участки террас или мысы при слиянии основной реки и притоков. Высотные позиции стоянок различны как на реках, так и на озерах. Памятники располагались на высоте от 2–3 м до 10–12 м от современного уреза воды. Этот факт пока не находит ни хронологического, ни какого-либо другого объяснения.

Как правило, культурные слои формировались в процессе многократных посещений удобных береговых площадок. На озерах Башкирского Зауралья – Карабалыкты, Сабакты и других – определяющую роль играла, по всей вероятности, близость и доступность сырьевой базы, расположение озер на границе между степной зоной на равнине и лесной зоной в горах. Большинство исследованных здесь памятников содержит остатки мастерских. Огромное количество легкодоступного сырья позволяло населению использовать его без ограничений и экономии, что приводило к многочисленности заготовок и отходов, в отличие от материалов со стоянок, расположенных вдали от выходов сырья и использовавших только речные и озерные галечники. Там изделия количественно превышали отходы или примерно равны им.

В качестве жилищ использовались естественные углубления в скальном основании, в которых

фиксируется утолщение культурного слоя, остатки очагов, концентрация кремневого инвентаря и керамики. Каменный инвентарь и керамика часто концентрируются или возле очагов, или около крупных камней с ровной поверхностью. Вероятно, здесь мы так же, как и в мезолитических памятниках, имеем дело с наземными или слабо углубленными жилищами.

Неолитические памятники степного Зауралья имеют ряд общих характерных признаков как в каменном инвентаре, так и в керамике. В каменном инвентаре это сочетание орудий на пластинках с орудиями на отщеплах, которые составляют единый комплекс. Среди пластинчатых орудий при сохранении основного набора типов орудий предшествующего мезолитического времени появляются новые, такие как, например, сверла, пики, наконечники на пластинах и др. Значительно расширяется ассортимент орудий на отщеплах, появляются изделия из некачественных пород камня. Керамические комплексы представлены сосудами с прочерченной, прочерочно-гребенчатой, гребенчатой и, частично, отступающе-наколячатой орнаментацией.

Памятники с таким набором признаков распространяются на всей территории Южного Урала, ограниченной на севере Средним Зауральем, на западе – основными хребтами Южного Урала, на востоке – рекой Тобол, на юге – южными отрогами Уральских гор, и относятся к чебаркульской неолитической культуре.

Вопрос происхождения южноуральского неолита становится все более аргументированным и понятным с исследованием комплексов типа Черныков Брод I. Основной набор орудий на пластинках сохраняет все типы изделий, существовавших в мезолите – пластинки с ретушью, угловые резцы, пластинки с выемкой, концевые скребки и т.д. Неолитическая технологическая традиция первичного расщепления камня базируется на предшествующей ей мезолитической. Основные характеристики нуклеусов, придающие своеобразие южноуральскому мезолиту, являются неотъемлемым свойством технологии, применяемой населением Южного Зауралья и в неолите, но они получили дальнейшее развитие по линии большего удобства работы с нуклеусами и наиболее оптимального использования сырья. Это выразилось в разнообразии контрфронта, увеличении высоты, серийном использовании плитчатых нуклеусов. Большое значение приобретают плоские нуклеусы на тех же плитках, только плоскость скалывания перемещается с торца на широкую плоскость.

Как было сказано, в основе каменной индустрии неолитических памятников Южного Урала лежит техника расщепления камня на пластины. Именно пластина является заготовкой орудия в этом районе и в мезолите, и в неолите. Из отходов сделаны единичные орудия – скребки и некоторые типы наконечников стрел. Очень важно то, что в неолите сохраняются основные характеристики заготовки, свойственные мезолитическим комплексам. Размеры пластин остаются практически теми же – шириной 0,6–1,0 см, но процентное содержание микропластин сокращается с 80% и более в мезолите и раннем неолите, до 60–70% – в позднем неолите. В мезолите ведущей была пластина со строго параллельными краями и она же – в неолите. Кроме того, как в мезолите, так и в неолите Южного Зауралья использовали главным образом сечения пластин.

Таким образом, в технике расщепления камня в неолите Южного Зауралья сохранились мезолитические традиции. Неолитические мастера не отказывались от стереотипа, заданного еще в мезолите, а, напротив, развивали наиболее оптимальные его стороны, что, в конечном счете, привело к стандартизации заготовок орудий.

В технике вторичной обработки больше инноваций, но они почти полностью относятся к способам оформления контуров орудий, которые широко распространились именно в неолите (сверла, скобели, плитчатые ножи). Основным приемом обработки орудий остается краевая ретушь, сплошная используется главным образом при изготовлении наконечников стрел. Ретушь наносится только по самому краю, не проникая глубоко на грань. Этот принцип относится и к такому новому в Зауралье явлению, как приотстригающая ретушь. Последняя является устойчивым компонентом технологической структуры южноуральских комплексов, но далеко не преобладает над крутой ретушью, которая сохраняет свою ведущую роль в технике обработки орудий. Ретуширование характеризуется весьма высоким качеством, фасетки ретуши чрезвычайно мелкие и в подавляющем большинстве однотипны по форме и равны по размерам.

Инвентарь мезолитических памятников Южного Зауралья демонстрирует почти равное соотношение между ретушью, нанесенной со спинки и с брюшка, и крайне редкое применение противолежащей ретуши. В неолитических комплексах эти пропорции меняются. Преобладают изделия, ретушированные со спинки. Значительно сокращается ретуширование с брюшка и увеличивается, по сравнению с мезолитическим временем, количество изделий

с противолежащей ретушью. На основе применения такого приема ретуширования появляются, например, такие орудия, как сверла.

По-прежнему используется техника резцового скола при изготовлении одного типа резцов – на углу сложенной пластинки.

В продолжение мезолитической традиции в неолитических зауральских комплексах встречаются асимметричные трапеции и треугольники и скошенные острия. Они почти не отличаются от мезолитических, но в коллекциях все чаще отмечаются симметричные трапеции.

Вероятно, развитием традиции мезолитических острий являются некоторые пластинчатые наконечники стрел. Им придают форму собственно неолитической формы – с усеченным основанием, боковыми шипами листовидная и со старым приемом – краевой ретушью, иногда частичной, охватывающей только перо и основание.

Таким образом, мы можем констатировать безусловную генетическую преемственность между южноуральской мезолитической и чебаркульской неолитической культурами Южного Зауралья.

Керамика неолитических стоянок Южного Урала является, как правило, немногочисленной и очень фрагментарной. Причем существует определенная, пока необъяснимая закономерность: чем южнее располагается памятник, тем малочисленнее коллекция и хуже сохранность керамики. По единичным реконструированным сосудам можно, в общем, говорить о форме неолитической посуды. Это полуяйцевидные сосуды с прямыми или слегка загнутыми внутрь стенками и округлыми или приотстриженными днищами. Причем у некоторых сосудов тулово плавно-округлое, у других прямые стенки переходят к днису с более резким перегибом, образуя своеобразное ребро. Такие сосуды более характерны для поздних этапов неолита. Еще одной из типичных черт является наличие на внутренних частях венчиков небольших наплывов – «карнизиков», которые отличаются между собой и формой, и размерами. В тесте – примеси песка и талька в различных пропорциях.

По способу орнаментации выделяется несколько типов.

1. Сосуды, орнаментированные прочерчиванием простой палочкой.

2. Сосуды, орнаментированные прочерчиванием палочкой с расщепленным концом или двузубым штампом, оставляющим двойные параллельные следы.

3. Сосуды, орнаментированные прочерчиванием в сочетании с оттисками гребенчатого штампа.

4. Сосуды, орнаментированные прочерчиванием в сочетании с «шагающей гребенкой».

5. Сосуды, орнаментированные отступающими наколами.

6. Сосуды с орнаментом, выполненным простыми наколами.

7. Сосуды, орнаментированные «шагающей гребенкой» или просто гребенкой.

Орнаментальные мотивы очень просты: горизонтальные волнистые линии, как одиночные, так и в несколько рядов (последние иногда создавались гребенчатым штампом); горизонтальные ряды отступающих наколов, взаимоперекрывающиеся полые или заштрихованные треугольники, полосы «шагающей» гребенки, иногда перекрывающей волнистое прочерчивание, наклонные прочерченные полосы и т. п. Только на финальной стадии неолита на сосудах с чисто гребенчатым орнаментом появляются геометрические фигуры. Эти сосуды резко выделяются из основной массы волнисто-гребенчатой керамики. Полностью восстановить композиции сложно, но в целом орнамент покрывал всю поверхность сосудов, располагаясь преимущественно горизонтальными зонами, включая днища сосудов. «Карнизники» с внутренних сторон орнаментированы, как правило, горизонтальными волнистыми линиями.

На юге лесостепи Южного Приуралья Н.Л. Моргуновой выделена своеобразная культура, получившая название волго-уральской (Моргунова, 1995). Территория культуры ограничена западными предгорьями Южного Урала, который отделяет ее от чебаркульской культуры Южного Зауралья. В волго-уральской культуре представлены три основные типологические группы керамики, выделенные по принципу нанесения орнамента: 1 – неорнаментированная или с неупорядоченным прочерченным орнаментом; 2 – с наколычатым орнаментом; 3 – с гребенчатым орнаментом. Объединяющим признаком для всех групп является наличие профилированных и прямостенных форм сосудов с острым, круглым или плоским дном. Характерны округлые или уплощенные срезы венчиков, часто украшенные орнаментом-наколом или коротким гребенчатым штампом. Специфическим признаком всех групп является ряд ямок с «жемчужинами» на внутренней или на внешней сторонах. Есть преемственность и в технологии изготовления сосудов, которой наиболее присуща примесь толченой раковины. Эти признаки свойственны всей керамике волго-уральской культуры и подчеркивают принципиальное отличие ее от керамики чебаркульской культуры.

На востоке чебаркульская культура граничит с территорией Притоболья, где была выделена маханджарская неолитическая культура (Логвин, 2002). Памятники маханджарской культуры расположены в правобережье верхнего течения реки Тобол и приурочены в основном к Тургайскому прогибу, хотя самым восточным памятником этой культуры является стоянка Жайбай-Покровка I, обнаруженная в правобережье Ишима на территории распространения атбасарской неолитической культуры (Зайберт, 1992). Самым западным местонахождением керамики маханджарской культуры является стоянка Бурали II, на которой было найдено два фрагмента маханджарской керамики, что практически на территории чебаркульской культуры (Мосин, 1996а. С. 48–61).

Южную границу распространения памятников зауральского неолита определить невозможно, так как южнее Челябинской области стационарные исследования не проводились. До сих пор исследователи оперируют материалами, полученными А.А. Формозовым в 40-х годах (Формозов, 1949. С. 49–58; Формозов, 1951. С. 147; Неолит Северной Евразии, 1996). В ходе разведочных работ, проведенных в 70-е годы в Актобинской области Казахстана В.В. Родионовым и Н.П. Петровым (отчеты Актобинского областного историко-краеведческого музея), были получены подъемные материалы – в основном кремневые и кварцевые изделия, которые не позволили делать какие-либо определенные выводы. Неолитическая керамика отсутствует, каменный инвентарь имеет некоторые сходные с южнозауральскими черты: характер пластинчатой индустрии и похожие типы двустороннеобработанных наконечников стрел, но не более того.

4. Стоянки эпохи неолита

В степной зоне Южного Зауралья к настоящему времени исследовано 19 стоянок. Все они находятся в западной части региона, на речах бассейна реки Урал и на озерах зауральской Башкирии. Опорным памятником в начале разработки проблемы периодизации неолита Южного Урала стала *стоянка Агаповка I*.

Стоянка расположена на террасе левого берега реки Урал и правого берега реки Гумбейки, в 1 км от впадения Гумбейки в реку Урал (рис. 1.1). Стоянка занимает ровную площадку мыса, образованного изгибом берега и логом, являвшимся древним водостоком, сейчас прорезанным оврагом высотой 2 м от уровня поймы, на которой разбросаны небольшие старичные озера. Стоянка была исследо-

вана В.С. Мосиным в 1997 году, вскрытая площадь составила 48 кв. м. Культурный слой представлен коричневым суглинком, в верхней части более темным, ниже – светлее, мощностью 0,12–0,3 м, который был перекрыт дерном мощностью 0,05–0,1 м и подостлан светлой материковой глиной. В основании культурного слоя зафиксированы отдельные камни и скопления без какой-либо системы. К краю раскопа, обращенного к пойме, наблюдалось увеличение концентрации находок. Коллекция стоянки представлена 4590 предметами из камня и 210 фрагментами керамики. Среди изделий из камня 892 пластины и орудия из них, 156 орудий из отщепов (рис. 1.25). Коллекция керамики стоянки представлена 210 мелкими фрагментами. Выделяется развал сосуда с «веревочной» орнаментацией, зафиксированный на уровне материка (рис. 1.26, 7–11). Толщина стенок 6–8 мм, черепок плотный, в изломе черно-коричневый. Тесто с примесью дресвы, шамота и крупного кварцевого песка. Орнаментальные мотивы просты – горизонтальные полосы и многогранный зигзаг. Гребенчатая керамика стоянки очень фрагментарна, с простой орнаментацией, однако среди характерных черт можно отметить наличие «шагающей» гребенки и «гусенички» (рис. 1.26, 1–6). Среди остеологических материалов – кости лошади и быка-тура. Появление в энеолитическом комплексе керамики с веревочной орнаментацией, гребенчатой с простыми мотивами, с «шагающей» гребенкой и «гусеничками», а в каменном инвентаре – пластинчатого комплекса, сочетающегося с орудиями на отщепах, позволило предметно ставить вопрос о выделении раннего этапа в энеолите Южного Урала.

Озерные стоянки расположены на озерах Суртанды, Банное, Карабалыкты. В разные годы памятники исследовались Г.Н. Матюшиным (Матюшин, 1982). На озере Суртанды энеолитические материалы представлены на пяти памятниках. На одном из мысов юго-западного берега озера расположено сразу три стоянки – Суртанды VI, VII и VIII. *Стоянка Суртанды VIII* находится на юго-западном берегу озера Суртанды и занимает площадку в седловинке между возвышенностями. Исследовалась в 1967–1968 годах Г.Н. Матюшиным. Общая площадь раскопа 440 кв. м. Культурный слой представлен гумусом мощностью 0,25–0,3 м, в углублениях – до 1,5 м и подстилался скалой. На отдельных участках раскопа прослежены углубления с остатками очагов, прокаленностью почвы и т. п. Основной керамический комплекс этого одного из эталонных памятников кыскульско-суртандинской культуры представлен

гребенчатой посудой с простой и геометрической орнаментацией. Кроме того, присутствуют фрагменты с оттисками крупного гребенчатого штампа, встречаются фрагменты, орнаментированные веревочкой, «гусеничками», рамчатым штампом.

На стоянках Суртанды VI и VII, где культурные слои представлены мезолитом, неолитом и энеолитом, среди энеолитической керамики встречаются фрагменты с гребенчатым простым и геометрическим орнаментом, «шагающей» гребенкой, «гусеничками».

Стоянка Суртанды III расположена на западном берегу в седловинке на возвышенности высотой 5 м от уровня озера. Вскрытая площадь – 24 кв. м. Культурный слой представлен бурым гумусированным суглинком с пятнами желтого суглинка, который был перекрыт сверху дерном и гумусом. Каменный инвентарь представлен пластинами, орудиями на пластинах и отщепах, керамикой, орнаментированной оттисками гребенки, «гусеничкой» и веревочкой.

На озере Банное исследовано четыре памятника эпохи энеолита (Матюшин, 1982). *Поселение Березки* расположено на северо-западном берегу озера, на ровной площадке между берегом и склоном возвышенности. Общая площадь, вскрытая тремя раскопами и шурфами, составила около 500 кв. м. Г.Н. Матюшин предполагал на участке, примыкающем к береговому валу, наличие трех вытянутых в линию жилищ. Жилища выделялись как по углублениям в скальном основании, так и по концентрации находок внутри углублений, преимущественно среди крупных камней. В разных раскопах была найдена керамика от неолита до эпохи бронзы, но с преобладанием энеолитической, а также изделия из меди. Среди энеолитической керамики присутствует гребенчатая с простой и геометрической орнаментацией, фрагменты с «шагающей» гребенкой, веревочная и ложношнуровая.

На стоянках Банное II и Банное VI (Кукушевская) керамика представлена гребенчатой с простыми и геометрическими мотивами, «шагающей» гребенкой и «гусеничками».

На озере Карабалыкты энеолитические материалы найдены на пяти памятниках. *Стоянка Карабалыкты IX* расположена на береговой площадке высотой 2–3 м от уровня озера. Всего вскрыто 60 кв. м. Культурный слой представлен гумусированной супесью мощностью 0,3–0,5 м. Находки встречаются от современной поверхности до скального материка. В основании культурного слоя зафиксирован очажный слой размерами

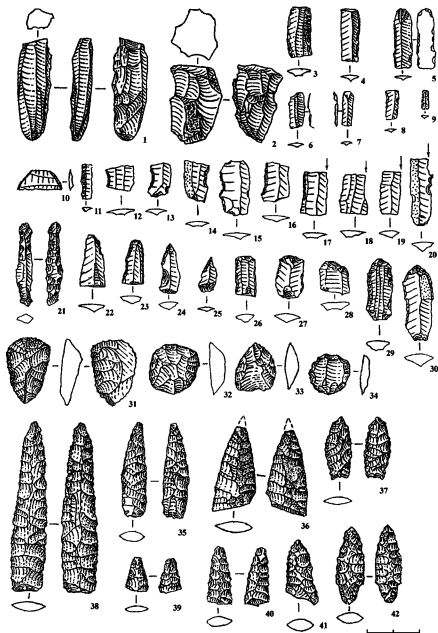

Рис. 1.25. Стоянка Агаповка I. Каменный инвентарь

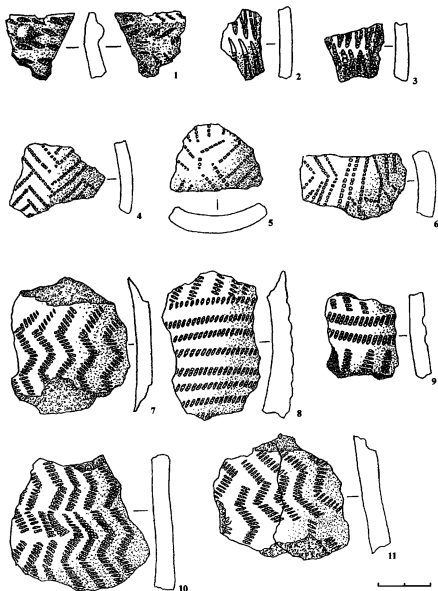

Рис. 1.26. Стоянка Агаповка I. Керамика

1,6×2,4 м с прокалом и углистым содержанием. Находки располагались крупными скоплениями и представлены нуклеусами, изделиями из пластин и отщепов, крупными орудиями из камня, керамикой и изделиями из меди. Памятник однослойный. Однородный энеолитический материал был получен также на недалекой расположенной стоянке *Карабалыкты VIIIб*. Кроме этих однослойных памятников энеолитические материалы были встречены на рядом расположенных разновысотных площадках стоянок *Карабалыкты VIII и VIIIа*. Энеолитическая керамика представлена сосудами с гребенчатой простой и геометрической орнаментацией, «шагающей» гребенкой и «гусеничками».

Большое многослойное поселение *Мурат* было исследовано Г.Н. Матюшиным в 1963–1967 годах на озере Узункуль (Матюшин, 1982). Четырьмя раскопами было вскрыто 310 кв. м. Памятник расположен на широком мысу юго-западного берега озера. Стратиграфия основного раскопа: гумус с находками керамики раннего железного века – 0–0,2 м; далее, до глубины 0,4–0,55 м, бурый сильно гумусированный слой энеолитического времени; ниже, до глубины 0,55–0,7 м, более плотный слой с очагами и углублениями и находками эпохи неолита; ниже, до глубины 1–1,2 м, хрищевато-бурый супилок с мезолитическим инвентарем. Среди энеолитической керамики стоянки – посуда с гребенчатым простым и геометрическим орнаментом и «шагающей» гребенкой.

Как можно видеть из приведенного описания, помимо основного керамического комплекса кыскульско-суртандинской культуры с гребенчатой простой и геометрической орнаментацией, на целом ряде стоянок присутствует керамика, которую пока условно мы относим к раннему энеолиту. Это посуда с крупным гребенчатым штампом, «шагающей» гребенкой, «гусеничками», веревочкой и ложкошнуровая. Более или менее четко по такому набору керамики выделяются пока стоянки Агаповка I, Суртанды III, Баннос VI. На остальных стоянках присутствуют и «классические», и «ранние» типы. Однослойные памятники с таким керамическим комплексом в Зауралье пока единичны.

Новые материалы были получены в Орском районе Оренбургской области. *Поселение Новокумакское* занимает каменный мыс, вдающийся с юга на 0,5–0,6 км в левобережную пойму реки Урал, возвышаясь над ее поверхностью на 7–8 м. С северной и восточной сторон берег окружен местами заболоченной старицей реки Большой Кумак, устье которой расположено в 0,75 км се-

веро-восточнее. Площадь памятника 1,5 га. Поселение было открыто в 1971 году Г.Г. Рукасовым и в разные годы обследовалось шурфами и подъемными сборами С.Н. Заседателевой и О.Ф. Бытковским. На поселении выявлена следующая стратиграфия: дерн – 0,1–0,15 м; темная гумусированная супесь – 0,2 м; светло-серая зольстая супесь – 0,2–0,25 м; хрищевая плотная супесь – 0,4 м. Второй и третий слои соответствуют эпохе бронзы, четвертый слой относится к энеолиту. Поселение распахивается под садовые участки, основная часть коллекции происходит из подъемных оборов.

В коллекции поселения 1537 предметов из камня и 8 фрагментов керамики. Нуклеусы – 15 экз., среди которых один призматический, двуплощадочный (рис. 1.27, 4). Тыльная сторона его покрыта галечной коркой. Ударные площадки прямые, фасетированные, размерами 3,8×2,9 см, негативы сколов 0,6–0,8 см. Два нуклеуса уплощенные, двуплощадочные, у одного ударная площадка (основная) приостренная, размерами 4,2×2,2 см, негативы сколов 1–1,5 см. Другой – с микролитическими негативами сколов, размерами 0,3×0,5 см. Основная ударная площадка размерами 5,4×1,5 см слегка скошенная, тыльная сторона покрыта галечной коркой (рис. 1.27, 1). Нуклеус происходит из шурфа. Два нуклеуса конической формы, одноплощадочные, двуфронтальные. Тыльные стороны образованы крупными сколами. Один имеет скошенную фасетированную площадку размерами 3,4×2,1 см, негативы сколов 0,3–0,5 см. У другого – прямая площадка, размерами 4,5×2,2 см, негативы сколов 0,5–0,8 см (рис. 1.27, 2). Один нуклеус торцово-фронтальный (рис. 1.27, 2). Ударная площадка слегка скошенная, фасетированная, размерами 4,2×2,3 см, негативы сколов 0,5–0,7 см. Четыре нуклеуса, сильно сработанные, подконической формы. Остальные аморфные, многоплощадочные с беспорядочным снятием заготовок отщепов. Кроме того, в коллекции стоянки присутствует 14 заготовок для нуклеусов (пренуклеусов).

Пластины без ретуши – 44 экз. Среди них пластины с правильной огранкой – 16 экз., преобладают пластины шириной от 1 см и более – 10 экз. (рис. 1.27, 7–9, 12–13). Пластины с неправильной огранкой – 28 экз. Пластины с ретушью утилизации – 14 экз., преобладают пластины правильной огранки шириной до 1 см. Пластины с ретушью представлены двумя проксимальными частями двух крупных пластин (шириной – 1,7 и 2,1 см). В обоих случаях ретушь красивая, притупляющая, нанесена со стороны спинки. Резцы – 2 экз., угловые, изготовлены на пластинах шириной 1,1 см

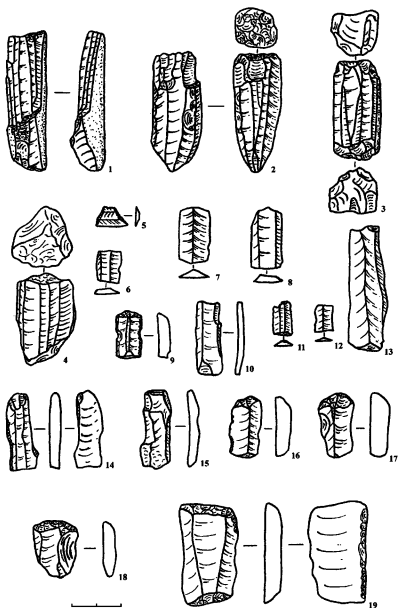

Рис. 1.27. Поселение Новокумакское I. Каменный инвентарь

(рис. 1.27, 10, 14). Один скombинирован с резчиком (оба орудия были обнаружены в шурфе). Острие – 1 экз., изготовлено на дистальной части пластины, с обработанным краевой ретушью острым торцевым краем. Скобели – 3 экз., среди них один с одной выемкой, два – с двумя. Концевые скребки – 5 экз. Изготовлены на пластинах шириной от 1 см и более. Среди них один двойной с подработанным краевой ретушью со стороны броска краем (рис. 1.27, 16–20). Один геометрический микролит – трапеция слегка асимметричной формы (рис. 1.27, 6). Боковые грани обработаны крутой ретушью. Трапеция изготовлена на пластине шириной 0,8 см.

Скрепки на отщепе – 56 экз. (рис. 1.28, 1–8). Форма скрепок зависит от формы отщепов. По оформлению рабочего края орудий выделяются следующие типы: концевые скребки – 12 экз., боковые – 15 экз., комбинированные с боковым и концевым лезвием – 10 экз., скошенные скребки – 4 экз., скребки с лезвием на 2/3 заготовки – 4 экз., скребки с плечиком – 3 экз., скребок с двумя боковыми выемками (с носиком) – 1 экз., скребок с одной боковой выемкой – 1 экз., скребок высоких пропорций, стрелчатый – 1 экз., угловой – 1 экз., угловатый скребок – 1 экз., комбинированные скребки с двумя противоположными лезвиями – 2 экз., аморфные скребки – 12 экз., скребла – 6 экз. Все боковые изделия изготовлены на крупных отщепе, рабочий край оформлен крутой краевой ретушью. Из них два с естественным обушком и прямым лезвием и одно выпукло-вогнутое. Скобели на отщепе – 6 экз. Три изготовлены на пластинчатых отщепе с одной либо двумя выемками (по разным сторонам), один концевой с тремя выемками, два аморфной формы, изготовлены на мелких отщепе. Один нож-скребло с прямым лезвием и естественным обушком, изготовлен на крупном отщепе.

Орудия с двусторонней обработкой – 12 экз. (рис. 1.28, 9–13). Среди них семь наконечников стрел (все обломанные). Пять наконечников иволжской формы, из которых два с выемками в основании, один с прямым основанием, два наконечника лавровидной формы; две заготовки для наконечников; один обломок ножа с естественным обушком, лезвие имеет угловатую форму; две аморфные заготовки.

Отщепы с ретушью – 61 экз., различной конфигурации, преобладают отщепы до 4 см. Отщепы без ретуши до 1 см – 17 экз., до 2 см – 168 экз., до 4 см – 134 экз. Один обломок круглого орудия из слюды и одно грузило (рис. 1.28, 6).

Керамика стоянки представлена восемью фрагментами. Тесто с примесью песка, обжиг ровный, внешней и внутренней поверхности коричневого, а в изломе черного цвета. С внешней и внутренней сторон поверхность горшков была хорошо заглажена. Толщина стенок 0,5–0,8 см. Остатки одного сосуда представлены двумя фрагментами верхнего края (рис. 1.29, 1–2). Венчик отогнут наружу, срез венчика скошен вовнутрь. Орнамент выполнен горизонтальными и вертикальными оттисками гребенчатого штампа. С внутренней стороны венчика – узкая полоска оттисков штампа. Другой сосуд также представлен двумя фрагментами. Он имел закрытую форму, срезанный внутрь край венчика и был орнаментирован рядами горизонтального зигзага из оттисков «гусенички» (рис. 1.29, 4). Один фрагмент орнаментирован вертикальными рядами «шагающей гребенки» (рис. 1.29, 3), другой – оттисками крупного гребенчатого штампа (рис. 1.29, 5), третий – «гусеничкой».

Поселение Ударник расположено на берегу озера Мишкино, на западной окраине поселка Ударник, в 9 км восточнее поселения Новокумакское. Общая площадь в 2,2 га в основном занята поселением эпохи бронзы. Культурный слой выявлен в результате раскопки на глубине 0,5 м и представлен серой золисто-гумусированной супесью мощностью до 0,3 м.

Коллекция представлена подъемными сборами. Нуклеусы целые (рис. 1.30, 28, 30, 32, 34) – 5 экз.; все, кроме одного, одноплощадочные. Первый – плоский, односторонний, ударная площадка наклонная, образованная крупным сколом, размерами 3×1,8 см, негативы сколов размерами 0,3–0,5 см. Второй – конический, слегка уплощенный, полностью сработанный; ударная площадка наклонная, образована одним сколом, размерами 2,5×1,4 см, негативы сколов размерами 0,3–0,6 см. Третий – призматический, многофронтальный, с прямой фасетированной ударной площадкой, размерами 2,3×1,4 см, негативы сколов размерами 0,3–0,6 см. Четвертый нуклеус торцово-фронтальный с прямой фасетированной площадкой, тыльная сторона покрыта галечной коркой, размерами 3×2,1 см, негативы сколов размерами 0,3–0,5 см. Пятый нуклеус дуоплощадочный, с небрежным снятием заготовок, прямоугольной формы, тыльная сторона покрыта галечной коркой, размерами 4,5×2,2 см, негативы сколов размерами 0,7–1,3 см. Один обломок крупного нуклеуса с естественной ударной площадкой, ширина – 3,7 см, негативы сколов размерами 0,8–1,3 см. Кроме того, в коллекции стоянки присутствует пять заготовок для нуклеусов, четыре скола – оживления ударной пло-

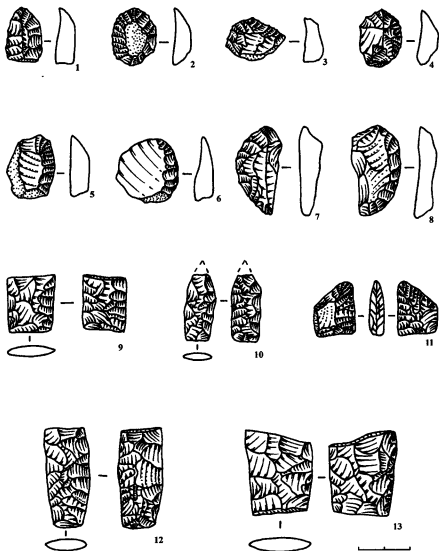

Рис. 1.28. Поселение Новокумакское I. Каменный инвентарь

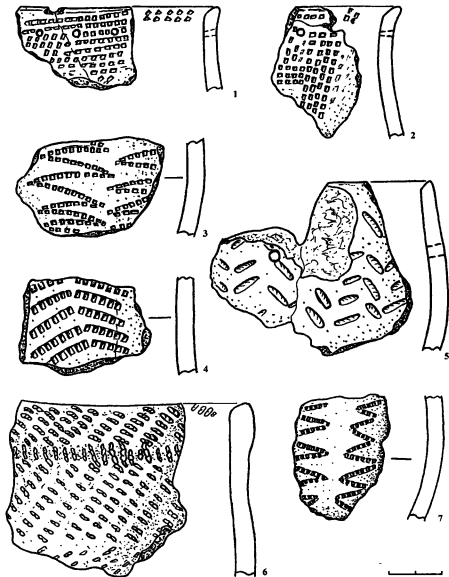

Рис. 1.29. Поселения Новокумакское I (1-5) и Ударник (6, 7). Керамика

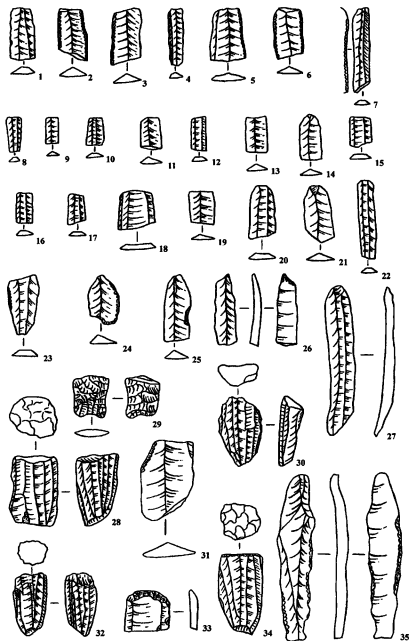

Рис. 1.30. Поселение Ударник. Каменный инвентарь

щадки (поперечные сколы) и один продольный скол с нуклеуса, а также две ребристые пластины.

Пластины без обработки (рис. 1.30, 8–22) делятся на пластины с правильной огранкой и пластины с неправильной огранкой. Пластины с правильной огранкой – 48 экз., из них одна целая пластина, 23 проксимальные части пластин, 18 медиальных и четыре дистальные части. Среди пластин с правильной огранкой преобладают пластины с треугольным сечением – 20 экз., с трапециевидным – 17 экз., многогранные пластины – 9 экз. Пластин с неправильной огранкой всего – 16 экз., из них целая одна, проксимальных семь, медиальных пять и дистальных три части.

Пластины с ретушью утилизации. Всего – 5 экз., из них две проксимальные, две медиальные, одна дистальная часть. По своему сечению пластины делятся на треугольные – 2 экз., трапециевидные – 1 экз., многогранные – 2 экз. Пластины с ретушью (рис. 1.30, 1–7) – 7 экз., из них одна целая, остальные – медиальные части.

Керамика стоянки Ударник представлена пятью орнаментированными и тремя неорнаментированными фрагментами (рис. 1.29, 12). Два энеолитических фрагмента – венчик, орнаментированный наклонными оттисками веревочки и фрагмент стенок с рядами «шагающей» гребенки.

Приведенное выше описание позволяет говорить о том, что материалы поселений Новокумакское I и Ударник по основным характеристикам очень близки между собой. Каменный инвентарь, состоящий в себе пластинчатый комплекс с орудиями на отщепах, и керамика, орнаментированная гребенкой с простыми мотивами, «шагающей» гребенкой, веревочкой и «гусеничками», предельно сближают эти комплексы с материалами стоянки Агаповка I и позволяют отнести их к раннему этапу энеолита Южного Урала.

§ 3. Основные этапы и проблемы культуросгенеза

Южноуральская мезолитическая, чебаркульская неолитическая и кыскульско-суртандинская энеолитическая культуры отражают развитие материальной культуры населения Южного Урала в раннем голоцене. Основной материальной культуры голоценовых культур послужила каменная индустрия, представленная в памятниках юнца верхнего палеолита – пещерах Игнатьевская, Каповая и Кульюрт-Тамак, гроте Зотинском, возможно, памятниках Западной

Сибири типа Черноозерье II. В этих материалах уже фиксируется использование вкладышевой техники на основе применения микропластин шириной, не превышающей 1 см, и основных типов нуклеусов, пластин с ретушью, пластинок с притупленным краем и обработанным торцом, угловых резцов, пластин с выемками, то есть начальный этап формирования основного набора орудий эпохи мезолита, представленного в южноуральской культуре. Геометрические микролиты – асимметричные трапеции и треугольники – появляются несколько раньше, как это фиксируется радиоуглеродной датой, полученной по костям мамонта со стоянки Шикаевка II – 18050±95 л. н. (СОАН-2211), и далее формируются в стандартные формы уже в мезолите. Исходя из этого, вряд ли можно говорить о прямой миграции населения Южного Прикаспия в Зауралье в мезолите и, соответственно, переносе сюда геометрических форм. Пока не совсем определенная, ввиду малочисленности исследованных памятников, пластинчато-отщеповая технология позднего палеолита плавно эволюционирует в микропластинчатую индустрию с геометрическими формами южноуральской мезолитической культуры.

Раннеголоценовые культуры Южного Урала представляют единую линию развития вплоть до конца каменного века и перехода к эпохе бронзы. Памятники мезолита, неолита и энеолита расположены на единой территории, географически определяемой как Южное Зауралье. Только в мезолите мы наблюдаем отдельные стоянки, находящиеся на границе региона – в правобережье реки Тобол, – но по всем главным признакам соответствующие памятникам основной зоны.

Памятники, занимаая все природно-ландшафтные зоны, находятся в близких топографических ситуациях. На реках это мысы, образованные впадением притоков в основную реку или выходом к реке логов. На озерах – мысы или ровные площадки при истоках или впадениях мелких ручьев и протоков, мысы, образованные изгибом берега, седловинки между возвышенностями. Единично – площадки берега в глубине заливов.

Близость топографии в расположении памятников выражается и в том, что на целом ряде стоянок, как озерных, так и речных, фиксируются культурные слои сразу нескольких эпох: мезолита, неолита и энеолита, мезолита и энеолита, неолита и энеолита. Это подтверждает стабильность климатической и экологической обстановки в раннем голоцене и традиционность в выборе экологических ниш населением различных эпох. В течение,

по меньшей мере, семи тысяч лет население Южного Урала обживало одни и те же традиционные береговые участки водоемов.

В элементах домостроительства также наблюдается преемственность, характерная только для Южного Урала. Как правило, на стоянках мезолита–неолита мы имеем дело с наземными конструкциями, фиксируя остатки очагов, незначительные столбовые ямки, скопления находок, приуроченные или к очагам, или к крупным камням. Если же наблюдаются утолщения культурного слоя в слабоуглубленных жилищах, то они приурочены к естественным или карстовым углублениям в скальном основании. Такие углубления расчищались от грунта и мелких камней, которые, вероятно, затем использовались при сооружении жилищ. Это связано с близким подступанием скалы и небольшим по мощности почвенным покровом на территории Зауральского пенепплена, занимающего большую часть Южного Зауралья. В Среднем Зауралье пенепплен значительно сужается и занимает относительно неширокую полосу вдоль восточного склона Урала. На остальной территории речные террасы и озерные берега сложены из рыхлых пород, что позволяло населению мезолита–неолита сооружать слабоуглубленные и полуземляничные жилища с каркасно-столбовой конструкцией. В неолите и энеолите одной из характерных деталей является наличие кольцевых выкладок из небольших камней, которые могли использоваться как подставки под сосуды. В Северном Казахстане на энеолитическом поселении Ботай, например, в полу жилищ, подстилаемых глиной, а не скалой, и при недостаточном количестве камня выкапывались специальные углубления для установки сосудов. То есть традиции домостроительства сохранялись в Южном Зауралье на протяжении всего мезолита–энеолита.

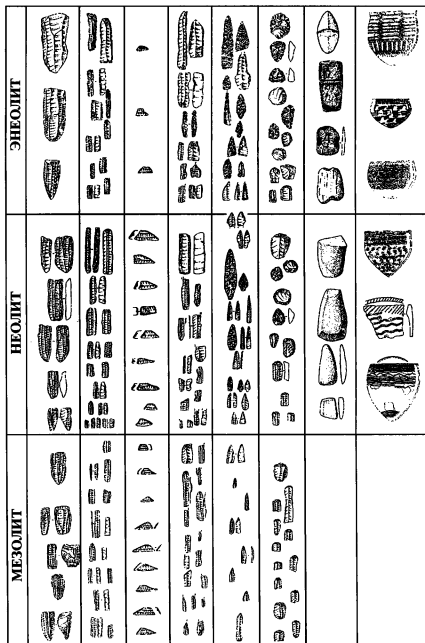
Традиционным и характерным для всех эпох каменного века является сырье для изготовления орудий из камня. Южный Урал богат различными кремнистыми породами и минералами высокого качества: кремнь, яшма, халцедон, опал и др., но наиболее употребляемыми в мезолите–энеолите были фтангиты и фтангитоиды – кремнь темных тонов – черный и серый, яшма зеленого, сургучно-зеленого, сургучного цветов, халцедон. Эти породы легко доступны до сегодняшнего дня и встречаются в виде плиток и галек на речных и озерных отмелях. Начиная с неолита, в употребление входят орудия из некачественных пород – песчаника, сланца и т. п., а наибольшее распространение они получают в энеолите. Из них изготавли-

вались абразивы, орудия на плитках с режущими или скребущими функциями, грузила на плитках округлой формы с боковыми выемками и т. д. Характерными для неолита и энеолита являются оригинальные «утюжки» из талька.

Кремневая пластинчатая индустрия мезолита–энеолита Южного Урала характеризуется единой линией развития как в технологическом расщеплении, так и в типологических рядах орудий (рис. 1.31).

В мезолите обычны призматические, конические и торцевые нуклеусы. Два первых типа являются сквозными от морфологического оформления в конце палеолита до полной деградации и практического исчезновения в конце энеолита. Торцевые нуклеусы, характерные для мезолита, единично встречаются и в неолите, есть и переходные формы от торцевых к плоским нуклеусам на плитках, характерных для неолита. Это когда в качестве плоскости скалывания использовалась не только узкая торцевая грань плитки, но и прилегающая широкая. Площадки нуклеусов прямые или, в неолите чаще, чем в мезолите, скошенные к контрфронт. Тыльная сторона нуклеусов традиционно не использовалась для снятия пластин, а оформлялась или небольшим ребром, или плоской поперечной обработкой, иногда одним поперечным сколом. Основания нуклеусов часто имеют долотовидную обработку. Практически у всех мезо-энеолитических нуклеусов некрутового скалывания плоскость снятия пластин занимала 1/2 или 2/3 периметра. Стандартны и размеры нуклеусов – высота редко превышает 5–7 см, исключением являются только нуклеусы со стоянок-мастерских, таких как Стрелецкие или некоторых на озерах Башкирского Зауралья. Характеру нуклеусов соответствует нам процесс эволюции от мезолита к энеолиту. В мезолите доля микропластинок составляет более 80% от всех пластин, в неолите сокращается до 60%, а к концу энеолита микропластины единичны. От мезолита к энеолиту постепенно уменьшается процент правильно ограниченных пластинок с треугольным или трапециевидным сечением и параллельными гранями, в позднем энеолите пластины, в основном, с непараллельными гранями и несимметричным контуром.

Ретушь, применяемая при обработке пластин, краевая, не заходящая далеко на плоскость, с равновеликими фасетками, в мезолите наносилась со спинки и брюшка по одной грани, в неолите и раннем энеолите – преимущественно со спинки по одной или двум граням. Противоположная ретушь только появляется в мезолите и находит ши-

рокое применение в неолите. Также переходящим из мезолита в неолит является тип пластинок с крутой ретушью с брюшка по двум граням. В мезолите такой ретушью обработаны только края пластинок, в неолите ретушь начинает заходить все дальше на плоскость брюшка, покрывая иногда почти всю поверхность. В мезолите–энеолите часть пластинок имеет эпизодическую ретушь, ее еще можно назвать ретушью утилизации – фасетки случайной формы и размеров, бессистемные и скорее всего полученные в результате работы.

Основной набор орудий из пластины: угловые резцы, пластинки с выемками, резчики, острая, пластины с обработанным торцом, концевые скребки – начал формироваться в конце палеолита, окончательно оформился в стандартный набор в мезолите и существовал вплоть до позднего энеолита с незначительными изменениями. В неолите к этому набору добавляются сверла и развертки, оформленные характерной противоположающей ретушью, пилки с оригинальной пилообразной ретушью, пластинчатые наконечники стрел.

Геометрические микролиты, как уже отмечалось, впервые зафиксированы в позднем палеолите на стоянке Шикавка II. В мезолите они приобретают свои характерные стандартные характеристики – это преимущественно асимметричные низкие трапеции и треугольники, часто с небольшой выемкой, оформленной на короткой грани со стороны брюшка. В неолите эти формы начинают меняться – появляются вытянутые асимметричные трапеции с длинным жалом, близкие наконечникам стрел, и различные нестандартные формы. Чаще встречаются симметричные трапеции. В энеолите геометрические микролиты единичны и приобретают пережиточные формы. Скошенные острая, которые сопровождают геометрические микролиты в мезолите–энеолите, являются производными от них или заготовками, или сломанными экземплярами, поскольку сопоставимы по расположению и характеру ретуши.

Среди орудий на отщепе в мезолите мы фиксируем только немногочисленные и несерьезные скребки, в неолите и энеолите ассортимент скребков значительно расширяется: кроме концевых, появляются округлые, подтреугольные, боковые, стрелчатые и аморфные. Добавляются более крупные скребла и ножи с лезвием по выпуклому краю. В неолите и энеолите получают распространение дустороннеобработанные орудия – большей частью наконечники листовидных форм – иволистные и лавролистные. Практически отсутствуя в мезолите, в неолите и энеолите входят

в употребление орудия из некачественных пород камня – орудия и грузила на плитках, абразивы, «утюжки» из талька.

Появившиеся в энеолите зачатки металлургии и металлообработки меди не нарушают процесса эволюции каменного инвентаря и полностью вписываются в общую картину развития материальной культуры.

Керамические комплексы неолита–энеолита также демонстрируют нам одну линию развития. Выделить полноценный орнаментальный керамический комплекс раннего неолита пока не удастся. Как было показано в настоящей работе, керамика раннеэнеолитической стоянки Черников Брод I неорнаментирована. Однако общие тенденции очевидны. Первоначально мы фиксируем посуду с волнисто-прочерченной, подчерченно-гребенчатой орнаментацией, сочетающей гладкое прочерчивание и оттиски штампа, часто «шагающего» и редко – отступающе-накопчатого. Более ранним представляется волнистое подчерчивание без употребления штампа, затем сочетание подчерчивания и оттисков штампа, и в позднем энеолите – преобладание чисто гребенчатого орнамента. Однако проводившиеся И.В. Калининой и Е.А. Устиновой экспериментальные работы по моделированию неолитической керамики показали, что для орнаментации неолитической керамики Зауралья использовались не специально изготовленные штампы с нарезанными зубцами, как в энеолите, а инструменты естественного происхождения, например, челюсть куницы или зубы и челюсти других животных. При этом оттиски, полученные на экспериментальных образцах, были точной копией неолитической орнаментации, а подчерчивание проводилось другой частью той же челюсти. Поэтому вполне возможно, что чисто подчерченная и подчерченно-гребенчатая орнаментация появились одновременно в начале неолита. Керамику конца неолита – начала энеолита различать вообще очень сложно, поскольку и та, и другая орнаментированы оттисками гребенчатого штампа с некоторыми элементами геометрии. И только в позднем энеолите четко выделяются два компонента в орнаментации гребенчатой керамики – простой и геометрический. По морфологическим признакам керамика также эволюционирует от неолита к энеолиту без каких-либо лагун. Форма посуды неолита – остродонная с прямым или закрытым верхом и «карнизиком» на внутренней стороне венчика постепенно переходит в круглодонные слабопрофилированные сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком без наглыва изнутри. В неолите и в энеолите в тесте присутствует примесь талька – своеобразный индикатор заураль-

ской керамики; формовка сосудов производилась ленточным налепом или встык. Керамика вследствие низкотемпературного обжига имеет характерную красноватую поверхность и черно-красный излом. Таким образом, в керамике мы также видим одну линию развития от неолита к энеолиту.

Рассматривая культурогенез в мезолите, неолите и энеолите Южного Урала в целом, мы можем констатировать, что этот процесс протекал эволюционно, без видимых миграционных вмешательств, в русле единой линии развития материальной культуры от мезолита к энеолиту, что отражено в формировании автохтонных южнозауральской мезолитической, чебаркульской неолитической и кысыкульско-суртандинской энеолитических культур.

Вместе с тем остается целый ряд проблем и нерешенных вопросов в археологии каменного века Южного Урала.

Несколько спорное положение занимает мезолитическая стоянка Евгеньевка I, расположенная в правобережье верховьев реки Тобол, и как будто бы выходящая за границы Южного Зауралья, проходящие на востоке по Тоболу. Вместе с тем материальная культура стоянки (Логвин, 1977. С. 270–275) имеет все черты сходства с южнозауральским мезолитом. Пластины и орудия на них имеют ярко выраженный микролитический характер. Пластины шириной от четырех до семи миллиметров составляют 45% всех пластин без вторичной обработки. Для пластин характерны вытянутые пропорции. Большой процент сечений объясняется, видимо, их использованием в качестве вкладышей. При изготовлении орудий использовался прием нанесения затупливающей и заостряющей ретуши, а также резцового скола. Геометрические микролиты – асимметричные трапеции. Боковые стороны обработаны крутой ретушью со спинки, одна из них с выемкой. В коллекции присутствуют пластины с обработанным торцом, пластины с притупленной спинкой, острие, изготовленное с помощью нанесения плоской ретуши с брешка, два сечения с одним скошенным ретушью концом. Резьды угловые, в двух случаях отмечена ретушь на боковых гранях. Острие из ребристой пластины выполнено подправкой естественного острого конца затупливающей ретушью, нанесенной со спинки.

Концевые скребки выполнены на коротких сечениях пластин. Три скребка имеют по одному концевому лезвию. Два из них имеют, кроме того, дополнительную ретушь со спинки по двум граням. Один скребок имеет два скребковых лезвия – концевое и примыкающее к нему боковое. Одна пластина с ретушью по двум граням с брешка

представляет собой, вероятно, обломок остря. Среди орудий из отщепов больше всего найдено скребков. Все они концевые. В целом орудия из пластин резко преобладают над орудиями из отщепов (90,5 и 9,5% соответственно). Технологически и типологически каменный инвентарь стоянки Евгеньевка I очень близок материалам стоянки Андреевка III. На наш взгляд, стоянка Евгеньевка I может быть включена в южнозауральскую мезолитическую культуру.

Современной является проблема распространения геометрических микролитов, в основном асимметричных трапеций и треугольников, которые, как правило, ассоциируются у археологов с памятниками типа Янгельки. Подобные изделия встречаются в Зауралье достаточно широко хронологически и территориально. Они зафиксированы в раннеолитических комплексах Черников Брод I, Карабалыкты VIIa, Карабалыкты V, стоянках позднего неолита – Краснокаменка, Путиловская Займка, нео-энеолитических слоев стоянок озера Чебаркуль и Аргазинского водохранилища и других в Южном Зауралье. В Среднем Зауралье и Западной Сибири асимметричные трапеции известны в коллекциях неолитических памятников Полуденка II, ЮАО V, Сумпань VI, стоянках Курганского Зауралья и других (Ковалева, 1989; Алексашенко, Викторова, 1991. С. 178; Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 90). Мелкие симметричные трапеции встречаются на энеолитических стоянках Ново-Кумакская, Агаповка I и др. Таким образом, геометрические микролиты так называемого «янгельского» типа встречаются в неолитических и энеолитических комплексах степной, лесостепной и лесной зонах Зауралья и связывать их исключительно с мезолитическими памятниками было бы некорректно. Этот тип изделий на пластинах является сквозным для всех раннеолитических материалов Южного Зауралья, таким же, как угловые резцы, остря, концевые скребки, только в ограниченном количестве. Карта распространения геометрических микролитов в Зауралье практически совпадает с распространением кельтеминарских наконечников стрел, о чем уже приходилось писать (Древняя история Южного Зауралья. Т. 1, 2000).

Не совсем понятен тезис В.Т. Ковалевой по поводу преемственности мезолита и неолита в Зауралье. Буквально это звучит так: «В обобщающей работе по каменному веку Южного Зауралья (вероятно, имеется в виду «Древняя история Южного Зауралья». Т. 1, Челябинск, 2000) В.С. Мосин выделил чебаркульско-полуденскую общность,

сформировавшуюся, по его мнению, на основе местного мезолита. Основной аргумент – территориальное совпадение мезолитической и неолитической культур. Совершенно очевидно, что полуденская культура не сформировалась на мезолитической основе, а генетическая преемственность с козловской культурой в свете новых исследований далеко не очевидна. Кроме того, в Южном Зауралье нет базовых неолитических комплексов, которые позволили бы составить достоверное представление о динамике южно-уральского неолита. В работах Л.Я. Крижевской и В.С. Мосина дана характеристика каменных индустрий без разделения на хронологические комплексы. Каким образом автору удалось установить генетическую преемственность мезолитической и ранне-неолитической культур, остается неясным (Ковалева, 2003. С. 51). Начнем с того, что основным аргументом в выводе о преемственности мезолита-неолита в Зауралье является не «территориальное совпадение мезолитических и неолитических культур», а типологические ряды изделий из камня, причем в Среднем Зауралье имелся в виду ранний (козловский) этап полуденской культуры (Древняя история Южного Зауралья. Т. 1, 2000. С. 147. Табл. 5), выделенный В.Т. Ковалевой (Ковалева, 1989; Ковалева, Чаиркина, 1991. С. 45–70). В качестве опорных комплексов раннего неолита Среднего Зауралья можно привести материалы поселений Евстониных I и Исетское Правобережное. Кремневая индустрия Евстониных I, генетически восходящая к зауральскому мезолиту, сохраняет пластинчатую технику раскалывания, определенную долю микролитонности, преимущественное использование пластин с краевой обработкой. Сохраняются архаичные типы орудий – резцы и резчики, пластинки с боковой выемкой. Часть орудий изготовлена на крупных пластинах. Шлифованных орудий мало. Сочетание ранних и поздних типов орудий свидетельствует о ранне-неолитическом возрасте памятника и преемственности мезолитической и неолитической культур (Ковалева, Чаиркина, 1991. С. 47, 49). На поселении Исетское Правобережное керамический комплекс, включающий посуду раннего (козловского) и позднего (полуденского) этапов неолита, сочетается с кремневым микропластинчатым инвентарем. Причем, «пластин шириной до 1 см подавляющее большинство, и они составляют от общего числа соответственно по жилищам: 81,9; 69,3 и 90,1%» (Кернер, 1991. С. 46–67), то есть показатель микропластин вполне соответствует мезолиту Среднего Зауралья. Типологический

набор пластинчатых орудий также близок мезолитическому – пластинки с ретушью, пластинки с выемкой, угловые резцы, резчики, концевые скребки, острия. Более того, комплекс жилища 3, в котором присутствует типологически поздние-неолитическая посуда, характеризуется наиболее архаичным кремневым инвентарем.

В Южном Зауралье на настоящий момент пока известен один жилищный комплекс, достоверно относящийся к раннему неолиту – Черников Брод I, представленный микропластинчатым кремневым инвентарем и неорнаментированной керамикой. Имеющиеся другие данные говорят о следующем – керамика раннего неолита (типа евстониной или козловской, что в принципе одно и то же) выделяется пока только типологически, и связать ее с конкретным кремневым комплексом сложно. На всех неолитических стоянках Южного Зауралья независимо от того, расположены они в лесу или в степи, присутствует керамика с прочерченно-гребенчатым и, в меньшей степени, с наколачатым орнаментом, очень близкая керамике полуденской культуры; иногда она сочетается с чисто прочерченной посудой раннего облика. Каменный инвентарь стоянок с керамикой неолита (например, Краснокаменка, Чебаркуль II, Путиловская Занька и др.) характеризуется пластинчатым микролитическим комплексом, где пластинки шириной до 1 см составляют до 70%. Типологический набор пластинчатых орудий – пластинки с ретушью, угловые резцы, пластинки с выемкой, острия, пластинки с обработанным торцом, асимметричные трапеции и треугольники – полностью присутствует в мезолитических памятниках Южного Зауралья. Материалы стоянки Черников Брод I являются переходными от мезолита к неолиту, что четко фиксируется и в технологии, и в типологии инвентаря. Все изложенные факты говорят о генетической преемственности каменных индустрий мезолита и неолита Зауралья. Речь идет именно о районах восточного склона Урала и Зауральского пенеплена (но не Нижнего Притоболья, являющегося территорией Западной Сибири со своей ландшафтно-географической и культурно-исторической ситуацией). Никто из действующих уральских археологов сомнений по этому поводу не высказывал. Действительно непонятно, в свете каких новых исследований существующая схема мезолита-неолита Зауралья может быть разрушена.

Еще одной проблемой неолитических стоянок степной зоны является малое количество керамики. Этот факт пока не находит приемлемого объяснения ни с археологической, ни с геологической

точек зрения. Существующая ситуация затрудняет культурную интерпретацию степного неолита. Рассмотрим все имеющиеся факты.

На стоянке Карабалыкты I найдено 12 мелких фрагментов керамики. В тесте – примеси песка и талька. Только на одном фрагменте заметны следы орнамента из оттисков отступающей палочки и прочерченных линий. На стоянке Сабакты 6 – только шесть фрагментов с примесью талька плохой сохранности, но «характер орнамента сближает их с керамикой со стоянки Карабалыкты I» (Матюшин, 1969. С. 91–101). На стоянке Карабалыкты V керамики около 300 фрагментов. Посуда двух типов – толстостенные сосуды со скошенным изнутри венчиком и очень четким орнаментом и сосуды той же формы с орнаментом, выполненным прочерчиванием палочкой с расщепленным концом. Иногда поверх прочерченных двойных линий наносится орнамент, напоминающий гребенку, но в действительности нанесенный оттисками той же расщепленной палочки» (Матюшин, 1976. С. 37–56). На стоянке Ташбулатово (Карабалыкты 10) – 233 фрагмента керамики, которая сильно фрагментирована, тесто с примесью песка и талька, толщина стенок – 0,6–0,8 см. Венчик прямой, с внутренней стороны имеется утолщение – «карнизик», орнамент – волнистые прочерченные линии и оттиски гребенчатого штампа (Матюшин, 1970. С. 5–39). На стоянке Карабалыкты VIIa – 104 фрагмента, из них 25 были ornamentированы нечеткими оттисками гребенчатого штампа – «шагающей гребенкой» и волнистыми линиями, прочерченными палочкой с раздвоенным концом (Матюшин, 1973. С. 96–103). На стоянке Усть-Утяганской керамика представлена также мелкими фрагментами, среди которых только на пяти сохранились остатки орнамента – прочерчено-гребенчатого, наконечного, гребенчатого (Древняя история Южного Зауралья. Т. 1, 2000. С. 93–95). На стоянке Синташта XIX керамическая коллекция представлена 34 фрагментами, в тесте с примесью песка и талька, ornamentированными вертикальными и горизонтальными линиями и «елочкой», выполненными оттисками гребенчатого штампа (Нохрина, 1974. С. 10–11). То же самое на стоянке Синташта XXI (Дрябина, 1974. С. 11–12). На стоянке Черников Брод I зафиксировано несколько фрагментов без орнамента и один фрагмент с прочерченным орнаментом из разведочных работ К.В. Сальникова, все остальные стоянки известны только из отчетов о разведочных работах и идентифицировать их, как известно, очень сложно.

Несмотря на малочисленность керамических коллекций, общую закономерность можно вывести. Неолитическая посуда формировалась из теста с примесью песка и талька. На имеющихся венчиках с внутренней стороны утолщение – «карнизик». Толщина стенок, как правило, 6–8 мм. Форма сосудов не восстанавливается. Среди техники ornamentации присутствуют волнистое прочерчивание простой палочкой и палочкой с раздвоенным концом, отступающие наколы, оттиски гребенчатого штампа. Аналоги подобной керамики в Зауралье довольно обширны; она встречается как в степной зоне, так и в лесостепи и в лесу. Неолитическая керамика, ornamentированная палочкой с раздвоенным концом, известна на лесостепных стоянках Путиловская Займка, Краснокаменка; лесных – Чебаркуль I, II и Абсолютская. Также представлена и керамика с отступающе-наконечным и гребенчатым орнаментом (Древняя история Южного Зауралья. Т. 1, 2000). Характерными для зауральской неолитической керамики являются примеси талька в тесте и наличие напыла-«карнизика» с внутренней стороны венчика. По всем основным признакам керамические комплексы степного неолита включаются в чебаркульскую неолитическую культуру Южного Зауралья.

Открытым пока остается вопрос о времени появления в Зауралье наконечников кельтеминарского типа. Наибольшее распространение в Кызылкумах, если основываться на хорошо документированных комплексах (Джанбас 4, стоянка Толстова, Кават 7 и др.), этот тип наконечников получает распространение в IV, возможно, и с конца V тысячелетия до н. э. и существует там до конца неолита. По мнению А.В. Виноградова, кельтеминарские наконечники появляются еще в конце раннеолитического (дарьсайского) этапа, который датируется в рамках конца VII – середины или 3-й четверти V тыс. до н. э. (Виноградов, 1981. С. 129–133).

На Южном Урале кельтеминарские наконечники зафиксированы большей частью в смешанных нео-энеолитических слоях. В степной зоне по одному наконечнику найдено на распаханной стоянке Утяганская и стоянке Сабакты III; в лесостепной зоне – на стоянке Путиловская Займка, Усть-Суерка 4, Савин; в лесной зоне – на стоянках Чебаркуль II, Перевозный III, Песчаное X, Долгий Ельник I–II. Во всех случаях однозначно связать наконечники с конкретным слоем неолита или энеолита не представляется возможным. В Среднем Зауралье эти изделия более четко зафиксированы в памятниках шувкинского типа раннего энеолита и датируются

началом III тысячелетия до н. э. Кельтеминарские наконечники в Зауралье изготовлены из местных пород камня, в частности, на Южном Урале – из зеленой, сургучно-зеленой и других цветов яшмы, что исключает прямой импорт из Арало-Каспийского региона. Мы имеем дело уже с местной традицией изготовления подобных характерных изделий. Появление столь специфичных форм и своеобразной технологии их изготовления непременно должно связываться с предшествующим временем, в данном случае, с неолитом, то есть с IV тысячелетием до н. э., когда кельтеминарские наконечники имели наибольшее распространение в исходной зоне Приуралья.

Одной из серьезных проблем археологии традиционно является хронология. В определении хронологических рамок мезолита Южного Зауралья пока есть некоторые затруднения ввиду отсутствия радиоуглеродных дат, однако такие датировки есть на сопредельных территориях. В Среднем Зауралье на торфяниковой стоянке Кокшаровско-Юрьинская была получена серия дат, одна из которых фиксирует рубеж мезолита и неолита – 6470 ± 80 лет назад (ЛЕ-2060). Это же время подтверждается споро-пыльцевыми диаграммами с мезолитической стоянки Исток II и с аятского торфяника, согласно которым существование стоянки Исток II можно соотносить с первой половиной атлантического периода, ниже уровня даты 6250 ± 150 лет назад. Эта дата определяет верхнюю границу мезолита Среднего Зауралья (Сериков, 2000. С. 129).

В Среднем Приуралье Т.М. Гусенцовой были исследованы мезолитические стоянки Баринка I и Баринка II. Кремневая индустрия стоянок характеризуется высоким процентом пластинчатости, употреблением микропластинок и пластинок без ретуши в качестве орудий, присутствием в коллекциях угловых резцов, пластинок с обработанным торцом, симметричных и скошенных острий и так далее, что показывает некоторое сходство с мезолитом Среднего и Южного Зауралья. Для стоянки Баринка II была получена радиоуглеродная дата – 8265 ± 130 лет назад (ЛЕ-1288), для стоянки Баринка I – 7435 ± 170 лет назад (ЛЕ-1264). Более поздней дате – середине VI тысячелетия до н. э. – на стоянке Баринка I соответствуют и археологические материалы позднего мезолита (Гусенцова, 1981. С. 135, 144).

Несколько дат было получено с мезолитических памятников таежной зоны Западной Сибири. Так, даты со стоянок Геологическое III и Леуши IX соответствуют концу VII – середине VI тыс. до н. э. На стоянке Сатыга XVIIa обнаружены ямы с темным углистым заполнением, прорезанные мерз-

лотными клиньями. Мезолитические материалы стоянки по ряду показателей близки комплексам позднелепелитической стоянки Черноозерье II (Беспрозванный, 1997. С. 36).

Более ранние даты для мезолита региона были получены в Северном Казахстане и Южном Приуралье. На североказахстанской стоянке Тельмана XIV, исследованной В.Ф. Зайбертом, в мезолитическом слое была зафиксирована яма с углистым заполнением и прокалом, давшая радиоуглеродную дату – 10540 ± 200 лет назад, то есть IX тысячелетие до н. э., что соответствует началу голоцена (Мезолит СССР, 1989. С. 122). В Южном Приуралье на стоянке Холодный Ключ было получено две радиоуглеродные даты – 9620 ± 50 (БашГИ-76) и 9650 ± 50 (БашГИ-77) лет назад, происходящие из почвы, перекрывающей культурный слой. Для стоянки Муллино II полученные радиоуглеродные даты из культурного слоя – 8320 ± 100 (БашГИ-58) и 8500 ± 180 (БашГИ-59) лет назад (Матюшин, 1976. С. 177). То есть мезолитические памятники Приуралья укладываются в пределы VIII–VII тыс. до н. э.

Таким образом, хронология мезолита южной части уральского региона в целом ограничена рамками IX–VII тыс. до н. э. К этому же промежутку времени следует относить и памятники мезолита Южного Зауралья, которые полностью вписываются в существующую систему культур. Подтверждением верхней даты может служить и факт залегания культурного слоя стоянки Чебаркуль XVII под береговым валом. Береговые (прибойные) валы на южноуральских озерах начали формироваться в атлантический период, то есть в VI тыс. до н. э.

Пока есть одна радиоуглеродная дата неолита Южного Зауралья – это 7600 ± 200 , то есть VI тыс. до н. э. для неолитического слоя стоянки Березки (Матюшин, 1988. С. 30). Правда, материалы этого слоя не опубликованы, и о каком материальном комплексе идет речь, говорить затруднительно.

Приуральские неолитические материалы типа Муллино II – Давлеканово II Г.Н. Матюшин относит к VI – началу V тыс. до н. э. (Матюшин, 1982б. С. 2-74). Ранний неолит Волго-Уралья, представленный довольно оригинальной елшанской культурой, датируется второй половиной VII – серединой VI тыс. до н. э. (История Самарского Поволжья..., 2000. С. 158, 183). Средний и поздний этапы неолита относятся ко второй половине VI – первой половине V тыс. до н. э. (Моргунов, 1995. С. 59).

С кельтеминарскими памятниками Среднеазиатского междуречья неолит Южного Зауралья имеет целый ряд сходных признаков, в том числе таких характерных, как асимметричные трапеции

и треугольники и кельтеминарские наконечники стрел. При рассмотрении хронологической позиции асимметричных трапеций и треугольников можно полностью согласиться с выводом А.В. Виноградова о том, что раннекельтеминарские памятники дарьсайского типа «типологически и хронологически близки кругу комплексов конца мезолита (точнее, рубежа мезолита и неолита) – раннего неолита, для которых характерно широкое распространение мелких орудий геометрических очертаний, прежде всего значительных серий небольших симметричных трапеций. Эти последние сопровождаются часто единичными или мало-серийными находками асимметричных изделий разных пропорций – форм, в целом типологически хронологически более ранних. Наличие их в комплексах, следовательно, не всегда является основанием для безоговорочного отнесения последних к мезолиту» (Виноградов, 1981. С. 125). В Южном Зауралье асимметричные трапеции и треугольники также характерны как для мезолита, так и для неолита. Правда, здесь не встречаются так называемые «frogатые трапеции», но они есть на сопредельной территории Северного Казахстана в материалах атбасарской неолитической культуры (Зайберт, 1992), что также указывает на синхронность неолитических культур региона.

Кельтеминарские наконечники стрел встречаются по всему Зауралью, а в памятниках Среднего Зауралья они чаще всего связаны с ранним этапом неолита, пока датируемым началом III тыс. до н. э. (Чаиркина, 1995). В Южном Зауралье этот тип встречен в памятниках как с неолитическими, так и с нео-энеолитическими слоями, поэтому может датироваться как неолитом, так и энеолитом.

Ранний этап кельтеминарского неолита, где есть асимметричные геометрические формы, но еще нет кельтеминарских наконечников, имеет две радиоуглеродные даты, полученные на стоянке Учачи 131 – 6630 ± 100 (ГИН-915) и 6590 ± 130 (ГИН-916) лет назад, что соответствует второй четверти V тыс. до н. э. Поскольку образцы были получены из горизонта погребенной почвы, отделенной от культурного слоя почвенным аллювием, на накопление которого требовалось определенное время, А.В. Виноградов определяет время стоянки Учачи 131 второй половиной – концом VI тыс. до н. э., а весь ранний дарьсайский этап – от конца VII до середины V тыс. до н. э. Джанбаский этап кельтеминарской культуры, где широкое распространение получают кельтеминарские наконечники, автор датирует концом V–IV тыс. до н. э. (Виноградов, 1981. С. 132–133). Учитывая

как общее типологическое сходство неолитических материалов кельтеминарской и чебаркульской культур, так и присутствие оригинальных изделий геометрических форм и кельтеминарских наконечников, вполне можно в целом синхронизировать эти культуры.

Таким образом, рассматривая неолит Южного Зауралья в системе культур сопредельных территорий, на настоящий момент можно датировать VI – первой половиной IV тыс. до н. э.

Датировка неолита Среднего Зауралья не выходит за рамки V–IV тыс. до н. э. (Неолитические памятники Урала, 1991). Об этом же свидетельствуют данные с торфяниковых памятников Зауралья. Культурные слои памятников неолита (Шувакиш VIII; Вахты VIa, Кокшарово I, Шигирский Исток I и II, поселение Шигирское-а, стоянка Стрелка) располагаются в нижней части сапропеля или в минеральном слое – песке, перекрытом торфяно-сапропелевыми отложениями. Культурные слои этих памятников сформировались в атлантический период VI–IV тыс. до н. э. (Чаиркина, 2002. С. 278–279).

Зауральская энеолитическая общность на своем основном «классическом» этапе, характеризуемому сочетанием керамики с простыми и геометрическими мотивами, датируется III тыс. до н. э. Эти даты неоднократно опубликованы (Зайберт, 1993; Чаиркина, 1995; Чаиркина, 1997. С. 26–39; Калиева, Логвин, 1997; Шорин, 1999).

Вопрос о выделении раннего энеолита Зауралья возник в связи с открытием в Южном Зауралье стоянки Агаповка I, в Среднем Зауралье памятников шувакишского типа (Чаиркина, 1997. С. 27–28). По мнению Н.М. Чаиркиной, субстратная основа для формирования шувакишских комплексов отсутствует и их появление в Зауралье связано с миграцией или инфильтрацией населения новоильинской и раннегаринской культур Прикамья посредством продвижения вверх по реке Чусовой. В керамике этих культур присутствуют элементы, характерные для шувакишской посуды – крупнозубый, «гусеичный» и «фрамчатый» штампы, веревочка. Орнаментальные мотивы, как правило, простые, без геометризма. В каменном инвентаре – сочетание орудий на пластинах и отщепях. Вместе с тем с новоильинскими комплексами, возможно, связаны наконечники кельтеминарского типа (Бор III, Зверевое) (Наговицын, 1993. С. 59–76), которые могли попасть в Прикамье только из Зауралья. В Прикамье также встречается зауральская неолитическая керамика с прочерченным орнаментом и примесью талька

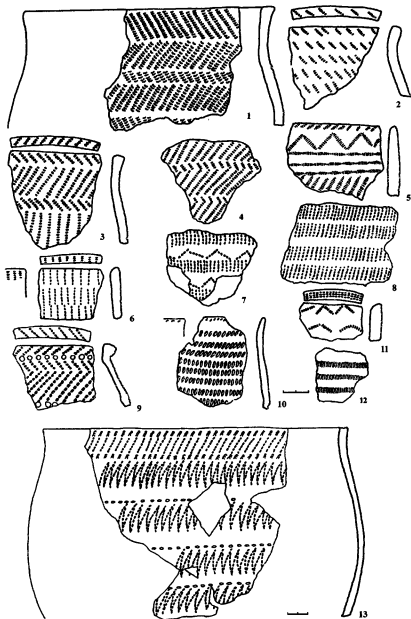

Рис. 1.32. Стоянка Ивановская. Керамика токсского типа (по Н.Л. Моргуновой)

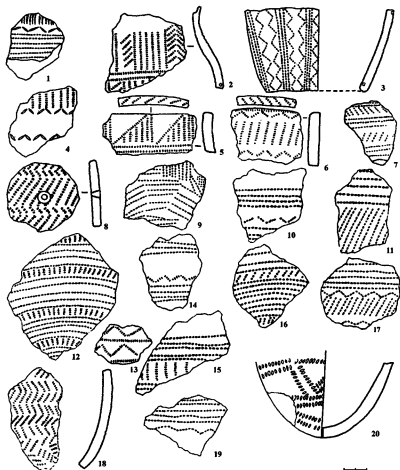

Рис. 1.33. Стоянка Ивановская. Керамика турганикского типа (1-20) (по Н.Л. Моргуновой)

(Неолит Северной Евразии, 1996. С. 247) и энеолитическая – с гребенчатым геометризмом. Вероятно, инфильтрация населения происходила и в обратном направлении – из Зауралья в Прикамье.

На Южном Урале контакты мезолитического и неолитического населения Зауралья и Приуралья пока не зафиксированы. Комплексы раннего энеолита Южного Зауралья характеризуются керамикой с гребенчатым, «гусеничным» и веревочным орнаментом; отсутствием геометризма; пластинчато-отщеповым каменным инвентарем, мало отличающимся от предшествовавшего неолитического. По сравнению с неолитом, новым элементом,

пожалуй, является только керамика с веревочкой и «гусеничками». Гребенчатая керамика с простыми мотивами и «шагающей» гребенкой продолжает традиции неолита.

Ранний энеолит Волго-Уралья представлен самарской культурой, которая датируется серединой V – первой половиной IV тыс. до н. э. (Моргунова, 1995; История Самарского Поволжья..., 2000). Каких-либо аналогов и параллелей с этой культурой в Южном Зауралье пока нет. В это время здесь продолжает существовать чебаркульская неолитическая культура. Следующий этап волго-уральского энеолита представлен памятниками с керамикой ива-

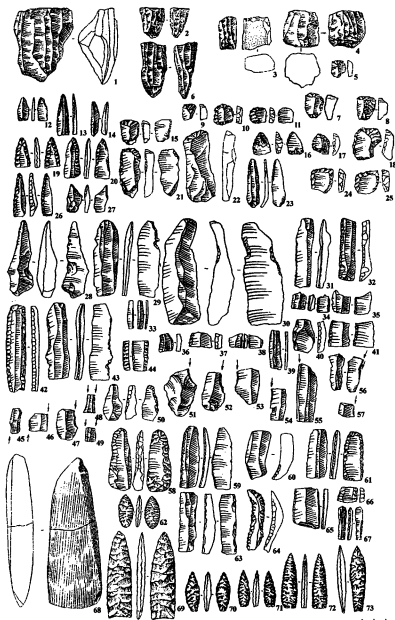

Рис. 1.34. Стоянка Ивановская. Каменный инвентарь энеолитического слоя (по Н.Л. Моргуновой)

новского, токсского и турганьского типов. Эти типы керамики встречаются в совместном залегании в неолитических слоях Ивановской и Турганьской стоянок в западном Оренбуржье (Моргунова, 1989. С. 118–135; 1995). Для орнаментации токсской посуды характерны отски широкого гребенчатого штампа, а также такие новые для всего региона элементы, как «гусенички» и веревочка. Геометризм в орнаментальных мотивах практически нет, или он очень редок, зато присутствует «шагающая» гребенка (рис. 1.32). Такая же керамика зафиксирована в неолитических слоях приуральских стоянок Муллино и Давлеканово (Матюшин, 1982).

В каменном инвентаре продолжается неолитическая традиция преобладания пластинчатого инвентаря, и типологически он очень близок материалам Агаповки. Не приняв во внимание технологию и морфологию указанных типов керамики, в орнаментации есть черты, сближающие ее с керамикой раннего неолита Южного Зауралья. Это «шагающая» гребенка, «гусенички», веревочка. В каменном инвентаре сходными являются типы резцов, острый, сверл, наличие торцевых и односторонних нуклеусов, изделий на пластинах с пыльчатой ретушью, двустороннеобработанных наконечников стрел с прямым и вогнутым основанием (рис. 1.34). Памятники с керамикой токсского типа датируются второй половиной IV – началом III тысячелетия до н. э. (Моргунова, 1995; История Самарского Поволжья..., 2000). Как уже отмечалось в предыдущей главе, на целом ряде стоянок Южного Зауралья присутствует керамика, которую пока условно мы относим к раннему неолиту. Это посуда с крупным гребенчатым штампом, «шагающей» гребенкой, «гусеничками», веревочкой. Более или менее четко по такому набору керамики выделяются пока стоянки Агаповка I, Суртанды III, Баяное VI. На остальных стоянках присутствуют и «классические», и «франские» типы. Учитывая территориальную и типологическую близость материалов «токсских» памятников и указанных материалов Южного Зауралья, их можно синхронизировать и соответственно ранний этап неолита Южного Зауралья датировать второй половиной IV – началом III тыс. до н. э.

Турганьская керамика (рис. 1.33) почти вся гребенчатая и по Н.Л. Моргуновой хронологически занимает место вслед за материалами ивановско-токсского типа. Кроме того, на Турганьской стоянке зафиксированы два сосуда с тальком в тесте и геометрической орнаментацией кыскульско-суртандинской культуры (Моргунова, 1995. С. 68).

Материалы раннего неолита Среднего Приуралья и Зауралья, представленные в нововели-

ских и шувашских памятниках, датируются второй четвертью III тыс. до н. э., что в целом соответствует общей картине развития культур Южного и Среднего Урала.

Неолитический этап в истории Южного Зауралья заканчивается в конце III тысячелетия до н. э. Об этом можно говорить с полной уверенностью, так как здесь появляются отдельные памятники с материалами ямной культуры, а к XVIII в. до н. э. на этой территории распространяются укрепленные поселения синташтинской культуры эпохи бронзы (Древняя история Южного Зауралья. Т. 1, 2000). Автохтонная линия развития культур Южного Зауралья, которая существовала с эпохи мезолита, прерывается. Памятники ранней бронзы в Южном Зауралье до сих пор не выявлены. Все имеющиеся на сегодняшний день данные говорят о том, что местное неолитическое население не участвовало в формировании культуры эпохи бронзы (Мосин, 1990. С. 15–25). Конец раннего этапа суббореала (4100–3900 л. н.) связан с ксеротермическим этапом и резкой аридизацией климата. На территории Южного Зауралья начинают доминировать полупустынные сообщества, образующие солончаковые соры. В долине реки Большая Караганка образуется номинальная сеть трещин усыхания, характерен очень низкий уровень грунтовых вод (Лаврушин, Спиридонова, 1995. С. 165–170; 1999. С. 66–103).

Подобные процессы аридизации отмечены и на материалах торфяников Среднего Зауралья, где в начале суббореала можно говорить о своеобразном переломном периоде. Увеличение сухости климата привело к обмелению и заболачиванию водоемов, ставшему для многих из них необратимым процессом, в результате которого они превратились в торфяные болота, что привело к коренной перестройке состава растительности (Панова, 2001. С. 48–59).

В конце III тысячелетия до н. э. на всей территории зауральской неолитической общности начинается период дестабилизации. В южных районах Зауралья неолитическое население покидает свои обжитые места. Вероятно, к этому времени относится появление импортной зауральской неолитической посуды с тальком в памятниках Приуралья (Морозов, 1982. С. 71–82) и Прикамья (Бадер, 1959а. С. 25–62; 1959б. С. 87–112; 1960). Проследить дальнейшую судьбу неолитического населения – носителей гребенчатой керамики с геометрическими мотивами – пока довольно сложно ввиду отсутствия достоверных фактов.

§1. Современное состояние исследований

Археология эпохи бронзы Южного Зауралья занимает важное место в археологии Северной Евразии, поскольку в этом регионе были выделены культуры, имеющие гораздо более широкое распространение и имеющие огромное значение для понимания глобальных процессов: синташтинская, алакульская, федоровская, черкаскульская, межовская. Кроме того, Южное Зауралье географически находится на стыке лесной и степной зон, а также Европы и Азии, что определяет важность этих материалов при сопоставлении культур и процессов различных территорий. При этом, на первый взгляд, в археологии Южного Зауралья достигнуты серьезные успехи в накоплении материала, открытии и исследовании памятников различных периодов эпохи бронзы. Однако это поверхностное впечатление очень далеко от действительности.

К сожалению, территория Южного Зауралья исследована крайне неравномерно. Ранее наиболее изученными районами были лесостепной северо-восток и лесной север, поскольку здесь осуществляли работы К.В. Сальников, В.С. Стоколос и Т.М. Потемкина. Эпизодические работы производились и экспедициями Уральского госуниверситета. Однако в северных районах работы производились неравномерно. Мы почти не имеем представлений об эпохе бронзы горно-лесной зоны. На северо-востоке Южного Зауралья хорошо исследована территория Курганской области. Несопоставимо слабее изучен «озерный край» в Каслинском, Кунашакском, Аргаяшском, Красноармейском, Октябрьском районах. Речь идет, таким образом, обо всех северных районах Челябинской области, что ставит задачу сплошного разведочного обследования этой зоны. Выявление источников археологического изучения бронзового века в этих районах, может быть, скорректирует направления их дальнейшего изучения.

Данная ситуация обусловлена тем, что основная тяжесть исследований была перенесена на степные районы в связи с открытием синташтинских памятников.

Последнее обстоятельство вызвало и неравномерность в исследовании отдельных эпох. В настоящее время недавно открытая синташтинская

культура является наиболее изученной не только для эпохи бронзы, но, пожалуй, и для всей археологии региона. На этом фоне давно изучаемые культурные образования обсуждаемого периода, такие как алакульская и федоровская культуры, заметно проигрывают. Поступление новых материалов происходит медленными темпами, чаще в рамках эпизодических хозяйственных работ. Все это вызывает большое количество проблем интерпретационного уровня.

При всей степени исследованности синташтинской культуры до сих пор не решен целый ряд базовых вопросов, с ней связанных. В настоящее время среди челябинских археологов сформировалось единое мнение о хронологической позиции этой культуры. Она уже не рассматривается в качестве культуры эпохи поздней бронзы или перехода к этой эпохе. Она единодушно рассматривается в рамках средней бронзы, хотя и в пределах поздней фазы этого периода. Вместе с тем в Зауралье не выявлены памятники раннего периода средней бронзы, а также памятники ранней бронзы, что осложняет решение проблемы формирования синташтинских памятников, так как непосредственное перерастание энеолитических комплексов Зауралья в синташтинскую культуру представляется немыслимым. Хотя подобные подходы имели место, как и подходы, предполагавшие участие ямных популяций в этом процессе, но реальным материалом они наполнены не были. В результате основными гипотезами образования синташты стали две. Первая предполагает миграцию в Зауралье восточноевропейских племен (абашевских, катакомбных, полтавкинских), вторая – миграцию с Ближнего Востока, в ходе которой происходит включение в культуру генезиса кавказских и восточноевропейских популяций. Хотелось бы отметить, что, если говорить о материальной культуре синташты, то присутствие в ней ближневосточных, кавказских и восточноевропейских черт является безусловным фактом. Местные же энеолитические черты никак не проявляются, за исключением Малокизильского поселения, чьи материалы относятся, скорее, к уральской абашевской культуре, хотя и с очевидными синташтинскими признаками. Материалы этого селения указывают на сохранение энеолитических популяций (во всяком случае, в предгорной зоне) до синташтинского времени, и, следовательно, эти

популяции имели возможность участвовать в синташтинском культурогенезе.

При сопоставлении признаков материальной культуры следует учитывать один несомненный факт. Не существует влияния одного керамического типа на другой или на формирование другого, как нет и влияния погребального обряда или архитектурных традиций. Появление тех или иных признаков вызывалось непосредственными контактами их носителей, но количество этих носителей вовсе не в обязательном порядке пропорционально их роли в формировании тех или иных признаков. Поэтому для решения проблем формирования и функционирования синташтинской культуры для нас очевидна необходимость вывода исследований на качественно новый уровень, который наряду с формальным типологическим исследованием будет учитывать социально-экономические процессы. Собственно, это общий пункт для любой археологической культуры, но синташтинская проблематика прошла уже первичный этап накопления материала и формирования базовых археологических концепций, что позволяет перейти именно к этому уровню постановки задач.

Вместе с тем для нас пока не очевидна синташтинская ойкумена. Существуют серьезные противоречия во взглядах на то, какие комплексы синхронны синташтинским на западе; исследователи стараются и вовсе молчать о том, какие культуры могут быть синхронны синташте на востоке. Нет окончательной ясности и в вопросе о соотношении синташтинских комплексов на основной территории культуры в Южном Зауралье с аналогичными памятниками в Поволжье и Актобинском Приуралье. Памятники Поволжья и Приуралья могут рассматриваться как признак начала распада культуры и последовавшего смещения синташтинских популяций на запад, так и в качестве маркера социо-экономической активности синташтинского населения в период расцвета культуры, поскольку зауральское происхождение этих комплексов (во всяком случае, в Поволжье) для нас очевидно.

Отдельной проблемой является выявление соседней синташты на севере. Эта проблема смыкается с уже проговоренной слабой изученностью северных памятников Челябинской области. И речь идет не только о лесной зоне. Изученность памятников резко уменьшается уже к северу от реки Уй, и для нас совершенно не ясно, какие археологические комплексы синташтинского времени могут быть обнаружены в этой зоне. Выявление синташ-

тинских материалов под Челябинском, на поселении Шиббаево, видимо, не в состоянии объяснить ситуацию полностью, так как нам представляется, что этот регион не входил в зону основного проживания синташтинского населения. Но это, в свою очередь, ставит проблему форм активности и причин присутствия здесь ограниченных синташтинских популяций.

С этими вопросами близко связана проблема формирования южно-лесных культур, прежде всего, коптыковской, хотя это может происходить уже в последующую эпоху, и вытекающая из этого проблема хронологии бронзового века в лесной и степной части Урала. Дело в том, что коптыковские материалы, по-видимому, синхронны раннеалакульским (или алакульским). Поэтому встает вопрос о том, какие культуры существовали в предкоптыковское (синташтинское) время в лесной зоне Южного Зауралья, и какое воздействие они оказали на формирование коптыковской культуры и иных культур периода поздней бронзы. Не исключено локальное проникновение в регион абашевских популяций, но хронологическая позиция абашевских памятников здесь не ясна, поскольку абашевские черты присутствуют в более поздних культурных образованиях, таких, как черкаскульская культура. Поэтому данный процесс может быть синхронен появлению коптыковских материалов, но не предшествовать ему. Но мы не допускаем иногда обсуждаемой возможности доживания энеолитических популяций до эпохи поздней бронзы. Поэтому в этой зоне наблюдается колоссальная хронологическая лакуна.

Эта проблема тесно смыкается с формированием культур эпохи поздней бронзы, или с андроновской проблемой, которая по-прежнему далека от своего разрешения. Для нас очевидно, что наиболее раннее культурное образование этой серии, петровская культура, формируется на синташтинской основе, что и обусловило ее специфический облик во всем ареале ее распространения – от Южного Зауралья до Центрального Казахстана. При этом частично петровские комплексы могут быть синхронизированы с классическими или поздними синташтинскими. Однако надежный инструментарий для определения временных интервалов у нас пока отсутствует. Все это определяет проблему формирования алакульской культуры. На эту проблему существует две основные точки зрения – о формировании ее на синташтинской и на петровской основе. Безусловно то, что синташтинскую, петровскую и алакульскую культуры можно рассматривать как наиболее

родственные. Поэтому позднебронзовые члены этой группы имеют свои корни в синташтинской культуре. Однако процесс этот, по-видимому, был более сложен и различался на отдельных территориях. Поэтому могут оказаться правомерны оба подхода, но в настоящее время у нас отсутствуют надежные средства для его изучения.

Алакульская культура в пределах ареала и в целом давно нуждается в территориальном разграничении и определении комплексов местных признаков для каждого территориального типа, как, впрочем, и направлений культурных взаимодействий.

Остается актуальной и проблема культурного и хронологического соотношения алакульской и федоровской культур, алакульско-срубных взаимодействий. Материалы, маркирующие последние, могут рассматриваться и как результат контактов алакульских и срубных популяций, и как результат вызревания обеих культур из синташтинской. Поэтому без глубокого изучения этого материала дальше констатации факта срубно-алакульских контактов мы не продвинемся. Последний подход широко распространен, однако он упрощает проблему и фактически искажает ее. Мы убеждены в том, что срубные (или срубно-алакульские) памятники притоков Урала маркируют тот факт, что ареал формирования срубной культуры был гораздо шире и не ограничивался Поволжьем. В Зауралье в основании этого процесса лежали синташтинские памятники. Однако на той же базе в этой зоне вызревали и алакульские стереотипы. И в ряде случаев мы фиксируем в керамике смешанные срубно-алакульские черты, которые отражают лишь нерасчлененность этих ранних культурных стереотипов, хотя наличие материалов, отражающих более поздние контакты сформировавшихся срубной и алакульской культур тоже несомненно. Поэтому исследование в этой области немислимо без расчленения этих комплексов и соответственно этих двух разных процессов.

Данная проблема теснейшим образом смыкается с проблемой формирования срубной культуры в целом, и, на первый взгляд, сказанное выше лежит в русле новых тенденций в восточноевропейской проблематике. Напомним, что первоначально в исследованиях срубной культуры безусловно доминировала довольно упрощенная схема, предполагающая ее формирование на полтавкинской основе. В настоящее время в качестве таковой основы предлагаются потаповские (синташтинские) памятники, которые, в свою очередь, выводятся из абашевских и полтавкинских. На

наш взгляд, потаповские памятники имеют зауральское происхождение, и именно контакт этих популяций с популяциями восточноевропейскими (полтавкинскими и абашевскими) привел к формированию ранней срубной культуры, но покровского типа. Тем не менее, этот процесс был более сложен и в Нижнем Поволжье мог начаться раньше.

Что касается проблемы соотношения алакульских и федоровских комплексов, то ее нельзя рассматривать в отрыве от проблемы происхождения федоровской культуры. И хотя авторы настоящего введения стоят на разных позициях в вопросе о соотношении алакуля и федоровки, они единодушны в том, что эта культура не может формироваться на неких мифических ранних комплексах Центрального или Восточного Казахстана. Поэтому в настоящее время наиболее аргументированной и подкрепленной материалом остается гипотеза о формировании федоровской культуры на алакульской основе, хотя, по мнению одного из авторов (С.А. Григорьева), эта гипотеза весьма противоречива и совершенно не укладывается в рамки остального материала эпохи бронзы лесостепной зоны, если подходить к проблеме достаточно широко и учитывать черкаскульские, сусаканско-лебяжские и прочие комплексы. Однако при любом подходе очевидно то, что алакульские и федоровские популяции в каких-то регионах могли сосуществовать, и исследование этой проблемы стандартными способами не приведет к получению какого-либо однозначного результата, тем более, что мы пока затрудняемся в анализе поселенческих керамических комплексов этой эпохи. Собственно, подобные исследования практически не проводились, но они объективно трудны, поскольку так называемая проблема отсутствия федоровских поселений связана, скорее, с трудностями в диагностике федоровского поселенческого керамического комплекса. Поэтому пока мы не найдем путей для этого анализа, ожидать серьезных успехов в решении этой проблемы не следует. Однако на сегодняшний день не проведен и формально-типологический анализ материала. Да и исследовательская база довольно ограничена, так как в последние годы пополнялась очень слабо. Это очень большая задача, которая не под силу одному исследователю, и она требует координации усилий многих археологов Урала.

Однако федоровская проблематика вновь возвращает нас к проблематике синташтинской, поскольку в синташтинском комплексе присутствуют редкие федоровские (или прото-федоровские

черты). Они могут трактоваться с совершенно различных позиций. Мы не склонны считать правомерным подход А.А. Ткачева, который допускает, что эти черты являются результатом федоровского влияния с востока. Это неприемлемо с хронологических позиций. Однако и среди авторов настоящего введения нет единодушия на эту тему. Г.Б. Зданович допускает (во избежание некорректных сносок мы подчеркиваем, что именно допускает мысль, а не считает, что это было так) мысль о том, что федоровские черты, как и черты некоторых иных культур поздней бронзы, вызревали в синташтинской культуры. С.А. Григорьев полагает, что появление этих черт объясняется переднеазиатским источником для синташтинской и федоровской культур, однако в настоящее время определить этот источник не представляется возможным. Таким образом, проблема сохраняется и на нее нельзя закрывать глаза, несмотря на то, что керамика с федоровскими чертами в синташте немногочисленна.

С этой проблемой смыкается проблема формирования саргаринско-алексеевской культуры, поскольку при разных подходах к собственно андроновской проблеме ее формирование может рассматриваться как на алакульской, так и на федоровской основе.

Не менее актуальным является вопрос о роли саргаринско-алексеевской культуры в сложении пастбищно-кочевой системы. Решение его затруднено тем, что сегодня отсутствует сколь-нибудь полная характеристика саргаринско-алексеевской культуры в Южном Зауралье. Не в последнюю очередь это связано с отсутствием достаточного фонда источников, пригодных для обсуждения, хотя поселенческие комплексы известны повсеместно. Поэтому исследования проблем эпохи поздней бронзы, в том числе полевые исследования, в настоящее время наиболее актуальны для зауральской археологии. Без их решения мы не в состоянии обсуждать и проблемы формирования культур раннего же-

лезного века этого ареала. Для степной зоны совершенно очевидны импульсы с востока, однако, какова их роль и как они соотносились с местными популяциями, для нас совершенно не ясно. И здесь тоже следует искать какие-то нестандартные пути, поскольку соотношение признаков разных культур в такую переломную эпоху будет давать еще меньше объективной информации, чем в рамках собственно эпохи бронзы, хотя таковое соотношение и следует scrupulously исследовать. Но в настоящее время попросту нет материала для сопоставления.

Сходные проблемы существуют, кстати, и для лесной зоны региона, так как доживание межовских (березовских) популяций до начала иткульской культуры для нас тоже не очевидно.

Целесообразны и исследования, посвященные алексеевско-межовским взаимодействиям, а также взаимодействиям их с бархатовским населением Зауралья. Однако здесь мы сталкиваемся все с той же проблемой идентификации керамического материала, которое на поселениях производится достаточно субъективно.

Не исключено, что в решении перечисленных проблем важное место займут естественнонаучные методы, которые активно использовались в регионе при изучении синташтинской культуры. Однако различные данные, полученные с помощью естественнонаучных методов, распространяются преимущественно на синташтинские памятники и пока не систематизированы окончательно. Исследования же памятников поздней бронзы с применением этих методов лишь начинается.

Особенно важны в этом плане исследования палеоклиматологии, которые могут объяснить как формы хозяйства отдельных периодов, так и причины некоторых культурных трансформаций и социально-экономических процессов. Вместе с тем, мы надеемся, что в ближайшее время в южно-уральской археологии произойдет определенное смещение на указанные выше проблемы.

§2. Материальная культура: новейшие исследования

1. Погребальные комплексы

В ходе двух последних десятилетий основное внимание исследователей эпохи бронзы в степной зоне Южного Зауралья было приковано к исследованию памятников синташтинской культуры эпохи средней бронзы, в результате чего эти памятники из слабо изученных превратились в наиболее исследованный раздел бронзовой эпохи. На этом фоне степень исследованности памятников эпохи поздней бронзы стала заметно проигрывать. Основные представления исследователей об этих памятниках базировались на результатах старых работ. Программ по новым исследованиям памятников эпохи поздней бронзы за эти годы почти не существовало. Безусловно, эпизодически они исследовались различными археологами Зауралья, но зачастую не вводились в научный оборот. На сегодняшний день отсутствуют и современные специализированные проблемные исследования этой эпохи. Поэтому о характере памятников поздней бронзы степной зоны Зауралья можно было говорить в наиболее общих чертах, отмечая определенные тенденции их распространения. Так, одним из авторов настоящего очерка отмечалось, что в западной части этого ареала, на притоках реки Урал, доминируют памятники синкретического срубно-алакульского облика, при этом почти невозможно сказать, к какой культуре – срубной или алакульской – они ближе по своим культурным характеристикам. В восточной части, на западных притоках Тобола, распространены, преимущественно, памятники алакульской культуры, хотя встречаются и срубные, или памятники со срубными чертами (Григорьев, 2000).

Следует отметить, что подобное обилие памятников со смешанными срубно-алакульскими чертами наблюдается и в восточных районах Башкирии, что позволило рассматривать этот регион в качестве контактной зоны между алакульской и срубной культурами (Рутто, 1987; 1992). С этой точки зрения, западная часть степной зоны Челябинской области может быть тоже включена в эту зону.

Памятники федоровской культуры для степной полосы Челябинского Зауралья не характерны. Район их локализации расположен севернее, в лесостепном ареале. Южнее же присутствуют иногда лишь черты федоровской культуры на па-

мятниках алакульской культуры либо же редкие синкретические алакульско-федоровские памятники (Григорьев, 2000).

Ситуация является непростой и в западной части описываемого района, где зачастую бывает сложно различить алакульский и срубный материал, в силу их близости, а отчасти из-за довольно простых и невыразительных культурных черт. Последнее обстоятельство невыгодно отличает памятники этой эпохи от предшествующих синташтинских. Поэтому глубокое исследование этой проблематики невозможно без тщательного анализа всего корпуса материала. Последнее, как уже отмечалось выше, зачастую затруднено из-за отсутствия публикаций этого материала. Данное исследование посвящено публикации материалов раскопок, чтобы хотя бы в незначительной части заполнить эту лауну.

В описание включены несколько погребальных памятников алакульского или срубно-алакульского облика, такие как могильники Ак-Мулла I и Ак-Мулла II, Наровчатский I и Городищенское IX. Кроме того, в публикацию включена аллея менгиров, выявленная при исследовании могильника Наровчатский II. Безусловных данных по отнесению ее к этому времени нет, однако это далеко не единственный подобный памятник в степном Зауралье. Как правило, подобные сооружения приурочены к памятникам эпохи бронзы, и большинство исследователей солидарны во мнениях, что датируются они поздним бронзовым веком.

Могильник Ак-Мулла I

Могильник Ак-Мулла I и курган Ак-Мулла II были исследованы в 1990 году археологической экспедицией Челябинского государственного университета под руководством А.Г. Гаврилюка в связи со строительством автодороги Карталы – Магнитогорск. К сожалению, коллекция могильника сохранилась плохо, что связано отчасти с первоначальной плохой сохранностью многих сосудов.

Памятник расположен на правом берегу реки Ак-Мулла, протекающей в Карталинском районе Челябинской области. В настоящее время данная территория представляет собой участок лесостепи, прилегающей с юга к реликтовому Анненскому бору.

Могильник находится на высокой надпойменной террасе, сильно изрезанной древними руслами ручьев. Высота над урезом воды 5–6 м. В результате многолетней интенсивной распахивки значительная часть насыпей полностью с nivelирована, поэтому огромную помощь в выявлении

курганов оказали аэрофотоснимки. В результате удалось надежно выявить 30 курганных насыпей, часть из которых, наиболее крупные, зафиксированы и визуалью (рис. 2.1).

Курганный группа образовывала подтреугольную структуру, вытянутую в широтном направлении. Основание треугольника обращено к востоку, вершина – к западу. Условно могильник можно разбить на две группы: северную и южную. За разделяющий их рубеж допустимо принять ложбину, тянущуюся в широтном направлении примерно по середине увала, на котором расположен могильник (рис. 2.1). К южной группе отнесены курганы 1, 2, 8–13, 27–30; к северной – 3–7, 16–26. Все насыпи земляные, округлые в плане. Те из них, которые фиксируются визуалью, имеют сегментовидную форму. Параметры насыпей довольно сильно варьируют от 8 до 35 метров.

Всего за время работ на памятнике исследовано 10 курганов в западной оконечности могильника. При работах активно использовалась техника. С ее помощью с территории раскопов удалялся пахотный слой и подстилающие его слои гумусированной супеси (там, где они сохранились). Вследствие того, что исследуемое место изобиловало норами грызунов, во многих случаях для выявления четких очертаний могильных ям приходилось убирать предматериковый слой слабогумусированной супеси.

КУРГАН 1 располагался в южной группе могильника в 100 м к западу от кургана 12, самого крупного в группе. Насыпь читалась слабо, поэтому место закладки раскопа было определено при помощи инструментальных замеров и последующей шурфовки. Визуально был зафиксирован диаметр насыпи 10–11 м при высоте до 0,13 м. На кургане был заложен раскоп круглой формы диаметром 12 м. Исследование насыпи и записка материка производились вручную. На территории раскопа было обнаружено 6 могильных ям (рис. 2.2).

Самая крупная могильная яма 2 была расположена несколько юго-восточнее точки, определенной как центр кургана. К югу, на расстоянии 4–4,5 м от нее, обнаружены могильные ямы 1, 3–6, полукольцом окружавшие центральную яму. Возле каждой ямы прослежены следы выкидов из них. Выкид из ямы 2 лежал дугой к югу и на запад от нее. Выкиды из могильных ям 1, 3, 5, 6 располагались к северо-востоку от них, причем выкид из могильной ямы 3 частично лежал на засылке ямы. Незначительный выброс из ямы 4 размещался к юго-востоку от нее.

Все линзы выкидов размещались на уровне погребенной почвы (рис. 2.2, 1).

Яма 1 располагалась в восточном секторе кургана, имела подпрямоугольную форму со скругленными углами. Ориентировка по длинной оси – ССЗ–ЮЮВ. Максимальные размеры 0,73×0,48 м. Стенки отвесные, глубина от уровня материка 0,12 м. Заполнение – сильно-гумусированная супесь светло-коричневого цвета. Возле северо-восточной стенки, ближе к северо-восточному углу ямы обнаружены два глиняных сосуда (рис. 2.2, 2). Сосуд 1 (Ду – 10 см, Дд – 7 см, Н – 8 см) баночной формы, не орнаментирован. Для обозначения размеров сосудов далее будут использованы следующие сокращения: Ду – диаметр венчика, Дт – максимальный диаметр тулова, Дд – диаметр дна, Н – общая высота. Тесто рыхлое с примесью талька. Обжиг неравномерный, поверхности хорошо заглажены. Сохранность плохая. Сосуд 2 (Ду – 13,5 см, Дт – 15,7 см, Дд – 9 см, Н – 11,5 см) асимметрично-биконической формы. Короткая шейка со слегка отогнутым наружу венчиком плавно переходит в плечико. Плечико оформлено прочерченными горизонтальными ромбами с «ресничками». Под венчиком и по ребру проходит по две горизонтальные полоски с наклонными насечками между ними. Придонная часть также оформлена двумя горизонтальными прочерченными полосками. Обжиг ровный, тесто рыхлое с примесью талька и мелкого песка. Поверхность слегка заглажена (рис. 2.2, 3).

На дне ямы были расчищены остатки костяка ребенка (рис. 2.2, 2). Кости плохой сохранности. Судя по черепу, ребрам и фрагментам таза, сохранившимся *in situ*, погребенный лежал на левом боку, головой на ССЗ, ноги, вероятно, были согнуты в коленях. Помимо сосудов и костяка, на дне ямы зафиксировано два фрагмента сосновых плашек – в северо-западном углу и близ северо-восточного угла. Судя по их расположению, над ямой имелось продольное перекрытие.

Яма 2 – центральная, располагалась юго-восточнее центрального респера. Яма имела форму неправильного параллелограмма со скругленными углами. Ориентировка по длинной оси С–Ю. Максимальные размеры 1,5×1,05 м. Стенки отвесные, глубина от уровня материка 0,7 м (рис. 2.3, 1).

На уровне погребенной почвы и в заполнении ямы сохранились фрагменты деревянного перекрытия, часть которых была обожжена. Судя по остаткам дерева, могила была перекрыта поперечным бревенчатым настилом с применением дополнительных продольных плах.

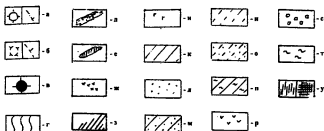
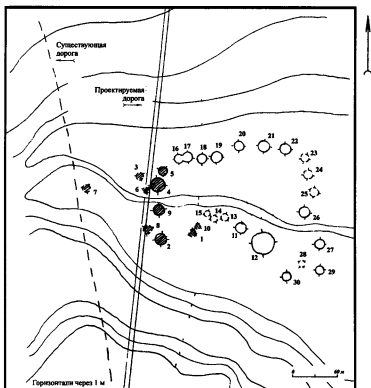

Рис. 2.1. Могильник Ак-Мулла I. Ситуационный план.

а – курганы, читавшиеся визуально; б – курганы, зафиксированные по аэрофотосъемке; в – исследованные курганы; г – пахотный слой; д – дерево; е – камень в профилях; ж – уголь; з – выкиды из ям на плане; и – сильногумусированная супесь серо-коричневого цвета; к – сильногумусированная супесь темно-коричневого цвета; л – супесь желтого цвета; м – сильногумусированная супесь светло-коричневого цвета; н – слабогумусированная супесь серо-желтого цвета; о – слабогумусированная супесь серо-коричневая зернистая супесь; п – сильногумусированная серо-коричневая зернистая супесь; р – погребенная почва; с – цементирующие включения (гипс?, известь?); т – зола

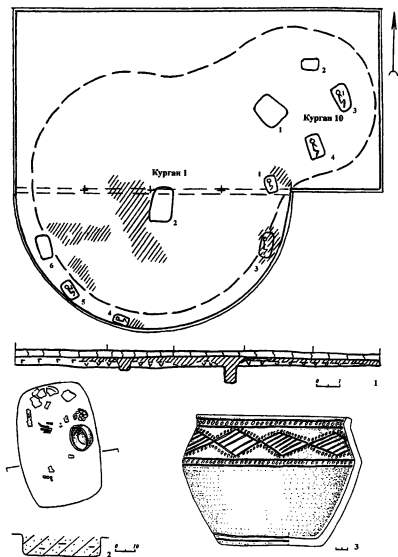

Рис. 2.2. Могильник Ак-Мулла I. Курганы 1, 10.

1 – общий план и разрез; 2 – план и разрез могильной ямы 1;
3 – сосуд 2, могильная яма 1

Заполнение ямы представлено сильно гумусированной супесью темно-коричневого цвета в верхней части и сильно гумусированной супесью светло-коричневого цвета – в нижней (мощность до 0,35 м у стенок). Верхняя часть заполнения насыщена золистыми включениями и мелкими угольками, встречались пятна прокала. В районе юго-западного угла обнаружено несколько фрагментов керамики и большая берцовая кость человека. На дне ямы, в северной половине, найдены ребро и позвонок человека. Фрагменты керамики принадлежат одному сосуду. Обжиг керамики некачественный, тесто рыхлое, с примесью песка.

Форма сосуда не восстанавливается, орнамент не сохранился.

Яма 3 располагалась в юго-восточном секторе кургана и имела неправильную подпрямоугольную форму (рис. 2.3, 2). Юго-юго-западная оконечность сильно скруглена. Ориентировка по длинной оси ЮЮЗ–ССВ. Максимальные размеры 1,5×0,55 м. Юго-восточная стенка разрушена грызунами, северо-западная стенка имела отрицательный угол наклона, образуя, тем самым, подобие легкого подбоя глубиной до 10 см. Дно зафиксировано на глубине 0,36 м от материка.

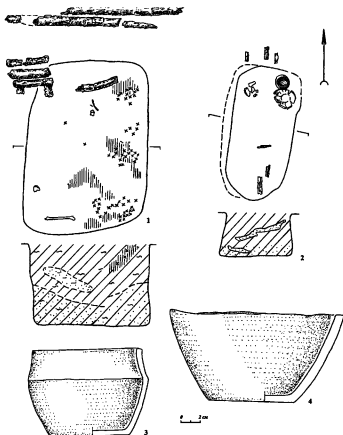

Рис. 2.3. Могильник Ак-Мулла I. Курган I.

1 – общий план и разрез могильной ямы 2; 2 – общий план и разрез могильной ямы 3;
3 – сосуд 1, могильная яма 3; 4 – сосуд 2, могильная яма 3

Сохранились остатки деревянного перекрытия, судя по которым оно сооружалось из бревен или плах, уложенных вдоль ямы. Причем по крайней мере возле северо-восточной стенки имелся приступок на уровне материка.

На дне ямы расчищены остатки человеческого костяка. Судя по фрагментам черепа и бедренных костей, зафиксированных *in situ*, погребенный ребенок лежал на левом боку, головой на север. Ноги, очевидно, были согнуты в коленях. В северо-восточном углу могилы обнаружено два сосуда (рис. 2.3, 2). Сосуд 1 (Ду – 17 см, Дд – 8 см, Н – 8–9 см) вначале, вероятно, имел биконическую форму. Однако венчик и часть тулова сосуда по всему диаметру срезаны еще в древности, после чего он, вероятно, какое-то время находился во вторичном использовании. Обжиг ровный, тесто рыхлое, со значительной примесью песка. Цвет поверхности и излома – серо-коричневый. Поверхность слегка заглажена с внешней и внутренней сторон (рис. 2.3, 3). Сосуд 2 (Ду – 9 см, Дт – 13,3 см, Дд – 8 см, Н – 0,5 см) слабо профилированный, с раздутым туловом и слегка отогнутым наружу венчиком. Орнамент отсутствует. Обжиг ровный, тесто рыхлое с примесью песка и талька. Плохо заглаженная поверхность имеет серо-коричневый цвет (рис. 2.3, 4).

Яма 4 располагалась в юго-западном секторе кургана. Яма имела прямоугольную форму со скругленными углами, ориентирована по длинной оси – ВЮВ–ЗСЗ. Максимальные размеры 0,7×0,4 м. Стенки отвесные. Глубина от уровня материка 0,15 м. В заполнении, представленном сильно гумусированной супесью светло-коричневого цвета, был найден фрагмент шейки сосуда (№ 3) с плотным тестом, примесью песка и хорошо заглаженной поверхностью. На дне расчищены фрагменты черепа и берцовой кости ребенка, судя по которым погребенный лежал на левом боку головой на ЗСЗ, лицевой частью к ССВ (рис. 2.4, 1). Ноги, вероятно, были согнуты в коленях. В северо-западном углу на дне ямы обнаружен маленький глиняный сосуд 2 (Ду – 11 см, Дд – 7,4 см, Н – 8 см) – небольшая открытая неорнаментированная банка. В тесте заметна примесь песка и талька. Поверхности заглажены. Обжиг достаточно равномерный (рис. 2.4, 4). Рядом с ним, несколько западнее, вплотную к северо-восточной стенке стоял сосуд больших размеров (№ 1) (Ду – 13 см, Дт – 15 см, Дд – 9 см, Н – 15 см). Широкогорлый с плавной профилировкой, отогнутым наружу венчиком и шейкой, плавно переходящей в тулово. Орнамент прочерченный. По шейке и верхней части тулова он представлен тремя горизонтальными линиями

коротких вертикальных полосок, сгруппированных по три-четыре. По придонной и верхней частям тулова проходит по три горизонтально прочерченных полоски. Обжиг равномерный, тесто рыхлое с примесью песка и талька. Поверхности слабо заглажены (рис. 2.4, 5).

Яма 5 располагалась в юго-западном секторе кургана подпрямоугольной формы. Ориентировка по длинной оси ЮВ–СЗ. Максимальные размеры 0,8×0,5 м (рис. 2.4, 3). Стенки отвесные, глубина от уровня материка 0,4 м. Следов перекрытия не зафиксировано. Заполнение – сильно-гумусированная супесь темно-коричневого цвета. В северном углу, на дне ямы, найден керамический сосуд (Ду – 15 см, Дт – 17,5 см, Дд – 11,5 см, Н – 15 см), хорошо профилирован, с раздутым туловом, отогнутым наружу венчиком и выраженным плечиком в месте перехода шейки в тулово (рис. 2.4, 6). Орнаментирован гребенчатым штампом, наколами и горизонтальным прочерченным двойным зигзагом. Обжиг ровный, тесто рыхлое с примесью талька и мелкого песка. В заполнении ямы обнаружены фрагменты другого сосуда (№ 2), небольшого по размерам, неорнаментированного, форма его не восстанавливается. Сосуд отличается рыхлым тестом с примесями талька и песка. Стенки неровные.

Кроме того, на дне расчищен костяк ребенка. Погребенный лежал на левом боку головой на северо-запад (рис. 2.4, 3). Ноги согнуты в коленях так, что бедренные кости образовывали тупой угол с позвоночным столбом и почти прямой с берцовыми костями. Руки были согнуты в локтевых суставах перед грудью. На запястьях обеих рук сохранилось по бронзовому браслету (рис. 2.4, 7). Браслеты желобчатые, с приростными окончаниями. Ширина полосы – 0,6–0,7 см, диаметр – 6,7 см. Сохранность плохая.

Яма 6 располагалась в юго-западном секторе кургана. Форма ямы неправильная подпрямоугольная со скругленными, кроме северо-северо-западного, углами. Ориентировка по длинной оси ЮЮВ–ССЗ. Максимальные размеры – 1,05×0,6 м. Стенки отвесные, за исключением северо-восточной, имевшей подобие неглубокого подбоя по всей ее длине. Глубина подбоя доходила до 10 см. Глубина ямы от уровня материка составляла 0,36 м. Заполнение – сильно-гумусированная супесь темно-коричневого цвета с линзами слабо гумусированной супеси серо-желтого цвета. Над ямой обнаружен фрагмент соснового бревна. Фрагмент был обнаружен в северо-западном углу в направлении ЮЗ–СВ (рис. 2.4, 2).

Следов погребенного и погребального инвентаря не обнаружено.

КУРГАН 10. Располагался к северо-востоку от кургана 1 и их насыпи слились. Обнаружен при дальнейшем расширении раскопа кургана 1 в северо-восточном направлении. Стратиграфия кургана 10 аналогична стратиграфии кургана 1. На площадке обнаружено четыре погребения (рис. 2.2, 1).

Яма 1. Центральное погребение. Яма имела форму неправильной прямоугольной трапеции с основаниями, обращенными к СВ (большее) и к ЮЗ (меньшее). Ориентировка по длинной оси ЮВ-СЗ. Максимальные размеры 1,35×1,05 м. Стенки отвесные, дно ровное, глубина от материка 0,34 м. В заполнении ямы фиксировались следы сильного пожара, вероятно, от сгоревшего перекрытия (рис. 2.5, 1). Заполнение ямы – сильно гумуси-

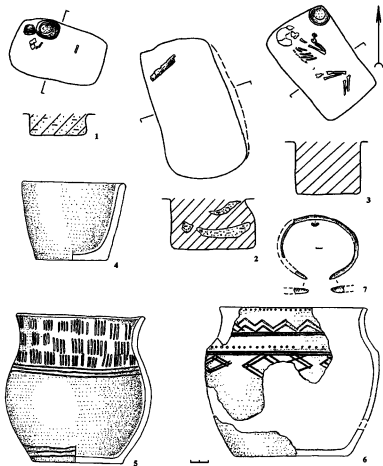

Рис. 2.4. Могильник Ак-Мулла I. Курган 1.

1 – общий план и разрез могильной ямы 4; 2 – общий план и разрез могильной ямы 6; 3 – общий план и разрез могильной ямы 5; 4 – сосуд, могильная яма 4; 5 – сосуд, могильная яма 4; 6 – сосуд, могильная яма 5; 7 – бронзовый браслет, могильная яма 5

рованная темно-коричневая супесь, насыщенная угольками. Погребение ограблено в древности. На дне ямы обнаружены разрозненные кости скелета взрослого человека. Возле северо-восточной стенки лежали бедренные кости. В южном углу – ребра, позвонки и тазовая кость. Фрагменты черепа находились в центральной части ямы. Кроме того, в заполнении ямы встречены фрагменты небольшой неорнаментированной банки, форма которой не восстанавливается. В рыхлом тесте встречается примесь песка. Поверхности неровные.

Яма 2 располагалась в северо-восточном секторе раскопа, в 1,8 м к северо-востоку от ямы 1. Яма подпрямоугольной формы, с максимальными размерами 0,75×0,5 м (рис. 2.5, 2). Следов перекрытия не обнаружено. Ориентировка широтная. Стенки отвесные, дно – ровное. Глубина ямы от материка 0,15 м. Заполнение – сильно гумусированная супесь темно-коричневого цвета. На дне ямы обнаружены скелет ребенка и два керамических сосуда. Погребенный лежал на левом боку, головой на запад. Ноги согнуты в коленях так, что бедренные кости лежали под острыми углами и к позвоночному столбу, и к берцовым костям. Судя по сохранившемуся правому предплечью, руки были согнуты в локтях перед грудью. Перед лицевой частью черепа, возле северной стенки ямы, находилось два сосуда (рис. 2.5, 3, 4). От сосуда 1 (Дт – 15 см, Дд – 10 см) сохранилась только нижняя часть. Он баночной формы, неорнаментирован. Тесто рыхлое, коричневого цвета, в изломе черное. В тесте фиксируются примеси слюды и песка. На поверхностях отмечены следы расчесов. Сосуд 2 (Дд – 9 см) сделан из рыхлого теста с примесью песка. Обжиг неровный. Цвет варьирует от светло-коричневого до серого. Поверхности затерты травой. Форма не восстанавливается, поскольку сохранилась только придонная часть.

Яма 3 локализовалась в восточном секторе раскопа, в 2 м к северо-востоку от ямы 1. Сохранилось перекрытие из плит песчанистого сланца (рис. 2.5, 5). Верхние концы двух крупных плит выступали над северо-восточной стенкой ямы на 15–19 см выше уровня материка. Вероятнее всего, перекрытие первоначально имело вид двух или трех широких тонких каменных плит, уложенных на погребенную почву. Со временем плиты переломились под тяжестью грунта и упали на дно.

После выборки плит и блоков камня были зафиксированы контуры и профиль ямы. Яма имела неправильную подпрямоугольную форму с сильно скругленным юго-восточным углом и размеры – 1,15×0,7 м. Ориентировка по длин-

ной оси ЮЮВ–ССЗ. Стенки отвесные, дно ровное и глубина его от материка – 0,41 м. Заполнение – сильно гумусированная супесь темно-коричневого цвета. На дне расширен скелет подростка. Погребенный лежал на левом боку, головой на ССЗ и имел сильную степень скорченности. Позвоночный столб ориентирован практически с севера на юг, то есть не параллельно длинным стенкам ямы, руки согнуты в локтях перед грудью. Лицевая часть черепа обращена к ВСВ (рис. 2.5, 6). Перед ней, в северо-восточному углу ямы, стояло два плохо сохранившихся керамических сосуда (рис. 2.5, 7, 8). Сосуд 1 (Ду – 11 см, Дд – 7 см, Н – 7 см) баночной формы с открытым устьем. Неорнаментирован. Тесто рыхлое, с примесью талька и песка. Внешние поверхности покрыты расчесами. Сосуд 2 (Ду – 19,5 см, Дт – 22 см, Д – 11 см) горшечно-баночной формы с высокой прямой шейкой, отделенной от тулова ребром-уступом. Орнамент выполнен прочерченным штампом и украшает верх шейки и верх тулова. Верх шейки украшен рядом ромбов с асимметричным заполнением, под ними – три горизонтальные линии. Под ребром-уступом фиксируется также три линии, ниже – ряд треугольников вершиной вниз и двухрядный зигзаг с бахромой. Обжиг неровный. Тесто средней плотности с примесью песка и талька. Поверхности заглажены.

В районе запястий и предплечья обнаружены мелкие пастовые бусины цилиндрической формы диаметром 0,2–0,4 см, толщиной 0,2 см (12 шт.). Следов дерева и иной органики не встречено.

Яма 4 зафиксирована в юго-восточном секторе раскопа, в 1,3 м к юго-востоку от ямы 1, имела подпрямоугольную форму и ориентировку по длинной оси ЮЮВ–ССЗ. Максимальные размеры 1,1×0,67 м. Стенки отвесные, дно ровное, глубина от материка 0,21 м. В древности яма перекрывалась каменной плитой. К моменту вскрытия плита залегала наклонно, опираясь на дно погребения возле северо-восточной стенки (рис. 2.6, 1). Верхняя часть плиты, вероятнее всего, уничтожена при распашке.

На дне могилы расширен скелет подростка (рис. 2.6, 2). Погребенный лежал на левом боку, головой на ССЗ, лицом к СВ. Ноги и руки были согнуты в суставах, но степень скорченности определить очень сложно.

В заполнении были обнаружены два керамических сосуда, бронзовые и пастовая бусины, два бронзовых браслета, один из которых полностью разложился. Сосуды стояли практически в центре

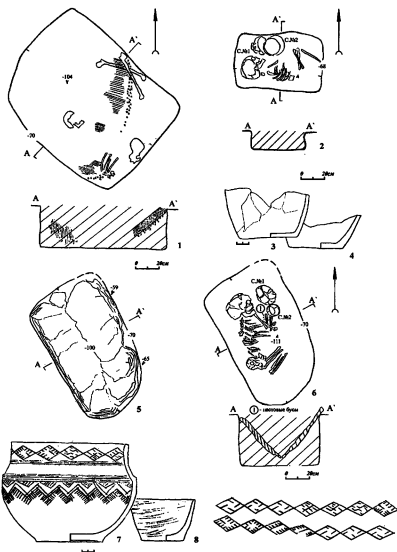

Рис. 2.5. Могильник Ак-Мулла I. Курган 10. Ямы 1–3.

1 – могильная яма 1, план и разрез; 2 – могильная яма 2, план и разрез; 3 – сосуд 2, могильная яма 2; 4 – сосуд 1, могильная яма 2; 5 – могильная яма 3, очертания на уровне материка; 6 – могильная яма 3, очертания на уровне дна и разрез; 7 – сосуд 2, могильная яма 3; 8 – сосуд 1, могильная яма 3

ямы, перед грудью и в районе живота погребенного (рис. 2.6, 3, 4). Сосуд 1 (Дд – 9 см) представлен нижней частью. Тесто сосуда рыхлое, с примесью песка и талка. Поверхности слабо заглажены. Сосуд 2 (Ду – 16 см; Дт – 16 см; Дд – 8,5 см; Н – 13,5 см) баночной формы. Тесто рыхлое, с примесью мелкого песка. Поверхности слабо заглажены. Орнамент нанесен прочерчиванием по верхней половине тулова. Под венчиком – горизонтальная линия, ниже – трехрядный зигзаг. Желобчатые несомкнутые браслеты очень плохой сохранности находились несколько южнее черепа, между нижней челюстью и северным сосудом (рис. 2.6, 5). В районе голени расчищено скопление бронзовых

бусин биконической формы диаметром 0,4 см, толщиной 0,3 см (69 шт.) (рис. 2.6, 6). На костях черепа найдена пастовая бусина.

КУРГАН 2 – самый южный в раскопанной группе курганов. Располагался в 20 м юго-восточнее кургана 8. До вскрытия насыпь имела округлую форму диаметром 16–17 м и высотой 0,25 м. Курган вскрывался вручную с оставлением одной широтно ориентированной бровки (рис. 2.7).

Стратиграфия насыпи достаточно проста. Верхний слой – пахота до 25 см. Под ним сильно гумусированная супесь темно-коричневого цвета мощностью до 50 см. Погребенная почва (сильно гу-

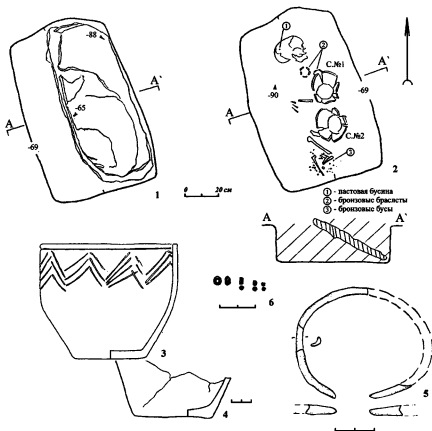

Рис. 2.6. Могильник Ак-Мудла I. Курган 10. Могильная яма 4.

1 – очертания на уровне материка; 2 – очертания на уровне дна и разрез;
3 – сосуд 2; 4 – сосуд 1; 5 – бронзовый браслет; 6 – пастовые и бронзовые бусы

мусированная супесь темно-серого цвета) прослеживалась на всей протяженности бровки под насыпью.

На подкурганной площадке зафиксировано 11 ям, располагавшихся в три ряда, хотя кольцевую планировку в данном случае исключить нельзя (рис. 2.7). Вокруг некоторых ям фиксировался выкид. К юго-востоку от ямы 1 располагался выкид размерами 2,5×1,25 м, овальной формы, ориентированный по линии СЗ–ЮВ. К юго-востоку от ямы 4 был также зафиксирован широтно ориентированный выкид овальной формы размерами 1,75×1,25 м. Слившийся

выкид из ям 5 и 6 располагался к востоку от них и был ориентирован в меридиональном направлении. Выкид из ямы 5 имел размеры 3×1,25 м. Выкид из ямы 6, размерами 3,5×1 м, охватывал яму полукольцом с востока. Также полукольцом охватывал выкид яму 9. Он располагался к югу от нее и имел размеры 2,5×1 м, мощность – 0,3 м. Юго-западнее ямы 10 зафиксирован выкид овальной формы, ориентированный по линии ЮЗ–СВ размерами 2,5×1 м. Наиболее крупную на площадке яму 11 с юга окружал выкид размерами 3×1–0,3 м.

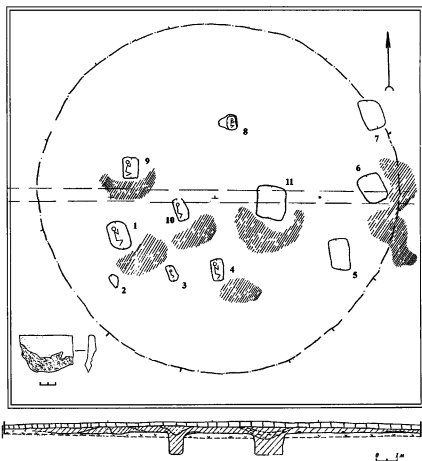

Рис. 2.7. Могильник Ак-Мудла I. Курган 2. Общий план и разрез

Яма 1 располагалась в западном секторе кургана, неправильной овальной формы, размерами 1,4×0,96 м, глубиной 0,65 м, ориентирована длинными стенками по оси ССЗ-ЮЮВ. Стенки ямы прямые, дно ровное.

В верхних слоях заполнения по длинной оси могилы встречались скопления угольков. Возможно, они представляют собой остатки сгоревшего деревянного перекрытия могилы.

На дне могильной ямы был обнаружен скелет подростка, лежавшего на левом боку в скорченном положении (рис. 2.8, 1). Головой на ССЗ, руки скорчены, причем левая располагается перед лицом, бедренные кости находились под углом, близким к 90° по отношению к тазовым. Сверху скелет был покрыт слоем мела. Перед лицом погребенного в северном углу ямы стояло два сосуда (рис. 2.8, 7,8). Сосуд 1 (Dy – 22,5 см, Dt – 23,5 см, Dd – 11 см, H – 21,5 см) имел в качестве примеси в тесте тальк и песок, поверхности его хорошо заглажены. Цвет черепка в изломе светло-коричневый, обжиг ровный. По всей вероятности, сосуд был разрушен до помещения в могилу – об этом свидетельствуют отверстия по тулову, предназначенные для скрепления стенок. Сосуд имел горшечную форму с высокой, чуть отогнутой шейкой и плавной профилировкой раздутого тулова (рис. 2.8, 7). Орнамент выполнен щепой и представлен многоярдым зигзагом по шейке и тулову и двумя линиями протасченной щепы по шейке. Сосуд 2 (Dy – 13,5 см, Dt – 14,5 см, Dd – 8 см, H – 10 см) горшечной формы с невысокой, резко отогнутой шейкой и ребром (рис. 2.8, 8). Обжиг неровный, тесто плотное с примесью песка и талька. Поверхности хорошо заглажены, не орнаментированы.

Яма 2 локализовалась в юго-западном секторе кургана, имела неправильную удлинненную форму и размеры 0,55×0,2–0,35 м, глубину 0,12 м. Ориентировка близка меридиональной с небольшим отклонением к западу. Материальных остатков яма не содержала (рис. 2.8, 2).

Яма 3 зафиксирована в юго-западном секторе кургана. Форма ямы подпрямоугольная, размеры – 0,75×0,4 м, глубина – 0,15 м. Погребение ориентировано длинными стенками по оси ССЗ-ЮЮВ. Стенки ямы прямые, дно ровное. На дне зафиксированы три сосуда, стоящие в ряд вдоль северо-восточной стенки. К югу от сосуда 3 обнаружена бедренная кость младенца. Судя по ее расположению, погребенный лежал на левом боку головой на северо-запад (рис. 2.8, 3). Сосуд 1 представлен верхней частью тулова. Тесто сосуда рыхлое, среди примесей фиксируется тальк и песок. Поверхности сосуда неровные, отмечены расчесы травой (?).

Яма 4 находилась в южном секторе кургана. Ориентировка близка меридиональной, с легким отклонением к оси СЗ-ЮВ. Форма ямы прямоугольная, размерами 1×0,6 м, глубиной 0,46 м. Стенки могилы отвесные, дно ровное. В заполнении ямы, преимущественно вдоль стенок, обнаружены скопления угольков. Возможно, как и в яме 1, они являлись следами сгоревшего перекрытия. На дне могилы обнаружен потревоженный грызунами скелет ребенка (рис. 2.8, 4). Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на север. Степень скорченности ног – средняя. Перед лицом младенца, в северо-восточном углу могилы, стояло два сосуда (рис. 2.8, 5,6). Сосуд 1 (Dy – 9,5 см, Dd – 6 см, H – 7,2 см) баночной формы с небольшой, едва выраженной шейкой, отогнутой наружу, и намечающимся поддоном. Обжиг ровный, тесто рыхлое, поверхности грубые. В тесте – примесь песка и талька. Сосуд не орнаментирован. Сосуд 2 (Dy – 20 см, Dt – 20,4 см, Dd – 12 см, H – 19,5 см) горшечной формы с выраженным уступчиком и прямой, слегка отогнутой шейкой. Обжиг сосуда ровный, тесто плотное, с примесью песка. Поверхности сосуда хорошо заглажены. Орнамент отсутствует.

Яма 5 располагалась в юго-восточной части насыпи. Размеры ямы – 1,45×0,95 м, глубина – 0,33 м. Форма ямы близка неправильному параллелограмму. Ориентирована могила по оси С-Ю. Стенки ямы отвесные, дно ровное. В заполнении встречаются пятна прокала, разрозненные кости человека (рис. 2.9, 1). На дне, в северо-западном углу, стоял сосуд (Dy – 15,2 см, Dt – 16,2 см, Dd – 8 см, H – 11,5 см) горшечной формы с выраженным уступом и высокой, слегка отогнутой шейкой. Тесто рыхлое, с примесью талька и песка. Поверхности серо-коричневого, в изломе черного цвета, хорошо заглажены. Орнамент нанесен плоским штампом и представлен многоярдым зигзагом, украшающим шейку и тулово, и двумя бордюрами из трех горизонтальных линий (рис. 2.9, 3). Погребение ограблено в древности.

Яма 6 была зафиксирована на восточной периферии кургана, подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Размеры ямы – 1,45×1,15 м, глубина – 0,8 м. Погребение ограблено. В заполнении, вдоль западной стенки и в юго-восточном углу отмечены скопления угольков и следы прокала (рис. 2.9, 2). На дне могилы зафиксированы разрозненные кости человека, развал сосуда и два фрагмента (рис. 2.9, 4–6). Сосуд 1 (Dy – 14,5 см, Dt – 15,4 см, Dd – 8,7 см,

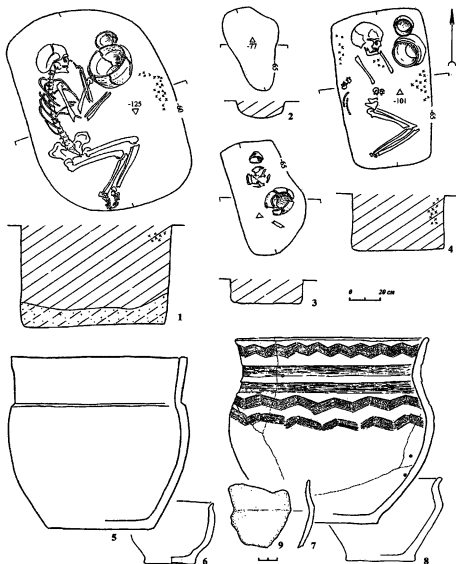

Рис. 2.8. Могильник Ак-Мулла I. Курган 2.

1 – общий план и разрез могильной ямы 1; 2 – общий план и разрез могильной ямы 2;
3 – общий план и разрез могильной ямы 3; 4 – общий план и разрез могильной ямы 4;
5, 6 – сосуды, могильная яма 4; 7, 8 – сосуды, могильная яма 1; 9 – сосуд, могильная яма 3

Н – 13 см). Тесто сосуда средней плотности, содержит примесь талька, поверхности хорошо заглажены, сосуд плавной профилировки с высокой шейкой. Орнамент представлен рядами угловых вдавлений щепы, заштрихованными каннелюрами, меандром. Сосуд 2 представлен фрагментом шейки и плечика. Поверхности сосуда хорошо заглаженные, тесто плотное, с примесью песка. Обжиг ровный. Форма сосуда горшечная, с высокой отогнутой

шейкой и выраженным ребром. Шейка, плечо и верх тулова декорированы отрисками много-рядного зигзага, выполненного прочерченным штампом. Середина шейки и ребро украшены несколькими горизонтальными линиями. От сосуда 3 (Дд – 9,5 см) сохранилась только придонная часть. Тесто плотное, с примесью крупного песка и талька. Поверхности серого цвета, хорошо заглажены. На дне – четко выраженный поддон. Сосуд не орнаментирован.

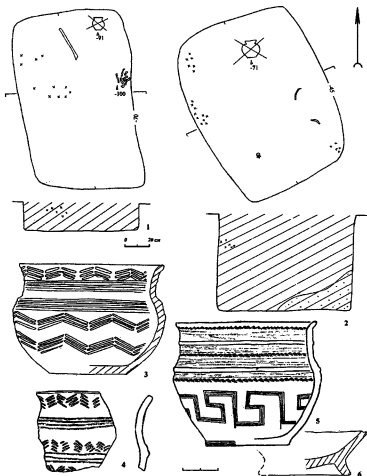

Рис. 2.9. Могильник Ак-Мулла I. Курган 2.

1 – общий план и разрез, могильная яма 5; 2 – общий план и разрез, могильная яма 6;
3 – сосуд, могильная яма 5; 4–6 – сосуды, могильная яма 6

Яма 7. На подкурганной площадке яма занимает крайнее восточное положение в северном ряду. Форма могилы близка трапецевидной (рис. 2.10, 1). Размеры – 1,45–1,2×1 м, глубина – 0,5 м. Яма ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Стенки отвесные, дно ровное. Погребение содержит обильные остатки горения. Заполнение ямы состоит из сильно прокаленной комковатой гумусированной супеси кирпичного цвета и углистого прокала черного цвета. Вдоль бортов ямы отмечен суглинистый прокол серого цве-

та – вероятно, обмазка могилы. В верхних слоях заполнения зафиксированы угли и обугленные плашки от сгоревшего поперечного перекрытия. Погребение ограблено, на дне ямы зафиксированы разбросанные кости человека. Других материальных остатков яма не содержала.

Яма 8 располагалась в северном секторе кургана. Первые очертания ямы неправильной формы с выраженным выступом с западной стороны (рис. 2.10, 2). Размеры ямы 0,87×0,75 м. При дальнейшей выборке заполнения яма приобрела

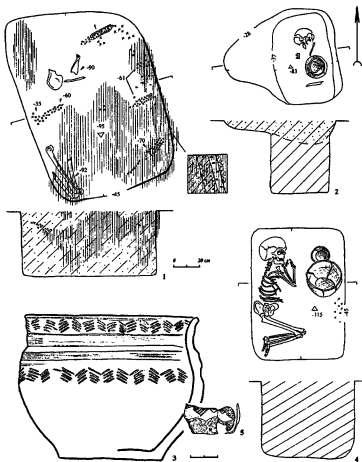

Рис. 2.10. Могильник Ак-Мулла I. Курган 2.

- 1 – общий план и разрез, могильная яма 7; 2 – общий план и разрез, могильная яма 8;
3 – сосуд, могильная яма 8; 4 – общий план и разрез, могильная яма 9;
5 – сосуд, могильная яма 9

подпрямоугольные очертания со скругленными углами, отвесными стенками и ориентировку, близкую к меридиональной. При этом ее размеры сократились до 0,7×0,45 м, глубина 0,55 м.

На дне ямы зафиксировано плохо сохранившееся погребение младенца. Погребенный лежал скорчено на левом боку, головой на север. Перед ним был поставлен сосуд (Ду – 13,2 см, Дт – 14,3 см, Дд – 8 см, Н – 11 см) горшечно-баночной формы с плавной профилировкой тулова. В тесте – примесь талька. Поверхности сосуда хорошо заглажены, светло-коричневого цвета. Верхняя половина декорирована двумя бордюрами многогранного зигзага и каннелюрами, выполненными протасенной шепой (рис. 2.10, 3).

Яма 9 занимала крайнее западное положение в северном ряду, прямоугольной формы, ориентирована строго меридионально. Размеры ямы –

1×0,7 м, глубина – 0,7 м. В верхней части заполнения у восточной стенки встречались пятна прокала (рис. 2.10, 4).

На дне могилы обнаружено захоронение подростка. Погребенный лежал скорчено на левом боку, слегка завалившись на грудь. Кости ног сильно согнуты в коленных суставах. Ориентирован головой на север. Инвентарь представлен несколькими фрагментами стенок и придонной части сосуда (рис. 2.10, 5). Тесто сосуда обильно насыщено тальком и слюдой, в меньшей степени – песком. Поверхности заглажены грубо. Орнамент сохранился только на верхней части тулова и представлен равнобедренными треугольниками, заштрихованными наклонными линиями.

Яма 10 зафиксирована в центральной части кургана, удлиненно прямоугольной формы, размерами 1,1×0,6 м и глубиной 0,7 м, ориентирова-

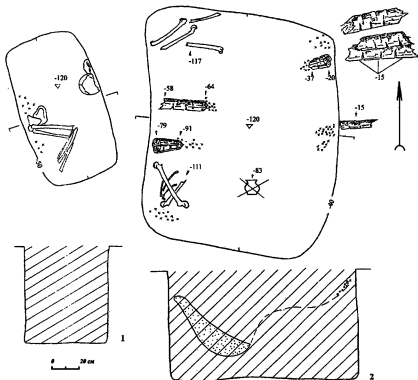

Рис. 2.11. Могильник Ак-Мудля I. Курган 2.

1 – общий план и разрез, могильная яма 9; 2 – общий план и разрез, могильная яма 10

на по оси ССЗ–ЮЮВ (рис. 2.11, 1). Погребение огрabenно. В заполнения, вдоль западной стенки, встречены пятна прокала. В придонной части ямы зафиксированы разбросанные по всей площади ямы кости человека. Сохранились кости ног и таза, указывающие на то, что костяк лежал скорчено на левом боку. Погребение безынвентарное.

Яма II – наиболее крупная на подкурганной площадке. Располагалась в центральном ряду и тяготела к центру площадки. Очертания могильной ямы подпрямоугольные, ориентировка меридиональная (рис. 2.11, 2). Размеры ямы 1,75×1,35 м, глубина 0,8 м. У края ямы и в верхних слоях заполнения зафиксированы остатки поперечного перекрытия – обугленные бревна и угли. Состав заполнения неоднороден – фиксируются лизы песка и следы грабительского вкопа. В заполнении был найден фрагмент керамики, представлявший собой шейку сосуда. Форму сосуда восстановить не удается. Тесто плотное и содержит примеси песка и белесых конкреций (кость, пережеванная раковина, известняк?). В придонной части ямы, в северо-западном и юго-западном углах, найдены кости человека. В центре обнаружен развал сосуда.

КУРГАН 3. Располагался в северной группе могильника, в 25 м к северо-западу от крупного кургана 4 (рис. 2.1). Курган 3 – самый западный в группе, за исключением кургана 7, стоящего еще западнее, но несколько в стороне. Насыпь визуальнo не фиксировалась и была определена по аэрофотоснимку. Диаметр кургана 12 м. Центр установлен при помощи инструментальных замеров от центров курганов 2 и 4. Средняя высота относительно окружающей поверхности 0,08 м.

На кургане был заложен раскоп 14×14 м, ориентированный по сторонам света. Насыпь снималась с помощью бульдозера до материка. Под курганной насыпью обнаружено две могильных ямы: центральная яма I и яма 2, располагавшаяся в северо-восточном секторе подкурганной площадки, в 4 м северо-восточнее края могильной ямы I (рис. 2.12, 1). Является ли это погребение впускным или боковым, установить невозможно, так как выкиды из обоих погребений уничтожены при расправке. Интенсивная расправка полностью уничтожила насыпь кургана и погребенную почву, если таковая не была срезана в древности. Гумусированный слой везде пропахан до материка, уroveň которого на территории раскопа несколько понижается к северу.

Яма I – центральная, располагалась практически под точкой, определенной как центр кургана.

Яма подпрямоугольной формы, причем юго-западный и юго-восточный углы выражены четко, а северо-западный и северо-восточный очень сильно скруглены. Яма ориентирована длинной осью ЮЮВ–ССЗ, размерами 1,8×1,06 м, стенки отвесные, глубина от уровня материка – 0,85 м. В заполнении встречены скопления угля и фрагменты сосновых бревен, служивших перекрытием над могильной ямой. Бревна лежали поперек ямы и, вероятно, рухнули в частично заполненную яму.

В заполнении найдено два куса пемзообразной, сильно ошлакованной массы. Создается впечатление, что они принесены со стороны, так как никаких других следов сильного огня в заполнении ямы нет.

В районе северо-западного угла и возле юго-восточной стенки, над дном, в заполнении расчищено два скопления костей человеческого скелета (рис. 2.12, 2).

Яма 2 располагалась в северо-восточном секторе кургана, имела неправильную подпрямоугольную форму со скругленным северным углом, ориентирована длинной осью ЮЮЗ–ССВ. Максимальные размеры 0,65×0,42 м, глубина – 0,3 м. Характеризуется отвесными стенками и ровным дном. Заполнение – сильно-гумусированная однородная темно-коричневая супесь. В заполнении вдоль юго-западной стенки сохранился крупный кусок основного бревна. Судя по всему, бревна перекрытия лежали поперек могильной ямы (рис. 2.12, 3).

На дне ямы возле юго-восточной стенки расчищен глиняный сосуд (Dy – 16 см, Dt – 16 см, Dд – 8 см, Н – 14 см), лежавший на боку горловиной к СЗС (рис. 2.12, 4). Сосуд имеет плавную профилировку. Горловина широкая, венчик отогнут наружу. Высокая шейка плавно переходит в слегка раздутое тулово. Дно плоское, с оформленной закраиной. Сосуд украшен горизонтальными рядом неглубоких вдавленных треугольного штампа по верхней части тулова. Обжиг ровный, тесто рыхлое, с примесью песка.

Погребенного не обнаружено.

КУРГАН 4. Расположен в северной группе могильника и является наиболее крупным курганом в этой группе (рис. 2.1). Диаметр насыпи кургана – 20–21 м, высота – 0,41 м. Насыпь снималась бульдозером с оставлением центральной бровки, ориентированной в направлении З–В.

Стратиграфия насыпи представлена слоем расправки мощностью до 0,3 м, под ним – слой насыпи, представленный темно-серой гуму-

сированной супесью. Под насыпью прослеживался слой погребенной почвы (до 20 см). В западной половине бровки зафиксированы следы перекрытия и выкида из могильной ямы 11. Выкид, который не прослеживался в плане, зафиксирован в бровке у ямы 8.

На подкурганной площадке обнаружено 16 могильных ям (рис. 2.13, 1). Наиболее крупные из

них, содержащие одиночные погребения взрослых и парные захоронения (ямы 1, 10, 13–15), организованы в две линии. Погребения детей были ориентированы относительно крупных ям.

При исследовании насыпи кургана в пахотном слое был найден обломок литейной формы (рис. 2.13, 2). Вероятнее всего, он происходил из одной из могильных ям, ограбленных в древно-

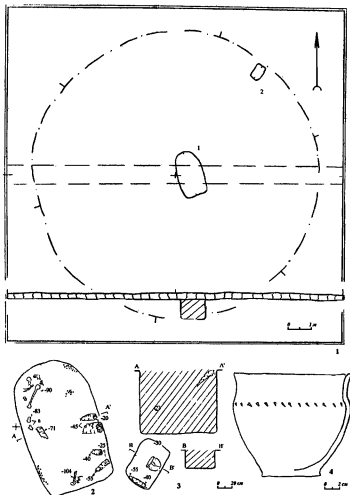

Рис. 2.12. Могильник Ак-Мулла I. Курган 3.

1 – общий план и разрез кургана 3; 2 – общий план и разрез, могильная яма 1; 3 – общий план и разрез, могильная яма 2; 4 – сосуд, могильная яма 2

сти. Форма изделия в плане – подтрапецевидная. Длина – 7,1 см, ширина – 4,2 см, толщина – 1,2 см. Форма выполнена из талька, поверхности довольно тщательно зашлифованы. Нижний край формы обломан, по всей вероятности, еще в древности. Форма служила для отливки ножа-кинжала. Сохранилась верхняя часть негатива, где фиксируются часть лезвия с нервюрой и воздухоотводной

канал. На противоположной плоскости формы вырезан продольный желобок шириной – 0,2 см и глубиной – 0,2 см. На поперечной грани формы, в центре прорезано две параллельных линии.

Яма 1 была зафиксирована в центре подкурганной площадки, имела неправильные подквадратные очертания, размерами 1,95×1,9 м, глубиной 0,65 м, с выступом в юго-восточной части. Ори-

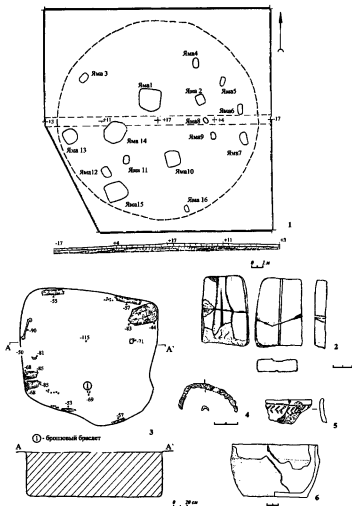

Рис. 2.13. Могильник Ак-Мудла I. Курган 4.

1 – общий план кургана; 2 – литейная форма, насыпь; 3 – могильная яма 1, план и разрез;
4 – бронзовый браслет, могильная яма 1; 5 – сосуд 2, могильная яма 1; 6 – сосуд 1, могильная яма 1

ентирована по сторонам света. Стенки отвесные, дно ровное (рис. 2.13, 3).

В заполнении встречены остатки бревен поперечного перекрытия, уголки, фрагменты двух сосудов, разрозненные человеческие кости, бронзовый желобчатый браслет плохой сохранности (рис. 2.13, 4). Сосуд 1 (Ду – 14,8 см; Дт – 15,2 см; Дд – 11 см; Н – 9 см) горшечно-баночной формы (рис. 2.13, 6). Тесто сосуда рыхлое, содержит примеси талька и песка. Внешние и внутренние поверхности заглажены. Сосуд не орнаментирован. Сосуд 2 представлен фрагментом шейки (Ду – 14 см). Тесто сосуда рыхлое, содержит примеси песка и талька, поверхности грубые. Орнамент нанесен плоским штампом (рис. 2.13, 5).

Яма 2 подпрямоугольных очертаний была расположена в трех метрах к востоку от ямы 1. На уровне первой фиксации ее размеры составляли 0,9×0,75 м. Стенки ямы отвесные, дно, зафиксированное на глубине 0,4 м от уровня материка, – ровное. Длинными стенками яма ориентирована ССЗ–ЮЮВ (рис. 2.14, 1). В перемешанном заполнении ямы зафиксированы разрозненные кости человека и бронзовое височное кольцо (рис. 2.14, 4). Кольцо – диаметром 3,1 см с несомкнутыми концами. В разрезе – уплотненное, толщина – 0,4 см.

Яма 3 занимала крайнее северо-западное положение на подкурганной площадке. На уровне первых очертаний яма имела подпрямоугольную форму с расширением в северной половине. В придонной части яма приобрела более правильные подпрямоугольные очертания и была ориентирована по оси СВ–ЮЗ. Размеры ямы (0,9×0,5–0,6 м) не изменялись до дна, зафиксированного на глубине 0,57 м от материка. В профиле яма имела форму параллелограмма (рис. 2.14, 2). Материальных остатков не содержала.

Яма 4 располагалась в 2,5 м к северу от ямы 2 (рис. 2.13), неправильной прямоугольной формы, размерами 0,8×0,45 м и глубиной 0,44 м, ориентирована по направлению С–Ю. Южная стенка ямы опускается под отрицательным углом, образуя небольшой подбой. Остальные стенки отвесные. Заполнение ямы однородное (рис. 2.14, 3).

На дне ямы обнаружен потревоженный грызунами скелет ребенка. Однако сохранившиеся в непо потревоженном состоянии череп и кости конечностей позволяют утверждать, что ребенок был захоронен на левом боку, головой на север. Погребальный инвентарь представлен двумя сосудами. Сосуд 1 (Ду – 14,2 см, Дт – 14,8 см, Дд – 8,5 см, Н – 10 см) горшечной формы с высокой отогнутой шейкой, раздутым, приземистым туловом с плавной профи-

лировкой (рис. 2.14, 6). Тесто сосуда плотное, примеси не фиксируются, обжиг ровный, поверхность залощена. Сосуд декорирован в технике проташенной гребенки по двум зонам – шейке и плеча. На шейке нанесены две горизонтальные линии и однорядный зигзаг, тулово украшено горизонтальной линией и уточками. Сосуд 2 (Ду – 9,5 см, Дд – 6,5 см, Н – 6,7 см) представляет собой неорнаментированную открытую небольшую банку (рис. 2.14, 5). Тесто сосуда плотное, без примесей, поверхности хорошо заглажены.

Яма 5 была зафиксирована в северо-восточном секторе подкурганной площадки в 1,75 м к северо-востоку от ямы 2 (рис. 2.13). Очертания ямы на уровне первой фиксации были подпрямоугольными со скругленными углами, размеры – 0,75×0,45 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Стенки отвесные, за исключением южной, которая опускалась с отрицательным наклоном, образуя небольшой подбой. На глубине 0,35 м от материка зафиксировано дно могилы (рис. 2.15, 1).

В придонной части заполнения обнаружен плохо сохранившийся костяк младенца, судя по которому погребенный лежал на левом боку, головой на север. Перед лицом младенца, в северо-восточном углу ямы, стояло два сосуда. Сосуд 1 (Ду – 15,5 см, Дт – 16,9 см, Дд – 9,5 см, Н – 12 см) с невысокой отогнутой шейкой, выраженным ребром и слегка раздутым туловом (рис. 2.15, 2). Тесто рыхлое с большой примесью талька. Поверхности серо-коричневого цвета грубо затерты. Орнамент нанесен небрежно оттисками гладкого штампа и прочерчиванием. Шейка украшена рядом тройных косых оттисков штампа, под ними – две горизонтальные линии. На ребро нанесены косые оттиски штампа и две линии. Верх тулова украшен очень грубой лесенкой. Сосуд 2 (Ду – 10,2 см, Дт – 10,7 см, Дд – 6 см, Н – 8 см) отличается плотным тестом с примесью талька (рис. 2.15, 3). Поверхности серо-коричневые, затерты травой или шерстью. Форма сосуда горшечно-баночная с невысокой, резко отогнутой шейкой, выраженным ребром в верхней трети сосуда. Асимметричный орнамент нанесен гладким штампом по ребру.

Яма 6 овальной формы, размерами 0,8×0,5 м, была зафиксирована в восточной поле кургана в 2,2 м юго-восточнее ямы 5, ориентирована меридионально. Стенки отвесные, дно отмечено на глубине 0,4 м от материка. Заполнение ямы однородное. На дне обнаружены череп и кости ног младенца и два сосуда, стоявшие у восточной стенки ямы. Судя по расположению костей скелета, по-

Яма 8 располагалась под бровкой в восточном секторе кургана, размерами 0,55×0,37 м, имела подпрямоугольные очертания и была ориентирована по оси СЗ–ЮВ. Стенки опускались отвесно, дно зафиксировано на глубине 0,15 м от материка (рис. 2.16, 2).

Яма имела поперечное перекрытие, от которого осталась одна плашка в северо-западной части могилы. На дне был обнаружен скелет младенца, лежавшего скорченно на левом боку, головой на северо-запад. Перед погребенным, у северо-восточной стенки ямы, стояло два сосуда (рис. 2.16, 3,4). Сосуд 1

(Ду – 16,2 см, Дг – 17,8 см, Дд – 11 см, Н – 12,4 см) горшечно-баночной формы с закрытым профилем и ребристым переходом от плеча к тулову. Тесто достаточно плотное, содержит небольшую примесь талька. На внешней поверхности сосуда видны следы расчесов. Орнамент выполнен плоским штампом и украшает верхнюю часть сосуда. Под венчиком нанесен двойной зигзаг, а по плечу идет ряд равнобедренных треугольников. Сосуд 2 (Ду – 9,3 см, Дг – 11,4 см, Дд – 8 см, Н – 8-8,3 см) выполнен из плотного теста, содержащего небольшую примесь талька и песка. Поверхности сосуда хоро-

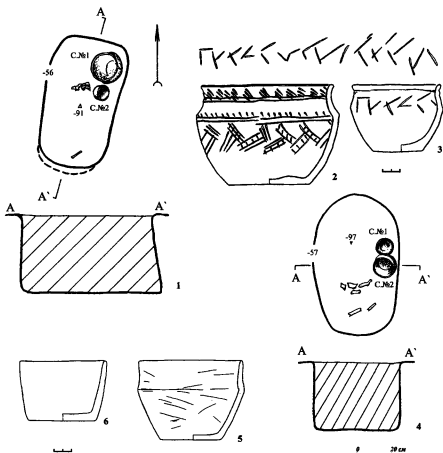

Рис. 2.15. Могильник Ак-Мулла I. Курган 4.

1 – могильная яма 5, план и разрез; 2 – сосуд 1, могильная яма 5; 3 – сосуд 2, могильная яма 5; 4 – могильная яма 6, план и разрез; 5 – сосуд 1, могильная яма 6; 6 – сосуд 2, могильная яма 6

шо заглажены. В верхней части сосуда сделано два противоположных отверстия диаметром 0,4 см. Форма сосуда баночная с намечающейся шейкой, тулово раздуто, профиль плавный. Намечается небольшой поддон. В верхней части сосуд украшен горизонтальной линией, однорядным зигзагом и ромбами, выполненными оттисками плоского штампа.

Яма 9 находилась в 1 м юго-восточнее ямы 8 (рис. 2.13). Ориентирована длинными сторонами в меридиональном направлении. Форма ямы овальная, размеры 0,6×4,5 м, дно зафиксировано на глубине 0,4 м от уровня первой фиксации.

В придонной части ямы было обнаружено захоронение младенца, от которого сохранились ребро и фрагмент черепа, по которым можно судить о том, что погребенный был ориентирован головой на север (рис. 2.16, 5). У восточной стенки ямы напротив погребенного стояло два сосуда. Сосуд 1 (Ду – 12 см, Дт – 14,5 см, Дд – 7 см, Н – 11 см) выполнен из плотного теста с примесью талька и дресвы. Поверхности хорошо заглажены, но на внешних фиксируются расчески. Форма сосуда – горшечко-баночная с намечающейся шейкой и ребром. Сосуд декорирован равнобедренными

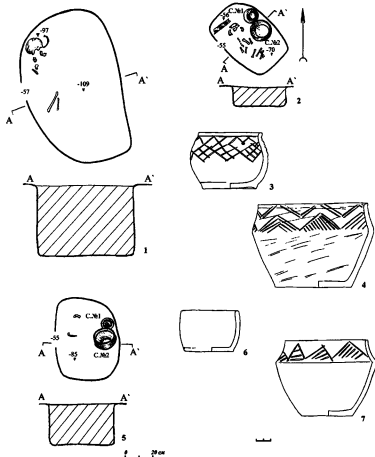

Рис. 2.16. Могильник Ак-Мудла I. Курган 4.

1 – могильная яма 7, план и разрез; 2 – могильная яма 8, план и разрез; 3 – сосуд 2, могильная яма 8; 4 – сосуд 1, могильная яма 8; 5 – могильная яма 9, план и разрез; 6 – сосуд 2, могильная яма 9; 7 – сосуд 1, могильная яма 9

треугольниками, выполненными оттисками гладкого штампа (рис. 2.16, 7). Сосуд 2 (Ду – 8,4 см, Дт – 8,8 см, Дд – 7 см, Н – 6 см) – небольшая банка с закрытым профилем. В тесте примеси песка и талька, поверхности затерты пучком травы или шерсти. Сосуд не орнаментирован (рис. 2.6, 6).

Яма 10 подквадратной формы, размерами 1,28×1,35 м, была расположена в южном секторе кургана. Ориентировка близка к меридиональной, с небольшим отклонением к оси СЗ–ЮВ (рис. 2.17, 1). Стенки ямы отвесные, дно зафиксировано на глубине 0,65 м от материка. В запол-

нении был обнаружен фрагмент плашки от поперечного перекрытия. Погребение потревожено норными животными. В заполнении норы, прорезавшей северо-западный угол могилы, был обнаружен фрагмент крупного сосуда 4 (Ду – 20,5 см, Дт – 25,5 см, Дд – 13 см, Н – 17,8 см). Сосуд горшечно-баночной формы с примесью в тесте талька и дресвы. На внешней поверхности прослеживаются расчесы. Орнамент нанесен крупным гребенчатым штампом по верхней части сосуда. Под венчиком – наклонные оттиски штампа, а под ними прямоугольные треугольники (рис. 2.17, 5).

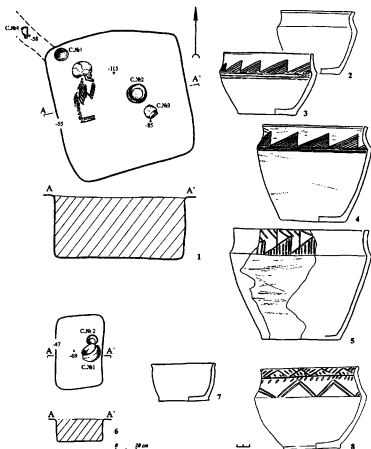

Рис. 2.17. Могильник Ак-Мудла I. Курган 4.

1 – могильная яма 10, план и разрез; 2 – сосуд 1, могильная яма 10; 3 – сосуд 3, могильная яма 10; 4 – сосуд 2, могильная яма 10; 5 – сосуд 4, могильная яма 10; 6 – могильная яма 11, план и разрез; 7 – сосуд 2, могильная яма 11; 8 – сосуд 1, могильная яма 11

На дне ямы, в западной половине, располагался скелет подростка. Сохранилась только верхняя часть скелета. Кости ног и тазовые, по всей вероятности, были растащены грызунами. Погребенный лежал скорченно, на левом боку, руки прижаты к груди, головой на север. Инвентарь представлен тремя сосудами. Сосуд 1 (Ду – 12 см, Дт – 13 см, Дд – 7,5 см, Н – 10 см) не ориентирован (рис. 2.17, 2). Изготовлен из глины с примесью песка. Поверхности заглажены довольно грубо. Форма сосуда характеризуется невысокой отогнутой шейкой, ребром и коническим туловом. Сосуд 2 (Ду – 17 см, Дт – 18,5 см, Дд – 10,5 см, Н – 15,5 см) содержит в тесте примесь талька и песка, поверхности хорошо заглажены, но на внешней отмечены расчесы (рис. 2.17, 4). Шейка сосуда слегка отогнута, четко выражено ребро, тулово имеет коническую форму. Сосуд декорирован оттисками гладкого штампа и прочерченными линиями. Элементы орнамента представлены горизонтальными линиями и прямоугольными треугольниками. Сосуд 3 (Ду – 14,6 см, Дт – 16 см, Д – 9,5 см, Н – 10 см) близок сосуду 2 (рис. 2.17, 3). В тесте прослеживается примесь песка и талька, поверхности затерты. Орнамент выполнен гладким штампом и украшает верхнюю часть сосуда – прямоугольные наклонно заштрихованные треугольники на плече и три горизонтальных линии под ребром.

Яма II располагалась в 3,25 м к западу от ямы 10. Очертания прямоугольные со скругленными углами, размерами – 0,7×0,45 м, глубиной – 0,22 м, ориентирована строго меридионально. Стенки ямы отвесные, дно ровное. Судя по размерам, яма предназначалась для захоронения младенца, однако скелета погребенного не обнаружено, по всей вероятности, он полностью истлел (рис. 2.17, 6). У восточной стенки ямы, в придонной части обнаружено два сосуда (рис. 2.17, 7, 8). Сосуд 1 (Ду – 16 см, Дт – 18,2 см, Дд – 9,2 см, Н – 13,4 см) острореберный, с невысокой отогнутой шейкой и слегка раздутым туловом. В тесте наблюдается примесь талька. Поверхности тщательно заглажены. Плечо и шейка украшены двойным зигзагом, рядами наковов, равнобедренными треугольниками, горизонтальной линией. Сосуд 2 (Ду – 10,3 см, Дд – 8,2 см, Н – 6,2 см) не ориентирован, баночной формы с отогнутой наружу горловиной. В тесте небольшая примесь песка и талька. Поверхности неровные, плохо заглаженные.

Яма 12 была расположена в 1,5 м к юго-западу от ямы 11. Очертания ямы на материке подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами, не изменились до дна, зафиксированного на глу-

бине 0,15 м от материка, ориентированы – СЗ–ЮВ. Размеры ямы – 0,98×0,64 м.

В заполнении обнаружены разрозненные кости человека, других материальных остатков яма не содержала (рис. 2.18, 1).

Яма 13 занимала крайнюю западную периферию площадки кургана, подпрямоугольной формы, но с сильно скругленными углами. Длинными стенками ориентирована ССЗ–ЮЮВ. Размеры ямы – 1,37×1,12, глубина – 0,65 м. В верхней половине разреза ямы фиксируется линза слабо гумусированной супеси мощностью до 10 см, вероятно, связанная с ограблением могилы. В нижней части заполнения и на дне ямы встречены разбросанные кости человека и фрагменты сосуда (рис. 2.18, 2). Сосуд (Ду – 15,8 см, Дт – 17 см, Дд – 10,8 см, Н – 12,5 см) горшечно-баночной формы с невысокой прямой шейкой, тесто плотное, с примесью крупных фракций слюды и песка, поверхность затерта травой. Плечо и верх тулова сосуда украшены однорядным зигзагом, выполненным плоским штампом (рис. 2.18, 3).

Яма 14 – одна из самых крупных на площадке. Была расположена между ямами 1 и 13 в 2-х м юго-западнее ямы 1. Очертания ямы на уровне первой фиксации были близки неправильному овалу (рис. 2.18, 4). Северо-восточная часть очертаний искажена норой. Длинные стенки могилы ориентированы ССВ–ЮЮЗ. Размеры ямы (2,35×1,85 м) практически не изменились до дна, зафиксированного на глубине 0,8 м от уровня материка. Стенки ямы отвесные, однако у южной стенки фиксировался уступчик длиной 0,55 м, шириной 0,15 м и высотой 0,3 м от дна. В заполнении ямы обнаружены остатки бревенчатого перекрытия, завалившегося на дно могилы. Основу перекрытия составляли бревна, уложенные поперек могильной ямы через некоторые промежутки. Поверх них вдоль ямы был уложен сплошной накатник. В придонной части ямы, в 50 см от северной стенки было обнаружено небольшое пятно прокала размерами 20×15 см.

На дне ямы было расчищено два неполных скелета, частично растащенных грызунами (рис. 2.18, 4), принадлежавших взрослому и ребенку. От скелета взрослого человека в положении *in situ* сохранились только кости нижних конечностей. Судя по ним, погребенный лежал скорченно на левом боку, слегка завалившись на спину, головой на север. На берцовых костях зафиксированы две низки бронзовых бочонковидных бус (80 шт.) и несомкнутых пронизей (3 шт.). Ребенок был прижат к восточной стенке ямы. Он лежал в сильно скорченном положении на

левом боку, с руками перед лицом, головой на СВ. Помимо бронзовых бусин, инвентарь в погребении представлен тремя сосудами (рис. 2.18, 5–7). Сосуд 1 (Ду – 16,5 см, Дт – 18,2 см, Дд – 10,5 см, Н – 12,2 см) сделан из теста с примесью песка и талька, поверхности затерты. Форма сосуда горшечно-баночная с отогнутой горловиной и ребристым переходом от плеча к тулову. Орнамент нанесен небрежно по трем зонам. Разграничителями зон являются горизонтальные линии под венчиком, по ребру и у дна. Плечо украшено прямоугольными треугольниками вершиной вниз, верх тулова – ромбами, низ тулова – равнобедренными треугольниками. Сосуд 2 (Ду – 9,3 см, Дд – 9,2 см, Н – 6,7 см) – небольшая неорнаментированная банка, вылепленная из теста с примесью песка, с грубыми, плохо заглаженными поверхностями. Сосуд 3 (Ду – 26 см) представлен обломком шейки с уступчатым переходом к тулову. Тесто сосуда плотное, содержит примеси талька и песка, поверхности ровные. Верх шейки украшен зигзагом, выполненным протасенной шепой.

Яма 15 занимала крайнее юго-западное положение на подкурганной площадке (рис. 2.13). Форма ямы подпрямоугольная, северо-восточная стенка сильно выгнута и скручена. На уровне первой фиксации размеры составляли 1,65×1,4–1,9 м, глубина – 0,5 м. Яма ориентирована по оси СЗ–ЮВ. На уровне материка в заполнении ямы обнаружены остатки бревен от продольного перекрытия. Заполнение ямы состояло из прокаленной гумусированной супеси.

На дне ямы были обнаружены два скелета взрослых людей. *In situ* находились только кости ног (рис. 2.19, 1,3). *Погребенный 1* лежал на левом боку, головой на север. Вероятно, в процессе руинизации могилы скелет завалился на спину. У костей колена левой ноги покойного была зафиксирована низка бронзовых бочонковидных бусин (20 шт.). *Погребенный 2* также лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на север. На его голени также была расчищена связка бронзовых бусин (21 шт.).

В южном углу погребения стоял сосуд (рис. 2.19, 6) (Дт – 11 см, Дд – 7 см). Представлен придонной частью. В тесте наблюдается примесь слюды, поверхности заглажены грубо. Сосуд не орнаментирован.

Яма 16 находилась на южной периферии кургана. На уровне первой фиксации размеры ямы были 0,55×0,35 м, а форма – прямоугольная. Параметры ямы не изменялись до дна, которое зафиксировано на глубине 0,15 м от материка (рис. 2.19, 2). Запол-

нение ямы однородное, на дне, в северо-восточном углу, стояли два сосуда. Сосуд 1 (Ду – 11,5 см, Дд – 7,8, Н – 9,2) баночной формы с примесью талька и песка в тесте (рис. 2.19, 7). Поверхности затерты травой. Сосуд не орнаментирован. Второй сосуд, очень плохой сохранности, оказался полностью расщепившимся, его форма и размеры не восстанавливаются.

КУРГАН 5. Располагался в северной группе курганов могильника, в 20 м к ССВ от крупного кургана 4. Насыпь визуально фиксировалась очень ненадежно, однако легкое возвышение отмечалось. Диаметр кургана 12–13 м был определен по аэрофотоснимку. Центр установлен при помощи инструментальных замеров от центров курганов 3 и 4. Курган располагался на северном склоне увала. Перепад уровней между крайней южной и крайней северной точками раскопа составлял 30 см. На кургане заложен раскоп 7×7 м, ориентированный по сторонам света, с оставлением центральной бровки (рис. 2.20). После завершения работ на кургане и полного исследования могильной ямы траншеи были продолжены к северу еще на 3 м. Цель прирезки – контрольное исследование примыкавшей к могильной яме площади. Основанием для прирезки послужило то, что единственная обнаруженная могильная яма оказалась смещена от центрального репера к северу на два метра. Не исключено, что подобное смещение отражает реальное состояние планировки кургана.

Интенсивная распахка полностью уничтожила насыпь кургана. Однако при съемке восточного фаса бровки к северу от края могильной ямы была отмечена линза слабо гумусированной супеси светло-коричневого цвета, верхний край которой ограничен уровнем распахки, нижний практически достигает материка. Возможно, эта линза имела отношение к выкиду из ямы.

Яма 1 располагалась в 2 м к северу от центрального репера. С уровня погребенной почвы начали фиксироваться фрагменты мощного деревянного перекрытия. Очертания ямы были зафиксированы на уровне материка. Яма, вероятно, имела подтрапециевидную форму с основаниями, обращенными к ВСВ (большее) и ЗЮЗ (меньшее). Углы скруглены. Ориентировка по длинной оси ЮЮВ–ССЗ. Максимальные размеры 1,65×1,33 м (рис. 2.20, 2). Стенки отвесные. Глубина ямы от уровня материка 0,65 м. Заполнение в верхней части представлено гумусированной супесью темно-коричневого цвета.

В нижней части ямы заполнение было нарушено крупной норой грызуна, спускавшейся с севера. Выборка норы, имевшей комковатое перемежающееся заполнение, дала крупные фрагменты сосуда 2 (рис. 2.20, 4) и кусочки древесного тлена, выброшенные из могилы. Форма сосуда 2 не восстанавливается (Дд – 12 см). Дно широкое, плоское, с закраиной. Тулово, вероятно, было сильно раздуто, на сохранившемся фрагменте орнамент прочерчен-

но-гребенчатый. Обжиг ровный, тесто плотное, с примесью мелкого песка и талька.

В северо-восточном углу был обнаружен развал сосуда 1, стоявшего на дне ямы (рис. 2.20, 3). Сосуд (Ду – 20 см, Дт – 21,2 см, Дд – 10,5 см, Н – 16 см) узкодонный, широкогорлый, с раздутым туловом, венчик отогнут наружу, дно плоское, с отформованной закраиной. По шейке сосуд украшен треугольниками, по тулову – меандровым ор-

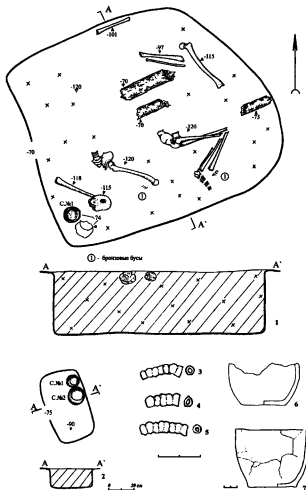

Рис. 2.19. Могильник Ак-Мулла I. Курган 4.

1 – могильная яма 15, план и разрез; 2 – могильная яма 16, план и разрез;

3–5 – бронзовые бусы, могильная яма 15; 6 – сосуд 1, могильная яма 15; 7 – сосуд 1, могильная яма 16

наментом, нанесенным гребенчатым штампом. Придонная часть оформлена шестью горизонтальными прочерченными полосками. Внешняя поверхность сосуда покрыта ангобом красного цвета. Излом черепка красно-коричневый. Обжиг ровный, тесто плотное, с примесью мелкого песка.

В центре заполнения, а также на дне ямы, зафиксировано пятно неправильной формы, составленное мелкими обломками кальцинированных костей и золы. Костных останков иного рода, а также углей, не встречено.

КУРГАН 6 располагался в северной группе могильника, практически вплотную примыкая к поле крупного кургана 4 с юго-запада. Центр

определен с помощью инструментальных замеров. На кургане был заложен раскоп пятиугольной формы с оставлением центральной бровки ориентированной по линии 3–В. Южная траншея раскопа прямоугольной формы, размером 12×6 м; северная – трапециевидная, обращенная малым основанием к северу. Под курганной насыпью обнаружено пять могильных ям.

Стратиграфия кургана – пахотный слой мощностью 0,3–0,4 м, нижняя часть погребенной почвы (мощность до 0,2 м) и материковая супесь (рис. 2.21, 1).

Яма 1 располагалась в 2,7 м к юго-западу от центра кургана, ориентирована по линии ЮЮВ–ССЗ (рис. 2.21, 2). Стенки ямы отвесные, дно ров-

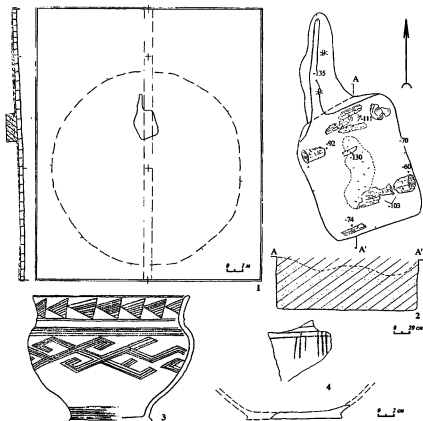

Рис. 2.20. Могильник Ак-Мудла I. Курган 5.

1 – общий план и разрез; 2 – общий план и разрез, могильная яма 1;
3 – сосуд 1, могильная яма 1; 4 – сосуд 2, могильная яма 1

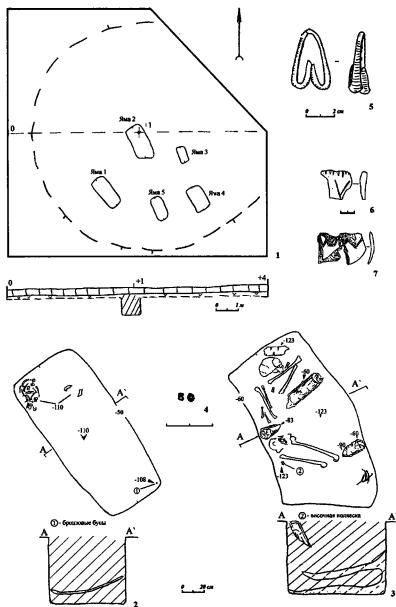

Рис. 2.21. Могильник Ак-Мулла I. Курган 6.

1 – общий план кургана и разрез; 2 – могильная яма 1, план и разрез; 3 – могильная яма 2, план и разрез; 4 – бронзовая бусина, могильная яма 1; 5 – биметаллическая височная подвеска, могильная яма 2; 6 – сосуд 2, могильная яма 2; 7 – сосуд 1, могильная яма 2

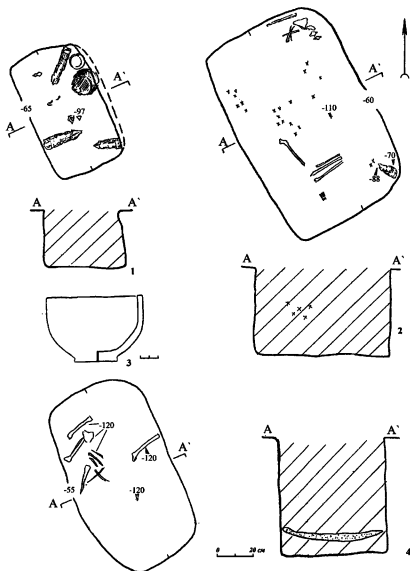

Рис. 2.22. Могильник Ак-Мудла I. Курган 6.

1 – могильная яма 3, план и разрез; 2 – могильная яма 4, план и разрез;
3 – сосуд 2, могильная яма 3; 4 – могильная яма 5, план и разрез

ное, зафиксировано на глубине 0,6 м от уровня материка. Заполнение – темно-коричневая сильно гумусированная супесь. В юго-восточном углу найдено три бронзовых цилиндрических бусины диаметром 0,3 см, толщиной 0,2 см (рис. 2.21, 4). Погребение ограблено в древности.

Яма 2. Центральная, ориентирована ЮЮВ–ССЗ. Форма ямы неправильная подпрямоугольная, размеры 1,7×0,9 м (рис. 2.21, 3), стенки отвесные, ровное дно отмечено на глубине 0,65 м от уровня материка. Заполнение – темно-коричневая сильно гумусированная супесь с линзами серо-желтой слабо гумусированной супеси, языками спускавшейся по северо-восточной стенке. В заполнении встречено четыре фрагмента сосновых бревен, лежавших в древности поперек могилы. Три крупных фрагмента сосновых бревен спускались наклонно от стенок к дну ямы. Один залегал на дне возле северо-западной торцевой стенки.

На дне ямы расчищен костяк человека, сильно потревоженный грызунами. Погребенный лежал на левом боку, головой на ССЗ, лицом на ВСВ. Ноги и руки согнуты в суставах, но точное их положение определить невозможно. Из вещевого инвентаря были найдены биметаллическая височная подвеска (бронза, золото), лежавшая на дне ямы несколько южнее тазобедренного сустава (рис. 2.21, 5), и фрагменты двух сосудов (рис. 2.21, 6, 7). Подвеска желобчатая, в 1,5 оборота, удлиненно-овальной формы. Ширина пластины – 0,4–1 см. Сосуд 1 представлен только стенками и придонной частью. Тесто сосуда плотное, стенки достаточно грубые. Примеси визуально не фиксируются. Стенки сосуда украшены однорядным зигзагом, выполненным крупным гребенчатым штампом. От сосуда 2 сохранился только небольшой фрагмент шейки с прочерченным орнаментом. Тесто сосуда плотное и содержит конкреции белого минерала (раковина или известняк?).

Яма 3 располагалась в 2 м к юго-востоку от центра кургана. Ориентирована по оси ЮЮВ–ССЗ. Форма подпрямоугольная, максимальные размеры 0,75×0,43 м (рис. 2.22, 1). Стенки отвесные, дно ровное, глубина его от уровня материка – 0,32 м. Вдоль северо-восточной стенки зафиксирован неглубокий подбой до 5 см глубиной. Заполнение – темно-коричневая сильно гумусированная супесь. В заполнении встречено три фрагмента сосновых бревен, лежавших в древности поперек ямы.

На дне ямы обнаружены остатки сильно разложившегося скелета ребенка. Погребенный, вероятно, лежал на левом боку головой на ССЗ. В северо-восточном углу расчищено два керамиче-

ских сосуда (рис. 2.22, 3). Большой (№ 1) практически полностью разложился из-за плохого обжига. Меньший (№ 2) сохранился удовлетворительно (Ду – 11 см, Дд – 5 см, Н – 7,5 см). Это небольшая баночка с открытым устьем. У дна оформлена закраина. Без орнамента. Цвет поверхностей – темно-серый. В тесте примесь очень мелкого песка.

Яма 4 располагалась в юго-восточном секторе кургана. Форма ямы подпрямоугольная, со скругленными углами, размеры 1,2×0,7 м, глубина – 0,5 м. Стенки ямы прямые, дно ровное (рис. 2.22, 2). В верхней части заполнения в юго-восточном углу зафиксирована плашка перекрытия. Судя по ее расположению, перекрытие располагалось вдоль длинных стенок могилы. Заполнение могилы составляла темно-коричневая гумусированная супесь с вкраплениями прокала и угольков.

Погребение ограблено. Кости человека обнаружены в северном углу ямы и в центре, где *in situ* располагались берцовые кости и кости стопы. Судя по их положению, покойный лежал на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на северо-запад (рис. 2.22, 2). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Яма 5 была обнаружена в южном секторе кургана. Имела неправильную прямоугольную форму с сильно скругленными углами (рис. 2.22, 4), ориентирована ССЗ–ЮЮВ, размерами 1,05×0,6 м. Глубина от уровня материка – 0,65 м. Заполнение ямы представлено темно-серой гумусированной супесью. В 0,1 м от дна зафиксирована линза слабо гумусированной светло-серой супеси.

Погребение ограблено в древности. На дне могилы обнаружены разрозненные кости человека. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

КУРГАН 7. Самый западный в группе. Судя по планиграфии, он, скорее всего, принадлежит к северной группе, хотя и стоит на 105 м к западу от кургана 4. Насыпь визуально не фиксировалась. Диаметр (10 м) определен по аэрофотоснимку. Центр установлен при помощи инструментальных замеров от центров курганов 2 и 4.

На кургане заложен раскоп 12×12 м с оставлением центральной бровки (рис. 2.23, 1). Насыпь снималась с помощью бульдозера до материка. На площади раскопа обнаружена одна могильная яма. На всем протяжении профиля гумусированный слой пропалхан до материка.

Яма 1 располагалась практически под центральным репером, с некоторым смещением к востоку, имела неправильную подпрямоугольную форму. Углы скруглены, ориентирована длиной

осью по линии С-Ю. Максимальные размеры 1,6×1,05 м, стенки отвесные (рис. 2.23, 2). Глубина ямы от уровня материка 0,45 м. Заполнение ямы представлено сильно прокаленной, слабо гумусированной супесью кирпично-коричневого цвета. В заполнении обильно встречались мелкие угольки. На дне ямы обнаружены разрозненные фрагменты керамики и кости человека, испытавшие воздействие огня. Никакого порядка в размещении находок проследить не удалось. Стоит лишь отметить, что основная масса керамики и фрагменты черепа сконцентрированы в южной половине могильной ямы. Погребение ограблено в древности. Сосуд (Ду – 20,5 см, Дт – 21 см, Дд –

10,5 см, Н – 15,5 см) узкодонный, широкогорлый, с раздутым туловом (рис. 2.23, 3). Шейка высокая, раструбовидная. Дно плоское с намеченной закраиной. По шейке и тулову сосуд оформлен меандровым орнаментом, нанесенным мелкозубчатым гребенчатым штампом. Придонная часть покрыта прочерченными горизонтальными зигзагами, выполненными, по-видимому, щепой. Обжиг ровный, тесто плотное, хорошо отмученное, наблюдается примесь песка. Поверхность залощена.

КУРГАН 8 располагался на западной оконечности южной группы могильника в 20 м к северо-западу от крупного кургана 2. Насыпь визуаль-

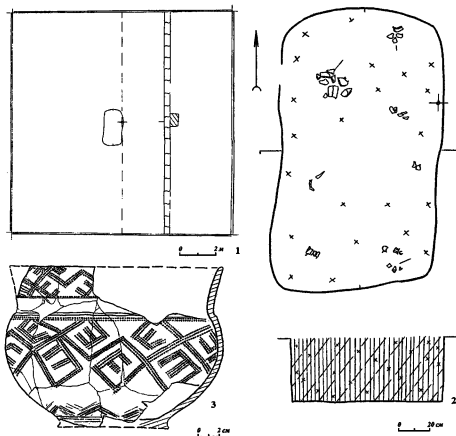

Рис. 2.23. Могильник Ак-Мулла I. Курган 7.

1 – общий план и разрез; 2 – общий план и разрез могильной ямы; 3 – сосуд

но не фиксировалась. Диаметр кургана 10 м по аэрофотоснимку. Центр установлен при помощи инструментальных замеров от центров курганов 2 и 4. На кургане заложен раскоп 12×12 м с оставлением центральной бровки шириной 0,5 м, ориентированной по линии С–Ю. На раскопанной площади обнаружена одна могильная яма непосредственно под центральным репером. Профиль кургана представлен пахотным слоем мощностью до 0,3 м и тяжелой материковой супесью ярко-желтого цвета (рис. 2.24, 1).

Яма 1 имела неправильную близкую к овалу форму с несколько «вогнутым» контуром северо-западной стенки и была ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Размеры могильной ямы $1,4 \times 0,85$ м при глубине 0,45 м, стенки отвесные, дно ровное, заполнение – сильно гумусированная однородная супесь темно-коричневого цвета. Следов перекрытия не обнаружено (рис. 2.24, 2).

На дне ямы найдены предметы утвари, украшения и разрозненные кости скелета человека. В северо-восточном углу ямы стоял большой тол-

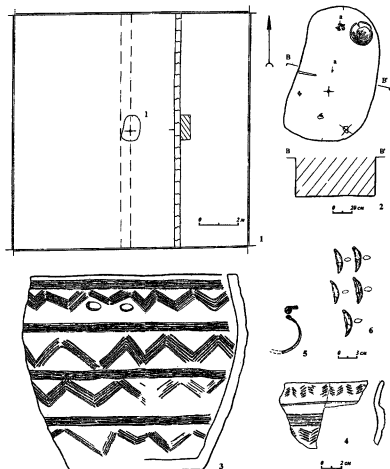

Рис. 2.24. Могильник Ак-Мудла I. Курган 8.

1 – общий план и разрез; 2 – общий план и разрез могильной ямы;
3, 4 – сосуды; 5 – фрагмент бронзового браслета; 6 – волчьи клыки

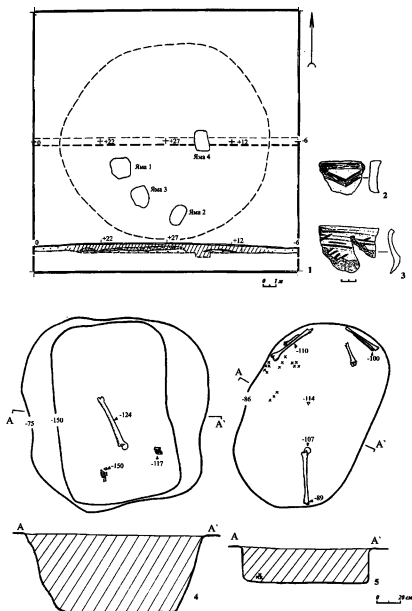

Рис. 2.26. Одиночный курган Ак-Мулла II.

1 – общий план и разрез кургана; 2 – сосуд 1, насыпь; 3 – сосуд 1, могильная яма 1;
4 – могильная яма 1, план и разрез; 5 – могильная яма 2, план и разрез

си с цементирующими включениями. Мощность центральной линзы – 0,25–0,3 м, ее протяженность – 2,75 м. Западная линза имела мощность 0,2 м и протяженность 1,5 м. По всей вероятности, описываемые линзы являлись частью надмогильного сооружения (рис. 2.26, 1).

На площадке зафиксировано четыре могильных ямы. Ямы 1–3 выстроены полукольцом в юго-западном секторе кургана. Яма 4 находилась несколько в стороне от них, в северо-восточном секторе.

Из находок в насыпи следует отметить фрагмент шейки сосуда с хорошо заглаженными и подощенными поверхностями. Плотное тесто содержит примеси талька и песка. Орнамент нанесен проташенной щепой и представляет собой линию под венчиком и однорядный зигзаг по шейке (рис. 2.26, 2).

Яма 1 располагалась в юго-западном секторе кургана. На уровне первых очертаний яма фиксировалась как аморфное пятно размерами 1,5×1,5 м. Западная и восточная стенки ямы опускались под углом 15°, в результате чего в придонной части яма приобрела прямоугольную форму и размеры 1,5×0,9 м. Глубина могилы достигала 0,75 м. Погребение ограблено в древности (рис. 2.26, 4). Этим может быть объяснена первоначальная аморфность очертаний ямы. Были найдены кости стопы и бедренная кость человека и фрагмент верхней части сосуда. Судя по расположению костей стопы, находившихся *in situ*, погребенный лежал на левом боку головой на север. Сосуд изготовлен из рыхлого теста с примесями песка и талька. Поверхности заглажены, но на них фиксируются следы расчесов. Орнамент выполнен гребенчатым штампом (рис. 2.26, 3).

Яма 2 замыкала группу ям с юго-востока. Могилы овальной формы размерами 1,65×1,05 м ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Стенки ямы отвесные, дно зафиксировано на глубине 0,28 м от уровня первой фиксации. Погребение ограблено. В придонной части заполнения ямы обнаружены разбросанные трубчатые кости скелета человека и уголки, концентрировавшиеся в северном углу ямы (рис. 2.26, 5).

Яма 3 располагалась между ямами 1 и 2 в 1 м юго-восточнее ямы 1. Очертания ямы довольно аморфны, хотя близки к подпрямоугольным (размеры – 1,5×1,3 м). Стенки вертикальные, глубина могилы – 0,6 м. Яма ориентирована меридионально, с небольшим отклонением к оси ССЗ–ЮЮВ. Заполнение однородное, однако дно покрыто мощным 15-сантиметровым слоем тлена кирпичного цвета.

На дне могилы в центральной части было обнаружено два скопления кальцинированных костей. Более северное положение занимало скопление 1, имевшее вытянутые аморфные очертания и размеры 0,6×0,45 м (рис. 2.27, 1), ориентировано по оси СЗ–ЮВ. Скопление 2 располагалось в 0,14 м юго-западнее первого. Оно имело более правильные подовальные очертания, ориентировку С–Ю и размеры 0,35×0,2 м. По всей вероятности, скопления принадлежали погребениям двух человек, возможно взрослого и ребенка.

В северо-западном углу ямы зафиксировано скопление уголков. Рядом с ними, у северной стенки, ямы стояло пять сосудов (рис. 2.27, 3–7). Сосуд 1 (Ду – 19 см, Дт – 20 см, Дд – 11 см, Н – 17,5 см) горшечной формы с высокой слегка отогнутой шейкой и небольшим плечом. Переход к тулову выполнен в виде чуть сглаженного ребра. В тесте содержатся примеси талька, песка и дресвы. Поверхности хорошо заглажены. Орнамент, выполненный резными линиями, покрывает всю поверхность сосуда. Среди элементов – многорядный зигзаг по шейке и тулову, горизонтальные линии по ребру. Сосуд 2 (Ду – 14,7 см, Дт – 14,7 см, Д – 8,7 см, Н – 10,3 см) имеет сильно отогнутую шейку, уступник и раздутое тулово. Оформлена закраина. Тесто содержит примесь мелкой дресвы. Внешняя поверхность тщательно заглажена, внутренняя грубо затерта. Орнамент выполнен проташенной щепой. Верхняя часть шейки декорирована однорядным зигзагом, под которым нанесена полоса проташенной щепы. Аналогичная полоса проходит и под уступом. Тулово украшено меандровидным узором. Сосуд 3 (Ду – 15,7 см, Дт – 17,3 см, Дд – 10 см, Н – 12,7 см) характеризуется высокой прямой шейкой с плоским венчиком и плавной профилировкой тулова с закраиной у дна. Плотное тесто содержит незначительную примесь талька. Внешняя поверхность сосуда тщательно заглажена, внутренняя – затерта. Верхнюю часть тулова украшает полоса проташенной щепы, под которой нанесен однорядный зигзаг, выполненный в аналогичной технике. Сосуд 4 (Ду – 12,5 см, Дд – 8 см, Н – 5,5 см) имеет чашевидную форму с небольшой закраиной. Тесто сосуда рыхлое, в нем наблюдаются примеси песка и талька. Поверхности хорошо заглажены. Орнамент выполнен оттисками плоского штампа и покрывает верхнюю часть сосуда. Под венчиком проходит две незаконченные горизонтальные линии, под ними – трехрядный зигзаг со свисающими фестонами. Сосуд 5 (Ду – 20 см, Дт – 21,8 см, Дд – 12 см, Н – 14 см) обладает плавной профили-

рованным туловом и отогнутой шейкой. В плотном тесте отмечена немногочисленная примесь песка и талька. Орнамент выполнен достаточно небрежно и отличается асимметричностью. Под венчиком нанесены вертикальные оттиски крупного гребенчатого штампа и зигзаг. Нижнюю часть шейки украшают трехрядный зигзаг и вписанные в него вертикальные оттиски гребенки. Под ними проходят три горизонтальные линии. Верх тулова декорирован меандровидными фигурами.

Яма 4 располагалась близко к центру насыпи кургана, трапециевидной формы, размерами 1,65×0,8–1 м, ориентирована длинными стенками С–Ю. Стенки ямы отвесные, глубина – 0,25 м (рис. 2.27, 2).

На дне могилы в северо-западном углу зафиксированы кости конечностей, череп человека и угольки. Иных материальных остатков обнаружено не было. Вероятно, погребение было ограблено.

Могильник Городищенское IX

Могильник находился в 5 км западнее села Городищенского Карталинского района Челябинской области на левом берегу реки Сухая. В 2,5 км к юго-западу от могильника в пойму реки с левой стороны врезается Каменный Лог, по дну которого течет одноименный ручей. Памятник расположен на плато коренного берега, на высоте 12 м от уреза воды. Современное русло реки проходит в 300 метрах южнее памятника.

Площадка памятника достаточно хорошо задернована и используется под пашню.

Могильник насчитывает шесть насыпей и курган «с усами» (рис. 2.28, 1). Основная группа курганов располагается на мысовой части коренного берега на расстоянии 10–20 м друг от друга. Насыпи курганов сложены из камней средних размеров (10×15×20 м). Диаметр насыпей колебался от 6 до 16 м, высота – 0,4–1 м. Курган «с усами» располагался в 200 м севернее основной группы на ровном берегу.

В 1999 году экспедицией археологического научно-производственного центра под руководством С.Г. Боталова был вскрыт курган № 4, который дал материалы срубно-алакульского облика. Авторы признательны С.Г. Боталову за возможность публикации материалов.

КУРГАН 4 был расположен в центре могильного поля. Он представлял собой оплывшую насыпь овальной формы, вытянутую в направлении ССВ–ЮЮЗ, размерами 14×10 м и высотой 0,3 м.

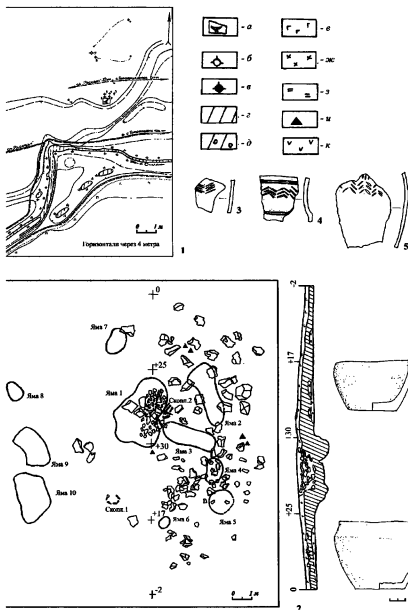
До вскрытия по краю насыпи прослеживались камни оградки округлой формы, диаметром около 7,5 м.

На кургане был заложен раскоп квадратной формы размерами 15×15 м, ориентированный по сторонам света. Насыпь снималась вручную с оставлением бровки С–Ю. За условный «0» был принят крайний северный пикет.

Стратиграфия самой насыпи достаточно простая (рис. 2.28, 2). После небольшого слоя дерна шел слой гумуса мощностью до 20 см, после чего фиксировался грунт насыпи, представлявший собой темно-серую гумусированную супесь мощностью до 50 см. Под насыпью, в бровке к югу и к северу от могильной ямы 1, фиксировались отдельные линзы погребенной почвы мощностью до 15 см. Можно утверждать, что, по крайней мере, в центре кургана древняя почва была подрезана до материка. На погребенной почве и в бровке, к югу от пикета «+30», читались небольшие, слабо выраженные линзы выкида, лежащие на погребенной почве. Мощность линз достигала 12–14 см.

При вскрытии насыпи на подкурганной площадке были зафиксированы развал оградки, десять ям, два жертвенника и развалы нескольких сосудов. В восточном секторе кургана был зафиксирован развал оградки, вытянутой в меридиональном направлении. Форму оградки не удалось восстановить с достаточной уверенностью, однако можно предполагать, что оградка состоит, по крайней мере, из двух частей – северной и южной. Южная часть оградки выражена более отчетливо и сконцентрирована вокруг ям 4, 5, 6. Она представляла собой замкнутую структуру округлой формы, диаметром около 4 м. Большая часть камней сосредоточена в западной и северной ее частях, в южной и восточной камнями встречаются спорадически. Камни, составляющие эту часть оградки, средних размеров (от 15×10 до 40×20 см), лежали на погребенной почве. Северная часть оградки, более растраченная и аморфная, вытянутых подовальных очертаний, сосредоточена вокруг ям 1, 2, 3. Размеры ее 7×5,5 м, ориентирована по оси ССВ–ЮЮЗ. В этой части оградки камни достигали крупных размеров (до 90×75 см) и часть из них была слегка завалена в яму № 2. Вполне вероятно, что оградка достаточно сильно пострадала позднее – во время сооружения в центре кургана средневекового захоронения (могильная яма 1, погребение 1), которое было забутовано камнем, взятым из оградки эпохи бронзы.

Как уже было отмечено выше, на подкурганной площадке на уровне материка было зафиксиро-

8. Могильник Городищенское IX.

эпизодический план могильника: а – мусульманское кладбище; б – курган; в – исследованный курган; з – темно-мусирированная супесь; д – темно-серая гумусированная супесь с гравием; е – гумус; жс – угли и провал; и; и – сосуды; к – погребенная почва; 2 – курган. Общий план и разрез. 3–7 – керамика из насыпи

ровано 10 ям. Впоследствии оказалось, что яма № 1 содержала два погребения (рис. 2.29); одно из них принадлежало эпохе бронзы и являлось центральным погребением кургана. Его прорезало средневековое погребение. В центре располагалось погребение 1, остальные ямы сосредоточены по периферии площадки.

Помимо ям, на уровне материка под насыпью встречено два скопления костей животных и несколько развалов сосудов и фрагментов керамики.

Скопление 1 располагалось в юго-западном секторе кургана, в 2 м к северо-западу от пикета с отметкой «+17». Оно представляло собой выложенные в круг диаметром 0,5 м кости конечностей крупного рогатого скота.

Скопление 2 находилось у восточного борта ямы № 1. Однако остается не вполне понятным, связано ли оно с данным погребением, либо с ямой № 3, либо вообще имеет самостоятельное значение. В составе скопления – нижняя челюсть, кости конечностей и хвостовые позвонки крупного рогатого скота.

Сосуды, обнаруженные в насыпи, как правило, не связаны с какой-либо конкретной ямой.

В северо-восточном секторе был обнаружен фрагмент стенки сосуда с примесью талька (рис. 2.28, 5). Поверхности ровные, хорошо заглаженные, темно-серого цвета. По верху тулова нанесен ряд вертикальных насечек, под ними – трехрядный зигзаг, выполненный гладким штампом. К юго-востоку от этого фрагмента был найден фрагмент верхней части алаккульского сосуда (рис. 2.28, 4). В тесте этого сосуда – примесь талька и шамота. Поверхности тщательно заглажены и имеют темно-серый цвет. Форма – горшечная. Сосуд характеризуется высокой, слегка отогнутой шейкой, выраженным уступом. Орнамент нанесен гребенчатым штампом. По верху шейки и верху тулова – две горизонтальные линии, выполненные гребенчатым штампом. Более крупной гребенкой выполнен трехрядный зигзаг, заполняющий верхнюю часть шейки. Рядом с ним располагался небольшой фрагмент стенки сосуда, выполненного из плотного теста с примесью слюды. На фрагменте фиксируется многорядный зигзаг, выполненный плоским штампом (рис. 2.28, 3). В восточном секторе кургана был обнаружен целый сосуд горшечно-баночной формы (Dy – 10,8 см; Dt – 11,6 см; Dd – 6,5 см; H – 9,4 см) с примесью кварца и шамота в тесте. Поверхности грубо заглажены, внутри – следы расчесов. Неорнаментирован (рис. 2.28, 7).

В 0,3 м южнее пикета «+30» был обнаружен маленький сосудик (Dy – 10,4 см; Dd – 6,5–7 см,

H – 6,5–7,2 см) баночной формы с закрытым профилем (рис. 2.28, 6). Примеси к тесту – шамот, слюда. Тесто пористое, цвет в изломе – черный. Поверхности грубые и имеют светло-коричневый цвет.

Яма 1. Первые очертания были получены на уровне материка и представляли собой достаточно аморфное пятно темно-серой щебнистой супеси с включениями камней. Размеры ямы на этом уровне составляли 2,85×1,6 м, и длинной осью пятно было ориентировано ВСВ–ЗЮЗ. Как уже было отмечено выше, в бровке в 1 м к югу от ямы фиксировались линзы выкида протяженностью 0,5–0,8 м и мощностью от 0,07 до 0,15 м. В плане выкид практически не читался. На глубине «-50» стало ясно, что яма содержит два одновременных погребения, одно из которых прорезает другое. Погребение 1 относится к эпохе средневековья и в данной статье рассматриваться не будет. Погребение 2 (рис. 2.29) на уровне первых очертаний фиксировалось как подовальное пятно размерами 1,4×0,9 м. В придонной части яма приобрела более четкие очертания и форму неправильного прямоугольника со сторонами 1,5×0,9 м. Стенки ямы неровные, южная – пологая, северная и восточная – более вертикальные. В придонной части ямы, в 20 см от материка у стенок, фиксировался уступчик шириной 5–10 см. Глубина ямы от уровня материка составляла 0,5 м. В заполнении фиксировались разрозненные кости и череп человека. На дне ямы находились ребра и кости ног погребенного в неповрежденном состоянии. Покойный лежал на левом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. Инвентаря в могиле не обнаружено.

Очевидно, что потревоженность северо-восточной части погребения объясняется сооружением более поздней могилы, в результате которого произошло смещение ряда костей скелета.

Яма 2 (рис. 2.30, 1) располагалась в восточном секторе кургана. Ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Представляла собой сильно вытянутый, слегка изогнутый овал длиной 2,45 м и шириной от 0,65 до 1,1 м. Глубина ямы от уровня материка 10 см, стенки вертикальные. В яме находилось несколько погребений детей, по всей вероятности одновременных. Не исключено, что яма на самом деле представляет собой фрагмент ровика, в котором совершались детские захоронения.

В северной части ямы зафиксировано захоронение младенца и подростка. По всей вероятности, наиболее ранним является захоронение подростка, кости которого были потревожены, вероятно, при похоронении младенца. В первоначальном

положении остались только череп и кости ног, по которым можно судить, что погребенный был ориентирован головой на СВ, лежал на левом боку, скорченно. Бедренные кости располагались почти под прямым углом по отношению к позвоночнику, а берцовые кости – почти под прямым углом к бедренным. Перед коленями погребенного стоял сосуд 2 (рис. 2.30, 3). Тесто сосуда пористое, в изломе серое и темно-серое, среди примесей – слюда, песок. Поверхности грубые, заглажены небрежно, кое-где орнамент затерт. Цвет поверхности светло-коричневый. Спорадически встречаются пятна нагара. Сосуд горшечно-баночной формы (Dy – 13,6–15 см, Dt – 14,4–15,8 см, Dд – 10 см, H – 11,4–12,7 см). Пропорции приземистые, несколько асимметричные. Шейка невысокая, прямая, переход к тулову ребристый с небольшим плечом, тулово слегка раздуто, дно плоское. Орнамент выполнен небрежно. Верхний край шейки украшен рядом вертикальных вдавлений, под ребром также проходит ряд вдавлений, но подтреугольной формы, при этом ямки различной глубины и формы, ряд в нескольких местах нарушается. По шейке, плечу и отчасти верхней части тулова нанесены вертикальные расчески протасненной щепой.

Захоронение младенца в северной части ямы сохранилось хуже, чем погребение подростка – от него остался лишь череп, лежавший *in situ*. Можно предполагать, что погребенный был ориентирован головой на Ю или ЮВ. Рядом с черепом младенца находился развал сосуда 1 (рис. 2.30, 2). Форма сосуда горшечная, шейка высокая, слегка отогнутая наружу, с уплощенным венчиком. Переход от шейки к тулову оформлен в виде уступа. Тонкостенное тулово, выпуклое в верхней части, дно узкое с закраиной (Dy – 16,5 см, Dt – 17,1 см, Dд – 8 см, H – 15 см). Тесто плотное с примесью песка, цвет в изломе черный. Поверхности сосуда хорошо заглажены, имеют светло-серый цвет. Орнамент нанесен по трем зонам. В качестве разделителей зон служат четыре горизонтальные линии, выполненные протасненной щепой. Они нанесены по середине шейки, верху тулова (под уступом) и у дна. Верх шейки украшают достаточно небрежные, слегка скошенные, заштрихованные треугольники вершиной вверх. По низу шейки идет бордюр из однорядного зигзага, выполненный крупной гребенкой. Верх тулова оформлен уточками, а низ тулова – однорядным зигзагом. И уточки, и зигзаг нанесены протасненной щепой.

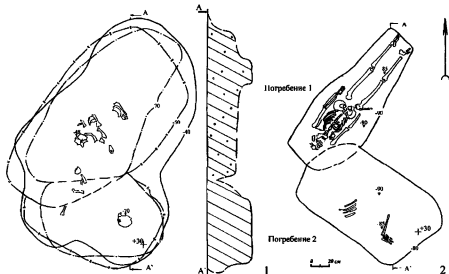

Рис. 2.29. Могильник Городищенское IX. Курган 4. Могильная яма 1.

1 – план и разрез; 2 – план погребений 1, 2

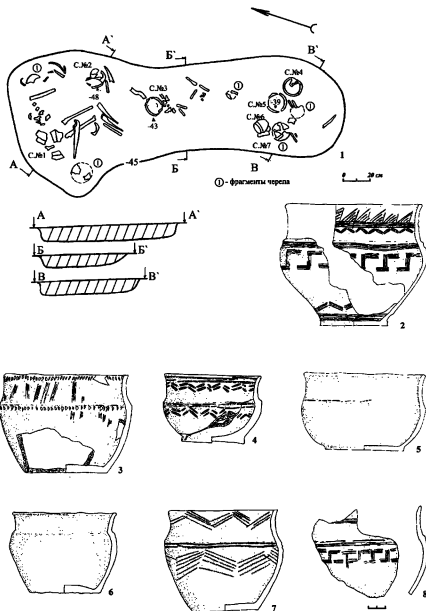

Рис. 230. Могильник Городищенское IX. Курган 4. Могильная яма 2.
1 – план и разрез; 2–8 – сосуды 1–7

К юго-востоку от северных погребений, в центральной части ямы фиксировалось еще одно захоронение младенца, совершенное в скорченной позе на боку, головой на ЮОВ. В ногах у погребенного стоял небольшой сосудик 3 (рис. 2.30, 4). Форма сосуда горшечная, пропорции приземистые, сосуд несколько асимметричен. Шейка невысокая, слегка отогнутая, четко выражен уступ, тулово раздутое и плавно переходит в небольшое дно с закраиной (Ду – 11,6 см, Дт – 12 см, Дд – 7,7 см, Н – 7,9 см). Тесто плотное, красное, в нем примеси песка и шамота. Поверхности серо-коричневые, хорошо запаженные, шейка и венчик подлощены. Орнамент выполнен гребенчатым штампом со средним размером зубцов. По верху шейки нанесены две горизонтальные линии, под ними – двойной зигзаг. Под уступом – также две линии, но сильно затертые. Верх тулова украшает двойной вертикальный зигзаг.

В южной части ямы 2 было обнаружено парное погребение младенцев, от которого сохранились только черепа и отдельные разрозненные кости. По их расположению можно судить, что покойные лежали головой на ССВ. В головах у них стояло четыре сосуда (4–7). Сосуд 4 выполнен небрежно (рис. 2.30, 5). Тесто плотное, в изломе черного и темно-коричневого цветов. Примеси – кварцевая дресва, песок. Поверхности неровные, запажены грубо, на внутренней поверхности – расчесы. Цвет – светло-коричневый. Форма сосуда – горшечная (Ду – 12,5 см, Дт – 13 см, Дд – 8,5 см, Н – 9,8 см), с высокой отогнутой шейкой, округлым венчиком. Шейка отделяется от тулова четко выраженным уступом. Тулово коническое, дно достаточно широкое и ровное. Сосуд не украшен. Сосуд 5 горшечной формы (Ду – 12,9 см, Дт – 14,7 см, Дд – 7,4 см, Н – 12,2 см), с высокой, слегка отогнутой наружу шейкой, переходящей в коническое, немного раздутое тулово (рис. 2.30, 6). Переход оформлен в виде слабо выраженного ребра. Дно плоское, но очень неровное. Тесто пористое, цвет в изломе черный. В качестве примесей использовались кварцевая дресва и песок. Поверхности сосуда запажены небрежно, особенно дно. Цвет их светло-коричневый, кое-где красноватый. На внутренней поверхности – пятна нагара. Сосуд 6 выполнен из плотного теста, в котором отмечена примесь слюды, цвет в изломе черный (рис. 2.30, 7). Поверхности запажены, но не очень тщательно. Цвет сосуда красно-коричневый, с внутренней стороны – по шейке, верху тулова и дну, фиксируются пятна нагара. Форма сосуда горшечно-баночная, пропорции приземистые

(Ду – 14,7 см, Дт – 14,6 см, Дд – 9,5 см, Н – 9,4 см). Высокая, слегка отогнутая шейка с округлым венчиком плавно переходит в раздутое тулово. Кое-где прослеживается слабо выраженный уступик. В месте перехода от шейки к тулову эпизодически фиксируются следы прочерчивания горизонтальной линией (разметка?). Орнамент на сосуде нанесен гребенчатым штампом по двум зонам – в верхней части шейки и тулова. Разделителем зон выступают две горизонтальные линии, достаточно небрежно оттиснутые на ребре сосуда. По шейке и по тулову орнамент идентичен – многорядный зигзаг. Количество рядов разнится: по шейке – 2–4, по тулову – 5–6. Сосуд 7 представлен крупным фрагментом верхней части (рис. 2.30, 8). Форма сосуда горшечная. Высокая прямая шейка имеет уступчатый переход к раздутому тулову. Тесто плотное, в изломе – черное. В нем встречаются примеси слюды и песка. Внешняя поверхность сосуда коричневая, хорошо запаженная, внутри – менее тщательная обработка и цвет варьирует от коричневого до темно-серого. Орнамент нанесен проташенной щепой. По середине шейки и верху тулова проходят три горизонтальные линии – разделители зон. Верх тулова украшен «уточками», выполненными достаточно небрежно.

Яма 3 располагалась в 0,5 м к юго-западу от южного края ямы 2. Первые очертания получены на уровне материка. Яма имела подовальную форму, размеры 2,16×0,75 м и глубину 0,55 м от уровня материка (рис. 2.31, 1). Ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ. Стенки ямы вертикальные, за исключением северо-восточной, слегка пологой. У края ямы на уровне материка фиксировались небольшие скопления прокала. Яма была ограблена, хотя следы ограбления в профиле не читались. В заполнении и на дне ямы, в северной ее части, обнаружены разбросанные кальцинированные кости человека. Погребение безынвентарное.

Яма 4 была зафиксирована в восточном секторе кургана в 0,2 м к югу от южного края ямы 3. На уровне первых очертаний читалась как пятно темной гумусированной супеси размерами 0,95×0,6 м, ориентирована в меридиональном направлении, глубина ямы от уровня материка 0,09 м. Восточная стенка ямы пологая, остальные вертикальные. На дне располагалось захоронение младенца (рис. 2.31, 2). Скелет сохранился крайне плохо, однако по расположению костей черепа можно судить, что погребенный был ориентирован головой на ССВ. Помимо черепа младенца, в 10 см от западной стенки ямы лежали кости суслика и корсака. Погребальный инвентарь представлен двумя

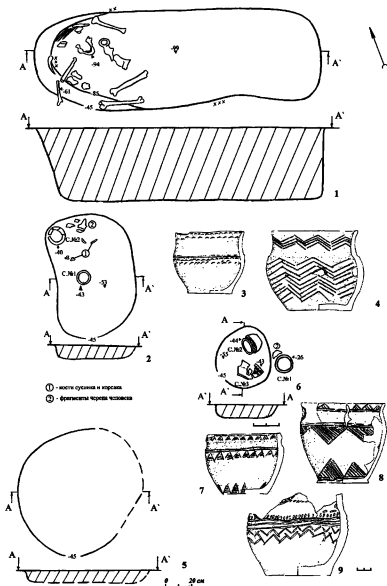

Рис. 231. Могилиник Городищенское IX. Курган 4. Могильные ямы 3–6.

1 – могильная яма 3, план и разрез; 2 – могильная яма 4, план и разрез; 3, 4 – сосуды 1, 2, могильная яма 4;
5 – могильная яма 5, план и разрез; 6 – могильная яма 6, план и разрез; 7–9 – сосуды 1, 2, 3, могильная яма 6

сосудами. Сосуд 1 находился в северо-западном углу у головы погребенного, сосуд 2 стоял в ногах. Расположение сосудов относительно костяка позволяет предполагать правобочное положение младенца в яме.

Сосуд 1 горшечной формы (Dy – 14 см, Dt – 15 см, Dd – 10 см, H – 12,3 см), с высокой, слегка отогнутой шейкой, уплощенным венчиком (рис. 2.31, 3). Переход от шейки к тулову – уступчатый. Тулово сосуда выпуклое с резким переходом к плоскому дну. Сосуд толстостенный, тесто пористое, цвет в изломе черный. В качестве примесей использовались песок и шамот. Поверхности сосуда серо-коричневые, хорошо заглаженные. На внутренней поверхности встречаются пятна нагара. Поверхность сосуда украшает орнамент, нанесенный по двум зонам: верх шейки и верх тулова. Обе зоны украшены идентично – двумя рядами угловых вдавлений гладкого штампа. Под уступом расположена горизонтальная линия – разделитель.

Сосуд 2 выполнен из плотного теста, в нем встречаются примеси талька и песка (рис. 2.31, 4). В изломе цвет – темно-серый, поверхности имеют светло-коричневую окраску. Внутренние поверхности заглажены тщательно, внешние – гораздо грубее. Форма сосуда горшечная, шейка высокая, слегка отогнутая, с округлым венчиком. Переход от шейки к тулову оформлен в виде едва выраженного уступа. Тулово слегка выпуклое. Дно плоское. Сосуд украшен рядами горизонтальных зигзагов.

Яма 5 округлой формы, диаметром 0,9–1 м, глубиной 0,09 м, располагалась в 0,36 м к юго-востоку от ямы 4. Зафиксирована как пятно слабо гумусированной супеси. Материальных остатков не содержала (рис. 2.31, 5). Возможно, является частью предполагаемого ровика.

Яма 6 была расположена в южном секторе кургана, в 0,35 м восточнее пикета с отметкой «+17», округлой формы, диаметром 0,45 м и глубиной от уровня материка 0,1 м (рис. 2.31, 6). У восточного края ямы стоял сосуд 1 и фрагмент черепа младенца. Сосуд 1 горшечно-баночной формы (Dt – 15 см, Dd – 10 см), по-видимому, имел высокую шейку (рис. 2.31, 9). Переход от тулова к шейке ребристый, хотя ребро выражено неотчетливо. Тулово конической формы, дно уплощенное, стенки толстые. В тесте примеси слюды и песка. Цвет сосуда в изломе темно-серый, тесто плотное. Внешние поверхности сосуда заглажены неровно, имеют светло-коричневую окраску. Внутри сосуд серый, с пятнами нагара. Сосуд украшен крайне

небрежно. Средняя часть шейки украшена рядом наклонных насечек, по низу шейки нанесен ряд вертикальных насечек. Кроме того, по всей поверхности шейки спорадически встречаются единичные вертикальные и горизонтальные наколы. На ребре сосуда нанесены три горизонтальные линии, выполненные прочерчиванием. Под ними, по верку тулова, расположен двухрядный зигзаг.

Непосредственно в яме, на дне у восточной стенки, зафиксировано два сосуда (№ 2,3). Сосуд 2 небольшой, горшечно-баночной формы (Dy – 11,3, Dt – 11,9 см, Dd – 6,6 см, H – 9,1 см). Тесто плотное, содержит примесь песка, цвет в изломе черный. Поверхности хорошо заглажены, подلوшены. Цвет светло-серый с пятнами нагара (рис. 2.31, 7). Сосуд приземистых пропорций с невысокой, слегка наклоненной внутрь шейкой, плоским венчиком. Верхняя часть шейки выделена воротничком. Переход к тулову уступчатый. Орнамент выполнен плоским штампом достаточно небрежно и нанесен по трем зонам. Воротничок декорирован бордюром из равнобедренных треугольников, обращенных вершиной вверх и заштрихованных наклонными линиями. Под уступом нанесены две горизонтальные линии. Верх тулова и придонную часть украшают равнобедренные треугольники, обращенные вершиной вверх, с горизонтальной штриховкой.

Сосуд 3 содержит в тесте примеси песка (рис. 2.31, 8). Тесто плотное, в изломе темно-серое. Внешние поверхности тщательно заглажены, серо-коричневого цвета. На внутренней поверхности сосуда видны следы заглаживания тряпкой или пучком травы. Форма сосуда горшечная, пропорции стройные (Dy – 12,7 см, Dt – 13,1 см, Dd – 8 см, H – 12,2 см). Невысокая, отогнутая наружу шейка с округлым венчиком переходит в коническое тулово. Переход оформлен в виде ребра. Дно плоское, с закраиной. Сосуд украшен по трем зонам. По верхней части шейки нанесены равнобедренные косозаштрихованные треугольники, обращенные вершиной вверх. Под ними разделитель – две горизонтальные линии. Еще один разделитель (три горизонтальные линии) нанесен на ребре сосуда. Верхняя часть тулова декорирована равнобедренными косозаштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вниз. В придонной части такие же треугольники, но вершинами вверх. Зоны придонной части тулова и дна разделяют три горизонтальные линии.

Вероятно, погребение нарушено норами грызунов, в результате чего череп погребенного оказался за пределами могильной ямы.

Яма 7 была зафиксирована на уровне материка в виде пятна гумусированной супеси неправильной подовальной формы, ориентированного ССВ–ЮЮЗ. Яма располагалась в северном секторе кургана, в 1,75 м к северо-востоку от пикета с отметкой «+25». Размеры ямы на уровне первой фиксации были 1,1×0,65 м и не изменялись вплоть до дна, зафиксированного на глубине 0,14 м от материка (рис. 2.32, 1). Заполнение ямы однородное – слабо гумусированная супесь. На дне могильной ямы, в южном углу, располагалось два сосуда. Других вещественных остатков яма не содержала.

В тесте сосуда 1 визуально определима примесь песка, цвет в изломе черный (рис. 2.32, 2). Стенки сосуда светло-коричневые с пятнами нагара по шейке. Поверхности заглажены, но не очень тщательно. Сосуд горшечной формы, характеризуется высокой прямой шейкой с округлым венчиком, переходом к тулову в виде уступа, слегка выпуклым туловом и плоским дном (Dy – 14,5 см, Dt – 15,3 см, Dd – 8 см, H – 14,7–15,3 см). Орнамент, достаточно небрежный, украшает шейку и верх тулова. По шейке нанесен трехрядный зигзаг. Аналогичный зигзаг украшает и верх тулова. Уступ сверху и внизу выделен тремя горизонтальными линиями.

Сосуд 2 имеет приземистые пропорции и горшечную форму (Dy – 12,9 см, Dt – 13,4 см, Dd – 8,2 см). Высокая, слегка отогнутая шейка с плоским венчиком, скошенным вовнутрь, переходит в слабо раздутое тулово (рис. 2.32, 3). Переход оформлен в виде уступа. Дно чуть вогнуто вовнутрь сосуда. Тесто плотное, содержит примеси талька, песка, кварцевой дресвы, цвет в изломе темно-серый. Поверхности сосуда заглажены, но остаются неровными. Цвет поверхностей светло-коричневый, изнутри – пятна нагара.

Поверхность сосуда декорирована по двум зонам: шейка и верх тулова. Орнамент выполнен гребенчатым штампом. Разделителем зоны шейки и плеча являются три горизонтальные линии. Сами же зоны украшены многорядным зигзагом.

Яма 8 была зафиксирована в северо-западном секторе кургана, имела овальную форму, длинными стенками ориентированную по оси СЗ–ЮВ (рис. 2.32, 4). Размеры, характеризующие яму на уровне первых очертаний (0,78×0,55 м), не изменялись вплоть до дна, которое было зафиксировано на глубине 0,19 м от материка. На дне ямы было расчищено погребение ребенка. Покойный лежал на левом боку в сильно скорченном положении, головой на СЗ, кости рук перед лицом, сильно

согнутые ноги упирались в борт могилы. У рук погребенного стояла банка с закрытым профилем (Dy – 15,8 см, Dt – 16,8 см, Dd – 11 см, H – 16 см), тулово слегка раздуто, венчик плоский, дно широкое и ровное (рис. 2.32, 5). Тесто пористое и слоистое, как следствие – большая часть внешней поверхности сосуда разрушена. В тесте, визуально фиксируется примесь песка. Поверхности сосуда светло-серые, грубо заглаженные. На внешней поверхности сосуда фиксируются следы вертикальных расчесов.

Яма 9 находилась в 1,5 м к югу от погребения 8. На уровне первых очертаний яма фиксировалась как пятно гумусированной супеси неправильных подпрямоугольных очертаний размерами 1,6×0,9 м (рис. 2.32, 6). В придонной части погребальная камера приобретала более правильные прямоугольные очертания и сократилась в размерах до 1,25×0,85 м. На этом уровне яма была ориентирована по оси С–Ю. Восточная и южная стенки ямы вертикальные, западная и северная – пологие. Глубина ямы 0,62 м. Неправильность очертаний ямы в верхнем горизонте, очевидно, связана с ограблением. Этим же объясняется и разрозненность костей скелета. Кости конечностей, ребра и череп взрослого человека разбросаны в заполнении ямы. Погребение безынвентарное.

Яма 10 располагалась в юго-западном секторе кургана, в 0,3 м юго-западнее ямы 9 (рис. 2.32, 7), ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. На уровне первой фиксации яма имела подтрапециевидную форму и размеры 1,95–0,95×1,1 м, глубина от уровня материка составляла 0,32 м. Стенки ямы практически вертикально опускались до дна. В заполнении в восточной половине изредка встречались кусочки прокаленной глины и угольки. На дне ямы в северо-западном углу была обнаружена трубчатая кость. В центре располагалось пятно прокала округлой формы размерами 0,23×0,18 м. К югу от него лежали фрагменты стенок сосуда. Сосуд большой по объему, стенки толстые, тесто плотное, серое в изломе. В тесте наблюдаются примеси слюды. Поверхности серо-коричневого цвета достаточно ровные и хорошо заглаженные.

Могильник Наровчатский I

Могильник исследовался в 1996 году С.А. Григорьевым в зоне земельного отвода автодороги Магнитогорск – Сибай, на террасе левого берега реки Урал. На этом участке к берегу подходит две гряды холмов, между которыми располагается глубокая ложбина, перпендикулярная реке, выходящая к первой надпойменной террасе. В

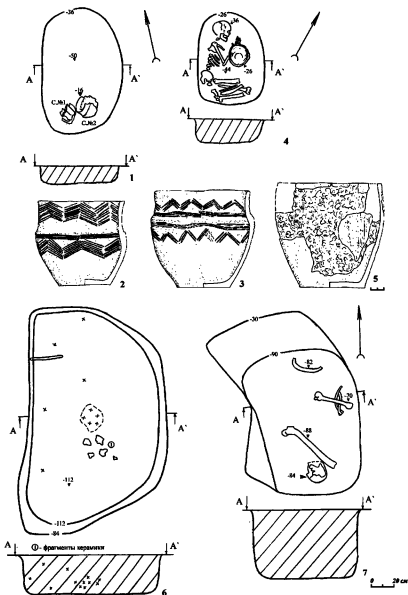

Рис. 2.32. Могилиник Горишненское IX. Курган 4. Могильные ямы 7–10.

1 – могильная яма 7, план и разрез; 2, 3 – сосуды 1, 2, могильная яма 7; 4 – могильная яма 8, план и разрез; 5 – сосуд 1, могильная яма 8; 6 – могильная яма 9, план и разрез; 7 – могильная яма 10, план и разрез

свою очередь, речная терраса пересекается на этом участке глубоким логом, образующим два мыса. На оконечностях этих мысов ранее археологической разведкой было зафиксировано поселение эпохи бронзы. На дневной поверхности оно фиксируется благодаря жилищным впадинам. Выше по террасе к нему примыкает могильник Наровчатский I. Исследованию подверглись два восточных кургана могильника. Юго-восточнее, на краю террасы, располагались могильник Наровчатский II и аллея менгиров, которая рассматривалась первоначально как часть этого могильника (рис. 2.33).

КУРГАН 1 занимал крайнее северо-восточное положение в группе курганов могильника. Насыпь имела округлую форму, диаметр 16 м и высоту 0,75 м. Кургan был хорошо задернован. На его поверхности выступали отдельные камни, расположение которых позволяло предполагать наличие ограды.

Был разбит раскоп круглой формы диаметром 16 м с оставлением двух перпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света.

Под дерном была зафиксирована ограда размером 11×9,2 м, ориентированная по линии СВ-ЮЗ

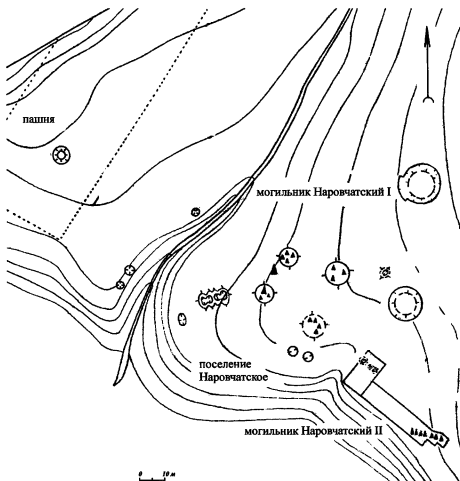

Рис. 2.33. Могильники Наровчатский I, II. Топографический план

(рис. 2.34, 1), которая была сложена из крупных камней размером от 30 до 80 см. Как правило, камни лежат в один, реже – в два ряда, иногда перекрывая друг друга. В ряде случаев камни имеют наклон в сторону периферии кургана. Замечена еще одна закономерность. Обычно камни, расположенные дальше от центра кургана, лежат ниже камней, расположенных ближе к центру. Все это свидетельствует в пользу того, что камни сползали с насыпи. Данную конструкцию было бы корректнее называть не оградой, а крепидой. Не исключено, что камни стояли на торцах, а потом завалились. При этом форма кургана должна была быть ступенчатой, а крепиды стояла у подножия второй ступени.

В северо-восточном секторе крепиды разрушилась сильнее. Подобная же ситуация в южном секторе. Разрушен также западный угол крепиды. Разрыв шириной 2 м зафиксирован и в северо-западной стенке. Возможно, здесь стенка тоже разрушена, хотя не исключено, что в этом месте был обозначен символический вход.

Обычно отдельные стенки крепиды располагаются по прямой, а не по дуге. Сильное закругление начинается лишь в углах. Вероятно, первоначально крепиды были прямоугольной, с довольно четко выраженными углами, однако по мере разрушения углы сгладились, поскольку в этом месте разрушение проходило особенно интенсивно. Наиболее четко сохранился северный угол.

Прямоугольная форма крепиды предполагает также то, что первоначально курган был прямоугольным и ступенчатым, имея две-три ступени.

После снятия дернового слоя и части насыпи внутри каменной конструкции были зачищены гумусированные серовато-золистые очертания, заполненные измельченной карбонатной породой, которые оформляли прямоугольную площадку размером 6×5,5 м. Ориентирована она была по линии СВ–ЮЗ.

В южных секторах кургана на краю площадки лежал выкид из могильной ямы, представленный супесью желтого цвета. Мощность его колебалась от 4 до 18 см, размеры на плане 2,6×2,9 м. Выкид, в свою очередь, образовывал площадку подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентированную по линии 3–В. На поверхности площадки был обнаружен древесный тлеп. Под площадкой в юго-восточном секторе расчищены небольшие фрагменты дерева, удалось проследить направления волокон по линии СЗ–ЮВ с различными отклонениями. Вероятно, это остатки какой-то надмогильной конструкции. В этом же секторе была обнаружена нижняя челюсть человека.

В северо-восточной части на описанной карбонатной площадке лежал выкид из материковой супеси желтого цвета. Выкид этот начинался в юго-восточном секторе и распространялся на север изогнутой полосой шириной 1,4 м и длиной 2,7–2,8 м. Выкид выходит далеко за пределы карбонатной подсыпки на севере. Мощность его от краев ямы к центру увеличивается, достигая 22 см. В выкиде были встречены отдельные небольшие кости лошади.

К западу от выкида был расчищен жертвенник, состоящий из черепа, нижней челюсти и конечностей коровы. Жертвенник лежал на уровне подсыпки.

В северо-западном секторе у восточной стенки раскопа также был расчищен выкид. Он имел продолговатую форму и был ориентирован С–Ю, размерами 2,4×1 м, мощностью – до 38 см, структура неоднородная. Выкид состоял из гумуса, включений легкого суглинка (с супесью) желтого цвета, включений супеси с суглинком светло-желтого цвета и гумусированной супеси пепельного оттенка. В северной части он лежал непосредственно на материке. Погребенная почва здесь отсутствовала. Южнее он поднимался выше по подрезанному краю погребенной почвы. К югу и юго-западу от выкида были обнаружены фрагменты дерева, ориентированные по линии СВ–ЮЗ.

К западу от ямы 5 лежал на материке выкид, представленный светло-желтой супесью, ориентированный С–Ю.

Очень крупный выкид был зафиксирован к северу и северо-западу от расположенных в этом секторе могильных ям, имел длину 6,75 м, ширина его южной части 3 м, северной – 1,25 м. Такое большое распространение выкида заставляло предполагать, что этот выкид относится не к одной могильной яме. Выкид был исследован разрезом. Удалось зафиксировать, что лизы выкида, расположенные на севере, перекрывают южные. При этом не вполне ясно, к какой яме относится северная часть выкида. Самой близкой была яма 2, но и она расположена довольно далеко от северной оконечности выкида.

Между ямами 3 и 7 был также расчищен выкид из могильной ямы. Он имел неправильную форму и размеры 1,4×0,9 м. В центральной части его мощность составляла 10 см. Юго-восточнее этого выкида расчищен еще один выкид из могильной ямы. Он состоит из аналогичного грунта, имеет размеры 1,4×1,1 м и мощность 10–11 см. Восточная граница выкида четко ограничена камнями крепиды, расположенными выше.

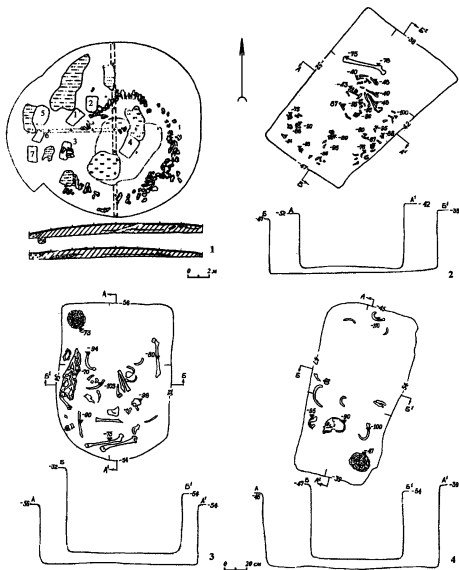

Рис. 234. Могилище Наровчатский I. Курган 1.

1 – общий план и разрез; 2 – общий план и разрез могильной ямы 1; 3 – общий план и разрез могильной ямы 2; 4 – общий план и разрез могильной ямы 3

Яма 1 располагалась у южной стенки северо-западного сектора, имела трапециевидную форму и была ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Длина ямы 1,55 м, длина северо-восточной стенки 1,1 м, юго-западной – 0,85 м. Стенки ямы отвесные, глубина (от разных краев ямы) 0,5–0,6 м. Дно сравнительно ровное и горизонтальное. Заполнение ямы составляла темно-серая гумусированная супесь. В заполнении, начиная с уровня верхних очертаний и до дна могильной ямы, встречены разрозненные кости человека (рис. 2.34, 2). Материальных остатков в яме не обнаружено.

Яма 2 локализовалась к северо-востоку от ямы 1, имела подпрямоугольную форму с округлой южной стенкой размерами 1,45×1,05 м и ориентировку С–Ю (рис. 2.34, 3). Стенки вертикальные, дно ровное, горизонтальное. Глубина ямы составляла 55 см (80 см – высота восточной стенки за счет неровности материка).

В заполнении ямы (темно-серая гумусированная супесь) был расчищен фрагмент деревянной плахи перекрытия, ориентированного в меридиональном направлении. В северо-западном углу на этом же уровне обнаружен древесный тлен от бревна.

Разрозненные кости погребенного выявлены в нижней части заполнения могильной ямы. Погребение безынвентарное.

Яма 3 зафиксирована к югу от бровки 3–В под камнями крепиды. Камни здесь, вероятно, сползли. Могила имела прямоугольную форму и была ориентирована по линии С–Ю с некоторым отклонением северной части к востоку. Длина ямы 1,65 м, длина северного торца 0,85 м, южного – 0,7 м. Стенки вертикальные, дно ровное, горизонтальное. Глубина ямы 0,65–0,75 м (рис. 2.34, 4). В верхней части, в юго-восточном углу, расчищены остатки вертикально торчавшего бревна. В придонной части ямы обнаружено несколько костей человека, включая череп. Иных материальных остатков яма не содержала.

Яма 4 располагалась в центре кургана, имела прямоугольную форму и была ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Размеры ямы 1,9×1,3 м. Стенки могилы вертикальные, дно горизонтальное и ровное. Глубина ямы около 0,7 м. Заполнение представлено темно-серой гумусированной супесью. В северо-восточной половине ямы обнаружены беспорядочные скопления костей человека. В центре, в придонной части ямы, лежал крупный камень размером 0,3×0,27 м (рис. 2.35, 2).

Яма 5 на первом уровне фиксации имела подпрямоугольную форму с сильно закругленны-

ми углами и дуговидными стенками, размерами 1,8×1,45 м, ориентирована ССВ–ЮЮЗ. Через 5 см очертания ямы сузились и приобрели более правильную прямоугольную форму. Ориентировка ямы не изменилась, но размеры уменьшились до 1,5×0,9 м. С этого уровня глубина могильной ямы составляла 0,65 м. Стенки почти вертикальные, лишь западная образовывала небольшой подбой в нижней части. Погребенная почва у могилы была срезана. Она отсутствует и в соседней бровке.

В заполнении могильной ямы были расчищены остатки трех плах перекрытия, ориентированных в продольном направлении. На перекрытии лежала бронзовая подвеска ланцетовидной формы с обломанными зажимами и согнутой под прямым углом верхней частью. Ширина ее 1,4 см, длина – 5,7 см. Вероятно, она попала сюда после сооружения перекрытия во время совершения погребального обряда. Под перекрытием на дне ямы были расчищены два костяка человека (рис. 2.35, 1). Скелеты лежали скорченно на правом боку, кости рук перед черепом, кости ног имели слабую степень скорченности. Костяк № 2 лежал за скелетом костяка № 1. Инвентарь при погребенных отсутствовал. По всей вероятности, остальные погребения кургана тоже были изначально безынвентарны, так как при ограблениях, как правило, сохраняются хотя бы отдельные фрагменты керамики.

Яма 6 располагалась на периферии кургана, под бровкой 3–В, имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Размеры ямы 1,1×0,8 м, а глубина по разным стенкам 0,4–0,5 м. Стенки почти вертикальные, дно ровное, горизонтальное, заполнение – темно-серая гумусированная супесь. На дне ямы был расчищен костяк человека (рис. 2.35, 3). Первоначально костяк был положен скорченно на левый бок, но впоследствии завалился на грудь. В результате нижняя часть костяка осталась на левом боку, а кости грудной части лежали грудной вниз, руки согнуты в локтях по обе стороны от костяка. Череп оказался перемещен в восточный угол, лицевая часть обращена на юго-восток. Погребение безынвентарное.

Яма 7 была обнаружена на западной периферии кургана, частично попадая в прирезку. Форма ямы прямоугольная, размеры 1,5×0,85 м, ориентирована по линии С–Ю, глубиной 0,55 м, стенки почти отвесные, дно ровное, горизонтальное, заполнение – темно-серая гумусированная супесь. На дне ямы был расчищен костяк человека, лежащий скорченно на левом боку, ориентированный

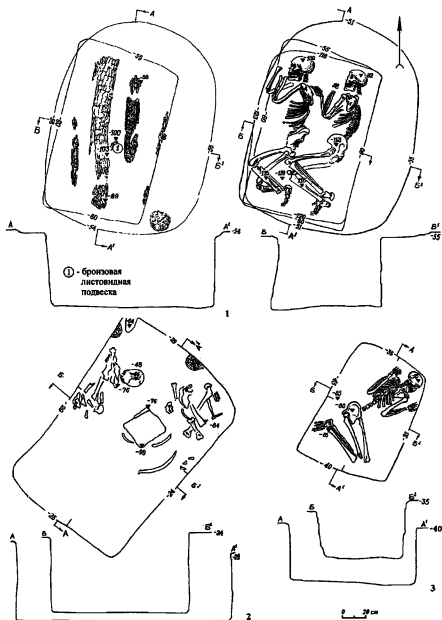

Рис. 2.35. Могилище Наровчатский I. Курган 1.

1 – общий план и разрез могильной ямы 5; 2 – общий план и разрез могильной ямы 4;

3 – общий план и разрез могильной ямы 6

головой на С. Руки согнуты перед лицевой частью черепа. Погребение безынвентарное (рис. 2.36).

КУРГАН 2 имел овальную форму и размеры насыпи 14×12 м. Высота кургана составляла чуть более 0,5 м. В центральной части насыпи под дерном, уже на уровне дневной поверхности, фиксировалась каменная кольцевая выкладка подовальной формы длиной около 3,2 м. Внутри нее находилось несколько хаотично набросанных камней. Выступающие на поверхность камни имели размеры около 0,2–0,3 м.

Курган исследовался вручную с оставлением двух перпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света (рис. 2.37, 1).

Непосредственно под дерном, в северо-западном секторе, было зачищено пятно золы размером 0,5×0,5 м. В 1 м к северо-востоку от зольника в насыпи было обнаружено две кости животного.

В процессе расчистки насыпи была выявлена неоднородность ее структуры. На глубине 30–40 см от уровня дневной поверхности темно-серая гумусированная супесь становится очень плотной, как бы сцементированной. Возможно, что это специально отсыпанный и утрамбованный грунт. В юго-восточном секторе у бровки, на периферии кургана, в верхней части описываемого слоя было обнаружено четыре неорнаментированных фрагмента керамики эпохи бронзы.

Погребенная почва не зафиксирована, вероятно, она была удалена при сооружении кургана.

В центре кургана была расчищена каменная оградка размерами 3,75×3 м, ориентированная по линии 3–В с легким отклонением к СВ. Под оградкой зафиксирована глиняная площадка подпрямоугольной формы размерами 2,75×2,2 м. Под площадкой было вскрыто средневековое погребение.

В целом на площадке кургана исследовано семь могильных ям. Три из них, а также каменная конструкция, глиняная площадка и зольник, относятся к эпохе средневековья и в данной статье рассматриваться не будут.

Эпоха бронзы представлена могильными ямами 4–7.

Яма 4 располагалась в юго-восточном секторе кургана, в 2 м от центра. На верхнем уровне материка яма имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии СВ–ЮЗ (рис. 2.37, 2). Более четкие очертания яма приобрела при дальнейшем исследовании. Определилась прямоугольная форма очертаний размерами 1,7×1,2 м. Стенки ямы отвесные, лишь юго-западная стенка имеет довольно заметный наклон. Глубина ямы 0,5 м, заполнение

– серая гумусированная супесь с мелкими включениями мела. Больше всего их было в центральной части погребения. В западной части ямы было расчищено скопление костей, состоящее из челюсти собаки и кальцинированных костей сука.

На дне обнаружен костяк человека, лежавший на боку скорченно. Угол между линией позвонков и бедренными костями больше 90°. Руки согнуты, кисти рук уложены у лицевой части черепа. Часть костей отсутствовала, в том числе кости стоп. В северном углу ямы найден керамический сосуд (рис. 2.37, 4), плавно профилированный, с раздутым туловом, высокой прямой горловиной, выделенным поддоном, отогнутым венчиком (Ду – 13,5 см, Дт – 15 см, Дд – 7 см, Н – 11 см). По верху шейки и по плечу крупнозубчатым штампом нанесен орнамент в виде вписанных друг в друга заштрихованных равнобедренных треугольников, обрамленных двойными горизонтальными линиями, нанесенными также зубчатым штампом. Возле тазовых костей погребенного, на дне ямы, найдено лопило, которое представляло собой плоскую трапециевидной формы гальку с заглаженными краями. Около левой лопатки лежали фрагменты керамики, из которой был реконструирован сосуд.

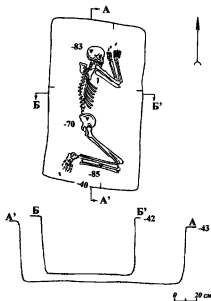

Рис. 2.36. Могильник Наровчатский I. Курган 1. Могильная яма 7. План и разрез

Яма 5 находилась в юго-западном секторе, у бровки С-Ю. Яма имела подпрямоугольную форму размерами 1,65×1,05 м и была ориентирована по линии С-Ю (рис. 2.38, 1). Восточная и западная стенки ямы вертикальные, прочие имели незначительный наклон. Глубина ямы составляла 0,7–0,75 м. В заполнении (серая гумусированная супесь) встречаются редкие мелкие включения мела. В северо-восточном углу ямы фиксировались фаланги пальцев и позвонки человека. На дне расчищен костяк, лежавший скорченно на левом

боку. Бедренные кости находились под прямым углом к позвоночнику. Ступни ног отсутствовали. Руки погребенного были согнуты: левая кисть находилась перед лицом, правая – перед грудью.

На дне могильной ямы местами прослеживалась подсыпка из зеленоватого песка.

Перед лицом погребенного стоял керамический сосуд (рис. 2.38, 4). Это плоскодонный, плавно профилированный горшок с едва намеченным плечиком (Ду – 13 см, Дг – 14 см, Дд – 7 см, Н – 14 см). По плечу и по верху горловины на-

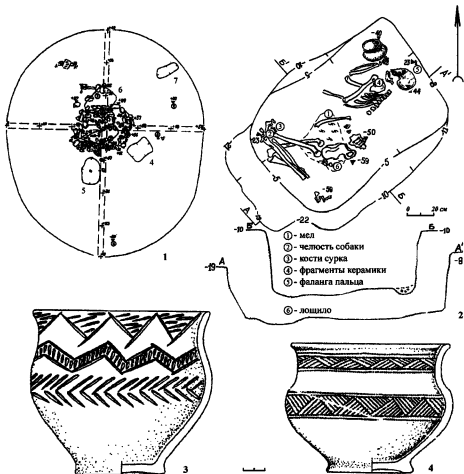

Рис. 2.37. Могильник Наровчатский I. Курган 2.

1 – общий план и разрез; 2 – общий план и разрез могильной ямы; 3, 4 – сосуды

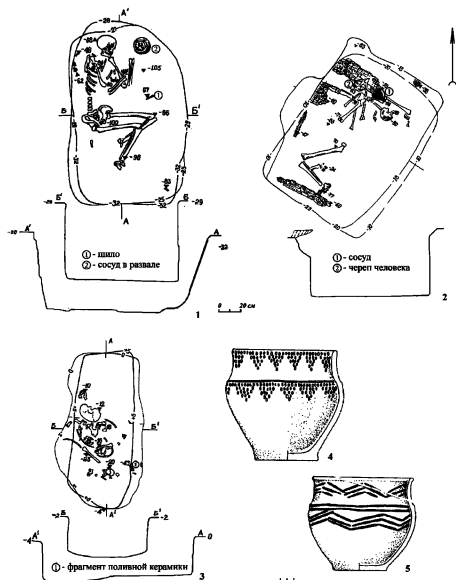

Рис. 2.38. Могильник Наровчатский I. Курган 2.

1 – общий план и разрез могильной ямы 5; 2 – общий план и разрез могильной ямы 6;
3 – общий план и разрез могильной ямы 7; 4 – сосуд, могильная яма 5; 5 – сосуд, могильная яма 6

колами нанесены горизонтальные линии обра-
щенных вершинами вниз равнобедренных тре-
угольников. В заполнении ямы было обнаружено
бронзовое шило с костяной рукояткой.

Яма 6 была расположена к северу от центра
кургана. Она имела прямоугольную форму и была
ориентирована по линии СВ–ЮЗ (рис. 2.38, 2). На
уровне материка в западном углу могильной ямы на-
метилось пятно суглинка, отличавшееся от материка
более темным тоном. Впоследствии оно, как и часть
северного угла, счистилось, образовав небольшой
выступ в северо-западной стенке могильной ямы.
С учетом этого выступа размеры ямы составили
1,85×1,5 м. Заполнение ее – серый гумусированный
суглинок, включения мела весьма незначительны. В
заполнении были расчищены остатки деревянного
перекрытия, представленного продольными и попе-
речными плахами. Продольные стенки могильной
ямы слегка наклонные, торцевые опускаются ко дну
вертикально. Глубина ямы составляла 0,55–0,6 м.

На дне обнаружены остатки погребения. Непо-
тревоженными оказались лишь кости ног. Но ним
можно заключить, что погребенный лежал скорчен-
но на правом боку. Прочие кости группировались в
северной части ямы. Рядом находился плоскостной,
плавко профилированный горшок со слегка
отогнутой горловиной (Ду – 12 см, Дт – 13 см, Дд
– 7 см, Н – 13 см). Орнамент нанесен небрежно
крупнозубчатым штампом: по шейке и в верхней ча-
сти тулова – тройной горизонтальный зигзаг, по ре-
бру – двойная горизонтальная линия (рис. 2.38, 5).

Яма 7 находилась на периферии северо-восточ-
ного сектора кургана, имела неправильную фор-
му и вытянутые пропорции, размерами 1,4×0,7 м,
ориентирована по линии СВ–ЮЗ (рис. 2.38, 3). Се-
веро-восточная стенка ямы отвесная. Прочие
стенки наклонные и сильно потревоженные сур-
ками. Включений мела заполнение ямы не содер-
жало. В центральной части расчищено беспоря-
дочное скопление костей человека. Обнаружен
маленький фрагмент поздней поливной керамики,
по всей вероятности, привнесенный сурками. Глу-
бина ямы составила около 0,3 м.

Аллея менгиров (могильник Наровчатский II)

Аллея менгиров была исследована при раскоп-
ках средневекового могильника Наровчатский II.
Она располагалась на самом краю террасы, к югу
от могильника Наровчатский I.

Площадка была хорошо задернована, на ее по-
верхности торчали крупные камни, вытянутые в
цепочку по линии 3–В.

При исследовании на участках Е/1,2, на глуби-
не 12–15 см от уровня дневной поверхности, было
обнаружено несколько дробленных обожженных
костей животных. К сожалению, они оказались
единственными находками на всем раскопе. Тем
не менее, мы допускаем, что памятник следует
относить к эпохе бронзы, поскольку аналогичные
аллеи менгиров приурочены в Южном Зауралье к
памятникам этого времени (Петров, 2002).

Аллея состояла из группы камней, стоящих
вниз по склону с востока на запад. Общее количе-
ство камней – 20 (рис. 2.39). Восточные камни вы-
тянуты цепочкой. Их семь, но располагаются они
в шести точках, так как камни № 2, 3 положены
рядом. Расстояние между камнями колеблется от
1 до 1,4 м. Самым крупным в этой группе является
первый, наиболее восточный камень, имеющий
размеры 30×25 см. Камень был вкопан в материк
на 10–15 см. Размеры других камней этой группы
не превышали 20 см. Камни № 2–4, 7 первоначаль-
но, по-видимому, были поставлены вертикально,
а впоследствии упали на материк. Камни № 5, 6
сохранили вертикальное положение, хотя и имеют
значительный наклон к югу, в сторону реки.

Следующая группа (№ 8–10) состоит из трех
крупных камней. Длина камней составляла: № 8 –
90 см, № 9 – 65 см, № 10 – 50 см. Камни № 8 и
9 лежали на материке. Они завалились, но погребен-
ная почва под ними отсутствовала. Камень 10
был плоским. Первоначально он был поставлен на
ребро и был, по-видимому, слегка врыт в материк.
Возможно, по основанию он слегка укреплялся
подсыпным грунтом. Камни № 8, 9 первоначаль-
но стояли на торцах, обращенных к северу (№ 8) и
северо-северо-западу (№ 9). В общем направлении
3–В, таким образом, в этой группе попадает лишь
камень № 9 в его первоначально вертикальном по-
ложении. Целиком же группа камней 8–10 задает
новое направление на наиболее высокую точку
окружающей местности – гору Маячную.

Далее на запад располагалось еще два плоских
камня, ориентированных по основной линии 3–В.
Длина этих камней 35 см (№ 11) и 45 см. Камни
были поставлены на ребро, но впоследствии силь-
но наклонились на север. К северу от камня № 11
на материке лежал камень № 12. Размеры его не-
велики – 9×6 см.

Самой крупной являлась группа камней, за-
вершающая всю цепочку на западе. Всего группа
включает семь камней – три крупных и четыре
мелких. Крупные камни (№ 14, 15, 20) стояли вер-
тикально. Камень № 15 (центральный) сохранил
свое первоначальное положение. Он крупный, с

прямоугольным сечением, плоской вершиной и ступенькой с южной стороны. Высота камня от уровня материка 56 см. На материке вокруг этого камня положено четыре небольших камня (№ 16–19).

К югу от центрального камня стоял, чуть вкопанный в материк, камень № 14, имевший приотстрешную вершину и ромбическое сечение. Камень несколько отклонился к северу. Из всей этой группы лишь данный камень попадает в цепочку, вытянутую по линии 3–В.

Завершает группу на западе камень № 20. Он крупный, с ромбическим сечением и приотстрешной вершиной. Высота камня свыше 50 см.

Крупные камни описанной группы (№ 14, 15, 20) выпадают из направления 3–В, задавая направление на гору Маячная, как и камни № 8–10.

При сооружении всего этого комплекса в древности почвенный слой удалялся. В пользу этого говорит целая серия фактов. Лежащие или стоящие на материке мелкие камни при наличии почвы были

бы не видны. Первоначально стоявшие вертикально крупные камни № 8, 9 упали непосредственно на материк. Следовательно, дерн удалялся со всей площадки. Камни устанавливались в небольшие ямки.

Таким образом, исследованный памятник является культовым сооружением, посвященным культу солнца и высоких гор. В целом конструкция задает направление почти строго на географический запад и достаточно близка направлению на закат солнца во время летнего солнцестояния. Две группы состояли из трех крупных камней. Каждая группа ориентирована на гору Маячная.

Описание погребального обряда

В процессе исследования описываемых могильников было вскрыто 14 курганов, содержащих 72 могильные ямы. Давая описание их погребальной обрядности, мы в большей степени будем обращать внимание на общие характеристики обрядности, поскольку имеющаяся выборка представлена неоднородными по объему и информативности материалами. Однако, учитывая достаточно разное территориальное расположение памятников, будет сделана попытка проследить специфику изучаемых комплексов и определить их место среди памятников эпохи поздней бронзы Южного Завуралья и сопредельных территорий.

Топография могильников традиционна для эпохи бронзы. Они располагаются на коренном берегу или на высокой надпойменной террасе. Могильники Ак-Мулла I и Наровчатский I занимают мысовидные выступы коренной террасы. Высота площадки могильников от уровня воды варьирует от 5 до 12 метров. Три могильника можно соотнести с поселениями. Могильники Ак-Мулла соотносятся с поселением Ак-Мулла, расположенным северо-западнее, на противоположном берегу реки. Поселение Наровчатское находится на оконечности того же мыса, на котором располагается могильник. Могильник Городищенское IX не соотносится с конкретным поселением.

Планиграфическая структура могильников относительно четко прослеживается только на Ак-Мулле. Могильники Городищенское IX и Наровчатский, в силу неоднократности освоения площадки в разные эпохи, сколько-нибудь выраженной структуры не демонстрируют. Планиграфия могильника Ак-Мулла I представлена подтреугольной структурой. Исследованные курганы относятся к западной линии. Основу этой линии составляют курганы 2, 4, 9, остальные привязаны к ним. Показательно, что курган 5 также включен в эту структуру, в то время

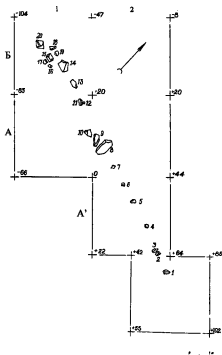

Рис. 2.39. Могильник Наровчатский II. Аллея менгиров. Общий план

как курган 7 расположен чуть в стороне. Нетрадиционным для бронзового века является одиночное положение кургана Ак-Мулла II, хотя такие случаи все же встречаются, и территориально ближайшим аналогом являются могильники в урочище Система (Костоков, Алаева, 2004).

Форма большинства из них (12) округлая и только два имеет овальную форму. Размеры варьируются от 8 до 20–21 м. Зависимости размеров курганов от количества ям на подкурганной площадке не прослежено, но многие курганы в исследованной группе распаханы. Высота курганов колеблется в среднем от 0,25 до 0,75 м. Восемь курганов имеют высоту меньше 0,2 м. Это курганы могильника Ак-Мулла I, разрушенные распахкой.

Большинство курганов имеют земляную конструкцию. В двух случаях (Городищенское IX, курган 4, Наровчатский I, курган I) под земляной насыпью располагалась каменная оградка. В кургане I могильника Наровчатский I оградка реконструируется как прямоугольная и двухъярусная обкладка земляной насыпи, сооруженная над центральным погребением. О первоначальном облике оградки кургана 4 могильника Городищенское IX судить сложнее, поскольку она была сильно потревожена при сооружении средневекового погребения. Оформление площадки каменными конструкциями зафиксировано как в алакульских памятниках южных районов (Кузьмина, 1994. С. 40), так и в срубно-алакульских памятниках (Любчанский, Иванова, 1996; Костоков, Алаева, 2004). Случай фиксации сложных надмогильных сооружений на погребальных памятниках эпохи поздней бронзы, аналогичных сооружению на кургане I могильника Наровчатский I, встречаются крайне редко. Единственным известным нам аналогом является срубно-алакульский могильник Песчанка 2, где также отмечена двухъярусная пирамида, возведенная над центральными погребениями (Алаева, в печати).

Иные конструкции на подкурганной площадке практически не встречаются, за исключением кургана I могильника Наровчатский I. В этом кургане в центре погребальной площадки оформление подпрямоугольная площадка из измельченной карбонатной породы.

Количество ям на подкурганной площадке варьирует от одной до шестнадцати. Однако наибольшая группа курганов (7) содержит от 2 до 7 могильных ям. Курганы с большим количеством ям, от 10 до 16, составляют очень небольшую группу, включающую три кургана. Также немногочисленны курганы с одной ямой (3).

Планиграфическое положение ям на площадках разнообразно, однако в целом реализуется принцип кругового расположения. Наиболее распространена круговая планировка, при которой ямы на площадке распределяются относительно центральной могилы, как правило, по дуге. При этом периферийные могилы могут быть сориентированы относительно центральной. Их стороны в этом случае перпендикулярны радиальным осям кургана. Такая ситуация характерна для синташтинской и алакульской погребальных традиций и прослеживается в кургане I могильника Ак-Мулла I. В другом случае, наиболее распространенном среди описываемых курганов, ориентировка периферийных могил не зависит от их планиграфического положения относительно центрального погребения, и ямы ориентированы с привязкой к сторонам света (могильник Ак-Мулла I; курганы 2, 6, 10). В некоторых курганах наблюдается смешение этих традиций.

При расположении периферийных ям по дуге они, преимущественно, занимали южный сектор. В двух случаях встречено расположение ям в западном секторе и распространение их по всей площадке.

В случае расположения под насыпью одной ямы наблюдается тяготение ее к центру подкурганной площадки.

Жертвенники на подкурганной площадке, как представляется, не характерны для описываемых памятников. Только в двух курганах отмечены скопления костей на площадке (могильник Наровчатский I, курган I; могильник Городищенское IX, курган 4). Состав их традиционен для жертвенников синташтинской и алакульской культур и включает кости конечностей и черепа крупного рогатого скота.

Кроме скоплений животных в кургане 4 могильника Городищенское IX обнаружены сосуды на подкурганной площадке. Эта традиция восходит к синташтинскому времени и продолжается в алакульских и срубно-алакульских памятниках.

Во всех курганах исследовано 72 ямы. Из этой совокупности две ямы, судя по размерам и содержанию заполнения, не являются могильными.

Переходя к описанию ям, необходимо отметить, что 38 из 72 погребений потревожены. Часть из них, погребения детей, разрушены грызунами, но большая часть (31), почти все взрослые погребения, отнесены к условно ограбленным. Подобная дефиниция объясняется тем, что следы ограбления встречаются в очень редких случаях, а многие погребения изначально были безынвен-

тарны или содержали незначительное количество инвентаря. В некоторых случаях, когда в ямах зафиксированы разрозненные кости или неполные костяки, это может объясняться вторичными захоронениями. Однако возможностей для уверенных суждений на эту тему у нас нет.

Анализ абсолютных параметров погребений показал, что с достаточной уверенностью выделяется две группы ям. Первая варьирует в пределах от $0,55 \times 0,35$ м до $1,2 \times 0,7$ м и соотносится с детскими погребениями. Размеры ям второй группы находятся в интервале от $1,25 \times 0,85$ м до $2,35 \times 1,85$ м. В эту группу входит небольшая часть детских погребений, все взрослые и двойные. Глубина взрослых и детских погребений также различается. Если первые лежат в интервале от 0,3 до 0,85 м, то вторые – в интервале от 0,09 до 0,7 м. В целом, параметры ям, содержащих погребения взрослых и детей, различаются достаточно четко.

Ориентировка могильных ям традиционна для погребальных срубно-алакульских памятников. Преобладают следующие направления: С-Ю (19 случаев), СЗ-ЮВ (17 случаев), ССЗ-ЮЮВ (17 случаев), СВ-ЮЗ (8 случаев), ССВ-ЮЮЗ (7 случаев). В одном случае встречена ориентировка В-З. В погребениях эпохи поздней бронзы Южного Зауралья встречается зависимость ориентировки периферийных погребений от их положения относительно центрального. В анализируемых материалах такая зависимость прослеживается только в некоторых курганах с круговой планировкой. Тем не менее, все центральные погребения на площадках демонстрируют сходную картину. Преобладает направление С-Ю (5). Остальные направления встречены реже: СЗ-ЮВ (3), СВ-ЮЗ (2), ССЗ-ЮЮВ (2). Однако если учитывать сезонные отклонения в ориентировке ям, то необходимо отметить преобладание меридиональной ориентировки.

Преобладающей формой ям является подпрямоугольная (46 случаев), достаточно велико количество овальных ям (12 случаев). Кроме того, встречаются ямы подквадратной, трапециевидной, округлой и неправильной формы. Необходимо отметить, что большое количество ям имеет неправильную форму, приближающуюся к прямоугольной, овальной и т. д. Пропорции большинства ям следуют соотношению длинных стенок к коротким как 3/2. Вместе с тем встречается небольшое число ям с соотношением стенок 1/1 (подквадратной формы) и 2/1 (удлиненной формы).

Все ямы исследуемых могильников относятся к числу простых грунтовых. Стенки и дно ям, как правило, ровные. В шести случаях стенки ямы

опускаются под углом, в результате чего образуются небольшие подбой, носящие, вероятно, случайный характер. Кроме того, иногда это может быть вызвано сжатием грунта. Немногочисленные уступчики (3 случая), по всей вероятности, образуются в процессе руинизации могилы.

Распланированные выкиды у погребений встречены в 23 случаях. Из них 16 находятся у погребений взрослых и двойных захоронений и семь у погребений детей. Как правило, выкид находится у конкретной ямы и имеет форму овала или полумесяца. Однако в кургане 1 могильника Наровчатский I выкиды иногда сливаются и относятся сразу к нескольким ямам.

Погребальные конструкции в могильных ямах встречаются довольно часто, но в большинстве случаев ограничиваются перекрытием. Как правило, перекрытие деревянное, выполненное из плах, бревен или жердей. Различаются продольные (9 случаев) и поперечные (17 случаев) перекрытия ям. Примечательно, что поперечные перекрытия наиболее характерны для погребений взрослых и парных, а продольные встречаются примерно одинаково, как во взрослых (5 случаев), так и в детских могилах (4 случая). Вряд ли это можно рассматривать в качестве признака обрядовой тенденции. Детские ямы меньше, поэтому их легче перекрыть вдоль. Редко встречаются и смешанные перекрытия, когда несколько поперечных плах служат основой для сплошного продольного перекрытия.

Каменные перекрытия отмечены в двух ямах, которые содержат захоронения младенцев (могильник Ак-Мулла I, курган 10, ямы 3, 4). И в этом случае объяснение может быть найдено в размерах могильных ям.

Несмотря на отсутствие прямых следов обшивки стенок могильной ямы, некоторые косвенные признаки могут свидетельствовать о наличии таковой. В четырех ямах обнаружены следы вертикально стоящих столбов по углам. Возможно, они использовались для поддержки плах или досок стенки камеры. Однако нельзя исключить и использования этих столбов для поддержки непосредственно перекрытия. В одном случае можно предполагать оформление стенок могильной ямы какой-то обмазкой из глины (могильник Ак-Мулла I, курган 2, яма 7).

Ярким явлением в погребальной обрядности описываемых памятников представляется огненный культ. В восьми случаях в заполнении могильных ям отмечены следы огня в виде угольков и прокаленного грунта. Насыщенность заполнения

следами огня варьирует от нескольких уголков до очень сильной прокаленности грунта. Часто встречается сожжение перекрытия камер (14 случаев). Необходимо отметить, что огненный культ наиболее характерен для погребений могильника Ак-Мулла I и Городищенское IX, но практически не встречается в могильнике Наровчатский I.

Среди способов обращения с умершими в обсуждаемых могильниках встречены как кремация, так и ингумация. Трупосожжения отмечены только в погребениях могильника Ак-Мулла I в трех случаях.

Определенную проблему в описании положения умерших в ямах представляют тотальная «ограбленность» взрослых погребений и плохая сохранность детских. В некоторых случаях количество погребенных и их возрастные характеристики позволяют восстановить размеры ямы и расположение в ней инвентаря. В целом, с учетом косвенных признаков, в погребениях описываемых могильников захоронено 77 погребенных, из них 39 взрослых, 4 подростка и 31 ребенок. Погребения, совершенные по обряду трупосожжения, судя по размерам ям и составу инвентаря, относятся к взрослым.

В абсолютном большинстве захоронения носят индивидуальный характер, но в трех случаях встречены парные погребения людей. В двух случаях это погребения взрослых людей и в одном случае – захоронение взрослого и ребенка. В одном случае встречена яма, содержащая коллективное захоронение детей (могильник Городищенское IX, курган 4, яма 2). Однако, судя по расположению остатков в яме, это погребение может представлять собой несколько слившихся захоронений детей, совершенных в выемке или ровике.

Положение и ориентировка определяются у 41 погребенного, среди которых 14 взрослых. Большинство погребенных (36) расположено на левом боку и только 5 – на правом. Из правобочных погребений четыре являются погребениями взрослых и одно – ребенка. При этом два взрослых погребенных находятся в парном погребении (могильник Наровчатский, курган 1, яма 5). Традиционно положение погребенных скорченное, с руками, расположенными у лица, но степень скорченности различается. Слабо скорченные погребенные встречены в 13 случаях, погребенные с сильной степенью скорченности – в 17 случаях. Положение остальных либо не определяется, либо определяется как скорченное (4 случая).

Погребенные ориентированы по преимуществу в северном секторе. 13 скелетов ориентированы головой на С, 5 и 6 скелетов соответственно

на ССВ и ССЗ. Северо-западная ориентировка отмечается в 11 случаях, а северо-восточная – в шести. Единичны направления на юг и запад.

Усложнения обряда в виде подстилок или подсыпок встречаются редко. В могильнике Наровчатский I прослежено два случая подстилки. В первом случае (курган 1, яма 4) под тазовыми костями погребенного обнаружен мел, во втором случае (курган 2, яма 5) дно ямы было покрыто зеленым песком. Покрытие погребенного сверху мелом встречено три раза (могильник Ак-Мулла I, курган 2, ямы 1, 4, 6). Включения мела в заполнении ям выявлены в погребениях 4, 5, 6 могильника Наровчатский I. Традиции разнообразных подстилок и подсыпок характерны для срубных памятников. В Южном Зауралье они встречаются в смешанных, срубно-алакульских комплексах (Сальников, 1967).

Погребения с трупосожжениями по основным деталям обряда не отличаются от остальных погребений. Два из трех погребений с трупосожжениями совершены в единственных ямах на подкурганной площадке. Третья яма с трупосожжением планиграфически никак не выделяется среди остальных. Судя по размерам ям, сожжения принадлежат взрослым. Различается характер кремации. В яме 1 кургана 5 могильника Ак-Мулла I сожжение представлено в виде пятна скопления кальцинированных костей вытянутой формы, ориентированной по оси ССЗ–ЮЮВ, параллельно длинным стенкам ямы. Сожжения подобной формы обычно трактуются как антропоморфные (Виноградов, 1984). В пользу подобного утверждения свидетельствует и расположение инвентаря в могильной яме, обычное для погребений с ингумацией. В яме 1 кургана 7 могильника Ак-Мулла I кальцинированные кости рассыпаны по дну ямы, что могло быть связано с ограблением могилы. Двойная кремация совершена в яме 3 кургана 1 могильника Ак-Мулла II. Оба скопления представляют собой линзы кальцинированных костей достаточно аморфных очертаний, вытянутых по линии СЗ–ЮВ. В данном случае скопления расположены в центре ямы, а сосуды стоят у северной стенки.

Присутствие кремации в погребальной обрядности многими исследователями, начиная с К.В. Сальникова, традиционно трактуется как признак федоровской культуры. Эти комплексы находят аналогии в федоровско-алакульских комплексах Южного Зауралья (Виноградов, 1984; Виноградов и др, 1996; Корочкова, 2002). В то же время кремации известны и в срубно-алакульских

могильниках, где не отмечено никаких федоровских алингий в погребальной обрядности или инвентаре (Костюков, Алаева, 2004; Любчанский, Иванова, 1996; Салыников, 1967).

Очень интересным фактом является обнаружение места кремаций в кургане 9 могильника Ак-Мулла I. Подобные находки в Зауралье уже известны в могильнике Смолино (Григорьев, 2000).

Погребальный инвентарь довольно беден, что традиционно для срубно-алакульской погребальной обрядности. Свою роль могло отчасти сыграть и ограбление захоронений взрослых людей, хотя анализ явно ограбленных погребений взрослых свидетельствует о крайне скудном инвентаре. Эта тенденция прослеживается во всех трех могильниках.

Обращает особое внимание тот факт, что из 72 исследованных погребений 21 является безынвентарным, из них три явно не ограблены. Как правило, в ограбленных могилах все-таки остаются фрагменты керамики, либо другой инвентаря; в нашем случае ничего не найдено. На основании такой малой выборки трудно говорить о безынвентарности могил как значимой составляющей погребальной обрядности, но определенный процент таких погребений присутствует на многих срубно-алакульских могильниках.

Наиболее распространенной категорией инвентаря являются сосуды. Обычно в ямах встречается один-два сосуда (45 погребений). В двух ямах отмечено по одному сосуду, в одной яме – пять.

Интересно соотношение количества сосудов в детских и взрослых погребениях. Во взрослых погребениях наиболее часто встречается по одному сосуду (12 случаев), реже два сосуда (3 случая) и только в одном случае встречено три сосуда в яме. В детских погребениях наиболее часто встречаются два сосуда (22 ямы), при этом в 18 случаях в могилу ставится один сосуд среднего объема, а один маленький – как правило, несоорнаментированная банка. Реже обнаруживается по одному сосуду (7 ям) и в единичном случае отмечены три сосуда.

Как правило, сосуды располагаются в головах, преимущественно у лица (15 случаев) или у груди погребенного (18 случаев). Иное расположение керамики встречается достаточно редко.

Помимо керамики, другие категории инвентаря представлены крайне скупо. По большей части это детали украшений: бронзовые желобчатые браслеты и браслеты со спиральными окончатиями, бронзовые и пастовые бусы, височная подвеска в 1,5 оборота и височное кольцо, листовидная привеска, клыки волка. Эти категории украшений широко распространены как в срубных, так и в

алакульских комплексах. Орудия труда представлены находками шила (могильник Наровчатский, курган 2, яма 5) и ложила (могильник Наровчатский, курган 2, яма 4), обломков литейной формы (могильник Ак-Мулла I). Кроме того, в одном случае встречены кусочки ошлакованного минерала (могильник Ак-Мулла I, курган 3, яма 1).

Кости животных в погребениях практически не встречаются. Отмечены только два таких случая, но и они сомнительны. В первом случае в яме 4 кургана 4 могильника Городищенское IX найдены кости корсака и суслика. Во втором – в яме 4 кургана 2 могильника Ак-Мулла I – зафиксированы кальцинированные кости сурка и челюсть собаки. По всей вероятности, можно предполагать неслучайность помещения костей в могилу в могильнике Ак-Мулла I, хотя это и не совсем традиционный набор.

Керамические комплексы описываемых могильников достаточно своеобразны и разнородны. В целом из всех описываемых комплексов происходит 87 сосудов. Для уяснения специфики керамики каждого могильника и соотношения их между собой описание керамики дается отдельно по каждому памятнику.

Коллекция посуды могильников Ак-Мулла I, II содержит 64 единицы, из которых форма и размеры восстанавливаются у 56. Сопоставление технологических характеристик (примеси, степень плотности теста, приемы обработки поверхностей) с особенностями формы и орнаментации показало, что состав примесей к тесту не коррелирует достаточно определенно с особенностями формы и орнамента посуды. Вследствие этого описание технологических примесей будет даваться в совокупности.

В качестве примесей к тесту использовались преимущественно песок, тальк и дресва. При этом на первом месте по частоте использования находится песок – 30 сосудов (46,9%), затем смесь песка и талька – 26 сосудов (40,6%), тальк – 10 сосудов (15,6%) и смесь талька и дресвы – 6 сосудов (9,4%). Такое активное использование талька в качестве примеси не слишком характерно для керамики эпохи поздней бронзы степной зоны, но весьма типично для синташтинской посуды.

По формальным показателям было выделено несколько групп сосудов.

К первой группе относятся баночные сосуды (15 сосудов). Внутри группы выделяются две подгруппы. Первая представлена 16 сосудами. Это баночки небольших размеров с высотой до 9,5 см и диаметром устья – до 17 см (рис. 2.4, 4; 2.5, 8; 2.6,

3; 2.10, 5; 2.14, 5; 2.15, 6; 2.16, 3, 6; 2.17, 7; 2.18, 6; 2.19, 6, 7; 2.22, 3; 2.27, 5; 2.28, 6). Как правило, формовка их очень небрежная, тесто рыхлое, поверхности грубо заглажены. Профиль банок преимущественно открытый. Два сосуда имеют резко отогнутую горловину, напоминающую небольшую шейку. Подавляющее большинство сосудов не орнаментировано. Только редкие сосуды имеют орнамент. Один из них украшен меандровидным узором, выполненным протасенной гребенкой. Второй сосуд выделяется из этой группы не только орнаментацией, но и рядом других деталей. Сосуд украшен рядом оттопских плоского штампа под венчиком, образующих асимметричный узор. В тулове сосуда проделано два противоположащих отверстия, что позволяет отнести его к разряду сосудов-«свистильников» широко распространенных в Волго-Уралье в эпоху средней и в начале поздней бронзы.

Ко второй подгруппе баночных сосудов относятся две крупные орнаментированные банки с закрытым профилем (рис. 2.24, 3; 2.32, 5). На одной из них зафиксированы две пары крупных противоположащих отверстий, служивших, видимо, для подвешивания банки. Орнамент на сосудах представлен горизонтальными зигзагами и горизонтальными линиями, выполненными плоским штампом. Зональность орнаментации различна. На банке из кургана 10 он нанесен по верху тулова, а на банке из кургана 8 все тулово занимают горизонтальные бордюры, разделенные линиями.

Вторая группа керамики представлена сосудами с ребром в верхней части тулова (21 сосуд) (рис. 2.2, 3; 2.3, 3; 2.8, 8, 9; 2.13, 6; 2.15, 2, 3, 5; 2.16, 4, 7; 2.17, 2.5, 8; 2.18, 3, 7; 2.26, 3; 2.28, 7; 2.30, 3, 5). Керамика характеризуется достаточно плотным тестом, ровными поверхностями. На семи сосудах по внешней поверхности фиксируются расчески. Шейки сосудов невысокие с уплощенными венчиками, прямые или слегка отогнутые. Ребро находится в верхней трети сосуда. Тулова конические или слабо раздутые, пропорции приземистые. Днища достаточно узкие. Среди этой группы велик процент сосудов без орнамента (5 экземпляров). Среди орнаментальных схем распространены: плечо (4), шейка+плечо (4), плечо+верх тулова (2). Орнамент преимущественно выполнен в резной технике, распространены наколы, единично применение протасенной щепы и гребенчатого штампа. Среди элементов преобладают одно- и многорядные зигзаги (4 сосуда), равнобедренные и прямоугольные треугольники вершиной вверх и вниз (6 сосудов), ряды наколов

(5 сосудов), ромбы (3 сосуда). В качестве разделителей зон используются горизонтальные линии. В орнаментации керамики необходимо отметить некоторую грубость орнамента, часто встречающуюся асимметричность и нарушение зон. В целом, эта группа сосудов соотносится с раннеалакульскими керамическими традициями. В особенности это подчеркивается присутствием в этой группе керамики с расчесами по поверхности, что характеризует посуду покровского типа и встречается иногда на срубно-алакульской керамике. В целом, это характерно для периода, непосредственно следующего за синташтинским временем в Волго-Уралье.

В состав третьей группы посуды включены сосуды с уступчатым переходом от тулова к шейке (20 экземпляров) (рис. 2.4, 6; 2.5, 7; 2.8, 5, 6; 2.9, 3, 4; 2.18, 5; 2.27, 3, 4; 2.28, 4; 2.30, 4, 6, 8; 2.31, 3, 4, 7; 2.32, 2, 3; 2.38, 4, 5). Здесь также можно выделить несколько подгрупп. Первая характеризуется плотным тестом с примесью песка. Поверхности заглажены и подложены. Керамика отличается тонкостенностью, высокими, слегка отогнутыми шейками, раздутым туловом, днищами с закраинами. Орнамент расположен по трем зонам – шейка, верх тулова и низ тулова. По шейке оставлена неорнаментированная полоса. Орнамент выполнен мелким гребенчатым штампом (2) и протасенной щепой (1). Элементы орнамента представлены меандрами (3 случая), зигзагами (1), косыми треугольниками (1). В целом, эти сосуды ассоциируются с амангельдинским типом керамики (Кузьмина, 1994; Зданович, 1988), но сходные типы имеются и в синташтинских комплексах. С учетом последних, вся эта проблема требует серьезного пересмотра.

Вторая подгруппа более разнородна прежде всего по форме. Она включает в себя сосуды как с приземистыми, так и с высокими пропорциями. Шейка сосудов, чаще невысокая, слегка отогнута, тулово несколько раздута. В орнаментике наблюдается большее однообразие, чем в форме. Как правило, орнаментирована верхняя часть сосуда (5), в двух случаях орнамент покрывает весь сосуд и один сосуд не орнаментирован. Для нанесения орнамента использовался плоский штамп (7 сосудов), единичны протасенная щепка и уголки вдавливания щепы. Среди элементов преобладают горизонтальные зигзаги (5 случаев) и горизонтальные линии-разделители (7 случаев). Единично представлены меандровидные узоры, треугольники вершиной вниз, ромбы, зигзаги с бахромой.

Эта подгруппа по основным характеристикам соотносится с алакульской керамикой. Однако ряд признаков отличает ее от классической керамики типа Алакульского могильника. Это большая раздутость тулова и приземистость сосудов, невыраженность уступа, разнообразие мотивов орнамента, небрежность его нанесения.

Наконец, еще одна группа посуды представлена горшечными формами с плавной профилировкой (рис. 2.4, 5; 2.8, 7; 2.9, 5; 2.10, 3; 2.12, 4; 2.14, 6; 2.20, 3; 2.23, 3; 2.24, 4; 2.27, 6, 7; 2.30, 2; 2.31, 8, 9; 2.37, 3, 4). Эта посуда достаточно разнообразна, многие сосуды близки посуде с уступчатым плечом, некоторые вызывают синташтинские ассоциации, редкие – федоровские. Поэтому они не могут в принципе рассматриваться в качестве некой единой группы, и требуется их дальнейшее členение.

Таким образом, описываемые могильники в целом определяются как алакульские. В курганах 3, 5 и 7 могильника Ак-Мулла I прослеживаются федоровские черты.

По своим основным характеристикам описываемые памятники стоят в ряду многочисленных срубно-алакульских могильников Южного Зауралья. Несмотря на значительную географическую удаленность, публикуемые материалы достаточно однородны в культурном отношении. При этом можно отметить смешанный облик погребальной обрядности и керамики. Наиболее выражены срубные черты в могильниках Наровчатский I и Ак-Мулла. Это проявляется преимущественно в меридиональной ориентировке могил и погребенных, небольшой глубине могильных ям, наличии подстилок и подсыпок, сильной степени скорченности покойных, скудном инвентаре, особенностях керамической коллекции. Могильники На-

ровчатский I и Ак-Мулла наибольшие аналоги находят в срубно-алакульских памятниках магнитогорского района, выделенных К.В. Сальниковым (Сальников, 1967). Менее выражены признаки срубной культуры в более восточном могильнике Городищенское IX.

Вместе с тем мы не убеждены, что в данном случае можно говорить о влиянии срубной культуры. И алакульская, и срубная культуры формируются на единой синташтинской основе. Поэтому не исключено, что именно в этом регионе подобное смешение признаков обусловлено этим, хотя срубный компонент в Зауралье, конечно, присутствует. Следует отметить еще одно обстоятельство – слабую обоснованность выделения срубных признаков в Зауралье. Этот вопрос требует более серьезной проработки.

В хронологическом отношении можно рассматривать эти комплексы как относительно синхронные. Но периодизация степных памятников эпохи поздней бронзы в настоящее время не разработана. Можно говорить о ранних чертах в комплексах. К ним относится обилие острореберной посуды, но и многие сосуды с плавной профилировкой имеют параллели в синташтинской керамике. На это указывают и такие признаки, как широкое использование талька, расчесы поверхности сосудов. Среди иных характеристик можно указать относительно большие размеры могильных ям. Не вполне ясным остается положение комплексов с федоровскими признаками относительно остальных курганов в могильнике Ак-Мулла. В планиграфическом отношении они оказываются включенными в общую систему, но располагаются на периферии могильника. Однако каких-то выводов на этом материале сделать невозможно.

2. Поселение Берсуат XVIII

Поселение Берсуат XVIII расположено на левом берегу реки Берсуат в 6 км северо-восточнее села Степное Брединского района Челябинской области. Памятник был открыт Н.Б. Виноградовым и В.В. Варфоломеевым в 1976 году. Раскопки производились М.К. Хабдулиной в 1977 году (Хабдулина, Виноградов, Зданович, 1978. С. 199–200).

На мысу протяженностью около 1 км выявлен целый ряд памятников, которые группируются вокруг каменной сопки (рис. 2.40). Около ее северо-восточного края, у выхода скальных пород, собран микролитический инвентарь мезолитического времени. Севернее сопки на коренной террасе, вдоль линии мыса обнаружены различные погребальные сооружения могильника Берсуат XVIII (земляные насыпи, каменные выкладки, оградки).

Поселение Берсуат XVIII находится в 100 м юго-западнее сопки и занимает наклонную площадку вдоль кромки берега, возвышающуюся на 4–6 м над урезом реки (рис. 2.40). На площади памятника и на северо-восток от него, ближе к воде, на площадке высокой поймы найдены многочисленные изделия из керамики эпохи неолита и энеолита (рис. 2.40).

На хорошо задернованной площадке поселения Берсуат XVIII едва различаются пять легких впадин. У восточной впадины был заложен разведочный шурф размерами 1×1 м, затем здесь же был разбит раскоп размерами 24×21 м общей площадью 504 кв. м. Дальнейшие полевые работы показали, что очертания впадины не совсем совпадают с очертаниями жилищ (рис. 2.40; 2.41).

Раскопки велись квадратами 3×3 м с оставлением взаимоперпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света. Культурный слой вскрывался метрическими горизонтами: верхний горизонт мощностью 20 см, остальные – по 10 см. За условный «0» была принята отметка в юго-западной части раскопа. Общий наклон поверхности идет с северо-запада на юго-восток. Перепад поверхности раскопа в зоне жилищной впадины составляет 0,8 м. Всего на территории раскопа вскрыто одно жилище полностью (№ 1) и три частично (рис. 2.41).

Культурный слой в раскопе представлен: темно-серым гумусированным суглинком, светло-серым плотным суглинком, золистыми включениями, прокалами и углями. Погребенная почва отчетли-

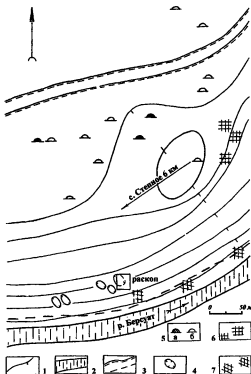

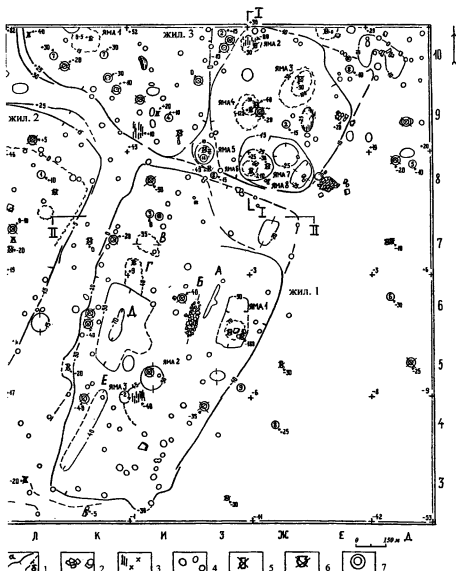
Рис. 2.40. Поселение Берсуат XVIII. Топографический план.

1 – горизонталь через 2 м; 2 – река; 3 – дорога; 4 – жилищная впадина; 5 – курган; 5а – исследованный курган; 6 – мезолитическая стоянка, площадь подъемных сборов; 7 – нео-энеолитическая стоянка, площадь подъемных сборов

во не выделяется. Мощность культурного слоя на межжилищном пространстве 0,35 м, в жилищных котлованах – 0,4–0,6 м (рис. 2.42; 2.43).

Жилище 1. Фиксирующаяся конструкция имеет удлиненную трапециевидную форму. Длина сооружения 16,5 м, ширина 9,5 и 6 м. Ориентирована конструкция по линии СВ–ЮЗ. Наиболее четко выражена юго-восточная стенка помещения. Северо-западная стенка имеет неровные очертания с несколькими небольшими выступами.

Глубина котлована 0,15–0,20 м относительно материковой поверхности, дно довольно неровное, заполнение представлено темно-серым гумусированным суглинком, иногда встречаются золистые прослойки (рис. 2.41; 2.42). На отдельных участках (например, И/4,6,7) на материковом

с. 2.41. Поселение Берсуат XVIII. Общий план раскопа.

очертания сооружений верхнего строительного горизонта (а), очертания сооружений нижнего строительного горизонта (б); 2 – каменная кладка; 3 – провал, угли; 4 – столбовые ямки; 5 – фрагменты сосудов срубно-аляской группы; 6 – фрагменты и сосуды в развалах федоровско-черкаскульской группы; 7 – сосуды в развалах хусатской группы.

– каменный молот; 3 – абразив; 4 – глиняное пряслице; 5 – каменное пряслице; 6 – керамическое пряслице; пращевой камень; 8 – нуклеус; 9 – острокопечник; 10 – ударное орудие из кремня; 11 – бронзовый нож и крючок; – костяная пряжка

грунте отмечены слои плотного суглинка более светлого цвета с листовыми включениями.

На полу сооружения зафиксировано более 60 ямок от столбовых конструкций диаметром 20–30 см и глубиной до 30–40 см. Ряды ямок выделяются вдоль продольных стен, а также несколько отступая от них. Остатки столбовых конструкций маркируют центральную продольную ось жилища. Скопление ямок отмечено в юго-восточном углу, здесь же фиксируется небольшой выступ в южной торцевой стене. Возможно, это связано с устройством входа. Своеобразный коридор образуют ямки вдоль северной торцевой стены жилища. От северо-восточного угла по линии ямок фиксируется углубление котлована в виде пандуса.

На полу помещения обнаружено несколько ям хозяйственного назначения различных размеров. Наибольшей глубиной отличается яма I на уч. 3/5,6 у северо-восточной продольной стены; дно ее было расчищено на уровне (-150), что примерно на 1 м ниже пола котлована. Диаметр ямы 0,9 м, стенки пологие, дно округлое. Яма заполнена светлой супесью с зольными включениями. Над ней на уровне пола хорошо фиксировалась столбовая ямка

с темным гумусированным грунтом. Рядом с ямой I, ближе к центру жилища, расположены две канавки. Канавка А ориентирована по линии СВ–ЮЗ, имеет длину 1,75 м, ширину 0,15–0,20 м и глубину 0,3–0,5 м, заполнена гумусированным сажистым грунтом. Канавка Б удлиненно-овальной формы, размерами 1,75×0,5×0,2 м, ориентирована почти по линии С–Ю и забита камнями с углем, прокаленным суглинком и сажей (рис. 2.41).

Несколько углублений исследовано вдоль продольной северо-западной стены в пределах 1 м от нее. Самым северным является углубление В (1,5×0,9×0,2 м), заполненное светло-серым плотным суглинком. В южной части углубление пререзается столбовой ямкой с гумусированным заполнением. Ниже, параллельно стене, располагается канавка Г (1,5×0,7×0,25 м), заполненная светло-серым грунтом. Южная ее часть срезается углублением трапециевидной формы с гумусированным заполнением (3,8×2,2×0,15 м). На дне его фиксируется канавка, ориентированная по линии продольной стены (1,7×0,4×0,15 м) с сажистым заполнением. Близкое направление и заполнение имеет самая южная канавка (4,5×0,5×0,15 м).

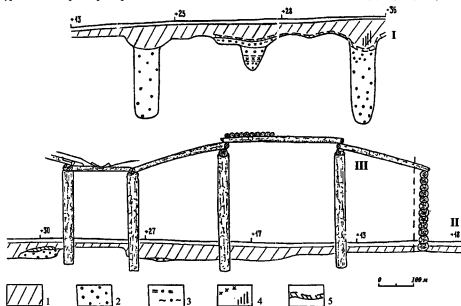

Рис. 2.42. Поселение Берсуат XVIII. Культурный слой.

1 – разрез I; II – разрез II; III – кровля (согласно общему плану). Элементы возможной реконструкции жилища 1. 1 – гумусированный суглинок; 2 – светло-серый плотный суглинок; 3 – глинистые и зольные включения; 4 – угли и проквал; 5 – обмазка пола жилища 3

1

2

Рис. 2.43. Модель жилища укрепленного поселения Аркаим в натуральную величину (авторы Г.Б. Зданович, А.И. Гутков). Реконструкция.

1 – каркас жилища; 2 – внутренний интерьер и перекрытие

По центральной оси помещения, чуть ближе к южному входу, располагаются две округлые ямы 2 и 3 (1,2×1,2×0,35 м и 0,5×0,5×0,35 м), заполненные гумусированным суглинком, и очажное пятно прокала. Они частично врезаются в светлый серый суглинок.

На различных горизонтах в заполнении жилища встречались одиночные сланцевые плиты небольших размеров.

Жилище 2 исследовано западными участками раскопа. Выявлен подпрямоугольный угол помещения, ориентированного по линии СВ–ЮЗ. Глубина жилища небольшая – 0,15 м от уровня материка. При выборке котлована, заполненного темно-серым гумусированным суглинком, оказалось, что на участках Л/7,8 внизу залегает золистый светло-серый слой суглинка. На полу обнаружено около двух десятков ям от столбовых конструкций, которые располагались в основном вдоль стен котлована. Местами, в основании гумусированного слоя, незначительными участками сохранилась глиняная обмазка пола помещения.

Жилище 3 располагается севернее построек 1 и 2. Конструкция исследована частично. За пределами раскопа осталась его северо-западная часть. На основании зафиксированной планиграфической панорамы можно сказать, что жилище имело удлиненно-прямоугольную (или трапециевидную?) форму (16×8 м), ориентировано по линии ЗСЗ–ВЮВ и было двухкамерным. Северо-западная камера размерами 9×8(?) м имела глубину котлована 0,1–0,2 м, юго-восточная часть размерами 7×8 м была более глубокой (0,2–0,3 м) и дополнительно выделялась линией столбовых ям. Столбовые ямы шли по контуру стен котлована на расстоянии 1–2 м друг от друга. Скопления ямок фиксировались в районе расположения очагов (рис. 2.41).

В северо-западной половине камеры располагалась **яма 1** прямоугольной формы (1,4×1,2×1,5 м), заполненная светло-серым суглинком с золой. В центре камеры очажное углубление овальной формы с прокалом. Еще одно очажное пятно прокала расположено у южной стенки.

В юго-восточной части камеры обнаружены семь ям и одно очажное углубление.

Яма 2 овальной формы размерами 1,0×0,8 м имела отвесные стенки, которые опускались на глубину 2,7 м. Заполнение ямы – светло-серый золистый суглинок.

Яма 3 на уровне пола имела овальную форму размерами 2×1,5 м, через 0,2 м она ступенькой сужалась до размеров 1,4×0,8 м и опускалась на

1,2 м. Заполнение – золистый суглинок с затеками желтого суглинка.

Яма 4 овальной формы (1,7×1,3 м) с небольшим прямоугольным выступом с восточной стороны (0,5×0,4×0,25 м). На 0,25 м ниже уровня пола фиксировалась ступенька, яма сужалась до 0,75×0,7 м и углублялась еще на 0,8 м. На уровне пола она перекрыта глинистой обмазкой. Под обмазкой до уровня ступеньки фиксировался слой плотного серого суглинка, ниже – более рыхлый слой серой золистой супеси с затеками желтого песка.

Яма 5 округлой формы (1,1×1,0 м) на 0,3 м ниже уровня пола имела ступеньку, сужалась до размеров 0,75×0,6 м и вертикально углублялась на 1,9 м. Яма заполнена плотным серым суглинком.

Ямы 6, 7, 8 расположены на углубленном участке пола в южном углу камеры.

Яма 6 овальной формы, размерами 1,7×1,4 м, на 0,2–0,3 м ниже пола ступенькой сужалась до размеров 0,75×0,75 м и опускалась шахтой на глубину 2,3 м, заполнена золистым серым грунтом. Сверху до уровня ступеньки в яму опускался гумусированный суглинок.

Яма 7 округлой формы, диаметром 1,25 м, глубиной 0,2–0,3 м.

Яма 8 подпрямоугольной формы, размерами 1,5×0,75 м, глубиной 0,2 м. Обе имели овальные очертания стенок и дна и гумусированное заполнение.

Очаг, заполненный прокаленным суглинком и сажей с углем, фиксировался в овальном углублении длиной 1,2 м, шириной 0,5 м, глубиной 0,15 м.

У восточной стены жилища 3, неподалеку от южного угла, было расчищено скопление камней. Около северо-восточного угла зафиксировано около 15 столбовых ямок и канавообразное углубление неправильной формы длиной 2,5 м, шириной 0,5–1,5 м, глубиной 0,2 м. Углубление размерами 1,0×1,0(?)×0,2 м расположено у северной стенки раскопа.

Коллекция памятника составляет 4570 единиц. Самый массовый материал – керамика. Выделено 184 сосуда различной степени сохранности, около 20 изделий из камня, среди них пять шлифованных пестов-молотов, около 10 галек-лощил, абразив. Изделия из кости представлены двумя тупиками и бусиной. Изделия из бронзы – нож, колючко, скрепка, рыболовный крючок. Выделяется небольшая коллекция изделий из кремня и яшмы – это нуклеусы (5 шт.), остроконечник, скребки, ножевидные пластины и отходы производства – отщепы и чешуйки. Значительную коллекцию представляет остеологический материал,

куда входят в основном костные остатки крупного рогатого скота, лошади, мелкого рогатого скота.

Типологически выделяются четыре группы посуды: неолитическая и энеолитическая, срубно-алакульская, федоровско-черкаскульская и керамика заключительного этапа бронзового века. Назовем ее условно *берсуатской*. Ранний комплекс керамики эпохи неолита и энеолита представлен очень мелкими фрагментами – в пределах 2–3 см. Он происходит в основном из подъемных сборов. Выделены четыре венчика и около 15 стенок сосудов. Вся керамика с примесью талька. Выделяются фрагменты, где тальковая примесь очень обильна и состоит из крупных частиц, а также керамика с незначительной, сильно измельченной крошкой талька и слюды. Срубно-алакульская и федоровско-черкаскульская группы керамики имеют устойчивые характеристики и представлены в материалах бронзового века Южного Урала достаточно широко (Григорьев, 2000. С. 293–295, 300, 367–368). Однозначно определить культуру принадлежности берсуатской группы керамики по известным комплексам финальной бронзы оказалось невозможным. Она не соотносится по многим параметрам ни с саргаринско-алексеевскими, ни с межовскими материалами. Ее культурная идентификация требует отдельного анализа, который будет приведен ниже.

Срубно-алакульская группа керамики представлена исключительно фрагментами (от 53 сосудов). Целые формы сосудов не восстанавливаются. Судя по сохранившимся фрагментам с венчиками, большая часть сосудов относится к горшечным формам с уступом или ребром в основании плеча (рис. 2.44). Шейка может быть высокой или едва намеченной, прямой или плавно отогнутой наружу. Венчик имеет прямой, округлый или скошенный наружу срез. Керамика орнаментирована плоским или гребенчатым штампами, встречаются овальные, округлые и треугольные вдавления. Присутствуют отгибки протасненной гребенки (рис. 2.44, 9).

Элементы орнамента образуют горизонтальные бордюры на шейке, плече и в верхней части тулова. Они состоят из горизонтальных линий, заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вверх и вниз, ромбов, зигзагов. Достаточно отчетливо выделяются стилевые особенности срубной и алакульской посуды, присутствуют синкретичные фрагменты. Керамика, исполненная в срубных традициях, более толстостенная, покрыта штрихами; для нее характерны: узоры из висячих треугольников с нерегулярной штриховкой, нанесенные по самому верху шейки; равнобедренные

треугольники вершинами вверх и вниз по основанию плеча; зигзаги; елочка; ромбы с внутренними перегородками (рис. 2.44, 1, 2, 10). Керамика с преобладанием алакульских черт тонкостенная, изгибна, иногда подлощена, четко и строго выдержан ритм чередования фигур в орнаментальных фризах и зональность (рис. 2.44, 4, 6, 7, 9). Выделяются фрагменты сосудов, где алакульский и срубный стили слиты воедино (рис. 2.44, 3, 5).

Черкаскульско-федоровская группа керамики состоит в основном из сосудов (28 экз.) горшечной формы средних размеров, у которых высота практически не превышает диаметр горла и тулова. Шейка переходит в слабо раздутое тулово, которое в середине или в последней трети высоты резко сужается к узкому дну. Высота шейки и плеча имеет неустойчивые величины. Округлый венчик иногда чуть утолщен относительно основания шейки. Большая часть сосудов имеет примесь талька в тесте.

Практически все сосуды украшены орнаментом. Орнаментальное поле покрывает верхнюю половину, иногда оно выделяется и в придонной части сосудов. Отмечены орнаментированные донышки. Достаточно четко выделяются горизонтальные орнаментальные зоны за счет каннелюр и напленных валиков. Верхняя (первая) зона определяется на шейке, вторая – на стыке шейки и плеча и третья – в верхней части тулова. В единичном случае между зонами орнамента оставлены свободные полосы.

Орнамент состоит из косых и равнобедренных треугольников, заштрихованных зигзагов, меандров на основе зигзага, елочек, ромбических сеток, овальных вдавлений (рис. 2.45). Там, где каждая отдельная фигура орнамента дополнительно обрамляется каннелюрами, сосуд приобретает черкаскульский облик (рис. 2.45, 5). Там, где каннелюра используется для выделения орнаментальных зон, сосуд в большей степени федоровский (рис. 2.45, 1, 2, 3). Преобладание черкаскульских черт видится также за счет более грубой выделки, утолщения шейки, тальковой примеси. На керамике с яркими черкаскульскими чертами преобладают напленные валики.

Техника нанесения основных фигур орнамента исключительно гребенчатая. На сосудах с преобладанием федоровских традиций гребенка более тонкая, и в примесях не всегда выделяется тальк. Несколько сосудов можно охарактеризовать как черкаскульско-межовские. На них еще соблюдается зональность, но исчезают геометрические фигуры, остаются елочка и зигзаги.

Более подробно хочется остановиться на группе керамики, которую мы предварительно называем *берсуатской* (выделено около 80 изделий). Она представлена в основном сосудами горшечной формы без орнамента или весьма лаконично и бедно орнаментированными, что характерно для комплексов финальной бронзы. На основе некоторых особенностей форм среди них можно выделить несколько вариантов.

Первый вариант составляют сосуды (13–15 экз.) в основном средних размеров с диаметром горла

20–25 см, плавно профилированные, с невысокой отогнутой или прямой шейкой (рис. 2.46). Диаметры шейки и тулова практически одинаковы, высота равна или чуть меньше диаметра горла. Дно чаще всего широкое. Шейка обычно заострена к венчику, который имеет косой срез наружу (рис. 2.46, 1, 2). Некоторые сосуды имеют округлый или прямоугольный срез венчика, тогда отмечается легкое утолщение шейки или ее основания (рис. 2.46, 3).

Орнаментировано около половины изделий. Горизонтальные пояски орнамента нанесены на

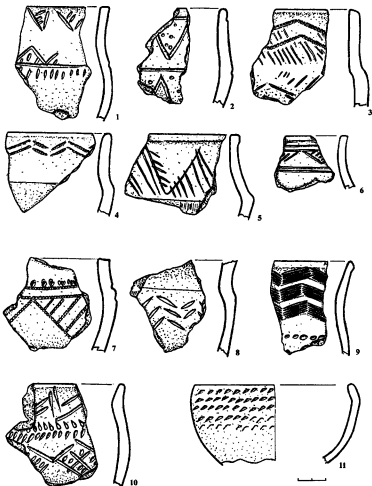

Рис. 2.44. Поселение Берсуат XVIII. Керамика срубно-алакульской группы

верхний край шейки или на косой срез венчика. Иногда присутствуют два пояса на верхнем крае шейки и на плечике (рис. 2.46, 3). Пояски узора образованы из косых насечек, елочек, треугольников и овальных вдавлений.

Второй вариант образует более представительная (основная?) коллекция (около 25 экз.). Это сосуды средних размеров с прямой шейкой, выпуклым плечом и значительно раздутым туловом. Они средних и приземистых пропорций, диаметр

шейки значительно меньше диаметра тулова и равен или несколько меньше общей высоты сосуда. Шейка кверху заострена, часто заканчивается косым срезом венчика наружу (рис. 2.47, 2; 2.48, 1, 6). Встречается и округлый венчик (рис. 2.47, 1; 2.48, 2, 7).

Здесь значительно больше орнаментированных сосудов, орнаментальные композиции по зональности почти аналогичны первому варианту. В редких случаях пояски узора образуют сплошное

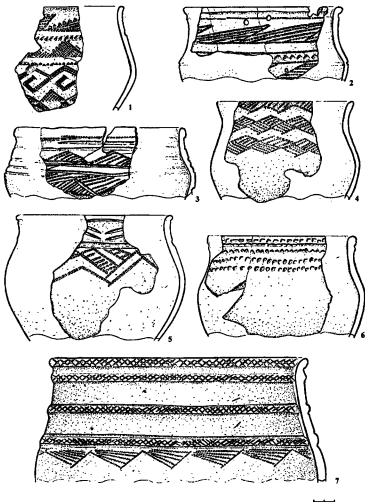

Рис. 2.45. Поселение Берсуат XVIII. Керамика черкаскульско-федоровской группы

поле на шейке и плече сосуда (рис. 2.48, 7). Отмечается большее разнообразие элементов орнамента, чем на сосудах первого варианта. Это пояски зигзага, косая ромбическая сетка, треугольники и овальные вдавления. Присутствуют украшения верхней части тулова бордюром из крупных ромбов, заштрихованных мелкой сеткой. В единичном случае в верхней части тулова зафиксированы длинные висячие треугольники, заполненные продольными полосами от основания к вершине

треугольника (рис. 2.48, 4). Преобладает резной орнамент, присутствуют плоский штамп и различные вдавления.

Третий вариант сосудов берсуатской группы по количеству не уступает второму. Это емкости с высокой и не очень прямой шейкой, слегка отогнутой в верхней части, и с сильно раздутым бомбовидным туловом. Преобладают сосуды небольших размеров, диаметр горла 16–22 см, их высота значительно превышает диаметр ту-

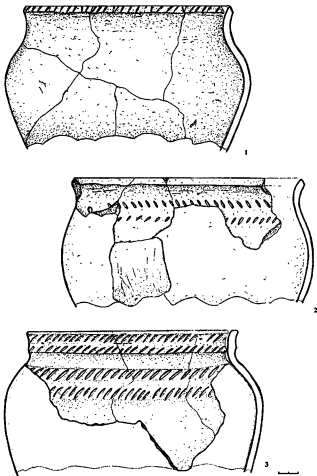

Рис. 2.46. Поселение Берсуат XVIII. Керамика берсуатской группы

лова. В целом, по пропорциям некоторые из них приближаются к кувшинам.

Большинство таких изделий орнамента не имеют (рис. 2.49). В коллекции присутствует два узкогорлых сосуда с отбитой горловиной (рис. 2.49, 5). У одного из них отбитый край пришлифован.

Таким образом, все три варианта сосудов берсуатской группы различаются в основном по степени раздутости тулова и по отношению общей высоты к диаметру тулова. Сосуды первого и второго вариантов более приземисты. Третий вариант отличают удлиненные пропорции. Первые два варианта объединяются также наличием заостренного венчика или воротничка, некоторым утолщением основания шейки, у них близки принципы зонирования и элементы орнамента. Хотя более насыщенные орнаментальные композиции более характерны для сосудов второго варианта.

В целом в оформлении горловины и тулова сосудов, кроме выделенных вариантов, присутствует много переходных форм, что свидетельствует о типологическом единстве коллекции. Это наглядно подчеркивается единством орнаментального стиля. Интересной особенностью берсуатской группы керамики является то, что на ней не встречено ни одного валика, и лишь один сосуд по шейке орнаментирован налепными шишечками.

Приведем также некоторые наблюдения по характеру видимых примесей в глиняной массе. Хорошо выделяются сосуды с содержанием крупных частиц талька. Их немного, они относятся к первому и второму вариантам, изготовлены они грубо, с неровной поверхностью и толстыми стенками. Большинство керамики в качестве примеси содержит измельченную кварцевую дресву, встречаются блестящие слюды, песок, иногда виден шамот. Керамика отличается аккуратностью из-

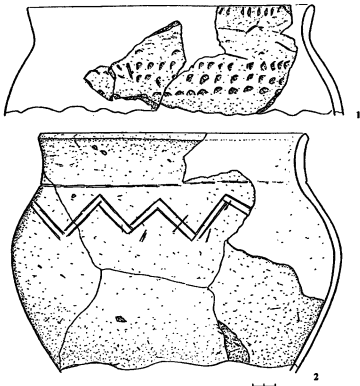

Рис. 2.47. Поселение Берсуат XVIII. Керамика берсуатской группы

готовления, тонкостенностью, хорошо заглажена, иногда подлощена. Некоторые сосуды третьего варианта выделяются насыщенным черным или ярко-красным цветом.

В коллекции выделяется около 10 фрагментов от придонных частей сосудов гончарной, круговой керамики серого цвета.

Стратиграфия памятника

Судя по археологической коллекции и наблюдениям по формированию культурного слоя, площадка памятника была обитаема с эпохи неолита и энеолита до раннего железного века. Неболь-

шая мощность культурного слоя связана как с особенностями функционирования памятника, так и с особенностями его расположения и разрушения. Он находится на наклонной площадке террасы, за счет чего идет постоянный смыв гумусированного грунта.

Основные сохранившиеся напластования культурного слоя относятся к эпохе бронзы. Неолитических и энеолитических слоев в раскопе не обнаружено. Находки этого времени происходят с поверхностных сборов из обрыва и из культурного слоя эпохи бронзы в переотложенном виде (рис. 2.50).

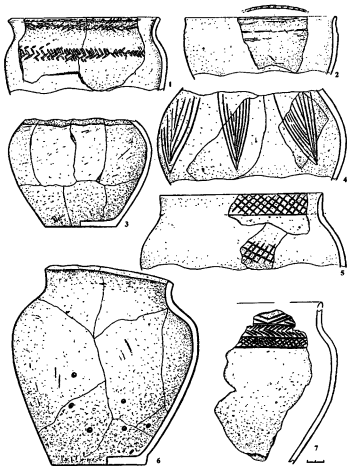

Рис. 2.48. Поселение Берсуат XVIII. Керамика берсуатской группы

Почти весь участок раскопа буквально насыщен остатками строительной деятельности эпохи бронзы. Жилые конструкции занимают всю его центральную и северо-западную части. По расположению жилища представляют собой компактный единый, четко спланированный комплекс. Жилища 1 и 2 по длинной оси параллельны друг другу, жилище 3 по длинной оси параллельно торцевым стенам построек 1 и 2. Расстояние между ними не превышает одного метра (рис. 2.41).

Котлованы всех трех исследованных жилищ лишь слегка углублены в материк и по заполнению не выделяются из общей структуры культурного слоя, который представлен в основном гумусированным темно-серым суглинком. Не удалось выделить погребенную почву, чтобы надежно представить развитие культурного слоя. Однако сложность конфигурации котлованов и многочисленные столбовые ямки с различным заполнением свидетельствуют о том, что мы имеем

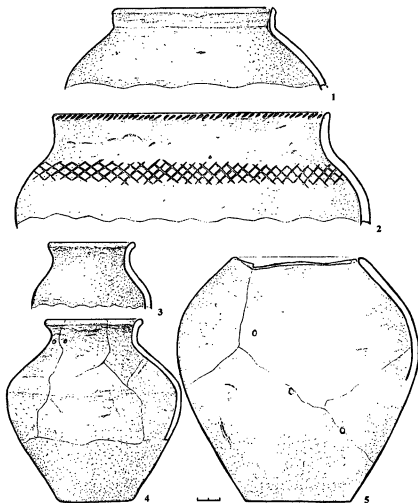

Рис. 2.49. Поселение Берсуат XVIII. Керамика берсуатской группы

дело с одновременными постройками, наложенными друг на друга. Полы поздних жилищ почти полностью уничтожили более ранние котлованы. Ранние полы фиксировались лишь на отдельных участках. В южной половине жилища 1 фрагмент раннего котлована сохранился в районе очага (уч. К/И/4,5). В жилище 2 удалось зафиксировать очертания углубленной части раннего котлована (уч. К/7,8). Ранние слои отличается плотный светло-серый суглинок с содержанием золы. Светлым серым суглинком заполнен целый ряд сооружений, обнаруженных на полу поздних жилищ. В помещении 1 к ранним конструкциям относятся яма 1, канавки В и Г, некоторые столбовые ямки. В жилище 3 все глубокие ямы принадлежат к более раннему горизонту. Почти все они на уровне пола перекрыты слоем обмазки пола поздних жилищ. То есть, в период существования последних глубокие ямы уже не использовались.

Выделенные культурные напластования и сооружения: ранние – со светло-серым заполнением и поздние – с гумусированным заполнени-

ем – достаточно отчетливо соотносятся с определенными группами керамики.

Керамика берсуатской группы четко связывается с котлованами жилищ с гумусированным заполнением. На полах построек 1, 2, 3 обнаружены многочисленные развалы сосудов (уч. Л/10, К/9, И/6, Л/8) (рис. 2.41).

Берсуатская керамика всех трех вариантов равномерно распределена по всем трем жилищам. Можно отметить только некоторую локальность в ее распространении. В жилищах 1 и 3 найдены сосуды всех трех вариантов. В жилище 1 крупные части и фрагменты сосудов третьего варианта чаще встречались вдоль его длинной восточной стены. Сосуды с тальком в основном происходят из скоплений вдоль длинной западной стены и, напротив, из котлована постройки 2. Здесь найдены в основном фрагменты сосудов первого и второго вариантов, но следует учесть, что раскопана лишь его небольшая часть, и мы имеем неполную картину.

Посуда федоровско-черкаскульской группы отчетливо преобладала в пределах углубленного

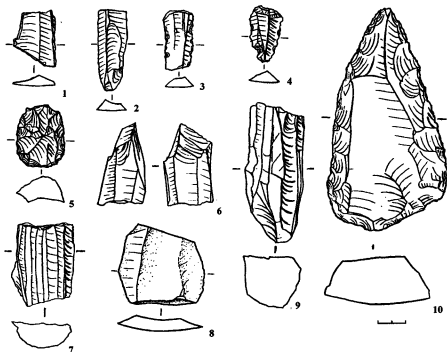

Рис. 2.50. Поселение Берсуат XVIII. Кремневый инвентарь

котлована со светлым серым заполнением жилища 2 на участках К.Л/7,8 (рис. 2.41). Керамика федоровско-черкаскульской и срубно-алакульской групп была обнаружена во всех глубоких ямах. Посуда берсуатской группы в них не найдена совсем. Керамика срубно-алакульской группы была зафиксирована на самых нижних глубинах ям, керамика федоровско-черкаскульской группы залегала выше, практически под полом поздних жилищ (яма 1, жилище 1; ямы 2, 3, 4, жилище 3; см. рис. 2.41). В целом по насыщенности культурного слоя керамика федоровско-черкаскульской группы тяготеет к северо-западным участкам раскопа, срубно-алакульская – к юго-восточным.

Керамика берсуатской группы составляет основной комплекс, резко преобладает количественно и сохранилась в более крупных фрагментах, подбираются и реставрируются почти целые сосуды (рис. 2.46–2.49).

Керамика федоровско-черкаскульской группы малочисленна, но тоже хорошо поддается реставрации, и реконструируются значительные части сосудов. Посуда срубно-алакульской группы количественно преобладает, но измельчена и почти не поддается реставрации.

Данная картина сохранности и залегания различных групп керамики в культурном слое позволяет сделать следующие выводы. В эпоху бронзы самый ранний строительный горизонт связан с носителями керамики срубно-алакульской группы. От этого периода сохранились почти все глубокие ямы, заполненные светло-серым суглинком, жилые конструкции оказались разрушенными. Второй строительный горизонт маркируют остатки жилищного котлована на участках К.Л/7,8 и некоторые ямы (4, 5 в жилище 3) с керамикой федоровско-черкаскульской группы. Самые поздние сооружения жилища 1, 2, 3 соотносятся с посудой берсуатской группы. Наиболее полную информацию о жизнедеятельности поселка представляют артефакты самого позднего строительного горизонта с керамикой берсуатской группы.

Некоторые черты культуры и хронологическая позиция материалов позднего строительного горизонта

Планиграфия и архитектура

Перед нами единый комплекс из трех жилищ, практически примыкающих друг к другу. Планиграфическую основу комплекса образуют постройки удлиненно-прямоугольной или трапециевидной формы, слегка углубленные в материковый грунт. Причем они расположены так,

что стена одного дома одновременно является стеной другого дома.

Архитектурные традиции и внутренний интерьер наиболее полно можно восстановить по материалам жилища 1. Его каркас был образован стенными конструкциями и двумя рядами столбов в центральной части котлована, параллельными продольным стенам. Столбы вкапывались в ямки, а сверху, скорее всего, закреплялись балками. Основа стен также сооружалась из вертикально поставленных столбов вдоль границ котлована, связанных горизонтальными бревнами. Аналогичная конструкция сооружалась рядом, в котлованах жилищ 2 и 3. В целом, получались общие стены толщиной до 0,75–1,0 м. Внутреннее пространство стен могло заполняться грунтом, тростником и т. д.

На стенах и столбах центральной части котлована крепились рамчатые основания кровли. Для детальной реконструкции перекрытия мы не имеем данных. Можно лишь предположить, что внутреннее заполнение кровельных рам могло состоять из плетня, рогаза, камыша. Форма кровли могла быть двускатной, усеченно-пирамидальной и почти плоской (рис. 2.42; 2.43).

Внутренний интерьер во многом определялся расположением входов, теплотехнических сооружений и хозяйственных ям. Один из входов в жилище 1 восстанавливается в юго-восточном углу. Судя по расположению столбовых ямок, он представлял собой коридор-тамбур, параллельный короткой торцевой стене. По мере удаления от входа к противоположной торцевой стене котлован постепенно углублялся. Наиболее отчетливо понижение фиксируется вдоль западной длинной стены. В северо-восточном углу углубление котлована практически не улавливается. Возможно, это связано с устройством еще одного входа-тамбура в северо-восточном углу помещения, вдоль северной торцевой стены.

Два очага в центральной части жилища имеют различную конструкцию. Один из них является простым кострищем. Над вторым очагом в канавке можно представить наличие простого печного сооружения из глины и камня. Узкая канавка рядом с печью, возможно, использовалась для сооружения дымохода или была местом, куда ссыпали золу. Вероятно, для подогрева пола в зимнее время служили канавки-дымоходы вдоль западной продольной стены помещения. Дымоходы сооружались из глины, перекрывались какими-то настилами или циновками. В летнее время эти сооружения могли разбирать, поэтому оставшиеся очертания сооружений имеют нечеткие формы.

Три-четыре небольших углубления диаметром 0,5–1,2 м, возможно, служили для хозяйственных целей. Глубокая яма 1 в период функционирования жилища 1 не использовалась. На ней располагаются ямки с темным гумусированным заполнением (рис. 2.41).

Жилища 2, 3, судя по расположению столбовых ям, имели близкие конструкции стен и кровли. В жилище 3 углубленная часть была выделена в отдельную юго-восточную камеру. Северо-западная камера отапливалась двумя очагами (в канавке и кострищем), юго-восточная – одним (в канавке). Кострище в северо-западной камере располагалось около стены, возможно, что здесь была глиняная пристенная печь (?). Иначе трудно представить реальность его использования. (Хотя возможно, что провал сохранился от построек более раннего времени). Хозяйственные ямы так же, как и в жилище 1, представлены небольшими углублениями. Глубокие ямы в этот период не использовались.

В более раннее время – срубно-алакульское и федоровско-черкаскульское – часть из них использовалась для хозяйственных нужд, другая часть, по-видимому, являлась колодцами: ямы 2 и 5 углублены на 2,5 м, то есть ниже уровня грунтовых вод.

Заканчивая анализ архитектурных традиций горизонта поздних жилищ с керамикой берсуатской группы на поселении Берсуат XVIII, хочется обратить внимание на комплексность застройки жилой площадки. Комплексный характер архитектурных сооружений имеют практически все поселения «Страны городов» Южного Зауралья, которые относятся в основном к эпохе средней бронзы (Зданович Г., 1995; Батанина, Зданович Г., 1995; Зданович Г., 1997). Комплексный характер застройки жилой площадки зафиксирован на петровско-алакульском поселении Кулечи III (Виноградов, 1981). На поселении Ильяска I на юге Челябинской области раскопана жилая площадка со срубно-алакульской керамикой, близкая по конструкции аркаимским сооружениям (раскопки Т.С. Малютиной, 1991). Близкая планировка и принципы возведения жилищ известны на поселениях федоровской (Малютина, 1990. С. 100–28) и алексеевско-саргаринской культур Урало-Иртышского междуречья (Кривцова-Гракова, 1949. С. 73–100; Зданович С., 1979; Потемкина, 1985). Последняя связана с заключительным периодом позднего бронзового века. Горизонт поздних жилищ с керамикой берсуатской группы, несомненно, относится к этому времени. Характер за-

стройки, расположение жилищ, принципы домостроения наиболее близки материалам поселения Саргары (Зданович С., 1983. С. 59–75). С другой стороны, жилая архитектура представляемого поселения напоминает постройки укрепленного поселения Аркаим. Близко воспроизводятся формы сооружений, устройство входов, столбовые каркасы и т. п. Во внутреннем интерьере жилищ внимание привлекает наличие вдоль длинных стен своеобразных канавок, связанных с очажными устройствами. Наиболее четко этот артефакт зафиксирован на поселении Атамановка V, в жилище 1, которое тоже относится к заключительному этапу эпохи бронзы. Отмечается он и в материалах этого времени в Северном и Центральном Казахстане (Зданович Г., 1988; Ткачев, 2002. С. 201). Наличие канавок в теплотехнических сооружениях жилищ является характерной чертой федоровских поселений Северного Казахстана (Малютина, 1991. С. 118). Печи и дымоходы в канавках известны в жилищах поселения Аркаим.

В целом создается впечатление, что эти строительные традиции и организация внутреннего интерьера являлись оптимальными в климатических условиях степи, поэтому сохранялись и развивались на Южном Урале в течение всего бронзового века. В развитии домостроительства важное значение имел тот факт, что население долгий период времени осваивало под жилые остатки старых поселков и возводило новые жилища по старым канонам. Это отчетливо подчеркивают стратиграфические наблюдения на поселении Берсуат XVIII, где самые поздние обитатели – носители берсуатской группы керамики – использовали под свое жилье остатки срубно-алакульских и федоровско-черкаскульских сооружений.

Стратиграфическая ситуация, аналогичная поселению Берсуат XVIII, достаточно четко зафиксирована на поселениях Атамановка V и Ильяска I. Близкую последовательность развития комплексов можно представить на поселениях Мирный II, III, Синташта (Стефанов, 1996. С. 43–64; Генинг, Зданович, Генинг В., 1992. С. 94). Однослойное жилище заключительного этапа эпохи бронзы раскопано на поселении Кивяштай (Виноградов, 1995а).

Однако очевидно, что количество артефактов для реконструкции процесса культурогенеза конкретно для заключительного этапа эпохи бронзы в Южном Зауралье в пределах юга лесостепной и степной зон далеко не достаточно. Кроме перечисленных, есть неопубликованные материалы с поселений Черкасы и Калмыцкая Моделенья – река Большая Караганка, правый приток реки Урал

(раскопки Зданович С., 1989; 1995). В пределах Оренбургской области материалы заключительного этапа содержит II Кузьминское поселение на реке Иртек (Моргунова, Халипина, Халипина, 2001. С. 99–125). Исследовано несколько погребений этого времени (Костюков, Елимахов, Нелин, 1996. С. 151–164). В этом отношении введение материалов поселения Берсуат XVIII в научный оборот имеет первостепенное значение.

За последнее время достигнуты большие успехи в изучении среднего и позднего бронзового века Южного Зауралья. Достаточно основательно разработаны проблемы развития синташтинско-арканской и петровской культур, а также алакульской, федоровской и черкаскульской, которые укладываются в первую половину и чуть захватывают третью (?) четверть II тысячелетия до н. э. Проблемы развития культур заключительного этапа эпохи поздней бронзы, занимающего почти такой же промежуток времени, остаются вне внимания исследователей.

Заключительный этап поздней бронзы по периодизации, принятой в Восточной Европе, охватывает почти всю вторую половину II тыс. до н. э. – начало I тыс. до н. э. и связывается с развитием общности культур валиковой керамики, которая распространена в степных пространствах от Балкан до Алтая (Черных, 1978; Кузьминых, 1983). В степном Поволжье эта общность представлена памятниками ивановской (хвалынской) культуры (Колев, 2000; 2002; Изотова, Малов, 1992; Изотова, Малов, Слонов, 1993), в Казахстанских степях – памятниками саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской культур (Зданович С., 1978; Евдокимов, Варфоломеев, 2002; Потемкина, 1985). Надежную культурную идентификацию памятников заключительного этапа эпохи бронзы Южного Зауралья из-за слабой изученности провести невозможно. Поэтому исследователи крайне осторожны в их интерпретации и относят либо к саргаринско-алексеевской культуре (Стефанов, 1996; Генниг, Зданович, Генниг В., 1992), либо отмечают синкретизм межовских и саргаринских черт (Костюков, Елимахов, Нелин, 1996) и некоторые южные влияния из Кавказа и Средней Азии (Григорьев, 2000. С. 400).

Накопление материала в степном Поволжье дало возможность создания внутренней периодизации и хронологии заключительного этапа эпохи поздней бронзы. Формирование ивановской (хвалынской) культуры ОКБК (общность культур валиковой керамики) относится к рубежу XIV–XIII вв. до н. э. Загугание этой культу-

ры происходит на рубеже II–I тыс. до н. э. В этот период времени происходит некоторое запустение степных поволжских просторов и появляется новое население с керамикой нурского типа. Точная датировка, происхождение и этнокультурная принадлежность нурских памятников не ясна до сих пор. Исследователи едины в том, что нурские памятники представляют один из моментов становления кочевнической культуры (Колев, 2000; Изотова, Малов, 1992; Изотова, Малов, Слонов, 1993; Качалова, 1989. С. 33–47; Агапов, Васильев, Кузьмина, Семенова, 1983. С. 28).

В северных районах лесостепи по обе стороны Уральского хребта в конце бронзового века существовала и развивалась межовская культура, генетически связанная с черкаскульской культурой Южного Зауралья, которая в последних работах исследователей датируется с XII–XIII вв. до н. э. до IX–VIII вв. до н. э. В некоторых районах лесостепи она доживает до рубежа раннего железного века – VII–VI вв. до н. э. (Обыденов, Шорин, 1995; Обыденов, 1998. С. 46–59). Она не включается исследователями в систему ОКБК, хотя имеет с ней некоторые общие черты.

Понятие «заключительный этап эпохи поздней бронзы» на территории Казахстана археологами не используется. Оно практически полностью адекватно понятию «эпоха поздней бронзы», которая включает развитие саргаринско-алексеевской, бегазы-дандыбаевской и донгальской культур (Евдокимов, Варфоломеев, 2002; Ткачев, 2002). В 80-е годы, в период выделения саргаринско-алексеевской культуры из свиты андроновских, она датировалась различными авторами по-разному. Зданович С.Я. относил саргаринскую культуру к X–VIII вв. до н. э. (Зданович С., 1979). Потемкина Т.М. относил памятники алексеевского типа к XII–IX вв. до н. э. и разделила их на два этапа: ранний (XII–X вв. до н. э.) и поздний – X–IX вв. до н. э. (Потемкина, 1985. С. 266).

К началу 90-х годов на материалах Центрального Казахстана на основе масштабных исследований поселений Кент, Донгал и др. была разработана более детальная периодизация бегазы-дандыбаевских и саргаринско-алексеевских комплексов (Варфоломеев, 1987; Ломан, 1987). Было выделено три этапа развития «объединенной» дандыбай-саргаринской культуры (?). Первый ранний этап – *формирование валиковых комплексов* – охватывает XIII в. до н. э.; второй, *кентский* этап – основной этап развития – XII–X вв. до н. э.; третий, *донгальский* этап – IX в. до н. э. Этой периодизации казахстанские авторы придержива-

ются до сегодняшнего дня, вернувшись к старым дефинициям культур: саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской (Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 59). В.В. Евдокимов и А.А. Ткачев донгальский этап выделяют в отдельную культуру, а в развитии позднебронзовой эпохи выделяют два этапа – ранний, связанный с развитием ОКБК и саргаринско-алексеевских комплексов, и поздний, связанный с существованием донгальской культуры, который в своем развитии проходит два этапа: донгальский (X–IX вв. до н. э.) и поздний красногорский (IX–VIII вв. до н. э.) (Евдокимов, 1987. С. 101–103; Ткачев, 2000. С. 199–209, 215–216). Не совсем понятной оказывается культурно-хронологическая позиция бегазы-дандыбаевской культуры. В последних работах она представляется синхронной с саргаринско-алексеевской и существует в XII–XI вв. до н. э. (Ткачев, 2000. С. 216). Однако в Восточном Казахстане материалы Измайловского могильника, близкие бегазы-дандыбаевским, достаточно однозначно относятся к рубежу раннего железного века (Ермолаева, 1986. С. 154–162). Аналогичная ситуация складывается с датированием материалов могильника Северный Тагискен в Южном Приаралье, которые входят в тот же культурный пласт (Итина, Яблонский, 2001. С. 95–100), и верхняя дата их существования доводится до VIII в. до н. э.

Таким образом, время существования ОКБК большей частью исследователей Восточной Европы и Казахстана определяется в рамках последней трети II тыс. до н. э. В начале I тыс. до н. э. на различных степных пространствах формируются своеобразные культурные образования, которые являются составной частью сложения кочевнических культур раннего железного века.

В лесостепном–степном Южном Зауралье также, по-видимому, с накоплением материалов определяются два этапа заключительного периода эпохи поздней бронзы – валиковый и рубеж эпохи бронзы и начало раннего железного века. Вполне возможно, они выделяются в отдельные своеобразные культуры, поскольку предшествующее время определяли несколько культурных образований: срубный и срубно-алакульский, позднефедоровский и черкаскульско-федоровский. Следует, по-видимому, подчеркнуть, что исследуемая территория совпадает с районами распространения срубно-алакульских памятников в более раннее время.

Более северную лесостепную часть Зауралья до реки Миасс, по-видимому, занимали (насе- ляли) племена межовской культуры (Оби- ден-

1998; Григорьев, 2000), южнее реки Миасс культурный мир меняется.

Все это несомненно определяло своеобразные черты валиковой культуры в Зауралье, от реки Урал до реки Тобол. На более восточных территориях развитие валиковой саргаринско-алексеевской культуры связано с позднефедоровскими и позднеалакульскими древностями (Зданович С., 1979; Потемкина, 1985). В Степном Поволжье и Приуралье генезис ивановской (хвальинской) культуры во многом определил срубный компонент (Колев, 2000). Исследователи Поволжья и Приоболжья неоднократно отмечали взаимодействие валиковых степных культур с межовской и сусканско-лебяжинской культурами лесостепей Волго-Уралья (Потемкина, 1985; Колев, 2000 и др.). В Поволжье выделены смешанные памятники атабаевско-межовского облика.

Срубно-алакульские, позднефедоровские и федоровско-черкаскульские материалы сейчас довольно активно вводятся в научный оборот. Это материалы поселений Атамановка V, Лебяжье, Черкассы II, Ильяска I, Кулевчи V, Городище, Кузьминковское II и материалы могильников Путиловского Займа II, Кинзерский и Приплотный Лог I. Присутствуют они и на поселении Берсуат XVIII, но слои и керамика ОКБК здесь нет. Подчеркиваем: *нет ни одного фрагмента валиковой керамики*. Слой с валиковой керамикой подстилается слоем с черкаскульско-федоровской керамикой на поселении Ильяска I. К валиковому горизонту можно отнести несколько фрагментов поселений Мирный II (Стефанов, 1996. С. 54. Рис. 6; 16, 18), Синташтинское (Генинг и др., 1992. С. 94. Рис. 17, 2, 10–12). Небольшие комплексы валиковой посуды происходят с поселений Кулевчи V, Городище. Наиболее интересный памятник в этом отношении – поселение Черкассы II, к сожалению, пока не опубликованный. Погребальные памятники этого периода практически не известны (Григорьев, 2000. С. 395).

Поздние материалы поселения Берсуат XVIII, несомненно, относятся ко второму этапу заключительного периода эпохи поздней бронзы, то есть к началу I тыс. до н. э. Они представляют собой достаточно своеобразный комплекс, отличный как от поволжских пурских, так и от казахстанских донгальских материалов. Не совсем сопоставимы они и с материалами загаринского типа в Степном Приоболжье (Евдокимов, 1983. С. 35–48).

По-видимому, в комплекс загаринского типа оказалась частично включена керамика периода ОКБК. Поэтому мы сочли возможным выделить

и называть группу керамики «берсуатской». В ней три варианта сосудов, несколько различающихся по формам, орнаментации и, по-видимому, технологии изготовления (?). С точки зрения культурной идентификации эта посуда вполне сопоставима с керамикой поселения Кинжитай (Vinogradov, Erimakhov, 2000. Р. 245, fig.2) и посудой из могильников Сарбулат, У Поворота, Малоказбаевского (Костюков, Епимахов, Нелин, 1996. С. 151–163), Белоключевка и Соколов (раскопки А.Д. Таирова). Частично сопоставима она с керамикой загаринского типа. Вполне возможно, что вся эта посуда характеризует какое-то одно культурное явление. Датированных предметов ни на могильниках, ни на поселениях практически нет. Изделия из камня, кости, многочисленные пряслица с поселения Берсуат XVIII имеют близкие характеристики на протяжении всего бронзового века. С поздним комплексом, возможно, связано шлифованное ударное орудие с перехватом, крупное керамическое пряслице и костяная пряжка (рис. 2.51; 2.52).

При сравнении керамики берсуатской группы с более ранними валиковыми комплексами мы находим больше черт, восходящих к ивановской культуре, чем к саргаринской. Эта близость обнаруживается при сопоставлении пропорций сосудов, отдельных деталей форм – скошенный наружу венчик, наличие воротничков и желобков на шейке, а также организация орнаментальных зон. Хотя эти же признаки выделяются в поздних межовских комплексах, а точнее – в межовско-березовском и атабаевско-межовском вариантах (Колев, 2000. С. 290–291. Рис. 27,6; 28,6. С. 284. Рис. 21,2,11; Обыденно, Шорин, 1995. С. 169. Рис. 40. С. 160. Рис. 31, 1,2,5). По ряду признаков берсуатская группа посуды сопоставима с керамикой амрабатских поселений (Якке-Парсан 2 и Кауды в Южном Приаралье (Итина, 1977. С. 147–172). Эта близость подчеркивается наличием небольшой группы станковой посуды. Есть определенные соответствия среди керамики мавзолеев Северного Тагискана (Итина, Яблонский, 2001. Рис. 42,21; 45,80,82; 49,140; 92,628; 105, 755, 761). Исследователи считают амрабатские и тагискенские памятники синхронными (VIII–VII вв. до н. э.), поскольку тагискенская керамика присутствует в амрабатских поселениях и наоборот. В этом отношении берсуатская керамика сопоставима с сосудами именно амрабатского стиля. В амрабатской керамике присутствует небольшое количество сосудов, имеющих лепной валик под венчиком, но большая часть керамики без валиков.

Без валиков и берсуатская керамика. Валики на плечике или на границе шейки и плечика характерны, в основном, для культур круга ОКВК, появление валиков на шейке под венчиком относят к более позднему времени, к рубежу РЖВ (Итина, Яблонский, 2001. С. 100).

Можно отметить, что валиков практически нет в поздних комплексах межовской культуры (Обыденно, Шорин, 1995). Из сосудов третьего варианта берсуатской группы (рис. 2.49) некоторые имеют общие черты с догальской посудой Центрального Казахстана и керамикой Измайловского могильника Восточного Казахстана и поселения Большой Лог I в Западной Сибири (Евдокимов, Варфоломеев. С. 118, 120; Геннинг, Стефанов, 1993. С. 917. Рис. 14, 1,3,4,9; Ермолаева, 1986. С. 158).

Сравнительный анализ берсуатской группы керамики позволяет сделать следующие выводы:

- Формирование культурного комплекса, по-видимому, шло при взаимодействии двух основных компонентов – местной культуры валиковой керамики и межовской. Достаточно значительную роль сыграл и третий южный компонент (приаральский).

- Поздние обитатели поселения Берсуат XVIII имели контакты с населением более восточных регионов, вплоть до Западной Сибири.

Участвовали ли они в сложении кочевнических культур Урало-Казахстанских степей или Приаралья? В Зауралье в кочевнических погребениях VII–VI вв. до н. э. находки керамики единичны. Соответственно, провести сравнительный анализ невозможно (Таиров, 2000. С. 119–140). Единичны сопоставимые сосуды в раннекочевнических комплексах Северного Казахстана (Хабдулина, 1994. С. 96. Табл. 10). Более сопоставимы с раннекочевническими оказываются погребальные сооружения могильников Сарбулат, У Поворота и других, которые сопоставимы с берсуатскими (Костюков и др., 1996. С. 158–161). Амрабатская культура в Приаралье также не находит своего прямого продолжения в культурах сакского или куясайского типа (Вайнберг, 1999), но мавзолей Северного Тагискана, где присутствует амрабатская керамика, содержит значительное число признаков, характерных для могильников сакского типа (Итина, Яблонский, 1997; 2001. С. 101–113).

По некоторым чертам берсуатские материалы находят продолжение в комплексах лесостепных культур раннего железного века – иткульской и гороховской. Но вполне возможно, что эти черты являются результатом межовского влияния (Обы-

денов, Шорин, 1990. С. 12; Бельтикова, 1986; Таиров, 2000. С. 59; Обыденков, 1998).

В целом даже с введением в научный оборот достаточно ярких материалов поселения Берсуат XVIII комплексы заключительного этапа эпохи бронзы еще очень невелики и можно лишь наметить особенности культурогенеза в этот период. Поздний берсуатский комплекс вместе с материалами погребальных памятников, по-видимому,

можно выделить в особый тип памятников Южного Зауралья и отнести его к началу I тыс. до н. э.

Вполне возможно, что в этот период времени здесь было достаточно малочисленное население, вследствие экологического кризиса и смены традиционных форм хозяйства (переход к кочевому скотоводству) ведущее уже достаточно подвижный образ жизни. Отмечается также нуклеарный характер коллективов (Костюков, 1996. С. 161;

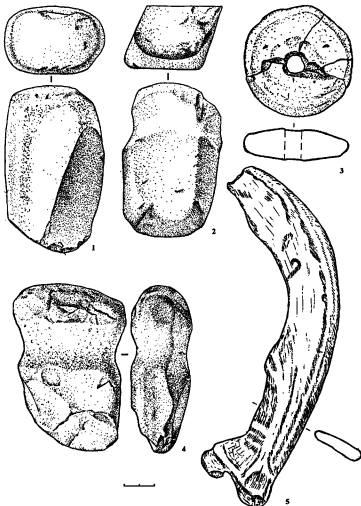

Рис. 2.51. Поселение Берсуат XVIII. Инвентарь.
1, 2, 4 – камень; 3 – глина; 5 – кость

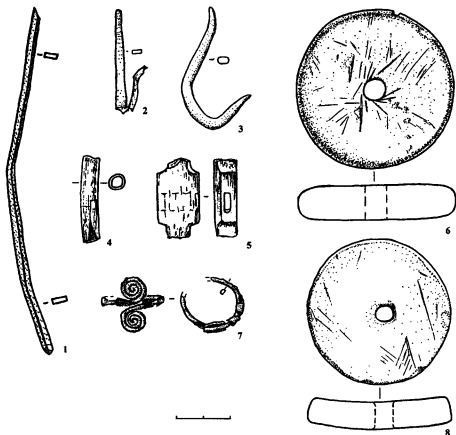

Рис. 2.52. Поселение Берсуат XVIII. Инвентарь.
1, 2, 3, 7 – бронза; 4, 5 – кость; 6, 8 – глина

Тайров, 2000). Хотя материалы поселения Берсуат XVIII свидетельствуют о том, что наряду с небольшими кратковременными стойбищами еще существовали достаточно крупные поселения и при выборе места жительства и в строительстве жилищ население рубежа раннего железного века исходило из опыта своих предшественников. Однако общий анализ материалов на широкой территории степей свидетельствует о том, что прямые генетические соответствия в развитии предыдущих и последующих культур в период становле-

ния раннекочевнических обществ невозможны. Они кажутся аргументированными «с высоты птичьего полета», как пишет Л.Т. Яблонский, но не подтверждаются на локальном уровне и при междисциплинарных сопоставлениях (Итина, Яблонский, 2001. С. 109).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 05-01-85105а/У.

3. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования

Финальный этап эпохи средней бронзы восточноевропейских, зауральских и казахстанских степей связан с формированием, бурным развитием и столь же быстрым угасанием так называемого «колесничного комплекса», в который входят колесницы, упряжные лошади, детали конской упряжи (псалии), а также набор инвентаря воина-колесничего. Остатки восьми древнейших колесниц впервые были обнаружены при раскопках Синташтинского комплекса погребальных памятников в Брединском районе Челябинской области в 70-х годах XX века (Генинг и др., 1992). В дальнейшем источниковая база продолжала пополняться и к настоящему времени открыто не менее 20 колесниц эпохи бронзы.

Говоря о «колесницах», исследователи подразумевают подпрямоугольные в плане и линзовидные в сечении ямки, обнаруженные на дне могильных ям, которые являются следами вкапывания в грунт пары колес, так как сами деревянные колеса, кузов и дышло до наших дней не сохраняются в силу действия природных факторов. Также необходимо отметить, что все известные колесницы эпохи финала средней бронзы происходят с территории Южного Зауралья и Казахстана.

Равной по значимости колесницам составляющей «колесничного комплекса» являются так называемые псалии. Псалий – это костяная или роговая деталь конской сбруи, используемая как средство управления упряжной лошади путем давления на морду, а также в качестве распределителя ремней оголовья (Епимахов, Четущков, 2004). Трассологический анализ серии щитковых псалиев Евразийских степей подтверждает, что они использовались в повседневной жизни (Усачук, 1998 и др.) – это иллюстрируется многочисленными следами срабатанности вокруг трензельного и других отверстий, на щитках и планках.

Предметы, интерпретируемые как псалии, имеют очень широкую географическую распространенность: ареал включает Балкано-Карпатский регион, Подонье и Поволжье, Южный Урал и Казахстан; отдельные экземпляры выявлены в зоне государств Древнего Востока. Важно заметить, что все находки щитковых псалиев укладываются в хронологический горизонт приблизительно между XXI–XVIII вв. до н. э. (согласно последней серии калиброванных радиоуглеродных дат).

Исследователи связывают эти факты с изобретением колесниц и специальных средств управ-

ления колесничными лошадьми и дальнейшим распространением этой идеи. Согласно одной из широко распространенных среди отечественных ученых версий, их появление произошло на территории Южного Зауралья и Казахстана, затем они широко распространились по всей Евразийской степи (а оттуда, вместе с волнами миграций индоевропейцев, в Китай, на Ближний Восток и в Грецию), после чего последовал «упадок» легких боевых упряжек – колесниц (Кузьмина, 2000). Поясним, что вывод о зарождении и широком распространении колесничества в степи делается именно благодаря обширности ареала находок псалиев, наличию одомашненной лошади, в то время как сами колесницы, как говорилось выше, встречены лишь в Урало-Казахстанском регионе. Кроме того, псалии являются одним из главных хронологических реперов в восточноевропейской археологии – на основании факта распространения близких типов псалиев (то есть сходных морфологически) на обширных пространствах Евразии многие исследователи делают попытки синхронизировать различные комплексы и культуры (например, Оансая, 1976; Кузьмина, 1994; Трифонов, 1996; Пряжик, Беседин, 1998).

Изучение «колесничного комплекса» во всей полноте его составляющих является важной и нерешенной на сегодняшний день задачей. Данная работа – часть более крупного исследования и посвящена вопросам реконструкции и функциональности колесницы бронзового века, которые остаются пока без ответа, тем более что некоторые исследователи, как отечественные, так и зарубежные, высказали сомнения в возможности реального применения колесниц.

Некоторые аспекты историографии

Изучение колесничной проблематики связано с поиском ответов на целый ряд вопросов. Интерес исследователей традиционно сконцентрирован на изучении возможности военного применения колесницы и тактики боя, иногда рассматриваются способы управления колесницей. Менее популярный жанр – воссоздание конструктивных элементов. Первые детальные теоретические реконструкции степных колесниц были проделаны группой исследователей в двух работах. Речь идет о разработках авторов раскопок Синташтинского комплекса памятников (Генинг и др., 1992), а также о реконструкции колесницы ямы 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро (Anthony & Vinogradov, 1995).

Так, для памятника СМ (большого грунтового могильника) были сделаны реконструкции четырех колесниц (СМП12, СМП19, СМП28, СМП30; для расшифровки см. Приложение 2). В каждом отдельно взятом случае исследователи рассчитывали различные параметры колесницы: диаметр колес, длину дышла, размеры кузова и др. Оригинальным образом реализована реконструкция кузова – во всех случаях говорится, что он имел вид сбитого из досок ящика, а справа или слева была прикреплена стойка для удлинения несущей оси. Основания для такого заключения в книге не приводятся.

Обобщение коснулось только двух вопросов – о применении колесницы и реконструкции упряжи. Первый получил однозначный ответ – военное использование, в связи с чем колесницы именуются исследователями «боевыми». Второй изложен более пространно: «...в степях лошадь была освоена для верховой езды раньше, чем для запряжки в колесницу. Верховая лошадь имела уже мягкое седло, которое привязывали подбрюшным ремнем к передней части туловища, не мешая свободному движению лопаток... В европейских степях упряжь конструировалась, вероятно, иначе (чем на Ближнем Востоке. – *Прим. авт.*). На "седло", употреблявшееся при верховой езде, положили ярмо, но чтобы оно прочно держалось, к "седлу" прикрепляли деревянную рогульку, имитирующую посадку всадника. Так была изобретена специфическая принадлежность упряжи колесницы наподобие известных в более позднее время череседельников...» (Генинг и др., 1992. С. 218–219).

Справедливые сомнения в правомерности реконструкции целого ряда параметров колесниц были высказаны М. Литавэр и Дж. Кроуэл, и главным, на наш взгляд, тезисом их критики является утверждение, что воссоздать все детали только лишь по промерам колес невозможно. Авторы отрицают возможность применения степных колесниц как боевого средства транспорта, полагая, что они являются недостаточно маневренными и устойчивыми. Это заключение исследователи сделали на основании сравнения реконструируемой длины ступиц колесницы из могильника Кривое Озеро (МКОК9Я1) с аналогичным параметром ближневосточных. Однако заметим, что, используя единственный пример, тракторка которого на самом деле не столь однозначна, М. Литавэр и Дж. Кроуэл распространяют свои выводы на всю серию урало-казахстанских колесниц. Реконструкция ступицы колесницы МКОК9Я1, разумеется, делается на основании зафиксированных в поле-

вых условиях данных, а низкая степень сохранности и точность фиксации во многом позволяют судить лишь о порядке и общих особенностях. Кроме того, исследователи говорят о трудности использования двухколесных повозок в условиях степного ландшафта (Littauer & Crouwel, 1996. P. 934, 939, etc.).

Н.Б. Виноградов полагает, что размеры колесницы задавались, прежде всего, параметрическими характеристиками погребальной камеры, а следовательно, известные данные не могут быть привлечены для реконструкции реальных колесниц (Виноградов, 2003. С. 265–266).

В целом трудно не согласиться с утверждением, что на основании промеров нижней трети колеса нельзя говорить о материале для изготовления кузова, средствах передачи тягового усилия лошадей к повозке и прочих подобных характеристиках. Однако эти данные, на наш взгляд, также не позволяют рассуждать и о маневренности и устойчивости данного вида транспорта. Представляется, что выводы можно сделать только после его экспериментальной апробации, для чего необходимо, прежде всего, максимально точно и полно провести теоретическую реконструкцию колесницы. Единственным же способом «вырваться из плена» нижней трети колеса, по нашему мнению, является рассмотрение остатков колесниц в контексте конструкции погребальной камеры с привлечением сведений о нахождении в могиле лошадей, задававших некоторые конструктивные особенности колесницы, а также бесспорного свидетельства функциональности колесницы – псалев со следами сработанности. В совокупности эти данные позволяют установить, применялись ли колесницы в реальной практике, и уточнить их технические характеристики.

Обзор исходных данных и методы извлечения информации

Все известные к настоящему времени находки колесниц происходят из синташтинских, петровских и алакульских памятников Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана. К сегодняшнему дню опубликована информация о 19 колесницах (см. приложение) и одной достоверной имитации (речь идет о находке из могильной ямы 6, кургана 2 могильника Каменный Амбар 5 (Костюков и др., 1995. С. 161–162), где были обнаружены одна ямка, которую авторы интерпретируют как колесную, и один псаль).

Главным признаком установки в могилу колесницы является нахождение на дне могилы «колес-

ных ямок» – пары прямоугольных (либо овальных) в плане и линзовидных в сечении углублений, локализованных, как правило, у одной из коротких стенок ямы. В отдельных случаях в разрезе хорошо видны и некоторые детали колеса – обод и спицы, что и позволило интерпретировать ямки как вкопанные колеса двухколесной повозки – колесницы (например, МКОК9Я1, СМП12, СМП19, СМП28, СМП30, Б2К2). Ямки выкапывались таким образом, что колесо оказывалось углубленным в дно могилы от 1/4 до 1/3 своего диаметра, что делает возможным высчитать последний.

В двух случаях – МКОК9Я1 и СтК1 – вкопанные на 1/3 колеса удалось зафиксировать начиная с половины их диаметра, благодаря чему авторы раскопок смогли установить целый ряд ранее не известных параметров. Так, удалось зафиксировать ступицы колес, высчитать их размеры и конструкцию. Кроме того, по деревянному тлену были зафиксированы границы кузовов, что позволяет судить о его приблизительных размерах.

На этом, к сожалению, объективные, нашедшие вещественное воплощение в источниках, сведения о конструкции и технических характеристиках колесниц заканчиваются. Однако накопленных на современном этапе данных достаточно для работы по реконструкции колесницы и *количественное* увеличение источниковой базы вряд ли приведет к революционному прорыву в этом вопросе. Обнаруженные колесницы и существующие методики раскопок оставляют мало надежды на появление находки *качественно* другого уровня, и только подобные данные позволяют существенно дополнить имеющуюся картину.

К числу источников для изучения колесниц эпохи бронзы следует также отнести их изображения на керамических сосудах срубной общности (Спасское, Сухая Саратовка I, Сухая Мечетка II, Политотдельское и др. – см. обзор Захарова, 2000. С. 64–65, рис. 39), а также комплекс наскальных изображений в Казахстане (Новоженков, 1994 и др.). Однако использование последних в качестве источников связано с рядом трудностей, происходящих, прежде всего, из сложности их датирования, схематичности изображений, а также из различия ареала распространения данного типа изобразительных источников и зоны основных находок колесниц и псалев. Петроглифы и рисунки на керамике, разумеется, не дают информации обо всех технических характеристиках, однако иллюстрируют функциональность колесниц.

Существенной трудностью при сборе исходной информации является качество публикации источ-

ников, которое, к сожалению, зачастую оставляет желать много лучшего.

Таким образом, приходится констатировать, что источники, связанные с колесницами эпохи бронзы урало-казахстанских степей, фрагментарны. Частные, созданные на единичных примерах реконструкции легко доступны для критики, поэтому воссоздание технических характеристик колесниц и практики их применения возможно лишь при анализе совокупности всех имеющихся данных. Мощным инструментом работы с систематически повторяющейся, типичной информацией является база данных, создание которой стало одной из главных задач работы.

База данных (БД) – это совокупность взаимосвязанных, хранящихся вместе данных, которые можно обрабатывать, дополнять, модифицировать и обновлять с помощью специальных средств управления базами данных – СУБД. Поскольку современный уровень развития компьютерной техники позволяет формировать базы данных в электронном виде, то СУБД – это компьютерная программа, которой пользуется исследователь, а база данных – это те данные, которые систематизированы при помощи СУБД (Смирнов, 1995. С. 3).

Первым этапом создания БД был сбор первичных данных, а также выделение и формализация признаков, разработка кода описания колесницы, внедрение которого позволяет оптимально сжать и структурировать все признаки и характеристики объекта изучения. Это продиктовано невозможностью использования в БД неструктурированной информации в том виде, в каком она встречается в публикациях. Исходя из сформулированных нами принципов создания БД (признаки изучаемого объекта должны быть представлены максимально полно, в соответствии с широтой задач исследования; взаимосвязь данных обеспечивается определенной структурой связей признаков исследуемого объекта), мы попытались вычленить максимально полный набор как количественных, так и качественных признаков колесницы. Все признаки были разбиты на четыре категории для удобства обработки конкретной информации в соответствии с узконаправленными целями.

Вторым этапом создания БД колесниц явилось определение средства управления ею и разработка формы учета. В итоге БД была создана на основе программного продукта «Предприятие» фирмы 1С версии 7.7. Необходимо отметить, что форма учета совершенствовалась, дополнялась и изменялась в процессе ввода данных, так как СУБД позволяет изменять структуру базы без по-

тери информации. Исходные данные сведены в две таблицы: «Каталог колесниц» отражает происхождение колесницы, источник информации о ней и наличие в могиле псалиев (см. Приложение 3); в таблице «Колесницы: источники» сведены воедино формы описания каждой отдельно взятой повозки (см. Приложение 2).

Основные характеристики колесниц и реконструкция практики их применения

Остатки колесниц финала эпохи средней – начала поздней бронзы происходят из некрополей синташтинской (14 повозок), петровской (4 повозки) и алакульской (1 повозка) культур (рис. 2.53). При этом наиболее древними и хорошо представленными в погребальной обрядности являются

синташтинские колесницы; уменьшение же их числа в последующие исторические периоды в некрополях других культур связано, вероятно, с поэтапным исчезновением черт военной специализации из ритуальной практики (Епимахов, 2004. С. 111).

Анализ взаимовстречаемости в погребальных комплексах колесниц и псалиев (рис. 2.53) показал, что сопровождение одного другим не являлось обязательным условием совершения погребального обряда. Псалии встречены лишь в 9 из 20 учетных случаев (см. Приложение 2), в то время как их источниковая база пополняется каждый год, и на сегодняшний день найдено более 150 экземпляров в 46 комплексах степной и лесостепной зоны Евразии. Однако само по

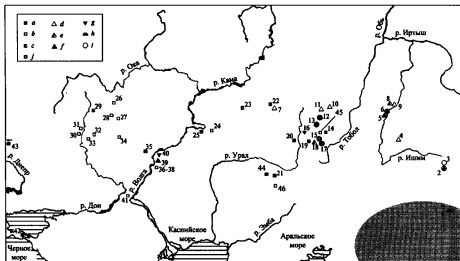

Рис. 2.53. Карта распространения колесниц и псалиев.

1 – Атасу I; 2 – Сатан; 3 – Нуртай; 4 – Айдабулы; 5 – Аксайман; 6 – Берлик II; 7 – Казангулово I; 8 – Петровка II; 9 – Новоникольское; 10 – Алакуль; 11 – Шибаво I; 12 – Кривое Озеро; 13 – Солнце II; 14 – Кулевчи III; 15 – Каменный Амбар 5; 16 – Спасское; 17 – Синташта; 18 – Мирный IV; 19 – Большесараганский; 20 – Тавлыкаево IV; 21 – Танаберген II; 22 – Баланбай; 23 – Потаповка; 24 – Красноселка; 25 – Утевка VI; 26 – Старорозово; 27 – Селезни; 28 – Пичаево; 29 – Филатовский; 30 – Кондрашевка; 31 – Боговаленка; 32 – Софино; 33 – Кондрашкинский; 34 – Власовский; 35 – Большая Дмитриевка; 36 – Березовка; 37 – Старинское; 38 – Бородавка II; 39 – Краснополье; 40 – Сухая Саратовка I; 41 – Баранниково; 42 – Каменка; 43 – Трахтемирово; 44 – Обилькин Луг; 45 – Устье; 46 – Илекшар.

a – памятники, содержащие щитовые псалии с монолитными шипами; b – памятники, содержащие щитовые псалии со вставными шипами; c – памятники, содержащие оба типа щитовых псалиев; d – памятники, содержащие щитовые псалии без шипов; e – памятники, содержащие оба типа щитовых псалиев: с шипами и без шипов; f – памятники, содержащие псалии из расколотой юсти; g – памятники, содержащие сосуды с изображениями колесниц; h – памятники, содержащие стержневидные псалии; i – находки колесниц; j – зона распространения петроглифов с изображениями колесниц

себе это явление не ставит под сомнение наличие прямой взаимосвязи между колесницами и псалмиями, как средства управления колесничной лошадей, а скорее демонстрирует действие принципа «pars pro toto», а в некоторых случаях потревоженность погребального комплекса либо невозможность наблюдения следов установок колесницы.

Место установки колесницы в могиле было, безусловно, продиктовано ориентировкой по сторонам света самой ямы, однако анализ направленности дышла колесниц выявил, что наблюдается их тяготение к одному румбу в пределах могильника:

- памятник СМ (большой грунтовый могильник): четыре случая тяготеющей к Ю–ЮЗ ориентировки (СМП4, СМП19, СМП28, СМП 30), два случая восточной (СМП12, СМП16);

- могильник Солнце-2: две колесницы ориентированы на ССЗ (С2К4Я1, С2К11Я2), одна – на СЗ (С2К5Я1);

- могильник Берлик 2: две колесницы, ориентированных дышлом на СЗ.

Также можно отметить, что количественно преобладают ориентировки в направлениях СЗ–ЮВ, а случаи ориентировки дышла колесниц в ССВ–ЮЮВ направлениях чуть более редки (ССВ–СВ–ВСВ не встречены ни разу) (рис. 2.54). Вероятно, для жителей каждого поселения было значимо определенное направление света, на которое и были сориентированы дышла колесниц, установленных в принадлежащем городищу могильнике. Отклонения в ту или иную сторону от основного румба могли быть связаны с тем временем года, когда совершался погребальный обряд, локализации могилы на подкурганной площадке и т. п.

При помещении повозки в могилу ее колеса фиксировались посредством выкапывания в дне пары линзовидных углублений размерами от 1/4 до 1/3 диаметра колеса. После установки колесницы колесные ямки, вероятно, присыпались землей, в результате чего в заполнении могилы сохранились отпечатки обода, спиц и ступиц колес. Можно заметить, что традиция углубления колес колесницы в дно могильной ямы известна и по другим источникам, например по погребальным памятникам кельтского мира (Piggot, 1983).

Один из главных параметров – диаметр колеса – реконструируется с большой долей уверенности. Он вычисляется по двум всегда фиксируемым параметрам – хорде и высоте, – и во всех известных случаях укладывается в промежуток 80–100 см.

В семи случаях в разрезе колесных ямок исследователям удалось зафиксировать отпечатки спиц

(МКОК9Я1, Б2К2, СМП12, СМП16, СМП19, СМП28, СМП30). Это неоспоримо свидетельствует о том, что колесница имела облегченное, приспособленное к большой скорости и маневренности колесо. Объяснением отсутствия отпечатков спиц в остальных 14 случаях, возможно, могут являться особенности совершения погребального обряда либо археологизации комплексов, в результате чего до наших дней ничего, кроме колесных ямок, не сохранилось. Колесо, вероятно, имело не менее 9–12 спиц (последнее число – МКОК9Я1 – 7 спиц в половине колеса) с сечением в пределах 4–5х4–5 см.

Для амортизации и увеличения проходимости, вероятно, применялись кожаные шины, о чем говорит находка колесницы в кургане 1 могильника Сатан (СтК1) в Казахстане (Новожинов, 1989), у которой к ободу колеса костяными гвоздями были прикреплены куски сыромятной кожи.

Колесо крепилось на деревянной оси, вращение на которой и закрепление спиц обеспечивалось за счет ступицы, разрез которой удалось сделать лишь в двух случаях – МКОК9Я1 и СтК1. Ступица выступала за пределы колеса только снаружи, при этом ее диаметр и длина в приведенных примерах не превосходили 15 см. Фиксация колеса на оси осуществлялась за счет вставленного в специальное отверстие стержня-чеки, очертания которого также зафиксированы при расчистке колес повозки МКОК9Я1.

Ширина колеи колесницы по внешнему краю колеса укладывалась в промежуток 110–130 см, общие же габариты по ширине увеличивались за счет

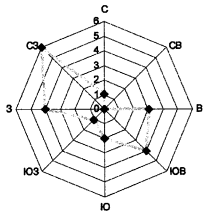

Рис. 2.54. Ориентировки колесниц

выступающих ступиц и концов осей еще как минимум на 50 см (15х2 см – ступицы + 10х2 см – ось, выступающая для фиксации чехой ступицы).

Довольно любопытным фактом является смещение колесных ямок к одной из параллельных стенок погребальной камеры: разница между расстояниями от колес до ближайших к ним стенок может составлять в среднем 10–15 см (Б2К2, КА5К2Я8, МКОК2Я1, МКОК9Я1, СМП4, СМП12, СМП19, СМП30, С2К4Я1). Авторы раскопок Синташтинского комплекса интерпретируют это как свидетельство наличия вынесенной за пределы кузова перекладных, мы же пока затрудняемся прокомментировать этот факт.

На ось устанавливался кузов, в котором находился экипаж колесницы. Материалом для изготовления кузова, бесспорно, служило дерево, однако установить, плелся ли он из ветвей или же сбивался из досок, к сожалению, невозможно (это касается как бортов, так и дна кузова, которое также для облегчения могло быть сплетенным из ветвей, а для удобства стояния обтянуто, например, кожей). Размеры дна кузова реконструируются следующим образом: ширина его была обусловлена шириной колес, а длина – диаметром колеса. Таким образом, размеры кузова по дну составляли 110–130х80–100 см.

Высота переднего борта должна соответствовать уровню пояса человека, так как главное его назначение – препятствовать движению колесничего вперед по инерции в случае резкого торможения, но при этом борт не должен мешать управлению лошадьми и закрывать обзор. Полагая, что соответствующим этим требованиям параметром можно считать высоту в 90–100 см.

Исходя из диаметра колеса и высоты переднего борта, можно попытаться реконструировать общую высоту колесницы: минимальное значение составляло, вероятно, 130 см (40 см – половина минимального диаметра колеса + 90 см – минимальная высота переднего борта), максимальное – 150 см (50 см – половина условно максимального диаметра колеса + 100 см – условно максимальная высота переднего борта).

Таким образом, габариты колесницы без учета средств передачи тягового усилия составляют 110–130 см (ширина) х 80–100 см (длина) х 130–150 см (высота).

Продолжая работу по реконструкции колесницы, подчеркнем, что за отправную точку наших рассуждений мы принимаем, не останавливаясь пока на аргументации, тезис о том, что колесницы применялись людьми как реальное средство

транспорта. В качестве движущей колесницу рабочей силы использовались домашние лошади, привлечение сведений о методах работы с которыми, а также о древних животных, дает возможность реконструировать вид, способ и особенности запряжки.

Основные виды запряжки лошади (Гуревич, 2000):

- дышлавая запряжка осуществляется за счет закрепленной по середине передка повозки длинной жерди – дышла, по обеим сторонам от которого ставятся лошади (для пары, квадриги);
- оглобеляная запряжка используется для одноконки и заключается в наличии двух одинаковых жердей (оглобелей), расположенных по обеим сторонам переда повозки;
- постромочная запряжка осуществляется за счет пристегнутых к хомуту или шорке кожаных ремешков – постромков (для одноконной или парной запряжки);
- смешанные варианты (постромочно-оглобеляная, постромочно-дышлавая).

Реконструкция вида запряжки для колесниц эпохи бронзы осуществляется на основании следующих фактов. Во-первых, широко известны находки *двух пар псалев в пределах одной могилы с колесницей* (КА5К2Я8, СМП15, МКОК9Я1) или без таковой (например, СМП11, КА5К2Я5). Во-вторых, в ряде случаев *жесты лошадей кратны двум (пара, четверка, шестерка лошадей*, например, МКОК9Я1, КА5К2Я8, СМП30 и др.). В-третьих, упоминаемые петроглифы и рисунки на сосудах *всегда* демонстрируют запряженную пару лошадей и дышло. Рассмотрев все вышеперечисленные факты, мы пришли к заключению, что для колесниц эпохи бронзы Евразийских степей целесообразно реконструировать *дышлавую запряжку* (рис. 2.55), соответствующую аналогам классической древности (ближневосточным, египетским, греческим, римским колесницам).

Вопрос о реконструкции минимальной длины дышла колесницы до сих пор не рассматривался исследователями, несмотря на то, что в могилу колесница устанавливалась вместе с дышлом, о чем свидетельствует *обязательная* локализация колесных ямок у одной из коротких стенок ямы. По нашему мнению, реконструировать длину дышла возможно только с учетом данных о формате лошади и основном рабочем аллюре.

Согласно палеозоологическим исследованиям, высота в холке лошадей, скелеты которых найдены в памятниках синташтинской культуры, составляла приблизительно 120–130 см (Косинцев,

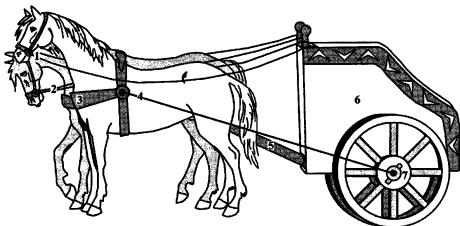

Рис. 2.55. Схема колесницы.

1 – палии; 2 – вожки; 3 – шорка; 4 – постромки; 5 – дышло; 6 – кузов; 7 – ступица

2000), что вполне согласуется с современными представлениями иппологов о развитии вида (Пономаренко, Черный, 2001. С. 7). Из этого следует, что длина туловища лошади была не меньше 125–135 см, так как прямоугольный формат наиболее типичен для неподверженных селекции и упряжных лошадей.

Исходя из мысли, что колесница является средством транспорта, приспособленным для быстрого передвижения, а также из понимания того, что древние лошади, скорее всего, не являлись рысаками в чистом виде, предположим, что *основным рабочим аллюром колесничных лошадей являлся галоп*. Рысь является естественным, но не типичным для беспородных лошадей аллюром. Для закрепления рыси у легкоупряжных пород потребовалась долгая и целенаправленная селекция в условиях конных заводов, как, например, это произошло с орловским рысаком. При галопе вынос конечностей лошади достигает максимума, а следовательно, необходим определенный запас между крупом лошади и передним бортом колесницы – не менее 50 см. Таким образом, совокупность знаний о лошади как упряжном животном позволяет реконструировать *минимальную длину дышла колесницы*: 130 см + 50 см = 180 см.

Измерение расстояния от переднего края «колесных ямок» (условно от «переднего борта») до противоположной стенки погребальной камеры или ямы, ассоциирующегося с длиной дышла колесницы, продемонстрировало, что в некоторых случаях это расстояние оказывалось меньше

180 см (например, НП – 100 см; СМП16 – 150 см; СМП28 – 175 см), в некоторых соответствовало этому значению (например, СМП4, СМП15), а в некоторых превосходило его (например, МКОК2Я1 – 270 см, КА5К2Я8 – 220 см, С2К11Я2 – 320 см).

Реконструировать способ запряжки представляется возможным по классическим и современным аналогам (беговая шорка). Очевидно, что на конце дышла было закреплено ярмо, имеющее прямую или изогнутую форму. Тяговое усилие передавалось посредством широкого нагрудного ремня, прикрепленного непосредственно к ярму и зафиксированному на лошади при помощи подпруги.

Совпадение между минимальной длиной дышла и расстоянием от переднего края колесных ямок до стенки могилы ставит вопрос о локализации несущей оси колесницы по отношению к кузову. Нам представляется, что ось, вероятно, приходилась на центр кузова или была лишь слегка смещена к его задней части. Этот вывод можно аргументировать следующим образом. Во-первых, при реконструкции выноса кузова вперед от оси истинная длина дышла части колесниц (у которых этот параметр реконструируется в пределах 180–190 см) будет составлять не более 150 см, что делает эти колесницы неработоспособными. Во-вторых, формальная логика подсказывает, что колесницы эпохи средней бронзы Зауралья и Казахстана являлись одним из первых этапов развития боевого колесного транспорта, а следовательно, в это время происходили первичное накопление и систематизация опыта, из которого позже был

сделан вывод, что смещение оси назад относительно кузова приводит к большей устойчивости и позволяет увеличить размеры кузова.

Таким образом, создание базы данных колесниц, в которой было учтено максимальное число признаков, как прямых, так и косвенных, позволяет сделать вывод о наличии *определенной модели, «стандарта»* построения колесниц у населения урало-казахстанских степей эпохи бронзы. Анализ источников позволяет нам реконструировать внешний вид и технические особенности колесницы следующим образом. Колесница – это двухколесная дышлаковая повозка, габариты которой составляют не менее: 110–130 (ширина) x 260–280 (длина) x 130–150 (высота) см. Колеса имели 10–12 спиц, кожаные шины, крепились ступицей и вращались на расположенной по центру кузова оси. Диаметр их составлял 80–100 см. По большинству показателей это близко цифрам, приводимым предшествующими исследователями (Кузьмина, 2000а. С. 11). Кузов был деревянным, сплетенным из ветвей или сбитым из досок. Мы полагаем, что описанный здесь вариант реконструкции колесницы является работоспособным, однако подтвердить это, как уже отмечено, могут только экспериментальные работы.

Некоторые итоги

Невозможно не заметить, что существуют некоторые противоречия и неясности, нуждающиеся в интерпретации. Это касается случаев, когда параметрические характеристики могильной ямы и погребальной камеры дополняют не позволяют установить колесницу, однако колесные ямки в них обнаружены.

1. Речь идет о могилах, в которых высота погребальной камеры меньше 90 см. К таковым относятся следующие погребальные комплексы: КА5К2Я8; С2К4Я1; С2К11Я2; СМП4. В ряде случаев текст и чертежи публикации памятника представляли противоречивые сведения, поэтому дополнить установив высоту погребальной камеры не удалось.

2. Как было сказано выше, в некоторых случаях расстояние от переднего борта до стенки камеры/могилы меньше 180 см, что не позволяет установить в могилу колесницу с дышлом (НП, СМП16, СМП28).

3. Были зафиксированы случаи непараллельности колесных ямок друг другу (КА5К2Я8, КА5К4Я9, СМП5, СМП16).

Создается впечатление, что изложенное приводит в противоречие со сделанным выводом о на-

личии «стандарта» колесницы и в конечном итоге с тезисом о реальности использования этого вида транспорта. Полагаем, что для объяснения этой совокупности фактов может быть выдвинута следующая гипотеза – установка колесницы в погребальную камеру лишь имитировалась, обозначалась наиболее яркими чертами (колесными ямками, псаллиями, лошадьми и т. п.), либо колесница находилась в могиле лишь во время совершения погребального обряда, после чего извлекалась, а на дне оставались только колесные ямки. В некоторых случаях, когда размеры погребальной ямы заведомо больше, а комплекс содержит псалли и лошадей, колесница могла быть установлена без углубления колес в дно либо в разобранном виде, как это предполагается для доно-волжской традиции (Виноградов, 2000). Данные гипотезы представляют интерес еще и с той точки зрения, что позволяет дополнить некоторыми чертами представления исследователей о погребальной практике древнего населения.

Таким образом, мы можем разделить все находки на две группы: реальные колесницы и их имитации, а также вычленили признаки, позволяющие еще в полевых условиях интерпретировать находку тем или иным образом (высота погребальной камеры, «длина дышла», параллельность колесных ямок).

Можно констатировать, что в созданной базе данных лишь часть колесных ямок является следами нахождения в могиле реальной колесницы, к которым мы отнесли: СТК1, Б2К2, КеК5Я1, МКО-К2Я1, МКОК9Я1, СМП12, СМП19 (рис. 2.56), СМП30 – итого семь.

Имитациями установки колесниц являются следующие находки (всего 7):

- КА5К2Я8 – колесные ямки не параллельны, высота погребальной камеры 35 см (рис. 2.57);
- КА5К2Я6 – наличие одной ямки, интерпретируемой как колесная, и одного псалля;
- НП – «длина дышла» – 100 см;
- С2К11Я2 – высота погребальной камеры 30 см;
- С2К4Я1 – высота погребальной камеры 68 см;
- СМП4 – высота погребальной камеры 30 см;
- СМП16 – «длина дышла» 150 см; возможно, в данном случае имело место временное помещение колесницы в могилу либо удаление дышла.

В силу различных факторов, связанных, прежде всего, с качеством сохранности некоторых элементов комплекса, а также с уровнем публикации источника (например, не удается достоверно установить высоту погребальной камеры), некоторые колесницы не попадают ни в одну из этих групп:

– Б2К10 – не удается установить «длину дышла» и высоту погребальной камеры, колеса параллельны;

– КА5К4Я9 – не устанавливается высота погребальной камеры;

– СМП15 – высота погребальной камеры не устанавливается, колеса не параллельны;

– СМП28 – «длина дышла» – 175 см, высота погребальной камеры не установлена;

– С2К5Я1 – расстояние от «переднего борта» до стенки – 210 см, колеса параллельны, высота перекрытия – 100 см, однако автор раскопок не исключает наличия второго перекрытия могилы на высоте 30 см от дна (Епимахов, 1996. С. 29).

Возвращаясь к рассмотрению историографии, отметим, что мы полностью согласны с мнением М. Лятауэр и Дж. Кроуэл о недостаточности сведений для создания частных реконструкций. В процессе данной работы мы попытались продемонстрировать, что при плохой сохранности источников и незначительности серии целесообразно реконструировать именно модель древней колесницы.

Также хотелось бы заострить внимание читателя на некоторых замечаниях по поводу идей, опубликованных на страницах монографии «Синташта», прежде всего о конструкции и эволюции упряжи колесничной лошади.

Во-первых, приходится констатировать, что лексика и терминология, используемая исследователя-

ми, имеет мало общего с современной коневодческой. Во-вторых, авторами оставлен без аргументации базовый тезис рассуждений – лошадь была освоена для верховой езды раньше и «имела мягкое седло, которое привязывали подбрюшным ремнем к передней части туловища» (Гейнинг и др. С. 218). Эта идея, видимо, не имеет под собой оснований, а следовательно, и выводы ошибочны. История знает массу примеров, когда лошадь успешно использовалась для верховой езды без всяких дополнительных приспособлений. Полагаем, что вопрос о том, каким образом первоначально использовалась лошадь – для верховой езды или для упряжи – пока до конца не разъяснен. В-третьих, реконструируемые «рогульки» (которые почему-то также названы чересседельниками, хотя последнее это – кожаный или брезентовый ремень, фиксирующий оглобли при дуговой запряжке), имитирующие посадку всадника, не могут служить средством передачи тягового усилия, а только усложняют систему запряжки. В-четвертых, не ясно, в результате чего упряжь ближневосточных колесниц имела столь существенные конструктивные отличия, если принять за истину тезис, что в обоих вариантах в качестве тяловой силы использовался один вид – лошадь.

Мы последовательно отстаиваем мысль о том, что функционирование упряжного транспортного средства (в данном случае колесницы) напрямую связано с физиологическими особенностями запрягаемого животного. По сути, основные прин-

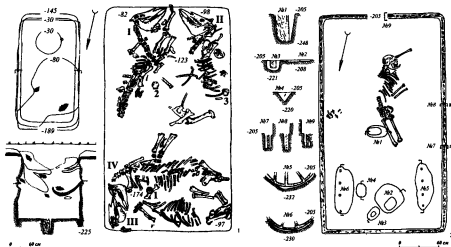

Рис. 2.56. Реальная колесница. Могильник Синташтинский. Погребение 19 (СМП19)

цпы запряжки лошади и управления ее были выработаны в глубокой древности и в неизменности дошли до наших дней.

Также мы не можем согласиться с мнением Н.Б. Виноградова о том, что размеры колесниц были заданы исключительно параметрами погребальной камеры, полагаем, что логика могла быть и обратной.

Еще один блок проблем, на котором нам бы хотелось остановиться, связан с рассмотрением вопросов о функциональности колесниц, происходящих с территории Южного Зауралья и Казахстана. Анализ источников, как показано выше, иллюстрирует наличие определенной модели для постройки колесницы, что не оставляет сомнений по поводу знакомства населения с этим видом колесного транспорта, производство которого явно осуществлялось на месте.

О функциональности колесницы позволяют судить находки палиев. Опорным пунктом всей системы аргументации является утверждение, что палии являются частью «колесничного комплекса» и выступают как средство управления именно запряженными в колесницу лошадьми. Для управления верховой лошадию либо при одноконной запряжке рабочей лошади иногда и по сей день применяются средства, технически гораздо более простые, нежели узды с роговыми палиями: управление при помощи веревочных удилов или вообще без таковых, воздействие нахратного ремня. Совершенствование происходит по мере усложнения условий работы – совместная работа двух и более лошадей в упряжке; появление больших масс конницы и конного строя; использование породных (более норовистых и резвых) лошадей; в классических видах конного спорта и т. п.

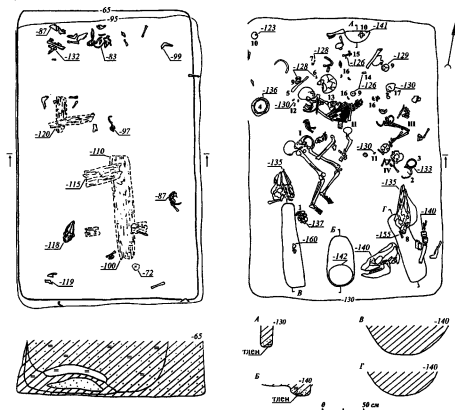

Рис. 2.57. Имитация колесницы. Могильник Каменный Амбар 5. Курган 2. Могильная яма 8 (KASK2Я8)

Поскольку единственным *достоверным* способом верификации подобных гипотез является их экспериментальная апробация, нами были проведены работы по реконструкции и использованию конской упряжи. Для опытных работ было изготовлено оголовье с репликами синташтинских псалиев. Предлагаемый нами вариант реконструкции оголовья заключается в следующем – ключевой деталью псалия, к которой крепится суголовный ремень, является планка. Именно на планке располагается большое количество функциональных частей псалия – дополнительные отверстия, зацепы, при помощи которых суголовный ремень и крепился к планке. Трензельное (центральное) отверстие щитка служит для крепления к кожаному трензелю (или изготовленному из другого органического материала) вожжей (рис. 2.58). Мы считаем, что в общих чертах эта схема справедлива для всех типов щитковых псалиев Евразии эпохи бронзы. Развернутая аргументация нашей точки зрения приведена в другой публикации (Епимахов, Чечушков, 2004).

Эксперимент проводился на жеребце орловской рысистой породы по кличке Паралет (2000 г. р.). Лошадь работала на псалиях в одноконной упряжке – осенью в двуколке, зимой – в санях. Следует оговориться, что характер сработанности псалиев принципиально не зависит от того, одноконная запряжка или пароконная. Наш опыт показывает, что псалии являются эффективным элементом средств управления лошадью в упряжке; при этом кожаный трензель, используемый нами, дает более мягкий эффект в сравнении с металлическим (то есть управляемость лошадью при использовании мягкого трензеля несколько хуже). Основной эффект в управлении лошадью достигается за счет давления *трензеля* на беззубый край нижней челюсти. Псалии же оказывают дополнительное воздействие при поворотах за счет давления шипов при натяжении одной из вожжей – при правом повороте «работает» левый псалий и наоборот. Торможение осуществляется, главным образом, за счет давления трензеля, в меньшей степени – нахрапного ремня.

Поскольку псалии являлись второстепенной деталью, обеспечивающей более жесткое управление лошадьми, логично было бы предположить, что их появление в составе оголовья связано именно с использованием *легкой пароконной колесницы*. Наличие довольно большой дистанции между возницей и лошадьми и связанное с этим использование вожжей потребовало выработки особого «механизма» управления (Новожинов,

1994). Псалии возникли именно как средство управления съезженной парой, которая должна была адекватно реагировать на команды возникшего на *быстрых аллюрах* и в результате успешно совершать маневрирование. Этот вывод косвенно подтверждается данными эксперимента: кожаный трензель в сочетании с вожжами (так как речь идет об упряжке) не обеспечивает *жесткого* управления лошадью.

Создание «колесничного комплекса» и обеспечение его функционирования связано с рядом работ, требующих от коллектива полного или частичного отчуждения некоторой своей части от ведения хозяйственной деятельности. Здесь речь идет, во-первых, о необходимости выделения «обслуживающего персонала» колесницы. Так, тренинг колесничных лошадей и уход за ними (который может включать в себя и содержание вне основного табуна), как наиболее специализированная отрасль, безусловно, требует отдельного специалиста. Предположим, что таковым по совместительству являлся колесничий, так как процесс тренинга лошадей одновременно может являться «тактическими» учениями. Менее узкими, но также незаменимыми специалистами являлись столяр, мастер резьбы по кости и рогу, шорник. Скорее всего, один человек мог обладать навыками для совмещения нескольких «профессий», однако это тем более требовало его занятости лишь «колесничным комплексом». Во-вторых, специалисты должны были постоянно обеспечены необходимым инструментарием и сырьем (деревом, костью и рогом, подходящими лошадьми и т. п.).

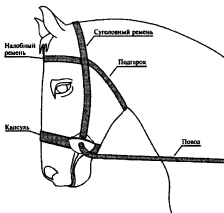

Рис. 2.58. Реконструкция оголовья

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что создание и поддержание «колесничного комплекса» являлось затратной областью экономики и, разумеется, должно было давать коллективу некую отдачу, «окупаться» в его глазах. На наш взгляд, таковой отдачей могла являться только безусловная функциональность колесницы.

По нашему мнению, единственной сферой, в которой могут быть востребованы такие качества колесницы, как быстрота и маневренность, является *военная*. Это не исключает возможности их применения как предмета ритуальной практики, а также маркера социального статуса, о чем говорят упоминаемые нами исследователи, однако мы полагаем, что военная функция являлась первичной по отношению к остальным. Только изначально прикладной характер мог служить поводом к созданию сложной системы функционирования колесниц. Поэтому мы полагаем, что лишь при условии реализации означенной функции колесница могла стать источником мощнейшего пласта индоевропейской мифологии.

Авторы будут признательны всем, желающим присоединиться к созданию единой базы данных по колесничной тематике с целью издания соответствующего каталога. Информация о его структуре может быть получена по электронной почте по адресу: sav@susu.ac.ru или ae@74.ru.

Приложение 1

Терминологический словарь

Отсутствие единой системы терминологии привело к тому, что зачастую при анализе колесничного комплекса одни и те же его детали различные исследователи именуют по-разному. Поэтому авторам показалось целесообразным привести здесь расширенный вариант нашего словаря, включив в него термины, не фигурирующие в тексте. Нам кажется наиболее правильным употребление современной коневодческой терминологии для характеристики рассматриваемого спектра вопросов. Помимо современной терминологии, цитируемой по работе Д.Я. Гуревича (Гуревич, 2000), здесь также приведены используемые нами обозначения отдельных деталей псаля. В определении их названий мы исходили из функции элемента и временных аналогий.

Аллюр – способ поступательного движения лошади. Естественными аллюрами (шагом, ры-

сью, иноходью, галопом) лошадь движется без предварительного обучения.

Беззубые края – края челюсти лошади от последнего реза до первого ложнокоренного зуба. На беззубые края нижней челюсти ложится трензель при взыздывании лошади. Управление животным осуществляется за счет давления на чувствительные беззубые края нижней челюсти животного.

Внутренняя сторона псаля обращена к морде лошади, **внешняя** обращена вонне.

Вожжи – ремни, идущие от удила к возничему, предназначенные для управления упряжной лошадию. Различают одноконные и пароконные вожжи.

Дополнительные отверстия – ряд малых отверстий в щитке и/или планке, направленных перпендикулярно или под углом, предназначенных для крепления ремней оголовья к псалию.

Дышло – пароконное упряжное устройство, длинная жердь, соединяющаяся с передком повозки. Запрягаемых лошадей ставят по обе стороны дышла.

Защепы планки псаля – выступы по бокам планки, предназначенные для фиксации суголовного ремня.

Капсуль – приспособление, не позволяющее лошади широко раскрывать рот. Представляет собой ремень, охватывающий морду лошади по храпу.

Колесница – легкая, быстрая, всегда с двумя колесами со спицами, запряженная обычно лошадьми повозка, которая использовалась в боевых действиях, для охоты, в торжественных и ритуальных церемониях.

Колесничный комплекс – совокупность находок колесницы, упряжных лошадей, деталей конской упряжи (псалиев), а также набора инвентаря воина-колесничного.

Колесные ямки – подпрямоугольные в плане и линзовидные в сечении углубления, обнаруженные на дне могильной ямы, которые являются следами вкапывания в грунт пары колес.

Налобный ремень – деталь оголовья; ремень, располагающийся на лбу лошади и препятствующий сползанию суголовного ремня по шее.

Нахрапный ремень (переносье) – деталь оголовья; ремень, располагающийся на переносице лошади.

Оглобли – одноконное упряжное устройство, две длинные жерди, крепящиеся к передку повозки. Запрягаемую лошадь ставят между оглоблями. Также в оглобли запрягается русская тройка.

Отверстие в иной плоскости – параллельное плоскости щитка псаля отверстие в щитке либо

в выделенной перпендикулярной щитку планке на внутренней стороне псалия. Предназначено для крепления ремней оголовья к псалию.

Планка – факультативная деталь псалия. Обычно выделена утончением с внешней стороны по сравнению со щитком, имеет боковые зацепы и предназначена для крепления ремней оголовья.

Поводья – деталь оголовья; ремень, пристегнутый концами к кольцам трензеля, одно из средств управления лошастью.

Псалий – костяная, роговая или металлическая деталь конской упряжи, используемая как средство управления лошастью путем давления на морду, а также в качестве распределителя ремней оголовья.

Сбор – в конном спорте уравнивание лошади для придания ей положения, из которого лошадь легко выполняет движение в любую сторону. Сбор состоит в том, что лошадь сдает голову в затылке, то есть, приподнимает шею, а голову опускает до почти вертикального положения. Во время движения степень сбора меняется в зависимости от ширины аллюра: на более коротких (собранных) движениях сбор усиливается, а при более широких – уменьшается, однако легкий упор лошади в повод сохраняется при любой степени сбора.

Ступица – центральная часть колеса с гнездами для спиц по периметру и втулкой для насадки на ось.

Суголовный ремень – основная часть конструкции оголовья; ремень, охватывающий голову лошади, состоит из двух щечных ремней.

Трензель – удила, состоящие из гызла и двух колец, за которые трензель крепят к щечным ремням оголовья. К кольцам пристегивают также повод. Во рту лошади гызло лежит на языке и беззубых краях нижней челюсти, касаясь углов рта.

Трензельное оголовье – основная часть конского снаряжения, надеваемая на голову лошади и позволяющая управлять животным, нахрапный ремень (переносе), подгарок, налобник и проч.

Трензельное отверстие – большое отверстие в щитке псалия (зачастую именуемое центральным) круглой или квадратной формы, иногда обведенное валиком. Предназначено для закрепления ремennого гызла во рту лошади и крепления к нему повода.

Удила – общее название всех трензелей, мундштуков, пелямов, применяемых для взнуздывания лошади.

Формат лошади – соотношение промеров выскоты в холке и длины корпуса. Верховые лошади имеют главным образом квадратный, а упряжные – прямоугольный формат.

Чересседельник – кожаный или брезентовый ремень, фиксирующий отглобли при дуговой запряжке.

Шипы – факультативная деталь псалия. Монолитные либо вставные выступы на внутренней стороне щитка, имеющие прямую или фигурную форму, предназначенные для непосредственного управления лошастью путем давления на морду.

Шорка беговая – часть бездуговой упряжи, предназначенная для передачи тягового усилия лошади через постромки на повозку. Применяют в дышлового запряжки.

Штифты – роговые стерженьки, вставляемые в дополнительные отверстия и предназначенные для крепления псалия с ремнями оголовья.

Щечный ремень – деталь оголовья, соединенная с суголовным ремнем; ремень, крепящийся к трензелю.

Щиток – деталь псалия, дисковидной, сегментовидной, подквадратной или подпрямоугольной формы, составляющая его основу. На щитке расположено трензельное отверстие, сквозь которое проходят ремennой трензель и повод.

Ярмо – упряжное устройство, заменяющее хомут. Представляет собой перекладину, крепящуюся к дышлу.

Колесницы: источники

№	Колесница	Левое колесо	Правое колесо	До стенок	Высота камеры	Ориент. дышла	Колея	Центральный столб	Диаметр колеса	Параллельность колес
1	Б2К10	X: 30 Y: 90 Z: 20 Cm: 0	X: 30 Y: 90 Z: 20 Cm: 0	1: 0 2: 0 3: 0	0	СЗ	0	0	0	1
2	Б2К2	X: 20 Y: 90 Z: 20 Cm: 3	X: 15 Y: 80 Z: 20 Cm: 2	1: 190 2: 20 3: 25	0	СЗ	140	0	100	1
3	КА5К4Я9	X: 40 Y: 95 Z: 25 Cm: 0	X: 28 Y: 0 Z: 25 Cm: 0	1: 0 2: 0 3: 0	0	3	140	0	0	0
4	КА5К2Я8	X: 25 Y: 100 Z: 35 Cm: 0	X: 30 Y: 85 Z: 30 Cm: 0	1: 220 2: 40 3: 35	35	ССЗ	120	0	0	0
5	Кок5Я1	X: 30 Y: 70 Z: 30 Cm: 0	X: 30 Y: 70 Z: 30 Cm: 0	1: 0 2: 0 3: 0	0	ЮЮЗ	145	0	100	1
6	МКОК2Я1	X: 30 Y: 100 Z: 15 Cm: 0	X: 40 Y: 100 Z: 15 Cm: 0	1: 270 2: 45 3: 12	130	3	110	0	90	1
7	МКОК9Я1	X: 4 Y: 90 Z: 30 Cm: 7	X: 2 Y: 100 Z: 40 Cm: 7	1: 230 2: 30 3: 25	90	С	115	0	100	1
8	НП	X: 18 Y: 48 Z: 15 Cm: 0	X: 15 Y: 20 Z: 10 Cm: 0	1: 100 2: 10 3: 10	90	В	130	0	90	1
9	С2К11Я2	X: 20 Y: 90 Z: 0 Cm: 0	X: 20 Y: 90 Z: 0 Cm: 0	1: 320 2: 30 3: 30	30	ССЗ	130	0	0	1
10	СМП4	X: 21 Y: 68 Z: 20 Cm: 0	X: 15 Y: 72 Z: 20 Cm: 0	1: 180 2: 15 3: 25	30	Ю	135	1	86	1

№	Колесница	Левое колесо	Правое колесо	До стенок	Высота камеры	Ориент. дышла	Колея	Центральный столб	Диаметр колеса	Параллельность колес
11	СМП15	X: 12 Y: 42 Z: 20 Cm: 0	X: 9 Y: 37 Z: 15 Cm: 0	1: 180 2: 40 3: 140	0	ЮЗ	120	0	0	0
12	СМП12	X: 30 Y: 100 Z: 25 Cm: 2	X: 40 Y: 95 Z: 35 Cm: 4	1: 190 2: 28 3: 40	110	В	125	1	90	1
13	СМП16	X: 60 Y: 100 Z: 25 Cm: 0	X: 80 Y: 100 Z: 25 Cm: 0	1: 150 2: 0 3: 0	110	В	0	0	0	0
14	СМП19	X: 28 Y: 85 Z: 24 Cm: 2	X: 25 Y: 80 Z: 20 Cm: 3	1: 220 2: 20 3: 30	115	Ю	130	1	80	1
15	СМП28	X: 13 Y: 105 Z: 30 Cm: 4	X: 11 Y: 100 Z: 30 Cm: 3	1: 175 2: 23 3: 18	0	ЮЗ	140	1	90	1
16	СМП30	X: 25 Y: 97 Z: 34 Cm: 3	X: 25 Y: 95 Z: 34 Cm: 3	1: 190 2: 20 3: 35	110	ЮЗ	125	1	90	1
17	С2К4Я1	X: 22 Y: 82 Z: 25 Cm: 0	X: 30 Y: 90 Z: 25 Cm: 0	1: 234 2: 13 3: 34	68	ССЗ	133	1	0	1
18	С2К5Я1	X: 15 Y: 55 Z: 10 Cm: 0	X: 30 Y: 63 Z: 15 Cm: 0	1: 240 2: 30 3: 25	100	СЗ	140	1	0	1
19	СТК1	X: 15 Y: 70 Z: 25 Cm: 0	X: 15 Y: 70 Z: 25 Cm: 0	1: 0 2: 0 3: 0	0	ЮЮВ	150	0	100	1

Каталог колесниц

№	Памятник	Аббревиатура	Регион	Псалии	Источник
1	Мог. Берлик II, к. 2	B2K2	Казахстан	0	Зданович, 1985. С. 73–74
2	Мог. Берлик II, к. 10	B2K10	Казахстан	2	Зданович, 1985. С. 76–78
3	Мог. Сатан, к. 1	СТК1	Казахстан	0	Новожинов, 1994. С. 158
4	Мог. Солнце II, к. 4	C2K4Я1	Ю. Зауралье	1	Епимахов, 1996. С. 25–28
5	Мог. Солнце II, к. 5, я. 1	C2K5Я1	Ю. Зауралье	0	Епимахов, 1996. С. 28–30
6	Мог. Солнце II, к. 11, я. 2.	C2K11Я2	Ю. Зауралье	0	Епимахов, 1996. С. 32–37
7	Мог. Кенес, к. 5, я. 1	KeK5Я1	Казахстан	0	Новожинов, 1989
8	Синташта Могильник, п. 4	СМП4	Ю. Зауралье	0	Геннинг и др., 1992. С. 123–126
9	Синташта Могильник, п. 5	СМП5	Ю. Зауралье	4	Там же. С. 126–137
10	Синташта Могильник, п. 12	СМП12	Ю. Зауралье	2	Там же. С. 162–168
11	Синташта Могильник, п. 16	СМП16	Ю. Зауралье	0	Там же. С. 149–155
12	Синташта Могильник, п. 19	СМП19	Ю. Зауралье	0	Там же. С. 178–185
13	Синташта Могильник, п. 28	СМП28	Ю. Зауралье	0	Там же. С. 200–206
14	Синташта Могильник, п. 30	СМП30	Ю. Зауралье	2	Там же. С. 207–219
15	Мог. Каменный Амбар 5, к. 2, я. 8	КА5К2Я8	Ю. Зауралье	4	Костюков и др., 1995. С. 163–164.
16	Мог. Каменный Амбар 5, к. 4, я. 9	КА5К4Я9	Ю. Зауралье	0	
17	Мог. Кривое Озеро, курган 9, яма 1	МКОК9Я1	Ю. Зауралье	4	Виноградов, 2003. С. 82–88
18	Мог. Кривое Озеро, курган 2, яма 1	МКОК2Я1	Ю. Зауралье	1	Там же. С. 65–70
19	Мог. Николаевка II, к. 1	НП	Ю. Зауралье	0	Епимахов, 2004. С. 106–107
20	Мог. Каменный Амбар 5, к. 2, я. 6	КА5К2Я6	Ю. Зауралье	1	Костюков и др., 1995. С. 161–162

Условные обозначения к Приложению 2, все замеры в см
До стенок

1 – От «переднего борта»

2 – От левого колеса

3 – От правого колеса

Колесо

X – ширина ямки по ободу

Y – длина ямки по диаметру колеса

Z – глубина ямки

1 – наличие признака

0 – отсутствие признака или невозможность его фиксации

Сп – число зафиксированных спиц

Авторы считают приятным долгом выразить свою глубочайшую признательность А.А. Черникову за помощь в разработке программной оболочки для базы данных, Н.Б. Виноградову, В.П. Костюкову, Г.Ф. Шангареевой и М.В. Пряникову за ценные замечания на этапе проработки идеи, а также нашим четвероногим друзьям–лошадям.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект 05-01-85113а/У.

§3. Основные этапы и проблемы культурогенеза

Несколько лет назад автором этого параграфа были предложены его представления на культурные процессы в эпохи средней и поздней бронзы в Северной Евразии (Григорьев, 1996; 1999). Впоследствии ряд положений был дополнен (Григорьев, 2000; 2002, Grigoriev, 2003). Возвращение к названной теме обусловлено тем, что за эти годы вышел ряд новых работ, и по многим ее аспектам была начата дискуссия. Особенно интересны работа А.В. Матвеева (1998), содержащая тщательно выполненный анализ андроновских древностей, и книга Д.Г. Здановича с соавторами (2002), которая представляется лучшим примером публикации памятника. Чтобы избежать, насколько это возможно, повторений предыдущих работ автора, здесь будут рассматриваться преимущественно работы, вышедшие с 1999 года и не получившие отражение в работе 2000 года.

Определение синташтинской культуры как отдельной археологической культуры давно стало с обсуждением проблемы памятников новолухинского хронологического горизонта. Термин «культура» употребляется большинством ее исследователей, культурные признаки описаны во многих работах. Тем более удивительно было встретить статью Г.Г. Пятых, в которой на основании мнения, что могильник Синташта оставлен аристократией, написано, что он не может быть основой для выделения культуры. Автор пишет: «...необходимо доказать, что культура общества, в котором захороненные в Большом Синташтинском кургане лица представляли собой верхи, должна называться именно «синташтинской», а не традиционно раннеалакульской или иной, в состав носителей которой и входил представленный в памятнике аристократический слой» (Пятых, 2003. С. 139). Во-первых, рассмотрение синташтинской культуры в качестве раннеалакульской, как предлагает Г.Г. Пятых, или раннеандроновской, на чем настаивает Е.Е. Кузьмина (2001. С. 87), совершенно неправомерно. Как справедливо заметил А.В. Матвеев, потаповские комплексы, на основе которых формируются раннесрубные древности, чрезвычайно близки синташтинским (Матвеев, 1998. С. 358). Поэтому у нас может сложиться ситуация, когда однокультурные памятники на одной территории будут рассматриваться в качестве раннесрубных, а на другой – раннеалакульских. Во-вторых, хотелось бы отметить, что в Большом Синташтинском кургане был похоро-

нен только один человек. Кроме того, сейчас в нашем распоряжении имеются многочисленные погребальные материалы из Зауралья, Приуралья и Поволжья. Исследованы многочисленные поселенческие комплексы. Все они демонстрируют определенные вариации в размерах, богатстве, но не в принципах. Зачастую бывает трудно различить алакульскую и петровскую посуду, алакульскую и срубную, особенно в контактных зонах; с поселенческими комплексами часто возникают с трудом разрешимые проблемы, и описание ведется довольно субъективно. На этом фоне синташтинские материалы прекрасно узнаваемы даже в очень фрагментарном виде и даже в тех случаях, когда они оказываются за пределами основной зоны распространения синташтинской культуры. Это касается не только погребений, металла, керамики, но часто даже каменных орудий. Это хорошо известно специалистам, работавшим непосредственно с синташтинскими коллекциями. Исключением является мнение Н.Б. Виноградова, который пишет о вариативности и даже разнотипности керамики и погребального обряда. На его взгляд, существует две традиции ориентировки могильных ям – широтная и меридиональная, отражающие ритуальную практику основных групп населения (Виноградов, 2003. С. 260, 261). С этим трудно согласиться, поскольку доминирующим типом является ориентировка по дуге окружности. Ориентировки по сторонам света присущи обычно более поздним комплексам, которые не имеют отношения к складыванию культуры (Григорьев, 1999. С. 41, 42; Егизмахов, 2002. С. 40, 41). Следует отметить, что все идеи о надкультурном характере синташтинской культуры, о ее многокомпонентности и разнотипности являются результатом традиции, восходящей к 70-м годам прошлого века, когда в течение длительного времени не знали, как назвать это явление и как к нему относиться, настолько оно не укладывалось в привычные стереотипы.

Поэтому тезис об отсутствии культурного единства потаповского типа памятников и памятников синташтинской культуры, которое не могло формироваться в условиях глобальных процессов и перемещений, не вполне правомерен. Ссылка на П.Ф. Кузнецова и О.Д. Мочалова, которые пишут, что уровень связей внутри синташтинских и потаповских памятников одной зоны может быть даже ниже, чем между памятниками разных территорий, спорна (Пятых, 2003. С. 140). Анализ О.Д. Мочалова на самом деле показал столь высокий коэффициент сходства между потаповской и синташтинской

керамикой, что эти типы можно рассматривать как однокультурные. Более того, отдельные синташтинские и потаповские памятники могут иметь большее сходство в керамике, чем отдельные памятники внутри этих двух групп (Мочалов, 1999). Вместе с тем фиксируется четкое отличие синташтинской и потаповской керамики от абашевской и полтавкинской, при этом коэффициент их сходства значительно ниже, чем это допустимо для генетически связанных групп (Мочалов, 1996; 1999а). Обращает внимание и на вывод о том, что синташтинская и абашевская гончарные традиции не имеют своих прототипов в Волго-Уралье (Мочалов, 1995. С. 130, 131). Поэтому можно говорить, что результаты первичных анализов были искажены и приведенные аргументы не могут быть приняты. Из этих результатов следует не просто культурное единство синташтинских и потаповских памятников, а единство, настолько близкое, что ставит вопрос о правомерности рассмотрения потаповских памятников как типа памятников в рамках синташтинской культуры.

Столь же неоправданно обвинение в адрес В.В. Отрощенко, на том основании, что тот объединяет синташтинскую культуру и потаповский тип памятников на основе общестадийных явлений и априорного мнения о более ранней позиции Синташты. Аргументы Отрощенко достаточно убедительны. Достаточно аргументированы и более поздняя позиция синташтинского комплекса Потаповского могильника относительно полтавкинского комплекса и его зауральское происхождение. Наиболее серьезными аргументами здесь являются, на мой взгляд, присутствие тальковой примеси в керамике, каменных орудий из уральских пород, орнаментированных палиев, отсутствующих в синташтинских памятниках (Отрощенко, 1996; Григорьев, 1999. С. 48, 50; Grigoriev, 2002. P. 52, 53)¹.

Вместе с тем я не разделяю мнение В.В. Отрощенко о значительном хронологическом разрыве между синташтинской культурой и полтавкинскими памятниками, доходящем до 500 лет. Базируется оно на редких радиоуглеродных датах, на том, что потапово не имеет прямых обрядовых связей и общих типов с полтавкой (с чем трудно не согласиться), и на факте перекрытия слоев с синташтинской керамикой слоя с абашевскими материалами на Береговском I поселении (Отрощенко, 2000. С. 68). Предполагается, что абашево и полтавка синхронны, против чего тоже трудно возразить. Однако Береговское поселение находится за пределами основной зоны, и данная ситуация может отражать более поздние события, связанные с движени-

ем синташтинских популяций на запад, то есть тем движением, которое отстает не только мной, но и самим Отрощенко (Отрощенко, 2000. С. 69; Григорьев, 1999. С. 140–143). Более значимым фактом представляется присутствие полтавкинских материалов в периферийных погребениях 24 кургана Большескараганского могильника, появление синкретических типов керамики и сочетание синташтинских и полтавкинских материалов в 11 кургане (Боталов и др., 1996). Можно оспорить нашу трактовку синкретических типов, она субъективна, но наличие собственно полтавкинских материалов бесспорно.

Сходная ситуация была зафиксирована и Д.Г. Здановичем в 25 кургане того же могильника (Зданович Д., 2002. С. 103). Для среднего этапа он считает типичным большую долю керамики с полтавкинскими чертами. На мой взгляд, значительного количества керамики с полтавкинскими чертами этот курган не содержит. На одном сосуде эти черты можно допустить (один ряд горизонтальной елки, выполненной гребенкой (Зданович Д., 2002. Рис. 10,3)), можно обсуждать в этом плане и используемый автором сосуд 35 (Зданович Д., 2002. Рис. 28,2), который имеет короткую слабо отогнутую шейку. Однако последний сосуд не орнаментирован, и определенно сказать что-то о нем сложно. Я признаю синхронность полтавкинского комплекса данного могильника с классической синташтинской посудой, но в этом кургане это проявляется в незначительной степени.

Безусловно и то, что нижняя дата полтавкинской культуры является более ранней, чем появление синташтинских комплексов. В этом смысле показательны исследования В.В. Ткачева в Южном Приуралье. Им выделяется два досинташтинских хронологических пласта в этой зоне. Первый соответствует началу СБВ. В постынное время здесь появляются памятники, имеющие отдельные черты сходства с полтавкинской культурой, катакомбными культурами и памятниками Северного Кавказа. Они немногочисленны, но отличаются от ямных. Предполагается, что эти памятники датируются предднепромскими временами. При этом обращается внимание на несопоставимость памятников начала и конца СБВ, исключаящую их генетическое родство (Ткачев В., 2000. С. 40–43). Это обстоятельство исключает из нашего рассмотрения любые разговоры о ямной подоснове синташтинской культуры. Специальную оговорку следует сделать лишь для так называемых ямнокатакомбных памятников Среднего Дона.

В конце СБВ, то есть во время возникновения синташтинских памятников, в этой зоне появляются памятники, перекрывающие предшествующие. Они находят параллели в позднекатакомбных мангычских памятниках, причем наиболее четко прослеживаются предкавказские черты. Их в единичных случаях прерывают синташтинские памятники (Ткачев В., 2000. С. 44–45).

На мой взгляд, эти комплексы синхронны синташтинским и редкие стратиграфические ситуации этого не могут опровергнуть. Во-первых, синташта может появляться здесь позже, чем на основной своей территории в Южном Зауралье, что будет укладываться в рамки юго-западного движения синташтинских племен, предлагаемого В.В. Отрошенко. Этот импульс носил мирный характер и был менее масштабный, чем западный. В результате юго-западного импульса, простирающегося до Нижнего Поволжья, развитие степных катакомбных культур прерывается и в результате контактов с местными популяциями формируется раннесрубная культура бережовского типа (Отрошенко, 2000. С. 69). При таком подходе, синташта неминуемо должна быть синхронизирована с поздними катакомбными культурами, а синташтинские комплексы Южного Приуралья и Поволжья будут рассматриваться в рамках распада и трансформации синташтинской культуры Зауралья. О возможности подобного рассмотрения приуральских комплексов писал и В.В. Ткачев (Ткачев В., 1995). На синхронизацию синташты и поздних катакомбных культур в этом регионе указывает обнаружение в 6 кургане Герасимовского II могильника ножа синташтинского типа, сделанного из меди ТК, вместе с сосудом с паркетным орнаментом, вызывающим катакомбные ассоциации (Ткачев, В., 2000. С. 45).

На мой взгляд (он очень субъективен, поскольку лично я не знаком с синташтинскими материалами Южного Приуралья, а опубликованы, судя по всему, далеко не все комплексы), при наличии в Приуралье классических синташтинских материалов большинство носит относительно поздний характер и вполне может укладываться в схему, предлагаемую В.В. Отрошенко. Делать какие-то выводы по периферии культуры довольно проблематично, тем не менее могут быть и иные объяснения. Нельзя забывать, что в Южном Приуралье отсутствуют поселенческие синташтинские памятники. Поэтому этот регион может рассматриваться и как место, осваиваемое зауральским населением, например, в качестве пастбищ, чего мы коснемся ниже. С другой стороны, часть комплек-

сов может быть рассмотрена в рамках одной модели, а часть – в другой. Но однозначного ответа на вопрос о соотношении синташты с поздними полтавкинскими и катакомбными комплексами эти материалы не дают.

Что безусловно, это отсутствие фактов, указывающих на возможность хронологической стыковки между поздними ямными и синташтинскими комплексами, что исключает из рассмотрения позднемьяный компонент при формировании синташтинской культуры. В синташтинских комплексах практически нет черт, которые можно сопоставить с ямной культурой, за исключением отдельных признаков, распространенных широко, требующих специальной оговорки (см. соответствующий анализ в различных разделах Григорьев, 1999). В этой связи критика В.В. Ткачевым (2000. С. 50) со ссылкой на Г.Б. Здановича, Д.Г. Здановича, Н.Б. Виноградова и В.Н. Логвина идей о связи синташтинской культуры с ямными и энеолитическими комплексами вполне оправдана. Н.Б. Виноградов предполагал, что синташтинская культура сложилась на местном энеолитическом субстрате (весьма малочисленном), но при мощном воздействии двух западных волн – абашевской (но не средневожской) и протосрубной, под которой понимаются не вполне определенные степные племена (Виноградов, 1999), но затем тезис о возможности участия зауральского энеолитического населения в синташтинском культурогенезе практически сошел на нет (Виноградов, 2003. С. 259). Иногда эти идеи воспроизводятся, и в качестве одной из составляющих называются ботайско-суртандинские энеолитические племена (Кузнецов, 1999), но в реальности все подобные высказывания ограничиваются цитированием иных тезисных утверждений и никогда не подкрепляются материалом. Что-то подобное можно обсуждать на материале лишь для баланбашского Мало-Кизильского поселения, в керамике которого действительно присутствуют энеолитические черты, но к формированию синташты это не имеет отношения.

Какие-то подтверждения участия ямного населения в этом процессе тоже так и не появились. Исключением является анализ Д.Г. Здановичем материалов 25 кургана Большекараганского могильника (2002. С. 103). Предполагается, что продолжительность функционирования этого памятника составляет 20–30 лет, с чем в принципе можно вполне согласиться. При этом выделяется четыре керамические группы. Ранняя группа А отмечена субстратными абашевскими и ямными чертами, но я таких черт в матери-

алах этого комплекса не увидел. Все типы керамики, на которые ссылается автор, обычно встречаются в классических синташтинских комплексах. Сосуд № 23 не выпадает из синташтинских стандартов, к тому же сложно судить по неорнаментированному сосуду. Сосуд № 58 – обычный синташтинский, украшен елочным орнаментом, хотя и выполненный достаточно небрежно. Сосуды № 52 и 57 тоже типичны для синташты. Рассматриваемый в качестве абашевской параллели сосуд № 2, украшенный небрежно выполненным зигзагом с плавными поворотами, требует особого обоснования, поскольку эту черту многие склонны приписывать абашевской культуре. Подобная черта присуща керамике слоя Н в Хаме (рис. 2.59), которую мы рассматриваем в качестве прототипа синташтинской посуды (Ingholt, 1940. Pl. XVI. 5).

Тем не менее, в комплексе имеется единичная посуда с абашевскими чертами. Можно согласиться с такой интерпретацией сосуда № 53 (Зданович Д., 2002. Рис. 46,2). Но незначительный абашевский налет не говорит о том, что это ранняя черта. Он типичен для синташтинских памятников, но не указывает на то, что это ранний или субстратный признак. Что же касается субстратных явных включений, то можно совершенно уверенно утверждать, что их нет. В работе присутствует сноски на приуральские материалы, которой я воспользовался и не нашел ничего общего с обсуждаемым комплексом (Зданович Д., 2002. С. 103). Поэтому отсутствие сноски на конкретный рисунок показало мне не случайным. К тому же в публикации не описано, какие конкретно черты следует считать субстратными и почему они не могут быть рассмотрены в качестве синташтинских.

Обращает на себя внимание и иное обстоятельство. В материалах кургана выделяется и поздняя группа. Чаще это слабо орнаментированная керамика с ребром. Но подобная посуда встречается и в классических комплексах. В более поздних она просто более типична. Ссылка на публикацию материалов Большекараганского могильника (Боталов и др., 1996) здесь не вполне оправдана, поскольку в том случае раннесрубная посуда сочеталась с соответствующим обрядом. Поэтому в целом этот комплекс можно рассматривать как классический синташтинский. В комплексе, который функционировал 20–30 лет, трудно ожидать присутствие признаков досинташтинских и постсинташтинских, связанных при этом с различными хронологическими группами погребений.

Тем не менее, я не склонен оценивать роль полтавкинской культуры в формировании син-

таштинской как значительную, хотя ряд самарских археологов продолжает отстаивать происхождение синташтинской культуры и памятников потаповского типа на базе взаимодействия волго-уральских полтавкинских и абашевских племен (Васильев и др., 1995; Васильев и др., 1995а; Васильев, 1999; Кузнецов, 1999). Однако Н.Б. Виноградов совершенно справедливо отрицает большое значение полтавкинской культуры в этом процессе (Виноградов, 1999). Дело в том, что синташта и полтавка имеют весьма незначительное количество общих черт. Поэтому все утверждения подобного рода, как и в случае с энеолитическим компонентом, базируются на заявлениях и перекрестных ссылках, а не на демонстрации материала и анализе его.

Т.С. Малютина и Г.Б. Зданович тоже выделяют в ранних материалах поселения Аркам один сосуд ямного облика, но мне кажется, что по публикуемым ими неорнаментированным фрагментам такого вывода делать нельзя. Они отмечают также для этих материалов наличие реминисцентных ямно-катакомбных, кавказских и ямно-полтавкинских древностей (Малютина, Зданович, 2003. С. 125). Мне кажется, что обосновать этот тезис в дальнейшем в полной мере будет проблематично, хотя восточноевропейские включения в синташтинском керамическом комплексе, конечно, есть.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гипотезы о роли энеолитического, ямного или полтавкинского населения в формировании синташтинской культуры являются уделом историографии и в будущих исследованиях всерьез рассматриваться не могут. Оговорку можно сделать лишь для полтавкинской культуры, которая взаимодействовала с синташтой, внесла какой-то вклад в нее, но этот вклад не был даже вторичным.

Рис. 2.59. Фрагмент сосуда из слоя Хама Н

Речь идет, безусловно, о культурных чертах, а не об участии конкретных носителей, что не поддается оценке методами археологии.

За эти годы была снята и проблема возможного участия ташковских популяций в формировании синташтинской культуры, поскольку было окончательно установлено, что ташковские древности укладываются в один горизонт с одиновскими, лопиновскими, кротовскими и с сейминско-турбинскими. Частично они доживают до алакульского времени, что подтверждается обнаружением в кургане 19 могильника Чистолепяжье, относящемся к алакульской культуре, двух ташковских сосудов. Использование гладкой и гребенчатой качалки в петровском и андроновском декоре рассматривается В.И. Стефановым и О.Н. Корочковой (и, возможно, вполне справедливо) как вишнево-кротовское наследие. Причем эта черта меньше характерна для петровской керамики, чем для алакульской и амангельдинской Северного Казахстана. Следовательно, этот пласт смыкается с поздней бронзой. Дополнительной аргументацией его относительной поздней хронологической позиции является то, что исследование шлака этих комплексов выявило устойчивую плавку первичного сульфида, халькопирита, и возможность попутного извлечения железа (Матвеев, 1998. С. 276, 277, 345; Григорьев, 1999. С. 191–204; Стефанов, Корочкова, 2000. С. 80–92; Григорьев, 2003е).

Более актуальным является концепция формирования синташтинской культуры под абашевским влиянием и, соответственно, ее более поздняя хронологическая позиция. Эта концепция была высказана О.В. Кузьминой (1992) и уже обсуждалась нами (подробнее см. Григорьев, 1999. С. 103–105; Grigoriev, 2002. P. 106–108). Однако О.В. Кузьмина в еще большей степени детализировала свою позицию, расчленив абашевские комплексы на девять хронологических этапов. При этом наиболее ранними памятниками являются могильники правобережья Средней Волги, а синташтинская культура рассматривается по-прежнему как более позднее явление, формирующееся на основе уральского абашева (Кузьмина О., 1999). Однако само по себе столь детальное членение археологической культуры беспрецедентно. К тому же данное построение основано отнюдь не на стратиграфических наблюдениях и не на анализе всего корпуса источников. В основании выводов лежит анализ керамики, который позволил разделить ее на девять групп. Хронологический смысл этим группам был придан глубоким убеждением автора в том, что абашевская

культура формируется на фатьяновско-балановской основе, и потому комплексы, несущие в себе фатьяновско-балановские черты являются наиболее ранними. Таковыми, естественно, оказываются памятники Средней Волги. Таким образом, в данный анализ изначально были привнесены те выводы, которые следовало доказать.

Приоритет абашева перед синташтой допускаются и В.В. Ткачевым, хотя он и признает, что это достаточно сложный вопрос (Ткачев, 2000. С. 50).

В статье А.Д. Пряхина и В.И. Беседина, посвященной анализу остросереберных абашевских сосудов, подчеркивается, что даже такой культуроопределяющий абашевский тип, как остросереберные сосудики, не имеет прототипов в фатьяновско-балановской керамике. Кроме того, при изготовлении керамики фатьяновско-балановские мастера добавляли в глину древесный и шамот, что не свойственно абашевскому гончарству, использовавшему в качестве отощителя толченую раковину (Пряхин, Беседин, 1998. С. 65, 69). Поэтому рассмотрение формирования абашевской культуры и использование фатьяновско-балановских черт в качестве исходных не вполне оправдано. Напомню уже обсуждавшийся результат статистического изучения керамики приуральского абашева, который показал, что она не может быть генетически связана с синташтинской (Мочалов, 1999а). И добавление к абашевскому компоненту вольско-лбищенского (Отрошенко, 2000. С. 68, 69) не в состоянии изменить данную ситуацию.

В настоящее время синхронизация синташтинских и абашевских комплексов разделяется многими исследователями (Григорьев, 1999. С. 103–105; Епимахов, 2003а. С. 133; Виноградов, 2003. С. 259, 260). Приводимые ранее аргументы были дополнены А.В. Епимаховым в виде справедливого, на мой взгляд, вопроса: если синташта более поздний комплекс, как предполагает О.В. Кузьмина, то что синхронно ей на западе? Он обращает внимание и на то, что отдельные абашевские памятники в Зауралье обнаружены только за пределами зоны распространения синташтинских памятников (Епимахов, 2001. С. 74). Более спорным является использование в качестве доказательства присутствия линейного принципа планировки и широкое использование камня в петровском могильнике Троицк-7, что рассматривается Епимаховым в качестве признака, указывающего на доживание абашевской культуры до начала поздней бронзы. К этому же ряду признаков отнесены и полукругия на керамике могильника Степное (Епимахов, 2001. С. 74; 2003а. С. 135). Однако последние широко распространены и в синташтинской

керамике, а приводимые обрядовые черты характерны для петровских комплексов Центрального Казахстана (см. Ткачев А., 2002). Появление в петровское время в Южном Зауралье казахстанского населения признается многими исследователями (Виноградов, 1999. С. 66; Григорьев, 1999. С. 140; 2000. С. 290; Ткачев А., 2002, Ч. 2. С. 192). На фоне сходства обрядовых традиций и керамики это объяснение представляется мне более логичным.

Несмотря на это, сосуществование синташтинской и абашевской культур представляется несомненным, но убедительных данных в пользу того, что ранние фазы абашевской культуры синхронны ранним фазам синташтинской, нет. Как, впрочем, нет и убедительных данных в пользу обратного.

Определенные вопросы может вызывать хронологическая позиция абашевских древностей Подонья. В этом регионе довольно надежно зафиксировано положение абашевских комплексов между поздними катакомбными и срубными. При этом появление абашевских племен в этой зоне приходится на конец развитого этапа катакомбной культуры, а широкое их распространение синхронно финальному ее этапу (Матвеев Ю., 1998). Ряд аргументов в пользу поздней хронологической позиции доно-волжского абашева был приведен В.В.Отрощенко (Отрощенко, 1998). Наиболее существенным из них мне представляются один. Костяные пряжки доно-волжской культуры восходят к пряжкам КМК, но, поскольку они имеют два отверстия, то сопоставлять их можно с поздними пряжками КМК. Однако данный тезис не может быть распространен на уральское абашево и синташтинскую культуру.

Вместе с тем, относительно абашева Подонья существуют и иные аргументы его относительно поздней хронологической позиции. Это присутствие в его комплексах поздних вещей, которые никогда не встречаются в синташтинских или средневолжских памятниках. Этот тезис противоречит утверждению А.Д.Пряхина и В.И.Беседина о присутствии одинаковых категорий вещей и хронологической близости памятников на Дону и на Южном Урале (Пряхин, Беседин, 1999). Весьма показателен комплекс кургана 1 могильника Селезни-2, который рассматривается как относящийся к развитому, частично позднему этапу абашевской культуры Подонья (Пряхин и др., 1998. С. 30). В этом кургане обнаружен наконецник копья с литой втулкой, петлей для привязывания и манжетой (Пряхин и др., 1998, рис. 9.1). По номенклатуре Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых подобные копия относятся к разряду КД-30 и

приурочены к комплексам покровского времени (Черных, Кузьминых, 1989. С. 79). Псалии из этого кургана украшены орнаментами в микенском стиле, что тоже указывает на относительно позднюю хронологическую позицию. При этом необходимо заметить, что подобная орнаментация вообще характерна для псалиев этого региона, но не известна в Синташте. На это уже обращал внимание В.В.Отрощенко, критикуя конструируемый Д.Г.Здановичем синташтинско-микенский хронологический горизонт и подчеркивая, что распространение карпато-микенских орнаментов приходится уже на постсинташтинское время (Отрощенко, 2000. С. 66). В дополнение к этому можно заметить, что покровские псалии почти всегда орнаментированы, как и донские абашевские (Малов, 1999. С. 248). Анализ всей коллекции псалиев, обнаруженных от Подонья до Южного Урала, позволил А.Д.Пряхину и В.И.Беседину сделать вывод о том, что выделение в рамках этой серии различных подтипов, выстроенных в генетические ряды, совершенно неправомерно. Все вариации встречаются в одних комплексах, и принципиально можно говорить лишь о двух типах: староорьевском, включающем в себя псалии Подонья, и синташтинском или южноуральском. К последнему типу относятся все псалии синташтинские и псалии потаповских памятников Утевка VI и Потапово (кроме одного экземпляра с микенским орнаментом), отдельные псалии донского региона (Трахтемиров, Каменка) (Пряхин, Беседин, 1998а. С. 30–33). Детальное трасологическое исследование псалиев Подонья, предпринятое А.Н.Усачуком, позволило сделать вывод о том, что технология их изготовления весьма схожа. Более того, многие псалии сделаны рукой одного мастера (Усачук, 1998. С. 79). Этот вывод как будто сужает дату существования подобных комплексов на Дону. Необходимо также отметить технологическую разницу в изготовлении псалиев Дона (староорьевский тип) и псалиев Средней Волги и Урала (утевский и синташтинский типы; Усачук, 1999. С. 158). Пока не вполне ясно, что стоит за этими различиями, но не исключено, что они носят хронологический характер, тем более, что донские псалии встречаются в комплексе с вещами явно более поздними, чем синташтинские. По мнению А.Т.Синюка, абашевские комплексы с псалиями в Подонье хронологически едины и основания отделять псалии со вставными шипами от псалиев с монолитными шипами отсутствуют. Хронологические рамки их бытования – предсрубное время, а появление их в регионе связано

с восточными импульсами. При этом богатую орнаментацию псалиев Дона А.Т. Синоков склонен рассматривать в качестве позднего признака, указывающего на вырождение колесничества и появление преимущественно парадных изделий этого типа (Синоков, 1996. С. 204). По мнению Э. Кайзер, псалий из Трахтемирова близок экземпляру, обнаруженному в IV шахтной гробнице Микен (Kaiser, 1997. S. 33). Это определяет хронологическую позицию донских псалиев временем начала микенского периода в Греции. Это же, вероятно, является верхней границей существования синташтинских псалиев.

Очень показательны и металлографические исследования металла Кондрашкинского кургана, содержащего псалий староюрьевского типа (Дегтярева и др., 1998). Собственно и сам набор изделий отражает сравнительно позднюю хронологическую позицию. Несмотря на присутствие в комплексе копья с разомкнутой втулкой, изготовленного ковкой, что характерно для более ранних традиций металлообработки, в него входит массивновислообушенный топор срубного облика. При этом в составе металла зафиксированы включения сульфидов и значительные (до 1%) примеси железа, свидетельствующие о плавке сульфидных руд типа борнита или халькопирита. Использование подобных руд в синташтинско-абашевской металлургии мне не приходилось фиксировать ни разу. Однако многие исследованные серии шлака периода ПБВ фиксируют плавку именно этих руд.

Аналогичным образом, сравнительно позднее хронологическое положение абашевских памятников на Северском Донце, синхронных поздним многоваликовым памятникам, и не малого предшествующих раннесрубным покровским (часто их сложно расчленить), не могут определять относительную хронологию абашевской культуры в целом. Это очень позднее памятники даже относительно Подонья (Литвиненко, 1998. С. 92–97). Но этот их поздний характер служит дополнительным аргументом против синхронизации синташтинских памятников с покровскими.

Очень показательным является анализ донских абашевских древностей предпринятый А.Т.Синоком. В целом он стоит на позиции очень раннего формирования абашевской культуры на Дону, с чем солидарно большинство воронежских исследователей. При этом он полагает, что абашевская культура формируется на пострепинской основе, в пользу чего приводит материалы Сокольского поселения, некоторых

иных донных поселений и грунтового пострепинского погребения во Введенском кургане, над которым в абашевское время была сооружена курганная насыпь. Последнее, впрочем, указывает лишь на несомненный хронологический приоритет пострепинских материалов. Более правомерная аргументация: технологическая сопоставимость пострепинской и ранней абашевской керамики и пострепинские традиции в погребальном обряде (погребения вытянутые на спине; – Синоков, 1996. С. 69). Последняя черта присуща и том числе поздним абашевским комплексам и не может быть рассмотрена в качестве инновации, привнесенной в этот регион восточными абашевскими популяциями, поскольку она характерна (за вычетом единичных случаев) только для Подонья. В.В. Ткачев критикует это положение, указывая на значительную хронологическую разницу между репинским временем и абашевским (Ткачев В., 2000. С. 47). Однако речь идет об очень продолжительном сохранении в этом районе репинской, как я полагаю, обрядовой традиции, а не культуры.

Необходимо заметить, что само по себе количество материалов, которыми А.Т.Синоков характеризует абашевскую культуру допокровского времени на Дону, более чем ограничено. Они известны на семи памятниках, причем само по себе количество этой керамики весьма незначительно даже на наиболее известном Сокольском поселении. О хронологической позиции этих материалов судить тоже трудно. Поэтому можно допускать, что незначительные популяции с пострепинскими и раннеабашевскими чертами в бассейне Дона проживали; возможно, их можно синхронизовать с абашевскими культурами иных территорий, но невозможно себе представить формирование абашевских культур или синташтинской культуры на этой основе. Весьма показательно и то, что весь основной массив абашевских материалов А.Т. Синоков относит к покровско-абашевской культуре (Синоков, 1996. С. 190–210). Она предшествует собственно покровским материалам данного региона, но, на мой взгляд, не исключена ее синхронизация отчасти с поздними синташтинскими комплексами, с которыми ее объединяет много общих черт, отчасти с ранними покровскими более восточных территорий. Формирование ее за счет воздействия восточных импульсов более чем вероятно, поскольку в этом регионе присутствуют социально значимые захоронения (Власовский и Филатовский могильники), в которых восточные импульсы выражены достаточно отчетливо и фор-

мирование которых связывают с синташтинским воздействием (Синюк, 1996. С. 198–203).

Таким образом, у нас нет серьезных оснований для предположений об участии абашевской культуры в синташтинском культурогенезе. Фактор КМК в последние годы специалистами не рассматривается. Более того, В.В. Отрощенко полагает, что имел место обратный импульс, который и привел к формированию КМК в результате вытеснения восточными популяциями носителей среднедонской катакомбной культуры на запад (Отрощенко, 2000. С. 67, 69). Правда, я больше склоняюсь к мнению В.В. Ткача, который считает, что трехчастные горшки с валиками, имеющиеся в КМК, маньчжских памятниках и среднедонской катакомбной культуре, есть стадийное явление (Ткачев, 2000. С. 48), хотя я не разделяю его убеждения в том, что в синташту это было передано из этих культурных образований. Поэтому я полагал, что появление в начале СБВ II этого признака в Восточной Европе носило общий характер и было синхронно появлению синташты. Более того, этим же периодом датируется появление валиковых напелов, костяных дисков с отверстиями и обрядности, близкой КМК, в Центральной Европе, в таких культурных группах как Штраубинг, Унтервельбинг и Адлерберг и в северо-восточной Италии. Думается, что это следует рассматривать в рамках одного формирующего процесса, который и вызвал к жизни появление всех этих образований периода СБВ II Восточной Европы (Grigoriyev, 2002. Р. 386–390). Поэтому я не могу принять тезис о восточном факторе в формировании КМК и поздней дате этой культуры, но и сама КМК не является для синташты более ранним культурным пластом. Основания для вывода о синхронности всех этих культурных образований Восточной Европы и синташты, к сожалению, немногочисленны и сводятся к следующему.

На Среднем Дону валиковая орнаментация, характерная для синташты, появляется на втором этапе местной катакомбной культуры. При этом надо иметь в виду, что первый, павловский, этап катакомбной культуры Среднего Дона, видимо, синхронен позднему этапу донецкой катакомбной культуры. На возможность синхронизации синташтинской культуры со вторым этапом среднедонской катакомбной культуры может указывать и появление на этом этапе бронзовых обкладок деревянных сосудов, что весьма характерно для синташты. Правда, донские находки отличаются от синташтинских пуансоном орнаментом (Синюк, 1996. С. 86, 88, 89, 130).

Вместе с тем в синташтинских комплексах присутствуют единичные включения керамики с зигзагом или горизонтальной «елочкой», выполненными мелким гребенчатым штампом, что характерно для павловского этапа катакомбной культуры Среднего Дона, в котором отчетливо проявляются пережиточные ямные черты (Боталов и др., 1996. Рис. 2,12; Генниг и др., 1992. Рис. 103,5; Синюк, 1996. Рис. 23,5; 26,6; Погорелов, 1989. С. 113, 117, 120). Этот этап датируется первой четвертью II тысячелетия до н. э. (Погорелов, 1989. С. 123). Это не дает оснований для синхронизации синташты с павловским этапом катакомбной культуры. Более вероятно, что формирование синташты совпадало со вторым этапом среднедонской культуры, а поскольку импульс исходил с запада и в самом начале этого этапа, в нем присутствуют незначительные включения более раннего этапа.

Проблема соотношения синташты с КМК сложнее. К сожалению, возможности для ее решения весьма ограничены. Непосредственной встречаемости синташтинских вещей с вещами КМК в одних комплексах нет, как нет и их присутствия в одном памятнике, что позволило бы определить их стратиграфическое соотношение. Есть основания для синхронизации позднего этапа катакомбной культуры Среднего Дона с КМК. На этом этапе появляется уже срубная обрядность, что позволяет датировать его покровским временем. В керамике фиксируется продолжение традиции валиковой орнаментации, присущей предыдущему этапу, но появляются «паркетные» орнаменты и прочерченная вертикальная елочка, известные на керамике КМК (Синюк, 1996. С. 134). Впрочем, эти черты могут говорить лишь в пользу синхронизации поздней КМК, поздних катакомбных и ранних срубных комплексов и отнесения их к постсинташтинскому времени. Этому не противоречат и предполагаемые даты начала третьего этапа среднедонской катакомбной культуры – конец XVII – начало XVI вв. до н. э. Проблемы соотношения ранней КМК и синташты это, впрочем, не снимает. Исследовавший данную проблему Р.А. Литвиненко пришел к удручающим выводам о том, что большинство типов, по которым возможно сопоставление КМК и синташты, имеют довольно продолжительные рамки существования и не могут быть использованы в микрохронологии. Единственным возможным индикатором могут быть «бородавчатые» бусы с тремя выступами, представленные на синташтинских памятниках и только на поздних памятниках КМК (Литвиненко, 1999. С. 134). Однако если учесть

тот факт, что в конце существования синташтинской культуры ощущаются ее мощные импульсы, часто уже в перерожденном виде, в западном направлении, то этот тип бус мог и не быть производным от сходных бус КМК, а рассматриваться в качестве независимо существовавшего на востоке типа, привнесенного на запад в период финальной фазы синташтинской культуры и в начале позднего периода КМК. В этом случае ранние КМК и синташта могут быть рассмотрены как принципиально синхронные образования. Но независимо от нижних датировок этих культур КМК не рассматривается исследователями в качестве фактора, который мог бы оказать воздействие на формирование синташты.

Вопрос о дате синташтинской культуры в рамках традиционной хронологии решался, в первую очередь, на основании параллелей с ближневосточными комплексами и возможности синхронизации с комплексами ступени А1 в Европе, однако с какого времени в рамках этой ступени следует датировать синташту, не вполне ясно. В принципе, это соответствует и радиоуглеродным датам (Григорьев, 1999. С. 131–138; подробнее Grigoriev, 2002. Р. 130–137). На последнее указал Г.Б. Зданович, синхронизируя синташту с той же ступенью в Европе и с комплексом Намазга V в Средней Азии и ссылаясь на результаты некоторых радиоуглеродных анализов, полученных для памятников алакульской культуры А.В. Матвеевым (Зданович Г., 2002. С. 47). Однако это требует небольших уточнений, поскольку начало синташты приходится на время перехода к комплексам Намазга VI, чему соответствуют как радиоуглеродные даты этого перехода, так и его хронологическая позиция в традиционной шкале (Долуханов и др., 1985. С. 122; Сариниди, 1993. С. 144). Что касается дат, полученных для Хрипуновского и Чистолесязского могильников Матвеевым, то они демонстрируют слишком большую разброс и слишком раннюю хронологическую позицию, соответствующую калиброванным датам синташтинского времени. Когда на них ссылаются, то часто не обращают внимания на то, что обсуждаются, как правило, даты некалиброванные (доверительный интервал – XX–XVIII вв. до н. э.). Калиброванные же приходится на XXIII–IX вв. до н. э. (Матвеев, 1998. С. 359–373). Поэтому, несмотря на относительно большую выборку с памятников, он допускает произвольность трактовки и вовсе недопустимым представляется сопоставление калиброванных и некалиброванных дат. Это мешает использовать эти даты в качестве опорных.

Таким образом, определившись с хронологической позицией синташтинской культуры относительно культурных образований Восточной Европы и отбросив в сторону идеи о важной роли, которую играли в ее формировании неолитические племена, ямная и абашевская культуры и КМК, мы можем приступить к обсуждению наиболее проработанной гипотезы о катакомбном факторе в этом процессе. В последние годы к этой гипотезе стали склоняться многие исследователи. Так, Н.Б. Виноградов считает, что синташтинская культура была результатом расширения металлургической и металлообрабатывающей деятельности степного населения Волго-Уралья. Однако абашевская и полтавкинская культуры не играли особой роли в ее формировании, в основе которого лежали посткатакомбные образования. Однако, понимая, что провести точные параллели всему комплексу материальной культуры не представляется возможным, Н.Б. Виноградов пишет, что искать какие-то параллели в материальной культуре бессмысленно. Надо исследовать идеологию и консервативные технологии, например лепку сосудов на твердом шаблоне, обмотанном тканью (Виноградов, 2003. С. 258–260). К этой позиции близок А.В. Епимахов (2002. С. 21), считающий, что традиционный формально-типологический подход устарел, поскольку в его рамках культурогенез «сводится к имманентному развитию (Зданович Г., Шрейбер, 1988. С. 10–11), а взаимодействие культур – к механическому заимствованию отдельных черт (Григорьев, 1990. С. 30)». Здесь стоило бы пояснить, что моя работа против этого и была направлена, будучи написана как раз в противовес вышеуказанному сочинению. Однако при этом я не считаю, что формально-типологический подход устарел. Другого метода исследования у нас просто нет, и речь может идти лишь о совершенствовании этого метода применительно к исследованию динамических систем.

На том, что технологии металлургического производства не могли быть привнесены из Восточной Европы, мы уже останавливались выше. Однако и с металлообработкой дело обстоит не столь просто. Как уже говорилось, обсуждая эту проблему, обычно ограничиваются ссылкой на С.Н. Корневского (1983). Собственно, что касается технологии, таким образом поступил и я, говоря о том, что «металлообработка синташты и абашева основана на литье в одностворчатые литейные формы с последующей доработкой ковкой. В отличие от этого, топоры лились в двусторчатые формы, заливка металла производилась в

“спинку” орудия, что, как уже указывалось, сопоставимо с кавказскими и восточноевропейскими традициями производства эпохи средней бронзы” (Григорьев, 1999. С. 82). Так же поступил и В.В. Ткачев (2000. С. 48). Но на анатолийских поселениях применялись близкие литейные технологии. Как правило, простые изделия (бруски, ножи, тесла, простые копы) отливались в односторчатые литейные формы. Топоры и некоторые украшения отливались в закрытые двусторчатые формы (Müller-Karpe A., 1994. S. 140, 143–146). К этому можно добавить наличие сходных типов сопел в обоих регионах (Müller-Karpe A., 1994) (рис. 2.60, 14, 15; 2.61, 10, 11).

Сходным образом обстоит дело и с типами металлических изделий. Обсуждая их и отмечая безусловные параллели в Восточной Европе и на Северном Кавказе, я приводил также закавказско-переднеазиатские параллели (Григорьев, 1999. С. 64–71). На фоне проводимой идеи о том, что культурные трансформации в Восточной Европе (а не только в Зауралье) в начале СБВ II были обусловлены южным импульсом, обе группы параллелей выглядят иначе. При этом переднеазиатские могут быть расширены. В первую очередь, необходимо обратить внимание на присутствие массивнообрубных топоров в Анатолии. Втулка их, впрочем, крупная. Появляются они в конце РБВ, но существуют и в более позднее время (Stonach, 1957. P. 120. Fig. 11.3). Форма для отливки топора с массивным обухом обнаружена на поселении Кюльтепе в Анатолии (Müller-Karpe, 1994. Taf. 41). Топоры с массивным обухом известны и в Египте. Они отличаются от синташтинских, но речь идет в данном случае лишь о строении обуха (Müller-Karpe, 1974. Taf. 161.4). Равным образом можно расширить параллели копиям со свернутой втулкой (Erkanal, 1977. Taf. 15, 16; Picchelaugli, 1997. S. 24. Taf. 70–73; Müller-Karpe, 1974. Taf. 297. 43, 45) и ножам с перехватом и ромбической пяткой черешка. Кинжал с ромбическим черешком и перехватом обнаружен в погребении в Байиндиркей (культура Ёртан) в северо-западной Анатолии. Однако черешок этого кинжала более широкий и имеет три отверстия для заклепок (Stonach, 1957. С. 92. Fig. 1.17). Нож с ромбической пяткой черешка обнаружен в Тель эль-Аджуд, на границе Египта и Палестины (Stonach, 1957) (рис. 2.61.5). Однако строение лезвия его иное, чем у синташтинских ножей (Müller-Karpe, 1974. Taf. 167.20).

Я уже писал, что тесла, близкие синташтинским, были распространены чрезвычайно широко в рамках ЦМП. К этому можно добавить, что они обна-

ружены вплоть до Палестины и Египта (рис. 2.61, 6) (Miron, 1992; Müller-Karpe, 1974. Taf. 167).

Долота с кованной втулкой синташтинских памятников (Зданович Д., 2002. Рис. 33,11) имеют многочисленные параллели в Анатолии и северо-западной Сирии. Датируются они с конца III тыс. до н. э. – начала II тыс. до н. э. (рис. 2.61, 7) (Müller-Karpe, 1994. S. 170–173. Taf. 74, 75). На синташтинских поселениях, а также на родственных им абашевских памятниках реки Белой встречаются различные черешковые зубила, чеканы и пробойники (рис. 2.60, 5, 6, 12, 16). Аналоги им известны на анатолийских поселениях (рис. 2.61, 1, 8, 17–20) (Müller-Karpe, 1994. S. 159–174. Taf. 65–72).

В могильнике Большекараганский и на поселении Пюбях абашевской культуры обнаружены втулчатые крюки (рис. 2.60, 9) (Зданович Д., 2002. Рис. 21,7; Горбунов, 1992. Рис. 16). Подобные находки типичны для катакомбной культуры, а также для культур южной зоны Циркумпонтийской провинции (рис. 2.61, 4).

Слабо изогнутые серпы, характерные для синташты и абашева, известны в Месопотамии, в Кише (Müller-Karpe, 1974. Tab. 199). По форме они очень близки. Однако датируются они очень ранним временем, что не позволяет их напрямую связывать с синташтинскими. Впрочем, сохранение этой формы на Ближнем Востоке тоже нельзя исключать.

На синташтинских памятниках известны две находки бронзовых гарпунов (рис. 2.60, 8). В Северной Евразии подобных находок больше нет. Аналоги им встречаются на юге. Бронзовый гарпун, например, обнаружен в Египте (Тель эль-Дабья) (рис. 2.61, 2) (Müller-Karpe, 1974. Taf. 161.9), хотя эта параллель не безупречна с типологических позиций.

На различных синташтинских памятниках выявлено 15 рыболовных крючков. Они имеют различные размеры и довольно стандартную форму (рис. 2.60,7). Их верхний конец обычно загнут, формируя петлю для привязывания лески. Несколько отличается только один крючок, имеющий раскованный конец. В других культурах Северной Евразии предшествующего времени такие находки неизвестны. Параллели синташтинским рыболовным крючкам есть в Сирии, в Телье Ашмаре (Müller-Karpe, 1974. Taf. 206). Бронзовые рыболовные крючки хорошо представлены и в Сузах. При этом верхний конец их может быть как загнут, так и раскован (Talton, 1987. P. 196) (рис. 2.61, 13–15).

Своеобразной находкой является маленькое бронзовое колесо с одним центральным и восьмью

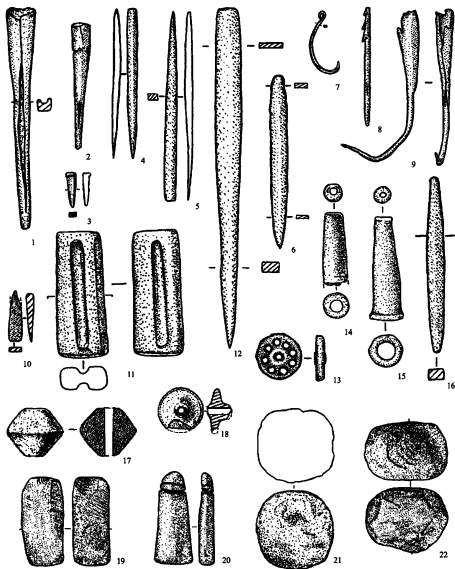

Рис. 2.60. Синташтинские и абашевские материалы.

1, 6 – Тюбяк; 2, 8, 9 – Большескараганский могильник; 3, 4, 7, 10, 16–22 – Синташта; 5, 12 – Каменный Амбар; 11, 13, 14, 15 – Аркани

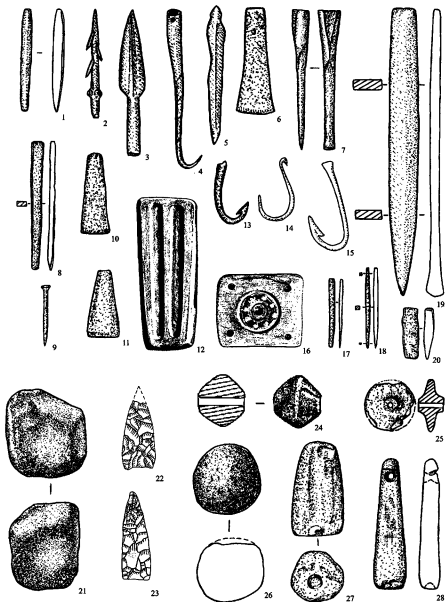

Рис. 2.61. Параллели синташтинской культуре на Ближнем Востоке.

1 – Каличууйю; 2 – Телль эд Дабья; 3 – Кюль-тепе; 4 – Кировакан; 5 – Телль эль-Аджул; 6 – Газа; 7, 8, 9, 18 – Аладжа; 10 – Ханьери; 11, 17 – Богазкёй; 12 – Малатья-Арслантепе; 13 – Телль-Ашмар; 14, 15 – Сузы; 16 – Кюль-тепе (Карум); 19 – Каш; 20, 23 – Икизтепе; 21, 24, 26, 27, 28 – Демирчиуйюк; 22 – Мергесен; 25 – Хама

боковыми отверстиями (рис. 2.60, 13). Вероятно, это модель колеса колесницы. Эта находка была обнаружена вне культурного слоя, на дневной поверхности неподалеку от поселения Аркаим. Точные аналоги известны в Восточной Анатолии. При раскопках Карума на Кюльтепе были выявлены две литейные формы для отливки идентичных изделий (рис. 2.61, 16). Одна из них происходит из дома ассирийского торговца Адад-Сулули (Müller-Karpe, 1994. S. 215–217. Taf. 54.2; 55.2).

На поселении Аркаим были обнаружены литейные формы для отливки небольших тонких медных брусков и более крупных слитков (рис. 2.60, 11). Подобные формы и сами отливки изредка встречаются и на других одновременных или более поздних памятниках Северной Евразии. Назначение их не вполне понятно, поскольку использование их в качестве заготовок для изготовления каких-либо орудий (например, ножей) требовало бы продолжительных кузнечных операций. Литейная форма для отливки подобных изделий обнаружена в Гиссаре III (Yule, 1982. Abb. 22.11). Сходные литейные формы и бруски присутствуют повсеместно на анатолийских поселениях (рис. 2.61, 12). Размеры их различны, но, в целом, они укладываются в несколько компактных групп. Сопоставление этих групп с месопотамской весовой системой показало, что они соответствуют весу в 1 и 2,5 сиклей, 1/3, 1/2, 1 и 1,5 минам. Таким образом, они могли служить своеобразным меновым эквивалентом (Müller-Karpe, 1994. Taf. 15, 21–23. S. 137–141; Baykal-Seeher, Obladen-Kauder. Taf. 80,1). Это не исключает использования синташтинцами месопотамской весовой системы.

Таким образом, количество параллелей синташтинской культуры в области металлургии и металлообработки в Передней Азии неизмеримо превышает таковые из Восточной Европы. Общие же черты не могут рассматриваться вне контекста эпизодических связей между двумя вышеуказанными регионами. Кстати, сторонник катакомбного происхождения синташтинской культуры В.В. Ткачев отмечает отсутствие непосредственной связи между типами синташтинского и катакомбного металла, предполагая возможность длительной эволюции этих типов в абашевской среде (Ткачев В., 2000. С. 49). Но в этом случае следует обосновывать абашевские корни синташты, а не катакомбные и кавказские традиции. Или проецировать некую модель, при которой катакомбники приносят на Урал не характерные для них абашевские принципы металлообработки.

Сходным образом обстоит дело и с технологией керамического производства, которое не может рассматриваться вне этого контекста. В степных культурах РБВ и СБВ Восточной Европы и Северного Кавказа отпечатки текстиля на керамике известны действительно достаточно хорошо. Изготовлены они были, как и изделия синташтинской и петровской культур, на каком-то ткацком станке, тип которого определить достоверно сложно (Орфинская и др., 1999. С. 90–93). Вместе с тем Т.Н. Глушкова указывает на параллели зауральским тканям среди тканей Средней Азии и Кавказа, отпечатанных тоже на керамическом материале (Глушкова, 1999. С. 67). Для Закавказья традиция формовки сосудов на тканевой основе является достаточно ранней. Она зафиксирована уже на поселении Текут, относящемся к энеолитической эпохе (Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С. 41). Еще более ранние образцы известны на керамике неолитического поселения Талл-и-Бакун в Западном Иране, где отпечатки текстиля располагаются между туловом и обмозкой сосуда. Текстиль довольно грубый и простой. Для изготовления его использована конопля (Egami et al., 1956. P. 4, Pl. III.9,10). Кстати, на синташтинских памятниках для этих целей тоже был использован текстиль из нитей растительного происхождения (Кузнецова, 1997).

Здесь правомерно отметить еще одну параллель – глиняные пряслица. Редкие для синташтинских памятников пряслица из фрагментов керамики имеются на поселении Демирчуйюк, однако широкая распространенность подобных изделий не позволяет на них опираться. Более безупречны в этом смысле биконические пряслица (рис. 2.60, 17; 2.61, 24) (Kull, 1988. S. 208–210; Baykal-Seeher, Obladen-Kauder. Taf. 93).

Что же касается предложения Н.Б. Виноградова сопоставлять идеологические воззрения, мне кажется, я польщу этому направлению в археологии, если отмечу, что степень достоверности таких реконструкций едва ли дотягивает до 10%. При сопоставлении же двух идеологических реконструкций друг с другом степень достоверности упадет до 1%. Это явно бесперспективный путь по сравнению с непосредственными сравнениями, которые дает нам типологический анализ.

В связи со всем вышеизложенным, актуальным остается лишь мнение Н.Б. Виноградова об особой роли посткатакомбных образований в формировании синташты. Однако с этим трудно согласиться. Совершенно очевидно и общепринято, что синташтинская культура предшествует раннесрубной, которая и есть посткатакомбное образование. Выше, обсуждая хронологию синташты,

мы говорили, что синташта синхронна поздним катакомбникам. Поэтому необходимо понять, какие катакомбные культуры более раннего времени могли быть причиной появления этих памятников в Зауралье. Наиболее полно подобная работа была выполнена В.В. Ткачевым. Одним из признаков, указывающих на связи с катакомбной культурой и КМК, он считает трехчастную посуду с валиками, полемизируя при этом с В.В. Отрошенко, предполагающим в данном случае обратный импульс (Ткачев В., 2000. С. 48, 49). Мне уже не раз приходилось писать о том, что посуда с валиками, в том числе трехчастная и баночная, была весьма характерна для многих районов Передней Азии. Список этих параллелей приводится в двух работах (Григорьев, 1999. С. 89–94; Grigoriev, 2002. P. 93–99). Он может быть расширен отнесением еще к трем публикациям с горшечной и баночной посудой с валиками с поселений Хама Н и Лидар Хейнок (Fugmann, 1958. Figs. 110, 117, 120, 124, 127, 132, 139; Kaschau, 1999. Taf. 32.13; 52.7,8; 69.3, 86). На первом из этих памятников встречается керамика, сочетающая три валика с насечками с горизонтальными линиями и зигзагом, vyplненным протасенной шепой (Ingholt, 1940. Pl. XVI.5). Любопытно то, что в Сирии наколотая техника иногда используется для заполнения треугольников в орнаментах, что встречается на той керамике, которую Т.С. Малиютина и Г.Б. Зданович называют для Аркаима ранней (рис. 2.59) (Малиютина, Зданович, 2003. Рис. 11,10,11). Поэтому, как сказано выше, скорее всего, распространение валиковой посуды от Восточной Европы до Зауралья было обусловлено общими южными импульсами.

Не менее дискуссионно и использование в качестве катакомбных параллелей каменных топоров и булав (Ткачев В., 2000. С. 48, со ссылкой на Д.В. Нелина). Булавы сходных типов действительно представлены в Восточной Европе, начиная с неолита и вплоть до средней бронзы. Однако не менее характерны они и для переднеазиатских и кавказских комплексов (Григорьев, 1999. С. 62, 63). Сходным образом обстоит дело и с топорами. Сюда можно добавить и иные каменные орудия. Очень распространенным инвентарем на синташтинских памятниках являются каменные молоты и песты, связанные с металлургическим производством (рис. 2.60, 19–22). Близкие по типу песты обнаружены при раскопках раннебронзового поселения Эмпирио на Самосе (Hood, 1981. Pl. 134, 25,26). На поселении Демирчиуйюк обнаружены точильные камни с отверстием на конце и овальным, прямоугольным или квадратным сечением,

типологически близкие синташтинским (рис. 2.61, 21, 26–28) (Kull, 1988. С. 181, 182). Поэтому любые подобные параллели вовсе не являются достаточным доказательством для обоснования катакомбного импульса. Они могут быть лишь признаками второго порядка.

В противоположность этому, ситуация с каменными наконечниками стрел более определенная. Ссылаясь на Е.Е. Кузьмину, В.В. Ткачев полагает, что синташтинские наконечники стрел с прямым основанием могут быть производными от катакомбных наконечников с выемкой в основании (Ткачев В., 2000. С. 49). Я приводил для этих наконечников закавказские параллели в Триалети и Кюль-Тепе (Горелик, 1993. С. 302. Табл. XLIII, 188,191). Однако существуют и анатолийские параллели. Идентичные стрелы были обнаружены на раннебронзовых поселениях Икизтепе I и Мереписен (рис. 2.61, 22, 23) (Bahadır Alkım et al., 1988. Pl. LXXX, 97–100; Baykal-Seeher, Obladen-Kauder, 1988. Abb. 135, 136. 9–11). Напомним, что в рамках традиционной хронологии ранняя бронза в Анатолии заканчивается около 2000 г. до н.э., что говорит об отсутствии у этой аналогии большого хронологического разрыва с синташтой (Mellink, 1992. P. 219). Очевидно, что правомерней искать даже отдаленные прямые параллели, тем более что они подкреплены всем прочим комплексом, чем делать ничем не обоснованные допущения. Параллели черешковым стрелам так называемого сейминского типа (Григорьев, 1999. С. 61) могут быть расширены хронологически менее безупречной аналогией из раннеэнеолитического слоя поселения Куручай (Baykal-Seeher, Obladen-Kauder, 1988. Abb. 111.14).

Проблема социального устройства синташтинского общества

Второй важной проблемой, связанной с синташтинской культурой, остается социальное устройство синташтинского общества. Общественные системы предклассового периода – это крайне важная и актуальная тема, и уральский материал в силу своей специфики более ярко отражает некоторые тенденции, которые можно назвать достаточно общими. Ранее ряд авторов обсуждал идею протогородской цивилизации на Южном Урале (Зданович, 1995. С. 37; 1999; Зданович, Зданович Д., 1995. С. 48, 49; Зданович Д., 1995. С. 64; 1995а. С. 52, 53). Эта идея была подвергнута критике (Матвеев, 1998. С. 354–357; Массон, 1999. С. 268, 269; Григорьев, 1999. С. 120–123) и стали возникать новые, более сбалансированные

подходы, хотя до выработки какой-то общепринятой позиции пока еще довольно далеко. Надо отметить, что и сам Г.Б. Зданович, сохраняя употребление этой терминологии, постарался смягчить его звучание, называя ее метафорической, каковая в научной дискуссии обсуждаться уже не может (Зданович, 2002. С. 12).

Г.Г. Пятых назвал это общество аристократическим (Пятых, 2003. С. 139). А.В. Матвеев совершенно правомерно подходит к этому вопросу предельно осторожно, указывая, что в самом начале исследования этих проблем невозможно сказать что-то определенное о конкретных формах общественных структур. Формирование воинских элит он объясняет условиями борьбы за захват новых земель, ассимиляции аборигенов, что способствовало социальному и имущественному расслоению. Он полагает (со ссылкой на К.А. Акишева, М.К. Хабдулину и Е.Е. Кузьмину), что именно эта нестабильная военная ситуация вызвала к жизни появление городищ. Другой причиной была необходимость охраны районов рудных месторождений (Матвеев, 1998. С. 356, 357).

В.М. Массон попытался осмыслить синташтинское общество в рамках пришедших из западной науки представлений о комплексных обществах. Присутствие погребений воинов-колесничих он рассматривает, как и все прочие исследователи, в качестве признака появления военной элиты. В самом строителстве синташтинских городищ видится организация труда этой элитой. При этом он отмечает наличие захоронений лидеров с предметами, связанными с металлургией. Из этого он делает вывод о полифункциональности власти элиты, которая пыталась контролировать металлургическое и бронзолитейное дело. В результате В.М. Массон определяет синташтинское общество как комплексное общество с олигархической структурой правления (Массон, 1999. С. 269, 270).

А.В. Епимахов повторяет эти идеи В.М. Массона, полагая, что в ходе миграции оформляется военная элита, которая концентрирует власть в своих руках. Он отмечает рост степени сложности общества по сравнению с предшествующей эпохой в Волго-Уралье и отмечает металлургическую специализацию этого общества, обладавшего монополией над секретами металлургической технологии, и пишет о контроле элиты над этими монополиями и рудными источниками. Следует отметить и вывод А.В. Епимахова о том, что, несмотря на яркость и богатство синташтинских памятников, как погребальных, так и поселенче-

ских, они не демонстрируют отчетливых признаков социально-имущественной дифференциации (Епимахов, 2002. С. 77; 2003). Последнее мнение я целиком разделяю, и в своих прежних работах отстаивал его же (Григорьев, 1999. С. 120–131). А.В. Епимахов также обсуждает складывание системы «центр – периферия». В формировании этой системы, на его взгляд, особую роль играла металлургия, что объясняется редкостью месторождений и высокой технологичностью этого производства. Однако четко смысл этой системы изложен не был, что не позволяет понять, что, собственно, под этим подразумевается. А.В. Епимахов также отмечает, что наличие дальних связей синташтинского общества объясняется не утилитарными потребностями и особенностями культурогенеза (как я полагаю), а выступало средством легитимизации высокого социального статуса. Комментарий к этому, по-видимому, не нужен, тем более что из текста невозможно понять, в рамках каких конкретно социальных структур и зачем должен был легализовываться этот статус (Епимахов, 2003. С. 87).

Складыванием системы «центр – периферия» Епимахов и объясняет сохранение комплексности в синташтинском обществе в течение длительного времени, ссылаясь при этом на работу К. Кристьянсена (1993). Однако в этом сочинении проблема комплексности не обсуждается. Акцент делается преимущественно на формировании европейской мировой системы и соотношения крупных региональных процессов, таких, как торговля со Средиземноморьем, и отношениях с формирующимися там государственными образованиями, с локальными процессами усложнения социальных и экономических систем в Центральной и Северной Европе. При этом четко эти системы «центр – периферия» в данной статье Кристьянсена не прописаны и понимаются и как центры, откуда исходило сырье и иные товары (например, Средиземноморье по отношению к более северным регионам, или Центральная Европа в отдельные периоды как источник медного сырья), и как центры, через которые осуществлялись данные обменные отношения. На мой взгляд, даже относительно финальной бронзы и раннего железного века Центральной Европы эти построения выглядят довольно гипотетично. И мне совершенно не ясно, как конкретно они могут быть приложены к синташтинскому обществу – вопрос, на который даже не пытаются найти ответ и А.В. Епимахов. Поэтому из цитируемого произведения взято лишь само сочетание «центр – периферия», кото-

рое не наполняется реальным содержанием, и потому сама подобная сноска как аргумент никакого смысла не имеет.

Подобное значение этой смысловой пары присутствует и в другой работе Кристьянсена, хотя здесь рассматриваются и локальные отношения нарождающейся воинской аристократии и сообществ фермеров и прочих производителей, что тоже не вполне применимо к синташтинскому обществу (Kristiansen, 1999. P. 185–187).

Е.Е. Кузьмина полагает, что ремесленных центров в этот период не существовало, однако считает, что производство контролировалось элитой, а сами городища служили для защиты рудных источников (Кузьмина, 2003. С. 9, 10). Ранее допущение ремесленного производства отвергал и А.В. Епимахов (2002. С. 57), однако он несколько трансформировал свою позицию, видимо, с целью сближения ее с описанием комплексного общества синташтинской культуры, предпринятом В.М. Массоном.

Н.Б. Виноградов отмечает наличие рудных месторождений вблизи поселений Устье и Аркаим и указывает на перспективность предложенного П.Ф. Кузнецовым рассмотрения этих городищ в качестве ремесленных центров, предлагая гипотезу о том, что это были места обитания металлургов – кузнецов-литейщиков, занимавшихся и пастушеским скотоводством. Это и было причиной присутствия предметов, связанных с металлургией, в погребальных комплексах. По этим причинам он полагает, что мое мнение о «домашнем» характере синташтинского ремесла неоправданно (Виноградов, 2003. С. 267–269).

В первую очередь отметим те высказывания, которые не требуют дискуссии. Все авторы, рассматривая синташтинский погребальный обряд, говорят о наличии военной элиты, что, собственно, отмечалось и всеми предшествующими исследователями без исключения. Таким образом, это факт несомненный, вопрос лишь в характере структур, в рамках которых эта элита существовала. И здесь мы можем смело отклонить рассмотрение этих структур как олигархических, поскольку, хотя перевод этого слова и означает лишь «власть немногих», эти немногие наделены властью в силу более высокой имущественной или финансовой обеспеченности. Таково значение этого термина сейчас, но именно так его рассматривал в своей «Политике» и Аристотель, который, собственно, и ввел это понятие (Аристотель. С. 418, 419, 438, 454). Синташтинские же памятники, несмотря на яркость и богатство как погребальных, так и посе-

ленческих комплексов, не демонстрируют отчетливых признаков социально-имущественной дифференциации, что позволило высказать мнение об эгалитарном характере синташтинского общества (Григорьев, 1999. С. 120–131; Епимахов, 2003. С. 87). В данном вопросе нас интересует, прежде всего, имущественный аспект, и в его рамках этот вывод безусловен.

Заблуждением является и подход к металлургии в синташтинское время как к специализированной отрасли. Мне уже приходилось писать о том, что металлургия в синташтинское время таковой не была, а являлась домашним производством. Этот вывод базировался на довольно скромных объемах производства и на присутствии следов плавки руды во всех без исключения синташтинских жилищах, а исследовано их на сегодняшний день немало (Григорьев, 1999. С. 126–128; 2000а. С. 518). Наличие половозрастного разделения труда в данном случае очевидно, хотя археологическими фактами и не подтверждается. Однако подобное разделение не может быть базой для необоснованных рассуждений о специализированной отрасли, как не может быть подобной базой и появление внутри каждого жилища индивидов, занимавшихся этим чаще, чем другие. В этой связи встает вопрос и о декларируемом контроле элиты над этим производством. Поскольку плавки отмечены в каждом жилище, то где жила эта элита? Явно в тех же помещениях. Осуществлять таким образом контроль было, безусловно, удобней, но логичнее предположение о том, что они могли непосредственно участвовать в этом процессе. В таких условиях было трудно осуществлять контроль за секретами технологии, так как любой член синташтинского поселка мог быть посвящен в эти секреты с детства. Обсуждение проблем контроля элиты возможно лишь по отношению к культурным группам, проживавшим к западу от синташтинских поселений, но на памятниках уральского абашева металлургические остатки представлены достаточно хорошо, и в этом случае, очевидно, синташтинцам не удалось реализовать «стремление» сохранить контроль над рудными источниками или над секретами технологии. Не удалось это и в отношении полтавкинских племен, у которых отмечаются свои приемы металлообработки, а на секреты металлургических технологий они и не покушались в связи с отсутствием сырьевых источников в ареале их проживания.

К тому же, если под центром (в смысле системы «центр – периферия») понимать зону распространения синташтинских городищ, то они вовсе

не привязаны к источникам сырья, и возникновение городищ вовсе не могло быть обусловлено стремлением защитить эти источники. Используемые (причем для Урала далеко не лучшие) месторождения находились неподалеку, но все же не во всех случаях внутри этой зоны. Спектральные анализы руды (112 образцов) и шлака (157 образцов) синташтинского времени выявили лишь восемь химических подгрупп руды и шесть подгрупп шлака. При этом группа I, представленная образцами из ультраосновных пород, для руды составляла 58%, а для шлака – 62%, в целом же 82% плавок осуществлялось из руды в ультраосновных породах (Григорьев, 2000а. С. 516. Табл. 2, 4, 12). Непосредственно в зоне синташтинских городищ сопоставимые руды выявлены лишь на руднике Воровская Яма, раскопки которого подтвердили эксплуатацию его в алакульское время, но данных в пользу разработки его синташтинцами нет. Более перспективными оказываются рудники Дергамыш, Ишкининский и Ивановский, расположенные, хотя и поблизости, но вне зоны распространения синташтинских городищ (Зайков и др., 1995; Зайков и др., 1999; Зайков и др., 2000). Поэтому возводить укрепления для их защиты там, где они были возведены, было совершенно бессмысленно. Безусловно, какие-то мелкие рудопроявления, находившиеся вблизи городищ, эксплуатировались. Они давали до 38% руды в соответствии с оценками, сделанными на базе имеющихся в настоящее время анализов (Григорьев, 2000а. С. 517). Однако защищать эти рудопроявления не имело смысла. Исследование химического состава хромшпинелидов в шлаке синташтинской культуры с помощью сканирующего электронного микроскопа и его сопоставление с хромшпинелидами рудников Дергамыш, Ишкининский и Ивановский позволило сделать вывод о том, что из рудников в ультраосновных породах эксплуатировался лишь Ишкининский. Правда, это лишь 18 анализов с 13 образцов, взятых с поселений Арками, Синташта, Семнозерки и могильника Солнце (Григорьев, 2003б). Поэтому будущие исследования скорее выявят и другие эксплуатировавшиеся месторождения, но руда I химической группы вполне могла быть получена с этого рудника, и он был, по-видимому, главным источником сырья для синташтинской культуры. Если это действительно окажется так, то распределение руды вплоть до поселения Семнозерки вовсе не указывает на какой-то особый контроль над рудными источниками жителей определенного поселка. Скорее всего, главные рудники, находящиеся вне непосредственной

зоны синташтинских городищ, были в общем пользовании синташтинской популяции, в отличие от дополнительных рудных источников, находившихся в непосредственной близости от поселений. Контроль над этими месторождениями, следовательно, мог быть только общий, если они вообще требовали контроля.

Таковой ситуация выглядит, если от общих рассуждений переходить к конкретным фактам. Кроме того, довольно долго занимаясь историей металлургии, я пришел к выводу, что металлопроизводство далеко не всегда (и уж точно не в случае с синташтинской культурой) определяло формирование некоего центра. Обычно суждения о роли металлургических центров довольно голословны и связаны с большой долей преувеличения. Отдельные примеры подобного рода вполне допустимы (подобный подход совершенно справедлив, например, к Каргалинским рудникам [Черных, 1997], хотя я считаю, что реконструируемые объемы добычи там преувеличены), но это не должно распространяться на все центры или памятники без исключения. Как уже говорилось, синташтинское производство не носило товарного характера и не было направлено на экспорт продукции, что не позволяет отрицать, конечно, определенной диффузии металла в результате многократных опосредованных обменов. Тезис же о роли высокой технологичности этой отрасли я считаю сильно преувеличенным. В значительной степени ситуация изменяется лишь в позднюю бронзу, когда распространяется тонкостенное литье в закрытые формы, литье по восковой модели и т. д.

Я не считаю перспективным и рассмотрение синташтинских социальных структур в рамках идеи о сложных обществах, что было предложено В.М. Массоном (1999; 2000) и повторялось А.В. Епимаховым (2003). Дело в том, что работать практически с теоретическими разработками плодотворно можно лишь в том случае, когда они доведены до уровня формулирования конкретных понятий. Работа по формированию таковых понятий (если это действительно конкретное понятие, фиксирующее в своем содержании способ функционирования объекта; иными словами, должны обсуждаться не признаки, а принципы) должна начинаться с довольно сложных методологических процедур. В данном же случае мы видим лишь перечисление набора признаков, куда включаются: наличие иерархии поселений; дифференциация строений по величине и благоустройству; упорядоченная планировка поселений; возвышение вождя-лидера или целой страны, организующих труд членов общества; специа-

лизированное производство и устойчивый обмен на дальние дистанции, в особенности престижных объектов и материалов (Массон, 2000. С. 137, 138). Применительно к синташте мы можем говорить только об упорядоченных планировках поселений, что было вызвано лишь переносом на Урал многовековой ближневосточной традиции, а не собственным творчеством элиты, и говорить о наличии некой элиты. Организацию труда членов общества оспаривать было бы глупо, но это может проявляться на весьма ранних стадиях человеческого развития и не имеет четких критериев. Мы имеем, таким образом, ситуацию, когда по воле исследователя, вне зависимости от количества имеющихся признаков, изучаемый тип общественного устройства может оцениваться в этой терминологии. Можно ли на основании отсутствия большинства перечисленных критериев говорить о том, что синташтинское общество не было комплексным? Безусловно, нельзя! Любая система, состоящая более чем из одного элемента, может быть осмыслена как некий комплекс.

Яркость синташтинского археологического комплекса требует какого-то объяснения. Для меня очевидно, что само его появление есть не более чем перенос на Урал анатолийской культуры, однако ее сохранение столь продолжительное время, причем с явной демонстрацией в погребальной практике воинских атрибутов и экономического преуспеяния, требовало объяснения. Поэтому была предложена гипотеза о доминировании синташтинской группы в рамках довольно большого ареала, включающего прилегающие районы Казахстана и Восточной Европы. Однако это лишь одна из возможных гипотез, поскольку для меня не очевидна хронологическая позиция памятников так называемого поповского типа в Поволжье, которые сформировались в результате прихода синташтинского населения из Зауралья и которые могли отчасти сосуществовать с синташтой, но могут также отражать распад синташтинской системы, когда фиксируются импульсы этой культуры в западном направлении. Я был склонен датировать эти импульсы как периодом распада синташтинской системы, так и более ранним временем, допуская частичное сосуществование синташтинской культуры классического этапа и ее деградатов в Восточной Европе (Григорьев, 1999. С. 86, 87, 125, 126, 131, 140–142). Однако нет полной уверенности в том, что эти процессы не датируют уже стадию распада.

Эта гипотеза встретила критику Н.Б. Виноградова и А.В. Епимахова. Так, Н.Б. Виноградов

полагает, что гипотеза о военно-скотоводческом хозяйстве лишена оснований, поскольку на поселениях отсутствуют следы военных конфликтов (Виноградов, 2003. С. 266). На мой взгляд, такие следы есть, но это не имеет никакого значения в данном случае. Если предполагаемое доминирование синташтинских популяций в иных ареалах действительно имело место, то мы не должны ожидать увидеть подобные следы на территории метрополии, как, например, нельзя оспаривать факт колонизации британцами Индии потому, что следы разрушений британских городов этого периода отсутствуют. А.В. Епимахов и вовсе предпочел исказить эту идею и критиковать ее уже в созданном им самим виде, утверждая, что гипотеза основана лишь на анализе Л.Л. Гайдученко реконструируемых с помощью аэрофотодешифровки загонов для скота и его выводе о том, что преобладали загоны для лошадей (Епимахов, 2002. С. 20)¹. Однако эта идея базировалась на представлении о недостаточном объеме пастбищ в синташтинском ареале на фоне обилия животных, использованных в погребальном обряде; на присутствии восточноевропейских включений в синташтинской культуре Зауралья и отдельных синташтинских погребальных памятников в Восточной Европе. Гипотеза Л.Л. Гайдученко использована в качестве дополнительного аргумента, в относительной достоверности которого я убежден лишь по той причине, что лошадь в составе стада синташтинцев занимала гораздо большее место, чем это отражено кухонными остатками.

Критике же должен подвергаться главный тезис этой гипотезы – о недостаточности пастбищ. Дело в том, что мной не был принят в расчет такой фактор, как возможность сезонного отгона скота в другие районы, например в степные районы Южного Приуралья, чем, возможно, и объясняется присутствие в этом районе только погребальных памятников. Собственно, именно А.В. Епимахов (2002. С. 56) должен был сделать упор в своей критике на этом аспекте проблемы, поскольку писал о возможности отгонного скотоводства в синташтинское время, хотя я не убежден, что он прав, называя это скотоводство являющимся, так как для этого мы должны сначала определить районы пастбищ. В принципе на фоне традиционности такого выпаса скота в Юго-Восточной Анатолии (Андреанов, 1985. С. 146–150), откуда пришли синташтинцы, ничего невозможного в этом нет. Тем не менее, военное присутствие синташтинских популяций и их экспансия в другие ареалы – тоже непреложный

факт. Речь может идти, следовательно, лишь о соотношении собственного скотоводства и грабежа в экономике этого общества. Но это соотношение количественное, а не качественное, и вряд ли оно было неизменным во времени.

Возможно, А.В. Епимахов имел в виду именно эту идею, рассуждая о складывании системы «центр – периферия», в которой «группа синташтинских социумов Южного Зауралья играла роль ядра» (Епимахов, 2003. С. 87). Мне трудно об этом судить, так как соответствующей ссылки в тексте нет, а сам текст построен предельно неконкретным образом, несмотря на его терминологическую изысканность. Иной возможный вариант, с учетом ссылки на работу К. Кристьянссена, которой мы касались выше, это предположение о рассмотрении синташтинского общества в паре с ближневосточными, что может объяснять привнесение в Зауралье ближневосточных черт, но тогда группа синташтинских социумов не может быть названа ядром, и приведенная ссылка вызывает острое недоумение.

Системы с элементами раннеклассовых обществ в виде даннических отношений очень часто складывались в результате появления новой популяции, которая распространяла свое влияние на иные этнические группы. При этом расселение внутри самой популяции могло происходить позднее и полностью в синташтинском обществе реализовано, по-видимому, не было. В том случае, если удастся более надежно показать это синташтинское доминирование, идея Г.Б. Здановича о протоцивилизации в Зауралье окажется не лишенной определенного смысла, хотя и будет базироваться на несколько иных основаниях (Зданович, 1995). Подобная модель могла реализовываться на довольно ранних стадиях, включая раннюю бронзу или энеолит (например, на Балканах), поскольку в основе ее лежали «общечеловеческие ценности» – стремление угнетать себе подобных и воспользоваться результатами их труда. Конец этой стадии мог быть связан с постепенным распадом этой системы в силу внутренних причин, обусловленных процессами ассимиляции местного населения. Именно эту причину я и называл, описывая финал синташтинского социума (Тригорьев, 1999. С. 125). Что-то подобное имеет в виду и А.В. Матвеев (1998. С. 357). Но могли быть и внешние причины. Не стоит забывать, что почти все синташтинские городища погибли в результате пожаров, и мы фиксируем для этого периода и начала покровского времени безусловные импульсы (и, видимо, подталкивания населения) в западном направлении. Следует помнить и о том, что большинством специали-

стов памятники покровского типа рассматриваются в качестве признака появления элитных групп (напр., Малов, 1999). Менее ясно иное – должны ли мы рассматривать их как последние аккорды существования синташтинской системы, а генетическая связь этой группы с синташтой очевидна (Васильев и др., 1995), или это какая-то новая система доминирования и подчинения, возникающая на руинах прежней.

Ничего невозможного во всем этом нет. В этот период, в той или иной форме и с различным конечным результатом, данная модель имела место в Центральной Европе, Бретани, Англии, Микенах, Китае и в ряде других мест. Я не нахожу нужным писать об общих чертах и закономерностях этого процесса, поскольку более важным считаю выявление реальных процессов и местной специфики.

Необходимо учитывать, что для реализации подобной модели сам социум, генератор процесса, вовсе не обязательно должен демонстрировать более развитые технологии, социальные или хозяйственные формы. В случае с Южным Уралом это было именно так, но это не непреложное условие. Необходимым и достаточным условием являлось военное доминирование.

Наиболее же поразительным для меня было принятие идеи аристократии, которую обсуждал Г.Г. Пятах (2003), хотя она и неприемлема в сегодняшнем звучании этого термина. Дело в том, что этот термин был тоже введен Аристотелем в его «Политике» и он не рассматривается исключительно как наследуемая власть элитных групп. Точнее, она может быть и таковой, но может иметь и выборные формы, пожизненно или временно. О наследственной власти в данном случае речь идти, по-видимому, не может (хотя в принципе эта проблема, доступна лишь генетическим исследованиям), поскольку это приводило бы к накоплению богатств в руках отдельных семей, что не находило отражения в поселенческих комплексах. Кстати, на тенденцию перерастания власти аристократической в олигархическую указывал еще Аристотель (Аристотель. С. 488). Но регулирующие и управленческие функции кто-то, безусловно, исполнял. К ним можно отнести организацию военных походов, походов за рудой и организацию этой работы, возможного отгонного выпаса скота и его охрану, регулирование отношений между отдельными поселками и внутри них, отправление религиозного культа. Поэтому, говоря терминологией В.М. Массона, это было комплексное общество с аристократической структурой правления, хотя первая часть этого определения представля-

ется мне лишней. Но я не убежден и в целесообразности употребления второй части этого определения, поскольку сегодня она неминуемо получит иную смысловую нагрузку, к тому же может ассоциироваться с государственностью.

Таким образом, определение синташтинских социальных структур является довольно сложной задачей, хотя она вполне разрешима при условии полного сравнительного анализа металла, погребального обряда, керамики, остеологического, антропологического и прочего материала, по возможности с привлечением максимального числа методов, включая генетические исследования.

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Социально-экономические процессы

В начале эпохи поздней бронзы, с оформлением срубной и алакульской культур социально-экономическая ситуация резко меняется по сравнению с предшествующей эпохой – исчезают городища, уступая место сравнительно небольшим поселкам, погребальный обряд упрощается, и в погребениях сокращается количество находок оружия. Идет освоение новых, значительно более широких территорий. Металлургическое производство распространяется во многих регионах. В том или ином виде подобное описание дают все авторы (Матвеев, 1998. С. 354–357; Григорьев, 1999. С. 138–147, 2000. С. 521; Епимахов, 2003. С. 88). Эти мысли банальны и очевидны для любого, кто занимается археологией эпохи бронзы Зауралья. Однако оценка этих событий с точки зрения социально-экономической различается. В.М. Массон расценивает это как «обычный» для ранних комплексных обществ процесс замедления и стагнации. Общественные структуры делают шаг назад, и беспорядные успехи в металлообработке, обмене, а также явный демографический подъем ничего в этом не меняют (Массон, 1999. С. 270; 2000. С. 162). Его мысли повторяет А.В. Епимахов, описывая регресс и снижение степени «комплексности» при переходе к поздней бронзе (Епимахов, 2003. С. 88). В противоположность этому, А.В. Матвеев указывает, что впечатление от деградации общественных систем начала ПБВ только внешнее. Слабая же социальная стратификация обусловлена тем, что покорение новых территорий было завершено (Матвеев, 1998. С. 354, 357).

Действительно, данную ситуацию нельзя обсуждать в терминах упадка или упрощения социально-экономической системы. Преемная система доминирования одной этнической группы (если ее, конечно, удастся надежно доказать) сходит на нет. В самом начале поздней бронзы мы еще можем что-то подоб-

ное обсуждать, базируясь на покровских или сейминско-гурбинских памятниках, но в последующее время видимых следов этого все же нет, хотя для локальных территорий подобную возможность нельзя полностью отрицать. Однако прочие аспекты социально-экономического развития демонстрируют ряд новых прогрессивных черт. Они могли проявляться в разных сферах жизни, с трудом поддающихся археологической идентификации. На сегодняшний день у нас слишком мало реальных оснований для какого-либо аргументированного обсуждения этих процессов, но на существенные изменения в металлургическом производстве я хотел бы обратить особое внимание. Его «децентрализация» произвела на А.В. Епимахова (2003. С. 88) впечатление трансформации из специализированной отрасли в домашнее производство, однако реальный процесс был, по-видимому, диаметрально противоположным. В отличие от синташтинской металлургии, которая базировалась на плавке окисленных руд (реже вторичных сульфидов) из ультраосновных месторождений, в это время расширяется спектр месторождений и начинается активная эксплуатация сульфидных руд. В наибольшей степени переход к плавке сульфидов свойствен не срубной и алакульской культурам, nasledующим традициям синташтинской, а федоровской, черкаскульско-межовской и, по-видимому, сусанско-лебяжинской, локализованным на севере (Григорьев, 2003а; 2003г; 2003д).

Усложняется и структура металлургического производства. Хотя остатки металлургии фиксируются почти во всех регионах, где есть медная руда, внутри отдельных поселков эти остатки могут быть привязаны лишь к одному жилищу. Если же они широко представлены в рамках отдельных поселений, то эти поселения отличаются по насыщенности находок от иных поселений, что в особенности проявляется в поселениях Мосоловское и Горное (Прихин, 1996; Каргалы..., 2002). Таким образом, мы можем говорить о появлении специализации как в рамках одного поселка, так и в более широких рамках, хотя конкретизация этого положения потребует тщательных дальнейших исследований. Что касается металлообработки, то ее специализация обусловлена усложнением технологических приемов. На некоторых поселениях фиксируются и более сложные технологии плавки руды, связанные с выпуском шлака.

Специализация в металлургической отрасли способствовала, по-видимому, росту обмена. Определенное воздействие на его развитие оказал и переход к оловянистым лигатурам, поскольку олово является не столь распространен-

ным металлом и его поставки осуществлялись из отдаленных мест. Мы не можем пока сказать что-то определенное о формах обмена или торговли металлами, но их существование – несомненный факт.

Важным фактором стало более широкое распространение (а более вероятно – появление) земледелия (Лебедева, 1996). Все это создавало разнообразие хозяйственных форм на различных территориях и способствовало тем самым усложнению всей «экономической» системы, если ее рассматривать в достаточно широком ареале. Однако у нас нет никаких оснований для суждений о том, в рамках каких социальных структур реализовывались эти обменные и экономические отношения. Хотя «элитные» комплексы и исчезают, нет никакого смысла утверждать, что эти отношения были проще или сложнее, чем в синташтинскую эпоху. Очевидно, что они были иными.

Более актуальной проблемой является генезис комплексов эпохи поздней бронзы, к рассмотрению которой мы и приступаем.

Петровская культура

В последние годы у исследователей стало формироваться относительно единое мнение о генезисе и хронологической позиции петровской культуры, хотя остается еще много вопросов, в которых их позиции не сходятся. В принципе, большинство полагает, что петровская культура формируется в Северном Казахстане на базе синташтинских импульсов в восточном направлении и при некотором участии местных казахстанских популяций. Последнее участие никем не рассматривается как ведущее. Некоторые вариации прослеживаются лишь в обозначении этих местных компонентов. Г.Б. Зданович пишет о связи петровских комплексов с Южным Зауральем, но и с «местной традицией и генеральной линией культурного развития Степи» (Зданович, 2002. С. 45). В.И. Стефанов и О.Н. Корочкова считают, что в петровской культуре Северного Казахстана присутствует определенная кротовская примесь в виде шагающего гладкого и гребенчатого штампа (Стефанов, Корочкова, 2000). Этот тип орнамента встречается и в Центральном Казахстане в могильнике Нуртай (Тхачев А., 2002. Рис. 74,6,11). С.А. Григорьев, полагая, что формирование петровки происходило, главным образом, на синташтинской основе, допускал незначительные включения бережновских групп (при условии правомерности их более ранней даты относительно покровских комплексов, которые возни-

кают несколько позже петровки), полтавкинских и кротовских или, в целом, восточных, с учетом сейминско-турбинского фактора и его связи с кротовской культурой. Последнее проявилось в архитектуре и металлообработке и, возможно, в керамике (Григорьев, 1999. С. 139, 140; 2000. С. 289, 290). Н.Б. Виноградов считает, что петровка формируется на основе синташты (Виноградов, 1999). С этим согласился В.В. Ткачев, (2000а. С. 36). В дополнение к этому Виноградов критикует старую традицию представлений об абашевских импульсах и пишет, что петровка полностью лишена абашевских черт. То, что за них порой принимается, это синташтинские черты. Миграции синташты в Северный Казахстан и привели к формированию петровских (раннеалакульских) памятников и чрезвычайно близких им нуртайских (Виноградов, 2003. С. 257).

А.В. Матвеев занял несколько особую позицию. Он считает, что петровская культура формировалась под воздействием тех же импульсов, что и синташтинская, и местным компонентом выступала не кротовская культура, а вишневская (Матвеев, 1998. С. 345, 346). Однако и эта позиция принципиально не отличается от предыдущих. Как уже обсуждалось выше, синташтинская культура пришла в Зауралье уже в достаточно оформленном виде, поэтому эти импульсы в любом случае были синташтинские. Вопрос лишь в том, сколько времени прошло после появления синташтинцев в Зауралье до того, как они начали распространяться в восточном направлении. То есть это вопрос относительной хронологии петровки, которого мы коснемся ниже. Что же касается проблемы вишневского и кротовского участия, то в силу близости этих типов и возможного формирования вишневского типа в результате кротовских импульсов разделить их (в петровской посуде, уже в переработанном виде) будет трудно, тем более, что они оба довольно скромно представлены в петровской материальной культуре. Вишневское участие в общем-то более допустимо, поскольку это было автохтонное население, но, судя по публикациям, шагающий штамп для этой зоны не был характерен (Зданович, 1973. С. 21–25). Поэтому мы вправе обсуждать оба этих компонента, но роль их не следует преувеличивать. И отдаленность кротовской культуры мнимая. На контакты с ней синташты недвусмысленно указывают два синташтинских изделия (и не только в смысле морфологии, но и химически), нож и копье, в Ростовкинском могильнике (Черных, Кузьминых, 1989. С. 65, 101). По этим причинам изложенная позиция А.В. Матвеева принципиально не отличается от всех остальных.

Принципиально от остальных отличается позиция А.А. Ткачева. Для Центрального Казахстана он выделяет нуртайский тип, который, в отличие от петровки (при многих общих чертах), имеет в керамическом комплексе более высокие стройные пропорции и более тонкие стенки. При этом в рамках раннеандроновского периода он выделяет две зоны – западную, в которую в качестве синхронных попадают синташта, петровка и нуртай, и восточную, где идет развитие канайской традиции. В рамках нуртайского комплекса выделяется два этапа. На первом – бозенгенском этапе – происходит складывание этого комплекса на местной неолитической основе (для обоснования этого почему-то перечисляются центральноказахстанские стоянки с керамикой, орнаментированной ямочным и гребенчатым узором) под влиянием ямно-афанасьевских элементов, которые и выступили катализатором процесса. На сатанском этапе наблюдается процесс социальной дифференциации и появление погребений колеснячных. При этом вслед за другими исследователями А.А. Ткачев рассматривает появление петровских памятников как результат синташтинского воздействия, однако, поскольку нуртайские памятники синташтинских черт не демонстрируют, для них и предлагается местная основа. При этом эта местная неолитическая родственная степная подоснова предполагается везде, от Зауралья до Центрального Казахстана, но постулируется, что в последнем регионе она не имела посторонних примесей. На западе же процесс был осложнен полтавкинско-абашевским воздействием. В рамках этой логики нуртайские комплексы оказываются несколько древнее петровских и полностью синхронны синташтинским (Ткачев А., 2002. Ч. 2. С. 147, 187, 188, 212).

Собственно здесь мы наблюдаем следы того же наивного автохтонизма с опорой на неолитические или ямные комплексы, который уже изжит в синташтинской проблематике. Как всегда в таких случаях, когда нет возможности продемонстрировать подстилающий и генетически связанный пласт, дело ограничивается ссылками, а не графическим сопоставлением комплексов. Излишне говорить, что неолитические комплексы не были основой формирования ни синташты, ни петровки, ни нуртая. Столь же сомнительно обстоит дело и с ямными связями. Этому мешают, как хронология, что мы обсуждали выше, так и отсутствие сопоставимых культурных признаков. К тому же в Казахстане известно только одно ямное погребение в могильнике Карагаш, которое и использует автор (Ткачев А., 2002. Ч. 2. С. 185).

Предлагаемые даты (в рамках традиционной шкалы) можно с уверенностью назвать ошибочными. В первую очередь, смущает давно устаревший подход к датированию культуры, когда представления о датировке каждого отдельного предмета берутся из литературы разных лет (порой 50-летней давности), работ, написанных с разных позиций и в разном контексте. В результате бозенгенский этап датирован первой четвертью II тыс. до н. э., а сатанский – 18–17 вв. до н. э. (Ткачев А., 2002. Ч. 2. С. 166–184, 212).

Начинать же следует с более внимательного подхода к относительной хронологии выделяемого типа и с его отличительных признаков. В этом плане примечательны называемые в качестве отличия от петровской керамики, более высокие стройные пропорции и более тонкие стенки нуртайской посуды. А это как раз и есть признаки трансформации в алакуль. И нуртайский комплекс в целом не несет черт раннего петровского времени, а тем более синташтинского. Например, можно согласиться с тем, что нуртайский комплекс поселения Икпены I в целом петровский. Но в нем уже присутствуют алакульские включения (Ткачев А., 2002. Ч. 1. Рис. 10, 1, 11, 14, 17 – тонкий острый валик на перегибе шейки; 11, 1, 17 – уступички; 11, 17 – меандр). Причем подобные формы и черты были отнесены и к атасускому (алакульскому) типу (Ткачев А., 2002. Ч. 2. Рис. 168, 1, 6). В нуртайских комплексах действительно присутствует посуда, сопоставимая с петровкой, и это не дает оснований относить ее к особому нуртайскому типу. Основание для этого лишь одно – алакульские черты и близкая алакульской (или алакульская) посуда. Большинство типов и черт носит сквозной характер. В силу этого нуртайский тип производит впечатление довольно поздней петровки с трансформацией ее в алакуль. Часть комплексов может быть отнесена к алакульской культуре. Металлические изделия вовсе не различимы. В принципе приводимый комплекс вещей вполне можно обозначить как алакульский. Обращает на себя внимание отсутствие типичных для синташтинского времени ножей с приотстренной пяткой черешка, встречающихся иногда наряду с ножами с прямой пяткой черешка в петровских памятниках. Обращает на себя внимание и такая черта, как каменные ящики и ограды, линейная планировка могильных ям, что, возможно, указывает на знакомство с федоровской традицией.

В силу всего вышесказанного отнесение могильника Сатан (по которому назван второй этап нуртайского типа) к чистоalebжскому этапу ала-

кульской культуры, следующему за первым кулевчинским этапом (Матвеев, 1998. С. 319), представляется вполне оправданным. Поэтому само формирование нуртайского типа, хотя его и следует, по-видимому, расценивать в рамках петровской традиции, надо относить ко времени появления первых алакульских комплексов на западе.

Справедливости ради я должен сказать, что проводить членение поздних петровских и ранних алакульских материалов объективно очень трудно и сделать это можно зачастую лишь умозрительно. Особенно сложно отчленять петровку от алакуля на востоке, где она была, пожалуй, основным компонентом при формировании алакуля. Часто это проблематично и в западных регионах. В этом смысле весьма показательна дискуссия о петровских памятниках и тех комплексах, которые к ним следует относить.

Например, у меня создалось впечатление, что выделение А.В. Матвеевым двух ранних этапов алакульской культуры, кулевчинского и чистолембжского, произведено вполне корректно (Матвеев, 1998. С. 325–329), однако грани между этими этапами едва уловимы. При этом часть комплексов можно вполне отнести к петровской культуре. В результате он сузил петровскую культуру до незначительного числа комплексов, отнеса многие к кулевчинскому этапу алакульской культуры. Если из петровки изъять еще какие-либо комплексы в синташту, а такая процедура не кажется мне невозможной, то от этой культуры почти ничего не останется, и у нас исчезнет инструментарий для описания процессов культурогенеза этой эпохи. Это заметил Н.Б. Виноградов, указывая, что мнение Матвеева об отсутствии в Зауралье петровки основано на некорректном понимании содержания петровских памятников (Виноградов, 2003. С. 257).

Но объясняется это вполне объективными причинами, указанными выше, и это актуализирует, таким образом, выработку объективных критериев для отнесения памятников к тому или иному типу, хотя отчасти это связано с разным пониманием культурогенеза эпохи и хронологической позиции памятников. И если с оценкой культурогенеза петровки больших проблем у исследователей сейчас не возникает, то в отношении алакульской культуры они существуют. Отчасти эти проблемы существуют и при обсуждении хронологического соотношения синташты и петровки, хотя во многом это лишь поверхностное впечатление.

Большинство челябинских исследователей полагает, что синташта занимает более раннюю хронологическую позицию по сравнению с петровкой.

В пользу этого говорят стратиграфические ситуации, зафиксированные в Зауралье и Приуралье, факт формирования петровки на синташтинской основе, качественно иной характер петровской металлообработки, позволяющий рассматривать ее уже в рамках ПБВ. Допускается и частичная синхронизация этих культур. В пользу последнего говорит, в частности, использование петровскими металлургами Семозерок II руды из синташтинских источников (Ткачев В., 1995; 2000. С. 35; Григорьев, 1999. С. 133; Епимахов, 2003а. С. 134; Виноградов, 2003. С. 256). Использование последнего факта А.А. Ткачевым со ссылкой на нашу с В.В. Евдокимовым работу для обоснования полной синхронности синташты и петровки (Григорьев, 2002. Ч. 2. С. 196) совершенно не оправдано. Вероятно, на этой общей позиции стоит и Г.Б. Зданович (2002. С. 45), который пишет, что синташтинская культура оформляется раньше, чем петровская, а расцвет петровской культуры совпадает по времени с поздним этапом синташты. Однако под поздним этапом он понимает время, когда в Зауралье появляется уже раннесрубный и петровский материал (Зданович Г., 2002. С. 44), причем, по А.В. Матвееву, отнюдь не ранний. Однако я уверен, что это лишь ошибка в тексте, вызванная стремлением рассматривать петровские и раннесрубные памятники Зауралья в качестве последнего этапа конструируемой «Страны городов», что иногда приводит к смешиванию разных понятий, и эту ошибку нельзя рассматривать в качестве мнения о полной синхронизации петровских комплексов Казахстана с зауральскими синташтинскими, тем более, что появление петровки в Зауралье Г.Б. Зданович, как и все другие, связывает с приходом населения с востока (Зданович, 2002. С. 45). Это говорит не только о частичной синхронизации петровских комплексов Казахстана и синташтинских в Зауралье, но и о частичном более позднем характере петровки.

Собственно, отличается от этого лишь точка зрения А.В. Матвеева, который выступает за синхронизацию петровки и синташты и пишет, что мнение В.В. Ткачева о более молодом возрасте петровки недостаточно корректно (Матвеев, 1998. С. 341). Однако, если мы примем во внимание, что А.В. Матвеев рассматривает формирование синташты в рамках западных импульсов, то это будет не столь непримиримая точка зрения. Очевидно, что эти импульсы достигли Северного Казахстана позже, чем Зауралья, но у нас сегодня нет инструментария, чтобы определить, насколько позже – на три месяца или на 50 или даже 100 лет. Другая

же причина подобного взгляда на вещи – это уже обсуждавшееся отнесение ряда памятников, которые рассматриваются другими исследователями как петровские, в алакульскую культуру. Поэтому суть дела это не слишком меняет.

Принципиально ситуация выглядит следующим образом. Синташтинская культура в Заурале формируется раньше, чем петровская в Северном Казахстане, формирование которой было обусловлено импульсами из Зауралья. Однако мы не в состоянии ответить на вопрос – с какими синташтинскими памятниками следует сопоставлять ранние петровские? И если следовать до конца вслед за А.В. Матвеевым, сократившим число собственно петровских комплексов, то их разделение на ранние и классические и вовсе окажется невозможным. Поэтому представляется, что этот импульс на восток произошел не сразу. Возникновение петровской культуры происходит несколько раньше, чем формирование к западу ранних срубников покровского типа (Тригорьев, 2000. С. 290). В течение какого-то периода (?) синташтинская культура сосуществует с петровской. И нас не должны смущать выдвинутые мной аргументы металлургического характера, позволяющие рассматривать петровскую культуру в рамках ПБВ (Тригорьев, 1994. С. 18; 2000. С. 287, 289), поскольку в рамках ЕАМП формирующие импульсы шли во встречных направлениях, и синхронно стереотипам СБВ на западе существовали стереотипы ПБВ на востоке. Поэтому эти черты в петровской металлообработке были почерпнуты, по-видимому, благодаря связям с сейминско-турбинской металлообработкой, и оценить временные интервалы мы, таким образом, совершенно не в состоянии.

Очевидно, что дальнейшее продвижение петровского комплекса на восток явилось причиной появления в Центральном Казахстане памятников нуртайского типа. Думается, что подобное название за ними следует сохранить хотя бы в силу специфики погребальной обрядности. Появление этих памятников синхронно классическим петровским, но, возможно, уже ближе к концу существования последних. Здесь мы ступаем на очень зыбкий путь. С одной стороны, безусловно присутствие комплексов, близких классическим петровским. С другой – отсутствуют металл и прочие изделия, которые могут быть соотнесены с синташтинской эпохой. Исключением являются каменные черешковые наконечники стрел и конические костяные пряслица. Однако присутствие первых в сейминско-турбинских комплексах, а вторых – в

раннесрубных и даже ирменских (Ирмень I) комплексах говорит о сравнительно широкой датировке этих изделий. Следует помнить и об установленных А.А. Ткачевым контактах нуртайского и нуринского населения (которых мы коснемся ниже) при отсутствии фиксированных контактов между синташтой и федорово. Ссылка А.А. Ткачева на присутствие протофедоровской посуды в синташтинских комплексах не совсем оправдана (Ткачев А., 2002. С. 198). Речь идет о той керамике, которую мы назвали протофедоровской и происхождения которой связано с Закавказьем (Тригорьев, 1999. С. 83, 96). Принятие точки зрения А.А. Ткачева в этом случае сделает синташтинские классические комплексы синхронными финалу петровки и началу формирования алакуля.

Здесь я приведу лишь один пример. В могильнике Бозенген, который рассматривается как ранний памятник, обнаружен крупный сосуд баночной формы с петлевыми ручками. В виде параллели можно обсуждать подобные ручки на банке иной формы из нуринского комплекса поселения Икпень III (Ткачев А., 2002. Рис. 35, 8; 100, 8). Очень близкой параллелью сосуду из Бозенгена является сосуд из Алакульского могильника (Тригорьев, 2000. Рис. 25, 9), а сосуду из Икпень III – сосуд из Черноозерье I (Генянг, Стефанова, 1994. Рис. 2, 4). Последняя параллель удивления не вызывает и может доказывать обосновываемое А.А. Ткачевым положение, но очень точная параллель этой редкой форме в Алакульском могильнике может уже говорить о синхронизации ранних нуртайских комплексов с развитыми алакульскими на западе, и все это на фоне единства всего прочего инвентаря. Отчасти это объясняется, вероятно, не вполне правомерным разнесением этих комплексов по этапам. Тем не менее, совершенно очевидно, что большая часть нуртайских памятников относится уже к алакульскому времени и отражает эволюцию в алакульскую культуру, хотя они и должны рассматриваться в рамках петровской, а не алакульской традиции (я не решаюсь даже в данном случае сказать «культуры»).

Соотношение же прочих памятников с этой культурой разумнее сделать, обсуждая уже алакульскую проблематику.

Алакульская и федоровская культуры

В последние годы обсуждение происхождения алакульской культуры происходило в рамках тех концепций, которые были сформулированы ранее: о ее генезисе на петровской основе через кулевянский тип (Зданович, 1988. С. 140; Виноградов, 1983; 1984. С. 29–22) и о формировании

на базе синташтинских (новокумакских) памятников (Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 35). Работами С.А. Григорьева, но более детально работами А.В. Матвеева было показано, что основные стереотипы алакульской культуры в наибольшей степени соответствуют именно синташтинским стереотипам. Поэтому главным компонентом в формировании алакулы был синташтинский, хотя роль петровской культуры в этом процессе тоже не может отрицаться (Матвеев, 1998. С. 348–352; Григорьев, 1999. С. 145, 146; 2000. С. 310–313). По А.В. Матвееву, алакуль представляется как результат консолидации петровской и синташтинской культур. Промежуточным типом был при этом кулевчинский, представленный на всей территории алакульской культуры. Формирование культуры проходило, таким образом, почти во всем ее ареале одновременно. На мой взгляд, зарождение новых стереотипов должно было происходить в каком-то относительно локальном регионе. Поэтому предполагалось, что таким районом было Южное Приуралье, где есть алакульские памятники, отражающие контакт с абашевской, полтавтинской и раннесрубной культурами. Поэтому взаимодействие позднесинташтинского компонента с абашевским и полтавтинским (что проявляется слабо) и привело к оформлению этих стереотипов, с последующим продвижением их носителей на восток и севернее по реке Тобол. Это вело к наложению данной традиции на петровскую культуру и постепенному формированию единых стереотипов алакульской культуры.

От точки зрения А.В. Матвеева это отличается лишь частичной синхронизацией ранних алакульских комплексов на западе с петровскими памятниками на востоке, что подтверждается, в частности, вышеприведенным разбором иуртайских материалов. Другое отличие – это предполагаемое распространение этих стереотипов с запада на восток. Однако процесс мог быть более сложным, поскольку здесь не утчен бесспорный факт продвижения петровских популяций в Зауралье, что не отрицает вывода о более раннем появлении алакульских стереотипов именно на западе.

Во многом сходную позицию занимал и В.В. Ткачев (2000а. С. 30–35). Он включает в раннеалакульские ветляинские и сольилецкие памятники, приводя многочисленные данные по синхронизации этих ранних комплексов с раннесрубными, покровскими, петровскими, иуртайскими, Сеймой и поздней фазой КМК, то есть подтверждая те выводы, которые в свое время были сделаны Э.А. Федоровой-Давыдовой (1964;

1973). В дополнение В.В. Ткачев полемизирует с В.С. Горбуновым, выступая против особой роли абашева в формировании этой группы и в особенности ссылок на энеолитические популяции и с Е.Е. Кузьминой, поскольку у нее синташтинские и петровские памятники сливаются, в результате чего трудно понять, из чего она выводит сольилецкие памятники. Он считает, что абашевские черты опосредованы синташтой, и соглашается с мнением А.В. Матвеева об особой роли синташты в этом процессе.

Однако в своей последующей статье В.В. Ткачев частично трансформировал свою позицию или более жестко сформулировал некоторые положения, которые уже угадывались в прежних публикациях (2003). Основываясь на безусловной фиксации в Южном Приуралье стратиграфических ситуаций, позволяющих утверждать, что петровская культура в этом регионе занимает позднюю позицию относительно синташты, он придал этому генетический смысл, что, собственно, в силу всего вышесказанного о происхождении петровки особых сомнений вызывать не может. Однако петровские комплексы стали рассматриваться как раннеалакульские. Такая дефиниция постоянно фигурирует в тексте, в результате чего приходится все время «переводить», чтобы понять, какие комплексы имеются в виду. Высказывается даже сомнение в справедливости выделения петровской культуры и предлагается рассматривать ее как этап в формировании алакульской. Таким образом, здесь мы видим следующую линию: синташта – петровка – алакуль. С учетом того, что петровка рассматривается как ранний алакуль, может сложиться впечатление, что эта точка зрения соответствует линии синташта – алакуль, предложенной А.В. Матвеевым и мной, но это сходство мнимое, так как нами было отмечено, что синташтинские комплексы находят больше соответствий в алакуле, чем в петровке, и в этом эволюционном ряду петровка оказывается выпадающим звеном. При этом ни у меня, ни у А.В. Матвеева нет сомнений, что в большинстве регионов повсеместно, где были распространены петровские памятники, алакульский стереотип накладывается именно на эту основу, и она, таким образом, тоже является основой алакулы, но зарождение этого стереотипа с петровскими комплексами не связано.

Однако, на мой взгляд, противоположность точки зрения В.В. Ткачева является мнимой, хотя такое впечатление может быть и у самого автора. Мне кажется, что в своей работе он слишком рас-

ширительно толкует петровский материал, относя к нему позднесинташтинские и постсинташтинские материалы Южного Урала (Ткачев В.В., 2003. Рис. 1). В частности, рассмотрение в качестве такового ряда комплексов Большекараганского могильника вряд ли оправдано. Напомним, что мы с Г.Б. Здановичем, публикуя эти материалы (Боталов и др., 1996), отнесли к петровской культуре лишь один комплекс. При определении петровских памятников следует все же опираться на эталоны, предложенные Г.Б. Здановичем на североказахстанском материале. Расширительное же толкование петровского материала безусловно позволяет выстроить генетическую линию синташта – петровка – алакуль на южноуральской базе, но это идентично генетической линии синташта – алакуль, которую мы обсуждали выше. Отсюда и вытекает уже обсуждавшаяся путаница в терминах «петровский» и «раннеалакульский».

Таким образом, мы видим достаточно близкие представления у исследователей на проблеме формирования алакульской культуры. И прежняя точка зрения Г.Б. Здановича здесь не должна рассматриваться как полностью противоположная. Не следует забывать, что в тот период синташтинские памятники практически не были введены в научный оборот, и анализ проводился на базе казахстанских материалов. Кроме того, в прежних работах Здановича понятия «синташтинский» и «петровский» часто совпадали, что на той стадии исследования было вполне объяснимо. Но в Казахстане роль петровской культуры в формировании алакуля была особенно высока, что, в частности, проявляется в большей характерности для алакульских комплексов этого региона остроресберной посуды. В атасуских материалах Центрального Казахстана и вовсе довольно много керамики, наследующей петровские черты, и не только остроресберность, но и приемы орнаментации.

Более сложно говорить об абашевских включениях. Вероятно, они были незначительными, и, возможно, В.В. Ткачев прав, утверждая, что их не было вовсе, так как материалы могильника Ветлянка указывают на частичную синхронизацию раннего алакуля и позднего абашева, но не дают оснований для выводов об участии последнего в алакульском культурогенезе. Это может оказаться правомерным относительно абашевцев, но не абашевской культуры.

Прежняя точка зрения была в какой-то степени поддержана А.В. Елимаховым, который сомневается в том, что в Ветлянке присутствует постсин-

таштинский компонент, и пишет о формировании алакуля на базе синташтинских традиций через петровскую культуру, однако в заключении он предпочитает делать вывод об абашевских и синташтинских традициях, подразумевая под последними, по-видимому, все же петровку. При этом появление сопоставимых черт в алакульской и срубной культурах он объясняет именно петровским фактором (Елимахов, 2003а). Последнее отчасти правомерно, поскольку подвиги петровского населения на запад в это время несомненны. Что же касается аргументов в пользу абашевского участия, то они не безусловны, хотя сходные аргументы приводил я сам, но они актуальны преимущественно для Ветлянского могильника (Григорьев, 2000. С. 312, 313). Как уже говорилось выше, часть из приводимых фактов может объясняться восточными импульсами, хотя и это не вполне надежно. Что же касается постсинташтинского компонента, то он в Ветлянском могильнике представлен (Горбунов и др., 1990. Рис. 13, 2,3; 17, 7,11). Однако последнее не столь принципиально на фоне сопоставления алакульского комплекса с петровским и синташтинским и вывода о большей близости синташтинского комплекса (Матвеев, 1998. С. 348–352; Григорьев, 1999. С. 145, 146; 2000. С. 310–313).

Таким образом, наиболее правомерно, на мой взгляд, говорить о формировании алакульских стереотипов на западе на основе синташтинской традиции и о распространении их на восток, где, начиная с восточных районов Зауралья, эти традиции начинают тесно взаимодействовать с петровскими традициями, на базе чего и формируется окончательно алакульская культура. Какие-то иные локальные компоненты (в том числе абашевский) при этом не исключены, и процесс этот имел в каждом регионе свою специфику, которую нельзя распространять на весь ареал культуры. Мне кажется, что подобная точка зрения могла бы удовлетворить большинство исследователей, если бы не одно чрезвычайно важное обстоятельство. Что позволяло и позволяет рассматривать алакульскую и федоровскую культуры в рамках андроновской культурно-исторической общности? Для сторонников генетической преемственности данных культур это вопросом, конечно, не является, но для тех, кто, как и я, рассматривает эти комплексы как синхронные, это большая проблема.

На мой взгляд, очень интересный выход из этой ситуации был предложен О.Н. Корочкиной, В.И. Стефановым и А.А. Ткачевым. Решение, которое, кажется, лежало на поверхности и которое

может быть по достоинству оценено лишь сторонниками гипотезы о синхронном существовании федоровки и алакуля. Точнее, в той или иной степени, объясняя формирование синкретических типов, об этом писали многие, но это не касалось собственно алакуля, и акценты не были расставлены столь четко.

На взгляд А.А. Ткачева, между нуртайской и атасульской культурами есть генетическая связь. Но непосредственного перерастания нуртайских комплексов в атасуские не происходило. Стимулом к этому послужило появление с востока андроновско-канайских популяций, которые начинают взаимодействовать с носителями нуртайской традиции. В результате этого и происходит становление и развитие алакульской культуры. Таким образом, атасуская традиция есть результат смешения нуртайской и андроновско-канайской. В иной терминологии, которая, вероятно, не приемлема при данном подходе, это означает приход федоровского населения из Восточного Казахстана, взаимодействие его с петровским, в результате чего на петровской основе, но под влиянием федоровки формируется алакульская культура. Нуринская культура, в свою очередь, подвергается частичному влиянию местного населения. Эти проникновения фиксируются далеко на западе, где контакты с раннесрубными популяциями приводят к появлению памятников кожумбердинского типа. По мнению А.А. Ткачева, эти процессы происходят достаточно рано, во всяком случае, он склонен датировать ранние атасуские комплексы с рубежа XVIII–XVII вв. до н. э. (Ткачев А., 2002. С. 159, 185, 191–192, 198, 214).

На первый взгляд, это решение в корне противоречит тому, что мы обсуждали выше. Однако напомним, что даже нуртайские комплексы, по-видимому, синхронны ранним алакульским на западе. Следовательно, речь не может идти о формировании алакульской традиции, но можно говорить о дополнительных процессах, которые привели к окончательному оформлению облика алакульской культуры. Этот процесс можно также назвать формированием андроновской культурно-исторической общности или семьи, в терминологии А.В. Матвеева. Таким образом, этот процесс выглядит еще более сложным. Он может описываться как формирование алакульской традиции на базе синташтинской, воздействие на востоке на петровскую традицию и втягивание петровской традиции в этот процесс, облегченный встречным движением петровской традиции в западном направлении. Не исключено, что это движение было

стимулировано федоровским движением с востока, все эти взаимопроникновения и привели к появлению многих общих черт, которые позволяют говорить о некой андроновской общности. В таком виде этот подход отражен иными авторами.

По мнению О.Н. Корочкиной и В.И. Стефанова, алакуль в Зауралье занимает более раннюю хронологическую позицию и сосуществование алакуля и федоровки здесь надо доказывать (Корочкина, Стефанов, 2001). Вместе с тем они отмечают, что генетической связи между алакульской и федоровской культурами нет, как нет и возможности показать формирование федоровки в лесном Зауралье или Притоболье. Федоровская культура формировалась в степных районах Казахстана, откуда шло ее распространение во все другие регионы. Следует отметить терминологическую точность авторов. Они говорят о формировании нуринской культуры, продвижение носителей которой в Зауралье и приводит к появлению федоровской культуры. В формировании последней принимали участие и алакульские племена, что и обусловило сходство этих образований. Их контакты объясняются родственностью этих племен.

В качестве иного варианта выдвигается предположение, что федоровская культура не существовала. Пришельцы с востока были инкорпорированы в алакульскую среду, хотя и не утратили своей самобытности. Однако последний тезис представляется мне более чем спорным. Даже если мы допустим вариант полной инкорпорации с сохранением самобытности, мы обязаны говорить именно о существовании самобытной культуры, поскольку культура не может отождествляться с неким социальным организмом. Поэтому федоровская культура это реальность, и обсуждать ее наличие или отсутствие не имеет смысла. Другой вопрос – это проблема инкорпорации ее носителей. Прояснение его на данном этапе является практически неразрешимой задачей, поскольку мы не в состоянии надежно датировать памятники в рамках даже сравнительно небольшого по археологическим меркам 200-летнего отрезка. Но для жизни общества, особенно в условиях перемещения этнических групп, это огромный срок, когда одни и те же территории могли неоднократно заполняться разными группами населения.

Тем не менее, какие-то тенденции видны все же отчетливо. Мне уже приходилось писать о том, что к югу от реки Уй объем федоровского материала весьма невелик. Это зона безусловного распространения алакульской культуры, и федоровские проявления здесь ощущаются на поселениях

в меньшей степени. Севернее же федоровские материалы представлены несравненно лучше. При этом на многих поселениях, например на Миаском, алакульская керамика фиксируется лишь в виде небольшой примеси, как собственно и на многих могильниках, например, на Смолинском (Григорьев, 2000. С. 315–321). Здесь, скорее, мы можем говорить об обратной инкорпорации. Но я бы вообще предпочел не затрагивать подобные вопросы в условиях безусловных разнокультурных контактов, отсутствии на сегодняшний день дробной хронологии и возможности надежно расчленить поселенческие керамические материалы на культурные группы (речь идет о большом количестве слабо дифференцируемой посуды).

Этот подход встретит возражения сторонников генетической преемственности алакуля и федоровки. Однако за последние годы четких доказательств таковой приведено не было. Единственной поддержкой этой схемы стала работа А.В. Матвеева и его разбивка алакульской культуры на четыре этапа – кулевинский, чистоблажский, алакульский (классический) и камышинский. Однако, как мы уже говорили, первые два этапа во многом сливаются. Алакульский этап отличается от более ранних лишь керамикой. В инвентаре какие-либо отличия не фиксируются. При этом уже в материалах этого этапа в орнаментации керамики встречаются косые треугольники. На камышинском этапе появляются сосуды с федоровскими ассоциациями. Происходит, таким образом, вызревание федоровской культуры. Наконец, последняя фаза, амангельдинская, знаменует собой уже переход к федоровской культуре. А.В. Матвеев отмечает условность своей схемы, поскольку на фоне плавной эволюции расчленить материалы отдельных этапов достаточно сложно (Матвеев, 1998. С. 310–324, 328–330). И это действительно так. Устойчиво отчаются от прочих лишь ранние материалы. Прочие оцениваются, главным образом, исходя из принципа нарастания федоровских черт. То есть искомый вывод используется в качестве доказательной базы, и если факты начинают этому мешать, то они игнорируются.

Например, А.В. Матвеев оспаривает отнесение амангельдинского могильника Куропаткино II к этому типу, считая, что косые треугольники, вертикальный и горизонтальный зигзаг, П- и Z-образные меандры в орнаментации керамики встречаются и в более ранних алакульских комплексах. Подобный подход к этому могильнику обусловлен тем, что в нем достаточно четко видны петровские включения и контакт петров-

ской и федоровской традиций (Григорьев, 2000. С. 347). Однако эти включения характерны не только для Куропаткино II, но для амангельдинского типа в целом. Например, баночная посуда с коротким венчиком и шагающим штампом могильника Амангельды вообще может быть неотличима от аналогичной петровской керамики (см. Зданович Г., 1988. С. 27). Эта ситуация дублируется и другими материалами, оцениваемыми как поздние в рамках алакульской культуры. Например, поселение Камышиное I рассматривалось автором раскопок как раннее, поскольку зафиксировано его частичное перекрытие могильником с классической алакульской посудой (Потемкина, 1982. С. 52). Я не склонен оценивать таким образом все это поселение, но ранние материалы там безусловно есть, а на полях некоторых жилищ лежала федоровская керамика (Григорьев, 2000. С. 316, 348).

Нами приводилось уже достаточно большое число аргументов в пользу сосуществования алакуля и федоровки и в пользу очень непродолжительной синхронизации последней с петровской культурой (Григорьев, 2000. С. 339–357). Эти аргументы были расширены А.А. Ткачевым для Центрального Казахстана. По его мнению, мы не имеем возможности говорить о перерастании алакуля в федоровку. На поселениях четко различаются только классические формы. Более простая посуда не различима, а атасуская и нуринская керамика всегда встречается совместно или залегают в разных поселениях, не перекрывая друг друга. Такие смешения наблюдаются на Атасу и Мыржике. Материалы могильников тоже устойчиво показывают одновременность атасуского и нуринского комплексов. Обсуждая известную в андроноведении проблему стратиграфии поселения Кипель, А.А. Ткачев пишет, что, возможно, в этом месте сначала действительно остановились федоровцы, а потом пришло алакульское население, но это конкретная ситуация на отдельном памятнике (Ткачев А., 2002. Ч.2. С. 160, 164, 165, 195). Однако в последнем вопросе он не совсем прав. Обсуждая стратиграфию этого памятника, я писал, что К.В. Сальников понял ее совершенно корректно и что В.С. Стоколос принял за алакульские петровские материалы, которые и были обнаружены Сальниковым вместе с федоровскими. Алакульское же жилище совершенно четко прорезает федоровский слой (Григорьев, 2000. С. 347, 348). Но это не говорит и о более ранней позиции федоровского комплекса в Зауралье, поскольку в условиях синхронного существования

культур стратиграфические ситуации могут быть разнотипными.

А.А. Ткачев отмечает, что на поселении Икпель II планиграфия раскопа и однородность материала показывают, что поселок существовал одновременно. Керамический материал на поселении представлен нуртайским и нурынским типами (С.Г. – мое впечатление от этого материала таково, что я бы обозначил нуртайский материал позднепетровским – раннеалакульским). По стратиграфическим наблюдениям, нурынский поселок на Икпель I возник сразу за нуртайским. На поселении Майорка вместе с атасуской керамикой залегало небольшое количество нурынской. По мнению Ткачева, могильник Балыкты отражает контакт нуртайских и андроновско-канайских популяций. На раннюю дату этого памятника указывает обнаружение булавки с биспиральным наворачиванием, характерной для юго-западной Туркмении. Та же ситуация наблюдалась и в могильнике Звенигородка (Ткачев А., 2002. Ч. 1.2. С. 71, 95, 125; Ч. 2. С. 28, 33–39). И, на мой взгляд, трактовка этого материала как нуртайского, а не алакульского, вполне правомерна, хотя, как уже говорилось выше, сам нуртайский тип может быть синхронен алакульским комплексам на западе. Суммарно со всеми ранее приведенными фактами мы вправе сказать, что появление федоровских популяций в Центральном Казахстане может быть датировано концом петровской эпохи – раннеалакульским временем. Дальнейшие миграции федоровского населения на запад и его взаимодействие с алакульским действительно могут объяснять относительно более позднюю хронологическую позицию алакульского комплекса с федоровскими включениями в сравнении с раннеалакульскими, но подобные комплексы могут относиться не только к поздней, но и к классической фазе алакульской культуры, не являясь, таким образом, хронологическим маркером. Отсутствие таковых может служить как признаком ранней фазы, так и объясняться отсутствием у данной конкретной популяции контактов с федоровцами. Поэтому разработка периодизации алакульской культуры, исходя из этих позиций, представляется достаточно сложным делом.

Подобная модель продвижения федоровских популяций с востока и их взаимодействия с алакульскими популяциями хорошо иллюстрируется разработками Е.Е. Кузьминой, которая выделила ряд синкретических типов – амангельдинский, кожумбердинский, атасуский, семиреченский и таутаринский. При этом восточные типы (семиреченский и

таутаринский) рассматриваются в рамках федоровской традиции, а западные в рамках алакульской (Кузьмина, 1986. С. 191, 192). Подобное было бы невозможно, если бы вызревание федоровской традиции происходило из алакульской. Было бы также трудно объяснить специфику федоровской культуры на различных территориях, которая не вполне повторяет специфику переходных типов. К тому же в некоторых регионах, например, в Приуралье, где есть памятники кожумбердинского типа, федоровские комплексы отсутствуют. В других же (Южное Зауралье), напротив, хорошо представлены федоровские памятники, но мало материалов, которые можно назвать переходными.

Дополнительным фактором, возможно, оказавшим воздействие на процессы формирования общих черт в различных культурных образованиях этой эпохи, стала сформированная широкая система обменов, которую мы обсуждали выше.

Сам А.А. Ткачев датирует балыклинский этап нурынской культуры XVII–XVI вв. до н. э., средний – XVI–XV вв. до н. э., поздний XV–XIV вв. до н. э. и отмечает ответное влияние алакульской культуры на федоровскую (Ткачев А., 2002. С. 197, 215). Подобная датировка представляется мне удручающей на одно столетие, но сам подход, как уже говорилось, помогает понять сближение ряда черт обеих культур и механизм формирования памятников синкретического облика.

Сторонники генетической связи алакульской и федоровской культур могут проигнорировать приведенные факты или усомниться в достоверности тех или иных полевых наблюдений. Поэтому обсудим проблему в рамках их собственной логики. По мнению А.В. Матвеева, можно выстроить следующий генетически связанный ряд культур – синташтинская – алакульская – федоровская. Однако он также полагает, что черкаскульские элементы вызревают в недрах федоровской культуры и черкаскуль занимают более позднюю хронологическую позицию, чем федоровские комплексы (Матвеев, 1998. С. 292). Последнее вполне согласуется с обоснованным нами происхождением черкаскуля на федоровской основе (Григорьев, 2000. С. 368–375). В таком случае как можно объяснить зафиксированные К.В. Сальниковым и В.С. Стоколосом контакты алакульской и черкаскульской культур (Сальников, 1967. С. 371; Стоколос, 1972. С. 82, 98, 99)? Жилище 2 Миасского селища определялось нами как федоровско-черкаскульское. Однако в нем отмечена и примесь алакульского материала (Григорьев, 2000. С. 322. Рис. 27). Наконец, как объяснить фиксируемый в Приуралье контакт черкаскульских (причем отно-

не ранних) и абашевских популяций или предлагаемое участие абашевской культуры в сложении черкаскуля и новые даты черкаскуля (Казаков, 1978; Горбунов, 1993. С. 5; Обьеденнов, Шорин, 1995. С. 46, 47; Григорьев, 2000. С. 372, 373)? Подобные факты контактов культур, разделенных двумя этапами, данная схема может объяснять лишь ошибками в фиксации материала, то есть попросту отрицать. Но надо будет объяснить также и фиксацию раннесрубной керамики вместе с сусканско-лебяжинской, формирующейся под воздействием андроновско-черкасульских импульсов (Колев, 1999. С. 256). А присутствие федоровских черт в ранних или классических срубных комплексах на Украине (Литвиненко, 1993; 1999а)? Можно отвергнуть и это. Но надо будет объяснить относительно раннее появление андроновской посуды в Южной Германии, которая рассматривается как новое явление в этом регионе³. Ее проникновение было очень продолжительным, но начало приходится на период Bz A2/B1 (рис. 2.62) (см. Krumland, 1998; Grigoriev, 2002. P. 261–263). Даты периода Bz A2 укладываются в период XVIII–XVI вв. до н. э. Ступень Bz A2/B1 в целом синхронна ранним гробницам в Микенах. В Швейцарии с этой переходной ступенью связано поселение Цюрих-Мюратштрассе, датированное с помощью дендрохронологии 1607–1504 гг. до н. э. (Gerloff, 1993. P. 66, 68–74, 80, 81). Предстоит опровергать, таким образом, не просто отдельные факты, а очень многое в новой систематике культуры Урала, Восточной и Центральной Европы. При этом надо иметь в виду, что эта систематика только создается, и это создание сдерживается отжившими хронологическими схемами и культурогенетическими построениями.

Я также не назвал здесь много иных фактов, относящихся к этой систематике (см. подробнее Григорьев, 1999; Grigoriev, 2002). В противоположность этому, серьезных причин для построения обсуждаемых генетических рядов нет. Следует вспомнить, что толчком к этому послужили работы Н.А. Аванесовой (1979; 1991), разбор которых мы уже проводили (Григорьев, 2000. С. 339–345). Прочие работы существенных доказательств в пользу этой схемы не привнесли, а лишь пытались иллюстрировать ее. Приводимые же доказательства были спорными, что дает возможность их трактовки с диаметрально противоположных позиций.

Таким образом, дискуссии нескольких последних лет позволяют предложить схему, которая, на наш взгляд, полно и непротиворечиво описывает имеющийся материал, включая те аргументы и факты, которые приводятся сторонниками более

ранней хронологической позиции алакуль и генетической связи между алакульской и федоровской культурами. Проблемным остается и вопрос о формировании федоровской культуры.

Признавая тот факт, что на территориях Казахстана, Урала и Западной Сибири движение федоровцев происходило с востока на запад и исходным пунктом в пределах этого большого ареала был Восточный Казахстан (в чем сходятся сейчас большинство исследователей, и это очевидный прогресс на фоне отживших свое представлений о формировании федоровки в Зауралье), предполагается, что для Восточного Казахстана этот компонент также пришлый. Исходный ареал, по-видимому, следует искать в юго-восточном Закавказье, а скорее, в северо-западном Иране, однако состояние разработки этого вопроса еще очень отстает от состояния проработанности проблемы формирования синташтинской культуры (Григорьев, 1999. С. 235–244; 2000. С. 354–357; Grigoriev, 2002. P. 235–248). Этот вывод базировался на анализе южных черт в федоровских комплексах⁴, при этом окончательное оформление федоровской культуры происходило в Северной Евразии. К сожалению, сегодня дальнейшие исследования в этом направлении затруднены. Мы можем нарастить число данных о южных чертах в федоровской культуре, однако мы не сможем продвинуться в поисках протофедоровских образований в указанном регионе. Дело в том, что этот район отличает крайне слабая археологическая изученность, если не считать нескольких раскопанных памятников с куро-аракскими и более поздними материалами. Проводившиеся Тегеранским отделением Германского института археологии широкомасштабные поисковые работы были связаны, в первую очередь, с поисками и первичной (часто торопливой и не слишком тщательной) фиксацией поздних архитектурных объектов – крепостей, мечетей и караван-сараяв, – что было обусловлено научными интересами руководителя отделения. Производились сборы и на иных памятниках, главным образом урартского времени. В Калех Санг-е-Молк и в Варзегане были выявлены погребальные конструкции, сопоставимые с федоровскими (каменные ящики, окруженные кольцевыми оградками из вертикально поставленных камней; в одном случае в такой ограде обнаружено три каменных ящика, расположенных в ряд), найдены отдельные фрагменты керамики с гребенчатыми оттисками, которые могут сопоставляться с керамикой наших памятников (Kroll, 1984. S. 99, 113). Но в целом можно говорить о том, что древние эпохи района для нас остаются белым пятном.

Однако по отношению к андроновской проблематике проблема кожных связей федоровской культуры является вторичной, будучи принципиально важной в рамках индоевропейской проблемы. Принципиальным является постулирование большинством исследователей связи этой культуры с Восточным Казахстаном. Наиболее корректным представляется подход О.Н. Корочкова и В.И. Стефанова, которые на существование подобной связи указывают, но не пытаются вывести федоровскую культуру из каких-

то конкретных комплексов (Корочкова, Стефанов, 2001. С. 84). Менее правомерной представляется точка зрения А.А. Ткачева и Е.Е. Кузьминой, которые полагают, что федоровские древности зарождаются в Восточном Казахстане параллельно с образованием синташтинских комплексов на западе. В качестве доказательства приводится ссылка на С.С. Черникова (1960), и культурогенез федоровской культуры выстраивается от энеолитических памятников этой зоны через усть-буконьский этап к

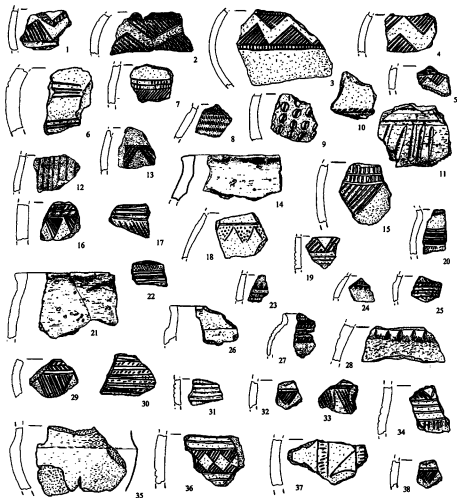

Рис. 2.62. Керамика фазы А2/В1 в Южной Германии

канайскому, который уже можно рассматривать как вариант федоровской культуры. А.А. Ткачев в связи с этим рассматривает канайскую традицию в рамках раннеандроновского периода, датируя позднеандроновский период с XVII в. до н. э., когда начинается канайская миграция на запад (Ткачев, 2002. С. 190, 212, 213; Кузьмина, 2001. С. 88). Ранее в качестве такой подосновы предлагали энеолитические памятники в районе Караганды (Кузьмина, 1994. С. 118), но знакомство с этими материалами показало, что никаких оснований для подобных суждений нет (Григорьев, 2000. С. 353, 354). Равным образом нет подобных оснований и для энеолитических памятников Восточного Казахстана. Все публикации, в которых это предполагается, ограничиваются ссылкой на уже упомянутую работу С.С. Черникова почти полувековой давности.

Следует вспомнить, на каких основаниях С.С. Черников делал вывод о связи андроновской культуры с энеолитом. Он скептически относился к возможности миграций даже внутри Урало-Иртышского региона, поэтому в полемике того времени отрицал формирование андроновской культуры на основе афанасьевской (кроме этих двух культур исследователи знали в Южной Сибири лишь карасукскую и окуневскую), потому что она не распространена к западу, а андроновские памятники присутствуют не везде, где есть памятники афанасьевские. Он указывал и на резкое отличие афанасьевских памятников от андроновских, поэтому предполагал, что андроновская культура формировалась в широком регионе северной части казахстанских степей на базе близких энеолитических памятников. То же он допускал и для срубной культуры, объясняя тем самым их сходство. В качестве сопоставимых черт им приводились елочный орнамент, выполнение орнаментации гребенчатым и гладким штампом и вдавленными, сходный кремневый инвентарь и характер поселений, наличие земледелия и металлургии. При этом С.С. Черников отмечал, что переходные памятники нигде не найдены (Черников, 1960. С. 108–110). Безусловно, подобные аналогии были позволительны лишь в тот период, когда исследованность региона была крайне слабой и предполагалось непрерывное развитие культуры на каждой отдельной территории. По этой причине сегодня никто и не осмелывается повторять аргументы С.С. Черникова, а лишь ссылаются на него.

Сходным образом обстоит дело и с усть-буконским этапом, который рассматривается многими как этап формирования канайских (или федоровских) древностей. Его выделение основано на

обломках двух сосудов из кургана 9 могильника Усть-Буконь, сосуда из 9-й могилы могильника Канай и на нескольких случайных находках металлических изделий. Этим материалом этапа исчерпывается (Черников, 1960. С. 17, 94, 95. Табл. XX, XXa). О металле можно сказать лишь то, что он действительно ранний и к проблеме происхождения федоровской культуры отношения не имеет. Обломки сосудов из Усть-Буконь найдены в насыпи кургана ранних кочевников. Отнесение их к раннему периоду было сделано лишь на том основании, что орнаментом покрыто все тулово сосуда, что находило, по мнению С.С. Черникова, параллели в афанасьевской и окуневской керамике. Комплекс 9-й могилы могильника Канай, как и случайные металлические изделия, к федоровской культуре отношения не имеет. Захороненный там лежал скорченно на спине, а сопровождавший его сосуд полностью лишен андроновских признаков. Это слабо орнаментированная вдавленными и слегка профилированная банка. Думаю, что дальнейший разговор об этом этапе совершенно излишен.

Не столь просто обстоит дело и с выделением следующих канайского и мало-красноярского этапов. Материалы памятников разнесены на два этапа искусственно и с сегодняшних позиций не вполне правомерно. Например, к мало-красноярскому этапу были отнесены памятники, в посуде которых присутствуют черты, сопоставимые с алакулем (Черников, 1960. С. 98, 99). Здесь мы видим учет давно устаревшей периодизации К.В. Сальникова для Южного Зауралья. Предполагается также, что валиковая орнаментация появляется чуть позднее, чем посуда федоровского облика (посуда 1-й группы, по Черникову). Однако указывается, что в поселениях эта керамика нерасчленима. Четко отделяется лишь керамика 3-й группы, относящаяся уже к финальной бронзе (Черников, 1960. С. 74). Мы уже писали, что присутствия валиков на посуде характерно для федоровских поселенческих комплексов во всем Урало-Иртышском регионе и это не является поздним признаком для комплекса (Григорьев, 2000. С. 333–336). Из материалов С.С. Черникова четко выделяются лишь канайские (федоровские) и трушниковские, сопоставимые по многим позициям с саргаринско-алексеевскими.

Таким образом, сегодня рассмотрение усть-буконских и энеолитических материалов в качестве основы для федоровской культуры совершенно неоправданно. И исследователи, которые ограничиваются подобной сноской, должны

понимать, что тем самым они выражают полное согласие и с приводимой С.С. Черниковым аргументацией, которая была вполне оправдана в то время, но недостаточной уже в 70-е годы.

Таким образом, у нас нет оснований рассматривать восточноказахстанские корни федоровской культуры, но поиски ее ближневосточных корней на данном этапе тоже затруднены. Поэтому пока нам следует концентрировать усилия на связях западных федоровских комплексов с восточноказахстанскими (или канайскими), не пытаясь вывести последние из более ранних памятников этого региона, хотя какой-то местный субстрат в этом случае тоже не исключен.

Эпоха финальной бронзы

В исследовании эпохи финальной бронзы за последние годы не наблюдалось столь значительных трансформаций, как в исследовании памятников поздней бронзы. К числу исключений относится публикация по Центральному Казахстану А.А. Ткачева, где, описывая формирование саргаринско-алексеевских древностей, он рассматривает их как результат смешения атауской и нурынской традиций, контакты между которыми продолжались, что и привело к появлению некоторых типов керамики финальной бронзы (Ткачев А., 2002, Ч. 2. С. 152). Это не противоречит традиционному рассмотрению саргаринского комплекса в рамках дальнейшего развития алакульской традиции при участии федоровского и межовского населения, поскольку, как нами уже отмечалось, на востоке роль федоровских популяций в этом процессе была выше (Григорьев, 2000. С. 399).

Культурная ситуация в Центральном Казахстане была осложнена появлением комплексов, содержащих дандыбаевскую посуду. Этот компонент рассматривается как пришлый, сформировавшийся на востоке в результате взаимодействия позднечанайского и карасукского населения, чему частично противоречит обязательное присутствие станковой посуды в комплексах, содержащих дандыбаевскую керамику, на фоне ее отсутствия в памятниках только с саргаринско-алексеевской посудой (Ткачев А., 2002. С. 162, 205). Нам уже приходилось писать, что появление целого блока культур, таких как карасукская, ирменская, бегазы-дандыбаевская, было связано с приходом более южных популяций, а присутствие гончарной керамики, порой и конусовидных гончарных подставок, является дополнительным аргументом, указывающим на вектор этого движения (Григорьев, 1999. С. 278–285).

Вызывает сомнение мнение о доживании этого культурного пласта до раннего железного века. Оно базируется на констатации факта широкой представленности в Центральном Казахстане донгальской керамики, генетически связанной с саргаринской, и близости ей загаринской и илинской керамики в Северном Казахстане. В качестве промежуточного типа между комплексами раннего железного века и донгальским типом представлены единичные находки красногорского типа. Как правило, это немногочисленная керамика, присутствующая на поселениях с иными культурными напластованиями, выделяемая типологически. Единственным обоснованием поздней даты является могильник Красные Горы, в котором обнаружены железные удила. В результате саргаринско-алексеевские комплексы получили дату с конца XIV–XIII вв. до н. э., донгальские – с рубежа II–I тыс. до н. э., а красногорский тип датируется концом IX–VIII вв. до н. э., после чего следует тасмолинская культура раннего железного века (Ткачев А., 2002. Ч. 2. С. 156–158, 208, 215–217. Рис. 195, 10, 11).

Эта точка зрения на связь комплексов финальной бронзы с эпохой раннего железного века поддерживается и А.В. Епимаховым (Епимахов, 2003. С. 88, 89). В целом, для российской археологии вполне традиционно отстаивать эту позицию, рассуждая о нарастании подвижности населения и зарождении кочевых форм хозяйства. На мой же взгляд, тенденции, которые существовали в эпоху поздней бронзы, оказались весьма устойчивы. Исследования межовских и саргаринских памятников повсеместно демонстрируют прочную оседлость, хотя, по мнению А.В. Епимахова, отсутствие следов металлургического производства, крупных некрополей и немногочисленные стационарно изученные поселения наводят на мысль о сезонности обитания и о подвижности значительной части населения (Епимахов, 2003. С. 88). Если мыслить в рамках той же логики, то наличие в какой-то части степной Евразии значительного количества погребальных комплексов раннего железного века должно несомненно указывать на прочную оседлость. Что же касается фразы о «немногочисленных стационарно изученных поселениях», то она не случайно построена именно таким образом, поскольку поселения саргаринско-межовского времени не столь малочисленны. Слабая же их изученность в Южном Зауралье объясняется лишь тем, что последние десятилетия наиболее интенсивные работы проводились почти исключительно на синташтинских памятниках, а все

прочие раскапывались преимущественно в рамках немногочисленных хозяйственных работ. Следы металлургического производства в этот период также не редкость, хотя в степной зоне их присутствие на поселениях действительно несколько сокращается. Но это может объясняться и переносом плавильного процесса непосредственно на месторождения, что нередко встречается в других регионах с достаточно прочной оседлостью и может указывать на дальнейшее развитие процесса специализации. Это предположение также требует доказательств, но ситуация в любом случае с процессом перехода к кочевому скотоводству не связана.

Последний мой тезис основывается еще и на том, что в конце II – начале I тыс. до н. э. прежние культурные системы Урала и многих других регионов прекращают свое существование. Исключением являются, пожалуй, лишь лесостепное Приуралье, Нижнее Поволжье, где обнаружены немногочисленные нурские памятники, и донгальские памятники Центрального Казахстана. Возможно открытие новых комплексов этого периода и в других регионах, но уже очевидно, что это не станет сколь-нибудь массовым материалом. В лесном Зауралье межкочевое население вытесняется тамаконским. В результате формирующиеся в начале раннего железного века культуры для Южного Урала, как и для многих иных регионов степной Евразии, являются пришлыми (Григорьев, 1999. С. 277, 278). Поэтому кочевые формы хозяйства и соответствующие им социальные структуры, несмотря на свой универсальный характер для степной Евразии, вовсе не отражают универсализма самой этой тенденции. Видимо, возникновение этих форм было связано с центральноазиатским регионом и последующим распространением популяций отсюда (Акишев, 1973; Григорьев, 1999. С. 289–291; Итина, Яблонский, 2001. С. 108; Боталов, 2003; Тамиров, 2000. С. 46).

И эта ситуация, по-видимому, справедлива и для части Казахстана. Выделение Г.Б. Здановичем ильинского типа произошло на ранней стадии исследований, когда не были получены соответствующие материалы на поселениях Саргари. Не случайно впоследствии он рассматривал материалы поселения Ильинка I в рамках саргаринско-алексеевской культуры (Зданович, 1973. С. 39; 1988. Табл. 10). На проблематичность отнесения загаринских материалов к самому финалу бронзового века мы уже указывали (Григорьев, 2000. С. 400, 401). Мне хотелось бы обратить внимание и на то, что сам донгальский тип, в основе которого лежали безусловно сарга-

ринские традиции, формировался, по-видимому, благодаря определенному карасукско-ирменскому воздействию. Это был общий процесс для этого времени, в рамках которого можно рассматривать и появление нурского типа в Нижнем Поволжье (Григорьев, 1999. С. 277, 278, 286, 287). К сходному выводу относительно зауральских комплексов этого периода пришли и другие авторы, утверждающие, что немногочисленные памятники финала бронзового века отражают скорее ирменские черты, а не местные или саргаринские. Этому не противоречат и обнаруженные карасукские князюшки (Erimakhova, Erimakhov, 2003). Высказываются, впрочем, сомнения в возможности столь поздней даты нурского типа, который может быть синхронен срубно-хвалынским древностям валикового времени (Потапов, 2001), но отдельные сопоставимые черты с донгальским типом позволяют его все же датировать началом I тыс. до н. э. Но все это единичные комплексы, за исключением донгальских, причем в дополнение к своей единичности они не демонстрируют сопоставимых черт с памятниками раннего железного века, и нет никаких оснований предполагать возможность датировки их вплоть до VIII–VII вв. до н. э. Рассмотрение жемчужин на керамике красногорского типа в качестве позднего признака вряд ли оправдано на фоне их присутствия на ирменской посуде. Единственный же датированный предмет Красногорского могильника – железные удила – датируется в реальности со второй половины VI в. до н. э. На Южном Урале они рассматриваются как заимствование из скифской среды, и этот район был их дальнейшим транслятором на Восток (Тамиров, 2000. С. 157)⁴. Поэтому либо речь должна идти о комплексе раннего железного века, либо о смешанном памятнике.

Существование представлений о связи эпохи бронзы с эпохой раннего железного века есть пережиток того наивного автохтонизма, который мы уже обсуждали выше и который до сих пор не изжит археологической наукой. Какие-либо твердые факты подобной связи никем пока не предъявлены. Нельзя исключать сохранения каких-то популяций, которые затем были ассимилированы пришедшими кочевниками, поэтому отсутствующие пока памятники самого финала бронзового века будут либо обнаружены, либо вычленины из уже имеющихся материалов, но не они определяли облик последующей эпохи.

Тем не менее, отсутствие памятников заключительной фазы бронзового века пока трудно объяснить. Одной из причин подобной ситуации могла быть аридизация климата, но, судя по современным данным, ситуация была иной. Предполагается, что

до конца II тыс. до н. э. количество осадков в Зауралье было близко современным, а первая половина I тыс. до н. э. и вовсе характеризуется климатическим оптимизмом. В Северном и Центральном Казахстане, напротив, рубеж этих тысячелетий отличался засушливым климатом, после чего начинается постепенное улучшение и благоприятные условия были достигнуты к VIII веку до н. э. Однако в это же время ярко проявляется себя аридизация в Монголии, северном и северо-западном Китае, что и послужило причиной миграции из этого региона на запад (Таиров, 2003. С. 46–48). Все это хорошо объясняет приход центральноазиатского компонента в начале РЖВ, однако ситуация с памятниками финальной бронзы становится еще менее понятной. В особенности их слабая представленность в Зауралье на фоне возникновения пласта донгальских памятников, причем появление этого пласта приходится на период максимальной аридизации. Поэтому, если приводимые палеоклиматические реконструкции корректны, то нам следует искать какие-то иные культурно-исторические причины данной ситуации. Однако ситуация в Зауралье, вероятно, была той же, что и в Центральном Казахстане, а климат отличался достаточной аридностью. Просто при исследованиях в этом регионе были взяты пробы лишь с памятников поздней бронзы и раннего железного века. Донгальский же феномен объясним тем, что эти памятники приурочены к сравнительно небольшим зонам степных оазисов у подножия покрытых лесами гор. Возможно, все это и было главной причиной катастрофического снижения численности населения региона на заключительной фазе бронзового века.

В заключение мне хотелось бы отметить, что все оппозиции во взглядах на проблемы эпохи бронзы Урало-Иртышского междуречья не столь непреодолимы, как мы видим из изложенного выше, если оставить в стороне теории, которые не обосновываются материалом, поскольку даже те теории, которые противоречат друг другу, но все же базируются на анализе материала, могут быть объединены на базе описанной схемы культурогенеза, являясь необходимым дополнением друг другу. В сущности, эта схема довольно близка, хотя и не тождественна, тому, что отражено во многих работах Е.Е. Кузьминой. Она может объяснить «вызревание» федоровских традиций в рамках алакульской культуры, показывает, почему ранние алакульские комплексы федоровских признаков не содержат, да и по ряду других вопро-

сов, как это обсуждалось выше, намечается явное сближение. Поэтому мне кажется, что андроноведение за последние годы преодолело извечный и бесплодный спор о соотношении федоровки и алакуля и вышло на качественно иной уровень изучения проблем эпохи бронзы.

Примечания

¹ Должен отметить, что эту точку зрения разделяет и Н.Б. Виноградов (2003. С. 260).

² Еще один образец подобной критики из того же сочинения. На странице 72 пишется, что синташтинское стадо по составу было близко ямному, что было мной проигнорировано и, что я утверждаю, что оно не имеет аналогов. Ссылка при этом дается на мою статью 1996 г., когда я только приступал к разработке данной проблемы. Однако в известной автору книге 1999 г., которая активно разбирается в этой работе, говорится о возможности сопоставления с ямным стадом Михайловки и с катакомбным (Григорьев, 1999. С. 98–103).

³ В этом смысле весьма показательным является то, что обосновываемое нами проникновение носителей андроновских традиций находит дополнительные подтверждения в погребальной обрядности. Для последующего периода здесь характерно распространение культуры полей погребальных урн с остатками кремации в урнах или небольших ямках в земле. Схожий обряд был зафиксирован раскопками грунтового могильника Перейминский 3 в Тюменском Притоболье, где кальцинированные косточки были сложены в округлые ямки очень небольшого диаметра (Стефанов, Корочкова, 2000. С. 68–76). Поскольку, как правило, федоровские погребения фиксируются благодаря раскопкам курганных насыпей, не исключено, что этот обряд был более распространен, чем это представлялось ранее, и подобные погребальные комплексы будут исследованы более широко.

⁴ Следует отметить, что при большом количестве таких черт одна параллель была приведена некорректно. В качестве аналога сергам с раструбом я приводил сергу из Тарсуца (Grigoriev, 2002. Р. 244). Знакомство с оригинальной публикацией показало, что эта ссылка неверна, поскольку в Тарсуце серга плоская. Это не снимает, впрочем, проблемы поисков закавказских корней федоровской культуры.

⁵ Выражаю признательность А.Д. Таирову за детальную консультацию по поводу этих улий и за разъяснение ситуации с противоречивыми данными по палеоклимату.

§ 1. Современное состояние исследований

Степная зона Южного Урала включает два достаточно четко очерченных историко-культурных региона – Южное Приуралье и Южное Зауралье. Граница между ними проходит, вероятно, по восточным отрогам хребта Уралтау, правобережью Сакмары (примерно до ее широтного отрезка в районе Кувандыка), через устье Губерли и далее по горам Мугоджары, по водоразделу Илека и Ори, Эмбы и Иргиза. Западной границей Южного Приуралья является правобережье реки Урал¹. Отличия в историческом окружении, в направлении этнокультурных связей населения регионов, обусловленные естественно-географическими условиями урало-аральских степей и маршрутами сезонных перекочевок, нашли отражение в их материальной культуре, в традициях погребальной обрядности и, в конечном счете, в особенностях исторического развития. С другой стороны, степи Южного Урала, в силу своих физико-географических особенностей входят составной частью в обширный регион, обозначаемый в литературе как урало-казахстанские степи. Помимо Южного Приуралья и Южного Зауралья, в него включаются также Северный и Центральный Казахстан. Таким образом, под урало-казахстанскими степями понимаются, исходя из физико-географических данных и археологических материалов, степи от правобережья реки Урал на западе до долины Иртыша – на востоке, от лесостепей Самарского Заволжья, Приуралья, Зауралья и Западной Сибири на севере до Устьюрта, северного побережья Аральского моря, правобережья рек Сырдарья, Чу и озера Балхаш – на юге. Границей между Южным Зауральем, с одной стороны, Северным и Центральным Казахстаном, с другой, является Тургайская ложбина с реками Тургай и Убаган, системой озер Сарыкопа, Аксуат, Жарман и Кушмурун. Границу между Северным и Центральным Казахстаном можно условно провести по широтному отрезку реки Ишим и долине Селеты. Кочевые общества этих регионов на протяжении всего периода существования здесь номадизма составляли единую культурно-хозяйственную общность, в основе которой лежала пастбищно-кочевая система, обусловленная физико-географическими условиями урало-казахстанских степей.

Урало-казахстанские степи, занимая среднюю часть Великого пояса степей, во все эпохи

являлись связующим звеном, контактной зоной между западной и восточной частями степной Евразии. Древности изучаемой территории отразили динамику взаимодействия Востока и Запада, здесь находили отражение как традиции, зародившиеся первоначально на Западе и распространявшиеся затем на Восток, так и традиции, транслирующиеся с Востока на Запад. Через урало-казахстанские степи пролегли пути большинства массовых миграций кочевников с Востока на Запад. Впрочем, выбор конкретного пути движения nomadov с Востока на Запад – через казахстанские степи или Семиречье – во многом определялся этнополитической ситуацией в урало-казахстанских степях, в частности в Центральном Казахстане. В изучении процессов миграций и этнических взаимодействий, протекавших в древности и средневековье в евразийских степях, особое место принадлежит Южному Зауралью. Это обусловлено тем, что любое крупное перемещение nomadov с Востока степной Евразии на Запад или с Запада на Восток проходило в силу географических особенностей степного пояса через Южное Зауралье. На этой территории осуществлялся слав привнесенных переселенцами традиций Востока и Запада, здесь зарождались новые этнокультурные образования, сыгравшие в дальнейшем свою роль в древней истории западной части Евразии, особенно Восточной Европы.

Вместе с тем урало-казахстанские степи являлись составной частью системы «оазис–степь–лесостепь», включающей три основные подсистемы: государственные образования оседло-земледельческих обществ Средней Азии, кочевые объединения степи и оседлые и полuosедлые образования лесостепи. Естественно, что каждая из названных подсистем имела свою специфику с присущими только ей особенностями и закономерностями развития. Однако, входя в систему взаимоотношений, любая из этих подсистем так или иначе влияла на другие и, в свою очередь, испытывала обратное воздействие. Ключевым звеном в этой системе, звеном, объединяющим систему, были кочевники урало-казахстанских степей. Поэтому влияние их на исторические события в Средней Азии и особенно на культурно-исторические процессы, протекавшие в зауральско-западносибирской лесостепи, трудно переоценить.

Изучение памятников раннего железного века степей Южного Зауралья началось практически

одновременно с освоением Россией этого богатейшего края. Однако изучение это носило не-систематический, а часто и просто случайный, характер (Таиров, 2002а). Широкие же систематические исследования в этом регионе начались лишь с открытием в 1976 году Челябинского государственного университета. Сотрудниками Урало-Казахстанской археологической экспедиции университета (с конца 90-х годов Комплексной археолого-этнографической экспедицией Челябинского государственного университета и центра «Аркаи́м») и с середины 90-х годов Археологического научного центра и Южноуральского отдела Института истории и археологии УрО РАН М.К. Хабдулиной, А.Д. Таировым, С.Г. Боталовым, А.Г. Гаврилюком, С.Ю. Гуцаловым, Т.С. Малютинной, Н.М. Меншиевым, И.В. Ульяновым и многими другими раскопаны десятки курганов ранних кочевников. Полученные материалы позволили перейти на качественно новый уровень исследований и создать систематическую историю населения степного Зауралья в эпоху раннего железа.

Полевые работы на памятниках раннего железного века Башкирии, проведенные в 60–70-х годах уфимскими археологами, позволили А.Х. Пшеничнюку (1983) дать схему этнокультурного развития ранних кочевников Южного Урала, наметить основные проблемы их истории. В дальнейшем исследования памятников раннего железа степной части Зауральской Башкирии были продолжены И.М. Акбулатовым, Р.Б. Исмагиловым (Р. Исмагиллом), Н.С. Савельевым, В.Н. Васильевым, В.К. Федоровым и др.

Таким образом, в настоящее время ранний железный век является одной из наиболее исследованных эпох древней истории Южного Зауралья. Однако, несмотря на несомненные успехи в его изучении, по-прежнему остается множество нерешенных проблем. На сегодня к числу таковых относятся:

- становление культуры ранних кочевников Южного Зауралья в начале I тыс. до н. э.;
- соотношение памятников VII–VI вв. до н. э. Южного Зауралья с синхронными им комплексами Приаралья, Северного и Центрального Казахстана;
- формирование и эволюция прохоровской культуры степной части Южного Урала;
- хронология и периодизация культур кочевников Южного Урала в эпоху раннего железа;
- характер хозяйствования и социальных отношений древних кочевников;
- этнокультурные процессы в степной полосе Евразии во второй половине I тыс. до н. э.;
- хронологические рамки, генезис и этнокультурная характеристика среднесарматской культуры Южного Урала, ее соотношение с раннесарматской и позднесарматской;
- взаимодействие кочевников урало-казахстанских степей, в том числе и Южного Зауралья, с населением лесной и лесостепной зон Урала и Западной Сибири, с носителями соседних культур Казахстана и Средней Азии, Поволжья, Подонья, Кавказа и Украины.

Следует также подчеркнуть, что в силу немногочисленности краниологических выборок до сих пор не существует детальной антропологической характеристики населения Южного Зауралья в раннем железном веке, что чрезвычайно затрудняет решение вопросов их этногенеза.

Рассмотрению отдельных вопросов выше обозначенных проблем и публикации новых материалов с территории Южного Зауралья и Южного Приуралья и посвящена данная глава.

¹ Следует отметить, что до настоящего времени большинство исследователей, особенно не уральских, не разделяют Южное Приуралье и Южное Зауралье, включая их в историко-географически закрепившееся понятие «Южное Приуралье».

§ 2. Материальная культура: новейшие исследования

*1. Иртыш 14 – погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи**

Курганная группа Иртыш 14 находилась на восточном берегу озера Иртыш в 4,8 км к юго-востоку от юго-восточной окраины города Касли, в 50–80 м к востоку от шоссе Касли–Озерск. Группа состояла из двух курганов, расположенных на ровной площадке пашни в 20 м друг от друга по линии запад–восток.

Курган 1 имел округлую грунтовую хорошо задернованную насыпь диаметром 7 м и высотой 0,5 м. После удаления дернового слоя и части грунта насыпи (темного сильно гумусированного суглинка) выявлен развал каменной конструкции, сложенной из уплощенных камней и плит (рис. 3.1, 1). Он представлял собой круг диаметром 6,8–7,1 м, внутри которого в центре камни лежали в один-два слоя, а по краям – в три-четыре слоя. Нижние слои камня залегали непосредственно на погребенной почве, мощность которой достигала 0,25 м. В северо-западном и юго-восточном секторах кургана отмечено два участка, полностью лишенных камней. Среди основной массы горизонтально лежащих плит и камней прослеживались вертикально стоящие плиты. Три примыкающие друг к другу вертикально вкопанные плиты, стоящие по линии СВВ–ЮЗЗ на длину 1,3 м, зафиксированы в юго-западном секторе кургана. К западному окончанию западной плиты под прямым углом примыкает кладка из горизонтально уложенных в три слоя крупных камней. Четыре вертикально вкопанные плиты отмечены и в восточном секторе кургана. Одну из плит здесь продолжает кладка из горизонтально уложенных в три-четыре слоя крупных камней.

В трех местах (в центре насыпи, в северо-восточном и северо-западном ее секторах) верхние камни конструкции были закопчены сверху, а между ними встречались мелкие угольки.

В северо-восточном, юго-юго-западном и южном секторах кургана на уровне материка зафиксированы две дуговидные в плане канавки, примыкающие к развалу каменной конструкции. У них пологие борта и округлое дно, глубина не превышала 10 см от уровня материка. Длина канавки в северо-восточном секторе – 5,25 м при ширине до 0,7 м, а в юго-юго-западном и южном секторах – 3,35 м при ширине до 1,1 м.

В северо-восточном секторе кургана у бровки С–Ю на уровне древней дневной поверхности найдены плохо сохранившиеся кости ног человека (правая голень и стопа, левая стопа и коленная чашечка), лежавшие в анатомическом порядке по линии В–З (рис. 3.1, 2). Судя по ним, погребенный был уложен вытянуто на спине головой на запад. В 25–30 см к северо-западу от костей ног найден чрезвычайно плохо сохранившийся бронзовый наконечник стрелы (рис. 3.1, 3). Это был, вероятно, трехгранный сводчатый со скрытой втулкой и длинными шипами наконечник.

Среди камней в разных частях насыпи кургана встречались небольшие неорнаментированные фрагменты керамики, принадлежащие, судя по составу теста и обработке поверхности, одному сосуду. Сосуд плоскодонный, неорнаментированный, вытянутых (?) пропорций. Венчик резко отогнут, край его уплощен (рис. 3.1, 4). Внешняя поверхность сосуда пористая, заглаженная, желтовато-серого цвета. В тесте фиксируется примесь песка, шамота (?) и органики (?). Обжиг равномерный, черепок в изломе однородного желтовато-серого цвета. Первоначальное сооружение реконструируется как прямоугольная ограда, ориентированная длиной осью по линии В–З (рис. 3.1, 5). Длина ее по внутреннему краю около 4,3 м, ширина около 3,2 м. Стенку ограды образуют плиты, установленные вертикально в один ряд. С внешней стороны плиты поддерживались сплошным контрфорсом из уложенных горизонтально в один-три ряда крупных камней. Площадь внутри ограды была вымощена небольшими плитками, уложенными в один слой. В центре восточной половины этой площадки находилось небольшое кострище. Судя по наконечнику стрелы и керамике, данное сооружение может быть датировано в пределах V–IV вв. до н. э. и включено в круг памятников прохоровской культуры ранних кочевников степной полосы Южного Зауралья.

Курган 2. Насыпь его была сильно повреждена, а вершина срезана, вероятно, бульдозером. На поверхности из грунта выступали крупные кварцитовые глыбы. Диаметр сохранившейся части насыпи 9 м, высота – 0,2 м.

В центре подкурганной площадки выявлена частично разрушенная пахотой многослойная каменная выкладка неправильной удлиненно-овальной формы, сложенная из средних и крупных по величине уплощенных камней и плит (рис. 3.2, 1). Современные размеры выкладки – 7,3×3,3–3,7 м, ориентирована она была по линии В–З. В разрезе выкладка имела линзовидную форму шириной

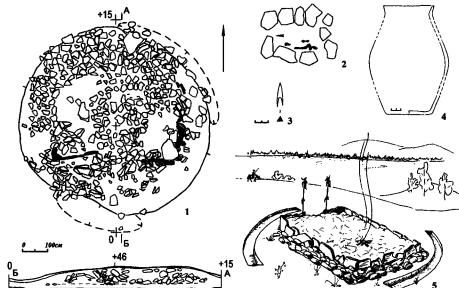

Рис. 3.1. Курганная группа Иртыш 14. Курган 1.

1 – общий план и разрез; 2 – план погребения; 3, 4 – инвентарь; 5 – реконструкция внешнего вида первоначального сооружения. 3 – бронза, 4 – керамика

3,3–3,7 м и высотой 0,9 м. После удаления каменной выкладки под ней на уровне материка, представленного светло-желтым суглинком, выявлено овальное углубление, вписанное в естественную (?) ложбину на склоне террасы. На уровне материка углубление имело овальную форму и ориентировку почти по линии В–З (рис. 3.2, 2). Размеры его 7,7×2,85–3,1 м. Южный и северный края углубления на этом уровне параллельны краям ложбины. Южная стенка углубления почти вертикальная (в профиле кургана четко фиксируется подрезка материка), северная – пологая. Дно углубления ровное, уплощенное. Внутри этого (первого) углубления сделано еще одно (второе) углубление овальной формы, которое на 5–7 см глубже предыдущего. Размеры его: на уровне верхнего края – 6,4×1,9–2,1 м; по дну – 5,35×1,7 м. Ориентировка та же, что и у первого углубления. Северная и южная стенки второго углубления крутые, восточная и особенно западная – пологие. Дно ровное уплощенное.

На дне и стенках обоих углублений, а также на северном склоне ложбины зафиксированы остатки жердей в виде полукруглых в поперечном се-

чении лунок, заполненных темно-коричневым суглинком, которые хорошо читались на светло-желтом фоне материка [рис. 3.2, 3 (1–6)]. Всего зафиксировано 13 жердей диаметром до 7 см и длиной от 0,45 до 4,0 м. Три жерди, зафиксированные в южной части первого углубления, лежали параллельно друг другу по линии В–З, остальные, выявленные в средней части обоих углублений и на склоне ложбины, – параллельно друг другу по линии С–Ю.

Помимо жердей в углублениях на уровне материка зафиксированы четыре ямки, расположенные между отпечатками жердей. К сожалению, соотношение ямок и жердей проследить не удалось. Ямки имели подпрямоугольную и подквадратную форму, размеры от 15×16 см до 22×40 см, глубину 4–6 см. Стенки ямок вертикальные, дно ровное уплощенное [рис. 3.2, 3 (2–5)].

Все эти жерди и ямки, зафиксированные под каменной выкладкой, являются, вероятно, остатками какого-то сооружения. Его форма, размеры, время возведения и назначение остались неизвестными. В профиле бровки зафиксировано, что по краям выкладки камни лежали почти на материке,

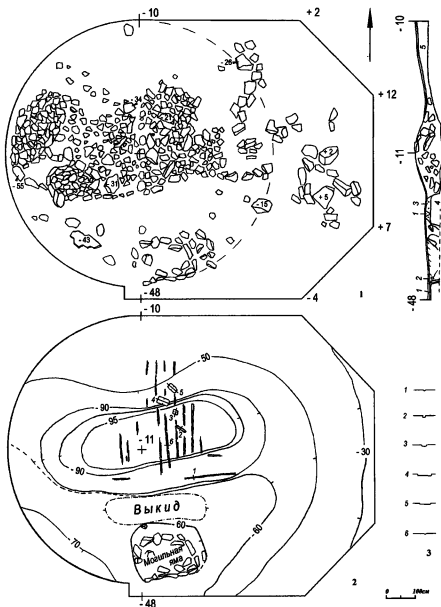

Рис. 3.2. Курганная группа Иртыш 14. Курган 2.

1 - общий план и профиль кургана после снятия дернового слоя; 2 - общий план подкурганной площадки после удаления каменной выкладки; 3 - разрезы углублений и ямок

тогда как в центре – гораздо выше. Данное обстоятельство дает возможность предполагать, что описанная каменная выкладка является развалом сооружения в виде стенки или, возможно, ограды. Никаких находок ни в пределах выкладки, ни за ее пределами сделано не было.

В 1,5–1,8 м к югу от каменной выкладки зафиксирована каменная подпрямоугольная «конструкция» (рис. 3.2, 2). Между естественной ложбиной и этой «конструкцией» отмечена линза желтого материкового суглинка, являющаяся выходом из могильной ямы, находящейся под «конструкцией». Линза имела овальную, вытянутую по линии В–З форму и размеры 0,9×3,5 м. Максимальная ее толщина (в центре восточной части) – 30 см.

«Конструкция», обнаруженная после вскрытия дернового слоя к югу от центральной выкладки, имела подпрямоугольную форму, размеры на уровне материка – 2,8×1,6 м, ориентировку по линии В–З. Она представляла собой углубление, заполненное темным гумусированным суглинком с большим количеством камня различного размера – от мелких до крупных плит. По краям «конструкции» прослеживались стоящие вертикально и наклонно крупные камни и плиты. Как выяснилось впоследствии, эта подпрямоугольная «конструкция» образовалась в результате сползания камней первоначальной насыпи кургана в воронку просевшего подбоя погребения 3.

При разборке камней «конструкции» в ее центре на глубине 7–10 см от современной поверхности, в слое темного сильно гумусированного суглинка расчищены останки человека (погребение 1). Верхняя его часть разрушена грабительским вкопом. В неповрежденном положении сохранились только кости обеих ног и сильно раздавленный череп (рис. 3.3, II). Судя по ним, тело умершего укладывалось вытянуто на спине головой на запад в заранее очищенное от камней углубление. После совершения захоронения погребение было засыпано и забросано камнями. У левого колена погребенного найден железный кожаный (?) крюк восьмерковидной формы, согнутый из квадратной в сечении (0,4×0,4 см) проволоки (рис. 3.3, III, 4). Высота изделия 5,0 см, диаметр петли 1,6 см при диаметре отверстия в ней 0,3–0,4 см, ширина крюка 2,4 см.

Ниже погребения 1, в юго-восточной части «конструкции», на глубине от 12 до 26 см от современной поверхности расчищены остатки трупоожжения на месте (погребение 2). От погребенного, судя по всему подростка, сохранились кальцинированные кости черепа и обеих ног,

лежащие в неповрежденном положении в слое прокаленного и насыщенного утлем суглинка (рис. 3.3, I). Верхняя часть туловища уничтожена грабительским вкопом. Тело умершего перед его сожжением было уложено, вероятно, вытянуто на спине головой на запад с небольшим отклонением к северу. Слева от верхней части его торса, вероятно, помещался колчан, от которого сохранился железный крюк и лежавшие в 10–12 см от него три бронзовых наконечника стрелы. Справа, на уровне таза, положен небольшой железный ножичек. Сверху тело покойного было, вероятно, заложено дровами. После их полного сгорания остатки погребального костра были засыпаны землей и забросаны камнями.

Крюк изготовлен из прямоугольной в сечении (0,3×0,55 см) железной проволоки (рис. 3.3, III, 3). Для образования петли проволока согнута вправо и ее окончание скováно со стержнем. Окончание крюка заострено. Общая высота изделия – 6,2 см, ширина крюка – 2,2 см, ширина петли – 1,5 см при высоте 3,2 см.

Первый наконечник стрелы трехлопастной сводчатый с узкими лопастями и выступающей массивной втулкой, окончания лопастей срезаны под тупым углом (рис. 3.3, III, 1а). Второй – трехлопастной с узкой треугольной головкой и выступающей втулкой, окончания лопастей срезаны под тупым углом (рис. 3.3, III, 1б). Третий наконечник – трехлопастной сводчатый, со скрытой втулкой и опущенными ниже втулки шипами. На его грани нанесен рельефный орнамент в виде косо креста (рис. 3.3, III, 1в).

Железный черешковый ножичек с выделенной рукояткой и прямой спинкой сохранился в двух фрагментах, кончик его обломан (рис. 3.3, III, 2). Длинное подтреугольное лезвие, отделенное от черешка уступом, имеет клинообразное сечение. Суживающийся черешок, на котором сохранились следы деревянной рукоятки, в сечении овальный. Длина ножичка – не менее 11 см, длина лезвия – не менее 7,4 см, максимальная ширина лезвия у черешка – 1,4 см при максимальной толщине – 0,3 см.

Входная яма погребения 3 на уровне материка (–60 см), вследствие оседания подбоя и разрушения части стенок, приобрела аморфную форму и размеры 2,7×2,0 м, ориентировку по линии В–З (рис. 3.4, 1). Сохранившиеся в нижней части западная и отчасти южная стенки входной ямы вертикальные. Подбой, высота которого в сохранившейся придонной части погребальной камеры 0,35 м, был сделан в северной (продольной) и в за-

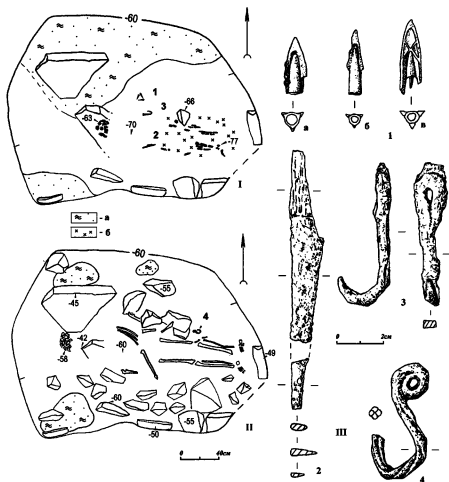

Рис. 3.3. Курганная группа Иртыш 14. Курган 2.

I – погребение 2 (1 – наконечники стрел; 2 – нож; 3 – колчаный крюк); II – погребение 1 (4 – колчаный крюк); III – инвентарь погребений: 1–3 – погребение 2; 4 – погребение 1.

1 – бронза, 2–4 – железо

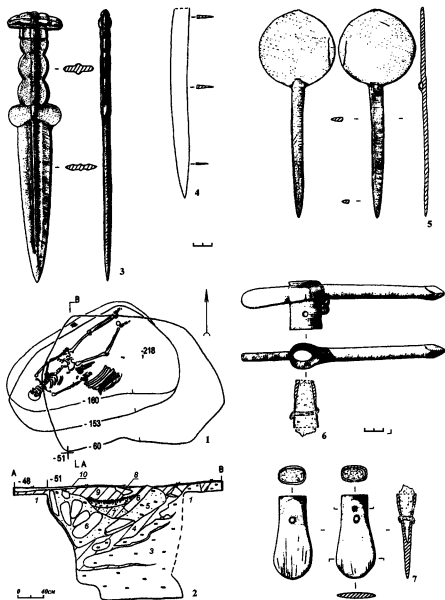

Рис. 3.4. Курганная группа Иртяш 14. Курган 2. Погребение 3.

1, 2 – общий план и разрез могильной ямы, 3–7 – инвентарь.

3, 5–7 – бронза, 4 – железо

падной (поперечной) стенках входной ямы. Таким образом, длинные оси входной ямы и погребальной камеры параллельно-сместенные (рис. 3.4, 2).

Погребальная камера на уровне -160 см имела неправильную овальную форму, приближающуюся к тупоугольному треугольнику с сильно скругленными углами, вершина которого направлена на север, максимальные размеры $2,6 \times 1,4$ м и ориентировку по линии ЮЗЗ-СВВ. Во входной яме вдоль южной стенки камеры прослежена ступенька высотой до 0,25 м при ширине до 0,35 м (рис. 3.4, 1, 2). Поверхность ступеньки ровная, повышающаяся с севера на юг. Уплотненное и ровное дно погребальной камеры находилось на глубине 1,7 м от современной поверхности (уровень -218 см).

Погребенный уложен в подбое выгнуто на спине головой на Ю-З почти параллельно северо-западной стенке погребальной камеры. Левая рука вытянута вдоль тулова, кисть ее прижата к головке бедренной кости. Вытянутая правая рука слегка откинута. Левая нога выгнута, правая слегка согнута в колене. На поясе погребенного фиксировались остатки кожаного пояса с шестью бронзовыми обоями и бронзовой пряжкой (рис. 3.5, 11, 12). Поперек нижней части груди умершего положен бронзовый чекан с деревянной рукояткой, заканчивающейся бронзовым втоком (рис. 3.4, 6, 7). Чекан лежал между ребрами и левой плечевой костью, бойком к локтевому сгибу. Вток находился поверх запястья правой руки. Таким образом, длина деревянной рукоятки составляла около 50 см. Вероятно, к нижней части рукоятки чекана на коротких узких ремешках, украшенных тремя бронзовыми дисковидными обоями (рис. 3.5, 8-10), были подвешены две бронзовые четырехгранные ворворки (рис. 3.5, 4, 5). Они были найдены между тазом и предплечьем правой руки, близ рукоятки чекана. Еще одна, но костяная ворворка (?) найдена в 20 см к ЮВВ от правого колена погребенного (рис. 3.5, 6). У правого бедра захороненного были сложены бронзовый кинжал (рис. 3.4, 3), длинный железный нож (рис. 3.4, 4) и бронзовое зеркало (рис. 3.4, 5). На предплечье правой руки лежал бронзовый костылек в виде оперенного окончания древа стрелы (рис. 3.5, 3). У северной стенки ямы слева от погребенного, на уровне его левого колена расчищены остатки колчана с 10 бронзовыми и тремя деревянными наконечниками стрел (рис. 3.5, 1, 2). Кроме того, на груди погребенного найдены восемь бусинок белого цвета очень плохой сохранности (рис. 3.5, 7).

Справа от тела умершего, между кистью руки, коленом и северной стенкой погребаль-

ной камеры на ее дно были положены две части грудки лошади.

Бронзовые прямоугольные поясные обоямы размерами $4,4-4,5 \times 0,7-0,9$ см в профиле имеют форму сильно уплощенного овала шириной 0,8-1,0 см при толщине стенок 0,1 см. Лицевая сторона обойм гладкая. На середине оборотной стороны всех обойм находится небольшая петля высотой 0,35-0,5 см и длиной 1,1-1,2 см. По основанию ширина петли равна ширине обоймы, но по верху она уже - от 0,5 до 0,7 см. В профиль петли полукруглые или трапециевидные, толщина их стенок равна толщине стенок обойм (рис. 3.5, 12).

Бронзовая прямоугольная пряжка размерами $4,4 \times 2,55$ см в профиле имеет форму сильно уплощенного овала шириной 0,9 см при толщине стенок 0,15-0,2 см. В середине ее гладкой лицевой стороны находится овально-прямоугольное отверстие высотой 1,7 см при ширине 0,9-1,2 см. На оборотной стороне пряжки расположены подквадратное отверстие и небольшая петля. Высота отверстия 1,1 см при ширине 1,2 см, вместе с овальной частью отверстия на лицевой части оно образует сквозное, проходящее через всю пряжку отверстие. Размеры петли: высота - 0,4 см, ширина - 0,4-0,6 см, длина - 1,0 см (рис. 3.5, 11).

Бронзовый чекан с опущенной овальной в сечении втулкой и головкой хищной птицы в углу между втулкой и бойком имеет плоский, прямоугольный в сечении обухок и прямой, округлый в сечении боек с острым четырехгранным концом (рис. 3.4, 6). На середине боковых сторон втулки, цилиндрической снаружи и конической внутри, проделаны сквозные отверстия диаметром 0,5 см. Внутри втулки сохранились остатки деревянной рукоятки с деревянным шпильком. Размеры чекана: общая длина - 21,5 см; боек: длина - 13,1 см, диаметр - 1,2-1,5 см; обухок: длина - 5,1 см, ширина - 1,8-2,0 см, толщина - 0,8 см; втулка овальная: высота - 5,1 см, внешний диаметр - $2,7 \times 3,4$ см, внутренний диаметр: сверху - $1,2 \times 2,1$ см, внизу - $2,5 \times 3,25$ см.

На окончание деревянной рукоятки чекана надевался бронзовый втулчатый вток (рис. 3.4, 7). У него вогнутые расширяющиеся боковые грани и выпуклый приостренный конец. Высота втока - 8,8 см, максимальная ширина - 4,1 см. В верхней части вток в сечении овально-подпрямоугольный ($2,0 \times 2,9$ см), в нижней - линзовидный ($0,6 \times 4,1$ см), внутренние размеры втулки у верхнего края - $1,6 \times 2,7$ см. В 2,2 см от верхнего края на обеих лицевых гранях втока проделаны сквоз-

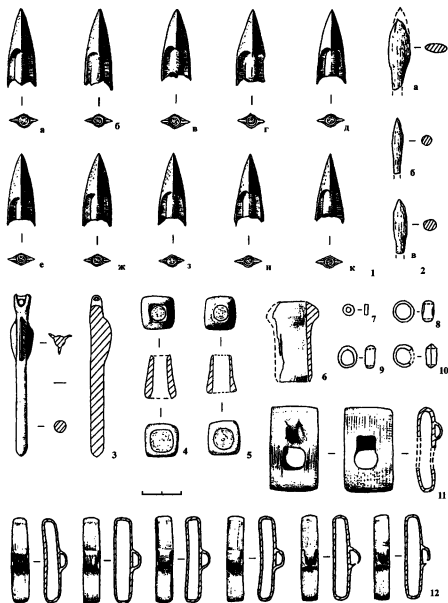

Рис. 3.5. Курганная группа Иртяш 14. Курган 2. Погребение 3. Инвентарь.
1, 3–5, 8–12 – бронза; 2 – дерево; 6 – кость; 7 – стекло

ные отверстия диаметром 0,5–0,6 см. На одной из лицевых граней, в 1,2 см от верхнего ее края имеется еще одно сквозное отверстие диаметром 0,5 см. Внутри штока сохранились остатки деревянной рукоятки с деревянным шпенем.

Диаметр бронзовых дисковидных обоев – 1,1–1,2 см, ширина – 0,5–0,6 см, диаметр отверстия – 0,7–0,8 см. У двух обоев лицевая поверхность гладкая, а у третьей двухгранная (рис. 3.5, 8–10).

Бронзовые ворворки имеют форму четырехгранной усеченной пирамиды с квадратным основанием (рис. 3.5, 4, 5). Высота одной из них – 1,95 см, размеры основания – 1,7×1,7 см, размеры верха – 1,0×1,0 см, диаметр цилиндрического отверстия – 0,8–0,9 см. Высота второй ворворки – 2,2 см, размеры основания – 1,7×1,7 см, верха – 0,95×1,0 см, диаметр отверстия – 0,8–1,1 см.

Костяная ворворка (?) имеет форму цилиндра с уплощенно-овальным расширением в верхней части (рис. 3.5, 6). Высота ее – 4,1 см, диаметр – 1,9–2,8 см, диаметр отверстия – 1,5 см.

У кинжала рубчатое сегментовидное навершие, отделенное от рукоятки достаточно широкой прямоугольной колодкой (рис. 3.4, 3). Рукоять плоская, с волнистыми краями, в центре с обеих сторон – рельефный округлый валик. Рукоять представляет собой как бы три плоских диска, поставленных друг на друга, а на третий диск насажен прямоугольник. Перекрестие широкое бабочковидное, с рельефным округлым валиком в центре с обеих сторон. Валики на перекрестии так же, как и валики на навершии и колодке, являются продолжением валиков на рукоятке. Клинок кинжала обоюдоострый с рельефным валиком в центре, образованном двумя продольными желобками. Длина кинжала – 28,6 см, длина рукоятки с навершием – 10,0 см; навершие: ширина – 5,9 см, высота – 1,8 см, максимальная толщина с валиками – 1,3 см, без валиков – 0,9 см; колодка: высота – 1,1 см, ширина – 3,0 см, толщина с валиками – 1,0–1,1 см, без валиков – 0,4–0,5 см; рукоять: длина с колодкой – 8,2 см, без колодки – 7,1 см, ширина минимальная – 2,3 см, максимальная – 3,4 см, толщина с валиками – 1,1 см, без валиков – 0,6 см; перекрестие: ширина – 5,6 см, высота минимальная (в центре) – 1,2 см, максимальная – 2,3 см, толщина с валиками – 1,1 см, без валиков – 0,5–0,6 см; клинок: длина – 16,5 см, ширина у перекрестия – 3,6 см, толщина – 0,6 см.

У железного ножа без выделенной рукоятки слегка изогнутая спинка и почти прямое лезвие, клиновидное в сечении (рис. 3.4, 4). Длина из-

делия – не менее 20 см, максимальная ширина – 1,7 см, максимальная толщина – 0,35 см.

Бронзовое зеркало имеет плоский диск диаметром 8 см и толщиной 0,3–0,4 см и прилитую к диску длинную ножевидную ручку (рис. 3.4, 5). Длина ручки – 14,0 см, максимальная ширина – 1,4 см, максимальная толщина (по спинке) – 0,4 см. На оборотной стороне зеркала, в месте перехода диска в ручку расположена петля, трапециевидная в профиле. Размеры ее: высота – 0,4 см, длина – 1,2 см, ширина – 0,55–0,7 см.

Бронзовый костылек в виде оперенного окончания древка стрелы (рис. 3.5, 3). Длина его 8,4 см, диаметр стержня 0,6 см, максимальная ширина костылька на оперенье – 1,3 см.

У всех бронзовых наконечников скрытая втулка. По общей форме головки наконечники могут быть разделены на сводчатые (8 экз. – рис. 5, 1а–в, д–и), башневидные (1 экз. – рис. 5, 1г) и треугольные (1 экз. – рис. 5, 1к). У всех наконечников верхняя их половина ромбической в сечении, нижняя – двухлопастная, а концы лопастей оттянуты в шипы, опущенные ниже втулки. Сводчатые наконечники: высота – 3,8–4,2 см, длина ромбической части – 2,0–2,3 см, наибольшая ширина – 1,4–1,6 см. Башневидный наконечник: высота – 3,9 см, длина ромбической части – 2,3 см, максимальная ширина – 1,5 см. Треугольный наконечник: высота – 3,7 см, длина ромбической части – 1,9 см, максимальная ширина – 1,5 см.

Деревянные черешковые наконечники, овальные или круглые в сечении, имеют листовидную (рис. 3.5, 2а) или иволистную в плане форму (рис. 3.5, 2б, в). Головки наконечников плавно переходят в круглые в сечении черешки, которые сохранились лишь частично. Высота наконечников не менее 4,0 см. Ширина листовидного наконечника – 1,1 см при толщине – 0,45 см, диаметр иволистных – 0,5–0,65 см. Диаметр цилиндрических бусин (8 экз.) из белого материала 0,6 см, толщина – 0,2 см.

Основным в кургане 2 является погребение 3, совершенное в могильной яме с подбоем. Почвенный слой вокруг могильной ямы срезан до уровня материка. Над частично засыпанной могильной ямой сооружен курган с каменной насыпью. Судя по инвентарю и обряду, погребение датируется VII в. до н.э., возможно, его второй половиной и относится к кругу памятников бобровского (сакского) этапа истории ранних кочевников степной зоны Южного Зауралья.

В дальнейшем, в результате оседания свода подбоя, в центре кургана образовалась воронка. В

этой воронке где-то в конце V – начале IV вв. до н. э. совершенно трупосожжение на месте (погребение 2), засыпанное сверху землей и камнями. Позднее, вероятно в IV в. до н. э., сюда вложено еще одно погребение (погребение 1), которое также засыпано и забросано камнями. Оба эти погребения также, очевидно, связаны с кочевниками степей Южного Зауралья и входят в круг памятников прохоровской культуры.

Позднее северная часть кургана была разобрана и на большой площади почвенный слой был снят до материка. Здесь над овальной ямой была сооружена каменно-деревянная конструкция, для которой, вероятно, использован камень, взятый из насыпи первоначального кургана. Назначение конструкции, время ее сооружения и культурная принадлежность пока не выяснены.

Как уже отмечалось, погребение 3 кургана 2 могильника Иртыш 14 можно включить в круг памятников бобровского (сакского) этапа истории ранних кочевников Южного Зауралья (Гаврилюк, Таиров, 2002. С. 21). В настоящее время в регионе выявлено 22 погребальных комплекса этого этапа (Таиров, 2000. С. 5–6; 2000а. С. 123–140). Среди них дважды встречены погребения в подбое, устроенном вдоль длинной продольной стенки (Варненские, курган 4, Шатрово, курган 1). В одном случае (Варненские, курган 2, погребение 2) вдоль длинной продольной стенки на всю ее длину устроена неглубокая ниша-подбой. В обоих ямах с подбоем во входной камере зафиксировано по одной ступеньке. Положение погребенных в памятниках бобровского этапа – вытянуто на спине, с различными вариациями расположения рук и ног. Ориентировка погребенных различна, но в основном в северо-западный сектор. Лишь однажды зафиксирована ориентировка головой на ЗЮЗ (Кесене, курган 12, могильная яма 1, погребение 2). В могильных ямах с подбоем погребенные лежали головой на ССЗ (Шатрово) и запад (Варненские, курган 4) (Боталов, Таиров, 1996. С. 122–124. Рис. 6; Таиров, 2000а. Рис. 34; 35; 36; 39).

Среди памятников бобровского этапа Южного Зауралья особенно бросается в глаза близость набора инвентаря иртышского и бобровского погребений. В обоих случаях у правой руки погребенного лежал бронзовый кинжал североказахстанского типа, поверх которого находилось бронзовое зеркало с длинной ножевидной ручкой (рис. 3.8, 3, 4; 3.9, 5, 6). В обоих погребениях встречены почти аналогичные бронзовые костыльки, аналогичны и найденные здесь пояса с бронзовыми обойма-

ми (рис. 3.6, 1, 6). И там, и здесь в могильную яму помещался колчан с небольшим количеством стрел, имеющих бронзовые наконечники (Матвеева, 1964. С. 214. Рис. 1; Боталов, Таиров, 1996. Рис. 10). Погребение в кургане 4 Бобровского могильника включается нами в группу памятников VII–VI вв. до н. э. без уточнения его хронологической позиции.

Иртышскому и бобровскому погребениям близки некоторые комплексы VII–VI вв. до н. э. из Приаралья, Центрального и Восточного Казахстана и Волго-Камья. Так, в разграбленном погребении кургана 21 могильника Уйгарах в Приаралье в неповрежденном положении сохранилась группа предметов, включающая железный кинжал с грибовидным навершием и дуговидным перекрестием, на котором лежал длинный бронзовый нож с кольцевым навершием. Поверх ножа находилось бронзовое зеркало с длинной ножевидной рукоятью (рис. 3.8, 5). Рядом с кинжалом найдены оселок и массивный железный предмет, «по форме напоминающий небольшой молот со сквозным овальным отверстием для насада» (Вишневская, 1983. С. 18. Рис. 8. Табл. V). В кургане 1 могильника Нурманбет IV (Центральный Казахстан) на тазовых костях погребенного расчищены остатки кожаного пояса с бронзовыми обоймами, аналогичными иртышским и бобровским (рис. 3.6, 7). Стрела у пояса лежал бронзовый кинжал (рис. 3.9, 4), под которым находился длинный бронзовый нож с кольцевым навершием. У кисти левой руки найдено три бронзовых трехлопастных черешковых наконечника стрелы (Маргулан и др., 1966. С. 343, 344. Рис. 38; 39, 2). Бронзовый кинжал североказахстанского типа вместе с зеркалом с длинной ножевидной ручкой найдены у села Маринское близ Кокчетова (рис. 3.8, 6; 3.9, 1) (Гризиов, 1956. С. 11. Рис. 3, 2, 8).

Из кургана у села Вавилонка (Восточный Казахстан) происходит железный кинжал с брусковидным навершием и «орысьевидным перекрестием», бронзовый нож, пояс с бронзовыми обоймами, зеркало с короткой боковой ручкой и петелькой на ней (рис. 3.7, 4; 3.8, 1), пять бронзовых трехгранных черешковых наконечников стрел и ряд других предметов (Киселев, 1951. С. 298–300. Табл. XXIX, 1–10). В погребении у села Пыный Яр (Восточный Казахстан) вместе с железным кинжалом найдены бронзовое зеркало с длинной ножевидной ручкой, пояс с серебряными обоймами (рис. 3.7, 1; 3.8, 8), бронзовые наконечники стрел и другие вещи (Алехин и др., 1992. С. 122. Рис. 1).

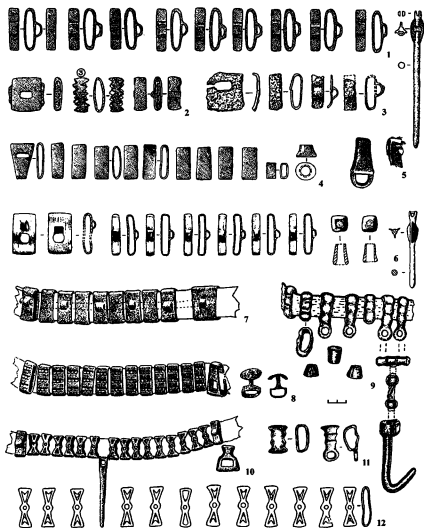

Рис. 3.6. Наборные пояса раннесакского времени Южного Зауралья, Приаралья, Северного и Центрального Казахстана.

- 1 – могильник Бобровский, курган 4; 2 – случайная находка, Троицкий район, Челябинская область;
 3 – Варненская группа курганов, курган 4; 4 – могильник Николаевка II, курган 1; 5 – могильник Тасмола VI, курган 1; 6 – курганная группа Иртыш 14, курган 2, погребение 3; 7 – могильник Нурманбет IV, курган 1;
 8 – могильник Нурманбет IV, курган 3; 9 – могильник Майкубень 3, курган 12; 10 – могильник Тасмола II, курган 1; 11 – могильник Южный Тагискен, курган 42; 12 – могильник Алыпкаш, курган 2.
 1, 2, 4–12 – бронза; 3 – железо.
 5, 7, 8, 10 – по: (Маргулан и др., 1966); 9 – по: (Бейсенов, 2001); 11 – по: (Итина, Яблонский, 1997);
 12 – по: (Хаблутина, 1994)

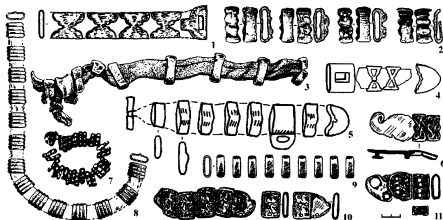

Рис. 3.7. Наборные пояса раннесакского времени Прикамья, Памира, Восточного Казахстана, Алтая и Тувы.

1 – курган у села Пьяный Яр; 2 – могильник Тегермансу I, курган 7; 3 – могильник Можуташ II, курган 4; 4 – курган у села Вавилово (Вавилонка); 5 – могильник Кызык-Телань I, курган 6; 6 – могильник Демир-Сут II, курган 1, погребение 1; 7 – могила в Усть-Кузгинской пади; 8, 9 – Старший Ахмыловский могильник, погребение 704; 10 – могильник Сыпучий Яр, курган 4, погребение 1; 11 – могильник Усть-Халдыных I, курган 4, могила 3. 1 – серебро; 2–11 – бронза.
1 – по: (Алехин и др., 1992); 2, 3 – по: (Литвинский, 1972); 4 – по: (Киселев, 1951); 5 – по: (Суразаков, 1983); 6, 10 – по: (Семенов, 2001); 7 – по: (Гришин, 1981); 8, 9 – по: (Патрушев, Халиков, 1982); 11 – по: (Виноградов, 1980; Семенов, 2001)

В погребении С Анапынского могильника найдены бронзовый кинжал североказакштанского типа (рис. 3.9, 3), бронзовый чекан и иголок, несколько бронзовых (двулопастные и трехлопастные втульчатые, трехгранные черешковые) наконечников стрел и один железный. Кроме того, из этого погребения происходят бронзовые кельт и бляха, железный наконечник копья и оселок (Збреува, 1952. С. 39, 90. Табл. IV, 20; V, 5; XIX, 6–12).

Полной аналогией бронзовым наконечникам со сводчатой головкой из погребения 3 кургана 2 группы Иртыш 14 является наконечник, найденный у поселка Акколь в верховьях реки Иртыш на территории Актюбинской области и отнесенный С.Ю. Гуцаловым к VII – первой половине VI вв. до н. э. (Гуцалов, 2000. С. 33. Табл. 10, 26).

Типологически аналогичны иртышским втульчатым наконечникам «с четырехгранным ромбическим в сечении острием, переходящим в нижней части боковых ребер в две узкие лопасти, опускающиеся в виде шипов ниже образа втулки» из кургана 1 могильника Сарыг-Булун и кургана 1 могильника на правом берегу реки Хут в Туве. Данные комплексы К.В. Чугунов включает в ран-

нюю группу памятников раннескифского времени Тувы и датирует VII в. до н. э. (Чугунов, 2000. С. 215, 218, 223, 227. Рис. 1, III, IV).

В Старшей могиле (Днепровское лесостепное левобережье) найдено 37 «пирамидально-ромбических со скрытой втулкой и выемками в основании» бронзовых наконечников стрел, очень близких иртышским. Они сводчатые, верхняя часть головки, которая на 2/3–3/4 ромбическая в сечении, переходит в две очень короткие лопасти. В.А. Ильинская (1968. С. 68, 94. Табл. II, 19–21) отнесла Старшую могилу ко времени не позднее середины VI в. до н. э. По мнению С.В. Полиня (1987. С. 25, 26), этот памятник следует датировать в рамках VII – первой четверти VI или второй половины VII – начала VI вв. до н. э. И.Н. Медведская (1992. С. 88–91) включает его в группу памятников первой половины VII в. до н. э.

Ромбическую в сечении головку, переходящую в две короткие слабо выраженные лопасти с небольшими шипами, и скрытую втулку имеет и наконечник из кургана 20 могильника Сакар-чага 6 (конец VIII–VII вв. до н. э.) (Яблонский, 1996. С. 52. Рис. 17, 41). В отличие от иртышских, у него

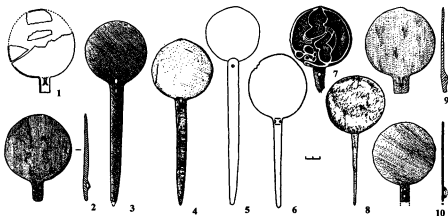

Рис. 3.8. Раннесакские бронзовые зеркала с боковой ручкой.

1 – курган у села Вавилово (Вавилонка); 2 – могильник Конурс, курган 2; 3 – могильник Бобровский, курган 4; 4 – курганная группа Иртыш 14, курган 2, погребение 3; 5 – могильник Уйгарак, курган 21; 6 – случайная находка у села Маринское близ г. Кокчетав (Северный Казахстан); 7 – у села Измайловка, курган; 8 – курган у села Пьяный Яр; 9 – могильник Графские развалины, курган 9; 10 – могильник Давлетшино, курган 1.
1 – по: (Киселев, 1951); 2, 9 – по: (Хабдулина, 1994); 5 – по (Вишневская, 1973); 6 – по: (Грязнов, 1956); 7 – по: (Ермолаева, 1985); 8 – по: (Алехин и др., 1992); 10 – по: (Савельев, 2000)

более вытянутые пропорции (соотношение ширины к длине у него 1:4, а у иртышских – в среднем 1:2,65) и более короткие лопасти, составляющие 1/3 всей длины наконечника.

К тому же типу, что и иртышские, относится костяной наконечник с ромбической в сечении головкой, выделенной скрытой круглой втулкой и двумя длинными шипами (тип IV, 4 по К.Ф. Смирнову), найденный в Актобинском районе. В отличие от иртышских, он более удлиненных пропорций (соотношение ширины к длине – 1:4,2), а ромбическая в сечении часть головки составляет почти 3/5 ее общей длины. По мнению К.Ф. Смирнова, «...архангелский облик позволяет отнести его к группе стрел VI–начала V вв. до н. э., если только не древнее» (Смирнов, 1961. С. 59, 60. Рис. 39, 7).

По форме головки, соотношению ромбической и двухлопастной частей головки (1:1) иртышские наконечники весьма близки сводчатому наконечнику с ромбической в сечении головкой, переходящей в две лопасти с небольшими шипами из погребения 2 кургана 1 могильника Шатрово (Еткульский район Челябинской области) (Таиров, 2000а. Рис. 35, 1). Однако у шатровского наконечника есть очень короткая втулка. Аналогичен шатровскому наконечник на литевой форме (VII–VI вв. до н. э.) с Иткульского I городища (Бельтюкова, 1982. С. 68, 69. Рис. 1, 2).

По форме головки иртышские наконечники близки наконечнику из кургана 32 могильника Южный Тагискен, датированному в пределах VII–середины VI вв. до н. э. М.А. Итина и Л.Т. Яблонский в своей классификации отнесли его к двухлопастным со сводчатой головкой и выступающей втулкой (группа 2, отдел Б, тип 3). Однако характеризуется он как наконечник с ромбической головкой и выступающей втулкой. Его сводчатая ромбическая в сечении головка переходит в короткие прямосрезанные лопасти, составляющие всего 1/3 общей длины головки, втулка имеет большую длину, чем у шатровского (Итина, Яблонский, 1997. С. 47, 52, 70. Рис. 14, 5; 70б, 23).

Тагарские наконечники этого типа (тип A/VI) со скрытой или выступающей втулкой Н.Л. Членова датирует VII в. до н. э. (Членова, 1967. С. 42. Табл. 12, 20–22).

В раннесакских памятниках ряда территорий довольно часто встречаются наборные пояса с бронзовыми или железными обоймами. Пояса такой конструкции объединены В.Н. Добжанским в тип I – с бляхами-обоймами. Бытовали они, по его мнению, в VII–VI вв. до н. э., но встречаются еще и в погребениях V в. до н. э. (Добжанский В.Н., 1990. С. 21). Нами пояса этого типа были предварительно разделены на две группы (Боталов, Та-

ров, 1996. С. 131). Для первой группы характерны бронзовые или железные обоймы прямоугольной формы с различным оформлением лицевой поверхности. Обратная их сторона гладкая или прорезная, с одной или двумя петлями или петлевидными выступами. Вторая группа включает наборные пояса с бронзовыми фигурными Х-образными прорезными обоймами.

Пояса первой группы – с бронзовыми или железными обоймами – найдены в погребения 704 Старшего Ахмыловского могильника конца VII – начала VI вв. до н. э. или VII – первая половина VI в. до н. э. в Марийском Поволжье (рис. 3.7, 8, 9) (Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 59, 1л; 105, 1д, 1р; Патрушев, 1984. С. 136; Коренюк, 2000. С. 75, 79).

В Южном Зауралье наборные пояса первой группы с бронзовыми или железными обоймами, помимо погребения 3 кургана 2 могильника Иртыш 14 (рис. 3.5, 11, 12; 3.6, 6), найдены в трех погребениях: курган 4 Бобровского могильника (рис. 3.6, 1), курган 1 могильника Николаевка II (рис. 3.6, 4), курган 4 Варненской группы (рис. 3.6, 3) (Матвеева, 1964. С. 213. Рис. 1, 5; Боталов, Тайров, 1996. С. 122. Рис. 6, 11–20; 10, 7–9, 11–16; Тайров, 1987. С. 29. Рис. 2). Еще один пояс с бронзовыми обоймами обнаружен случайно в Троицком районе Челябинской области (рис. 3.6, 2) (Боталов, Тайров, 1996. Рис. 10, 18–20).

Из Центрального Казахстана происходит четыре таких пояса: курган 1 могильника Тасмола VI, курганы 1 и 3 могильника Нурманбет IV, курган 12 могильника Майкубень 3 (рис. 3.6, 5, 7, 8, 9) (Маргулан и др., 1966. Рис. 28, 1, 7; 39, 1, 2; Бейсенов, 2001. Рис. 2, 1). Все эти комплексы датируются в рамках VIII–VI вв. до н. э. В майкубенском кургане к поясу, имеющему семь бронзовых обойм, был подвешен колчан, содержащий пять бронзовых трехгранных черешковых наконечников стрел и бронзовый нож с кольцевидным навершием. Колчан подвешивался к бронзовому крюку, который с помощью сыромятного ремешка, украшенного двумя бронзовыми пронизями, и бронзового стержня крепился к поясу. С поясом также связаны крупная бронзовая цилиндрическая проныза и две бронзовые конусовидные ворворки. Помимо этого, при погребенном найдены две плоские пластинчатые накладки и бронзовый двухлопастной втулчатый наконечник стрелы (Бейсенов, 2001. С. 69–71. Рис. 2, 1–4).

Две бронзовые поясные обоймы первой группы встречены в кургане 37 (VII – середина VI вв. до н. э.) могильника Южный Тагискен (рис. 3.6, 11) (Итина, Яблонский, 1997. С. 70. Рис. 24, 1, 3). На Памире пояса с обоймами этой группы найдены в кургане

4 могильника Можутан II и в кургане 7 могильника Тегермансу I, относящихся к VII–VI вв. до н. э. (рис. 3.7, 2, 3) (Литвинский, 1972. С. 29. Табл. 21, 10, 11; 45). На Алтае пояс с такими обоймами обнаружен в погребении кургана 6 могильника Кызык-Телань I (рис. 3.7, 5) (Суразаков, 1983. Рис. 5, 2), которое, по нашему мнению, следует датировать VI в. до н. э. (Боталов, Тайров, 1996. С. 132).

В Туве в кургане 4 могильника Усть-Хадьных I (VII в. до н. э.)¹ вместе с кожаным поясом с бронзовыми обоймами первой группы (рис. 3.7, 11) найден бронзовый чекан с круглым в сечении бойком, заканчивающийся четырехгранным острием, с втулкой, охваченной рельефным ободком, равным по ширине диаметру бойка и обушка, и с головкой хищной птицы в углу между втулкой и бойком (Виноградов, 1980. Рис. 1; Семенов, 2001. Рис. 2, 12). По своей форме он очень близок чекану из кургана 2 могильника Иртыш 14 в Южном Зауралье. Остатки поясов с бронзовыми прямоугольными обоймами первой группы найдены еще в четырех памятниках Тувы (рис. 3.7, 6, 10). На обеих сторонах обойм из погребения 1 кургана 4 могильника Сыпучий Яр (не позднее рубежа VII–VI вв. до н. э.) изображены пары горных баранов. Обоймы пояса этого же времени из погребения 1 кургана 1 могильника Демир-Суг II украшены с двух сторон переплетением S-овидных фигур (Семенов, 2001. С. 167–170. Рис. 2, 8–13). Аналогичные, но изготовленные из золота обоймы найдены в могиле 5 кургана Аржан-2 (Чугунов и др., 2002. С. 123. Рис. 11; 12). Четвертый пояс с бронзовыми обоймами в комплексе с бронзовым чеканом и набором из 10 стрел происходит из кургана 2 могильника Сарыг-Булун (Чугунов, 2000. С. 215). Следует подчеркнуть, что обоймы поясов, найденных в Туве, украшены изображениями животных или сложным геометрическим орнаментом. Эта деталь отличает тувинские пояса от одновременных им поясов из других регионов.

Несколько отличается от всех вышеописанных поясов пояс из плиточной могилы в Усть-Кузнецкой пади в Забайкалье (рис. 3.7, 7), датируемой VII–VI вв. до н. э. Обоймы его, во-первых, значительно меньших размеров, во-вторых, украшены тремя примыкающими друг к другу полусферическими выпуклостями (Гришин, 1981. С. 129. Рис. 42, 4; Добжанский, 1990. С. 21. Табл. VI, 1). Последняя деталь сближает его с поясом из кургана 12 могильника Майкубень 3.

Вторая группа португелейных поясов (с фигурными Х-образными обоймами) включает четы-

ре пояса: из кургана 1 могильника Тасмола II в Центральном Казахстане, из кургана 2 могильника Алыпкаш в Северном Казахстане, курганов у сел Вавилово (Вавилонка) и Пьяный Яр близ Семипалатинска (рис. 3.6, 10, 12; 3.7, 1, 4) (Маргулан и др., 1966. Рис. 39, 3; Хабдулина, 1993. С. 40. Рис. 3, 9; Киселев, 1951. Табл. XXIX, 7; Алексин и др., 1992. Рис. 1).

Достаточно редкой категорией находок являются зеркала с длинной ножевидной боковой ручкой. Нам известно лишь шесть подобных зеркал: три из Южного Зауралья – Иртыш 14, курган 2, погребение 3; Бобровский, курган 4; Давлетшино, курган 1 (рис. 3.8, 3, 4, 10), одно из Северного Казахстана – случайная находка у села Маринское близ города Кокчетова (рис. 3.8, 6), одно из Юго-Восточного Приаралья – Уйгарак, курган 21 (рис. 3.8, 5) и одно из Восточного Казахстана – погребение у села Пьяный Яр в Семипалатинской области (рис. 3.8, 8) (Боталов, Таиров, 1996. Рис. 10, 2; Савельев, 2000. С. 18. Рис. 2, 1; Грязнов, 1956. Рис. 3, 8; Вишневская, 1973. Табл. VI, 4; Алексин и др., 1992. Рис. 1). Четыре из них (Иртышское, Бобровское, Маринское, Давлетшинское) имеют петельки в основании ручки, пятое (Уйгарак) – отверстие. Причем из шести этих зеркал пять (помимо даулетшинского) найдено в комплексе с кинжалами (Матвеева, 1964. Рис. 1, 1; Боталов, Таиров, 1996. Рис. 10, 6; Вишневская, 1973. Табл. VI, 1; Грязнов, 1956. С. 11. Рис. 3, 2; Алексин и др., 1992. Рис. 1). Курган 21 Уйгарака отнесен к наиболее ранним погребениям могильника и датирован О.А. Вишневской (1973. С. 120–121) VII–VI вв. до н. э., а Е.Е. Кузьминой (1975. С. 288) – VII в. до н. э. Зеркало из Маринского на основании сопоставления его по форме и расположению петли с зеркалами из Вавилонки (рис. 3.8, 1) и Кулажурги I отнесено М.К. Кадырбаевым ко II этапу (V–III вв. до н. э.) тасмолинской культуры Центрального Казахстана, а Б.А. Литвинским оно датировано V–IV вв. до н. э. (Маргулан и др., 1966. С. 390, 402, 403. Рис. 66, 55; Литвинский, 1972. С. 111). Однако зеркала из Вавилонки и Кулажурги имеют совершенно иную форму рукояти (Киселев, 1947. Рис. 9, 2; 1951. Табл. XXIX, 9; Черников, 1951. Табл. VIII). Бронзовый кинжал из села Маринское (рис. 3.9, 1), найденный вместе с зеркалом, отнесен М.К. Кадырбаевым к I этапу (VII–VI вв. до н. э.) тасмолинской культуры на основе сопоставления его с кинжалом из кургана I могильника Нурманбет IV (вторая половина VI в. до н. э.) (Маргулан и др., 1966. С. 381. Рис. 66, 21). Исходя из приведенных выше аналогий, мы считаем, что зеркало из села Марин-

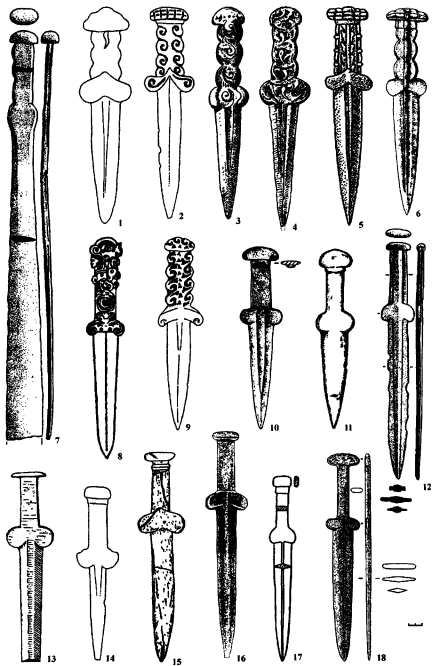
ское и найденный вместе с ним кинжал датируются в рамках VII–VI вв. до н. э.

Возможно, к этому же типу зеркал принадлежит и зеркало из могильника у села Измайловка в Восточном Казахстане (рис. 3.8, 7). По форме и размерам оно близко зеркалу из Уйгарака (рис. 3.8, 5). Так же, как уйгаракское, оно имеет отверстие в месте перехода ручки в диск. На оборотной стороне диска помещено изображение свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. Однако ручка этого зеркала, судя по рисунку, сохранилась не полностью, что и затрудняет однозначное определение его типологической принадлежности (Ермолаева, 1985. С. 510. Рис. 1; Боковенко, Заднепровский, 1992. Рис. 57, 18; Кубарев, 2002. С. 66. Рис. 1, 5).

По конструктивным особенностям зеркала с ножевидной ручкой близки зеркалам с короткой боковой ручкой и петелькой на одной из сторон ручки из Северного и Восточного Казахстана – Графские развалины, курган 9; Конурса, курган 2, Вавилонка (рис. 3.8, 1, 2, 9), датированные VII–VI вв. до н. э. (Хабдулина, 1994. С. 59, 69. Табл. 57, 1, 5; Киселев, 1947. Рис. 9, 2; 1951. Табл. XXIX, 9).

Среди кинжалов североказахстанского типа, описанных М.П. Грязновым (1956. С. 11, 12), Н.Л. Членова выделяет кинжалы из села Маринское близ Кокчетова в Северном Казахстане, кургана 1 могильника Нурманбет IV и села Песчаное близ Павлодара в Центральном Казахстане, района Змеиногорска в Восточном Казахстане² и из погребения С Алауинского могильника в Прикамье (рис. 3.9, 1–4, 9), предлагая объединить их в нурманбетский тип. Для них характерны плоская широкая рукоять с волнистым краем, часто украшенная спиральным орнаментом, завершие в виде плоского сегмента, иногда приближающееся по форме к бруску со скругленными гранями или треугольнику с закругленными углами (Членова, 1981. С. 7). К этому же типу, на наш взгляд, относится и бронзовый кинжал из кургана 2 группы Иртыш 14 (рис. 3.9, 6).

Нурманбетский тип, по мнению Н.Л. Членовой, восходит, вероятно, «к каким-то кинжалам карасукского типа (с грибовидной шляпкой), ручка которых состоит из прорезных колец», а распространение их шло с востока на запад (Членова, 1981. С. 11). В какой-то степени подтверждением последнего тезиса может служить находка бронзового меча близ села Николаевка в Семиречье (Исмагил, 2000. С. 129. Рис. 1, 3). Рукоять у него «уплощенная, с притупленными углами; один край прямой, второй – фасетирован тремя дуто-

видными выступами» (рис. 3.9, 7), весьма близкими дуговидным выступам на рукояти кинжала из кургана 2 могильника Иртыш 14.

Не поднимая в данной статье вопроса о происхождении кинжалов нурманбетского типа, хотелось бы обратить внимание на кинжалы «типа Цинь» из Северо-Западного Китая, в частности на их подтип П-а (Кан Ин Ук, 1999. С. 374–376. Рис. 2-а, -в, -с). Одним из самых ранних изделий этого подтипа является кинжал из погребения 1 Юйцунь (рис. 3.9, 8), датированный сопроводительным инвентарем началом VIII в. до н. э. (конец эпохи Чжоу) (Кан Ин Ук, 1999. С. 376). Нетрудно заметить, что его перекрестие чрезвычайно близко перекрестию кинжала из села Песчаное близ Павлодара (рис. 3.9, 9). Спиральный орнамент на рукояти кинжала Юйцуня может быть сопоставлен с орнаментом на рукоятках кинжалов из села Песчаное, Змеиногорска и погребения С Ананьинского могильника (рис. 3.9, 2, 3, 9). Близка по общим очертаниям и форма их навершия (рис. 3.9, 2, 3, 8, 9).

Несмотря на яркую индивидуальность каждого кинжала нурманбетского типа, по форме перекрестия они могут быть разделены на два варианта. Первый вариант включает кинжалы с «почковидным» невыделенным перекрестием из кургана 1 могильника Нурманбет IV и погребения С Ананьинского могильника (рис. 3.9, 3, 4) (Маргулан и др., 1966. С. 343, 344. Рис. 38, 1; Збруева, 1952. Табл. XXI, 1). Во второй вариант входят кинжалы с выделенным «бабочковидным» или близким к нему по форме перекрестием из села Маринское близ Кокчетова, района Змеиногорска, кургана 2 могильника Иртыш 14 и с оговорками у села Песчаное³ близ Павлодара (рис. 3.9, 1, 2, 6, 9).

В группу кинжалов нурманбетского типа можно, на наш взгляд, включить и кинжал из кургана 4 могильника Бобровка близ Троицка (Матвеева, 1964. Рис. 1, 1; Боталов, Таиров, 1996. Рис. 10, 6).

От нурманбетских кинжалов его отличает лишь иное, но тоже фигурное оформление рукояти (рис. 3.9, 5). По остальным признакам – общему контуру, размерам, форме навершия, перекрестия и клинка, наличию колодочки под навершием – он не отличается от кинжалов нурманбетского типа.

К кинжалам нурманбетского типа М.К. Хабдулина относит также бронзовый кинжал, найденный у села Баландино на реке Ишим на границе России и Казахстана (рис. 3.9, 10). Он имеет сегментовидное плоское навершие, бабочковидное перекрестие, очень близкое перекрестию иртышского кинжала, колодочку под навершием, на оборотной стороне которой отлита петелька прямоугольной формы, гладкую плоскоовальную в сечении рукоять. Клинок треугольной формы, по центру его проходит легкое углубление – желобок. Этот кинжал, по мнению М.К. Хабдулиной, является одним из наиболее ранних вариантов кинжалов нурманбетского типа. Сопоставляя баландинский кинжал с кинжалом из кургана 50 могильника Уйгарах (рис. 3.9, 11), отнесенного О.А. Вишневской к VII–VI вв. до н. э. (Вишневская, 1973. С. 122), и кинжалом из кургана 1 могильника Жаман-Тогай на Сырдарье (рис. 3.9, 15), датированном VII–VI вв. до н. э. (Максимова и др., 1968. С. 180) или VII в. до н. э. (Музин, 1984. С. 76), М.К. Хабдулина датирует его в пределах VIII–VI вв. до н. э. (Хабдулина, 1994. С. 53, 54. Рис. 55). Однако приводимые ею доводы в пользу архаичности этого кинжала, на наш взгляд, мало убедительны. Следует отметить, что практически все кинжалы нурманбетского типа, также изготовленные из бронзы, по своей массивности, которая, по мнению М.К. Хабдулиной, является показателем архаичности, превосходят баландинский кинжал. Правда, петельки или, как их называет Н.Л. Членова (1976. С. 9), «дополнительные колючки под шляпкой» действительно встречаются на рукоятках коротких карасукских кинжалов из Минусинской котловины, Ордоса и Северного

Рис. 3.9. Кинжалы и мечи раннесакского времени.

1 – случайная находка у села Маринское близ Кокчетова (Северный Казахстан); 2 – случайная находка у Змеиногорска; 3 – погребение С Ананьинского могильника; 4 – курган 1 могильника Нурманбет IV; 5 – курган 4 могильника Бобровский; 6 – погребение 3 кургана 2 могильника Иртыш 14; 7 – случайная находка у села Николаевка Алма-Атинской области; 8 – погребение 1 Юйцунь; 9 – случайная находка у села Песчаное близ Павлодара; 10 – случайная находка у села Баландино; 11 – курган 50 могильника Уйгарах; 12 – случайная находка из окрестностей села Сергеевка; 13 – из Центрального музея Казахстана; 14 – курган на берегу р. Шидерты (Чидерты); 15 – курган 1 могильника Жаман-Тогай; 16 – случайная находка у г. Степняк; 17 – случайная находка у деревни Бахмутино; 18 – случайная находка на берегу оз. Большая Наного. 1–10, 12–14, 16–18 – бронза; 11 – железо; 15 – железо, бронза.

1, 2, 9, 14 – по: (Тряпко, 1956); 3 – по: (Збруева, 1952); 4 – по: (Маргулан и др., 1966); 5 – по: (Матвеева, 1964); 7, 12 – по: (Исмагилов, 2000); 8 – по: (Кан Ин Ук, 1999); 10 – по: (Хабдулина, 1994); 11 – по: (Вишневская, 1973); 13 – по: (Максимова, 1956); 15 – по: (Максимова и др., 1968); 16 – по: (Черников, 1954); 17 – по: (Торбунов, Исмагилов, 1976)

Китая, а также на ножах из Забайкалья, но находятся они не на обоим или колодочках, как на баландинском кинжале (Членова, 1976. Табл. 1, 1, 2; 7, 11, 13, 15; 10, 4–8; 12, 5). Исходя из всего вышесказанного, мы склонны датировать кинжал из Баландино в пределах VII–VI вв. до н.э. без уточнения его хронологического соотношения с другими кинжалами этого времени Урало-Иртышского междуречья.

По мнению Н.Л. Членовой, кинжал из кургана 50 могильника Уйгарак по своим пропорциям занимает промежуточное положение между кинжалами нурманбетского и усть-буконского типов. Кинжалы же усть-буконского типа, которые, как она предполагает, несколько моложе кинжалов нурманбетского типа, имеют плоскую и очень узкую рукоять с небольшим утолщением под навершием (колодочка), плоское сердцевидно-почковидное перекрестие и треугольно-сегментовидное плоское навершие. Следует подчеркнуть, что у кинжалов этого типа ширина рукояти колеблется в пределах половины ширины клинка. Н.Л. Членова считает, что кинжалы усть-буконского типа сформировались, вероятно, в Волго-Камье под влиянием киммерийских кинжалов Северного Кавказа. Отсюда они попали на Урал, а через Зауралье и Приишимье – на Алтай, где ранее VI–V вв. до н.э. неизвестны (Членова, 1981. С. 7–9). К усть-буконским можно, на наш взгляд, отнести и бронзовый кинжал (рис. 3.9, 18), найденный случайно на берегу озера Большая Наюга, соединенного протокой с озером Иртыш.

Принимая сопоставления, предложенные М.К. Хабдулиной для баландинского кинжала, мы, однако, считаем, что он не может быть включен в группу кинжалов нурманбетского или усть-буконского типов. Скорее всего баландинский и уйгаракский кинжалы, а также кинжалы из Шидерты близ Павлодара в Центральном Казахстане (рис. 3.9, 14) (Прязнов, 1956. Рис. 3, 3; Кадырбаев, 1968. С. 27. Рис. 1, 11) и деревни Бахмутин на севере Приуральской Башкирии (рис. 3.9, 17) (Горбунов, Исмагилов, 1976. С. 233, 234. Рис. 1, 1), составляют отдельную группу клинкового оружия. Предварительно ее можно обозначить как кинжалы «баландинского» или «уйгаракского типа». Кинжалы этого типа имеют сегментовидное или брусковидное плоское навершие, «бабочковидное» или «почковидное» перекрестие, которое слабо выделено или отлито в одном рельефе с рукоятью, гладкую широкую плоскоовальную в сечении рукоять, ширина которой равна или почти равна ширине клинка, колодочку под наверши-

ем, клинок треугольной формы. Вариантом этого типа можно, как представляется, считать кинжалы с брусковидным навершием, «бабочковидным» или «сердцевидно-почковидным» перекрестием, гладкой широкой плоскоовальной или сложной в сечении рукоятью, ширина которой равна ширине клинка, удлиненным клинком с параллельными лезвиями. Кинжалы этого варианта найдены на поселении у города Степняк Кокчетавской области (рис. 3.9, 16) и в окрестностях села Сергеевка Акмолинской области в Северном Казахстане (рис. 3.9, 12) (Черников, 1954. С. 44. Рис. 22, 5; Исмагил, 2000. С. 133, 134. Рис. 1, 5), в кургане 1 могильника Жаман-Тогай на Средней Сырдарье (рис. 3.9, 15) (Максимова и др., 1968. С. 180. Табл. V, 10). Сюда же входит и кинжал из Центрального музея Казахстана (рис. 3.9, 13) (Максимова, 1956. С. 257. Рис. 2, 5), который, возможно, происходит из Южного Зауралья (Исмагил, 2000. С. 134, 135). Кинжалы этого варианта по общим очертаниям как раз и наиболее близки кинжалам усть-буконского типа. Кинжалы этой группы (баландинского или уйгаракского типа) существовали, вероятно, одновременно с кинжалами нурманбетского типа – в VII–VI вв. до н.э.

По своей форме и оформлению иртышский чекан ближе всего к чекану из Нового Уфимского могильника. У него такой же круглый в сечении боек, а втулка охвачена рельефным ободком, равным по ширине диаметру бойка и обуха. Обухок также слегка расширяется к сарупленному окончанию, но, в отличие от иртышского, в сечении он не плоский, а круглый. Почти аналогичен уфимскому чекан, найденный близ городища Кара-Абыз. По аналогии с чеканом из погребения С Ананьинского могильника А.Х. Пшеничнюк датировал оба предмета концом VI–V вв. до н.э. (Ахмеров, 1959. С. 159. Рис. 5; Пшеничнюк, 1973. С. 221. Рис. 30, 3, 4).

На территории, занимаемой ананьинской культурой, и в сопредельных с ней регионах, по данным С.В. Кузьминых, известно 20 чеканов различного типа, среди которых 12 экземпляров, включая Ново-Уфимский и Кара-Абызский, с головкой хищной птицы в углу между втулкой и бойком (Кузьминых, 1983. С. 138, 139). Из них по форме и пропорциям иртышскому наиболее близок чекан из погребения С Ананьинского могильника. Он имеет шестигранный боек, плоский обухок, верхняя часть втулки ornamentирована горизонтальными рельефными полосками (Збруева, 1952. С. 39. Табл. V, 5; XXII, 7; Кузьминых, 1983. Табл. LVI, 12). Это погребение А.В. Збруевой датиро-

вано концом VI или началом V в. до н. э. (Збруева, 1952. С. 41). Плоский обухок имеют также чеканы из погребения 22 Зуевского могильника, Пермского музея (без головкой хищной птицы) и из погребения XVIII Ананьинского могильника (Кузьминых, 1983. Табл. LVI, 2, 3, 11).

По мнению С.В. Кузьминых, «...ананьинцы познакомились с классическими бронзовыми чеканами не ранее конца VI в. до н. э.» И хотя «...ананьинские бронзовые и биметаллические чеканы соответствуют по внешнему облику древнейшим тагарским VII–VI вв. до н. э., но датируются они концом VI–V вв. до н. э.» (Кузьминых, 1983. С. 137, 138). Основанием для такого заключения послужила, очевидно, фиксируемая археологически перераспределения культурных связей племен ананьинской общности. Как отмечает С.В. Кузьминых, с конца VI в. до н. э. резко идут на убыль связи с Кавказом в целом и ранними скифами, но уже заканчивается становление «ананьинско-савроматских связей». Результатом данного процесса, считает С.В. Кузьминых, стала возможность установления торговых и культурных связей ананьинского мира с сакским и тагарским. Это, в свою очередь, привело к появлению в Волго-Камье в конце VI в. до н. э. черешковых наконечников стрел, бронзовых кинжалов североказхастского типа, бронзовых и биметаллических чеканов (Кузьминых, 1983. С. 119, 136; см. также: Иванов, 1984. С. 35, 36). Однако торговые и культурные связи ананьинцев с сакским миром существовали еще в VIII – первой половине VI вв. до н. э. – до становления «ананьинско-савроматских» контактов (Членова, 1981. С. 4–20; Таиров, 2002а). Следует отметить, что в хорошо датированных комплексах Южного Урала второй половины VI–V вв. до н. э. нет кинжалов североказхастского типа и чеканов, а черешковые наконечники стрел единичны (Гущалов, 2000. С. 41, 42).

Для датировки ананьинских чеканов С.В. Кузьминых использовал схему развития и датировку тагарских чеканов, предложенную Н.Л. Членовой. Так, например, по мнению Н.Л. Членовой, тагарские чеканы с головкой хищной птицы под бойком начинают отливаться с конца VI в. до н. э. и становятся правилом в V в. до н. э. (Членова, 1967. С. 27). Данное положение стало одним из аргументов датировки целой серии ананьинских чеканов (Кузьминых, 1983. С. 140–142). Однако, рассматривая внешние связи тагарской культуры, Н.Л. Членова приходит к выводу, что в какой-то период в течение VII–VI вв. до н. э. она находилась в состоянии полной изоляции от соседних культур.

Положение, по ее мнению, меняется в V в. до н. э., когда возобновляются контакты с западными территориями. Результатом этого стало появление в Минусинской котловине бронзовых предметов, украшенных в так называемом алтайском зверином стиле, распространенном на Алтае, в Казахстане, Приаралье (Членова, 1998. С. 676). Анализируя чеканы с головкой хищной птицы между втулкой и бойком из Ананьинского и Ново-Уфимского могильников и окрестностей городища Кара-Абыз, Н.Л. Членова отмечает, что они действительно находят самые точные аналоги с тагарскими чеканами. «Однако в Минусинской котловине таких чеканов мало (всего 7), и некоторые детали, в особенности обухок одного из них, украшенный изображениями в алтайском зверином стиле, указывают на проникновение их с запада, то есть, по крайней мере, из бассейна Оби». Находки же очень близких по форме чеканов в Иране позволяют, по ее мнению, «судить о существовании таких чеканов в обширной области между Иртышом и бассейном Оби, откуда они, вероятно, и попали в Прикамье» (Членова, 1981. С. 7).

VII в. до н. э. датируется курган 4 могильника Усть-Хадыхных I в Туве, где вместе с кожаным поясом с бронзовыми обоймами первой группы найден бронзовый чекан с головкой хищной птицы в углублении между втулкой и бойком, близкий иртышскому. У него крутой в сечении бок, заканчивающийся четырехгранным острием, втулка охватена рельефным ободком, равным по ширине диаметру бойка и обуха (Виноградов, 1980. Рис. 1).

Исходя из датировки комплексов кургана 84 могильника Уйгарак (VIII – первая половина VI в. до н. э.) и Имирлере (первая половина VII в. до н. э.), в состав которых входили биметаллические чеканы с головкой хищной птицы между бойком и втулкой, Г.Н. Курочкин пришел к выводу, что родины чеканов с головкой хищной птицы между бойком и втулкой были Саяны. На рубеже VIII–VII вв. до н. э. они проникают в Западную Сибирь и Казахстан, где типологически являются ранними. А одним из наиболее ранних в этих регионах он считает уйгаракский биметаллический чекан (Курочкин, 1991. С. 103, 104). С высказанным Г.Н. Курочкиным, а также Г.Н. Курочкиным и И.В. Субботиным (1993. С. 103, 104) мнением о том, что чеканы с головкой хищной птицы между бойком и втулкой являются наиболее ранними и что бронзово-железные чеканы с головкой птицы идентичны бронзовым раннетагарским с таким же оформлением, не согласилась Н.Л. Членова.

С ее точки зрения, «тагарские и западные чеканы с птичьей головкой – это две разные ветви чеканов». У западных чеканов, прежде всего биметаллических, втулка длиннее, чем у тагарских, бойки и обушки плоские, а у тагарских – круглые или многогранные (Членова, 1997. С. 15).

Накопленные за последние десятилетия материалы позволили пересмотреть хронологию ананьинской культуры и, в частности, удревнить ее ранние этапы. На третьем этапе культуры (VII–первая половина VI вв. до н. э.) начинают встречаться бронзовые и биметаллические чеканы с длинной втулкой и часто с головкой хищной птицы в углу между бойком и втулкой (Коренюк, 2000. С. 75, 79). VII в. до н. э., возможно, его первой половиной датируют чеканы из Ананьинского могильника с головкой хищной птицы под бойком С.Н. Маратканов (2003. С. 122). Возможно, первой половиной VII в. до н. э. датируется бронзовый чекан с риси Сарабанха в Пермской области, который, как и иртышский чекан, имеет плоский обушок и головку хищной птицы между втулкой и бойком (Денисов, Коренюк, 2001. С. 142. Рис. 1).

Подводя итоги, отметим, что погребение 3 в кургане 2 могильника Иртыш 14 является, на наш взгляд, одним из наиболее ранних свидетельств военной активности кочевников на южных рубежах иткульского мира. На берегах озер Иртыш и Большая Наного находится несколько городищ иткульской культуры (Иртышское I и II, Семеновское и др.). Эти памятники вместе с Иткульским I городищем на озере Иткуль, в 30 км севернее озера Иртыш, входят в Иртышское гнездо культуры, которое функционировало в VII–IV вв. до н. э. (Бельтикова, 1993. С. 98; 1997. С. 19, 20). Наиболее ранний памятник гнезда Иткульское I городище является также одним из первичных металлургических центров иткульского очага медной металлургии. Время существования городища Г.В. Бельтикова определяет концом VII – началом IV вв. до н. э. (1986. С. 77), концом VII – V вв. до н. э. или VII–IV вв. до н. э. (1993. С. 98, 99). Появление иткульских городищ на берегах Иртыша и прилегающих к нему озер Г.В. Бельтикова (1993. С. 102) относит к VI в. до н. э. Время функционирования Иртышского I городища она определила первоначально VI–III вв. до н. э. (1977. С. 131), позднее – второй половиной VI–IV вв. до н. э. или V–IV вв. до н. э. (1993. С. 98, 99). Как нам кажется, более вероятной его нижней датой является VI в. до н. э. или VII–VI вв. до н. э. Найденные на городище бронзовые зеркала с петлей на обороте – одно из них с высоким вертикальным бортиком,

другое – без бортика (Бельтикова, 1977. Рис. 4, 6, 17) – датируются, как правило, VII–VI вв. до н. э., а к V в. до н. э. они почти полностью исчезают. В пределах VI–IV вв. до н. э. датируется Иртышское II городище, в материалах которого имеется костяная матрица под бронзовый двухлопастной втульчатый наконечник стрелы листовидной формы (Любчанский, Наумов, 1996. С. 169, 174. Рис. 6, 7).

О достаточно раннем проникновении кочевников в ареал иткульской культуры говорит и находка подпружной пряжки в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника с берегов озера Иртыш (Полидович, 1994. Рис. 1, 1). Данное изделие по схеме изображения датируется второй половиной VII–началом VI вв. до н. э. Ближайшей аналогией ей являются подпружная пряжка из кургана 33 могильника Уйтарак и бляха из погребения 926 Старшего Ахмыловского могильника (Полидович, 1994. С. 73).

Обращает на себя внимание совпадение во времени процесса становления иткульской культуры и функционировавшего на ее базе металлургического очага и начала активного проникновения кочевников в лесостепь, в частности в ареал формирующейся иткульской культуры. Как нам кажется, именно потребность кочевого мира в цветном металле определила становление и стимулировала дальнейшее развитие иткульской культуры и иткульского очага металлургии, который и в дальнейшем был тесно связан со Степью (Кузьминных, 1993. С. 122; Коряхова, 1997. С. 140; Савельев, 2000. С. 35). Результатом же военной активности кочевников в VII–VI вв. до н. э. явилось установление, по всей вероятности, системы даннических отношений – в обмен на гарантии «покровительства» иткульские племена поставляли кочевникам цветной металл и изделия из него. При этом «иткульцы», очевидно, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарная и экономическая общность.

Военно-грабительский характер первых контактов, а в дальнейшем и даннические отношения привели к почти полному отсутствию культурно-идеологических контактов между «иткульцами» и кочевниками. Их взаимоотношения, не затрагивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего элитарные группы населения.

Ситуация, имевшая место в VII–начале VI вв. до н. э. в ареале иткульской культуры, была близка, на наш взгляд, той ситуации, что сложилась в киммерийское время на правобережье лесостепей.

ного Среднего Поднепровья. Здесь присутствуют три основных группы киммерийских памятников. Это, во-первых, погребения, во-вторых, предметы киммерийского вещевого комплекса на поселениях автохтонного населения и, в-третьих, многочисленные случайные находки, в числе которых преобладают воинские аксессуары. Причину, по которым киммерийцы, а впоследствии и скифы продвинулись на север, в лесостепные пределы, С.А. Скорый (1993. С. 90–92) видит в стремлении овладеть источником получения металла, игравшего огромную роль в воснизированном быте кочевников. Не исключено, что поиски источников получения металла были одной из главных причин, побудивших «киммерийцев»⁴, а затем и ранних скифов проникнуть на территорию Южного Урала (Гуцалов, 2000а. С. 65; 2001).

Примечания

¹ По мнению К.В. Чугунова (2000. С. 226), датировка могильника Усть-Хадымных I серединой VII в. до н. э. «в свете последних разработок выглядит несколько завышенной».

² Данный кинжал в монографии Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина (1997. С. 85. Рис. 60, 4) обозначен как случайная находка из Шемяки. В подписях к иллюстрациям дается ссылка на таблицу помещенную в томе «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сармат-

ское время. М., 1992», где этот кинжал обозначен М.П. Грязновым как случайная находка у города Зырянского (Грязнов, 1992. С. 345. Табл. 61, 1).

³ Н.Л. Членова (1993. Рис. 16, 4) приводит еще один кинжал из «Восточного Казахстана, окрестностей г. Павлодара», который удивительно напоминает кинжал из села Песчаное. При этом она ссылается на книгу-альбом П. Агапова и М. Кадирбаева «Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, “Жалын”, 1979». Рисунок приводимого Н.Л. Членовой, кинжала на с. 96, является, по нашему мнению, «художественной» прорисовкой кинжала из села Песчаное. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить «художественную» прорисовку кинжала из могильника Айдабул, помещенную на с. 97 данного издания, с рисунком К.А. Акишева (1959. Рис. 15).

⁴ С «киммерийцами» на Южном Урале мы связываем оловянный камень из Большого Гумаровского кургана, принадлежащего той же традиции, что и предкавказские и некоторые причерноморские стелы (Исмаилов, 1988. С. 33; Ковалев, 2000. С. 161–162). Под влиянием «киммерийцев» в Южном Зауралье появились и своеобразные бронзовые «киммерийские» кинжалы (Тавров, 2002).

⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования Российской Федерации (грант Г02-1.2-35) и РГНФ (проект 02-01-00504а/Т).

2. Могильник Сарытау-1. Курган 7 (скифская эпоха)

Находки металлических, в первую очередь железных, наконечников копий в погребениях кочевников Южного Приуралья VI–IV вв. до н. э. по сей день являются редкостью. Сегодня их известно всего 25 из 22 погребений¹, многие из которых исследованы совсем недавно. К числу таких относятся и публикуемый комплекс с территории казахстанского Приуралья.

Могильник Сарытау-1, где была сделана эта находка, расположен в 10 км южнее поселка Табантал (центральная усадьба хозяйства «Магаджановский» Хромтауского района Актюбинской области) на вершине водораздельного плато между пересыхающими речушками Сокрысай и Тайкеткен, впадающими в 2–3 км к западу с юга в реку Табантал (правый приток Илека в его верховьях). Он состоял из трех отдельных могильных групп: северной, представленной двумя прямоугольными каменными склепами, относящимися, вероятно, к эпохе бронзы, соединенными друг с другом узким коридором из вертикально стоящих каменных плит; центральной (позднесарматского времени), состоявшей из пяти компактно расположенных уплощенных земляных курганов и склепа²; и южной – цепочки из пяти курганов с камнем в насыпи, растянувшейся от вершины плато с С–СВ на Ю–ЮЗ на 250 м. В 1992 году в южной цепочке были раскопаны три кургана скифского времени.

Курган № 7, крайний в могильнике с юго-запада, был расположен на самом краю плато, у его спуска в долину Сокрысай. Под рыхлой песчаной полусферической насыпью диаметром 12 м, высотой 0,62 м на погребенной почве вокруг кургана фиксировалось кольцо из дикого камня диаметром до 8 м (рис. 3.10, 1). В центре погребальной площадки был заклад из каменных плит, находившийся над могильной ямой. Длина его 3 м, ширина – 1,5 м. Яма неправильной прямоугольной формы, ориентированная с СВ на ЮЗ, на уровне погребенной почвы имела размеры 1,65×2,8 м. Стенки ввиду мягкости материка имеют следы обрушения. На глубине 0,8 м вдоль стенок шел ступенчатый уступ шириной 0,1–0,2 м. В заполнении ямы от поверхности до дна фиксировалась мелкая труха от поперечно положенных на уступы деревянных плах (рис. 3.10, 2). Ко дну могила приобрела форму правильного прямоугольника длиной 2,1 м, шириной 0,9 м. На дне на глубине 1,6 м от уровня погребенной почвы находились плохо сохранившиеся останки взрослого человека (череп,

значительная часть скелета и кости ног истлели). Судя по сохранившимся костям и положению находок, погребенный лежал вытянуто на спине и был ориентирован головой на Ю–В. Ноги, вероятно, были вытянуты (рис. 3.10, 2).

В ногах покойника в западном углу стоял черепиный круглодонный лепной горшок. В его тесте хорошо заметен талк. Поверхность залощена. Сосуд высотой 18,8 см имеет шаровидное тулово диаметром 18 см и короткую воронковидную горловину диаметром 12,5 см. По его плечу прочерчены два ряда узких горизонтальных желобков, пространство между которыми заполнено рядом вертикальных вдавлений. К нижнему желобку примыкает линия горизонтального зигзага (рис. 3.10, 25). В центре ямы найден железный меч с бабочковидным перекрестием и когтевидным наконечником. Рукоять меча лежала на тазовых костях, острие в деревянных ножнах (сохранилась лишь труха) направлено к западной стенке. Клинок его постепенно сужается к острию. Длина меча 64 см, ширина рукояти 3,5 см, ширина клинка 3,5–4,5 см (рис. 3.10, 27). Возле него лежали костяная (рис. 3.10, 19) и бронзовая (рис. 3.10, 18) ворворки. Высота их 1,8 см, диаметры соответственно 1,2 и 1,0 см. В юго-восточном углу у правого плеча лежал втульчатый железный наконечник копья. Он был вбит острием в дно и согнут под прямым углом. Не исключен вариант, что копье было воткнуто в дно, а затем, подвергшись коррозии, обломалось и упало на скелет. Втулка конической формы с валиком по краю и двумя штырями в противоположных концах, предназначенных для жесткого крепления наконечника к древку, чуть сужается к перу. Между штырем и валиком наблюдались прилипшие к втулке сыромятные ремни, поверх которых был кусок кожи. Перо копья листовидной формы с валиком посередине, являющимся естественным продолжением втулки (рис. 3.10, 28). Общая длина наконечника 36,5 см, ширина пера – 8,5 см. В центре ямы вдоль западной стенки лежали ребра овцы (?). Далее к югу были найдены 15 бронзовых втульчатых наконечников стрел (рис. 3.10, 3–17), среди них лежали две деревянные планки (рис. 3.10, 22, 24), железный стержень с муфтой (деталь нагайки?) (рис. 3.10, 26), небольшой кожаный фрагмент колчана (рис. 3.10, 21), а также железный колчаный крючок (рис. 3.10, 23), лежавший на небольшой плоской точильной плитке подквадратной формы (рис. 3.10, 20).

Деревянные планки, найденные среди скопленных наконечников стрел, вероятно, являются деталями крепления колчана. Так же, как и же-

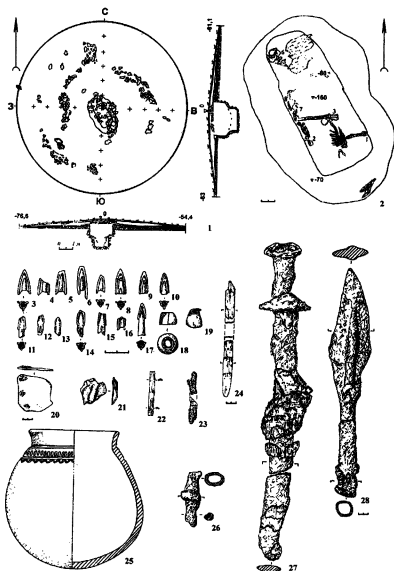

Рис. 3.10. Могильник Сарытау. Курган 7.

1 – общий план и разрез бровок; 2 – план погребения; 1 – наконечник копья, 2 – точильный камень, 3 – меч, 4 – деревянные планки, 5 – наконечники стрел, 6 – глиняный сосуд, 7 – колчаный крючок. 3–28 – инвентарь: 3–17 – наконечники стрел, 18–19 – ворзюки, 20 – точильный камень, 21 – фрагменты колчана (?), 22, 24 – деревянные планки, 23 – колчаный крючок, 25 – сосуд, 26 – фрагмент нагайки (?), 27 – меч, 28 – наконечник копья. 3–18 – бронза, 19 – кость, 20 – камень, 21 – кожа, 22, 24 – дерево, 23, 26–28 – железо, 25 – глина

лезный стержень с муфтой, они не имеют значения в определении даты погребения. Абразные точильные плитки из песчаника иногда встречаются в могилах кочевников скифо-сарматской эпохи (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 20,9,10,14; Мошкова, 1963. Табл. 22,7,8). Не очень прояснит культурно-хронологическую позицию исследуемого комплекса и железный колчаный крючок из-за его плохой сохранности. Необходимо заметить, что находки колчаных крючков в курганах равнин кочевников Южного Приуралья известны с VI по IV вв. до н. э. (Смирнов, Петренко, 1963; Мошкова, 1963). Находки рядом с мечами и колчанами воровок также характерны для приуральских «сарматов» (Мошкова, 1963. С. 31). В комплекте бронзовых наконечников стрел представлено шесть экземпляров трехлопастных с внутренней втулкой, сводчатой головкой и заостренными лопастями длиной 1,6–2,6 см, относящихся к XII типу по классификации К.Ф. Смирнова (рис. 3.10, 3–5, 8, 9, 16). В Южном Приуралье они широко известны в погребениях VI–V вв. до н. э. Эти стрелы выходят из употребления к началу IV в. до н. э. (Смирнов, 1961. Табл. III). К указанному времени головки наконечников данного типа приобретают подтреугольную форму. Большинство же из исследуемых наконечников, напротив, имеет архаичные черты. Еще два наконечника с утолщенной втулкой длиной 1,8 и 2,2 см (рис. 3.10, 6, 7) относятся к X типу и, по мнению К.Ф. Смирнова, более характерны для колчанов поволжских савроматов, где они типичны в VI–V вв. до н. э. (Смирнов, 1961. Табл. II, 13–18, 56–64). Возможно, что к этому же типу относится единственный наконечник с едва выделяющейся внешней втулкой (рис. 3.10, 10). Во всяком случае К.Ф. Смирнов относит похожий экземпляр к указанному типу (Смирнов, 1961. Табл. III, 63). К достаточно широко распространенному у «сарматов» Южного Приуралья на протяжении V–IV вв. до н. э. типу 9B относится единственный экземпляр (рис. 3.10, 17). Он имеет удлиненную конусовидную втулку, подтреугольную головку со слегка выступающим жалом (Мошкова, 1963. Табл. 14). К другому, типичному для приуральских колчаных наборов типу 9A, относится пять трехлопастных наконечников с внешней втулкой и подтреугольной головкой длиной 1,6–2,3 см (рис. 3.10, 11–15). В сарытауском погребении наконечники стрел описываемого типа имеют очень плохую сохранность головок, исходя из форм которых можно было бы высказать суждение о дате их распространения. Но все же стоит отметить их незначительные размеры, что является свидетель-

ством в пользу их более позднего изготовления. У кочевников Урало-Поволжья они получают широкое распространение лишь с конца V в. до н. э.

Железные мечи, имеющие бабочковидное перекрестие и когтевидное навершие с поперечной перекладиной, характерны для вооружения древних кочевников Северного Причерноморья и Урало-Поволжья (Мелюкова, 1964. С. 55. Табл. 20; Смирнов, 1961. С. 21–22). Р.Б. Исмагилов убедительно доказал, что генезис мечей данного типа восходит к так называемым «парадным» акинакам скифов Северного Причерноморья (Исмагилов, 1978. С. 232). Логичен его вывод о том, что мечи с когтевидными навершиями, соединенными при помощи перекладины, являются развитием более архаичных мечей с когтевидным навершием без перекладины, а потому являются более поздними по сравнению с первыми. Широкое распространение они получили среди памятников скифо-сарматского круга с начала IV в. до н. э. (Исмагилов, 1978. С. 232). Признаться, было бы заманчиво обратить внимание исследователей на находку близкого по форме экземпляра из погребения 3 кургана 48 Акташского могильника в Крыму, датированного исследователями второй половиной V в. до н. э. (Бессонова, Скорый, 1986. Рис. 4). Набор вещей отсюда во многом близок сарытаускому, правда, на навершии меча отсутствует горизонтальная перекладина, что является формальным поводом считать комплекс из Казахстана более поздним.

Обнаруженный в могиле массивный наконечник копья, характеризующийся листовидным пером и конической втулкой, плавно переходящей в валикообразное ребро, относится к так называемому «северокавказскому» типу (Хазанов, 1971. С. 45–48). Истоки наконечников копий данного типа восходят к культурам Восточной Европы и Казахстана эпохи поздней бронзы. Среди памятников кочевнического облика Восточной Европы они известны с эпохи скифской архаики, в частности, подобные копья происходят из кургана 1-й половины VII в. до н. э. у села Квитки в Поросье (Ковпаненко, Гупало, 1984. С. 50). Следует отметить, что наконечники копий этого типа, получившего распространение в древности Восточной Европы в течение всего скифского периода (Бессонова, Скорый 1986. С. 167), в целом более характерны для эпохи скифской архаики (Черненко, 1984. С. 45). В погребениях кочевников Южного Приуралья аналогичные предметы найдены в разрушенном кургане Кочкарь, датированном М.Г. Мошковой IV–III вв. до н. э. (Мошкова, 1963. С. 17)², в погребении 3 кургана 7 группы «Четы-

ре Мара», относящегося ко времени не позже середины V в. до н. э. и в погребении рубежа V–IV вв. до н. э. кургана 7 могильника Новоорский 1⁴. Необходимо указать, что определенным диссонансом к вышеизложенному положению является находка аналогичного наконечника из парного погребения 2 кургана 21 могильника Барановка в Нижнем Поволжье в сопровождении двух кинжалов с кольцевым навершием и прямым перекрестием (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. С. 40. Рис. 21, 2–4). Однако в определении даты сарытауского погребения необходимо учитывать тот факт, что уже с рубежа V–IV в. до н. э. в паноплиях скифо-сарматских дружинников безраздельно господствуют «штурмовые» копья, наконечники которых имеют вытянутые жала ромбического сечения (Васильев 1993. С. 27; 1995. С. 11).

Таким образом, анализ комплекта вооружения из кургана 7 на холме Сарытау позволяет датировать его временем конца V – рубежом V–IV вв. до н. э. Указанной дате не противоречат обнаруженный в тесте, украшенный резным орнаментом, и юго-восточная ориентировка покойника. Согласно традиционным взглядам, прохоровская культура сложилась в IV в. до н. э., а наиболее характерные для нее черты появляются уже в конце V в. до н. э. (Смирнов, 1964. С. 286–287; Железников, 1992. С. 92).

При анализе погребального инвентаря данного памятника было обращено внимание на тот факт, что в курганах скифо-сарматских дружинников Восточной Европы находки наконечников копий, как правило, сочетаются с мечами вполне определенных типов. Так, абсолютно во всех случаях, зафиксированных среди памятников Южного Приуралья, мечи и кинжалы представлены либо бабочковидным перекрестием, либо технологически близким ему «сломанным под тупым углом бруском». Навершия же в двух случаях имеют брусковидную форму, в одиннадцати – форму сломанного бруска, в одном – грибовидную, в пяти – коттевидную и один раз – зооморфную в виде обращенных друг к другу голов орлов, близкую последней. Налицо преобладание двух традиций воинской «моды», объяснимое хронологическими различиями. На ранних этапах сарматской культуры воинская знать Приуралья предпочитала носить акинаки с зооморфным коттевидным навершием и бабочковидным перекрестием. Очень часто рукояти изучаемых мечей представляли собой два прута, прикрепленных к клинку и навершию, в то время как с IV в. до н. э.

господствуют типичные прохоровские мечи, что объяснимо нарастанием вала «стандартизации» сарматского вооружения.

Истоки первых мечей, получивших название «парадных», исследователи вполне резонно видели в древностях северопричерноморской Скифии (Смирнов, 1961. С. 21–22; Исмагилов, 1978. С. 233). В глубине приуральских степей их насыщают единицы, тогда как значительное их число встречено в виде случайных находок к северу от реки Урал на стыке лесостепной и степной природных зон (Горбунов, Исмагилов, 1976; Исмагилов, 1978; Таиров, 1990. Табл. 89–90). Безусловно, они местного производства, однако более важным фактом является география этих находок. Данные акинаки встречаются на традиционных путях миграций древних и средневековых кочевников из Азии в Восточную Европу (Таиров, 1995; Исмагилов, 1991. С. 35). То есть именно здесь, в первую очередь, должны были появляться и закрепляться традиции скифов Северного Причерноморья доминирующих политических и культурно в то время в степях Восточной Европы. В этой связи знаменательно выглядела бы карта находок копий в курганах Приуралья. К югу от реки Урал погребения с копиями встречены шесть раз (в их числе курган 11 могильника Караоба в междуречье Волги и Урала), остальные сгруппированы у границ с лесостепью, в основном на северо-востоке региона.

Среди тысяч раскопанных памятников Южного Приуралья к савромато-прохоровскому времени относится чуть более 20 погребений воинов, вооруженных копиями. Совершенно иная картина представлена в Северном Причерноморье – из более четырех тысяч комплексов с вооружением более чем в одной тысяче погребений присутствуют наконечники копий и дротиков (Черненко, 1987. С. 14). Приуральские дериваты однотипны скифским. Нет сомнения в том, что этот вид вооружения был выработан в Скифии, а затем был привнесен воинской знатью в сарматские регионы. Аналогичным образом обстоит дело с распространением защитных доспехов – на 400 панцирей скифов Причерноморья (Черненко, 1987. С. 14) в Приуралье более 10 встречены в погребениях воинской знати IV–II вв. до н. э. (Васильев, 1993. С. 27–28). При этом два цельнометаллических доспеха (торакса), найденные в 1-м Прохоровском кургане и в V Бердянском могильнике, явно импортного (греческого) происхождения, чешуйчатый же панцирь, по мнению исследователей, мог быть заимствован либо из Скифии, либо у саков Средней Азии (Васильев,

1995. С. 12). Первый вариант нам кажется предпочтительнее по следующим причинам.

Одна из примечательных черт погребального обряда изучаемого захоронения, которую необходимо рассмотреть в свете скифо-«сарматских» контактов, – неоднократно зафиксированный ритуал намеренной порчи оружия. В частности, переломан меч в нижней трети клинка, обломаны или погнуты жала у 10 из 15 наконечников стрел, но особенно поразителен факт забивания копы в дно могилы. Кстати, положение последнего поперека могильной ямы позволяет предположить, что было специально сломано и древо копы, так как копы этой поры у «сарматов» Южного Приуралья были длиной от 1,9 м и более (Васильев, 1993) и уж никак ни в пределах 1 м, как это позволила бы ширина могилы или ее высота, если бы копы стояло у стенки. Случаи преднамеренной ломки предметов вооружения в могилах древних кочевников Восточной Европы уже неоднократно отмечались исследователями (Смирнов, 1964. С. 249; Бессонова, 1984). Хрестоматийно известен случай, когда в древности было надломано острие пера одного из копий в кургане А12 у села Блюменфельд (Хазанов, 1963. С. 96). Поразителен факт специального слома меча, одного из ритуальных сарытаускому, из кургана 11 могильника Караоба, где найден также и наконечник копы (Хазанов, 1971). Не ставя целью разобраться в причинах данного явления в погребальной практике древних nomadов, заметим, что это характерно, в первую очередь, именно для погребений воинской знати «сарматов». Значительный материал к изучению данного явления накоплен по истории культуры скифов Северного Причерноморья. С.С. Бессонова считает, что данный обряд появляется там не позже V в. до н. э. и является проявлением культа героев именно среди выдающихся воинов скифского общества (Бессонова, 1984. С. 16). Параллели в погребальном ритуале захоронений знатных воинов вышеназванных регионов столь разительны, что, вероятно, есть смысл говорить не о близости идеологических представлений черноморских скифов и приуральских «сарматов», а об их тождестве, если даже не об абсолютной идентичности.

Уже с середины VI в. до н. э. степи Южного Приуралья оказались в сфере культурно-политического влияния скифов Северного Причерноморья (Таиров, Боталов, 1996), что было связано с повторным завоеванием скифами степных пространств Восточной Европы. Очень близкая схема событий представляется исследователям

памятников скифского времени Верхнего Подонья (Медведев, 1997. С. 22). И в Приуралье, и в Верхнем Подонье курганы воинской элиты имеют отчетливые параллели с аналогичными по социальному облику скифскими памятниками лесостепной Украины VII–VI вв. до н. э. (Медведев, 1997. С. 26; Гуцалов, 1998). Показательно, что в Южном Приуралье именно в курганах воинской знати конца VI – середины V вв. до н. э. фиксируются взаимоувязанные наиболее диагностирующие черты раннесарматской (прохоровской) культуры (Пшеничнюк, 1995. С. 95–96; Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 147–148).

Уже высказывалось соображение о том, что скифская воинская элита, продвинувшись из лесостепной Украины, стала этнокультурным ядром прохоровской культуры Приуралья VI–II вв. до н. э. (Гуцалов, 1998). Очевидно, что проникновение этой группы населения произошло по лесостепному «коридору» Восточной Европы, и основная ее часть в итоге оказалась к востоку от Уральского хребта, в зоне кочевания орско-илекских nomadов. Но, несмотря на господство западного направления миграций древних и средневековых кочевников Евразии, начиная с I тысячелетия до н. э., оно не имело абсолютного значения и в силу причин этнополитического, природно-климатического и иного характера, были возможны и происходили переселения отдельных групп людей в ходе войн и набегов также и в восточном направлении. Данный вывод хорошо подкрепляется материалами из курганов военно-жреческой элиты Приуралья VI–V вв. до н. э.

Примечания

¹ К таковым, помимо публикуемого, относятся: Переволочан, курган 10, погребение 1, 2, 4; Сивай II, курган 7 (2 экз.); Муракаево, курган 4, погребение 3; Ибрагимовский одиночный; Камбулатовский, курган 1; курган у Южноуральска (2 экз.); курган Темир; курган Березовский (2 экз.); курган Кочкар; «Четыре Мара», курган 7, погребение 3; Новоорский 1, курган 7; Покровка 8, курган 2, погребение 2; Бесоба, курган 9; Лебедевка VI, курган 25, погребение 2; Лебедевка VII, курган 16, погребение 7; Караоба, курган 11, Барбастау II, курган 4; Барбастау IV, курган 16; курган у хутора Веселый.

² См.: Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических работах в Актобинской области в 1992 году.

³ Безусловно, фрагментарность и немногочисленность сопровождающего инвентаря, в первую очередь, такой категории, как наконечники стрел, оставляют сомнения в определении хронологической позиции комплекса. Меч, происходящий оттуда, характерен для V в. до н. э. Его перекрестие не прямое, а представляет собой сломавший под тупым углом брусок. Навершие же, в свою очередь, имеет форму полумесяца и было, вероятно, когтевидным. Из двух бронзовых трехлопастных наконечников стрел один относится к 18 типу по классификации К.Ф. Смирнова, время распространения которых приходится в основном на V–IV вв. до н. э. (Смирнов, 1961. Табл. V), а другой принадлежит варианту А 9-го типа, широко распространенного с VII по рубеж III–II вв. до н. э. (Смирнов, 1961. Табл. III). Восемь коротких с прямым стержнем псалли и колычатые удила, подобные тем, что найдены в кургане Кочкар, были распространены в курганах номадов Южного Приуралья еще в «сарматское» время (Смирнов, 1961. С. 86). Можно признать более убедительной дату рассматриваемого комплекса – рубеж V–IV вв. до н. э.

⁴ Приношу искреннюю благодарность С.Н. Заседателевой, автору раскопок двух последних курганов, за возможность сослаться на еще не опубликованный материал.

3. Могильник Солянка II. Курган 2 (среднесарматская культура)

В последние годы в вопросе хронологии среднесарматской культуры возобладало мнение исследователей о ее омоложении до середины I – начала II в. н. э. (Скрипкин, 1990. С. 214; Сергацков, 2000. С. 238–239) и тем самым соотношения ее с аланами. Весьма вероятно, что вышеуказанная тенденция получила распространение на территории нижневолжских, нижнедонских и украинских степей, однако отдельные погребальные комплексы Южного Приуралья, приуроченные к пойме реки Урал, не соответствуют данному взгляду на развитие этнокультурных процессов в сарматской Ойкумене на рубеже нашей эры.

Настоящая работа посвящена первичной публикации и анализу материалов именно такого погребения, исследованного на территории Уральского левобережья в могильнике Солянка II и раскопанного в 2003 году отрядом ЗКО ЦИА под руководством А.А. Бисембаева. Могильник Солянка II находится в пяти км к югу от поселка Тонкерис. Группа, содержащая более десяти земляных курганов и мазаров, размещается на небольшой площадке вдоль крутого обрыва речки Солянка – левого притока Урала в семи-восьми км от поймы последнего.

К среднесарматской культуре относится курган 2, располагавшийся в 20 м к северу от больших глиняных средневекowych мазаров. Вершина его была уплощенной и неровной вследствие руинизации глиняного мазара эпохи позднего средневековья, остатки которого наслонились на более раннее курганное сооружение (рис. 3.11, I). Современные размеры объекта: диаметр – 11 м, высота – 0,1 м. Под средневекowym насыпным слоем был прослежен материковый выброс из более древней могилы. Эта могильная яма располагалась к югу от условного центра кургана в южном углу мазара. Над ямой прослежено перекрытие из деревянных досок, радиально сходящихся к вертикально стоящему столбу в северном углу ямы (рис. 3.11, I). Могила, близкая по форме к квадрату, имела размеры 1,75×2,6 м. Глубина – 1,5 м от уровня погребенной почвы. В заполнении ямы обнаружена костяная проколка (рис. 3.12, 20). Дно ямы было покрыто слоем желтого песка толщиной до 5 см. На дне ее по диагонали головой на 3–ЮЗ на растительном тлене вытянуто на спине располагался скелет взрослого человека (рис. 3.11, II). Череп лицевой частью обращен к югу, кости рук вытянуты вдоль скелета, фаланги кистей прижаты к тазовым костям, кости

ног лежали прямо. Захоронение сопровождалось следующими предметами: глиняный лепной сосуд, украшенный по плечу рядом из трех небрежно прочерченных горизонтальных полос (рис. 3.12, 1), – в северо-восточном углу ямы. Рядом с ним лежали трубчатые кости конечностей овец. Высота горшка 22,5 см, тулово шаровидной формы диаметром 20,5 см, венчик короткий, воронковидный диаметром 10,4 см, дно уплощенное диаметром 10 см, тесто хорошо отмученное с примесью шамота, поверхность тщательно заглажена; пряжка с круглой рамкой и подвижным язычком (рис. 3.12, 3) – у локтя левой руки; наконечники стрел (не менее 20) со сводчатыми головками и короткими черешками (рис. 3.12, 5–19) – у левого колена; каменная плитка (рис. 3.12, 4) – среди наконечников стрел; железный кинжал с кольцевым навершием диаметром около 2 см в деревянных ножнах, покрытых красной краской (рис. 3.12, 21) – рукоятью у правой кисти и острием клинка – под коленом правой ноги; железная трубочка с тесловидным раструбом (рис. 3.12, 2) – у правого колена возле окончания клинка.

По большинству культурно-диагностирующих признаков данное погребение относится к среднесарматской (еусловской) культуре (Граков, 1947. С. 105). В пользу этого говорит и квадратная форма могильной ямы, и диагональное положение скелета, и, собственно, набор инвентаря, состоящий из пучка железных черешковых наконечников стрел, пряжки и глиняного сосуда. В то же время типологически эти предметы отличаются от тех, что представлены в погребальных комплексах начала I тысячелетия н. э.

В настоящем погребении среди железных наконечников стрел преобладают экземпляры со сводчатыми головками и четко обозначенным бортиком по краю лопасти. Несмотря на то, что стрелы, имеющие вышеобозначенные признаки, характерны для прохоровской культуры Южного Урала и Западного Казахстана (Гуцалов, 2000. Табл. 14) и появляются в орско-уральских степях еще в V в. до н. э. (Пятимары I, 4/2) (Смирнов, 1964. Рис. 32, 4), встречаясь в погребениях конца IV–III вв. до н. э. (Мечетсай, 7/8; Жаман-Каргала I, 17/2) (Смирнов, 1975. Рис. 43, 7; Гуцалов, 2000. Табл. 14), они присущи наряду с наконечниками с треугольной головкой памятникам среднесарматской (еусловской) культуры первых веков н. э. (Скрипкин, 1990; Сергачков, 2000. Рис. 62, 10). Более того, они встречаются и в погребениях позднесарматской культуры II–III вв. до н. э. как на территории Нижнего Поволжья (Сергачков, 2000. Рис. 37, 4), так и на Южном Урале (Пшеничнов, 1983. Табл. ЛП.8).

Крутирамчатые пряжки с подвижным язычком получили распространение среди памятников прохоровской культуры южноуральских степей в III–I вв. до н. э. В исследуемой яме они обнаружены в семи погребениях – Покровка 1, 16/1; Покровка 8, 1/11; Близицы, 4/2; Покровка 1, 4/4; Новопавловка, 5/1; Барбастау I, 8/9; Илекиар I, 8/3. В комплексах вместе с ними встречены мечи с серповидными и кольцевыми навершиями или без таковых и прямыми перекрестиями; железные черешковые наконечники стрел; кусочки окаменелого дерева и каменные «молоточки»; бронзовые зеркала с плоским диском и широкой ручкой, либо с валиком по краю и ручкой-штырем; бронзовые пряжки восьмеркообразные и ажурные; гончарные кувшины и др. Но следует заметить, что пряжки рассматриваемого типа имели длительное хождение в быту, по крайней мере, они были широко представлены в позднесарматское время (Скрипкин, 1984. Рис. 15, 1–5).

Железный кинжал, обнаруженный в погребении, своеобразен, и его трудно сблизить с широко распространенными мечами и кинжалами с кольцевидным навершием. Диаметр настоящего навершия столь незначителен, что первоначально оно было принято раскопщиками за ворворку (по крайней мере именно такое обозначение имел данный предмет на полевом чертеже). Если же говорить об аналогах ему, то отметим, что клинок, сходный с анализируемым, встречен в погребении 3 кургана у села Писаревка, датируемом II–I вв. до н. э. (Сергачков, 2000. Рис. 99, 3. С. 158–159). Но не исключено, что ближайшую аналогию кинжалу из Солянки представляет оригинальный образец клинкового вооружения, обнаруженный в кургане 20 могильника Старые Киньши, относящегося к III–II вв. до н. э. (Садыкова, 1962. Табл. XI, 9).

Однако сомнения в дате комплекса позднее рубежа эр вызывают, в первую очередь, такие предметы рассматриваемого комплекса, как глиняный сосуд, железная мотыжка (?), костяная проколка. Так, небольшой железный предмет, найденный у меча, весьма напоминает тесла, встречаемые в погребениях ранних кочевников Урало-Поволжья. В частности, среди сарматских памятников бассейна Иловли данный предмет вместе с костяной проколкой встречен в погребении 6 кургана 4 могильника Петрунино II, которое автор раскопок по набору бус датирует рубежом нашей эры, не исключая начало I в. н. э. (Сергачков, 2000. Рис. 50. С. 157). Но при этом следует обратить внимание на то, что железные тесла были обнаружены в погребениях III–II вв. до н. э. могильника Старые

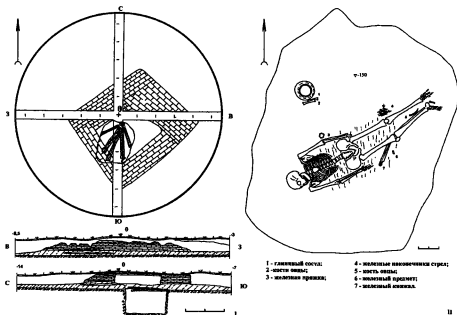

Рис. 3.11. Могильник Солянка II, курган № 2. I – план и разрез кургана; II – план погребения

Киишки (Садыкова, 1962. Рис. 6, 14. Табл. III, 17). А.С. Скрипкин, специально обративший внимание на хронологию распространения костяных проколов, указал, что аналогичные предметы характерны для погребений среднесарматской культуры начала I тыс. н. э. (Скрипкин, 1990. С. 165). Но, с другой стороны, проколки именно этого типа были широко распространены на Южном Урале с середины I тыс. до н. э. (Пшеничниук, 1983. Табл. XXV, 9; XXXV, 14; XLII, 34,35).

Глиняный сосуд, происходящий из исследуемого погребения, на мой взгляд, типологически, а возможно и технологически ближе к посуде прохоровской культуры (Мошкова, 1963), нежели среднесарматской. И самые многочисленные параллели по форме и орнаментации он имеет с керамикой из прохоровских погребений III–II вв. до н. э. в лесостепной зоне башкирского Приуралья, например, в таких могильниках, как Бишунгарово и Старые Киишки (Садыкова, 1962; Пшеничниук, 1983; Садыкова, Васильев, 2000).

Подводя итог анализу хронологической позиции исследуемого комплекса, следует подчеркнуть, что очевиден противоречивый характер распространения предметов, обнаруженных в данном захо-

ронении. С другой стороны, важно, что предметы, способствующие его удревнению, встречены здесь не разрозненно, а в совокупности. Это обстоятельство, на наш взгляд, позволяет их рассматривать не как пережиток древних эпох, а как органическое развитие традиции, получившей широкое развитие среди автохтонных кочевых племен Приуралья. Поэтому в данном случае будет логично отнести комплекс скорее всего к I в. до н. э.

Последнее предположение подтверждают и наблюдения за особенностями погребального ритуала захоронения. Из них мы выделим три основных признака – квадратная форма ямы, диагональное положение скелета головой на юг. Общеизвестен факт, что данные элементы обряда в совокупности появляются в Южном Приуралье еще на древнепрохоровском этапе развития культуры не позднее середины V в. до н. э. К концу I тыс. до н. э., являясь основным признаком элитарных памятников, эти элементы как бы «вымываются» в связи с общей деградацией культуры. Однако отдельные параллели в погребальном обряде все же сохранились среди позднепрохоровских памятников на хромке леса и степи в Приуралье. Так, по-

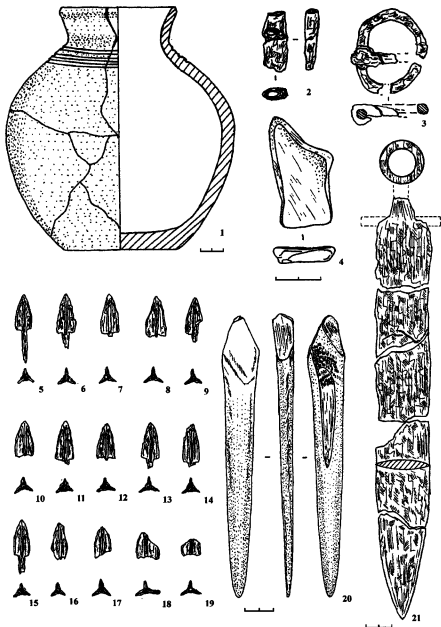

Рис. 3.12. Инвентарь погребения.

1 – глина; 2,3,5-19,21 – железо; 4 – камень; 20 – кость

гребения, совершенные по указанному обряду, мы наблюдаем в кургане 5 могильника Бишунгарово и кургане 4 могильника Леканды (Пшеничник, 1983. Табл. XVII, 10; VIII, 8).

Таким образом, в исследуемом комплексе наблюдаются пережиточные явления прохоровской культуры и имеются все основания относить данное погребение ко времени не позже I в. до н. э. Подобная датировка погребений у поймы реки Урал, в пределах Уральского левобережья (а такие есть и в материалах раскопок Г.А. Кушаева и Б.Ф. Железничкова конца 60-х и 70-х гг.) не укладывается в современные представления о хронологии и как следствие происхождения среднесарматской культуры. По крайней мере возникает вопрос о ее составляющих и основных носителях. В этой связи ответ на вопрос о принадлежности так называемых «диагональных захоронений» к конкретному этносу (аланскому) повисает в воздухе. Ибо этот обряд, вопреки рассуждениям ряда авторов, в данном случае имеет не среднеазиатские, а приуральские истоки, и не исключено, что напротив, а не опосредованно восходит к традициям прохоровской культуры Южного Приуралья. Хотя стоит признать, что параллели с прохоровским погребальным обрядом не столь многочисленны, но все же имеются.

В плане поиска истоков генезиса основных признаков погребального ритуала носителей среднесарматской (суловской) культуры перспективнее выглядит территория Верхнего Приобья – зона распространения верхнеобской культуры в середине – второй половине I тыс. до н. э. Именно здесь обнаружен целый ряд диагональных погребений, совершенных под индивидуальными насыпями в квадратных ямах и с преобладанием южных ориентировок захороненных (Могильников, 1997. Рис. 19–23). Все они женские. Еще большее сходство с приуральскими среднесарматскими данными захоронениями придает близость деревянных надмогильных конструкций, так как в Южном Приуралье на среднесарматском этапе развития культуры получили распространение не только деревянные конструкции шатрового типа,

но и срубы. По сопровождающему инвентарю данные погребения датируются IV–III вв. до н. э. Предполагается, что диагональные захоронения верхнеобской культуры фиксируют жреческий и этнический («южноуральский») статус погребенных (Могильников, 1997. С. 24, 25) и являются свидетельством присутствия «сармат» на Оби. Но в данном случае, когда налицо хронологический приоритет приобских погребений над южноуральскими, мы вправе предполагать обратное влияние вернеобских племен на процесс культурогенеза в Южном Приуралье. Это предположение тем более вероятно, что среди среднесарматских (суловских) погребений рассматриваемого региона наблюдается лепная глиняная посуда, имеющая близкие параллели с керамикой Верхнего Приобья второй половины I тысячелетия до н. э. В частности, это сходство проявляется при сравнении кувшинообразных сосудов с сосудами с елочным и геометрическим зональным орнаментом (Могильников, 1997. Рис. 27, 1,3,5) – подобные известны в погребениях начала I тыс. н. э. могильника Целинный I в среднем течении реки Илек. Факт, которому исследователи не придают должного значения.

В заключение хотелось бы отметить, что мы не отрицаем решающей роли среднеазиатских кочевых племен в сложении среднесарматской (суловской) культуры Восточной Европы и Южного Урала, что, в первую очередь, связано с появлением на территории Европы в середине I в. н. э. аланского этноса. Однако представляется, во-первых, что данный процесс не должен замыкаться хронологическими рамками I–II вв. н. э., и, во-вторых, он имел более сложный характер и в нем приняли участие (по крайней мере в исследуемой зоне) и какие-то группы скотоводов Западной Сибири, и, возможно, потомки носителей традиций прохоровской культуры Южного Приуралья, сохранившихся в лесистых анклавах поймы реки Урал и на стыке леса и степи в приуральской Башкирии.

* Авторы выражают искреннюю благодарность А.А. Бисембаеву за возможность публикации материала.

§ 3. Основные этапы и проблемы культурогенеза

*1. К вопросу о генезисе культур раннесакского времени урало-казахстанских степей**

В начале раннего железного века степные просторы урало-казахстанских степей были заняты кочевыми племенами тасмолинской историко-этнографической общности, являющейся составной частью обширного сакского мира. Основой сложения и функционирования общности являлась пастбищно-кочевая система с ее круглогодичным кочеванием в меридиональном направлении, постоянными районами летних и зимних пастбищ, относительно стабильными маршрутами перекочевков (Акишев, 1972; 1986. С. 7–14; Таиров, 1993; 2000а. С. 125–135). Археологическим же выражением этой общности является та близость погребального обряда и инвентаря, которая прослеживается при анализе памятников VII–VI вв. до н. э. тасмолинской культуры Центрального Казахстана, улубаевско-тасмолинской Северного Казахстана и бобровско-тасмолинской Южного Зауралья (табл. 1). По основным своим параметрам погребальные комплексы кочевников тасмолинской историко-этнографической общности¹ достаточно четко отличаются от памятников кочевого населения раннесакского времени сопредельных территорий – Приаралья, Восточного Казахстана и Алтая.

Надмогильные сооружения раннесакского времени Южного Зауралья представлены курганами и округлыми кольцевыми вымостками. Сложены они из земли, камня или их сочетаний. Захоронения совершались в простых грунтовых ямах прямоугольной или овальной формы, в ямах с подбоем вдоль длинной стенки (рис. 3.13). Погребальные камеры перекрывались или закрывались деревом или каменными плитами. Зафиксированы случаи отсутствия ям, при этом кости животных, керамика и вещи находились на уровне древней поверхности. Положение погребенных – вытянуто на спине, руки, как правило, вдоль тела, иногда обе ноги покойного были отклонены от оси тулова влево. Ориентировка их разнообразна, но в основном преобладает расположение головы погребенного в северо-западном секторе. На дне ям отмечаются следы органической подстилки или золистой подсыпки. В качестве напутственной пищи в погребальную камеру помещалась передняя или

задняя нога барана, грудная часть лошади. Сопроводительный инвентарь (рис. 3.14) представлен предметами вооружения (кинжалы, наконечники стрел, колчанные крюки), наборными поясами, зеркалами, каменными жертвенниками-алтариками, ножами, амулетами (Таиров, 2000. С. 5, 6; 2000а. С. 123).

Надмогильные сооружения раннесакского времени Северного Казахстана представлены курганами с каменными, каменно-земляными или земляными насыпями (рис. 3.15). Центральной частью многих земляных курганов является надмогильная конструкция, представляющая низкими бревенчатыми выкладками либо сооружениями объемного типа в виде клетки или сруба. Все бревенчатые выкладки связаны с погребениями на древнем горизонте или материке, а сооружения объемного типа возводились на древней поверхности над погребениями в грунтовых ямах. Внекурганные конструкции представлены круглыми кольцевыми или квадратными в плане рвами, зафиксированными главным образом вокруг земляных насыпей, а также каменными кольцевыми оградками. Основной тип погребальной камеры – простая грунтовая яма подпрямоугольной или овальной формы. Фиксируются различные проявления ритуальных действий, связанных с огнем (сожжение или обугливание деревянных перекрытий, прокалы или выстилание золой древней поверхности, угольки в заполнении и на дне погребальных камер). Положение погребенных – вытянуто на спине, руки, как правило, вдоль тела, иногда обе ноги покойного были отклонены от оси тулова вправо или влево. Ориентировка их разнообразна, но ведущими являются положение головой на запад и северо-запад. В качестве напутственной пищи в погребальную камеру помещалась передняя или задняя нога барана, его хребет или изредка голова. Погребальный инвентарь представлен предметами вооружения (наконечники стрел, кинжалы, чекан), зеркалами, каменными жертвенниками, ножами, амулетами. Иногда в погребальную камеру ставили керамический сосуд (Хабдулина, 1987. С. 6–13; 1994. С. 20–24).

Большинство курганов раннесакского времени Центрального Казахстана возведено из камня, гораздо меньше – из земли или земли и камня (рис. 3.16). Сооружения в насыпи и под ней представлены кольцами из плашмя уложенных плит или каменными вымостками. Из внекурганных конструкций выявлены кольцевые рвы и каменные округлые и прямоугольные оградки². Погребения совершались в могильных ямах или изредка на

древней поверхности. Основной тип погребальной камеры – простая грунтовая яма овальной или, реже, подпрямоугольной формы. Встречены ямы с заплечиками, с подбоем вдоль длинной стенки, облицованные камнем, с впущенным на их дно каменным ящиком. Перекрывались они каменными плитами. Положение погребенных – вытянуто на спине, руки, как правило, вдоль тела, иногда обе ноги покойного отклонены от оси тулова. Ориентировка их разнообразна, но преобладает положение погребенных головой на северо-запад, север и запад. В качестве напутственной пищи в погребальную камеру помещались передняя или задняя нога барана, его хребет, лопатка, реберная часть, голова или изредка целая туша. Достаточно часто погребение сопровождалось лошадиными головами. Сопроводительный инвентарь (рис. 3.17–3.20) представлен предметами вооружения (кинжалы, наконечники стрел), наборными поясами, конской сбруей, зеркалами, каменными жертвенниками, ножами, амулетами (Маргулан и др., 1966. С. 311–348; Бейсенов, 1997. С. 11, 12; 2001. С. 66–71; 2002. С. 37, 38; Пересветов, Куропятникова, 2002. С. 126–130).

Как в Северном (Саргары II, Жабай-Покровка, Рузаска), так и в Центральном Казахстане (Толай, Талдысай, Ак-Мустафа) известны каменные кольцевые оградки из вертикально установленных или горизонтально уложенных плит или крупных камней без могильных ям внутри них и без каких-либо следов человеческих захоронений. Внутри оградки или под ее камнями помещались предметы конской упряжи (Мошкова, 1966. С. 45–46; Кадырбаев, 1958. С. 97; Хабдуллина, 1994. С. 22; Курманкулов, 1989. С. 145–147; Бейсенов, Смаилов, 1998. С. 271, 272). В Восточном Казахстане к этому типу памятников, возможно, относится находка в ограде 17 могильника Измайловка (Ермолаева, 1987. С. 69–72. Рис. 31–33; Бейсенов, Смаилов, 1998. С. 272). Здесь же, в Усть-Каменогорском микрорайоне, известна прямоугольная ограда, в восточную стенку которой встроен округлый жертвенник, содержащий набор конской упряжи (Меновое VIII, ограда 29). В центре ограды находился каменный ящик, впущенный в грунтовую яму (Ткачев, Ткачева, 1999. С. 141). На Южном Алтае в могильнике Кок-су I исследовано кольцо диаметром 3,5 м, сложенное из 13 крупных камней. В его центре в небольшом углублении вместе с фрагментами костей лошади найден уздечный набор, состоящий из удила, псалиев, трочных пряжек и пронизи для перекрестных ремней (Сорокин, 1969. С. 249. Рис. 2; 1974. С. 75, 79. Рис. 2, 1–6). Псалии с Т-образными вы-

ступами из Кок-су аналогичны псалиям из Северного Казахстана (Грязнов, 1956. С. 13. Рис. 3, 9, 10). К этому же типу памятников относится, по нашему мнению, кольцо из семи массивных каменных глыб, исследованное к юго-западу от кургана 2 Майэмира. Здесь под самой большой глыбой найден «клад» («Майэмирский клад»), состоящий из предметов упряжи, в том числе и пяти золотых округлых пластин с изображением свернувшегося в кольцо хищника (Киселев, 1947. С. 159, 160; Грязнов, 1947. С. 11. Рис. 4, 1, 2, 8). Как правило, большинство этих комплексов, в том числе и комплекс Талдысай (рис. 3.18, 44–46), по предметам конской упряжи датируется в рамках второй половины VIII–VII вв. до н. э. (см. Марсадолов, 1998. С. 5, 12. Рис. 1; Шульга, 1998. С. 34; Горбунова, 2001. С. 193, 194).

В Южном Приуралье к VIII–первой половине VI в. до н. э. достаточно уверенно могут быть отнесены четыре вводных погребения: у села Ягодное (Самарская область) (Смирнов, 1964. С. 29; Коренько, 1982. С. 39, 42), Новая Белогорка, курган 2, погребение 38 (Оренбургская область) (Смирнов, 1964. С. 39; Тереножкин, 1976. С. 53; Коренько, 1982. С. 39, 42), Елбулак-Тамак, курган 2, погребение 1 (Приуральская Башкирия) (Пшеничнов, 1983. С. 8, 76). Погребенные лежали вытянуто на спине с легким поворотом на правый бок. Ориентированы они головой на ЮЮВ, 3 и СЗ. Сопровождающий инвентарь представлен бронзовыми двухлопастными наконечниками стрел (Новая Белогорка, Елбулак-Тамак), бронзовыми деталями узды (Ягодное). Здесь найдены зубы (Ягодное) или ребра и крестец (Елбулак-Тамак) лошади. К этим погребениям следует добавить погребение 1 кургана 59 могильника Целинный I (конец VII–первая половина VI вв. до н. э.) и погребение 1 кургана 17 могильника Покровка 2 (первая половина VI в. до н. э.) на Илеке. В первом случае погребенный был уложен вытянуто на спине головой на запад в подпрямоугольной могильной яме под земляной насыпью. Во втором – под земляной насыпью кургана выявлена могильная яма с подбоем, вход в который закрывался деревом. Погребенный был уложен на камышовую подстилку вытянуто на спине, головой на запад (Гузалов, 1998; 2000. С. 92, 93; Яблонский и др., 1994. С. 39, 40. Рис. 54; 81–83).

В интервале от второй половины VIII в. до н. э. до первой половины VII в. до н. э. разными исследователями датируется погребение 3 Большого Гумаровского кургана, впущенное в курган эпохи бронзы (Исмагилов, 1988. С. 29–47; Зуев, Исмагилов, 1999. С. 105, 106; Членова, 1988.

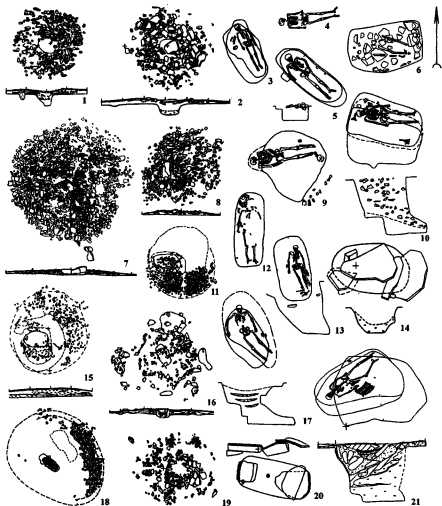

Рис. 3.13. Памятники ранних кочевников Южного Зауралья. Погребальные сооружения и погребальный обряд.

1, 2, 14, 19 – могильник Путиловская Занимка I [1 – курган 5, общий план; 2, 14 – курган 1 (2 – общий план; 14 – могильная яма); 19 – конструкция 4, общий план]; 3, 16 – могильник Солнце-Талица, курган 4 (3 – погребение 1; 16 – общий план); 4 – могильник Николаевка II, курган 1, погребение 2; 5, 10, 11, 13, 15, 18 – Варненские курганы [5, 18 – курган 1 (5 – могильная яма; 18 – общий план); 10, 11, 13, 15, 18 – курган 4 (10 – могильная яма; 15 – общий план)]; 11, 13 – курган 2 (11 – общий план; 13 – погребение 2); 6 – могильник Лисаковский, раскоп IV, курган 1, погребение 1; 7, 8, 20 – могильник Система I [7, 20 – курган 17 (7 – общий план; 20 – могильная яма); 8 – курган 1, общий план]; 9 – погребальный комплекс Кесене, курган 12, могильная яма 1, погребение 2; 12 – курган Березки-Vб, погребение 2; 17 – могильник Шагрово, курган 1, могильная яма 1, погребение 2; 21 – могильник Иртяш 14, курган 2, погребение 3.

3, 16 – по: (Виноградов, 1985); 7, 8, 20 – по: (Костюков, 1991); 12 – по: (Шорин, 1979)

С. 8; Петренко, 1990. С. 75; Ковалев, 2000. С. 16-22). Здесь поверх древней насыпи возведен курган из земли и камня, но с каким погребением раннего железа, погребением 3 или погребением 2 – V в. до н. э., он связан, не ясно. Погребенный лежал на слое органической подстилки на спине, с легким поворотом на правый бок. Руки вытянуты вдоль тела, ноги отклонены от оси туловища вправо. Головой погребенный ориентирован на ВЮВ.

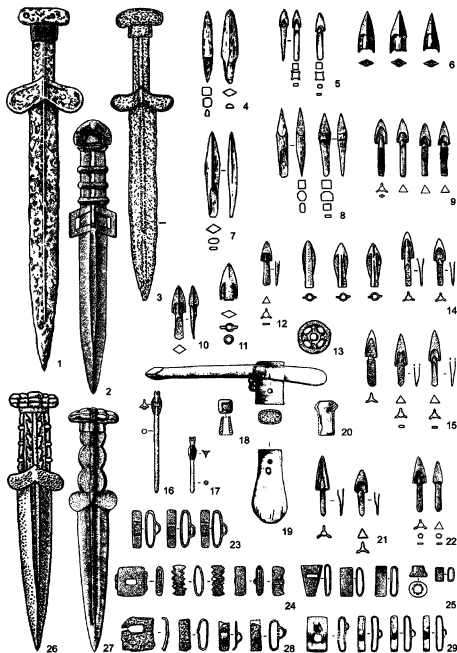
Из всех погребений Южного Приуралья, датированных К.Ф. Смирновым VI в. до н. э. (Смирнов, 1964. С. 39, 40), к первой половине этого столетия можно более или менее уверенно отнести погребение в основной могиле 5 кургана 1 урочища Лапаса у села Любимовка (Смирнов, 1964. С. 39). Могильная яма здесь была обрамлена квадратным деревянным сооружением в виде сруба, подожженным во время похорон. Могильная яма ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ (Смирнов, 1964. С. 39, 40). Все остальные погребения VI в. до н. э. датируются второй половиной столетия или его концом (Смирнов, 1964. С. 39, 40), они и по погребальному обряду и инвентарю идентичны памятникам следующего обрубчевского этапа истории ранних кочевников Южного Зауралья.

В Южном Приуралье в раннесакское время выделяется две группы погребений – куюсайская и сакарчагинская. Большинство погребений первой группы совершено в узких прямоугольных неглубоких ямах. Преобладает широтная ориентировка погребенных, уложенных вытянуто на спине или скорченно на бок. Встречаются захоронения полурасчлененных тел, а также многоактные захоронения в общую камеру. Инвентарь очень беден и чаще всего представлен только легкими сосудами. Куюсайская группа, как подчеркивает Л.Т. Яблонский (1998. С. 37, 38, 46), исключительно специфична для территории Средней Азии и Казахстана и ее культурогенез «несомненно отличается от культурогенеза сакской (в широком смысле этого слова) культуры». Возможно, эта группа появилась в Южном Приуралье с «последней волной миграции срубных племен из Поволжья на юг в конце VIII – начале VII в. до н. э.».

Для сакарчагинских могильников характерно сочетание в погребальных комплексах кремации и ингумации, сосуществование захоронений в ямах и на поверхности древнего горизонта, одиночных, парных и коллективных многоактных погребений. Особенностью их являются и столбовые конструкции в ямах или на поверхности древнего горизонта, и яркие проявления огненного ритуала. В могильниках присарыкамышья, будь то погребения с кремацией

или ингумацией, абсолютно преобладают захоронения вытянуто на спине. Встречаются и захоронения на бок в скорченном или полускорченном положении. Преимущественная ориентировка погребенных головой на запад, иногда – на северо-запад или на юго-запад. Встречены захоронения и с восточной ориентировкой. Сопроводительный инвентарь представлен керамикой, предметами вооружения и конской упряжи, каменными жертвенниками, украшениями, орудиями труда (ножи, зернотерки, песты) и т.п. (Яблонский, 1996. С. 18–21, 26). Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья (сакарчагинская группа) по большинству своих показателей весьма близок погребальному обряду савов Нижней Сырдарьи, оставивших могильники Уйтарак и Южный Тагискен (Вишневская, 1973. С. 60–69; Итина, Яблонский, 1997. С. 28–37). Данное обстоятельство явилось основанием для объединения населения этих районов в одну историко-этнографическую общность (Яблонский, 1988. С. 189).

В памятниках Горного Алтая раннесакского времени абсолютно доминирует скорченное на бок положение погребенного. Лишь в шести случаях зафиксировано положение «вытянуто на спине». Причем «вытянуто на спине умерших хоронили в неглубоких ямах и на УДГ (уровне древнего горизонта – А.Т.), и, судя по материалам раскопок, такое явление отмечается на относительно поздних этапах существования культуры раннесакского времени Горного Алтая» (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 52). Для Горного Алтая характерно также помещение лошади в отдельную погребальную камеру, которая представляла собой отдельную яму или конструкцию (в виде каменного кольца или ящика), примыкавшую с восточной (юго-восточной, северо-восточной) или южной стороны к камере с погребением человека. В то же время здесь известны и немногочисленные комплексы, где человек и лошадь находились в одной погребальной камере в виде простой могильной ямы (Кер-Кечу) или могильной ямы с подбоєм (Карбан I, курган 5). Зафиксирован и случай захоронения человека и лошади на уровне древней поверхности без оформленных погребальных камер (Кор-Кобы I, курган 26) (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 43–49, 59). В кургане I могильника Каракол внутри каменного ящика, впущенного в могильную яму, находилось погребение человека, лежащего головой на север. За южной стенкой ящика, у его юго-западного угла, был помещен комплект узды (Кубарев, 1997. С. 6). Данные алтайские комплексы по погребальному обряду весьма близки центральноказахстанским (Котанзмель; Тасмола I, курган

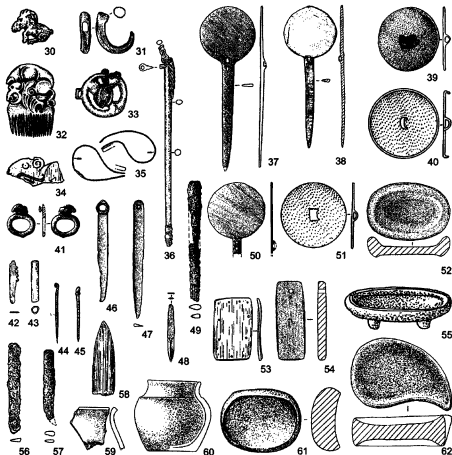

Рис. 3.14. Памятники ранних кочевников Южного Зауралья VII – VI вв. до н.э. Вещевой инвентарь.

1 – Аргашский район, случайная находка; 2 – села Марининское, случайная находка; 3 – села Варшавское, случайная находка; 4, 5, 13, 14, 28, 32, 35, 42, 43, 48, 52, 53, 56, 58, – Варненские курганы (4, 5 – курган 1; 13, 32, 35, 42, 43, 52, 53, 58, – курган 2, погребение 2; 14, 28, 48, 56 – курган 4); 6, 17–20, 27, 29, 38 – могильник Иртыш 14, курган 2, погребение 3; 7, 11, 15, 49, 57 – могильник Шатрово, курган 1, могильная яма 1, погребение 2; 8, 22, 31, 46 – могильник Путиловская записка I, конструкция 4; 9, 12 – погребальный комплекс Кесене, курган 12, могильная яма 1, погребение 2; 10, 25, 47 – могильник Николаевка II, курган 1, погребение 2; 16, 23, 26, 30, 36, 37, 54 – могильник Бобровский, курган 4; 21 – могильник Лисаковский, раскоп IV, курган 1, погребение 1; 24 – Троицкий район, случайная находка; 33 – озеро Иртыш, случайная находка; 34 – курган Березки-V6, погребение 2; 39, 41, 60, 62 – могильник Система I (39, 62 – курган 17; 41, 60 – курган 1); 40, 44, 45, 55 – курганы у поселка Целинный, курган 2; 50 – Даалетинский могильник, курган 1; 51 – курган 7 у поселка Сухомесово; 59, 61 – могильник Солнце-Талика, курган 4, погребение 1. 1 – железо, бронза; 2, 5, 6, 9–19, 21–27, 29, 30, 31, 33, 36–41, 44, 46–48, 50, 51 – бронза; 3, 28, 49, 56, 57 – железо; 4, 7, 8, 20, 32, 34, 42, 43, 45, 53, 58 – кость; 35 – золото; 52, 54, 55, 61, 62 – камень; 59, 60 – керамика. 3 – по: (Буддашов, 1995); 26, 30 – по: (Матвеева, 1964); 33 – по: (Полыдович, 1994); 34 – по: (Шорин, 1979); 39, 41, 62, 60 – по: (Костюков, 1991); 40, 44, 45, 55 – по: (Пшеничник, 1983); 50 – по: (Савельев, 2000); 59, 61 – по: (Виноградов, 1985)

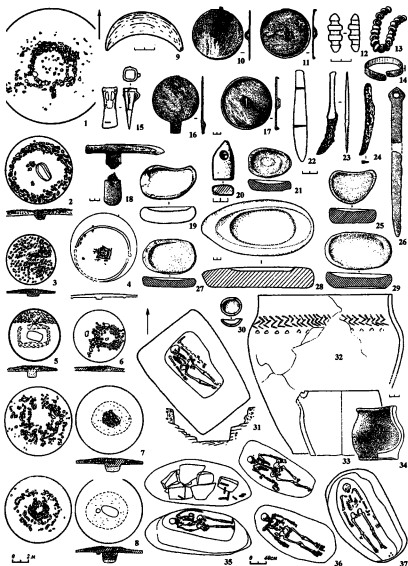

Рис. 3.15. Памятники VII-VI вв. до н. э. Северного Казахстана.

1, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 17, 21, 24, 27, 29, 34-37 – могильник Бектениз (1, 24 – курган 3; 7, 11, 14, 29, 36 – курган 2; 8, 21, 37 – курган 1; 10, 27, 35 – курган 7; 13, 17, 34 – курган 10); 2, 6, 9, 18, 19, 22, 23, 26, 31, 38 – могильник Альтан (2, 9, 23, 38 – курган 13; 6, 19, 22 – курган 11; 18, 26, 31 – курган 1); 3, 5, 15, 20, 28, 30, 33 – могильник Улубай (3, 15, 20, 28, 33 – курган 7; 5 – курган 2; 30 – курган 7); 4, 12, 32 – могильник Берлик (4, 12 – курган 1; 32 – курган 5); 16, 25 – могильник Графские развалины (16 – курган 9; 25 – курган 1). 9 – кости; 10, 11, 15-18, 22, 26 – бронза; 12, 19-21, 25, 27-30 – камень; 13 – фаянс; 14 – золото; 23 – бронза, железо; 24 – железо; 32-33 – керамика.
1-38 – по: (Хабдулина, 1987; 1993; 1994)

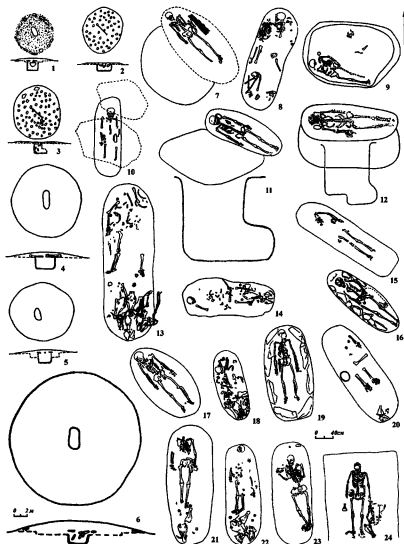
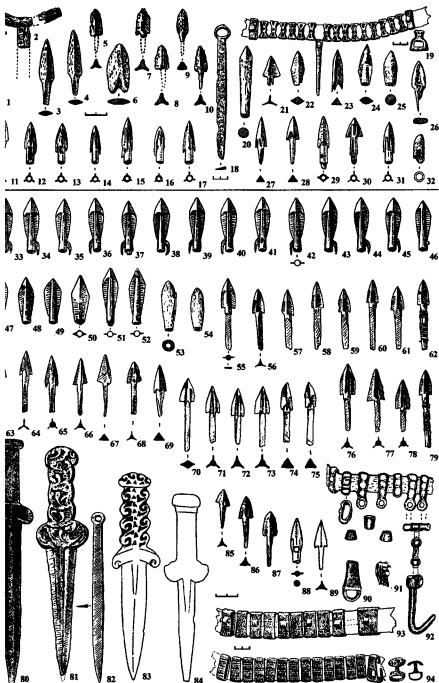

Рис. 3.16. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана (тасмолинская культура) VII-VI вв. до н. э. Погребальные сооружения и погребальный обряд.
 1, 6, 13, 20, 22, 23 – могильник Тасмола V (1 – курган 1; 6, 13 – курган 3; 20 – курган 2; 22 – курган 6; 23 – курган 4); 2, 17, 19 – могильник Нурманбет IV (2, 17 – курган 3; 19 – курган 1); 3, 7 – Карамурун I, курган 5ж; 4, 5, 8, 10, 18, 21 – могильник Тасмола VI (4, 21 – курган 1; 5, 18 – курган 2; 8 – курган 3; 10 – погребение «а»); 9 – могильник Майкубень 1, курган 5; 11, 12 – могильник Майкубень 2 (11 – курган 14; 12 – курган 15); 14, 24 – могильник Тасмола I (14 – курган 24; 24 – курган 19); 15 – могильник Нурманбет I, курган 2; 16 – могильник Майкубень 3, курган 12. 1-8, 10, 13-15, 17-24 – по: (Калдырбаев, 1962; Маргулян и др., 1966); 9, 11, 12, 16 – по: (Бейсенов, 2001)

ны 19, 24; Тасмола V, курганы 3, 6; Тасмола VI, курган 1 и др.). Здесь имеется в виду обычай помещения лошади в одной могильной яме с человеком или, по А.А. Тишкину и П.К. Дашковскому (1998. С. 584), в одном сакральном пространстве. Причем лошадь может быть представлена в натуральном виде, в виде «макета» – шкуры, головы и конечностей, а также, как в Центральном Казахстане, в виде «символа» – голова, уздечка или только уздечка. Близки центральноказахстанским и уздечные принадлежности из этих памятников. Так, круглые или овальные обоймы с грибовидным щитком на стойке и «запонковидные» застежки с грибовидным щитком из кургана 1 могильника Каракол (начало VI в. до н. э.)⁴ аналогичны изделиям из Котанзмеля и Тасмолы (рис. 3.18, 1–3, 8, 11, 23, 24) (Кубарев, 1997. Рис. 2, 5, 17, 19; 1998. Рис. 2, 5, 17, 19; Кадырбаев, 1975. Рис. 1; Маргулан и др., 1966. Рис. 8; 15; 28). Бронзовые удила, имеющие стремовидные окончания с ладьевидной прорезью и дополнительным округлым отверстием, из кургана 5 могильника Карбан I аналогичны удилам из Котанзмеля и Толагая (рис. 3.18, 51, 53) (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 69. Рис. 48, 2; Кадырбаев, 1958. Табл. II, 2; 1975. Рис. 1)⁵. В раннесакское время в Горном Алтае известны и могильные ямы с подбоем вдоль одной из стенок (Бийке, курган 7; Карбан I, курган 5). Они, по мнению исследователей, являются показателем каких-то брачных связей с другими племенами, ибо в обоих случаях в них обнаружены захоронения женщин с «импортными» ожерельями из каменных бусин (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 47, 59; Тишкин, 1996. С. 24, 47, 53). Так, Л.С. Марсадов (1998. С. 23) считает, что молодая женщина, захороненная в могильной яме с подбоем кургана 5 могильника Карбан I, «вполне могла быть иноземкой (из юго-западного от Алтая региона), погребенная по «смешанному» обряду».

Погребальные памятники раннесакского времени (VII – начало VI вв. до н. э.) северо-западных предгорий Алтая и прилегающих районов Восточ-

ного Казахстана П.И. Шульга (1999. С. 246) предложил разделить на пять групп, за которыми, по его мнению, стоят определенные этнические образования. В первую группу он включил курганы с каменной кольцевой оградой, в центре которой находилась могильная яма с подбоем вдоль длинной стенки. Погребенные укладывались в подбое вытянуто на спине, головой на запад, северо-запад или север. Во входную яму помещали лошадь и барана (Солонечный Белок, курганы 1 и 2; Майзмер II; Машенка I, курган 1; Чекановский Лог 10). Сюда же он включает курган 5 могильника Карбан I на Катунь. Во вторую группу входят погребения могильника Чеснокова I на реке Чарыш, которые имеют близкое первой группе устройство могил под кольцевыми или подквадратными каменными выкладками. В трех захоронениях из шести изученных здесь погребения были совершены в небольших подбоях. Умершие укладывались вытянуто на спине, головой на северо-запад или северо-восток. В одном случае рядом с умершим на приступке находились остатки шкур двух лошадей. Особенностью погребального обряда этой группы является наличие в заполнении могил двух поминальных, включавших керамику, изделия из кости, обломки зернотерок, черепа и кости лошади, овцы, диких животных и, возможно, крупного рогатого скота. В трех случаях могилы дополнены подзахоронением людей (Шульга, 1998а. С. 379–384).

Из комплексов северо-западных предгорий Алтая особенно интересно погребение в кургане 1 могильника Машенка 1 (конец VII – начало VI вв. до н. э.). Здесь исследована могильная яма с подбоем, закрытым каменными плитами. Во входную яму опущены оседланная и взнузданная лошадь и овца. В подбое помещалась молодая женщина, уложенная вытянуто на спине, головой на север. Справа у ее пояса находилась кожаная сумочка с бронзовым зеркалом, костяной трубочкой, костяным гребнем, кусочком обработанного дерева и кожаным ме-

Рис. 3.17. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана (тасмолинская культура). Оружие. I – VII–VI вв. до н. э.; II – V–III вв. до н. э. 1–10, 28–32 – Карамурун II (1–10 – курган 1; 28–32 – курган 3); 11 – Киксу, курган 5; 12–14, 33–62 – Карамурун I (12–14 – курган 5а; 33–62 – курган 5ж); 15–17 – Тасмола III, курган 2; 18–26 – Тасмола II, курган 1; 27 – Кантатас, курган 16; 63–65, 76–79 – Нурманбет I, курган 1; 66–68 – Ак-Булак I, курган 1; 69 – Тасмола V, курган 3; 70–75 – погребение у станции Шидерты; 80 – случайная находка у города Степняк; 81, 82, 85–87, 93, 94 – Нурманбет IV (81, 82, 85–87, 93 – курган 1; 94 – курган 3); 83 – случайная находка у села Песчаное близ Павлодара; 84 – курган на берегу реки Шидерты (Чидерты); 88, 89, 92 – Майкубен 3, курган 12; 90, 91 – Тасмола VI, курган 1. 1, 3, 4, 6, 26, 32, 53, 54 – кости; 2, 5, 7–10 – железо; 11–18, 21–24, 27–31, 33–52, 55–90, 92 – бронза; 19, 91, 93, 94 – бронза, кожа; 20, 25 – дерево. 1–69, 76–79, 81, 82, 85–87, 90, 91, 93, 94 – по: (Маргулан и др., 1966); 70–75 – по: (Пересветов, Куропятникова, 2002); 80 – по: (Черников, 1954); 83, 84 – по: (Грязнов, 1956); 88, 89, 92 – по: (Бейсенов, 2001)

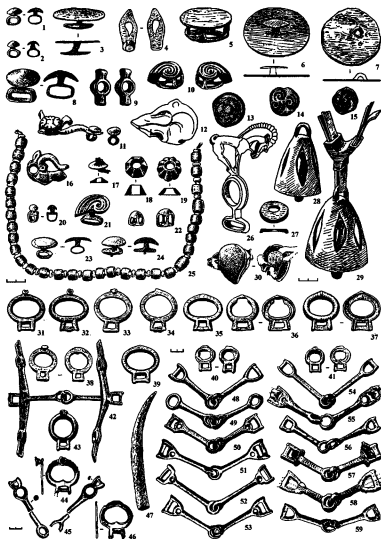

Рис. 3.18. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана VII–VI вв. до н. э. (тасмолинская культура). Узденные принадлежности.

1–4, 9, 10, 16, 20–25, 36–38, 40–42, 59 – Тасмола I (1, 3, 4, 9, 10, 16, 21, 22, 25, 40–42 – курган 19; 2, 20, 36, 37, 59 – курган 24; 23, 24, 38 – курган 22); 5, 6, 8, 13–15, 17–19, 26–29, 31, 32, 35, 39, 47–50, 55, 57, 58 – Тасмола V (5, 8, 26–29, 47–50 – курган 2; 6, 13–15, 17–19, 31, 39, 57, 58 – курган 3; 32, 35, 55 – курган 6); 7, 11, 30, 33, 34, 54, 56 – Тасмола VI (7 – погребение «а»; 11, 30, 33, 34, 54 – курган 1; 56 – курган 2); 12, 43 – Нурманбет II (12 – курган 3; 43 – курган 4); 44–46 – Талдысайский клад; 51, 53 – Толагай; 52 – район Каркаралинска. 1–10, 16, 18–24, 26–29, 31–46, 48–59 – бронза; 11, 17, 25, 30 – бронза, кожа; 12, 47 – кость; 13–15 – железо, золотое. 1–12, 16–43, 47–50, 53–59 – по: (Маргулан и др., 1966); 13–15 – по: (Вишневская, 1992); 44–46 – по: (Бейсенов, Смилов, 1998); 51, 52 – по: (Кальсбаев, 1958)

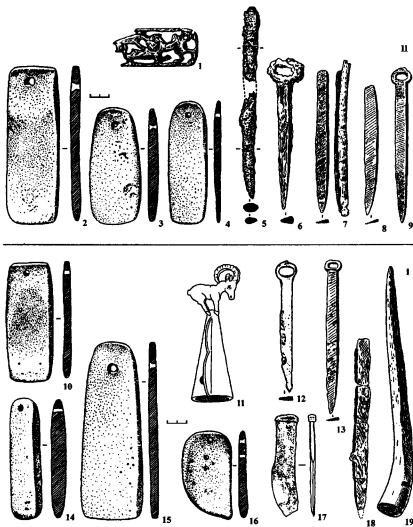
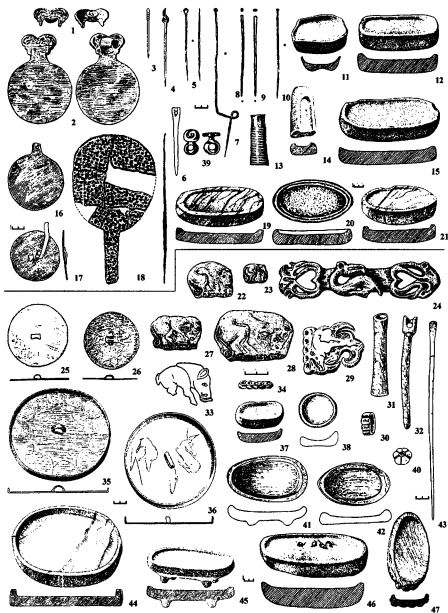

Рис. 3.19. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана (тасмолинская культура). Инвентарь.

I – VII–VI вв. до н. э.; II – V–III вв. до н. э. 1, 3 – Карамурун II (1 – курган 1; 3 – курган 3); 2, 4, 8, 9 – Карамурун I (2, 8 – курган 5а; 4, 9 – курган 2); 5 – Сага I, курган 6; 6 – Бугулы, курган 2; 7 – Тасмола II, курган 2; 10, 13, 15 – Тасмола VI (10 – курган 1; 13, 15 – погребение «а»); 11 – случайная находка у колхоза «Комсомол-шины» близ Каркаралинска; 12 – Майкубень 3, курган 12; 14, 16, 18 – Тасмола I (14, 18 – курган 19; 16 – курган 24); 17 – погребение у станции Шидерты; 19 – Тасмола IV, курган 3. 1, 8, 9, 11–13, 17, 18 – бронза; 2–4, 10, 14–16 – камень; 5, 6 – железо; 7 – бронза, дерево; 19 – кость. 1–4, 7–10, 13–16, 18, 19 – по: (Маргулан и др., 1966); 5 – по: (Курманкулов, 2001); 6 – по: (Кадырбаев, 1958); 11 – по: (Грязнов, 1956); 12 – по: (Бейсенов, 2001); 17 – по: (Пересветов, Куропятникова, 2002)

шочком с красной и черной красками. Наиболее близкие аналоги погребальному обряду и инвентарю данного кургана П.И. Шульга находит в памятниках Центрального Казахстана (Шульга, 1998. С. 37). Напомним также, что наборы, почти аналогичные предметам из кожаной сумочки Машенки 1, зафиксированы в ряде погребений VII–VI вв. до н. э. Южного Зауралья и Северного Казахстана (Тайров, Бушмакин, 2001). Однако ни в Центральном Казахстане, ни в Южном Зауралье в могильных ямах с подбоем раннесакского времени ни разу не зафиксировано случаев помещения во входную яму или в погребальную камеру лошадей, их шкур или черепов. Не отмечено также ни одного случая нахождения в таких погребальных сооружениях наборов конской утвари.

По определению С.С. Тур (1997. С. 141), «череп из Машенки сближается с восточноазиатскими монголоидами Северного Китая». Как считает П.И. Шульга, данное обстоятельство, а также близость рассматриваемых погребений более поздним захоронениям сюнну в Северном Китае «позволяют допустить присутствие в VII – начале VI в. до н. э. в примыкающей к Алтаю Джунгарской межгорной впадине культуры, близкой тасмолинской Центрального Казахстана». Выделенная же группа памятников отражает, по его мнению, существование в VII–VI вв. до н. э. на северо-западном Алтае, в Восточном Казахстане и в Джунгарской впадине особой культурной общности, становление которой, вероятно, связано не только с перемещением населения между этими областями, но и с притоком его из казахстанских степей и, возможно, Восточного Туркестана (Шульга, 1998. С. 49; 1999. С. 247).

Следует отметить, что, по мнению ряда исследователей, вполне вероятна миграция в VII в. до н. э.

какой-то родовой группы из северо-западных предгорий Алтая в верховья Енисея (Тува). Показателем ее является распространение узды с У-образными псалониками (Бородаев, 1993. С. 152, 155; 1998. С. 72, 73; Кубарев, 1997. С. 9; 1998. С. 77; Чутинов, 2001. С. 177; с оговорками Могильников, 1999. С. 135). Вероятно, с этим движением связано появление такой узды на Катунь (Суртайка I) в северных предгорьях Алтая (Абдулганеев, Пагин, 1999. Рис. 3, 6–10. С. 12). По мнению А.А. Тишкина (1998. С. 90), племена, мигрировавшие начиная с VII в. до н. э. с территории Горного Алтая, послужили основой для сложения здесь быстринской культуры. На пришлый сакский элемент, как один из компонентов формирования быстринской культуры, указывает и В.А. Могильников (1999. С. 136).

Яркие сакские черты в погребальном инвентаре демонстрируют, по мнению А.Л. Кунгурова, комплексы раннего этапа (конец VII–VI вв. до н. э.) староалейской культуры из могильников Малого Гоньбинского Кордона под Барнаулом. К таковым относятся бронзовые зеркала с бортиком или без него, с центральной ручкопелетелькой, бронзовые двухлопастные втульчатые и трехлопастные черешковые наконечники стрел, бронзовые и железные булавки, каменные овалы жертвенники без ножек, золотые нашивные бляшки с изображением львов. Все аналоги этому «вещному набору уходят в южные и юго-западные области Евразии». Следует также отметить, что для этих комплексов характерно положение погребенных вытянуто на спине, головой на юго-запад. Как считает А.Л. Кунгуров, погребальный инвентарь характеризует этот раннескифский комплекс как «пришлый, инородный в Верхнем Приобье». Придя в VII в. до н. э. в Верхнее Приобье, эти переселенцы, «имеющие культуру, родственную сак-

Рис. 3.20. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана (тасмолинская культура). Инвентарь.

I – VII–VI вв. до н. э.; II – V–III вв. до н. э. 1–4, 12, 13, 15, 19, 21 – Карамурун I (1, 2, 21 – курган 10; 3, 19 – курган 9; 4 – курган 4; 12 – курган 56; 13, 15 – курган 5r); 5, 7, 10, 18 – Сага I (5, 7, 18 – курган 5; 10 – курган 6); 6 – Тасмола II, курган 1; 8, 9, 20 – Бирлик, курган 1; 11 – Тасмола III, курган 4; 14 – Карамурун II, курган 1; 16, 17 – Жалкудук (16 – курган 14; 17 – курган 10); 22, 23, 27–30, 32, 34, 40, 44 – Тасмола V (22, 23 – курган 6; 27, 29, 30, 32, 34, 40 – курган 3; 28 – курган 4; 44 – курган 2); 24, 37 – Нурманбет I, курган 2; 25, 42, 43 – Майкубен 2, курган 15; 26, 38 – Майкубен 1, курган 5; 31, 46 – Тасмола VI, погребение «а»; 33 – случайная находка у колхоза «Комсомол-шпины» близ Каркаралинска; 35, 47 – Тасмола I (35 – курган 19; 47 – курган 22); 36 – Жиланды, курган 1; 39 – Бугулы, курган 2; 41 – Майкубен 2, курган 14; 45 – Даныбай, курган 3. 1, 2, 5–7, 10, 16–18, 24–26, 33, 35, 36, 39 – бронза; 3, 4, 8, 9, 13, 29–32, 34, 40, 43 – кость; 11, 12, 14, 15, 19–21, 37, 38, 41, 42, 44–47 – камень; 22, 23, 27, 28 – золото. 1–4, 6, 11–15, 19, 21, 29–32, 34, 35, 37, 40, 44–47 – по: (Маргулан и др., 1966); 5, 7, 10, 18 – по: (Курманкулов, 2001); 8, 9, 20 – по: (Бейсенов, Исмагулова, 1992); 16, 17, 22–24, 27, 28 – по: (Вишневская, 1992); 25, 26, 38, 41–43 – по: (Бейсенов, 2001); 33 – по: (Грязнов, 1956); 36 – по: (Кадырбаев, 1974); 39 – по: (Кадырбаев, 1958)

ской», постепенно оттеснили отсюда племена большеберченцев в верховья Оби (Кунгуров, 1999. С. 92–98).

Среди памятников ранних кочевников Усть-Каменогорского микрорайона известны как курганы с каменными овальными, округлыми или прямоугольными оградками под насыпью, так и каменные ограды без насыпи. Умерших укладывали вытянуто на спине, головой на запад с отклонениями к северу или югу в грунтовые ямы, изредка в каменные ящики. Причем северо-западная ориентировка погребенных и помещение их в каменный ящик более характерны для памятников раннесакского времени. Иногда умерших сопровождала лошадь (Герасимовка, курган 28; Менюевое VIII, курган 6). В ряде случаев в могильную яму или у каменной ограды помещали набор конской упряжи (Герасимовка, ограда 22; Менюевое VIII, ограда 29). Известно здесь и погребение в могильной яме с подбоем (Герасимовка, ограда 28) (Ткачев, Ткачева, 1999. С. 141, 142; Ткачев, Тишкин, 1999. С. 194, 195. Рис. 1; 2).

В пределах Казахстанского Алтая известны погребения в подбос без помещения во входную яму лошади или предметов конского убора. Мы имеем в виду погребения в могильнике Маймер II и в оградке 23 могильника Тар-Асу (Самашев и др., 1998. С. 155–160; Самашев и др., 1998а. С. 174. Рис. 13; 14). Набор наконечников стрел из Маймера II позволяет датировать это погребение VIII–VII вв. до н. э.

В Алакульской котловине (Джунгарская впадина) погребения в могильных ямах с подбоем выявлены в кургане 2 могильника Арасан I и кургане 4 могильника Джарбулак. В первом случае умершая уложена вытянуто на спине, головой на запад, во втором – вытянуто на спине, головой на северо-запад. В обоих погребениях найдены бронзовые зеркала с бортиком и центральной ручкой-петелькой на обороте (Кушаев, 1968. С. 143–145).

Наличие в памятниках скифского времени (V–III вв. до н. э.) Северного Китая сакских черт в погребальном обряде (положение умерших вытянуто на спине, головой в северный сектор, помещение в могильную яму или на ее перекрытие в определенном порядке черепов, фаланг, копыт и лопаток животных) и инвентаре (керамика, украшения, предметы вооружения, бронзовые наборы пояса и т.п.) позволяет, как считает Н.В. Полосмак, говорить о присутствии в неоднородной среде населения этого региона сакского этнического компонента. Ближайший аналог погребального обряда скифского времени Северного Китая

она находит в погребении 1 могильника Сибирка (V–III вв. до н. э.) на Северо-Западном Алтае. Появление же этого комплекса на Алтае связано, по ее мнению, с миграцией представителей тасмолинской культуры Центрального Казахстана через Алтай в Северный Китай, где они стали «одним из источников формирования особой протосионхуской культуры». «Центральный Казахстан, Северо-Западный Алтай, Западная Монголия..., Северный Китай – таков вероятный путь и место сложения одного из компонентов культуры сионху» (Полосмак, 1990. С. 104, 105)⁴.

В подтверждении этого положения А.З. Бейсенов и Д.А. Кожак (1999. С. 28) приводят еще три памятника, где погребение человека сопровождалось помещением в изголовье черепов животных, – два с территории Горного Алтая (Кер-Кечу, курган 9; Елангаш, курган 2) и один из Восточной Монголии (Хоолтын-Гол) (см. также: Бейсенов, 1995. С. 225; 1996. С. 92).

Сразу отметим, что конструкции погребальных сооружений, ориентировка погребенных, места размещения черепов животных и да датировки этих памятников различны. В кургане 9 могильника Кер-Кечу (V–IV вв. до н. э.) захоронение совершено в каменном ящике, впускном в грунтовую яму. Погребенный уложен вытянуто на спине, головой на восток. Черепа двух коз и лошади находились на уровне перекрытия ящика. Как отмечает В.А. Могильников, помещение головы и лопатки лошади на уровне перекрытия каменного ящика известно и в других погребениях каракубинской культуры (Могильников, 1988. С. 68, 72, 73). В кургане 2 могильника Елангаш умерший ребенок был уложен в листовидную колоду скорченно на боку, головой на северо-восток. За пределами колоды, в северном углу могильной ямы находилось четыре козлиных черепа. Данное погребение авторы раскопок отнесли к IV–II вв. до н. э. (Кубарев, Гребенников, 1979. С. 70, 71). По мнению же В.А. Могильникова (1988. С. 73, 74), оно может быть датировано III–II вв. до н. э., а находка в нем черепов коз может объясняться влиянием погребальной обрядности хунну.

Погребение 1 в местности Хоолтын-Гол находится на реке Керулен на крайнем востоке Монголии. Захоронение совершено в простой грунтовой яме, перекрытой каменными плитами. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север. Череп лошади, ее копыта, а также череп барана были помещены в подбойную нишу, сделанную в северной стенке могильной ямы выше ее дна. Погребальный инвентарь представлен четырьмя

бронзовыми черепшковыми наконечниками стрел, костяной пряжкой и двумя бронзовыми полусферическими бляшками с петлей на обороте. И.В. Асеев на основании наличия трехгранных черепшковых наконечников датировал погребение V–III вв. до н. э. (Асеев, 1975. С. 183, 186. Табл. IV). Однако все наконечники из этого погребения, как трехлопастные, так и трехгранные, имеют длинный раскованный клинообразный черешок, характерный для наконечников VII–VI вв. до н. э. Для наконечников же V–III вв. до н. э. типичен более короткий, иногда крутой в сечении, черешок. Поэтому данное погребение совершенно не позднее VII–VI вв. до н. э.

Таким образом, среди памятников раннесакского времени Алтая и прилегающих к нему территорий выделяется группа комплексов, близкая по погребальному обряду памятникам кочевников тасмолинской общности, в целом, или памятникам тасмолинской культуры Центрального Казахстана, в частности. Это погребения, где умершие уложены вытянуто на спине головой на запад, северо-запад, север или северо-восток. Совершены они изредка на поверхности древнего горизонта, гораздо чаще – в простых грунтовых ямах или ямах с подбоем вдоль длинной стенки. Часто в сакральное пространство могильной ямы, будь то простая яма или яма с подбоем, помещены лошади или ее макет (шкура и голова). Инвентарь этих погребений, особенно снаряжение коня, находит ближайшие аналогии в тасмолинских памятниках Центрального Казахстана.

Мы считаем, что в основе определенной близости культур ранних кочевников Алтая и Казахстана раннесакского времени, прослеживаемой в погребальном обряде, прежде всего в инвентаре, лежит процесс становления культур этого времени степной Евразии.

Еще С.И. Руденко (1952. С. 250) предположил, что, возможно, в конце VIII – начале VII вв. до н. э. часть племен с верховий Иртыша из Зайсанской котловины или предгорий Тарбагатай распространилась на Горный Алтай и ассимилировала местное население. Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин, обобщив материалы раннесакского времени Центрального Алтая, пришли к выводу, что корни раннесакской культуры этого региона «следует искать к юго-юго-востоку от Центрального Алтая», в Северо-Западной Монголии и близлежащих к Алтаю районах Китая. «Первые проникновения носителей раннескифской культуры происходят, возможно, уже в конце IX в. до н. э., в начале же VIII в. до н. э. это явление приобрело массовый характер» (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 111). Эту

подвижку древнего населения вслед за Д.Г. Савиновым (1991. С. 94) Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин синхронизируют с конкретным историческим событием – «концом государства Западно-Чжюу в 770 г. до н. э. под давлением кочевых племен Центральной Азии». Однако, на наш взгляд, этот процесс был гораздо шире и охватывал не только Саяно-Алтай (Васютин, Садовая, 1999. С. 36), но и территории к западу от него – Восточный Казахстан, Семиречье, Приаралье и Урало-Казахстанские степи.

Немногочисленность памятников поздней бронзы в районе локализации памятников тасмолинской культуры на востоке Центрального Казахстана, в Павлодарском Прииртышье, и отсутствие здесь памятников переходного времени привело Г.Ю. Пересветова и С.В. Куропятникова к выводу о «пришлости населения сакского типа на данную территорию» из районов Восточного Казахстана (Пересветов, Куропятникова, 2002. С. 130).

Как совершенно справедливо отметили М.А. Итина и Л.Т. Яблонский (2001. С. 107), при рассмотрении на высоком таксономическом уровне вполне документированно выглядит гипотеза о прямом и непосредственном происхождении локальных вариантов сакских культур от срубной или андроновской, о среднеазиатско-казахстанском генезисе культур сакского круга. Однако «на уровне локальных этно- и расогенезов в узорегиональном смысле тезис о прямой преемственности населения двух эпох уже не кажется столь убедительным». Мы согласны и с утверждением, что «рассмотрение материалов на региональном уровне не дает оснований говорить о постепенности трансформационных процессов при формировании культур сакского типа. Скорее, речь может идти не о плавной трансформации, а ... о появлении на территории Средней Азии и Казахстана гетерогенных объединений всадников-мигрантов, не имеющих здесь собственных этногенетических корней и привнесших сюда элементы собственной этнической культуры и новый геном, фенотипически включающий комплекс монголоидных краниологических признаков» (Итина, Яблонский, 2001. С. 108; Яблонский, 2003. С. 203). И еще одно замечание. Межгрупповой анализ краниометрических признаков методом главных компонент 41 краниологической серии Западной Сибири, Алтая, Средней Азии, Казахстана и Северо-Западного Китая эпохи бронзы и раннего железного века привел Т.А. Чикишеву к неожиданному, на ее взгляд, результату: «...морфоло-

гический комплекс андроновского расового типа не увеличивается в большинстве групп носителей скифо-сакских культур и андроновский антропологический пласт не может рассматриваться как исходный тип для основного массива скифо-сакского населения Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и Центральной Азии» (Чикишева, 2000а. С. 118). К такому же выводу пришел и Л.Т. Яблонский, который отмечает, что «палеоантропологические материалы при анализе их на популяционном уровне отнюдь не свидетельствуют о всеобщей «андроноидности» физического типа сакского населения Средней Азии и Казахстана» (Яблонский, 2003. С. 203).

На наш взгляд, материалы погребальных памятников эпохи поздней бронзы и раннесакского времени урало-казахстанских степей полностью подтверждают наблюдения М.А. Итиной, Л.Т. Яблонского и Т.А. Чикишевой.

В степной части Южного Зауралья погребальные памятники поздней бронзы представлены небольшими каменными или земляными курганами, под насыпью которых иногда прослеживаются прерывистые кольцевые ровики. Известны погребения в культурном слое поселения и в прямоугольной каменной оградке. Захоронения совершались как на уровне древней поверхности или материка, так и в неглубоких могильных ямах подпрямоугольной или овальной формы (рис. 3.21). В первом случае это вторичные захоронения, где кости умерших сложены кучкой. Во втором – умершие укладывались скорченно на боку или на спине, головой на юг, ЮЮВ, ЮЮЗ, запад или восток. Зафиксировано перекрытие могильных ям деревом или каменными плитами. Известно также погребение (Дружный XIVa), совершенное по обряду трупоожожения в могильной яме. Погребальный инвентарь обычно исчерпывается керамикой. Найдены также мелкие бронзовые украшения, костяной штамп, бронзовые или железные ножи, обломки оселка. На подкурганной площадке иногда встречаются угли, керамика (как целые сосуды, так и их фрагменты), кости домашних животных (Сальников, 1951. С. 118, 119; 1952. С. 14–17; 1967. С. 273; Смирнов, 1964. С. 32; Дрябина, 1978. С. 9–12; Костюков и др., 1996. С. 151–163; Костюков, 1999; Гарустович, 2000. С. 123–128; Сладнев, 2001. С. 33–35; Vinogradov, Erimakhov, 2000).

В Северном Казахстане погребальные сооружения саргаринско-алексеевской культуры эпохи поздней бронзы (всего около 30) представлены небольшими каменными оградками круглой,

овальной, квадратной или прямоугольной форм (рис. 3.22). Сооружены они из плит, сложенных плашмя в один-два слоя или вкопанных вертикально. В средней части всех исследованных оградок зафиксированы каменные набросы. Встречены конструкции, состоящие из двух-трех вписанных друг в друга колец или прямоугольников. Вторым типом надмогильных конструкций является каменный наброс из уложенных плашмя плит. Могильные ямы небольшие, преимущественно овальные, около трети ям имели прямоугольную форму. Изредка стенки ям частично обкладывались камнем. В ряде случаев в ямах выявлены каменные ящики. Умершие захоронены в скорченном положении на боку, ориентировка их неустойчива – головой на юг, восток, юго-запад, запад и северо-запад. Основным сопроводительным инвентарем является керамика (Зданович С., 1979. С. 10, 11; Мартынюк, Зданович, 1985. С. 142–152; Зданович Г., 1988. С. 151. Табл. 10, Г).

Анализируя погребальный обряд ранних кочевников Северного Казахстана, М.К. Хабдулина отмечает, что он как целостно оформленная система отличается от погребального ритуала предшествующей эпохи бронзы. Однако, по ее мнению, если разбить его на отдельные составляющие элементы, то проступает генетическая преемственность, единая линия эволюции. Наиболее ярко, как считает М.К. Хабдулина, эта преемственность выражена в немногочисленных памятниках переходного периода (конец IX–VIII вв. до н. э.). К элементам обряда позднебронзового времени она относит незначительную глубину могильных ям, погребения на горизонте или материке, скорченное положение умерших, неустойчивость ориентировки, погребения с сосудами (Хабдулина, 1994. С. 19).

Сразу отметим, что, насколько нам известно, погребения на горизонте или материке в Северном Казахстане в эпоху поздней бронзы не зафиксированы. Из комплексов, относимых М.К. Хабдулиной, к «переходным» (Берлик II, курган 5; Жабай-Покровка, погребение 170; Бурлук, курган 13), на наш взгляд, таковыми можно считать лишь два – Берлик, курган 5 и Бурлук, ограда 13. Погребение 170 могильника Жабай-Покровка, где могильная яма, содержащая скорченное погребение, ориентированное головой на юго-запад, с сосудом в изголовье, обведена кольцевым ровиком, полностью укладывается в традиции эпохи поздней бронзы и находит ближайшие аналогии среди памятников этого времени Южного Зауралья. «Переходность» погребения

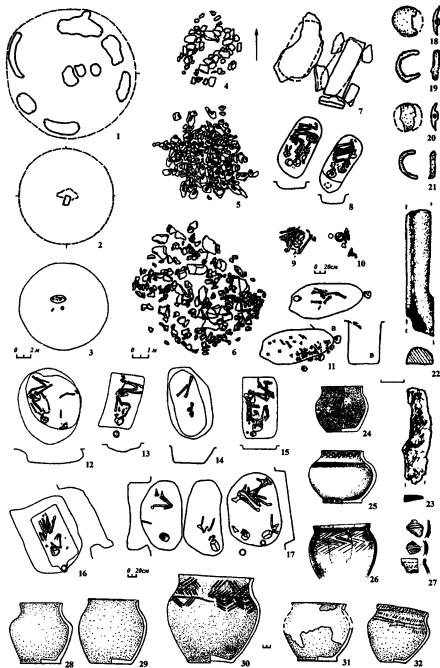
бения в кургане 5 могильника Берлик выражается в наличии сосуда (рис. 3.15, 32), стоящего у головы погребенного, уложенного вытянуто на спине, головой на северо-восток (Хабдулина, 1994. С. 19, 20. Табл. 9; 10, 1) ⁷. У погребенных в ограде 13 могильника Бурлук, лежавших скорчено на боку, головой на ССЗ, в ногах обнаружен овальный каменный жертвенник без ножек (Зданович С., 1970. С. 157–160. Рис. 1; 3, 14). На наш взгляд, эти памятники отражают не эволюцию погребальной обрядности при переходе от эпохи бронзы к раннему железу, а сосуществование на каком-то промежутке времени двух погребальных традиций. Одна из них продолжает местные традиции эпохи бронзы, а другая, не имеющая местных корней, привнесена извне. В Южном Зауралье отражением сосуществования двух традиций в погребальной обрядности является, возможно, положение погребенных скорчено на спине.

Отсутствие генетической связи тасмолинской культуры Центрального Казахстана с андроновской отмечала Н.Л. Членова (1983. С. 55, прим. 18). Как считает Л.Р. Кызласов (1977. С. 72), носители тасмолинской культуры вообще не являются «саками по происхождению», то есть не являются потомками «андроновцев». По его мнению, прямым предшественником саков Казахстана является не андроновская культура, а «культура дандыбай-бегазинских памятников», включаемая им в круг культур карасукского типа. «Что касается тасмолинской культуры, то, по нашему мнению, – отмечает Л.Р. Кызласов, – именно ее носители вытеснили предков саков из степей Центрального Казахстана» (Кызласов, 1977. С. 71, 76). Однако, еще М.К. Кадырбаев (1968. С. 32) отметил, что «попытки проследить преемственность между дандыбай-бегазинской культурой и культурой типа Тасмола до сих пор не привели к убедительным результатам. Очень интересную картину демонстрирует сравнение погребальной обряды некоторых курганов ранних кочевников с памятниками позднесалакского и замараевского времени, минуя дандыбай-бегазинскую культуру» ⁸. Параллельно этой культуре, по его представлениям, в Центральном Казахстане существовала замараевская культура, представленная как поселениями, так и погребальными памятниками (Кадырбаев, 1968. С. 32–34) ⁹. Новые исследования в Центральном Казахстане позволили В.В. Варфоломееву объединить обе эти культуры в рамках единой дандыбай-саргаринской культуры эпохи поздней бронзы. Погребальные сооружения этой культуры

он разделил на две группы. Погребения группы I (типы 1–5 погребальных сооружений) – это погребения рядового населения, погребения группы II (типы 6–16 – мавзолей) – погребения лиц высокого социального ранга (Варфоломеев, 1991. С. 13–20) ¹⁰.

По данным В.В. Варфоломеева, в Центральном Казахстане исследовано 119 погребальных памятников дандыбай-саргаринской (или бегазы-дандыбаевской) культуры. Лишь незначительную их часть (17 объектов) составляют крупные и сложные конструкции, известные в литературе как мавзолеи. В памятниках I группы (рис. 3.23) более чем в половине случаев погребения совершены в каменных ящиках на уровне материка или дневной поверхности. Могилы обнесены оградой прямоугольной или квадратной формы из каменных плит, уложенных плашмя, иногда в несколько слоев, или установленных вертикально. Почти в четверти случаев каменные ящики впущены в могильные ямы, находящиеся внутри прямоугольных оград. Изредка встречаются грунтовые могилы в каменных оградках или без них. В памятниках II группы (мавзолеи) захоронения находились либо на уровне материка, либо в углубленных в материк могилах-цистах, могилах-ящиках. В обеих группах погребения совершались скорчено на боку (9 случаев), вытянуто на спине (Уйтас-Айдос, сооружение 4; Айдарлы, ограда 4; Сантру, ограда 12), сидя (1 случай). Ориентировка погребенных установлена в 11 погребениях: головой на северо-восток – 3 случая, юго-запад – 2 случая, запад – 2 случая, юг – 2 случая, северо-запад – 1 случай, север – 1 случай. Инвентарь представлен в основном керамикой (Варфоломеев, 1991. С. 13, 14; 1991а. С. 27, 28; 1992. С. 72–76; Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 43–54; см. также: Ткачев, 2002а. С. 128–145, 201–209; Усманова, Варфоломеев, 1998. С. 59).

В памятниках I этапа тасмолинской культуры с погребальными традициями предшествующего времени, на наш взгляд, могут быть связаны каменные кольца или прямоугольные оградки в основании насыпи кургана, облицовка стенок могильной ямы каменными плитами, погребения на горизонте и в каменных ящиках. Впрочем, каменные кольца или прямоугольные оградки в основании насыпи кургана – явление, широко распространенное не только территориально, но и хронологически. Проведенный нами анализ погребений «вытянуто на спине» показал, что лишь в одном случае (Айдарлы, ограда 4), возможно, мы имеем дело с таким положением погребенного ¹¹.

Все вышеприведенные данные полностью подтверждают вывод К.А. Акишева о том, что в Центральном Казахстане совершенно неосожиданно в VIII–VII вв. до н. э. происходит изменения не только в материальной культуре, но и в погребальном обряде – появляется положение умерших вытянуто на спине, головой преимущественно на север или северо-запад, иногда на восток и запад. Эти изменения, с его точки зрения, «могут быть объяснены только проникновением или вторжением и смешением с потомками андроновцев в IX–VII вв. до н. э. новых этнических групп. Новый этнос мог быть двоякого происхождения: восточного, возможно протогунского (северная ориентировка, бронзовые колокольчики, форма сосудов), и западного, савроматского...» В то же время Семиречье и Приаралье «являются единственными регионами в сакском мире, где наиболее устойчиво сохранились архаические черты прошедшей бронзовой эпохи в материальной культуре (погребальный обряд, планировка надмогильных устройств, форма узкогорлых сосудов, типы бронзовых орудий и оружия)» (подтверждение этого тезиса см.: Итина, Яблонский, 2001. С. 109). Далее К.А. Акишев наметил два основных пути инфильтрации или миграции племен с востока на запад и с запада на восток. Первый проходил через Алтай, Восточный, Центральный и Западный Казахстан, второй – через Силызия, Центральный Тянь-Шань и Памир (Акишев, 1973. С. 57, 58).

По нашему мнению, близость памятников Центрального Казахстана, северо-западных предгорий Алтая, Восточного Казахстана, Джунгарской впадины и Северного Китая, фиксируемая П.И. Шульгой и Н.В. Полосымак, базируется на общих путях расселения в конце VIII в. до н. э. родственных групп кочевников – выходцев из районов Северного и Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана) и Монголии – через Джунгарские ворота и долину Черного Иртыша, вдоль предгорий Алтая в Центральный и Северный Казахстан и далее в степи Южного Зауралья. Общим для всех этих групп переселенцев, освоивших пространства от северо-западных предгорий Алтая до восточных отрогов Уральского хребта, было широкое использование камня для возведе-

ния внемогильных конструкций – кольцевые или прямоугольные выкладки и ограды, каменные панцири над земляной насыпью, каменные наброски, вымостки и т.п. Общим было и положение умерших вытянуто на спине при разнообразной ориентировке, но преимущественно в северный или западный сектор. Вероятно, неоднородный состав переселенцев обусловил разнообразие погребальных сооружений – простая грунтовая яма (основной тип погребальной камеры), каменный ящик, могильная яма с подбоем и другие. Однако в отношении сакрального пространства могилы существовали, очевидно, две ярко выраженные традиции. Согласно первой, могила предназначалась не только для человека, но и для его лошади. Отсюда встречающееся в Центральном Казахстане помещение умершего в погребальную камеру в сопровождении «макета» взнузданной лошади – в виде черепов с предметами упряжи и копыт, или ее «символа» – уздечного набора. Согласно другой традиции, не только могильная яма, но и так или иначе выделенная подкурганная площадка предназначались только для человека.

В Северном Казахстане и Южном Зауралье и, возможно, в Алакульской котловине абсолютно преобладала вторая традиция – погребение в грунтовой яме различной конструкции, в том числе с подбоем, без сопроводительного захоронения лошади, ее «макета» или «символа». В Центральном Казахстане обе традиции сосуществовали. Здесь известны погребальные сооружения различного типа, где захоронен только человек, но в таких же сооружениях, за исключением могильных ям с подбоем, где вместе с человеком помещалась и его лошадь, представленная «макетом» или «символом» (уздечный набор). Сосуществование обеих традиций характерно и для Приаралья (Вишневская, 1973. С. 66, 100; Яблонский, 1996. С. 43; Итина, Яблонский, 1997. С. 54).

Так же, как и в Центральном Казахстане, обе отмеченные традиции сосуществуют в северо-западных предгорьях Алтая и примыкающих к нему районах Восточного Казахстана (Шульга, 1999. С. 246). Но, в отличие от Южного Зауралья и Центрального Казахстана, здесь допускается возможность захоронения человека вместе с конем в

Рис. 3.21. Погребальные памятники поздней бронзы Южного Зауралья.

1, 2, 12, 13, 16, 18–21, 30 – могильник «У поворота...» [1, 12, 16, 18–21, 30 – курган 1 (12, 18–20 – могильная яма 2; 16, 21, 30 – могильная яма 1); 2, 13 – курган 2 (13 – могильная яма 1)]; 3, 11, 23, 26, 27 – одиночный курган Мокан 1; 4, 15, 24 – могильник II Иласский, курган 1; 5, 14, 22 – Сукрановский II могильник, курган 1; 6, 9, 10, 25 – могильник Сарбулин-2, курган 2; 7, 8, 31, 32 – могильник Белоколенчик-7; 17, 28, 29 – курган Сохлок. 18–21 – бронза; 22 – камень; 23 – железо; 24–32 – керамика. 1, 2, 6, 9, 10, 12, 13, 16, 18–21, 25, 30 – по: (Костюков и др., 1996); 3, 5, 11, 14, 22, 23, 26, 27 – по: (Гарустович, 2000); 7, 8, 31, 32 – по: (Vinogradov, Epimakhov, 2000)

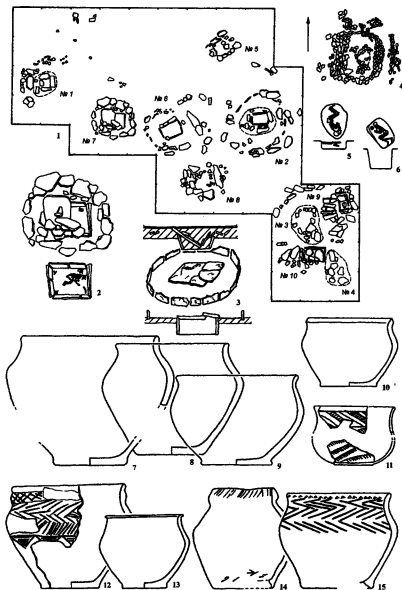

Рис. 3.22. Погребальные памятники поздней бронзы Северного Казахстана.

1-3, 7-15 – Могильник Жуков II [1 – общий план раскопа; 2 – погребальная конструкция 7; 3 – реконструкция погребальной конструкции 7; 7-15 – керамика (7 – конструкция № 9; 8, 10, 14 – конструкция 7; 9, 11 – конструкция 8; 13, 15 – конструкция 5; 12 – конструкция 6)]; 4-6 – могильник Саргай.
1-3, 7-15 – по: (Мартынюк, Зданович, 1985); 4-6 – по: (Зданович Г., 1988)

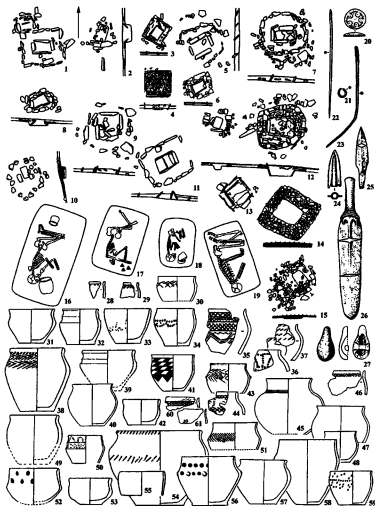

Рис. 3.23. Погребальные памятники поздней бронзы Центрального Казахстана.

1, 2, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 16, 17, 20, 22, 27, 31–34, 36, 38, 39, 42, 44, 49, 50, 52–55, 59 – могильник Актоprak (1, 34, 59 – ограда 5; 2, 16, 38, 49 – ограда 1; 5, 39, 50 – ограда 2; 7, 36, 56 – ограда 9; 8, 55 – ограда 6; 9, 22, 31 – ограда 7; 11 – ограда 8; 12 – ограды 3 и 4; 17 – ограда 3; 20, 32, 33, 42, 52–54 – ограда 4; 27, 44 – ограда 10); 3, 6, 28–30 – могильник Донгал (3, 29 – ограда 17; 6, 30 – ограда 12; 28 – ограда 7); 4, 13, 21, 23, 24, 37, 41, 46, 51, 56, 58 – могильник Карагай [4 – каменный ящик 4; 13 – ограда 2; 21 – ограда 1; 23, 24 – курган 1 (23 – могила 1; 24 – насыпь)]; 10, 19 – могильник Красные Горы, ограда 1; 14, 15, 25, 26, 35, 45, 47 – могильник Уйтас-Айдоc (14, 45, 47 – сооружение 3; 15, 26 – сооружение 13; 25 – сооружение 4; 35 – сооружение 5); 18, 57 – Темиртауский могильник, могила 1; 40, 61 – могильник Киптан, ограда 1; 43, 48, 60 – могильник Дермен, ограда 2. 20, 25, 27 – кость; 21–24, 26 – бронза; 28–61 – керамика. 1, 2, 5, 7–12, 16–20, 22, 27, 31–34, 36, 38, 39, 42, 44, 49, 50, 52–55, 57, 59 – по: (Ткачев, 2002a); 3, 6, 28–30, 40, 43, 48, 60, 61 – по: (Варфоломеев, 1988); 4, 13, 21, 23, 24, 37, 41, 46, 51, 56, 58 – по: (Варфоломеев, 1982); 14, 15, 25, 26, 34, 45, 47 – по: (Усманова, Варфоломеев, 1998)

одном сакральном пространстве могильной ямы с подбоем. Причем чаще всего во входной яме здесь помещается лошадь, а не ее «макет» или «символ». Правда, лошадь отгорожена от человека закладом подбоя. Традиция помещения лошади, но в отдельную погребальную камеру, хорошо выражена в Горном Алтае (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 43–49, 59). Поэтому присутствие лошади в могильных ямах северо-западных предгорий Алтая является, на наш взгляд, свидетельством воздействия горноалтайских племен на население предгорий. В Восточном Казахстане (Казахстанский Алтай) известно и погребение в подбое без помещения во входную яму лошади или предметов конского убора – погребения в могильнике Маймер II и в ограде 23 могильника Тар-Асу (Самашев и др., 1998. С. 155–160; 1998а. С. 174. Рис. 13; 14). Интересно отметить, что золотые серьги с навесками усеченно-конической формы, украшенные ложной зернью, и золотая фигурка копытящего хищника из этого погребения находят ближайшие аналогии в памятниках Центрального Казахстана (Жиланды, курган 2; Тасмола V, курганы 3, 4, 6) (Кадырбаев, 1974. С. 45. Рис. 12; Маргулан и др., 1966. С. 398. Рис. 63).

Движение кочевых племен из Северного и Северо-Западного Китая и Монголии проходило, вероятно, в несколько этапов, имело различную интенсивность и было направлено в разные регионы. Первое, возможно, незначительное по своим масштабам переселение началось, вероятно, в конце IX в. до н. э. и было направлено, главным образом, в горные районы Алтая. Более массовый характер миграция в этот регион приобрела в начале VIII в. до н. э. (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 111). Вторая, более массовая волна миграций произошла, очевидно, в конце VIII в. до н. э. или на рубеже VIII–VII вв. до н. э. Она охватила более обширные территории и проходила, вероятно, двумя путями. Одна группа кочевников прошла через Джунгарские ворота, Алакульскую котловину, Семиречье и Южный Казахстан и достигла низовий Сырдарьи и Амударьи (Яблонский, 1998. С. 45; Итина, Яблонский, 2001. С. 112). Второй путь миграции проходил через Восточный Казахстан, северо-западные предгорья Алтая в Центральный и Северный Казахстан и Южное Зауралье. Отдельные группы мигрантов этой волны проникли, очевидно, и в районы Горного Алтая.

Состав мигрантов был, по всей вероятности, весьма неоднороден. Возможно, первую волну переселенцев составили носители традиции «сжорченных погребений». Вторая волна охвати-

ла главным образом носителей традиции «вытянутых погребений».

Смешение же мигрантов с местным населением, имевшим свои региональные особенности в погребальной обрядности, привело к формированию особенностей культур раннесакского времени того или иного региона. Так, особенности погребального обряда населения раннесакского времени Горного Алтая обусловлены, вероятно, смешением здесь мигрантов первой волны из Северо-Западной Монголии и Северного Китая (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 111) и переселенцев из равнин к северу от Алтая (Бобров, 1999. С. 20–23). Проникновение же в горные районы Алтая представителей второй волны мигрантов привело к появлению здесь погребений вытянуто на спине «на относительно поздних этапах существования культуры раннесакского времени» (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 52). Смешение традиций погребальной обрядности аборигенов и мигрантов и формирование на этой основе погребальной обрядности населения раннесакского времени Юго-Восточного Приаралья хорошо показали в своей работе М.А. Итина и Л.Т. Яблонский (2001. С. 109). Немногочисленное, в силу неблагоприятных экологических условий (см. ниже), местное население Северного и Центрального Казахстана, вероятно, не смогло оказать существенного влияния на погребальную обрядность пришельцев. Поэтому, как представляется, и не прослеживается почти никакой преемственности в погребальной обрядности населения эпохи поздней бронзы и раннесакского времени этих территорий.

К близким по своей сути выводам пришел ранее И.В. Пьянков. Отмечая «матриархальность» и ряд других особенностей культуры «восточных скифских народов: савроматов, саков, массагетов и исседонов», – он пришел к следующему заключению: эти особенности «... могут быть объяснены распространением какого-то этнического суперстрата: первоначальный импульс оно получило, скорее всего, в сердце Центральной Азии, в Ордо́се и примыкающих к нему местах, и совершалось на протяжении первых веков I тыс. до н. э., может быть, несколькими волнами, одна из которых достигла в VII в. до н. э. Приазовья и Предкавказья. Пришлый слой населения был, видимо, в большинстве случаев немногочислен и быстро растворился в местной этнической среде, но оставил после себя ряд специфических черт культуры...» (Пьянков, 1994. С. 196).

Итак, как представляется, исходными территориями миграций начала I тыс. до н. э. были, ве-

роятно, районы Северного и Северо-Западного Китая и Монголии. В пользу высказанного предположения могут свидетельствовать некоторые данные археологии и антропологии. Так, положение умерших вытянуто на спине характерно для различных культур Северного Китая, начиная еще с неолита (см. например: Варенов, 1984. Рис. 2; 4; 8; 10; 11)¹². На ближайших к Казахстану территориях положение умерших вытянуто на спине, головой на север или запад зафиксировано в погребениях эпохи бронзы (XV–VIII, XIII–VIII или X–VIII вв. до н. э.) могильника Кээрмуци в Северном Синьцзяне (Варенов, 1995. С. 124, 125; 1999а. С. 184–189; 1999б. С. 14, 22; 1999в. С. 54–56)¹³. А в могильнике Гумуту (первая половина II тыс. до н. э.) большинство погребений одиночные, в вытянутом положении на спине, головой ориентированы на восток (Худяков, Комиссаров, 2002. С. 31). В могильнике Чжукайгоу (Ордос, середина II тыс. до н. э.) захоронения производились в простых грунтовых ямах с преобладающей ориентацией на северо-запад. Одиночные погребения в них совершались в вытянутом положении на спине. В парных же погребениях мужчина лежит в вытянутом положении на спине, женщина – в скорченном положении на боку, лицом к мужчине (Варенов, 1996. С. 97). Захоронения же в подбоях и катакомбах характерны для разных культур Северо-Западного Китая, начиная еще с эпохи бронзы и даже финального неолита (Варенов, 1995. С. 124, 125). Следует подчеркнуть, что для эпохи бронзы урало-казахстанской степи и лесостепи погребения в подбоях неизвестны.

На востоке Синьцзяна в могильнике Яньблак (рис. 3.24), эталонном памятнике одноименной культуры, датированном по радиоуглероду периодом 1200–550 гг. до н. э., наряду с преобладающими погребениями скорченно на боку, иногда встречаются погребения вытянуто на спине. Погребальный инвентарь, помимо изделий из керамики, кости, камня, включает многочисленные предметы из бронзы и железа, в том числе ножи, наконечники стрел, зеркала с центральной петелькой. Антропологический анализ серии из 29 черепов этого могильника показал, что 21 череп относится к «... монголоидам, близким по своим морфологическим особенностям современным обитателям восточного Тибета (тибетцы группы В), и лишь восемь экземпляров оказались европеоидами, близкими черепам из Гумуту. Причем на раннем этапе могильника европеоиды представлены сравнительно мало». По мнению Ю.С. Худякова и С.А. Комиссарова, «скорее всего, именно с куль-

туры яньблак началось массовое проникновение монголоидов в Западный край». Кроме того, Ю.С. Худяков и С.А. Комиссаров считают, что вполне возможно «ретроспективно связать культуру яньблак с одним из цинских племен. В общем плане ее (культуру яньблак – А.Т.) можно сопоставить с культурами синьдянь и каяо (на территории Ганьсу и Цинхая), которые также связаны с деятельностью древних цинь» (Худяков, Комиссаров, 2002. С. 50–54; Комиссаров, 1999. С. 397–401).

В близком по погребальному обряду и керамике, но несколько более раннем по времени (примерно 1200 лет до н. э.) могильнике Упу (Убао) из этого же района среди захороненных были как европеоиды, так и монголоиды. Смешение европеоидных и монголоидных черт фиксируется и в антропологических материалах могильника Ханьцигу, который датируется второй половиной периода Чуныцзо (конец VII–начало V вв. до н. э.) и представляет поздний вариант культуры Яньблак (Худяков, Комиссаров, 2002. С. 52, 53; Комиссаров, 1999. С. 400).

«В южных предгорьях Центрального Тянь-Шаня выявлена культура скифской эпохи, относящаяся к ранним ее этапам как по характеристикам инвентаря, так и по радиоуглеродным датам» (Худяков, Комиссаров, 2002. С. 59), представленная могильниками Чауху и Цюньбакэ (рис. 3.25; 3.26). Полученные радиоуглеродные даты определяют промежуток ее существования периодом 1000–500 гг. до н. э., причем половина захоронений в отмеченных могильниках относится к раннему периоду (Молодин, Комиссаров, 2001. С. 284)¹⁴. В могильнике Чауху на поверхности захоронения отмечались, как правило, каменными насыпями, выкладками или оградками, под которыми находилось от одной до нескольких могильных ям. Могильные ямы, которые перекрывались каменными плитами или деревянными плахами, часто имели короткий и неглубокий дромос, а погребения чаще всего были групповыми вторичными. Среди способов труположения выделяются два: скорченно на боку головой на северо-запад и вытянуто на спине. Могилы взрослых часто сопровождалась детскими погребениями и жертвенными ямами с черепами лошадей. Погребальный инвентарь (рис. 3.25) представлен керамикой, изделиями из железа и бронзы – ножами, удилами, в том числе стремечковидными с дополнительным отверстием, обоймами, зеркалами с петелькой в центре оборотной стороны, наконечниками стрел, предметами, оформленными в «скифском» зверином

стиле и т. п. (Худяков, Комиссаров, 2002. С. 55, 56. Рис. XIV–XVI; Ковалев, 1996. С. 126; Ларичев, Комиссаров, 2002).

Из могильника Чауху-4, кстати, происходит зеркало с петелькой и узким бортиком на оборотной стороне. На оборотной же стороне этого зеркала нанесен рисунок, изображающий свернувшегося кольцом зверя (дракон, тигр или волк) (рис. 3.25, 27). По общей стилистике изображение напоминает мотив «свернувшегося (кошачьего) хищника». Эта находка, по мнению С.А. Комиссарова (1998. С. 101), является косвенным подтверждением точки зрения Г.Н. Курочкина о формировании данного мотива у центральноазиатских кочевников под влиянием древнекитайского искусства. Примечательно также, что в этом могильнике «головы или целые туши лошадей, верблюдов и баранов приносили в жертву практически при каждом захоронении» (Комиссаров, 2000. С. 305). Антропологическое исследование материала могильника Чауху-4 «... показало полное преобладание европеоидных черт у чаухуцев, причем наиболее близкими к ним оказались две ранее исследованные группы: люди из Алагуу и европеоидный компонент (группа С) в культуре яньбака. Последний факт, в сочетании с другими обстоятельствами, позволяет поставить вопрос о генетических связях» (Худяков, Комиссаров, 2002. С. 57). По мнению С.А. Комиссарова (2000. С. 306), антропологические данные могильника Чауху-4 подтверждают и трактовку могильника Алагуу как позднего варианта культуры чауху.

К одному из вариантов культуры чауху относятся и могильник Цюньбакэ (Чунбак) (рис. 3.26). На поверхности погребения отмечены каменными насыпями, под которыми располагались одна или несколько могильных ям, перекрытых деревянными плахами. Здесь также встречены могильные ямы с коротким дромосом. «В нескольких случаях камера с коридором возводилась из бревен на дневной поверхности, после чего засыпалась землей. Преобладают групповые вторичные захоронения, кости и деревянные конструкции, как правило, сильно обожжены. Рядом с могилами располагались жертвенные ямы с костями (большая часть черепами) лошадей и верблюдов» (Худяков, Комиссаров, 2002. С. 57, 58). Встречены также погребения, где умершие уложены на спине с подогнутыми вверх ногами, головой на север или северо-запад или скорченно на бок. Погребальный инвентарь (рис. 3.26) представлен, помимо керамики, различными изделиями из бронзы, железа, дерева и кости. Среди бронзовых предме-

тов удила со стремявидными окончаниями, в том числе и с дополнительными отверстиями, трехлопастные черепшковые наконечники стрел, зеркала в виде плоского диска без ручки или с длинной боковой ручкой, имеющей на конце отверстие (Ларичев, Комиссаров, 2002). Особенно интересна, на наш взгляд, находка здесь бронзовых колесников с четырьмя спицами (Цун Дэсинь, Чэнь Гэ, 1991. С. 693, 701)¹⁵. Эти колесики (рис. 3.26, 21, 22) аналогичны амулетам-колесикам из погребений VII–VI вв. до н. э. Южного Зауралья (рис. 3.14, 13). Подчеркнем, что на других территориях амулет-колесики встречены лишь в комплексах, относящихся к более позднему времени (Пшеничнюк, 1983. Табл. XXVI, 7; Боталов, Тайров, 1996. С. 128, 129).

Сравнительно поздний этап (в пределах VIII–VI вв. до н. э.) культуры чауху (вариант Чунбак) представлен могильником в Шанхусян, где исследовано три могилы. В двух из них, соответственно, два и три погребенных, уложенных вытянуто на спине. Третья могила представляла собой большую яму с дромосом, содержавшую остатки многоактных трупосожжений. В одной из могил с труположением (могила M1) возле женского захоронения найден кусочек красящего минерала, который, по мнению В.Е. Ларичева и С.А. Комиссарова, мог использоваться как косметическое средство. Аналогичные предметы обнаружены и в Чауху. Применение минеральных красок в разных целях, в том числе и в косметике, отмечено у кочевников VII–VI вв. до н. э. Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана и Алтая (Тайров, Бушмакин А.Ф., 2001; Tairov, Bushmak-in, 2002; Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 99. Рис. 7; Шульга, 1998. С. 37).

Традиция изготовления зеркал с бортиком и центральной ручкой-петелькой, по мнению Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина (1997. С. 89), пришла первоначально на Алтай и в Казахстан в VII–VI вв. до н. э. из Китая, где она засвидетельствована в VIII–VII вв. до н. э., а затем уже распространилась дальше. Придерживаясь аналогичной точки зрения, Г.Н. Курочкин (1994. С. 104) указывает на появление зеркал с петельчатой ручкой на севере Китая с XIII–XII вв. до н. э., в памятниках же Западного Чжоу (конец XI–начало VIII вв. до н. э.) такие зеркала иногда имеют бортик¹⁶. С чжоускими зеркалами можно, по его мнению, прямо сопоставить и наиболее ранние зеркала с бортиком и центральной ручкой-петелькой с Алтая. Данная точка зрения, как нам кажется, более верно отражает историческую действительность, нежели точка зрения Т.М. Кузнецовой (1991. С. 21 и

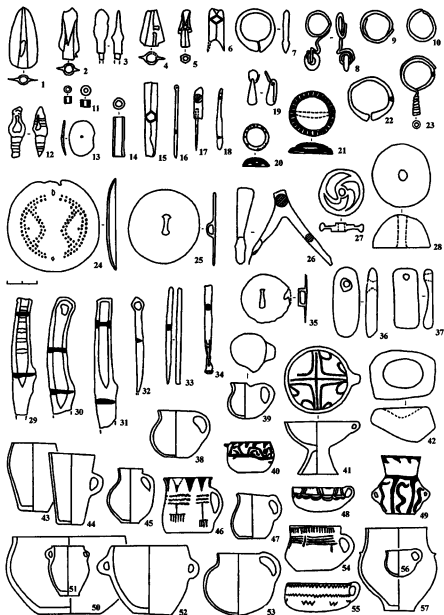

Рис. 3.24. Могильник Яньбляк, Восточный Туркестан.

1-7, 9-16, 18, 20-27, 29-35 – бронза; 8, 19 – бронза, камень; 17 – бронза, кость; 28, 36, 37, 42 – камень; 38-41, 43-57 – керамика. По: (Li, 2002; New Achievements..., 1995)

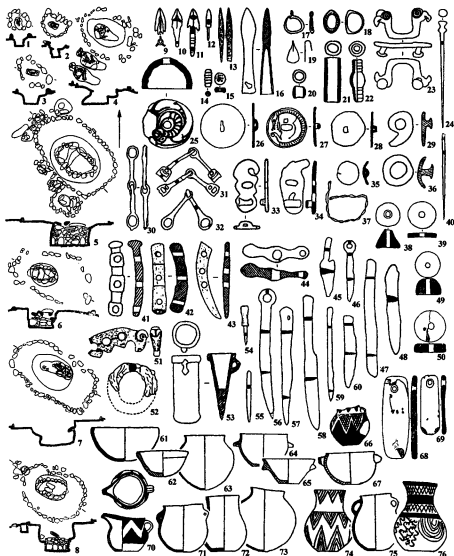

Рис 3.25. Могильник Чауху-4 (Чоуху-4), Восточный Туркестан.

9-12, 16, 18, 22-36, 40, 44-48, 53, 54, 56-60, 62 – медь и бронза; 13, 20, 21, 41-43, 51 – кости; 14, 15, 49, 50, 68, 69 – камень; 17, 19, 37 – золото; 38, 39, 61, 63-67, 70-76 – керамика; 52, 55 – железо. По: (Mei, Shell, 2002; New Achievements..., 1995)

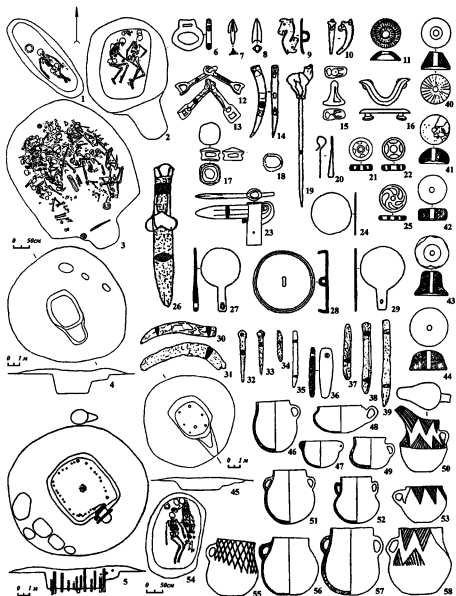

Рис. 3.26. Могильник Шюньбак, Восточный Туркестан.

6–9, 11–13, 15–18, 21–25, 27–29, 35 – бронза; 10, 14, 19 – кость; 20 – золото; 26, 30–34, 37–39 – железо; 36 – камень; 40–56 – глина. По: (Mei, Sheli, 2002; Kaogu, 1991. № 8)

сл.), которая, исходя из того, что наибольшая концентрация зеркал данного типа приходится на Южное Приаралье, рассматривает этот регион как центр их распространения. С этим выводом, кстати, согласна и Н.Л. Членова (1993. С. 58). С оттоком сакского населения из Приаралья, по мнению Т.М. Кузнецовой, связан и процесс распространения зеркал этого типа как на восток, так и на запад.

Под влиянием китайского искусства у кочевников Центральной Азии возникает мотив свернувшегося хищника. И уже из Центральной Азии он проникает в более западные области Евразии (Курочкин, 1993. С. 65, 66; Иванчик, 2001. С. 76)¹⁷. В этой связи можно указать на изображение свернувшегося животного на бронзовом предмете из могилы М2 в Байфу (вторая половина X в. до н. э.), свернувшегося в кольцо «дракона» на бронзовом сосуде Кан-гуна (первая половина X в. до н. э.) (Чжун Сук-Бэ, 2000. С. 124, 129. Рис. 8, 43; 12, 40). Из Синьцзяна происходят и бронзовые зеркала с «бортником» и ручкой в форме петли в центре диска с гравированными изображениями свернувшихся животных. Свернувшаяся в кольцо пантера изображена и на зеркале с длинной боковой ручкой из Измайловки в Восточном Казахстане (Кубарев, 2002. Рис. 1, 5, 8, 9).

На появление изображений свернутых в кольцо и лежащих пантер, оленей «на щипочках», кабанов, головок хищной птицы в типично скифо-сибирском зверином стиле, а также зеркал с бортником в памятниках типа Наньшаньгэнь (рис. 3.27; 3.28) в Северо-Восточном Китае уже в VIII в. до н. э. указывает А.А. Ковалев (1996. С. 121; см. также: Чжун Сук-Бэ, 2000. С. 133. Рис. 14, 53). Е.С. Богданов (2002. С. 244) обращает внимание на то, что к северу от Великой Китайской стены «существует целая группа предметов мелкого пластического искусства, которые можно с полным правом называть ранними образцами скифо-сибирского звериного стиля и датировать их также в пределах IX–VIII вв. до н. э.» В эту группу он включает оружие и украшения из памятников типа Наньшаньгэнь и могильника Чаухугуо (Внутренняя Монголия), серию фигурок из нефрита с изображением оленей из гробницы Руджияжуань (провинция Шаньси), бронзовую трубочку из коллекции И.Г. Андерсона (Ордо).

Весьма интересные материалы были получены китайскими археологами при раскопках могильника Шаньцуньлин – «государственного кладбища» удела Го (Северное Го), функционировавшего в период правления Сюань-вана (827–782 гг. до н. э.). Среди многочисленного погребального инвентаря здесь найдены изделия «северного

происхождения» – бронзовые зеркала, панцирные пластины и, подчеркнем особо, пояс, «набранный из 12 золотых бляшек». Как отмечает С.А. Комиссаров, «наборный пояс – явление для Китая уникальное, тогда как в более позднюю эпоху оно широко представлено среди народов северной степной зоны» (Комиссаров, 1995. С. 67, 68). Здесь можно указать на пояс с бронзовыми или железными обоймами из памятников VIII–VI вв. до н. э. Тувы, Алтая, Памира, Приаралья и урало-казахстанских степей (Добжанский, 1990. С. 20, 21; Боталов, Тайров, 1996. С. 131).

Наиболее обоснованной в настоящее время, по мнению А.И. Иванчика (Иванчик, 2001. С. 118), представляется гипотеза о происхождении литых бронзовых шлемов «кубанского» типа из Северного Китая. Находки очень близких экземпляров известны здесь в эпоху Западного Чжоу (рис. 3.28, 7, 8) и связаны они с кочевыми этносами, обитавшими севернее древнескитских земель (Борисенко, Худяков, 2003. С. 23). Совершенно правомерно, на наш взгляд, и предположение К.В. Чугунова о том, что «именно Китай эпохи Западного Чжоу являлся исходной территорией появления у кочевых племен, населявших южные районы степной зоны, стрел с черешковым насадом» (Чугунов, 2000. С. 167).

По мнению С.С. Тур (1997. С. 141), краниологические материалы Алтая «свидетельствуют о крайней морфологической и, соответственно, генетической неоднородности раннескифского населения Алтая». В краниологической серии этого времени выделяются монголоидные и европеоидные комплексы признаков, а также европеоидно-монголоидные типы метисного происхождения. Необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на следующий момент. Череп из кургана 26 могильника Тыткескень VI (Горный Алтай)¹⁸ «относится к монголоидному типу, представляющему на неолитических черепах Алтая и Красноярско-Канского района». Монголоиды из кургана 1 Машенки и погребения 2 кургана 2 могильника Чесноково (северо-западные предгорья Алтая) «аналогичны среди населения Алтая более раннего времени не имеют и представляют, судя по всему, пришельцев» (Тур, 1997. С. 141). Женский череп из Машенки относится к восточноазиатской расе в составе тихоокеанской ветви монголоидов. Восточноазиатский расовый тип, отмечает С.С. Тур, «прослеживается в некоторых районах Китая, в частности в верхнем течении реки Хуанхэ, по-видимому, уже с эпохи неолита». Как считает С.С. Тур, «генетические истоки восточноазиатского типа (Машенка)

следует связывать с территорией Китая (провинция Хэнань, Ганьсу, Цинхай)» (Тур, 1997. С. 137, 138, 141). Грациальные низколикие монголоиды (Чесноково), по мнению С.С. Тур, могли появиться с севера, из лесостепного Приобья. Но, подчеркивает она, «следует однако иметь в виду, что они отмечаются и значительно западнее – в составе саков Восточного Казахстана и Алайской долины» (Тур, 1997. С. 139, 141).

Рассматривая скифо-сакское население, В.П. Алексеев выделил в его составе особый расовый вариант, представленный на Сырдарье, в Восточном Казахстане и на Алтае. Этот вариант, по его мнению, сходен с современной южносибирской расой, «имеющей смешанное происхождение и сформировавшейся на огромной территории от Монголии на востоке до Казахстана на западе, начиная с эпохи рубежа поздней бронзы – раннего железа». Проникновение же монголоидных элементов в бассейн Сырдарьи, Восточный Казахстан и горные районы Алтая происходило, по его мнению, из Центральной Азии (Мартьянов, Алексеев, 1986. С. 59, 61; Алексеев, 1989. С. 231). Кроме того, В.П. Алексеев (1989. С. 233) отмечал, что исходя из палеоантропологических данных можно «высказаться в пользу точки зрения тех исследователей, которые видят в культуре сакских племен Казахстана и Алтая многие черты центральноазиатского происхождения»¹⁹.

В Южном Приуралье в раннесакское время в составе местного населения, по данным Л.Т. Яблонского, выделяется два резко отличающихся антропологических варианта. «Один (группа типа Тумекчиджик – А.Т.) напоминает классический «протоевропеоидный», а другой (группа типа Сакарчага – А.Т.) в общем укладывается в параметры краниологических особенностей расы среднеазиатского междуречья, но отличается монголоидной примесью, особенно отчетливо выраженной в женской серии. Происхождение первого варианта логично связать с населением свавязийских степей эпохи бронзы. Наличие монголоидной примеси в составе второго указывает, во всяком случае, на восточное его происхождение». «Мужчины типа Сакарчага наибольшее сходство обнаруживают с савромато-сарматскими группами Южного Приуралья, а также с сакским населением Северного и Восточного Казахстана. Из предшествующих по времени серий только одна сопоставима с сакарчагинской, а именно – из карасукских могильников Минусинской котловины... Как и мужчины, женщины по обеим системам признаков обнаруживают наибольшее сходство с серией саврома-

то-сарматского времени из Южного Приуралья, а из предшествующих по времени групп – опять же с карасукским населением Минусинской котловины» (Яблонский, 1996. С. 57, 58)²⁰. Подводя итог антропологическому изучению раннесакского населения Южного Приуралья и говоря о сакарчагинской группе, Л.Т. Яблонский подчеркивает, что «восточное направление генетических связей в данном случае представляется единственно возможным». На основе же фиксируемого сходства этой группы с карасукским населением Минусинской котловины он делает предположение о том, что «... какие-то группы этого (карасукского – А.Т.) населения могли принять участие в формировании антропологического облика населения сакского типа в Северном Казахстане и Приуралье» (Яблонский, 1996. С. 58, 59).

Антропологический анализ краниологических материалов раннесакского времени Восточного Приуралья также выявил наличие «черепов, у которых монголоидная примесь устанавливается с достаточной степенью надежности» (Итина, Яблонский, 1997. С. 77; см. также Яблонский, 1998. С. 39). Проникновение же монголоидов в состав населения раннесакского времени Приуралья, Казахстана и Киргизии, по мнению В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова (1972. С. 119), «могло происходить как за счет передвижения монголоидного и смешанного населения со стороны Алтая, так и перекочетов монголоидных групп из Центральной Азии через Джунгарские ворота и по долинам рек (Иртыш, Или)».

Таким образом, монголоидная примесь с разной степенью выраженности фиксируется во всех раннесакских краниологических выборках Приуралья, как Южного, так и Восточного. Причем, как отмечают М.А. Итина и Л.Т. Яблонский (1997. С. 78), «ощутимая монголоидная примесь в составе населения, появляясь здесь именно на начальном этапе развития культуры сакского типа, в абсолютных датах – в VIII–VI вв. до н. э.»... Как раз в момент формирования культур раннесакского типа гетерогенность населения еще более усиливается по сравнению с эпохой бронзы. Это происходит, в частности, за счет появления на западе азиатской степи, на территории Приуралья и Казахстана, групп населения, обладавшего заметной монголоидной примесью, что свидетельствует о центральноазиатском или западносибирском происхождении» (Итина, Яблонский, 2001. С. 108, 109).

Все это соответствует, по мнению Л.Т. Яблонского (Итина, Яблонский, 1997. С. 80), выводам В.П. Алексеева и И.И. Гохмана (1984. С. 70) о

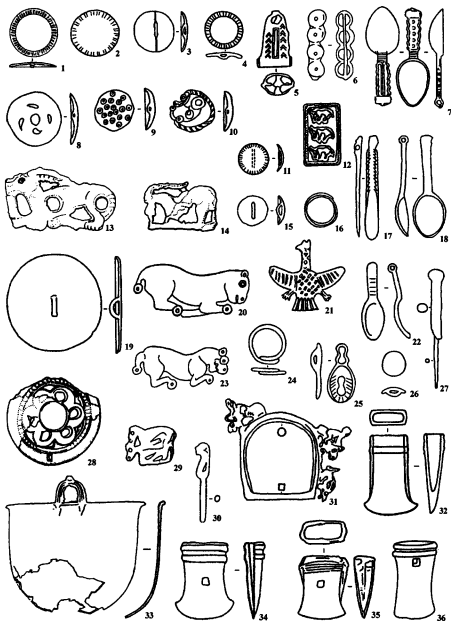

Рис. 3.27. Памятники «типа Наньшаньгэнь». Инвентарь. Бронза. По: (Maoqingou, 1992)

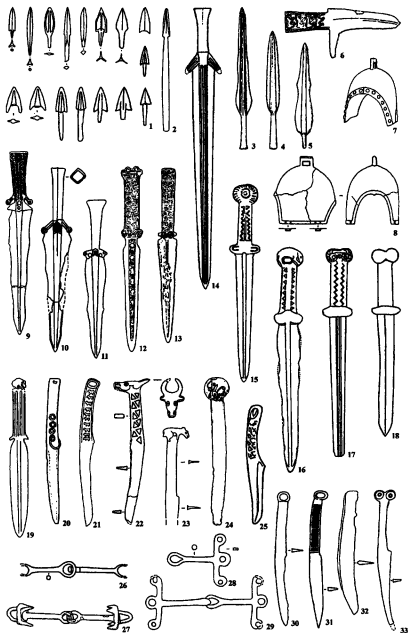

Рис. 3.28. Памятники «типа Наньшаньгэнь». Предметы вооружения и конской упряжи. Бронза. По: (Maoqinggou, 1992)

распространении носителей монголоидного комплекса признаков, вместе с брахикранными европеоидами, с востока на запад. Однако, в отличие от В.П. Алексеева (Мартынов, Алексеев, 1986. С. 59, 61), Л.Т. Яблонский считает, что «восточный импульс в этногенезе ранних саков Приаралья... антропологически легче всего связать с населением эпохи поздней бронзы Южной и Западной Сибири, культурно-генетически связанным с притаежным, лесостепным вариантами культур позднеандоновского или карасукского типа» (Итина, Яблонский, 2001. С. 111)²¹. Впрочем, ранее Л.Т. Яблонский констатировал, что «у нас нет достаточно весомых, с точки зрения археологии, оснований говорить о непосредственной формообразующей роли карасукского компонента в сложении сакских культур Приаралья». Более перспективным нам представляется его замечание о том, что возможно решение проблемы происхождения монголоидного компонента в составе населения раннесакского времени степей Средней Азии и Казахстана «связано с изучением палеоантропологических материалов с территории Синьцзяна и южных районов Джунгарии» (Яблонский, 1996а. С. 50; Итина, Яблонский, 1997. С. 78).

Впрочем, если рассмотреть материалы эпохи поздней бронзы Южной Сибири, Центрального Казахстана и Юго-Восточного Приаралья, то, на наш взгляд, появляются и археологические данные, позволяющие говорить «...о непосредственной формообразующей роли карасукского компонента в сложении сакских культур Приаралья».

Положение о том, что «классическая» карасукская Минусинской котловины, бегазы-дандыбаевская Центрального Казахстана, «тагискенская» Восточного Приаралья, а также ирменская Западной Сибири разные, но родственные культуры в пределах «культур карасукского круга» (Членова, 1998. С. 673), ни у кого, пожалуй, не вызывает возражений.

Карасукская культура в Минусинской котловине, как полагал С.В. Киселев (1951. С. 142–147), появилась в результате миграции ее носителей из Северного Китая. Эта точка зрения поддерживал Э.А. Новгородов (1970. С. 64, 174; 1989. С. 122–125, 130, 233), считающей, что исходной территорией миграции была Центральная Азия и Северный Китай, и Н.Л. Членовой (1972. С. 77, 82; 1998. С. 673), согласно которой карасуки пришли на Енисей из Синьцзяна через Монголию и Туву²². Прослеживаются и определенные связи карасукской культуры с бегазы-дандыбаевской (Членова, 1998. С. 673)²³.

Уже первые исследования небольшой серии карасукских черепов из Минусинской котловины зафиксировали, во-первых, их отличие от предшествующих андроновских и, во-вторых, сильную инфильтрацию монголоидных элементов североазиатского типа (Киселев, 1951. С. 114–116). Согласно А.Н. Багашеву (2002. С. 22), в эпоху бронзы центральноазиатские монголоидные элементы отмечаются в составе карасукских популяций Восточной Сибири, кротовских, андроновских (федоровских), еловских, ирменских групп Западной Сибири, а также в составе населения черкаскульской культуры Приуралья.

Е.Е. Кузьмина отмечает, что карасукская и бегазы-дандыбаевская керамика близки не только по форме и орнаментации сосудов, но и по технологии их изготовления. По ее мнению «дандыбаевский керамический комплекс следует, видимо, отнести к особой культуре, генетически не связанной с андроновской» (Кузьмина, 1994. С. 130). Близость карасукской, бегазы-дандыбаевской и тагискенской керамики по ряду орнаментов, технике их нанесения и технике отделки поверхности прослеживает и Н.Л. Членова (1972. С. 58–63). В.В. Варфоломеев (1991а. С. 29) также считает, что «значительная часть бегазинской керамики обнаруживает поразительное сходство с тагискенской, карасукской (карасукского и каменилового этапов), еловско-ирменской...». Кроме того, «...бегазинские сосуды резко отличаются от саргаринских орнаментом и по технико-технологическим признакам». Наличие в бегазы-дандыбаевской керамике серии сосудов карасукского типа, не имеющих истоков в андроновской культуре, отмечали также М.К. Кадырбаев (1968. С. 34), Э.А. Новгородова (1970. С. 64), В.А. Коренько (1990. С. 31), Р. Исмагил (1998. С. 4) и другие исследователи.

Появление бегазы-дандыбаевского керамического комплекса в степях Центрального Казахстана, согласно Е.Е. Кузьминой, связано с миграцией его носителей, принадлежавших к тюркской языковой семье, из Сибири или Центральной Азии. В Центральном Казахстане мигранты заняли, по ее мнению, господствующее положение в местной андроновской среде. Именно для представителей этой группы сооружались огромные мавзолеи бегазинского типа (Кузьмина, 1994. С. 130, 131)²⁴. Эти сложные и монументальные сооружения также не имеют полных аналогий в андроновских памятниках Казахстана (Коренько, 1990. С. 31). По степени сложности устройства погребального комплекса бегазинские мавзолеи сопоставимы с херескурами

Центральной Азии. Причем, согласно К.В. Чугунову (2002. С. 146), для их планиграфии характерны и некоторые общие черты: устройство захоронения в сравнительно неглубокой яме или на уровне горизонта; сооружение вокруг него нескольких оград круглой или прямоугольной формы; употребление в обряде вертикально установленных стел. По его мнению, бегазы-дандыбаевская культура появилась в Центральном Казахстане в результате движения части родственных племен из Северного Китая на запад. Но, в отличие от Е.Е. Кузьминой, он считает их носителями индоиранских традиций (Чугунов, 2002. С. 149). Р. Исмагил (1998. С. 6) также приходит к выводу, что «этническое ядро бегазы-дандыбаевской культуры составили, вероятно, выходцы из восточных районов Евразии, в культурном отношении близкие к карасукскому населению». Как отмечает А.А. Ткачев, «... данных об автохтонной линии развития дандыбаевских древностей в степях Центрального Казахстана нет. Дандыбаевская культурная традиция сформировалась за пределами рассматриваемого региона». По его мнению, эта традиция зарождается в Барабинской лесостепи и северной части Кулундинской степной зоны Обь-Иртышского междуречья «... в результате взаимодействия двух подвижных групп населения: позднеланьского (кызылтасского), мигрировавшего из Казахстана. Прииртышья, и карасукского, проникающего из Енисейских степей» (Ткачев, 2002а. С. 205). Пришли в Казахстан считают бегазы-дандыбаевскую культуру также Л.Р. Кызласов (1977. С. 71), В.В. Варфоломеев (1991. С. 16) и другие исследователи.

Находки сосудов бегазы-дандыбаевского типа в Северо-Западном Силизьяне стали основой для выдвинутого В.И. Молодиным предположения: «...вероятнее всего следует связывать бронзовые предметы карасукского облика Силизьяна (а весьма вероятно, что и соседних районов Монголии и Горного Алтая) с ... общностью носителей бегазы-дандыбаевской керамики». Правда, появление бегазы-дандыбаевской керамики в Силизьяне В.И. Молодин объясняет миграцией носителей этой культуры из Центрального Казахстана (Молодин, 1998. С. 287; Молодин, Комиссаров, 2001. С. 281; см. также: Худяков, Комиссаров, 2002. С. 39, 40).

Связь носителей бегазы-дандыбаевской культуры с населением Приаралья (Северный Тагискен), проявляющаяся как в архитектуре погребальных сооружений, так и в керамике, давно отмечена исследователями (см., например: Толстов, 1962. С. 85; Толстов и др., 1963. С. 45; Грязнов, 1966. С. 237; 1970. С. 42; Духе, 1969. С. 67; Кореняко,

1990. С. 31, 33; Варфоломеев, 1991. С. 16; Итина, 1992. С. 35, 36; Итина, Яблонский, 2001. С. 103; Исмагил, 1998. С. 3). Н.Л. Членова, выделяя общность карасукской и других культур Евразии XIII–VIII вв. до н. э., наметила и более мелкие районы, каждый из которых имеет свои характерные черты и особенности. Один из таких районов «Центральный Казахстан (памятники типа Дандыбай, Бегазы, Бугылы, Сангуыр) и низовья Сыр-Дарьи (Тагискен). Очень большое сходство в формах и орнаментах керамики» (Членова, 1972. С. 133, 134). А.А. Ткачев (2002а. С. 206) считает, что «...самым южным памятником дандыбаевского облика является могильник Тагискен». А Л.Р. Кызласов (1977. С. 75) даже говорит о тагискенском варианте бегазы-дандыбаевской культуры.

Отдельные круглодонные сосуды Северного Тагискена «... живо напоминают сосуды карасукского типа памятников Алтая, Южной Сибири и большереченской культуры Восточного Казахстана» (Итина, Яблонский, 2001. С. 104). Х. Духе (1969. С. 68), приведя ряд параллелей тагискенской и карасукской керамики, пришел к выводу о том, что «часть керамики Тагискена представляет собой керамику карасукского типа со свойствами ей особенностями». Еще более определенно о близости части тагискенских и карасукских сосудов писал М.П. Грязнов (1966. С. 237): «Некоторые сосуды из могильников Карасук I и Яржи I на Енисее по форме и орнаментам настолько сходны с тагискенскими, что легко сделать ошибку, определяя, какой из них происходит из Приаралья, какой – с Енисея». По мнению М.А. Итиной (1992. С. 35), эта керамика демонстрирует примесь восточного, карасукского, компонента в составе бегазы-дандыбаевского и тагискенского населения. Еще раньше Л.Р. Кызласов (1977. С. 75) указывал: «... наше предположение о проникновении в VIII–VII вв. до н. э. с востока на запад какой-то группы носителей карасукских традиций в материальной культуре подтверждается не только выявлением карасукского воздействия на культуры Хорезма, но и обнаружением тагискенских могильников на Сырдарье...»²¹.

Таким образом, вполне вероятно, что в сложении карасукской культуры Минусинской котловины, бегазы-дандыбаевской Центрального Казахстана и культуры Северного Тагискена приняли участие близкородственные в культурном и антропологическом отношении компоненты («носители карасукской традиции в материальной культуре», по Л.Р. Кызласову), выходцы из районов Северного и Северо-Западного Китая (Силизьяна). Прием-

ственность же раннесакского населения Юго-Восточного Приаралья с носителями культуры Северного Тагискана сомнений не вызывает. А приход сюда новой волны мигрантов из тех же районов Северного и Северо-Западного Китая, антропологически близких «носителям карасукской традиции», очевидно, не смог кардинально изменить антропологический облик населения.

Приведенная выше реконструкция историко-культурных процессов соответствует, на наш взгляд, и данным антропологии. «Имеющиеся в настоящее время краниологические данные свидетельствуют о возможности проникновения монголоидных расовых элементов центрально-азиатского происхождения в этническую среду Южного и Юго-Восточного Приаралья, Киргизии и Восточного Казахстана. Однако не в «чистом виде». Данный монголоидный компонент присутствовал в составе определенных общностей в целом европеоидного облика. Раннесакские черепа с территории Юго-Восточного Приаралья и Киргизии обнаруживают сходство среди материалов эпохи бронзы Южной и Восточной Сибири только с карасукскими сериями... В период перехода от бронзы к железу на север Средней Азии и в Киргизию мигрировали племена из Восточной Сибири, антропологический тип которых более сходен с типом населения карасукской культуры и которые в первой половине I тыс. до н. э. приняли участие в расогенезе популяций, оставивших ряд могильников сакского типа» (Багашев, 2002. С. 22; см. также: Багашев, 2000. С. 192, 193)⁴.

Антропологические исследования серии черепов из памятников I этапа тасмолинской культуры Центрального Казахстана показали, что антропологический тип как мужских, так и женских черепов – европеоидный в целом, с некоторой примесью монголоидных элементов. Появление последних связано, по мнению О. Исмагулова, с проникновением монголоидных групп. Наиболее близкое морфологическое сходство «тасмолинцы» «обнаруживают, с одной стороны, с саками Приаралья... и, с другой – со «скифами» Алтая». Это сходство обусловлено тем, что «они впитали в себя, вероятно, один и те же монголоидные компоненты». Как считает О. Исмагулов, проникновение монголоидного компонента в Казахстан и Среднюю Азию шло из Центральной Азии не только через Алтай, но и Джунгарскую котловину (Исмагулов, 1970. С. 32–38). Недавние антропологические исследования небольшой серии черепов из раннетасмолинских памятников показали, что по своим характеристикам мужские черепа наибо-

лее близки серии черепов из Горного и Предгорного Алтая и Тувы. Сходство наблюдается также и с краниологическими материалами из Приаралья. Эти данные, как считают А.С. Исмагулова и А.З. Бейсенов (1996. С. 111–113), позволяют сделать вывод о существовании определенных контактов населения Центрального Казахстана с монголоидным населением восточных районов Центральной Азии.

Чем же могли быть вызваны миграции кочевников Северного и Северо-Западного Китая и Монголии в начале I тыс. до н. э.? Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин (1997. С. 111) связывают переселение кочевников Северо-Западной Монголии и Северо-Западного Китая в районы Горного Алтая в начале VIII в. до н. э. с конкретным историческим событием – «концом государства Западное Чжоу в 770 г. до н. э. под давлением кочевых племен Центральной Азии». Однако, как представляется, данное событие не может объяснить проникновение носителей раннесакской культуры в Горный Алтай уже в конце IX в. до н. э. (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 111) и, тем более, массового переселения на рубеже VIII–VII вв. до н. э. в степи Казахстана. Причину миграций, очевидно, следует искать не столько в политических событиях на границах Китая и кочевого мира, сколько в изменении экологических условий в степях Монголии, Северного и Северо-Западного Китая.

Прежде всего отметим, что вторая половина II – начало I тыс. до н. э. – это время прогрессирующего потепления, экстремум которого приходится примерно на 2800 л. н. Это потепление на юге Западной Сибири и Севере Казахстана сопровождалось уменьшением среднегодового количества осадков (Климанов, 1996. С. 17, 19). В настоящее время при потеплении на северо-востоке Казахстана и в южной части Западной Сибири отмечается некоторое уменьшение зимних осадков и увеличение осадков в другие сезоны года, особенно существенное весной (Винников, Гройсман, 1979. С. 34)⁵.

Интересен, на наш взгляд, прогноз изменения почв и ландшафтов семиаридной зоны Казахстана в связи с современным глобальным потеплением, приведенный М.Е. Бельгибаевым и А.В. Бельм (Бельгибаев, Белый, 2002). Анализ метеорологических данных по Северному Казахстану за последние 60–100 лет выявил потепление климата от 1,7 до 2 °С. Особенно интенсивно этот процесс проявлялся в зимний период – до 6 °С. Установлена общая тенденция снижения количества атмосферных осадков, а в некоторых случаях наблюдается их

незначительное повышение. Рост годовой температуры воздуха, который составил около 2 °C за 60 лет, зафиксирован и в Центральном Казахстане. За это же время зимние температуры выросли здесь на 3,5–3,7 °C. Сумма же атмосферных осадков в целом не превышает их норму более чем на 0,8–1,2 мм. Как отмечают М.Е. Бельгибаев и А.В. Белый, «...многочисленные данные свидетельствуют в целом о потеплении климата на планете, но эта тенденция неодинакова в разных регионах. Некоторые регионы в плане потепления «опережают» другие территории и континенты. К ним можно отнести и территорию Казахстана в целом, особенно Северный и Центральный его регионы» (Бельгибаев, Белый, 2002. С. 136). Все имеющиеся в настоящее время модели общей циркуляции атмосферы предсказывают ухудшение условий увлажнения в регионе, расширение площади пустынь и сокращение полупустынь и степной зоны. Согласно сценарию, к 2050–2075 годам при минимальном потеплении границы зон увлажнения сдвинуты к северу в среднем на 50–100 км, а при максимальном потеплении – на 350–400 км. Площадь же степной зоны сократится от 6 до 23%. Усиление аридизации и ее последствия в первую очередь коснутся биоты, в том числе растительного покрова, наиболее чувствительно реагирующего на климатические изменения. Речь идет о ксеротизации травянистой формации степной зоны, об экзодинамических сукцессиях (сменяемость ценозов). Усилятся процессы обезлесивания территории лесостепной зоны Казахстана. Будет наблюдаться постепенная смена подтипа и типа почв в деградационном направлении (черноземы обыкновенные > черноземы южные > темно-каштановые). Изменение климата скажется также и на состоянии водных ресурсов. Наиболее уязвимыми станут ресурсы поверхностных вод бассейна Ишима. Согласно сценарию максимального потепления, они уменьшатся на 73%, по остальным сценариям – на 34–37%. Ресурсы бассейна Иртыша по сценарию максимального потепления сократятся на 27% (Бельгибаев, Белый, 2002. С. 137, 138). Приведенные данные позволяют, на наш взгляд, хотя бы примерно представить себе те условия, в которых обитало население Северного и Центрального Казахстана на рубеже II–I тыс. до н. э.

На позднебронзовое время (2800–3200 л. н.) приходится один из периодов максимума солнечной активности (Иванов, Лисецкий, 1994. С. 230–233). Как отмечает И.В. Иванов, в степной зоне Евразии в периоды максимальной солнечной активности увеличивается континентальность кли-

мата. В годы максимума солнечных пятен наблюдается примерно в 2,5 раза больше засух, чем в годы пониженной солнечной активности (Иванов, 2000. С. 272).

После 2800 л.н. в Северном полушарии наступает период значительного и резкого похолодания, достигшего максимума около 600 лет до н.э. (Клименко, 1998. Рис. 1; 2000. С. 9–24. Рис. 1; Климанов, 2002. С. 676–680).

В Северном Китае, судя по палеопочвенным исследованиям на юге Лессового плато, начиная с 3100 года назад теплый и влажный климат конца среднего голоцена, когда количество осадков было на 150 мм выше, чем в наши дни, сменяется относительно засушливым периодом с интенсивным отложением золовой пыли (Пань Джингли и др., 2003. С. 156). Напомним, что периоды с интенсивным отложением лессов (выпадение пыли) в лессовых областях совпадают по времени с периодами опустынивания в пустынных областях Северного и Северо-Западного Китая (Лю Дуншен и др., 1984. С. 84, 85).

В степях Монголии примерно в середине VIII века до н. э. происходит смена экологических эпох (рис. 11). Эпоха ярко выраженной аридности (3000–2700 л. н.) сменяется эпохой увлажненности (2700–2300 л. н.) (Иванов, Васильев, 1995. Табл. 25; Иванов, Чернянский, 2000. С. 13).

На Юго-Западном Алтае поздний суббореал (3000–2500 л. н.) характеризуется достаточно сильной увлажненностью, когда годовое количество осадков превышало современную норму на 100–200 мм. Это, вероятно, привело к увеличению площади лесных массивов за счет сокращения степных участков (Чернова и др., 1991. С. 145, 146; Михайлов и др., 1992. С. 90–92).

Около середины VIII века до н. э. происходит смена экологических эпох и в Северном Казахстане. Причем аридная эпоха, когда количество атмосферных осадков было в среднем на 75 мм меньше, чем в настоящее время, длилась здесь гораздо дольше – 3500–2700 л. н. Кроме того, переход к благоприятным условиям происходил достаточно резко. Уже в VII в. до н. э. количество осадков было близко современной норме, но климат по-прежнему оставался континентальным (Иванов, 1989. С. 75; 1992. С. 67–76; Иванов, Чернянский, 1996. Рис. 1; 2000. С. 12–13).

В Южном Приаралье в начале I тыс. до н. э., раньше чем в степях Монголии и Северного Казахстана, происходит улучшение экологических условий – снижается температура и увеличивается количество осадков, полупустынные ландшаф-

ты сменяются сухостепными, а затем степными (Глушко, 1996. С. 30–35).

В степях Южного Зауралья в хроноинтервале 3600–3000 л. н. количество осадков было близко современным. Первая половина I тыс. до н. э. – это эпоха ярко выраженных оптимальных экологических условий. Количество осадков превышало современную норму, а продуктивность пастбищ, по сравнению с предыдущей эпохой, увеличилась (Иванов, Чернянский, 1996. С. 1052–1054. Рис. 1; Чернянский и др., 1999. С. 101, 129; Рысков, Демкин, 1997. С. 28–30. Рис. 1а).

В степной зоне Северного и Центрального Казахстана в конце II – начале I тыс. до н. э. было гораздо суше, чем в настоящее время, господствовали сухостепные и пустынно-степные ландшафты. Как считают И.В. Иванов и Т.С. Луковская, в это время на месте современных черноземных степей располагались сухие степи с каштановыми почвами. Степи продвинулись на север, заняв территорию лесостепи. В связи с изменением типа почв и растительности продуктивность пастбищ резко уменьшилась (Иванов, Луковская, 1998. С. 290, 291). Около 2900–2800 л. н. происходит улучшение общей увлажненности и уменьшение континентальности климата за счет повышения зимних и понижения летних температур. Во второй половине VIII – VII вв. до н. э. экологические условия оставались достаточно благоприятными. Летние температуры были уже близки современным, зимние – несколько превышали современные, количество осадков приближалось к современной норме. Продуктивность пастбищ, по сравнению с эпохой поздней бронзы, возросла в 1,5 раза (Тарасов, 1992. С. 23; Климанов и др., 1994. Рис. 3; Кременецкий и др., 1994. С. 25; Тарасова, Кременецкий, 1995. С. 345; Иванов, Луковская, 1998. С. 293).

Таким образом, период около рубежа II–I тыс. до н. э. во всех рассмотренных регионах, за исключением Южного Зауралья, характеризуется как эпоха с достаточно выраженными аридными климатическими условиями²⁸. В дальнейшем эпохе ярко выраженного экологического кризиса в степях Монголии и периоду опустынивания Северного и Северо-Западного Китая соответствуют оптимальные экологические условия в Центральном Казахстане, Южном Зауралье и Южном Приаралье. Почти одновременно в степях Монголии и Северного Казахстана происходит переход к благоприятным условиям. Однако в Северном Казахстане этот переход был более ярко выражен и проходил значительно быстрее, нежели в Монголии.

Приводимые данные, как представляется, показывают, во-первых, экологическую обусловленность направления миграции центральноазиатских кочевников в эпоху близ рубежа VIII–VII вв. до н. э. и, во-вторых, причины, по которым их переселение в Северный и Центральный Казахстан и Южное Приаралье не могло произойти ранее – в конце IX – VIII вв. до н. э.

В заключение приведем показательные, на наш взгляд, исторические параллели прослеженным выше миграционным процессам. Они, как представляется, позволяют наметить модель движения кочевников в Урало-Иртышском степном междуречье.

Среди гунских племен, перекочевавших между 356 и 358 гг. н. э. на территорию китайского государства Раннее Янь (337–370 гг.), китайские источники упоминают племя яньто. Несколько позднее яньто были покорены своими соседями – племенами се, истребившими правящий род яньто и подчинившими остальную часть племен. С этого времени в результате механического соединения двух этнонимов в китайской историографии появляется племенное объединение сяньто. После разгрома империи жуань-жуаней (551 г.) сяньто стали вассалами тюркских каганов. В это время значительная часть их жила в Хангае (Центральная Монголия), другие переселились в горы Тяньшань (Восточный Тянь-Шань). В конце VI в. сяньто вместе с некоторыми племенами теле кочевали между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая, включая верховья Иртыша. В начале VII в. большая часть сяньто покинула Тянь-Шань и ушла на свои древние земли южнее реки Толы, где подчинилась восточнотюркским каганам. В 628 году в результате восстания сяньто и уйгуры овладели Хангаем, а вскоре сяньто создали в Северной Монголии свое государство. После разгрома их в середине VII в. действовавшими в союзе с Китайской империей тогуз-огузами во главе с уйгурами сяньто распались на несколько групп. Часть их бежала к Восточному Тянь-Шаню на земли, покинутые двадцать лет назад, часть осталась на прежних кочевьях в Хангае. После разгрома уйгурами в 744 году II Восточнотюркского каганата сяньто-кыпчаки и их соседи были вытеснены из Монголии на Северный Алтай и в Верхнее Прииртышье. На Алтае вокруг кыпчаков началось формирование племенного союза, в Прииртышье же сложилось сообщество тюркских племен – кимаков. Вскоре кимаки распространили свои владения до Джунгарии, овладев северо-восточным Семи-

речем, а кыпчаки – Приуральем (Кляшторный, Султанов, 1992. С. 121–129). Несколько по-иному выглядит картина расселения сеяньто-кыпчаков у С.М. Ахияжанова. По его мнению, после разгрома в середине VII в. сеяньто-кыпчаки распались на несколько групп. Большая масса их бежала на запад – в степи Восточного и Центрального Казахстана, часть осталась в Хангае, остальные расселились по другим местам. Группировка сеяньто-кыпчаков, кочевавшая в Хангае, в конце VII в. вместе с тюрками встала у истоков возрождения II Восточнотюркского каганата. После разгрома его в 744 году уйгурами кыпчаки ушли в подавляющей своей массе на запад – в пределы Восточного и Центрального Казахстана. Во второй половине VIII в. они уже прочно освоили территории Северного и Центрального Казахстана и к концу этого столетия достигли Южного Урала. В конце этого же VIII в. верховья Иртыша оказались занятыми кимаками, пришедшими сюда из Северо-Восточной Монголии и Маньчжурии (Ахияжанов, 1995. С. 45–70, 77, 102–104, 156). Б. Кумек (1995. С. 25) в развитии этноса кыпчак с V по XIII вв. выделяет шесть стадий. На второй стадии, в 691–742 гг., кыпчакское объединение в союзе с древними тюрками властвовали в Центральной и Северо-Западной Монголии над тогуз-огузскими племенами. В середине VIII в. (третья стадия) основная масса кыпчаков переселилась на запад и вошла в состав ядра кимацкого союза племен в регионе Алтая и Прииртышья. В конце VIII в. (четвертая стадия) кыпчаки отделяются от кимаков и занимают земли к западу от Иртыша до Южного Приуралья и Волги.

В конце XIV–первой половине XV вв. в Западной Монголии сложилось государство ойратов (калмыков, «джунгаров» русских источников). Их владения располагались на территории, простирающейся от верховий Иртыша и Енисея на севере до границ пустыни Гоби на юге, от Хангайских гор на востоке до Моголистана (Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана) на западе. Постепенно ойраты овладели и Восточным Туркестаном, и Юго-Восточным Казахстаном. На рубеже XVI–XVII вв. часть ойратов начала продвигаться в северо-западном направлении через южные районы Западной Сибири и северные пределы Казахстана. Через несколько десятилетий они обосновались в нижнем течении Волги и образовали Калмыцкое ханство. В общей сложности на Волгу из Джунгарии перекочевало около 300 тыс. человек (Моисеев, 1991. С. 8–9, 17–18, 29).

Итак, просторы урало-казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. были заняты носителями трех родственных культур – тасмолинской Центрального Казахстана, улубаевско-тасмолинской Северного Казахстана и бобровско-тасмолинской Южного Зауралья. Все они входили в тасмолинскую историко-этнографическую общность, ведущую роль в которой играли, без сомнения, племена Центрального Казахстана.

По основным своим параметрам погребальные комплексы тасмолинской общности достаточно четко отличаются от одновременных им памятников, оставленных кочевниками сопредельных территорий – Южного Приуралья, Приаралья, Восточного Казахстана и Алтая.

В то же время погребальные памятники этих регионов фиксируют и определенную близость культур ранних кочевников от Алтая до Урала. Проявляется она как в сходстве элементов погребального обряда, так и, главным образом, в близости погребального инвентаря. В основе этой близости лежит, по нашему мнению, процесс становления самих раннесакских культур степной Евразии.

Сравнительный анализ погребальных памятников конца II – первой половины I тысячелетия до н.э. урало-казахстанских степей приводит нас к выводу о невозможности выведения культур ранних кочевников региона из предшествующих им по времени культур эпохи поздней бронзы. Речь может идти «...о появлении на территории Средней Азии и Казахстана гетерогенных объединений всадников-мигрантов, не имеющих здесь собственных этногенетических корней и привнесших сюда элементы собственной этнической культуры и новый геном, фенотипически включающий комплекс монголоидных краниологических признаков» (Итина, Яблонский, 2001. С. 108).

Исходной территорией миграций являлись, на наш взгляд, районы Северо-Западного и Северного Китая (Восточный Туркестан) и Монголии. Это предположение в настоящее время подтверждается не только данными археологии, но, как представляется, и антропологии.

Движение кочевых племен из Восточного Туркестана и Монголии происходило, вероятно, в несколько этапов, имело разную интенсивность и было направлено в разные регионы. Первая волна миграций, в конце IX – начале VIII вв. до н.э., очевидно, была направлена, главным образом, в горные районы Алтая. Вторая, более массовая волна миграций произошла, по всей вероятности, в конце VIII в. до н.э. или на рубеже VIII–VII вв.

до н. э. Одна группа кочевников этой волны, пройдя через Джунгарские ворота и Алакольскую впадину, устремилась через Семиречье в Приаралье. Путь другой группы, согласно намеченной модели движения кочевников в Урало-Иртышском степном междуречье, пролегал через Джунгарскую впадину и долину Черного Иртыша, вдоль западных (Восточный Казахстан) и северо-западных предгорий Алтая в Центральном и Северный Казахстан и далее в степи Южного Зауралья. Отдельные, очевидно небольшие, группы мигрантов этой волны проникли и в горные районы Алтая.

Общие пути расселения родственных групп кочевников в конце VIII в. до н. э. или на рубеже

VIII-VII вв. до н. э. как раз и явились основой близости погребальных памятников этих регионов, отмечаемой многими исследователями. Неоднородный же состав переселенцев, так же как и неоднородный состав аборигенного населения, имевшего свои региональные особенности в погребальной обрядности, определили формирование особенностей культур раннесакского времени той или иной территории.

Причина этих миграций кроется, на наш взгляд, не столько в политических событиях на границе Китая и кочевого мира, сколько в изменении экологических условий в степях Монголии и Восточного Туркестана.

Таблица 1

Сравнительная характеристика погребального обряда ранних кочевников Южного Зауралья, Центрального и Северного Казахстана VIII-VI вв. до н. э.

№	Погребальные конструкции	Южное Зауралье	Центральный Казахстан	Северный Казахстан
1	Кольцевые или полукольцевые выкладки без следов погребения	—	+	+
2	Подкурганные надмогильные конструкции из дерева	—	—	+
3	Каменные конструкции прямоугольной, круглой или многоугольной в плане формы в основании курганов	+	+	+
4	Каменные панцири над насыпями курганов	+	—	+
5	Каменные кольцевые или прямоугольные оградки вокруг насыпей курганов	+	+	+
6	Каменные кольцевые вымостки вокруг могильных ям	+	+	—
7	Каменные завалы овальной или прямоугольной формы над могильной ямой	—	+	—
8	Круглые кольцевые рвы с проходами с западной или восточной стороны	+	+	+
9	Рвы квадратной формы	—	—	+
10	Простая грунтовая яма — основной тип погребальной камеры	+	+	+
11	Бескурганное захоронение	+	+	—
12	Погребения на уровне древней дневной поверхности или материке	—	+	+
13	Могильные ямы с подбоем вдоль длинной стороны	+	+	—
14	Преобладающая ориентировка погребальных камер (три главных направления по мере уменьшения их значения)	СЗ-ЮВ В-З ССЗ-ЮЮВВ и СЗЗ-ЮВВВ	С-Ю и З-В СЗ-ЮВ ССЗ-ЮЮВ	З-В СВ-ЮЗ СЗ-ЮВ
15	Ориентировка погребальных камер в могильных ямах с подбоем (три главных направления по мере уменьшения их значения)	С-Ю ССЗ-ЮЮВ СЗЗ-ЮВВ СВВ-ЮЗЗ	ССЗ-ЮЮВ СЗ-ЮВ	З-В
16	Могильные ямы с полуподбоями и нишами	+	—	—
17	Погребения в каменных ящиках	—	+	—
18	Облицовка могильных ям каменными плитами	—	+	—

19	Могильные ямы с заплечниками	—	+	—
20	Преобладающие размеры могильных ям (длина, ширина в м)	> 2,0 х 0,85-1,4	> 2,0 х 0,6-1,2	1,6-2 х 0,6-1,2
21	Перекрытие могильных ям: деревом каменными плитами	+ +	— +	+ —
22	Закрытие устья подбоя: деревом каменными плитами	+ —	— —	— +
23	Положение погребенных: вытянуто на спине скорчено на боку	+ —	+ +	+ +
24	Преобладающая ориентировка погребенных (три главных направления по мере уменьшения их значения)	З, СЗ и С	С и З, СЗ, ССЗ	З, СЗ
25	Отклонение обеих ног погребенного от оси тулова	+	+	+
26	Плоский камень под головой погребенного	—	+	—
27	Органическая подстилка на дне погребальных камер	+	+	—
28	Прокалы на дне могильных ям	—	+	—
29	Каменные жертвенники: в могильной яме на древней дневной поверхности	+ —	+ —	+ +
30	Погребальный инвентарь: бронзовые зеркала «флякончики» с краской предметы вооружения предметы уздечного набора керамика (в могильной яме)	+ + + — —	+ — + + —	+ + + — +
31	Кости ног жертвенных животных в могильных ямах сбоку от погребенного или у его ног	+	—	+
32	Кости позвоночника, черепа, лопатки животных в могильных ямах	—	+	+
33	Керамика под насыпью кургана	+	+	+
34	Остатки поминальной тризны в насыпи кургана или на древней дневной поверхности	+	+	+
35	Следы ритуальных действий связанных с огнем (про- калы, угли, зола) на древней дневной поверхности или в насыпи кургана	+	+	+
36	Сожжение деревянных построек под насыпью курга- на на древней дневной поверхности	—	—	+
37	Сожжение, обугливание деревянных перекрытий мо- гильных ям	—	—	+
38	Уголь в заполнении и/или на дне погребальной ка- меры	+	+	+

Примечания

¹ В.П. Алексеев отмечал, что «термин "историко-этнографическая общность" часто употребляется наряду с термином "историко-этнографическая область". Между тем во избежание путаницы понятий целесообразно первый из них употреблять как название класса, а второй — для обозначения лишь принадлежности к одной из типологических единиц класса. Иными словами, под историко-этнографическими общностями желательно понимать любую общность народов, выделяемую по принципу общности их исторической судьбы, независимо от ее, так сказать, таксономического уровня. Историко-этнографическая область представляет собой при таком подходе конкретное выражение такой общности — совокупность нескольких народов, объединенных

общей историей» (Алексеев, 1986. С. 20). Согласно М.Г. Левину и Н.Н. Чебоксарову (1955. С. 10), историко-этнографическая область — это «территория, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определенная культурная общность». По определению Б.В. Аядрянова (1985. С. 19), «историко-этнографические области, как правило, охватывают группы народов определенной территории, хотя бы и различного происхождения, но связанные между собой общностью исторических судеб, длительностью соседства и общения».

² Мы не включаем в число характерных памятников тасмолинской культуры курганы с каменными грядами (курганы с «усами»), так как в свете имеющихся в настоящее время материалов (см., например: Любчанский, Тихов, 1999; Боталов, 2000. С. 289–295) считаем, что они относятся ко времени не ранее V в. н. э.

³ Радиоуглеродный анализ фрагментов кожаных и деревянных деталей колчана показал, что «колчан мог быть изготовлен либо в первой половине VIII в. до н. э., либо в VII – начале второй половины VI вв. до н. э., но при этом ранняя дата является более предпочтительной» (Зайцева и др., 2001. С. 131).

⁴ По мнению Л.С. Марсадолова (2000. С. 22), данный курган можно датировать второй половиной VII – началом VI вв. до н. э.

⁵ Рассматривая элементы конского снаряжения раннесакского времени, необходимо, на наш взгляд, учитывать следующее обстоятельство. Наибольшая временная изменчивость присуща псалмам и гораздо меньшая – удилам (см., например: Марсадолов, 1998. С. 5–12; Шульга, 1998. С. 33–35). Но достаточно стабильными, традиционными, оставались принадлежности уздечки, не связанные с конструкцией удила и псалнев (распределители, проножки, застёжки, пряжки и т. п.). Различаются они лишь размерами и деталями внешнего оформления. И именно эти принадлежности уздечки демонстрируют наибольшую близость почти на всем протяжении раннесакской эпохи на разных территориях восточной части степной Евразии (см., например: Степанова, 1996. С. 67; Бокоренко, 1998; Бородаев, 1998; Кубарев, 1998; Шульга, 1998). Как представляется, принадлежности уздечки, не связанные с конструкцией удила и псалнев, являются одним из показателей генетической близости культур кочевников этих регионов.

⁶ Критический разбор точки зрения Н.В. Полосьмак на происхождение сюннуской культуры дал А.В. Варенов (1995. С. 123–125). Он, в частности, указал, что в сюннуском мотыльнике Двудунызы выкладки из черепов животных в погребениях «находятся в жесткой взаимной корреляции с захоронениями в подбоях, т. е. два эти элемента обряда, подбой и черепа животных, друг без друга не встречаются». Обратная ситуация, как мы уже отмечали, фиксируется для Южного Завуралья и Центрального Казахстана.

⁷ Данное погребение М.К. Хабдулина, во многом опираясь на находку в нем «типично позднебронзового сосуда», датировала IX–VIII вв. до н. э. (Хабдулина, 1994. С. 66). Однако набор наконечников стрел не позволяет нам принять эту дату. Как представляется, курган, возможно, сооружен в конце VIII–VII вв. до н. э., но, скорее всего, в VII в. до н. э.

⁸ Следует отметить, что М.К. Кадырбаев, как, впрочем, и ряд других исследователей, в дандыбай-бегазинскую (бегазы-дандыбаевскую) культуру включал, прежде всего, яркие погребальные сооружения – мавзолеи – явно нерадового населения.

⁹ Подробнее этот вопрос рассмотрен В.В. Варфоломеевым (1988. С. 80–82; 1991. С. 5, 6).

¹⁰ Мы не будем останавливаться на вопросах, связанных как с закономерностью выделения дандыбай-саргаринской культуры, тем более, что в дальнейшем В.В. Варфоломеев отказался от такого ее наименования (Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 59, 87), так и вообще с феноменом бегазы-дандыбай, по которым за последние десятилетия накопилось уже достаточно обширная литература (см., например: Коренько, 1990; Исмагил, 1998; Молодин, 1998. С. 287, 288; Михайлов, 2001. С. 172–174; Ткачев, 2002. С. 202–208).

¹¹ А.Х. Маргулан при описании погребальных памятников бегазы-дандыбаевской культуры отмечает шесть случаев, когда погребенные были уложены вытянуто на спину: Дандыбай, 11, 12; Сангу I, 12; Айшрак, 7; Бегазы, плиточная ограда 5; Айдарлы, ограда 4 (Маргулан и др., 1966. С. 174, 185). Курган-ограда 7 комплекса Айшрак, во-первых, по набору инвентаря и керамики и К.А. Ахисевым и А.Х. Маргуланом включена в число памятников атаскуского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана (переходного этапа от средней к поздней бронзе) (Маргулан и др., 1966. С. 97; Маргулан, 1979. С. 27, 28). Во-вторых, здесь «выявлены кости ступней с фалангами пальцев и обломки голени человека, которые не были потревожены». И судя по ним «покойник лежал на спине, с вытянутыми ногами, головой на запад или юго-запад». Размеры каменного ящика, в котором совершенно захоронение, не приведены, но, судя по рисунку, длина его не превышала 1,5 м (Маргулан и др., 1966. С. 97. Рис. 31).

В ограде 4 комплекса Айдарлы выявлена грунтовая могильная яма, обложенная каменными плитами. На дне погребальной камеры «обнаружены совершенно истлевший костяк человека, лежавший на спине, вытянуто, головой на юг, ногами на север. От черепа остался лишь белый порошок... Камера, видимо, была рассчитана на двоих, но ее западная половина оказалась пустой. На дне ее подняты обломки грубой керамики, подобной керамике этой (могильника Айдарлы. – А.Т.) группы» (Маргулан и др., 1966. С. 183–185). Вполне вероятно, что данное погребение является вводимым в разрушенную могилу эпохи бронзы. Об этом, как нам кажется, свидетельствуют обломки керамики в западной, пустой, половине ямы и отсутствие таковой при погребенном.

Ограда 12 могильника Сангу I достаточно сильно отличается от других погребальных сооружений бегазы-дандыбаевской культуры. Это квадратная вымостка размерами 3х3 м из крупных камней, лежащих в один слой. По ее углам находились врытые вертикально плиты. Погребение совершено в яме, оставшейся от разрушенного каменного ящика. После ограбления в могильной яме сохранились спинные позвонки, часть поясницы и нижняя часть ног погребенного. «Судя по

положению костей, человек был ориентирован головой на север, лежал с раздвинутыми ногами и поднятыми вверх коленями... Единственный датирующий материал – обломки черепков, подобранные на дне камеры» (Маргулан и др., 1966. С. 135). На наш взгляд, в данном случае умерший был уложен на спину с согнутыми в коленях ногами – «слабо скорченно, на спине», подобно некоторым южнозауральским захоронениям поздней бронзы (Гарустович, 2000. С. 124). По мнению А.Х. Маргулана, данное погребение хронологически относится к раннесакскому времени и отделено от основной группы погребений могильника 40–50 годами. Этот комплекс, отмечает А.Х. Маргулан, с одной стороны, «еще связан с культурной традицией эпохи Бегазы, с другой – с него начинается новый этап развития племен Центрального Казахстана, связанный с переходом к кочевому скотоводству (VIII–VII вв. до н. э.)» (Маргулан и др., 1966. С. 135). В ограде 11 могильника Дандыбай в ограбленной погребальной камере «скелет человека находился в полном беспорядке, череп отсутствовал» (Маргулан, 1979. С. 148). М.П. Грязнов отмечал, что «когда они (грабители. – А.Т.) снимали с полуразложившегося трупа ценные украшения, труп развалился на части, которые оказались в разных местах южной половины могилы...» (Грязнов, 1952. С. 132).

¹² На территории Монголии и Северного Китая как в эпоху бронзы, так и в скифское время встречаются погребения как скорченно на боку, так и вытянуто на спине, причем иногда в составе одного могильника (см., например: Асеев, 1975. С. 183; Погребова, Раевский, 1988. С. 179, 184; Новгородова, 1989. С. 245, 263; Варенов, 1984; 1999б. С. 14; Wenwu, 1981. P. 60; Каогц, 1991. Pp. 689, 690; и др.).

¹³ Следует отметить, что в этом могильнике исследованы и погребения раннесакского времени. Так, в могиле M17m2 выявлено вдовное погребение, совершенное в каменном ящике эпохи бронзы. Погребенный лежал скорченно на боку, головой на восток в сопровождении костяных и бронзовых втульчатых и черешковых наконечников стрел и бронзового ножа. В могиле M22 в прямоугольной могильной яме исследовано парное захоронение в сопровождении лошади, помещенной на специальный обожженный приступок. Умершие были уложены скорченно на боку, головами на восток. Сопроводительный инвентарь представлен бронзовым зеркалом с бортиком и центральной ручкой-петелькой, керамическим сосудом, двумя железными ножами, бронзовым гвоздем и листками золотой фольги (Варенов, 1999. С. 26–30).

¹⁴ А.А. Ковалев (1996. С. 126) для могильника Чауху приводит дату по C14 – 990–625 гг. до н. э. Для могильника Цюньбаэ в китайской публикации приводятся даты по C14 – 955–585 гг. до н. э. и 810–

610 гг. до н. э. (Цун Дэсинь, Чэнь Гэ, 1991. С. 701). По С.А. Комиссарову (2002. С. 345), с учетом калибровки все даты непосредственно по комплексу могильников Чауху объединяются в промежутке 990–625 гг. до н. э., а по могильнику Цюньбаэ (Чунбаэ) – 950–625 гг. до н. э. Даже при отказе от калибровки, как подчеркивает С.А. Комиссаров, все даты по культуре чауху концентрируются в районе XI–VI вв. до н. э. А последние данные по чаухускому могильнику в районе Кызыльского водохранилища уводят ранние даты (после калибровки) в XI и даже XII вв. до н. э. (Ларичев, Комиссаров, 2002).

¹⁵ В этом же могильнике (могила IM17) найдено бронзовое колесико с пятью спирально-закрученными спицами. Такое же, но с тремя спицами, колесико происходит из вышеописанного могильника Яньблэк (Комиссаров, 1999. Рис. 2, 24).

¹⁶ Сводка бронзовых безорнаментальных зеркал с бортиком и центральной петелькой второй половины IX–первой половины VIII в. до н. э. с территории Синцзяна и восточной части Внутренней Монголии приведена в недавней работе А.В. Варенова (1999. С. 30). О более ранних орнаментированных зеркалах с петелькой культуры Цицзя (XXI–XVI вв. до н. э.) см.: (Прокопьев, 1994. С. 49, 51).

¹⁷ О других точках зрения на происхождение мотива свернувшегося хищника см.: (Погребова, Раевский, 1992. С. 104–122; Полидович, 2001).

¹⁸ Под каменной насыпью кургана 26 могильника Тыткескень VI выявлена подпрямоугольная грунтовая яма, в которой совершенно захоронение мужчины (?) вытянуто на спине, головой на ССЗ. Его сопровождали бронзовое зеркало, каменная трехжелобчатая застежка, два небольших бронзовых колечка (Киришин, Тишкин, 1997а. С. 162–165. Рис. 2).

¹⁹ Заметим, что эта точка зрения В.П. Алексеева в настоящее время оспаривается Т.А. Чикишевой. Она, в частности, отмечает, что «в противоречие с представлениями о прямом проникновении групп монголоидного населения из Центральной Азии последовательно на Алтай, а затем к западу, вплоть до юго-восточного Приаралья вступают опубликованные к настоящему времени палеоантропологические материалы предскифского и скифского времени с ... территории Тувы и Западной Монголии». Здесь так же, как и на Алтае, фиксируется преобладание европеоидных черт в антропологическом типе погребенных, а доля монголоидного компонента не превышает его показатели для пазырыкского или сакского населения (Чикишева, 1997. С. 315; 2000. С. 37). Однако следует заметить, что В.П. Алексеев нигде, насколько нам известно, не писал о проникновении «монголоидного

населения из Центральной Азии последовательно на Алтай, а затем к западу....».

²⁰ Следует отметить, что для межкультового сопоставления краниологические материалы Северного Тагиска не привлекались, вероятно, в силу их крайней малочисленности (Яблонский, 1996. С. 53, 57).

²¹ Ранее Л.Т. Яблонский констатировал, что «более или менее выраженная монголоидная примесь, вероятнее всего центральноазиатского происхождения, впервые фиксируется в восточной степи как раз в эпоху формирования культур сакского типа». «Совокупность антропологических данных, ... несомненно, свидетельствует о центральноазиатском импульсе в процессе формирования физического типа ранних скотоводов Приаралья» (Яблонский, 1998. С. 44).

²² Следует напомнить, что для карасукских могильников Южной Сибири характерно положение погребенных как скорчено на боку, так и вытянуто на спину головой на северо-восток (преобладает) или восток (см., например: Киселев, 1951. С. 114; Язбич, 1977. С. 18). По мнению Э.А. Новгородовой (1970. С. 170, 171), обряд погребения вытянуто на спину головой на северо-восток или восток появился в Минусинской котловине в результате переселения сюда племен из Центральной Азии.

²³ Наличие бегазы-дандыбаевских черт в карасуке Минусинской котловины Н.Л. Членова объясняет результатом «каких-то миграций из Казахстана».

²⁴ О бегазы-дандыбаевских мавзолеях как могилах представителей родоплеменной верхушки см.: (Коренько, 1990. С. 32–33).

²⁵ Следует также напомнить, что Л.Р. Кызласов (1977. С. 75) с продвижением носителей карасукской традиции увязывал распространение оленных камней в западных районах Евразии.

²⁶ Т.А. Чикишева (2000. С. 47, 48) на основе результатов тажерского анализа комплекса краниометрических признаков краниологических серий эпохи раннего железа и бронзы пришла к близким выводам. «Полученная картина отражает сложный

антропологический состав саков и не позволяет рассматривать сакское население только как потомков местных андроновцев. Часть племенных объединений саков формировалась при участии окуневско-каракольско-карасукских компонентов...». «Имеется морфологическое сходство пазырыкцев с рядом групп сакского и усуньского населения Средней Азии и Казахстана; оно обусловлено генетической близостью как минимум одного из субстратных компонентов – окуневско-карасукского антропологического пласта».

²⁷ Данное обстоятельство, на наш взгляд, весьма примечательно. На фоне общего потепления существенное увеличение количества весенних осадков, даже при их уменьшении в зимний период, приводит к достаточно бурным весенним половодьям, что мы и наблюдаем в последние годы в бассейнах Тобола и Ишима. Определенную роль в этом, очевидно, играет и континентальность климата, и деградация травянистой растительности в условиях аридизации и перевыпаса, и вырубка лесов, особенно пойменных, и другие факторы. В таком случае становится понятным, почему на фоне резко выраженной аридизации в Приишимье на ряде поселений конца эпохи бронзы (Новоникольское I, Петровка II, Ильинка I, Саргары) фиксируются следы неоднократных наводнений (Хабдулина, Зданович, 1984. С.153).

²⁸ Исключительность Южного Зауралья обусловлена, на наш взгляд, недостатком фактического материала. К сожалению, ни на одном погребальном памятнике рубежа II–I тыс. до н. э. и самого начала I тыс. до н. э. не проводились палеопочвенные исследования. Как представляется, такие исследования неизбежно внесут коррективы в существующие представления о климатической обстановке этого времени в Южном Зауралье.

* Данное исследование является переработанным и расширенным вариантом статьи, опубликованной в сборнике «Степная цивилизация Восточной Евразии» (Тайров, 2003).

Выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 02-01-00504а/Т и Министерства образования Российской Федерации (грант Г02-1.2-35) и РГНФ.

2. Этапы культурогенеза населения урало-казахстанских степей в эпоху раннего железа

Как известно, большинство исследователей весьма осторожно относятся к вопросам этнокультурных интерпретаций и исторических параллелей отдельных комплексов или больших массивов археологического материала. До определенного времени это объяснялось объективными обстоятельствами, связанными с этапностью накопления материала, его систематизацией, недоступностью или крайне малой доступностью материалов из удаленных и сопредельных районов, а также неравномерностью представительства и изученности археологических и нарративных источников различных геокультурных областей и ареалов. Вполне закономерно, что на определенном исследовательском этапе в исторической интерпретации пресвалировали сугубо археологические схемы, построенные на формально-статистическом анализе материала. В определении единства и различия групп археологических памятников и материалов ключевую роль играли сугубо археологические понятия и определения. Как нам представляется, на этапе первичного накопления материала эта методика была рациональна и правомерна. Однако со временем создалась ситуация, когда археологические формальные схемы в отдельных регионах в лучшем случае существуют совершенно автономно от общесторических данных, в худшем – продолжают существовать вразрез с существующими схемами историко-культурного развития. В этой связи предлагаемый раздел представляет собой попытку соотнесения общесторических и археологических данных по степному региону Южного Урала и прилегающим к нему западно- и северо-казахстанским степям в эпоху раннего железа. Понимая всю сложность и возможную ошибочность сегодняшних представлений об этнокультурной природе интерпретируемых археологических материалов, мы предлагаем лишь периодизацию историко-культурных этапов, построенную с учетом тенденций и динамики этнокультурного развития, происходившего в I тысячелетии до н. э. – начале I тысячелетия н. э. в широком поясе Азиатских степей.

В этой связи следует заметить, что во второй половине прошлого и начале нового века наметилась определенная тенденция в понимании историко-культурных процессов развития сообществ древних кочевников Евразии. В противовес автохтонистским и эволюционистским представлениям все более

настойчиво звучат идеи миграционного внешнекультурного воздействия как основного причинно-следственного явления в трансформации кочевых культур (Акишев, 1973; Вайнберг, 1999. С. 241–249; Итина, Яблоцкий, 2001. С. 101–112; Таиров, 2001. С. 149–150; Боталов, 2003).

Основной культурных трансформаций являются геоклиматические изменения, произошедшие в рамках глобальных регионов степного пояса, приведшие впоследствии к множественным миграциям, длительной этнокультурной перегруппировке степного населения Евразии. Так, кардинальные ландшафтно-климатические изменения, произошедшие в зоне центрально-азиатских степей в период с конца II по середину I тысячелетия до н. э. (Демкин, Рысков, 1996. С. 99–100), привели к наиболее длительной и поступательной аридизации степей и росту континентальности климата Центральной Монголии и Северного Китая (Таиров, 2003. С. 20–21), что явилось причиной серьезной перегруппировки и культурной трансформации варварского (так называемых «северных варваров») населения – сплошному переходу к кочевью, китайской ассимиляции племен бассейна Хуанхэ, множественным миграциям и перемещениям (Варенов, 1996. С. 4–6; Ковалев, 1998. С. 128–129; Крадин, 1996. С. 23; Кулпин, 1995. С. 11–14; Мануйлов, 1993; Материалы..., 1968. С. 14–15, 35–36, 124; Новгородова, 1989. С. 320–321; Mg. Govern, 1939. P. 99–100).

Что это было за население?

Образование данного этнического пласта различные авторы связывают с индоиранскими миграциями и относят к самому раннему периоду полуполюгендарной династии Ся (2205–1767 годы до н. э.). На этот период в определенной мере в своем повествовании указывается Сыма Цянь, упоминая о некоем Шунь-Вэе – отпрыске рода правителей дома Ся – как прародителе юнну (Материалы..., 1968. С. 34–35). Согласно китайской историографии, именно с этого периода началось активное смешение китайских эмигрантов, пришедших с Шунь-Вэем с племенами северных варваров (жуны, ди, хуньной, жаньюн и др.) (Коновалов, 1996. С. 59). Западноазиатское влияние в широком смысле слова на материальную культуру Северного Китая на самом раннем этапе подтверждается лишь косвенным образом. Оно связывается с появлением новых видов злаковых (пшеницы, ячменя, сорго), а в стадах – крупного и мелкого рогатого скота. В этот же период появляются гончарный круг, традиции чернолощеной керамики, три-

поды, вазы, имеющие широкое хождение в Западной Азии (Васильев, 1976. С. 203–209). Наиболее же яркому западному и северо-западному влиянию северо-китайские провинции подвергаются в шаньский и в особенности в иньский период. С.А. Григорьев приводит широкий ряд аналогий из северокитайских памятников, относящихся к кругу индоевропейских культур (Григорьев, 1999. С. 293–297). Это прежде всего выразилось в металлическом инвентаре. Прямые заимствования выразились в определенных формах иньских копий (Васильев, 1989. С. 23–30). Двухлезвийные и однолезвийные кинжалы с горбатой спинкой, с литой рукоятью «ордосских бронз» аналогичны изделиям карасукской культуры (Гришин, 1971. С. 11–17; Зяблин, 1977. С. 28), топоры с трубчатой ствудкой и бойком аналогичны минусинскому экземпляру (Гришин, 1971. С. 24), а также бактрийским и переднеазиатским образцам (Авилон, Черных, 1989. С. 48, 49; Сариниди, 1977. С. 73–75; Тетов, 1977. С. 5). Появление проушных клевцов, вероятно, также можно связать с ближневосточным и сибирскими влияниями (Варенов, 1989. С. 9–17; Горелик, 1993. С. 53, 270. Табл. 27, 112, 101–103; Линь Юнь, 1990. С. 37, 38, 41). Этот ряд северных и западных заимствований, вероятно, могут продолжить такие виды металлического инвентаря, как кельты, наиболее ранние формы которых появлялись в Иранском нагорье (2300–2100 годы до н. э.), откуда привносятся в Китай (Линь Юнь, 1990. С. 37–41), а также отдельные типы булавок с бубенчиками и маленькой петелькой под бубенчик, золотые височные кольца и серьги с раструбом, известные в культурах Южной Сибири (Варенов, 1990. С. 62, 63; Линь Юнь, 1990. С. 33).

Эти и другие параллели позволили Н.Л. Членовой рассматривать районы Ордоса, Монголии, Забайкалья и Южной Сибири как территориально входящие в единый ареал индоевропейской этнической общности карасукской и других родственных культур (Членова, 1972. С. 131–135). Подобная точка зрения о единстве ордосских бронз и карасукской культуры Южной Сибири ранее уже высказывалась Д. Андерсоном и М. Лоером (Anderson, 1932; Loehr, 1956. P. 83).

По совершенно справедливому мнению Тянь Гуаньцзиня и П.Б. Коновалова, в шанско-иньскую эпоху закладывались основные черты союно-хуннского комплекса (Тянь Гуаньцзинь, 1983; Коновалов, 1996. С. 58–59) – индивидуальное погребение, прямолежание, преобладающая северная

ориентировка, гробовые деревянные конструкции, положение в могилу голов и конечностей животных. Особо выделяется высокая культура бронзолитейного производства.

Итак, длительная фаза ландшафтно-климатического изменения, произошедшая в конце II – середине I тыс. до н. э., привела, по всей видимости, к формированию современных ландшафтных зон Большой Монголии и Северного Китая (образованию пояса сухих и предгорных степей, песчаных и каменистых пустынь; резкому сокращению пойменных долин Хуанхэ и ее притоков). Дальним последствием этих изменений явился переход населения данного региона к новым культурно-хозяйственным укладам к IV–III вв. до н. э. Однако на первых порах (начало – середина I тыс. до н. э.) изменения природно-экологических условий привели к серьезной перегруппировке варварского населения жуннов и ди. Неизбежным последствием этих процессов явилось столкновение их с населением северокитайских провинций и царств («эпоха воюющих царств» – начало V – III вв. до н. э.). На наш взгляд, яблоком раздора становились пойменные долины Хуанхэ (Ордос), в которые устремились пещие палеоиранские скотоводы, уходя из пустынь и сухостепных регионов Монголии. Эти районы становились стратегически важными территориями оседлого китайского населения, у которого формировалось земледелие с принудительным орошением, постепенно превращаясь в сложнейшую ирригационно-дамбовую систему, обеспечивающую высокопродуктивное рисоводство. Историческим результатом столкновения двух социокультурных систем стали массовый переход скотоводческого населения к кочевничеству с сезонным циклом кочевания, создание кочевых союзов и империй, создание империи Цинь, массовая ассимиляция и переселение в глубь Китая северного варварского жунского населения, а также продолжительные миграции палеоиранского населения на Север, Запад, Северо-Запад. Первоначально это привело к формированию в пределах туркестанских и урало-казахстанских степей культур сакского облика, а в Саяно-Алтае – к сложению раннескифского ареала. Предмет нашего исследования вынуждает нас уделить основное внимание заданному направлению геокультурных трансформаций.

Раннесакский этап (VII – конец VI в. до н. э.). Западный вектор миграций из районов Южной Монголии и Северного Китая на начальном этапе раннего железного века довольно хорошо просматривается на памятниках Синьцзяна. Так, С.А. Комиссаров склонен считать, что возникновение

переходной культуры от эпохи бронзы к раннему железу Яньбаок (XIII–VI вв до н. э., Восточный Синьцзян) связано с общим перемещением населения с востока на запад, на что указывает массовое проникновение монголоидов в Западный край в данный период (Худяков, Комиссаров, 2002. С. 53). На наш взгляд, дальнейшие судьбы племен – носителей данной культуры, тесным образом связанные с районами Алтая, где с конца VI века до н. э. появляются памятники кара-кобинской культуры, удивительно схожие с яньбаокскими (погребения в больших ямах с уступами, внутренней обкладкой или перекрытием, полусферическое положение умерших, наличие схожих форм бронзовых ножей, а также форм сосудов – кувшины с высоким горлом, горшки с петлями и ручками, расписанные вертикальными волнистыми и эллипсоидными линиями). Вероятно, с восточным импульсом прото-сакского населения также связано возникновение раннеочечевичской культуры Чауху (Чаухутоукоу, X–V вв. до н. э., Притяньшань), хотя она, как известно, многокомпонентна по своему составу. Памятники, ее составляющие (Чаухутоукоу, 1, 2, 4, Цюньбаок 1), наряду с другими раннесакскими комплексами VII–IV веков до н. э. (Субаши, Шанхусян, Темулик, Алагу и др.) демонстрируют то культурное многообразие савк Синьцзяна, на которое ранее указывал К. Дебэн Франкфор (1989). На сакскую принадлежность вышеперечисленных комплексов указывают многочисленные параллели в погребальном обряде – каменные выкладки, ограды, большие ямы с дромосом и уступом; западная и северо-западная ориентировка покойников, грунтовые (дромосные) погребения с каменными выкладками и деревянным перекрытием; в вещевом инвентаре – ножи с кольцевым навершием, черешковые трехлопастные и трехгранные бронзовые наконечники стрел, чеканы, бронзовые зеркала-медальоны с ушком для подвешивания и зеркала с валником и длинной рукояткой; в конской упряжке – стремечковидные удила и проноски для перекрестных ремней сферической и зооморфной формы, а также отдельные типы керамического материала – сосуды грушевидной формы, небольшие кувшины с петлевидной ручкой, сосуды с носиком слива, кувшины биризматической формы, миски, которые наиболее ярко представлены среди материалов приаральских савк (Вишневская, 1973. С. 5, 7, 9, 13, 17, 24; Табл. III, V–VIII, X–XIII, XXII, XXIII; Яблонский, 1996. Рис. 4, 8, 10, 12–15, 18, 22–27, 31–34).

Таким образом, в раннем железном веке Синьцзян становится своеобразным узловым регионом,

через который пролегают все маршруты сакских миграций. Наиболее ранние переселения связаны с оттоком карасукоидного населения из Большой Монголии и Ордоса, участвовавшего впоследствии в формировании на западе памятников бегазы-дандыбаевского и северо-тагискенского круга в X–VIII веках до н. э. (Исмагил, 1998. С. 6; Маргулан, 1979. С. 62). Распад жуниско-дисской общности варварских культур Северного Китая приводит к продвижению на запад (в Казахстан и Южное Зауралье) тасмолинского раннесакского населения (Акишев, 1973), на северо-запад (Алтай) – племен, оставивших памятники типа Чесноково I, Солонечный Белок, Машевка I (Шульга, 1998. С. 37, 49), а также к формированию в пределах Синьцзяна огромного пласта культур сакского облика (Дебэн-Франкфор, 1989. С. 246–256).

Заключительный этап сакских миграций в пределах Центральной Азии происходит в V–IV вв. до н. э. Материалы типа турфанского Алагу появляются на западе Иссык, Бешатыр, Берккара (Погребова, 1988. С. 184–187; Самашев, Франкфор, Ермолаева, Жумабекова, Гий, Сунгатай, Жетыбаев, Омаров, 1998. С. 175–182), а также на северо-западе в Северо-Западном Алтае – яркие комплексы типа Локоть IV, Сибирка (Могильников, 1999. С. 187; Полосмак, 1990; Ситников, Шульга, 1995. С. 59–62) и на Севере, где это проникновение ярко отразилось в формировании особой (сакской) группы керамического материала в Болшереченской культуре (Троицкая, Бородавский, 1994. С. 74–76). Однако он протекает параллельно последующему скифо-сарматскому историко-культурному этапу, который начинается в урало-казахстанских степях с конца VI в. до н. э. Такова общая схема процессов, которые в конечном счете привели к формированию и бытованию в урало-казахстанских степях тасмолинско-бобровских комплексов раннесакского периода. Детализировать ее нет смысла, так как основные составляющие этого процесса, предложенные А.Д. Таировым, подробнейшим образом разобраны в соответствующем разделе этой монографии.

Рассмотрение вопросов культурогенеза на следующем *скифо-сарматском этапе (конец VI – конец III вв. до н. э.)* требует определения особого геокультурного ареала Азии, в рамках которого происходили основные процессы перемещения и культурообразования.

На наш взгляд, довольно удачную характеристику особого миграционного ареала, как единого в широком смысле геокультурного пространства, дали в одной из работ Б.И. Вайберг и Э.А. Нов-

города. Опираясь на географические исследования и соотнося их с общен исторической ситуацией, они объединили названные регионы, примыкающие с запада к Монгольскому Алтаю, по физико-географическим особенностям. Таким образом, единая Джунгаро-Казахстанская область простирается от Монгольского Алтая до Северного Прикаспия.

Эта физико-географическая область по ряду существенных для хозяйства скотоводов признаков резко отличается от Центрально-Азиатской пустынной зоны, располагающейся восточнее ее. Особые климатические условия данной территории сказались на более длительном вегетационном цикле кормовых трав. В этой связи перемещение кочевого населения наиболее вероятно именно в рамках данной территории. На наш взгляд, этот обширный регион, очевидно, и можно именовать термином «Азиатская Сарматия» в самом широком смысле этого слова. Сравнение и картографирование находок там в пределах данных территорий позволили Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородовой проследить миграционный путь ираноязычного сарматского населения из зоны пустынь Монгольского Алтая до самых западных пределов Северного Прикаспия и далее в степи Восточной Европы и Причерноморья (Вайнберг, Новгородова, 1976. С. 72). Наиболее заметные миграции кочевого населения в пределах этого ареала начинаются во второй трети I тысячелетия до н. э. и продолжают до первых веков нашей эры. При этом, вероятно, процесс перманентных разнонаправленных миграций в пределах обозначенного пространства начался более постепенно и гораздо раньше, чем западный выплеск юэжкийской волны после первых походов хуннов. Каковы предпосылки этих процессов? Изменение ландшафтно-климатических условий (аридизация и рост континентальности) в пределах пояса Евразийских степей в более ранний период происходит в районах Северного Китая и Центральной Монголии, о чем говорилось выше (Демкин, Рысков, 1996. С. 99–100; Таиров, 2003. С. 20–21). Далее процесс глобальной аридизации степей движется с востока на запад вдоль оси Военкова (север Монголии–Кызыл–Уральск–Саратов–Кишинев) (см. Чибилев, 1990. С. 48; Мордюкович, 1982. С. 24) и докатывается до урало-казахстанских степей. По почвоведческим данным критическая фаза аридизации степей в пределах этого региона наступила к IV в. до н. э. Следствием этого стали подъем уровня залегания солевой и гипсовой аккумуляции, перестройка карбонатного профиля, изме-

нение величины магнитной восприимчивости и др. (Демкин, Рысков, 1996. С. 99). В связи с отсутствием исследовательских данных нам сегодня весьма сложно судить о культурно-историческом облике сарматского населения очерченного региона в целом. Немногочисленные комплексы, появляющиеся в это время на северо-востоке Джунгарской периферии данного ареала, не позволяют нам сделать вывод о характере их культуры.

Более выразительно обозначился данный этнокультурный ареал в своей центральной части, где в V–IV вв. до н. э. наблюдается резкий приток кочевнического (ираноязычного) населения в районы Западной Сибири и Алтая. Это выразилось в появлении в лесостепных районах Обь-Иртышья кочевнических материалов сарматского облика (диагональные погребения, сосуды с носиком-сливом, в форме мечей и наконечников стрел). Хотя справедливости ради следует заметить, что исследователи памятников с данными материалами связывают их появление с импульсом с запада (Могильников, 1983. С. 3–7; Кубарев, 2002).

Но, пожалуй, наиболее значительным оказалось смещение населения в рамках этого ареала на его северо-западной периферии, где уже в конце VI–V вв. до н. э. в Южном Зауралье начинается древнепихоровский этап раннесарматской культуры (Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 151–152; Гаврилюк, Таиров, 1993. С. 66). В ней ярко отразились те культурообразующие черты, которые в последующий период стали преобладающими на территории от Урала до Дона. Полагаем, детализировать общую характеристику данной культуры с приведением комплексов, локальных вариантов и хронологических интервалов нет смысла в связи с тем, что этому был посвящен ряд фундаментальных исследований (Мошкова, 1963; 1974; Смирнов, 1964).

Заметим, что на раннем этапе для этих погребений характерны большие грунтовые сложно-составные (пирамидальные) насыпи, а также деревянные шатровые конструкции, дромосные каменные гробницы с коллективными захоронениями. Для рядового сословия характерны небольшие насыпи с индивидуальными захоронениями в широких или обычных прямоугольных ямах, встречаются также и катакомбные захоронения. Связующей чертой данного обширного круга этнокультурных памятников являются появившиеся на этом этапе погребения с южной ориентировкой покойников (Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 143).

Как уже было сказано, установление новых традиций происходило на сложном историческом

фоне. В предшествующее время Южное Зауралье было заселено племенами, связанными с ранними кочевниками сакского круга Центрального и Северного Казахстана и Приаралья. В VI–V вв. до н. э. данное население вступает в тесный контакт со «скифскими», продвигнувшимися сюда в конце VI в. до н. э. Механизм этого взаимодействия пока не совсем понятен. По мнению некоторых исследователей, вторая половина VI в. до н. э. знаменуется появлением на Южном Урале ярких черт скифского комплекса (деревянные подкурганские конструкции шатрового и срубного типов, камерные могилы, захоронения взызданных лошадей, появление катакомб, подбоев, южной ориентировки, качественный и количественный состав мясной заупокойной пищи, каменные изваяния, необычное сходство многих категорий инвентаря – бронзовые зеркала, каменные лядье- и ромбовидные жертвенники, железные мечи, уздечные наборы, бронзовые наконечники стрел) (Гуцалов, 1998а. С. 131). Возможно, с одной стороны, наличие скифского этнического компонента позволяет говорить о возможности размещения «отложившихся» скифов на Южном Урале (Мачинский, 1971; Доватур и др., 1982. С. 108, 109; Членова, 1988. С. 8–10), с другой, указывает на важнейшую роль скифов (Поднепровья и Северного Причерноморья) на формирование и дальнейшее развитие раннесарматской культуры (конец VI–V вв. до н. э.) (Тайров, 1998. С. 88; Гуцалов, 1998а; Тайров, Гуцалов, 1999).

На следующем этапе, с точки зрения М.Г. Мошковой, в V – начале IV в. до н. э. на территорию Южного Зауралья продвинулось лесостепное прохоровское население (Мошкова, 1974. С. 48). После этих событий окончательно формируются основные черты раннесарматской культуры (южная ориентировка, дромосные захоронения, подбой, катакомбы). При этом первоначально эти черты были исключительной особенностью элитарных (жреческих, воинских) погребений. Окончательное формирование прохоровского единокультурного массива, по мнению А.Д. Тайрова и А.Г. Гаврилюка, явилось результатом внутрисоциальных структурных изменений (социальная модификация погребального обряда, военизация общества) (Тайров, 1987. С. 68; Тайров, Гаврилюк, 1988. С. 151–152). Как очевидно, Южному Зауралью отводится первостепенное значение в культурогенезе сарматов на самом раннем этапе (конец VI–V вв. до н. э.). По мнению К.Ф. Смирнова, на следующем этапе (V–IV вв. до н. э.) основной зоной сарматского культурогенеза

становятся районы Орско-Илекского междуречья, так как именно здесь в Орских, Покровских, Илекских, Новокумакских курганах раньше всего (V в. до н. э.) появляются раннесарматские черты (подбойные и катакомбные погребения, могильные ямы с заплечиками, широко распространяется южная ориентировка, появляются тенденции к диагональным погребениям и ряд характерных типов оружия и керамического инвентаря) (Смирнов, 1964. С. 17). В Приуральском регионе, по мнению исследователей этих памятников, наблюдается генетическая связь между савроматской и прохоровской культурами и на переходном этапе, и вплоть до среднесарматского времени, то есть с V по III–I вв. до н. э., когда в курганах сохраняются все ведущие черты савроматского обряда при вполне уже прохоровском инвентаре, поэтому часто бывает трудно определить культурную принадлежность конкретных комплексов (Мошкова, 1962; Пшеничнюк, 1983; Смирнов, 1964. С. 171). Таким образом, в соотношении точек зрения зауральских и приурало-поволжских исследователей обнаруживается следующая динамика. По всей видимости, слагающие черты новой раннесарматской общности раньше всего (во 2-й половине VI в. до н. э.) обнаруживаются в районах Южного Зауралья. Это происходит в результате установления тесных контактов с племенами скифского круга (Очир-Горячева, 1987. С. 35–53).

Зауральские комплексы этого времени – раннего «древнепрохоровского» этапа (Гаврилюк, Тайров, 1993. С. 66) – обнаруживают значительное преобладание сарматоидных черт. Возникновение их связано с Приаральским и Южно-Казахстанским регионами (Тайров, Гаврилюк, 1988. С. 143–147). Веком позже раннесарматские черты появляются в савроматских памятниках Приуралья. И, наконец, в IV в. до н. э. эта культура достигает Волго-Донского междуречья и становится абсолютно преобладающей в пределах от Дона до Тобола.

Разная степень исследования данных памятников породила соответственно разные взгляды на возникновение раннесарматского культурного явления. Не станем возвращаться к историографическим спорам противопоставления «савромато-сарматской» генетической преемственности и миграционной точек зрения. Оттолкнувшись от главного, на наш взгляд, самого позитивного исследовательского результата, который позволяет на накопленном сегодня археологическом материале в сочетании с письменной информацией провести некоторую этноисторическую реконструк-

цию. Кажется, бесспорен факт, что новая культура зарождается действительно в конце VI в. до н. э. где-то в пределах Южного Урала.

Нам кажется весьма показательным тот факт, что новые черты первоначально засвидетельствованы в социально значимых усыпальницах. Рассматриваемые выше факты и общенсторические данные неоднократно убеждают нас в том, что зачастую вновь пришедшее кочевое население внедряется в чужую среду лишь путем завоевания или доминирования над автохтонным населением. Таким образом, принимая во внимание все те сложнейшие перегруппировки в среде зауральских кочевников, мы склонны считать, что новый южный и юго-восточный культурный импульс лег в основу прохоровского генезиса. В этом смысле нам близка точка зрения М.И. Ростовцева, который говорил, что сарматы представляли собой совершенно новую иранскую волну, отличную от скифов и савроматов. Основу этого населения составляли саки (дахо-массагетские племена), которые начали вторгаться в IV–III вв. до н. э. в Скифию (Ростоцев, 1918. С. 33–34; 1929. Р. 45). Ю.Т. Сулимирский также говорит о том, что начало сарматской культуре положили массагеты, которые внесли новые центральноазиатские, западносибирские и центральноказахстанские черты (Sulimirski, 1970. Р. 84).

А.Д. Тайров этот процесс видит, как включение в состав аборигенов населения иноэтнического компонента, носителем которого выступили сакские племена Азиатского междуречья. Миграция была вызвана неблагоприятной политической ситуацией на юге, когда в результате активной завоевательной политики Ахеменидов в Средней Азии во второй половине VI в. до н. э. были захвачены земледельческие области, в том числе и Хорезм, и нанесено поражение ряду сакских племен. В результате этого сако-массагетское население вынуждено было откочевать с равнин к востоку от Каспия в Зауралье, тем более, что здесь в этот момент складывались довольно благоприятные экологические условия (Тайров, 1991. С. 17).

Принимая в целом логику А.Д. Тайрова, мы согласны с тем, что действительно какая-то часть аральского сако-массагетского населения принимала участие в формировании сарматской культуры на древнепрохоровском (обручевском) этапе. Однако сугубо археологические параллели материалов культур Приаралья и Южного Зауралья не позволяют сегодня в полную меру говорить об урало-аральском культурном единстве в VI в. до н. э. Аналогии и схожести в погребальном об-

ряде и вещевом инвентаре относятся, как правило, к разряду общих тенденций в рамках большого скифо-сако-сарматского единства.

В этой связи заслуживает большего внимания точка зрения С.Ю. Гуцалова о непосредственном скифском участии в прохоровском культурогенезе. Ранее, как уже упоминалось, исследователями было обращено внимание на существование ряда ярких параллелей скифских памятников Поднепровья и Северного Причерноморья с древнепрохоровскими памятниками Южного Урала (Гуцалов, 1998; Тайров, Гуцалов, 1999). Однако впоследствии С.Ю. Гуцалов существенно дополняет свои наблюдения, анализируя материалы могильников Агаловский IV и Наваринка (близ Магнитогорска). Исследователь приходит к выводу, что днепро-донские параллели явно более позднего происхождения, чем те, которые обнаружены к востоку от Урала. Налицо хронологический приоритет зауральских памятников над украинскими. Хотя здесь следует сделать существенную оговорку: агаловские и наваринские курганы в целом датируются более поздним временем (V–IV вв. до н. э.), чем рениспрохоровский этап. Учитывая то, что скифо-южноуральские параллели уже неоднократно фиксировались исследователями на совершенно разном материале: каменные антропоморфные изваяния (Тайров, Гуцалов, 1999), предметы конной упряжи и вооружения (Смирнов, 1961. С. 68; Исмагилов, 1978; Тайров, Ульянов, 1996; Тайров, 1987; Гуцалов, Боталов, 2000), деревянная посуда (Пшеничнюк, 2000. С.76), – мы вправе связывать это явление с миграцией в V–IV вв. до н. э. какой-то группы зауральских кочевников в лесостепную зону Восточной Европы (Гуцалов, Боталов, 2000).

К весьма важному и на наш взгляд перспективному предположению приходит в одной из своих последних работ Б.И. Вайнберг. Анализируя наиболее ранние подбойно-катакомбные комплексы Приаралья IV–III вв. до н. э. из хорезмийских могильников Тарым-Кая I и Тумек-Кичиджик (раскопки Л.Т. Яблонского), она приходит к выводу, что их возможно связать с проникновением сюда населения «юэчжйского» объединения. Эти выводы сделаны ею по принципу ретроспективной аналогии – если подбойно-катакомбные комплексы с северо-южной ориентировкой, появляющиеся в Средней Азии в последних веках до н. э., связываются с вторжением сюда «Больших Юэчжй» (Да-юэчжи), то можно предположить, что и более ранние погребения этого, неизвестного до того здесь погребального комплекса тоже остав-

лены юзжейскими племенами (Вайнберг, 1999. С. 242). Принимая это предположение, мы тем самым можем придать конкретный этноисторический облик той новой скифо-сарматской волне, которая, вероятно, и была решающей причиной в формировании раннесарматской культуры Южного Урала. На наш взгляд, Южное Зауралье являлось своеобразной транзитной зоной в период раннеюзжейских миграций конца VI в. до н. э. Вероятнее всего скифо-раннесарматские перемещения, которые происходили в рамках Туркестанско-Прикаспийского ареала, и устанавливают то самое культурно-историческое единство, которое получило название «скифо-сибирский», а впоследствии – «сарматский мир». В противном случае совершенно невозможно объяснить те параллели в предметах вооружения, в орнаментальных элементах звериного стиля (Чжан Си Ин, 1984. С. 746–748; Ковалев, 1998; Чжун Сук-Бэ, 1998), которые в наиболее раннее время возникают (а скорее всего, и формируются) в регионах Южной Монголии, Северного Китая и впоследствии (конец VI в. до н. э.) достигают Южного Урала и Западного Казахстана, а затем распределяются до Причерноморья и Дуная.

Вероятнее всего, эта скифо-раннесарматская миграция и явилась завершающим аккордом в сложении «древнепрохоровского населения» (конец VI – V вв. до н. э.) на Южном Урале. Расцвет же раннесарматской культуры, как известно, падает на период IV–III вв. до н. э., когда начинается массовое переселение южнозауральских кочевников на запад и юго-запад, в степные районы Южного Приуралья, а на рубеже IV–III вв. до н. э. – и в лесостепь Приуральской Башкирии, где возникают крупные некрополи (Старые Кишки, Покровка, Бишунгарово). Одновременно с этим начинается движение кочевников Приуралья далее на запад, в Нижнее Поволжье (Таиров, Любчанский, 1995. С. 69).

Таким образом, раннесарматские «прохоровские» комплексы в Заволжско-Приуральском регионе наиболее ярко характеризуются предметами именно с IV в. до н. э., что и позволило большинству авторов совершенно справедливо датировать раннепрохоровский этап IV–III вв. до н. э. (Мошкова, 1963. С. 8; Смирнов, 1964; Скрипкин, 1997. С. 11 и др.).

Процесс глобального смещения на запад «прохоровского» населения был обусловлен резкими климатическими изменениями, которые привели к значительной аридизации степного региона в IV в. до н. э. (Таиров, 1995. С. 93), что вынудило

раннесарматские племена Зауралья и Северного Казахстана покинуть более резкоконтинентальные зоны и отходить на запад и северо-запад, где этот процесс протекал плавнее.

К рубежу IV–III вв. до н. э. резко уменьшается количество памятников раннесарматского времени в Южном Зауралье и Восточном Оренбуржье и прекращают функционирование известные могильники Юго-Восточной Башкирии.

Вероятнее всего, во второй половине III в. до н. э. Южное Зауралье было полностью оставлено «прохоровским» населением.

Трудно сказать, какой характер носила западная миграция прохоровцев – как экспансия или как вынужденное переселение в родственную среду савромато-сарматского населения. Бесспорно, что этот процесс носил постепенный инфильтрационный характер. Во II в. до н. э. памятники прохоровской культуры появляются на правобережье Дона (Максименко, 1983. С. 128–129).

Попробуем данные процессы перевести в историческую плоскость. По мнению К.Ф. Смирнова, прохоровские памятники Южного Приуралья IV–III вв. до н. э. принадлежали «верхним аорсам» (Смирнов, 1964. С. 286). Оно основывалось на данных Страбона, который сообщал: «...Аорсы и сираки, кажется, беглецы из всех живущих выше народов...» (.....). Они севернее аорсов. Царь сираков Абеак, когда Фарнак владел Боспором, выставил двадцать тысяч всадников, царь аорсов – Спидин – даже двести тысяч, а верхние аорсы еще больше. Так они владели более обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья и торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян, и перевозили их на верблюдах. Они были богаты, поэтому носили золотые украшения...» (Страбон, 11,2,8) (Латышев, 1993. С. 224–225). Интерпретация этого отрывка в обязательном порядке приводится в исследованиях сарматоведов при воссоздании этнокультурной карты региона. Однако весьма спорным остается вопрос, к какому сарматскому периоду относятся эти данные: либо ко времени правления Фарнака (63–47 гг. до н. э.), либо к какому-то другому периоду.

На наш взгляд, весьма убедительное и логичное исследование данного отрывка было проделано С.И. Лукьяшко. Он предложил текст Страбона разделить на две части. Первая – в которой упоминаются события периода правления Фарнака и его поход в Малую Азию, где приводятся точные данные о предводителях сираков и аорсов, о числен-

ности их войска. Вторая – где говорится о верхних аорсах и их посредничестве в торговле в Передней Азии и на Кавказе. Если первый отрывок мог быть действительно написан на основе данных Гипсикрата Амисского (середина I в. до н. э.), современника Фарнака Милетского, принимавшего участие в 67–65 гг. до н. э. в походах Полея по Албании, Иберии и Колхиде, то данные о верхних аорсах и их торговле, как и вообще сведения о Средней Азии и Каспии, по мнению С.И. Лукьяшко, могли быть почерпнуты лишь из трудов Платона – правителя юго-восточной части царства Селивкидов конца IV в. до н. э. (Лукьяшко, 1984. С. 161–164).

Как мы видим, эта историческая реконструкция вполне соотносится с точкой зрения К.Ф. Смирнова. Трудно сказать, можно ли проецировать факты, упоминаемые в обеих частях, в обратном порядке, то есть возможно ли удревить сведения о сираках и аорсах, обитавших между Меотидой и Каспийским морем. По мнению Ю.М. Десятчиков, основанном на описании Диадора, первое упоминание о сираках в Прикубанье связано с борьбой преемников Перисада за власть и относится также к самому концу IV в. до н. э. (Десятчиков, 1977. С. 45–48). Вероятнее всего, появление здесь сираков должно было предопределить появление к северу от них, в волго-донских степях, и аорсов (Скрипкин, 1997. С. 16).

Таким образом, этнокарта Доно-Прикаспийского региона на рубеже IV–III вв. до н. э., вероятнее всего, могла выглядеть следующим образом: западную часть ее занимали сираки, севернее – аорсы, северная граница между которыми проходила по Манычу (Смирнов, 1974. С. 34–44). Они на данный момент находились в подвижном состоянии, так как являлись беглецами «из среды живущих выше (то есть восточнее. – С.Б.) их народов». Восточнее их, в регионе Волго-Уралья, проживают «верхние аорсы», которые на юге граничат с прикаспийскими даями; они жили севернее и восточнее от Кара-Богаз-Гола (Мачинский, 1974. С. 128–129). В этих данных угадывается определенная переключка с археологическими материалами. Действительно, к IV–III вв. до н. э. зоной наибольшего накопления прохоровских памятников становятся Южное Приуралье и Нижнее Поволжье, где возникают и существуют именно в этот период крупные некрополи (Покровка, Старые Кипши, Бишунгаров, Филипповские, Новый Кумак и др.).

Письменные данные не позволяют проследить восточные границы «верхних аорсов». Судя по

археологическим материалам, их можно расширить до североказахстанского Поймимья, где исследованы схожие с южноуральскими большие курганы (Кенес, Обалы, Ступинский, Кара-Оба) со сложносоставными насыпями, шатровыми конструкциями и дромосными погребениями, относящиеся к кругу сарматондских памятников Южного Урала (Хабдулина, 1994. С. 24–26). Стоит оговориться, что данная точка зрения признается отдельными авторами как весьма гипотетичная (Шелов-Кобедиев, 1990. С. 16, 17). Мы приводем ее как возможный вариант реконструкции. Грандиозность сооружений насыпей, деревянных конструкций в них, глубина и размеры усыпальниц, необычное богатство сопровождающего инвентаря в неогрabenных погребениях (Филипповский I курган) в определенной мере также подтверждают страбоновскую информацию о богатстве «верхних аорсов».

Аорсы являлись поистине историческими долгожителями в Восточной Европе. Если действительно первые упоминания о «верхних аорсах» в Приуралье относятся к концу IV в. до н. э., в III–II вв. до н. э. они обитают в Волго-Донье, а во второй половине I в. до н. э. они занимают земли к западу от Дона, где обитали вплоть до I в. н. э., когда они упоминаются Тацитом во время сирако-аорской войны в 49 г. н. э. (Скрипкин, 1997. С. 25). И наконец, около третьей четверти I в. н. э. аорсы, по мнению Д.А. Мачинского, достигают дельты Дуная (Мачинский, 1974. С. 131–132). Однако вероятнее всего какая-то часть аорсов остается в Восточной Европе и с приходом аланов смешивается с ними, после чего складывается новое объединение, которое упоминается у Птолемея как *аланорсы* (Латышев, 1993. С. 268).

Таким образом, аорсы пребывают на исторической арене почти 500 лет. Большую часть этого времени они провели в волго-донских и причерноморских степях, что в определенной мере указывает на относительную стабильность этнополитической ситуации в этом регионе (Скрипкин, 1997. С. 25), которая отчасти объясняется относительно благоприятной ландшафтно-климатической средой (увлажненность) в период с IV по II вв. до н. э. (Гаель, Гумилев, 1966. С. 11–20; Демкин, Лукашов, 1993. С. 51).

Исследования последних лет показывают, что характер ландшафтно-климатических изменений, происходивших в данном регионе, был более сложным и в период второй половины I тыс. до н. э. имел преимущественно неблагоприятную составляющую. По почвоведческим данным

В.А. Демкин в большинстве регионов Волго-Донья с IV по I вв. до н. э. отмечает нарастающую степень аридизации климата (Гайров, 2003. С. 39–42). Возможно, эта динамика являлась определяющей в процессе постепенной миграции аорсов и других племен сарматского круга из районов Волго-Донья в Северное Причерноморье и далее в Подунавье во второй половине I тысячелетия до н. э. и первых веках нашей эры, о чем отчасти указывалось выше.

В связи со всем вышесказанным, с точки зрения исторической реальности, скифо-сарматский этап правомочнее всего было бы называть как *скифо-аорсский*, тем более общеизвестно, что этноним «сармат» появляется в Восточной Европе гораздо позднее (первые века н. э.), следовательно, с точки зрения историко-культурной интерпретации урало-казахских памятников второй половины I тысячелетия до н. э., употребление его некорректно. Однако в настоящей работе мы сочли приемлемым употребление наиболее привычного для археологов и традиционно устоявшегося в употреблении термина «сармат», «сарматский» в сочетании с сугубо археологическим определением «прохоровский».

Что же происходит на следующем этапе, который начинается на рубеже III–II вв. до н. э. Как уже говорилось, если в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье это время падает на середину и расцвет прохоровской культуры (Мошкова, 1963. С. 8; Скрипкин, 1997. С. 11), то в Южном Зауралье и Северном Казахстане к концу III в. до н. э. прохоровское население сокращается до минимума, либо полностью покидает эти регионы. Данные территории начинают слабо заселяться совершенно новым сармато-аланским населением, пришедшим, скорее всего, из далеких пределов Восточного Туркестана.

Юэцжиско-аланский этап (конец III в. до н. э. – I в. н. э.). Завершающий этап более мощных миграций приходится на период конца III–II вв. до н. э. Собственно, он отражает территориальные изменения, произошедшие в Центральном-Азиатском регионе после возникновения Хуннской империи, – общее перемещение всех западных (от хунов) народов из пределов Западной Монголии и Восточного Туркестана. Эта миграционная волна, прокатившаяся по джунгарским степям, на западном своем направлении включала весь список племен, упоминаемых Страбонам: ассии, тохары, сакаравы, паскарны, паскианы [ассианы, аланы, юэчки, сакарауки – «светлые» саки – по Э.А. Грантовскому (1975)]. Основными

в этом миграционном потоке, на наш взгляд, были перемещения юэцжиско-сарматского населения из Гансуйского (Хесийского) коридора во второй половине I тысячелетия до н. э. и аланские миграции из Восточного Туркестана в Среднюю Азию и Предкавказье в I в. н. э. (Берлизов, Каминский, 1993; Сергацков, 1998).

Среди кочевнических памятников степей Южного Урала, Казахстана и Среднеазиатских оазисов особую группу образуют комплексы так называемого Лявандакского типа. Они появляются в самом конце III в. до н. э. на территории урало-казахстанских степей (Конурса, Жабай-Покровка, погребение 32; Жалтырь; Саргары, курганы 3, 4; Берлик, курган 6; Солнце III, курган 3; Стрелецкое; Граультры, курган 2; Петровка). В северной и западной периферии среднеазиатских оазисов – Киргизского Алатау и Ферганы (Кызыл-Кайнар, Берккара II, Исфаринские, Кувинские, Кенсай, Кара-Булак), Ташкентского оазиса (Дурмень, Кулбулак, Шаушукум – катакомбы 2-го типа, погребения в могильных ямах), Самаркандского и Бухарского оазисов (Агальский, Лявандакский, Шахсенем, Кую-Мазарский), Хорезма (Туз-Гыр, Тумек-Кичижик, Тайкыр, Ясы-Гыр), Южного Туркменистана (Пархай, Хас Кярыз, Кызыл-Чашма, Мештерхазинский) – появляются своеобразные памятники, которые маркируют новый этап, связанный с позднепрохоровским временем на Южном Урале. Данный историко-культурный комплекс составляют небольшие курганные могильники, в которые входят земляные курганы, расположенные цепочками. Под курганами располагались простые овальные или прямоугольные, а также подбойные ямы, погребения с продольными торцовыми катакомбами, сооруженные в северной или южной стенках входной ямы. В них, как правило, совершались индивидуальные захоронения. Объединяющей чертой являются подбойно-катакомбный обряд и южная ориентировка погребенных, а также хронологически культуроединый вещевой комплекс. Керамический комплекс представлен узкогорлыми кувшинами с шаровидным или раздутым туловом с одной ручкой или без нее, фаягами, горшками с округлым или плавным профилированным туловом с сужающейся ко дну нижней частью и плоским дном. Характерной особенностью является отогнутый и слегка отогнутый вниз венчик, а также горизонтально прочерченные линии, обтекающие границу горла и плеча сосудов. Дополнительными элементами орнамента являются тамгообразные знаки (Саргары, курган 4; Покровка), сосце-

видные или фигурные налпы (Петровка, Жаман Тогай). Оружие представлено мечами и ножами с прямоугольным перекрестием, кольцевым, антенновидным навершием или без него, трехлопастными наконечниками с треугольной головкой и коротким черешком, костяными накладками от сложносоставного лука, а также зеркалами с валиком по краю и металлической ручкой-штырем (тип 3, 4 по М.Г. Мошковой) (1963. С. 42. Табл. 28) и цилиндрическими или квадратными курильницами. Особыми предметами, маркирующими кочевнические памятники этого хронологического и культурного горизонта, являются прямоугольные и фигурные металлические прорезные пряжки или подражания им, выполненные из кости и камня, с изображением животных (лошадь, верблюд), сцен терзания и с геометрическим орнаментом. Этот тип, а также восьмерковидные, округлые и овальные пряжки с язычком в виде шпенька и конусовидные прорезные бубенчики, относятся к предметам так называемого «ордосского стиля». Предметы этого облика в большом количестве встречаются в кочевнических погребениях «Культуры Ордосских бронз» Внутренней Монголии и Северного Китая (Тянь Гуацзинь, Го Сысинь, Бяньжун, 1986). Целесообразность объединения в единый историко-культурный комплекс (ИКК) комплексов в простых, подбойных и катакомбных погребениях объясняется тем, что многие из них встречаются в единых некрополях и сопровождаются сходным вещевым материалом: Туз-Гыр, Тумек-Кичижик, Ясыгыр – Хорезм (Лоховиц, 1979; Лоховиц, Хазанов, 1979; Вайнберг, 1979); Лявандакский, Аргалаксайский – Самаркандский и Бухарский оазисы (Обельченко, 1961; 1967), Шаушукумский – катакомбы 2-го типа подбойные и простые ямы – Ташкенский оазис (Максимова, Мершиев, Вайнберг, Левина, 1968. С. 205–250); Покровка 1, 2, 7, 8, 10; Мечетсай; Увак (Смирнов, 1975. С. 65, 71, 87, 89, 101; Яблонский, Трунаева, Ведер Дж., Девис-Кимболл Дж., Егоров, 1994; Яблонский, Девис-Кимболл Дж., Демиденко, Малышев, 1996). По характеру погребальных комплексов (небольшие курганные могильники, индивидуальные захоронения), территорий, которые они занимают (степное пограничные оазисов), и набору вещевого инвентаря (мечи, лук, стрелы, керамический комплекс, курильницы) эти памятники бесспорно принадлежат кочевому населению сарматского круга.

По всей видимости, среднеазиатские и южно-казахстанские комплексы данного облика своеобразно очерчивают южные границы большого

сарматского ареала, который охватывал на северо-западе с конца III – II вв. до н. э. Казахстан (от Урала до Иртыша), Южный Урал и Поволжье, однако, в отличие от последнего региона, в Южном Зауралье, Казахстане и Средней Азии памятники этой группы существуют достаточно обособленно. Их появление здесь своеобразно маркирует новую волну сарматской миграции, так как прохоровские комплексы конца IV–III вв. до н. э. в этих районах достаточно редки. Этот факт, вероятнее всего, как уже говорилось, связан с оттоком раннепрохоровского населения из Зауралья в конце IV в. до н. э. (Тамров, 1995).

Наибольшая плотность его приходится на Южное Приуралье (Скрипкин, 1990. С. 184). Своеобразный очаг позднепрохоровских памятников здесь образуют многочисленные курганы илекской группы. Основные черты этого ИКК в Южном Приуралье закладываются в самое раннее время (конец VI–V вв. до н. э.). В IV в. до н. э. подбойные захоронения в вытянутых подпрямоугольных ямах получают наибольшее распространение. По данным С.Ю. Гуцалова*, в этот период в Западно-Казахстанском и Южно-Приуральском районах насчитывается 69 (из 179) подбойных комплексов с южной ориентировкой (Гуцалов, 2000. С. 13–17).

Формирование этого (сарматского) комплекса на столь раннем этапе и дальнейшее его инновационное развитие, при котором сохраняются основные черты, объясняются, прежде всего, тем, что население, оставившее эти памятники, имело единый ареал существования, и в рамках его происходило постоянное перемещение кочевого сарматоидного населения. В целом этот ареал охватывает Восточный Туркестан, Южный Урал, Поволжье и далее на запад до Дуная.

Курганы с торцовыми катакомбами появляются на рубеже III–II вв. до н. э. (17 ед. из 101) – 17%. Их появление ознаменовалось внедрением нового вещевого комплекса явно восточного характера.

Как уже указывалось, особым индикатором рассматриваемого горизонта являются прямоугольные ажурные пряжки ордосского типа и восьмерковидные круглые пряжки с неподвижным язычком-шипом на рамке, характерные для Центральной Азии и Южной Сибири (Ванюши; Покровка 2, курган 17, погребение 2; Белокаменка; Донголюк; Ново-Калкашево, курган 2, погребение 5; Верхне-Погромное 1, курган 4, погребение 4; Увак, курган 5; Мечетсай, курган 2, погребение 5; курган 3, погребение 11) (Акулатов, 1998. С. 132. Рис. 5.2,3; Шинлов,

1975. Рис. 396,10; Скрипкина, 1997. С. 12; Смирнов, 1975. Рис. 20,3,8; Рис. 34,9; 28,4,5).

В этот период параллельно сосуществуют подбойные, катакомбные и простые ямы с захпечиками. Таким образом, появление подбойно-катакомбных комплексов на северных границах Средней Азии своеобразно очерчивает расширение границ данного сарматского ареала не только на запад (в Поволжье и Подонье), но и на юг и юго-запад. На наш взгляд, именно с рубежа III–II вв. до н. э. мы имеем конкретные археологические данные, позволяющие говорить о создании и функционировании в пределах Урало-Аральского региона полного цикла пастбищно-кочевой системы.

Анализ черт погребального обряда этого круга памятников позволяет сделать некоторые предположения, касающиеся развития данного ИКК.

1. Торцовые катакомбы (так называемого 2-го типа) нельзя рассматривать как прямую и непрерывную линию развития катакомбного обряда среди кочевников раннего железного века уралоповолжских степей. Они имеют несколько иную природу своего возникновения и развития в отличие от предшествующих катакомб скифского времени (так называемого 1-го типа). На формирование первых, вероятнее всего, большое влияние оказала традиция сооружения дромосных продольных усыпальниц, которая длительное время существовала и развивалась в северокитайских провинциях и Синьцзяне (Синьцзян каогу Саньшичань, 1983. С. 72–111; Хэнань Яньши..., 1996. С. 1–36; Шеньси Лонсянь..., 1999; Шенси Шаосян..., 1987; Синьцзян Тулуфан..., 1982; Се Дуань, 1987. С. 1097–1102; Нинся Нэнпу..., 1995. С. 79–107; Нинся Гуянь..., 1993. С. 13–52; Гуньши, Бэйюань..., 1996. С. 361–397). Вторые же являются результатом прямого влияния скифской культуры и отражают то своеобразие форм этого обряда, которые демонстрируют катакомбы Северного Причерноморья (Гуцалов, 1998. С. 131; Ольховский, 1977).

2. Катакомбный обряд как один из компонентов, составляющих лавандакскую группу, представлен наиболее ранним типом аланских катакомб, который, спустя 200–300 лет, получает свое развитие в среде полуседлого аланского населения Кангюй и Давань. Бесспорно, мы учитываем существенные конструктивные различия между ранними торцовыми и более поздними дромосными катакомбами, но некоторые факты позволяют сегодня делать такое предположение. В этом смысле переходную форму демонстрируют погребения из Мештерхазинского могильника (Се-

верная Парфия), где крупные овалы катакомбы совершались также в южной торцевой стенке, отсутствовал дромос, а погребенные лежали в них головой на юг. Вещевой инвентарь, обнаруженный в них (мечи с прямым перекрестием, трехлопастные наконечники с коротким черешком, флаги, кувшины), датирующие комплекс рубежом эр, также продолжают нести на себе черты восточносарматского (лавандакского облика) (Мандельштам, 1971. С. 66–72).

3. Дальнейшее развитие данных традиций происходит в среде населения Ферганы (Кара-Булак) и Ташкентского оазиса, где до I в. н. э. сохраняются традиции торцовых катакомб, сосуществующих с катакомбами кенкольского типа, а также подбоев и простых прямоугольных ям при устойчивой южной ориентировке (Заднепровский, 1992. С. 91; 1992а. С. 104). Они составляют памятники кенкольского типа и алано-кангюйского ИКК. Какая-то часть аланского населения до самого позднего периода (V–VI вв. н. э.) продолжает оставаться в пределах Восточного Туркестана. Здесь, в могильнике Астана, продолжают сосуществовать наряду с дромосными катакомбами подбойные погребения с ориентировкой покойников на юг. Кроме того, в этих комплексах наблюдаются яркие параллели с элементами обряда и типами вещей карабулакских погребений – деревянное ложе, гробы, шелковые наглазники, металлические маски, сходство керамического комплекса (блюда, высокие кувшины), что указывает на сохраняющийся этнокультурный характер сарматского населения, оставившего эти могильники (Синьцзян Каогу Саньши Чань, 1985. С. 64–81).

И, наконец, еще одно интересное наблюдение – рассматриваемые памятники, по нашему представлению, составляющие юэжжияньско-сарматский этап, с одной стороны, характеризуют приток нового в культурном смысле пестрого по своему этническому составу юэжжияньского населения в юго-западные провинции страны Янцзюй. Этот инокультурный импульс усиливает движение большей части племен Сарматии. Приток этих племен, по всей видимости, приводит к установлению новой этнокультурной доминанты, которая окончательно оформляется с утверждением аланов Западной Азии и Восточной Европы. Это отразилось и в переименовании страны Янцзюй в I–II вв. н. э. Хотя, как нам представляется, новое название было с исторической точки зрения также достаточно кратковременным. По всей видимости, оно исчезает с этнополитических карт через некоторое время (50 лет) с оттоком аланов,

«бывших массагетов» (маскутов), в Предкавказье в конце I в. н. э. (Берлизов, Каминский, 1993. С. 108; Яценко, 1998. С. 86–95), после чего Приаральский регион вновь возвращает название Янцзай (Сутз Янцзай).

Что это за население в историческом плане?

Для ответа на этот вопрос хотелось бы вернуться к картографированию местоположения страны Янцзай. Напомним, что, основываясь на существенном уточнении данных Страбона, которое приводится в работе С.И. Лукьяшко (Лукьяшко, 1984. С. 161–164), автор склонен соотносить памятники IV–III вв. до н. э. Северо-Западного Казахстана и Южного Урала с аорсами или верхними аорсами. По мнению С.П. Толстова, китайские хроники младшего дома Хань помещали страну Янцзай к северу-северозападу от Аральского моря, и она являлась ни чем иным, как страной аорсов (по античным источникам) (Толстов, 1948. С. 21). Б.И. Вайнберг, интерпретируя данные китайских источников, приходит к выводу, что, согласно Чжан Цяню, Янцзай у Североморя... от Юэтяна (Хотана), лежащего к востоку от Давани, реки текут на запад и «выпадают» в Западное море, которое четко отличается от северного. Из этого следует, что Аральское море, куда впадают Сырдарья и Амударья, скорее всего, было ему известно. Кроме того, им упоминается, что к югу от Янцзай лежит Аниси (то есть Парфия). Следовательно, Северное море логично отождествлять с Каспием от полуострова Бузачи на востоке и до дельты Терека на западе, из чего очевидно, что Янцзай, согласно Чжан Цяню, логичнее всего располагается к северо-западу-западу от Каспия (Вайнберг, 1999. С. 267), что вновь соотносится со страной Верхних Аорсов.

Эта точка зрения намного раньше была высказана В. Томашеком, А. Гутшмидтом и Ф. Хитром (Gutshmidt, 1888. P. 69–70; Hirth, 1885. P. 137; 1909. P. 11). Она основывалась на том, что Клавдий Птолемей восточную границу верхних аорсов определял на Нижнем Яксарте. Однако в последующие годы она не получила поддержки. Более того, В.П. Шиловым достаточно категорично было высказано мнение, что невозможно филологическое и историческое отождествление алан и аорсов, в одном случае, и аорсов и янцзай – в другом (Шилов, 1983. С. 40). Эта точка зрения также была основана на мнении ряда европейских авторов (Jeggart, 1939. P. 201; Maenck-Helgen, 1973. P. 227; Enjki, 1959. P. 49). Сегодня мы не можем согласиться, по крайней мере, с частью этого утверждения. Попробуем изложить свою

позицию. Итак, на территории Южного Урала и Западного Казахстана с конца VI в. до н. э. начинается формироваться огромный массив нового раннесарматского населения. Центр его, как уже говорилось, вероятнее всего находился в долине верхнего течения Илека. Границы этого ареала весьма внушительны. В IV в. до н. э. он достигает рубежей Нижней Поволжья на западе, Приуральской и Зауральской лесостепи на севере и Поишмья на востоке. Южные границы данного кочевого союза непосредственно примыкают к зоне Приаральских пустынь.

Как показывают исследования, на юге Мугоджарских предгорий и на границе песков Большие Барсуки фиксируются меридиональные цепочки курганов сарматского облика (по материалам разведок автора по маршруту река Обь – Аральское море) (Таиров, Боталов, 1996).

На юге этот ареал примыкает к Приаралью. Впечатляет необычная плотность памятников данного круга для территорий Западного Казахстана и Южного Приуралья. По данным С.Ю. Гудалова, сегодня насчитывается 441 погребальный комплекс конца VI–III вв. до н. э. Всех их объединяют схожие черты сарматского ИКК.

Как сказано выше, данный историко-культурный массив, вероятнее всего, можно соотносить с античными верхними аорсами. Они проживают к северу от Каспия и контролируют торговый путь между Кавказом и Средней Азией в IV–III вв. до н. э., как следует из Перипла Патрокла, и в Прикаспии и Поволжье (Лукьяшко, 1984. С. 164).

Прохоровское этнокультурное единство Нижнего Поволжья, Южного Урала и Западного Казахстана позволяет значительно раздвинуть границы территорий, находившихся под контролем верхних аорсов, вплоть до Приаральских пустынь. Несмотря на удаленность этих территорий от Китая, столь значительное этнополитическое объединение, находившееся на стратегически важном направлении, должно было получить отражение в китайских хрониках. Чиновнику Ханьского двора Чжан Цяню не удалось непосредственно побывать в стране Янцзай. Крайним северо-западным пунктом его миссии был Кангюй. Вероятно, оттуда он и зафиксировал, что за Кангюем непосредственно следуют владения Янцзай. В этом случае мы не согласны с Л.А. Боровковой, которая помещает страну Янцзай в низовья Сырдарьи (Боровкова, 1989. Схема 2). Длительные широкомасштабные исследования памятников джетыассарского круга позволили Л.М. Левиной прийти к выводу, что не только районы Средней и Нижней Сырдарьи вхо-

дили в состав Кангюй (Левина, 1996. С. 375–376). Если местонахождение Яньцзяй относительно северо-западных границ Кангюя действительно в 2000 ли (800 км), то этот район попадает на территорию Северо-Западного Казахстана и Южного Урала, то есть в район наибольшей концентрации прохоровских (сарматских) памятников конца VI–III вв. до н. э. Таким образом, соотношение страны Яньцзяй (китайских источников) с верхними аорсами (античных авторов) представляется нам вполне реальным. Из вышесказанного следует также, что данные Птолемея имеют под собой реальную основу. Однако эти выводы требуют существенного уточнения. Проводя аналогии между аорсами (верхними аорсами) и Яньцзяй, мы не преследуем цель установить тождество между аорсами и аланами, так как по посадной традиции принято совершенно неправомерно отождествлять страну Яньцзяй со страной Аланья. Начнем с того, что страна Яньцзяй упоминается уже в информации Чжан Цяня и в «Истории» старшего дома Хань во II–I вв. до н. э., а лишь спустя триста лет (во II в. н. э.) в «Истории младшего дома Хань» к этому названию прибавлено Аланья (Бартольд, 1965. С. 32–33). Следовательно, названия «Яньцзяй» и «Аланья» не соотносятся во времени. К сказанному надо добавить тот факт, что к концу II в. до н. э. резко исчезают кочевнические памятники с территории урало-казахстанских степей. На территории зауральских и казахстанских степей, которую ранее занимали прохоровцы, сегодня насчитывается не более десятка разрозненных комплексов I в. до н. э. – I в. н. э. (Боталов, Усманова, 1998). Однако в это же время наблюдается распространение прохоровских комплексов в Подонье. Исторические сведения также не противоречат этому. По мнению Д.А. Мачинского, во второй половине I в. до н. э. аорсы начинают занимать земли к западу от Дона, а около середины – третьей четверти I в. до н. э. они уже достигли дельты Дуная (Мачинский, 1974. С. 131–132). Таким образом, появление аланов как самостоятельной политической силы (вероятнее всего, в конце I в. н. э.) происходит в момент, когда подавляющая часть аорского населения Яньцзяй переселилась далеко на запад в восточноевропейские степи, куда впоследствии устремляются и сами аланы. Следовательно, если страну Яньцзяй составляло традиционное сарматское население (прохоровского облика), то на следующем этапе историко-культурного развития эти территории были заняты, вероятно, совершенно новой волной восточноиранского населения, значительно отличающегося от предшественни-

ков (аорсов) в этнокультурном плане. Таким образом, совершенно справедливо мнение К. Енокии и соответствующего отчасти В.П. Шиловой, что нет историко-лингвистических оснований отождествления аланов и аорсов (Шилов, 1975. С. 131; Enoki K. 1959. P. 49), равно как и отождествление аланов и населения Яньцзяй (по крайней мере, для III–I вв. до н. э.).

В период III–II вв. до н. э., вероятнее всего, эта новая волна была представлена весьма пестрым по этническому составу населением. Напомним, что в Среднюю Азию (по Страбону) вторгаются ассианцы (аланцы), пасианцы, тохары (юзжичи), сакаравлы (возможно, восточные саки). На западе они сдвигают аорсов, которые переправляются через Танаис (по Плинию) (Десятчиков, 1973. С. 142–144). Из этой среды, вероятно, сегодня невозможно выделить какой-либо монокультурный компонент. По всей видимости, с появлением этого населения мы фиксируем те новые инокультурные компоненты в археологических комплексах конца III–II вв. до н. э., которые легли в основу юэзжийско-сарматского ИКК. И, наконец, еще одно наблюдение. Как следует из приведенного выше мнения Б.И. Вайнберг, для этого же периода по монетным тамгам (типа «Гободзика») фиксируется, с одной стороны, этнополитическое единство Хорезма и Кана (Самарканда), с другой – существенные различия между этими областями и кушанской Бактрией. Б.И. Вайнберг делает вывод, что эти различия были вызваны тем, что этими областями управляли различные юэзжейские династии. Хорезм и Кан находились под властью юэзжейской династии «дома Чжаову». Северная Бактрия была под властью юэзжийско-кушанской родовой верхушки. На наш взгляд, эти сведения существенно дополняют этнокарту среднеазиатского региона. В этой связи нам представляется, что, с одной стороны, несмотря на этнокультурную пестроту, вновь пришедшее в Среднюю Азию население в конце III – II вв. до н. э. большей частью еще осознавало свое изначальное юэзжейское единство. Это позволяет говорить, что приведенные памятники лавандакской группы в этнополитическом смысле условно могут быть определены как юэзжейско-сарматские. Существование этого населения в урало-казахских степях, вероятнее всего, было в пределах конца III – I вв. до н. э.

Комплексы последующего периода I в. до н. э. – I в. н. э. на огромной территории левобережья Урала до бассейна Ишима на сегодняшний момент фактически отсутствуют. В качестве исключения, можно привести пять диагональных

(Танаберген II, курган 10, погребение 2; Целинный I, курганы 11, 25, 93; Восточно-Курайлский I, курган 28) и одно простое погребение с южной ориентировкой (Лисаковское), которые могут быть отнесены к памятникам рубежа эр. Думается, что данный факт не должен объясняться слабой изученностью районов Западного и Северного Казахстана, а также Южного Казахстана. В сопредельных районах Приуральского Оренбуржья и Нижнего Заволжья (Скрипкина, 1990. Рис. 3) известно довольно большое количество исследованных памятников, относящихся к этому периоду. По всей вероятности, этот факт объясняется тем обстоятельством, что аланская миграционная волна I в. н. э. из Средней Азии в Волго-Донье прошла через юг и юго-запад Прикаспия, о чем достаточно убедительно говорилось в одной из работ И.В. Сергачкова (1998. С. 44–49). Скорее всего, расселение аланского населения в Заволжье и в Западном Приуралье остановилось в пределах правобережья Урала в середине II в. н. э., когда к этому рубежу с юго-востока выходит новое, не менее мощное кочевое объединение гунно-сарматского облика.

Последующий *гунно-сарматский*, или *раннегуннский этап* (II–IV вв. н. э.) целесообразно рассматривать в следующем разделе, посвященном культурогенезу поздней древности и средневековья, дабы не отделять раннегуннский этап от собственно гуннского и постгуннского.

Таким образом, историко-культурная периодизация урало-казахстанских степей в раннем железном веке представляется следующим образом:

Раннесакский этап

(*тасмолинско-бобровский*) – VII – конец VI в. до н. э.

Скифо-сарматский этап

(*аорский*) – конец VI – конец III в. до н. э.

Юэжжиско-аланский этап

(*раннеаланский*) – конец III в. до н. э. – I в. н. э.

* Выражаю глубокую благодарность коллеге С.Ю. Гуцалову за предоставленные данные.

3. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н. э.*

1. В VII–VI вв. до н. э. просторы урало-казахстанских степей после долгого периода относительного запустения были вновь освоены носителями трех родственных культур – тасмолинской Центрального Казахстана, удубаевско-тасмолинской Северного Казахстана и бобровско-тасмолинской Южного Зауралья. Все они входили в тасмолинскую историко-этнографическую общность, ведущую роль в которой играли племена Центрального Казахстана.

По основным своим параметрам погребальные комплексы тасмолинской общности достаточно четко отличаются от одновременных им памятников, оставленных кочевниками сопредельных территорий – Южного Приуралья, Приаралья, Восточного Казахстана и Алтая. В то же время погребальные памятники этих регионов фиксируют и определенную близость культур ранних кочевников от Алтая до Урала. Проявляется она как в сходстве элементов погребального обряда, так и, главным образом, в близости погребального инвентаря. В основе этой близости лежит, по нашему мнению, процесс становления раннесакских культур степной Евразии.

Сравнительный анализ погребальных памятников конца II – первой половины I тысячелетия до н. э. урало-казахстанских степей приводит нас к выводу о невозможности выведения культур ранних кочевников региона из предшествующих им по времени культур эпохи поздней бронзы. Речь может идти «...о появлении на территории Средней Азии и Казахстана гетерогенных объединений всадников-мигрантов, не имеющих здесь собственных этногенетических корней и привнесших сюда элементы собственной этнической культуры и новый геном, фенотипически включающий комплекс монголоидных крапиволистных признаков» (Итина, Яблонский, 2001).

Исходной территорией миграций являлись, на наш взгляд, районы Северо-Западного и Северного Китая (Восточный Туркестан) и Монголии. Это предположение в настоящее время подтверждается не только данными археологии, но, как представляется, и антропологии. Причина миграций кроется, очевидно, не столько в политических событиях на границе Китая и кочевого мира, сколько в изменении экологических условий в степях Монголии и Восточного Туркестана.

Движение кочевых племен из Северного и Северо-Западного Китая и Монголии происходило,

вероятно, в несколько этапов, имело различную интенсивность и было направлено в разные регионы. Первая волна миграций, в конце IX – начале VIII вв. до н. э., очевидно, была направлена, главным образом, в горные районы Алтая (Кирушин, Тишкин, 1997). Вторая, более массовая, волна миграций произошла, по всей вероятности, в конце VIII в. до н. э. или на рубеже VIII–VII вв. до н. э. Она охватила более обширные территории и проходила, вероятно, двумя основными путями. Одна группа кочевников этой волны прошла через Джунгарские ворота и Алакольскую впадину, Семиречье и Южный Казахстан и достигла низовий Сырдарьи и Амударьи (Яблонский, 1998; Итина, Яблонский, 2001). Путь другой группы пролегал через Джунгарскую впадину и долину Черного Иртыша, вдоль западных (Восточный Казахстан) и северо-западных предгорий Алтая в Центральный и Северный Казахстан и далее в степи Южного Зауралья. Отдельные, очевидно небольшие, группы мигрантов этой волны проникли и в горные районы Алтая.

Смещение мигрантов из Северного и Северо-Западного Китая с местным населением, имевшим свои, региональные, особенности в погребальной обрядности, определило формирование особенностей культур раннесакского времени того или иного региона. Немногочисленное, в силу неблагоприятных экологических условий, местное население Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана, вероятно, не смогло оказать существенного влияния на погребальную обрядность пришельцев. Поэтому, как представляется, и не прослеживается почти никакой преемственности в погребальной обрядности населения эпохи поздней бронзы и раннесакского времени этих территорий.

Генетическая близость мигрантов и естественно-географические особенности урало-казахстанских степей привели к оформлению уже в VII в. до н. э. тасмолинской историко-этнографической общности, включающей три крупных объединения кочевников – североказахстанское (улубаевско-тасмолинская культура), центральноказахстанское (тасмолинская культура) и южнозауральское (бобровско-тасмолинская культура). Основной не только сложения, но и функционирования этой общности являлась пастбищно-кочевая система или система сезонного распределения пастбищ и водных источников. Становление этой системы было обусловлено природно-климатическими условиями; зональностью и сезонными особенностями продуктивного периода с активной веге-

тацией растительного покрова и его низкой кормовой производительностью; ярко выраженной аридностью и неравномерностью распределения водных источников, их сезонностью; периодичностью поедания скотом скудного растительного покрова и рядом других факторов. Выбор же маршрутов и амплитуда кочевания были обусловлены ландшафтом, гидрографической сетью, наличием источников воды и их сезонным распределением, удаленностью сезонных пастбищ друг от друга, учетом миграций копытных животных степей и полупустынь: лошади, сайгак, кулана (Акишев, 1972; Масанов, 1984; Таиров, 1993).

Перекочевывающие на зиму в среднеазиатско-казахстанские пустыни номады урало-казахстанских степей и полупустынь взаимодействовали с кочевым и полукочевым населением, обитавшим здесь постоянно. Это население не всегда было этнически отличным от них. В его состав могла входить часть кочевой народности или племенного объединения, по тем или иным причинам кочующая здесь или осевшая и ведущая полукочевой или оседлый образ жизни (Жданко, 1968).

Контакты ранних кочевников урало-казахстанских степей и полупустынь и номадов среднеазиатско-казахстанских пустынь и предгорий, обусловленные концентрацией их в зоне пустынь, на местах зимних пастбищ, расположением летовок отдельных групп в непосредственном соседстве, определили быструю передачу новшеств в области материальной культуры, особенно вооружения и конской упряжи. Единная же генетическая основа и примерно одинаковый уровень социально-экономического развития способствовали этим контактам, облегчали заимствования не только в области материального производства, но и духовной сферы. Все это в конечном счете приводило к инвентаризации культур ранних кочевников, входящих в единую сакскую историко-этнографическую область (Яблонский, 1988). На наш взгляд, именно расположение зимних пастбищ кочевников тасмолинской общности в непосредственной близости от низовьев Сырдарьи, контакты их с сырдарьинскими саками, входившими в другую историко-этнографическую общность, определили ту близость погребального инвентаря и отдельных элементов погребального обряда, что отчетливо прослеживается при сравнении памятников урало-казахстанских степей, в том числе и Южного Зауралья, с курганами могильников Уйгарак, Южный Тагискен, Сакар-чага.

Естественно-географические особенности двух крупных регионов урало-казахстанских

степей, Южного Зауралья, с одной стороны, Северного и Центрального Казахстана, с другой, предопределили специфику хозяйства их населения, пути кочевок, а также сезонных пастбищ и, в конечном счете, преимущественное направление экономических, культурных и потестарно-политических связей, конкретное историческое окружение.

Для кочевников Южного Зауралья основной вектор их интересов был направлен на север, в лесостепное Зауралье, прежде всего в ареал формирующейся иткульской культуры. Потребность в цветном металле, стремление к независимости от центральноказахстанских племен в его получении, близость источников металла стимулировали военную активность южнозауральских номадов в этом направлении. Обращает на себя внимание совпадение во времени процесса становления иткульской культуры и функционировавшего на ее базе металлургического очага и начала активного проникновения кочевников в лесостепь. Как нам кажется, именно потребность кочевого мира в цветном металле определила становление и стимулировала дальнейшее развитие иткульской культуры и иткульского очага металлургии, который и в дальнейшем был тесно связан со Степью (Кузьминых, 1993; Корикова, 1997). Результатом же военной активности номадов в VII–VI вв. до н. э. явилось установление, по всей вероятности, системы даннических отношений – в обмен на гарантии «покровительства» иткульские племена поставляли кочевникам цветной металл и изделия из него. При этом «иткульцы», очевидно, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарная и экономическая общность. Военно-грабительский характер первых контактов, а в дальнейшем и даннические отношения, привели к почти полному отсутствию культурно-идеологических контактов между «иткульцами» и кочевниками. Их взаимоотношения, не затрагивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего элитарные, группы населения.

Во второй половине VI – начале V вв. до н. э. в степи и лесостепи Евразии происходит значительные изменения, связанные с распадом прежних этнокультурных образований раннескифского времени и формированием новых. В урало-казахстанских степях наиболее ярко этот период представлен в Южном Зауралье. Здесь на смену бобровско-тасмолинской культуре VII – второй половины VI вв. до н. э. приходит прохоровская, представленная памятниками ее первого древ-

непрохоровского этапа конца VI–V вв. до н. э. В этой связи следует отметить, что такая важная проблема, как генезис прохоровской культуры кочевников Южного Урала, не получила однозначного толкования в трудах современных исследователей. Наряду с тем, что в сарматологии до сих пор господствующей теорией является парадигма Б.Н. Гракова (1947), получившая развитие в трудах К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой, согласно которой в истории номадов изучаемого региона происходит последовательная смена двух культур – савроматской, или блюменфельдской (VI–IV вв. до н. э.) и раннесарматской, или прохоровской (IV–II вв. до н. э.), исследователями, главным образом южноуральскими (Таиров, Гаврилюк, 1988; Таиров, 1998; Пшеничнюк, 1983; 1995; Гуцалов, 1998, 2000 и др.), были высказаны серьезные сомнения в ее верности. Исходя из того, что основные элементы классического прохоровского погребального обряда проявились в тесной увязке друг с другом в элитарных захоронениях конца VI – первой половины V вв. до н. э., предложено рассматривать данное время как древнепрохоровский этап единой прохоровской культуры Южного Урала. Соответственно, была выдвинута периодизация данной культуры, учитывающая характер ее эволюции и включающая три этапа: древнепрохоровский – вторая половина VI – середина V вв. до н. э.; раннепрохоровский – вторая половина V–IV вв. до н. э.; прохоровский – III–II вв. до н. э., или, что более вероятно, III – около середины II вв. до н. э. (Таиров, 2004).

В литературе давно сложились стереотипы об этнической составляющей археологических культур кочевников Южного Урала. Основным из них является тот, что на смену савроматам, упоминаемым греческим историком Геродотом, в IV в. до н. э. приходят сарматы. Данный тезис, никогда не подвергавшийся тщательному обоснованию, получил всеобщее распространение и имеет, казалось бы, непререкаемый характер. Однако несоответствие археологического материала названному теоретическому конструкту заставил еще К.Ф. Смирнова несколько пересмотреть свою точку зрения на этнические процессы в регионе в древности и выдвинуть предположение о расселении в южноуральских степях во второй половине I тыс. до н. э. могучего дахно-массагетского массива племен (Смирнов, 1979). Современные данные заставляют еще сильнее скорректировать представления об этнических процессах в урало-казахстанских степях в ука-

занное время. При этом вероятность присутствия на данной территории сарматов очень низка.

По нашему мнению формирование прохоровской культуры в Южном Зауралье явилось результатом сложного взаимодействия, по крайней мере, четырех основных компонентов. Один из них местных, представленный носителями бобровско-тамошинской культуры, остальные – пришлые. Последние, судя по имеющимся в настоящее время материалам, представлены саками Юго-Восточного Приаралья, «скифами» восточноевропейской степи и лесостепи, а также кочевниками Северного и Северо-Западного Китая. Появление их на территории Южного Зауралья, обусловленное различными обстоятельствами, скорее всего, не было синхронным.

Проникновение отдельных групп «скифов», скорее всего с Северного Кавказа, на Южный Урал, прежде всего в Южное Приуралье, в ходе военно-торговых экспедиций фиксируется уже на рубеже VII–VI вв. до н. э. и в первой половине VI в. до н. э. Но наиболее массовым и целенаправленным проникновением скифского этнического компонента, вероятно уже приднепровского лесостепного, представленного достаточно крупными военнизированными группами, было в конце VI в. до н. э. и связано оно с изменением этнополитической ситуации в Причерноморье и Волго-Камье. Массовый отток в конце VI в. до н. э. ананьинского населения Среднего Поволжья на север и восток приводит к тому, что основной источник, стабильно снабжавший в VII–VI вв. до н. э. население степи и лесостепи Причерноморья цветным металлом, иссякает. Военная же активность кочевников Южного Зауралья на южных рубежах иткульской культуры привела к установлению уже в VI в. до н. э. каких-то форм зависимости иткульцев от кочевников. Эксплуатация иткульского населения включала, помимо неэквивалентного обмена, сбор дани продуктами металлургии и металлообработки. Полученный кочевниками металл мог идти на экспорт в качестве платы за престижно значимые вещи. Уже во второй половине VI в. до н. э. кочевники Южного Зауралья включаются в обменные операции по «торговому пути Геродота». Массовый же отток ананьинцев из Среднего Поволжья приводит к тому, что кочевники Южного Зауралья становятся, по-видимому, основными поставщиками металла в лесостепное и степное Причерноморье. Проникновение военнизированных групп скифского лесостепного приднепровского населения в Южное Зауралье было обусловлено не только стремлением контролировать пути

поступления уральского металла в Причерноморье, проходящие через лесостепное Подонье и Приднепровье, но и желанием поставить под свой контроль само его производство. С конца VI в. до н. э. и устанавливаются прочные двусторонние связи кочевников Южного Зауралья с населением лесостепного Поднепровья и Среднего Подонья, отчетливо фиксируемые археологическими материалами.

Вероятно, сразу же за «скифами» в Южное Зауралье, так же как и в Южное Приуралье, приходят саки Юго-Восточного Приаралья. Одновременно фиксируется и приток на Южный Урал центральноазиатских кочевых племен. Основной причиной, вызвавшей подвижку сакских племен Приаралья, были исторические события в Средней Азии, связанные с политикой Ахеменидов в этом регионе. Как известно, в последней трети VI в. до н. э. они дважды совершали походы против кочевников Средней Азии. Причем второй поход, поход Дария I, закончился для персов успешно. Эти события привели к расколу популяций среднеазиатских кочевых и полукочевых племен, к их перемещениям и перегруппировкам, оттоку отдельных их групп за пределы региона. По нашему мнению, часть кочевников Нижней Сырдарьи вынуждена была покинуть свои прежние места обитания и мигрировать на север, в степи Южного Зауралья и Южного Приуралья, а также в зауральскую лесостепь и прилегающие к ней районы Западной Сибири. Здесь они вошли в состав кочевников, кочевавших на обширной территории от предгорий Южного Урала до Приаралья, или приняли участие в формировании населения саргатской и гороховской культуры.

Как справедливо отмечает В.С. Титов, «археолог прибегает к понятию “миграция”, когда в построенной им хронологической колонке для того или иного региона смена одного периода другим или одной культуры другой не происходит достаточно плавным, когда основные черты или составные части новой культуры (периода, ступени) не могут быть выведены из соответствующих основных черт или частей старой, предшествующей культуры (периода, ступени)». О миграции говорят в том случае, «когда культурные изменения, затрагивающие различные стороны жизни общества, хотя и не являются прогрессивными, но могут быть объяснены другой традицией, отнюдь не свойственной данной культуре» (Титов, 1982. С. 91, 92). Материалы погребальных памятников ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–V вв. до н. э. отвечают и ряду априорно

выделенным критериям миграций (Клейн, 1973. С. 1–14; Титов, 1982. С. 92; Арешян, 1989. С. 49). Это «территориальный критерий» – мигрирующая культура по своей территории распространения должна соприкасаться с ареалом исходной культуры. Кроме того, как отмечает М.Ф. Косарев, «древние мигранты обычно устремлялись в районы, которые в ландшафтно-климатическом отношении соответствовали их традиционному хозяйству и быту» (Косарев, 1986. С. 7). «Хронологический критерий» – в районе происхождения мигрирующей культуры существовала раньше, чем в новом. Другое дело с «критерием лексальности», согласно которому мигрирующая культура на новом месте должна быть точной копией культуры на месте ее происхождения, или, иначе говоря, на новом месте должен быть зафиксирован весь комплекс черт, представленный на старом месте» (Титов, 1982. С. 92). Однако сама миграция – встряска, которая приводила к быстрой трансформации культуры. Разрыв старых связей и установление новых, выход из старой системы отношений, перемена природы, ослабление старых норм и авторитетов порождали резкую перестройку культуры пришельцев. «Последняя в результате этих стремительных процессов может настолько видоизмениться, что мы, как правило, будем говорить уже о новом общественном организме, предстающем в виде комплекса иных культурных стереотипов; определяемыми в таком случае будут являться уже принципиально новые черты, а исходные корни нередко лишь угадываются» (Черных, 1987. С. 247). Кроме того, необходимо учитывать и фактор «несидентичности состава», то есть состав мигрантов и несомой ими культуры обычно не идентичен комплексу компонентов, который был в наличии на родине мигрантов. Это объясняется тем, что «в миграцию часто отправляется не все общество и не пропорциональный срез всех его слоев и сегментов... а одна из фракций – например, молодые мужчины-воины». Кроме того, «активная группа мигрантов часто вовлекает в движение осколки соседних племенных групп с весьма широкого ареала, и культурные компоненты, захваченные ими из родных мест, быстро сплавлялись в единую культуру» (Клейн, 1973. С. 7, 8).

В.С. Титов, основываясь на изучении миграций бронзового века, предложил разделить их на типы в зависимости от взаимоотношения субстратной культуры и культуры суперстрата, культуры местного и культуры пришлого населения (Титов, 1982. С. 141–144). Как нам кажется, миграция, имевшая место во второй половине VI – начале

V вв. до н. э., из Приуралья на Южный Урал, ближе всего к миграциям третьего типа, «при которых и пришлая, и местная культура с самого начала появляется перед археологами в смешанном виде, а суперстрат никогда не предстает в чистом виде, а выступает как составная часть общей культуры... культура пришельцев в чистом виде неизвестна. Лишь отдельные черты в архитектуре погребальных сооружений, в искусстве, в направлении культурных связей, в традиции, в языке, в антропологическом облике заставляют говорить о миграциях» (Титов, 1982. С. 142, 143).

Если состав пришлого компонента в Южном Зауралье и Южном Приуралье был одинаков, то соотношение его составляющих в этих регионах было явно неодинаково. Данное обстоятельство, так же, как и различие аборигенного населения, обусловило своеобразие приуральского и зауральского вариантов единой прохоровской культуры Южного Урала на древнепрохоровском этапе ее развития. В Южном Приуралье решающую роль в социально-политической структуре общества ранних кочевников играл, возможно, скифский этнический компонент (Гуцалов, 2003). Для Южного Зауралья вопрос о ведущем компоненте в формирующейся социально-политической структуре общества пока остается открытым.

Приток нового населения в степи Южного Зауралья в конце VI – начале V вв. до н. э. привел, очевидно, к ожесточенной борьбе за передел не только пастбищных угодий, но и маршрутов кочевания. В ходе этих столкновений отдельные группы аборигенного бобровско-тасмолинского населения были вытеснены из степных равнинных территорий в восточные предгорья Южного Урала. Изменив формы ведения кочевого хозяйства, они вплоть до IV в. до н. э. сохраняли свои традиции погребальной обрядности (Савельев, 2000). Часть же прежних хозяев южнозауральских степей была вынуждена уйти в зауральскую лесостепь в среду местных племен, оставивших памятники воробьевского типа. Здесь на основе смешения воробьевских, бобровско-тасмолинских, а также пришедших сюда же кочевых групп из Юго-Восточного Приуралья формируется горховская культура.

Появление в конце VI – начале V вв. до н. э. на территории Южного Урала нового быстро крепнущего этнополитического объединения кардинальным образом изменило расстановку сил в урало-казахстанских степях. Ведущую роль в этом регионе постепенно начинают играть кочевники Южного Урала. Со временем они,

а не «тасмолинцы» Центрального Казахстана становятся «законодателями моды» не только в материальной, но, вероятно в какой-то степени, и в духовной культуре. Проявлением этого стал процесс постепенной «сарматизации» культуры кочевников восточной части урало-казахстанских степей, начавшийся, вероятно, уже с начала V в. до н. э., но особенно ярко проявившийся на протяжении IV–III вв. до н. э.

Одним из факторов, обусловившим усиление роли южноуральских кочевников в урало-казахстанских степях, было то, что население Южного Урала, в особенности племена Южного Зауралья, становится независимым в получении цветного металла от кочевников Центрального Казахстана. Потребности в нем удовлетворялись теперь за счет иткульских племен лесостепного Зауралья. Увеличение внутренних потребностей в цветном металле, а также интересы «внешней торговли» у южнозауральских кочевников стимулировали и рост его производства на зауральских городищах, расцвет иткульского очага металлургии и металлообработки (Бельтикова, 1997). Как и в предшествующее время, иткульские металлургии являлись тем звеном, которое соединяло с востока ананьинский мир с кочевниками Южного Урала, племенами урало-казахстанских степей.

В V–IV вв. до н. э. контакты кочевников урало-казахстанских степей с другими племенами лесостепи Зауралья и Западной Сибири, прослеживаемые еще с VII–VI вв. до н. э., достигли своего расцвета. В это время население лесостепи подверглось интенсивному иранскому воздействию. Этим воздействием, по-видимому, обусловлены не только иранские заимствования в уторских языках, связанные с хозяйством, религией, социальными отношениями и военным делом (Могильников, 1982; Кузьмина, 1990), но и проникновение в мировоззрение древних уторов элементов мировоззрения ираноязычных народов, в частности ряда космологических идей и «мифристского комплекса» (Яшин, 1997; Пархимович, 1994).

Усиление контактов с ираноязычными кочевниками степей в конце VI – первой половине V вв. до н. э. сопровождалось, очевидно, проникновением отдельных их групп в зауральско-западносибирскую лесостепь. Эти пришлые группы сыграли решающую роль в ускорении социально-экономического развития лесостепного населения, приняли участие в формировании саргатской, на востоке, и гороховской, на западе, культур. Иранский суперстрат явился культурообразующим фактором и стабилизатором этно-

политической структуры лесостепного населения, занимая господствующее положение в среде «саргатцев» и «гороховцев» (Могильников, 1997). Проникновение кочевых ираноязычных групп в состав аборигенного населения лесостепи поначалу, очевидно, сопровождалось установлением даннической зависимости последних. Тем самым принадлежность к кочевым, сакским по происхождению, родам определяла знатность и высокий социальный статус у носителей гороховской и саргатской культур. Вероятно также, что именно с кочевниками были связаны представители аристократии, погребенные в курганах с шатровыми сооружениями обеих культур (Корякова, 1997; Ковригин, Ражев, 1997). Иранское же происхождение родовой знати у «саргатцев» и «гороховцев» в дальнейшем давало широкие возможности для развития торговых контактов, брачной дипломатии, военно-политических связей с кочевыми племенами Южного Зауралья и Казахстана (Матвеева, 1994). Местное же уторское население, хотя и не сразу, но восприняло основные элементы модели мира ираноязычных кочевников, их погребальной обрядности. Этим, вероятно, объясняется распространение курганного погребального обряда у «гороховцев» и «саргатцев». Однако сакские черты в погребальной обрядности по-прежнему были присущи лишь военной аристократии (Матвеева, 1994; Шорин, 1994).

К концу V в. до н. э. в Южном Зауралье оформляются две основные модели взаимодействия населения степи и лесостепи (Таиров, 2002). Первая, «иткульская», являлась, на наш взгляд, более ранней. Для нее характерно почти полное отсутствие культурно-идеологических контактов между «иткульцами» и кочевниками. Их взаимоотношения, не затрагивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего, элитарные, группы населения. Формирование второй, «гороховской», модели связано с миграцией в конце VI – начале V вв. до н. э. групп ираноязычных кочевников Южного Зауралья и Приаралья в лесостепь Зауралья и Западной Сибири, принявших участие в формировании гороховской и саргатской культур. Сакское происхождение родовой знати давало широкие возможности для развития хозяйственных, социальных, потестарно-политических и культурно-идеологических контактов с кочевыми племенами Южного Зауралья и Казахстана. Причем контакты эти охватывали не только элитарные, но и рядовые слои населения.

Рассматривая памятники конца VI – середины V вв. до н. э., оставленные номадами Южного Зауралья, являющихся частью этнопотестарного объединения ранних кочевников Южного Урала, нельзя не обратить внимание на одно весьма примечательное обстоятельство – большинство аналогий ряду предметов материнской культуры (детали узды, кинжалы, некоторые типы украшений и т. п.) находится далеко на востоке – в Семиречье, Юго-Восточном Казахстане, в лесостепи и степи Обь-Иртышья, в Верхнем Приобье, в предгорных районах Алтая, Туве, Минусинской котловине, в северных и северо-западных районах Китая. Причем большинство этих предметов относится к концу VI – началу V вв. до н. э.

На наш взгляд, близость эта, фиксируемая главным образом по предметам погребального инвентаря и отчасти элементам погребального обряда, является следствием процессов, протекавших во второй четверти – середине VI в. до н. э. в Центральной Азии (Монголия, Северо-Восточный, Северный и Северо-Западный Китай). Скорее всего речь может идти об изменении соотношения сил в среде местных кочевых объединений, вызвавшего перемещение племен, главным образом, внутри региона. В основе же этих процессов лежат, по нашему мнению, благоприятные климатические условия региона в VII – первой половине V вв. до н. э. – более прохладные и влажные, чем современные. Такие климатические условия способствовали развитию скотоводческого хозяйства, расцвету скотоводческих культур, что подтверждается и археологическими материалами из Ордоса и Восточного Туркестана. Длительные же благоприятные климатические условия ведут к росту численности населения и увеличению поголовья скота, что в силу различных причин вызывает усиление подвижности и агрессивности кочевых обществ. Усиление агрессивности приводит, во-первых, к частым междоусобным столкновениям за пастбищные угодья и, во-вторых, к стремлению освоить новые территории за счет соседей. Очевидно, в результате междоусобных столкновений во второй четверти – середине VI в. до н. э. часть кочевое население «выплеснулось из центральноазиатского котла». Этот процесс затронул, вероятно, прежде всего Туву и, возможно, Минусинскую котловину.

В результате перегруппировки сил в Центральной Азии произошла, очевидно, и общая подвижка населения с востока на запад. В ходе нее кочевое население Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана, примыкающего к

Восточному Туркестану и составляющего с ним единое историко-культурное пространство, было частично вытеснено из этого региона. Наличие же в степях Центрального Казахстана мощного объединения кочевых племен, находящегося на стадии расцвета, обусловило два основных направления движения кочевое население Восточного Туркестана. Одна его часть, двигаясь вдоль предгорий Алтая, достигла Верхнего Приобья, где и закрепилась на территориях, ранее занимаемых племенами большереченской культуры. Причем движение в этом направлении имело, вероятно, характер неоднократных миграций («несколько импульсов» – по В.А. Могильникову (Могильников, 1999)), не оставивших явных следов на промежуточных территориях. Вторая часть кочевых племен Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана двинулась на запад через Семиречье, Среднюю и Нижнюю Сырдарью на Южный Урал. Это движение, скорее всего, имело характер постепенного расселения. Результатом чего стало освоение Семиречья, вхождение отдельных групп мигрантов в состав кочевых и полукочевых объединений Юго-Восточного Приаралья, Южного Зауралья и Приуралья. Вполне вероятно, что в конце VI в. до н. э. какая-то часть этих переселенцев вместе с примкнувшими к ним кочевниками Южного Урала устремилась на запад – в степи Северного Причерноморья («ювные скифы» – по А.Ю. Алексееву (Алексеев, 2003)). Следует подчеркнуть, что наличие в составе населения как Южного Урала, так и Верхнего Приобья родственных коллективов обусловило и дальнейшие, на протяжении всего V в. до н. э., устойчивые связи этих регионов.

Место ушедших на север и запад части кочевых племен Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана заняли кочевники, родственные племенам, проникшим в Горный Алтай и положившим начало пазырыкской культуре. В результате складывается культурное и, возможно, политическое единство населения Алтая, Ордоса и Восточного Туркестана V–III вв. до н. э. (Полосымак, 1994; Кляшторный, Савинов, 1998; Ковалев, 1999).

С движением кочевников Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана можно, на наш взгляд, связывать появление дромосных погребальных сооружений как на юге Кулунды, так и на Южном Урале (Исмагилов, 1996). В собственно Китае могильные ямы с дромосом (наклонным пандусом) известны, по крайней мере, с позднeshанского времени и характерны для захоронений знати. Естественно, что кочевники, обитавшие на северных и северо-западных границах Китая, ко-

пировали обычай высшего слоя китайского общества. Таким образом, погребальные конструкции с дромосом являлись маркерами элитарного положения в обществе. На Южном Урале столкнулось два способа маркировки принадлежности к элите общества. С одной стороны, это – воспринятая с запада традиция возведения деревянных гробниц и шатровых надмогильных сооружений. С другой – пришедшая с востока традиция возведения срубных и столбовых конструкций с дромосом. В результате взаимодействия этих традиций на Южном Урале появились шатровые деревянные конструкции над обширными могильными ямами с дромосом.

При переходе от древнепрохоровского (конец VI–V вв. до н. э.) к раннепрохоровскому (конец V–IV вв. до н. э.) этапу прохоровской археологической культуры происходят значительные изменения в материальной культуре и погребальном обряде кочевников урало-казахстанских степей. Эти изменения, вызывавшие трансформацию культурных стереотипов, связаны, на наш взгляд, не только с дальнейшим развитием общества, его внутренними изменениями, но и с притоком нового населения с востока. Вероятно, в третьей четверти V в. до н. э. с территории Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана) произошла миграция ряда кочевых племен в урало-казахстанские степи, в основном на Южный Урал. Однако количество переселенцев было невелико и представлены они были, скорее всего, богатыми и знатными родами, занимавшими господствующее положение среди кочевников Южного Урала. Привнесенная ими традиция захоронений в подбоях с южной ориентировкой покойников нашла на Южном Урале благодатную почву, тем более, что выделение южного сектора как маркера высокого социального, прежде всего воинского и жреческого, статуса происходило здесь и ранее (Таиров, Гаврилюк, 1988). Таким образом, подбойные захоронения с южной ориентировкой погребенных, являясь первоначально показателем принадлежности к определенному этносу, очень быстро стали своеобразным маркером высокого социального статуса среди воинского и жреческого сословий кочевого общества Южного Урала.

К основным инновациям в погребальном обряде, помимо появления захоронений в могильных ямах с подбоем вдоль длинной стенки, относится резкое увеличение количества захоронений в ямах с заплечиками, абсолютное преобладание ориентировки погребенных головой на юг с отклонениями, помещение в могильную яму передней ноги с

лопаткой или части грудки барана. Происходят также изменения в составе и распределении погребального инвентаря. В это время появляются новые формы клинкового оружия, зеркал, украшений и т. п.

Анализируя инновации в погребальном инвентаре ранних кочевников Южного Урала второй половины V–IV вв. до н. э., нельзя не заметить, что аналоги большинству из них происходят с территории степи и лесостепи Обь-Иртышского междуречья и Верхнего Приобья. Эта близость ряда элементов погребальной обрядности и особенно материальной культуры послужила основой для представления о приходе в лесостепь и степь Обь-Иртышья, в Верхнее Приобье и Горный Алтай в V–IV вв. до н. э. небольших групп «савромато-сарматов» Южного Урала. С их приходом связывается появление шатровых надмогильных конструкций, диагональных погребений в больших близких к квадрату ямах, погребений в подбоях, меловой подсыпки, кусочков мела и охры в погребениях, положение рядом с погребенным в изголовье или сбоку жертвенной пищи в виде бока лошади или ноги барана. Из инвентаря с «савромато-сарматскими миграциями» связывают, прежде всего, каменные жертвенники, особенно прямоугольные на четырех ножках, а также зеркала различного типа с длинной боковой ручкой, браслеты и серьги в полтора оборота, мечи и кинжалы «сарматских» типов, колчаные крюки, бронзовые колесовидные подвески (амулеты-колесики), отдельные детали конского снаряжения и т. п. Но, на наш взгляд, близость памятников степи и лесостепи Обь-Иртышского междуречья и Южного Урала конца V–IV вв. до н. э. является результатом движения на запад во второй половине V–IV вв. до н. э. различных групп родственных племен, живших до этого в пределах, скорее всего, Восточного Туркестана. Первое, по всей видимости, наиболее массовое переселение осуществлялось, очевидно, несколькими последовательными волнами, но на протяжении достаточно короткого промежутка времени в пределах, скорее всего, третьей четверти V в. до н. э. В дальнейшем, на протяжении IV в. до н. э., эти миграции уже имели менее массовый характер. На запад, главным образом на Южный Урал, уходили небольшие родовые подразделения, которые вливались в среду родственных племен.

В ходе первого этапа этого движения в третьей четверти V в. до н. э. основная масса кочевого населения шла через Семиречье на Южный Урал, вливаясь по ходу своего движения в среду мест-

ных кочевников. Небольшая же часть переселенцев из Восточного Туркестана, отколовшись от основного массива, передвинулась на север – в степь и лесостепь Обь-Иртышья (Боталов, 2003). Возможно, что отдельные группы кочевников Восточного Туркестана вошли в состав кочевников Северного Казахстана, привнеся туда «сарматские» элементы в погребальной обрядности и инвентаре. Чем конкретно было вызвано движение кочевников Восточного Туркестана на запад, сказать в настоящее время достаточно сложно. В основе его могли лежать как климатические изменения в регионе, так и события политической истории на северных и северо-западных границах Китая.

Северными соседями ранних кочевников урало-казахстанских степей во второй половине V–II вв. до н. э. были племена иткульской, гороховской и саргатской культур. В V в. до н. э. территория иткульского очага металлургии расширяется и достигает максимума. В это же время меняется характер памятников и производства на них – появляются производственные площадки, предназначенные для выплавки меди в значительных масштабах, производство становится биметаллическим – наряду с медным производством отмечено наличие железоделательного ремесла. Кроме того, в производстве металла наблюдается развитие определенной специализации (Бельтикова, 1993). В V–IV вв. до н. э. «иткульцы» становятся основными поставщиками металла кочевым народам Южного Урала. Одновременно они снабжали медью, ее сплавами и готовыми изделиями племена Прикамья (Кузьминых, 1993). По-видимому, так же, как и в предшествующее время, иткульские металлурги являлись тем звеном, которое соединяло с востока ананьинский мир с кочевниками Южного Урала и племенами урало-казахстанских степей. Иткульской медью и изделиями из нее снабжались и производящие центры саргатской и гороховской культур. Потребителями иткульского цветного металла и изделий из него были и кочевники Северного Казахстана (Бельтикова, 2002). Время постепенного упадка иткульского очага приходится на IV–III вв. до н. э. В этот период перестают функционировать основные производственные центры. Продолжают свое существование центры, возникшие в основном в V в. до н. э., но появляются и новые. Именно на них продолжает развиваться производство железа. Но, вероятно, это уже отдельные пункты, а очаг как система, как единый организм прекращает свое существование в III в. до н. э. (Бельтикова, 1997).

«Гороховцы» в V в. до н. э. активно осваивали лесостепное Зауралье. Как показала стратиграфия Носиловского городища и ряда других памятников Среднего Притоболья, прослеживается определенная тенденция к постепенному перемещению гороховского населения на восток, вытеснения «бантовцев» и заселения их территорий (Матвеева, 1996). В конце V – начале IV вв. до н. э. они уже занимали северную зауральскую лесостепь от восточного склона Урала до Среднего Тобола. Однако это движение гороховского населения на восток было остановлено встречным движением саргатских племен, первые памятники которых в Среднем Притоболье датируются концом V – началом IV вв. до н. э. Под давлением пришельцев гороховское население из северной зауральской лесостепи вынуждено было передвинуться на запад, на территорию, занимаемую племенами иткульской и гамаюнской культур. Часть гороховских племен, включив в свой состав отдельные группы иткульского, гамаюнского и воробьевского населения Зауралья, продолжила свой путь на запад и осела на правобережье среднего течения реки Белой, оттеснив, а частично и ассимилировав местные племена (гафурийская группа памятников). Другая же группа оказалась в Северо-Восточной Башкирии (айская группа памятников). В Зауралье ареал гороховской культуры в конце V – начале IV вв. до н. э. несколько смещается к югу, захватывая северную часть южной лесостепи, где до этого, в VII–V вв. до н. э., фиксируются лишь памятники кочевого населения.

После освоения Среднего Притоболья саргатское население постепенно включило в орбиту своего влияния иткульских металлургов, рыболовов и охотников лесного Зауралья. В IV–III вв. до н. э. саргатские племена по-прежнему поддерживали различного рода контакты с кочевниками Северного Казахстана, в основе которых лежала генетическая близость верхушки саргатского общества с номадами Северного Казахстана. Эта близость обусловила совпадение всех ведущих характеристик погребальной обрядности носителей саргатской и улубаевско-тасмолинской культур, совпадение конструкции их погребальных сооружений. В курганах IV–II вв. до н. э. кочевников Северного Казахстана появляется круглодонная керамика типологически близкая саргатской. Результатом глубокого проникновения в степи Северного Казахстана лесостепных элементов культуры стало появление в Ишимо-Чалвинском микро-районе группы курганов, в которых сочетаются разнородные элементы погребального обряда и

инвентаря (Корякова, 1993; Хабдулина, 1994). Однако контакты саргатских племен с кочевниками Южного Урала в V–III вв. до н. э. ограничивались, вероятно, лишь военно-политическими. Данное обстоятельство обусловило то, что в саргатских памятниках этого времени встречены в основном близкие сарматским формы оружия и лишь изредка конской упряжи и поясной гарнитуры (Матвеева, 2000). Начавшаяся в конце III в. до н. э. подвижка кулайских племен в южном направлении вызвала отток части барабинского и приуральского саргатского населения на запад. Это перемещение саргатских племен привело к подвижке населения и в лесостепном Зауралье, следствием чего явилось окончательное поглощение гороховского и иткульского населения и распространение саргатских культурных стереотипов по всему лесостепному Зауралью (Корякова, 1997).

В конце V – начале IV вв. до н. э. Южное Зауралье вследствие резко наступившей аридизации вступает в эпоху экологического кризиса (Таиров, 1995). В этих условиях передвижение в южную лесостепь гороховского населения привело, по-видимому, к обострению демографической ситуации в Южном Зауралье – перенаселенности, что в конечном счете и предопределило передвижение части южнозауральских кочевников и вошедших в их состав лесостепных зауральских племен. В начале IV в. до н. э. оно было направлено, главным образом, на запад и юго-запад, в степные районы Южного Приуралья, которые в ландшафтно-климатическом отношении соответствовали их традиционному хозяйству и быту. Очевидно, переселения продолжались и в дальнейшем, на протяжении всего IV в. до н. э., возможно, постепенно затухая. Новый массовый приток южнозауральских племен в степи Южного Приуралья произошел, вероятно, в последней четверти IV в. до н. э. Вызван он был не столько продолжающейся ухудшаться экологической обстановкой, сколько нестабильной политической ситуацией на южных границах их расселения, связанных со среднеазиатским походом Александра Македонского и последовавшими за этим процессами. Эти события вызвали определенные подвижки в кочевом мире и стимулировали активное проникновение южнозауральских, а вслед за этим и приуральских кочевых племен на запад. На рубеже IV–III вв. до н. э. южнозауральские мигранты, количество которых уже вряд ли было велико, уходят не в степи Южного Приуралья, а в степное Заволжье и в степную и лесостепную Приуральскую Башкирию. Сюда в это же время устремляется основная масса при-

уральских кочевников, носителей уже сформировавшейся прохоровской культуры (Железчиков, 1997; Гуцалов, 2003).

Данная региональная перегруппировка была, вероятно, первой в цепи миграций родо-племенных групп прохоровской культуры в указанное время. Обычно исследователи говорят о миграции носителей прохоровской культуры на Нижнюю Волгу и Нижний Дон в конце IV–III вв. до н. э., однако имеющиеся в настоящее время материалы позволяют говорить о гораздо более крупных масштабах перемещений кочевников Южного Урала в пределах степей Восточной Европы, а также Средней Азии и Казахстана. Кроме того, имеются основания подкорректировать дату данных миграций.

Как говорилось выше, тот факт, что большая часть племен Южного Урала ушла в волго-донские степи, подчинив себе при этом местных «савроматов», у многих не вызывает сомнений. Погребения, совершенные по прохоровскому обряду и с прохоровским инвентарем второй половины IV в. до н. э., открыты, как на Нижнем Дону – курганы Сладковский, Шолоховский, Кашеевка и др. (Максименко, 1983), так и в Заволжье – Лятошинский могильник (Железчиков, Фалалеев, 1995). Однако, на наш взгляд, проникновение южнозауральских племен на земли заволжских «савроматов» произошло не позднее середины IV в. до н. э. (Гуцалов, 2003).

Наличие скифского этнического компонента, принявшего участие в формировании культуры кочевников Южного Урала обусловило, вероятно, тесные связи южнозауральских племен с населением лесостепного и степного Поднепровья. Подтверждением чего, помимо всего прочего (Боталов, Таиров, 1996; Таиров, 1998), является близость антропоморфных изваяний V–IV вв. до н. э. этих регионов. Наличие прямых украинско-уральских параллелей наблюдается и в воинских культах. Так, одной из примечательных черт погребального обряда дружинных захоронений, которую необходимо рассмотреть в свете скифо-«сарматских» контактов, является неоднократно зафиксированный ритуал намеренной порчи оружия (Смирнов, 1964). С.С. Бессонова считает, что данный обряд появляется в Северном Причерноморье не позже V в. до н. э. и является проявлением культа героев именно среди выдающихся воинов скифского общества (Бессонова, 1984). Кочевники Северного Причерноморья в конце V–IV вв. до н. э. продолжали «подпитывать» воинскую знать Южного Урала скифскими материальными и духовными ценностями. Примечательно, что в погребениях

дружников Южного Урала этого времени встречаются уздечные наборы (налобники, S-видные палки с раскованными лопастями), предметы вооружения, дорогая деревянная посуда, идентичные скифской (Пшеничнюк, 1983; 1995; 2000; Таиров, 2000). В воинских могилах Южного Урала этого же времени изредка встречаются отдельные типы мечей, производных от скифских (с когтевидным навершием и бабочковидным, или ложно-треугольным перекрестием) (Смирнов, 1961; Исмагилов, 1978; Таиров, Ульянов, 1996), «мечотского» типа (Смирнов, 1980). В погребениях кочевой аристократии Южного Урала рассматриваемого времени встречаются чаще, чем прежде, наконечники копий и дротиков. Важно, что южно-уральские образцы однотипны скифским. Нет сомнения в том, что этот вид вооружения был выработан в Скифии, а затем привнесен в сарматские регионы воинской знатью. Аналогичным образом обстоит дело с распространением защитных доспехов – на 400 панцирей скифов Причерноморья (Черненко, 1987) в Приуралье в погребениях воинской знати IV–II вв. до н. э. встречено чуть более 10 их экземпляров (Васильев, 1995).

Наличие хронологического приоритета ряда зауральских памятников со скифскими параллелями над украинскими позволяет предположить, что в IV в. до н. э., скорее всего, во второй половине этого столетия, произошла миграция какой-то группы зауральских nomadов в лесостепную зону Восточной Европы. Эти параллели наблюдаются на великолепных материалах погребений кургана «Агаповские горы IV» (Гуцалов, Боталов, 2001). Здесь на восточной и западной перифериях погребальной площадки открыты подбойные захоронения, соответствующие IV типу скифских катакомбных погребений [по: (Ольховский, 1977)]. Обращает на себя внимание то, что в днепровско-донской лесостепи катакомбы IV и VI типов встречаются значительно чаще, чем в степи, причем в лесостепи в IV–III вв. до н. э. господствует южная ориентировка погребенных (Ольховский, 1977). На наш взгляд, причины распространения катакомб этого типа, так же, как и южной ориентировки погребенных, скорее всего, необходимо связывать с тесными этнокультурными контактами кочевников Северного Причерноморья и Южного Урала, фиксируемые с VI по IV вв. до н. э. (Таиров, 1998; Гуцалов, Таиров, 2000). Параллели в погребальных ритуалах наблюдаются также и в устройстве подкурганных конструкций в указанных регионах (см., например: Ковпащенко, Скорый, 1988. Рис. 5). Сходные с поднепровски-

ми, вплоть до деталей, подкурганные деревянные конструкции исследованы в кургане Темир рубежа V–IV вв. до н. э. (Зданович, Хабдулина, 1987). Такие же конструкции есть и в зауральской лесостепи среди памятников гороховского типа у села Шмаково (Генинг, 1993). Подтверждает наличие этих связей и вещевой материал. Например, некоторые типы металлических украшений (височные кольца со спиральными привесками, бронзовые проволоочные серьги и перстни со сдвоенными спиральными штифтами), редкие экземпляры которых в лесостепной Скифии относятся, в основном, к IV–III вв. до н. э., в Южном Зауралье известны уже в конце V – начале IV вв. до н. э. Необходимо также обратить внимание и на распространение в Северном Причерноморье в IV–III вв. до н. э. бронзовых наконечников стрел, а также глиняной посуды южноуральского происхождения (Смирнов, 1984; Полин, 1992). Тот факт, что все вышеназванные черты сходства достаточно многочисленны и распространяются в Скифии одновременно, подтверждает, на наш взгляд, предположение о миграции nomadов Южного Урала в степь и лесостепь Северного Причерноморья.

С середины IV в. до н. э. в связи с передвижением в Южное Приуралье части nomadов Южного Зауралья, включивших в свой состав выходцев из зауральского лесостепного населения, масса кочевников, зимующих на Устюрте, возрастает. Кроме того, относительная перенаселенность в степях Южного Приуралья определила миграцию населения этого региона не только на запад, прежде всего в Нижнее Поволжье, но, очевидно, и на Устюрт. Усиление кочевников и возрастание их политического влияния в Средней Азии способствовало тому, что они стали чувствовать себя полными хозяевами пространств между Аралом и Каспием, не опасавшимися за свои родовые могильники. В этой же обстановке на Устюрте, но все же довольно далеко от Хорезма, возникают комплексы байтинского типа. Наличие здесь помимо курганов культовых сооружений в виде выкладок, жертвенников и настоящих храмов, а также большого количества антропоморфных изваяний дает основание рассматривать их как святилища. Эти святилища имели ярко выраженный воинский характер и были, очевидно, связаны с культом героизированных предков и военных вождей (Ольховский, 1999).

Истоки традиции изготовления каменных статуэток святилищ байтинского типа следует искать, как представляется, в среде южноуральских nomadов. Обычай устанавливать в курганных могиль-

никах каменные монументы в степях Южного Урала существовал с середины VI в. до н. э. по конец IV в. до н. э. На Устюрте каменные антропоморфные скульптуры появляются с конца V в. до н. э. Причем наиболее ранние устюртские изваяния по своим морфологическим и иконографическим особенностям и предметному репертуару весьма близки южноуральским (Тайров, Гуцалов, 2001). Появление же самих сгнатилиц связано, на наш взгляд, с теми изменениями, которые произошли на Южном Урале в IV в. до н. э.

Ранние кочевники Южного Зауралья проникают в IV–II вв. до н. э. и в Северный Казахстан, где среди памятников этого времени улубаевско-тасмолинской культуры выделяется небольшая группа с яркими раннесарматскими чертами, проявляющимися не только в погребальном обряде, но и в инвентаре. Однако это переселение вряд ли имело массовый характер. Скорее всего, его следует рассматривать как одно из проявлений процесса постоянных перегруппировок внутри кочевого мира, отрыва отдельных родов или родовых подразделений от основного массива и включения их в состав родственных кочевых объединений.

Во второй половине III в. до н. э. в урало-казахстанских степях, так же, как и на примыкающей к ним территории Средней Азии, происходят значительные изменения, связанные в целом с трансформацией этнокультурной ситуации в восточной части степной Евразии, вызванной подвижками кочевого населения Центральной Азии (Боталов, 2003). Однако связывать эти изменения лишь с северным походом Модэ 203–202 гг. до н. э. вряд ли правомерно. Очевидно, продвижение на север и северо-запад отдельных групп или родовых подразделений центральноазиатских кочевников, и не только хунну, могло происходить и ранее, по крайней мере уже в середине III в. до н. э., в период создания и усиления хуннского племенного объединения в этом регионе. Кроме того, надо иметь в виду и некоторые моменты политики как отдельных китайских царств конца периода Чжаньго, так и империи Цинь по отношению к северным «варварам» – кочевым племенам Северного и Северо-Западного Китая.

На Южном Урале, в частности в Южном Зауралье, а также в Северном и Центральном Казахстане с передвижениями племен Центральной Азии и Саяно-Алтая в III–II вв. до н. э. можно связать появление уже в III в. до н. э. и особенно во II в. до н. э. ряда инноваций в материальной культуре, прежде всего в вооружении. Это кинжалы с пря-

мым перекрестием без навершия или кольцевым навершием, без металлического перекрестия и навершия, новая конструкция лука – с концевыми костяными накладками. К инновациям можно отнести и распространение миниатюрных височных колец и серег в полтора-два оборота, появление бронзовых литых миниатюрных котелков, прорезных колокольчиков, бронзовых и железных восьмерковидных пряжек с неподвижным боковым выступом или крючком, костяных поясных пряжек, бронзовых ажурных поясных пряжек с изображением сцен терзания хищником верблюда или лежащего верблюда, костяных наверший гробней и др. Инноваций же в погребальном обряде в этот период почти не прослеживается, за исключением, пожалуй, распространения захоронений в катакомбах с южной ориентировкой погребенных (Боталов, 2003). Связано это, вероятно, не столько с малочисленностью в урало-казахстанских степях комплексов III–II вв. до н. э., сколько с тем, что сюда, очевидно, проникали группы родственные ранее ушедшим на запад кочевникам.

Расположение зимних пастбищ помаров Южного Зауралья вблизи земледельческих оазисов Средней Азии благоприятствовало активным контактам кочевого и оседлого населения, налаживанию тесных экономических, культурных и политических связей. Любое же изменение исторической ситуации в Средней Азии, особенно близ традиционных зимних кочевий, неизбежно приводило к трансформациям в кочевом мире. Особенно тесными были связи кочевников Южного Зауралья с носителями чиркирабатовской культуры, осуществлявшиеся, скорее всего, в северной зоне ареала этой культуры. О постоянных связях носителей этой культуры с номадами Южного Зауралья свидетельствуют как близкие формы инвентаря (Вайнберг, Левина, 1992), так и отдельные элементы их погребальной обрядности. Подтверждением достаточно тесных связей, и не только экономических и, возможно, политических, надо и, вероятно, матримониальных, существующих между кочевниками Южного Зауралья и кочевым и оседлым населением Юго-Восточного Приаралья, могут в какой-то степени выступать и данные антропологии (Юсупов, 2001).

Кочевники Южного Зауралья поддерживали достаточно тесные, прежде всего экономические, связи и с носителями джетысарской культуры. На поселениях этой культуры, судя по данным металлографического анализа, было налажено собственное производство зеркал. При этом использовалась технология горячейковки бронзы с

высоким содержанием олова. Основой производства была «чистая медь», которая, вполне вероятно, поступала с Южного Урала (Левина, 1996) через кочевников Южного Зауралья в обмен на готовую продукцию. Очевидно, при посредничестве южнозауральских номадов зеркала разных типов, произведенные в джетыасарских мастерских из высокооловянистых бронз, поступали в Южное Приуралье и в Нижнее Поволжье.

Исходя из того, что для погребений раннего типа джетыасарской культуры характерна северная ориентировка погребенных, типичная для саргатской и тасмолинской культур, а наиболее близкие аналогии джетыасарской «сухонной» посуде ручной лепки происходят с памятников тасмолинской культуры, Б.И. Вайнберг приходит к выводу, что «есть все основания связывать формирование джетыасарского комплекса с районом, близким к югу Западной Сибири и Центральному Казахстану». Таким районом, по ее мнению, является «малоизученная область гор Улутай и долины р. Сарысу». Отсюда не позднее рубежа IV–III вв. до н. э., когда режим обводнения Восточного Приаралья сделал этот район пригодным для постоянной жизни населения, джетыасарцы могли прийти в Низовья Сырдарьи (Вайнберг, 1999). Достаточно интересное предположение Б.И. Вайнберг, естественно, требует дальнейшего более тщательного исследования. В какой-то степени с ним может согласовываться вывод М.К. Хабдулиной о развитии улубаевско-тасмолинской культуры Северного Казахстана, который, как нам кажется, можно распространить и на тасмолинскую культуру Центрального Казахстана. По мнению М.К. Хабдулиной, «к V–IV вв. до н. э. сокращение территории тасмолинской культурно-этнографической общности... отсутствие «свободных» земель в степи приводят к перемещению части кочевого населения в лесостепь...» (Хабдулина, 1994). В этих условиях вполне возможно и оседание кочевников Северного и Центрального Казахстана в благоприятных для оседлого скотоводства и земледелия районах Восточного Приаралья. В этом процессе, очевидно, могли принять участие и кочевники Южного Зауралья, чьи зимние пастбища, так же, как и части номадов Северного и Центрального Казахстана, находились в данном регионе.

С конца IV в. до н. э. идет активный процесс освоения номадами окраин земледельческих оазисов Средней Азии. Здесь они ведут свое традиционное кочевое хозяйство или переходят к полuosедлому или оседлому образу жизни. Процессу оседания на границах оазисов способствовали

неблагоприятные климатические условия и от-носительная перенаселенность в степи (Танров, 1995; 2003) и, что вполне допустимо, политика социальной верушки кочевого общества, заинтересованной в продуктах земледелия и ремесла, в постоянном контроле земледельческого населения оазисов, особенно необходимом в периоды политической дестабилизации. Среди тех племен, которые появились в это время близ земледельческих центров Средней Азии, в частности в Согдиану, началось еще в конце IV в. до н. э. в связи с их участием в борьбе с греко-македонским завоеванием. Продолжалось оно и позднее – на протяжении всего III в. до н. э. (Обеличенко, 1981). С начала III в. до н. э. керамика, близкая по форме и технологии изготовления южноуральской, появляется в Ташкентском оазисе. Здесь же, на городище Шаштепа, исследованы захоронения с сарматскими чертами в погребальном обряде и инвентаре. Эти данные свидетельствуют о проникновении в начале или середине III в. до н. э. в Ташкентский оазис сарматского этнического компонента, принявшего участие в формировании каунчинского культурного комплекса (Филанович, 1989). Однако все эти передвижения III в. до н. э. вряд ли носили массовый характер. Скорее всего это было проникновение или просачивание отдельных немногочисленных групп. И лишь события II в. до н. э. привели к массовым передвижениям кочевых племен правобережья Сырдарьи, в том числе и южнозауральских номадов, тех, которые продолжали кочевать по традиционным маршрутам после ухода значительной их части на юго-запад и запад. Определенное влияние на это передвижение кочевых племен Южного Зауралья на юг оказала, возможно, и обстановка на северных рубежах их кочевий, в зауральско-западносибирской лесостепи.

Толчком к массовому передвижению номадов Нижней и Средней Сырдарьи, в том числе и кочевого населения («сарматов») Южного Зауралья, в земледельческие области Средней Азии, послужил, скорее всего, приток новой волны кочевников с востока, известных в китайских источниках под именем юечжи. Однако выделить погребальные комплексы собственно сарматов среди памятников второй половины II–I вв. до н. э. в Средней Азии достаточно сложно. Во-первых, к середине II в. до н. э. в результате массовых миграций в IV в. до н. э. и на рубеже IV–III вв. до н. э. кочевников

Южного Зауралья на запад и юго-запад – в степное и лесостепное Южное Приуралье и в Нижнее Поволжье, а также оседания части их на границах среднеазиатских оазисов, количество чисто кочевого населения, или собственно сарматов, Южного Зауралья было весьма незначительно. Во-вторых, и это пожалуй главное, археологически культура сарматов Южного Урала, особенно Южного Зауралья, и сарматондного кочевого и полукочевого населения Средней Азии была чрезвычайно близка культуре части пришедших из Центральной Азии племен, обозначаемых обобщающим этнонимом «юечжи». Эта близость явилась следствием постоянного притока кочевого населения Северного и Северо-Западного Китая и Монголии на Южный Урал и в степные области Средней Азии в течение второй половины V – первой половины II вв. до н. э., носившим, на наш взгляд, волнообразный характер. Первая, массовая, волна миграций центральноазиатских племен приходится, скорее всего, на третью четверть V в. до н. э. Основная масса переселенцев этой волны вошла в состав номадов Южного Урала и, вероятно, лишь незначительная их часть осталась на Нижней и Средней Сырдарье. Затем наступает период «ползучей» миграции – периодического притока немногочисленных и разрозненных групп кочевого населения из Северного и Северо-Западного Китая и Монголии. Часть их входила в состав номадов Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана, однако основная масса смешивалась с осевшими на границах земледельческих оазисов южнозауральскими кочевниками (сарматондными племенами). Данный процесс был обусловлен неблагоприятными природными условиями в степной зоне Южного Урала в III–II вв. до н. э. Именно они являлись фактором, препятствующим росту численности кочевого населения и способствующим увеличению численности полукочевого и кочевого населения Средней Азии. Тесные же связи кочевого и полукочевого населения Средней Азии и Южного Зауралья вели к нивелировке их культур. Вторая волна относительно массового переселения центральноазиатских номадов приходится на рубеж III–II вв. до н. э. Мигранты этой волны в массе своей задержались на Нижней и Средней Сырдарье и лишь незначительные их группы вошли в состав номадов Южного Урала. Таким образом, к середине II в. до н. э. культуры сарматов Южного Урала, сарматондного населения Средней Азии и определенной части кочевников Центральной Азии оказались весьма близки по своим основным показателям. Данное обстоя-

тельство, вероятно, привело А.М. Мандельштама к следующему заключению: «Имеющиеся сейчас материалы, связанные как с юечжами в Средней Азии, так и с некоторыми другими племенами Центральной Азии, позволяют говорить о существовании, условно говоря, восточных сармат» (Мандельштам, 1978).

Как представляется, из всего разнообразия погребальных памятников II–I вв. до н. э. Средней Азии с кочевниками Южного Урала (сарматами) можно связывать если не все, то часть захоронений с южной ориентировкой погребенных в могилах в ямах с подбоем и катакомбах с камерой, расположенной на продолжении длинной оси входной ямы. Вместе с умершим в эти погребения помещали жертвенную пищу, представленную передней ногой овцы с лопаткой, рядом помещали железный нож. Существенную часть инвентаря, так же, как и у кочевников Южного Урала II–I вв. до н. э., составляют предметы восточного, центральноазиатского происхождения.

С юечжами, выходцами из Центральной Азии, Ю.А. Заднепровский связывал появление в Средней Азии могильников тулхарской группы Южного Таджикистана, Бухары и Ферганы и айгирджальской группы Семиречья и Тянь-Шаня. Это захоронения в подбойных могилах с северной ориентировкой погребенных (тулхарская группа) и захоронения в подбоях с западной или восточной ориентировкой погребенных (айгирджальская группа). Грунтовые могилы, перекрытые деревянным накатом, с западной ориентировкой погребенных (чильпекская группа) в Семиречье он связывал с сакскими племенами, вошедшими в состав усуньского племенного союза (Заднепровский, 1994; 1997).

Пришедшие с востока юечжи в середине – второй половине II в. до н. э. вытеснили, главным образом на юг, племена Нижней и Средней Сырдарьи, в том числе и номадов Южного Зауралья с их зимних пастбищ. Как отмечает Ю.А. Зуев, поражение юечжи от сюнну и усунь в 172–164 гг. до н. э. привело к миграции значительной их части в Среднюю Азию. Однако эта миграция «не ограничилась штурмом Греко-Бактрии, основная часть осталась на вновь обретенной родине, в том числе в бассейне Сырдарьи и в Приуралье» (Зуев, 1995). Немногочисленное аборигенное население Южного Зауралья было, вероятно, включено в состав пришлых народов и довольно быстро ими ассимилировано. Придя на новое место, кочевники с востока неизбежно должны были воспринять ту систему материального производства, которая су-

ществовала здесь до них и была наиболее приспособлена к условиям жизнедеятельности в данном ареале. Иначе говоря, пришлые с востока племена стали кочевать теми же маршрутами, которыми передвигались до этого местные номады, располагаясь на тех же самых летних и зимних пастбищах, что, в конечном счете, было обусловлено физико-географическими условиями региона. Со второй половины II в. до н. э. Южное Зауралье становится местом летовок пришедших с востока кочевников, включивших в свой состав и остатки местного населения, и входит в сферу влияния кочевых политических образований Средней Азии. Середина–вторая половина II в. до н. э. является верхним рубежом существования прохоровской культуры в Южном Зауралье. На смену ей здесь приходит культура, теснейшим образом связанная с кочевым миром Средней Азии. Его политическая активность выразилась в образовании в Приаралье и бассейне Сырдарьи таких государств, как Кангуй и Яндай (Скрипкин, 1997). Кардинальные изменения во II в. до н. э. – I в. н. э. происходят и у племен Северного и Центрального Казахстана. Погребальный обряд и характер вещевого инвентаря указывают на усиление связей с юго-восточными и южными регионами азиатских степей, прежде всего с Семиречьем. К рубежу новой эры нарушается характерная для населения Северного и Центрального Казахстана непрерывность развития и этнокультурное единство (Хабдулина, 1994). Все это свидетельствует о том, что в конце II в. до н. э. начинается новый период в истории кочевников урало-казахстанских степей.

* Выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 02-01-00504а/Т) и Министерства образования Российской Федерации (грант Г02-1.2-35).

2. В середине – конце VI века до н. э. в степях Южного Урала сложилась культура кочевников, принципиально отличавшаяся от синхронной савроматской (бломкенфельдской) культуры Нижнего Поволжья (Таиров, Гаврилюк, 1988; Очир-Горяева, 1988; Пшеничник, 1995). При этом необходимо отметить, что если в приуральской части она появляется, так сказать, «на пустом месте», где устойчивая культурная традиция не зафиксирована в предыдущее время (Гуцалов, 1996. С. 156–163), то в Южном Зауралье она заменяет памятники бобровского этапа тасмолинской культурно-исторической общности (Таиров, 1990). Следует акцентировать внимание на том, что прохоровская культура, с одной стороны, является единой для всей степной зоны Южного Урала, а с другой – ее основные параметры невозможно вывести из тасмолинской культуры. Конечно, нельзя отрицать присутствие в ней тасмолинских реминисценций. Такого рода преемственность мы наблюдаем, скажем, среди отдельных погребений рядовых кочевников Зауралья конца VI–V веков до н. э. (Боталов, Таиров, 1996. Рис. 3,3; 4; 9). Элементы тасмолинской культуры проявляются среди погребальных памятников горно-степной зоны Южного Урала даже на рубеже V–IV веков до н. э. (Савельев, 2000), однако следует признать, что во второй половине VI века до н. э. появляется совершенно новое историческое явление. И потому говорить о том, что в погребальном обряде племен Южного Зауралья второй половины VI–V веков до н. э. «сохраняется абсолютное большинство черт обрядности предшествующего времени» (Таиров, 2000. С. 141), значит, не совсем верно оценивать историческую ситуацию, сложившуюся к тому времени в Южном Зауралье. Более логично определять новую культурную систему как «прохоровскую культуру», о чем уже говорилось ранее (Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 151).

Нетрудно заметить, что такие признаки обряда прохоровской культуры, как распространение камерных могил (подбойных, катакомбных и дромосных), кожная ориентировка скелетов, обильная посыпка дна могил мелом или фиксация мела в виде отдельных кусков, стали характерны для курганов воинско-жреческой элиты исследуемого региона уже в рассматриваемое время. Причем фиксируются эти признаки в теснейшей увязке друг с другом (Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 147). Истоки их мы наблюдаем на территории Северного Причерноморья и Приаралья (Таиров, 1998; Гуцалов, 2000б). Анализ предметов материальной культуры также говорит об украинско-приараль-

ских источниках генезиса культуры, проявившихся в погребальном обряде.

Следует сказать, что направление развития культуры задает элита общества. Главной ее социальной задачей в момент рождения новой культуры, когда создаются ее основные мировоззренческие, религиозные, философские, этические, художественные и иные принципы, является закрепление присущих ей традиций и стереотипов, как доминирующих в обществе, а также создание механизмов их трансляции. В последующем она проходит этап становления новой культуры, когда ее ценности становятся достоянием наиболее активных слоев населения, в первую очередь молодежи, и этап торжества, когда она утверждается в сознании наиболее отсталых и консервативных слоев населения. При этом старая культура остается в социальной памяти, но уже не формирует духовного облика новых поколений. Как указывает С.А. Арутюнов (1989. С. 163), для того, чтобы инновация превратилась в традицию, в современном обществе требуется от 50 до 60 лет. Очевидно, что вторая половина VI – V вв. до н. э. в содержательном плане представляет 1-й этап развития прохоровской культуры. Поэтому будет правильно его называть древнепрохоровским (Гаврилюк, 1989. С. 58–59).

Прохоровская культура не была явлением, которое, однажды сформировавшись, дальше уже не развивалось. Будучи археологическим отражением конкретного этносоциального организма, она постоянно находилась в процессе эволюции. Результатом этого были инновации, фиксируемые при изучении погребальных памятников, и отсюда – этапность ее развития. В этой связи полагаем, что в указанной культуре выделяются следующие этапы: I – вторая половина VI–V вв. до н. э.; II – конец V–IV вв. до н. э.; III – III–II вв. до н. э.

Как было сказано выше, важные процессы, качественно преобразившие облик культуры, проходили в древнепрохоровский период – во второй половине VI–V вв. до н. э. Еще раз подчеркнем, что пришедшая кочевая знать, задав направление развития культуры, не подавила сразу традиции аборигенного населения, которые проявляли себя на протяжении длительного времени.

В конце V–IV вв. до н. э. у ранних кочевников Южного Урала продолжается развитие обрядовых традиций, истоки которых были зарегистрированы на данной территории среди памятников предшествовавшего этапа. Изменения, что произошли в облике культуры приуральских кочевников, в первую очередь необходимо связывать с ее внутренней

эволюцией. Произошло окончательное оформление прохоровского погребального комплекса. Погребальный обряд, в принципе, свидетельствует о культурной преемственности как рядового населения, так и знати. Главное содержание этого этапа – стандартизация погребального обряда и материальной культуры. Однако, справедливости ради, необходимо отметить, что не все культурные признаки, сделавшиеся массовыми к указанному времени, можно вывести только из традиций, известных к моменту формирования прохоровской культуры, некоторые из них довольно неожиданно появляются в процессе развития культуры на данном этапе.

Одновременно продолжает четко фиксироваться скифский импульс в развитии культуры. К числу признаков, подтверждающих это предположение, относится широкое распространение в конце V – IV веках до н. э. катакомбных могил. Традиция создания в ходе отправления погребального обряда склепов подбойно-катакомбного типа – родовая черта скифского погребального обряда. Скифские катакомбы I типа (широкие подбой вдоль одной из стенок) изредка встречались в элитарных курганах на протяжении предшествующего этапа истории кочевников региона. Однако в данный период гробницы этого типа чаще всего представляют собой узкую нишу, прорытую вдоль длинной стенки, и инвентарь в них характеризуется своей обыденностью.

Наличие скифского этнического компонента, принявшего участие в формировании культуры кочевников Южного Зауралья в VI веке до н. э., обусловило, вероятно, тесные связи носителей этой культуры с лесостепными и степными Поднепровьем по «торговому пути Геродота» и в дальнейшем. Подтверждением тому, помимо всего прочего (Боталов, Таиров, 1996. С. 170; Таиров, 1998. С. 88), является близость антропоморфных изваяний V–IV вв. до н. э. в этих регионах.

Каменные изваяния начали устанавливать на курганах кочевников южноуральских степей уже в VI веке до н. э. Так, каменный антропоморф раннескифского облика в саятильце скифского же типа в могильнике Елантух на окраине поселка Варна датируется не позже VI в. до н. э. (Гуцалов, Боталов, 1999. С. 111–115). Каменная плита-стела была установлена и у входа в катакомбу 3 кургана 2 могильника Мечетсай (конец VI – начало V вв. до н. э.) (Смирнов, 1964. С. 171. Рис. 20, 6, 7).

Монументальные изваяния, прежде всего антропоморфные, без сомнения, можно относить к наиболее ярким этнокультурным индикаторам,

позволяющим с большой степенью достоверности осуществлять атрибуцию как их самих, так и связанных с ними комплексов (Белинский, Ольховский, 1996. С. 59). Кроме того, анализ этих памятников дает возможность в ряде случаев реконструировать палеоэтнографические особенности культуры их создателей (Ольховский, Ложкин, 1992. С. 19).

По своему назначению скифские антропоморфные изваяния С.Н. Ляшко и М.И. Фридман (1987. С. 77–79) разделили на две группы. Изваяния первой группы устанавливались на вершинах курганов и выражали идею связи с предком-родоначальником. Одновременно они выполняли функцию своеобразного родового знака. Изваяния второй группы связаны со специальными культовыми местами и были составной частью жертвенных комплексов – святилищ.

Вероятно, большинство каменных антропоморфов Южного Урала относится ко второй группе. Таким является курган-святилище в могильнике Елантву. Показательна также планиграфия в кургане I могильника Жанабаз (Урбаз). Еще автор его раскопок В.В. Ткачев, обратив внимание на относительную стерильность засыпи, хорошую сохранность инвентаря, специфическую его группировку, включавшую антропоморфное изваяние, предположил функционирование данного кургана как святилища. В пользу этого предположения говорит тот факт, что здесь явно фиксировались останки жертвоприношений, в том числе и человеческих – главным образом детей. Жанабазское святилище чрезвычайно похоже на скифское святилище, исследованное в кургане 2 из курганной группы V у села Первомаевка в Нижнем Поднепровье (Ляшко, Фридман, 1987. С. 76. Рис. 5; Евдокимов, Фридман, 1991. С. 9–92. Рис. 14).

Каменные изваяния кочевников Южного Урала хотя и не могут быть безоговорочно отнесены к числу собственно скифских, все же несут явные следы влияния скифской изобразительной традиции. Причем наиболее ранние параллели их стилистическим особенностям прослеживаются на скифских изваяниях ранней хронологической группы конца VII – VI вв. до н. э.

Видимо, нельзя исключать того момента, что кочевники Северного Причерноморья, приняв самое активное участие в сложении прохоровской культуры, и в дальнейшем продолжали «подпитывать» кочевую жизнь Южного Урала скифскими материальными и духовными ценностями. Примечательно, что в погребениях дружинников Южного Зауралья конца V – начала IV вв. до н. э.

встречаются уздечные наборы (налобники, S-видные псалы с раскованными лопастями), предметы вооружения, дорогая деревянная посуда и пр., идентичные скифской (Пшеничнюк, 1983; 1995; 2000; Таиров, 2000). В приуральской части региона эти связи также прослеживаются.

В дружинных курганах Южного Урала данного времени изредка встречаются мечи с когтевидным навершием и бабочковидным (ложнотреугольным) перекрестием. Истоки данных мечей, получивших название «парадных», исследователи вполне резонно видят в древностях северо-причерноморской Скифии (Смирнов, 1961. С. 21–22; Исмагилов, 1978. С. 233; Таиров, Ульянов, 1996. С. 241). В южноуральских степях находки этих мечей единичны, в то время как значительное их число случайно найдено к северу от реки Урал, на стыке лесостепной и степной природных зон (Горбунов, Исмагилов, 1976; Исмагилов, 1978; Таиров, 1990. Табл. 89–90). Безусловно, они местного производства, однако более важным фактом является география этих находок. Данные акинаки встречаются на традиционных путях миграций древних и средневековых кочевников из Азии в Восточную Европу (Таиров, 1995; Исмагилов, 1991. С. 35). То есть именно здесь в первую очередь должны были появляться и закрепляться традиции политические и культурно доминирующих в то время в степях Восточной Европы скифов Северного Причерноморья.

Наличие тесных связей кочевников южноуральских степей с населением Восточной Европы маркирует присутствие в целом ряде курганов рассматриваемого времени мечей «меотского» типа (Смирнов, 1980. С. 38–45). Интересно, что некоторые из прохоровских акинаков с зооморфным навершием рубежа V–IV вв. до н. э. морфологически близки мечам «меотского» типа. И потому не исключено их развитие под влиянием образов северокавказского оружия.

В этой связи значительно выглядела бы карта находок копий в курганах Южного Урала. К югу от реки Урал погребения с копиями встречены пока шесть раз (в их числе курган 11 могильника Караоба в междуречье Волги и Урала), остальные сгруппированы у границ с лесостепью, в основном на северо-востоке региона.

Среди тысяч раскопанных погребений Южного Урала скифо-сарматского времени известно чуть более 20 погребений воинов, вооруженных копиями. Совершенно иная картина представляется в Северном Причерноморье, где из более четырех тысяч комплексов с вооружением известно свыше

тысячи находок наконечников копий и дротиков (Черненко, 1987. С. 14). Южноуральские дернаты однотипны скифским. Нет сомнения в том, что этот вид вооружения был выработан в Скифии, а затем привнесен в сарматские регионы воинской знати. Аналогичным образом обстоит дело с распространением защитных доспехов – на 400 панцирей скифов Причерноморья (Черненко, 1987. С. 14) в Приуралье встречено более 10 в погребениях воинской знати IV–II вв. до н. э. (Васильев, 1993. С. 27–28). При этом два цельнометаллических доспеха (торакса), найденные в 1 Прохоровском кургане (Ростовцев, 1918) и в V Бердянском могильнике (Мещеряков, 1996а), явно импортного (греческого) происхождения. Чешуйчатый же панцирь, по мнению исследователей, мог быть заимствован либо из Скифии, либо у саков Средней Азии (Васильев, 1995. С. 12).

Поразительно наличие прямых украинско-уральских параллелей в воинских культах. Так, одной из примечательных черт погребального обряда дружинных захоронений, которую необходимо рассмотреть в свете скифо-«сарматских» контактов, – неоднократно зафиксированный ритуал намеренной порчи оружия. В качестве примера можно привести ситуацию в кургане 7 могильника Сарытау I, где меч был переломан в нижней трети клинка, обломаны или погнуты жала у 10 из 15 наконечников стрел, а копье было забито в дно могилы (рис. 3.10). Случай преднамеренной ломки предметов вооружения в могилах древних кочевников Восточной Европы уже неоднократно отмечались исследователями (Смирнов, 1964. С. 249; Бессонова, 1984). Хрестоматийно известен случай, когда в древности было надломано острое перо одного из копий в кургане A12 у села Блюменфельд (Хазанов, 1963. С. 96). Поразителен факт специального слома меча, однотипного сарытаускому, из кургана II могильника Караоба, где найден также и наконечник копья (Хазанов, 1971). Необходимо заметить, что данное явление культовой практики характерно, в первую очередь, именно для погребений воинской знати «сарматов». С.С. Бессонова считает, что данный обряд появляется в Северном Причерноморье не позже V века до н. э. и является проявлением культа героев именно среди выдающихся воинов скифского общества (Бессонова, 1984. С. 16).

Великолепный материал к характеристике связей Южного Урала со Скифией дают погребения кургана «Агаповские горы IV» (Гуцалов, Боталов, 2001). Курган имел высоту 0,4 м и диаметр 6,5 м (рис. 3.29). Под ним на погребенной почве был

прослежен кольцевой вал из песка и глины высотой 0,15–0,24 м, диаметром 6 м. Ширина его колебалась от 0,50 до 1,70 м. Сверху на вал были уложены каменные плиты, образовывавшие каменное кольцо. Судя по положению камней, кладка имела больше одного яруса, при этом на более крупные камни укладывались плиты меньшего размера. Внутри вала прослежена кольцевая песчаная глиняная площадка с выходом к западу, округлой формы, мощностью до 0,18 м. На поверхности площадки фиксировались остатки сгоревшей деревянной конструкции в виде решетки или рамы. Плитки прогорели не полностью. Наиболее интенсивно костер горел в западной части, вероятно, у выхода из внутренней площадки. На южной периферии каменного кольца, в скоплениях камней в насыпи был обнаружен человеческий череп плохой сохранности. В различных местах насыпи были обнаружены остатки металлического предмета (сохранность плохая), фрагменты лепных сосудов с примесью талька в тесте (от массивных горшков яйцевидной формы, украшенных параллельными линиями треугольных вдавлений), кремневый скребок. Зафиксированы четыре могильных ямы: одна – в центре и три – на южной, восточной и западной перифериях погребальной площадки. Погребения здесь были совершены не синхронно, а последовательно, через промежуток времени в несколько десятков лет. При этом центральная могила (рис. 3.30), в которой скелет взрослого человека был ориентирован на 3, по характерному набору инвентаря (стеклянные бусы, бронзовые серьги и перстни, глиняный сосуд) датируется временем не позже середины V в. до н. э. Показательно, что катакомбные погребения 3 и 4 (рис. 3.31; 3.32), расположенные симметрично на примерно равном расстоянии к востоку и западу от центральной могилы, в которых широко представлены предметы вооружения (железные мечи, бронзовые ворворки и наконечники стрел, костяные ложечки), были совершены чуть позже – в конце V – середине IV в. до н. э. Эти захоронения устроены в ямах одной формы – широкой подземной камере, прорытой вдоль длинной стенки и чуть продленной в меридиональном направлении (катакомба IV типа по В.С. Ольховскому) (Ольховский, 1977. Рис. 2).

Рассматриваемый погребальный комплекс представляет большой интерес из-за наличия в нем многочисленных параллелей с погребальными памятниками украинской лесостепи как в ритуале захоронения, так и в随покойном инвентаре. Обращает внимание то, что, по данным В.С. Оль-

ховского, катакомбы IV и VI типов в днепроовско-донецкой лесостепи встречаются значительно чаще, чем в степи, причем в лесостепи в IV–III вв. до н. э. господствует южная ориентировка погребенных (1977. С. 125). Данный факт скифологи связывают с продвижением в это время степного населения Скифии на север (Ильинская, 1966. С. 166; Мозолевский, 1975. С. 215; Хазанов, 1975. С. 240; Ольховский, 1977. С. 125 и др.). Последний вывод, на наш взгляд, не является очевидным. Причины распространения катакомб этого типа так же, как и южной ориентировки погребенных, скорее всего, необходимо связывать с тесными этнокультурными контактами кочевников Северо-Причерноморья и Южного Урала, фиксируемыми с VI по IV век до н. э. (Тайров, 1998; Гуцалов, Тайров, 2000 и др.). Идею о неслучайном характере украинско-южноуральских параллелей подтверждают и материалы синхронных агаповскому погребальных комплексов степного и лесостепного населения Зауралья. При этом стоит обратить внимание на наличие удивительного сходства в устройстве подкурганых конструкций в указанных регионах (Ковпаненко, Скорый, 1988. Рис. 5). По мнению С.А. Скорого (1992. С. 158), «...наиболее важной отличительной чертой лесостепных курганов является наличие в некоторых из них, в центре подкурганной поверхности, обширных могил, имеющих надмогильную конструкцию из глины и дерева или могил в виде деревянных склепов на уровне древнего горизонта. Зачастую они сожжены или обожжены...». Сарматологи данное определение наверняка бы приняли за характеристику погребального обряда элитарных прохоровских курганов конца VI – первой половины IV в. до н. э. Так, например, сходные вплоть до деталей с поднепровскими подкурганые деревянные конструкции наблюдаются в кургане Темир рубежа V–IV вв. до н. э. (Зданович, Хабдулина, 1986. Рис. 2. С. 62). Они есть и в лесостепи среди памятников горховского типа у села Шмаково (Тенинг, 1993. Рис. 11; 12). Сходные *Tumulus*'ы встречаются и среди памятников саргатской культуры (Корякова, 1988.).

Обращаясь к анализу вещевого материала, следует отметить, что днепроовско-донецкие параллели инвентарю из центрального погребения 2 кургана «Агаповские горы IV» явно более позднего происхождения, чем те, что обнаружены к востоку от Урала. Разница эта составляет не менее века. Так, бронзовые украшения из изучаемого комплекса (рис. 3.30, 3–5) были характерны для лесостепных и лесных культур башкирского

Приуралья с IV в. до н. э. по II–III вв. до н. э., если не позже. В частности, височные кольца со спиральными привесками известны среди материалов Шиповского могильника (Пшеничнов, 1976. Рис. 6, 4), памятников кара-абызской (Пшеничнов, 1993. Рис. 15, 1, 2; 19, 3, 4) и плянборской (Агеев, 1992. Табл. 1, 20) культур. Там же известны и бронзовые проволоочные серьги и перстни со сдвоенными (счетверенными) спиральными штифтами (Пшеничнов, 1976. Рис. 8, 28; 1993. Рис. 17, 1; 19, 1, 2; Агеев, 1992. Табл. 13, 12). В лесостепной Скифии, к западу от Урала редкие украшения представленных разновидностей относятся, в основном, к IV–III в. до н. э. В частности, перстни данного типа известны там среди памятников только вышеуказанного времени (Петренко, 1978. Табл. 51, 23–25. С. 61), а серьги, нижний конец которых закручен в спираль, а верхний образует высоко поднятую дужку, – от VI до III вв. до н. э. (Петренко, 1978. Табл. 18, 13–16. С. 28). Причем серьги с большой плотностью спирального штифта, то есть как и в рассматриваемом случае, относятся к IV–III в. до н. э. (Петренко, 1978. С. 29). Более ранним временем датируются находки этих двух видов украшений на территории лесостепного Зауралья и юга Западной Сибири. Так, серьжки и перстни данных типов встречаются среди памятников саргатской культуры уже с V века до н. э. (Могильников, 1997. Рис. 55а, 20, 21, 24). В погребениях эпохи раннего железа Барабинской лесостепи встречены близкие рассматриваемым S-видная серьга со стерженьком, обвитым проволокой, из погребения 2 кургана 4 могильника Осинцево 3 (Полосымак, 1987. Рис. 49, 19) и булава со спиральным концом из погребения 1 кургана 5 могильника Новоческино 2 (Полосымак, 1987. Рис. 60, 4). Материалы этих погребений относятся к концу V–IV вв. до н. э. Показательно, что среди предметов украшений ранних кочевников Южного Приуралья изучаемым серьгам наиболее близки отдельные украшения из погребений конца VI – первой половины V в. до н. э. с территории к востоку от Уральского хребта – курган 7 могильника Сара, курган 1 могильника Аландское I, курган 18 и погребение 4 кургана 26 Ново-Кумакского могильника (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 25, 3, 9; Смирнов, 1977. Рис. 10, 1, 10). Несмотря на то, что там присутствует подвеска другого типа, принцип изготовления верхней части серьги тот же.

Очевиден хронологический приоритет зауральских памятников над украинскими. Важно, что эти черты достаточно многочисленны и распространяются одновременно. Учитывая то,

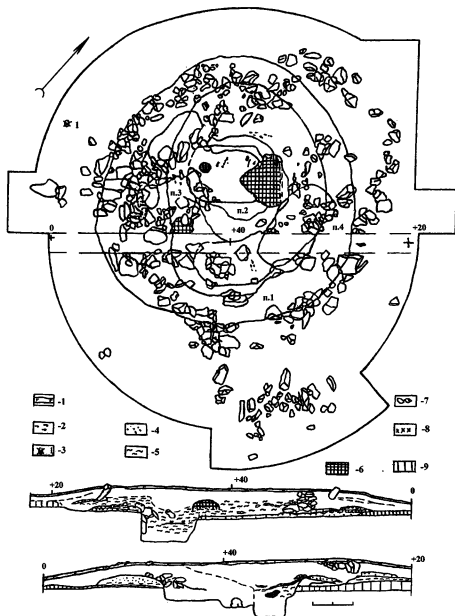

Рис. 3.29. Могильник Агаповский IV. Курган 1. Общий план и разрезы.
1 – гумус; 2 – обожженное дерево; 3 – глиняный сосуд; 4 – супесь с включением щебня;
5 – листовая супесь; 6 – проколы; 7 – камень; 8 – углистый слой; 9 – погребенная почва

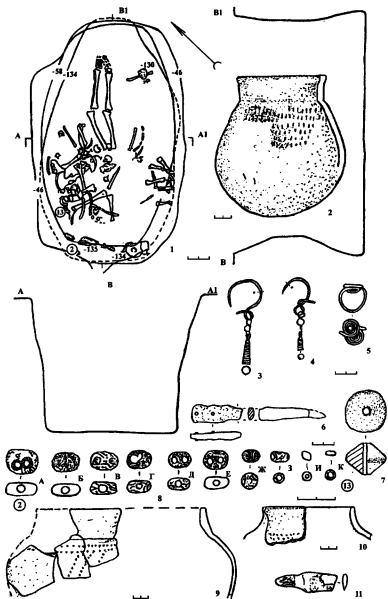

Рис. 3.30. Могилище Агаповский IV. Курган 1.

1 – план и разрезы могильной ямы; 2 – сосуд; 2 – пряслице; 3, 16 – серьги; 4 – нож; 5–14 – бусы; 15 – перстень.
2–11 погребальный инвентарь: 1–7 – могильная яма 2; 9 – насыпь; 10–11 – могильная яма 1.
2, 7, 9, 10 – глина; 3–5 – бронза; 6, 11 – железо; 8 – стекло

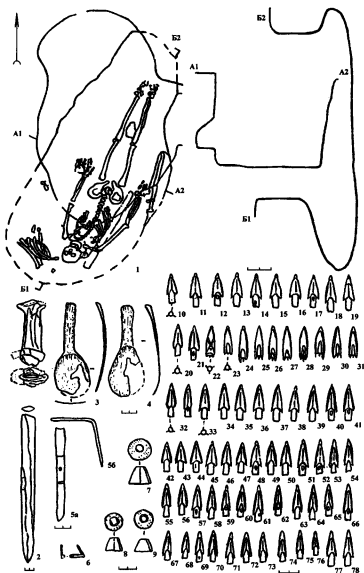

Рис. 3.31. Могилище Агаповский IV. Курган 1. Могильная яма 3.

1 – план и разрезы (1 – кнопка бронзовая, 2 – бронзовые наконечники стрел в кожаном колчане, 3 – бронзовые ворворки, 4 – бронзовая спираль, 5 – костяные ложечки, 6 – кусок мела, 7 – посыпка мела под черепом, 8 – фрагменты железного предмета, 9 – следы меловой посыпки на дне могилы, 10 – железный нож); 2–78 – погребальный инвентарь.

2, 5 – железо; 3, 4 – кость; 6–78 – бронза

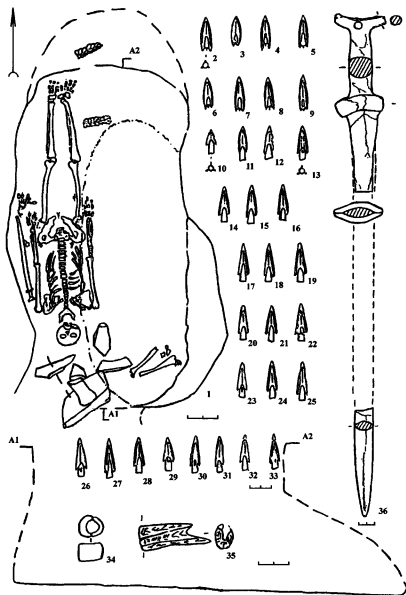

Рис. 3.32. Могилиник Агаповский IV. Курган 1. Могильная яма 4.

1 – план и разрез (1 – железное кольцо, 2 – деревянный предмет, 3 – колчаный крючок, 4 – фрагменты ножа, 5 – меч); 2–36 – погребальный инвентарь.
2–33 – бронза; 34, 36 – железо; 35 – дерево со следами железа

что скифо-южноуральские параллели уже неоднократно фиксировались исследователями на совершенно разном материале, мы вправе связывать данное явление с миграцией в IV веке до н. э. какой-то группы зауральских кочевников в лесостепную зону Восточной Европы.

К числу таких черт, принципиально отличающих в погребальном обряде прохоровскую культуру кочевников Южного Зауралья, относится центральнокруговая планировка погребений под курганной насыпью, когда самая древняя могила находится в центре, а последующие располагаются по кругу на периферии кургана. Данная особенность погребального ритуала появилась у кочевых племен носителей прохоровской культуры как раз в конце V в. до н. э., а уже в IV–II веках до н. э. получила массовое распространение среди погребальных памятников степной зоны Южного Урала, став одним из ее главных культуропределяющих признаков (Мошкова, 1963; 1974; Смирнов, 1975; Пшеничников, 1983). В предшествующий период на данной территории она не фиксируется.

Возможно, что впервые указанная планировка могил под курганом зафиксирована в уже названном кургане «Агаповские горы IV» под Магнитогорском середины V в. до н. э. (Гуцалов, Боталов, 2001). Ближайшие параллели погребальным конструкциям кургана у села Агаповка мы видим среди памятников IV в. до н. э., в долине реки Каргала, правого притока Илека. К таковым относятся курганы 1–3 могильника Имангазы-Карасу (Родюнов, Гуцалов, 2000), курганы на горе Акжар (Гуцалов, 1998), курганы Кенсайран (Гуцалов, Бисембаев, 2002) и курган I могильника Шилисай (Гуцалов, 1996). Именно там мы наблюдаем двойное подкурганное каменное кольцо, линейно-круговую планировку могил, перекрытие могилы каменными плитами, катакомбы IV типа и другие элементы обряда, наблюдаемые в Южном Зауралье с середины V века до н. э. (рис. 3.33–3.35).

Обнаружить истоки центрально-круговой планировки могил в каком-либо смежном с Южным Зауральем регионе весьма сложно. Можно только констатировать ее присутствие среди памятников большеберенской культуры Приобья (Полосымак, 1987), а также широкое распространение в саргатской культуре (Корякова, 1988). Говорить о том, что данный элемент погребального обряда «прохоровцев» пришел с территории лесостепной Сибири, вероятно, преждевременно, но нельзя исключать восточный импульс в процессе генезиса прохоровской культуры в конце V – начале IV века до н. э.,

тем более, что в поддержку данного тезиса имеются и другие аргументы, о чем было сказано выше.

Один из важных моментов развития прохоровской культуры – взаимодействие кочевников с соседними праургорскими лесостепными и лесными народами. Исследователи уже не раз отмечали многообразие этого процесса (Железчиков, 1986; Пшеничников, 1983; Корякова, 1988; Таиров, 1998. С. 98–100). Мы вслед за ними считаем, что решающую роль в этнокультурных процессах в южноуральских степях в конце V – начале IV века до н. э. играл военный фактор, когда возросла военная активность восточных соседей прохоровских племен. Именно в это время на Южный Урал проникают многие элементы материальной культуры, характерные для скотоводческих культур лесостепного Зауралья и Западной Сибири – лепная посуда с примесью талька; круглые плоские каменные жертвенники (а также и глиняные!); зеркала с боковой ручкой и циркульным резным или валикообразным орнаментом по краю и умбоном по центру диска; костяные защитные доспехи и колчаные крючки, верхний конец которых закручивается в петлю.

На высокую военную активность носителей лесостепных культур могли повлиять не только демографический взрыв, связанный с улучшением природно-климатической среды на территории Западной Сибири, но и более глубокие изменения социально-экономического характера среди носителей саргатской и гороховской культур (Корякова, 1997. С. 142–144; Матвеева, 1999. С. 128–129). Не исключено, что таковыми стали переход к новой форме производящего хозяйства – кочевому (?) скотоводству и создание более сложной социальной структуры, что, конечно, могло совершиться не без влияния носителей традиций кочевой культуры, составлявших правящую элиту культур лесостепного населения Зауралья и юга Западной Сибири. Главным объектом столкновений были, вероятно, пастбищные угодья Южного Зауралья и, возможно, металлургические центры иткульской культуры (Таиров, 1998. С. 99). Причем экспансия эта была настолько очевидной, что «гороховские» племена оставили свои погребения в лесостепи, в районе Челябинска (Терехова, Чемкин, 1983. С. 129–133). Там же фиксируются смешанные в культурном отношении погребения так называемой «челябинской группы» (Мошкова, 1969. С. 147).

Военный фактор сыграл решающую роль в стандартизации всех форм материальной и ду-

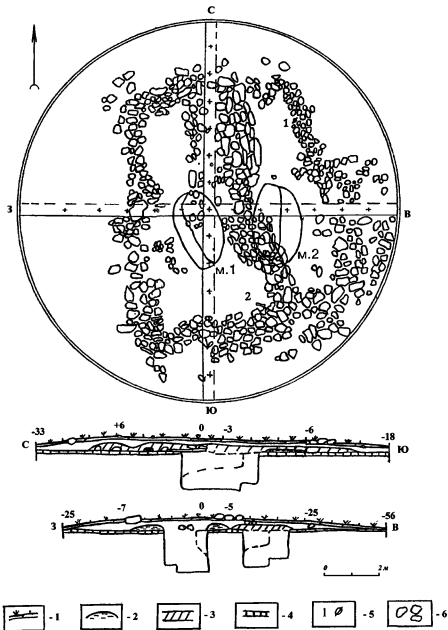

Рис. 3.33. Могильник Кенсайран. Курган 2. Общий план и разрезы.

1 – гумус; 2 – выщип; 3 – древняя насыпь; 4 – погребенная почва; 5 – материк; 6 – находки в насыпи; 7 – камни

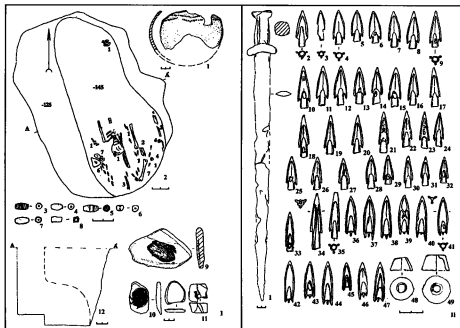

Рис. 3.34. Могильник Кенсайран. Курган 2. Могильная яма 1.

1, 2, 12 – план и разрез; 1, 3–11 – погребальный инвентарь. 1 – глина, 3–7 – стекло и сердолик, 9–11 – камень; II. 1–49 – предметы вооружения. 1 – железо; 2–49 – бронза

ховной жизни, приведшей к окончательному сложению прохоровской культуры. Представляется показательным вывод В.Н. Васильева о значительном увеличении емкости колчанов «сарматов» Южного Приуралья в IV веке до н. э. по сравнению с предшествующим периодом (Васильев, 1995. С. 16). Хотелось бы сделать одно уточнение по этому поводу. Количество наконечников стрел в колчанах резко возрастает только на период с конца V до середины IV века до н. э., а далее опять идет на убыль. И этот факт не может быть случайным.

На наш взгляд, процесс развития новаций хорошо фиксируется на примере клинкового оружия. На рубеже V–IV веков до н. э. появляются мечи так называемого «переходного типа». Нам хотелось бы заметить, что такие названия, как, например, «меч переходного типа», «прохоровский меч», носят условный характер, так как в настоящему времени среди комплексов прохоровской культуры фиксируется значительное разнообразие клинкового оружия. Причем весьма затруднительно определить, какой тип

мечей и кинжалов господствовал у южноуральских кочевников в какой-либо век или же период. В этой связи возникает вопрос о корректности употребления подобных терминов по той причине, что еще не известно, какой тип прохоровского клинкового оружия можно называть «переходным». Если это мечи и кинжалы, переходные между клинками скифской эпохи с брусковидным наконечником и бабочковидным перекрестием, с одной стороны, и с серповидным наконечником и прямой крестовиной – с другой, то такими могут быть сразу несколько типов. К ним, на наш взгляд, должны относиться следующие экземпляры:

- с брусковидным наконечником и брусковидным перекрестием;
- с серповидным наконечником и брусковидным перекрестием;
- со стержневидным наконечником и брусковидным перекрестием;
- с рогатковидным наконечником и луновидным перекрестием... Вероятно, в этот перечень можно включить и другие типы.

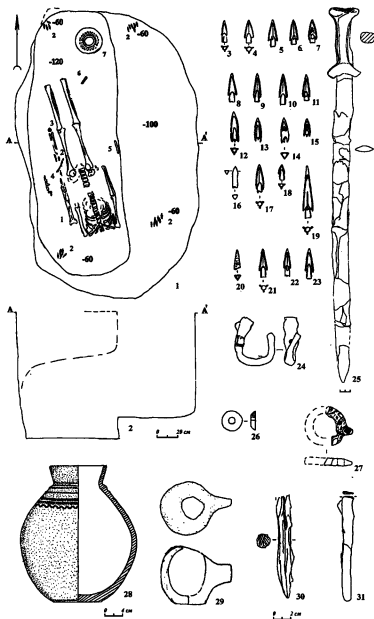

Рис. 3.35. Могильник Кенсайран. Курган 2. Могилная яма 2.
 1, 2 – план и разрез могилной ямы; 3–31 – погребальный инвентарь.
 3–19, 21–23, 26 – бронза; 24, 25, 27, 30, 31 – железо; 28, 29 – глина

Данные археологических раскопок позволяют говорить о том, что распространение мечей скифского типа с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием на Южном Урале завершается к концу V – первой половине IV века до н. э. Есть все основания предположить, что поиск новых форм клинкового вооружения уже в самом начале IV века до н. э. приводит к их эволюции в мечи с широким брусковидным навершием и широким и прямым брусковидным перекрестием. На сегодня нам известно пять экземпляров данного типа, датированных IV в. до н. э.: Имангазы-Карасу, 3/1 (Родионов, Гуцалов, 2000. Рис. 6,1); Мечетсай, 8/1 (Смирнов, 1975. Рис. 51,2); Тамар-Уткуль VII, 8/2 (Мещеряков, 1996. Рис. 9,2); Покровка 8, 1/14 (Веддер и др., 1993. Рис. 53,3) и Покровка 8, 1/6 (Веддер и др., 1993. Рис. 50,4). В дальнейшем мечи и кинжалы данного типа постепенно приобретают навершие серповидной формы, становясь «классическими» «прохоровскими» мечом. Показательно, что короткий кинжал со слабо изогнутым брусковидным навершием и массивным брусковидным перекрестием встречен в погребении 2 кургана 3 могильника Имангазы-Карасу (Родионов, Гуцалов, 2000. Рис. 6,2), в центральной и более ранней могиле которого находился, как уже указывалось, меч с широким брусковидным навершием и широким прямым брусковидным перекрестием. Подчеркивая длительность данного процесса, стоит заметить, что кинжал, близкий к рассматриваемой форме, найден в кургане 1 могильника Бесоба, относящегося к концу VI – первой половине V века до н. э. (Кадырбаев, Курманкулов, 1977. Рис. 2,8).

Другой путь появления «прохоровских» мечей – это их эволюция из мечей с прямым брусковидным перекрестием и стержневидным навершием. Они встречаются в Южном Приуралье с IV века до н. э. У многих из них навершие рифленое – вероятно, это результат навивки проволоки. Особенно хорошо данная деталь заметна на рукоятках мечей из погребений 4 и 6 кургана 6 Мечетсайского могильника (Смирнов, 1975. Рис. 41, 7,9). Наиболее ранние экземпляры мечей и кинжалов со слабо изогнутым брусковидным навершием и узким бабочковидным перекрестием, у которых рукоят обвита золотой проволокой, представлены в кургане Иссык (Акишев, 1978. Табл. 23,24). Отношение исследователей к датировке этого памятника неоднозначное. Исходя из морфологических признаков акнаков, стилистических особенностей предметов, выполненных в зверином стиле, наличия бронзового зеркала с широким валом по краю и концентрическими круга-

ми по диску, более приемлемой является дата конец V – начало IV вв. до н. э. И потому не исключены также и семиреченско-центральноазиатские истоки прохоровских мечей с серповидным навершием и прямым перекрестием.

Третье направление генезиса мечей «прохоровского типа» ранее было обозначено А.Г. Гаврилюком и А.Д. Тайровым (1993. С. 80–81). Появление мечей с серповидным навершием и прямой крестовиной могло быть результатом эволюции мечей с коттевидным навершием и узким бабочковидным (подтреугольным) перекрестием. Мечи и кинжалы данного типа в исследуемой зоне стали встречаться в погребениях с конца V века до н. э. (Сартыгау I, 7; Жаман-Каргала I, 18/2) (Гуцалов, 2000а. Табл. 16, 19). Вполне возможно, что данный вид клинкового вооружения получил развитие под влиянием военного дела племен степной Скифии, где они были характерны в указанное время (Мелокова, 1964. С. 55. Табл. 20; Смирнов, 1961. С. 21–22).

И еще одно направление происхождения прохоровского клинкового вооружения, которое условно можно назвать «южно-сибирское», необходимо учитывать, рассматривая данную проблему. В конце IV – начале III века до н. э., судя по находке в погребении 3 кургана 5 могильника у села Новопавловка (Железчиков, Кригер, 1978), в Южном Приуралье получают распространение мечи с рогатковидным навершием и луновидным перекрестием. Еще один меч такого типа встречен во 2-м погребении вышеупомянутого кургана, относящегося, вероятно, к III веку до н. э. (Железчиков, Кригер, 1978. Рис. 2,5). Вероятно, прав О.В. Обеличенко (1978. С. 123), связывая появление кинжалов этого типа с южносибирским влиянием, – мечи и кинжалы с перекрестиями луновидного типа известны на тисюльском этапе развития тагарской культуры (Мартьянов, 1979. Табл. 34, 36).

Все вышеприведенные данные позволяют, как нам кажется, говорить о том, что процесс формирования мечей «прохоровского типа» был весьма сложен и связан с влиянием сразу нескольких культурных традиций, охватывая длительный период. При этом помимо местных «прохоровских» племен в данном процессе, как мы постарались показать, приняли участие как восточноевропейские «скифы», так и кочевники Центральной Азии.

Другое направление связей орско-уральских nomadов, правда, не столь явно фиксируемое в памятниках прохоровской культуры, – семиреченско-алтайское.

Отсюда истоки захоронений подбойного типа, вероятно, необходимо связывать с терри-

ториями, расположенными южнее и восточнее южноуральских степей. На казахстано-среднеазиатские параллели этим традициям в свое время обратил внимание К.Ф. Смирнов (1975. С. 157–158). Узкие подбои вдоль одной из стенок действительно фиксируются там в более ранний период. В частности, самые ранние в казахстанском регионе подбои VII – VI вв. до н. э. были открыты в могильнике Караша 2 (Максимова, 1969). Подбойные погребения VII–VI веков до н. э. с северной ориентировкой погребенных известны в Центральном Казахстане (Кадрыбаев, 1966. С. 337–339).

Вероятно, с культурными традициями кочевников Алтая следует связывать индивидуальное захоронение коня, совершенное на погребенной почве под невысокой пологой земляной насыпью в кургане 9 могильника Лебедевка IV на территории Уральского левобережья. Погребение человека отсутствовало. Костяк лошади лежал головой на запад с вытянутыми на север ногами. Возле скелета коня лежали два лепных горшка и песчаниковая плитка с углублением в центре. Как известно, обряд захоронения лошадей под насыпями курганов – распространенное явление в погребальной практике кочевников скифо-сакского времени (Грязнов, 1980; Литвинский, 1972. С. 27; Тишкин, Дашковский, 1998. С. 581–591; Смирнов, 1964; Ильинская, 1973. С. 42–63). Плоскостонные лепные сосуды из лебедевского погребения, имеющие петлевидные налпы по плечикам, обладают близким сходством с керамикой большереченской культуры Алтая бийского этапа (V–III вв. до н.э.) (Грязнов, 1992. Табл. 70, 57; Кубарев, 1987. Табл. XXII, 3, 11; ЛП, 4). Правда, похожие горшки изредка встречаются и на территории Приаралья (Левина, 1979. Рис. 7, 12).

Возможные казахстано-алтайские истоки отдельных элементов погребального обряда кочевников южноуральских степей этого времени позволяют более внимательно отнестись к фактам попадания в могилы южноуральских nomadов предметов, имеющих параллели с территорией Алтая и юга Западной Сибири. Число находок V–IV веков до н. э., в которых проявляются «южносибирские» истоки, постепенно нарастает. Хотелось бы обратить внимание на то, что целый ряд предметов религиозно-культового значения (бронзовые зеркала, глиняные курильницы, каменные и глиняные блюда) Семиречья, Алтая и юга Западной Сибири рассматриваемого времени имели синхронное распространение на Южном Урале. Так, в погребениях «прохоровской» знати изучаемого периода встречаются бронзовые колоколо-

видные навершия (колокольчики), имеющие аналоги в памятниках саргатской культуры V–III веков до н. э. (Могильников, 1997. Рис. 49, 13). Вполне возможно, что истоки этого социально значимого предмета восходят к бронзовым навершиям тагарской культуры (Мартынов, 1979. С. 80–81). Нельзя исключать и южносибирское происхождение отдельных типов лепной посуды племен прохоровской культуры. В частности, биконический сосуд с симметричными роговидными налпами в верхней части тулова из кургана 5 могильника Челкар III, возможно, ведет свое происхождение от горшков из погребений Красноярского варианта тагарской культуры (Николаев, 1980. С. 339–347), относимых исследователями ко 2-й стадии этой культуры по классификации С.В. Киселева или к сарагащенскому этапу – по М.П. Грязнову (Николаев, 1980. С. 240). Такие сосуды есть и в погребениях большепитугинского этапа данной культуры (Мартынов, 1979. Табл. 26, 3). В плане связей с культурами Южной Сибири и Алтая примечательна находка бронзового зеркала ближневосточного производства в погребении 5 кургана 8 в урочище Мечетсай на Илеке (Смирнов, 1975. Рис. 57). Находки «музыкальных» зеркал этого типа сделаны еще в Пазырыкских курганах Алтая и среди памятников саргатской культуры в Западной Сибири (Руденко, 1953. Табл. XXIX, 3; Кузнецова, 1993. С. 82–87; Уманский, 1992. Рис. 7). Т.М. Кузнецова (1993. С. 86) видит в этом факте социально-религиозные параллели между населением Алтая и Южного Урала IV века до н. э. Хотя это взаимодействие могло иметь и более широкий характер. Несомненную близость имеет распространение в указанное время бронзовых зеркал с широким валиком по краю и концентрическими кругами в центре диска как в южноуральских степях, так и на юге Западной Сибири. Зеркало этого типа присутствует в комплексе кургана 1 Быстровского могильника (Троицкая, 1984. Рис. 3), обряд и инвентарь (корытообразный жертвенник, ворворка, бронзовая гривна, глиняный сосуд с двумя «ушками»), который по многим признакам близок южноуральским аналогам (Троицкая, 1984. С. 248. Рис. 1; 2; 1; 3; 4; 1, 2).

Подводя итог анализу обряда захоронений Южного Завралья конца V – IV веков до н. э., хотелось бы отметить его наиболее важные особенности. Во-первых, преемственность в развитии культурных традиций с населением предшествующего времени и значительное сходство с погребальными памятниками Южного Приуралья. Очень хорошо данное наблюдение иллюстрирует-

ся на материалах из раскопок курганов прохоровской культуры в бассейне реки Каргала (Гуцалов, Бисембаев, 2002), где находится географический стык между регионами Южного Зауралья и Южного Приуралья (Чикишев, 1966. Рис. 8; Макунина, 1974. Рис. 1).

Во-вторых, отчетливо фиксируется изменение демографической ситуации в степях Южного Урала. Так, если во второй половине VI–V вв. до н. э. в Орско-Уральском Междуречье изучены 162 погребения, то конца V–IV вв. до н. э. – 180 (Гуцалов, 2000а. С. 113, 132). С другой стороны, в Южном Зауралье наблюдаются обратные процессы. Здесь изучены 82 погребения VI–V вв. до н. э., а IV–II вв. до н. э. – всего лишь 53. И это при том, что в данный список внесены памятники рубежа V–IV вв. до н. э. (Темир, Березовский и др.) (Таиров, 1990. С. 178). Рост кочевого населения на территории Приуралья был таков, что к началу IV века до н. э. его численность здесь достигла «критической массы» (Железчиков, 1983. С. 58). Учитывая, что эти данные совпадают с фактом широкого распространения в конце V–IV вв. до н. э. в Уральском левобережье и низовьях Илека курганов воинско-жреческой элиты, для которых характерны сложные подкурганные деревянные конструкции, камерные могилы (дромосные и катакомбные), разведение костров в ходе ритуалов, можно сделать вывод, что в первой половине IV века до н. э. скорее всего произошла перекочка значительной части населения зауральской группы носителей прохоровской культуры на территории Орско-Уральского междуречья.

В-третьих, результатом миграции «зауральцев» должны были стать перенаселение приуральских степей и все более возрастающая милитаризация прохоровской культуры. Военно-политическая напряженность подталкивала носителей прохоровской культуры к поиску наиболее оптимальных типов стрелкового оружия и, видимо, всего комплекса вооружения в целом, более соответствующего сложившейся обстановке. Именно этим, в первую очередь можно объяснить стандартизацию вооружения прохоровской культуры (Мошкова, 1974. С. 24).

В-четвертых, на данном этапе развития прохоровской культуры заметную роль в ее формировании играли кочевые племена Алтая и Семиречья, а может быть, и более отдаленных районов Центральной Азии (Синьдзянь?). Это влияние проявилось как в появлении отдельных элементов погребального обряда, так и во многих категориях инвентаря.

4. Этногенез кочевников Южного Приуралья в начале раннего железного века

1. Этногенез, этническая история и культурогенез – дефиниции и соотношение понятий (несколько вводных замечаний)

Поскольку – этнос это явление суть социально-историческое (Бромлей, 1983), он находится в постоянной динамике. Совокупность изменений, которые происходят с этносами на различных стадиях его исторического развития, составляет суть этнических процессов. Изучение проблем сложения отдельных этносов и территориальных этнических комплексов традиционно для российской исторической науки и связывается в ней с понятием «этническая история». Иногда это понятие не совсем оправданно употребляется как синоним термину «этногенез».

В теории этнографии не существует единого мнения о соотношении понятий «этногенез», «этнические процессы» и «этническая история». Некоторые специалисты полагают, что этногенез является одним из конкретных проявлений общего этнического процесса (см., например: Современные этнические процессы..., 1977). Поэтому этногенез не может рассматриваться как самостоятельное историческое явление. По определению же В.П. Алексеева (1986. С. 3), под этногенезом надо понимать определенную историческую реальность, которая охватывает всю совокупность исторических явлений и процессов, имеющих место в ходе формирования того или иного народа и приводящих к окончательному сложению его этнического лица, а этнические процессы лишь отражают изменения этого лица в ходе времени. С этой точки зрения этногенез и этнические процессы хронологически взаимосвязаны и взаимозависимы, но все же они самостоятельны или, во всяком случае, относятся к разным уровням этнографической иерархии.

Сначала под этногенезом понимали все стадии этнического процесса (Токарев, 1949), потом пришли к выводу о том, что этногенез – это составная часть этнической истории и разделять их можно лишь условно (Бромлей, 1983). И, наконец, оформилась идея о том, что этногенез и этническая история – это разные исторические стадии развития человеческого общества. Так, по мнению С.А. Арутюнова (1989), проблемы этногенеза шире, чем проблемы собственно этнической истории. Термин «этногенез» можно применять

лишь к такому процессу, в результате которого из ряда существовавших до этого этносов, этнических общностей или их частей складывался новый этнос. Таким образом, по Арутюнову, этногенез завершается с возникновением этнического самосознания, а все остальные процессы составляют дальнейшую этническую историю данного этноса. Своеобразным фиксатором проявления этнического самосознания является этноним. С нашей точки зрения, этногенез является сложным и многоплановым процессом, который отнюдь не заканчивается после возникновения данного этноса и начала его этнической истории, а сопутствует этой истории и дальше в соответствии с пониманием этноса, как структуры исторически динамической. Динамика этноса проявляется и в изменчивости его популяционной структуры (ибо носителями любого этноса являются популяции), и в изменениях культуры этноса и этнической культуры (дефиниции см.: Арутюнов, 1979; Яблонский, 2000).

Определение временной границы начала этнической истории на практике вызывает большие трудности – подавляющее большинство этнонимов не нашло отражения в древних письменных источниках. Другая сторона проблемы состоит в том, что далеко не всегда возможно дифференцировать эндо- и экзоэтнонимы. Кроме того, само название может выступать в виде нескольких фонем, синонимов и даже слов, происходящих из разных языков. Сохранились также ложные этнонимы никогда не существовавших в исторической реальности народов, например, «амазонки» или «одноглазые аримаспы» Геродота.

В.П. Алексеев (1986. С. 135) полагает, что говорить о некоей «точке отсчета» – вообще дело бесперспективное и она лишь искусственно может быть введена в материал. Все же он предложил рассматривать малочисленные протоэтносы первобытности как выражение первых стадий этнообразования, то есть как этнические, по существу, общности. При этом на самых ранних ступенях формирования этнической психики, включающей и самосознание, могли фигурировать самоназвания, соответствующие нашему существительному «люди». В осознании различий между «своими» и «чужими» важную роль могли играть в том числе и дифференцированные проявления в материальной культуре, которые, по мнению Алексеева, восходят еще к эпохе нижнего палеолита.

Существует и иная точка зрения (Арутюнов, 1989), которая сводится к тому, что в эпоху нижнего палеолита этничности, даже в зародышевом

состоянии, не было вообще, а начало этничности как исторической реальности относится не ранее чем к эпохе верхнего палеолита. Носителями ее были преддемена, или протоэтносы, между которыми только с этого времени наблюдались более или менее выраженные культурные различия, проявлявшиеся, главным образом, в зоолитических представлениях (культы животных), в семантике орнамента, мифологических сюжетах и т. д.

Специфика этносов во многом определяется характером географической местности, к которым они приурочены. Большой этнос формируется на обширной территории, внутри которой неизбежно возникают локальные типы материальной культуры и этнических вариаций, присущие этнографическим группам (Алексеев, 1979). В свою очередь, такие группы состоят обычно из локальных популяций, величина которых определяется размерами кругов брачных связей. Популяции объединяют индивидумов различной степени родства. Таким образом, в пространстве фиксируется популяционно-иерархическая структура этноса, на основе которой и развивается собственно этногенетический процесс во всей его многоплановости. Таков, например, древнерусский этнос, формировавшийся на территории Восточно-Европейской равнины и объединявший различные этнографические группы, известные по письменным источникам – вятичей, кривичей, древлан, полян и др.

Еще большую роль в процессе формирования этничности играет территориальный фактор в местностях, изолирующих географическими барьерами, когда образуются перерывы в пространственном распространении этногенетического процесса. В результате быстро возникают локальные этнографические группы, каждая из которых концентрирует в себе стабильные и устойчивые во времени этнические особенности, что находит отражение не только в диалектном разнообразии, но и в признаках материальной культуры. Яркую иллюстрацию подобной этногенетической ситуации дают этнографические группы высокогорного Кавказа, например, те из них, которые объединяются под названием «дагестанцы». Напротив, отсутствие плотных географических барьеров в условиях открытых пространств степи способствовало, очевидно, достаточной эфемерности этнических границ между различными ранними кочевыми сообществами, что затрудняет выявление таких границ. В этих условиях типологически сходные предметы материальной культуры кочевников (особенно, когда речь идет о металлургическом производстве, которым кочевники сами не

занимались) не обязательно свидетельствуют о некоей этнической общности их носителей, но маркируют лишь область распространения предметов, произведенных в данном металлургическом центре. Переориентация кочевников на новые центры производства приводила к смене общего облика материальной культуры на значительных степных (и не только степных) территориях, не затрагивая, однако, собственно этнических структур, приуроченных к этим территориям.

Специфику этногенетических процессов определяет и временной промежуток, в течение которого данная популяция (группа популяций) находилась в изоляции. Особенно большую роль фактор времени играл в этногенетических процессах эпохи каменного века, когда многие популяции оставались локальными на протяжении веков, а то и тысячелетий, что нашло выражение в формировании многочисленных предплемен. С переходом их от бродячего к относительно оседлому образу жизни этот процесс лишь усиливался.

У кочевых коллективов евразийской степи фактор длительности изоляции не играл, как правило, сколь-нибудь существенной роли, что также приводило к определенной размытости этнических границ.

Помимо пространственного и временного факторов, специфику конкретного этногенеза определяли и социальные условия жизни. Они характеризовались значительным разнообразием и определялись, в частности, степенью пространственной подвижности популяции (у кочевников она была существенно выше, чем у земледельцев). От большей или меньшей подвижности популяций зависела, в свою очередь, степень интенсивности межпопуляционных и межэтнических контактов со всеми вытекающими отсюда этноформирующими последствиями.

Все разнообразие конкретных этногенезов может быть сведено к более или менее типичным ситуациям (моделям), которые В.П. Алексеев (1979. С. 182) назвал модусами этногенеза. По его определению, модусы этногенеза – это несколько моделей этногенетических процессов, выражающих то или иное соотношение пространственного, хронологического и социального факторов или аспектов этногенеза. Эти модусы были им систематизированы на основе группировки ведущих (таксономически значимых) признаков.

Для древних эпох популяционная изменчивость отслеживается на палеоантропологических материалах, а изменения в культуре – на археологических. Археологические материалы, как известно, лишь

отчасти и весьма фрагментарно отражают общий облик культуры этноса и тем более его этнической культуры. Тем не менее, обе эти относительно независимые системы признаков (археологические и антропологические), будучи коннексированными, позволяют все же реконструктивно восстанавливать основные вехи этногенеза дописменных сообществ, каковыми являлись в том числе ранние скотоводы приуральских степей.

2. Возникновение специализированного скотоводства в восточном ареале Евразийской степи

Кочевые племена раннего железного века, известные по древним письменным источникам под этнонимами «скифы», «саки», «савроматы», «сарматы» и другие, а позже – кочевые империи средневековья, такие как кангуйская, кушанская, золотоордынская, – явления уникальные для мировой культуры, не имеющие аналогов в мировой истории. Номадизм, или классический кочевой уклад жизни, являлся своего рода способом адаптации людей к среде обитания в условиях относительно аридных зон степей, лесостепей и полупустынь. Его суть отличают:

- скотоводство как преобладающий вид хозяйственной деятельности, характеризующейся круглогодичным востойловым содержанием скота на подножном корму;
- периодическая подвижность, иногда – в пределах значительных по дальности маршрутов перекочевков пастбищных территорий с участием в перекочевках всего состава популяции;
- отсутствие (при круглогодичном кочевом цикле) в постоянном составе стада животных, не приспособленных к длительным перекочевкам (например, коровы, свиньи) и домашней птицы;
- отсутствие долговременных поселений и стойбищ;
- натуральный характер экономики.

Все перечисленные признаки находятся в прямой связи с природной средой, в частности, с особенностями почвенно-растительного покрова, метеорологическими и климатическими условиями, характерными для определенного хронологического интервала и конкретного природного района (сводка данных: Таилов, 2003).

Миграции (дальние перекочевки) кочевого населения были обусловлены целым рядом причин, включая политические, социальные, идеологические, демографические, экологические.

Как правило, подвижка племен вызывалась воздействием целого комплекса факторов, среди которых экологический играл далеко не последнюю роль. Сложные экстремальной почвенно-ландшафтной и климатической ситуации в том или ином районе степей при сравнительно ограниченных адаптационных возможностях кочевников вынуждало их полностью или частично покидать область экологической напряженности и переселяться в более благоприятный регион. Однако исключительно благоприятные климатические условия могли приводить к демографическим взрывам и резкому увеличению поголовья скота, что создавало не только собственно демографическую, но и экологическую напряженность вследствие чрезмерно интенсивного использования традиционных, но ограниченных пастбищных ресурсов.

Земледелие, собирательство и рыболовство хотя и присутствовали, как правило, у классических кочевников, но никогда не составляли базу их экономического уклада. При этом «чистых» кочевников, для которых скотоводство являлось бы единственной формой хозяйственной деятельности, никогда не существовало (Вайнштейн, 1989).

Заметим, что с этой точки зрения предположения некоторых исследователей (Кожин, 1997; Шишлина, Булатов, 2000; Шишлина, 2000) о том, что катакомбные и полтавкинские племена Нижнего Поволжья можно рассматривать как кочевые, являются ошибочными и методически не выверенными.

Подавляющее большинство ученых-археологов и этнологов, которые специализируются в области возникновения и развития европейского номунизма, считают, что номунизм в его классической форме, как основа хозяйственного уклада, возникает в аридных зонах и лишь во время перехода от позднего бронзового века к раннему железному, когда специализированное скотоводство становится основой производящего хозяйства. Археологическими свидетельствами этой инновации являются предметы конской упряжки, которые использовали всадники – удила и псалли, детали уздечки, подпружные пряжки и т. д. Древнейшие из известных образцов таких предметов не датируются обычно временем более ранним, чем начало первого тысячелетия до н. э., то есть финальной стадией эпохи бронзы или временем перехода от эпохи поздней бронзы к эпохе раннего железа (подробнее см. об этом, например: Вайнштейн, 1989; Basilov, 1990).

3. Особенности перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку на востоке степи

Данные археологии со всей очевидностью показывают, что, по крайней мере с эпохи неолита, Южное Приаралье и Приуралье входили в зону постоянных контактов мультикультурного и гетерогенного населения. Южные влияния отчетливо фиксируются в общем облике материальной культуры носителей неолитической кельтеминарской культуры низовий Амударьи. При этом по своему антропологическому типу ее носители принадлежали к североευропеидным группам популяций, и их генетическая прародина располагалась, скорее всего, именно в степях Евразии (Виноградов и др., 1986). Независимые данные различных исследователей (см., например: Окладников, 1966; Крижевская, 1972; Формозов, 1977; Виноградов, 1991) позволили со всей определенностью говорить о распространении культурно-генетических контактов неолитического населения среднеазиатского междуречья не только на Устьурт и области Северного Прикаспия, но и на территории Волго-Уральского региона и зауральской степи и лесостепи. С другой стороны, имеются немногочисленные, правда, свидетельства о вероятных генетических связях приуральского и казахстанского населения в эпоху неолита (Яблонский, 2002).

Культурогенетические тенденции, заложенные в эпоху неолита и энеолита, получили дальнейшее развитие на протяжении бронзового века. Археологическая и антропологическая специфика тазабагыбской культуры Приаралья во многом была обусловлена инфильтрацией культурных достижений и идеологических представлений срубников и андроновцев (Итина, 1977). По данным Е.Е. Кузьминой (1994. Карта VIII), в эпоху средней бронзы через территорию Южного Приаралья проходили волны миграций срубного и приуральского (андроновского) населения на юг.

Сходные тенденции хорошо проявляются и в эпоху поздней бронзы. В керамическом комплексе мавзолеев Северного Тагискаена, помимо керамики местного, приаральского производства (амграбадской), выделяются группы сосудов федоровского, карасукского и дандыбаевского типов (Итина, 1992. С. 34–35; Итина, Яблонский, 2001).

Уже давно и неоднократно разные исследователи и на разных материалах писали о принципиальной преемственности в основных характе-

ристиках погребального обряда сообществ эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Средней Азии и Казахстана (Толстов, 1948. С. 67–68; 1961. С. 112; Вишневская, Итина, 1971. С. 207; Арсланова, 1974. С. 60; Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 5), Ферганы (Горбунова, 1962. С. 144), Семиречья (Бернштам, 1947. С. 152; 1950. С. 145), Памира (Литвинский, 1961. С. 62) и Тянь-Шаня (Бернштам, 1952. С. 182).

Так же прослеживалась как будто культурная преемственность населения Поволжья, Южного Приуралья и Зауралья савроматской эпохи от сообществ андроновского и срубного типа (Смирнов, 1964. С. 188; Мошкова, 1972. С. 46; Дворниченко, 1984. С. 60). О генетической связи раннесакского, савроматского и андроновского населения много раз говорили и палеоантропологи (Дебец, 1932; Гинзбург, 1946. С. 210; 1960. С. 3; Кондукторова, 1962. С. 48; Трофимова, 1963. С. 235; Алексеев, 1961. С. 258; Ходжайов, 1983. С. 101; Алексеев, Гохман, 1984. С. 53; Балабанова, 2000).

Итак, кажется, будто прямое и непосредственное происхождение локальных вариантов сакских культур от срубной или андроновской (преимущественно) культуры устанавливается по комплексу археологических и антропологических данных, что делает правдоподобной гипотезу местного, среднеазиатско-казахстанского генезиса этих культур (Кузьмина, 1980. С. 78; 1985. С. 43).

Действительно, разнообразные аргументы, приведенные в перечисленных работах и в концентрированном, наиболее проработанном виде приведенные Е.Е. Кузьминой (1994. С. 216–217), выглядят, на первый взгляд, вполне документированными. Это и преемственность некоторых признаков погребального обряда, и «сквозыше», как пишет Кузьмина, «типологические ряды сакских копий, топоров, тесел, ножей, серпов, и технология и орнаментация керамики».

Эти ряды, однако, уже не кажутся столь непрерывными и, тем более, «сквозными» при типологическом сопоставлении различных категорий признаков погребального обряда и вещей, происходящих из конкретных археологических комплексов, которые представляют, регионально-локальные, но диахронные группы памятников, например, материалы из раскопок памятников эпохи финальной бронзы и раннего железного века Приуралья. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить хорошо представленную материальную культуру могильников Северный Тагискен (поздняя бронза) и Южный Тагискен (раннее железо) на Сырдарье (Итина, Яблонский,

1977; Итина, Яблонский, 2001), поселений предсакского времени и могильников раннесакского типа на Нижней Амурь (Итина, 1977; Дурдыев, 1984; Яблонский, 1996).

Тезис о преемственности «андроновской культуры со сменяющей ее в VIII в. до н. э. культурой ираноязычных савроматов и саков» (курсив мой. – Л.Я.), о генетической преемственности населения степей (Кузьмина, 1994. С. 264), будто бы подтвержденной данными антропологии, представляется еще более сомнительным.

Во-первых, он абсолютно не выдерживает критики с хронологической точки зрения. Оставшаяся пока в стороне дискуссионный вопрос о времени становления и формирования культур сакского типа, напомним о всеми признанной значительной хронологической лакуне между наиболее поздними памятниками андроновской культуры Приуралья и раннекочевническими.

Во-вторых, приведенное утверждение Е.Е. Кузьминой не менее противоречиво и с антропологической точки зрения – именно в раннесакскую эпоху на территории Казахстана и Средней Азии появляются популяции, носители мезо-брахикранного с более или менее выраженной монголоидной примесью антропологического комплекса, не известного до того в центральном степном ареале классической андроновской культуры (Трофимова, 1967; Гинзбург, Трофимова, 1972; Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997).

К рубежу II–I тыс. до н. э. климатические изменения, имевшие место в степной зоне, почти повсеместно нанесли ущерб традиционной системе хозяйствования пастушеско-земледельческих сообществ эпохи поздней бронзы (Железчиков, 1986; Боковенко, 1986; Мамонтов, 1986; Хабдулина, Зданович, 1984; Демкин, 1997; Таиров, 2003), что неминуемо должно было сказаться и на процессах этнообразования.

Экологический кризис последней трети II – начала I тыс. до н. э. сопровождался разрушением пастушеско-земледельческой системы хозяйствования, подрывом ее металлургической базы. В отличие от оптимистических построений Е.Е. Кузьминой (1994) при оценке ее культурной, популяционной и хозяйственной мощи степняков-индоиранцев в эпоху поздней бронзы, Г.Б. Зданович и В.К. Шрейбер (1988. С. 12 и сл.) рисуют довольно мрачную картину их жизни на финальной стадии бронзового века: к IX–VIII вв. до н. э. земледелие было подорвано, пастбища сократились, местная металлургическая база исчерпана, что, в частности, приводит к массовому ограблению могил.

Все это – на фоне экстенсивного способа ведения хозяйства. Культурно-смешанные группировки андроновского населения на финальной стадии их развития эти авторы справедливо, на наш взгляд, рассматривают как недолговечные, не способные к собственному продолжению в виде новых оригинальных культур. Количество федоровских поселений значительно сокращается, начинаются активные передвижения андроновцев (Хабдулина, Зданович. 1984. С. 152 и сл.).

Накануне раннего железного века степь превратилась в арену разнонаправленных перемещений различных в количественном и качественном отношении группировок, что было хорошо показано исследованиями, в том числе и Е.Е. Кузьминой (1994. С. 226 и сл.). По надежно аргументированным данным этого автора, следы материальной и духовной культуры степняков, комплексы признаков их физического типа прослеживаются в областях, расположенных далеко к югу от глубинных районов степной полосы – это и Южное Приаралье, и долина Зеравшана, и Южная Фергана, и Ташкентский оазис, и предгорья Памиро-Алтая, и южные районы Таджикистана и Туркмении, вплоть до территории Афганистана, Белуджистана, Индии и Ирана и Северного Китая.

Столь далекие от исходных территорий передвижения, связанные с преодолением непривычных для степняков экологических ниш и специфических ландшафтов, Е.Е. Кузьмина (1994. С. 266–267) логично объясняет закономерностями развития пастушеской экономики с присущей ей экстенсивной формой ведения хозяйства. Но еще одной причиной этих передвижений стал вышеупомянутый глобальный экологический кризис, охвативший самые широкие просторы степи и заставивший уходить с насиженных мест не только андроновцев, но и носителей позднебронзовых культур Волго-Уральского и Поволжского степных регионов (Потемкина, 1987; Кузьмина, 1994. Карта IX. С. 395). В это время, таким образом, расширяется далеко на юг границы культурного и генетического ареала степняков, закладывается основа для последующего формирования культурно-исторической области эпохи раннего железа на основе общего протоэтнического (индоиранского?) пласта.

В археологических памятниках финальной бронзы Приуралья, Северного и Центрального Казахстана, Южного Приаралья в эту эпоху фиксируется характерная черта, связанная с появлением смешанных в культурном отношении комплексов. Это явление хорошо прослеживается, в первую очередь, в керамических материалах как

поселений, так и могильников. Среди последних яркий пример такой смешанности дает некрополь Северный Тагискен, где обычай устанавливать в одну погребальную камеру типологически и культурно гетерогенный набор керамики достигает апофеоза. Помимо круговых форм, которые имеют аналогию на юге Средней Азии, мы встречаем здесь горшки, происхождение которых связано с андроновской культурой (в ее федоровском, в основном, варианте), с замараевской культурой, с дындыбаевской культурой Центрального Казахстана, с карасукской культурой, очень явно – с амарабадской культурой низовьев Амударьи (Итина, Яблонский, 2001. С. 93–94).

Можно было бы думать, что такой культурный синкретизм в погребальном обряде Северного Тагискена связан с очевидной неординарностью этого некрополя, в котором, безусловно, хоронили людей знатных и могущественных, которые имели доступ к вещам импортного происхождения или получали их в виде подношений. Но оказывается, что сочетание в пределах одного памятника (в том числе и поселений) форм лепных сосудов и типов орнаментов, дискретно присущих ранее алакульским, федоровским, дандыбаевским, кожумбердинским, карасукским комплексам, вообще характерно для финальных этапов бронзового века Приуралья (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1964. С. 140–141; Стоколос, 1970. С. 194–196; Потемкина, 1973), Притобоя (Потемкина, 1976. С. 103), Казахстана, Киргизии и Средней Азии (сводка данных: Кузьмина, 1994. Табл. 3. Карта 10).

Е.Е. Кузьмина (1994. С. 221) полагает, что локальные варианты и типы памятников андроновской культуры соответствуют отдельным племенам – носителям диалектов, и видит в памятниках с типологически смешанной керамикой иллюстрацию интенсивных процессов ассимиляции, которые приводят к консолидации андроновской общности (С. 266). Этим процессам сопутствует медленное расширение ареала андроновской культуры от Поднепровья на западе до территории Китая и Синьцзяна на востоке, от тайги и лесов – на севере до территории Греции, Индии и Афганистана – на юге (Кузьмина, 1994. С. 229–252).

С нашей же точки зрения, монументальное полотно, написанное Кузьминой, демонстрирует на самом деле не процесс консолидации этнической общности, а процесс ее распада, процесс утраты этнических традиций и замены их множественными инновациями, которые разрушили базисные основы культур андроновского и карасукского типов (Итина, Яблонский, 2001).

Если придавать типологическим формам керамики и ее орнаментике значение определенных маркеров этнической культуры, а не культуры этноса (о терминах см.: Яблонский, 2000; Yablonsky, 2002), – а для этого как будто есть основания, то керамический полиморфизм Северного Тагиска и синхронных ему памятников Казахстана, Приуралья и Южной Сибири свидетельствует, на наш взгляд, не столько о процессах ассимиляции и культурной консолидации коллективов финальной бронзы, сколько о разрушении традиционных этнических установок. В свою очередь, подобное разрушение сопровождается обычно не *подъёмом* культуры, а ее *кризисом*.

Кризис этнообразующих сообществ эпохи финальной бронзы и времени, переходного к раннему железнному веку, археологически фиксируется и в степном ареале позднесрубной культуры. Там он проявился в исчезновении множества поселений срубного типа, в деформации традиционного для этой культуры погребального обряда. Уменьшилась общая численность погребений, они, в большинстве, впущены в более древние курганы, появляются мелкие и узкие могильные ямы с исключительно бедными наборами сопровождающего инвентаря, исчезает обычай скорченных захоронений, столь характерный для носителей срубной культуры в ее классическом варианте (Дворниченко, Кореняко, 1989. С. 149 и сл.). На огромных пространствах восточно-европейских степей насчитывается лишь несколько десятков захоронений, которые можно с некоторой долей уверенности датировать непосредственно предсавроматским или предскифским временем (Кореняко, 1985).

Таким образом, мы, в отличие от Е.Е. Кузьминой, склонны рассматривать события, которые предшествовали наступлению раннесакской и раннескифской эпохи, как проявления упадка сообществ с традиционной комплексной экономической, как разрушение их этнических (протоэтнических?) структур. Это привело, в конечном счете, к замещению этих структур иными, сумевшими адаптироваться к новым условиям и окончательно перейти к ведению хозяйства, основанного на разных формах специализированного скотоводства – от классического нomaдизма до полуседлого отгонного или пастушеского скотоводства в ландшафтно ограниченных экологических нишах (при наличии соответствующих условий, например, проживания в дельтах рек или в предгорьях).

Тем не менее, в условиях экологического кризиса плотность заселения новыми коллективами

практически опустевших земель оказалась неравномерной и далеко не одинаковой в различных регионах степи. Если в территориально ограниченных дельтовых районах Сырдарьи и Амударьи исследованы сотни захоронений раннесакского времени (конец VIII – начало VI вв. до н. э.) и еще больше пока не исследовано, то в степях Приуралья их практически нет. В археологических материалах Волго-Уральского региона между наиболее поздними памятниками эпохи бронзы (IX–VIII вв. до н. э.) и наиболее древними раннекочевническими комплексами савроматской эпохи (не ранее второй половины VI в. до н. э.) прослеживается ничем не заполненная до сих пор лакуна. Отдельные погребения, типа Гумаровского (Исмагилов, 1988), сами по себе примечательны, но, в силу своей единичности, не меняют общей картины.

Области Присарыкамьшской дельты Амударьи вообще не были заселены в переходный от эпохи бронзы к раннему железу период из-за неблагоприятных экологических обстоятельств, и население раннесакского типа является иммигрантами на этой территории (Яблонский, 1996; Вайнберг, 1999). Присарыкамьшское поселение эпохи поздней бронзы Канга 2 просуществовало кратковременный период и не имеет здесь культурного продолжения (Дурдыев, 1984). То же касается позднесамаркандских (финальная бронза) пастушеских поселений и стоянок на Акчадарье. Самаркандская культура Амударьи, по данным М.А. Итиной (1977), доживает, вероятно, до VII или даже начала VI в. до н. э., но не получает собственного продолжения ни в местных культурах сакского (Яблонский, 1991а) или куюсайского (Вайнберг, 1979) типа, ни в кюлегиурской (Толстов, 1962) культуре архангачского Хорезма (Итина, 1977).

Е.Е. Кузьмина считает, что дандыбаевская культура не была связана своим происхождением с андроновским культурогенезом, и приписывает ее появление приходу с востока племен *тюркско-го* происхождения (никак, впрочем, не аргументируя это странное, на наш взгляд, заявление) (Кузьмина, 1994. С. 131; ср.: Акишев К., 1973. С. 55; Членова, 1980. С. 87). Однако специфичность дандыбаевской культуры в пределах андроновского культурно-хронологического горизонта все же очевидна (ср.: Кыласов, 1975. С. 15).

Некоторые области Северного Казахстана, Семиречья, Южного Казахстана и Северо-Восточной Киргизии отличаются единичностью позднеандоновских памятников. Предполагалось, что в эпоху поздней бронзы эти районы были пусты-

ющими и в раннесакское время заселялись вновь (Акишев К., 1973). Возможно, что именно общей прародинной мигрантов объясняются заметные параллели в материальной культуре саков Семиречья и саков Приаралья (Акишев К., 1973; Акишев А., 1978). Высказывалось предположение, что и тасмолинская культура Казахстана не имеет местных корней (Членова, 1983) или вообще не входит в круг культур сакского типа (Кызласов, 1975; 1977). Одновременно отмечался значительный вклад носителей карасукской культуры в процесс формирования культур сакского культурного облика, в том числе приаральских (Кызласов, 1977). Примечательно, что антропологический тип населения раннесакского времени в Присарыкамышье находит наиболее близкие аналогии (в ряду популяций предшествующего периода) именно в карасукских материалах (Яблонский, 1996).

Палеоантропологические материалы при анализе их на популяционном уровне отнюдь не свидетельствуют о всеобщей «андроноидности» физического типа сакского населения Средней Азии и Казахстана, как это можно понять из комментариев Е.Е. Кузьминой (1994. С. 243 и сл.).

Общая гетерогенность населения андроновского культурного круга была хорошо показана В.П. Алексеевым (1967). Это население в целом относилось к различным морфологическим вариантам большой европеоидной расы. При этом, как полагают (Дремов, 1997; Багашев, 2000), между популяциями федоровского и алакульского типов существовали статистически реальные расовые различия. Краниологические характеристики федоровцев близки к тому комплексу, который Г.Ф. Дебец (1948) описывал, как протоевропеоидный. В то же время алакулы отличались более высокой мозговой коробкой и лептоморфным строением лицевого скелета в сочетании с его резкой профилировкой в горизонтальной плоскости.

На границе степи и лесостепи, в могильниках, которые по характеру погребального обряда и сопровождающего инвентаря относят к кругу андроновских или «андроноидных» (словеский и черкаскульский варианты), найдены черепа с заметной примесью низкоголбого монголоидного компонента. Многочисленные краниологические серии, происходящие из могильников карасукской культуры, были в свое время детально исследованы Г.В. Рыкушиной (1980), которая, выделив в антропологии карасукского населения территориальные варианты, отнесла их к европеоидному в своей основе расовому типу. При этом черепа карасукцев характеризуются брахикранией в со-

четании с уплощенным в горизонтальной профилировке широким лицом. По данным А.Н. Багашева (2002. С. 22), в эпоху бронзы центрально-азиатские монголоидные элементы отмечаются в составе карасукских популяций Восточной Сибири, кротовских, андроновских (федоровских), словеских, ирменских групп Западной Сибири, а также в составе населения черкаскульской культуры Приаралья. Эти данные могут свидетельствовать о притоке сюда каких-то групп центральноазиатского происхождения еще в эпоху поздней бронзы.

Морфотип андроновцев (представляющих оба варианта – алакульский и федоровский), а также – тазабагыбцев (Виноградов и др., 1987), никак не может быть реально соотнесен с физическим обликом носителей сакских культур Приаралья, Центрального и Восточного Казахстана.

Если признать историческую реальность процессов всеобщей ассимиляции, интеграции и этнокультурной консолидации степного населения эпохи поздней бронзы и неразрывную генетическую связь этого населения с последующим раннесакским, мы должны были бы ожидать для сакской эпохи ослабления гетерогенности физического типа за счет межпопуляционного смешения. Но этого не происходит. Напротив, как раз в момент формирования культур раннесакского типа гетерогенность населения еще более усиливается по сравнению с эпохой бронзы.

Существовала точка зрения об относительной однородности антропологического типа населения раннесакской эпохи Средней Азии и Казахстана (за исключением жителей Восточного Памира, у которых большие размеры мозговой коробки сочетаются с исключительно малой шириной высокого и резко профилированного лицевого скелета). Основу предполагаемой однородности, по мнению В.П. Алексеева и И.И. Гохмана (1984), составил брахикраний широколицый комплекс с несколько уплощенным лицевым скелетом и умеренно выступающими носовыми костями. С этим выводом, в принципе, можно согласиться. Но опять же только в принципе.

Некоторые скотоводческие популяции Средней Азии и Казахстана отличались резкой гетерогенностью даже в пределах одного и к тому же небольшого историко-этнографического района. С одной стороны, в краниологических выборках населения сакского типа низовьев Сырдарьи (могильники Южный Тагискен и Уйгарак) выделяются черепа, которые по своим параметрам вполне попадают в размах вариаций представителей

большой монголоидной расы (причем в ее классическом, центральноазиатском варианте). С другой стороны, на территории древней Присарыкамьшской дельты Амударьи проживали синхронные группы скотоводов, которые по своей краниологии более всего сопоставимы со срубным населением Поволжья и Приуралья (Юсупов, 1991; Яблонский, 1997). Вместе с ними здесь обитали и другие популяции – европеоидные в своей основе, но с выраженной, особенно у женщин, монголоидной примесью (Трофимова, 1967; Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997). Подобная картина еще раз свидетельствует о наличии миграций, причем миграций разнонаправленных.

Появление на территории Южного и Восточного Приаралья людей с монголоидной примесью антропологически объективно подтверждает, во всяком случае, восточный импульс в процессе формирования культур сакского типа, который находит отражение и в археологических материалах. Этот импульс имел клинальный характер и не затрагивал волго-уральскую степь, южные регионы Средней Азии и Казахстана (археологические памятники сакского типа этой эпохи там не известны), а также области к западу от Амударьи (ее Присарыкамьшской дельты), степи и предгорья Северного Причерноморья (где отсутствуют пока краниологические материалы, свидетельствующие о непосредственной генетической связи местного населения с восточной степью и лесостепью) (Яблонский, 1998а; 2000б).

Для проверки гипотезы об участии западносибирских популяций в миграциях на территорию Приаралья и Приуралья в раннем железном веке был использован канонический анализ, в котором задействовано 30 краниологических серий, датирующихся эпохой бронзы – раннего железа (Табл. 1).

На рисунке 3.36 дана графическая иллюстрация взаиморасположения серий в пространстве канонических переменных I и II (рис. 3.36). Вектор главной компоненты I распределяет серии по признаку «европеоидность»–«монголоидность» с крайне выраженными вариантами на противоположных по этому направлению участках поля: андроновцы Западного Казахстана (сборная), саки Восточного Памира и андроновцы Западного Казахстана в их алакульском варианте (заведомо европеоидные серии) – в верхней части; андроновцы Томского Приобья, саки Южного Тагискаена, Ирменская культура (серии с заведомо выраженной монголоидной примесью) – в нижней.

Наблюдается два основных скопления краниологических выборок. В верхней части поля коор-

динат по степени выраженности европеоидных особенностей и по массивности мозговой коробки выделяются андроновцы Западного Казахстана и алакульцы, причем последние ближайшие аналогии находят в материалах из тазабагыяского могильника Кокча 3. Наиболее типичны для этой группы срубники Поволжья и Калмыкии, которые в масштабе привлеченных для расчета вариантов обнаруживают существенное сходство. Поблизости располагается серия из наиболее поздних захоронений могильника Джаркутан в Южном Узбекистане и могильника Тигровая Балка. Мне уже приходилось писать о том, что в соответствии с археологическими данными это сходство может объясняться инфильтрацией срубного населения в южные популяции в эпоху поздней бронзы (Яблонский, 1996; 1999). В эту же группу попадают федоровцы андроновской культуры, которых В.А. Дремов и А.Н. Багашев склонны рассматривать как носителей «протосвропеоидного» типа.

Среди серий эпохи раннего железа «европеоидный» вектор выделяет скифов Северного Причерноморья и тагарцев. В этой расстановке тоже нет ничего неожиданного, поскольку именно такое распределение определялось и ранее, с применением иного метода суммарного сопоставления (Яблонский, 2000б; 2000в. Рис. 1,2). Как это уже не раз отмечалось, и те, и другие демонстрируют морфологическое сходство, но, по нашим данным, тагарские черепа оказываются более сходными с федоровскими, что легко объясняется географической локализацией серий.

Две серии, представляющие среднеазиатский регион эпохи раннего железа, обнаруживаются (но по разным причинам) в том же локусе – это кузайсы Южного Приаралья и памирцы. И те, и другие отличаются резко европеоидным строением лицевого черепа, но эта особенность имеет у них разное происхождение. Кузайсы связаны со степным населением генетически, а морфотип памирцев, автохтонов горных областей Средней Азии сформировался, очевидно, в результате длительных процессов генетической изоляции (Рычков, 1969).

Другая совокупность выборок расположена в нижней части пространства переменных. Среди материалов эпохи бронзы положение, диаметрально противоположное сериям уже описанной группы, занимают краниологические выборки из могильников андроновской культуры томского Приобья, сборная серия андроновцев Минусинской котловины, карасукцев, черкаскульцев.

Краниологические серии, использованные в межгрупповом анализе

№ п/п	Название серии	Датировка	Источник
1	Срубники Поволжья, суммарно	Бронза	Гинзбург, Трофимова, 1972
2	Могиляник Кочка 3	Бронза	Виноградов и др., 1987
3	Могиляник Тигровая Балка	Поздняя бронза	Княткина, 1976
4	Могиляник Джаркутан	Поздняя бронза	Алексеев и др., 1984
5	Андроновцы Западного Казахстана, сборная	Бронза	Алексеев, Гохман, 1984
6	Андроновцы Минусинской котловины (федоровский вариант)	Бронза	Багашев, 2000
7	Карасукцы Минусинской котловины, сборная	Поздняя бронза	Алексеев, Гохман, 1984
8	Андроновцы Томского Приобья	Бронза	Дремов, 1997
9	Поздняя бронза Минусинской котловины, сборная	Поздняя бронза	Дремов, 1997
10	Скифы Северного Причерноморья и Приднестровья, сборная	V–III вв. до н. э.	Кондукторова, 1972
11	Тарарцы, сборная	Раннее железо	Алексеев, Гохман, 1984
12	Могиляник Улангом, Монголия	V–III вв. до н. э.	Мамонова, 1980
13	«Савроматы» Волго-Уралья	VI–IV вв. до н. э.	Балабанова, 2000
14	Ранние сарматы Приуралья	IV–I вв. до н. э.	Балабанова, 2000
15	Андроновцы Западного Казахстана, (алакульский вариант), сборная	Бронза	Багашев, 2000
16	Саки Казахстана	Раннее железо	Гинзбург, Трофимова, 1972
17	Могиляник Южный Тагискен	VIII–V вв. до н. э.	Трофимова, 1967
18	Могиляник Уйгарак	VIII–V вв. до н. э.	Трофимова, 1967
19	Саки Восточного Памира	Раннее железо	Гинзбург, Трофимова, 1972
20	Саки Киргизии	Раннее железо	Гинзбург, Трофимова, 1972
21	Черкасульская культура, сборная	Поздняя бронза	Багашев, 2000
22	Ирменская культура, сборная	Поздняя бронза	Багашев, 2000
23	Срубники Калмыкии, сборная	Бронза	Шевченко, 1986
24	Ананьинская культура, сборная	Поздняя бронза	Багашев, 2000
25	Гороховская культура, сборная	Раннее железо	Багашев, 2000
26	Саргатская культура, сборная	Раннее железо	Багашев, 2000
27	Куосайская культура	VIII–VI вв. до н. э.	Яблонский, 1996
28	Саки Присарыкамышья (сакар-чагинский вариант)	VIII–VI вв. до н. э.	Яблонский, 1996
29	Могиляник Сакар-Чага 1, коллективные захоронения	V–III вв. до н. э.	Яблонский, 1999
30	Могиляник Сакар-Чага 1, подбойные захоронения	IV–I вв. до н. э.	Яблонский, 1999

Нужно вспомнить, что именно в этих сериях, происходящих из лесостепной полосы Зауралья, исследователями фиксировалась монголоидная примесь, которая имеет, очевидно, таежное происхождение.

Посмотрим теперь, как в локусах, выделенных каноническими переменными, расположились среднеазиатско-казахстанские серии эпохи раннего железа. Сакар-чагинские черепа саков Южного Приаралья являются мезо-брахикраничными и в то же время демонстрирует определенную степень уплощенности лицевого скелета. Этот краниологический комплекс проявляется в их сходстве

с носителями карасукской и ирменской культур эпохи поздней бронзы. То же можно констатировать в отношении серий раннесакской эпохи из Уйгарака и Южного Тагискена, правда, еще более монголоидных. Население сакской эпохи с территории Киргизии, европеоидное в своей основе (Тур, 1997), как и люди из западно-монгольского Улангома (Мамонова, 1980) (обе серии географически удалены от лесостепной полосы, но приближены к древнему ареалу большой монголоидной расы), отклоняется от приаральских именно за счет менее выраженной монголоидной примеси (что примечательно), хотя на высоком таксо-

номическом уровне принадлежат все же к кругу «южно-степных» форм. Резкое «выпадение» серии «саков Казахстана» можно объяснить с точки зрения эклектичности материалов, которые в нее вошли. Средние краниометрические показатели этой серии являются заведомо искусственными

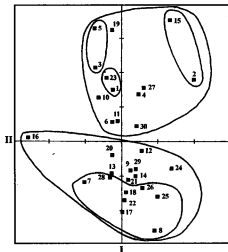

Рис. 3.36. Некоторые серии эпохи поздней бронзы и раннего железа в пространстве канонических переменных I и II.

1 – срубники Поволжья, суммарно; 2 – могильник Кокча 3; 3 – могильник Тигровая Балка; 4 – могильник Джаркутан; 5 – андроновцы Западного Казахстана, сборная; 6 – андроновцы Минусинской котловины (федоровский вариант); 7 – карасукцы Минусинской котловины, сборная; 8 – андроновцы Томского Приобья; 9 – поздняя бронза Минусинской котловины, сборная; 10 – скифы Северного Причерноморья и Приднепровья, сборная; 11 – тагарская культура, сборная; 12 – могильник Улангом, Монголия; 13 – «савроматы» Волго-Уралья; 14 – ранние сарматы Приуралья; 15 – андроновцы Западного Казахстана, (алакульский вариант), сборная; 16 – саки Казахстана, сборная; 17 – могильник Южный Тагискен; 18 – могильник Уйгара; 19 – саки Восточного Памира; 20 – саки Киргизии; 21 – черкаскульская культура, сборная; 22 – ирменская культура, сборная; 23 – срубники Калмыкии, сборная; 24 – аяштинская культура, сборная; 25 – гороховская культура, сборная; 26 – саргатская культура, сборная; 27 – кузаяская культура; 28 – саки Присарыкамышья (сахар-чагинский вариант); 29 – могильник Сакар-Чага 1, коллективные захоронения; 30 – могильник Сакар-Чага 1, подбойные захоронения

и не отражают антропологических реалий. Тем не менее, можно видеть, что и при этом условии серия обнаруживает определенное сходство с антропологическими центрами среднеазиатско-казахстанского региона раннесакского времени.

Таким образом, данные канонического анализа убедительно показывают отсутствие генетической связи между выборками классического (степного) андроновского происхождения и краниологическими сериями, которые представляют население, обычно фигурирующее в литературе под этнонимом «саки». К аналогичному выводу пришла в своем исследовании Т.А. Чикишева (2000а. С. 118).

В принципе, монголоидная примесь, фиксируемая в некоторых краниологических выборках раннесакской эпохи, может иметь не только зауральское, но и центральноазиатское происхождение. Такому предположению не противоречит морфотип некоторых черепов, например, из Уйгарака и Южного Тагискаена. Напомним, что разные подразделения большой монголоидной расы, а тем более исходно смешанные варианты этих подразделений, вообще с трудом поддаются разграничению на краниологическом материале, поскольку у живых популяций они нередко отличаются лишь частотой встречаемости признаков цветности (кожи, глаз, волос) и эпикантуса. Кроме того, мы по-прежнему не имеем данных о краниологических сериях с территории Северного Китая и Синьцзяна, надежно датированных эпохой финальной бронзы и раннесакским временем. Косвенные данные (Linduff, 2002; Членова, 2004) свидетельствуют, во всяком случае, о тесных культурных связях между населением восточного ареала степей Евразии, с одной стороны, и населением Монголии, Северного Китая и Синьцзяна, с другой, в эпоху бронзы и раннего железа. Еще С.В. Киселев (1951) предполагал, что карасукская культура появилась в Минусинской котловине в результате миграции ее носителей из Северного Китая. Эта точка зрения, в принципе, была поддержана Э.А. Новгородовой (1970; 1989) и Н.Л. Членовой (1972; 1998). Можно представить, что в сети миграций гетерогенных популяций раннесакской эпохи принимали участие и отдельные группы центральноазиатского происхождения, которые мигрировали до областей Приуралья. Подобную модель развития событий демонстрируют небольшие популяции поздних срубников Волго-Уралья, мигрировавшие далеко на юг. Если даже с известной осторожностью подходить к гипотезе о прямом и существенном вкладе носителей ка-

расукской культуры в процесс образования сообществ сакского типа, вероятность конвергентного формирования их антропологического облика остается высокой.

В любом случае гипотеза непосредственного перерастания позднеандоновских культур в раннесакские остается аргументированной при обзоре археологии азиатских степей «с высоты птичьего полета», но при рассмотрении системы локальных материалов на более низких таксономических уровнях она нуждается в определенной коррекции, детализации и дальнейшем обосновании.

Более предпочтительной, с нашей точки зрения, выглядит гипотеза, согласно которой формированию культур сакского типа на территории Южного Приуралья, Казахстана и Средней Азии предшествовали не столько непосредственные этногенетические трансформации популяций классического андроновского круга, сколько миграция гетерогенного генетически и культурно населения, основной ареал которого лежал в лесостепных районах Зауралья, Западной и Южной Сибири. При этом нельзя исключать возможности, что составной частью этих миграционных процессов стали коллективы, происходящие с территории Волго-Уралья, с одной стороны, и Центральной Азии (в традиционном для отечественной географии понимании этого термина) – с другой.

4. Проблема типологизации и хронологии формирования культур раннесакского типа

С учетом оговоренной выше специфики этногенетических процессов в среде ранних кочевых и полукочевых сообществ степной Евразии становится понятным, что традиционное и привычное для археологов понятие «археологическая культура» с трудом применимо для типологизации и классификации их материальной культуры. Ситуация усугубляется еще и тем, что чаще всего эта культура не представлена долговременными поселениями, и нам приходится иметь дело лишь с материалами погребальных комплексов, которые и эту часть культуры, в силу своей ритуальной специфичности, представляют далеко не всегда адекватно. Так, знаменитая «скифская триада» является производной и составляющей не этнической культуры, а культуры субсоциумов гетерогенных этносов, и в этом смысле она эпохальная, но не этнична (Яблонский, 1990; Ольховский, 1997; Yablonsky, 2000). В VI в. до н. э. на территории Средней Азии и Казахстана повсеместно происходит

смена традиционных для ранних саков предметов вооружения типологически новыми (в частности, появляются длинные железные мечи и бронзовые игольчатые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел «савроматского» типа) – явление не локально-этническое, а опять же эпохальное.

Поэтому нам кажется, что применительно к ранним кочевым и скотоводческим сообществам лучше говорить не об археологических культурах, а о культурных горизонтах, археологически представленных своеобразными типологическими маркерами (Bashilov, Yablonsky, 2000; Яблонский, 2001) или о культурно-хронологических горизонтах, которые семантически сопоставимы с «евразийскими культурными континуумами» Д.С. Раевского (1993). При этом термины «культурный горизонт» и «культурный пласт» (понятия, которые иногда встречаются в литературе) не являются, на наш взгляд, синонимичными. По аналогии со стратиграфическими слоями «пласты» представляются обычно в виде неких чередующихся слоев, разделенных видимыми (хронологическими) границами. «Горизонт» же предполагает неоднородность культурно-хронологического и типологического рельефа его образующего. Как и в живой природе, культурный ландшафт в пределах видимости горизонта имеет разнообразный вид: в поле различимости одного горизонта можно видеть и возвышенности, и впадины, и равнины. Типологически аналогичные предметы и комплексы материальной культуры могут находиться в одном горизонтальном уровне, но на различных его участках (например, в Приуралье и в Поволжье) и датироваться разным временем.

Уже отмеченная выше волнообразность миграций кочевых популяций предполагает их разновременность. Мы можем обнаружить проявления интенсивного культурно-инновационного процесса у тех групп кочевников, которые относительно раньше попали на данную территорию и относительно давно вступили в культурные и генетические контакты с инोकультурными автохтонами. Вместе с тем культурно и генетически родственные, но относительно более поздние мигранты на ту же территорию могут сохранять на какое-то (неуловимое методами археологии) время те традиционные черты материальной культуры, которые они принесли из общей с мигрантами первой волны прародины. Так, например, на территории Поволжья наиболее ранние экземпляры мечей с кольцевым навершием могут синхронизироваться с наиболее поздними образцами мечей с серповидным навершием.

С этой точки зрения трудно даже теоретически ожидать, что смена, например, раннесарматской культуры среднесарматской и в Приуралье, и в Поволжье произошла одновременно, будь то середина II в. до н. э. или I в. до н. э. В различных локалах типологически идентичные вещи могут в абсолютном исчислении датироваться не одинаково, принадлежать, однако, к общему культурному горизонту. В этих условиях важнейшее значение приобретают «horizon makers» (Bashilov, Yablonsky, 1995), то есть такие археологические типы и их комплексы, которые являются классическими для данного горизонта, «делают» его и маркируют, являясь своеобразными «маячками» для типологической и хронологической привязки к данному горизонту других относительно синхронных комплексов. Именно с этой позиции и с учетом географического положения того или иного памятника стоит, очевидно, устанавливать его вероятную принадлежность к тому или иному культурно-хронологическому горизонту.

Кроме того, при определении типологического положения того или иного археологического комплекса нужно еще учитывать концепцию «сильных» и «слабых» типов, разработанную Г.А. Федоровым-Давыдовым (1987. С. 200 и сл.): если для отдельных признаков понятия «массовость» и «типичность» совпадают, то для более сложного образования совокупности признаков этого совпадения нет. Поэтому редко встречающийся тип может быть, тем не менее, «сильным» horizon maker-ом и, напротив, массовая частота сочетания значений признаков может быть случайной в силу того, что значения этих признаков вообще частые.

М.П. Грязнов (1980. С. 61), подчеркивая типологическое сходство аржанских материалов с синхронными комплексами, расположенными на огромной территории степей от Дуная до Китая, выделял практически именно культурно-хронологический горизонт, который, по его мнению, должен изучаться в единстве этих комплексов, но одновременно в своеобразии отдельных их вариантов.

Как известно, абсолютная датировка памятников, принадлежащих к раннесакскому культурно-хронологическому горизонту (напомню, что М.П. Грязнов обозначал его как аржано-черногоровскую стадию), является предметом острой дискуссии. Не вдаваясь сейчас в ее подробности (см. об этом: Членова, 1997), отмечу все же, что в одной из недавних публикаций предлагается датировать наиболее ранние памятники тагарской культуры X – IX вв. до н. э. (Бокоченко и др., 2003. С. 21–22), и к этому же времени, по мысли

авторов, относится эпоха начала формирования культур скифского типа в азиатской части степей. Курган Аржан I датируется концом IX–началом VIII вв. до н. э. Авторы обосновывают эту дату, используя, прежде всего, результаты методов естественно-научного датирования. При этом она вступает в явное противоречие с датировками, полученными с помощью традиционного для археологической науки метода сравнительно-типологического анализа, который не исключает для времени сооружения кургана Аржан не только VII, но и VI вв. до н. э. На это обстоятельство уже указывал Д.Г. Савинов (2003. С. 78).

Мне уже приходилось высказываться (Яблонский, 2003а) в том смысле, что и метод датирования по C14, и метод дендрохронологии во всей совокупности их собственных методик лежат за пределами собственно археологии и вне ее методических возможностей. Результаты калиброванного (и не калиброванного) датирования по C14 и других естественно-научных методов непременно должны учитываться в археологическом исследовании (особенно когда речь идет о памятниках большой древности). Но только в той мере, в какой они не противостоят результатам сравнительно-типологического анализа и разработанным в археологии относительно региональным хронологическим шкалам.

Можно также согласиться с мнением Я.А. Шера (2003. С. 79) о том, что «за частным вопросом о датировке Аржана... стоит значительно более общая проблема: вся временная и пространственная направленность формирования культур «скифского типа». Я не рассматриваю (в отличие от Я.А. Шера и ряда других авторов) культуры ранних кочевников азиатских степей как культуры «скифского типа» и придерживаюсь концепции самостоятельного и полицентрического развития каждой из них даже в пределах восточного ареала степей. Вместе с тем присоединяюсь к мнению Я.А. Шера о принципиальном характере датировки памятников раннесакского типа и ее значении для понимания особенностей процессов формирования культуры, в том числе приуральских кочевников.

На территории Южного и Восточного Приуралья были исследованы как жилые, так и погребальные комплексы эпохи, переходной от позднего бронзового века к раннему железному. Материалы, полученные из этих комплексов, имеют прямые типологические параллели в хорошо стратифицированных и в целом надежно датированных оседло-земледельческих памятниках юга Средней Азии. Это обстоятельство дает возмож-

ность вмешаться в дискуссию, используя данные, не зависящие от аржанских или раннетагарских (Яблонский, 2003б).

Культурно-хронологический горизонт, непосредственно подстилающий культуру населения раннесакского типа в Приаралье, представлен некрополем Северный Тагискен и синхронными ему поселениями амирабадской культуры.

Керамические материалы, полученные из мавзолеев Северного Тагискена, в том числе сосуды, выполненные с использованием гончарного крута, напоминают образцы, известные на земледельческих поселениях эпохи поздней бронзы юга Средней Азии. Среди них кубки на высокой ножке и узкогорлые кувшины, которые имеют ближайшие аналоги в слоях поселения Яз-депе I и памятниках типа Намазга-VI. В то же время два тагискенских хума имеют подобия подкосов в придонной части, что роднит их с формами предахеменидского времени. Лепные сосуды из Северного Тагискена имеют яркие аналогии в материалах поздне-карасукского и дандыбайского типов.

Полностью раскопанное поселение Якке-Парсан 2 по комплексу керамики (в том числе по сосудам, имеющим аналогии в памятниках типа Намазга VI), бронзовых наконечников стрел и орудий труда датируется IX–VIII вв. до н. э. Однако на территории Акчадарынской дельты были исследованы и более поздние амирабадские поселения, датирующиеся VII в. до н. э. (Итина, 1977). Это дает возможность предположить, что они могли не только предшествовать сакским памятникам, но и в течение короткого промежутка времени сосуществовать с ними, причем не только во времени, но и в географически ограниченном дельтовом пространстве Приаралья. Именно «верхняя» дата амирабад-тагискенского комплекса может рассматриваться как «нижняя» дата для местных культур сакского типа. Керамический и вещевой комплекс из мавзолеев Северного Тагискена, включающий, в частности, нож «юмкерибского» типа, хумы с подкосами в придонной части и бронзовые двухлопастные втульчатые наконечники стрел, датируется сейчас IX–VIII вв. до н. э. При этом предполагалось, что хронологический разрыв между захоронениями эпохи поздней бронзы и раннесакского времени (могильник Южный Тагискен) не был слишком велик. Нужно отметить в связи с этим, что ни одно из близко расположенных захоронений сакского типа не прорезает сооружений предшествующего периода, хотя в античное время развалины древних мавзолеев эпохи поздней бронзы уже используются для вторичных захоронений (Итина, Яблонский, 2001).

На собственно сакских материалах из Приаралья было также показано, что наиболее ранние захоронения этого типа в Приаралье датируются временем не ранее конца VIII–VII вв. до н. э. (Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997). Одновременно и на конкретных типологических параллелях подтверждалась идея М.П. Грязнова о синхронности кургана Аржан с этими памятниками (Яблонский, 1996). Проведенное недавно специальное и независимое исследование предметов конской упряжи из приаральских могильников на широком сравнительном фоне, включающем типологически сходные находки, сделанные в европейском степном ареале (Валыняк, 2004), лишь подтвердили датировки, предложенные ранее О.А. Вишневской (1973), Л.Т. Яблонским (1996), М.А. Итиной и Л.Т. Яблонским (1997).

«Верхнюю» дату для культуры сакского типа на Амударье дают, в свою очередь, памятники кюзелигырского типа, которые представляют здесь древнейший архаический период формирования и развития древнесреднеазиатского государства. Нижние слои крепости Кюзели-гыр в Присарыкамышье датируются сейчас концом VII в. до н. э. (Вишневская, Раппопорт, 1997). В присарыкамышских могильниках раннесакского типа была встречена кюзелигырская круговая керамика наряду с импортной керамикой древнедахистанского и древнемарганацкого происхождения, типологически и хронологически сопоставимая с комплексами Яз-депе II (VII–VI вв. до н. э.). Аналогичные образцы были встречены также и в могильнике Уйгарак, расположенном в дельте Сырдарьи (Вишневская, 1973). Окончательное исчезновение классического для ранних саков погребального обряда на территории Приаралья по данным разных исследователей (Вайнберг, 1979; Яблонский, 1996) происходит не позднее VI в. до н. э., вероятно, до середины этого столетия, и именно это время можно рассматривать, очевидно, как верхний хронологический рубеж начального этапа развития сакской культуры в Приаралье.

Гумаровский комплекс, найденный в Южном Приаралье (Исмагилов, 1988; Членова, 1983), равно как и захоронения раннесакского типа, исследованные в Южном Зауралье (Таиров, 1991) несомненно принадлежат к этому же культурно-хронологическому горизонту. Исследователи правильно отмечают их большое сходство с синхронными погребальными памятниками Приаралья, Северного и Центрального Казахстана. А.Д. Таиров и С.Г. Боталов, открывшие раннесакские комплексы Зауралья, справедливо полагают, что

сформировались они на генетически сходной с саками Приаралья этнокультурной основе. В эпоху раннего железа межкультурные связи во многом обуславливались меридиональными перекочевками по пути, идущем с севера по Тургайской впадине к нижнему и среднему течению Сырдарьи и низовьям Сарысу и Чу (Таиров, Боталов, 1988. С. 109). Этот меридиональный путь сакских перекочек так же, как и более западный, удерживался в веках, а впоследствии вплоть до XIX в. он был одним из направлений, связывавших Среднюю Азию с северными и северо-восточными регионами степи.

5. «Савроматский» культурно-хронологический горизонт в азиатской степи

Определенные различия в проявлениях этнической культуры ранних саков Амударьи и Сырдарьи отмечаются еще для ранних стадий формирования этих культур (Яблонский, 1991). Так, для присарыкамьшских погребений характерно наличие мясной папутственной пищи в могилах, в то же время в Южном Тагискене костей животных практически нет. В сырдарьинских могильниках нет и скорченных захоронений, не прослеживается обычай сдвигания костей при совершении повторных погребений, расчленения трупов. Напротив, в Южном Приаралье полностью отсутствуют захоронения «на столиках», столь характерные для могильников Нижней Сырдарьи. Если в Уйгарке сосуды устанавливали всегда в ногах погребенного, то в Присарыкамьше – только в головах. Список таких примеров можно было бы продолжить.

Этнокультурная дифференциация между обоими регионами становится еще более заметной в VI в. до н. э., когда в левобережье Амударьи формируется древнехорезмийское государство, а в низовьях Сырдарьи сохраняется еще старая этносоциальная система, базирующаяся на традициях, восходящих еще к эпохе бронзы (Андрианов, 1987. С. 14; Вайнберг, Левина, 1992. С. 47–48).

Представляется очевидным, что именно VI в. до н. э. стал переломным в культурно-историческом развитии скотоводческого населения арало-уральских степей. Именно в этом столетии саки Присарыкамьши оказались втянутыми в процессы формирования хорезмийской государственности (Вишневская, Раппопорт, 1997. С. 71), что привело к скачкообразной трансформации их материальной и духовной культуры (Яблонский, 1999).

По данным Б.И. Вайнберг (1991) и Л.Т. Яблонского (1991), верхняя дата раннесакских могильников Присарыкамьши не выходит за рамки первой половины VI в. до н. э. В Уйгарке, по мнению О.А. Вишневской (1973), основная масса захоронений датируется VII–VI вв. до н. э., а четко датированных погребений более позднего времени нет вообще. В Южном Тагискене значительное число погребений (около половины из раскопанных) датируется в пределах второй половины VI – начала V вв. до н. э. (Итина, Яблонский, 1997). Таким образом, на Нижней Сырдарье традиционные признаки культуры раннесакского типа все же сохраняются вплоть до первой половины V в. до н. э., но не позже. На рубеже V–IV вв. до н. э. на территории Нижней Сырдарьи начинает формироваться чирикхабатская культура, которая в этот период сосуществует с джетысарской. Истоки обоих этих мощных формирований исследователи видят в местных культурах сакского типа, но масштабы культурных трансформаций, которые происходят здесь в это время, таковы (Вайнберг, Левина, 1992, 1993; Левина, 1996; Вайнберг, 1999), что говорить о сохранении ядра хозяйственно-культурного типа, присущего наиболее ранним кочевникам Юго-Восточного Приаралья, уже не приходится.

Судя по материалам Южного Тагискена, в середине – второй половине VI в. до н. э. происходит культурная переориентация скотоводческого населения, которая археологически проявилась, прежде всего, в появлении новых видов вооружения – длинных железных мечей, коротких железных кинжалов с почковидным перекрестием и бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел («савроматского типа»), а также некоторых деталей конской упряжи. Одновременно меняется стилистика звериного стиля. Появление в инвентаре сакских могил, длинных мечей и «европейских» типов втульчатых трехлопастных наконечников стрел является доказательством культурного влияния, которые испытывали саки (и не только саки) со стороны своих северных соседей. В конце VI–V вв. до н. э. такие наборы стрел появляются и на поселениях древнего Хорезма. В частности, разнообразный набор втульчатых трехлопастных бронзовых наконечников стрел происходит из слоев Дингильдже (Воробьева, 1973) и куюсайских поселений (Вайнберг, 1991а; 1991б) в левобережном Хорезме. В это же время такие наконечники распространяются на юг Средней Азии, по крайней мере, до среднего течения Амударьи (Воробьева, 1973).

О кризисе традиционной для ранних саков Сырдарьи культуры свидетельствуют и инновации в погребальном обряде отдельных популяций. Не случайно, по-видимому, в VI в. до н. э. здесь появляются так называемые «шлаковые» курганы и поселения со своеобразной материальной культурой (Левина, 1979).

Очевидно, именно в этом столетии возникают предпосылки для формирования новой этнической структуры населения Восточного Приаралья. Не исключено, что обычай искусственно деформировать голову, зафиксированный на черепках из погребений Южного Тагискана (Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997. С. 73–74), тоже может служить признаком проявления нового этнического самосознания.

Именно со второй половины VI в. до н. э. проявляются осязаемые контакты между номадами Приаралья и Южного Приуралья. Еще в начале XX столетия М.И. Ростовцев (1918а. С. 80–81; 1918б. С. 33–34; 1925. С. 612) сформулировал идею о массовых миграциях из Приаралья на север. Эта гипотеза была поддержана рядом современных исследователей. Так, например, Б.Ф. Железчиков (1978. С. 227; 1988. С. 61) прямо писал о том, что коллективные захоронения с дромосами в Южном Приуралье были оставлены пришельцами с юга.

Черты сходства в некоторых признаках погребального обряда саков Нижней Сырдарьи и ранних номадов Южного Приуралья стали основанием для гипотезы о сакских, приаральских истоках культуры кочевников Приуралья савроматского времени (Пшеничников, 1982. С. 76; 1983. С. 128–129).

Вслед за А.Х. Пшеничником Б.Ф. Железчиков (1988. С. 59) выдвинул гипотезу о миграции ранних кочевников на территорию Южного Приуралья и Нижнего Поволжья на рубеже VII–VI вв. до н. э. с территории Приаралья, то есть из низовий Сырдарьи. Эта идея основывалась на палеоэкологических изысканиях ее автора (Железчиков, 1986. С. 59–60). По мнению Б.Ф. Железчикова, в результате аридизации климата на рубеже II и I тыс. до н. э., а затем повышения его увлажненности в VI в. до н. э., и происходит миграция саков в Южное Приуралье, где в результате формируется «савроматская» культура (Железчиков, 1986. С. 59–60).

Причины этой предполагаемой миграции не очень понятны. Даже если иметь в виду явное усыхание Акчадарьинской дельты Амударьи к началу I тыс. до н. э., сток в Арал все еще продолжался, причем параллельно шло формирование современной Приаральской дельты. Протоки сыр-

дарьинской дельты тоже функционировали, но, конечно, периодически и не все одновременно, что, впрочем, наблюдалось и позднее. Во всяком случае, в Инкардарье в I тыс. до н. э. вода была, что косвенно подтверждается наличием здесь некрополя Южный Тагискен. Кроме того, пастушеские сакские стоянки были во множестве обнаружены в западной части сырдарьинской дельты. К тому же существует гипотеза о подпитывании водами Жана-дарьи (Инкардарьи), отмирающей Акчадарьинской дельты. А слияние в нижней части протоков Инкардарьи и Акчадарьи сомнений не вызывает. Как уже говорилось, сток по сырдарьинской дельте полностью никогда не прекращался, область эта и в савроматское время оставалась достаточно привлекательной для древних скотоводов (Итина, Яблонский, 1997).

В явлении, которое Б.Ф. Железчиков рассматривает как переселение, в лучшем случае можно видеть лишь один из способов меридиональных перекочетов, который традиционно удерживался в данном регионе на протяжении столетий. Наверное, надо еще иметь в виду, что и один из древних караванных путей, связывавших Среднюю Азию с оренбургскими степями, проходил как раз через западную часть сырдарьинской дельты и далее на север, также совпадая с направлением возможных сакских меридиональных перекочетов.

Однако на какой же основе сложилась «савроматская» направленность культурных контактов сырдарьинских саков? Прежде всего, одним из основных компонентов в этногенезе саков низовий Сырдарьи являлись носители андроновской культурно-исторической общности (в ее позднем, федоровском, проявлении) эпохи бронзы. К.Ф. Смирнов (1964. С. 182) пришел к выводу, что в основе культуры приуральских кочевников савроматской эпохи также лежит культура степной бронзы, в данном случае – андроновская и отчасти – срубная. Этот тезис подкрепляется материалами раскопок Аландского могильника (VI–V вв. до н. э.), который расположен на крайнем северо-востоке «савроматского мира». Погребальный ритуал этого могильника действительно имеет немало общих черт с сакским. Автор раскопок М.Г. Мошкова (1972) видит истоки этого сходства в единой культурной основе происхождения этого ритуала, корнями уходящего в андроновскую эпоху. При этом она не исключала возможности непосредственных связей между «савроматскими» и сакским культурными мирами. Эти контакты были достаточно активными и имели длительную предысторию. В эпоху бронзы фиксируется прямой приток населения с северо-запада, из оренбургских степей в

юго-восточном направлении – в Приаралье (Итнина, 1977. С. 232 и сл.). Наблюдаемое отличие западно-казахстанского варианта андроновской культуры от центральноказахстанского или северноказахстанского, участие срубного компонента в развитии культур эпохи бронзы Приуралья и Южного Приаралья – все это предопределило заметное сходство в культуре населения обоих регионов в эпоху раннего железа. Именно эта генетическая общность (общий хронологически подстилающий горизонт) и роднит «савроматов» Южного Приуралья с саками Приаралья.

Более того, К.Ф. Смирнов (1964. С. 277–280) полагал, что могли иметь место прямая инфильтрация населения, вхождение отдельных племен в состав племенных союзов той и другой стороны, что не могло не сказаться на облике их культур в целом. И.В. Пьянков (1975) пошел еще дальше, высказав мысль о принадлежности саков Приаралья и ранних кочевников Южного Приуралья к единому племенному союзу (массагетов), но эта гипотеза не представляется нам бесспорной.

В приуральских памятниках действительно фиксируются некоторые формы керамики, украшений, элементов звериного стиля, которые могли попасть туда только из Средней Азии или через Среднюю Азию (Чежина, 1983. С. 23). Вовсе не обязательно, однако, что появление этих форм в Приуралье связано именно с миграциями приаральских скотоводов.

К.Ф. Смирнов и М.Г. Мошкова (1979), не исключая возможности инфильтрации приаральского и приуральского скотоводческого населения, не рассматривали приаральских саков в качестве создателей раннекочевой культуры Южного Приуралья. Надо признать, что на фоне определенного культурного сходства между обеими группами популяций степень культурных различий между ними остается достаточно высокой. Прежде всего, эти различия проявятся при рассмотрении комплекса признаков погребального обряда. Сходство проявляется, главным образом, в типологическом составе погребального инвентаря и в гораздо меньшей степени – в оформлении погребальных камер.

В курганах у села Покровка, географически наиболее приближенных к Приаралью, для конца VI – V вв. до н. э. зафиксированы деревянные сооружения на поверхности древнего горизонта и мощные обваловки (Моргунова, Трунаева, 1993; Веддер и др., 1993), не свойственные приаральским могильникам, но имеющие конструктивные аналогии в Зауралье. Подойные могилы покровских могильников, датирующиеся этим же вре-

менем (Яблонский и др., 1994; Яблонский и др., 1995), также не имеют аналогий в Приаралье. Напротив, на территории Южного Приуралья не известны пока, например, широкопрямуютольные ямы со столбовыми ямами по углам, со «столиками» и ямы с длинными дромосами, столь характерные для захоронений Южного Тагискаена (Итнина, Яблонский, 1997).

Вместе с тем зауральский импульс в формировании культуры и южноуральских и приаральских кочевников «савроматского» культурно-хронологического горизонта находит все новые и новые подтверждения как в археологических, так и в палеоантропологических материалах.

В Южном Зауралье были обнаружены памятники, сходные с сакскими и принадлежащие к одному с ними культурному кругу. Датируются они VII–VI вв. до н. э. Их исследователи (Таиров, 1986; Таиров, Боталов, 1988. С. 109) пишут о большом сходстве зауральских могильников с погребальными памятниками Приаралья, Северного и особенно Центрального Казахстана того же времени. М.Г. Мошкова (1989. С. 19) справедливо квалифицирует южнозауральские памятники VII–VI вв. до н. э. как культурно близкие к тасмолинским. Она подчеркивает, что корни культурных различий между двумя приуральскими регионами уходят еще в эпоху бронзы. По ее мнению, зауральские памятники VII–VI вв. до н. э. вообще не связаны с генезисом савроматской (в широком понимании этого термина) археологической культуры. А.Д. Таиров и С.Г. Боталов (1988. С. 109) вполне правомерно, с нашей точки зрения, полагают, что культура ранних скотоводов Зауралья сформировалась на генетически сходной с саками Приаралья основе, в частности, на общей основе степных культур эпохи поздней бронзы, а контакты населения обоих регионов связаны с системой меридиональных сезонных перекочевок. Авторы намечают путь с севера, по Тургайской впадине к нижнему и среднему течению Сырдарьи, верховьям Сырдарьи и Чу.

В конце V – начале IV в. до н. э. на территории Приаралья и на территории Южного Приуралья одновременно появляются коллективные захоронения в широкопрямуютольных ямах с короткими дромосами (Толстов, 1962; Яблонский, 1998б; 1999), происхождение которых опять же связывают с районами Южного Зауралья. Так, о существовании многоактных погребений в зауральских степях и лесостепях на рубеже савромато-сарматского времени свидетельствуют раскопки в Челябинской (Потемкина, 1969. С. 36 и сл.) и Курганской обла-

стях (Салыников, 1966. С. 119, 124). В Приаралье погребальный обряд коллективных захоронений в ямах с дромосами не имеет собственных истоков. Более того, в Присарыкамышье он появляется почти через 200 лет после исчезновения погребальных комплексов, связанных с саками и носителями ку-юсайской культуры, и обозначает, очевидно, факт миграции сюда новых скотоводческих коллективов. Примечательно, что вместе с этим обрядом здесь впервые появляется круглодонная лепная керамика, которая также не имеет в Приаралье собственных истоков и происхождение которой связывают с областями Зауралья. В.Е. Максименко (1983. С. 64, 127), в свою очередь, связывал истоки этого специфического погребального обряда с савроматами, считая, что маршрут их передвижения шел из районов Заволжья и Приуралья.

Некоторые черты культурного сходства между приуральскими и восточно-приаральскими скотоводами проявились на протяжении относительно узкого временного отрезка, в пределах конца VI – V вв. до н. э. (то есть именно в эпоху предполагаемых миграций зауральских скотоводов). В дальнейшем кочевники Южного Приуралья остаются на пути развития классической культуры номадов. В Присарыкамышье четко прослеживается процесс оседания кочевников и вхождения их в систему хорезмийской государственности. На Нижней Сырдарье формируются весьма специфические чиркирабатская и джетынасарская археологические культуры с их монументальными крепостными и культовыми сооружениями. При этом есть основания полагать, что складывались они на сакской основе (Вайнберг, Левина, 1993. С. 90). Таким образом, еще до момента появления в Южном Приуралье населения раннесарматского типа пути развития скотоводческого населения Южного Приуралья, с одной стороны, и Приаралья, с другой, резко расходятся.

Нам представляется, что гипотеза заселения приуральских степей из Приаралья должна быть заменена предположением о том, что определенное культурное сходство скотоводов обоих регионов возникло на общей основе и в результате миграций зауральских скотоводческих групп на территории Южного Приуралья, Северного Устьюрта и на полупустынную периферию Древнего Хорезма – левобережную часть территории этого государства.

Для проверки этого предположения с использованием данных палеоантропологии обратимся вновь к результатам канонического анализа (рис. 3.36).

Можно видеть, что зауральское население лесостепи, представленное краниологическими вы-

борками гороховской и саргатской культур, согласно данным канонического анализа, попадает в локус, общий с федоровцами (но не алакульцами Западного Казахстана), местным лесостепным «андроноидным» населением эпохи поздней бронзы, карасуками, саками Приаралья и людьми из коллективных захоронений Присарыкамышья. Предсакское время в этом локусе представляет серия черепов из памятников черкаскульской культуры. Неоднородное по своему антропологическому составу население этой культуры наибольшее сходство обнаруживает с карасуками сериями. А.В. Шевченко, который постулировал эти выводы (Шевченко, 1980. С. 181), объясняет это сходство предположением, что ирменские, карасуцкие и черкаскульские группы связаны общностью происхождения. Этот верный, как представляется, вывод можно распространить и на население региона последующих эпох.

Внутри этого локуса наиболее близко расположились серии из Южного Тагискаена, Уйгарака, Сакар-чаги, ирменцев, карасуццев, саргатцев, гороховцев. Вплотную к ним расположились серии черкаскульцев, ранних кочевников Волго-Уральского региона савроматского и прохоровского времени.

Данные канонического анализа иллюстрируют заключение о том, что в савроматскую и раннесарматскую эпоху все три культурные формации (население Зауральской лесостепи, Приуральской степи и Южного Приаралья) отличались сходным антропологическим типом. Кочевники савроматской эпохи и ранние сарматы Приуралья, люди из коллективных захоронений в ямах с дромосами Присарыкамышья обнаруживают заметное краниологическое сходство, в основе которого, вероятнее всего, лежит общий генофонд, корни которого уходят в эпоху поздней бронзы зауральской лесостепи.

Кроме того, это сходство может объясняться и непосредственным участием зауральского населения в освоении степных пространств к западу и к югу от Уральских гор. Речь в данном случае может идти о второй (после ранних саков) волне миграции зауральских скотоводов. На эту же гипотезу объективно работают выверенные, на наш взгляд, концепции А.Д. Таирова, направленные на поиск культурной прародины прохоровского населения Южного Приуралья именно в Зауралье (Таиров, 1998. С. 89 и сл.; 2000. С. 20–21), где к концу савроматской эпохи разразился новый экологический кризис.

Нет, таким образом, необходимости искать прародину ранних кочевников Южного Приуралья только в Приаралье. Скорее всего, скотовод-

ческое население обоих регионов имело общую прародину, расположенную к востоку от южных отрогов Уральского хребта. Краниологические данные никак не подтверждают также гипотезу о прямом и сколь-нибудь существенном участии срубников или андроновцев (в их классическом антропологическом варианте) в этногенезе кочевников Южного Приуралья.

Таким образом, совокупность данных археологии и палеоантропологии приводит к выводу о двух волнах миграции зауральского населения на запад. Одна из них приходится на раннесарматское время (конец VIII – начало VII в. до н. э.), причем этот относительно кратковременный миграционный импульс не достигает южноуральских степей – острее его было направлено на области Восточного и Южного Приуралья, в дельты Сырдарьи и Амударьи (далее на запад он отчетливо пока не прослеживается).

Ко второй половине VI – V вв. до н. э. относятся новые волнообразные переселения зауральских кочевников, которые затрагивают территорию левобережного Хорезма и северных чинков Устюрта. На территории левобережной периферии Хорезмского государства археологически фиксируется процесс оседания какой-то группы зауральских скотоводов. В центральных для той эпохи районах Хорезма (в правобережье Амударьи) захоронения скотоводческого населения в это время отсутствуют.

Однако основной ареной миграционных волн данного периода становятся на этот раз степи Южного Приуралья, где после длительного перерыва появляются ковые коллективы, оставившие подкурганые захоронения с деревянными конструкциями на поверхности горизонта, в широко- и узкопрямоугольных ямах и в ямах с подбоями.

Нельзя не отметить, что предложенная здесь хронологическая концепция, построенная в основном на материалах памятников Средней Азии и Казахстана, принципиально совпадает с независимой периодизацией А.Д. Таирова (2004), разработанной в основном на материалах из памятников ранних кочевников Зауралья и урало-казахстанских степей (ср.: Яблонский, 2004).

6. Раннесарматский культурно-хронологический горизонт в азиатской степи

Можно предполагать, что, в отличие от первой, эта вторая волна не являлась единовременным актом, а скорее всего, должна рассматриваться, как цепь пульсирующих передвижений кочевников. Эти пульсации продолжались на протяжении все-

го раннесарматского периода, а на поздних этапах существования прохоровской культуры Южного Приуралья продолжались как в западном, так и в южном направлении (Скрипкин, 1990). Но детальное обсуждение этой гипотезы выходит за рамки настоящей статьи.

Проблема культурного и генетического взаимоотношения носителей культуры ранних кочевников Приуралья савроматской и раннесарматской прохоровской эпох уже давно и активно обсуждается, но далека от окончательного решения. К.Ф. Смирнов рассматривал прохоровцев как непосредственных продолжателей культурных традиций населения Южного Приуралья савроматского времени. Эта идея нашла вполне конкретное выражение уже в названии его обобщающей монографии (1964) «Савроматы. Ранняя история и культура сарматов». Сегодня существующие по этому поводу мнения представлены двумя противоположными гипотезами.

Первую сформулировали в конце 80-х годов XX столетия А.Д. Таиров и А.Г. Гаврилюк (Таиров, Гаврилюк, 1988; Гаврилюк, 1989), а в последние годы активно развивает А.Д. Таиров (1998; 2000а; 2000б). Фактически эта гипотеза рассматривает ранних кочевников Приуралья савроматского времени и классических прохоровцев как представителей единой культурной формации на хронологически разных этапах ее культурно-генетического развития. Ядром концепции А.Д. Таирова является положение о том, что погребальные комплексы южной лесостепи и степи Южного Зауралья второй половины VI – середины V в. до н. э. включаются в зауральский вариант прохоровской археологической культуры в качестве ее первого, древнепрохоровского этапа. Используя термин «древнепрохоровский этап», авторы тем самым подчеркивают два обстоятельства – генетическую связь культур савроматской и раннесарматской эпох на территории Зауралья; археологический комплекс, который в окончательном виде сложился в Южном Приуралье на протяжении IV–III вв. до н. э., известный под названием раннесарматский (прохоровский), формируется в предшествующее время именно в Зауралье. Термин «древнепрохоровский этап» звучит, быть может, непривычно, но он, во-первых, вполне отражает понимание сути процесса формирования культуры раннесарматского типа Южного Приуралья, во-вторых, позволяет избежать неправомерного использования этнонимических ярлыков типа «древнесарматский», поскольку письменные источники не содержат прямых сведений об этнической принадлежности ранних кочевников Зауралья.

Вторая гипотеза была высказана В.П. Глебовым (1998) и наиболее подробно развита в серии работ В.Ю. Зуева (2000а; 2000б). Здесь речь идет об отсутствии в Южном Приуралье памятников III – начала II в. до н. э. и, следовательно, о культурно-генетическом «хиатусе» между памятниками филипповского типа (V–IV вв. до н. э. – по В.Ю. Зуеву) и собственно раннесарматскими (не ранее II в. до н. э.).

В результате планомерных раскопок курганов у деревни Прохоровка, проведенных в 2003 году экспедицией Института археологии РАН (Яблонский и др., 2004; Яблонский 2004б), в каждом из курганов удалось обнаружить не найденные до тех пор впускные погребения. Материалы эти еще ждут полной публикации, но уже сейчас они со всей очевидностью выявили два обстоятельства:

1. Наиболее ранние (центральные) захоронения в курганах Прохоровского могильника датируются в пределах IV–III вв. до н. э., но наибольшее количество из раскопанных вновь впускных захоронений датируется в пределах III, возможно, III – начало II в. до н. э. Напомню в связи с этим, что ранее были датированы в пределах III–II вв. до н. э. погребения V Бердянского могильника в Оренбуржье (Моргунова, Мещеряков, 1999), которые и по признакам погребального обряда, и по составу сопровождающего инвентаря однотипны Прохоровским.

2. Одно из раскопанных в могильнике захоронений дало богатый и разнообразный по составу инвентарь, который имеет явные аналогии в материалах филипповского хронологического горизонта. Датировка этого захоронения (вторая половина IV – начало III вв. до н. э.) опирается на хорошо датированные аналогии с территории Греции, а даты остальных (впускных захоронений) в том числе – на типологию предметов вооружения (бронзовые и железные наконечники стрел, железные мечи и кинжалы).

Раскопки в Прохоровке еще раз (см. Скрипкин и др., 2002) и теперь уже окончательно показали, что заявления о существовании «хиатуса» между памятниками типа «филипповки» и классическими прохоровскими, утверждения об отсутствии захоронений III в. до н. э. в памятниках прохоровского типа Приуралья являются абсолютно необоснованными и не подлежат больше серьезному научному обсуждению.

Однако вопрос о культурно-генетическом соотношении памятников предсарматского и раннесарматского типа в Приуралье еще нуждается в решении. Так, в материалах Прохоровских мо-

гильников захоронения савроматской эпохи безжалостно прорезались и разрушались впускными погребениями прохоровского времени (см., например: Яблонский и др., 1995; Яблонский и др., 1996). Это может свидетельствовать о том, что прохоровцы не рассматривали сооруженные до них курганные насыпи как принадлежащие им самим или их предкам. Между тем и наши, и другие палеоантропологические исследования (Балабанова, 2000) приводят к выводу о физическом сходстве во всяком случае некоторых групп кочевого населения Южного Приуралья обеих эпох. В свою очередь, данные археологии, в том числе полученные из того же Прохоровского могильника, демонстрируют в ряде случаев определенное сходство в типологическом составе сопровождающего инвентаря.

Все это может свидетельствовать о сетевидной системе культурно-генетических взаимоотношений между отдельными и, вероятно, не всегда близкородственными популяциями. Часть из них могла сосуществовать во времени и в пространстве южноуральских степей (конец V – IV вв. до н. э.), вступая в прямые генетические контакты либо приобретая новые физические характеристики в результате процессов антропологической диффузии. Другие же группы кочевников, волнообразно захлестывающие степи Южного Приуралья на протяжении конца IV и III вв. до н. э., не были связаны генетически (в прямом, биологическом смысле этого слова) с предшествующими по времени популяциями и никогда не вступали с ними в генетические контакты, принадлежа, однако, к их культурным наследникам в регионе.

Как бы то ни было, антропологические данные говорят о принадлежности разновременных групп приуральских (в том числе и зауральских) кочевников эпохи раннего железа к общему предковому пласту. Наиболее вероятная географическая локализация очага расообразования (о термине см.: Алексеев, 1974) для этих групп – степи и лесостепи Зауралья эпохи поздней бронзы. В раннесакское время к этому очагу имели непосредственное отношение также скотоводы Северного и Центрального Казахстана и Южного Приуралья.

На фоне относительной однородности материального комплекса прохоровцев в Волго-Уральском регионе и в общем сходного комплекса признаков погребального обряда антропологические данные демонстрируют исключительную сложность генетических процессов, сопровождавших формирование раннесарматской культуры Южного Приуралья. Яркие подтверждения этому тезису дают палеоан-

тропологические материалы из могильников у села Покровка Оренбургской области.

Здесь, при слиянии рек Илек и Хобда, располагается система курганных могильников, которые датируются от эпохи бронзы до позднесарматского времени. Пять могильников, расстояние между которыми не превышает три км (рис. 3.37), были раскопаны полностью (могильники Покровка 1, Покровка 2, Покровка 7, Покровка 8 и Покровка 10). Подавляющее число захоронений в них датируется раннесарматским временем (IV–II вв. до н. э.). Раскопки дали серийный палеоантропологический материал (Яблонский, 1999б), который позволяет провести его сопоставление на межгрупповом уровне.

К расчетам, проведенным с использованием метода главных компонент, были привлечены серии раннепроторовского времени из могильников Покровка 1, 2, 7 и 8, а также серии эпохи бронзы и раннего железа из Приуральского, Казахстанского и Среднеазиатского регионов (Яблонский, 2000а). Оказалось, что главная компонента I, отражающая более 36% внутригрупповой изменчивости, выделяет, с одной стороны, мезокраниальные широколицые черепа с уплощенным лицевым скелетом и относительно высокими глазницами, а с другой – долихокранные, с низкими глазницами, относительно узким и резко профилированным лицевым скелетом. Совершенно очевидно, что эта компонента выявляет градиент «монголоидность»–«европеоидность».

Главная компонента II (более 18% внутригрупповой изменчивости) демонстрирует наличие мезокраниальных черепов с большими тотальными размерами лицевого скелета, уплощенного в горизонтальной профилировке на среднем уровне.

Главная компонента III (более 16% внутригрупповой изменчивости) описывает черепа, у которых увеличение тотальных размеров лицевого скелета сопровождается увеличением высоты глазниц и уменьшением высоты переносия и угла выступления носовых костей. Таким образом, градиент «монголоидность–европеоидность» оказывается преобладающим также для главных компонент II и III.

Результаты расчетов в графическом выражении представлены на (рис. 3.38). Представление о масштабе внутригрупповых различий по вектору главной компоненты I дают серии, с одной стороны, срубников Нижнего Поволжья и скифов Причерноморья (абсолютные европеоиды, генетическая связь которых более чем вероятна – Яблонский, 2000б), а с другой – серия из Южного Тагискаена, представля-

ющая массивных, европеоидных в основе своей мезокраниальных с известной долей монголоидной примеси (Итина, Яблонский, 1997).

Размах внутригрупповой изменчивости по вектору главной компоненты II в целом невелик. Дискретное расположение серий из Уйгарака и с территории Курганской области объясняется повышением, по сравнению с остальными, долей монголоидного компонента. Однако природа этого компонента в обеих сериях неодинакова – приаральские черепа отличаются большими тотальными размерами лицевого скелета, сопоставимые с теми, что характерны для представительной центральной азиатского типа в составе большой монголоидной расы. Черепа из Курганской области по своим основным параметрам легче вписываются в размах изменчивости краниологических серий, относимых обычно к южносибирскому варианту монголоидов, в составе которых европеоидная основа выражена гораздо более отчетливо. Кроме того, специфика зауральской серии может быть связана с вероятной разнородностью составивших ее черепов. Если же отвлечься от частностей, график иллюстрирует следующие основные тенденции.

В пространстве первых двух главных компонент наблюдается три основные скопления краниологических серий, специфическую подгруппу (нижняя часть графика) составляют серии срубников Нижнего Поволжья и скифов Причерноморья). Черепа обеих серий различаются между собой лишь по признаку общей массивности, что легко объясняется с точки зрения проявлений эпихальной изменчивости (общая тенденция к грацилизации черепа). С учетом масштаба дискретности ее положения становится очевидным, что генетически эта группа не связана с остальными.

В верхней части поля располагается скопление выборки, представляющих ранних сарматов Покровки 1 и 2, Мечет-сая (также илекская группа ранних сарматов), Южного Тагискаена. Морфологическое ядро внутри этого скопления образуют серии сарматского времени Зауралья (с территории Омской и Тюменской областей). Все это относительно массивные европеоиды с некоторой долей монголоидной примеси, имеющей, вероятно, истоки в физическом типе населения Зауралья эпохи поздней бронзы.

Центральная группировка серий обнаруживает определенное сходство с предыдущей. Ее основу составляют генетические наследники андроновцев Казахстана (сборная серия) и населения Южного Приуралья савроматского времени. Все это мезокраниальные европеоиды, различающиеся

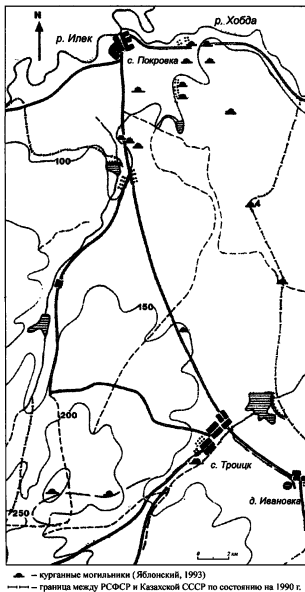

Рис. 3.37. Археологическая карта окрестностей села Покровка

по признакам соотношения тотальных размеров лицевого скелета – относительно низколикие и более или менее широколикие. Судя по тому, что внутри этой группировки оказались черепа из Покровка 8, демонстрирующие мезобризианский низколикий, умеренно гиперморфный тип, со слегка уплощенным лицевым скелетом, можно предположить, что в составе этого скопления присутствуют и генетические наследники древних автохтонов Волго-Уральского региона.

В контексте темы этого исследования важно подчеркнуть, что ранние сарматы Покровка, принадлежащие к общему культурно-хронологическому горизонту и обладающие заметным сходством по признакам погребального обряда и комплексам сопровождающего инвентаря, обнаруживают выраженную антропологическую гетерогенность.

Серии из могильников Покровка 1 и Покровка 2 (вместе с тагискенскими) тяготеют к вариантам, имеющим, вероятнее всего, зауральское лесостепное происхождение. Черепа из могильников Покровка 7 и Покровка 8 (вместе с хорезмийскими) обнаруживают параллели в сборной серии савроматского времени Поволжья и Приуралья. В формировании этого антропологического типа решающее значение имел, по-видимому, пласт, представленный в эпоху бронзы классическими (степными) андроновцами, у которых монголоидная примесь не выявляется.

Материалы покровских могильников определенно позволяют предполагать, что в процессе формирования раннесарматской (прохоровской) культуры Южного Приуралья приняли участие гетерогенные группы кочевников, имеющие различное генетическое происхождение. Участие в этом процессе выходцев из районов Нижней Сырдарьи не исключено, но оно было, вероятно, кратковременным и не определило ни культурный, ни физический облик населения Южного Приуралья в последующие эпохи (ср.: Таиров, 1998. С. 88). Косвенные (с учетом хронологической лакуны) доводы в пользу последнего предположения предоставляют антропологические материалы из могильника Покровка 10 позднесарматского времени. В составе резко гетерогенного населения, оставившего этот могильник, не прослеживается компонента, происхождение которой можно было бы уверенно связывать с районами именно Южного Приуралья (Малашев, Яблонский, 2004).

В прохоровское время на территории Южного Приуралья образовался своеобразный очаг этно- и культурогенеза сарматов. Уже к III веку до н. э. степной приуральский регион стал своеобраз-

ным плацдармом для дальнейших волнообразных и разнонаправленных миграций кочевников, которые к среднесарматскому времени привели, очевидно, к депопуляции населения – в регионе известно лишь 56 отдельных захоронений этого периода (Сергацков, 2002). В позднесарматское время (судя по материалам из Лебедевского могильника и могильника Покровка 10) некоторые районы Южного Приуралья вновь становятся ареной обитания относительно крупных кочевых объединений, являясь, однако, в то время далекой периферией сарматского мира.

Заключение

В результате усилий нескольких поколений археологов и палеоантропологов на протяжении XX столетия были накоплены данные, которые позволяют обоснованно говорить о хорошей изученности разнообразных памятников раннего железного века Арало-Уральского региона. Вместе с тем надо отдавать себе отчет в том, что вся совокупность этих данных представляет собой лишь верхушку айсберга, представляющего специфику этногенетических процессов, протекавших в азиатской степи в эпоху становления здесь кочевого и полукочевого уклада хозяйственной жизни. Свидетельство тому – неожиданные открытия, случающиеся при раскопках новых памятников этой эпохи. На протяжении только нескольких истекших лет такого рода открытия, позволяющие по-новому взглянуть на процессы формирования раннекочевых сообществ востока Евразии, были сделаны в отдаленных друг от друга районах степи (см., например: Аржан..., 2004; Яблонский и др. 2004; Яблонский, 2004). Поэтому представляется очевидным, что любые этногенетические реконструкции истории ранних кочевников остаются лишь специфическими моделями, более или менее адекватно отражающими общие исторические реалии. Некоторые из таких моделей были представлены в данном исследовании.

Данные картографирования археологических памятников, датирующихся временем перехода от эпохи бронзы к раннему железу и начала раннего железного века, дают все основания полагать, что процесс формирования кочевых сообществ Южного Приуралья и Южного Приуралья начался в результате миграций. На этой территории не прослеживается ни прямой культурной, ни непосредственной генетической связи между популяциями эпохи поздней бронзы и раннего железа. Данные археологии и палеоантропологические материалы

согласованно свидетельствуют о преобладании восточного импульса в ходе этих миграций, о вероятной зауральской прародине мигрантов. Если предположить, что Геродот распространял этноним «скифы» и на кочевников, составивших эту первую миграционную волну, то его версия о том, что скифы пришли из Азии (то есть с территории к востоку от Яксарта-Сырдарьи и из Зауралья), звучит вполне правдоподобно с точки зрения современных научных знаний (Яблонский, 1998а). Независимо от того, как далеко распространился этот миграционный импульс на запад, он несомненно привел к глобальным изменениям на этнокультурной карте степной Евразии в целом, хотя и не изменил характера антропологического покрова степей Поволжья, Северного Причерноморья и Предкавказья. Воздействие этого импульса не затронуло территории Южного Приуралья, где комплексы археологических памятников конца VIII – первой половины VI вв. до н. э. практически отсутствуют. Последнее обстоятельство стимулировало хотя бы отчасти упомянутую выше гипотезу о приаральском происхождении наиболее ранних кочевых сообществ Южного Приуралья.

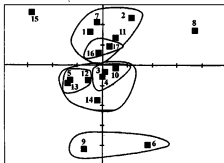

Рис. 3.38. Некоторые краниологические серии Волго-Уральского региона эпохи бронзы и раннего железа в пространстве двух первых главных компонент. Мужчины

1 – Покровка 1; 2 – Покровка 2; 3 – Покровка 7; 4 – Покровка 8; 5 – андроновцы Казахстана; 6 – срубники Нижнего Поволжья; 7 – Южный Тагискен; 8 – Уйгара; 9 – скифы Причерноморья; 10 – савроматы Поволжья и Приуралья; 11 – Мечет-Сай (раннесарматское время); 12 – ранние прохоровцы Нижнего Поволжья; 13 – Сахар-чага 1, коллективные сооружения; 14 – Сахар-чага 1, подбой; 15 – сарматское время, Курганская область; 16 – сарматское время, Тюменская область; 17 – сарматское время, Омская область

Мы же пытались показать, что при общем сходстве некоторых комплексов материальной культуры (в основном предметов вооружения) и отдельных признаков погребального обряда, входящих в культуру различных степных и лесостепных этносов и имевших надэтнический характер, этническая культура этих этносов по тем же параметрам не совпадала. Это делает вероятным предположение о том, что отмеченные черты сходства возникли конвергентно на территории Приуралья и Приаралья на базе общего культурно-хронологического пласта, ядро которого помещалось в Зауралье. Во второй половине – конце VI в. до н. э. в Приаралье происходит смена типологического состава вооружения и стилистики звериного стиля. Это явление объясняется не столько непосредственной генетической связью кочевников Приуралья и полусоседских скотоводов и земледельцев Приаралья, в том числе хорезмийцев (Воробьева, 1973), сколько переориентацией среднеазиатского населения на новые металлургические центры производства данных категорий материальной культуры. Эти центры стали общими и для Приаральского, и для Приуральского населения.

В конце VI – начале V вв. до н. э. на территории Южного Приуралья новый миграционный импульс, имевший опять же зауральское происхождение, приводит к освоению кочевыми объединениями степной полосы Южного Приуралья, которая не была практически заселена с эпохи бронзы. Этот импульс имел локальный характер и не затронул, или почти не затронул территорию Средней Азии. При этом отдельные находки, сделанные на памятниках этого времени в Южном Приуралье, со всей очевидностью свидетельствуют о культурных связях местного населения с весьма отдаленными от них районами среднеазиатского региона.

На протяжении V века до н. э. миграционная активность зауральских скотоводов приводит к появлению отдельных их популяций на территории нижней Сырдарьи, левобережного Хорезма и на Устюрте. Это предположение кажется вероятным с учетом географии распространения коллективных захоронений в широкопрямоугольных ямах с дромосами, в инвентаре которых присутствуют круглодонные формы керамики, не свойственные населению этих районов в предшествующее время.

Наибольшее значение этот новый миграционный импульс имел для степей и лесостепей Южного Приуралья, где территориально разобщенные археологические комплексы демонстрируют сходные тенденции в оформлении погребального

обряда – в ряде курганов центральное положение занимают относительно более ранние дромосные могилы, а периферийные (впускные) содержат индивидуальные захоронения в узких ямах и подбоях. Хронологическая лакуна между обоими типами захоронений отсутствует. Полученные материалы из курганов у деревни Прохоровка еще раз свидетельствуют о непрекращающейся линии развития культурных комплексов местных скотоводов на протяжении V – начала III вв. до н. э. В погребении 3 кургана «Б» этого могильника мы сталкиваемся с сочетанием вещей архаичных, характерных для «предсарматского» времени (блюдо из рога лося, золотые накладки на деревянную чашу, напоминающие филипповские, ониксовый туалетный сосуд), с теми признаками погребального обряда и артефактами, которые получают дальнейшее развитие на протяжении III–II вв. до н. э. (подбой, южная ориентировка головы, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, сероглиняный круговой кувшин предкавказского производства, гешировые бусы). Подобные примеры делают обоснованной гипотезу о вызревании культурных комплексов раннесарматского времени в недрах непосредственно предшествующего культурно-хронологического горизонта, причем одновременно в Зауралье и в Южном Приуралье.

На протяжении IV–III вв. до н. э. степи и лесостепи Южного Приуралья становятся ареной количественного накопления, культурного и генетического взаимодействия гетерогенных в антропологическом отношении популяций. На протяжении двух–трех столетий отдельные коллективы попадают сюда в относительно асинхронные (не поддающиеся точному археологическому датированию) периоды. Поэтому можно предположить, что если некоторые из них уже являлись автохтонами региона, то другие оказывались в роли новопоселенцев. Поэтому даже теоретически трудно предположить, что все популяции раннесарматского времени Южного Приуралья имеют строго локальное происхождение и непосредственную генетическую связь. Данные антропологии демонстрируют это со всей очевидностью.

В IV в. до н. э. (вероятно, к концу этого столетия) начинается процесс, получивший дальнейшее развитие на протяжении III в.

до н. э., – кормовая база степей Южного Приуралья постепенно истощается, что становится стимулом для разнонаправленных миграций приуральских скотоводов на новые территории, где они вступают в новые генетические и культурные контакты с автохтонами этих территорий. В зависимости от конкретных ситуаций они составляют либо субстрат, либо суперстрат на этих новых землях, в любом случае обеспечивая дальнейший процесс мультикультурного развития степных популяций Евразии.

Таким образом, на материалах из памятников ранних кочевников Приуралья выявляются три культурно-хронологических горизонта, которые можно условно обозначить как раннесакский, древнепрохоровский (по А.Д. Таирову, 1998) и прохоровский. Хронологические границы между каждым из этих горизонтов в датах абсолютной хронологии не совпадают на разных территориях ареала раннекочевых сообществ Волго-Уральского региона, а типологическая принадлежность отдельных памятников, составляющих эти горизонты, должна, очевидно, определяться в индивидуальном порядке с учетом соответствующих культурообразующих маркеров.

Другой вывод из всего сказанного состоит в том, что хронология и периодизация памятников ранних кочевников Приуралья, предложенная в свое время Б.Н. Граховым и К.Ф. Смирновым, выдержала проверку временем и в принципе остается неизменной. Вместе с тем, лавинообразное накопление новейших археологических материалов диктует необходимость, оставаясь в общих рамках этой периодизации и хронологии, разрабатывать локально-региональные типологические и хронологические колонки, выстраивая их с учетом культурно-исторической специфики каждого географического локуса и, наконец, каждого отдельного памятника в пределах данного локуса.

* Я остаюсь сейчас без комментариев фундаментальный труд В.А. Тишкова (2003), в котором высказывается особая и дискуссионная, на мой взгляд, позиция в отношении этноса и этничности. Эта позиция нуждается в специальном и тщательном анализе со стороны специалистов-этнологов. В рамках этого исследования я буду придерживаться подходов и положений, традиционных для отечественной этнографии.

§1. Современное состояние исследований

Поздняя древность и средневековье являются ключевыми периодами в истории евразийских степей. Именно в это время закладывается и окончательно формируется этнокультурный облик современных народов, населяющих степную зону континента. В урало-казахстанских степях этот период своеобразно отделен от древности временным отрезком порубежья эр (I в. до н. э. – I в. н. э.). Это объясняется тем, что на подавляющей части степей Северного и Западного Казахстана, а также степей Южного Урала, за исключением западных районов Приуралья, памятники этого периода (так называемого среднесарматского времени) встречаются крайне редко. Причиной тому являются особенности историко-культурных процессов, вызванных аланскими миграциями из Восточного Туркестана и Средней Азии в Восточную Европу. По мнению И.В. Сергацкова, маршрут наиболее поздних сармато-аланских миграций из Средней Азии пролегал южнее Каспия, вдоль его западного побережья в Волго-Донье (Сергацков, 1998). В этой связи южноуральские и казахстанские степи являлись дальней восточной периферией по отношению к донской Алании (Боталов, 2003. С. 112–113. Рис. 4,30). Данные обстоятельства и логика историко-культурного развития региона вынуждают исследователей рассматривать многие вопросы культурогенеза периода поздней древности и раннего средневековья в единых разделах.

Как известно, данный раздел открывают гунно-сарматские памятники урало-казахстанских степей, которые многие исследователи по ранее сложившейся традиции относят к кругу памятников позднесарматской культуры, выделенной на материалах комплексов II–IV вв. н. э. Нижнего Поволжья (Скрипкин, 1984). По мнению С.Г. Боталова и С.Ю. Гуцалова, гунно-сарматские комплексы являются памятниками раннегуннского этапа и, несмотря на единые историко-культурные истоки происхождения с позднесарматскими курганами Волго-Донья, содержат ряд существенных черт культурного различия (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 145–184). Территория распространения памятников гунно-сарматской культуры с востока ограничивается бассейном среднего течения Ишима,

на севере – кромкой лесостепи, на юге – предгорьями Мугоджар, на западе – левобережьем Урала. Наибольшая плотность памятников данного круга приходится на район Западного Казахстана: Северо-Восточный Прикаспий (бассейн Калдыгайты и Уила) и бассейн Илека, где в последние годы выявлены десятки гунно-сарматских некрополей, включающих от 10–20 до 100 погребальных и культурных комплексов (Боталов, Бисембаев, 2002).

Весьма сложным для решения остается вопрос этнокультурной идентификации населения гунно-сарматской культуры. Введенное более пятидесяти лет назад понятие «позднесарматская культура» для завершающего историко-культурного этапа существования единой сарматской общности довлеет над представлениями большинства исследователей памятников поздней древности. Представление о культуре кочевников гунской эпохи (конец IV–V вв.) составляют три десятка абсолютно разрозненных комплексов, искусственно объединенных по наличию в них предметов полихромного стиля (Засека, 1994). Поэтому, несмотря на безусловное признание исторической и культурной преемственности азиатских сюннов, хуннов и европейских гунов, среди большинства авторитетных исследователей этой темы (Артамонов, 1962. С. 42; Бернштам, 1951. С. 80–112; Гумилев, 1960. С. 220–225; Кюннер, 1961. С. 176–179; Мандельштам, 1978. С. 24; Толстов, 1937. С. 100), переходный процесс культурогенеза ранних гунов представляется сегодня весьма смутно. В лучшем случае ранних гунов связывают либо с населением, оставившим подобно-катакомбные комплексы кенкольского типа степных оазисных зон и Средней Азии (Бернштам, 1951; Кожомбердиев, 1960а; Смагулов, Павленко, 1996; Хабдулина, 1999), несмотря на то, что эта точка зрения ранее справедливо критиковалась в литературе (Сорокин, 1956), либо абстрактно помещают их в пределах Юго-Восточного Казахстана (Яценко, 1998). В худшем случае высказывается точка зрения, отрицающая культурно-историческую преемственность хуннов и гунов (Миняев, 1990). Действительно, отделенные между собой на тысячи километров и по меньшей мере на два столетия сюнская-хунская (II–I вв. до н. э.) и раннегунская (II–IV вв. н. э.) культуры и памятники, их представляющие, на первый взгляд, весьма трудно под-

даются формальному сравнению. С этой целью в последних работах С.Г. Боталовым предприняты сопоставление и систематизация материалов из погребальных комплексов азиатских степей поздней древности и раннего средневековья (Боталов, 2003; 2003а). Методологической основой исследования явилось представление, что кочевые этносы в своей материальной и духовной культуре несут характерный именно для них историко-культурный комплекс (ИКК), своеобразный код, который составлен из наиболее значимых черт и традиций их культуры. Безусловно, этот ИКК в процессе переселений и изменения геокультурного пространства этноса видоизменяется, но доминирующее этносоциальное сообщество продолжает сохранять его основные черты, которые на последующих стадиях выступают своеобразными маркерами (Боталов, 2003. С. 106). Данный подход позволяет определить интегрирующие черты, объединяющие различные группы памятников. При этом их набор не обязательно будет сходным для различных объединений. В результате, несмотря на значительные локально-территориальные различия, хуннский ИКК Северного Китая, Большой Монголии, Забайкалья и Тувы в целом довольно хорошо идентифицируется в рамках сюнну-хуннского ареала. Его характеризуют следующие черты погребального обряда: для рядовых захоронений – округлые каменные насыпи (а также грунтовые и бескурганные погребения), узкие прямоугольные ямы, гроб, северная ориентировка; для аристократических усыпальниц – сложные многокамерные прямоугольные с дромосом (на юг) склепы, глубокие ямы, на дне которых внутри сруба помещался гроб с умершим, уложенным головой на север, головы крупного и мелкого рогатого скота – в торцевых нишах. Вещевой комплекс включает лук (цельнодеревянный, составной с «гуннским» набором костяных накладок), колчан (наконечники в преобладающем количестве двухлопастные ромбические черешковые и трехлопастные асимметрично-ромбические и ярусные) (Худяков, 1986. С. 30–42), узду, состоящую из кольчатых удиц, железных двуудырчатых псалев и крупных колец для перекрестных ремней и крупных подпружных пружек (Коновалов, 1976. Табл. VI, IX, X, XI; Давыдова, 1996. Табл. 70, 10–12, 21–22, 25, 26), ножи с прямой спинкой, с деревянной и костяной рукояткой, разнообразную по форме гончарную посуду (хумы, вазы, горшки и др.), похоронный набор (наконечники ремней, ажурные бляхи с зооморфным орнаментом, фигурные накладки), ханьские зеркала, а также бусы, подвески и бубен-

чики (Дзрескуйский, Ноин-Ула, Ильмовая Падь, Иволгинский) (Боталов, 2003. С. 107). Для установления черт сходства, выделяющих хуннский ИКК из групп кочевнических памятников более западных регионов (Среднеазиатские оазисы и урало-казахстанские степи), был использован метод культурно-региональной классификации, ранее предложенный Ю.А. Заднепровским (1975; 1992; 1992а; 1992б; 1992в) и другими авторами (Литвинский, 1967; 1972; 1976; Горбунова, 1984, 1991; Берлизов, Каминский, 1993). В результате выделено шесть основных ИКК. К наиболее ранним из них относятся памятники *сарматско-юзчжиского ИКК (лявандакская группа)*, занимающие северные окраины среднеазиатских оазисов (Ташкентского, Бухарского, Самаркандского, а также Хорезм, Казахстан и Южный Урал) и представляющие собой подобно-катакомбные комплексы конца III–II веков до н. э. – I века н. э. Они получили дальнейшее историко-культурное развитие в катакомбных (дромосных) комплексах *алано-кангюйского ИКК (кенкольская группа)* I–V веков н. э. (Талас, Фергана, Кетмень Тюбе, Арысь, памятники Самаркандского, Бухарского, Ташкентского оазисов и др.). Еще одну культуроединную группу образуют усуньские комплексы на территории Киргизии, Юго-Восточного Казахстана и Западного Синьцзяна с каменными курганами и оградами, могилами с западной ориентировкой (*чильтекская группа*) – *сако-усуньский ИКК*. С II–I вв. до н. э. в Предпамырь и Северной Бактрии складывается тулхарская группа памятников (каменные курганы, простые и подобные захоронения с северной ориентировкой), которая продолжает свое развитие в кушанскую эпоху. В целом она составляет *юзчжиско-кушанский ИКК*. Наиболее позднюю группу образуют *джетысарские* погребальные памятники низовий Сырдарьи, абсолютное большинство которых относится к V–VIII вв. И, наконец, шестую группу образуют уже упомянутые гунно-сарматские памятники урало-казахстанских степей. Наиболее ярко черты сходства с хуннскими ИКК проявляются именно в гунно-сарматских памятниках, появление которых в урало-казахстанских степях относится к середине II века н. э. Безусловно, эти памятники имеют свои особенности, которые, по мнению С.Г. Боталова, объясняются временными (хуннские материалы представлены в основном памятниками II–I веков до н. э.) и геокультурными различиями хуннского и сармато-гуннского культурных очагов. При этом продолжают сохраняться наиболее общие черты хунно-гуннского ИКК – простые

курганы, склепообразные и фигурные наземные конструкции с проходом в южной части, гробы, северная ориентировка умерших, особый тип ременной гарнитуры для узды и поясов (с прямоугольными, восьмерковидными, сферическими накладками и с листовидными и кольцевидными привесками), длинные обоюдоострые узкие мечи с прямым перекрестием или без него и с круглым навершием (северокитайского происхождения), трехлопастные железные и асимметрично-ромбические костяные наконечники стрел, котлы (монгольского и ордосского происхождения), ханьские зеркала. Справедливости ради, следует отметить, что вполне определенные черты сходства с хуннским и гуно-сарматским ИКК имеют памятники юэжкийско-кушанского ИКК и кочевнические курганные комплексы, составляющие значительную часть погребений *джетыасарской группы*, которая названа С.Г. Боталовым *гуно-кангойским ИКК*. Сходство с юэжкийско-кушанскими памятниками II-I вв. до н. э. объясняется, вероятнее всего, едиными истоками и территориями культурогенеза (Хэси, Припьяньшань). В целом появление этих комплексов в Северной Бактрии и Предпамиире в II-I вв. до н. э. и дальнейшее развитие юэжкийских погребальных традиций в кушанскую эпоху происходило в конкретной геокультурной области и не противоречило общей исторической ситуации.

Следующей, не менее интересной геокультурной областью является район низовий Сырдарьи. Здесь, вероятнее всего в первых веках нашей эры, появляются первые погребальные комплексы *джетыасарской культуры*, однако, как показала проведенная корреляция вещевого инвентаря курганных и склеповых погребений, абсолютное их большинство относится к V-VIII вв. н. э. Вероятнее всего, *джетыасарские* памятники *гуно-кангойского ИКК* в массе своей относятся к постгунготскому периоду. Схожесть основных черт этого ИКК (склепные и курганные наземные сооружения, простые и подбойные ямы, северная ориентировка, деформация черепа, схожесть состава и типов погребального инвентаря) с *гуно-сарматскими* наводит на мысль об общегунготской историко-культурной преемственности *джетыасарского* населения, составляющего, по всей видимости, основное этнокультурное ядро среднеазиатских «белых» гуннов – эфталтов (Боталов, 2003а).

Весьма интенсивно в последние годы накапливается источниковедческая база, которую составляют наиболее ранние средневековые па-

мятники переходного этапа конца IV-V вв. Как известно, данный период является своеобразным неисследованным, неведомым, «смутным» временем для урало-казахских степей (Боталов, 1996а. С. 196). Основные поступления информации и материалов по данному периоду связаны с исследованием комплексов курганов «с усами», проведенным в последние годы уральскими и казахстанскими археологами: А.Д. Таировым, И.Э. Любчанским, С.Г. Боталовым, С.Ю. Гуцаловым, Ф.А. Сунгатовым, О.Ф. Бытковским, А.З. Бейсеновым, А.А. Бисембаевым (Любчанский, 1998; Таиров, Любчанский, 1999; Боталов, 1998, 1999, 2000; Сунгатов, 2003; Бейсенов, 1999; Бейсенов, Волошин, 2002). Новые данные обосновывают правомерность предложенной ранее точки зрения о пересмотре культурно-хронологической принадлежности курганов «с усами» и датирования их в рамках раннего средневековья (Боталов, 1996. С. 203). Наиболее раннюю позицию в этом ряду занимает курган Солончанка I, богатейший вещевой комплекс которого позволяет поместить его в рамках V века н. э. (Таиров, Любчанский, 1999). Верхняя граница датирования курганов с грядами на сегодняшний день устанавливается в рамках VII-VIII вв. (Боталов, 1998. С. 325; Бейсенов, Волошин, 2002. С. 173).

По мнению С.Г. Боталова, курганы «с усами» являются единокультурными с ранее известными комплексами селенташского типа (Боталов, 1996, 2000. С. 289–317). Это обосновывается схожестью курганных сооружений (округлые и подквадратные каменные насыпи; вымостки; подквадратные ограды, ориентирование по сторонам света) и схожестью культовой обрядности, совершаемой в них (размещение костровиц и продуктов огня на погребальной поверхности, а также скелетов и макетов лошадей, костей барана; помещение здесь же предметов конной упряжи, ременной гарнитуры, вооружения; установка керамических сосудов в небольших углублениях в одном из секторов подкурганной площадки). Отличительным признаком курганов «с усами» является наличие или отсутствие в них каменных гряд. Автором предложено рассматриваемые комплексы отнести в целом к памятникам селенташского типа. К раннему периоду существования этих комплексов (конец V–VIII вв.) отнесены курганы «с усами», к позднему (VIII–IX вв.) – селенташские курганы, не имеющие гряд (Боталов, 2000. С. 289–317). В этой связи С.Г. Боталовым высказывается основная на сегодняшний день точка зрения на этно-

культурную принадлежность курганов селенташского типа, в том числе курганов «с усами». По его мнению, данные памятники связаны с раннетюркским населением урало-казахстанских степей.

Эта точка зрения обосновывается тем, что большинство известных тюркско-телесских культово-погребальных памятников представляют собой мегаплановые сооружения – прямоугольные валлообразные наземные храмы и каменные гряды, ориентированные по линии 3–В. Центральное место в этих сооружениях занимают подквадратные ограды, внутри которых на дневной поверхности производилась жертвенно-поминальная тризна. По мнению С.Г. Боталова, курганы «с усами» являлись своеобразной культурно-локальной вариацией подобных сооружений для населения Западно-Тюркского Каганата (Боталов, 2003а). Западная граница распространения этих памятников находилась в Приднепровских степях (Новогригорьевка, курган 18) (Семенов, 1988), а восточная граница, вероятнее всего, находилась в пределах Синьцзяна, где исследованы комплексы – Кээрмуци и могила Хусуй (Худяков, Комиссаров, 2002. С. 97; Фуанши Няньцюань... 1997. С. 414–417). Комплекс Кээрмуци представляет собой некую переходную форму от курганов с грядами к прямоугольным пантеонам, хорошо известным по раннетюркским материалам Монголии (Войтов, 1996). Он был сооружен в виде двух каменных гряд, огибающих прямоугольное пространство, но при этом разомкнутых в восточной части и образующих символический проход. Центральную часть пантеона составляли три прямоугольные оградки (Худяков, Комиссаров, 2002. С. 97). Комплекс Кээрмуци и могила Хусуй, несмотря на отсутствие датирующего материала, планиграфически абсолютно схожи с урало-казахскими комплексами курганов «с усами».

Среди исследователей сегодня нет единой точки зрения на хронологическую и этнокультурную интерпретацию памятников данного круга. Основной исследователь курганов «с усами» в Центральном Казахстане А.З. Бейсенов продолжает соотносить эти комплексы с памятниками тасмоланской культуры (Бейсенов, 1999; Бейсенов, Волощина, 2002). И.Э. Любчанский отвергает порокультурную принадлежность курганов с грядами, но не предлагает какой-либо иной достаточно аргументированной точки зрения (Любчанский, 1998).

К сожалению, весьма медленно идет накопление материала в степной зоне периода развитого средневековья (VIII – начало XIII вв.). В последнее десятилетие новые поступления по данной эпо-

хе представлены материалами десятка курганов VIII–IX вв., исследованных А.А. Бисембаевым на территории Западного Казахстана. Особенности погребального обряда и характер вещевого материала позволили автору прийти к выводу, что материалы левобережного бассейна Среднего Урала позволяют говорить о значительной пестроте этнической карты развитого средневековья и о наличии среди печенежских и огузских объединений древнебашкирских и финно-угорских групп (Бисембаев, 2001. С. 155).

По мнению В.П. Костюкова, малочисленность в урало-казахстанской степи памятников XI – начала XIII в. объясняется, прежде всего, тем, что хозяйственные и политические интересы кыпчаков и родственных им канглов были сосредоточены на юге – в Приаралье, нижнем и среднем течении Сыр-Дарьи. Ситуация изменилась с началом монгольской экспансии. Резкое увеличение погребений золотоордынского времени, свидетельствующее о более активном освоении северной периферии степи, могло иметь несколько совокупно действовавших причин: сюда устремились часть беглецов после разгрома армий хорезмшаха Мохаммеда; разоренными монголами оазисам Средней Азии оказалось не под силу, как это было раньше, содержать массы кочевников; Шибану и его преемникам, получившим в инджу несколько «старинных родов», вменялась в обязанность контроль над населением лесостепи и таежной зоны, а также обслуживание урало-казахстанского участка летнего почтового тракта, соединявшего ставки великого хана и главы Улуса Джучи. Общепринятый тезис о кыпчакской принадлежности едва ли не всех золотоордынских памятников В.П. Костюков считает недоказанным, более того – крайне негативно влияющим на этногенетическое направление золотоордынских исследований. В самом деле, сейчас в подавляющем большинстве публикаций кыпчакским (половецким) объявляется практически любое погребение XIII–XIV вв., каким бы набором признаков оно не характеризовалось, хотя слабость такого подхода в археологии осознается. Недавно И.В. Антонов дал словившейся практике теоретическое обоснование, высказавшись в том смысле, что «вряд ли у кыпчаков вообще была единая в пространственном и временном отношении археологическая культура» (Антонов, 2000. С. 5). Кыпчаки, таким образом, признаются совершенно уникальной субстанцией среди изучаемых археологией народов – фантомом, «терминаторами» средневековья. Впрочем, каким бы парадоксальным не

представлялось положение в археологии, оно не может быть изменено прежде ревизии всего фонда источников, и, в первую очередь – письменных, поскольку вывод о кыпчакской природе золотоордынских памятников почти целиком почерпнут из них. По мнению В.П. Костюкова, внимательное и непредвзятое прочтение письменных источников обнаруживает, что среди них нет таких, которые бы регистрировали численное преобладание кыпчаков в Улусе Джучи. Наоборот, авторы, по времени близкие к завоеванию Средней Азии и Восточного Дашт-и-Кыпчака, описывают политику монголов в отношении местных кочевых народов, как масштабную депопуляцию, если не геноцид. А это уже само по себе заставляет сомневаться в преэскапности населения домонгольского и золотоордынского периодов в Восточном Дашт-и-Кыпчаке и правомерности механической идентификации степных памятников XIII–XIV вв. как кыпчакских. Разумеется, в источниках есть сообщения о том, что некоторые кыпчаки покорились монголам сразу, но много ли было таких, не известно. Например, отец юаньского полководца Тутухи, Бандуча, перешедший к монголам с подчиненными ему людьми, в армии Хубилая командовал сотней кыпчаков. Да и сам Тутуха – символ этнического и культурного ренессанса кыпчаков в масштабе всей империи – был начальником всего лишь одного из двенадцати гвардейских корпусов, сформированных из кочевых племен. Есть сведения о включении кыпчаков наряду с представителями других племен в корпус Субэдэя и об использовании пленных кыпчаков при вторжении в Европу, но и в этом случае никаких количественных данных нет. Некоторые источники говорят о бегстве уцелевших кыпчаков, в том числе на север степи, и о последующем возвращении беглецов в Дашт-и-Кыпчак, но сколь многие вернулись, тоже не известно. По сути, тезис о доминировании кыпчаков в Улусе Джучи держится на именовании этого государства арабскими и персидскими летописцами «Кыпчаком» и «Дашт-и-Кыпчаком» да на знаменитом рассказе ал-Омари о причинах уподобления монголов кыпчакам. Статус терминов «Кыпчак» и «Дашт-и-Кыпчак» исследовала А.А. Арсланова и убедительно доказала, что в персидской литературе XIV в. они полностью утратили этническое содержание, превратившись в территориально-государственные определения (Арсланова, 1990. С. 13–14). Что же касается популярного рассуждения из сочинения ал-Омари, то оно никогда не подвергалось критике и воспроизводится с доверием, которое не всегда ока-

зывают даже очевидцам: без учета литературного контекста, в котором оно помещено, и конкретных исторических условий, в которых оно было сформулировано. В действительности, цель высказывания ал-Омари, жившего среди кыпчакской военной и административной элиты и служившего государственным секретарем при султане – кыпчаке по происхождению, заключалась отнюдь не в том, чтобы дать объективную оценку ситуации в Улусе Джучи; оно, пожалуй, и в самом деле весьма тонкое и умное, но только не в научном, а в дипломатическом аспекте (Костюков, 1998; 1999; 2004, в печати). Особого рассмотрения требует еще один лежачий в основании кыпчакведения аргумент – теория о кыпчакском происхождении языка, возобладавшего в Улусе Джучи. Она, как известно, поддерживается далеко не всеми тюркологами, и, например, такой глубокий исследователь казахского языка и его генезиса как С. Аманжолов подверг представления о кыпчакском субстрате казахского языка уничтожающей критике (Аманжолов, 1997. С. 155–159). Этническую основу Улуса Шибана составляли тюркские и отчасти монгольские племена, выведенные Джучидами из восточных районов Степи. Это достаточно убедительно демонстрируют погребальные и мемориальные памятники, находящиеся весьма яркие соответствия в синхронных и более ранних комплексах на территории от Иртыша до Байкала и наглядно отражающие этнокультурную многокомпонентность населения улуса (Костюков, 1997; 1998; 2000). Одновременно В.П. Костюков считает необходимым подчеркнуть, что было бы полной нелепостью отрицать присутствие кыпчаков в урало-казахстанской степи, и полагает целесообразным специальное изучение проблемы археологических признаков кыпчаков и других крупных племен, населявших регион в золотоордынское время.

По мнению С.Г. Боталова и А.Ф. Яминова, сравнительно малое количество памятников XI – начала XIII вв. не говорит о том, что регион Южного Урала не был заселен в кыпчакский период. Степные комплексы этого времени довольно равномерно располагаются в степных и предгорных районах Южного Урала (курган у Третьего Пlesa; Кайнсай, курган 2; Житимакские; II Тавлыкаевские; Муракаевские) и примыкающих к нему степях Западного и Северного Казахстана (Лисаковский, курган 4; Илекшар 1, курган 1, погребение 2; Базар-Тобе; Лебедевка VI, курганы 10, 11; Лебедевка VIII, курган 6; Шалкар III, курганы 2, 3; Болгарка 1, Карасу, курганы 10, 11, 20; Кос Оба, курган 11; Калмак-Чабан 1, курган 8; Шот-Кара;

Змеиный Дол; Ак Полак). При этом, безусловно, не следует забывать и о лесостепных памятниках X–XI вв. (Лагереvские, Каранаевские, Мряслимовские, Бекешевские и Синеглазовские курганы), которые несут на себе явное воздействие со стороны кимако-кыпчакского ареала. Дисперсное расселение кочевых родов кыпчакского объединения в этом регионе указывает лишь на определенные историко-культурные особенности в развитии его на данном этапе. Улусно-административная система Золотой Орды, внедренная в последующий период, как известно, призвана была производить социально-хозяйственное регулирование и равномерно распределять не только пастбищные угодья, но и территории расселения кочевых семей. Кроме того, уровень социальной консолидации кочевого населения Золотой Орды был, безусловно, более высоким. Это, бесспорно, сказалось на том факте, что курганы кыпчакского периода, как правило, являются одиночными, в отличие от многочисленных погребений больших и средних семейных некрополей золотоордынского времени. Это отразилось и на общей изученности памятников XI – начала XIII вв. урало-казахстанских степей. Однако думается, что в дальнейшем число исследованных памятников этого этапа будет неуклонно возрастать, на что указывают новые материалы, помещенные в настоящем издании.

По вопросу этнокультурной характеристики южноуральского населения, основываясь на данных погребального обряда (конструкция курганов и могильных ям, наличие скелетов и шкур лошади, западная и северо-западная ориентировка), А.Ф. Яминов и С.Г. Боталов вслед за основными исследователями (Федоров-Давыдов, 1966; Иванов, Кригер, 1988) склоняются к точке зрения, что основную массу золотоордынского населения составляли кочевые роды, входившие в ранее существовавшее геополитическое объединение, носившее название Дашт-и-Кыпчак. Думается, нет смысла рассуждать, были ли это собственно кыпчакские или иные роды (гузы, печенеги, канглы, баджан, башкорт, маджар и др.), входившие в кыпчак-половецкую конфедерацию. Сохранившийся на золотоордынском и частично на последующем этапах историко-культурный комплекс, сложившийся гораздо раньше – на тюркешско-огузском (VII–IX вв.) и кимако-кыпчакском (IX–X вв.) этапах (см. раздел С.Г. Боталова), – позволяет утверждать, что подавляющая часть степного населения Золотой Орды состояла из кочевников восточного (кимако-кыпчакского ареала – от Енисея до Волги) и западного (от Волги до Дуная) Дашта. Что каса-

ется непосредственно степных районов Южного Урала и примыкающих к ним степей Казахстана, то нужно отметить следующее обстоятельство. Как известно, в позднесредневековый период эти регионы были узловыми территориями Среднего Жуза, основу которого составляли роды Кыпчак.

Значительные поступления новых материалов памятников золотоордынского периода, исследованных в связи со строительством окружной автомагистрали в окрестностях Магнитогорска (в полном объеме они впервые публикуются в настоящем издании), подтверждают наши выводы.

§2. Материальная культура: новейшие исследования

1. Коллекции гузно-сарматского периода II–IV вв.

В 70-х годах прошлого столетия в фонды Магнитогорского краеведческого музея поступили бронзовый котелок и зеркало, извлеченные из кургана, раскопанного учащимися школы поселка Наваринка. По рассказам раскопщиков, череп, обнаруженный в погребении, имел следы искусственной деформации. Выезд на место не позволил выявить месторасположение памятника. По данным инвентаризации 1994 года, проводимой в этом районе, автором удалось обнаружить два кургана на правом берегу реки Гумбейка, насыпи которых имели следы раскопов. Вероятнее всего, это могли быть ранее разграбленные курганы.

Найденный котелок имел яйцевидную форму, арочные ручки, невысокий, слабо отогнутый венчик, уплощенную пяточку на поддоне и веревочный шов по средней части тулова. Общая высота его 18 см, диаметр горла 11 см, диаметр дна 3,2 см. Под одной из ручек вместо перехода венчика к тулову располагался розетковидный налп. Вдоль шва и под горлом отмечены едва заметные налпы в виде точек, волнистых и косых валиков (рис. 4.1, 1,2). Зеркало изготовлено из белого оловянистого сплава, имеет на обратной стороне ушко для подвешивания и орнаментацию, которая производит имитацию китайского восьмиарочного типа зеркал. Восемь округлых арочек расходятся от центра и разделены восемью ромбовидными зубчиками. Вторая зона разделена на четыре части округлыми розетками, одна из которых сильно повреждена. Размеры разделенных отрезков не одинаковы. Внутри них помещены ряды тамгообразных изображений. Внешняя треть зона

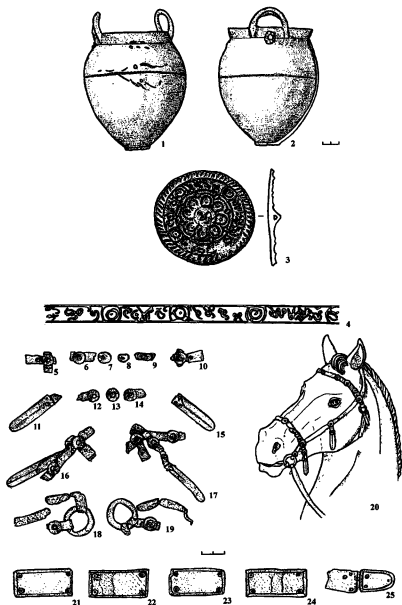

Рис. 4.1. Материалы из гунно-сарматских памятников 1-3 у с. Наваринка, 5-19 мог. Агаповский конь (раскопки К.В. Сальникова). Курган 21-25 – курган у с. Малково (раскопки В.С. Стоколоса). 1-3, 21-24 – бронза; 5-17 – серебро, кожа; 18-19 – бронза, серебро, кожа; 4, 20 – реконструкции

украшена орнаментом в виде косых зубцов. Диаметр зеркала 8,5 см (рис. 4.1, 3, 4).

Два набора бронзовых и серебряных предметов из Агаповского кургана (раскопки К.В. Сальникова) и из Малковского могильника (раскопки В.С. Стоколоса) представляли собой металлические элементы узды. В первом случае это трензельная уздечка, украшенная сферическими бляшками и листовидными подвесками, имеющими ребро жесткости и два крепежных шпенька в основании. Уздечка состояла из двух бронзовых уздовых колец, скрепленных между собой, вероятно, ремнем (рис. 4.1, 16–20). Во втором случае четыре большие прямоугольные накладки (7,6×3,6 см, 8×3,8 см) с четырьмя отверстиями по углам для крепежных шпенок и наконечником ремня с тремя шпеньками крепления являются составными частями широкого нагрудного ремня (рис. 4.1, 21–25).

Типологически описываемые предметы имеют прямые аналоги в материалах II–III вв. гунно-сарматской культуры (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 34. Рис. 5, 26–38; 9, 58, 61; 11, 4; 16, 20, 21; 18, 29–31, 32–34; 33, 22, 23, 26–29; 36, 11). Исключением, вероятно, является бронзовое зеркало. Подобный тип медальоновидных зеркал с ушком для подвешивания на оборотной стороне довольно распространен среди материалов гунно-сарматской и позднесарматской культур, однако уникальность данного экземпляра состоит в необычно выполненном кустарном подражании китайским зеркалам (при этом отливка изготовлена из «белой»

бронзы, по качеству весьма близкой китайским образцам) и, безусловно, в сложнейшем изображении тамбового ряда, расположенного во второй зоне. В общей сложности насчитывается до 15 простых и сложных тамг. Насколько можно судить по изобразительным элементам, данный тамбовый ряд наиболее близок изображениям тамг, обнаруженных на территории Монголии (Яценко, 2001. Рис. 35). В коллекции гунно-сарматских зеркал известны образцы, на обратной стороне которых изображены отдельные тамги (Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 38, 157, 169, 170, 182), однако подобное количество тамг демонстрирует лишь этот экземпляр наваринского зеркала. Можно предположить, что данный ряд, особым образом помещенный в пространственные отрезки, содержит определенную информацию культурно-генеалогического и географического свойства.

По всей видимости, округлый розетковидный налп на бронзовом котле, обнаруженном в Наваринском погребении, также представляет собой тамгу. На этом же месте располагался восьмерковидный тамгообразный знак, разделенный пополам, изображенный на котле из кургана 3 могильника Магнитный, находившегося в пределах прямой видимости от Наваринских курганов (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 51. Рис. 14, 7). Вероятно, расположение тамг под ручками бронзовых котлов было своеобразной культурной традицией гунно-сарматского населения этой части южнорусской степи.

2. Курганы с «усами»

2.1. Новоактюбинский I, Солончанка IX и Новокощуровский I

Активные исследования комплексов курганов с «усами» на Южном Урале начинаются с начала 90-х годов прошлого века. Толчком для их изучения послужило исследование в 1993–1995 годах комплекса кургана с «усами» Солончанка I в Кваркенском районе Оренбургской области. Полученные материалы позволили исследователям обратить пристальное внимание на этот тип археологических памятников. По мере археологического исследования комплексов курганов с «усами» на Южном Урале, фондовой и архивной работы был очерчен круг научных проблем, которые необходимо было уточнить или решить. Во-первых, это касается хронологии комплексов курганов с «усами»; во-вторых, типологии; в-третьих, картографирования и этнокультурной атрибуции; в-четвертых, функционального назначения. Так или иначе, все эти проблемы затрагивались в статьях и тезисах докладов исследователей, но к настоящему времени окончательных ответов на них нет. Хотя источниковая база для Урало-Мугоджарского горного массива и составляет 142 комплекса курганов с «усами», исследованы только семь, причем половина из исследованных комплексов не содержит какого-либо археологического материала. Таким образом, наших знаний о культуре комплексов курганов с «усами» недостаточно, чтобы уверенно высказываться по поставленным проблемам. Учитывая все вышесказанное, считаем необходимым ввести в научный оборот материалы нескольких новых комплексов курганов с «усами», исследованных в 1997–2002 годах на территории Оренбургской и Челябинской областей.

Летом 1997 года Орская археологическая экспедиция проводила охранные раскопки в Гайском районе Оренбургской области на могильнике Новоактюбинский I, расположенном в 0,7 км северо-восточнее поселка Новоактюбинск.

Памятник располагался на возвышенном плато второй надпойменной террасы левого берега реки Урал и представлял собой некрополь, состоящий из 19 разнотипных надмогильных сооружений, протянувшихся с запада на восток на расстояние 0,85 км. Среди них встречены каменные, земляные, каменно-земляные курганные насыпи диаметром до 28 м и высотой до 1 м, а также две каменные площадки-выкладки диаметром 2,5 м.

С восточной стороны некрополь завершали два комплекса курганов с «усами», длина каменных гряд которых превышала 100 м (рис. 4.2).

Экспедицией исследовался курган I с «усами», каменные гряды которого подвергались разрушению местными жителями.

Курган I с «усами» Новоактюбинского I могильника располагался несколько обособленно от остальных курганов некрополя, на небольшой естественной возвышенности, в восточной ее части. Он представлял собой овальную, вытянутую с севера на юг земляную насыпь диаметром 28×26 м и высотой 0,68 м с отдельными мелкими камнями на поверхности южной и западной полы (рис. 4.2). После удаления грунта насыпи в центральной части был расчищен рундизированный подквадратный каменно-земляной массив, ориентированный по линии ВСВ–ЗЮЗ. Размеры этого массива составляли 10,5×9,5 м при мощности 0,2 м. Под ним, на уровне погребенной почвы была выявлена площадка в форме равнобедренного треугольника, ориентированного вершиной на СВ (рис. 4.3). Ее длина по оси СВ–ЮЗ составляла 9,5 м, ширина основания – 8,6 м. Две каменные дугообразные гряды были сориентированы в восточном направлении с небольшим отклонением к северу. Их окончания с обеих сторон заканчивались округлыми площадками диаметром 4–4,5 м. Длина северной гряды-«уса» составляла 111 м, южной – 99 м. Ширина каменных гряд-«усов» достигала 1,6 м. После детальной расчистки каменной конструкции, при тщательном исследовании стратиграфии было прослежено три условно выделенных нами этапа сооружения памятника. На первом этапе была сооружена площадка в форме равнобедренного треугольника, ориентированного вершиной на СВ. Площадка была сооружена при нивелировке естественной возвышенности, обнесена неглубоким ровом шириной 1,7–2,0 м и глубиной 0,75 м (относительно условного «0»).

Внутреннее пространство площадки было подчеркнуто серой гумусной досыпкой мощностью 0,2 м. В центральной части площадки был разведен небольшой костер, следы которого на поверхности фиксировались по сохранившемуся оранжево-красному прокалу мощностью 0,1 м, при этом уголь и зола от продуктов горения отсутствовали. Северо-восточнее костровища, ближе к вершине треугольника, в углубление был поставлен плавное профилированный плоскодонный сосуд вытянутых пропорций с прямым горлом и ровным венчиком. С внутренней стороны, на переходе горловины в тулово, сформована полочка-бортик шириной 2,2 см.

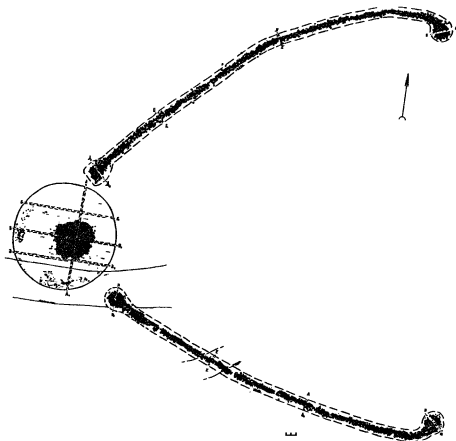

Рис. 4.2. Комплекс кургана с «усами» Новоактыбинский I. Общий план

Поверхность сосуда серо-оранжево-красная, на изломе черепок черный, глина рыхлая с примесью дресвы, песка и шамота. Высота сосуда 30,4 см, диаметр тулова 20 см, диаметр по венчику 11,6 см, диаметр дна 13 см (рис. 4.4).

На втором этапе работы сооружалась каменно-земляная насыпь, которая не выходила за пределы треугольного рва. Грунт между камнями представлял хорошо перемешанный гумус с погребенной и материковой почвой.

На третьем этапе проводились работы по просыпке серо-черным гумусом ровика, который окружал площадку, а в северо-восточной части расположили жертвенник в виде расчлененной туши коровы без черепа. Затем в центре была сооружена подквадрат-

ная каменная насыпь. Законченный вид конструкция приняла после того, как со всех ее сторон была отсыпана земляная насыпь из черно-серого гумуса мощностью 0,3 м. Под ней, на уровне погребенной почвы, фиксировались разрозненные костные остатки. В 10 м северо-западнее центра кургана был выявлен еще один жертвенный комплекс, состоящий из двух лопаток взрослой лошади и осколка речной раковины перловицы. В грунте между камнями, который идентичен земляной насыпи, встречались мелкие древесные угольки, зола и отдельные кости овцы, лошади и верблюда.

С восточной стороны были выкопаны два дугообразных линзовидных в сечении ровика глубиной до 0,35 м и шириной до 1,55 м, окончания ко-

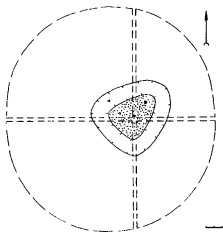

Рис. 4.3. Комплекс кургана с «усами» Новоактюбинский I. Жертвенная площадка центрального кургана. Общий план

торых имеют круглую в плане форму и линзовидную – в сечении. Диаметр углублений до 4,45 м, а глубина достигала 0,5 м. Над этими ровиками были сооружены каменные гряды-«усы», которые состояли из одного-двух каменных колец диаметром 1,3–1,9 м с одним стоящим или лежащим камнем в центре. Камни в оградках были поставлены вертикально либо уложены друг на друга. В северной гряде-«усе» удалось выявить 57 таких конструкций. В южной гряде-«усе», представляющей прерывистую гряду из четырех отсеков, было прослежено 47 конструкций. Окончание гряд-«усов» также состояло из оградок с камнями, которые были уложены в два-три ряда, и в центре был вертикально поставлен менгир. В северной гряде-«усе» между камней был обнаружен астрагал лошади. Со временем вся конструкция оплыла, местами разрушилась и была затянута дерновым слоем.

Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX был расположен на первой надпойменной террасе левого берега речки Суундук, левого притока реки Урал, на ровной площадке размерами 100×100 м на высоте 14,3 м над урезом воды. Весь комплекс кургана с «усами» находится на пашне поселка Красный Огородник (отделение АОО «Аландское») Кваркенского района Оренбургской области, расположенного в 1–1,2 км к юго-западу от исследуемого комплекса – курган с «усами» Солончанка IX.

В 1,5 км к северу от комплекса протекает река Суундук, в 1,5 км на восток от комплекса расположено русло реки Солончанка. Вдоль северной и восточной границ пашни проходит грунтовая дорога поселки Красный Огородник – Болотовск. Рядом с грунтовой дорогой расположена линия электропередач Болотовск – Красный Огородник – Кваркено. Южную границу пашни, на которой расположен комплекс, замыкает грунтовая дорога с теми же конечными пунктами и действующее кладбище. Таким образом, комплекс кургана с «усами» Солончанка IX располагается на господствующей высоте, которая образована слиянием рек Суундук и Солончанка. С памятника хорошо видны гранитные «коры выветривания», которые расположены к западу от комплекса на расстоянии 0,5–0,7 км, а также небольшое болотистое междуречье рек Суундук и Карабутак (рис. 4.5).

Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX представляет собой сложносоставную конструкцию, в которую входят:

- каменная центральная насыпь;

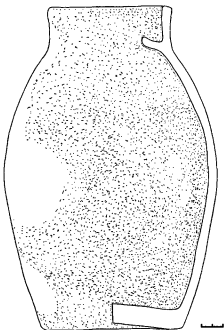

Рис. 4.4. Комплекс кургана с «усами» Новоактюбинский I. Сосуд

– две каменные выкладки, ориентированные по линии С–Ю и являющиеся началами «усов» комплекса;

– каменные «усы»-гряды-валы длиной до 100 м и ориентированные строго на восток. Этот элемент комплекса подвергнут разрушению и практически не фиксируется на современной поверхности. Основная масса каменных «усов» растащена по пашне при ее распашке;

– две плоские каменные выкладки, завершающие каменные «усы»-гряды. Все четыре каменные выкладки и центральная насыпь комплекса хорошо задренированы и не подвергались распашке, так как их насыпи состоят из довольно плотно уложенного гранитного камня крупного размера (рис. 4.6).

Курган 1 (центральный) исследовался круто-вым раскопом диаметром 11 м, при этом размеры насыпи – диаметр 10 м при высоте 0,4 м от уровня условного «0». За условный «0» принята точка, равно удаленная от центра кургана 1 (центрального) и центра выкладки начала южного «уса». При исследовании кургана была сохранена одна бровка по линии СЗ–ЮВ. В центре фиксировался старый провал округлой формы диаметром 3,8 м.

После снятия верхнего гумусного слоя на площадке раскопа была растащена каменная кон-

струкция округлой формы. В центре расчищенной конструкции на месте провала оказалась практически ровная площадка, заполненная материковым грунтом (светло-желтая супесь), перемешанным с гумусом (черно-серый грунт). Изменились первоначальные размеры провала. Они сократились до 3,6 м. В этом месте были встречены отдельные камни расчищенного сооружения, упавшие в результате разрушения каменной конструкции. Восточная половина провала была практически свободна от камня.

Каменное сооружение было сложено преимущественно из камня средних и мелких размеров (20–30 см и 10–15 см). Юго-восточная часть сооружения была сложена из камней крупных, до 40–50 см, размеров. Камни уложены хаотично, но при этом четко выделялось основное кольцо сооружения в виде стенки диаметром 7 м, ширина стенки в некоторых местах достигала 2 м. Все камни ограды покоились на уровне погребенной почвы, которая была зафиксирована на отметке (-22)–(-24). Внешний развал каменной конструкции располагался на уровне предматерика. Следовательно, с внешней стороны конструкции погребенная почва отсутствовала, а во внутренней части была разрушена провалом центра насыпи каменного сооружения.

Западный сектор раскопа был расширен в связи с тем, что первоначальные очертания уходили за пределы раскопа. Эти же камни частично заходили и под западную часть каменного сооружения. Практически все камни были вдавлены в верхнюю часть погребенной почвы и «пролиты» каким-то гумусно-илистым грунтом. Вся каменная выкладка практически горизонтальна, ее нивелировочные отметки (-17), (-19) от уровня условного «0». При этом было отмечено, что горизонтально уложенные камни новой конструкции вплотную подходят к западному сектору округлой каменной ограды, где камни лежат практически на материке. В этой части каменной выкладки материк зафиксирован на отметке (-31), в то время как под самой центральной частью конструкции материк зафиксирован на уровне (-50) от условного «0» (рис. 4.7).

Камни дополнительной каменной выкладки лежат в определенном порядке, образуя на горизонтальной поверхности в северо-западной части каменной выкладки четкий подпрямоугольник, заполненный мелким камнем и щебнем. Обнаруженная своеобразная каменная выкладка была ориентирована строго по линии С–Ю и первоначально имела размеры 2,0×2,10 м. После дополнительных работ по исследованию конструкции форма и разме-

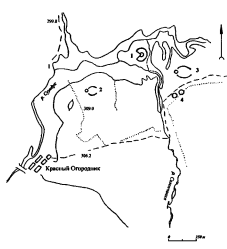

Рис. 4.5. Топографический план Аландского археологического комплекса.

1 – укрепленное поселение Аландское; 2 – курган с «усами» Солончаника IX; 3 – курган с «усами» Солончаника I (исследован в 1993–1995 годах); 4 – могильник Солончаника II (исследован в 1998–2000 годах)

ры оградки оказались несколько иными, чем были зафиксированы ранее. Каменная оградка имела квадратную форму со сторонами 2,20×2,30 м. Ориентация ямы не изменилась, длинными сторонами она была ориентирована по линии 3–В. Между камнями на отметке (-23) были отмечены фрагменты больших костей лошади. Зубы лошади очень плохой сохранности были расчищены в 1,85 м к востоку от описываемой оградки.

В восточном секторе раскопа между камнями (отметка +15) было расчищено каменное орудие – пест или оселок – брусковидной формы из зеленой плотной яшмы.

Северо-западная часть этого сектора также была расширена, так как камни развала основной конструкции насыпи уходили под границы первоначального раскопа и по своему направлению совпадали с визуально определенным направлением северного «уса»-гряды. Камни этой части раскопа тоже мелких и средних размеров и выходят за пределы всей каменной конструкции на 0,5–0,70 м, образуя при этом довольно ровную прямую линию по направлению СЗ–ЮВ. Камни центральной части кургана, особенно в юго-западной части, лежали на небольшом материковом выкладе мощностью 0,05–0,10 м, связанным с образовавшимся провалом в центре кургана.

Все участки раскопа были выведены на материк, который представлен желтой супесью с вкраплениями марганцевых кристаллов. В центральной части кургана, под основной выкладкой, материк был зафиксирован на отметке (-50) от условного «0».

В восточном секторе в 2,7 м к юго-востоку от центрального репера кургана был обнаружен глиняный лепной горшок, изготовленный из красной глины очень плохого обжига. Горшок плоскодонный, толстостенный, толщина стенок 1–1,7 см, венчик круглый, небольшой. Верхняя часть сосуда была раздавлена грунтом насыпи и каменной конструкцией кургана. Судя по сохранившейся части сосуда, он имел максимальный диаметр тулова 19 см и высоту более 20 см. Первоначально сосуд был поставлен в небольшую ямку, выкопанную в материке, глубиной 8–10 см. По диаметру дна ямки можно восстановить и диаметр дна сосуда, который составлял 15 см.

В 2,5 м от крайнего северо-восточного репера (отметка -1), в западном секторе, под мелким щебнем каменной вымостки были расчищены венчик и ручка кувшина (отметка -30). В дальнейшем был расчищен развал большого краснотиняного кувшина, изготовленного на подставке и сохранившего следы зеленоватого ангоба. Кувшин имел узкое горло и широкое дно, диаметр которого 15 см, максимальный диаметр тулова 22 см. На месте перехода горловины в плечо кувшин был украшен двумя линиями каннелюр, венчик имел округлый скошенный край с защипами по всему диаметру. Кувшин не орнаментирован, хорошо обожжен и тестом отмычен (рис. 4.8). Как и вышеописанный горшок, кувшин был поставлен в ямку, которая была выкопана в материке на глубину 22 см. В месте обнаружения кувшина материк был зафиксирован на отметке (-37). Кувшин импортного происхождения, причем изготовили его, скорее всего, в ремесленных центрах, расположенных на Средней Сырдарье или в Хорезме. Такие кувшины характерны для алтын-асарских могильников IV–V вв. н. э. (Левина, 1996).

Погребение лошади было расчищено в 5,90 м к северо-западу от центрального репера кургана на площадке ритуальной вымостки.

Это ритуальное погребение лошади было совершено на горизонтальной площадке, и кости, зафиксированные на отметке (-23), были завалены камнями и мелким щебнем. Камни лежали на уровне погребенной почвы, после расчистки внутренней части оградки на уровне (-23)–(-27) были зафиксированы остатки костяка лошади. Костяк плохой сохранности, сильно поврежден бутом. Полностью сохранились правая задняя и левая передняя ноги, причем передняя нога была согнута. Кости грудной клетки очень плохой сохранности, ребра были расчищены во фрагментах. Однако даже при столь плохой сохранности костного материала можно установить наличие ребер как правой, так и левой половины.

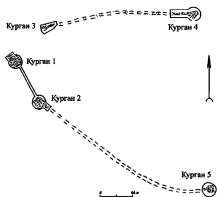

Рис. 4.6. Комплекс кургана с «усами» Со-лончанка IX. Общий план

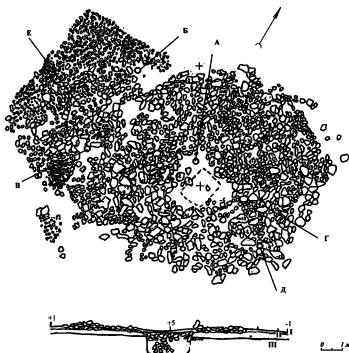

Рис. 4.7. Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX. Курган 1 (центральный). Общий план.

А – каменная насыпь; Б – горизонтальная каменная выкладка; В – подквадратная выкладка; Г – развалы сосудов; Д – каменный оселок; Е – каменная выкладка с погребением лошади; I – гумус; II – погребенная почва; III – материк

Также сохранилась нижняя часть левой задней ноги. Череп и позвоночник отсутствовали. По сохранившимся костям лошади можно установить, что она была уложена на левый бок, хребтом на юг, ногами на север-северо-восток, отсутствующей головой на запад в позу «иноходца», о чем свидетельствует расположение костей задних конечностей. Лошадь была уложена на специально выровненной погребенной почве, о чем свидетельствует нивелировка данного участка (-21)–(-23).

Могильная яма 2 (центральная) располагалась в центре курганной насыпи и фиксировалась на поверхности благодаря мощному провалу. Под слоем материкового выклада были расчищены камни средних и мелких размеров, которые очерчивали подквадратную конструкцию, ориентированную по линиям С–Ю и 3–В, а углами по линиям СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ, с размерами по линии С–Ю – 2,1 м, по линии 3–В – 2,2 м. Камни внешнего края в большинстве своем практически вертикально опускались в заполнение могильной ямы до за-

фиксированного уровня материка на отметке (-50) от уровня условного «0». Структура расположения камней выделяет три своеобразных яруса (внешний, средний, внутренний). Внешний ярус – это вертикально стоящие камни средних размеров из серого гранита с нивелировочными отметками сверху (-22) и (-45) внизу. Средний – практически горизонтально уложенные камни серого и желтоватого гранита среднего и мелкого размера с нивелировочными отметками (-34)–(-38). Внутренний – горизонтально расположенные мелкие камни из серого гранита и кварцита с нивелировочными отметками (-48)–(-55). Этот же внутренний ярус составляли и фрагменты ломаного гранита. Конструкция смещена относительно центрального репера кургана в северо-западном направлении на 0,5 м. Северо-западный угол ямы на отметке (-40) был перекрыт материковым суплинком светло-желтого цвета. Остальная часть могильной ямы была заполнена хорошо гумусированным грунтом с мелким гравием. На глубине (-45)–(-50) в юго-

восточной части заполнение ямы было насыщено остатками костровища – большим скоплением древесного угля.

После выборки камней на уровне материка были зафиксированы очертания ямы неправильной квадратной формы. Максимальные ее размеры составили 2,0×2,0 м. Ориентирована яма по линии С–Ю с незначительным отклонением к СЗ. В заполнении ямы вплоть до дна фиксировался камень. Северо-западный угол поврежден норой грызуна, диаметр норы – 0,6 м.

После зачистки ямы на глубине (-80) были выявлены ее новые очертания практически правильной овальной формы размерами 1,60×1,30 м, ориентированные по линии С–Ю, которые исчезли уже на глубине (-90).

Внимательный анализ профилей ямы и нахождение естественных гипсовых вкраплений на отметке (-140) убедили нас в том, что во время сооружения кургана с «усами» Солончанка IX никакой могильной ямы под насыпью кургана не было. Таким образом, яма, которая образовалась в центре насыпи кургана, является не чем иным, как грабительским вкопом, который продолжался до отметки (-90) от уровня условного «0».

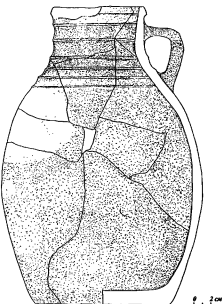

Рис. 4.8. Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX. Курган I (центральный). Ангобированный кувшин

Вымостка начала южного «уса» (курган №2) имеет диаметр 6,8 м; высоту над уровнем дневной поверхности 0,42 м (от уровня условного «0»).

Под дерном был обнаружен развал каменной конструкции подпрямоугольной формы размером 7,0×6,5 м. Сооружение было сложено из гранита, песчаника и кварцитов. Камни различных размеров – от 10–15 и 25–40 см до 50–80 см.

В юго-восточном секторе у границы раскопа было расчищено четыре камня крупных размеров, лежащих попарно, параллельно друг другу на расстоянии 0,8 м. Пространство между этими камнями было заполнено мелким и средним камнем. После снятия верхнего дернового слоя было расчищено продолжение вышеописанной части каменной конструкции, которая плавно поворачивала на ЮЮВ и состояла из крупного камня. Таким образом, нам думается, что ранее описанный участок является не чем иным, как сохранившимся фрагментом начала южной гряды-«уса» комплекса кургана с «усами» Солончанка IX (рис. 4.9).

В западном секторе сооружения выявилась многоугольная конструкция со сторонами 2,0×0,85 м. Каменный фундамент оградки лежал на погребенной почве, которая, возможно, была немного подрезана в древности, при этом ее мощность составляла 0,08–0,15 м. Все камни конструкции каменной оградки лежали примерно на одном уровне, в пределах отметок (-18)–(+24) от уровня условного «0».

Под каменной оградой и ее развалами никаких признаков костровищ, скоплений угля и ритуального инвентаря зафиксировано не было.

Вымостка начала северного «уса» (курган №3) была расположена на пашне в 15–18 м к СВ от центральной насыпи комплекса. Насыпь вымостки была сложена из камней крупных и средних размеров (0,2–0,3 м; 0,4–0,5 м). После снятия дерна была выявлена каменная конструкция размерами 4×4 м при высоте 0,25 м над современной поверхностью. С северо-восточной стороны на оградку «наплывала» каменная гряда-«ус», сложенная из крупных камней, первоначально поставленных вертикально в два ряда на материк, промежутки между ними были забутованы камнями мелких и средних размеров. Длина сохранившейся нераспаханной части гряды составляет 5–6 м.

После разбора завала из камней проявилась круглая каменная конструкция с внутренним диаметром 2 м и внешним диаметром 2,8 м. Вся конструкция очерчивается плоскими камнями, уложенными на материк – отметка (-86) от уровня условного «0». В восточно-юго-восточной части оградки зафиксиро-

рован непо потревоженный фрагмент стенки конструкции, который представлял собой три плиты, вертикально поставленные на одну, уложенную горизонтально. Промежутки между плитами были просыпаны слоем гумуса. С западной стороны в оградке имелся разрыв шириной 0,6 м, обрамленный двумя большими камнями с обеих сторон. Внутренняя часть оградки выложена плоскими камнями средних размеров. В северо-западном секторе оградки в завале расчищены кусочки древесного угля. Каменный наброс внешнего обрамления оградки лежал на гумусно-илистом особом грунте черного (сажистого) цвета (рис. 4.10).

Вымостка окончания северного «уса» (курган №4) представляет собой каменную конструкцию в виде равнобедренного треугольника с длиной основания до 4 м, длиной сторон до 5 м при высоте 0,2 м. Ограда ориентирована основанием треугольника по линии СЗ–ЮВ. Сама ограда была сложена из камней крупных размеров (до 0,6 м), внутренняя часть забутована камнями мелких и средних размеров (рис. 4.11). При расчистке центра конструкции была обнаружена лопатка барана на глубине (-101) от условного «0». Камни оградки лежали на уровне погребенной почвы (-93)–(-102), некоторые вдавлены в материк, который был зафиксирован на глубине (-118). С востока к оградке примыкает каменная гряда «ус», сохранившаяся в непо потревоженном состоянии на длину в 3,1 м. Далее гряда «ус» сохранилась в сильно разрушенных фрагментах на расстоянии 7,5 м. Под завалом камней в западной части конструкции, примыкающей к «усу», встречались угольки. В восточной части на материке зафиксированы следы прокала. Материк представлен песчаной супесью.

Вымостка окончания южного «уса» (курган №5) представляет собой каменную конструкцию в виде «панциря», сложенного из крупного плоского камня размерами 0,6–1,0 м. Верхняя часть конструкции сложена из камней средних размеров. Первоначальная каменная конструкция выглядела как подквадратное сооружение с размерами 4×3,5 м, ориентированное по сторонам света. После разбора завала камней на уровне погребенной почвы (-26)–(-37) было расчищено основание сооружения округло-овальной формы размерами 3,2–3,3 м. Камни основания были уложены плашмя. При разборе завалов в разных частях конструкции фиксировались три яруса кладки со смещением к центру на две трети своей длины. Под тяжестью каменного наброса центральная часть сооружения рухнула, образуя бесформенный провал. В южной части оградки на уровне погребенной почвы были расчищены фрагменты древесного

угля, которые снизу не подверглись процессу горения. Это обстоятельство может свидетельствовать о том, что, сжигая хворост, ему не дали прогореть, заложив верх камнями. Не исключено, что хвороста было много, так как внутреннее заполнение оградки представлено золистей супесью серо-коричневого цвета. Огонь был очень кратковременный, так как на материке не обнаружено следов прокала. При сооружении насыпи использовался и обработанный гранит. Возможно, его брали из ближайших курганов эпохи бронзы могильника Солончанка VII. С северо-запада к оградке примыкает каменная гряда «ус», полностью разрушенная пашней. Сохранившаяся часть гряды фиксируется только в пределах раскопа и имеет длину 2,5 м и ширину 1,8 м (рис. 4.12).

Изучение комплекса кургана с «усами» Солончанка IX проводилось поэтапно. На первом этапе исследовалась центральная насыпь комплекса. Он интересен, прежде всего, с точки зрения изучения поминальной архитектуры. Второй этап связан с исследованием сохранившихся каменных вымосток и фрагментов каменных гряд «усов». По сравнению со всеми известными нам комплексами

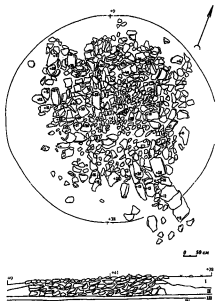

Рис. 4.9. Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX. Курган 2 (ограда на начале южного «уса»). Общий план. I – гумус; II – насыпь; III – погребенная почва; IV – материк

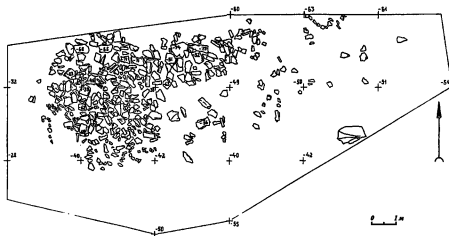

Рис. 4.10. Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX. Курган 3 (ограда в начале северного «уса»). Общий план

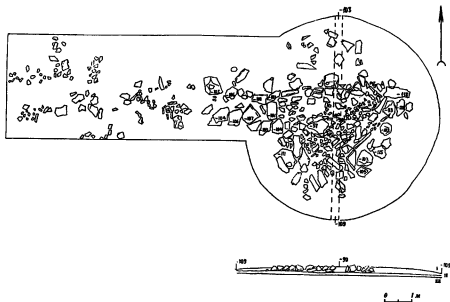

Рис. 4.11. Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX. Курган 4 (ограда окончания северного «уса»). Общий план. I – гумус; II – погребенная почва; III – материк

ми курганов с «усами» этот имеет достаточ-но короткие валы-«усы». Их длина достигает 100 м, ориентированных по линии З-В.

Первоначально при исследовании ком-плекса нами было принято суждение о том, что комплекс имеет две центральных насыпи. Однако после того, как были зафиксированы остатки каменного «уса», примыкающего к южному кургану, стало ясно, что весь ком-плекс имеет одну центральную насыпь (*кур-ган 1 (центральный)*), а южный курган явля-ется вымосткой-оградой начала южного «уса» всего комплекса. В отличие от исследованных ранее курганов с «усами» в нашем случае уда-лось проследить архитектурные особенности центральной части данного комплекса.

Абсолютно новым явлением в архитекту-ре центральной насыпи кургана 1 стало об-наружение трапециевидной горизонтальной выкладки из мелких камней и битого щебня, расположенной западнее основной насыпи центрального кургана. Это сооружение было воздвигнуто на уровне погребенной почвы, которая предварительно была насыщена ка-ким-то илстым дополнительным составом. Скорее всего, эта добавка использовалась в качестве связующего раствора, на который и укладывались камни горизонтальной выклад-ки. Каменная выкладка полукругом подходи-ла к западному краю каменной ограды цен-трального кургана, примыкая к нему.

Центральный курган 1, прекрасный види-мый на дневной поверхности, мог быть хорошим объектом для разграблений в древности. Зная, что в подобных курганах могилы располагаются, как правило, в центре, бутровщики прошлых лет вскрыли центральную часть и углубились до от-метки (-90). После того как обнаружилось отсут-ствие погребения, грабительский ящик был завал-ен камнями ограды. В результате этой манипу-ляции образовался провал, который и фиксировался на уровне современной поверхности.

Комплекс кургана с «усами» Новокудуров-ский I расположен на левом берегу реки Боль-шая Караганка в 0,5–1,25 км на ЮВ и ЮОВ от характерной тройной излучины реки. В 0,5 км на ЗСЗ от комплекса находились небольшое, сильно заболоченное озеро и родник. В 1,5 км от курга-на, строго на В, расположена сопка, на верши-не которой было обнаружено два кургана. Весь комплекс расположен в центре долины в 3,5 км к северу от окраины поселка Новокудуровский Кизильского района Челябинской области.

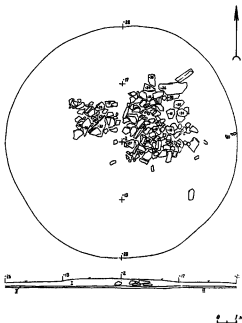

Рис. 4.12. Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX. Курган 5 (ограда окончания южного «уса»). Общий план. I — гумус; II — погребенная почва; III — материк

Комплекс кургана с «усами» Новокудуров-ский I был обнаружен при дешифровке аэрофото-снимков И.М. Батаниной и подтвержден археоло-гической разведкой под руководством М. Галиу-линой и И. Ульянова в 1998 году. По материалам разведки комплекс кургана с «усами» представлял собой архитектурное сооружение, состоящее из центральной насыпи диаметром 15–18 м и двух валов-«усов», отходящих в восточном направле-нии на длину до 260 м (северный) и 200 м (жю-жный). Оба «уса» заканчивались каменными пло-щадками диаметром 20 и 12 м соответственно (рис. 4.13).

Комплекс кургана с «усами» неоднократно под-вергался попыткам раскопки, но из-за очень мо-щной каменной конструкции не был поврежден.

После расчистки центральной насыпи и «усов» стало очевидно, что комплекс кургана с «усами» представляет сложную каменную конструкцию. Центральная насыпь кургана имеет подквад-ратную форму, ориентированную углами по сторо-нам света размерами 9×9 м. Каменные «усы» отстоят

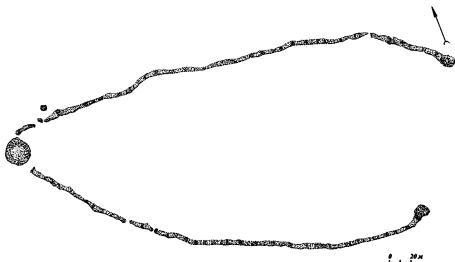

Рис. 4.13. Комплекс кургана с «усами» Новокоңдуровский I. Общий план

от центральной ограды на 13–15 м и начинаются округлыми каменными насыпями. Насыпь начала южного «уса» практически полностью разрушена, но по сохранившимся крупным камням можно предположить, что первоначальный диаметр ее составлял примерно 5–6 м. Начало северного «уса» сохранилось лучше, но выражено нечетко и имело диаметр 2–2,5 м. Оно практически сливалось с шириной каменной гряды, которая колеблется от 1,5 до 1,8 м. Окончание южного «уса» представляло собой округлую каменную насыпь диаметром 4 м. Камни, из которых была сложена вся конструкция, имели разные размеры: от мелких до крупных стеловидных. Визуальное исследование структуры каменной конструкции позволило сделать несколько наблюдений.

Каменные гряды кургана были сложены из двух пород – гранита и туфо-базальта. Причем интересно их расположение в каменных «усах» – они уложены в определенной последовательности, как бы секторами: сектор из гранитов, сектор из туфо-базальтов. Длина секторов в «усах» не превышает 4–5 м. Геологическую и минералогическую обработку образцов пород проводили А.И. Левит, Н.В. Левит и А.А. Каздым. Они обратили внимание, что в пределах долины выходов гранитов нет, а сопки и кражи, обрамляющие долину, сложены только из туфо-базальтовых пород. По их утверж-

дениям, ближайшие выходы гранитов находятся на расстоянии 10–15 км.

В гранитных секторах были зафиксированы удлиненные, как правило, до 0,8 м гранитные «стель» или специально подготовленные углубления между камнями.

Предварительное изучение стратиграфии каменных гряд позволяет говорить о том, что камни были уложены на уровень погребенной почвы без применения какого-либо скрепляющего раствора.

Общий вид южного «уса» оставляет впечатление точно выстроенного сооружения по заданному плану и представляет собой трехчленную ломаную линию с коленами 60–70 м длиной. Таким образом, можно утверждать, что длина южной каменной гряды-«уса» составляет 200 м.

Во время работ на кургане было замечено, что центр насыпи кургана расположен на оси запад-восток, соединяющей вершины сопки на востоке и третий пик горы Чека на западе.

Независимо от археологических работ на комплексе кургана с «усами» Новокоңдуровский I проводились археоастрономические исследования (Зданович, Кириллов, 2002. С. 43–45).

Под камнями в северо-восточной части насыпи центрального кургана был найден красноглиняный кувшиновидный сосуд плохой сохранности. (рис. 4.14).

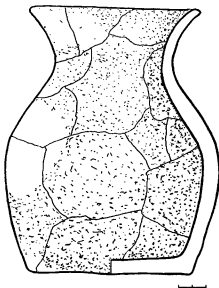

Рис. 4.14. Комплекс кургана с «усами» Новокондуровский I. Сосуд

Археологические исследования на комплексе кургана с «усами» Новокондуровский I будут продолжены в ближайшее время, что позволит уточнить и дополнить информацию не только о времени сооружения комплекса, но более тщательно изучить архитектурные особенности памятника.

Остеологический анализ костных остатков на комплексе курган с «усами» Новоактюбинского I могильника проведен в лаборатории исторической экологии Челябинского государственного университета Л.Л. Гайлученко. Им были определены кости двух особей лошадей и двух особей коров, одного верблюда и четырех овец. Причем почти полная туша коровы из жертвенного комплекса в насыпи треугольного ровика была расчленена на куски и, возможно, уложена в шкуру того же

животного, а астрагал лошади из северного «уса» полностью соответствует фрагментам костных остатков из местонахождения под земляной насыпью кургана. Эти данные еще раз подтверждают высказанную мысль о единовременности сооружения центральных насыпей и каменных гряд, а следовательно и всего комплекса, который мы называем «комплекс кургана с «усами»».

Полученные материалы из вышеописанных курганов можно предварительно датировать в пределах V–VII вв. н. э. Эта датировка основывается на материалах, полученных ранее при исследовании аналогичных комплексов курганов с «усами» на Южном Урале (Солончанка I, Городищенский IX) (Любчанский, Таиров, 1999; Боталов, 1998).

Исследованные комплексы курганов «с усам» не имеют ярко выраженных этнических маркеров, поэтому проблема хронологии комплексов сегодня пока решается только по аналогиям и предварительно. По-прежнему остается открытым вопрос о функциональном назначении построек; среди других высказывается предположение о сакральном, связанном с Космосом назначении.

Очевидно, что без комплексного исследования памятников этого круга с привлечением специалистов смежных дисциплин и направлений ни на один поставленный вопрос ответить невозможно. На наш взгляд, наиболее перспективным направлением в изучении комплексов курганов с «усами» является изучение архитектуры и архитектурных особенностей каждого комплекса. Думается, что когда нам удастся понять архитектурный стиль, а главное архитектурное мышление народа, который возводил такие сооружения, только тогда можно будет ответить практически на все спорные вопросы и решить основные проблемы такого феномена, как культура комплексов курганов с «усами».

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 05-01-85105а/У.

2.2. Типология и хронология

До сих пор ведутся дискуссии по вопросам, связанным с исследованием комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья, которые хорошо известны в центральноказахстанском регионе по исследованиям и публикациям А.Х. Маргулана, М.К. Кадырбаева, К.А. Ахшьева, М.И. Артамонова, Б.Н. Жданова, А.М. Оразбаева, Ф.Х. Арслановой, С.М. Ахинжанова (Маргулан, Ахшьев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966; Грязнов, 1956; Кадырбаев, 1958, 1959, 1962; Археологические работы... 1935. С. 49; Ахинжанов, 1977; Арсланова, 1975), но практически не исследовались до последнего времени в степях Южного Зауралья. Такая ситуация оставалась неизменной до 1993 года, когда отрядом урало-казахстанской археологической экспедиции в Восточном Оренбуржье был исследован комплекс кургана с «усами» Солончанка I, материалы которого позволили получить относительно точную датировку памятника и отнести его к эпохе Великого переселения народов. Эта находка сразу привлекла внимание исследователей – не только археологов, но и палеопочвоведов, палеозоологов, геологов, геофизиков. Практически полное комплексное исследование памятника позволило некоторым археологам высказать предположение о возможности кардинального пересмотра хронологии всех комплексов курганов с «усами» Центрального Казахстана.

Столь стремительное развитие событий действительно поставило вопрос об уточнении, а возможно, и корректировке хронологии комплексов курганов с «усами» Центрального Казахстана и Южного Зауралья. К тому же исследование столь яркого комплекса стимулировало интерес к планомерному изучению памятников этого типа. Работы по исследованию комплексов курганов с «усами» стали проводиться практически всеми экспедициями научных центров Южного Урала – Уфы, Челябинска, Орска.

Появившийся интерес к комплексам курганов с «усами» предоставляет возможность решить несколько научных задач: соотношение типов комплексов курганов с «усами» с их топографическим расположением; установление более точной датировки археологического материала; архитектурные особенности памятников этого типа; функциональное предназначение и этническая атрибуция комплексов курганов с «усами».

В силу того что на дневной поверхности комплексы курганов с «усами» видны плохо, для их обнаружения были применены методы дешифрирования аэрофотоснимков. Использование этого

метода дало потрясающий результат. По данным, которыми сейчас обладают уральские археологи, в Южном Зауралье насчитывается 110 комплексов курганов с «усами». Эти комплексы распределяются по районам Южного Зауралья следующим образом: Челябинская область – 60; Оренбургская область – 2; Зауральские Башкирия – 6; Кустанайская область – 30; Актюбинская область (район Восточных Мугоджар) – 13 (рис. 4.15).

Столь внушительное число комплексов курганов с «усами» в Южном Зауралье говорит о том, что в древности эти территории составляли органичное целое с центральноказахстанскими степями. По данным А.З. Бейсенова, в центральноказахстанском регионе находится 270 таких комплексов, причем 231 комплекс курганов с «усами» группируется в североцентральной части Казахстана (Бейсенов, 1996. С. 37; 1997. С. 18). Таким образом, комплексы курганов с «усами» Южного Зауралья составляют почти одну треть (28,9%) от общего числа известных памятников этого типа в урало-казахстанских степях. Однако уровень исследованности комплексов курганов с «усами» в Южном Зауралье невелик. Он составляет 10% от общего числа известных в регионе. Для центральноказахстанских комплексов курганов с «усами» уровень их изученности несколько выше и составляет 21% (20,9%), причем 78,6% исследованных комплексов сосредоточено в североцентральном регионе Казахстана (Бейсенов, 1996. С. 38). Таким образом, можно констатировать суммарную степень археологической изученности комплексов курганов с «усами» урало-казахстанских степей. На 380 известных памятников исследованными являются 66 комплексов, или 17,3% от общего числа известных.

Видно, что, во-первых, элементарные арифметические подсчеты демонстрируют потенциально объемную источниковую базу, которая требует планомерного и последовательного изучения с разработкой новых методических приемов археологических раскопок, а также с привлечением исследовательских методов смежных дисциплин. Во-вторых, число реально исследованных комплексов курганов с «усами» при их индивидуальности позволяет пока только высказывать предположения, суждения и выдвигать гипотезы, связанные с вопросами относительно широкой хронологии и этнической атрибуции.

В рамках предлагаемого исследования мы попытаемся рассмотреть несколько проблем, связанных с комплексами курганов с «усами». Своё изложение начнем с проблемы типологии этого типа памятников.

В фундаментальной монографии А.К. Маргулана, К.А. Ахитова, М.К. Кадырбаева, А.М. Оразбаева («Древняя культура Центрального Казахстана» (1966) авторы публикуют наиболее яркие комплексы курганов с «усами», дают их первичную типологию и картографию и относят этот тип памятников к тасмолинской археологической культуре VII–III вв. до н. э., связывая их с кочевниками сакского круга. Эта точка зрения утвердилась в археологической литературе и в наше время была развита в статьях и диссертационном исследовании А.З. Бейсенова (Бейсенов, 1996. С. 31–41; 1997. С. 17–21).

Прошло почти 40 лет с момента введения в научный оборот значительного количества комплексов курганов с «усами», а ситуация в решении проблемных вопросов остается без каких-либо существенных изменений. Причем наши казахстанские коллеги по непонятным причинам не включают в свои изыскательские схемы комплексы курганов с «усами», в которых обнаружен точно датированный отнюдь не эпохой ранних кочевников археологический материал Центрального Казахстана. Такие комплексы курганов с «усами», как Каннатас, курган 19; Зевакинские курганы 1, 2; Беркутты и другие, описанные Ф.Х. Арслановой, М.К. Кадырбаевым, С.М. Ахияжановым, как правило, не используются в монографических и диссертационных работах (Арсланова, 1975. С. 116–129; Кадырбаев, 1959. С. 179–182; Ахияжанов, 1977. С. 72–80), так как их хронология не вписывается в общую схему развития ранних кочевников Центрального Казахстана. Думается, что это досадная ошибка, связанная с устоявшимися стереотипами, а также с недостаточностью информации о нахождении и исследовании синхронных памятников на территории Южного Зауралья (Солончанка I, IX; Городищенский IX; Султантимировский; Крутая Гора; Оленина Отнога; Новоактобинский I; Новокудуровский I). Полученный археологический материал позволяет датировать большинство этих комплексов в пределах V–VII вв. н. э.

Таким образом, возникает своеобразный феномен комплексов курганов с «усами» – разрыв между ранней датой существования (VII–III вв. до н. э.) и поздней (V–VII вв. н. э.) почти в тысячу лет. При этом нужно отметить, что большинство эталонных комплексов курганов с «усами» Центрального Казахстана не имеет хорошо датированного материала (Любчанский, 1998. С. 303).

Пытаясь объяснить феномен временного разрыва, следует обратиться к анализу определен-

ных элементов этих памятников – типы насыпей, строение каменных гряд, расположение остатков погребального инвентаря в насыпях, грядах и на ритуальных площадках, элементы архитектуры, месторасположение комплексов в локальной географии их нахождения.

В работе 1966 года авторами была предложена самая первая типология комплексов курганов с «усами» по внешним признакам. Ими было выделено четыре основных типа (рис. 4.16):

I тип – два центральных кургана, расположенных по линии 3–В, причем восточный меньших размеров и отстоит от большого западного кургана на 20–40 м;

II тип – два центральных кургана примерно одного диаметра расположены по линии С–Ю;

III тип – малый курган и большой слиты в одно целое;

IV тип – один большой курган.

Гряды «усы» отходят от курганов преимущественно в восточном направлении (Маргулан, Ахитов и др., 1966. С. 308–309). Эту градацию основных типов комплексов курганов с «усами» дополняет девятью вариантами П.Н. Мариковский (Мариковский, 1983. С. 27. Рис. 1). Дополнения, которые вносит П.Н. Мариковский, касаются только комплексов курганов с «усами» II и IV типов (по М.К. Кадырбаеву), при этом не затрагиваются типы I и III. Второй тип курганов с «усами» дополняется тремя вариантами, которые все же принципиально не отличаются от исходной структуры. Они также располагаются цепочкой по линии север–юг, имеют небольшие размеры насыпи, хотя их число и увеличивается до 3–4 в ряд (рис. 4.16). Тип IV (по М.К. Кадырбаеву), по мнению П.Н. Мариковского, усложняется за счет совмещения или наложения варианта 7 (по П.Н. Мариковскому) на тип IV (по М.К. Кадырбаеву) (рис. 4.16). Необходимо также упомянуть о попытке А.З. Бейсенова изменить и упростить типологию курганов с «усами», предложенную М.К. Кадырбаевым. Он предлагает разделить все комплексы курганов с «усами» на три типа, внутри которых выделяются варианты (Бейсенов, 1996, С. 36. Рис. 1). Предложенная исследователем типология по существу ничем не отличается от двух, ранее предложенных типологий М.К. Кадырбаева и П.Н. Мариковского. Если внимательно рассмотреть сводную таблицу типологий (рис. 4.16), то мы увидим, что комплексы курганов с «усами» типа I (по А.З. Бейсенову) соответствуют типу IV (по М.К. Кадырбаеву) и вариантам 1, 3, 8 (по П.Н. Мариковскому); тип II

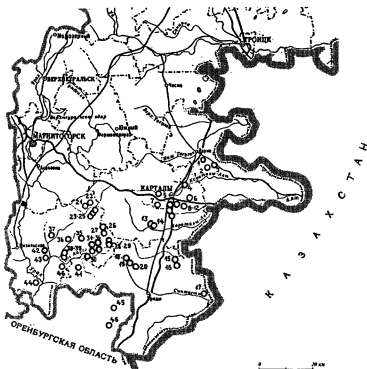

Рис. 4.15. Карта-схема комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья

(по А.З. Бейсенову) формально соответствует типу I (по М.К. Кадырбаеву) и вариантам 2, 9 (по П.Н. Мариковскому); тип III, варианты а, б, в (по А.З. Бейсенову) идентичны вариантам 4, 5, 7 (по П.Н. Мариковскому). Новым в типологии А.З. Бейсенова являются отсутствие или осознанный отказ от выделенного М.К. Кадырбаевым и повторенного П.Н. Мариковским III типа комплексов курганов с «усами», когда малый и большой курганы слиты в одно целое. Новое, что предлагает А.З. Бейсенов в своей типологии, на наш взгляд, заключается в том, что он по-своему трактует свой тип II, вариант б. В графическом изображении на рисунке 1 в статье 1996 года он указывает примерно равные диаметры насыпей курганов, расположенных по линии запад–восток, причем насыпи своими полями соприкасаются друг с другом. По сведениям А.З. Бейсенова, к этому типу относятся четыре сооружения в Центральном Казахстане. К этим данным мы можем добавить еще три аналогичных комплек-

са курганов с «усами» из могильников Табылгысай, Шийлисай, Мийлисай, обнаруженных Р.А. Сегединым в 1971–1975 годах на восточных склонах Мугоджар (Сегедин, 1975, 1976) (Выражаю искреннюю признательность Сергею Юрьевичу Гуцалову за возможность ознакомиться с материалами разведочных работ Р.А. Сегедина и использовать их в данном исследовании). Таким образом, в системе типологии комплексов курганов с «усами» выделяется абсолютно новый тип, который очень похож на тип I (по М.К. Кадырбаеву), но отличается от него качественными признаками технических показателей (равные диаметры курганов центральных насыпей). Такая постановка вопроса ставит под сомнение выделение первого типа классификации М.К. Кадырбаева как действительно существующую реальность. Сложно согласиться с тем, что два археологических объекта (большой курган и курган с «усами»), расположенных на значительном расстоянии друг от друга (20–40 м),

составляют (объединяются в) единый синхронный культурный комплекс. Если высказанное сомнение подтвердится при дальнейших археологических исследованиях, то восточный небольшой курган, от которого отходят каменные гряды-«усы», логично войдет в тип IV по классификации М.К. Кадырбаева.

Работы по изучению комплексов курганов с «усами», начавшиеся в Южном Зауралье, дали возможность вписать их в типологические схемы, предложенные казахстанскими коллегами.

Выявление типов зауральских комплексов курганов с «усами» базируется на анализе аэрофотоснимков, который был проведен совместно с сотрудниками Центра «Археум» И.М. Батанinou и Н.В. Левит. В результате проделанной работы нами было выявлено наличие в степях Южного Зауралья только двух типов комплексов курганов с «усами» из типологической схемы М.К. Кадырбаева – это тип II и тип IV, причем из 110 комплексов второй тип составляет 10% от общего числа; соответственно четвертый тип комплексов курганов с «усами» является преобладающим и составляет почти 90% от общего числа памятников этой категории. При анализе аэрофотоснимков комплексов курганов с «усами» нами было обращено внимание на то обстоятельство, что курганы с «усами» II типа занимают места весьма специфичные, не характерные для расположения могильников кочевников раннего железного века. Комплексы курганов с «усами» этого типа располагаются на первых надпойменных террасах небольших зауральских рек. Что касается комплексов курганов с «усами» IV типа, то они в основном расположены на водоразделах и высоких сопках, что вполне соответствует традиционному расположению могильников кочевников Южного Зауралья. Также было сделано интересное наблюдение об «одиночестве» комплексов курганов с «усами», которые не находятся на погребальных площадках других синхронных могильников (видимо, исключением является курган с «усами» в системе могильника Мандесарка I, открытый и обследованный И.М. Батанinou и Н.В. Левит. Выражаю авторам глубокую признательность за предоставленную возможность ознакомиться с черновыми материалами к публикации. Упрощенные данные опубликованы в Археологическом атласе Челябинской области в 2003 году).

Продолжая разбирать специфически отличные особенности комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья от своих коллег Центрального Казахстана, мы обратили внимание на средние величины длин гряд-«усов». Для южнозаураль-

ских памятников средняя величина гряд-«усов» колеблется в пределах 140–170 м, что почти в два раза превышает средние величины длин гряд-«усов» из Центрального Казахстана (их средняя длина составляет 60–80 м), хотя и встречаются курганы с «усами» длиной до 150 м (Кадырбаев, 1959, С. 90–97). В 2001–2003 годах в Южном Зауралье исследовался комплекс кургана с «усами» Новокоңдуровский I, где их длина достигала 236 м. В степях Южного Зауралья встречаются и «аномальные» комплексы, которые никак не вписываются в установленные типологические схемы. Их «аномальность» проявляется прежде всего в направлениях каменных гряд-«усов». Нам известны четыре случая, в которых гряды-«усы» направлены на север, юг и запад (например, комплекс кургана с «усами» Султантимировский I) (Сунгатов, 2003, С. 216–224). При всей яркой выраженной схожести комплексы курганов с «усами» и южного Зауралья, и Центрального Казахстана имеют индивидуальные особенности – наличие «лучей», «каменных вымосток», дополнительных каменных конструкций (курган с «усами» могильников Табылгысай, Шанлисай, Бала-Талдык, Солончанка IX).

Сложнее дело обстоит с комплексами курганов с «усами» III типа (по типологии М.К. Кадырбаева). Из имеющихся в распоряжении автора материалов только один комплекс кургана с «усами» Кайнсай 14 с большей долей условности может быть отнесен к этому типу. Анализируя стратиграфию и планиграфию центральной насыпи, автор раскопок склонен видеть здесь элементы вторичного использования насыпи более раннего кургана эпохи раннего железного века (под насыпью располагалось погребение VI в. до н. э.), считая при этом, что гряды-«усы» принадлежат более позднему сооружению (Боталов, 1995, С. 15). С.Г. Боталов акцентирует внимание именно на вторичности использования более ранней насыпи для сооружения центрального кургана. Имея по сути двойную стратиграфию, а соответственно и две насыпи, сооруженные со значительным временным интервалом, памятник никак не может относиться к III типу комплексов курганов с «усами», который подразумевает одновременность сооружения насыпей большого и малого курганов. Таким образом, ранее высказанное предположение об отсутствии III типа памятников, как исторической реальности получает первое пусть косвенное, но подтверждение.

Следующим этапом в решении дискуссионных вопросов по комплексам курганов с «уса-

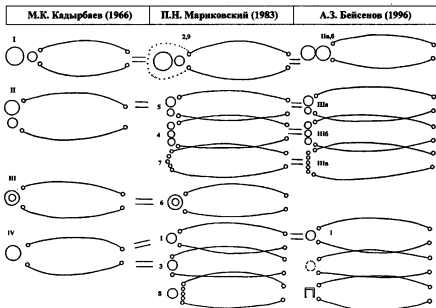

Рис. 4.16. Сравнительно-типологическая характеристика комплексов курганов с «усами» Казахстана

ми» может выступать тщательное исследование архитектуры этих памятников и материалов, используемых для их возведения. Если исходить из понятия «архитектура», то комплексы курганов с «усами» являются сооружениями, «формирующими открытое пространство», и выступают как технические конструктивные системы (СЗС, 1985. С. 82), имеющие мемориальное (погребально-культовое) значение.

В данной работе мы попытаемся проанализировать архитектурные особенности уже исследованных комплексов курганов с «усами» из районов Южного Зауралья. В распоряжении автора имеются материалы восьми комплексов (Солончанка I, IX; Городищенский IX; Кайнсай, курган 14; Султантимировский I; Новоактубинский I; Новокоңдуровский; Оленина Отнога). Именно эти комплексы будут выступать как источниковая база по выбранному для анализа аспекту изучаемой проблемы.

Во-первых, рассмотрим конструктивные особенности центральных насыпей комплексов курганов с «усами», исследованных в степях Южного Зауралья. Начнем с классического памятника, единственного исследованного из чис-

ла комплексов курганов с «усами», относящихся к II типу (по М.К. Кадырбаеву) – Солончанка I (рис. 4.17, 1, 2). Три центральных насыпи были вытянуты цепочкой по линии север–юг. При их исследовании было установлено, что центральный курган (курган 2) имел сложную конструкцию и представлял собой каменное сооружение неправильной шестиугольной формы со сторонами от 3 до 4,5 м, с общим диаметром 7 м. Особенно хорошо, в виде прямых линий, просматривались его западная, юго-западная и юго-восточная стороны. Сложено это сооружение из 3–4 слоев камней различного размера (преобладающим является размер камней 0,4–0,6×0,25–0,35 м). Наиболее крупные камни располагались по краям конструкции и в нижнем слое, лежавшем непосредственно на древней дневной поверхности. Все это сооружение окружалось оградкой неправильной шестиугольной формы со сторонами от 4,5 до 6 м. Общий диаметр оградки составлял 12–12,5 м. Наиболее четко, в виде прямой линии, зафиксирована внутренняя часть ее южной стороны. Углами оградка ориентирована на 3, СЗ, СВ, В, ЮВ, ЮЗ. Ширина каменного кольца колебалась от 0,9 в восточной части до 2 м – в

западной. Говоря о конструктивных особенностях этого сооружения, следует отметить, что в восточной части оградка состоит практически из редких, единичных камней, а почти точно на востоке в ней фиксируется разрыв шириной 1 м. В отличие от центрального сооружения, оградка сложена из одного (изредка двух) слоев камней, также уложенных на древнюю дневную поверхность. Ориентировка углов центрального сооружения и оградки не совпадает – углы сооружения направлены приблизительно на середины сторон оградки. Расстояние от центрального сооружения до оградки колеблется от 0,65 до 1,85 м, увеличиваясь с запада на восток. На западе–юго–западе центральное сооружение смыкается с оградкой короткой каменной перемычкой шириной около 3 м. Такая же перемычка шириной около 2 м отмечена и на севере–северо–востоке конструкции (Любчанский, Таиров, 1999. С. 11–12).

Если центральный курган был сложным архитектурным сооружением, то насыпи-спутники (курганы 1, 3) представляли из себя подквадратные каменные конструкции, ориентированные углами по сторонам света. Для кургана 1 отчетливо фиксировались северо-восточная и юго-западная стороны, а также северный, восточный и западный углы. Восстановленные размеры составили 5,5×5,5 м при высоте 0,6 м. Сложена конструкция не менее чем из 4–5 слоев камней. Наиболее крупные плиты и плитообразные камни отмечены по краям сооружения; центр насыпи заполнен преимущественно камнями мелкого размера (Любчанский, Таиров, 1999. С. 8).

Для кургана четко зафиксированными оказались северо-западная и северо-восточная стороны, а также западный и северный углы. Размеры были меньше, чем в кургане 1, и составили 4,5×4,5 м при высоте 0,7 м. Насыпь сложена из 4 слоев камней. Так же, как и в кургане 1, крупные плитообразные камни располагались по краям сооружения, но со смещением в северо-западный сектор (Любчанский, Таиров, 1999. С. 13).

Таким образом, мы фиксируем следующее: во-первых, центральный курган имеет шестиугольную конструкцию, а курганы 1, 3 – подквадратную; во-вторых, все насыпи сложены из 3–5 слоев камней, нижний ряд которых покрывается на древней дневной поверхности; в-третьих, крупные и плитообразные камни располагаются по краям каменных конструкций.

Остальные исследованные в Южном Зауралье комплексы курганов с «усами» относятся к IV типу (по типологии М.К. Кадырбаева) (рис. 4.16).

Центральные насыпи каждого из комплексов курганов с «усами» индивидуальны, поэтому требуют и отдельного описания. Начнем с комплекса курганов с «усами» Солончанка IX (рис. 4.12; 4.15), центральная насыпь которого представлена каменной конструкцией округлой формы. Это сооружение сложено из камня средних и мелких размеров (20–30 см и 10–15 см), но юго-восточная часть сложена из крупных камней. Хотя камни уложены хаотично, при этом отчетливо прослеживается основное кольцо сооружения в виде стенки шириной до 2 м при диаметре 7 м. Все камни лежат на уровне погребенной почвы. Внешний развал каменной конструкции располагался на предматерике, что может свидетельствовать в пользу умышленного удаления погребенного слоя.

Яркой особенностью центрального кургана является то, что к западной поле ограды вплотную примыкает каменная «вымостка» из щебня, пролитая гумусно-глистым «раствором». Сама выкладка практически горизонтальна. Все камни дополнительного каменного массива лежат в определенном порядке, образуя систему, которая выражается в выделении в горизонтальной поверхности четкого подпрямоугольника в северо-западной части выкладки. Размеры выкладки составили 2,20×2,30 м с ориентацией длинными сторонами по линии 3–В.

Следующая центральная насыпь, которую хотелось бы охарактеризовать, исследована С.Г. Боталовым в комплексе кургана с «усами» Городищенский IX (рис. 4.18). Она представляла собой подквадратную конструкцию (первоначальные размеры стенок составляли 7,5×7,5 м), а общий диаметр ее составил 10,5 м при высоте 0,9 м (Боталов, 1998. С. 323). Однако на чертеже, который автор раскопок постоянно публикует в своих последних работах, центральная насыпь весьма отдаленно напоминает подквадратную конструкцию (Боталов, Гуцалов, 2000; 2000б). Внимательное рассмотрение чертежей убеждает нас в ее многоугольности. Скорее всего, до своего разрушения центральная насыпь представляла из себя пяти-, а возможно, и шестиугольную конструкцию. Это предположение сделано исключительно на основании изучения публикационного материала.

Третьим комплексом, материалы которого позволяют судить об архитектуре центрального кургана, является комплекс кургана с «усами» Оленина Отнога, расположенный близ села Анненское Карталинского района Челябинской области. Приношу искреннюю благодарность автору раскопок Владимиру Петровичу Костюкову за воз-

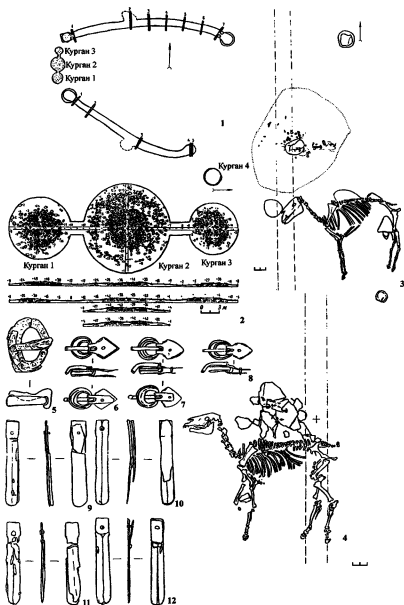

Рис. 4.17. Комплекс кургана с «усами» Солончанка I.

1 – общий план; 2 – общий план и разрезы центральных насыпей; 3 – курган 3. Погребение лошади; 4 – курган 1. Погребение лошади; 5 – железная пряжка; 6–8 – пряжки; 9–12 – наковечники. 6–12 – серебро

возможность ознакомиться с архивными материалами и за возможность использовать эти материалы в публикации (рис. 4.19, 1).

Центральная насыпь кургана с «усами» Оленина Отнога представляет собой каменную конструкцию, «по форме очень близкую квадрату с несколькими размытыми углами, со стороны 6,5 м. Углы конструкции были ориентированы по сторонам света. Учитывая вероятные искажения, произошедшие со временем, можно допустить, что при сооружении ей могла быть придана форма пяти- или шестиугольника. Состояние насыпи позволяло с полной уверенностью констатировать ее неокрутость, поскольку прямизна границ была хорошо выражена на участках значительной протяженности» (Костиов, 1989. С. 50). Мы специально сохранили авторское изображение, чтобы продемонстрировать всю сложность геометрической идентификации формы центрального сооружения комплексов курганов с «усами». Примером может служить недавно опубликованный *Султантимировский I курган с «усами»* (рис. 4.20, 1). К глубокому сожалению, автор не указывает форму каменной конструкции центральной насыпи, но при этом отмечает, что «по краям бровки камни залегают до уровня погребенной почвы наиболее плотно, как бы образуя крепиду» (Сунгатов, 2003. С. 216). На рисунке 2 к этой статье приводится графическое изображение плана и профиля центральной насыпи Султантимировского I кургана с «усами», на котором с высокой долей вероятности изображена многоугольная ограда, которая в профиле прочитывается как плотно лежащие камни, интерпретированные Ф.А. Сунгатовым, как крепиды. Таким образом, можно предполагать, что центральная каменная конструкция Султантимировского I кургана с «усами» аналогична центральным насыпям курганов с «усами» Солончанка I, IX, Оленина Отнога.

Наиболее полную информацию о форме центральной насыпи мы получаем из описания комплекса кургана с «усами» *Новоактюбинского I могильника* (рис. 4.2-4.4). Центральная насыпь кургана представляла собой руинизированный «подквадратный каменно-земельный массив» размерами 10,5×9,5 м, который ориентирован сторонами по линии ВСВ-ЗЮЗ. Дальнейшее наблюдение за исследованиями центральной насыпи комплекса кургана с «усами» позволило О.Ф. Бытковскому предположить возможный вариант сооружения насыпи центральной конструкции. По мнению исследователя, первоначально сооружалась

каменно-земельная насыпь, мощность которой составляла 0,3 м. Затем в центре возводилась подквадратная каменная насыпь, которая укреплялась округлой земельной насыпью. И вновь мы констатируем наличие сложной формы центральной насыпи комплекса кургана с «усами».

Центральная же насыпь комплекса кургана с «усами» *Новокоңдуровский I* представляла собой развал каменной конструкции (рис. 4.13-4.14). После удаления камней периферии нами была осконтурена насыпь почти правильной шестиугольной формы. Причем в центральной ее части располагались туфо-базальты и граниты, уложенные в 1-2 ряда, в то время как периферийные больших размеров стеловидные граниты были уложены в 2-3 ряда на высоту 0,7-0,9 м от уровня материка. После удаления камней из центра насыпи центральное сооружение стало выглядеть как многоугольная ограда с шириной стены до 1 м. В северо-восточной и юго-западной частях ограды имеются разрывы шириной 0,7-0,9 м, которые, возможно, являлись обозначением ритуальных проходов во внутрь конструкции.

Подводя итоги наблюдением за формой центральной насыпи, можно констатировать тот факт, что она представляет собой каменное сооружение в виде четырех-, пяти-, шестиугольных оград, ширина стенок которых достигает 1,0-1,20 м при высоте 0,7-0,9 м. Камни больших размеров уложены в 2-4 ряда друг на друга. В случае с Новокоңдуровским I комплексом кургана с «усами» мы фиксируем элементы так называемой «чешской» кладки (рис. 4.3-4.14).

Гряды «усов» комплексов, исследованных в Южном Зауралье, представляют собой разновеликие каменные «дорожки» (за исключением Солончанка I), вытянутые в широтном направлении (кроме Султантимировского I, где гряды ориентированы в северном направлении). Визуально они воспринимаются как правильные дуги, формирующие в виде овала пространство между «усами». Однако при сплошном, а не фрагментарном исследовании они имеют сложную конструкцию. Каждая из гряд «усов» имеет свои индивидуальные особенности. Из восьми комплексов курганов с «усами» наиболее полной информацией располагаем только по шести комплексам.

От гряд «усов» комплекса кургана с «усами» Солончанка IX мы имеем только небольшие фрагменты, примыкающие к выосткам в начале и на окончаниях «усов» (рис. 4.6-4.8). К сожалению, по комплексу кургана с «усами» Султантимировский I информация отсутствует. Из оставшихся шести комплексов курганов с «усами» комплекс Солон-

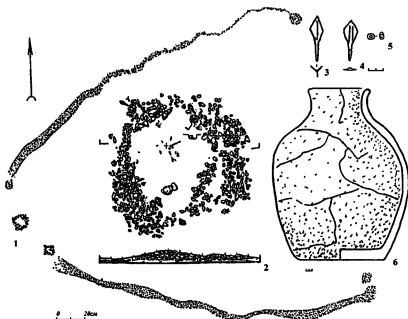

Рис. 4.18. Комплекс кургана с «усами» Городищенский IX.

1 – общий план; 2 – общий план центральной насыпи; 3–4 – наконечники стрел; 5 – бисер; 6 – сосуд. 3, 4 – железо

чанка I имеет грунтовые гряды-«усы», остальные комплексы – каменные.

Для всех гряд-«усов» характерно то, что камни уложены в один ряд. Только в комплексе Новокоңдуровский I на некоторых участках были зафиксированы отдельные элементы возможного наличия второго ряда камней. Ширина каменных гряд практически стандартна. Для курганов с небольшой длиной гряд их ширина не превышает 1 м (Оленина Отнога, Султантими́ровский I), в то время как ширина гряд-«усов» большей длины (более 100 м) варьирует в пределах 1,60–2,20 м (Городищенский IX, Новоактюбинский I, Новокоңдуровский I). На этом общее сходство в структуре каменных гряд заканчивается. Индивидуальные черты каменных гряд-«усов» можно продемонстрировать на всех исследованных комплексах курганов с «усами» Южного Зауралья.

Гряды-«усы» курганов 14 могильника Кайнсай (рис. 4.21) и могильника Новоактюбинский I представляли сочленения каменных оградок

подквадратной и округлой формы с условным диаметром 2–6 м (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 207; Бытковский, Любчанский – предыдущая статья. Рис. 4.2–4.4).

Индивидуальной чертой каменных гряд-«усов» курганов Городищенский IX и Новокоңдуровский I является их «змеевидность». Но при детальном рассмотрении обнаруживается то, что каменные гряды-«усы» представляют ломаные линии, отрезки которых имеют разную длину. К тому же при исследовании Новокоңдуровского I комплекса кургана с «усами» было замечено использование трех пород камня при его возведении. Геологическое определение камней, использованных для сооружения комплекса, проведено А.И. Левит и Н.В. Левит (Челябинск, Центр «Аркан») в 2001 году и А.А. Каздымом (Москва, РУДН) в 2002 году, за что приношу им искреннюю благодарность.

Две породы были привезены на место сооружения из скальных выходов, расположенных в 8–15 км от площадки сооружения комплекса. Камен-

ные гряды-«усы» Новокондуровского I кургана были выложены отдельными участками с преобладанием той или иной породы; при этом границы между этими участками хорошо фиксировались. По материалам исследований этого комплекса мы можем предположить, что комплекс кургана с «усами» Новокондуровский I возводился одновременно, после подготовительного этапа, о чем свидетельствуют не только привезенные границы, но и обнаруженные остатки исходного материала, находящиеся в 2,20 м от внешней линии северной гряды-«уса» и в 18–20 м от его начала.

Для комплекса кургана с «усами» Городищенский IX индивидуальность усматривается в наличии дополнительной выкладки подквадратной формы у окончания южной гряды-«уса», однако судить о ней мы можем только по общему плану комплекса (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 206. Рис. 52) (рис. 4.18).

Нельзя не сказать несколько слов об индивидуальных особенностях комплекса кургана с «усами» Солончанка I. К ним относятся три элемента: во-первых, это сам факт наличия грунтовых гряд-«усов»; во-вторых, наличие двух округлых земляных площадок диаметром около 10 м, примыкающих с внешней стороны обоих валов. На северном «усе» такая площадка расположена почти у его середины. Площадка у южного «уса» смещена от середины к востоку. И, в-третьих, в 20 м к юго-востоку от окончания южного «уса» располагался курган диаметром 12–13 м, высотой 0,3 м (Любчанский, Таиров, 1999. С. 7. Рис. 3) (рис. 4.17).

Следующим составным компонентом комплексов курганов с «усами» являются каменные оградки на началах и окончаниях гряд-«усов». В целом, конечно, можно говорить об их стандартности в размерах и формах, но все же они имеют свой индивидуальный набор характеристик.

В этом контексте постараемся рассмотреть хорошо исследованные конструкции в начале и на окончаниях «усов» комплексов курганов с «усами» Солончанка IX, Новокондуровский I, Оленина Отнога, то есть тех комплексов, материалы которых хорошо опубликованы и доступны автору.

В комплексе кургана «с усом» Солончанка IX сохранились все четыре вымостки. Развал каменной конструкции начала южной гряды-«уса» представлял собой подпрямоугольное сооружение размерами 7,0×6,5 м. С юго-восточной стороны конструкции сохранилось четыре крупных камня с забутовкой из мелких камней. Сохранившийся участок южной гряды-«уса» представлял многоугольную конструкцию (возможно, шестиугольник) со сторонами 2,0×0,85 м. Каменный фундамент лежал на подрезанной погребенной почве и держал на себе двухтрехрядную каменную конструкцию сооружения.

Обнаружение фундамента разрушенной гряды позволило проследить узел соединения гряды-«уса» с насыпью каменной оградки, который представлял собой подогнанные удлиненные камни, соединяющие насыпь и «ус» (рис. 4.6–4.12).

Устройство начала северной гряды-«уса» существенно отличается от вышеописанной гряды. Конструкция квадратной формы размерами 4×4 м крупных и средних камней как бы перекрывается каменной грядой. Фундаментом конструкции были крупные и средние плоские камни, уложенные на материк. С западной стороны в оградке был разрыв шириной 0,6 м, обрамленный двумя большими камнями с обеих его сторон.

Каменная конструкция на окончании северной гряды-«уса» представляла собой равнобедренный

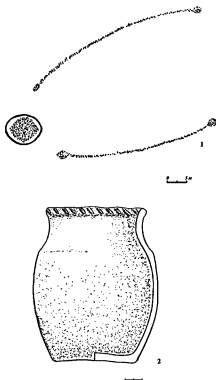

Рис. 4.19. Комплекс кургана с «усами» Оленина Отнога. 1 – общий план; 2 – сосуд

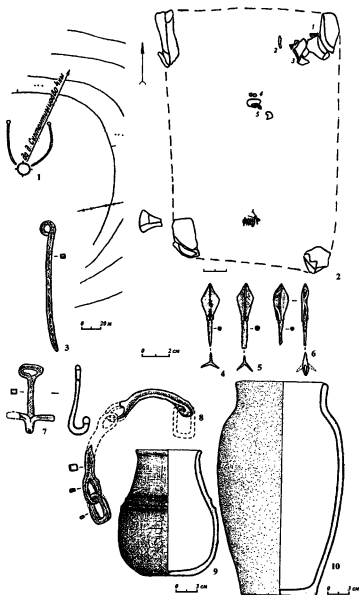

Рис. 4.20. Комплекс кургана с «усами» Сулзантимировский I.

1 – топографический план кургана; 2 – общий план «могильной» ямы; 3 – стержень; 4–6 – наконечники стрел; 7 – колчаный крюк; 8 – удила; 9, 10 – сосуды. 3–8 – железо, 9, 10 – глина

треугольник с длиной основания 4 м и длиной сторон по 5 м, ориентированный основанием СЗ–ЮВ. Ограда была сложена из камней крупных и средних размеров. В центре ограды под камнями была обнаружена лопаточная кость животного (возможно, коза или овца), под завалом камней в западной части было расчищено небольшое скопление угля.

Конструкция окончания южного «уса» представляет собой панцирное сооружение, сложенное из крупного плоского камнями размерами 0,6×1,0 м. В южной части ограды были обнаружены фрагменты древесного угля. Для сооружения ограды использовались плиты обработанного гранита, взятого с могильника бронзового века, расположенного поблизости (рис. 4.6–4.12).

Каменные выкладки начала и окончания гряд комплекса Оленина Отнога выглядят стандартизированными. Три из четырех выкладок имели квадратную или близкую к квадрату форму с сторонами 2–2,3 м. Одна выкладка начала северной гряды выглядела как ромб со сторонами около 2 м. Плоские камни средних размеров были уложены в 1–2 слоя на погребенную почву. Под камнями никаких предметов инвентаря или остатков деятельности человека обнаружено не было (рис. 4.19).

Неподдельный интерес вызывают конструкции Новокудуровского I комплекса кургана с «усами». Из четырех возможных сооружений в хорошем состоянии сохранилось только два. Конструкция на начале южного «уса»-гряды полностью разрушена. От нее сохранилось только четыре крупных гранитных плиты, которые обозначали место соединения разрушенной ограды и самой гряды-«уса». Конструкция на начале северного «уса» вообще отсутствовала. Скорее всего, она не была предусмотрена «архитектурным планом» сооружения. Сложенная из камней малых и средних размеров, она вряд ли будет повторять геометрические формы, которые характерны для большинства комплексов курганов с «усами» (рис. 4.13; 4.14). Комплекс кургана с «усами» Новокудуровский I находится еще на стадии лабораторных исследований.

Для рассмотрения архитектуры конструкции пригодны лишь каменные насыпи на окончаниях северного и южного «усов».

Окончание северной гряды-«уса» представляет собой каменную подпрямоугольную (или почти квадратную) конструкцию размерами 6,0×5,50 м, ориентированную сторонами по линии ВЮВ–ЗСЗ, сложенную из камней базальтовых пород средних и мелких размеров, причем самые крупные и мас-

сивные из них расположены к западу–юго-западу от центра конструкции. В центральной части было расчищено два больших удлиненных камня, лежащих в 0,3–0,4 м от выявленных двух неглубоких ямок между камнями кладки. Возможно, первоначально эти камни были поставлены вертикально.

Конструкция окончания южной гряды менее мощная, нежели предыдущая, сложена в основном из камней средних размеров в два слоя. Фундамент конструкции представлен плоскими гранитными блоками, уложенными на погребенную почву и очерчивающими квадратную площадку размерами 3,50×3,50 м. В центре площадки обнаружено углубление в камнях размерами 0,2×0,3 м, в котором, возможно, стоял стеловидный камень, обнаруженный в 7 м от раскопа на пашне. Размеры основания камня вполне соответствуют размерам углубления.

Рассмотрение доступных материалов по каменным выкладкам в начале и в конце каменных гряд позволяет говорить не только об их индивидуальных чертах, но и об общих закономерностях их устройства, к которым можно отнести следующее: во-первых, геометрию формы фундаментов площадок (подпрямоугольник, подквадрат). Во-вторых, размеры, которые пропорционально относятся к ширине гряд-«усов» (1:2–2,5). В-третьих, все конструкции имеют два ряда камней, которые образуют их насыпь; и, в-четвертых, на всех оконечностях гряд зафиксированы либо лежащие крупные стеловидные камни, либо места, где они могли быть установлены.

Следующим элементом в устройстве комплексов курганов с «усами», на наш взгляд, выступают всевозможные сохранившиеся следы деятельности человека на уровне погребенной почвы или материка. Сразу отметим, что они имеются практически во всех комплексах курганов с «усами» Южного Зауралья. К ним можно отнести провалы, золу, уголь (Солончанка I, Городищенский IX, Оленина Отнога, Новоактюбинский I), ровики (Новоактюбинский I, Крутая Гора) (рис. 4.22), ямы, в том числе и могильные (Султантимировский I, Новокудуровский I) (Любчанский, Танров, 1999. С. 39. Рис. 6; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 206; Костюков, 1989. С. 50; Сунгатов, 2003. С. 216–224; Бытковский, Любчанский – предыдущая статья). В нескольких исследованных комплексах были зафиксированы не случайные, а специально созданные элементы подкурганых площадок. Так, при исследовании комплекса кургана с «усами» Городищенский IX С.Г. Боталов

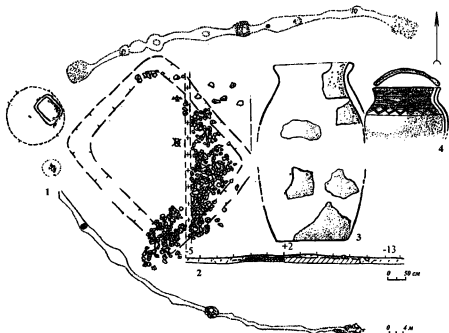

Рис. 4.21. I. Комплекс кургана с «усами» Кайнсай 14.

1 – общий план; 2 – общий план центральной насыпи; 3–4 – сосуды

под насыпью выкладки начала северной гряды-«уса» зафиксировал «прокал подпрямоугольной формы размерами 1,8×2,2 м» (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 206), и, судя по чертежу, этот прокал имел кареобразное очертание в виде неглубокого ровика (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 205. Рис. 51, 3). В другом комплексе под центральной насыпью на уровне погребенной почвы были зафиксированы овальные углисто-сажистые пятна неправильной формы, а рядом с ними – фрагменты деревянных плашек (Оленева Отнога) (Костюков, 1989. С. 52). Углисто-сажистое пятно прокала было обнаружено и в комплексе кургана с «усами» Солончанка I (курган 1–южный), который представлял выпуклую линзу аморфной в плане формы. Особенно интенсивным и насыщенным цвет прокала был в той его части, где температура горения была максимальной и мощность его достигала 2,5 см (Любчанский, Таиров, 1999. С. 8. Рис. 6).

Не совсем понятные по назначению подпрямоугольные ямы обнаружены под окончаниями гряд-«усов» Новокундуковского I кургана. Здесь же, под окончанием южной гряды, зафиксирова-

ны три круглые столбовые ямки и три ямки подквадратной формы, которые, возможно, использовались для ориентирных камней при возведении всего сооружения комплекса. Однако наиболее интересным, на наш взгляд, являются обнаруженные небольшие ровики под центральной насыпью и каменными грядами Новоактобинского I кургана. По мнению О.Ф. Бытковского, «с восточной стороны выкапываются два дугообразных линзовидных в сечении ровика», над которым сооружалась каменная ограда из одного-двух колец со стоящим камнем в центре, а уже из этих оградок формируется сама гряда-«ус» (Бытковский, Любчанский – предыдущая статья).

При исследовании центральной насыпи Султантимировского I комплекса кургана с «усами» было обнаружено захоронение в могильной яме. Автор исследований указывает на то, что могильная яма сооружена на уровне погребенной почвы и не достигает материка. Ее очертания, судя по чертежу, условны, хотя в описании автор указывает размеры 2,20×1,5 м. Сама яма прямоугольной формы и ориентирована по ли-

нии С–Ю. В северо-восточном углу и в центральной части ямы были обнаружены разрозненные кости погребенного и инвентарь (Сунгатов, 2003. С. 217. Рис. 4). Из тех данных, которые публикует автор раскопок, мы можем только говорить о совершении захоронения в слое погребенной почвы. Утверждение же автора о наличии могильной ямы вызывает сомнение.

Одним из интересных факторов, составляющих процесс сооружения комплексов курганов с «усами», является нахождение под каменными конструкциями костных остатков. Их наличие присуще всем исследованным комплексам курганов с «усами» в Южном Зауралье. Костные остатки как категорию обряда можно разделить на две группы: 1 – костные остатки животных; 2 – костные остатки человека. В свою очередь, первую группу можно разделить на две подгруппы по признаку их захоронения: а – ингумационные костные остатки; б – кремационные костные остатки. К ингумационным костным остаткам мы относим скелеты и части скелетов лошадей из комплексов курганов с «усами» Солончанка I, IX (рис. 4.23), расчлененную тушу коровы, кости лошадей, овцы и верблюда из комплекса кургана с «усами» Новоактобинский I, а также заднюю часть туши и заднюю ногу лошади в комплексе Городищенский IX (Косинцев, Ражев, 1999. С. 63–79; Боталов, 2000. С. 215; Бытковский, Любчанский – предыдущая статья). Osteологические исследования были проведены только с osteологической коллекцией комплексов курганов с «усами» Солончанка I и Новоактобинский I. Результатом работ с костными остатками комплекса кургана с «усами» Солончанка I стало выделение нескольких тафономических групп («тафономия» – учение о захоронении и образовании скоплений ископаемых остатков животных и растений. См. Геологический словарь. М., 1955. Т. 2, С. 312). Их было выделено пять. В первую группу вошли полные скелеты лошадей из центральных курганов комплекса. Причем они были специально погребены. Вторую группу составили кости волка и лисы. В третью группу попали обгорелые кальцинированные позвонки и ребра овцы (подгруппа б). Четвертую группу составили дробленные кости лошади, скорее всего как пищевые остатки. И в пятую группу отнесены единичные кости овцы и лошади, случайно по-

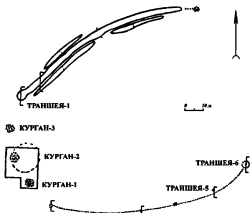

Рис. 4.22. Комплекс кургана с «усами» Крутая Гора. Общий план памятника

павшие в насыпь. Таким образом, этот комплекс osteологического материала, по мнению исследователей, формировался четырьмя способами – погребения лошадей, жертвоприношение, трапеца и случайное попадание (Косинцев, Ражев, 1999. С. 68–69).

Анализ костных остатков из комплекса кургана с «усами» Новоактобинский I проводился в лаборатории исторической экологии ЧелГУ Л.Л. Гайдученко. В исследованной osteологической коллекции были выделены остатки двух особей коров и двух особей лошадей, верблюда, а также четырех особей овцы. Также было установлено, что одна особь коровы была предварительно расчленена.

Подводя итог, можно констатировать, что для комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья, где встречены кости животных, главенствующее место занимает лошадь, затем овца, корова, верблюд и единичные особи волка и лисы.

Погребальный инвентарь комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья немногочислен. Из одиннадцати комплексов курганов с «усами» в семи были встречены целые или фрагментированные сосуды (Солончанка I, IX; Городищенский IX; Султантимировский I; Кайсай 14; Новоожондуровский I; Новоактобинский I), и только в трех курганах с «усами» был обнаружен другой инвентарь, изготовленный из металла и кости (Солончанка I; Городищенский IX; Султантимировский I). Из этих трех памятников самым насыщенным по погре-

бальному инвентарю является комплекс кургана с «усами» Солончанка I, значительно меньше материала содержится в «погребении» Султантимировского I кургана с «усами» и под насыпью Гордищенского IX кургана с «усами».

Материалы этих комплексов опубликованы в различных работах 1999–2003 годов (Любчанский, Таиров, 1999; Любчанский, 1998; Боталов, Гуцалов, 2000; Сунгатов, 2003). Однако чтобы сохранить последовательность изложения, частично приведем суммарную характеристику этого инвентаря и практически дословно воспроизведем текст описания материала комплекса кургана с «усами» Солончанка I по статье И.Э. Любчанского и А.Д. Таирова 1999 года.

Предметы вооружения представлены 51 железным наконечником стрел, луком и колчаном (рис. 4.24, 1–39).

Наконечники стрел трехлопастные, ромбические, черешковые (рис. 4.24, 6–36). Общая их длина 6,0–7,6 см при длине боевой головки 4,2–4,6 см. Подобные наконечники получают массовое распространение в среде кочевников евразийских степей с рубежа эр и бытуют до VI в. н. э. Наиболее ранние наконечники встречены в комплексах I в. до н. э. – I в. н. э. Западной Монголии, Южного Забайкалья и Алтая (могильники Ильмовая Падь, могилы 53, 54; Черемуховая Падь, могила 49; курганы Ноин-Улы, Тэбт-Улы, могила 2; Кокзальский могильник; могильник Хара-Дог-Бажи, погребение 1 и др.) (Коновалов, 1976. Табл. I, 1; II, 20, 28; Худиков, 1986. Рис. 5, 7–9; 25, 12, 20, 28; Вайнштейн, 1970. Рис. 12, 14). В период существования позднесарматской культуры и особенно в период Великого переселения народов этот тип наконечников получает распространение в Южном Приуралье (погребение Кызыл-Адыр), в Нижнем Поволжье (курган 17 у города Покровска; курган 4, погребение 2 у села Владимировское и др.) и в южнорусских степях (курган 8, погребение 2 в урочище Кубей; погребение у села Новая Маячка; могилы VIII, IX у села Новогригорьевка) (Засецкая, 1994. Табл. 3.2, 3.4; 5.3, 5.5; 9.8; 31.2, 31.3; 35.2, 35.4; 37.1–5; 47. 66).

Костяные накладки от сложносоставного лука «гуннского» типа представлены большим количеством обожженных фрагментов. Восстанавливается лишь незначительная часть концевых (2 экземпляра), срединных (2 экземпляра) накладок (рис. 4.24, 1–5). Оставшиеся фрагменты (рис. 4.24, 5, 37, 38) позволяют предположить наличие еще как минимум двух

концевых, одной срединной и одной продольной накладок.

Концевые накладки на лук однотипные – со слегка закругленными концами, с округлой прорезью для тетивы и отполированной лицевой стороной. По заостренному краю лицевой стороны нанесен слочный орнамент. Судя по обработке оборотной стороны накладок, они крепились к основанию лука на клею. Размеры первой накладки – 22,5×1,7 см (рис. 4.24, 1), размеры сохранившейся части второй – 16,5×1,5 см (рис. 4.24, 2).

Срединная накладка представлена двумя фрагментами (рис. 4.24, 3). Накладка имела трапециевидную форму. Общую ее длину восстановить достаточно сложно. Однако, судя по ширине накладки (1,7 см) и толщине (0,3 см) и учитывая возможное ребро жесткости, можно предположить, что длина ее была не менее 14,5–15 см.

Сложносоставной лук «гуннского» типа появляется в районах Центральной Азии на рубеже III–II вв. до н. э. и постепенно начинает распространяться на запад, охватывая все большие пространства. За шесть–семь веков он достигает западных районов венгерской Пушты Паннонии и господствует в евразийских степях вплоть до

Рис. 4.23. Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX. План погребения лошади

момента смены его луками «монгольского» типа. Однако, если исходить из археологического материала, сложносоставные луки наибольшее распространение получают у народов Центральной Азии, Северного Казахстана и Средней Азии. В степях юга России, Поволжья и Урала они были очень редки. Наиболее точные аналоги накладкам из комплекса кургана с «усами» Солончанка I обнаружены на востоке, в памятниках хуннского и постхуннского времени, которые датируются I–IV вв. н. э. (могильники Ильмовая Падь, могила 51; Черемуховая Падь, могила 61; Сул-Толгой, могила 1; Кокельский, курган 1, могила 46, погребение 2; курган 26, могила 8, могила 27; курган 66; Большой Берельский, курган 2), и V–началом VI в. н. э. (курган 2 Берельского могильника) (Худяков, 1986. Рис. 2, 15; 57, 3; 21, 4, 5; 3, 1, 2; 22, 7; Цзвендорж, 1985; Vainschtein, 1984; Сорокин, 1969. Рис. 22, 6, 7). Составные части нашего сложносоставного лука по приведенным аналогиям целесообразно соотнести с так называемым «кокальским» луком типа 3 (по Ю.С. Худякову) (Худяков, 1986). Подобные накладки появляются в I – начале II в. н. э. в памятниках Северного Казахстана (могильник Жабай-Покровка, урочище Саргары, курган 3) (Хабдулина, 1994. С. 121–122). В период I–IV вв. н. э. накладки, особенно концевые, аналогичные накладкам лука из Солончанки, входят составным элементом в формирующиеся луки «кенольского» типа и известны в Киргизии (могильники Ахчий-Карасу, Джал-Арык, Торкен), в Казахстане (Кзыл-Койнар-Тобе) и даже в Ташкентском оазисе (Ак-Тобе 2) (Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 7., Рис. 1, 1, 3, 4, 6; Хазанов, 1966. Рис. 4). Единичные экземпляры составных частей подобных луков обнаруживаются в могильниках среднесарматской и позднесарматской культур Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Сусловский могильник, курган 51) (Рыков, 1925).

Наиболее полный экземпляр сложносоставного лука «гуннского» типа, накладки которого по своим характеристикам близки накладкам из описываемого комплекса кургана с «усами», был найден в погребении V в. н. э. у села Кызыл-Адыр Оренбургской области (Засецкая, 1982. С. 54–57. Рис. 4, 7; Засецкая, 1994. Табл. 36). Несколько накладок плохой сохранности происходят из курганов с сожжением у города Покровска (курганы 17 и 18), датируемых V – началом VI в. н. э. (Степи Евразии... 1981. Рис. 5, 26., 27; Минаева, 1927. С. 91–94. Табл. I–III).

Все перечисленные аналогии подтверждают мысль о том, что сложносоставной лук «гунн-

ского» типа был широко распространен на территории евразийских степей. Однако необходимо сделать уточнение. Дошедшие до нас остатки луков, происходящие из районов Поволжья, Южного Приуралья и Зауралья, Средней Азии и Центрального Казахстана, относятся к поздним сложносоставным лукам III и IV типов (по Ю.С. Худякову), период существования которых соответствует позднехунскому времени Центральной Азии и эпохе Великого переселения народов в Европе, то есть укладывается в рамки конца IV – начала VI вв. н. э.

Второй крупной категорией погребального инвентаря комплекса кургана с «усами» является набор элементов конской сбруи – три серебряные, одна бронзовая и одна железная пряжки, наконечники ремней и железные удила (рис. 4.17, 5–12).

Пряжка 1 (рис. 4.17, 6) литая, серебряная, имеет круглую рамку и треугольно-ромбический щиток, выполненный в виде узкой серебряной полоски, который соединяется с основанием рамки путем перегиба своего основного щитка. В целом щиток крепится к ремню при помощи одного серебряного штифта, вклепанного в центре щитка. Язычок пряжки, изготовленный из круглого дрота, подвижный, хоботковидный, украшенный у основания и на конце тремя и двумя ризками соответственно, крепился к основанию пряжки путем загиба конца дрота. Рамка пряжки также изготовлена из дрота, который обработан и имеет в сечении неправильный восьмиугольник. Общие размеры пряжки – длина рамки со щитком 4,7 см, длина пряжки с язычком 4,3 см, диаметр рамки 1,7 см, размеры щитка 2,6×1,9 см.

Пряжка 2 (рис. 4.17, 7) литая, серебряная, имеет округло-овальную форму рамки, усеченный листовидный щиток. Язычок округлый в сечении, подвижный, хоботковидный, украшенный у основания и на конце соответственно одним и двумя «бардюрчиками». Рамка изготовлена из дрота, который обработан таким образом, что в сечении представляет собой неправильный восьмиугольник. Общие размеры пряжки – длина 4,3 см, длина язычка 2,5 см, размеры рамки 1,8×1,7 см, размеры щитка 2,3×, 6 см.

Пряжка 3 (рис. 4.17, 8) литая, серебряная, имеет овальную рамку, усеченный листовидный щиток. Язычок, изготовленный из круглого дрота, подвижный, хоботковидный, украшенный у основания и на конце двумя «бардюрчиками». Рамка в сечении имеет форму неправильного восьмиугольника. Общие размеры пряжки – длина 3,9 см, длина язычка 2,5 см, размеры рамки 1,8×1,7 см, размеры щитка 2,0×1,2 см.

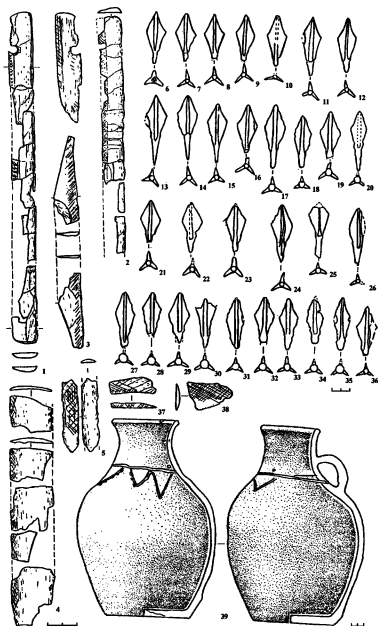

Рис. 4.24. Комплекс кургана «усами» Солончанка I.

1-5, 37, 38 – накладки на лук; 6-36 – наконечники стрел; 39 – кувшины. 1-5, 37, 38 – кость

Способы крепления щитка к рамке на пряжках 2 и 3 аналогичны способу крепления, описанному для пряжки 1.

Пряжка 4 (рис. 4.17, 5) изготовлена из железного дрота, что определило ее плохую сохранность. Однако по сохранившимся фрагментам можно судить о том, что она имела овальную форму и была бесщитковой. Язычок прямой, подвижный. По длине язычок меньше условного диаметра рамки и не выступает за ее пределы. Он слегка прогнут вовнутрь кольца рамки. Крепление язычка к рамке петлеобразное. Размеры рамки 4,4×3,5 см, длина язычка 3,55 см.

Прямых аналогий пряжкам не найдено, особенно затруднительно оказалось это для серебряных. Тщательно изучая способ крепления составляющих пряжек и сравнивая их с имеющимися классификациями В.Б. Ковалевской и А.В. Богачева, мы пришли к выводу, что серебряные пряжки, хотя и не находят прямых аналогий, все же имеют достаточно конкретные хронологические рамки. Они очень близки пряжкам из Бирского могильника и Цибельды. По мнению В.Б. Ковалевской, такой тип пряжек, особенно если они изготовлены из благородных металлов, в основном бытует в IV в. н. э., но продолжает существовать и в IV–V вв. н. э. (Ковалевская, 1979. Табл. I, 15, 16). Подобные пряжки из Тураевского могильника А.В. Богачев синхронизирует с V – первой половиной VI в. н. э. (Богачев, 1992. С. 192).

К уздечному набору отнесены четыре наконечника ремней (рис. 4.17, 9–12). Они стандартны. Все изделия относятся к одному типу – признак I, 27 по форме контура наконечника (Богачев, 1992. С. 93).

Аналогии таким наконечникам, причем очень точные, встречаются в памятниках всего степного массива Евразии. Прямые аналогии этим наконечникам находим в Южном Зауралье, в Друженском могильнике конца IV – начала V вв. н. э. (Богачев, 1992. Рис. 7, 9, 10). Характерен этот тип наконечников и для памятников южнорусских степей эпохи Великого переселения народов. Аналогичная серебряная пластина обнаружена в детском погребении V в. н. э. на Бельюсском городище (Дашевская, 1969. С. 52–61). Этим же временем датируются и наконечники ремней из разрушенного погребения у села Воздвиженское и из погребения у совхоза имени Калинина в Крыму (Засецкая, 1994. Табл. 11.3; 22.1). Этот тип наконечников получает широкое распространение и в лесостепной зоне Прикамья и Среднего Поволжья. Согласно точке зрения А.В. Богачева, подобный тип наконечников относится к I хронологиче-

ской группе (по его классификации) и характерен для тезиковского и федоровского этапов раннесредневековой эпохи Среднего Поволжья, которые датируются III–IV вв. н. э. и первой четвертью V в. н. э. соответственно (Богачев, 1992. С. 135–138).

Учитывая, что наконечники данного типа имеют широкие рамки датировки и были распространены на большой территории, целесообразно отталкиваться от датировок памятников Южного Зауралья и соседних территорий. Это позволяет сузить время бытования наконечников из комплекса Солончанка I до времени IV – первая половина V в. н. э.

Соединительными элементами упряжи являются ременные накладки и налобная пластина, которые, в свою очередь, выполняли еще и функцию декорирования узды и являлись предметами ювелирного искусства (рис. 4.25, 1–12, 19).

Одной из характерных черт середины I тыс. н. э. является повсеместное распространение в свразийских степях изделий, выполненных в полихромном стиле со вставками из красного камня. Поэтому ремненным накладкам (рис. 4.25, 6–9, 18, 19) из комплекса кургана с «усами» Солончанка I аналогии по технике исполнения найти не составляет труда – они обнаруживаются как на территории Южного Зауралья, так и на сопредельных территориях Казахстана, Приуралья, южнорусских степей, лесостепной части Башкирии. Из Друженского могильника конца IV – начала V вв. н. э. происходит золотой медальон, украшенный 72 золотыми шариками зерни, со вставкой из краснофиолетового сердолика. Аналогичные по технике исполнения вещи, происходящие из погребения у озера Боровое, которое датируется V – началом VI в. н. э. (Бернштам, 1951. С. 225–229; Засецкая, 1975). В Нижнем Поволжье также имеются находки, близкие солончанским. Примером может служить овальный медальон со вставкой из синего стекла в золотой оправе, украшенный по краю зернью (Засецкая, 1968. С. 35–38. Рис. 1–2), а также золотой кулон со вставкой из пейзажной яшмы розового цвета из кургана у деревни Красногор. Полихромный стиль распространяется настолько широко, что аналогии можно найти и в далекой Абхазии. Так, например, рукоять меча из погребения Цибилузм 1–43 украшена овальным сердоликом и обрамлена золотой оправой с зернью (Воронков, Шенкаев, 1982. С. 151–152. Рис. 18, 18).

Фрагменты железных удил найдены в двух курганах – Солончанка I и Султантимировский I. От удила сохранились разрушенные грызла и стержневидные псалины очень плохой сохранности. Более или менее прямых аналогий удилам практи-

чески нет. Хотя предварительно, с большой оговоркой, их можно отнести к удилам с S-видными псалиями, которые начинают распространяться в степи и лесостепи Евразии с начала VI века н. э. (Федоров-Давыдов, 1966; Гаврилова, 1966). К сожалению, точно определить тип данных удил не представляется возможным, что автоматически удаляет датобразующую находку из всего комплекса находок.

К снаряжению коня также относятся ленчики седла, которые обнаружены в комплексе Солончанка I в паре (рис. 4.25, 20, 21). В южнорусских степях относительно часты находки подобных ленчиков (VIII, IX могилы Новоигригорьевки; курган у города Мелитополь, погребение 2; курган 8 в урочище Кубей). Аналогичные ленчики встречаются и в Западной Европе (погребение у села Концешта в Румынии, Мундальсхасди во Франции), есть они и в Нижнем Поволжье, и в Казахстане (погребение у совхоза имени Калинина, курган у села Владимировское, погребение у озера Боровое) (Засецкая, 1994. Табл. 2.10; 4.16; 7.9; 19.13; 22.15; 35.13; 47.9; Амброз, 1989. Рис. 44, 20, 21; 41, 2). По классификации И.П. Засецкой, такие ленчики относятся к типам Ia и III и датируются исследователем первой половиной и серединой V в. н. э. (Засецкая, 1986. Рис. 1, 2, 5; Засецкая, 1994. Рис. 10).

С седлом могут быть связаны фигурки двух лошадей, выполненных из дерева и обтянутых золотой и серебряной фольгой. Фигурки сильно фрагментированы, особенно серебряная.

Подобные изделия впервые найдены в Южном Зауралье. Аналоги им находим в памятниках V в. н. э. в южнорусских степях. Одна «лошадка» была обнаружена в детском погребении Беляусского городища и интерпретирована как игрушка (Дашевская, 1969. С. 59; Засецкая, 1994. Табл. 26.7). Имеется еще одна находка лошади – «лошадка» из раскопок Самоковасова у села Новоигригорьевка (Засецкая, 1994. Табл. 2.1).

В южном кургане комплекса Солончанка I обнаружены многочисленные изделия из железа и бронзы, относящиеся, по всей видимости, к составным элементам колчана: это найденные в районе скопления наконечников стрел железная пластина, узкие бронзовые обкладки колчана с бронзовыми гвоздиками, серебряные кнопки, золотая пластина, украшенная камнями и выполненная в полихромном стиле (Любчанский, Таиров, 1999. С.23–31).

Кроме того, был обнаружен бронзовый котелок с железными петлями, который датируется IV–V вв. н. э. (рис. 4.25, 22) (Любчанский, Таиров, 1999. С. 31).

В оставшихся двух комплексах курганов с «усами» из металлических предметов были обнаружены: 23 железных черепковых трехлопастных наконечника стрел (21 экземпляр в Султантимировском I и 2 экземпляра в Городищенском IX) (Сунгатов, 2003. С. 217; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 205); железные удила, колчаный крюк и железный слабоизогнутый стержень (Сунгатов, 2003. С. 218. Рис. 5, 4–6) (рис. 4.20, 3–8; 4.18, 3, 4). Аналогичные предметы находим в памятниках «гуннского» и постгуннского времени степных районов Евразии, причем удила и железный колчаный крюк дают наиболее узкую дату своего существования – это первая половина I тыс. н. э. (Засецкая, 1994. Табл. 37. Рис. 20; Нефедов, 1889. Табл. 3.15; 14; Вайнштейн, 1970. Рис. 25, 12; 60, 2).

Из вышеизложенной характеристики металлического инвентаря видно, что весь массив находок, состоящий из 199 предметов, распределяется следующим образом: 173 экземпляра происходят из комплекса кургана с «усами» Солончанка I; 24 предмета – Султантимировский I и 2 экземпляра – из кургана с «усами» Городищенский IX. При элементарном подсчете видно, что почти 87% материала сосредоточено в комплексе кургана с «усами» Солончанка I.

Наиболее интересным материалом, происходящим из комплексов курганов с «усами», является керамический комплекс. Все сосуды представлены двумя категориями – кувшины и горшки (Солончанка I, IX; Городищенский IX; Султантимировский I; Кайсай 14; Новоактюбинский I; Новокундуровский I).

Кувшины относятся к типу I, варианту 3 (по типологии И.Э. Любчанского), и аналоги им находим на территории распространения памятников джеты-асарской культуры среднего течения Сырдарьи, районов Парфены и памятников II–V вв. н. э. Южного Зауралья (Любчанский, 2000. С. 19).

Из восьми керамических горшков, извлеченных из насыпей комплексов курганов с «усами», три входят в тип IV (по классификации И.Э. Любчанского) (Солончанка I, IX), который включает в себя лепные горшки средних размеров, высотой 20–40 см с плоским дном, воронковидной шейкой и изогнутым прямым или овальным венчиком. Сосуды этого типа неорнаментированы (Любчанский, 2000. С. 20). Горшки этого типа имеют широкую территорию распространения и длительное время бытования. Они бытуют в пределах II в. до н. э. – VI в. н. э. на территории степей от Западной Монголии до Южного Зауралья и Нижнего Поволжья. Причем нами было установлено, что

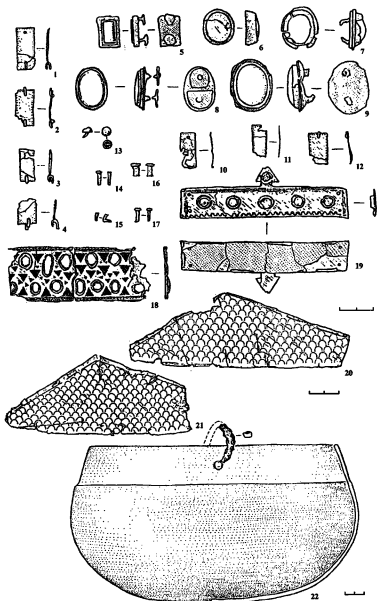

Рис. 4.25. Комплекс кургана с «усами» Солончанка I.

1-4, 10-12 – ременные накладки; 5-9 – ременные бляшки; 13-17 – гвоздики; 18 – фрагмент диадемы; 19 – налобная накладка; 20-21 – накладки на ленчик седла; 22 – котелок. 1-4, 8, 9, 18-21 – золото, сердолик, яшма, альмандин; 10-13 – серебро; 5, 14-17, 22 – бронза, альмандин

данный тип посуды распространяется в Южном Зауралье из региона Центральной Азии (Любчанский, 2000. С. 23) (рис. 4.8; 4.24, 39).

Лепной горшок с заплатами из комплексов Оленина Отнога входит в тип III (по классификации автора), который представляют небольшие горшки с короткой шейкой, слегка срезанным и отогнутым венчиком (рис. 4.19, 2). Аналогии этим горшкам мы находим в памятниках Тувы II–I вв. до н. э., II–III вв. н. э. – в памятниках Южного Зауралья и Северного Казахстана, причем статистическая обработка морфологических свойств сосудов этого типа свидетельствует о том, что подобная форма появляется в памятниках Южного Зауралья в готовом виде (Любчанский, 2000. С. 20, 22).

Два лепных горшка из комплексов курганов с «усами» Кайсай 14 и Султантимировский I представлены большими вазообразными сосудами (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 203. Рис. 50.1; Сунгатов, 2003. С. 217. Рис. 3.2), которые получают свое распространение в степях Евразии в основном в VII–VIII вв. н. э., хотя единичные экземпляры встречаются в памятниках позднесарматского круга Нижнего Поволжья и некрополях Алтыназара 4 II–IV вв. н. э. (Левина, 1994. Рис. 94) (рис. 4.20, 10; 4.21, 3).

Еще два небольших горшка из этих комплексов (Кайсай 14; Султантимировский I) относятся к керамике кушанаренковской культуры Южного Урала VII–VIII вв. н. э. (Степи Евразии..., 1981. С. 27), которая связывается исследователями с угорским населением Западной Сибири (Иванов, 2002. С. 36; Могильников, 1987. С. 65) (рис. 4.20, 9; 4.21, 4).

Приведенная характеристика инвентаря и его анализ позволяют утверждать, что все комплексы курганов с «усами» Южного Зауралья входят в круг памятников эпохи Великого переселения народов конца IV–VIII вв. н. э. Предложенное время существования комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья основывается на предложенном конструктивном разборе отдельных составляющих этих уникальных археологических объектов (архитектура и архитектоника, погребальный обряд и погребальный инвентарь). Хронологический промежуток в 300 лет для этой исторической эпохи слишком велик. В него уместились процессы гибели послехуннского общества и возникновения Тюркских каганатов. Анализируя материалы южнозауральских комплексов курганов с «усами», укрепляемся в мнении, которое было высказано еще в ранней работе о существовании двух хронологических групп, но выделить их пока не

представляется возможным (Любчанский, 1998. С. 307). По имеющимся материалам мы можем предполагать, что к ранней группе курганов с «усами» (V – первая четверть V в. н. э.) относятся комплексы Солончанка I, IX, Городищенский IX, Новоактюбинский I, Новокоңдуровский I, возможно, Крутая Гора. К более поздней группе мы склонны относить комплексы курганов с «усами» Кайсай 14 и Султантимировский I, хотя время бытования этих комплексов не выходит за рамки VII века н. э. В этой работе не затрагиваются вопросы хронологии комплексов курганов с «усами» Центрального Казахстана, которые требуют отдельного тщательного исследования.

В последние пять лет проблему абсолютной хронологии комплексов курганов с «усами» пытались решить путем использования археоастрономических методов. Необходимо сразу отметить, что это направление является новым в системе взаимодействия археологической науки и смежных дисциплин, что вызывает закономерную осторожность со стороны «классической» археологии, порожденную несовершенством методик исследования и способами отражения полученных результатов (Зданович, Кириллов, 2002. С. 6). Тем не менее, это направление может быть весьма перспективным и стать хорошим подспорьем в оценке исторических явлений, дошедших до наших дней в материальном воплощении.

Оригинальный способ датирования комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья был предложен А.К. Кирилловым, который обследовал 8 комплексов курганов с «усами» в Оренбургской и Челябинской областях. Нельзя сказать, что первый опыт оказался удачным. Исследователем были получены чисто астрономические даты с учетом космической прецессии. Из восьми комплексов курганов с «усами» астрономические даты были получены для трех комплексов – Новокоңдуровский I, Каменный Амбар VII, Солончанка IX, причем два кургана были исследованы и археологическими методами. Курганы с «усами» Солончанка IX и Новокоңдуровский I датируются в пределах VII века н. э., для комплекса Каменный Амбар VII дата не определена (именно этот курган с «усами» не был исследован археологическим путем). По астрономическим датам разброс составляет почти шесть столетий – от 460 г. до 1015 г. н. э. Астрономическая и археологическая даты совпадают только в одном случае – это комплекс кургана с «усами» Новокоңдуровский I (V в. н. э.). Из оставшихся пяти комплексов курганов с «усами», подвергнутых археоастрономи-

ческому исследованию, два комплекса (Солончанка I, Городищенский IX) имеют относительную датировку в пределах V – начало VI в. н. э., но, к сожалению, определить астрономическую их дату А.К. Кириллову не удалось (Зданович, Кириллов, 2002. С. 40. Табл. 2). Такой разноречивой в результатах свидетельствует, на наш взгляд, о каких-то *серьезных недоработках в применяемой методике, что не позволяет принять полученные даты как истинные*. Видимо, полученные результаты не удовлетворили самого исследователя, который и попытался объяснить столь серьезные погрешности (Зданович, Кириллов, 2002. С. 54).

Тем не менее считаем, что работа была проделана не зря. Ни одна из полученных дат не опускается ниже V в. н. э., а это, в свою очередь, позволяет поставить если не точку, то многоточие в решении вопроса о широкой хронологии курганов с «усами» Южного Зауралья (Зданович, Кириллов, 2002. С. 54–55). Этот вывод позволяет окончательно согласиться с мнением С.Г. Боталова, который в 1996 году впервые сформулировал тезис о кардинальном пересмотре хронологии комплексов курганов с «усами» (Боталов, 1996. С. 203).

Одним из архисложных вопросов, связанных с исследованием комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья, является вопрос этнической атрибуции и исторической интерпретации этих памятников. Хотя история археологического изучения этих комплексов насчитывает почти 50 лет, к решению этого вопроса исследователи так и не приблизились. Справедливости ради укажем, что предпринимались попытки определить этническую принадлежность курганов с «усами» как относящихся к тюркской эпохе (Боталов, 1996; Боталов, 2000; Боталов, 2003а; Боталов, 2003б). Эту точку зрения разделяет и Ф.А. Сунгатов (Сунгатов, 2003. С. 217).

Логика рассуждений и система доказательств исследователей строятся на принципе выделения историко-культурных комплексов (ИКК), характерных для кочевников евразийской степи. Одним из таких ИКК С.Г. Боталов выделяет хунно-гуннский, который демонстрирует преемственность в развитии материальной культуры хуннов и гуннов на протяжении 1000–1200 лет. Автор выделяет пять хронологических этапов хунно-гуннского ИКК, где последним этапом автор выделяет «постгуннский (раннетюркский), конец V–VIII вв. н. э.» (Боталов, 2003а. С. 124).

Анализируя погребальный обряд комплексов курганов с «усами», ученый выделяет отдельные

его элементы, которые действительно напоминают погребальную обрядовость тюрко-тесских племен и «характеризуются трупосожением, захоронением лошадей, а также вещевым материалом» (Боталов 2003а. С. 124). Под вещевым материалом С.Г. Боталов подразумевает трехлопастные черешковые железные наконечники стрел и специфические формы сосудов (см. С.Г. Боталов, С.Ю. Гуцалов «Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей». Челябинск, 2000).

Проведенный анализ погребального инвентаря и архитектурных особенностей самих сооружений подтверждает ранее выдвинутую версию о двойственном характере составляющих, которые определяют материальную культуру кочевников Южного Зауралья этого времени. Наиболее важные черты объективно относятся к предшествующему гуннскому миру (узды, наконечники, изделия полихромного стиля, большинство типов керамики). Но наряду с этим фиксируется и проявление элементов материальной культуры, генетически связанных с тюркским миром (единичные формы керамики).

Из всего вышеизложенного может следовать лишь то, что в нашем распоряжении пока нет веских аргументов, которые бы позволили точно определить этнокультурную принадлежность комплексов курганов с «усами» южного Зауралья.

Все же следует заметить, что появление в курганах кочевников II–VI вв. н. э. Южного Урала изделий центральноазиатского происхождения позволяет утверждать, что население Южного Зауралья оказалось втянутым в геополитические процессы, связанные с выходом на историческую арену «хионито-эфталитского» государства. Возвышение этого племенного образования напрямую связано с событиями в Кушанской Бактрии. Могушественная империя кушан ю II в. н. э. приходит в упадок и распадается на южную и северную Бактрию. Каждая из частей империи оформляет свои геополитические и экономические интересы в регионе. Южная Бактрия распространяет свое политическое влияние до пределов Северной Индии, и, в конечном счете, политическим центром становится Пешевар. Северная Бактрия вектором своих политических амбиций избирает северные районы Азии и ставит под контроль всю Среднюю Азию. Политическим центром Северной Бактрии становится город Балх в среднем течении Амударьи. Таким образом, северные границы Бактрии соприкасаются с границей государства Кангюй, территория которого достигла Южного Урала (Кюннер, 1961. С. 74).

К IV–V вв. н. э. из многоэтничного населения Северной Бактрии начинают выделяться племена хионитов, свидетельства о которых содержатся в армянских хрониках в связи с персидскими войнами. Видимо, набеги кочевников-хионитов на Иран вызвали серьезные опасения, что вынудило иранских шахов совершить военные походы на «северных варваров» (Тер-Мкртчян, 1979. С. 18–30). Результатом таких взаимоотношений становится изменение политического вектора, когда какие-то «кушанские племена» вторгаются в пределы Согда и Давани (Бухары). Такому успеху во многом способствовала ситуация, сложившаяся в урало-казахстанских степях после ухода гуннов на запад. Освободившуюся территорию осваивают новые кочевники южной волны. На новых территориях мигранты впитывают в себя постгуннский этнический компонент (иранский – сарматский и угорский – саргатский), что получило отражение в письменных источниках и археологическом материале. Вновь возникший конгломерат, возможно, стал именоваться хионитским. Косвенным подтверждением процессов ассимиляции могут служить сведения позднеантичных историков (Иордан, Прокопий Кесарийский), которые указывают на эфталитов как на близкий, возможно,

родственный хионитам и гуннам народ. За время IV–V вв. н.э. хиониты-эфталиты распространяют свое влияние на земли Кангюя (именно с этого времени упоминания о Кангюе прекращаются в поздних китайских хрониках) и вторым переименованием Янцзяй-Алаңя в Судэ. Это событие увязывается с домом Хуни (хионитов), находившимся в отношениях частичной зависимости от Китая (Любчанский, 2003а. С. 17).

Таким образом, можем предположить, что Южный Урал (во всяком случае, Южное Зауралье) входит в состав оформившейся «эфталитской империи».

Привлекая данные исторической географии, археологии и письменных источников, приходим к суждению о том, что население, оставившее комплексы курганов с «усами», находилось в сфере влияния эфталито-хионитского государства. Следовательно, по всем своим характерным признакам комплексы курганов с «усами» ближе к гуннскому и, возможно, к сарматскому миру, нежели к тюркскому.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 05-01-85107а/У.

3. Памятники кыпчако-половецкого этапа (XI – начало XIII века)

Кочевнические памятники домонгольского периода в урало-казахстанских степях сравнительно редки, поэтому открытие и исследование новых комплексов этого времени является определенным событием в уральском кочевниковедении. Предлагаем вашему вниманию три одиночных комплекса с территорией Северного и Западного Казахстана, прилегающих к Южному Уралу.

1. Летом 2003 года археологический отряд Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии проводил раскопки курганов могильника Илекшар под общим руководством А.А. Бисембаева.

Могильник Илекшар I расположен на небольшом возвышении у обрыва к пойме реки Илек в 1,5 км к востоку от аула Ульгули (Илекшар). Состоял из 16 земляных курганов, расположенных по цепочке длиной 420 м, ориентированной по линии СВ–ЮЗ. Самые крупные курганы могильника (№ 1 и № 2) находились в южной части цепочки. В центре цепочки располагались глиняные сооружения эпохи позднего средневековья размерами от 0,3×3 м до 0,3×5–13 м (рис. 4.26). В 2003 году на могильнике среди прочих был раскопан курган № 1.

Курган № 1 был самым крупным в группе. Он имел земляную насыпь полусферической формы высотой 5 м и диаметром 48 м. На его вершине наблюдалась воронка диаметром до 25 м и глубиной более одного метра. Вокруг кургана фиксировался ров диаметром 12 м и глубиной до одного метра. При исследовании в насыпи кургана было обнаружено три входов погребения, относящихся к разным эпохам и культурам. К эпохе средневековья относилось погребение 2.

Погребение 2 располагалось в 3,7 м к югу и в 3,6 м к востоку от условного центра кургана. На глубине 0,3 м от условного «0» были выявлены контуры прямоугольной ямы, ориентированной по оси 3–ЮЗ–В–СВ, размерами 1,0×2,8 м. Вдоль длинных стен ямы были зафиксированы уступы шириной 12–15 см, на которых поперек могилы лежали небольшие плашки (шириной 10 см) от деревянного перекрытия (рис. 4.26, 13). В юго-восточном углу ямы был оставлен сегментовидный уступ шириной 0,8 м и высотой 0,4 м, на котором лежали кости ноги лошади, отрубленной по металлу. Севернее них на перекрытии – уровень (-50) – лежали кости еще одной ноги лошади (рис. 4.26, 13), а также стремена (рис. 4.26, 14) и деревянное седло (рис. 4.26, 24). В 30 см западнее

последних находок, у северной стенки, мордой на запад лежал взызданный череп лошади с кольчатыми удилами (рис. 4.26, 15).

Под перекрытием, в деревянном гробу, от которого сохранились брусья юркаса (северный и южный от продольных стенок и западный – от поперечной), на глубине 0,6 м лежал скелет взрослого человека. Располагался он на продольных досках дна гроба, вытянуто на спине, головой на 3–ЮЗ (рис. 4.26, 18), лицевой частью черепа вверх. Кисти рук были тесно прижаты к скелету, кости ног на уровне стоп лежали рядом. Погребение сопровождал достаточно многочисленный инвентарь: два бронзовых перстня (рис. 4.26, 20, 21) с вставками из минерала черного цвета (агат?) – на фалангах обеих рук; фрагмент фольги из металла желтого цвета – на правом крыле таза; напильки-вставки (8 штук) полусферической формы (рис. 4.26, 25–27) из агата (?) в районе ступней; деревянная чаша или, скорее всего, футляр (рис. 4.26, 23) – справа от черепа; бронзовое зеркало круглой формы (рис. 4.26, 19) – там же; деревянный гребень (рис. 4.26, 28) – там же.

Могильник Илекшар III исследовался тоже в 2003 году, был обнаружен на возвышении в 200 м от края первой надпойменной террасы правого берега реки Илек, в 2 км к востоку от аула Ульгули и в 0,5 км к востоку от могильника Илекшар I. Состоял из двух небольших земляных курганов с пологими насыпями, расположенных по оси 3–В в 40 м друг от друга (рис. 4.26).

Курган № 1 был расположен на западном краю возвышения. Объект представлял собой небольшую уплощенную насыпь, выделяющуюся из окружающей растительности наличием полынных ассоциаций. Северный склон насыпи более крутой, что объясняется месторасположением кургана на склоне возвышенности. Вокруг него визуально прослеживался пологий ровик. Высота кургана 0,42 м, диаметр 12 м. На глубине 0,2 м от нулевой отметки, за которую был принят условный центр кургана, в 2 м южнее от центра кургана были зафиксированы фрагменты деревянных плах шириной 10–15 см и толщиной около 3 см, лежавших по линии ССВ–ЮЮЗ (рис. 4.26, 1). Данные фрагменты были остатками перекрытия над могильной ямой, рухнувшего в ее заполнение. Уровень расположения досок, от (-14) у края до (-74) к центру ямы, позволяет предполагать, что перекрытие сооружалось на кургане, возведенном в более древнее время. Это наблюдение подтверждает и факт находки в южной поле кургана глиняного сосуда, относящегося к эпохе поздней бронзы.

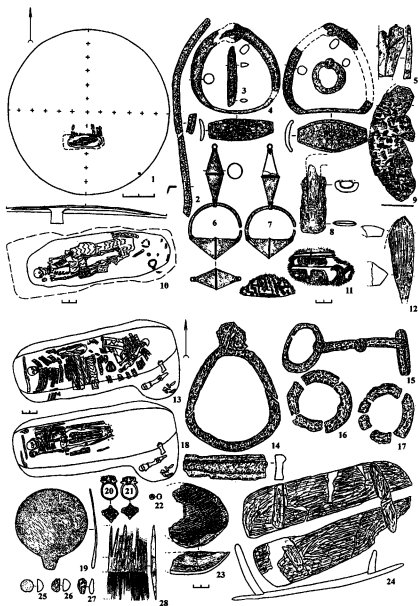

Рис. 4.26. Моги́льник Илекша́р I, III.

1-12 – моги́льник Илекша́р III курга́н 1; 13-24 – моги́льник Илекша́р I, курга́н 1, погребение 2.
1, 10, 13, 18 – пла́ны курга́нов и моги́льных я́м; 2, 5-7, 19-21 – бронза, ка́мень; 3, 4, 8, 9, 14-17 – желе́зо;
11 – ко́жа; 12, 28, 24 – де́рево; 22, 25-27, 23 – ка́мень, раку́шка

В насыпи кургана было найдено: глиняный горшок эпохи бронзы – на уровне (-40) в 5 м к югу и в 2 м к востоку от условного «0»; остатки кострища (угольки) – на уровне (-30) в 1 м к северу и в 0,3 м к западу от условного «0»; кусочек железа – на уровне (-40) в 1,25 м к северу и 4,25 м к западу от условного «0»; трубчатая кость животного – на уровне (-40) в 4,8 м к северу и 1,7 м к востоку от условного «0».

Могилая яма располагалась в 2 м к югу от условного центра кургана. Как указывалось выше, яма была перекрыта досками. Ориентирована она была широко, с некоторым отклонением. На уровне материка размеры ямы 2,5×0,85 м. Глубина ямы 0,95 м от уровня погребенной почвы. Ко дну стенки постепенно расширяются, образуя тем самым достаточно широкие ниши в торцах. Размеры ямы на уровне дна 2,9×1 м. Заполнение могилы представляло собой рыхлую серую супесь с включениями комков материковой глины желтого цвета. В заполнении на разных уровнях встречены мелкие фрагменты керамики, осколки железа, фрагменты дерева, деревянный гребень. На дне ямы, в деревянном гробовище, лежал скелет взрослого человека (рис. 4.26, 10). Гроб был заполнен из-широких продольных плах, покрытых корой. В восточной части ямы, над гробом, встречались разрозненные фрагменты деревянного седла, окованного металлическими пластинками (рис. 4.26, 2). Скелет был ориентирован головой на запад, с небольшим отклонением к югу, череп лежал лицевой частью вверх. Кости рук умершего были прижаты к туловищу, кости ног лежали прямо, со сведенными стопами. Погребение сопровождалось богатым погребальным инвентарем: бронзовые биконические подвески (рис. 4.26, 6, 7) – возле височных долей черепа на кусочке ткани (шелк?) с богатым орнаментом (рис. 4.26, 11); железный нож (рис. 4.26, 3) – у кисти правой руки; железное тесло (рис. 4.26, 8) – возле правой голени; железные кольчатые удила и два железных стремени (рис. 4.26, 4) – в ногах в восточной половине ямы; железный седельный крюк – в ногах в восточной половине ямы.

2. Несколько ранее на правом берегу реки Тобол в окрестностях города Лисаковска Э.Р. Усмановой был исследован кочевнический комплекс, который по ряду признаков также может быть отнесен к памятникам домонгольского периода.

Могилах Лисаковский. *Курган 4* расположен одиночно, в 800 м к западу от одноименного некрополя эпохи бронзы. На современной поверхности курган фиксировался по нескольким камням. Со-

оружие в плане подовальной формы размерами 5×4 м и высотой около 0,2 м. После снятия дерна обнажилась каменная «рубашка» кургана. Камни были уложены плотно, преимущественно в один слой. В центральной части памятника камни отсутствуют. Вскрытие кургана велось с оставлением одной бровки по линии С-Ю. Камни убирались по секторам с дальнейшей их расчисткой до уровня материка. На глубине (-25) см в центральной части кургана зафиксированы очертания могиленной ямы правильной прямоугольной формы в плане, с закругленными углами, размерами 2,2×0,95 м. Яма была ориентирована по линии 3-В и забутована камнями вперемешку с супесью темно-коричневого цвета (рис. 4.27, 1). Размеры камней варьируют от 0,1×0,2 м до 0,3×0,4 м. Забутовка отмечалась до глубины (-100) см. Ближе ко дну могиленной ямы количество камней уменьшилось. В придонной части очертания ямы изменились, и она приобрела вид овала размерами 2,4×0,85 м. В западной ее части на этой же глубине была зафиксирована небольшая ниша, заложенная двумя планами лежащими камнями. Ко дну камеры (-150 см) ниша по всей длине увеличилась на 0,15 м. Очертания камеры в придонной части приобрели форму вытянутого овала размерами 2,6×0,65 м. Восточная стенка ямы по всей своей высоте прямая. На глубине (-125) м на дне камеры был зафиксирован череп умершего. Погребенный лежал на спине, головой на запад, череп слегка повернут налево, нижняя челюсть была сдвинута вниз. Кости кисти правой руки находились под тазовой костью, кисть левой руки лежала поверх таза. Позвоночный столб костяка имел S-образную форму, кости ног лежали прямо. Стопы ног были повернуты влево (рис. 4.27, 5). Вещевой инвентарь располагался следующим образом. С правой стороны черепа у его основания лежала серебряная серьга, рядом с ней агатовая бусина (-140 см) (рис. 4.27, 10). На тазовых костях находились костяные обкладки лука (сохранились фрагментарно) (рис. 4.27, 11, 15). У коленного сустава правой ноги располагалось по одному железному стремени (рис. 4.27, 14). Сохранность стремени была плохая. При изъятии их из грунта стремени распались на фрагменты.

Между берцовыми костями левой и правой ног лежало три железных наконечника (рис. 4.27, 2–4, 6). В 0,08 м от голеностопного сустава левой ноги были найдены фрагмент деревянного предмета (дубинка?) с сохранившейся корой березы и предмет прямоугольной формы, круглый в разрезе, размерами 0,07×0,15 м. Рядом с этим предметом был найден наконечник стрелы с плоским пером и сохранившимся деревянным

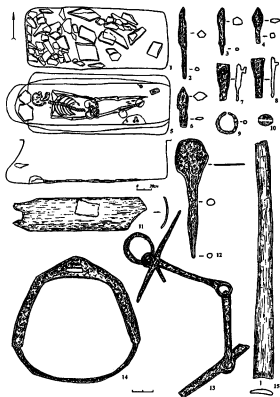

Рис. 4.27. Могильник Лисаковский. Курган 4.

1-2 – план могильной ямы; 2, 4, 6, 8, 12-14 – железо; 11, 15 – кость

древком (рис. 4.27, 12). У южной стенки камеры, рядом с берцовой костью, в 0,1 м от нее лежали железные удила и железные пластины с накладками (-135 см) (рис. 4.27, 7, 8, 13). Дно камеры – супесь коричневого цвета с большим количеством каменной крошки – было зафиксировано на глубине 1,2 м от уровня материка.

3. Датировка представленных комплексов может быть ограничена рамками кыпчакско-половецкого этапа – XI–начало XIII в. На эту дату указывает, прежде всего, набор стремени из этих погребений, они относятся к типам Б1, Г1, ДП3 (по Г.А. Федорову-Давыдову), датируются в пределах XI – начало XIII в. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 115). Наиболее архаично стремени грушевидной формы с сильно прогнутой неширокой подложкой, имеющей два ребра жесткости и плоское раскованное ушко для путалища, из кургана 1 мо-

гильника Илекшар I (рис. 4.26, 14). Прямые аналоги данного стремени выделены в Синеглазовском кургане 15 (Боталов, 1986. С. 110. Рис. 1, 49). Очень сходно по форме стремени из 5-го кургана могильника Кайсай (Боталов, Костиюков, 1993. С. 48. Рис. 2, 6), а также из Лагеревского кургана 17; Ишимбаевского кургана 3, погребение 3; Каранаевского кургана 7; Муракаевского кургана 5, погребение 1 (Мажитов, 1988. С. 77. Рис. 41, 22; С. 85. Рис. 45, 5; С. 106. Рис. 57, 20; С. 140. Рис. 69, 24; С. 143. Рис. 70, 14). Данный экземпляр позволяет датировать это погребение XI–XII вв. Своеобразно дополняет аргументацию в пользу этой даты форма и конструкция перстня из данного погребения. Подобные образцы также встречаются в курганах Башкортостана IX–XI вв. (Мажитов, 1988. С. 96. Рис. 51, 15; С. 120. Рис. 63, 2; С. 83. Рис. 44, 14).

Четыре оставшихся стремени арочной формы с заостренным верхом, прямоугольной прорезью для путалища и прогнутой или прямой неширокой раскованной подложкой (Илекшар III, курган 3; Лисаковский, курган 4), вероятнее всего, позволяют датировать эти памятники в рамках XII – начало XIII вв. Подобные образцы встречаются в Мряслимовских курганах 1, 14, 22 (Мажитов, 1988. С. 150. Рис. 73, 4; С. 154. Рис. 75, 6, 14, 15), в кургане

Змеиный Дол и у Третьего Плеса (Боталов, Костиюков, 1993. С. 47. Рис. 1, 5; С. 49. Рис. 3, 14). Эту же датировку подтверждают железные удила с прямыми двухдырчатыми псалмами из Лисаковского погребения (рис. 4.27, 13), тип Б1 по Федорову-Давыдову (1966. С. 17. Рис. 2; С. 115), бронебойные четырехгранный и трехгранный наконечники стрел из этого же погребения (Гр. IV, тип 2,3 по Ю.С. Худякову) (Худяков, 1980. С. 103. Табл. 9), а также серебряная округлая проволочная серьга и серьги бронзовые с биконической вертикальной и горизонтальными полвесками, украшенными по краям и по центру витой проволокой (косичкой) (рис. 4.26, 6, 7; 4.27, 9) (типы I, IV по Федорову-Давыдову (1966. С. 38, 39. Рис. 6; С. 115)). Подобные биконические серьги встречаются в половецких курганах юж-

ноуральских степей, где датируются XI–XII вв. (Плетнева, 1981. С. 216. Рис. 84,6; 2003. Рис. 48, 60). Очень схожие по технологии изготовления и приемам украшения (проволочная косичка по середине и по краям) серьги со сферическими подвесками были обнаружены в Ново-Троевском погребении X–XII вв. на Средней Волге. Кроме них в этот комплекс входили лазуритовые подвески с резным орнаментом, которые довольно хорошо маркируют половецкую эпоху (Ключникова, Сташенков, 1996. С. 248. Рис. 4).

Все приведенные аналогии позволяют отнести эти кочевнические комплексы к домонгольскому времени и ограничить их сооружение кыпчако-половецким этапом – XI–началом XIII в. Не противоречит этому и особенности погребального обряда (западная ориентировка, положение на деревянном перекрытии шкуры коня). При этом, несмотря на небольшое число комплексов, бросается в глаза особенность, отмечаемая ранее уфимскими коллегами В.А. Ивановым и А.Ф. Яминовым (Иванов, Яминов, 1993. С. 160). Два западноказахстанских (приуральских) впускных погребения имеют грунтовое заполнение могильной ямы, в то время как зауральское Лисаковское погребение имеет забутовку из камня, как, впрочем, и все остальные зауральские курганы и погребения, относящиеся к данному периоду, в подавляющем большинстве сложены и заполнены камнем. Таким образом, по-

мещенные в этом разделе погребальные комплексы своеобразно дополняют карту кымако-кыпчакского периода, который, по мнению некоторых исследователей, характеризовался крайне слабой заселенностью территории Дашт-и-Кыпчака в пределах урало-казахстанских степей. Думается, что с дальнейшим расширением исследований, количество памятников этого периода будет неуклонно возрастать. Хотя следует отметить, что в пределах южно-уральских и в примыкающих к ним казахстанских степях это будут, в основном, одиночные погребения и курганы. Скорее всего, это связано с определенными административно-территориальными особенностями Дашта, когда наряду с относительно слабо используемыми пастбищно-кочевыми провинциями существовали активно обживаемые районы с высокой степенью родоплеменной консолидации. В результате этого появляются долговременные некрополи, такие как молочнинская группа на Нижнем Днепре, саржельская – на Дону, а также быковско-царевская – в Нижнем Поволжье. Однако, с нашей точки зрения, это абсолютно не означает, что какие-то степные наделы Дашт-и-Кыпчака совершенно не использовались как кочевые угодья или ареалы обитания населения кыпчакского союза, о чем говорят немногочисленные, но яркие погребальные и жертвенно-поминальные семейные некрополи, разбросанные на большой территории от Урала до Иртыша.

4. Золотоордынский период

4.1. Комплексы Агаповских гор и низовий реки Кирса

В последние годы в районе Магнитогорская экспедицией Южноуральского отдела Института истории и археологии УрО РАН был исследован ряд курганов, относящихся к золотоордынскому периоду. Большинство этих комплексов исследовано близ Агаповских гор и два кургана были раскопаны в низовьях реки Кирсы (левый приток реки Малый Кизил).

Летом и осенью 1997/98 года отрядом Южноуральского отдела Института истории и археологии УрО РАН были проведены широкомасштабные исследования средневековых курганов, обнаруженных на левом берегу реки Урал в 1,5–2,5 км к югу от поселка Агаповский. Окрестности представляют собой береговые горные отроги рек Урала и Гумбейки (в месте впадения) и называются Агаповскими горами. Гряда отрогов тянется с северо-востока на юго-запад. Река Урал пересекает ее под острым углом с северо-запада на юго-восток. Ширина массива достигает один километр. Распадки этих гор, как правило, обводнены (ключи, заболоченные участки). По сообщению местных жителей, данный район ранее был покрыт березовым лесом, вырубленным в период строительства Магнитки. Все курганные группы располагались в распадках на дне или на первой террасе логов, как правило, недалеко от прямого выхода к реке. На момент исследований были выявлены 29 групп и одиночно стоящих курганов различной культурно-хронологической принадлежности (рис. 4.28).

Могильник Агаповский I находится в 1,8 км к юго-востоку от поселка Агаповский (Агаповского района Челябинской области) и в 2,8 км к юго-востоку от поселка Наровчатский. Площадка памятника занимает наклонную террасу Ключевого Лога, впадающего в 400 м юго-западнее в реку Урал со стороны левого берега. Площадка памятника имеет уклон к северо-западу и перепад три метра. В могильник входят 12 курганов (рис. 4.29). Курганы расположены компактно на участке 40×25 м. Несколько удален от общей группы на 50 м к юго-западу курган № 11. Курганы, составляющие могильник, имеют различную форму.

Курган 1. Занимает крайне северо-восточное положение в могильнике и представляет собой каменный наброс размером 4,5×4 м. Ориентирован

длинной осью ССЗ–ЮЮВ. Возможно, изначально он представлял собой каменную оградку размерами 2,5×3 м. Однако, на момент раскопок оградка была существенно разрушена и часть камней лежала на поверхности вокруг кургана, а большое скопление камней наблюдалось в восьми метрах к юго-востоку от насыпи. Камни лежали искусственной кучей прямо на дерне (вероятно, поздняя разборка) (рис. 4.30, 1). Насыпь кургана просматривалась на поверхности лишь по характерной растительности (более темная) и имела подовальную форму размерами 3,7×4,5 м по оси ССЗ–ЮЮВ.

В четырех метрах к юго-востоку от предполагаемого центра насыпи наблюдалось углубление почти округлой формы диаметром 1,2 м, глубиной до 0,25 м (рис. 4.30, 1). К югу от него лежало несколько камней, углубленных в дерн на 0,05–0,1 м. Вероятно, это могли быть остатки другой насыпи, детского погребения под дерном, впоследствии растащенного или разграбленного.

После расчистки камней были установлены южная и северо-западная части стенок оградки, камни которых плавно уходят вниз под наклоном к центру.

При снятии части насыпи кургана были найдены обломки трубчатой кости (лошади?). Еще несколько обломков челюсти и трубчатых костей лошади было найдено в северной части кургана у западного края бровки. Еще одна кость была найдена в центре насыпи кургана. При снятии погребенной почвы в центральной части подкурганной площадки были обнаружены остатки погребения.

Могильная яма овальной формы размерами 0,8×0,6 м слабо заглублена в материк (на 3–8 см) и ориентирована длинной осью ЗЮЗ–ВЗВ. Дно в восточной части на 10 см выше, чем в западной. На дне могильной ямы было зафиксировано погребение ребенка, лежащего вытянуто на спине головой на запад. Правая рука отсутствовала, кости правого предплечья лежали у северной стенки. Вероятно, они были отчленены в момент погребения; под головой, справа от затылка, был прослежен органический тлен.

Курганы 2, 3 располагались в северо-восточной стороне могильника в пяти метрах к западу от кургана 1 (рис. 4.29).

Курган 2. Насыпь кургана 2 сложена из камней средних размеров (0,25×0,4×0,1 м). Однако при снятии верхнего слоя обнаружилось, что нижние камни, которые лежали на погребенной почве, имеют более крупные размеры (0,75×0,5×0,25 м). Первоначально оконтурить форму насыпи было достаточно сложно. По разбросу камней и некоторому

возвышению дернового слоя удалось очертить границы овальной насыпи размерами 5×3,25 м. Ориентировка длинной оси насыпи ЗЮЗ–ВЗВ (рис. 4.31, 1–3). Мощность насыпи достигала 0,25–0,3 м, в центре было углубление от позднего грабительского вкопа. Размеры его 1,7×1,45 м, глубина 0,4 м от современной поверхности.

Вокруг грабительского вкопа камни фиксировались на современной поверхности и лишь слегка были заглублены в светлый грунт (вероятно, выброс грабительского вкопа), мощность которого достигала 0,1–0,2 м. Нижние камни лежали сплошным слоем, достигая уровня погребенной почвы. После снятия дерна в центральной части насыпи (вокруг ямы вкопа) у его восточного края было найдено скопление металлических предметов: железный нож, два кольца, накладка и несколько железных обломков. Вероятнее всего, эти предметы были выброшены из могильной ямы в момент ограбления. После снятия насыпи на уровне предполагаемой погребенной почвы на северо-западном крае подкурганной площадки под камнями был найден обломок целостной лошади. Контуры могильной ямы на уровне материка прослеживались очень расплывчато, так как материк в этом месте был перерыв в результате неоднократных ограблений. Могильная яма имела вытянуто-овальную форму длиной не менее двух метров. Ширина северо-восточной половины была 0,65 м, юго-западной, вероятно, – 0,85 м. Грабительская яма на этом уровне была заполнена гумусом и камнями. Несколько ниже в грабительской яме попадались обломки человеческих костей.

У дна могильная яма увеличилась в размерах до 2,3×0,7 м, приобрела более подпрямоугольную форму со скругленными углами и ориентировку ЮЗ–СВ. Грабительская яма у дна сужилась до 0,8×0,65 м. Однако, вероятно, на уровне несколько выше придонной части грабители сделали подбой вдоль северо-восточной стенки могильной ямы и разрушили костяк погребенного до костей скелета. Таким образом, от первоначального погребения в антропологическом порядке остались лишь берцовые кости и кости стоп. Судя по их расположению, погребенный лежал головой на юго-запад. На уровне правого колена у южной продольной стенки был расчищен колычак, в котором были четыре наконечника стрел (один железный и три костяных) (рис. 4.31, 4–6, 13).

Погребальный инвентарь, найденный при исследовании кургана, представлен следующими предметами.

Железный нож с прямой спинкой и длинным лезвием длиной 11 см. Хорошо выделен переход

от ручки к лезвию в виде уступчика шириной до 0,3 см. Черенок длиной 4 см расплюсчен под конус (рис. 4.31, 10).

Железная накладка рыбковидной формы с фигурно оконеченными углами в виде округлых фестонов длиной 8,6 см. В верхней части имеется крепежное отверстие диаметром 0,6 см. В нижней части расположено петля для подвешивания кольца. В момент обнаружения кольцо было отсоединено, но, судя по ширине разрыва кольца, которое идентично ширине крючка подвешивания, малое кольцо диаметром 3,4 см с прямоугольным в сечении дротом принадлежало этой накладке (рис. 4.31, 9). Большое кольцо имело аналогичное сечение, диаметр его 4,1 см (рис. 4.31, 8). Принадлежность двух обломков железного предмета определить трудно (рис. 4.31, 11, 12).

Наконечники стрел. Железный, плоский, двухлопастной, асимметрично-ромбический наконечник с удлинённой нижней частью пера и хорошо выраженным уступчиком в месте перехода от пера к черенку. Общая длина 13,4 см. Длина пера – 7 см, черенка – 6 см (рис. 4.31, 13).

Костяные (3 экз.): четырехгранный ромбический наконечник с узким пером с округлым черенком, общая длина – 9 см (6 см – длина пера, 3 см – длина черенка); трехгранный наконечник со сводчатой формой пера и подрезанным в нижней части черенком, общая длина 11,1 см (6,6 см – длина пера, 4,5 см – длина черенка) (рис. 4.31, 4–6).

Курган 3 располагался чуть севернее кургана 2. Был аналогично сложен из камня и земли размерами 4×3,1 м. Длинная ось насыпи была ориентирована ЗЮЗ–ВЗВ. Выявить точное очертание насыпи было весьма сложно. Со значительным допуском можно было установить, что насыпь имела подовальную форму. Однако при расчистке камней прослеживалось следующее: северный край насыпи имел прямой край и с западного и восточного концов камнями, уходящие вдоль меридиональной оси на юг, образовывали некоторое подобие прямого угла (рис. 4.31, 1, 2, 7). Первоначально вымостка этого кургана могла иметь подпрямоугольную форму с длиной одной из сторон в 3,5 м.

В центре кургана на уровне современной поверхности камни не прослеживались. Здесь было отмечено легкое углубление (на 3–5 см) подовальной формы размерами 1,75×1,4 м, ориентированное длинной осью З–В. При снятии дерна и верхнего слоя камней было выявлено, что нижние камни кургана 3 были крупнее, чем верхние. Заполнение центральной и южной частей насыпи было

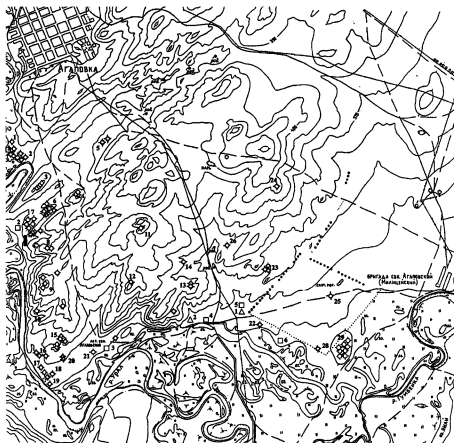

Рис. 4.28. Памятники Агаповских гор

⬠ – могильники, одиночные курганы:

- 1 – Агаповские горы 7; 2 – Агаповские горы 6; 3 – Агаповские горы 3; 4 – Агаповские горы 3; 5 – Агаповский II; 6 – Агаповский I; 7 – Наровчатский; 8 – Агаповские горы 1; 9 – Агаповские горы 2; 10 – Агаповские горы 12; 11 – Агаповские горы 4; 12 – Агаповские горы 8; 13 – Агаповские горы 20; 14 – Агаповские горы 22; 15 – Агаповские горы 13; 16 – Агаповские горы 9; 17 – Агаповские горы 16; 18 – Агаповские горы 14; 19 – Агаповские горы 15; 20 – Агаповские горы 17; 21 – Агаповские горы 19; 22 – Агаповские горы 18; 23 – Агаповские горы 10; 24 – Агаповские горы 23; 25 – Агаповские горы 20; 26 – Агаповские горы 21; 27 – Агаповские горы 22; 28 – Агаповские горы 23; 29 – Агаповские горы 24

Δ – стоянки:

- 1 – Агаповская I; 2 – Агаповская II

□ – поселения:

- 1 – Агаповские горы 9; 2 – Наровчатские 1; 3 – Агаповские горы 18; 4 – Аблязовские Луга 1; 5 – Аблязовские Луга 4; 6 – Аблязовские Луга 9

■ – аллея менгиров

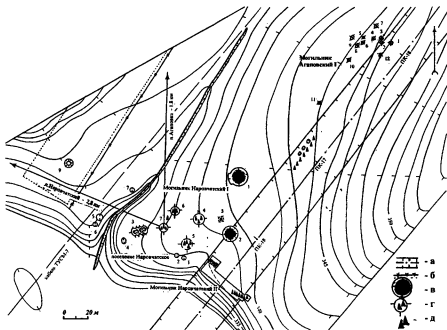

Рис. 4.29. План расположения памятников в Агаповском Логу.

а – створ строящейся дороги; б – граница пашни и водовод; в – раскопанные курганы; г – курганы с каменными конструкциями; д – менгиры, отдельно стоящие камни

представлено камнем и светлым перемешанным суглинком. Под дерном в центре насыпи также был расчищен сплошной слой камней. После зачистки чуть выше погребенной почвы были четко прослежены контуры ямы и грабительского вкопа. Могильная яма имела овально-вытянутую форму размерами 2,6×1,0 м, ориентирована ЮЗ–СВ. Яма была заполнена перемешанным (комковатым) суглинком, аналогичным заполнению в могильной яме кургана 2. Грабительский вкоп был овальной формы размерами 1,72×1,1 м, ориентирован длинной осью ЮЗ–СВ. На уровне погребенной почвы и несколько выше в заполнении ямы был отмечен черный рыхлый гумус, а также встречены человеческие кости.

У дна северо-восточная часть могильной ямы приобрела овально-конусовидную форму, размеры сохранившейся части 0,65×0,6×0,35 м. Ориентирована могильная яма на уровне дна по линии ССВ–ЮЮЗ. В сохранившейся части были найдены лишь берцовые кости погребен-

ного. Причем большая берцовая кость левой ноги отсутствовала. Под костями отмечен органический пепельно-коричневый тлен в виде пятна размерами 0,55×0,35 м. Судя по костям ног, покойник лежал головой на юго-запад.

Грабительская яма овальной формы, на уровне дна фиксировался подбой в северо-восточной части ямы. Размеры грабительской ямы составляли 1,6×1,0 м. На дне ее были обнаружены обломки человеческих костей и крошки от светло-синей стеклянной бусины.

Вероятнее всего, курганы 1, 2, 3 представляли собой общую, возможно, семейную погребальную группу.

Курган 4 располагался в 3–4 м западнее кургана 3. На поверхности фиксировались легкое поднятие и выкладка из камней крупных и средних размеров. Выкладка подпрямоугольной формы была ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Она имела размеры 3,75×2,6 м (рис. 4.32, 1, 2). Более крупные камни располагались по периферии выкладки, бо-

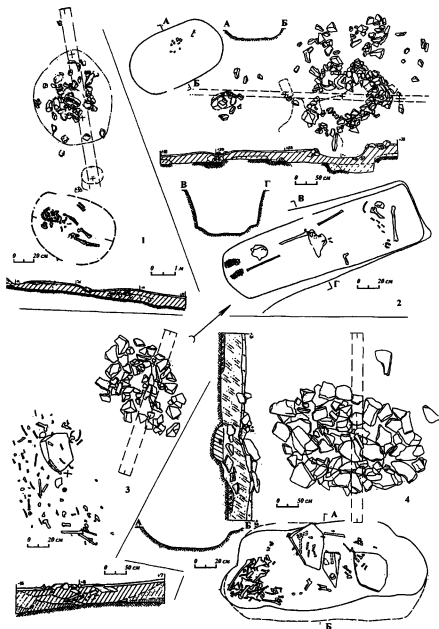

Рис. 4.30. Могильник Агаповский I. Общие планы и разрезы.

1 - курган 1; 2 - курганы 5, 6; 3 - курган 7; 4 - курган 8

лее мелкие – в центральной части. Максимальное количество крупных камней концентрировалось в южной части конструкции. В центре фиксировался провал глубиной 0,2–0,4 м, размерами 1,2×1,6 м, ориентированный СВ–ЮЗ.

После снятия камней в юго-западной части раскопа был зафиксирован выкид неопределенной в плане формы размерами 0,8×0,85 м. Он представлял из себя буторок высотой до 25 см с довольно крутыми склонами. Верхняя часть состояла из песка со щебнем, нижняя – из гумусированной супеси темно-серого цвета. Погребенная почва у края могильной ямы была срезана при ограблении.

В центральной части раскопа после снятия камней было обнаружено несколько человеческих костей и костей крупного рогатого скота.

При зачистке материка были выявлены очертания могильной ямы, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размерами 2,4×0,9 м. Очертания довольно аморфные. Юго-западная часть подпрямоугольная, северо-восточная – подовальная. У северо-восточной стенки ямы фиксировался небольшой полукруглый выступ размерами 0,2×0,15 м. Яма была вырублена в скальном грунте, дно ее ровное, стенки пологие, глубина 10–20 см. Яма была ограблена, от костяка остались лишь отдельные фрагменты. В северо-западной части ямы обнаружены лучевая и плечевая кости и кости кисти руки. У юго-западной стенки в центре ямы были найдены кости ног. Заполнение представлено слабогумусированным щебнем.

В восточной части ямы были обнаружены три железных наконечника стрел. В западной части найдена железная скобка плохой сохранности. В юго-западной части обнаружены железная пряжка и железное кресало (рис. 4.32, 6, 8).

Погребальный инвентарь, найденный при исследовании кургана, представлен следующими предметами:

- наконечник стрел: железный, кленолистной формы, плоский с прямоугольным в сечении черешком, длиной 8,2 см, шириной 3,8 см (рис. 4.32, 3);
- железный наконечник асимметрично-ромбической формы, плоский, длиной 8,8 см, шириной 1,6 см (рис. 4.32, 4);
- железный наконечник асимметрично-ромбической формы, длиной 8,5 см, шириной 1,7 см (рис. 4.32, 5);
- железная пряжка сегментовидной формы размерами 4,8×4,8 см, изготовленная из прямоугольного в сечении дрота, язычок длиной 5 см (рис. 4.32, 8);
- кресало подтреугольной формы с загнутыми концами, размерами 5,4×4,5 см, овальное в сече-

нии (рис. 4.32, 6). В первой публикации (Боталов, 2000. С. 387. Рис. 56, 2) к данному комплексу ошибочно было отнесено другое кресало.

Курганы 5,6 занимали центральную часть могильника и отстояли друг от друга на расстоянии 2,5 м по линии ЮЗ–СВ (рис. 4.30).

Курган 5 представлял собой разрушенную подпрямоугольную вымостку размерами 1,25×2 м, ориентированную по линии С–Ю, хотя большая часть камней, составлявших ее, была выбрана и разбросана хаотично к западу и северу от вымостки.

Могильная яма имела прямоугольную форму размерами 0,6×1,9×0,45 м, ориентирована практически по линии С–Ю с небольшим отклонением к востоку. Погребение было ограблено. В антропологическом порядке были зафиксированы только правое тазобедренное сочленение и кости стоп, обнаруженные в южной части ямы. Судя по ним, покойник был ориентирован головой на север. Никаких предметов найдено не было (рис. 4.30, 2).

Курган 6 представлял собой аморфный наброс камней размерами 0,4×1,0 м, вытянутый по линии СЗ–ЮВ. Могильная яма имела овальную форму размерами 0,5×0,9 м, глубину 0,1 м и была ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. На дне могильной ямы были обнаружены фрагменты костей ребенка. Погребальный инвентарь не зафиксирован (рис. 4.30, 2).

Курган 7 располагался в северной части могильника, представляет собой овальную каменную вымостку (рис. 4.30, 3) размерами 1,5×2,5 м, ориентированную по линии З–В. В заполнении были отмечены камни крупных (по краю) и средних (в центре) размеров. Очертания могильной ямы выявить не удалось, так как она была вырыта в гумусном слое, а позже разграблена. На предматериковом уровне были расчищены обломки человеческих костей (рис. 4.30, 3). Никаких предметов найдено не было.

Курган 8 располагался в западной части могильника, представлял собой овальную вымостку размерами 2,25×3,5 м, ориентированную по линии ЗЮЗ–ВСВ. Вымостка была сложена из крупных (по периметру) и средних (по центру) камней. Могильная яма неправильной (близкой к овальной) формы размерами 0,8×1,9 м, глубиной 0,15 м была ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Яма ограблена. Основное количество человеческих костей и их обломков сосредоточено в юго-западной части ямы. Предметов обнаружено не было (рис. 4.30, 4).

Курган 9 представлял собой насыпь из каменного наброса неправильной формы размерами

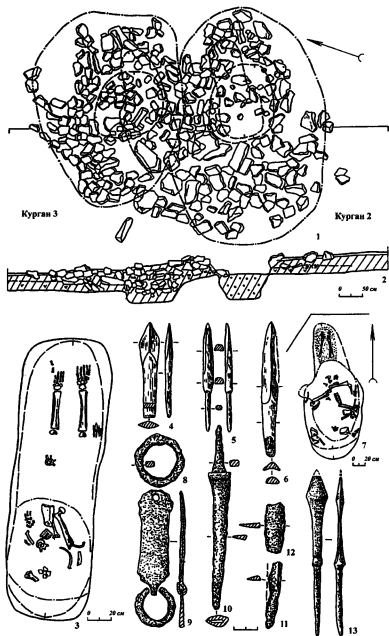

Рис. 431. Могильник Агаповский I.

1, 2 – курганы 2, 3; 3–6, 9–13 – курган 2, могильная яма; 7 – курган 3, могильная яма. 4–6 – кость; 8–13 – железо

2,25×2,7×3 м. Могильная яма подовальной формы размерами 0,65×1,75 м, глубиной 0,13 м. На дне могильной ямы расчищен скелет подростка, лежащего на спине, слегка повернутого на левый бок. Череп лицевой частью был повернут налево. Погребенный был ориентирован головой на ЮЮЗ. Предметов обнаружено не было (рис. 4.33, 2).

Курган 10 располагался в юго-западной части могильника, представлял собой овальную оградку размерами 2×3 м, ориентированную по линии ЮЮЗ–ССВ. Скопление камней в южной части более мощное, в северной половине оградка размыкалась, образуя проход.

Могильная яма неправильной формы (подпрямоугольная, с сужающимся переходом посередине) размерами 0,9×1,9 м, глубиной 0,35 м, была ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ. К северу от центра ямы было обнаружено скопление человеческих костей и их обломков. Предметов обнаружено не было (рис. 4.33, 1).

Курган 11 занимал крайнее юго-западное положение в могильнике, представлял собой близкую к овальной форме вымостку размерами 2×3 м, ориентированную по линии ССЗ–ЮЮВ. Могильная яма вытянуто-овальной формы размерами 0,76×1,9 м, глубиной 0,25 м была ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В заполнении северо-восточной части ямы были обнаружены человеческие кости и их обломки. Предметов обнаружено не было (4.33, 3).

Курган 12 располагался в 7–8 м к югу от кургана 2. На дневной поверхности он фиксировался в виде незначительного поднятия и выкладки из крупных камней овальной формы размерами 3×4 м, вытянутой по линии ВСВ–ЗЮЗ. В центральной части выкладки фиксировался провал глубиной до 22 см от условного «0» размерами 1,5×1,1 м. Возник он в результате грабительского вкопа (рис. 4.32, 9).

Вокруг каменной выкладки был разбит раскоп квадратной формы размерами 4,5×4,5 м, ориентированный по сторонам света. По оси С–Ю была оставлена бровка шириной 0,3 м. Фотофиксация была произведена после расчистки каменной конструкции.

Мощность дернового слоя составляла около 12 см. Под дерном шел слой темно-серой гумусированной супеси. В его составе присутствовали и мелкие включения суглинки, что делало этот грунт чуть более пластичным. Толщина слоя колебалась от 20 до 30 см. Поскольку камни ограды лежали на этом слое, то его можно считать погребенной почвой.

Материк был представлен щебнем или коричневым песком.

После расчистки выкладки стало возможным более уверенно судить о ее форме. Она представляла собой овальную каменную конструкцию размерами 4×3 м. В северо-западной части несколько камней выпали из конструкции. Камни выкладки не обработаны, многие довольно крупных размеров (до 50–70 см).

Выкладка несколько расплзлась в наружную сторону, но первоначально камни укладывались друг на друга, образуя почти отвесную стену. Незначительная часть камней запада внутрь, и они легли непосредственно на погребенную почву.

При зачистке материка на уровне (-26)–(-29) см были обнаружены очертания могильной ямы, ориентированной по линии ВСВ–ЗЮЗ. Размеры ее составляли 2,55×0,9 м. Форма ямы – овальная. Яма была вырублена в скальном грунте. Глубина ее составляла 0,15–0,2 м от уровня материка. Стенки ямы почти вертикальные. В юго-западной части ямы фиксировалось углубление в материке размерами 0,55×0,5 м. Оно опускалось на 0,14 м ниже дна ямы (рис. 4.32, 10).

Заполнение ямы представлено желтовато-коричневым, слабо гумусированным щебнем, в котором встречались камни средних размеров.

Яма ограблена. От костяка сохранились лишь мелкие разрозненные кости, которые располагались в центре и у северной стенки ямы. Из вещей в заполнении были обнаружены набор костяных и железных наконечников стрел, расположенных в 0,2 м к западу от центра северной стенки (уровень -30 см), железный колчаный крюк в центре у северной стенки ямы (уровень -30) (рис. 4.32, 10–16).

Наконечники стрел представлены тремя костяными, один из них черешковый со сводчатой формой пера, с ромбическим сечением пера и плоским черешком. Длина наконечника 10,2, ширина 1,5 см (рис. 4.32, 14). Черешковый наконечник с асимметрично-ромбической формой пера ромбического сечения, плоским черешком, длиной 9 см, шириной 1,5 см (рис. 4.32, 15). Черешковый наконечник с овальной формой пера шестигранного сечения, плоским черешком, длиной 7,3 см, шириной 2,1 см имеет отверстие диаметром 3 мм в нижней части пера (рис. 4.32, 16).

Из железных наконечников один плоский, ромбической формы с длинным клиновидным черешком (длина 4,4 см), общая длина 9,6 см, ширина 2 см, в месте перехода к черенку уступчик высотой 2 мм (рис. 4.32, 13). Второй железный наконечник асим-

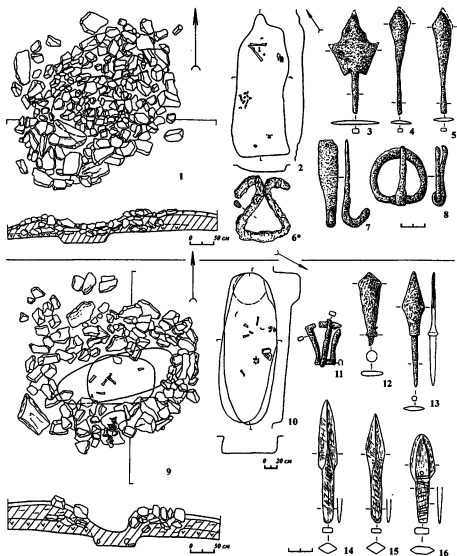

Рис. 4.32. Могильник Агаповский I.

1, 2 – курган 4. Общий план могильной ямы; 9, 10 – курган 12. Общий план могильной ямы.

3–8, 11–13 – железо; 14–16 – кость.

[При первичной публикации (Боталов, 2000. С. 387. Рис. 56, 6) в этот комплекс ошибочно было помещено кресало из могильной ямы 1 кургана Агаповские горы 19]

метрично ромбический, плоский с коротким черешком, длиной 6 см, шириной 1,9 см (рис. 4.32, 12).

Пряжка трапецевидной формы с прямоугольным сечением, длина рамки 3,6 см, ширина 3×1,7 см, длина язычка 4 см (рис. 4.32, 11).

Могильник Агаповский II расположен в одном километре к юго-востоку от поселка Агаповский и в 200 м юго-западнее автодороги Ага-

повский-Аблязово. Могильник находится в глубокой долине, идущей в направлении ЮЗ-СВ, опускаясь к левому берегу реки Урал. В этой долине были обнаружены могильники Агаповский I и Агаповский II.

Могильник Агаповский II был представлен двумя курганами и аллеей менгиров. Курганы – каменные оградки овальной формы диаметром до 6 м. Точную конструкцию наземной части уста-

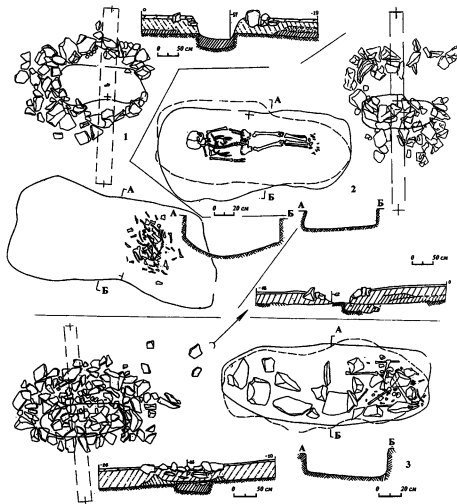

Рис. 4.33. Могильник Агаповский I.

1 – курган 10; 2 – курган 9; 3 – курган 11

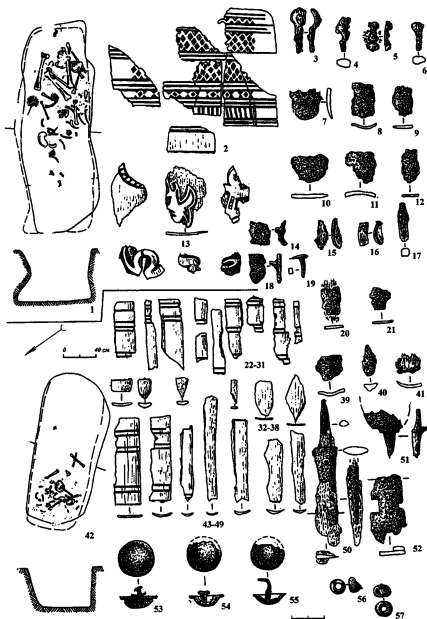

Рис. 4.34. Могильник Агаповский II.

1-41, 43-52 – курган 2; 42, 53-57 – курган 1. 2, 13, 22-31, 32-38, 43-49 – кость;
3-6, 7-9, 10-12, 14-21, 39-44, 50-52 – железо; 33-55 – железо, бронза; 56, 57 – бронза

новить не удалось, так как она была разрушена в результате строительных работ.

Курган 1. Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 2,6×0,9 м, глубиной 0,65 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Имела небольшой подбой в южной продольной стенке. На дне ямы расчищены остатки ограбленного погребения (рис. 4.34, 42).

Кости скелета в основном были сосредоточены в юго-восточной части ямы, хотя отдельные позвонки и кости пальцев ног обнаружены западнее условного центра ямы. В основном скопления костей были найдены 37 обломков костяной колчанной накладки с геометрическим, зооморфным резным орнаментом, внутренняя часть которого заполнена красной и синей красками, а также серия пластинок с горизонтальными параллельными линиями (рис. 4.34, 2, 13, 22–31, 32–38, 43–49). При исследовании дна могильной ямы были обнаружены железный ножичек, обломок железного двулопастного наконечника с небольшим конусовидным черешком, 21 фрагмент металлических предметов и обломки железной накладки с небольшим перехватом в центре.

Вещевой материал представлен:

– костяные пластины (39 фрагментов) – элементы декора колчана. Толщина их достигала 0,7–1,5 мм; – железный нож с остатками деревянного футляра, размерами 9×1,5 см с черенком конусовидной формы размерами 3×0,6 см имел неширокое прямое перекрестие (рис. 4.34, 34, 50);

– обломок плоского лопаточко- или луповидного наконечника стрелы с небольшим, сужающимся к низу черенком размерами 1,6×0,7 см. В месте перехода от лопасти к черенку наблюдается уступчик высотой 2 мм (рис. 4.34, 51);

– фрагмент плоской двухслойной железной накладки с перехватом в средней части размерами 4×2,2×0,5 см (рис. 4.34, 52);

– обломок железного черенка с подквадратным сечением размерами 2,3×0,6 см, с остатками деревянного древка (рис. 4.34, 17);

– 13 обломков железных предметов (пластинки со шпеньками, гвоздевые шляпки, обломки черепков и пр.) (рис. 4.34, 3–12, 15–17, 20, 21, 39–41).

Курган 2 был расположен в 9 м западнее кургана 1. Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 0,85×1,8 м, глубиной 0,5 м ориентирована по линии СЗ–ЮВ (рис. 4.34, 1). Кости скелета были сосредоточены в западной части ямы, здесь же были найдены две бусины зеленого цвета с синими глазками и три сферических железных накладки с бронзовыми шпеньками (рис. 4.34, 53–57).

Вещевой материал кургана 2 представлен тремя сферическими железными накладками диаметром 2,2 см, высотой 0,8 см с бронзовыми шпеньками и двумя полыми бронзовыми бусинами диаметром до 0,8 см.

Курганный могильник Агаповские горы 10 расположен в 3 км юго-восточнее поселка Агаповский, в 2,4 км к северу от места впадения реки Гумейки в реку Урал (рис. 4.28, 23).

Могильник находится на юго-восточных склонах массива «Агаповские горы» на площадке, образовавшейся в конце горного прохода, состоял из четырех выкладок округлой формы.

Курган 1 занимает крайнее юго-восточное положение в группе. После снятия дернового слоя и расчистки камней было выявлено, что конструкция имеет подпрямоугольную, вытянутую по линии 3–В форму размерами 4,5×3 м. Высота выкладки над уровнем дневной поверхности достигала 0,3 м. Наиболее отчетливо прослеживались юго-западный и северо-западный углы западной и южной стенок конструкции. Наиболее крупные камни были расположены на периферии по периметру всей конструкции. В процессе разборки каменной конструкции и снятия слоя насыпи в северо-западной части сооружения на глубине 0,5 см от дневной поверхности были расчищены зубы лошади. Центральная часть насыпи потревожена грызунами. Могильная яма имела подпрямоугольную форму размерами 1,70×0,6 м и была ориентирована по оси ВСВ–ЗЮЗ. Глубина могильной ямы 0,7 м, заполнение состояло из гумусированной супеси темно-серого цвета с примесью дров (рис. 4.35).

Погребенный лежал на дне ямы вытянуто на спине, головой на запад-юго-запад, череп лицевой частью был повернут на юг, руки вытянуты вдоль туловища.

У юго-западной стенки возле черепа была расчищена серебряная серьга (рис. 4.35, 2) в виде знака вопроса с фрагментами пастовой бусины. В районе пояса был расчищен железный нож (рис. 4.35, 3), возле коленного сустава правой ноги был обнаружен серебряный бубенчик (рис. 4.35, 1). Дно могильной ямы ровное, за исключением восточной части, где оно плавно переходит в стенку.

Вещевой материал представлен серьгой с диаметром ушка 1,9 см, длиной ножки 1,9 см, толщина проволоки до 1,2 мм, диаметр бусины 0,4 см (рис. 4.35, 2); железным ножом размерами 8×11 см (рис. 4.35, 3) и серебряным бубенчиком диаметром 0,7 см с ушком для подвешивания (рис. 4.35, 1).

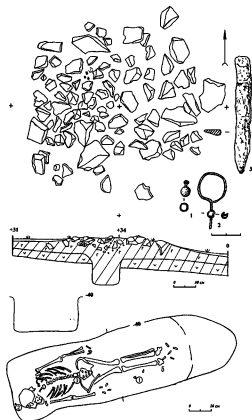

Рис. 4.35. Могильник Агаповские горы 10.
Курган 1. Общий план и разрез. План погребения.
1, 2 – серебро; 3 – железо

Курган 2 был расположен в 30 м к северо-востоку от кургана 1. Поверхность кургана представляла собой выкладку из камней овальной, вытянутой по линии СЗ–ЮВ формы. Средний размер камней $30 \times 20 \times 10$ см. Высота выкладки над уровнем дневной поверхности достигала 0,4 м. В процессе снятия дернового слоя и расчистки каменной конструкции в северной части насыпи, за пределами выкладки, был обнаружен железный крюк. После расчистки камней было установлено, что конструкция имела подпрямоугольную, вытянутую по линии СЗ–ЮВ форму и размеры $3,5 \times 3$ м. Четыре наиболее крупных камня ($60 \times 30 \times 20$ см) располагались по углам конструкции. При разборке каменной конструкции и снятии слоя погребенной почвы в центральной

части кургана попадались разрозненные фрагменты бересты. В центре конструкции под камнями были зафиксированы очертания могильной ямы подовальной формы, вытянутой по линии СЗС–ВЮВ, размерами $2,08 \times 1,05$ м. Заполнение могильной ямы было неоднородным – выделялись слой супеси светло-желтого цвета и темный, перемешанный гумусированный слой с вкраплениями белой глины. Границей между слоями были фрагменты берестяного настила, доходившего до отметки (-105) см. Слой супеси заходил под настил и был ниже перемешанного гумусированного слоя (рис. 4.36, 1). После выборки заполнения могильной ямы был расчищен мужской костяк, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-запад. Лицевая часть черепа слегка повернута на запад, руки вытянуты вдоль туловища, левая немного согнута в локтевом суставе. Кости находились в анатомическом порядке, за исключением берцовой кости левой ноги. В районе нижней части тазобедренного сустава были обнаружены две пастовые бусины (не сохранились). Железный нож и фрагменты железного предмета (возможно пряжки) были зафиксированы в районе левого предплечья. У левого бедра был расчищен колчан с остатками стрел. Справа у нижней части колчана находился развернутый в противоположную по отношению к остальным стрелам наконечник стрелы луновидного типа. В районе колчана были также расчищены железный крюк, железное кольцо и фрагменты железного предмета. Дно могильной ямы плавно повышалось в восточной части (рис. 4.36, 1, 10).

Вещевой материал представлен следующими находками:

- железный нож. Форму зафиксировать не удалось;
- железный предмет (пластина) размерами $1,3 \times 2$ см (рис. 4.36, 7);
- железные наконечники (5 шт.) – два асимметрично-ромбических (рис. 4.36, 9, 11), два плоских с прямосрезанным пером и небольшим уступом от черенка к перу (рис. 4.36, 2, 3), один с широким ромбическим, плоским пером, с длинным черенком, круглым в сечении (рис. 4.36, 8);
- железный колчаный крюк с двумя шпеньками, размерами $8 \times 1,1$ см (рис. 4.36, 12);
- два железных кольца диаметрами соответственно 2,2 и 2,7 см (рис. 4.36, 4, 6);
- железный плоский крепежный крюк размерами $8,2 \times 0,8$ см (рис. 4.36, 13).

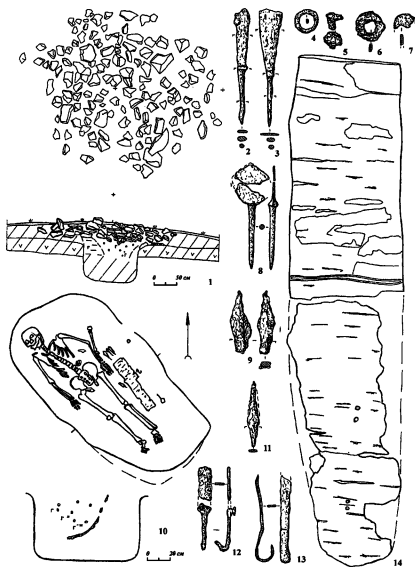

Рис. 4.36. Могильник Агановские горы 10, курган 2. Общий план и разрез. Погребальный инвентарь. 1, 10 – план и разрез кургана и могильной ямы; 2–9, 11–13 – железо; 14 – береста

Курган Агаповские горы 19 расположен в пойменной части левого берега реки Урал, в 2 км к северо-западу от впадения в реку Урал реки Гумбейки и на расстоянии 300 м от уреза воды. В 1 км северо-восточнее находится летнее пастбище совхоза «Агаповский» (рис. 4.28, 21).

Первоначально курган представлял собой выкладку из средних и крупных камней подквадратной формы размерами 5,5×5,5 м, ориентированную по сторонам света. Высота выкладки над уровнем дневной поверхности достигала 0,5 м. В центре конструкции фиксировался провал округлой формы. При снятии дернового слоя и расчистке камней за пределами каменной конструкции в юго-западной части раскопа на глубине 0,07 м был обнаружен нож с прямой спинкой (рис. 4.37, 2). После снятия камней и насыпи, состоящей из перемешанного гумусированного слоя, были зафиксированы очертания пятна грушевидной формы, состоящего из гумусированной супеси. В центре пятна находилось несколько камней. У западной кромки пятна, являвшегося, по всей видимости, грабительским вкопом, были расчищены разрозненные фрагменты костей человека – обломки ребер, кость предплечья, позвонки. Зачистка на уровне материка выявила очертания двух могильных ям длиной 0,8 и 0,9 м подпрямоугольной формы, ориентированных по линии ССВ–ЮЮЗ. В центре границы ям были нарушены грабительским вкопом (рис. 4.37, 16).

Могильная яма № 1 занимала крайнее западное положение. Стенки ямы прямые. В северной половине ямы были обнаружены кости скелета человека – черепная коробка находилась в верхней части могильной ямы, лицевая часть была повернута вниз. Тазовые и бедренные кости ног располагались в центральной части могильной ямы, здесь же – малая берцовая и две лучевые кости рук. В непотревоженном состоянии лежали фаланги пальцев правой ноги в юго-западной части ямы, что позволяет предположить, что скелет лежал головой на С–СВ.

У северо-западной стенки возле юго-западного угла находились железные удила, под которыми было зафиксировано пятно древесного тлена (возможно, остатки седла) размерами 6×12 см, мощностью до 3 см. В этом же месте были обнаружены фрагменты железного предмета полусферической формы размерами 7,6×6,5 см. В центральной части ямы возле северо-западной стенки были расчищены два железных наконечника стрел (рис. 4.37, 16).

Под наконечником 1 было выявлено пятно древесного тлена с фрагментами бересты (возможно, остатки колчана). Возле черепа были найдены фраг-

менты железной пластины и железная височная подвеска в виде разомкнутого овала с отростком в нижней (более массивной) части (рис. 4.37, 20, 21). Подвеска имеет плохую сохранность. В северо-восточном углу могильной ямы был обнаружен колчаный крюк и наконечник стрелы. Возле торцевой юго-западной стенки обнаружена рамчатая пряжка овальной формы и две обоймы от ремня. Вдоль северо-западной и северо-восточной стенок были расчищены фрагменты плашек, являвшихся, по всей видимости, остатками деревянной конструкции (рамы). В центральной части ямы, у северо-восточной стенки были расчищены железный нож и кольцо от удила, второе кольцо было найдено у противоположной стенки ямы. Железные удила находились в юго-западном углу. В центральной части ямы в процессе снятия костного материала на дне было обнаружено калачевидное кресало.

При исследовании могильной ямы 1 был найден следующий погребальный инвентарь:

- железные кольчатые удила с кольцами диаметрами 6,8–7 см и длиной 9,4–9,7 см. Дужки овальные в сечении диаметром 0,5–0,8 см. Места сцепления дужек и колец имеют расковку шириной до 2 см (рис. 4.37, 19);

- железная пластина размерами 7,5×6,2×0,12 см (рис. 4.37, 21);

- железные наконечники стрел (2 экз.). Один плоский, широкий (ромбовидный или листовидный?) имеет круглый узкий черенок длиной до 3,5 см (рис. 4.37, 6). Другой, асимметрично-ромбический плоский наконечник с длинным основанием, имеет уступ при переходе к черенку (рис. 4.37, 5);

- железная сегментовидная пряжка с подпрямоугольным сечением диаметром 5,3 см (рис. 4.37, 14);

- железный нож размерами 11,5×1,6 см имеет треугольное сечение (рис. 4.37, 4);

- железные обоймочки размерами 3×2 см, 2,6×1,6 см изготовлены из пластин шириной до 1 см (рис. 4.37, 7, 11);

- железное кресало размерами 7×2,7 см с обломанным одним концом и трапециевидным сечением (рис. 4.37, 12);

- железная пряжка диаметром 2,3 см с ушком на одной из сторон (рис. 4.37, 8);

- железное овальное кольцо размерами 4,1×6 см с перемычкой (рис. 4.37, 20).

Могильная яма № 2. В верхней части могильной ямы был обнаружен череп человека, лицевая часть которого была повернута вниз. В центральной части могильной ямы были вперемешку уложены кости таза, ног и рук (рис. 4.37, 16).

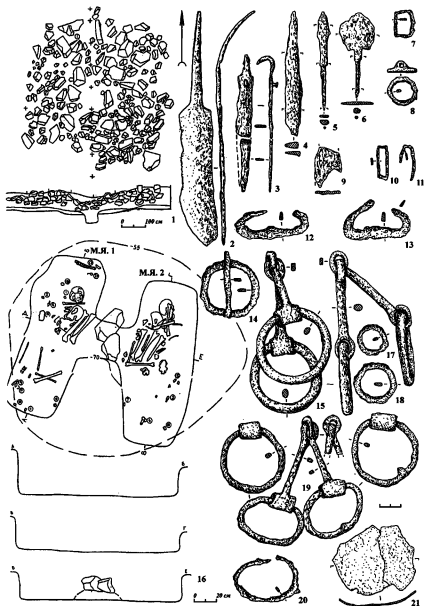

Рис. 4.37. Могильник Агаповские горы 19, курган 1. Общий план и погребальный инвентарь.
1, 16 – план и разрезы насыпи и могильных ям; 2 – насыпь; 3, 10, 13, 17–19 – могильная яма 2;
4–9, 11, 12, 14, 15, 20, 21 – могильная яма 1; 2–15, 17–21 – железо

По всей видимости, грабительский раскоп произошел между ямами. Дно могильной ямы фиксировалось на уровне (-122) см. Стенки могильной ямы ровные, прямые.

В южной части ямы были обнаружены железные удила, кресало, кольцо (у западной стенки) и железная обойма. Еще несколько фрагментов железа были расчищены юго-восточнее центра ямы. Материк представлен гумусированной супесью с примесью дресвы.

Всего в могильной яме был обнаружен следующий погребальный инвентарь:

- железное кресало размерами 6,3×3,6 см подтреугольного сечения (рис. 4.37, 13);
- кольчатые удила с кольцами диаметром 6,2 см, с дужками соответственно 9 и 7,9 см, сцепные дужки с кольцом, расплюснуты, шириной 2,2 см (рис. 4.37, 19);
- железные кольца диаметрами 3,7 и 2,9 см (рис. 4.37, 17, 18);
- железная обойма размерами 3,2×1,5 см (рис. 4.37, 10).

Курганы у села Кирса расположены в 3,6 км по направлению к юго-юго-западу от села Кирса Верхнеуральского района Челябинской области на первой надпойменной террасе правого берега реки Кирсы (левый приток реки Малый Кизил).

Авторы выражают глубокую благодарность М.Л. Плешанову за участие в исследовании курганов у села Кирса.

Курган 1. Расчистка каменной насыпи показала, что в плане она представляет собой подпрямоугольную конструкцию. Хорошо фиксировались северный, северо-восточный и юго-западный углы (рис. 4.38, 1). Дальнейшие работы по исследованию конструкции показали, что крупные камни уложены в оградку неправильной формы диаметром 3,3 м. В юго-восточной части каменной кладки присутствует ряд разрывов длиной 20–30 см. В северо-восточной части конструкции разрыв в кладке длиной 1,2 м забутован мелким камнем (размеры 15–20 см). Остальная часть оградки представляет собой незамкнутый овал – в юго-западной части три камня составляют своеобразную выемку в общем кольце (рис. 4.38, 2).

В западной половине кургана среди мелких камней подсыпки каменного кольца обнаружены копыто, бабка, сустав и трубчатые кости лошади.

Могильная яма была обнаружена внутри каменной оградки. По верхнему контуру она представляет собой вытянутый прямоугольник шириной 70 см и длиной 240 см. На отметке (-20) см от

условного «0» контуры ямы изменились и приняли форму вытянутого овала шириной около 0,45 м и длиной 1,75 м.

У восточной стенки могильной ямы, под углом к горизонту, опираясь на оградку, был обнаружен череп лошади с шейными позвонками и лопатками в анатомическом порядке.

Возле западной стенки ямы лежало скопление костей человека (фрагменты черепа, плечевая кость, позвонок, ребра и др.) и кости животных (трубчатая кость крупного животного и другие, более мелкие кости).

Далее, на различных уровнях, отмечен перемес костей человека (фрагменты черепа, лучевые, плечевые кости, лопатки, позвонки и др.). К юго-востоку от могильной ямы, на уровне древней поверхности лежали фрагменты черепа и плечевые кости человека, из чего можно сделать вывод о том, что погребенный был ориентирован головой на восток.

В могильной яме был обнаружен следующий погребальный инвентарь:

- железное кресало длиной около 4 см, которое располагалось в 0,6 м к северу и в 0,2 м к западу от центра кургана на глубине (-45) см от условного «0» (рис. 4.38, 4);
- остатки железного предмета (три фрагмента различной глины) были найдены в 1 м к северу и в 0,3 м к востоку от центра кургана на глубине (-55) см от условного «0» (рис. 4.38, 3, 5).

Курган 2. Расчистка каменной насыпи показала, что она представляла собой кольцо неправильной формы диаметром 4 м, сложенное из достаточно крупного камня. Ширина кольца от 0,4 до 1,6 м (рис. 4.38, 6). Камни были уложены в два слоя. Основная масса – дацит, лишь в южной части траншеи немного известняка. Эти сектора кургана расположены рядом с курганом 1. Вероятно, этот известняк был взят из развала его конструкции.

В насыпи кургана 2 и при исследовании каменной конструкции был обнаружен следующий инвентарь:

- в 1,5 м к северу и в 0,8 м к западу от центра кургана, под первым слоем каменной насыпи и среди камней первого слоя на краю насыпи была найдена каменная зернотерка (рис. 4.38, 23). Нижняя ее рабочая часть лежит над верхней «ходовой» частью. Ходовая часть выступает из-под нижней рабочей части углом. Обе части повернуты рабочими сторонами друг к другу. Размеры нижней части составляют 52×23 см, ходовой части – 22×17 см. Стороны соприкосновения обеих частей сильно срабо-

таны. В нижней части имеется выемка размерами 9×6×1,5 см, видимо для ссыпания перемолотого зерна.

Могильная яма имела прямоугольную форму размерами 2,2×0,9 м и была ориентирована по линии ЮВ–СЗ (рис. 4.38, 7).

Начиная с глубины (-49) см и до дна, на всех уровнях фиксируется перемес костей человека (ребра, фаланги пальцев, лучевые, плечевые кости, фрагменты черепа, позвонки и др.). Исходя из того, что основная часть фрагментов черепа сосредоточена в восточной части могильной ямы, можно предположить, что погребенный лежал головой на восток (рис. 4.38, 7).

На дне могильной ямы, по периметру вдоль стенок, кроме юго-западной стороны, лежали остатки дерева. Ширина их вдоль северо-восточной стенки около 12 см, вдоль северо-западной стенки – около 8 см, вдоль юго-восточной стенки – около 4 см.

При исследовании могильной ямы кургана 2 был найден следующий инвентарь:

- обломки железного ножа (три фрагмента) были найдены на дне могильной ямы у северо-восточной стенки (рис. 4.38, 9);

- железная поясная накладка из двух, хорошо склеивавшихся фрагментов на одном окончании была заострена, с другой стороны – неглубокая выемка и конусовидные выступы (крепеж). Поясная накладка была обнаружена на глубине (-130) см от условного «0» у юго-западной стенки ямы;

- железная поясная накладка, состоящая из двух частей: а) крепеж в виде тонкой круглой пластины с вытянутым загнутым «охотком», на краю «охотка» и на пластине имеются упоры, дабы они не соприкасались (рис. 4.38, 12); б) подвеска в виде полукруга (круга?), прикреплявшаяся к упорам крепежной части. Находка была сделана на дне могильной ямы в центральной ее части (рис. 4.38, 10);

- железный наконечник четырехгранного дротика с разомкнутой скрытой втулкой, длиной 12 см. Был найден на дне ямы в северо-восточной ее части (рис. 4.38, 22);

- фрагменты железной пряжки плохой сохранности. Были найдены на глубине (-132) см от условного «0» в центральной части могильной ямы (рис. 4.38, 13–17);

- железный «игловидный» наконечник стрелы длиной около 6 см с максимальным диаметром до 0,5 см. Был найден в 0,8 м к северу и в 0,4 м к востоку от центра кургана на глубине (-38) см от условного «0» (рис. 4.38, 8);

- бронзовое украшение головного убора представляет собой изогнутую и изломанную пластину с несколькими отверстиями для крепления. Находка была сделана на отметке (-135) см от условного «0» в юго-западной части могильной ямы (рис. 4.38, 18);

- три костяных наконечника различных размеров – (два двухлопастных) были найдены на дне могильной ямы у северо-восточной стенки в непосредственной близости друг от друга (рис. 4.38, 19–21).

Погребальный обряд

В общей сложности в Агаповских горах и у села Кирса раскопано 19 курганов, относящихся, по всей вероятности, к единому, с точки зрения культурно-хронологической характеристики, населению. Подавляющее большинство (17) погребений оказалось разграбленными в различный период. В этой связи весьма сложно говорить о характере первоначальной наземной конструкции курганов, так как центральная часть их была вначале разобрана, а затем руинизировалась в период огильвания грабительского вояка. Судя по внешним контурам, наземная конструкция обычно была вытянута в том же направлении, что и могильная яма, и имела подпрямоугольную (9 случаев) или подовальную (4 случая) форму. Могильные ямы имели четко выраженную прямоугольную форму и ориентированы по осям: С–Ю (5 случаев), ЮЗ–СВ (7 случаев), СЗ–ЮВ (4 случая), и в одном случае могильную яму выявить не удалось (курган 7), остатки погребения были ориентированы по линии СЗ–ЮВ. В 9 случаях удалось зафиксировать ориентировку покойников, которые лежали головой на ЮЗ (5 случаев), на С (3 случая) и на СЗ (1 случай). Характерной чертой агаповской погребальной серии является небольшая глубина могильных ям (до 0,5 м). Она связана, вероятно, с тем фактом, что материковая порода в основном была представлена подстилающим скальным, в ряде случаев (могилиник Агаповский 1) погребения выбывались непосредственно в скале. В трех случаях (Агаповский 1, курганы 2, 4; Агаповские горы 10, курган 1) обнаружены обломки костей лошади и в насыпи, и в могильной яме.

Вещевой инвентарь и его хронология

Наконечники стрел (19 экз.). Комплекс наконечников стрел, из которых были составлены колчаны населения рассматриваемого круга, в целом демонстрирует то разнообразие, которое было характерно для кочевников золотоордынского времени. Наиболее распространенными являются плоские двухлопастные асимметрично-ромбические наконечники

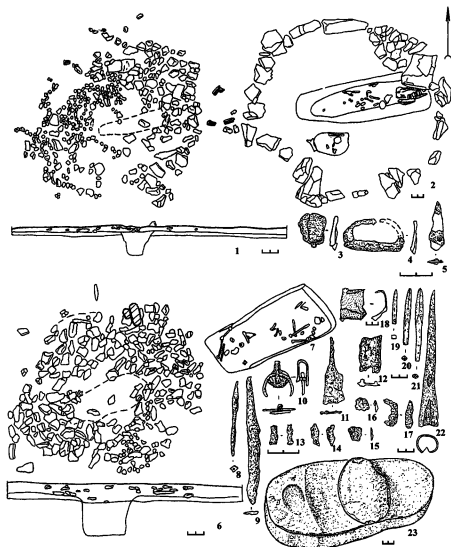

Рис. 4.38. Курганы у села Кирса. Общие планы и погребальный инвентарь.

1-5 – курган 1; 6-23 – курган 2.

3-5, 8-16, 22 – железо; 18 – бронза; 19-21 – кость; 23 – камень

с концом пера, срезанным под острым (рис. 4.31, 13; 4.32, 3, 4; 4.37, 5), прямым (рис. 4.32, 12) или тупым (рис. 4.36, 8; 4.37, 6) углом. Последние имеют и более широкое перо. К этой серии относятся и ромбические наконечники из кургана 12, а также прямосрезанные наконечники (Агаповские горы 10, курган 2). Все они имеют небольшой уступ или расширение черенка для фиксации древа. Небольшие ромбические или асимметрично-ромбические наконечники стрел с коротким черенком из кургана 2 (Агаповские горы 10), внешне подобные наконечники можно отнести к более ранним формам, которые чаще всего встречаются в более ранних могильниках IX–XI вв. (Боталов, 2000. С. 326. Рис. 33 IV, 1, 2; VII, 6; 37, 5). Вероятнее всего, это можно объяснить тем, что подобные формы, как наиболее простые, переживают длительный период своего существования. К особым формам относятся кленолистные наконечники из кургана 4 (Агаповский I) (Тип В–XIII по Г.А. Федорову-Давыдову). Они, в отличие от предыдущих, хотя и не так часто, но в обязательном порядке, встречаются среди больших массивов золотоордынских комплексов XIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 26. Рис. 3; Иванов, Кригер, 1988. С. 33. Рис. 9, 3). Характерной зауральской особенностью агаповских копчюнов является обязательное наличие среди железных и костяных наконечников стрел различных форм: асимметрично-ромбических, подтреугольных и сводчатых с ромбическим, трапециевидным, треугольным и шестигранным сечением (рис. 4.31, 4–6; 4.32, 14–16). Эта особенность появляется в Южном Зауралье в X–XI вв. с формированием здесь кымако-кыпчакского населения и появлением здесь памятников синеглазовского типа (Боталов, 1987; 1998; 2000. С. 335. Рис. 38, 21, 22, 26–29, 50; С. 336. Рис. 39, 2, 3, 24–34, 45–46; С. 337. Рис. 40, 9, 23). В целом, эта черта является характерной для сургутских комплексов Западной Сибири (Неверов, 1988; Молодин, Савиннов и др., 1988. С. 69. Рис. 29; С. 70. Рис. 30; С. 96. Рис. 46).

Калчаные крючки (3 экз.) демонстрируют наиболее простые формы шпиков и элементов крепления. В целом они довольно широко распространены среди материалов рассматриваемого круга (Иванов, Кригер, 1988. С. 12. Рис. 2, 16, 19; Гарусович, Ракушин, Яминов, 1988. С. 312. Табл. IX, 3; Кызласов, 1983. С. 109. Табл. XXI, 26, 27).

Колчаные накладки, найденные в кургане 2 могильника Агаповский II, имеют характерную ориентацию для золотоордынских сюжетов. Особо характерны ромбические выемки, идущие по краю орнаментального поля (Иванов, Кригер, 1988. С. 34. Рис. 10, 1, 2; С. 38. Рис. 14).

Предметы конской упряжи представлены удилами, пряжками различной формы и другими металлическими элементами (кольца, обоймы). Два кольчатых удила из кургана 1 могильника Агаповские горы 19 имеют весьма характерное расширение концевой дужки гызла. Подобные экземпляры были найдены в Пахомовском и Лихачевском могильниках западносибирской степи (Геннинг, Овчинникова, 1969. С. 132. Табл. 63, 21; 64, 3), а также в могильнике Свиноуха лесостепного Поволжья (Гарусович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 132. Табл. 63, 21).

Пряжки (2 экз.) округлой и сегментовидной форм (тип А-II и А-III по Г.А. Федорову-Давыдову) имели также широкое хождение в узелковых наборах золотоордынского времени (Федоров-Давыдов, 1966. С. 44; Руденко, 2001. С. 56. Табл. II, 5; Кызласов, 1983. Табл. XII).

Накладки (3 экз.) из кургана 2 могильника Агаповский II также встречаются в наборах сбрун XIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 50).

Вероятнее всего, к предметам конской сбрун относятся и накладка с кольцевой подвеской и фестончатым краем из кургана 2 могильника Агаповский I (рис. 4.31, 9). Данный тип вещевого инвентаря характерен для материалов данного круга и встречен среди вещей малиновского этапа на Енисее (Кызласов, 1983. Табл. XXI, 29) и Волжской Булгарии XIII–XIV вв. (Руденко, 2001. С. 91. Рис. 7, 18, 19).

Из предметов быта и украшений наиболее датируемыми являются кресала и серьги.

Кресала (4 экз.). Три имеют характерную калчановидную форму и несомкнутые верхние концы. Это самый распространенный тип кресал, который начинает бытовать в XII–XIII вв. в степях Евразии и существует вплоть до XV в. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 84). Одно кресало имеет подтреугольную форму и загнутые (в виде головок лошади) верхние концы. Подобный тип кресал, как и удила с раскованной концевой дужкой, является, вероятно, особым локальным типом для Южного Зауралья и Западной Сибири, так как два аналогичных экземпляра были найдены также в погребениях Бобровского могильника из лесостепного Поишимья (Геннинг, Овчинникова, 1969, 133. Табл. 63, 19, 20).

Серьги в виде знака вопроса с бусиной на конце имели также широкое хождение среди средневекового населения XIII–XV (Федоров-Давыдов, 1966. С. 39; Иванов, Кригер, 1988. Рис. 4, 1, 3).

Суммируя приведенные данные, можно сделать некоторые выводы. В подавляющем большинстве приведенные комплексы Агаповских гор относятся к памятникам XIII–XIV вв., то есть к золотоордын-

скому периоду. Характер погребального обряда, а именно вымысленная ориентировка покойников и ям, позволяет предположить, что подавляющая часть погребений демонстрирует традицию положения головой в западный (юго-западный, северо-западный) сектор, эта традиция складывается как господствующая на территории Южного Урала в период развитого средневековья (VIII–XI вв.) среди памятников кушнаренковского и караякуповского круга (Мажитов, 1988. С. 29). Особенно устойчиво эта черта проявляется в кочевнических комплексах конца IX–XI вв. По мнению ряда авторов, появление данных комплексов связано с проникновением на Южный Урал западносибирских кочевников суросткинского круга. В целом этот процесс связывается с установлением западных границ кимачо-кыпчакского ареала кочевого населения (Мажитов, 1981. С. 130; Савинов, 1979. С. 166–168; 1984; Боталов, 2000. С. 364–365). Западный сектор продолжает оставаться абсолютно господствующим в XIII–XIV вв. (Иванов, Яминов, 1993. С. 157; Костюков, 1997. С. 7). Таким образом, наличие у большинства погребений ориентировок в западный сектор позволяет говорить об определенной этнокультурной преемственности. Она, вероятно, обуславливается непосредственным участием южноуральского кочевого населения в формировании состава золотоордынских улусов и, в частности, улуса Шибанхана. Из всего сказанного следует, что в процессе этнокультурной интерпретации данной, самой многочисленной группы комплексов мы всецело разделяем точку зрения А.Ф. Яминова, который справедливо указывает на то, что доминанту золотоордынского кочевого общества составляет кыпчачо-половецкое население (Яминов, 2003. С. 182). В качестве небольшого уточнения заметим, что в отношении зуральских комплексов данного круга, вероятнее всего, уместно говорить, что они более тяготеют к кимачо-кыпчакскому западносибирскому сообществу. Наличие же северных ориентировок в ряде могил своеобразно маркирует монгольскую эпоху в урало-казахстанских степях, так как ориентировка в северный сектор является наиболее значимой в среде кочевников Монголии и упоминалась там в самый древнейший период.

Вещевой инвентарь позволяет установить некий восточный вектор влияния на отдельные типы вещей. Думается, что не случайно появление в зуральской степи форм уди и кресал совершенно идентичных образцам из Бобровского и Лихачевского могильников, расположенных на южной лесостепной окраине Западной Сибири. К этому же ряду аналогий относится и полнотелый характер

колчанов агаловцев и кирсинцев, так как традиция применения наряду с железными костяных наконечников стрел имеет также яркий западносибирский характер.

Наличие вещей аскизского круга среди золотоордынских материалов кочевников Западной Азии и Восточной Европы неоднократно рассматривалось на примерах различных комплексов, обнаруженных в западной части евразийских степей. (Кызласов, 1983. С. 123. Табл. XXXV; Мештерхази, 1984. С. 62; Боталов, 1992). Особым порядком материалы этого круга разбираются в фундаментальной монографии К.А. Руденко (Руденко, 2001). В этой связи большинство авторов (в том числе и мы) склоняются к совершенно правомерному мнению Кызласова о том, что появление материалов этого круга связано с существованием торговых факторий и военных форпостов вдоль маршрутов торгового пути, связывающего древнехакасское государство и Восточную Европу (Кызласов, 1987), а также с непосредственным участием кочевого населения хакаского государства в походах монголов (Боталов, 1992).

Однако в данной работе хотелось бы привести некоторые особые наблюдения. На наш взгляд, нельзя однозначно вещи указанного круга рассматривать исключительно как древнехакасские. Вероятно, возможен был еще один источник возникновения и распространения материалов так называемого аскизского круга. Это касается, прежде всего, богато орнаментированных предметов, изготовленных с применением сложных технологических методов (плакирование золотом и серебром, таушировка, гравировка и др.). Существование большого числа подобных вещей, выполненных по аналогичной технологии, а также в манере, весьма схожей с изобразительными традициями аскизской культуры, экземпляров конской узда, оружия и серебряной посуды (кубки, чаши) в пределах северного Китая и Внутренней Монголии (Сунь Цзи, 1993. С. 48–51; Дун Гао, 1995. С. 35. Рис. 1, 37; Рис. 2, 39; Рис. 3, 40; Рис. 4) наводит на мысль о существовании, наряду с Енисейскими, иных ремесленных центров изготовления подобных образцов нарядной упряжи, предметов вооружения и посуды. Переселение части монгольских и китайских мастеров в улус Джучи в период монгольского нашествия и Золотой Орды объясняет бурный расцвет данных форм и подражаний им в Волжских степях и в Булгаре в XIII–XIV вв. Заметим, что это лишь рабочая гипотеза. Данный вопрос, вероятно, нуждается в детальной проработке.

Таким образом, данные средневековые комплексы, исследованные в Агаповских горах, в целом можно отнести к кругу золотоордынских памятников XIII–XIV вв. Урало-Поволжья, Западной Сибири и Казахстана. В целом соотношение установленных ориентировок и основных черт погребального обряда в данной серии является типичным для золотоордынских некрополей Южного Урала (Боталов, 2000. С. 373–376; Застюков, 1997. С. 7; Гарусович, 1998. С. 17; Иванов, Яминов, 1993. С. 157). Однако отдельные черты вещевого инвентаря (полиставные колчаны, предметы конской упряжи, подтреугольное с загнутыми верхними краями кресало, накладка с фестончатым краем) позволяют говорить о значительном восточном – западно-сибирском влиянии в материальной культуре данного кочевого населения юга Зауралья.

4.2. Этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды

Все новации в характеристике этнокультурной карты Южного Урала в XIII–XIV вв. связаны с образованием на обширных пространствах Евразии нового государства – Золотой Орды и его дальнейшим развитием как политического, военного и экономического явления. В ходе завоевательных походов монголо-татар в состав Золотой Орды вошли народы, различающиеся по этнической принадлежности, способам ведения хозяйства, проживавшие на территориях с различными природными и климатическими условиями и находившиеся в дальнейшем в различной степени политической и экономической зависимости от данного государства.

Территория Южного Урала на протяжении всего периода средневековья практически всегда была активно задействована в разрешении различных этнокультурных процессов (как в созидательном, так и в разрушительном аспектах). Однако события XIII–XIV веков сопоставимы по своим масштабам и характеру разве что с эпохой Великого переселения народов и оказали наиболее сильное влияние на развитие языка, культуры и процесса этногенеза многих современных народов Волго-Уралья, что и обуславливает тот интерес исследователей к историческим перипетиям и материалам золотоордынского времени, который не иссякает вот уже не одно десятилетие.

Начало знакомству с памятниками XIII–XIV веков было положено еще в 1887–1888 годах исследованиями Ф.Д. Нефедова (могильники Пчель-

ник, Мертвецовский, Лиман и др. на территории современной Оренбургской области). Далее последовали раскопки Б.Н. Гракова, М.Г. Мошковой, М.Х. Садыковой, С.М. Васюткина, Н.А. Мажитова, А.Х. Пшеничникова, Г.А. Кушаева, В.А. Кригера, В.А. Иванова и многих других, благодаря которым источниковая база стала исчисляться от десятков комплексов до сотен.

Одновременно с накоплением материалов шел и процесс их осмысления, поскольку решение проблем хронологической привязки и этнической идентификации позволило бы заниматься не только «вещедением», но и открывало широкие и соблазнительные перспективы решения вопросов реконструкции этнокультурной карты региона и процесса этногенеза в регионе. Фактически же, первая научно обоснованная этнокультурная интерпретация археологических памятников Зауралья и Южного Приуралья XII–XIV вв. была дана еще в 1966 году Г.А. Федоровым-Давыдовым, который 25 южноуральских комплексов отнес к выделенному им разряду памятников IV периода (XIII–XIV вв.) и идентифицировал их, как памятники переселенцев-кочевников торческо-печенежского объединения и различных южно-сибирских племен, пришедших сюда в составе монголо-татарских континентов (Федоров-Давыдов, 1966). Правда, количественная ограниченность и отсутствие сопоставительного материала не позволили ему конкретизировать этнокультурный состав, но Г.А. Федоров-Давыдов первым обратил внимание на довольно сложный и многокомпонентный этнический состав населения Волго-Уралья.

Следующий толчок был получен в ходе дискуссии по этногенезу башкир (Уфа, 1969), где основное место среди рассматриваемых вопросов занимали проблемы времени заселения и масштабы проникновения тюрков в регион. Здесь же определился круг сторонников ранней тюркизации населения Южного Урала и их оппонентов, относивших этот процесс к более позднему периоду (Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969). В 1974 году появилась ставшая уже классической монография Р.Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа», в которой автор выделил кыпчакский этап в этнической истории региона. По Р.Г. Кузееву, центром расселения башкирских племен была Белебеево-Бугульминская возвышенность и сюда же была направлена миграция кыпчакских племен с территории Центрального Казахстана и Нижнего Поволжья в XI–XII веках. Но, по мнению исследователя, кыпчакская волна

миграции в домонгольский период не была столь мощной и влияние на местное население Приуралья выразилось через посредничество «кыпчакизированных» родо-племенных групп, оставшихся на путях движения кыпчаков», тогда как сами кыпчаки, «занятые борьбой в богатых причерноморских степях и набегами на русские земли, не стремились проникать далеко на север» (Кузеев, 1974. С. 456–457).

С выводами Р.Г. Кузеева относительно концентрации кыпчакских племен на территории домонгольского Дагш-и-Кыпчака перекликаются выводы К.Ш. Шаниязова. Он считает, что основная масса кыпчаков в XI–XII веках была расселена в западной части – в Половецкой степи. В восточной же части кыпчаков было мало, и кочевали они отдельными группами в основном между Волгой и Уралом. К востоку от Урала жили подвластные кыпчакам родоплеменные объединения канглы (Шаниязов, 1974). Монгольское нашествие привело к изменению территории расселения башкирских племен, центр этой территории резко сдвигается на север и восток. И к этому же времени относится массовое расселение кыпчаков по всей юго-западной Башкирии – от реки Сакмара на юге до низовьев реки Белая на севере. Закончился этот процесс сложением тех этнокультурных признаков, которые и легли в основу современной этнической характеристики башкирского народа (Кузеев, 1974. С. 463–481). Несколько иные хронологические рамки кыпчакизации южноуральского региона предлагались в трудах казахских исследователей. Так, Б.Е. Кумекоев относит начало этого процесса к IX веку (на основе сведений Гардизи) (Кумекоев, 1972. С. 61), а С.М. Ахинжанов писал (со ссылкой на Махмуда Кашгарского), что кыпчакское направление этнокультурного развития башкир определилось довольно четко уже с X века (Ахинжанов, 1989. С. 162–163).

Если Р.Г. Кузеев в своих построениях опирался в основном на данные устных и письменных источников, то в плане археологизации кыпчакская концепция была проиллюстрирована работами В.А. Кригера и В.А. Иванова. Авторы на конкретном археологическом материале наглядно продемонстрировали, что после домонгольского запустения на Южном Урале, а именно в XIII–XIV веках, появляется огромная масса кочевнических памятников. В пределах южноуральского региона было выделено 207 погребений XII–XIV вв. Правда, В.А. Иванов и В.А. Кригер через картографирование памятников показали, что все они,

в основном, концентрируются в степной части региона и лишь в единичных случаях встречаются в более северных районах (Сыныштамакский курганный могильник, 3 погребения на территории Охлебнинского городища, Шах-Тауское погребение). При этом исследователи всю массу памятников разделили на четыре группы (быковская и царевская в Заволжье, группа земляных курганов в Приуралье и группа каменных курганов в Зауралье), которые были определены как памятники племенных группировок родственных в этнокультурном отношении кочевников-кыпчаков (Иванов, Кригер, 1988. С. 71).

Более осторожно по поводу этнической интерпретации выявленных кочевнических памятников высказывался Н.А. Мажитов, который, опираясь на мнение Г.А. Федорова-Давыдова о сложном этническом составе региона, определял памятники выделенной им башкир-беркутовской группы (по названию исследованного Башкир-Беркутовского курганного могильника в Кутарчинском районе Республики Башкортостан) как курганы кочевников, пришедших сюда вместе с монголо-татарами, не исключая при этом их тюркоязычности (Мажитов, 1977. С. 185). Однако в своих последних трудах Н.А. Мажитов уже четко высказывается в пользу кыпчакской интерпретации степного южноуральского населения XIII–XIV веков, а вот захоронения Сыныштамакского, Шах-Тауского и ряда других могильников (включая и грунтовой Кушелевский могильник) определяет как памятники булгар-байлярской группы башкир, говоривших на тюркском языке (Мажитов, 1988а. С. 24; Мажитов, Султанова, 1994. С. 257–265).

Свое мнение высказал и С.М. Васюткин, считающий, что население региона в XIII–XIV веках состояло из трех компонентов – кыпчакского (земляные и каменные курганы), монгольского (погребения с северной ориентировкой, без костей коня, находками бокки и серег типа «знак вопроса») и башкирского (Сыныштамакский могильник) (Васюткин, 1992. С. 127–129).

Одна из последних концепций характеристики этнокультурного состава кочевого населения региона в золотоордынский период содержится в работах челябинского археолога В.П. Костюкова. По его мнению, анализ погребений урало-казахстанских степей показывает, что 20% из них характеризуется признаками монгольской погребальной обрядности, а остальная масса – «сложным комплексом признаков, в котором отразились также прозелитические и социальные факторы». А интерпретировать данные памятники как кыпчакские «означало бы

чрезвычайное искажение этнокультурной ситуации в регионе» (Костоков, 1999. С. 166). И поэтому «популярный вывод о некоем кыпчакском половеде ... применительно к Улусу Шибана не может быть принят» (Костоков, 1998. С. 219).

Таким образом, в современной историографии существует достаточно сложная и пестрая картина этнокультурной истории Южного Урала в XIII–XIV вв., а исследователи, имея на руках характеристики одних и тех же памятников, дают им порой диаметрально противоположную оценку. И поэтому реконструкция этнокультурных процессов по-прежнему остается одной из актуальных проблем региональной археологии.

Многолетние археологические исследования на территории Южного Урала позволили выявить различные памятники, датированные XIII–XIV вв. – курганные и грунтовые могильники, поселенческие памятники, мавзолеи, эпитафии и т.д. Все они отличаются как по степени изученности, так и по весу в общей массе известных памятников, по информационным возможностям и географической локализации. Система хронологической привязки золотоордынских комплексов в отечественной науке прошла уже столь длительный путь (с 1966 года) и выработала достаточно четкие критерии оценки, что не нуждается в дополнительной аргументации.

Общая характеристика погребального обряда большинства известных памятников нашла отражение в ряде статей и монографий. Еще в середине 60-х годов Г.А. Федорову-Давыдову удалось проследить ряд типологических особенностей, выделяющих приуральские памятники из общей массы синхронных памятников степной Евразии – северную ориентировку погребенных, размещение захоронений в подбойной могиле, каменные или сырцовые кладки над могилой. Далее Н.А. Мажитов исследованные им курганы «башкир-беркутовской группы» характеризовал, как состоящие «...из небольших земляных насыпей и, как правило, глубоких могил с заплечниками вдоль длинных стенок и захоронений в колодах или двойных ядниках...».

Оценке особенностей степных памятников XIII–XIV вв. было уделено достаточно места и в диссертациях Н.А. Мажитова, В.А. Иванова, в ряде статей В.А. Кригера, С.Г. Боталова и др. Однако наиболее классическим обобщением всех известных к середине 80-х годов данных (в стиле работы Г.А. Федорова-Давыдова) явилась совместная книга В.А. Иванова, В.А. Кригера, где даны хронология и этнокультурная интерпретация 207 погребений XII–XIV вв. в Южном Приуралье.

Основным итогом их работы мы до сих пор признаем реально существующее разделение памятников южноуральских степей на две локально-типологические группы – западную и восточную (группы земляных и каменных курганов), что подтверждается и последними работами, содержащими разделы по анализу погребального обряда кочевников Южного Урала XIII–XIV веков (Яминов, 1995; Костоков, 1997). В данном же случае, в силу ряда причин (см. ниже), сравнительно-типологический анализ привлеченного материала мы проведем с разделением его по внешним признакам на две группы – простые земляные насыпи и насыпи, сооруженные с применением камня.

Погребения, совершенные под *земляными курганами* (в общей сложности 114 курганов, содержащих 118 погребений), характеризуются следующими признаками:

- 3,5% курганов содержат следы ритуальных костров и 9,7% – кости животных, 2,6% – ровик у основания и 1,8% – деревянные конструкции в насыпи;

- абсолютное большинство курганов содержат по одному захоронению (96,5%), остальные – по два; 7,8% от общего числа рассматриваемых погребений – впускные погребения в более ранние насыпи;

- преобладающая форма могил – простая прямоугольная яма (56,4%), затем следуют ямы с уступами вдоль длинных стенок (10,2%), со ступенькой слева от погребенного (5,1%), узкими уступами вдоль всех четырех стенок (3,4%), с подбоем без уступа (2,6%) и с подбоем и ступенькой у входа в подбой (2,6%); лишь в двух случаях (1,7%) могильная яма с сужающимися ко дну стенками. Досками или деревянными плахами перекрыты 46,2% всех погребений, из них 33,3% – на засыпи могилы, на уступах-заплечниках – 9,4%, на одной ступеньке – 0,9%, перекрыт подбой – 2,6%. В 9,4% погребений зафиксированы угли и зола в могиле, а также в 9,4 – кости животных;

- захоронения коня сопровождают 7,8% погребений, из них в 2,6% – это целый остов слева от погребенного, в 1,7% – остов на ступеньке, череп и кости ног на деревянном перекрытии – в 1,7%, а в одном случае (0,9%) – череп и кости ног слева от человека. В 14 погребениях (11,1%) присутствует только конская сбруя;

- преобладающей является западная ориентировка погребенных (53,8%), с отклонениями к югу (17%) или на север (7,7%), и северо-восточная (9,4%). Ряд погребенных имеет ориентировку на север – 4,2%, на восток – 1,7%, на юг – 0,9%. Преобладающая поза – вытянуто на спине

(89,7%), руки вытянуты вдоль туловища (40,2%), но довольно часто руки согнуты в локтях, а кисти рук – на тазе (23,8%). В 15 случаях – череп на правом виске (12,8%);

– остатки гробовищ зафиксированы в 22,1% погребений, среди них преобладают дощатые гробы или ящики (12,8%), остальные – колоды (9,5%), рамы из досок (1,7%). Довольно часто встречаются подстилки из коры или луба (10,2%). 11,2% погребений содержали остатки заупокойной пищи (кости овец или крупного рогатого скота). При этом в большинстве случаев кости животных располагались у головы человека (7,7%). В девяти погребениях (7,7%) у ног погребенного найдены глиняные сосуды;

– 34,2% погребений являются безынвентарными, в остальных случаях в погребениях присутствовал различный инвентарь.

Погребальный обряд в курганах с **каменными конструкциями** (160 курганов, содержащих 168 погребений) выражается в следующих признаках:

– преобладают каменные выкладки различных форм, сооруженные над могилой на уровне древней поверхности (53,3%), затем – насыпи с каменной наброской над могилой (20,6%), насыпи, состоящие из земли вперемешку с крупными камнями (18%), с каменной обкладкой в виде «панциря» (16,8%), с каменным кольцом в насыпи (11,8%). Реже встречаются сооружения в виде оградок или выкладок из камня (5%), сырцового или жженого кирпича (5,6% и 2,5% соответственно). Насыпи, состоящие только из камня, встречены в десяти случаях (6,2%). Нередко в насыпи курганов встречаются кости животных (6,8%);

– практически все погребальные конструкции содержат по одному погребению (95,0%), в остальных случаях (5%) – по два одновременных захоронения;

– абсолютно преобладают могильные ямы простой прямоугольной формы (65,5%), затем по частоте встречаемости следуют ямы со ступенькой слева от человека (9,5%), могилы с подбоем и ступенькой у входа в подбой (5,9%). Реже встречаются могильные ямы с подбоем без уступа (2,9%), со ступеньками вдоль длинных стен (2,9%) или же вдоль четырех стен (2,4%). В трех случаях известны могилы со ступенькой справа от погребенного (1,8%) и в двух погребениях – с суживающимися ко дну стенками (1,2%). 28% захоронений имеют перекрытия на насыпи могилы, 2,9% – на одной ступеньке, в трех погребениях (1,8%) перекрытие опиралось на заплечики и в двух случаях (1,2%) – перекрыт подбой. В 25 погребениях найдены остатки заупокойной пищи

в виде костей животных (14,9%), в 6 (3,6%) – угли и зола в могильной яме;

– захоронения коня сопровождают 17,2% всех погребений. Из них более часто встречаются остова коня слева от человека (6,5%) и расположение остова коня на ступеньке (6,5%). В единичных случаях известны находки черепа и костей ног коня слева от человека (0,6%) или на деревянном перекрытии (0,6%) и остов коня справа от погребенного (0,6%). Довольно часто (8,3%) в погребениях нет захоронений коня, но присутствует сбруя;

– преобладающей является западная ориентировка погребенных (35,7%), затем на северо-запад (13%), на юго-запад (11,3%); на северо-восток ориентированы 6,5% погребенных, а 5,9% – на север. Всего в трех погребениях зафиксирована северная ориентировка (1,8%) и в одном – юго-восточная (0,6%). В тех случаях, когда поза погребенного фиксируется достоверно, преобладает поза вытянута на спине (73,8%); руки вдоль туловища (42,3%) или обе руки согнуты, а кисти рук на тазе (6,5%), иногда только левая рука на тазе (4,7%) или же только правая рука на тазе (5,4%);

– остатки гробов зафиксированы в 8,9% погребений, колоды – 2,9%, рамы из досок – 1,2%. Часто встречаются в могильных ямах подстилки из коры или луба (7,1%);

– 52,4% погребений являются безынвентарными, в остальных случаях в погребениях присутствовал какой-либо инвентарь.

Как известно, подобная суммарная характеристика погребального обряда дает лишь представление о распределении и удельном весе признаков внутри определенной совокупности памятников (группы могильников), хотя набор этих признаков, характерный для каждой из групп, подвергается действию законов математической статистики и позволяет проводить сравнительный анализ различных групп памятников для определения их типологического сходства или различия.

Однако также известно, что каждое погребение представляет собой статистическую единицу, выраженную через совокупность различных количественных (размеры курганной насыпи, могильной ямы и т. д.) и качественных (наличие или отсутствие внутримогильных сооружений, поза и ориентировка погребенного и т. д.) признаков, характерных только для данного комплекса. При этом, как мы видим из приведенных выше данных, набор этих признаков достаточно широк, но тот или иной признак повторяется в большинстве погребений, а некоторые встречаются лишь в отдельных памятниках. Это, в свою очередь, позво-

ляет произвести определенную типологическую классификацию внутри всего представленного массива памятников.

И здесь необходимо отметить, что при проведении подобной операции с погребальными памятниками кочевников IX–XIV веков вот уже более 30-ти лет практически все исследователи используют типологию, предложенную Г.А. Федоровым-Давыдовым, применяя ее для решения своих региональных проблем путем наложения на конкретный материал и использования хронологических и этнических определений Г.А. Федорова-Давыдова (Иванов, Кригер, 1988. С. 51–56; Добролюбовский, 1986). Всего им выделено 66 типов захоронений, объединенных в восемь отделов. В основе определения отделов лежали ориентировка погребенного и наличие или отсутствие скелета коня (или его частей). Типы же определялись на основе сравнения формы могильных ям и взаиморасположения костей человека и коня.

Однако при всей внешней универсальности и легкости использования данной модели современный уровень накопления материала и его интерпретация ставят вопрос об усовершенствовании методики классификации погребальных памятников и необходимости внесения ряда корректив в систему Г.А. Федорова-Давыдова (Яминов, 1995. С. 15–16).

Как мы уже отмечали выше, погребальный обряд всегда находит материальное проявление в конкретных археологических памятниках, в целом представляя собой совокупность определенных действий, совершаемых в строгой последовательности – от рытья и оборудования могильной ямы до возведения какого-либо надмогильного сооружения.

Таким образом, каждый курган может быть расписан как совокупность многочисленных признаков, характеризующих весь процесс погребального обряда. Как отмечают исследователи, «зарегистрировать все свойства артефакта или даже их перечислить – несерьезная задача» (Бочкарев, 1975. С. 36). А поскольку всякий объект обладает неисчерпаемым количеством свойств, то заведомо ясно, что при классификации артефактов опознаваться должны не все свойства изучаемых объектов.

Сравнивая различные артефакты, мы получаем возможность установить повторяемость и встречаемость тех или иных признаков. Из того факта, что ряд признаков регулярно встречается на ряде объектов (и не встречается на других), следует с большей долей вероятности, что существует некая общая причина появления этих при-

знаков на этих объектах. Можно утверждать, что именно такие признаки, которые образуют устойчивые сочетания на ряде объектов, и будут играть роль определяющих, или диагностических признаков при дальнейшей их классификации (Колпаков, 1991. С. 31).

По всей видимости, другой особенностью этих, уже выделенных признаков должна выступать рациональность их отбора, при котором главным является их доступность, сравнительная легкость и однозначность фиксации этих признаков. Именно эти принципы отбора признаков и вызывают сомнения в возможности использования классификации Г.А. Федорова-Давыдова при анализе южноуральских памятников. Прежде всего следует отметить, что при исследовании погребальных комплексов особенно часто оказывается недостаточно определенной именно ориентировка погребенных. Также единичны случаи их строгого расположения по сторонам света – отклонения повсеместны и закономерны. Одним из элементов языческого погребального обряда является захоронение коня с человеком. При этом расположение остова коня или его частей отличается большим разнообразием. Различно даже взаиморасположение костей конечностей коня и т. д. Однако, несмотря на подобную вариативность, именно эти признаки у Г.А. Федорова-Давыдова лежат в основе «древней» классификации – определения отделов.

Что касается нормативных атрибутов внутреннего строения могилы (формы могильной ямы, ступеньки, подбой и т. д.), то они достаточно четко фиксируются практически во всех случаях и могут служить в качестве определяющих признаков. Конечно, во избежание создания громоздкой типологии можно не обращать внимания на вариативность ориентировки погребенного. Но, по нашему мнению, в великолепной для своего времени типологии Г.А. Федорова-Давыдова есть лакуна другого плана. Все этнические интерпретации памятников, а также этнические перемещения он определял на основе фиксации типов погребений, согласно предложенной им типологии. Но при этом совершенно не учтен тот факт, что выделенные 66 типов погребений совершены под семью различными типами насыпей (Федоров-Давыдов, 1966. С. 120).

Выше мы уже отмечали, что каждый археологический объект (или комплекс) – это сочетание артефактов, пространственно ограниченное от других таких же сочетаний, в основе которого лежит отдельное событие или процесс. В формулировке В.С. Бочкарева «комплекс – это группа артефактов... найденных в ограниченном локусе

и составляющих одно функциональное целое» (Бочкарев, 1975. С. 37–38). Таким же «функциональным целым» является и каждый курган, начиная от характеристики насыпи, могильной ямы и до характеристики расположения костяка и сопровождающего инвентаря.

Таким образом, при использовании типологии Г.А. Федорова-Давыдова (в принципе созданной и работающей на материалах земляных курганов эпохи средневековья западной части степей Евразии) применительно к материалам Южного Урала автоматически произойдет разрыв источников, а вся типология будет построена лишь на их фрагментах. И в такой ситуации, когда игнорируется целая составная часть источников, вряд ли их можно считать полноценными, а выделенные на их основе типы – достоверными для всей совокупности материала.

Вслед за Г.А. Федоровым-Давыдовым без внимания эту проблему, применительно к материалам Южного Урала, оставили В.А. Иванов и В.А. Кригер, отметив, что практически все погребения западной и восточной групп «обнаруживают совпадение с типами, выделенными Г.А. Федоровым-Давыдовым», хотя при этом отмечали факт наличия «внутрирегиональной типологической дифференциации памятников» (Иванов, Кригер, 1988. С. 44).

В данной работе мы представляем и используем несколько иной подход к классификации южноуральских курганов XIII–XIV вв., предложенный в 1995 году одним из авторов данной монографии (Яминов, 1995. С. 12). За основные типологические признаки мы также берем такие детали захоронения, которые почти во всех случаях фиксируются исследователями – характеристика насыпи, ступеньки, подбой, ориентировка. Отделы выделяются по конструктивным особенностям сооружения насыпи. Типы же выделяются по форме могильной ямы, ориентировке погребенного и наличию или отсутствию костей коня. По нашему мнению, подобная схема классификации наиболее полно отражает особенности характеристики каждого комплекса при соблюдении принципиальных требований к производству подобных операций и сохранении целостности восприятия источника.

Отдел А

Простая земляная насыпь.

Тип I (13). Захоронение в простой могильной яме. Северная ориентировка погребенного.

Тип II (2). Захоронение в простой могильной яме. Восточная ориентировка погребенного.

Тип III (1). Захоронение в простой могильной яме. Южная ориентировка погребенного.

Тип IV (65). Захоронение в простой могильной яме. Западная ориентировка погребенного.

Тип V (2). Захоронение в простой могильной яме. Западная ориентировка погребенного. Череп и кости ног коня на перекрытии, черепом на запад.

Тип VI (1). Захоронение в простой могильной яме. Западная ориентировка погребенного. Череп и кости ног коня слева от погребенного, на одном уровне с человеком, черепом на запад.

Тип VII (3). Захоронение в яме со ступеньками-уступами вдоль длинных стен. Северная ориентировка погребенного.

Тип VIII (10). Захоронение в яме со ступеньками-уступами вдоль длинных стен. Западная ориентировка погребенного.

Тип IX (1). Захоронение в яме со ступеньками-уступами вдоль длинных стен. Западная ориентировка погребенного. На перекрытии – костяк коня, обращенного головой на запад.

Тип X (1). Захоронение в яме со ступеньками-уступами вдоль длинных стен. Западная ориентировка погребенного. На перекрытии – череп и кости ног коня, черепом на запад.

Тип XI (2). Захоронение в яме со ступенькой слева от погребенного. Западная ориентировка костяка.

Тип XII (2). Захоронение в яме со ступенькой слева от погребенного. Западная ориентировка костяка. На ступеньке – целый остов коня, черепом на запад.

Тип XIII (1). Захоронение в яме со ступенькой справа от погребенного. Западная ориентировка погребенного. На ступеньке – остов коня, черепом на запад.

Тип XIV (3). Захоронение в яме с подбоем вдоль южной стенки. Западная ориентировка погребенного.

Тип XV (2). Захоронение в яме с подбоем вдоль южной стенки и ступенькой вдоль северной стенки. Западная ориентировка погребенного.

Тип XVI (1). Захоронение в яме с подбоем вдоль южной стенки и ступенькой вдоль северной стенки. Западная ориентировка погребенного. На ступеньке – целый остов коня, черепом на запад.

Отдел Б

Земляная насыпь с каменной наброской над могилой.

Тип I (3). Простая могильная яма. Северная ориентировка погребенного.

Тип II (15). Простая могильная яма. Западная ориентировка погребенного.

Тип III (1). Простая могильная яма. Западная ориентировка погребенного. Слева от погребенного – остои коня, черепом на запад.

Тип IV (1). В яме с подбоем вдоль южной стенки. Западная ориентировка погребенного.

Тип V (1). В яме с подбоем вдоль северной стенки и ступенькой вдоль южной. Восточная ориентировка погребенного.

Отдел В

Земляная насыпь с выкладкой из сырцового кирпича над могилой.

Тип I (2). Простая прямоугольная яма. Западная ориентировка погребенного.

Тип II (1). Могильная яма со ступеньками-уступами вдоль длинных стен. Западная ориентировка погребенного.

Отдел Г

Насыпь из земли, вперемежку с камнем.

Тип I (5). Простая могильная яма. Северная ориентировка погребенного.

Тип II (1). Простая могильная яма. Восточная ориентировка погребенного.

Тип III (8). Простая могильная яма. Западная ориентировка погребенного.

Тип IV (1). Могильная яма со ступеньками-уступами вдоль длинных стен. Западная ориентировка погребенного.

Тип V (1). Могильная яма со ступенькой слева от человека. Западная ориентировка погребенного.

Тип VI (4). Могильная яма со ступенькой слева от человека. Западная ориентировка погребенного. На ступеньке – костяк коня, черепом на запад.

Тип VII (1). Могильная яма со ступенькой-уступом справа от человека. Западная ориентировка погребенного. На ступеньке – костяк коня, черепом на восток.

Тип VIII (1). Яма с подбоем вдоль южной стенки и ступенькой вдоль северной. Западная ориентировка погребенного.

Тип IX (1). Яма с подбоем вдоль северной стенки. Западная ориентировка погребенного.

Отдел Д

Курган с каменным катком по основанию насыпи.

Тип I (2). Простая могильная яма. Северная ориентировка погребенного.

Тип II (9). Простая могильная яма. Западная ориентировка погребенного.

Тип III (1). Могильная яма со ступеньками-уступами вдоль длинных стен. Западная ориентировка погребенного.

Тип IV (1). Могильная яма со ступенькой слева от человека. Западная ориентировка погребенного.

Тип V (7). Могильная яма со ступенькой слева от человека. Западная ориентировка погребенного. На ступеньке – костяк коня, черепом на запад.

Иногда внутри кольца встречаются и каменные набросы над могилой или отдельные камни в насыпи.

Отдел Е

Сплошная каменная насыпь.

Тип I (11). Простая могильная яма. Западная ориентировка погребенных.

Тип II (2). Могильная яма со ступенькой слева от человека. Западная ориентировка погребенного. На ступеньке – костяк коня, черепом на запад.

Тип III (1). Могильная яма со ступенькой справа от человека. Северная ориентировка погребенного.

Тип IV (1). Могильная яма со ступенькой справа от человека. Западная ориентировка погребенного.

Тип V (1). Могильная яма с подбоем вдоль южной стенки. Западная ориентировка погребенного.

Отдел Ж

Насыпь с каменной обкладкой – «панцирем».

Тип I (3). Простая могильная яма. Северная ориентировка погребенного.

Тип II (11). Простая могильная яма. Западная ориентировка погребенного.

Тип III (2). Могильная яма с подбоем вдоль южной стенки. Западная ориентировка погребенного.

Тип IV (1). Могильная яма с подбоем вдоль южной стенки и ступенькой вдоль северной. Западная ориентировка погребенного.

Отдел З

Ограда подквадратной или прямоугольной формы из куртичей или камня на уровне горизонта.

Тип I (6). Простая могильная яма. Западная ориентировка погребенного.

Тип II (2). Могильная яма со ступеньками-уступами вдоль длинных стен. Западная ориентировка погребенного.

Тип III (2). Могильная яма с подбоем вдоль южной стенки и ступенькой вдоль северной. Западная ориентировка погребенного.

Отдел И

Каменная выкладка круглой формы.

Тип I (1). Простая могильная яма. Северная ориентировка погребенного.

Тип II (8). Простая могильная яма. Западная ориентировка погребенного.

Отдел К

Каменная выкладка овальной или подпрямоугольной формы.

Тип I (3). Простая могильная яма. Северная ориентировка погребенного.

Тип II (20). Простая могильная яма. Западная ориентировка погребенного.

Тип III (1). Могильная яма с подбоем вдоль южной стенки. Северная ориентировка погребенных.

Тип IV (1). Могильная яма с подбоем вдоль южной стенки. Западная ориентировка погребенного.

Тип V (1). Могильная яма с подбоем вдоль южной стенки и ступенькой вдоль северной. Западная ориентировка погребенного.

Таким образом, внутри 10 отделов выделяется 57 типов погребений. Все типы имеют различную частоту встречаемости (количество погребений соответствующих типов указано в скобках). Большинство типов носит единственный характер, особенно это отличает погребения отделов А и Г. По всей видимости, столь большой набор типов связан с полиэтничностью населения региона, смещение которого и явилось причиной появления такой вариативности захоронений. Но при этом выделяется целый ряд погребальных комплексов, образующих устойчивые (по комбинации признаков) и неоднократно встречающиеся типы погребений AI, AIV, AVIII, БП, ГI, ГIII, ГVI, ДII, DV, EI, ЖII, ЗI, ИII, КII. Поэтому не будет некорректным предположение о том, что именно данные типы характеризуют погребальный обряд основного населения региона и в то же время служат основой для их этнической привязки и интерпретации, но в дальнейшем. А пока мы считаем преждевременной столь жесткую этническую привязку исследованных памятников Приуралья и Зауралья, как это было предложено нашими коллегами ранее (см. выше). Гораздо рациональнее, по нашему мнению, работать сейчас именно на уровне выявления, сбора и локализации отдельных типов погребальных памятников.

К примеру, в отношении известных памятников Приуралья и Зауралья прослеживаются определенные закономерности в территориальной локализации различных типов погребений. Самую обширную территорию по обоим берегам рек Урал, Илек, Сакма-

ра занимают наиболее многочисленные погребения типа AIV (П Линецкий и др.). Только погребения Синтыштамакского и Бала-Чатырманского могильников достаточно далеко оторваны от основной массы захоронений данного типа и располагаются в лесостепной зоне. Примерно в этих же пределах, что и захоронения типа AIV, располагаются погребения типов AI (I Линецкий, курган 5 и др.) и AVIII (Лебедева П и др.). Но при этом почти все они (за редким исключением) фиксируются только на левобережье реки Урал в ее среднем течении и в Зауралье.

Достаточно четкую локализацию имеют погребения типов ГI (Новый Кумак, курган 11 и др.), ДII (I Хабаровный, курган 7 и др.), ИII (Новая База I, курган 1 и др.) и КII (I Хабаровный, курган 8 и др.). Ареалом их распространения являются бассейны рек Эмба, Орь и верховья реки Урал в башкирском Зауралье.

Только по левобережью реки Урал также встречаются погребения типов ГIII (Жыман-Каргала, курган 22) и др., ГVI (Новый Кумак, курган 15 и др.), ЖII (Уральские, курган 4 и др.), ЗI (Лебедева VIII, курган 1 и др.). А погребения типа EI (Чулпанские, курган 2 и др.) локализуются на самой границе степи и лесостепи, как бы отгибая южноуральский хребет из Зауралья в Приуралье. Что же касается погребений типа БП (II Ишкульский, курган 6 и др.), то они как бы разостроены в среде курганов с каменными конструкциями в насыпи и земляных курганов. По всей видимости, это связано, прежде всего, с синкретичным характером насыпей памятников данного типа — земляная насыпь, но каменная наброска над могилой.

В целом же все эти устойчивые типы погребальных комплексов вновь, как мы видим, объединяются в два больших массива памятников, которые у В.А. Иванова и В.А. Кригера были обозначены как курганы западной и восточной групп. Однако картографирование памятников с различными конструктивными особенностями насыпей показывает, что подобное деление на «западную» и «восточную» группы представляется излишне условным и абстрактным. Во многих случаях курганы с чисто земляной насыпью (признак западной группы) и с насыпью, сооруженной с применением камня (признак восточной группы), расположены вплотную. Подобное «перекрывание» признаков, лежащих в основе типологической дифференциации курганов двух массивов, носит более сильный характер, нежели это было определено В.А. Ивановым и В.А. Кригером. Поэтому более целесообразным представляется называть рассматриваемые курганы (и их массивы) «земляными» и «каменными», что будет отражать реальную действительность и со-

ответствовать реальному зрительному восприятию рассматриваемых групп памятников.

Но все же необходимо отметить, что курганы с земляной насыпью имеют общую тенденцию к расположению в западных пределах южноуральского региона, по обоим берегам реки Урал, до ее восточной излучины. Курганы же с каменными конструкциями в насыпи в основном сосредоточены восточнее. И основной территорией их концентрации являются степные пространства по рекам Эмба, Орь, по верховьям рек Илек и Урал в Башкирском Зауралье. Очень условную границу между двумя массивами курганов можно провести от низовьев реки Уил, по среднему течению рек Илек, Урал и далее – по реке Сакмара. Но отдельные курганы с каменными конструкциями в насыпях известны и западнее этих пределов. В то же время земляные курганы восточнее указанной границы практически не встречаются.

Внутри же массивов «земляных» и «каменных» курганов, как мы уже показали выше, имеет место второй уровень дифференциации памятников – и тут, и там выделяются устойчивые типы погребений с определенной локализацией в пространстве. И в основе подобного разделения, прежде всего, лежат наборы типобразующих признаков, в то время как датирующие предметы и комплексы связанных признаков являются аналогичными для различных типов погребений под земляными и каменными курганами (Яминов, 1995. С. 12).

Кроме комплексов языческого периода в массе памятников присутствует и группа погребений выделенного В.А. Ивановым и В.А. Кригером золотоордынского мусульманского периода (подкурганные безынвентарные захоронения) (Иванов, Кригер, 1988. С. 39; Гарустович, Иванов, 1989. С. 172–181). К их числу относятся ряд захоронений типов АIV, АVШ, БI, ГIII, ДII, ЕI, ЖII, ЗI, ИI, КII. По мнению названных выше исследователей, сокращение ассортимента погребального инвентаря свидетельствует о наступлении нового хронологического периода, основным содержанием которого явилось принятие исламской религии населением урало-поволжских степей. Сопровождался этот процесс постепенным отрицанием языческих традиций в погребальном обряде – исчезновением в погребениях предметов конской сбруи, вооружения и бытовых предметов.

Именно эти черты и характерны для ряда погребений вышеуказанных типов – АIV (Мамбетбай, курган 2, погребение 2; Базар-Тюбе 1, курган 2), АVШ (Алебастрова 1, курган 6; Карагач, курган 1; Жанаталап 1, курган 2), БI (I Хабарный, курган 11; II Ишкуловский, курганы 6, 10), ГIII

(IV Покровский, курган 13; Жаман-Каргала, курган 22), ДII (Худай-Берген IV, курган 10; Новая База I, курган 1), ЕI (Ибрагимово III, курган 6; Чулпанские, курган 2), ЖII (Уральские, курган 4; IV Покровский, курган 1), ЗI (Саралкин I, курган 1, погребение 1; Лебедевка VШ, курган 1), ИI (Родники I, курган 1; I Озерновский, курган 1), КII (II Ишкуловский, курган 7; I Хабарный, курган 8).

К тому же при наблюдении ряда основных особенностей мусульманской погребальной обрядности (отсутствие инвентаря, соблюдение кыблы – хотя и не всегда) по остальным признакам все они мало чем отличаются от инвентарных погребений золотоордынского языческого периода. Практически все безынвентарные захоронения совершены под курганными насыпями (за исключением погребений с использованием различных кирпичных сооружений), довольно часто – в гробах или колодах, в могильных ямах таких же форм, как правило – вытянуто на спине, с преобладанием западной ориентировки. Все это позволяет отнести данные погребения к числу памятников золотоордынской мусульманской группы и датировать в хронологических рамках середины XIV – начала XV века. На правомерность такой датировки указывает и наличие ряда погребений, абсолютно идентичных по погребальному обряду безынвентарным комплексам, но сопровождающихся находками монет золотоордынского времени (Байгускарово II и др.), подвесок в виде знака вопроса (Баишево, курган 5 и др.) и т. д.

Таким образом, использованная классификация в определенной степени дает возможность проследить динамику процесса исламизации степного населения Южного Урала. В частности, получается, что прямая трансформация от языческого погребального обряда к мусульманским канонам характерна для таких типов погребений, как АIV, АVШ, БI, ГIII, ДII, ЕI, ЖII, ИI, КII. Только в языческий период бытовали погребения типов ГVI, ДV, ЕII. Для раннемусульманского периода отличительной чертой является распространение погребений с подбоями в южной стенке типов ЖIII, ЖIV, ЗIII, АХII, ГIX, а также появление именно в это время погребений типов БI, БII, ГIV, ЗI. Что касается типологического и территориального сопоставления языческих и раннемусульманских погребений, то зачастую те и другие располагаются на одних и тех же могильниках (I Линецкий, II Ишкуловский, Покровский и др.), что вполне естественно предполагает не только хронологическую и этнокультурную близость и преемственность населения, оставившего эти памятники, а также указывает на стабильность его пребывания здесь в XIII–XIV веках.

§3. Основные этапы и проблемы культурогенеза

1. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н. э.

В данном очерке будут рассмотрены, главным образом, изменения в религиозной сфере, их причины и исторические условия, в которых они совершались. Работа в значительной степени опирается на имеющиеся в литературе опыты изучения темы, основные результаты которых сводятся к следующему: а) местные кыпчакские племена до монгольской экспансии были язычниками; б) равно и золотоордынское население, основным компонентом которого остались кыпчаки, до начала правления Узбека пребывало в язычестве; в) импульс к распространению ислама в степи дала реформа хана Узбека; г) в абсолютно господствующую религию ислам превратился не ранее середины XV в. (Гарустович, 1986; Гарустович, Иванов, Кригер, 1989; Гарустович, 1993; Бисембаев, 1999).

Если иметь в виду направление трансформаций в целом, то указанная реконструкция не вызывает больших возражений. Вместе с тем отдельные ее тезисы ныне несомненно нуждаются в уточнении и дополнении. Необходимость корректив диктуется не только появлением новых археологических материалов. Более важна другая причина, напоминающая ту, что некогда была констатирована Э.А. Грантовским в скифских исследованиях, – «археологические источники изучаются, письменные – привлекаются». Впрочем, применительно к нашей теме такую ситуацию можно было бы назвать даже благополучной – притом, что письменные источники в ее освещении, казалось бы, должны играть главную роль, они чаще игнорируются, нежели привлекаются или уж тем более анализируются. Но без обращения к данным письменных источников, какими бы краткими, отрывочными, туманными и ненадежными они не выделялись исследователям, воссоздание близкой к реальности картины является задачей, вряд ли исполнимой. В археологических материалах при всех их неоспоримых достоинствах очень трудно найти адекватное отражение многоуровневых дискретных процессов, происходивших в такой тонкой области, как религия и верования. Не способствует объективности стольного археологического изучения темы специфика кочевнических древностей урало-казахстанской степи. Они, как известно, представлены почти исключительно

погребениями – памятниками, которые характеризуются довольно ограниченным набором признаков, широкой их вариативностью и неясной семантикой, затрудненностью точных датировок и неравномерным распределением по хронологическим периодам.

Действительно, первое, что обращает внимание в фонде кочевнических погребений первой половины II тыс. н. э., – загадочная малочисленность комплексов XI–XII веков. В общей выборке, состоящей из более 200 погребений с вещами и примерно 300 безынвентарных погребений, к XI–XII векам относят не больше десятка погребений. С объяснением этого феномена, согласно которому кыпчаки, увлекаемые инерцией миграций первой половины XI века, прошли «арало-уральский степной коридор» не задерживаясь и потому не оставили здесь заметных следов, можно согласиться только отчасти. Череда переселений, о которой повествуют ал-Марвази и Матфей Эдесский, едва ли имела вид вектора, ориентированного строго на запад, а тысячекilометровое пространство между Уралом и Аральским морем, наполненное разнородными экосистемами, ассоциируется с коридором только на мелкомасштабной карте.

На мой взгляд, невыразительность следов оживления урало-казахстанской зоны степи в XI–XII веках объясняется, по меньшей мере, двумя причинами. Первая, она же главная, заключается в том, что некрополи кыпчаков XI – начала XIII века, по-видимому, сосредоточены на южной окраине степи. Кыпчаки к началу событий первой половины XI века, существенно изменивших этнический ландшафт Степи, занимали западные области Кымакского каганата. В остановке общей дестабилизации и краха каганата они вступили в конфликт с огузами и вытеснили последних из бассейна Сырдарьи, Западного Приаралья и Северного Прикаспия (Кумеков, 1972. С. 128). Часть кыпчаков (западные кыпчаки или половцы) последовала за огузами в причерноморские степи, другая часть заняла покинутые беглецами земли. При этом зона кочевий кыпчаков, овладевших землями огузов, по каким-то причинам оказалась значительно меньше территорий, бывших в хозяйственном обороте у прежних хозяев. Возможно, это было обусловлено климатическим фактором (согласно последним палеоботаническим исследованиям в среднем течении реки Урал, «малому ледниковому периоду» XIII–XIV веков здесь предшествовал период «жесточайшей засухи» (Моргунова и др., 2003. С. 196)), более вероятно – политической ситуацией в Сред-

ней Азии. Хотя источники чаще всего бодро повествуют о победах хорезмшахов над кыпчаками, в действительности на протяжении длительного периода сохранялось относительное равенство сил и среднеазиатские государи должны были перейти к естественной для паритетных отношений практике найма кочевых объединений на службу. Зона кочевий номинальных хозиев Восточного Дашт-и-Кыпчака в таких условиях была привязана к его южной окраине, и здесь же локализовались их некрополи. А немногочисленные погребения северной полосы степи, видимо, следует отнести на счет разного рода аутсайдеров, принужденных искать убежище и восстанавливать силы на степной периферии. Это предположение можно проиллюстрировать эпизодом начала лета 1216 года. Тогда в Южное Зауралье, в местность между реками Кумак и Джарлы, вышла армия хорезмшаха Мухаммеда, отправившаяся истреблять племена мятежного отравского наместника «Кадыр-хана Туркестанского, сына Йакафгана Йемекского». Здесь она столкнулась с монгольским корпусом Джучи и Субедая, с той же целью преследовавшим непокорных меркитов, укрывшихся в глубине владений кыпчаков (Ахинжанов, 1995. С. 222–236). Сюда же, кстати, в 1391 году был нацелен поход Тимура, вознамерившегося найти и покарать Тохтамыша.

Другое возможное объяснение скромности следов обитания кыпчаков в домонгольской степи то, что какое-то количество памятников XI – начала XIII века находится в блоке так называемых «раннемусульманских» погребений. Иначе говоря, малочисленность погребений XI – начала XIII века может быть в некоторой степени мнимой, обманчивой устоявшемуся отношению к любому погребению с мусульманскими чертами, как к объекту заведомо моложе середины XIV века. Между тем в письменных источниках сообщения о переходе в ислам племен, кочевавших к северу от Сыр-Дарьи, появляются с эпохи Саманидов и регулярно повторяются в последующие времена вплоть до монгольского нашествия. В частности, в 1043 году, то есть как раз около того времени, когда прежнее название казахстанской степи Мафазат ал-гузз меняется на Дашт-и-Кыпчак, по сообщению Ибн ал-Асира, произошло обращение в ислам 10000 тюрок, кочевавших «между Бала-сагуном и землями булгар» (Бартольд, 1964. С. 290). Мусульманские правители Средней Азии видели в исламизации кочевых соседей залог более цивилизованных и прогнозируемых отношений, в первую очередь ожидаемых от тюрокских воинских контингентов, коим доверялось обеспечение

безопасности. Особенно большие усилия в этом направлении прилагали Ануштегиниды, связанные с аристократической верхушкой кыпчаков и канглы родственными узами. В правление султана Текеша в структуру городов на северной границе Хорезма даже вводится специфическое мусульманское «казачье» сословие газиев и муджахидов, призванное искоренять «неверие и нечестие» обитателей языческих степей (Семенов, 1952. С. 25). Об исламизации канглы в правление сына Текеша Мухаммеда, женатого на дочери канглыицкого «вельможи», говорит Абулгази: «Из Канглыицкого народа все, бывшие в родстве с его супругой, переходили на службу Султана, принимали мусульманскую веру и получали должности» (Родословное дерево тюрок, 1906. С. 34).

Действенность политики исламизации степных этнополитических объединений домонгольского времени археологически подтверждают расположенные у присырдарьинских и хорезмских городов обширные кочевнические мусульманские некрополи, которые исследователи датируют, по меньшей мере, с IX и до начала XIII века (Ягодин, Ходжайов, 1970; Нурмуханбетов, 1974; 1994). Ни одного подобного погребения в степи до недавнего времени известно не было, и лишь благодаря радиоуглеродному датированию предположение о раннем распространении ислама среди кочевников урало-казахстанского региона получает некоторую почву. Речь идет о захоронениях из Большесакзакбаевского 2 могильника (Кунашакский район Челябинской области). Все могилы были вписаны в восточную полу насыпи, возведенной над погребением эпохи бронзы; умершие (21 индивид, в большинстве – дети) погребены по мусульманскому обряду (индивидуальные захоронения в неглубоких простых ямах, иногда с подбоем или уступами, по преимуществу, ориентированных вдоль линии В-ЮВ–З-СЗ, положение умерших – на спине или на правом полубоку, лицом к кыбле, без инвентаря) (рис. 4.39, 1), но с чертами, типичными для ранней фазы приобщения к исламу (неустойчивость форм могильных ям и позы погребенных, следы огненных ритуалов, наличие деревянных внутри-могильных конструкций, нестрогое соблюдение кыблы, единичные находки при покойных костей животных и украшений).

Согласно результатам радиоуглеродного анализа, калиброванные значения календарных интервалов составляют 1044–1254 (1σ) и 1016–1289 (2σ) (Корякова и др., 1999. С. 88). Это означает, что какова бы ни была реальная хронологическая позиция в указанных рамках, некрополь

существенно старше общепринятого нижнего порога – середины XIV в. Надежность радиоуглеродной даты удостоверяется некоторыми особенностями памятника, сближающими его с погребальными комплексами из южных некрополей – компактностью кладбища, отсутствием или, скорее, незначительными размерами надмогильных сооружений. Особого внимания заслуживает поза взрослого человека, предположительно женщины, в погребении 19 – вытянута на спине, со скрещенными на груди руками (рис. 4,39, 2). Едва ли она может быть свидетельством христианского вероисповедания покойной, как полагают авторы публикации. Во-первых, это маловероятно в условиях малой социальной группы, которая по антропологическим данным определяется как семья. Во-вторых, небезосновательно считается, что в средневековые лишь в исключительных случаях, связанных с какими-либо бедствиями, допускались погребения представителей разных конфессий на одном кладбище. И, наконец, в-третьих, такая же или очень близкая ей позы были неоднократно засвидетельствованы на раннемусульманских кладбищах на Сырдарье и в Хорезме. Например, в некрополе у городища Куйрыктобе (в округе Отрара), датированном IX – началом XII в., умершие были захоронены в вытянутой на правом боку или на спине позе, головой на С–СЗ, при этом череп покоился на затылке или на правом виске, а одна или обе руки лежали на груди (Нурмуханбетов, 1974. С. 86–89, 92). Подобные же позы отмечены в некрополях у городищ Сарыга и Якалыга в Чуйской долине (XII – начало XIII в.), в погребениях XI–XII веков (а также, по-видимому, XIII–XIV вв.) Миздахкана (Ягодин, Ходжайов, 1970). Исредка положение одной или обеих рук на груди встречается в раннемусульманских погребениях на северной периферии степи – в Такталакчукском могильнике, в могильниках Покровский IV, Лебедевка VIII, Мамбеталы-I (Казаков, 1978. С. 53; Кригер, 1984. С. 106). Семантика и происхождение этого признака не ясны. Не исключена его зависимость от христианской обрядности, хотя, с другой стороны, в среднеазиатских христианских могильниках он к числу обязательных не принадлежит. Впрочем, важнее другое – он обычен для мусульманских некрополей, в первую очередь, для домонгольских.

Конечно, комплекс из Большеказакабаевского 2 могильника пока целиком подпадает под суждение «одна ласточка весны не делает», но, с другой стороны, показательно, что уже первый опыт радиоуглеродного датирования дал результат, согласо-

ующийся с сообщениями письменных источников. Следовательно, можно констатировать, что среди кочевников начала II тысячелетия, хозяйственные интересы которых простирались до Южного Завраля (или ограничивались им), несомненно были группы, вовлеченные в орбиту ислама, и у некоторых из них исламизация достигла той степени, когда она уже достаточно рельефно проявляется в погребальной обрядности (о распространении и статусе мировых религий в кыпчакской среде см. у П. Голдена (Golden, 1998)).

Гипотетически допустима возможность изменений этноконфессиональной ситуации в урало-казахстанской степи вследствие таких событий, как образование и гибель государства каракитаев, а также вытеснение из Центральной Азии части найманов и меркитов. Особенно масштабным было движение киданей (каракитаев) во второй четверти XII века, достигшее низовий Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи и вызвавшее перемещение на запад местных племен караханидо-каракитайского происхождения (Агаджанов, 1995). В этой связи большой интерес вызывают впускные погребения в курганах 6 и 7 Шумаевского II могильника (Ташлинский район Оренбургской области), датирующиеся домонгольским временем (Моргунова и др., 2003. С. 90–93, 107–117. Рис.57, 60, 70–74). Авторами публикации указанные погребения, отличающиеся необычно сложным обрядом, отнесены на счет кыпчаков (половцев). Возможно, это всегда а priori подразумеваемая атрибуция верна. Вместе с тем очевидно, что у шумаевских погребений среди половецких памятников по многим признакам нет аналогов. С другой стороны, в них легко обнаруживаются черты известных на территории Китая элитных киданьских погребений – бальзамирование, обмотка головы и туловища умершего полосами шелковой ткани, оснащение погребального костюма металлическими предметами, наличие в инвентаре мелких изделий из камня, провололочные медные сетки на руках и ногах и др. (Иалиев, 1990). Киданьская знать, как известно, исповедовала буддизм, но в буддийские ритуалы было вплетено многое из традиционной языческой обрядности (Пинков, 1995).

Гораздо более определенно можно говорить об изменении конфессионального пейзажа после включения региона в состав Монгольской империи. При этом, конечно, нельзя не коснуться противоречия, возникающего между этим утверждением и почти аксиоматическим положением, согласно которому кочевой сегмент Улуса Джучи складывался из абсолютного кыпчакского

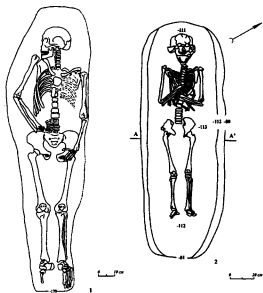

Рис. 4.39. Могильник Большеказакбаевский 2.
1 – могильная яма 13; 2 – могильная яма 19

большинства и ничтожного в плане культурного влияния монгольского меньшинства. На мой взгляд, ни современные монгольской экспансии письменные источники, ни археологические материалы, ни родоплеменная номенклатура поздне- и постзолоторднского Дагит-и-Кыпчака не дают оснований считать, что кыпчакам (и канглы) после жесточайшего погрома, сопровождавшего завоевание Чингис-ханом Средней Азии, удалось безболезненно вписаться в структуру Улуса Джучи. Выиду общирности темы политика монголов в отношении кыпчаков и судьба последних в Монгольской империи здесь не может быть рассмотрена в деталях. В кратких словах можно сказать, что отношения между кыпчаками и одушевленными идеей мирового порядка монголами от начала завоевания Средней Азии и до окончания «семилетнего похода» были враждебными. Обстоятельный обзор событий между первым столкновением монголов с кыпчаками и окончательным разгромом последних см. у Т. Алсена (Allsen Th. T., 1983). Кыпчаки не желали покоряться, и поэтому билик Чингис-хана «мы отправляемся на охоту и убиваем много горных оленей; мы отправляемся на войну и уби-

ваем много врагов» адресовался им с немолчалимой суровостью. Разумеется, были и другие причины, побуждавшие монголов относиться к кыпчакам как к врагам. Одна из них – свободные кочевья. По словам Джукджани, «когда Туши, старший сын Чингисхана, увидел воздух и воду Кыпчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этой». Трудно не согласиться с В.А. Гординым, заметившим, что здесь «смертный приговор хозяевам земли написан почти что в стихах». Другая провинность кыпчаков разъяснена ан-Насави так: «Кыпчакские племена были связаны с этим домом (хорезмшахов) дружбой и любовью, ибо в давние времена и ныне у них рождались дети только от матерей из числа посвященных и введенных в этот дом дочерей кыпчакских владык. Поэтому Чингис-хан и его сыновья сделали все для (их) полного уничтожения, так как те были опорой силы хорезмшахов, корнем их славы и основой многочисленности войско» (Гордин, 1973. С. 87). О том, как это происходило в Средней Азии, сообщает Рашид-ад-Дин повествуя об уничтожении тюркских гарнизонов присырдарьинских крепостей Отрара, Бенакета, Сыгнака и Ашина, а также Самарканда и Бухары (Рашид ад-Дин., 1952. С. 198–201, 206, 208). Завоевание собственно Дагит-и-Кыпчака тоже происходило без всякого намека на приписываемые монголам и кыпчакам «издревле тесную связь» или «взаимную комплиментарность».

В лагидарном изложении Абулгази, «Джучи с приданными ему нукерами пошел в Дагит-и-Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил всех попавших ему в руки кыпчаков, те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков. ...Джучи-хан, взяв в плен всю кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из монгольской страны он переселил сюда свою семью и все или, которые дал ему отец. Из каждого урута узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт» (Кононов, 1958. С. 44).

Впрочем, хотя и современники, и более поздние летописцы изображают захват Дагит-и-Кыпчака как беспощадное истребление всех, кто пытался оказать сопротивление, рассеяние непокорившихся в недоступные и дальние местности,

использование подчинившихся в авангарде с малыми шансами остаться невредимыми, было бы неправильным заранее делать вывод о сугубой мизерности числа кыпчаков в Улусе Джучи, а уж тем более – отрицать их присутствие на Южном Урале в золотоордынское время. Например, вышеописанный погребальный комплекс из Больше-казакбаевского II могильника мог быть оставлен кыпчаками беглецами периода среднеазиатской кампании. С таким предположением согласуются его датировка и обряд, а также выпускной характер могил и антропологические данные, свидетельствующие о кризисных условиях существования коллектива.

Изложенные факты и соображения приводят нас лишь с одной целью – показать необходимость возвращения к полноценным исследованиям этнокультурного состава золотоордынских кочевников, которые ныне фактически прекращены вследствие мнимого окончательного решения проблемы. Предметом специального изучения должны стать археологические признаки кыпчацкого элемента (а равно и других этнокультурных групп) и их эволюция, выяснение истинной доли кыпчаков в составе населения степи и лесостепи.

После окончания западного похода урало-казахстанские степи стали владением младшего брата Бату – Шибана. В инджу Шибану, согласно поздним источникам, были отданы «омаки» найман, карлук, кушчи и буйрак. Новое население, если судить по археологическим материалам – более чем 300 надежно датированным погребальным комплексам и примерно 30 ритуальным сооружениям, в массе было языческим. Первая из наиболее существенных характеристик погребальных памятников – проявляющаяся обычно даже в пределах одного некрополя широкая вариативность обряда (хотя могильники обычно включают от 2 до 4 курганов), что является отражением этнокультурной многокомпонентности объединения, переданного в управление Шибану. Практически все признаки находят соответствия в синхронных и более ранних памятниках восточной части степи (от Иртыша до Байкала). При этом существенную часть признаков вряд ли возможно возводить в ранг этнодиагностических. Некоторые из них имеют универсальный (или стадиальный) характер, другие, видимо, отражают социальные различия, третьи – конфессиональные, ряд деталей несет явный «технологический» отпечаток. Этнокультурная особенность с достаточной рельефностью обнаруживается лишь в одной разновидности погребений – в комплексах с северной и

северо-восточной ориентировкой покойных. Эту группу, составляющую около 20% всей выборки, отличает обязательность погребального инвентаря, замещение сопогребений коня предметами упряжи, большой процент могил с костями жертвенных животных, сравнительно частое использование внутримогильных деревянных камер – колод, гробов и других, что в совокупности указывает на ее связь с монгольской культурной традицией (Костюков, 1997; 2000).

Ритуальные сооружения в большинстве представлены каменными поминальными оградками с изваяниями. В этих комплексах реализовался культ героя, сложившийся в эпоху Тюркских каганатов. В литературе, как известно, прочно утвердилось мнение о прекращении практики возведения оградок в X веке – с окончательным уходом с политической сцены «древних» тюрков. Но пока никто из исследователей не попытался объяснить, почему эта черта культуры тюрков на исходе X века совершенно выпала из обихода их воспримчивых, в остальном весьма бережно сохранявших наследие своих героических предков. Появление оградок в Южном Зауралье в VI–X веках сомнительно вследствие уже упоминавшейся малой привлекательности этого края для племен, пребывающих в силе. Кроме того, фонд памятников VI–X веков в Южном Зауралье таков, что, включив в него оградки, неизбежно пришлось бы признать их погребальными сооружениями (Костюков, 1998; 2002). Погребальное назначение оградок в гипотетическом плане, разумеется, возможно, однако археологической аргументацией пока не обосновано (см.: Кубарев, 2001. С. 41–44). Между тем в пользу датировки оградок Южного Зауралья XIII в. свидетельствует многое – конструктивные особенности и археологический контекст мест расположения, иконография изваяний, археологические аналогии, этнографические параллели и письменные свидетельства (Костюков, 1998). Надо думать, историческая ситуация начала XIII века позволила элите тюркских племен, выведенных Джучидами из восточных районов степи, вновь претендовать на использование полубытовых символов престижа.

Несмотря на наблюдаемое в археологических памятниках полное господство язычества, как отмечено выше, есть причины полагать, что религиозная картина по сравнению с кыпчакским временем стала более пестрой. Распространителями ислама могли стать кыпчаки, ушедшие на север степи. С началом завоевания монголами Восточной Европы ислам привносится в лесостепную

полосу Южного Урала также с запада – беглецами из разоренной Волжской Булгарии. Согласно исследованию Г.Н. Гарустовича, на протяжении XIII–XIV веков в среду чиялыкского и селеукского населения проникает ислам, причем мусульманская погребальная обрядность соответствует болгарскому канону (Гарустович, 1998. С. 20–21). С востока вместе с племенами, отданными в управление Шибану, были привнесены другие мировые религии. Известно, что у найманов были популярны и христианство в несторианской форме, и буддизм, а у карлуклов, помимо ислама, с которым они познакомились довольно рано, было распространено несторианство. Не чужды были внешним культурным влияниям и сами монголы, в первую очередь монгольская аристократия. Отдельные факты наводят на мысль, что семья Шибана, чье имя, как показал П. Пеллиот, является тюркской деформацией имени «Степан» (Pelliot, 1949. P. 46), была близка несторианству.

Казалось бы, мировые религии, проникая к кочевникам, должны были находить опору, в первую очередь, в посмертных надеждах и упованиях, выразительно заявляя о себе в погребальном ритуале. В действительности, археологические материалы обнаруживают пока очень ограниченную полезность для реконструкции конфессиональной ситуации в средневековых кочевых социумах. В особенности это касается христианства и буддизма, то есть тех религий, которые требуют участия в похоронах священника. Предписываемые ими правила кочующими прозелитами либо полностью игнорировались, либо включались в традиционный ритуал так, что не оставляли археологически регистрируемых следов. Так, снисейские кыргызы пережили увлечение манихейством, буддизмом, христианством, но ни одна из этих религий осязаемых следов в погребальном обряде не оставила (Худяков, 1993. С. 158). Сколько-нибудь результативные случаи обнаружения в погребениях признаков, например, христианства связаны почти исключительно с некрополями у центров оседлости, притом, что принадлежность самих погребений кочевникам остается под сомнением (Окладников, 1965; Никитин, 1984; Горячева, 1987). Такое же поистине безответственное в отношении будущих исследователей поведение было свойственно и золотоордынским кочевникам. Хрестоматийным является свидетельство Рубрука: «Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для питья кумыс, а для еды мясо, хотя и говори-

ли про него, что он был окрещен» (Рубрук, 1993. С. 89).

Рассказ Рубрука хорош не только тем, что примеряет данные письменных и археологических источников, но и тем, что позволяет локализовать привлекающую его внимание достопримечательность в пространстве. Правда, для этого вначале нужно попытаться прояснить, что же любознательный францисканец видел на самом деле? Традиционно сюжет воспринимается как «живая зарисовка половецкого погребального ритуала». Однако обстоятельный разбор той части отчета Рубрука, где говорится о «смерти и похоронах», приводит к выводу, что в ней речь идет, во-первых, не о половецах и, во-вторых, не о погребении (Костюков, 2004). Главные аргументы таковы. По вопросу об этнической принадлежности: среди опубликованных погребальных и ритуальных памятников кыпчаков домонгольского времени нет ни одного, который хотя бы отдаленно напоминал описание Рубрука. Кроме того, глава «Об их судопроизводстве, судах, смерти и похоронах» вообще посвящена соответствующим институтам новых хозяев степи, а не кыпчаков, обычаи которых излагаются всего в одном предложении («команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу»). По вопросу о внешнем виде и назначении объекта – поскольку фрагмент о «недавно умершем» следует непосредственно за перечислением встреченных в Степи мемориальных сооружений («они строят также для богатей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится»), логично предположить, что в данном случае подразумевалась одна из подобных конструкций. Она должна была иметь квадратную в плане форму («16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира») и по периметру была окружена, как минимум, 16 деревянными жердями. Некоторую трудность представляет истолкование выражения «поставили пред ним для питья кумыс, а для еды мясо». Надо думать, Рубрук здесь имел в виду не тело «недавно умершего». Такое было бы возможно, скажем, при оставлении покойника на поверхности земли, однако, столь экзотический способ захоронения Рубрук, вне сомнения, отметил бы особо. Следовательно, речь идет, по всей вероятности, об изваянии умершего (вертикальная позиция подчеркнута словами «перед ним»), причем оно должно было находиться вне площади, ограниченной ше-

стами («около которого они повесили»). О таком же расположении питья и пищи в погребениях «знатных лиц» говорит Плато Карпинин, отмечая, что покойника «хоронят... с его ставкой, именно сидящего посередине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках...» (Плато Карпинин, 1993. С. 28). Отсутствие археологических соответствий сообщаемым Плато Карпини деталям заставляет думать, что в его описании объединены реалии собственно погребений и поминальных сооружений (оградок) с изваяниями умерших.

Следовательно, объект наиболее достоверно реконструируется как «домику» или «пирамиды» с квадратным основанием; по его периметру были размещены 16 шестов со шкурами коней; он включал также статую, стоявшую за пределами «домика», возможно, «обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу», перед которой были положены еда и питье. В подобном объекте легко угадываются типические черты позднетюркских поминальных оградок урало-казахстанской степной зоны, о датировке которых XIII веком говорилось выше. Они имеют квадратную или прямоугольную, близкую к квадратной, форму (от $2,0 \times 2,0$ м до $3,0 \times 3,0$ м), каждая из стенок изготовлена, как правило, из 1–2 крупных гранитных плит, установленных длинной узкой гранью в неглубокие канавки. Известны оградки, стенки которых были сделаны из деревянных плах. В центре обязательны ямка с остатками столба или углубление с камнями. Внутреннее пространство обычно заполнено мелкими обломками гранита вплоть до верхнего уровня стенок, возвышавшихся над уровнем дневной поверхности на высоту до 0,5 м. Не менее половины известных оградок окружены ямками с остатками шестов. Количество ямок различно – от 8 до 17. Они располагаются чаще всего регулярно, непосредственно у стенок. Описанию Рубрука почти предельно точно соответствует расположение ямок в группе оградок Каменный Амбар-2 (Карталинский район Челябинской области) (рис. 4.40). На большинстве оградок обнаружены каменные изваяния, целые и в обломках, антропоморфные стелы без изображения или углубления, в которые они были помещены. Из семи сохранившихся скульптур только одна принадлежит к типу поясных объемных. Остальные являются лицевыми: голова выделена боковыми выемками и ломаной

линией подбородка, в линейно-прорезной технике изображены ушатые мужские лица с заметными чертами монголоидности (рис. 4.41). Практически единственным видом находок в оградках являются кости животных. В абсолютном большинстве это кости лошади (как правило, лишь кости черепа и зубы), известны отдельные находки костей и зубов овцы и верблюда. Коллекция костей лошади обычно включает останки от одной до трех особей. В группе Солончанка-8 (Кваркенский район Оренбургской области), состоявшей из четырех оградок, были найдены кости 16 особей лошади. Многие оградки несут следы пожара. О его высокой интенсивности позволяют судить полностью обугленные основания шестов в ямках. Указанные признаки дают основание утверждать, что первоначальный интерьер оградок, кроме каменной базы, включал деревянную составляющую, которая и сообщала им вид «остроконечного домика». Тюркские оградки как модели жилищ убедительно атрибуированы В.Д. Кубаревым (1984. С. 66–81).

Таким образом, представляется правомерным предположение, что ритуальный комплекс, обеспечивавший перевод номинального христианина в мир предков, более привлекательный и понятный, нежели христианский рай, Рубрук мог видеть именно на урало-казахстанском участке своего маршрута. Но, как уже сказано выше, археологических подтверждений распространенности здесь христианства пока нет. Что касается буддизма, то, хотя тот же Рубрук, по его словам, впервые встретил буддистов только в Кайлаке, то есть вблизи современной Кульджи, имея в виду свидетельства других письменных источников, можно не сомневаться в наличии на территории Улуса Шибана приверженцев этой, по мнению религиоведов, наиболее приспособленной к кочевому образу жизни религии. Кроме того, можно назвать, по меньшей мере, один памятник, несущий приметы буддистской погребальной практики. Это погребение в кургане 3 могильника Сарбулат-2 (Карталинский район Челябинской области), совершенное под небольшой земляной насыпью в простой могильной яме (рис. 4.42; 4.43). Оно замечательно тем, что имеет общие черты с захоронением 1 из могильника «Мамуу-толгой» близ Каракурума (Войтов, 1990. С. 139–141), которое, в свою очередь, в целом ряде признаков находит соответствия в киданьских погребениях. Сближают памятники находки в ротовой полости умерших остатков шелковой ткани и ценностей («Мамуу-толгой» – монеты Джанибека, Сарбулат-2 – серебряное колечко), ориентировка головой в южный сектор горизонта и особенно

сти позы, обжиг внутримогильных конструкций. Все эти признаки, а равно и присутствие в каракурмской могиле гончарного сосуда, заполненного остатками кремации взрослого человека, наиболее убедительно могут быть истолкованы в категориях буддистской обрядности. Аналогичные, судя по предварительному сообщению, памятники открыты в Нижнем Поволжье. Погребения могильника Маячный 1, датированные второй половиной XIII – первой четвертью XIV века, характеризуются южной ориентировкой погребенных, наличием гробов, одежды из шелковых тканей, серебряных монет. Интерес представляют также неординарные детали обряда, как установка гроба на слой древесного угля или на три сырцовых кирпича, помещение в гроб слева от одного из покойных остатков трупосожжения человека кальцинированных костей и оплавленных золотых и бронзовых украшений (Пигарев, 1992).

Еще один путь выявления следов мировых религий – анализ погребального инвентаря на предмет наличия религиозной символики – по существу, еще не реализован. Впрочем, ожидать от него впечатляющих результатов не следует, поскольку поясные и сбруйные бляхи, подвески и другие украшения, поверхность которых могла служить для нанесения священных изображений, крайне немногочисленны. К тому же, как справедливо заметил В.А. Иванов, комментируя находку в кургане 5 у поселка Урал (Кувандыкский район Оренбургской области) серебряной пластинки с символикой, имеющей отношение к христианству, сакральный аспект вещи мог быть абсолютно неведом ее обладателю (Булгаков, 1984; примечание на с. 101).

В итоге следует признать, что о конфессиональной ситуации, сложившейся на территории Улуса Шибана в XIII веке, на археологических материалах определенно высказаться невозможно. Конечно, в каждом покойном, погребенном по языческому обряду, можно подозревать последователя одной из мировых религий, но вместе с тем ясно, что, каким бы ни было число благоволивших той или иной религии и причислявших себя к ее приверженцам, в социуме господствовали верования, определяемые как тенгризм, практиковались соответствующие ритуалы и сохраняли силу служители традиционных культов. В этой связи уместно обратить внимание на уникальное захоронение в одиночном кургане у «Третьего Плеса» (Карталинский район Челябинской области), которое можно трактовать как шаманское (рис. 4.44). Этот курган ранее был опубликован как кыпчакский памятник XI–XII веков (Боталов, Костюков, 1993). Однако

ныне автор пришел к выводу, что это погребение – а) не кыпчакское; б) более убедительно датируется XIII веком (Костюков, 2004). Главным признаком, допускающим такого рода определение, являющиеся семь пар серебряных прямоугольной формы пластинок, симметрично располагавшихся на одежде покойного и символизировавших «броню», защиту суставов. Близкие аналоги погребению у «Третьего Плеса» есть в могильниках Западного Забайкалья (Подчерная, Дэреустуйский Култук и др.) (Именко-ев, Коновалов, 1983, С. 69–86). В целом захоронение тяготеет к тюркской погребальной традиции, хотя в нем просматриваются и монгольские мотивы. [В интересах рассматриваемой здесь темы есть резон упомянуть, что к золотоордынскому времени, возможно, восходит название реки Утыганка, протекающей в Кизильском районе Челябинской области (близ ее устья находится получившее широкую известность укрепленное поселение эпохи бронзы Аркам). По мнению специалиста по топонимике Южного Зауралья Н.И. Шувалова, которому автор сердечно благодарен за любезную консультацию, нет препятствий для возведения гидронима Утыганка к монгольскому «утэгэн» – шаманка].

Веротерпимость оставалась одной из самых примечательных черт внутренней политики Джучидов на протяжении почти столетия, пока, наконец, Узбек не сделал окончательный выбор в пользу ислама. Если для Берке и Тула-Менгу обращение в ислам было, в значительной мере, личным выбором, то Узбек дал ему статус государственной религии. Его исключительная роль в исламизации кочевого населения государства запечатлена в ногайской пословице «религия нам досталась от Узбека». Реформа в изложении ал-Бирзали выразилась в том, что Узбек «умертвил несколько эмиров и вельмож, умертвил большое количество уйгуров, то есть лам и волшебников, и провозгласил исповедание ислама» (Тизенгаузен, 1884. С. 174). Гонимыми, как видно, были подвергнуты, в первую очередь, буддисты, что неудивительно, поскольку в правление своего единоверца Токты они сильно потеснили конкурентов. Религиозные конфликты среди Джучидов начинаются, по меньшей мере, с распри между Сартаком и Берке. Не исключено, что противостояние буддиста Токты и мусульманина Ногай тоже приобрело религиозную окраску. Во всяком случае, поводом для окончательного разрыва между ними стал межконфессиональный инцидент. Дочь Ногай, будучи женой Яйлака – сына дяди Токты Салджида, приняла ислам и тотчас подверглась оскорблениям со стороны родичей мужа-буддиста. Ультима-

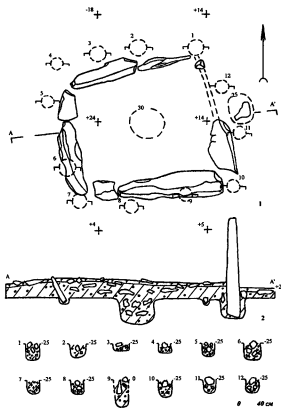

Рис. 4.40. Комплекс поминальных оградок Каменный Амбар 2. Оградка 3. Общий план и разрез

тивное требование Ногай удалить Салджидая, «в юрт его, находящийся близ Хорезма», Токта не выполнил (Тизенгаузен, 1941. С. 70). В дальнейших событиях, закончившихся полной победой хана Токты, одну из главных ролей сыграл его тезка, внук Шибана. Любопытно, что последнего персидские и арабские источники называют Муртад-Токта: «муртад» в религиозной терминологии означает «отступник» [по этой причине вряд ли можно согласиться с А.А. Горским, идентифицирующим царевича Токтомера, пришедшего зимой 1293/94 года в Тверь и учинившего «много тягости людям», с Муртад-Токтой (2002. С. 145–147)].

Что касается Шибанидов, то, по всей видимости, никакие религиозные увлечения не поколе-

бали их традиционной лояльности к потомкам Бату. По словам Шейбани-хана (в передаче Рузбихана), «наш предок в пятом поколении от Чингис-хана сподобился принять ислам, поспешив приобщиться к красе превосходства истинной веры. В тот день, когда его высочество (предок Шейбани-хана) принял ислам, весь улус Ючи-хана, состоявший из разных родов узбеков, обратился в мусульманство» (Рузбихан, 1976. С. 104). Сообщение Шейбани-хана не только позволяет утверждать, что в правление Узбека ислам стал государственной религией и в Улусе Шибана, но и дает возможность узнать имя Шибанида, осуществлявшего нововведения Узбека. На основании имеющихся в литературе примеров счета поколений [например, Араб-шах-оглан, по Махмуду б. Вали, был прадедом Йадгар-оглана. Муизз последнего: Йадгар-оглан б. Тимур-Шайх б. Хаджи-гули б. Араб-шах-оглан (МИКХ, 1969. С. 348). А по Утемиш-хаджи, Араб-оглан – «предок хазрат Йадгар-оглана в третьем колене» (Утемиш-хаджи, 1992. С. 117)] можно сделать достаточно уверенный вывод, что проводником воли Узбека в Улусе Шибана был Бадакул. Его муизз: Бадакул б. Джучи-Бука б. Бахадур б. Шибан б. Джучи б. Чингиз. У Махмуда б. Вали о Бадакуле сказано следующее: «Когда круг вращения жизни Джучи-Бука замкнулся в центре кончины, старший из его сыновей Бадагул-оглан утвердился на троне правления. Холодной водой справедливости и правосудия он заставил осесть пламя смуты и волнений, разгоревшееся на той территории. Сверканием разящего меча, несущего огонь, он изгнал со всей территории страны мрак угнетения, ступившийся в той области. На небосводе государства у него находилась сверкающая звезда, именуемая Минг-Тимур-ханом. Когда свеча жизни Бадагул-оглана была задута (взмахом) края вражеского рукава, его вышеупомянутый славный сын принялся за управление важными делами людей» (38. С. 346). За цветистыми оборотами Махмуда б. Вали явно вырисовывается мятежная атмосфера на-

чала правления Узбека. Конечно, трудно решить, действительно ли причиной гибели Бадакула стало усердие в насаждении ислама, но, надо полагать, эмиры, как и в прежние времена, отвергали претензию хана требовать от них что-либо сверх исправного выполнения службы и отказывались принимать новую веру. В этом плане любопытен рассказ Утемиш-хаджи об обстоятельствах воцарения Узбека. Сообщаемое в нем провозглашение ханом аталыка Токты уйгура Баджир Ток-Буги, грубо попирающее один из главных принципов чингизизма, и уж тем более безропотное подчинение Джучидов «черному человеку», представляются маловероятными. Сомнения в достоверности рассказа усиливают отчетливо антибуддистский пафос истории захвата власти Узбеком и принятия им ислама, а также отмечаемое самим Утемиш-хаджи разногласие его источников: одни вели речь о Баджир Ток-Буге, другие – об уйгуре Баджире и нутине Ток-Буге (Утемиш-хаджи, 1992. С. 103–105). Поэтому не исключено, что повествование Утемиш-хаджи представляет собой либо осколок официальной версии обретения власти Узбеком, по некоторым сведениям, узурпировавшим престол, либо основательно препарированную историю смуты, последовавшей за религиозной реформой. В любом случае несомненным фактом является религиозная окраска произошедшего переворота и сопротивление ему Джучидов, в том числе, возможно, и части Шибанидов, из-за которого им был оставлен только «двусоставной» эль вместо исконно «четырёхсоставного».

С рассказом Утемиш-хаджи перекликается сообщение брата Иоганки, прибывшего к «баскардам» как раз в период нововведений Узбека (Иоганка оставался у «баскардов» шесть лет, стало быть, его встреча с только что омусульманившимся правителем состоялась в 1313–1314 годах). «Государь баскардов», недавно принявший ислам, окруженный бдительными наставниками и все же сомневающийся в новой вере; часть семьи «государя», не пожелавшая последовать его примеру; фронда «татарских судей», пекущихся о распространении христианства и наводящих страх на приставленных к государю «сарацинских ученых» (Аннинский, 1940. С. 92–94) – все это, видимо, довольно реалистические штрихи времени узбековской реформы, чреватой гражданской войной даже в тихой «Баскардин».

Несмотря на решительность, с какой было начато введение ислама, Узбеку удалось лишь отчасти унифицировать мировоззрение своих кочевых под-

данных. На местах процедура обращения, вероятно, была сродни осуществленной в Иране Газаном, когда «в день принятия им ислама триста тысяч кочеланов удостоились счастья принять ислам» (Рузбихан, 1976. С. 104), после чего власть, скорее всего, оставила своих подданных в покое. Государство было слишком слабым, чтобы постоянно контролировать религиозную жизнь вне городов и ханской ставки, а чрезмерное усердие в углублении реформы могло стать опасным для самой центральной власти. А.П. Григорьев и В.П. Григорьев считают, что правление Узбека, при котором Золотая Орда, по общему мнению, достигла пика экономического и военного могущества, отнюдь не было спокойным и безопасным для хана. Свидетельство тому – покушение на жизнь Узбека в конце его правления, причем в заговоре были замешаны христиане-католики (Григорьев А., Григорьев В., 2002. С. 40–41). Обширность государства и религиозное разнообразие на его рубежах позволяли диссидентам отстаивать свободу вероисповедания не только военными, но и мирными средствами – откожевками и «отъездами».

Судя по сообщению Иоганки, в восточной части Золотой Орды «судьи баскардов», то есть официальные представители улусной администрации,

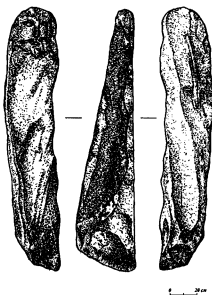

Рис. 4.41. Комплекс поминальных оградок Каменный Амбар 2. Оградка 3. Каменное изваяние

около 1320 года в вопросах веры вели себя вполне независимо от Сарая. Они благополучно пребывали в несторианстве, защищали своих европейских собратьев от преследований «сарацинских ученых» и даже брались организовать миссионерскую деятельность миноритов в Сибири. В связи с обсуждаемым вопросом было бы интересно выяснить, не являются ли имена Тайбутидов Мара и его сына Ябалака отражением существования во владениях этого, как предполагается, керантского по происхождению рода несторианской конфессии. Имя Ябалак обычно переводят как «серая сова», но есть и другое толкование – от уйгурского Ялавач, Ялавч – «пророк»; это имя носил несторианский патриарх XIII века. Слово Мар (сирийское «святой») в несторианской среде употреблялось и для обозначения статуса подвижников (например, Мар Sarkis – святой Сергей, Мар Takla – святая Фекла), и как титул иерархов (например, Мар Абба, Мар Саргис, Мар Ябаллах).

Долго еще удерживался к востоку от Урала и буддизм. К началу XV века относится весьма показательное наблюдение Иоганна Шильтбергера, сделанное им во время похода Едигея в Сибирь: «Люди в этой стране поклоняются Иисусу Хри-

сту подобно трем святым царям, пришедшим для принесения ему даров в Вифлеме и увидевшим лежащим его в яслях; поэтому в храмах их можно видеть изображение Христа, представленного в том виде, как застали его три святых царя, и этим изображениям приносят они дары и на них молятся. Приверженцы той веры называются уйгуры; в Татарии встречается вообще много людей этой веры» (1984, С. 35–36).

Хотя правнуку Бадакула, Ибрахиму (деду основателя государства кочевых узбеков Абулхайра), вновь пришлось поднимать «знамя религии и государства» и соскабливать «ржавчину отрицания и противодействия с зеркал (человеческих душ) жителей той области» (МИКХ, 1969. С. 348), у несторианства и буддизма в Улусе Джучи не было будущего. После Узбека центральная власть не допускала отступлений от курса на исламизацию, и ислам постепенно заполнял ниши, ранее принадлежавшие конкурентам. Решающую роль в этом процессе играла элита. В клане Шибанидов приверженность исламу отчетливо прослеживается по нарастающей популярности мусульманских имен. В 70-х годах XIV века за золотоордынский престол боролись Шибаниды Альп-ходжа и Араб-

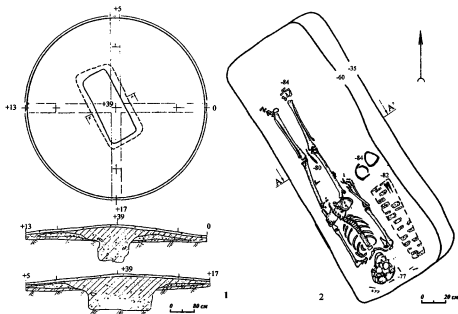

Рис. 4.42. Могильник Сарбулат 2. Курган 3. Общий план, планы могильной ямы и разрезы

шах, брат Ибрахима. В начале XV века в Восточном Даште независимыми улусами управляли Махмуд-ходжа-хан, Мустафа-хан, Давлат-шейх-оглан (Ахмедов, 1965. С. 36–43).

Темпы укоренения ислама в народной массе были гораздо более медленными (о процессе исламизации Золотой орды см. у М.А. Усманова (1985), Д. де Визе (DeWeese D., 1994)). После Узбека превращение кочевников в истинных мусульман становилось предметом особой заботы всех крупных лидеров Восточного Дашт-и-Кыпчака – от эмира Едигея до хана Кучума. Да что там – недостаточным авторитет ислама среди казахов в середине XIX века показался даже российскому правительству, активно привлекавшему для решения проблемы татарских мулл. Главной причиной длительного сохранения разнообразных пережитков язычества была, разумеется, не какая-то исключительная невосприимчивость кочевников к сложным религиозным учениям, но, в первую очередь, специфика кочевой жизни. В самом деле, если христианизация оседлых восточнославянских племен растянулась как минимум на два столетия, то какие сроки должны считаться оптимальными для кочевого мира, да еще при отсутствии в исламе церковной организации. Следует иметь в виду также мотивировку низких оценок по знанию и практическому применению ислама, выставляемых кочевникам их более просвещенными соседями. Причины миссионерских усилий со времен Саманидов оставались неизменными – укрепление власти, перевод диалога с анархической

кочевой вольницей на общее культурное поле. При таком подходе обвинения в язычестве часто выдвигались для оправдания силовых акций, диктуемых не миссионерскими, а экономическими или политическими интересами. Например, в начале XVI века поход на казахов по настоянию Шейбани-хана был оформлен улемами как газават. Казахам были поставлены в вину продажа в рабство мусульман и «поклонение иступану». Однако с точки зрения Рузбихана, указанные провинности были достойны осуждения, но недостаточны для признания казахов язычниками.

Все вышесказанное следует понимать так, что проблема начала и завершения исламизации в урало-казахстанском регионе не может быть решена лишь на археологических материалах. Самоидентификация большинства местного населения как мусульман, инициированная реформой Узбека и непрерывно поддерживаемая местной элитой, судя по письменным источникам, становится реальным внутрисполитическим фактором ко второй четверти XV века. Разумеется, она не может быть поверена археологическими свидетельствами, неоднородными и плохо датированными. Прекращение обычая класть в могилу вещи и стремление ориентировать покойного с учетом кыблы утвердилось, например, раньше и прочнее, чем предписания по оформлению надмогильных сооружений. Поэтому поздние, относящиеся к XVIII – началу XIX века указания на языческие черты в погребальном обряде казахов следует, конечно же, воспринимать не более как свидетельства сохранения пережитков древ-

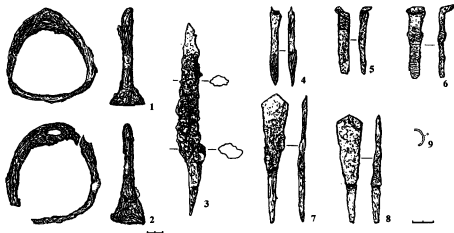

Рис. 4.43. Могильник Сарбулат 2. Курган 3. Погребальный инвентарь

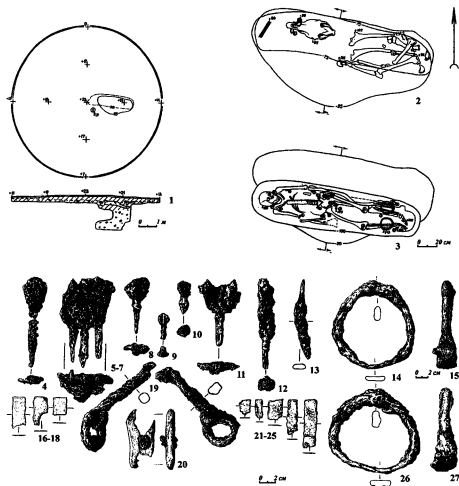

Рис. 4.44. Одиночный курган Третий Плес.

1 – общий план и разрез; 2–3 – планы могильной ямы; 4–27 – погребальный инвентарь

них верований, свойственных обрядности любой развитой религии.

Подводя итог краткому обзору, прежде всего, следует отметить, что тема нуждается в более глубокой и тщательной проработке, особенно в части археологической, пока при всей ее внушительности, по существу, безгласной. Ныне регистрируются лишь самые крупные изменения религиозной ситуации, происходившие в первой половине II тыс. н.э. Уверенно можно утверждать, что они протекали на однородном экономическом фоне – в

условиях полного господства кочевого хозяйства, при котором ареал обитания и маршруты кочевий зависели от ряда климатических, демографических, внутри- и внешнеполитических переменных (Костюков, Гуцалов, 1993), но имели различное происхождение. В кыпчакское время важную роль играла близость мусульманской Средней Азии, активно стимулировавшей исламизацию соприкасавшихся с ней кочевий. При вхождении региона в Улус Шибана его население в значительной степени обновилось. Культурный багаж новопо-

селенцев, кроме базового тенгризма, включал давно обретающиеся в Центральной Азии мировые религии. Дальнейшие перемены были результатом политики Джучидов. Реформа Узбека, покончившая с традицией религиозной толерантности, при ее проведении в Улусе Шибана встретила сопротивление приверженцев буддизма и несторианства. Благодаря периферийному положению региона эти религии еще некоторое время сохраняли популярность, но все же должны были исчезнуть под непрекращающимся натиском ислама.

2. Этапы культурогенеза Урало-Казахстанских степей в эпоху поздней древности и средневековья

Северохуннские переселения были закономерным этапом единого хунно-гунского культурогенеза. В этой связи становится очевидным и понятным, почему, несмотря на значительный временной и пространственный разрыв, между культурами монгольских хуннов и урало-казахских ранних гунов сохраняется целый ряд параллелей – наличие простых округлых курганов и склепообразных конструкций, северная ориентировка, индивидуальные захоронения с использованием гробовых конструкций, наличие костей черепа и конечностей крупного рогатого скота и лошадей в качестве жертвенников, единый состав категорий вещевого инвентаря. Кроме того, гуно-сарматы урало-казахстанских степей в составе своего сопровождающего инвентаря имели целый ряд вещей адресного характера – узкие двухлезвийные с прямым перекрестием либо без него и округлым (халцедоновым или металлическим со вставками) навершием мечи китайского происхождения, котлы яйцевидной формы с небольшим поддоном (пяточкой), петлевидными или арочными с ручками – ордовского происхождения, а также серия позднеханских зеркал и подражаний им «восьмиарочного типа».

Все эти доводы позволяют определять хуннский облик культуры населения, оставившего памятники гуно-сарматской культуры (как, впрочем, и основное число позднесарматских комплексов Нижнего Поволжья), сложившейся в бассейне Урала к II в. н. э. в результате переселения населения северных хуннов и сармато-аланов из Восточного Туркестана.

Гуннский период стал своеобразным переходным временем, где *гуно-сарматский* этап II–IV вв. относится к поздней древности, а после-

дующий *гуннский, постгуннский этап V (конец IV) – VI вв.* – к средневековью. Ограничиваясь приведенными характеристиками гуно-сарматского или раннегуннского этапа, так как памятникам этого круга уделено достаточно много места в работах автора, вышедших в последние годы (Боталов, 2000; Боталов, Гудалов, 2000), попытаемся более детально остановиться на последующем этапе. Он включает в себя временные рамки с конца IV по VI вв. Исторически он объединяет гуннское и постгуннское время, однако этнокультурный облик этого этапа для урало-казахстанских степей весьма сложный и разноплановый. Хунно-гуннское переселение в первых веках новой эры закономерно привело к глубокой культурной деструкции в степях и предгорьях Монголии, Северного Китая Туркестана и Урала.

Исход гуннской орды из урало-казахстанских степей в последней четверти IV в. (380 год) на какой-то период делает этот регион слабообжитым. Повсеместно исчезают в конце III–IV вв. степные гуно-сарматские некрополи. В целом сегодня можно назвать чуть более десятка погребений с территории урало-казахстанских и восточно-европейских степей, которые можно однозначно связать с памятниками гуннского историко-культурного комплекса – Владимировка, Переполовненка, Верхне-Погромное, Шипово, курганы 2,3; Большой Токмак курган 1, погребение 1; Ленинск, курган 3, погребение 12; Энгельс, курган; Ташкирменский, погребение 1; Кызылалдыр, погребение; Карагач; Аркаим, погребение; Кашнатас; Каменный Албар, курганы 4,5. В пределах современных датирующих возможностей они могут быть помещены в рамки собственно гуннского и постгуннского этапа V–VI вв. Факт малочисленности гуннских археологических памятников в урало-казахстанских и поволжских степях является объективным подтверждением общеизвестных исторических сведений о вторжении гунов в Алянию и Крым в это время. Однако исход гунов в западном направлении не являлся единственным вектором гуннского переселения. В V веке на Урале и в Казахстане возникают два очага гуннских и постгуннских памятников. Наиболее крупный находится в низовьях Сырдарьи, где с V века начинает функционировать подавляющее большинство некрополей джеты-ассарской культуры. На севере, в месте слияния рек Уфа и Белая, в этот же период появляются первые некрополи турбаслинской культуры. К этому же кругу относятся погребальные комплексы Коминтерновского II могильника, расположенного в месте впадения Камы в Волгу.

Каковы основания, позволяющие нам столь уверенно связывать приведенный выше круг памятников с гуниским историко-культурным комплексом?

Относительно наличия множества схожих черт хуннского, гуно-сарматского и джетыассарского историко-культурных комплексов автором неоднократно указывалось в различных работах (Боталов, 2000. С. 281–286; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 177–180). Наиболее ярко черты гуно-сарматского комплекса демонстрируют знатные погребения турбаслинской культуры, которые были исследованы на территории города Уфа (территории медицинского института и Академического театра на улицах Пушкина, Тукаева, Социалистической). В турбаслинских, как и в гуно-сарматских комплексах, наряду с простыми земляными насыпями, существуют склепы, могиленные ямы (простые, подбойные, с заплечиками и нишами), присутствуют деревянные гробы, преобладает северная ориентировка, фиксируются случаи черепной деформации. Единым является состав категорий вещевого инвентаря для мужских и женских погребений, а также схожи отдельные типы вещевого инвентаря – керамика, ременная гарнитура, конская упряжь, украшения (серьги-луныцы, браслеты, подвески) (Сунгатов, 1998. С. 46. Рис. 3; С. 54. Рис. 5, 1–3; С. 64. Рис. 9, 1–5; С. 68. Рис. 19; С. 93; С. 108). Безусловно, типологически турбаслинский вещевой комплекс представлен особыми, не схожими с гуно-сарматскими (позднесарматский) категориями вещевого инвентаря, так как данные памятники, хотя и этнокультурны, но относятся к разным временным периодам (II–IV вв. и V–VIII вв.). В этой связи весьма показательно сходство турбаслинских, Комитерновского II и джетыассарских погребальных комплексов, где налицо абсолютное сходство не только отдельных типов вооружения (двулезвийные широкие мечи, кинжалы), ременной гарнитуры, фибул, зеркал, украшений, а также отдельных типов (особенно гончарной) керамики (Сунгатов, 1998. Рис. 2; Рис. 3, 5, 1–10; 8–11; Казаков, 1996. Рис. 3, 13, 14, 17; 4, 16; 5, 1–24, 27; 1996. Рис. 6, 15, 16; 12, 1, 2; 13, 16; 14, 13, 14; 16, 1, 2, 11; 19, 1; 23, 5–8; 25, 12, 20, 23, 24; 30, 1–5; 32, 1, 29; 33, 19; 34, 1–12; 36, 1–25; Левина, 1996. Рис. 70, 77, 83; 85; 86; 92; 97; 119; 123; 124; 125; 126; 129–141; 144).

Думается, эти параллели объясняются в большей мере едиными истоками формирования культуры населения, оставившего данные памятники. Подтверждением того является наличие в данных группах комплексов специфических культовых предметов металлопластики. Речь идет о конько-

вых подвесках и антропоморфных металлических мужских фигурках, а также халдеоновых печатках (Сунгатов, 1998. Рис. 5, 15–17, 19, 20; 14, 13; Казаков, 1996. Рис. 3, 11, 12; 1998. Рис. 9, 12; 14, 11, 12; Левина, 1996. Рис. 161, 162, 169).

Существование столь мощных очагов гуни-ской культуры в период легендарных походов Руги и Атилы и в постгуниское время наводит на мысль, что переселение гуно-сарматского населения из урало-казахстанских и волго-донских степей в тот период в оазисную зону Сырдарьи, Кувандарьи и Жандыдарьи, а также лесостепенные районы Поволжья, Приуралья и Зауралья, где появляются наиболее поздние гуно-сарматские памятники типа Байрамгулово и Малково, и западный исход гуниской орды вначале в Причерноморье, а затем в Паннонию были вызваны не только благоприятными внешнеполитическими условиями. Вероятнее всего, аридизация и опустынивание прикаспийских и урало-казахстанских степей в IV веке (по данным И.В. Иванова) (Хабдуллина, Зданович, 1984; Таиров, 2003. С. 36) вынудили гунонов искать более удобные для жизнедеятельности экологические ниши. Остается не совсем понятным один вопрос – произошло ли гуниское переселение непосредственно из степных районов Урала, Казахстана и Поволжья или новые зоны обитания населялись ими после возвращения из западных походов? Наличие в турбаслинских и джетыассарских комплексах многих предметов западного происхождения (поясная гарнитура, пластинчатые пятипалые и беспальные фибулы, сулгамы, бусы, подвески), в отличие от гуно-сарматских, где еще бытуют предметы китайского происхождения, в определенной мере вынуждает нас склониться ко второму предположению. В этой связи следует отчасти признать правоту Ф.А. Сунгатова о юго-западных (волго-донских) истоках турбаслинских комплексов (Сунгатов, 1995. С. 19–22; 1998. С. 110). Однако при этом не стоит забывать, что западные контакты гунонов начинаются на самом раннем этапе во II – начале IV в. Это получило подтверждение на страницах письменных источников (Периетег, Птолемей, Атафангел, Фавстот Бузанд), где гуны упоминаются в Предкавказье, Причерноморье и участвуют в аланских походах в Закавказье (Известия древних писателей, 1896 – 1900 С.185; Гмыря, 1995. С. 47; Яценко, 1993. С. 85). Это отразилось не только в наличии в гуно-сарматских материалах позднесантичного и готского происхождения (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 173), но и, вероятно, в кардинальном изменении внешнего облика гуно-

сарматского населения. Повсеместное внедрение фибул как причерноморского, так и местного происхождения (с пластинчатым приемником и завитком на конце) (Амброз, 1966) позволяет предположить, что, столкнувшись в Европе с аланским и позднесантичным населением, гунны активно перенимали основные каноны «европейской моды». Культурологически это объясняется тем, что, попав в новые условия и окружение, любой социум или этнос для ускорения адаптации вынужден мобильно перенимать новые культурные традиции. В этой связи отметим еще один интересный факт. Наиболее восточным пределом распространения европейских фибул и, следовательно, традиций верхней одежды, является все тот же район, занятый населением джетыассарской культуры.

По нашему убеждению, джетыассарское население наиболее вероятно можно связывать с союзом племен «белых гуннов», или эфталитов. По наблюдениям И. Маркварта, основанным на анализе «Суйшу» и «Бейши», ряд династий «белых гуннов» вышел из племени ун, которое также носит название куни (хуна). Последние, в свою очередь, в качестве самостоятельного народа упоминаются в 470 году (в бахтигарийской надписи Скандогуны). Их происхождение связано с родом европейских гуннов Аттилы. Некто Ху/Тайсы (которого Хирт отождествлял с сыном Аттилы, имя которого читалось как *Irmas, Irnach, Hernac*) стал править страной Яньцзый ши Суэ. Еще до смерти отца «Ирник был господином восточной части империи» (Аристов, 1904, С. 49). Упоминается также, что основной военной силой эфталитов были гунны, которым они предоставили полную свободу. В 90-х годах V века гунны переправились через Амударью и завоевали Тохаристан, Пенджаб, Уструшему, Согд, часть Гургана, Карашар (Кондратенко, 1994, С. 34–38). Таким образом, письменные источники довольно прозрачно говорят о господстве гуннов-эфталитов в стране Суэ-Яньцзый со второй половины V века н. э., что довольно точно соотносится с тем массивом кочевнических гунно-сарматских джетыассарских комплексов, основное количество которых действительно появляется со второй половины V века н. э. (Боталов, 2003, С. 111. Рис. 4, 14, 15). В целом процесс гуннских и постгуннских геокультурных трансформаций нам представляется следующим образом: если предположить, что гуннские и постгуннские памятники появляются после возвращения основной части орды из европейского похода, то причины освоения ими новых зон обитания лежат не только в

плоскости экологических изменений, произошедших в степной полосе. Отырав от своих основных пастбищно-кочевых провинций в период походов, вероятнее всего, существовало повлиять на изменение кочевого уклада гуннского общества. Об этом уже указывалось отдельными авторами (Плетнева, 1982, С. 44–47; Засецкая, 1994, С. 154). Привыкшее жить за счет военных трофеев, торговых поборов и издомства новое поколение гуннской орды родовым землям, расположенным в зоне полупустынной степи, предпочитает ключевые территории, позволяющие контролировать не только население прилегающих регионов, но и торговые пути. В этой связи появление гуннов – турбаслинов и кочевников, оставивших Комитерновский II могильник глубоко в лесостепи, но в стратегически важных местах слияния самых больших водных артерий региона (рек Белая, Уфа, Кама и Волга) вполне закономерно. Это же обстоятельство обуславливает возникновение мощного кочевого союза в оазисной дельте Сырдарьи. Консолидированная, закаленная в европейских походах орда «белых гуннов» оседает в этом ключевом районе в непосредственной близости от столь могучего соседа, коим в то время было государство Кангюй. Это обуславливается давними союзническими отношениями гуннов-хуннов и Кангюй со времен первых походов Чжи-Чжи в Среднюю Азию (49 год до н. э.) (Материалы по истории сюнну, 1973 год, С. 39, 120–124) до исхода северных хунну из Восточного Туркестана (151 год н. э.) (Мандельштам, 1978, С. 24). Вероятно, последующее проживание ранних гуннов (II–IV вв.) на территории степной зоны страны Яньцзый или Суэ-Яньцзый, граничащей на юго-востоке с Кангюем и Канном, не могло быть без союзнического протектората со стороны могущественного аланского соседа. Собственно, и все последующие походы гуннов-эфталитов в Пенджаб, Уструшему, Согд и Гурган совершались от имени и при поддержке могучего покровительства правителей Кангюя (Кондратенко, 1994, С. 34–38), остро нуждающихся в столь мобильном и грозном союзнике, коими являлись гунны-эфталиты.

Вероятно, была еще одна причина, по которой гунны не могли беспрепятственно вернуться в волго-донские и урало-казахстанские степи. По данным письменных источников (Приск Панийский), в 463 году в Причерноморье вторгаются огуры (уроги), сарагуры и оногуры, которые, по мнению С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова, составляли союз раннеболгарских, тюрко-телес-

ских племен, обитавших до того момента в лесостепной зоне Восточного Казахстана и Западной Сибири (Кляшторный, Савинов, 1994. С. 63; Исхаков, Измайлов, 2000. С. 14). К концу V века огульский союз становится главенствующей силой в Причерноморье и северокавказских степях (Гадло, 1979. С. 58–59).

В первой половине VI века продолжается процесс ранней тюркизации восточноевропейских степей. На Северном Кавказе появляются племена савинов и баланджаров, утративших свое господство с приходом авар в 558 году, вслед за которыми в Поволжье вторгаются тюрки-ашины (Гадло, 1979. С. 120–129; Гумилев, 1993. С. 35; Исхаков, Измайлов, 2000. С. 15).

Как эти события отразились на археологическом материале? Это достаточно известные комплексы, которые, по мысли И.П. Засецкой, и составляют гуннскую эпоху в южнорусских степях.

Первую группу этих памятников составляют курганы-кострища; она, в подавляющем большинстве, представлена памятниками Нижнего Поволжья – курганы у деревни Острогловка (Д 18,19), у села Ровное (курганы 42, 47), села Высокое (Е7), села Краснополье (Е14), Усть-Караман (Е13), города Покровск (курганы 2,3,11), села Бородаевка (курган 5), исследованные П.Д. Рю и П.С. Рыковым. К этой же группе можно отнести курганы 17,18 у города Покровска, где были зафиксированы более слабые кострища, и курганы VII–IX у села Ново-григорьевка (Запорожье). Хотя, по мнению И.П. Засецкой, эти памятники представляют собой особый вид комплексов, так как в курганах-кострищах обряд кремации зафиксирован не был (Засецкая, 1978. С. 103–104; 1994. С. 13–14). В общем счете, эту группу составляют 14 комплексов.

Вторую группу составляют 12 так называемых бескурганных или «речных» захоронений, многие из которых были обнаружены на берегах рек, в укромных местах, на дне оврагов и балок. Как правило, их наземная часть ничем не выделялась (Засецкая, 1994. С. 16–17). Хотя это наблюдение нам представляется небесспорным. Квалификация находчиков, условия залегания погребений (в местах сильной эрозии поверхностного слоя) в целом могли сказаться на том, что наземная часть, представляющая собой небольшую земляную насыпь, либо оказалась незафиксированной, либо могла быть разрушенной. Тем не менее, существующая информация по погребальному обряду данных погребений позволяет сделать некоторые выводы. Все эти памятники представляли собой индивидуальные захоронения по обряду ингума-

ции. При этом в трех из них (Концешты, Вольная Вода, Зеленокумск) обнаружены скелеты коня, а еще в четырех (Алешки, Саги, Кизиярская балка, Старая Игрьень) обнаружены также кости лошади. Единственно наиболее целое захоронение – Зеленокумское – дает восточную ориентировку умершего. Из пяти оставшихся погребений (Новоивановка, Антоновка (курган 3), «Восход», Березовка, Кызыл-Адыр), не содержащих костей коня, в двух (Новоивановка, Антоновка) удалось зафиксировать северную ориентировку погребенных. Таким образом, группу бескурганных погребений составляют памятники с костями коня (целый скелет, шкура, отдельные кости), в которой фиксируется (единичные случаи) восточная ориентировка погребенного, и простые индивидуальные погребения без костей лошади, где дважды фиксируются ориентировки в северный сектор. Эти наблюдения весьма важны, так как в следующей группе прослеживается аналогичная тенденция.

Третью группу погребений составляют курганы с индивидуальными захоронениями (12 комплексов). В связи с тем, что в этой группе число сохранившихся погребений больше, то вышеобозначенные тенденции просматриваются более отчетливо. Так, из пяти погребений со шкурой коня или костями лошади удалось зафиксировать восточную ориентировку погребенного человека в двух случаях (Кубей, Энгельс, курган 36, погребение 2). Девять погребенных (Ленинск, курган 3, погребение 12; Переполовкенка, Шипово, курган 2 – ССВ, Шипово, курган 3 – ССВ; Беляус, Владимирка – ССЗ, Большой Такмак, Верхне-Погромное) ориентированы на север с небольшим отклонением в северо-восточный или северо-западный сектор. При этом в Беляусе, Кубее, Верхне-Погромном зафиксированы, соответственно, шкура коня и отдельные кости, а в Переполовкенке, Ленинском и Шипово (курган 2) – шкура быка и кости овцы. В Шиповских погребениях и в Беляусе зафиксирована искусственная деформация человеческих черепов. К сказанному следует прибавить факт наличия гробовых конструкций в четырех погребениях (Шипово, курган 2; Энгельс, курган 36, погребение 2; Большой Такмак, Ленинск). Таким образом, и эту группу погребений составляют комплексы, которые несут на себе следующие черты: индивидуальные погребения с конем, или шкурой коня, или с отдельными его костями, которые располагаются как в самом погребении, так и рядом с погребенным, который ориентирован в данных погребениях чаще всего головой на восток, реже – на север. Вторую

и большую подгруппу составляют погребения в простых (узких) прямоугольных ямах. Погребенные уложены, как правило, головой на север. Довольно часто зафиксированы гробы и искусственная деформация черепов. В урало-казахстанских степях эту группу дополняют пять комплексов с северной ориентировкой, со шкурой или черепами коня, крупного рогатого скота или верблюда (Карагач; Каменный Амбар, курганы 5,6; Аркаим, погребение; Каннатар), а также три погребения с восточной ориентировкой и с конем (Егиз-Койтас, Чиликты, Жарлы 2, курган 1). Вероятнее всего, в эту же группу следует включить два комплекса из Западной Сибири – Сопка 2, погребение 688 и погребение у села Тутозовоново (Molodin, 1995. P. 277–285; Уманский, 1978).

Нет смысла подробно описывать вещевой комплекс данных памятников, так как его анализ был дан в указанных работах И.П. Засецкой (1978; 1986; 1994). Попытаемся лишь коротко обобщить полученные ею результаты. В основу систематизации были положены различия в составе погребального инвентаря и стилистические особенности в украшении предметов полихромного стиля. В результате все комплексы были разделены на пять подгрупп – А, Б, В, Г и Д. Сравнительный анализ их показал непосредственную и опосредованную связь друг с другом, что, в конечном счете, позволило все памятники объединить в две хронологические группы. В первую вошли комплексы групп А, Б, В и два погребения из группы Г, а во вторую – комплексы группы Д и одно погребение из группы Г (Засецкая, 1978. С. 53–71). Хронологическая интерпретация этих групп, произведенная чуть позже, позволила определить первую группу ХГЗ-1 концом IV – первой половиной V вв., а ХГЗ-2 – второй половиной V – началом VI вв. (Засецкая, 1986. С. 79–91; 1994. С. 111–130. Рис. 25).

Как известно, по вопросам хронологии этих материалов существует несколько иная точка зрения А.К. Амброза (Амброс, 1971; 1971а; 1981). Суть ее мы уже излагали (Боталов, 2000. С. 15–19; 2002. С. 197–201). Тем более что вопросы археологической хронологии сегодня составляют особый исследовательский ряд.

Заметим лишь то, что, приняв в целом за основную систему датировок И.П. Засецкой, предложившей рассматриваемые памятники поместить в хронологический диапазон с конца IV до начала VI веков, мы, с одной стороны, не склонны очерчивать столь жестко верхние рамки, с другой – нам кажется, что помещать отдельные группы столь раз-

розненных материалов и памятников в прокрустово ложе узких промежуточных этапов, вымеренных до года, сегодня весьма преждевременно.

Причиной этого, как нам представляется, является крайняя малочисленность материалов, представленных единичными комплексами (либо случайными находками), разбросанными на огромной территории от Иртыша до Дуная. Применение статистического и сравнительно-корреляционного методов в этом случае весьма затруднено, в отличие от исследований на базе материалов из долговременных некрополей Приуралья, Кавказа, Крыма и других, оставленных оседлым или полуседлым населением, где действительно датирование отдельных, планиграфически и типологически обособленных групп комплексов возможно с точностью до полувека. В данном случае, как нам представляется, выделение отдельных стилистических групп, истоков возникновения отдельных традиций и категорий вещей позволяет в целом, ограничившись рамками очерченного хронологического диапазона, определить две взаимопроницающие хронологические группы: ранняя IV–V – ХГЗ-1 и поздняя V–VI – ХГЗ-2. Данную постановку вопроса мы принимаем как условно рабочую схему, поскольку в рамках данной работы и на сегодняшнем уровне накопления материала мы не ставим целью уточнение отдельных узлов существующих хронологических схем и поддержку какой-либо из них. К тому же в научной литературе продолжается процесс корректировки хронологических позиций тех или иных памятников. Так, в последних исследованиях А.В. Богачев несколько омолаживает поволжские древности «гуниного круга», определяя Федоровское погребение рамками V века, Шипово и Верхне-Погромное – третьей четвертью VI века (Богачев, 1998. С. 17–24; 2000. С. 15–16). Аналогичную точку зрения на материалы шиповского круга высказывает И.О. Гавритухин, определяя для стадий Г, Д Бирского могильника (где представлены пряжки, схожие с шиповскими) дату «середина – вторая половина VI века» (Гавритухин, 1996. С. 120–121, 130. Рис. 21; С. 133. Рис. 5, Д). Как уже сказано, И.П. Засецкая ограничивает существование этих комплексов началом VI века.

Таким образом, процесс уточнения и корректировки хронологической схемы «гуниных древностей», как мы видим, действительно идет по пути омоложения верхних границ бытования отдельных вещей и времени существования памятников.

По всей видимости, вопрос определения точной хронологической позиции отдельных комплексов

рассматриваемого круга будет оставаться открытым или дискутироваться еще достаточно долгое время. Как нам представляется, причины этого, кроме названных (малочисленность, разрозненность), кроются и в самом методе датирования. Исследователи, обращаясь к данным материалам, совершенно правомерно на современном уровне используют два наиболее приемлемых метода. В первом случае опорой является своеобразная шкала технологических и стилистических приемов изготовления предметов полихромного стиля. Во втором – метод датирования по аналогии, то есть привязка к большим массивам материала из долго существующих некрополей. И в первом, и во втором случаях решающее значение имеют определения, которые получены на анализе одной или двух категорий предметов. При этом, изучая коллекцию, исследователи постулируют, как нумизматы при датировании клада, когда основное значение для датировки уделяется наиболее поздней монете. Весь комплекс датируется на основе инновационных стилистических особенностей полихрома или новых типов предметов (как правило, ремешковой гарнитуры). Однако если в больших массивах возможно скоррелировать взаимовстречаемость отдельных типов внутри конкретных совокупностей и тем самым произвести калибровку отдельных групп материала, то здесь по известным причинам мы вынуждены апеллировать единичными событиями встречаемости. В этом случае очень трудно сделать поправку на период попадания отдельных категорий предметов в комплекс или на время бытования тех или иных стилей в оформлении предметов украшения полихромного стиля. Если хождение монет достигает срока 50–80 лет, а в некоторых случаях и более 100 лет (Боталов, 1994), то, аналогично этому, предметы украшений (сбруя, оформление оружия, поясная гарнитура, серьги, браслеты, диадемы) также способны ходить длительный период (попадание путем торговли, обмена из производственных центров в кочевой мир, передачи по наследству). При этом запаздывать могут как одиночные предметы, так и целые комплексы (набор накладок и пряжек, составляющий единую конскую узда или седло, поясной набор, набор накладок одного колчана и пр.). К сожалению, от этих фактов, в силу названных причин, современные исследователи вынуждены абстрагироваться, принимая как основную идею попадания конкретных наиболее поздних вещей в комплексы в год своего изготовления, несмотря на то, что отдельные предметы имеют весьма большой срок бытования и хождения. Хочется подчер-

кнуть, что именно предметы украшений и богатой гарнитуры, как нам представляется, являются далеко не благодатным материалом для датирования археологических памятников. Сказанное никоим образом не умаляет заслуг и результатов, которые сегодня получены исследователями хронологии гуннских древностей. В некотором роде сказанное лишь огибает уязвимые места современных методов датирования данного конкретного материала. Некоторые наблюдения сделаны автором в связи с тем, что существует ряд парадоксов в современной интерпретации историко-культурных процессов, происходивших в Восточной Европе в гуннский период. Ниже мы попытаемся разобрать некоторые из них. Здесь лишь укажем на один, который обусловлен формально-логическими методами датирования материала.

И.П. Засецкая и А.К. Амброз единодушно расценивают материалы трех Новогригорьевских курганов по хронологическому принципу. В этой связи, как известно, погребения, с одной стороны VIII, IX, с другой – VII этого могильника оказались сооруженными в разные хронологические периоды. Разница во времени достигается от 50 (по И.П. Засецкой) до 100 лет (по А.К. Амброзу). Однако Новогригорьевский могильник не представляет собой столь большой долго существующий некрополь, который мог бы существовать и достраиваться долгое время. Предположение, что какая-то группа кочевников, спустя пятьдесят и даже 10–20 лет, могла снова вернуться и похоронить своего соплеменника именно на этом месте, кажется нам весьма натянутым. Вероятнее всего, эти захоронения совершались одновременно, следовательно, либо два технологических стиля в изготовлении полихромных предметов украшений сосуществовали в какой-то период, либо более ранние предметы доживают (находятся в употреблении) вплоть до начала VI века. К этому же выводу пришел С.В. Комар в одной из последних работ, посвященной проблемам хронологии гуннских древностей, где все три комплекса он помещает в единый этап 454–489 гг. (Комар, 2000. С. 44).

Вероятнее всего, вопросы детальной хронологии рассматриваемых памятников еще требуют своего решения в дальнейшем. В данном исследовании приведенные выше комплексы в целом мы помещаем в рамки V–VI вв.

Таким образом, степные комплексы гуннского и постгуннского периода составляют три примерно равные группы. Первую составляют курганы и бескурганные погребения с северной ориентировкой, с гробовыми конструкциями и дефор-

мацией черепа погребенного в отдельных погребениях, а также со скелетом, шкурой, черепом коня (быка, верблюда) или без таковых. Вторую группу представляют курганы-кострища с зафиксированным в некоторых обрядом кремления. Третью представляют курганы или одиночные погребения со скелетом или шкурой коня, с восточной или северо-восточной ориентировкой. На наш взгляд, данная ситуация довольно точно отражает этнокультурную неоднородность населения восточноевропейских и урало-казахстанских степей в V–VI вв. Основные интегрирующие черты, объединяющие комплексы первой группы, позволяют связать данные памятники с хунно-гунским историко-культурным комплексом (Боталов, 2003. С. 113–124). Однако, в отличие от гунно-сарматских, в комплексах данного периода появляется новая устойчивая традиция – положение в погребение шкуры лошади, быка или верблюда, как правило, в ногах умершего. Эта черта также появляется в постгунских лесостепных памятниках, типа Комитерновский II или турбаслинских (Кушнаренковский, погребения 2, 27) и в джетыассарских памятниках (Алтынасар 4, курганы 266, 488).

Появление столь важной традиции на гунском и постгунском этапе сложно объяснить однозначно. На первый взгляд, традиция положения черепов и шкур крупного рогатого скота, лошади и мелкого рогатого скота в специальных нишах внутри могильных ям является важнейшей чертой хуннского историко-культурного комплекса Монголии, Северного Китая и Забайкалья (Боталов, 2003. С. 107. Рис. 5,6). Однако весьма трудно предположить, что эта черта вдруг неожиданно реинсценирует спустя пятьсот (и более!) лет. Тем более что в позднехунских, шурмакских и козальских памятниках Тувы, как и в гунно-сарматских в урало-казахстанских степях, данная черта погребального обряда отсутствует (Кызласов, 1979. С. 88–93, 95, 115–117; Rau P. D., 1927. P. 123, 25, 109–112, 114, 117, 118, 122, 127, 138–142; Данченко, Нестеров, 1989. С. 95–98). К этому следует добавить, что в данный период изменяется характер обустройства подобных жертвенников. В отличие от хунских, преобладающими становятся положения шкуры, скелета и черепа лошади, которые располагаются не в головных нишах, а в ногах или сбоку от ног погребенного. Учитывая, что появление и закрепление данной черты погребального обряда совпадает с особой тенденцией изменения ориентации погребенных в направлении СВ, В, которая становится господствующей

в последующий период (VII–VIII вв.) для кочевнических памятников с обрядом ингумации со скелетом или шкурой лошади в раннеболгарских памятниках Среднего Поволжья – Новинки, Рождественский III, Брусяны, Шелехметский II и др. (Матвеева, 1995; Седова, 1995; Сташенков, 1995), Осиповка, Кривая Лука (Богачев, Мышкин, 1995; Федоров-Давыдов, 1984), а также в кочевнических комплексах южноурских степей – Крупское, Чапаевск, Червоноармейское, Портовое, Дымовка, Белозерск, Якинево, Картаризовое, Сивашовка (Засекая, 1994. С. 166, 170, 192; Айбабин, 1985; Археология Украинской ССР, 1986. С. 226–227). К этому следует добавить, что погребения с восточной и северной ориентировкой, со скелетом коня или с его шкурой нередки среди раннеаварских и раннеболгарских памятников Альфельда (Балинт, 1995. С. 43, 44; Эрдели, 1986. С. 317–328; Bóna I. 1979. P. 3–30; Lőrinczy G., 1992. P. 81–124). На фоне общезменяющегося состава категорий и типов вещевого инвентаря, связанного с хронологическими особенностями, не может не обратить на себя внимание следующая особенность – примерно с V века в степных памятниках начинает превалировать вещевой комплекс, основные типы которого имеют саяно-алтайское и восточно-туркестанское происхождение (типы конской узда, седла, наконечники стрел, колчаные Т-образные крючки, котлы). Важнейшей чертой является исчезновение керамической посуды в абсолютном большинстве погребений. Думается, что поиски истоков обозначенных традиций следует искать в районах, расположенных восточнее урало-казахстанских степей. В этой связи интересные материалы по гунно-сарматской эпохе (последние века до н. э. – первые века н. э.) происходят из погребальных комплексов Южносибирского Алтая и Восточного Туркестана. Наличие ряда разнотипных групп среди памятников этих регионов в определенной мере указывает на схожий деструктивный характер гунно-сарматского этапа культуры Алтая и Силызия, аналогично тому периоду, который падает на гунское и постгунское время в урало-казахстанских и восточноевропейских степях.

Сегодня большинством авторов выделяются несколько культурных типов последних веков до н. э. – первых веков н. э., определяющих этнокарту всего Сибирского Алтая.

Наиболее крупную группу представляют памятники типа Булан-Коба, которые располагаются в основном в бассейне реки Катунь. Это каменные курганы с индивидуальными захоронениями в могильных ямах с каменной выкладкой или

каменными ящиками, погребенные ориентированы головой в восточный сектор (Булан-Коба IV; Белый Бон II; Бике, курганы 10–13, 15–18, 20–23, 26, 27; Усть-Эдиган, курганы 18, 25, 27; Айрыдаш; Иня; Кызыл-Таш, курган 21) (Мамандаков, 1985. С. 173–189; Глоба, 1983. С. 116–126; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990. С. 62–84; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990; Суразаков, 1987. С. 232–233; 1986. С. 203; 1987. С. 284; 1995; Соенов, Эбель, 1998).

Существенной чертой является наличие отдельных захоронений лошадей или черепа лошади на некоторых буланкобинских могильниках (Булан-Коба IV; Бике, Кызыл-Таш) (Мамандаков, 1985. С. 177, 179. Рис. 2, 3; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990. С. 60–61. Рис. 22–24; Соенов, Эбель, 1998. С. 164. Рис. 1). На наш взгляд, к этому же кругу памятников могут быть отнесены и комплексы первых веков н. э. – могильники Пазырык (курганы 23, 24) и Балактынольский, расположенные в верховьях реки Башкаус (Сорокин, 1977).

Особенность этих комплексов состоит в том, что в Балактынольском могильнике погребенные лежали в деревянных колодах. Наличие деревянных рам и, вероятно, гробов также отмечается в некоторых Буланкобинских комплексах (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990. С. 81–82. Рис. 45; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990. С. 89. Рис. 4; С. 107–108. Рис. 18; С. 114. Рис. 17).

Особую группу составляют комплексы берельско-раннекатандинского круга, расположенные в южной и юго-восточной части Горного Алтая. Их представляют каменные курганы и погребения с конем на ступеньке. В Берельских комплексах (Берель курганы 2, 3; Янокур курган 5; Кокса курган 1; Усть-Эдиган курганы 15, 22; Ороктой курганы 1, 14) ориентировка погребенных и голов лошадей в восточный сектор. В раннекатандинских (Катанда, курганы 5–7; Усть-Эдиган, курган 1, погребения 3, 23; Ороктой, курганы 2, 3) – западная ориентировка погребенных и голов лошадей.

И, наконец, особую локальную группу образуют погребения копкашского типа (Кок-Паш, Коо I), исследованные в среднем течении реки Башкаус (северо-восточный Алтай). По ряду сложных признаков к этому типу также можно отнести несколько курганов долины реки Катунь (Усть-Эдиган, курган 1, погребение 2; Ороктой, курган 16) (Елин, Васютин, 1984. С. 35–38; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990. С. 11. Рис. 15; С. 122. Рис. 27). Основной отличительной чертой этого типа погребений является необычная (для Алтая) южная ориентировка покойников. Другие черты погребального обряда в этих курганах: каменно-

земляная насыпь или кольцевые выкладки, погребения в каменных ящиках, в деревянных колодах, с деревянными рамами, обкладка стенок могильных ям булыжниками – удивительным образом сближают эти комплексы с Буланкобинскими. Общей традицией для всех памятников гунно-сарматского времени является отсутствие или крайне малое количество керамической посуды в погребениях. По всей видимости, отказ от использования керамической посуды был своеобразным погребальным явлением для кочевого населения Алтая II в. до н. э. – первых веков н. э.

При первом же взгляде очевидна культурная преемственность двух первых основных типов с каракобинскими памятниками предшествующего этапа VI–III вв. до н. э. Берельско-раннекатандинские памятники, несмотря на свою относительно немногочисленность, своеобразно продолжают эстафету от комплексов пазырыкского круга к раннесредневековым памятникам катандинско-кудэргинского типа, о чем уже указывалось автором (Боталов, 1996. С. 199). Промежуточное положение между пазырыкскими и берельскими памятниками, как нам представляется, занимают памятники типа Шибе и Айрыдаш III (III–II вв. до н. э.) (Степная полоса..., 1992. С. 169–171). Таким образом, в данном случае мы не склонны полностью отрицать тот факт, что бесспорно просматривается определенная линия эволюционного развития постпазырыкских памятников в комплексах раннетюркского облика, хотя крайняя малочисленность комплексов рубежа эр (I в. до н. э. – I в. н. э.) указывает на то, что в Алтайском ареале в это время действительно происходили какие-то коренные преобразования, которые, скорее всего, были обусловлены притоком нового населения.

Таким образом, в регионе Сибирского Алтая традиция погребений с конем или с частями коня и восточная ориентировка погребенных сложилась в древнейшее время и продолжала свое развитие в основных культурных типах гунно-сарматского периода. Обращает внимание, что в это же время из погребений исчезает или резко сокращается обнаружение керамической посуды. Вероятнее всего, в данный период в Алтайском ареале закладываются основные черты тюрко-телеского ИКК. Аналогичные процессы демонстрируют отдельные погребальные комплексы Синьцзяна. Наряду с большим массивом исследованных в долине реки Или и в Восточном Приитынии памятников сако-усуйского историко-культурного комплекса (V–II вв. до н. э.) (каменные курганы, кольцевые ограды, каменные и деревянные облицовки стен, перекрытия мо-

гильных ям и западная ориентировка погребенных) (Наньвань, Темултэ, Хэйшаньтоу, Мучан, Халатубай, Цюньбаэк, Айдин, Субаши, а также могильники Соудунь Булак, Чаухугуоуку, Шанхусан и др. (Оталев, 2000. С. 201–202; Синьцзян Куэрлэйши... 1999. С. 32–37; Синьцзян Шаньшань... 1984. С. 41–44; Синьцзян Синьюань... 1988. С. 59–64; Синьцзян Лунытайсянь... 1991. С. 684–693; Синьцзян Хэцзин... 1990. С. 511–519; Синьцзян Шихэцзы... 1999. С. 38–46; Синьцзян Синьюань Гуннайсы... 1985. С. 21–25; Синьцзян Чабучазсянь... 1999. С. 17–28; Лю Баошань... 1998. С. 3–11; Шаньшань Субаши... 1997. С. 138–149; Шаньшаньсянь Субаши... 1997. С. 150–170; Чабучазсянь Содунбулак... 1997. С. 371–385), в гунно-сарматское время здесь появляются комплексы (Чаухугуоуку 3; Ярхото), которые характеризуются каменными курганами, вмястками, оградками или бескурганскими захоронениями в прямоугольных могильных ямах с деревянными гробовыми конструкциями или каменными облицовками или перекрытиями, погребениями с конем или частями коня, расположенными сбоку, на ступеньке или в ногах погребенного. Наиболее устойчивую восточную ориентировку демонстрируют погребения из могильника Чаухугуоуку 3 (Хэцзинсянь Чаухугуоуку... С. 233–260). Погребения могильника Ярхото имеют неустойчивый сектор ориентации с преобладанием в юго-западный сектор (Молодин, Канин, УК, 2000). Что касается вещевого комплекса данных памятников, то здесь, так же, как и на Алтае, резко сокращается количество керамической посуды в погребениях.

Приведенные наблюдения позволяют предполагать, что схожие черты погребального обряда, проявляющиеся в отдельных группах памятников Алтая и Восточного Туркестана, на гунно-сарматском этапе, легли в основу формирования здесь тюрко-телесского комплекса, распространившегося в V–VI вв. вначале с уходом гуннской орды на запад, в урало-казахстанские и восточноевропейские степи, а затем с ее разгромом. Носителями этих традиций первоначально, вероятно, стали тюркские племена ранних болгаров (оногуры, кутригуры, савиры) и аварский союз племен, активно смешивающиеся с остатками гуннского населения в пределах степей и лесостепей Центральной Евразии. В этой связи временному этапу V–VI вв. для территории урало-казахстанских степей правомерно дать двойное название – постгуннский или раннетюркский.

Последующий период ознаменовал окончательное сложение и утверждение в урало-казахстанских степях тюркского историко-культурного комплекса.

Наступает *Раннетюркский период*, который, по всей видимости, в целом соответствует времени существования западного тюркского, тюркешского, огузского и кыпчакского каганатов. Нижние временные границы его, вероятно, принципиально устанавливаются с середины VI века. Однако начавшийся процесс тюркизации урало-казахстанских степей на предшествующем этапе и появление комплексов с явно раннетюркскими чертами в более раннее время безусловно позволяет допускать взаимопроникаемость этих этапов. Здесь следует сделать еще одно очень важное уточнение. Общеизвестно, что существует ряд работ авторитетных авторов по этнолингвистике и истории, в которых в том или ином смысле говорится о ранней (древней) тюркизации евразийских степей с сармато-аланского, скифского и даже древнесакского периода (Толстов, 1947. С. 74–75; Турсунов, 1973. С. 161, 167; Чагдуров, 1980. С. 66–67; Закиев, 1995. С. 38–57; Кузеев, 1987. С. 11, 14–18; Петров, 1975. С. 125, 128, 129; Ажигали, 2001. С. 17–18; Мажитов, Султанова, 1994). Абсолютно не пытаясь оспаривать лингвистические составляющие данных реконструкций, особо заметим следующее. Как нам представляется, действительно тюркиды, фиксирующиеся на самом раннем этапе, что вполне закономерно, отражают лингвистическое единство разнотрапических языков. Сам же процесс тюркизации представляется нам, как цепь сложных культурных трансформаций, которые вначале приводят к формированию единого этнокультурного и политического ядра, а затем – к расширению данного культурного ареала и непосредственному воздействию его носителей на сопредельное геотопическое пространство. В рамках нашего исследования конкретные периоды и этапы устанавливаются лишь в целостном сочетании исторической и культурной составляющих, что, в конечном счете, получило отражение в археологических и нарративных источниках.

Крайняя малочисленность комплексов VIII–IX веков и явная преемственность раннеселенташских памятников (типа курганов «с усами») и схожих с ними селенташских комплексов (без гряд) вынуждают верхние границы этого этапа установить в рамках IX века.

Раннетюркский период составляют два этапа: *тюрко-телесский – VI (конец V) – VII вв. и тюркешско-огузский – VIII–IX вв.* Его характеризуют памятники селенташского типа (мегаплановые конструкции кургана, ограды с кремацией или продуктами огня) и курганы, содержащие погребения с конем или с его шкурой. Как указывалось выше, ареал бытования данных типов культо-

погребальных комплексов имеет весьма широкие границы в пределах степей Евразии. Памятники селенташского типа известны на западе в степях Восточной Европы, где исследован курган 18 из известного Новоигорьевского могильника. Он был курганом-вымошкой, расположенным на окончании южной каменной гряды, идущей в восточном направлении. По реконструкции И.И. Семенова, с севера в этом же направлении располагался другой «ус», который мог быть сложен из грунта и впоследствии распахан (Семенов, 1988. С. 98. Рис. 1). Таким образом, Новоигорьевский курган 18 входит в типичный селенташский комплекс курганов «с усами». Можно предположить, что этот объект относится к средневековому могильнику, в котором были исследованы известные курганы VII–IX с набором инвентаря, типичным для памятников селенташского круга.

Еще один курган «с усами» был обнаружен П.С. Рыковым в урочище «Три брата» в Калмыкии. Он состоял из центрального каменного кургана, от которого в северо-восточном направлении отходили дугообразные однорядные гряды – 150 и 100 метров (Рыков, 1936. С. 115–116). Кроме того, в Нижнем Поволжье известны так называемые курганы-кострища (Краснополье Е 14; Усть-Караман Е 13; Острооголовка Д 18, Д 19; Покровск, курганы 2, 3, 11, 17, 18, 42, 47; Высокое Е 7). Основные черты обряда (следы огня и продуктов горения под насыпью на уровне древней поверхности, деревянные обожженные конструкции в виде рам, кости лошади и барана, разрозненные предметы со следами пребывания в огне) позволяют с уверенностью говорить о сходстве этих памятников с селенташскими. Набор вещевого инвентаря, обнаруженного в этих комплексах (плавникопрофилированная керамика, трехлопастные ромбические наконечники, накладки от лука, обломки полихромных накладок), также позволяет рассматривать данные памятники в едином хронологическом и культурном контексте с селенташскими.

Однако истоки традиций, которые отличают селенташские комплексы – мегалитовые сооружения, развернутые на восток; возведение вокруг или вблизи центрального кургана-храма оградки или вымошки, в которой располагались кострища или продукты огня, предметы вооружения, узда, украшения, а также кости лошади, шкура, макет или ее модель – вероятнее всего, необходимо искать на востоке в ареале тюркоязычных кочевников Центральной Азии.

Как уже упоминалось, прямой наиболее точной аналогией курганов «с усами» является

Синьцзянский комплекс (могила «Хусюй»), в котором широкие дуги усов отходят на восток от центральной подквадратной вымошки (Фукаши Нанцзоань... 1997. С. 415).

Если мы проанализируем основные элементы древнетюркских поминальных комплексов Саяно-Алтая и Монголии, то убедимся, что по своим функциональным особенностям отдельные их элементы весьма сходны с элементами, составляющими комплекс курганов «с усами».

Центральный курган-храм в южносибирских и монгольских комплексах представлял собой, как правило, квадратную оградку или вымошку, окуртуренную камнями (Варенов, 1999. Рис. 1, 2; Войтов, 1996. Рис. 7, 14, 18, 19, 22, 24, 37; Грач, 1961. Рис. 6, 9, 13, 22, 28, 31, 47), хотя известны случаи и округлых центральных храмов (Знаменка, Идэрский, Могойн-Шинь-ус, Эрдэнзмандал) (Войтов, 1996. Рис. 2, 8, 12, 26). Как известно, многие селенташские комплексы также имели прямоугольные курганы-храмы (Городищенский; Елизаветпольский; Оленина Отнога; Елантау; Селенташ, курган 5; Еремей-Тау; Кайсай, курган 14), хотя, как нам представляется, их количество гораздо больше, но степень разрушенности и методика исследования отдельных комплексов не позволили в ряде случаев установить форму центральных храмов. Вокруг или перед центральным храмом грунтовыми валами и рвами или каменными грядами окуртуривается пространство *большого наземного храма*. Оно организуется длинными сторонами на восток, где располагается вход в большой храм. В Монголии большие храмы, как правило, имеют правильную прямоугольную форму (Войтов, 1996. Рис. 5, 8, 9, 11, 13, 14, 17–23). Хотя в ряде случаев и в Монголии, и особенно часто в Саяно-Алтае пространство перед центральной оградкой-храмом оформлялось дугообразными грядами из каменных балбалов, идущими с востока на запад. При этом, как справедливо было отмечено рядом авторов, обязательное расположение загиба на концах гряд – факт не случайный, он выполняет особую культовую функцию. (Войтов, 1996. С. 90; Грач, 1961. Рис. 20, 22, 26, 52, 57, 66, 71; Кубарев, Цзвендорж, 2002. С. 89. Рис. 21, 22; Сорокин, 1981. С. 23–39).

По сути, «кусы», или гряды, в урало-казахстанских селенташских комплексах играют роль символических стен, окуртуривающих пространство большого храма. Интересен тот факт, что площадь большого храма и в монгольских, и в селенташ-

ских памятниках примерно одинакова. Она колеблется в пределах 1000–2000 кв. м.

Таким образом, комплексы селенташского типа (курганы «с усами») и культово-поминальные памятники Монголии и Саяно-Алтая отражают единокультурные представления западных и восточных тюрок. Они рознятся в архитектурном оформлении отдельных элементов, однако основные структурообразующие детали (наличие центрального храма с совершенным в нем погребальным или поминальным ритуалом в виде костровища и большого храма, развернутого входом на восток) этих памятников сходны. Наличие курганов «с усами» в южном Синьцзяне и своеобразное оформление стен культового комплекса Кэрэмуци в виде каменных гряд, заггибающихся на восточных концах (Варенов, 1999. Рис. 1, 2) (промежуточный вариант между прямоугольным храмом и «усами») позволяют говорить, что район Восточного Туркестана является центральным (или пограничным) в распространении этих двух культовых традиций. На запад – курганы селенташского типа, на восток – культово-поминальные пантеоны монгольского типа.

В определенной мере, все вышеприведенные археологические наблюдения подтверждаются нарративными источниками. Основные детали погребального обряда, приводимые в известных хрониках династии Тан Чжоу, а также в малой и большой надписи на памятнике Кюль Тегину, выглядят следующим образом. Вначале покойника укладывали в юрту (центральный храм-святилище) на возвышенном месте. Для Кюль Тегина в центре обвалованной и вымощенной сырцом площадки (67,25×28,85 м) был сооружен храм из кирпича (10,25×10,25 м) со святилищем в центре (4,4×4,4 м). *Перед покойником клали жертвенных животных – лошадь и овцу.* В назначенный шаманом день покойника *вместе с его конем сжигали* (на стороне. – С.Б.), *а пепел с вещами* (побывавшими в огне. – С.Б.) предавали земле. После этого сверху набрасывали камни. *От могилы, либо от входа в храм на восток выстраивали аллею балбазов, олицетворяющих убитых врагов.* (Грум-Гржимайло, 1926. С. 214–215; История Сибири, 1966. С. 284; Кляшторный, 1964. С. 57, 58).

Таким образом, приведенные данные позволяют говорить о том, что письменные источники, как и археологические, демонстрируют абсолютно сходный набор обязательных черт погребального ритуала, распространенного в среде наиболее знатных тюркских родов (тюрок-ашинов). Этому кочевому населению, по всей видимости,

принадлежат культово-поминальные комплексы селенташского типа.

Как уже говорилось ранее, появление в урало-казахстанских степях и распространение далее на запад погребений с конем или шкурой лошади, ориентировкой покойника головой в восточный сектор (Чиликты; Жарлы 2, курган 1; Егиз-Койтас; Осиповка; Кривая Лука; Энгельс, курган 36, погребение 2; Бородаевка, курган 9, погребение 5; Бережновка, курган III, погребение 1; Мелитопольское; Зеленокумское; Крупское; Чапаевск; Червоноармейское; Портовое; Дымовка; Белозерск и др.) отражают процесс инфильтрации кочевого населения из пределов алтайского ареала алтайтеlescких тюрок. Погребальный обряд и основной набор сопровождающего вещевого инвентаря (коштные подпруги, пряжки, стремени с петлеводной дужкой, кольчатые удила, отсутствие керамики) сближают эти памятники с телесскими комплексами катадинско-кудэргинского типа Алтая и Тувы (Гаврилова, 1966; Nestegov, 1995) и позволяют датировать их VI–VII вв. (тюрко-телесский этап). Напомним, что данные комплексы сосуществуют на этих территориях с другими памятниками, содержащими скелеты и шкуры коня и крупного рогатого скота – Арканом, Каменный Амбар, курганы 5, 6; Шипово, курганы 2, 3; Верхне-Погромное, курган 4, погребение 3. Это погребения под грунтовыми насыпями или бескурганные, с северной ориентировкой покойников и наличием в ногах жертвенников из костей и черепов крупного рогатого скота (в одном случае – верблюд). Очевидно, что в эту группу входит тройное погребение в кургане «с усами» Каннатас. В вещевой комплекс данных памятников входят, как правило, предметы конской упряжи, поясной и ременной гарнитуры, украшения (диадемы, серьги, подвески, бусы), зеркала и керамика. Подобные комплексы этого же периода (конец V–VIII вв. н. э.) известны в Поволжье (Переполюевка; Ленинск; Ташкирменский, погребение 1), в Прикамье (Коминтерновский II; Кушнарениковский, погребения 2, 27), а также среди кочевнических комплексов в Западной Сибири (Сопка II, погребение 688) (Богачев, 1998. С. 30–38; Генинг, 1977; Засецкая, 1994. Рис. 3, 2–5; Казаков, 1996; 1998; Молодин, Чикишева, 1990). Основные перечисленные элементы погребального обряда сближают эти комплексы, с одной стороны, с предшествующими гунно-сарматскими, с другой – с раннеболгарским и раннесаварским населением Алтай-Туркестанского ареала.

В позднюю группу входит 21 комплекс VIII–IX веков (тюркешско-огузский этап) (Бобровский курган 3, погребение 1, 2; курган 4, погребение 1–3, 6; курган 5, погребение 1, 3; курганы 7, 12; Нурынское; Атпа II, курган 2; Усть-Суерское IV, погребение 1–3, Черноозерье I). Это небольшие грунтовые курганы или бескурганные простые неглубокие погребения с западной ориентировкой покойников. Вещевой комплекс составляют конская узда с S-видными, восьмерковидными удилами, стремяна арочной формы с узкой восьмерковидной подножкой или прорезью для пута-лища, костяные массивные подпружные пряжки, наконечники стрел (асимметрично-ромбические, листовидные, тамары), костяные накладки для лука, ременная гарнитура с сегментовидными или овально-рамчатыми пряжками с подвесным щитком, а также накладки сердцевидной формы с прорезью для подвесного ремня в нижней части и с растительным орнаментом на щитке, круглые пряжки для перекрестных ремней, сердцевидные, геральдические и якорьковидные накладки.

Большинство перечисленных памятников располагаются в лесостепной зоне Южного Зауралья и Северного Казахстана. В этой связи не случаен тот факт, что основные черты погребального обряда (грунтовые курганы, неглубокие погребения, западная ориентировка) демонстрируют схожесть с памятниками горно-лесного и лесостепного Зауралья каракуповского типа IX–X веков (Наровчатский, Хусайновские, Бекешевские I–II, Тавлакаевские, Муракаевские курганы) (Боталов, 2000. С. 318. Рис. 29) и с потчевашскими памятниками юго-западной Сибири VIII века (Лихачевский могильник) (Генинг, Зданович, 1987).

Сходство этих погребальных комплексов с памятниками угорского и угро-самодийского ареалов Зауралья и Западной Сибири (каракуповской, потчевашской и сроднической культуры) неслучайно. По мнению Д.Г. Савинова, памятники данного облика отражают процесс расширения кимако-кыпчакского ареала на Запад (Савинов, 1984. С. 51). На наш взгляд, действительно, появление подобных комплексов отражает активный процесс тюркизации лесостепного угорского и угро-самодийского населения.

Таким образом, *тюрко-телесский этап раннетюркского периода* целесообразнее всего датировать рамками VI (конец V) – VII веков. В него включено основное число раннеселенташских памятников, представленных курганами «с усами» (Сологачанка I; Кызыл Жар; Кайсай, курган 14; Городищенское IX; Султантемирский; Нижнедав-

летовский; Коктал; Каннатас; Зевакинский, курганы 1–3; Оленина Отнога; Елизаветпольское; Беркуты; Кызылтаз, курган 1).

Близость культово-погребальных традиций и керамического инвентаря с определенной вероятностью позволяет включить в эту группу основное число курганов с «усами» Центрального Казахстана (Батыр Булак; Батакара, курганы 55, 58; Сангуыр, курганы 2, 3; Тасмола, курган 19; Айдарлы; «36 воинов»; Карамурун II 6; Бутулы II, курган 3 и др.).

В этот же временной интервал входят постгунские погребальные комплексы – Муслимово; Брюхановский выселок; Шипово (курганы 2, 3); Верхне-Погромное (курган 4, погребение 3); Кара-Ага; Каменный Амбар (курганы 5, 6); Кызыл-Адыр и погребение Аркаим.

Своеобразным переходным этапом от раннетюркского к следующему кимако-кыпчакскому периоду является *тюркешско-огузский (VIII–IX века)*. В него входят позднеселенташские комплексы, которые в основных своих чертах продолжают традиции курганов «с усами», но без гряд (Елантау; Восточно-Курайлинский, курган 2; Александровские курганы 1, 2; Селенташ, курганы 4, 5; Крутой Овраг, курганы 1, 2). К этому же периоду относятся погребения могильников Боровского и Усть-Суерка-4, Нурынское погребение, курганы Атпа II, Егиз Койтас, Чиликты, Жарлы 2 (курган 1), Черноозерье I. Это весьма важный этап в истории урало-казахстанских степей. Однако рассмотрение его невозможно без взаимосвязи с историко-культурными процессами, которые происходят и в раннекыпчакское время. Последствия их прямым образом стали основой кимако-кыпчакского периода. В этой связи рассмотрение основных историко-культурных особенностей данного этапа необходимо в связи с данными последующего периода.

Кимако-кыпчакский период – IX – начало XIII в. Его составляет *кимако-кыпчакский этап (IX–X вв.)* и *кыпчакско-половецкий (XI–начало XIII в.)*. Как уже указывалось в предыдущем разделе, расширение кимако-кыпчакского ареала приводит к активной тюркизации угорского и самодийского населения Западной Сибири и Южного Урала. В археологическом материале это отразилось в появлении в лесостепных и горнолесных районах Южного Урала памятников, в материалах которых наблюдается сложное влияние со стороны тюркокультурного ареала Южной Сибири (Верхнее Приобье). Это отразилось в появлении особых форм конской узды (S-видные или вось-

мерковидные железные псалмы, костяные псалмы в виде ласточкиного хвоста или сапожка, костяные подпружные пружки, новые типы стремля иременной уздечной гарнитуры) (Мажитов, 1981). Примерно с конца IX века начинает формироваться культурное единство южноуральских и южно-сибирских памятников сросстисского круга, которое Д.Г. Савиновым совершенно справедливо связывается с расширением границ кыпчакского каганата (Савинов, 1976; 1979; Боталов, 1988). Расширение тюркского культурного кымако-кыпчакского ареала охватывает довольно значимые лесостепные и даже лесные районы Среднего Приобья и Прииртышья, где появляются памятники с характерными для этого круга материалами (Басадайка, Гилево I, Орловское, Бобровский, Чулым 2, Преображежа 3, Венгерово VII, Илья, Красный Яр, Кулундинское, Ригозака, Камень II) (Басадайка, 1948. Т. 30, 33, 34, 45, 55, 59, 62, 69, 71; Молодин, Савинов, Елагин и др., 1988. Рис. 14, 16, 19–22, 33, 45, 46; Арсланова, 1968; 1969; Неверов, 1988. С. 16). Историко-культурный комплекс южноуральских памятников кымако-кыпчакского круга, как уже было сказано, начал формироваться на предыдущем этапе в VIII–XI веках, однако его окончательное сложение и последующее развитие наступает в период IX–X веков. К этому времени относится большинство памятников – Наровчатовский, Синеглазово, Хусаниново, Старо Халиловские, Бекешевские, Каранаево, Лагерево. Они представляли собой небольшие грунтовые насыпи с погребением со шкурой коня, с 3–СЗ ориентировкой погребенного.

Кыпчак-половецкий этап – XI – начало XIII вв. Этот этап представлен относительно немногочисленными комплексами (курган у Третьего Плеса; Кайсай, курган 2; Змеинный Дол, курган 2; Шоткара; Житимакские II; Тавлыкаевские; Муракаевские; Илекшар I, курган 1, погребение 2; Исаковский, курган 4; Базар-Тобе; Лебедевка IV, курганы 10, 11; Лебедевка VIII, курган 6; Шалкар III, курган 12; Болгарка I; Карасу, курганы 10, 11, 20; Кос Оба, курган 11; Калмак-Чабан I, курган 8) (Боталов, 2000. С. 366–377; Морозов, 1987; Мажитов, 1981). Представленные памятники равномерно картографируют регион южноуральских и примыкающих северо-казахстанских степей, достигая на юго-западе Центрального Казахстана, на северо-западе – Южного Приуралья. Существует точка зрения о крайней малочисленности степных памятников, что косвенно указывает на отсутствие кыпчакского населения на данном этапе (см. раздел В.П. Костюков). По нашему

представлению, относительная малочисленность урало-казахстанских комплексов данного этапа объясняется определенными причинами историко-культурного характера. По всей вероятности, население кыпчак-половецкого этапа было весьма дисперсным, особенно в удаленных провинциях Дашт-и-Кыпчака, конями являлись южноуральские и северо-казахстанские степи. Основная масса кочевников сосредотачивалась либо в наиболее благоприятных зонах северопричерноморских и волго-донских степей, либо вблизи азиатских оазисных городских цивилизаций, которые располагались в северных районах Средней Азии, в предгорьях Улуту или Казахского мелкосопочника (Нуринско-Ишимского междуречья), где обнаружены города гузов X–XII вв. (Маргулан, 1978). Исследования данных микрорайонов сегодня только начинаются (городище Бузок, раскопки М.К. Хабдулиной). Основные составляющие черты кымако-кыпчакского ИКК (погребение со шкурой коня, 3–СЗ ориентировка) продолжают сохраняться и в последующее более позднее время на кыпчак-половецком историко-культурном этапе. Однако, в отличие от предыдущих, эти комплексы располагаются в пределах обширного региона урало-казахстанских степей.

Истоки формирования традиций кымако-кыпчакского историко-культурного комплекса мы не без основания связываем с районами алтайского тюрко-телесского ареала, где к первым векам нашей эры среди различных групп погребальных памятников выделяются раннекатагандинские памятники – погребения с конем или шкурой коня, расположенными на ступеньках, и с западной ориентировкой (Катанда, курганы 5, 7; Усть-Эдиган, курган 1, погребения 3, 33; Ороктой, курганы 1, 14). Несмотря на то, что в раннетюркский период среди телесского населения Саяно-Алтая господствующей является восточная, в меньшей мере – южная ориентировка покойников в погребениях с лошадей (Овчинникова, 1990. С. 11; Nesterov, 1995. Fig. 1–8; Früh- und hochmittelalterliche..., 1982. Abb. 13–15, 17–22; Frühmittelalterliche..., 1982. Abb. 9, 11, 14, 16, 17, 19, 20, 28, 30, 33, 34, 31, 41, 43), определенная доля исследованных погребений VI–VIII веков имеет ориентировку погребенных головой в западный сектор (Nesterov, 1995. Fig. 9; Früh- und hochmittelalterliche... Abb. 23). Не редкой является западная ориентировка в погребениях с конем раннесроткинского (инского) этапа в памятниках VII–VIII веков Верхнего Приобья (Неверов, 1988. С. 17; Могиляников, 1981. Рис. 27). По мнению С.П. Не-

верова, данные памятники (Иня, Старый Шарап, Чудская гора, Усть-Тартасский, Гоньбае) появляются в результате проникновения в лесостепное Приобье кочевого тюркского населения Горного Алтая на самом раннем этапе в VI–VII веках (Неверов, 1988. С. 16–17), из чего следует, что формирование раннетюркского населения Приобья происходит в результате диффузии тюркских кочевников Алтай-Телесского ареала и местного лесостепного угро-самодийского населения Южной Сибири. Эта реконструкция довольно четко подтверждается тем фактом, что на значительной территории лесостепного Зауралья и Юго-Западной Сибири, обживаемой населением культур уторского и самодийского круга (саргатская, кашинская, большереченская, одинцовская, релинская и др.), в погребальных комплексах западная и северо-западная ориентировка являются если не абсолютно господствующей, то наряду с северной занимает главенствующее положение (Елагин, Молодцов, 1991. С. 48, 50–53; Матвеева, 1994. С. 114; Половьяк, 1987. С. 22, 23, 51, 61; Корякова, 1988. С. 187. Табл. 1; Культура Зауральских скотоводов, 1997. С. 134. Диаграмма 2; Беликова, Плетнева, 1983). Результатом довольно длительного взаимопроникновения тюркского и угро-самодийского населения является формирование собственно сурсткской культуры к IX веку (Неверов, 1988. С. 16), которая Д.Г. Савиновым не без основания соотносится с культурой населения кимако-кыпчакского каганата (Савинов, 1976; 1979; 1984). С этого времени, вероятно всего, начинается расширение кимако-кыпчакского ареала на запад в урало-казахстанскую лесостепь и впоследствии в степь, что точно отразилось на страницах арабо-персидских и европейских источниках (Худуд-ал, Алам, Ал-Балхи, Махмуд Кашгарский, Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль, Ал Масуди, Константин Багрянородный, Матвей Эдесский и др. (Худуд-ал С. 24. Л. 185; Кумеков, 1972. С. 55–59; Константин Багрянородный. С. 15; Агаджанов, 1969. С. 158). Возникновение и сложение сурсткской культуры знаменует собой формирование вначале кимаковского, а впоследствии кыпчакского единого этнополитического ядра. Такова логика предложенной реконструкции сложения кимако-кыпчакского союза, как двухкомпонентного (тюрко-телесского и угро-самодийского) этнокультурного процесса, который изначально протекал в конкретных ландшафтно-географических условиях предгорий Алтая и южносибирской лесостепи в границах бассейна Верхней Оби. Таковы археологические составляющие кыпчакского культурогенеза. В

этой связи встает вопрос о кыпчакской предыстории, которая воссоздается на страницах исследований, посвященных истории этого народа, на основании полуполюгендарных данных письменных источников (Таншу, Селенгинский камень, надпись Кюль-Тегину, Билл-Каян и др.). С.Г. Кляшторным и С.М. Ахинжановым воссоздаются яркие исторические этапы, предшествующие тому периоду, когда собственно кыпчаки и кимаки входят под этим названием на историческую арену (Кляшторный, 1986; Кляшторный, Султанов, 1992. С. 116–138; Ахинжанов, 1995. С. 49–98). Речь идет даже не об истории кыпчаков, а об исторических деяниях народов, упоминающихся различными информаторами под этнонимом *сир* и *сеянто*. Формальное соответствие названий конкретных тюрко-телесских племен с более поздним наименованием «кыпчак» позволило вышеуказанным авторам в контексте истории кыпчакско-кимаковского каганата приводить и легендарные события, связанные с деятельностью сеянто в период существования Тюркских каганатов и даже в более ранний период. В качестве яркой иллюстрации сказанного можно привести следующую весьма пространную фразу:

«В середине I в. н. э. в восточной части Центральной Азии существовало два крупных объединения тюркоязычных кочевых племен – тюрки и теле. Сеянто являлись частью полиэтнической по своему составу и слабо связанной между собой телесской племенной коалиции, занимавшей, по мнению многих исследователей, огромные пространства Евразийских степей от Большого Хингана на востоке до Каспийского моря на западе» (Ахинжанов, 1995. С. 43; Гуркин, 2000. С. 7).

На наш взгляд, в этом контексте история собственно кыпчаков подменяется некой предысторией, в которой фигурирует не реальный народ, а этноним, который впоследствии вообще исчезает со страниц письменных источников, либо схожий с ним этноним будет использован для наименования реальной сформировавшейся народности. К сожалению, данная этнолингвистическая методика получила свое последнее развитие в специальном обширном исследовании С.В. Гуркина (2000; 2001). На наш взгляд, подобные исторические построения и допуски, не имеющие под собой реальной основы, в конечном счете приводят к искажению объективных исторических процессов и подмене понимания реальных процессов, связанных с историей конкретного этноса и его культуры, на легендарные события, возможно не

имеющие к ним конкретного отношения. В этой связи не следует удивляться выходу в свет произведений, на страницах которых подобная историческая логика и методологическая практика приобрели свой фактически абсурдный характер. Речь идет о произведении Мурада Аджия «Кыпчаки. Древняя история тюрков и Великой Степи» (1999), где история всех кочевых народов Евразии подается как история собственно кыпчаков. С нашей точки зрения, историю кымако-кыпчакского этноплеменного объединения более корректно начинать со второй половины VIII века, когда этот этноним и появляется на страницах письменных источников. В рамках предлагаемой периодизации, как уже указывалось, этот факт падает на предшествующий тюркешско-огузский этап. С точки зрения историко-культурного содержания, эти названия довольно точно характеризуют ситуацию в урало-казахстанских и южносибирских степях в VIII–IX веках. На наш взгляд, тюркешскую составляющую определяют, как уже было упомянуто, позднеселташские комплексы (Елантау, Каменный Овраг, Кызыл Жар), продолжающие культурные традиции, сложившиеся в данном регионе в период существования Западного Тюркского Каганата. Что же касается огузской составляющей, то здесь дело обстоит особым образом. Несмотря на то, что, по мнению некоторых авторов, первоначально термин «огуз» был нарицательным, впоследствии он стал общим наименованием племен, образовавшихся в приуральских степях в результате смешения тюркютов с местными племенами (Артамонов, 1962. С. 416–419). Судя по письменным данным (древнетюркские рунические надписи в честь Куль-Тегина, Могляна, Тонькука), первоначально основное ядро огузов (тогуз-огузов, уйгуров) в первой половине VIII века занимало территории к северу от владений Орхонских Тюрков (бассейн Толы, Селенги, Юго-Восточные Саяны). Лишь к началу IX века, по данным арабских авторов (Ибн Хордадбех, Аль Якуби, Аль Балазури и Ат Табари), огузы совершают поход на Уструшану и таким образом появляются в верховьях Сырдарьи, где оказываются в непосредственной близости от другого, не менее известного союза, который носил общепринятый среди исследователей идентификации «этноним»: «Кангюй»–«Кангар»–«Кенгелес»–«Буджак»–«Печенег» (Гарустович, Иванов, 2000. С. 8–10). Данные сведения об огузах в контексте нашего исследования весьма важны, так как в этом случае письменные источники, данные родословных и легенд, разме-

щают огузов изначально в Присаянье, а затем в Приобье, Поиртышье и, наконец, в казахстанско-среднеазиатские степи, во-вторых, в связи с огузами, как единородственными, упоминаются кымаки, кыпчаки и карлуки (Кононов, 1958. С. 43–50; Гарустович, Иванов, 2000. С. 11–12; Гуркин, 2000. С. 11–13). Как мы можем заметить, данная динамика рассматривания огузского этнополитического влияния вполне соответствует становлению границ тюрко-телесского археологического ареала погребений с конем и преобладающей западной ориентировкой, о чем говорилось выше. Восточные границы этого ареала очерчивают погребения Присаянья, а западные – комплексы у восточных границ Центрального Казахстана (конкретные комплексы см. выше). В последующий период, вплоть до X века, письменные сведения сообщают о череде войн между печенегами и огузами за земли «вокруг моря Джурджан (Арал)» (Гарустович, Иванов, 2000. С. 11). В союзе с огузами (гузами) Ал Масуди упоминает кыпчаков и карлуков, а с печенегами – башкир, бурджан и нукерде. К началу X века огузский союз племен одержал верх над печенегами (Кузеев, 1971. С. 21), в результате чего последние вынуждены были покинуть Приаральско-Сырдарьинский ареал своего исконного обитания. Из приведенных сведений следует, что, как уже говорилось, весьма сложно провести грань, где продолжается огузская и начинается кыпчакская история. Кыпчаки в это время участвовали в деяниях огузского союза и являлись составной частью огузского (тюрко-телесского) этнокультурного единства. В этой связи понятна та сложность, с которой сталкиваются исследователи кочевнических древностей восточноевропейских степей, когда пытаются выявить четкие критерии в выделении огузских (гузских) и кыпчакско-половецких комплексов IX–XI веков. Решающими в этом случае являются, как правило, не археологические, а письменные данные, констатирующие, по сути, смену этноплеменного названия, на наш взгляд, единого этноплеменного союза, произошедшую на рубеже XI–XII веков. Единокультурная основа стала причиной того, что формальные черты сходства погребального обряда сохраняются достаточно долгий период. В этой связи, вероятно, невозможно, да и нет смысла искать особые различия огузских (гузских), торкешских и раннекыпчакских или раннеполовецких комплексов. Различные «особые» категории вещевого материала – копоушки, птицевидные и лазуритовидные подвески и другие – безусловно отражают хронологические особенности и культурно-географические измене-

ния в среде гузо-половецкого населения. Однако, как нам представляется, они не могут в полной мере выступать этнокультурными реперами.

Иная ситуация складывается вокруг огузских и печенежских комплексов. Несмотря на единство мнения о том, что основные очаги культурогенеза огузов и печенегов отстоят друг от друга на тысячи километров: печенеги–баджак–кангелес–канглы–кангой – Сырдарья и Приаралье; огузы–тогуз–огузы – Присаянье (Толстов, 1947. С. 101; Плетнева, 1990. С. 94–96; Гарустович, Иванов, 2000. С. 8–9; Бартольд, 1968. С. 89–92; Савинов, 1979. С. 55–69) – в последующий период их единой истории, которая протекает в степях Западного Казахстана, Волго-Донья и Преднепроя, они рассматриваются в едином контексте. Их изначальное культурное своеобразие нивелируется и исчезает в необъятном океане кочевой синкретической культуры. Попытки выделения среди общей массы многочисленных кочевнических комплексов данного периода памятников отдельно печенежских и отдельно огузских (гузских, торчешских) не представляются возможными, либо их выделения не имеют убедительных критериев (Федоров-Давыдов, 1966. С. 141; Плетнева, 1990. С. 95; Гарустович, Иванов, 2000. С. 94). С нашей точки зрения, данная ситуация не отражает реального облика культур вышеприведенных кочевых народов. Действительно, если принять за основу положение, что культурогенез печенегов связан с народом страны Кангой, а с этим сегодня большинство авторов согласно, то очевидно, что истоки материальной культуры печенегов необходимо искать в памятниках среднесирийских и южноказахстанских оазисов, где с первых веков нашей эры существовал ряд культур (кауначинская, джунская арысская, кенкольская и др.), которые большинством исследователей и автором связываются с культурой Кангой и объединяются в кенкольский тип памятников алаано-кангойского ИКК, о чем уже говорилось на страницах этой книги (см. соответствующий раздел в главе Ранний железный век). Характерной объединяющей особенностью погребальной культуры данного населения является катакомбный обряд – дромосные катакомбы с подбоями и простые ямы с южной ориентировкой (Боталов, 2003. С. 113; 2003а. С. 33). Несмотря на начавшуюся активную тюркизацию, которая происходит во второй половине VI века после походов Истеми-хана в Среднюю Азию, думается, что основной историко-культурный комплекс алаано-кангойского населения сохраняется вплоть до распада и прекращения существования данной эт-

нокультурной общности. Как известно, фактически все памятники отаро-каратаской, джетыассарской, каунчинской, арысской и других позднекангойских культур прекращают свое существование к рубежу VII–VIII веков (Григорьев, 1940; 1949; Максимова, Мерциев, Вайнберг, Левина, 1968; Левина, 1966; 1996; Байпаков, Подушкин, 1989. С. 26; Бурханов, 1992. С. 12). Происходит это в два этапа – мелкие поселки и селища перестают функционировать к V–VI векам, а городища – к рубежу VII–VIII веков (Толстов, 1949. С. 27). Это подтверждают и материалы могильников, где встречаются более поздние материалы VI–VII веков (Амброз, 1981. С. 21. Рис. 10) и даже VIII–IX веков [в памятниках арысской (IX–X вв.) и джетыассарской культуры] (Подушкин, 2000. С. 136) – цельнолитая пряжка трапециевидной формы по В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1979. С. 36–37; Левина, 1996. С. 286. Рис. 94), стремени, подпружные пряжки – I период по Г.А. Федорову-Давыдову (1966. С. 12, 115). Распад Кангой был вызван прежде всего экологической катастрофой, произошедшей в этот период в арало-сырдарьинских степях (Боталов, 1996. С. 195–196), и усложнившимися внешнеполитическими условиями (завоевание Западно-Тюркского каганата и огузов). Как нам представляется, следствием этого стала длительная миграция аланского населения страны Кангой в волго-донские, северокавказские и днепро-дунайские степи, где с VI по X век появляются памятники салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967. С. 8), характерные особенности которой (планировка и фортификация городищ, катакомбный обряд, состав керамической посуды) схожи с алаано-кангойским ИКК. Безусловно, принимая тезис о многокомпонентности салтово-маяцкой культуры, нельзя не признать, что ее аланская составляющая является доминирующей. Динамика исчезновения аланских памятников Кангой и возникновение и последующее расширение ареала салтово-маяцких комплексов наводят на мысль о взаимосвязанности этого процесса. Если на начальном этапе алаано-кангойские миграции из арало-сырдарьинской зоны привели к сложению аланской компоненты хазарского каганата, то, по всей видимости, завершающим аккордом был исход печенежского (хотя и в значительной мере тюркизированного) (Плетнева, 1990. С. 9–10), однако в основе своей кангойского, следовательно, аланского населения. Из всего сказанного следует, что, вероятнее всего, салтово-маяцкая культура, с одной стороны, отражает общепаланское культурное единство, с другой, несет

диуконпонентное этнополитическое содержание: на раннем этапе (VI–VIII вв.) это аланское население хазарского каганата, на позднем (IX–X вв.), это касается, прежде всего, населения хазарского западного порубежья и днепро-дунайских территорий – картографирует расселение печенежской орды. Эта реконструкция не противоречит и общенсторическим данным. Тем более сегодня в западных пределах очерченного региона (Южное Поднепровье), значительно удаленных от границ хазарского каганата, действительно известны памятники X–XI веков (то есть после падения каганата) салтовского круга (Козловский, 1992. С. 154; Бубенок, 1997. С. 28–30). Данная реконструкция не претендует на бесспорность, однако она позволяет разрешить весьма важное противоречие в культурной идентификации двух наиболее важных для развитого средневекового восточноевропейских степей кочевых этносов – печенегов, с одной стороны, и огузов, половцев – с другой, которые в истоках своих несли абсолютно разный ИКК. В этой связи абсолютно логично выстраивается череда последующих событий. Появление на рубежах хазарского каганата огузско-раннеполовечского населения, представленного комплексами типа Саркела-Белая Вежа, знаменует собой не только последний период существования хазарского каганата, но и пребывание собственно печенежского населения в пределах этих районов. Это ознаменовалось прекращением существования наиболее крупных салтово-маяцких некрополей этого региона (Плетнева, 1989. С. 172; Флеров, 1984. С. 197) и расширением ареала салтовской культуры на запад, что соотносится с уходом печенежской орды на запад в Подунавье.

Таким образом, данная попытка уточнения картины этнокультурных взаимодействий в урало-казахстанских и восточноевропейских степях позволяет более рационально реконструировать процессы дальнейшего кимак-кыпчакского культурогенеза.

Для урало-казахстанских степей начало кимак-кыпчакского периода, как уже говорилось, падает на конец IX века, а историческая фабула событий раннекыпчакской истории выглядит примерно следующим образом. К этому времени кыпчаки в урало-аральских степях разгромили печенежскую коалицию (Кузеев, 1971. С. 21). На юге, в бассейне Сырдарьи, они одержали верх над огузами (Агаджанов, 1969. С. 154–155) и в 1030 году оказались у границ Хорезма (Кумеков, 1972. С. 43. Рис. 75, 10, 11). Окончательно они вышли из политической зависимости от кымаков в XI веке. После падения кимак-

ского государства, в разгроме которого, вероятно, участвовала одна из восточных группировок (История КазССР, 1979. С. 52. Рис. 97, 3), они сдвинули лесостепное срубническое население и хаканов из Обь-Иртышского междуречья на восток (Неверов, 1988. С. 18), а на западе предприняли первые набеги на волго-донские районы (город Саксин) и далее на Русь (1055 и 1061 гг.).

Историческая канва достаточно убедительно показывает, что кочевники заурало-казахстанских степей в XI веке безусловно находились в ареале кыпчакской политической зависимости. В это время, вероятно, земли Урало-Аралья (от восточных склонов Урала) являлись кочевьями кыпчаков.

К XII веку восстанавливается прежняя пастбищно-кочевая территория в рамках Урало-Аральского региона, что способствовало этнической консолидации и окончательной тюркизации населения западноазиатских степей к XIII веку.

С конца XII–XIII веков кочевое население Дашт-и-Кыпчака активно осваивает северную часть южноуральских и западносибирских степей и частично юг лесостепей. Это обусловило появление комплексов XII–XIII веков в лесостепной Башкирии (могильники Мрясимовский, Кушлеуевский, Сыпты, Шах-Тай, у поселка Комсомольский, на Охлебнином городище) (Мажитов, 1977. С. 34–35; Кузеев, Иванов, 1983. С. 16). Это население активно контактирует с угорскими племенами, оставившими памятники чьялыкского типа в лесостепном Приуралье и в Зауралье (Казаков, 1986; Гарустович, 1988) и памятники сыльвенского круга в юго-западной Сибири (Овчинникова, 1987. Рис. 75, 15, 16).

Период XIII – начало XIV вв. связан с наиболее благоприятным развитием кочевого культурно-хозяйственного комплекса. Восстановление приуральско-каспийской пастбищно-кочевой системы привело к появлению многочисленных кочевнических комплексов в бассейне среднего течения реки Урал (Мажитов, 1977. С. 36–38; Иванов, 1984; Иванов, Критер, 1988).

На него падает заключительный этап историко-культурной периодизации эпохи Средневековья – *золотоордынский период с середины XIII–XIV веков*. Хронологические рамки его основываются на общезвестных исторических данных. Нет смысла приводить их особым порядком. Что касается этнокультурной интерпретации отдельных групп погребальных, жертвенно-погребальных и мемориальных комплексов, то сегодня можно делать лишь очень осторожные выводы о выделении и интерпретации различных групп, как о центральноази-

атских (монгольских) или местных (кыпчакских, башкирских, каргелесских) групп населения.

При анализе материалов памятников данного этапа наблюдается чрезвычайная пестрота археологических типов материальной культуры. Сегодня весьма сложно выявить устойчивые этнодиагностирующие признаки погребального обряда, позволяющие с высокой долей вероятности соотносить те или иные группы археологических комплексов с конкретными этноплеменными объединениями. Исключением являются памятники аскизского типа, а также погребения с северной и северо-восточной ориентировкой, которые обнаруживают устойчивую связь с монгольской культурной традицией (Костюков, 1997. С. 13). Однако в целом южноуральские материалы золотоордынского круга обнаруживают определенную тенденцию. Интересным в этой связи является комплекс небольших родовых могилышков, сосредоточенных на сравнительно малой территории Агаповских гор и Кырсы (окрестности Магнитогорска), впервые публикуемый в данной книге.

Несмотря на сравнительно небольшое количество исследованных в этом микрорайоне комплексов (до двух десятков), в целом погребальный обряд этой выборки демонстрирует основные тенденции историко-культурного комплекса южноуральских кочевников в период Золотой Орды.

Абсолютно господствующей ориентировкой агаповских и кырсинских памятников, равно как и всех погребений Южного Урала (Иванов, Яминов, 1993. С. 157; Костюков, 1997. С. 7), является западный сектор (СЗ, ЮЗ). Показательным является наличие скелета коня в Кырсинском кургане 1. Заметим, что в целом достаточно большое число погребений продолжает традицию положения в могилу коня или его шкуры (35 случаев – 12%) (Костюков, 1997. С. 8). Таким образом, в золотоордынский период продолжают сохраняться основные традиции, которые были заложены в предшествующее огузо-кыпчакское время. Кроме того, отдельные категории вещевого инвентаря (наконечники стрел, удила, накладки, кресала) испытывают явное влияние со стороны южносибирского кымако-кыпчакского и аскизского ареалов. Интересно то, что следующей по счету является группа погребений с северной ориентировкой. Данная традиция в сочетании с наличием в отдельных погребениях (примерно равного процента) гробов и колод своеобразно маркирует характерные черты монгольского историкокультурного ареала. Как указывалось выше, эти составляющие погребального обряда устанавливаются в пределах Большой Монголии и Ордоса еще в раннесунское вре-

мя и продолжают неизменно существовать в период империи монголов (Цзэньдодж, 1985).

Все вышесказанное позволяет говорить, что основную часть золотоордынского общества составляло местное урало-казахстанское кочевое население, входившее накануне монгольского нашествия в Дашт-и-Кыпчак. В этой связи мы разделяем точку зрения исследователей, которые говорят о кыпчакской основной составляющей населения Золотой Орды (Яминов, 2003. С. 182). Хотя бесспорно то, что собственно само название «кыпчак» теряет бывшее интегрирующее значение. Оно продолжает существовать среди многочисленных племенных наименований, которые выступают на арену в период глобальной этнокультурной деструкции.

Так, по мнению основного исследователя данного периода В.П. Костюкова, опирающегося на данные письменных источников, основу населения улуса составляли такие родоплеменные объединения, как найманы, карлуки, кушчи, буйрак, согласно списку «омаков» переданные во владения Шибана (Костюков, 1997. С. 16). Думается, этот список не исчерпывал весь перечень родовых объединений, расселившихся в пределах улуса Шибан-хана. Вероятнее всего, список племен, населявших урало-казахстанские территории и входивших в состав улуса Шибана, был более обширным. Немногом позже один из потомков Шибана – Абулхайр-хан объединил многие роды Казахстана, которые в начале XIII века были переселены в Среднюю Азию. По данным Мухаммада Салиха, в составе переселенцев-шибанидов насчитывалось 19 родов, 13 из них были выходцами из Дашт-и-Кыпчака. Среди них – абгу, аблу-оглы, буркут, дурман, ички, карлук, контраг, кушчи, мангыт, найман, нукуз, тама, уйсун (Султанов, 1982. С. 18). Очевидно, что большинство этих племен ранее входило в кыпчакское этнополитическое объединение. Насколько нам известно, собственно кыпчакское родовое объединение сохраняется и в последующий период. Род «кыпчак» являлся одним из составляющих населения Среднего Жуза и занимал районы Северного Казахстана, непосредственно примыкающие к Южному Зауралью.

Таким образом, несмотря на то, что в течение XIII–XIV веков на территории улуса Шибана шла активная этнокультурная нивелировка, которая естественным образом была связана с высокой плотностью совместного проживания, политическим и идеологическим единством, которое было обусловлено тюркокультурной общностью автохтонных кочевых народов урало-казахстанских степей, установле-

ние государственно-административной улусской системы и принятие единой религии завершило процесс этно- и культурогенеза современных степных народов евразийского порубежья.

Основные этапы историко-культурного развития урало-казахстанских степей в эпоху средневековья нам представляются следующим образом:

1. Гуннский период:

- гунно-сарматский (раннегуннский II–IV вв.;
- гуннский, постгуннский этап V (конец IV) – VI вв.

2. Раннетюркский период VI (конец V) – начало IX вв.:

- тюрко-телесский этап VI (конец V) – VII вв.;
- тюркешско-огузский этап VII–IX вв.

3. Кимако-кыпчакский период IX – начало XIII вв.:

- кимако-кыпчакский этап IX–X вв.;
- кыпчакско-половецкий (XI – начало XIII вв.).

4. Золотоордынский период XIII–XIV вв.

3. Современные проблемы археологии эпохи средневековья на Южном Урале

«Говорят, что посередине между двумя противоположными мнениями лежит истина. Никким образом! Между ними лежит проблема».

И.-В. Гете. Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957. С.393.

Рубеж XX–XXI столетий для южноуральской археологии эпохи средневековья ознаменовался двумя важными моментами в ее развитии – фактическим прекращением целенаправленного поиска и изучения соответствующих памятников и, как следствие этого, усилением внимания исследователей к осмыслению уже накопленного материала и созданию обобщающих работ. Прежде всего это выразилось в заметном росте количества диссертационных исследований, посвященных проблемам средневековой археологии региона. В библиотеке автора этих строк хранятся авторефераты 30-ти диссертаций (2 докторские и 28 кандидатских), защищенных за период 1994–2003 гг., тематика которых так или иначе охватывает средневековые памятники и культуры Южного Урала и близлежащих территорий. Диапазон тем исследований обширен – здесь и исследования отдельных памятников (Набиуллин, 2000; Султанова, 2000) и территорий (Боталов, 1994; Леципская, 1995; Морозов, 1994; Сунгатов, 1998; Трибунский, 2003; Ютина, 1994), этноисторические реконструкции (Антонов, 2000; Бочаров, 2000; Гарустович, 1998; Костюков, 1997; Любчанский, 2000; Сиротин, 1997; Яминов, 1995), история хозяйственной жизни (Белавин, 2000; Волков, 1995; Голдина, 1998; Казанцева, 1996; Кондрашин, 2003; Перовщиков, 2000; Руденко, 1995; Салангин, 1999), археолого-этнографические исследования (Крыласова, 2000; Чураков, 2001; Шапран, 1995; Шутова, 2000) и история археологической науки в регионе (Кантемирова, 2000; Оконникова, 1999; Обыденнова, 2002).

В это же время выходит серия монографических работ (многие из которых являются публикациями диссертационных исследований), в более обобщенном виде отражающих тематику и направленность исследований в области средневековой археологии Южного Урала и Приуралья (Мажитов, Султанова 1994; История Башкортостана..., 1996; Останина, 1997; Сунгатов, 1998; Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998; Иванова, 1998; Иванов, 1998; Голдина, 1999; Иванов, 1999;

Боталов, Гуцалов, 2000; Боталов, Таиров, 2000; Белагин, 2000; Крыласова, 2001; Гарустович, Иванов, 2000; Макаров, 2001; Перевощиков, 2002). К этому, естественно, следует присовокупить огромное количество статей и тезисов докладов, опубликованных за указанные годы в тематических сборниках и материалах конференций.

Приведенные данные совершенно определенно указывают на то, что археология эпохи средневековья в регионе – одно из наиболее динамично развивающихся направлений. Это, в свою очередь, дает нам основание предполагать, что какие-то направления в данной тематике разработаны достаточно глубоко для того, чтобы считаться аксиоматическими. Среди подобных направлений приоритетным и наиболее интересным безусловно является проблема формирования и состава этнокультурной карты региона в эпоху средневековья.

Если попытаться изобразить этнокультурную карту Южного Урала и Приуралья так, как она представляется по результатам разработок современных исследователей, то картина получится следующей: в эпоху Великого переселения народов степи Южного Зауралья в начале (до IV в.) входили «в зону влияния гуннской конфедерации», а затем – в состав «эфталито-хнонитской империи». В соответствии с устойчивейшей традицией эпоху средневековья в регионе мы делим на следующие периоды: 1 – эпоха Великого переселения народов (III–V вв.); 2 – эпоха Тюркских каганатов (VI–IX вв.); 3 – домонгольский период (X–начало XIII в.); 4 – эпоха Золотой Орды (XIII–XIV вв.). Археологическая культура населения этой «империи», по мнению И.Э. Любчанского, представлена в регионе курганами с «усами», датированными концом IV – серединой VII в. (Любчанский, 2003. С. 17).

Практически в это же время происходит изменение в этнокультурном составе населения Приуралья вследствие появления здесь племен, оставивших памятники харинско-тураевского типа и именьевской культуры. По мнению современных исследователей (Г.И. Матвеева, Р.Д. Голдина), своим происхождением пришлое племя были связаны с черняховско-вельбарским (гото-славянским) миром (Матвеева, 2000; Голдина, 1999. С. 274).

В лесном Прикамье в IV–V веках расселяются западно-сибирские угры – население, оставившее здесь памятники типа Бродовских курганов (Голдина, 1999. С. 276).

Все эти миграции и связанные с ними инновации в этнической карте Южного Урала были обусловлены гуннским нашествием на Восточную Европу, последним отзвуком которого для региона

был приход сюда носителей турбаслинской культуры V–VII веков (представители гунно-сарматского этнокультурного мира – по Ф.А. Сунгатову) (Сунгатов, 1998а. С. 110).

Этногеографическая ситуация, сложившаяся на Южном Урале и прилегающих к нему территориях к концу третьей четверти I тыс. н. э. в том виде, как она вырисовывается по результатам современных исследований, представлена на рисунке 4.45. По сути, на какой-то момент здесь фиксируется присутствие всех основных этносов, определивших содержание этнической карты Урало-Поволжского региона в последующие столетия: славянского – в Волго-Камском бассейне; тюркского – в зауральских степях (под последним, по-видимому, можно видеть зауральские племена, оставившие «курганы с усам»; угорского – в Среднем Прикамье и финно-пермского, представленного в лесах между реками Иж и Уфа памятниками мазунинской и бахмутинской культур (рис. 4.45).

Данная ситуация, впрочем, не была статичной и к началу последней четверти I тыс. н. э. претерпела заметную трансформацию. Так, ушедшие на реку Кама славянские племена, вероятнее всего, оказавшись в непривычной для себя ландшафтной среде, были ассимилированы местными финно-пермяками. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы верхнеутчанской культуры, носители которой, начиная с VI века, были основным населением современной Южной Удмуртии. По всем своим морфологическим признакам и, в первую очередь, по керамике это типично местная культура с некоторым присутствием бахмутинского компонента, в общем-то тоже местного, приуральского (Голдина, 1999. С. 285). Славяне, осевшие на Средней Волге, судя по географии памятников поздней именьевской культуры, жили достаточно изолированно от своих соседей по региону. В первую очередь, это относится к прикамско-приуральским финно-пермякам – носителям мазунинской и бахмутинской культур (Матвеева, 2003. С. 27).

Правда, Р.Д. Голдина, опираясь на находки керамики именьевских типов на 14-ти памятниках Южной Удмуртии, предполагает факт «прямого внедрения этого иноязычного населения в древнеудмуртскую среду» (Голдина, 1999. С. 285), но, очевидно, последствия этого «внедрения» для этнической карты Приуралья были малозаметны.

Заметно ослабевает роль тюркского компонента в содержании этнокультурной карты Южного Урала и Приуралья. В степях Зауралья в VI веке прекращают свое существование племена курганов с «усами» и на смену им начинают эпизодиче-

ски приходят другие тюркоязычные кочевники, оставившие немногочисленные комплексы типа Егиз-Койтас и Нуринское (Боталов, 1994).

На северной периферии приуральской лесостепи в рассматриваемое время прекращает свое существование турбаслинская культура, носители которой и по археологическим, и по антропологическим данным не оставили следа ни в культуре, ни в антропогенезе местного приуральского населения (Юсупов, 2002. С. 34).

Иной на этом фоне выглядит роль угорского этнокультурного компонента, концентрация которого в лесостепной части Южного Урала и Приуралья усиливается во второй половине VI века. По единодушному мнению исследователей, угорский этнос, обозначенный кушнаренковской, караяку-

повской и неволинской культурами, в последней четверти I тыс. начинает отчетливо доминировать по обе стороны Южноуральского хребта (Боталов, 1994. С. 18; Иванов, 1999; Голдина, 1999. Рис. 143; Казаков, 2000–2001; Боталов, 2000. С. 362).

Это обстоятельство в значительной степени определило специфику генезиса культуры ранней Волжской Болгарии, население которой (и, соответственно, его культура) формировалось при самом активном участии прикамско-приуральских (поломско-ломоватовских) племен (Казаков, 1994. С. 20; Боталов, Бабенков, 1998. С. 336; Белавин, Крыласова, 2002. С. 127).

В этногеографическом контексте ситуация, сложившаяся в регионе в конце I тыс. н. э., выглядит следующим образом: население южно-

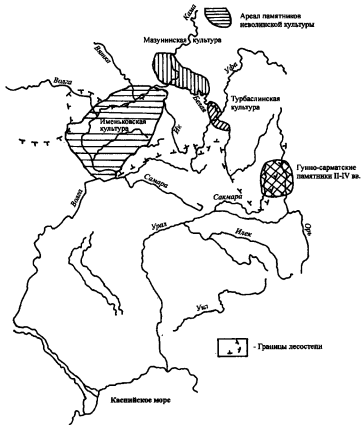

Рис. 4.45. Этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Великого переселения народов

уральской лесостепи входило в этнокультурный ареал (ЭКА) древних угров (культуры с резной и штампо-гребенчатой керамикой), занимавший территорию от Среднего Приобья на востоке до Нижнего Прикамья (Волжская Болгария) на западе. Население Среднего Прикамья в этот период представляло собой сложный анклава, в котором присутствовали финский, угорский и даже тюркский этнические компоненты при угорской этнолингвистической доминанте (рис. 4.46) (Голдина, 1999. С. 366; Белаия, Крыласова, 2002. С. 128). В основе данных выводов также лежат последние разработки современных исследователей.

В зауральской степи в это время начинают распространяться памятники селенташского типа, связанные с тюркоязычным населением, представленным на территории современной Хакасии тюхтатской археологической культурой (Бо-

талов, 1994. С. 18; 2000. С. 358), а на юге волго-уральской лесостепи расселяются тюркоязычные болгары, представленные на Средней Волге памятниками новинковского типа (Богачев, 2000). Ареал последних, как это следует из результатов исследований самарских археологов, в Заволжье включает в себя бассейны среднего течения рек Самара и Сок (рис. 4.46).

X век, как это отмечают буквально все современные исследователи региона, для населявших его народов стал поворотным моментом. Основным содержанием этого момента стало усиление роли тюркского компонента в формировании этнической карты Южного Урала и Приуралья. Прежде всего, это относится к территориям приуральских степей, к началу X века заселенных тюркоязычными кочевниками. Исходя из имеющихся данных археологии и средневековых

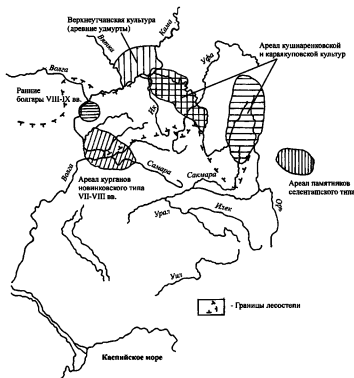

Рис. 4.46. Этнокультурная карта Южного Урала и Приуралья во 2-й пол. I тыс. н.э. (эпоха Тюркских каганатов)

письменных источников, Волго-Уральские степи были «поделены» между огузами и печенегами (Кригер, 1993; Гарустович, Иванов, 2000. Рис.1). В это же время, то есть в конце IX века, в степи, расположенные к востоку от Уральского хребта, начинают проникать представители кимако-кыпчакского этнокультурного пласта, представленные в Зауралье памятниками срубного типа (Синеглазовские курганы – по С.Г. Боталову) (Боталов, 1994. С. 19; 2000. С. 364). В составе печенежских племен, ареал которых очень четко очерчивается курганами, расположенными по северной периферии волго-уральской степи, от левого берега Волги до Мугоджар (Заволжская печенегия), находились, надо полагать, и древние башкиры, которые уже в середине IX века, по данным средневековых авторов, известны как военно-политические союзники печенегов (Бикбулатов, 2002. С.14; Иванов, 2002. С.322).

Таким образом, кимако-кыпчаки, огузы, печенеги и древние башкиры – вот четыре тюркоязычных народа, в конце IX – начале X веков определившие состав этнокультурной карты волго-уральской и зауральской степи. Ареал их расселения в регионе, как это следует из географии кочевнических курганов и курганных могильников указанного времени, строго вписывается в границы степной полосы Южного Урала, практически нигде ее не нарушая (Иванов, 1995). Однако сохранялась такая ситуация сравнительно недолго, где-то около 150-ти лет, поскольку уже в начале XI века в степях между Северным Приуральем и Южным Уралом усиливается политическое влияние кыпчаков. В середине XI века последние «стимулируют» очередную миграцию азиатских кочевников (юманов-кунов-шаров) – привычных нашему восприятию «половцев» – на запад, следствием которой явилось установление половецко-кыпчакского этнокультурного и этнополитического господства на большей части Великого пояса Евразийских степей (Кляшторный, 2002. С. 346).

Эта миграция вызвала очередные подвижки населения в Урало-Поволжском регионе. Во-первых, из степной полосы региона изгоняются кочевники огузо-печенежской конфедерации, что документируется исчезновением здесь соответствующих памятников. Во-вторых, часть тюркоязычных кочевников – башкиры – отходят в северном направлении, вглубь приуральской лесостепи. Но поскольку сами половцы-кыпчаки, находившиеся в это время на первой (таборной) стадии кочевания (Плетнева, 1982. С. 30), степи Урало-Каспийского

коридора прошли практически без остановки, выжженные половецко-кыпчакские памятники до середины XIII века здесь крайне редки.

По-иному в контексте этнокультурной ситуации в регионе в X–первой половине XIII веков выглядит территория приуральской лесостепи, которую, начиная с X века, заселяли племена, оставившие памятники чиялыкского или постпетрогромского типа. Отличительным признаком этих памятников является круглодонная керамика, украшенная шнуровым и штампо-гребенчатым орнаментом, которая встречается достаточно широко – от низовьев реки Кама (памятники восточных районов современного Татарстана, по материалам которых и была выделена чиялыкская культура) до верховьев рек Урал и Большой Кизыл. Памятники чиялыкского типа локализуются, главным образом, по бассейнам рек, на основании чего Г.Н. Гарустович разделил их на девять региональных групп, за которыми, по его мнению, скрываются территории отдельных племен (Гарустович, 1998. С. 9).

Угорская этническая принадлежность «чиялыкских» племен признается многими современными исследователями региона и не оспаривается (Казак, 1986. С. 75; 1988; 2000. С. 227; Гарустович, Иванов, 1992. С. 24 и сл.; Белявин, Крылатова, 2002). Следовательно, если мы представим этническую карту Южного Урала и Приуралья на рубеже I–II тыс. н. э., то она будет определяться безусловной доминантой двух этносов – угорского в лесостепи и тюркского в степи. Именно на этом фоне на территории современного Башкирского Приуралья начинается один из этапов (южноуральский) формирования башкирского этноса, одной из составляющих которого общепризнано является финно-угорский (надо полагать – чиялыкский) этнический субстрат.

Из всех периодов эпохи средневековья период Золотой Орды (XIII–XIV вв.) в степях Южного Урала и Приуралья представлен наибольшим количеством археологических памятников – курганов и курганных могильников. Типологически они разделяются на две локальные группы – земляные и каменные курганы. Первые локализуются в районе западной излучины реки Урал, которые – в восточной предгорной части региона, от восточной излучины реки Урал до района устья рек Сакмара и Илек и далее на восток.

Указанные факты предполагают и этническую неоднородность кочевников золотоордынского времени в степях региона. Вопрос об их этническом составе современными исследователями

решается, главным образом, через призму выделения половецко-кипчакского этнического компонента и соответствующих ему памятников. С последними отождествляют так называемые «земляные курганы», по своим морфологическим признакам образующие единый этнокультурный ареал (ЭКА) с нижневолжскими курганами XIII–XIV веков (Иванов, 1993. С. 98; Иванов, Яминов, 1993. С. 160; Костюков, 1997. С. 141). Хотя среди нижневолжских курганов (так называемых «быковской» и «царевской» групп) собственно половецко-кипчакские погребения, по мнению ряда исследователей, представлены весьма скромно (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 277).

Вообще в проблеме оценки роли кипчакского этноса в формировании этнической карты Южного Урала и Приуралья в настоящее время четко обозначены три аспекта – археологический, историко-этнографический и антропологический. С археологической точки зрения, отмеченное выше деление курганов XIII–XIV веков на две локально-типологические группы отражает присутствие в регионе представителей двух этнокультурных массивов – поволжско-приуральского (половецко-кипчакского?) («земляные» курганы) и сибирского («каменные» курганы). Последние, сконцентрированные в основном в Зауральской степи, по большинству признаков обряда соответствуют памятникам восточной части степи – от Иртыша до Байкала (Костюков, 1997. С. 12).

С точки зрения исторической этнографии, базирующейся на данных нарративных источников, в рассматриваемый период в степях региона обозначены два доминирующих племени: кипчаки – в степном Предуралье и канглы – в степном Зауралье (Костюков, 1997. С. 17; Антонов, 2000. С. 6–9).

В контексте историко-антропологического анализа кипчакское влияние на процесс расогенеза башкир практически не прослеживается, и, соответственно, говорить о массовом проникновении кипчаков на территорию современного Башкортостана и об их смешении с местными башкирскими племенами нет оснований (Юсупов, 2002. С. 36).

Парадокс? В известной степени – да, но только на первый взгляд. При детальном рассмотрении результатов антропологического анализа выясняется, что из четырех серий черепов из могильников золотоордынского времени на территории современного Оренбуржья – Озерново, Хабаровый, Линевка и Урта-Бурта – первые два относятся к группе так называемых «каменных» курганов, и именно их краниологический материал позволяет «говорить о контактах и внедрении кипчаков в

среду башкирского населения. Причем наиболее активно этот процесс, по-видимому, происходил на территории расселения северо-восточных и зауральских башкир» (Юсупов, 2002. С. 39). А что это означает в этноисторическом контексте? Прежде всего то, что именно та часть приуральских кочевников XIII–XIV веков, в которой (по В.П. Костюкову и И.В. Антонову) преобладали канглы, и участвовала в процессе антропогенеза восточных башкирских племен. Тогда как приуральские башкиры, соседствовавшие с половецко-кипчакскими племенами, контактировали с ними только на уровне культурогенеза.

Таковы основные этапы формирования этнической карты Южного Урала в эпоху средневековья, как они представляются на современном уровне археологических, антропологических и этноисторических разработок. Сопоставление результатов этих разработок показывает, что ряд изложенных выше положений уже может рассматриваться как аксиоматический. Во-первых, это безусловная доминанта прикамско-приуральского (финно-пермских или финно-угорского?) этнического компонента в лесном и в северной части лесостепного Приуралья в первой половине I тыс. н. э. Ни «харинско-тураевские», ни «турбаслинские», ни гунино-сарматские, ни «именьковские» племена, кем бы они ни были по своей этнической принадлежности, заметного следа в этнической карте региона не оставили и их присутствие в последующем составе этнической карты Южного Урала не прослеживается.

Во-вторых, вторая половина I и первая четверть II тыс. н. э. – это время господства носителей угорского этноса в южноуральской лесостепи. Исходя из этого обстоятельства, и следует в дальнейшем рассматривать процесс формирования древних башкир – самой северной ветви тюркоязычных кочевников, чье появление в южноуральских степях произошло не ранее конца IX века н. э.

В-третьих, так называемый «кыпчакский» этап в этногенезе башкир (XIII–XIV вв.) сейчас должен рассматриваться как достаточно условная номинация, не отражающая реального хода этнических процессов в регионе в указанный период.

В-четвертых, совершенно очевидно, что в период Золотой Орды Южный Урал и сопредельные с ним территории Поволжья и Западной Сибири представляли собой контактную зону между двумя этнополитическими образованиями – улусом Бату и улусом Шибана – каждый из которых должен рассматриваться, как самостоятельный этнический агломерат. Формирование и развитие этих

агломератов осуществлялось, по-видимому, под воздействием собственных этнополитических и социально-экономических обстоятельств.

Из сказанного определяются и проблемы, которые должны, на мой взгляд, стать объектом детального исследования в ближайшее время (для решения этих проблем накоплен достаточный материал, к которому следует подойти с современных методических позиций):

– Проблема удельного веса финно-пермяков и угров в формировании этнической культуры населения лесного Прикамья в эпоху средневековья. Проблема отнюдь не надуманная, поскольку в исследованиях последних лет постпетрогромская (угорская) принадлежность керамики с гребенчато-шнуровым орнаментом на территории Южной Удмуртии (чумойтинская культура) подвергается сомнению. Р.Л. Голдина, в частности, считает, что связь этой керамики с зауральской петрогромской культурой не доказана и чумойтинская культура в своем генезисе восходит к прикамской ананьинской культуре (Голдина, 1999. С. 304).

– Продолжение изучения памятников постпетрогромского-чинялинского типа уже в контексте генезиса культуры приуральских башкир. Эта проблема также назрела, поскольку сейчас уже не вызывает сомнения тот факт, что, начиная с X века, территория лесного и лесостепного Приуралья, с одной стороны, была занята населением, оставившим эти памятники, а с другой – письменные источники не менее определенно указывают на присутствие древних башкир в Приуральской лесостепи.

– Видимо, следует окончательно отказаться от определения памятников XIII–XIV веков, известных в южноуральской степи как однозначно «кипчакские», и исследовать их, во-первых, в контексте полиэтничности кочевников золотоордынского времени в регионе, а во-вторых – в контексте места Южного Урала как пограничья между двумя этнополитическими образованиями указанного времени – улуса Бату и улуса Шибана.

– Одной из особенностей Южноуральского региона в культурной системе Золотой Орды является еще и то, что это была территория с ярко выраженной степной кочевнической культурой. Многокомпонентность золотоордынской культуры общепризнанна. В пределах этого государства одновременно существовали два культурных пласта – степной и городской – функционировавшие независимо. По словам Г.А. Федорова-Давыдова, «действительно тесных и прочных связей между золотоордынским городом и степной его округой не сложилось ... В XIV в. материальная культура

кочевого населения и культура степных городов в Золотой Орде были разнородными явлениями, имевшими мало точек соприкосновения. Объединяет эти два вида населения главным образом общая принадлежность к Золотой Орде, то есть общая деспотическая ханская власть» (Федоров-Давыдов, 1976. С. 118). Имеющиеся наработки по истории материальной культуры кочевников региона (Иванов, 2001; 2002) и золотоордынских городов уже могут послужить основой для дальнейшего раскрытия приведенного тезиса или его опровержения.

– Своего продолжения требует разработка проблемы торгово-культурных связей средневекового населения Южного Урала и Приуралья. И в частности – проблема степного торгового пути, поставленная В.Ю. Морозовым (Морозов, 1996. С. 254). Ее разработка представляется актуальной уже потому, что существующая концепция «Волжского Камского торгового пути» (Белавин, 2001. С. 142) не дает, например, однозначного ответа на вопрос: почему до X–XI веков (время начала активной торговой экспансии Волжской Болгарии на север) лесное Прикамье буквально «наводняется» образцами южного и восточного импорта (поясная гарнитура, образцы торевтики, монеты), а на территории ранних волжских болгар эти изделия практически отсутствуют.

Конечно, перечисленные проблемы составляют лишь малую толику всех проблем и вопросов, которые возникают при знакомстве с имеющимся археологическим материалом и результатами его проработки. Но эти проблемы реальны и актуальны. Правда, для их разработки и решения недостаточно одной фантазии, а требуется хорошее овладение современными методиками анализа материала и, конечно же, знакомство с современными исследованиями. Это требует сил, времени и кропотливого труда.

В заключение хотелось бы остановиться на некоторых дискуссионных вопросах, поднимаемых сегодня на страницах работ по средневековой истории региона. Прежде всего это касается различных выводов и соображений, к которым пришел Н.А. Мажитов. Мы категорически не согласны с заключением, к которому пришел вышеуказанный автор после анализа трудов монаха Юлиана, Плано Карпини и других авторов XIII века (однако Н.А. Мажитов не назвал только Гильома де Рубрука и брата Иоганку, из которых первый, как известно, сведения о башкирах и венграх на Урале получал из чужих рук, а второй, хотя и прожил «в Баскардии» 6 лет, но ни слова о башкирах

(кроме того, что они были «совершенно заражены сарацинским заблуждением») более не сообщает), что «мнение о пребывании предков мадьяр на территории Урала, в том числе и южной его части, есть миф, пока не подкрепленный никакими аргументами» (выделено мной. – В.И.) (Мажитов, 2003. С. 165).

На наш взгляд, аксиомой сегодня является то, что большинство современных исследователей, пользующихся различными методическими приемами анализа материала, единодушны во мнении о принадлежности южноуральских археологических культур второй половины I – первой половины II тыс. н. э. – кушнареновской, караякуповской, чиялыкской – к этнокультурному ареалу (ЭКА) культур с резной и гребенчато-шнуровой керамикой, занимавшему территорию лесного и лесостепного Зауралья и Приуралья. Этническое содержание указанного ЭКА составляли народы и племена, говорившие на языках уральской языковой семьи, состоящей из языков финской, угорской и самодийской групп.

Не понятно, почему Н.А. Мажитовым не принимается мнение о принадлежности чиялыкской культуры к Уральскому (угорскому) ЭКА (Мажитов, 2003). По его твердому убеждению, это древнебашкирская археологическая культура. Достаточно вспомнить о том, что, во-первых, в материальной культуре и антропологическом облике башкир присутствуют ярко выраженный финно-угорский и угро-самодийский компоненты, четко обозначенные этнографами (Васильев, Шитова, 1982; Юсупов, 2002). Во-вторых, установлено, что «языковая преемственность совершенно не обязательно влечет за собой преемственность культурную или генетическую. Более того, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что на всем протяжении истории наиболее частым и действенным языковым процессом была ассимиляция, приводившая как к «победе» одного языка и исчезновению другого с возникновением в первом субстратных (суперстратных, адстратных) явлений, так и к распаду языка «победителя» вследствие воздействия на него разных субстратов в разных ареалах его бытования» (Напольских, 1997). То есть носители чиялыкской культу-

ры вполне возможно могли со временем перенять древнебашкирский язык (и, соответственно, считать себя башкирами), но сохранять при этом свой культурный облик, сложившийся под воздействием местной этногеографической среды.

Предположение вполне правомерное, если учесть, что в процессе антропогенеза населения Южного Урала «основными компонентами антропологического состава, сложившегося в результате длительной и неоднократной метисации пришлого и местного населения в последние 3,5 тыс. лет, явились представители местной уральской расы ...» (Юсупов, 2002. С. 27) (выделено мной. – В.И.). О происхождении последней антропологи высказывают несколько гипотез. По одной – уральская раса есть продукт метисации европеоидов и монголоидов на огромных пространствах от Прибалтики до Енисея. По другой – Урал был центром формирования уральской расы, «либо самостоятельной по происхождению, либо очень рано отделившейся от азиатского (протоазиатского) расового ствола» (выделено мной. – В.И.) (Давыдова, 1992. С. 12). В наиболее чистом виде уральский расовый тип представлен у хантов и манси – народов угорской языковой группы. Что касается древних тюрок, то самые ранние из известных тюрских материалов из Казахстана, Прииртышья, Тянь-Шаня, Павлодарской области, Нижнего Поволжья, Подонья и Украины указывают на преобладание среди них европеоидов, а Забайкальские тюрки – чистые монголоиды без каких-либо «уралоидных» примесей (Дубова, 1992. С. 114).

К этому ряду весьма сомнительных идей можно отнести предположение автора о возможной тюркоязычности носителей ананьинской культуры на том лишь основании, что они были монголоидами (Мажитов, 2003. С. 165, 185).

Таким образом, подводя итог сказанному выше, следует отметить, что предлагаемые Н.А. Мажитовым «концептуальные новинки» в южноуральской археологии даже при самом поверхностном рассмотрении оказываются не более чем гипотетическими альтернативами и сохраняют актуальность только в качестве предмета историографического обзора.

- Абдулганеев М.Т., Панин Д.В., 1999. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Аванесова Н.А., 1979. Проблемы истории андроновского культурного единства по металлическим изделиям: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- Аванесова Н.А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент.
- Авилов Л.И., Черных Е.П., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественные методы в археологии. М.
- Агаджанов С.Г., 1969. Очерки истории гузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад.
- Агаджанов С.Г., 1995. Кочевники Южной Руси (по данным восточных и древнерусских источников) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск.
- Агапов П., Калдырбаев М., 1979. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата.
- Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.
- Аджи М., 1999. Кипчаки. Древняя история тюрков и Великой Степи. М.
- Ажигали С.Е., 2001. Очерк этнической истории аридной зоны Арало-Каспия (в свете проблем этногенеза) // История и культура Арало-Каспия. Алма-Ата.
- Айбабин А.И., 1985. Погребение хазарского воина // СА. № 3.
- Акбулатов Ч.М., 1998. Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля // УАВ. № 1.
- Акишев А.К., 1978. Идеология саков Семиречья // КСИА. Вып. 154.
- Акишев К.А., 1959. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7. Археология.
- Акишев К.А., 1972. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
- Акишев К.А., 1973. Саки азиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
- Акишев К.А., 1978. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М.
- Акишев К.А., 1986. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н. э. – V в. н. э.): Научный доклад, представленный в качестве дисс. ... докт. ист. наук. М.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963. Саки и усунь долины реки Или. Алма-Ата.
- Алаева И.П., 2003. Надмогильные конструкции в погребальных памятниках эпохи бронзы Южного Зауралья // Человек в пространстве древних культур. Материалы Всероссийской научной конференции. Челябинск.
- Александренко Н.А., Викторова В.Д., 1991. Неолитические жилища ЮАО V // Неолитические памятники Урала. Свердловск.
- Алексеев А.Ю., 2003. Кочевники Евразии: история и археология. Скифы-азиаты и европейцы // Золотые олени Евразии. СПб.
- Алексеев В.П., 1961. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // АС III. ТИЭ. Т. LXXI. М.
- Алексеев В.П., 1967. Антропология андроновской культуры // СА. № 1.
- Алексеев В.П., 1979. Историческая антропология. М.
- Алексеев В.П., 1986. Этногенез. М.
- Алексеев В.П., 1989. Историческая антропология и этногенез. М.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984. Антропология Азиатской части СССР. М.
- Алексеев В.П., Ходжайов Т.К., Халилов Х., 1984. Население верховьев Амурарья по данным палеоантропологии. Ташкент.
- Алексеев М.П., 1941. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников XIII–XVII вв. Иркутск.
- Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М., 1992. Исследования 1989 г. в Семипалатинской области // Маргулановские чтения. 1990 (сборник материалов конференции). Ч. 1. М.
- Аманжолов С., 1997. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алматы.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. ДД-30.
- Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. № 2.
- Амброз А.К., 1971а. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. № 3.
- Амброз А.К., 1981. Восточно-Европейские степи в V – пер. пол. VIII в. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР. М.
- Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.
- Андрианов Б.В., 1985. Неоселдос население мира. М.
- Андрианов В.Б., 1987. Проблема исторического взаимодействия кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах (по материалам Приаралья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тез. док. советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата.
- Аннинский С.А., 1940. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.–Л.
- Антонов И.В., 2000. Этнокультурная история Волго-Уральского региона в XIII–начале XV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Арешиян Г.Е., 1989. К обоснованию методов исследования культурных и этнических контактов в древности (этнокультурные связи Юго-Восточной и Центральной Европы с Армянским нагорьем и Южным Кавказом) // СЭ. № 2.
- Аржан, 2004. Источник в долине царей. СПб.
- Аристов Н.А., 1904. Этнические соотношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно

- шественно китайским, историческим источникам // Русский Антропологический журнал. № 1, 2.
- Аристов, 1984. Сочинения. Т. 4. М.
- Арсланова А.А., 1990. Кыпчаки и термин Дагит-и Кыпчак (по данным персидских источников XIII–XIV вв.) // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань.
- Арсланова Ф.Х., 1968. Памятники Павлодарского Прииртышья с VII–XII вв. // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Арсланова Ф.Х., 1969. Погребение тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев. Алма-Ата.
- Арсланова Ф.Х., 1974. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата.
- Арсланова Ф.Х., 1975. Курганы с «усамия» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата.
- Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.
- Арутюнов С.А., 1989. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.
- Археологические работы в Центральном Казахстане, 1935. Алма-Ата.
- Археология Украинской ССР. 1986. Киев.
- Асеев И.В., 1975. О раннемогильских погребениях // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск.
- Ахияжанов С.М., 1977. Курганы с «усамия» на юго-западных склонах Каратау // Археологические исследования в Отраке. Алма-Ата.
- Ахияжанов С.М., 1989. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата.
- Ахияжанов С.М., 1995. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы.
- Ахмедов Б.А., 1965. Государство кочевых узбеков. М.
- Ахмеров Р.Б., 1959. Ново-Уфимский могильник алауно-павловского времени // СА. № 1.
- Багашев А.Н., 2000. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск.
- Багашев А.Н., 2002. Сложение уральских народов в свете антропологических данных // Северный Археологический Конгресс. Доклады. Екатеринбург.
- Бадер О.Н., 1959а. Поселение Забойное I // Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции ИА АН СССР. Т. 1. М.
- Бадер О.Н., 1959б. Астраханцевское поселение в устье Чусовой // Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции ИА АН СССР. Т. 1. М.
- Бадер О.Н., 1960. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. № 99.
- Бадер О.Н., 1966. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // У истоков древних культур (эпоха мезолита). МИА. № 126. М.–Л.
- Бадер О.Н., 1971. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // МИА. № 173.
- Байпаков К.М., Подушкин А.Н., 1989. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата.
- Балабанова М.А., 2000. Антропология Древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.
- Балинг И., 1995. Введение в археологию Авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.
- Бартольд В.В., 1964. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей). Соч. Т. II. Ч. 2. М.
- Бартольд В.В., 1965. Полн. собр. соч. Т. III. М.
- Бартольд В.В., 1968. История тюрко-могильских народов // Соч. Т. 5. М.
- Басаидайка, 1948. Томск.
- Бейсенов А., 1989. Новые памятники тасмолинской культуры в Центральном Казахстане // Маргулановские чтения (Сборник материалов конференции). Алма-Ата.
- Бейсенов А.З., 1995. Новый тип раннекопеченских погребений с черепами животных в Центральном Казахстане (к проблеме изучения памятников позднетасмолинского времени в Восточной Сарыарке) // Изучения памятников археологии Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. V. Ч. 2. Барнаул.
- Бейсенов А.З., 1996. Коргантасские погребения конца I тыс. до н. э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тезисы докладов Международной конференции (часть I). Улан-Удэ.
- Бейсенов А.З., 1996. Культурно-ритуальные сооружения древних народов Центрального Казахстана // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. общ. наук. № 2.
- Бейсенов А.З., 1997. Погребальные памятники и культурно-ритуальные сооружения древних народов Центрального Казахстана (7–1 вв. до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алматы.
- Бейсенов А.З., 1999. Изучение курганов с каменными градами казахстанских степей // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Бейсенов А.З., 2001. Майкубенские курганы середины I тысячелетия до н. э. в Центральном Казахстане // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. общ. наук. № 1.
- Бейсенов А.З., 2002. Исследования Сарыаркинской экспедиции в Центральном Казахстане // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. № 1.
- Бейсенов А.З., Волошин В.С., 2002. Могильник Ижевский-2 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар.
- Бейсенов А.З., Кожак Д.А., 1999. Тасмола и хуннский аспект // Материалы I и II Научных чтений памяти В.П. Юдина (1993–1994 гг.). Алматы.
- Бейсенов А.З., Смайлос Ж.Е., 1998. Талдысайские уделы раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Материалы Международной археологической конференции. Алматы.
- Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь. Пермь.

- Белаин А.М., 2000. Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб.
- Белаин А.М., 2001. Камский торговый путь как северное ответвление Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань.
- Белаин А.М., Крыласова Н.Б., 2002. Истоки межэтнической толерантности в Прикамье // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы Международной научной конференции. Ижевск.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М., 1983. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск.
- Белинский А.Б., Ольховский В.С., 1996. Комплекс скифских изваяний со Ставрополя // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 2. Армавир, 2002.
- Бельгибас М.Е., Белый А.В., 2002. Аридизация почв и ландшафтов степной зоны Казахстана // География и природные ресурсы. № 3.
- Бельтикова Г.В., 1977. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. ВАН. Вып. 14.
- Бельтикова Г.В., 1982. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск.
- Бельтикова Г.В., 1986. Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск.
- Бельтикова Г.В., 1993. Развитие иткульского очага металлургии // ВАН. Вып. 21.
- Бельтикова Г.В., 1997. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Бельтикова Г.В., 2002. Иткульский очаг металлургии: ориентация, связи // Уральский исторический вестник. № 8 (Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве). Екатеринбург.
- Берлизов Н.Е., Каминский В.Н., 1993. Аланы, Кангюй, Давань // Петербургский археологический вестник. № 3.
- Бернштам А.Н., 1947. Проблемы истории Восточного Туркестана // ВДИ. № 2.
- Бернштам А.Н., 1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. № 14. М.–Л.
- Бернштам А.Н., 1951. Находки у оз. Боровое в Казахстане // СМАЭ. Т. XIII.
- Бернштам А.Н., 1951. Очерки истории гунов. Л.
- Бернштам А.Н., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26. М.–Л.
- Беспозванный Е.М., 1997. Мезолит таежной зоны Западной Сибири. (Предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. 1. Екатеринбург.
- Бессонова С.С., 1984. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Бессонова С.С., Скрябин С.А., 1986. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. № 4.
- Бикбулатов Н.В., 2002. Основные этапы заселения Южного Урала и этнической истории башкир // Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа.
- Бисембаев А.А., 1999. К проблеме распространения ислама среди казахов Западного Казахстана // Аблайхан хан және Евразиялық идея: тарихи шындық пен кұмен. Ахтобе.
- Бисембаев А.А., 2001. Памятники VIII–IX вв. на территории Западного Казахстана // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Оренбург.
- Бобомуллов С., 1999. Раскопки гробницы бронзового века на Верхнем Зеравшане // Stratum plus. № 2.
- Бобров В.В., 1999. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н. э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Богачев А.В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара.
- Богачев А.В., 1998. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. Самара.
- Богачев А.В., 2000. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб.
- Богачев А.В., Мышкин В.Н., 1995. Раннеболгарский курган у с. Осиповка // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Богданов Е.С., 2002. Уникальная находка раннескифского времени из Орды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Т. VIII. Новосибирск.
- Бокленко Н.А., 1986. Начальный этап культуры кочевников Саяно-Алтая (по материалам конской снаряжения): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- Бокленко Н.А., 1998. Одея из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.
- Бокленко Н.А., Заднепровский Ю.А., 1992. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Бокленко Н.А., Зайшева Г.И., Валиул Б., Лебедева Л.М., Семенов А.А., 2003. К проблеме хронологии раннепетгавских памятников Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Книга II. СПб.
- Борисенко А.Ю., Худков Ю.С., 2003. Функциональный анализ металлических защитных наголовий древних кочевников Центральной Азии // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Книга II. СПб.
- Боровкова Л.А., 1989. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – VII в. н. э. М.

- Бородаев В.Б., 1993. Местонахождение Вакулиха-I // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Часть I. Барнаул.
- Бородаев В.Б., 1998. Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-I) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.
- Боталов С.Г., 1986. Памятники кочевников Урало-Ишимского Междуречья XII – XIV вв. // Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа.
- Боталов С.Г., 1986. Погребальный комплекс Кесене // АО – 1984.
- Боталов С.Г., 1987. Курганы у озера Синеглазово по раскопкам Н.К. Миню и С.А. Гаттука // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Боталов С.Г., 1988. Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.
- Боталов С.Г., 1991. О соотносимости хронологических схем для различных регионов степей и лесостепей Евразии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Боталов С.Г., 1992. Аскизский курган монгольской эпохи Кула-Айгыр // РА. № 2.
- Боталов С.Г., 1994. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья (сер. II-сер. XIV вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Боталов С.Г., 1995. Тюркские кочевники Урало-Иртышья // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н. э. Самара.
- Боталов С.Г., 1996. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Боталов С.Г., 1996а. Волго-уральские и казахстанские степи в V–VIII вв. (Некоторые вопросы тюркизации Евразийских степей) // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Боталов С.Г., 1998. Раннетюркские памятники урало-казахстанских степей // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии): Материалы II Международной археологической конференции. Самара.
- Боталов С.Г., 1999. Ранние торки (попытка реконструкции культурогенеза). XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Боталов С.Г., 2000. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Ранний железный век и средневековье. Т. II. Челябинск.
- Боталов С.Г., 2003. Урало-казахстанские степи в гуно-сарматское и раннетюркское время (II–VIII века н. э.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск.
- Боталов С.Г., 2003а. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (13). Новосибирск.
- Боталов С.Г., Бабенков К.Н., 1998. Памятники VIII–IX вв. горно-лесного Урала и лесостепного Зауралья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара.
- Боталов С.Г., Бисембаев А.А., 2002. Новые материалы по истории гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б., 1996. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Боталов С.Г., Гузлов С.Ю., 2000. Гуно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск.
- Боталов С.Г., Костюков В.П., 1993. Кыпчакские погребения XI – XII вв. на Южном Урале // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Боталов С.Г., Костюков В.П., 1993. Кыпчакские погребения XI – XII вв. на Южном Урале // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Боталов С.Г., Полушкин Н.А., 1996. Гуно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Боталов С.Г., Тайров А.Д., 1996. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Боталов С.Г., Тайров А.Д., 2000. Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск.
- Боталов С.Г., Усманова Э.Р., 1998. Памятники II в. до н. э. – I в. н. э. в урало-казахстанских степях // Приаралье в древности и средневековье. М.
- Бочаров И.В., 2000. Средневековый погребальный обряд Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Бочаров В.С., 1975. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.
- Бромлей Ю.В., 1983. Очерки теории этноса. М.
- Бубенок О.Б., 1997. Ясы и брошки в степях Восточной Европы (VI–нач. XIII в.). Киев.
- Булгаков Р.М., 1984. Персидская надпись на серебряной пластинке из кыпчакского кургана на р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.
- Бурханов А.А., 1992. Область Амуля в древности и раннем средневековье: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Бушмакин А.Ф., 2002. Металлические предметы из кургана 25 Большекараганского могильника // Зданович Д.Г. и др. Аркани: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск.
- Вайнберг Б.И., 1979. Памятники кузайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. IX.
- Вайнберг Б.И., 1991а. Древняя история обводнения Присарыкамьской дельты Амударьи в свете работ последних десятилетий // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М.

- Вайнберг Б.И., 1991б. Изучение памятников Присары-хамышской дельты Амударьи в 70-х – 80-х годах // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Ч. 1. М.
- Вайнберг Б.И., 1999. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. – VIII в. н. э. М.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1992. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1993. Чирикратская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. М.
- Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А., 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М.
- Вайнштейн С.И., 1970. Раскопки могильника Коюль в 1962 г. // Тр. ТКАЭЭ. Т. 3. М.
- Вайнштейн С.И., 1989. Кочевничество // Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура. М.
- Валыцак С.Б., 2004. Конская упряжь Приаралья и юга Восточной Европы: сходство и отличия // Археологические памятники раннего железного века Юга России. МИАР. Т. 6. М.
- Варенов А.В., 1984. О функциональном предназначении «моделей ярям» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1989. Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1990. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактика армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1995. Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюаньской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая (Тезисы научно-практической конференции). Барнаул.
- Варенов А.В., 1996. Датировка оружия, изображенного на оленних камнях монголо-забайкальского типа и проблема археологических памятников сюаню // 100 лет гуиньской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в контексте и исторической перспективе. Гуиньский феномен. Улан-Удэ.
- Варенов А.В., 1996. Чжужайгоу – памятник эпохи Шан из Ордоса с «карасук-тагарским» кинжалом // Гуманитарные науки в Сибири. № 3.
- Варенов А.В., 1999. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Варенов А.В., 1999а. Новая культура эпохи бронзы из Северного Сибиряка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. X. Барнаул.
- Варенов А.В., 1999б. Материалы новой культуры эпохи бронзы из могильника Кзырмуца в Северном Сибиряке // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск.
- Варенов А.В., 1999в. Новая культура эпохи бронзы из китайской части Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск.
- Варфоломеев В.В., 1987. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Варфоломеев В.В., 1988. О культурной принадлежности памятников с валяковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.
- Варфоломеев В.В., 1991. Сары-Арка в конце бронзовой эпохи: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата.
- Варфоломеев В.В., 1991а. Саргаринские могильники Сары-Арки // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Тезисы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения К.В. Сальникова. Уфа.
- Варфоломеев В.В., 1992. Погребения эпохи поздней бронзы Кентского микрорайона (типология конструкций) // Маргулановские чтения. 1990. Ч. 1. М.
- Васильев В.И., Шитова С.Н., 1982. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа.
- Васильев В.Н., 1993. Развитие военного дела сарматов Приуралья VII–II вв. до н. э. // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
- Васильев В.Н., 1995. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Васильев И.Б., 1999. Взаимодействие культур в лесостепном Волго-Уралье в эпоху бронзы и железа // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1995. Проблема перехода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы на Урале, Волге и Дону // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 1. Челябинск.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1995а. Памятники погребального типа в лесостепном Поволжье (краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара.
- Васильев Л.С., 1976. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.
- Васильев Л.С., 1989. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и типологический анализ праязыка и пракультуры. Т. 1–2. Тбилиси.
- Васютин А.С., Садовой А.Н., 1999. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения в раннескифское время (Восточный Алтай – могильник Коо-1) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Васютин С.М., 1992. К этнической истории Южного Приуралья в XIII–XIV вв. // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа.
- Ведлер Дж., Егоров В., Дзавс-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Т., 1993. Раскопки могильника Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году. Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.

- Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е., 1981. Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. Вып. 167.
- Винников К.Я., Гройсман П.Я., 1979. Эмпирическая модель современных изменений климата // Метеорология и гидрология. № 3.
- Виноградов А.В., 1980. Памятники алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.
- Виноградов А.В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.
- Виноградов А.В., 1991. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья // ТХАЭЭ. Т. XIII. М.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986. Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологические исследования) // ТХАЭЭ. Т. XIV.
- Виноградов Н.Б., 1981. Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. Вып. 169.
- Виноградов Н.Б., 1984. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. № 3.
- Виноградов Н.Б., 1995. Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи неолита–бронзы Средней и Восточной Европы. Материалы конференции. СПб.
- Виноградов Н.Б., 1999. Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Виноградов Н.Б., 2001. Парадоксы Синташты // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культуры, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара.
- Виноградов Н.Б., 2003. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск.
- Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В., 1996. Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса фелдорской культуры в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э. (по материалам Уйгарка) // ТХАЭЭ. Т. VIII.
- Вишневская О.А., Итина М.А., 1971. Ранние саки Приуралья // Проблемы скифской археологии. МИА. № 177.
- Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А., 1997. Городище Кюзеги-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. № 2.
- Воеводский М.В., 1950. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИМК. Вып. 31.
- Войтов В.Е., 1990. Могильники Каракурма (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск.
- Войтов В.Е., 1996. Древнетюркский пантеон о модели мироздания в культово-поминальных памятниках истории VI–VIII вв. М.
- Волков С.Р., 1995. Вооружение населения Верхнего Прикамья во II половине I тыс. н. э. (По материалам могильников): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Воробьева М.Г., 1973. Дингильде. Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме // МХЭ. Вып. 9. М.
- Воронов Ю.Н., Шенкаев Н.К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. н. э. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М.
- Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудэрге как источник по истории алтайских племен. М.–Л.
- Гаврилюк А.Г., 1989. Прохоровская культура на Южном Урале // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы Всесоюзной археологической конференции. Ч. II. Кемерово.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993. Эволюция некоторых форм савромато-сарматских мечей // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 2002. Кочевническое погребение VII в. до н. э. в ареале иткульской культуры // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. Челябинск.
- Гавригухин И.О., 1996. К изучению ремесленных гонимостей Поволжья VI–VII вв. // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.
- Гадло А.В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.
- Галь А.Г., Гумилев Л.Н., 1966. Разнообразные почвы на степных песках Дона и передвижение народов за исторический период // Известия АН СССР. Серия географическая. № 1.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык в индоевропейцы. Тбилиси.
- Гарустович Г.Н., 1986. Раннемусульманские погребальные памятники и вопрос о распространении ислама в Южно-Уральском регионе (к постановке проблемы) // Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа.
- Гарустович Г.Н., 1988. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних укров на Южном Урале. Уфа.
- Гарустович Г.Н., 1993. Могильник Саралжин I (к вопросу об Islamизации Джучиева улуса) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Гарустович Г.Н., 1998. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Гарустович Г.Н., 2000. Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // УАВ. Вып. 2.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 1992. Ареал расселения укров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н. э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск.

- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989. Курганные могильники ранних мусульман Южного Приуралья и Западного Казахстана // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.
- Гарустович Г.Н., Ракушкин А.И., Яминов А.Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа.
- Генинг В.Ф., 1977. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.
- Генинг В.Ф., 1993. Большие курганы лесостепного Притобья (IV–II вв. до н. э.) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск.
- Генинг В.Ф., Зданович С.Я., 1987. Лихачевский могильник на р. Ишим – памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н. э. // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Генинг В.Ф., Овчинникова Б.Б., 1969. Пахомовский могильник // ВАУ. Вып. 8.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.Н., 1993. Поселения Черноозере, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К., 1994. Черноозере I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург.
- Геологический словарь. 1955. Т. II. М.
- Гинзбург В.В., 1946. Материалы к антропологии гуинов и савков // СЭ. № 4.
- Гинзбург В.В., 1960. Антропологическая характеристика савков южного Памира // КСИИМК. Вып. 80.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.
- Гиря Е.Ю., Некоршев П.Е., 1993. Технологическая периодизация каменных индустрий // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы конференции. Ч. 1. Культура и культурное наследие в современном мире. СПб.
- Глебов В.П., 1998. К вопросу о генезисе раннесарматской культуры // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону.
- Глоба Г.Д., 1983. Раскопки могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–82 гг. Горно-Алтайск.
- Глушко Е.В., 1996. Цикличность ландшафтообразования Южного Приуралья в голоцене // География и природные ресурсы. № 4.
- Глушкова Т.Н., 1999. Текстильная керамика и ткачество у петровцев // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Гмыря Л.Б., 1995. Страна гуинов у каспийских ворот. Махачкала.
- Голдина Е.В., 1998. Бусы Верхнего Прикамья конца IV–IX вв. (по материалам могильников неволинской культуры): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.
- Горбунов В.С., 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.
- Горбунов В.С., 1993. Некоторые проблемы периодизации и хронологии культур эпохи бронзы Волго-Уральской лесостепи // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
- Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмагилов Р.Б., 1990. Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа.
- Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б., 1976. Новые находки мечей и конжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. № 3.
- Горбунова Н.Г., 1962. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. Вып. 5.
- Горбунова Н.Г., 1984. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // АСГЭ. Вып. 25.
- Горбунова Н.Г., 1991. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.) // СА. № 3.
- Горбунова Н.Г., 2001. Конская упряжь ранних савков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.
- Гордін В.А. Братская любовь, шемакин суд, и кто напишет историю // <http://edu.mocme.ru/Project/OL/part1.htm>.
- Горелик М.В., 1988. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тысячелетий до н. э. в циркумпафтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Горелик М.В., 1993. Оружие Древнего Востока (IV тыс. – IV в. до н. э.). М.
- Горский А.А., 2002. Ногай и Русь // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.
- Горачева В.Д., 1987. О некоторых ближневосточных традициях в средневековых памятниках Северной Киргизии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Граков Б.Н., 1947. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3.
- Граков Б.Н., 1947. Скифы. Київ.
- Грантовский Э.А., 1975. О восточно-иранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М.
- Грич А.Д., 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.
- Григорьев А.П., Григорьев В.П., 2002. Коллекция золотоордынских документов XIV в. из Венеции. Историко-ведческое исследование. СПб.
- Григорьев Г.В., 1940. Каутиги-Теле (раскопки 1935 г.). Ташкент.
- Григорьев Г.В., 1949. Келесская степь в археологическом отношении // Известия АН Каз ССР. Серия археология. Вып. 2.

- Григорьев С.А., 1994. Древняя металлургия Южного Урала: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Григорьев С.А., 1996. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Григорьев С.А., 1999. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск.
- Григорьев С.А., 2000. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1. Челябинск.
- Григорьев С.А., 2000а. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1. Челябинск.
- Григорьев С.А., 2003. История изучения эпохи бронзы Южного Зауралья // История археологии Южного Зауралья. Челябинск.
- Григорьев С.А., 2003а. О «металлургии свинца» в синташтинско-абашевское время (в печати).
- Григорьев С.А., 2003б. Исследование хромпикниделов и проблема рудной базы синташтинской металлургии // Известия Челябинского научного центра. № 3.
- Григорьев С.А., 2003в. Металлургия эпохи бронзы Центрального Казахстана // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана.
- Григорьев С.А., 2003г. Древние металлургические шлаки степного Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов.
- Григорьев С.А., 2003д. Металлургическое производство эпохи бронзы в Башкирии // УАВ. Вып. 5.
- Григорьев С.А., 2003е. Анализ шлаковых остатков с поселений Вишневка, Верхняя Алабуга и Коршуново в Тоболо-Ишимской лесостепи (в печати).
- Гришин Ю.С., 1971. Металлические изделия Сибири эпохи неолита и бронзы // САИ. Вып. В 3–12.
- Гришин Ю.С., 1981. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.
- Грум-Гржимайло Г.Е., 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.
- Грязнов М.П., 1947. Памятники майемирского этапа ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XV–III.
- Грязнов М.П., 1952. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. Т. XVI.
- Грязнов М.П., 1956. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61.
- Грязнов М.П., 1966. Восточное Приаралье // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.–Л.
- Грязнов М.П., 1970. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. Вып. 122.
- Грязнов М.П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.
- Грязнов М.П., 1992. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Гумилев Л.Н., 1960. Хунну. М.
- Гумилев Л.Н., 1967. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. № 1.
- Гумилев Л.Н., 1993. Древние тюрки. М.
- Гуревич Д.Я., 2000. Справочник по конному спорту и коневодству. М.
- Гуркин С.В., 2000. О предках кыпчаков и кимаков // Донская Археология. № 3, 4. Ростов-на-Дону.
- Гуркин С.В., 2001. Кыпчаки и кимаки в IX – первой трети XI в. // Донская Археология. № 3–4. Ростов-на-Дону.
- Гусеница Т.М., 1981. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // СА. № 3.
- Гудалов С.Ю., 1992. Ярусные погребения Илека и проблема сложения савроматской культуры // Маргулановские чтения. Тезисы докладов. Петропавловск.
- Гудалов С.Ю., 1996. Впускные погребения Илека предсавроматского времени // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара.
- Гудалов С.Ю., 1996. Отчет о раскопках аварийного кургана в могильнике Шиликсай в Актобинской области летом 1996 года. // Архив ИА НАН-МН РК.
- Гудалов С.Ю., 1998. Культурный комплекс на горе Жилантау // УАВ. Вып. 1.
- Гудалов С.Ю., 1998. Курганы раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбургия. Вып. 2. Оренбург.
- Гудалов С.Ю., 2000. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Гудалов С.Ю., 2000а. О роли скифов в формировании прохоровской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара.
- Гудалов С.Ю., 2001. Скифы на Южном Урале // Этнополюс. № 1.
- Гудалов С.Ю., 2003. Кочевники Южного Урала в конце V–III вв. до н. э. // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. Т. 1. Астана.
- Гудалов С.Ю., Бисембаев А.А., 2002. Погребения прохоровской культуры южнее Орск // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск.
- Гудалов С.Ю., Боталов С.Г., 1999. Скифское изваяние в Южном Зауралье // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Материалы конференции. Екатеринбург.
- Гудалов С.Ю., Боталов С.Г., 2000. Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорск // УАВ. № 3.
- Гудалов С.Ю., Боталов С.Г., 2001. Курганы прохоровской культуры в районе Магнитогорск // УАВ. Вып. 3.
- Гудалов С.Ю., Тайров А.Д., 2000. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.
- Давыдова А.В., 1996. Иволгинский археологический комплекс // Археологические памятники сыну. Иволгинский могильник. Вып. 2. Т. 2. СПб.

- Давыдова Г.М., 1992. Современное состояние проблемы уральской расы // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа.
- Данченко Г.П., Нестеров С.В., 1989. Два погребения гуно-сарматской эпохи из Аймырлытской долины // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск.
- Дашевская О.Д., 1969. Погребение гунинского времени в Черноморском районе Крыма // МИА. № 169.
- Дворниченко В.В., 1984. Погребения с бронзовыми однолезвийными ножами в могильнике Кривая Лука XXXIV // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Дворниченко В.В., Кореняко В.А., 1989. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заповжье и Южном Приуралье // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никопольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождов и древние города Поволжья. М.
- Дебев Г.Ф., 1932. Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграциях в доклассовом обществе) // АЖ. № 2.
- Дебев Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // Тр. ИЭ. Новая серия. Т. IV. М.
- Дебев-Франкфор К., 1989. Саки в провинции Синьцзян до периода Хань. Критерий идентификации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Дегтярева А.Д., Попова Т.М., Кизина Н.Г., Астасинова В.М., 1998. Технологические особенности изготовления металлического инвентаря погребения воина-колесничего Кондрашинского кургана // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Демин М.А., Ситников С.М., 1999. Некоторые новые находки раннескифского времени с берегов Гилевского водохранилища // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Демин В.А., 1997. Палеопочвенное и археология. Пушкино.
- Демин В.А., Лукашов А.В., 1993. Почвенно-ландшафтные условия Северо-Западного Прикаспия во II тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // СА. № 4.
- Демин В.А., Рысков Л.Г., 1996. Динамика палеоэкологических условий в волго-уральских степях и проблема миграций ранних кочевников // 100 лет гуно-ской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Ч. 1. Улан-Удэ.
- Денисов В.П., Коренко С.Н., 2001. Чекан с р. Сарабанхи // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т., 2002. Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня. Новосибирск.
- Державин В.Л., 1989. Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роша (по материалам экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополя. М.
- Десятчиков Ю.М., 1973. Саторхи // ВДИ. № 1.
- Диков Н.Н., 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.
- Добжанский В.Н., 1990. Наборы пояса кочевников Азии. Новосибирск.
- Добролюбовский А.О., 1986. Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев.
- Доватур О.И., Калистов Д.П., Шишова И.А., 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.
- Долуханов П.М., Щегасов А.Я., Тош М., 1985. Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазгададе // СА. № 4.
- Древняя история Южного Зауралья, 2000. Т. 1, 2. Челябинск.
- Дремов В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск.
- Дрябина Л.А., 1974. Каменный инвентарь стоянки Синташта XX и Синташта XXI // VI Уральская научная студенческая археологическая конференция. Тезисы докладов. Ижевск.
- Дрябина Л.А., 1978. Отчет о раскопках стоянки Дружный XIV и могильника Дружный XIVa в Варненском районе Челябинской области в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 7064.
- Дрябина Л.А., Нохрина Т.И., 1986. Мезолитические традиции в технике обработки камня в эпоху неолита в Южном Зауралье // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. Новосибирск.
- Дубова Н.А., 1992. К вопросу об участии уралоидного компонента в сложении антропологического типа населения Средней Азии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа.
- Дукс У.Х., 1969. О некоторых параллелях тагикской и карасуской керамики // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 8. Ташкент.
- Дурдыев Д., 1984. Канга-2 – поселение эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад.
- Дюринг-Касперс Э., 1986. Маргиано-бактрийский археологический комплекс и харалпское письмо // ВДИ. № 3.
- Евдокимов В.В., 1983. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Евдокимов В.В., 1987. Заключительный этап эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Евдокимов В.В., 1987б. О выделении донгальской культуры переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Центральном Казахстане // Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово. Ч. 1.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Учебное пособие. Караганда.

- Евадокимов Г.Л., Фридман М.И., 1991. Курганы скифского времени у с. Первомайск на Херсонщине // Курганы Степной Скифии. Киев.
- Елагин В.С., Молодин В.И., 1991. Бараба в начале I тыс. лет. н. э. Новосибирск.
- Елин В.Н., Ваютин А., 1984. Новые материалы предторкского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
- Епимахов А.В., 1996. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Епимахов А.В., 2001. О границах и соотношении частей «Абашевской культурно-исторической общности» // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Оренбург.
- Епимахов А.В., 2002. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск.
- Епимахов А.В., 2003. Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы // РА. № 1.
- Епимахов А.В., 2003а. Об абашевском «наследии» в культурах поздней бронзы Урала // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы Международной научной конференции. Чебоксары.
- Епимахов А.В., 2004. К вопросу о «деградации» колесничного комплекса в период поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам могильника Николаевка II) // Вестник ЧГПУ. № 2.
- Епимахов А.В., Чечулов И.В., 2004. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Псалми. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк.
- Ермолаева А.С., 1985. Исследования на левом берегу Иртыша в восточном Казахстане // АО – 1983 г. М.
- Ермолаева А.С., 1986. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Ермолаева А.С., 1987. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата.
- Жданко Т.А., 1968. Номадизм в Средней Азии и Казахстане (некоторые исторические и этнографические проблемы) // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Железничков Б.Ф., 1983. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н. э. – I в. н. э. // История и культура сарматов. Саратов.
- Железничков Б.Ф., 1986. Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.
- Железничков Б.Ф., 1988. Степи Восточной Евразии в VI–II вв. до н. э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Тез. докл. конф. Азов.
- Железничков Б.Ф., 1992. Погребения IV в. до н. э. из Южного Приуралья и вопрос о времени появления дромосных могил // Хронология памятников сарматской культуры. Саратов.
- Железничков Б.Ф., 1997. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н. э.: Научный доклад, представленный в качестве дисс. ... докт. ист. наук. М.
- Железничков Б.Ф., Кригер В.А., 1978. Катакомбные захоронения в Уральской области // СА. № 4.
- Железничков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995. Раскопки у с. Литошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград.
- Заболотский Е.Ф., 1807. Новейшее землеописание земель Российской Империи. СПб.
- Заднепровский Ю.А., 1975. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.
- Заднепровский Ю.А., 1992. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Заднепровский Ю.А., 1992а. Ранние кочевники Кетмень-Любе, Ферганы и Алтая // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Заднепровский Ю.А., 1992б. Ранние кочевники Памира // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Заднепровский Ю.А., 1992в. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Заднепровский Ю.А., 1994. К проблеме этнической принадлежности катакомбных памятников Средней Азии // ПАВ. № 8.
- Заднепровский Ю.А., 1997. Древние номалы Центральной Азии (Сборник статей) // Археологические изыскания. № 40. СПб.
- Зайберт В.Ф., 1992. Абтасарская культура. Екатеринбург.
- Зайберт В.Ф., 1993. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск.
- Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М., 1981. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. № 3.
- Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юмнинов А.М., Зайкова Е.В., Зданович Г.Б., Таиров А.Д., 1999. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала: задачи, результаты, перспективы // Уральский минералогический сборник. № 9.
- Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юмнинов А.М., 1995. Медный рудник бронзового века «Воровская яма» (Южный Урал) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протгородской цивилизации Южного Урала. Кн. 2. Челябинск.
- Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юмнинов А.М., 2000. Воровская яма – новый рудник бронзового века на Южном Урале // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск.
- Зайцева Г.И., Алексеев А.Ю., Боконенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Кук Г., Лебедева Л.М., Вандер Плихт Х., Посснерт Г., Семенов А.А., Сютт М.,

- Чугунов Е.В., 2001. Археологическая и радиоуглеродная хронология памятников скифского времени Нижнего Поволжья и Южного Урала // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов Международной научной конференции. Оренбург.
- Закиев М.З., 1995. Татары: проблемы истории и языка. Казань.
- Засецкая И.П., 1968. Полихромные изделия гунского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. Вып. 10.
- Засецкая И.П., 1975. Золотые украшения гунской эпохи. Л.
- Засецкая И.П., 1978. О хронологии и культурной принадлежности памятников южноуральских степей и Казахстана гунской эпохи // СА. № 1.
- Засецкая И.П., 1982. Классификация полихромных изделий гунской эпохи по статистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V – VIII вв. М.
- Засецкая И.П., 1982. Погребения у села Кызыл-Адыр в Оренбургской области // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.
- Засецкая И.П., 1986. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гунской эпохи в южноуральских степях // АСГЭ. Вып. 27.
- Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южноуральских степей в гунскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.
- Захарова Е.Ю., 1998. Классификация знаков на керамике срубной культурно-исторической общности // Дюно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Захарова Е.Ю., 2000. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж.
- Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьевскую эпоху // МИА. № 30.
- Зданович Г.Б., 1973. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. Вып. 12.
- Зданович Г.Б., 1985. Щитковые псалмы Среднего Помимья // Энеолит и бронзовый век урало-иртышского междуречья. Челябинск.
- Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск.
- Зданович Г.Б., 1995. Аркаим. Археологические исследования // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.
- Зданович Г.Б., 1997. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зуралья // РА. № 2.
- Зданович Г.Б., 1999. Гармонизация пространства «Страны городов» // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Зданович Г.Б., 2002. Урало-казахстанские степи в эпоху средней бронзы: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Челябинск.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А., 2003. Археологический атлас Челябинской области. Степь – лесостепь. Кизильский район. Вып. 1. Тр. Музея-заповедника «Аркаим».
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зуралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 1. Челябинск.
- Зданович Г.Б., Хабдулина М.К., 1987. Курганы Тамир // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Зданович Г.Б., Шрейбер В.К., 1988. Переходные эпохи в археологии: аспекты исследования // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.
- Зданович Д.Г., 1995. Синташтинско-микутский культурно-хронологический горизонт: степи Евразии и западный регион в XVIII–XVI вв. до н. э. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 1. Челябинск.
- Зданович Д.Г., 1995а. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев урало-казахстанских степей // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.
- Зданович Д.Г., 2002. Раздел I. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск.
- Зданович Д.Г., Кириллов А.К., 2002. Курганные памятники Южного Зуралья: археоэкономические аспекты исследования. Челябинск.
- Зданович С.Я., 1970. Могильник эпохи бронзы Бурлук I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Зданович С.Я., 1979. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века Северного Казахстана: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Зданович С.Я., 1983. Поселения и жилища Саргаринской культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа.
- Зенин В.Н., 2002. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (12). Новосибирск.
- Зуев В.Ю., 2000а. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка. СПб.
- Зуев В.Ю., 2000б. Основные проблемы хронологии раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара.
- Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б., 1999. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург.
- Зуев Ю.А., 1995. Сармато-алань Приуралья (Янцзяй/Абзояй) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации: Материалы Международной конф. Алматы.
- Зяблин Л.П., 1977. Карасукский могильник Малые Копеи 3. М.
- Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V–первая половина XIII в.). Ижевск.
- Иванов В., 1993. Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Волжских степей // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

- Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). М.
- Иванов В.А., 1984. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.
- Иванов В.А., 1988. Лиевский могильник. Отчет о полевых исследованиях в Оренбургской области в 1987 году. Уфа.
- Иванов В.А., 1988. Magna-Hungaria – археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа.
- Иванов В.А., 1995. Динамика «океанской степи» в Урало-Волжском регионе в эпоху древности и средневековья // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.
- Иванов В.А., 1999. Древние угры-мадяры в Восточной Европе. Уфа.
- Иванов В.А., 2001. Убранство костюма кочевников Золотой Орды // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. Самара.
- Иванов В.А., 2002. Древние угры вокруг Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Тезисы докладов конференции. Челябинск.
- Иванов В.А., 2002. Культурные связи средневековых кочевников Евразии (по материалам декоративно-прикладного искусства) // Древнетюркский мир: история и традиция. Казань.
- Иванов В.А., 2002. Огузы и печенеги в евразийских степях // История татар с древнейших времен. Т. I. Казань.
- Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) М.
- Иванов В.А., Любчанский И.Э., 2001. Этнокультурная ситуация на Южном Урале в первой половине I тысячелетия н. э. // УАВ. № 3.
- Иванов В.А., Яминов А.Ф., 1993. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Иванов В.А., Яминов А.Ф., 1993. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Иванов И.В., 1989. Эволюция почв степной зоны как индикатор изменений климатических условий в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.
- Иванов И.В., 1992. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.
- Иванов И.В., 2000. Причины колебаний уровня Каспийского моря в голоцене по данным палеогеографии и палеопочвоведения // Водные ресурсы. Т. 27. № 3.
- Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почвы рыт-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.
- Иванов И.В., Лисецкий Ф.Н., 1994. Связь ритмов почвообразования с периодичностью солнечной активности за последние 5 тысяч лет // Доклады Академии Наук. Т. 334. № 2.
- Иванов И.В., Луковская Т.С., 1998. Динамика природных условий, почвообразования и взаимодействия природы и общества в степях Евразии, некоторые вопросы палеогеографии голоцена // Экология и почва. Избранные лекции I–VII школ (1991–1997 гг.). Т. I. Пушкино.
- Иванов И.В., Чернянский С.С., 1996. Общие закономерности развития черноземов Евразии и эволюция черноземов Зауралья // Почвоведение. № 9.
- Иванов И.В., Чернянский С.С., 2000. Вопросы археологического почвоведения и некоторые результаты палеопочвенных исследований в заповеднике Аркам // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск.
- Иванова М.Г., 1998. Иднатар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск.
- Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.
- Ивлиев А.Л., 1990. Погребения киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск.
- Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. 1896–1900 / Сост. Латышев В.В. Т. I. СПб.
- Изотова М.А., Малов Н.М., 1992. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танаевского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
- Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н., 1993. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья. Археологические вести. Вып. I. Саратов.
- Ильинская В.А., 1966. Скифские курганы около г. Борисполя // СА. № 3.
- Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.
- Ильинская В.А., 1973. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. Киев.
- Именко Н.В., Коновалов П.Б., 1983. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск.
- Иоганн Шильтбергер., 1984. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку.
- Исмагилов Р., 1998. Бетазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // УАВ. Вып. 1.
- Исмагилов Р., 2000. Клиновое оружие досаковского времени из Центральной и Северо-Западной Азии // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа.
- Исмагилов Р.Б., 1978. Новые находки акинаков сарматско-сарматского времени с территории Приуралья // СА. № 4.
- Исмагилов Р.Б., 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСТЭ. Вып. 29.
- Исмагилов Р.Б., 1991. Скифо-греческий торговый путь или миграционный маршрут сарматов // Взаимодей-

- ствие кочевых и оседлых культур на Великом шелковом пути. Алма-Ата.
- Исмагилов Р.Б., 1996. Самарское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа.
- Исмагулов О., 1970. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. (Палеоантропологическое исследование). Алма-Ата.
- Исмагулова А.С., Бейсенов А.З., 1996. К изучению антропологического типа населения Центрального Казахстана раннесредневекового времени // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тезисы докладов Международной конференции. Ч. I. Улан-Удэ.
- История археологии Южного Зауралья. 2003.
- История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в., 1996. Уфа.
- История Казахской ССР. (С древнейших времен до наших дней), 1979. Т. 2. Алма-Ата.
- История Казахской ССР. (С древнейших времен до наших дней), 1979. Т. 3. Алма-Ата.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век, 2000. Самара.
- История Сибири, 1966. Л.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л., 2000. Этнополитическая история татар. Казань.
- Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н. э.) // ТХАЭЭ. Т. X. М.
- Итина М.А., 1992. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001. Мавзоль Северного Тагисхена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.
- Кадырбаев М.К., 1958. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН КазССР. Серия история, археология и этнография. Вып. 1 (6).
- Кадырбаев М.К., 1959. Исследование кургана с каменными горами в Джамбульской области // Вестник АН КазССР. № 7.
- Кадырбаев М.К., 1962. Новые материалы по истории ранних кочевников // Известия АН КазССР. Вып. 1(18).
- Кадырбаев М.К., 1968. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Кадырбаев М.К., 1974. Могильник Жилаиды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата.
- Кадырбаев М.К., 1975. Курганы Котанзмеля // Первобытная археология Сибири. Л.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1977. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата.
- Кадырбаев, 1966. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Аюшев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Казаков Е.П., 1978. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.
- Казаков Е.П., 1978. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань.
- Казаков Е.П., 1986. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикаспийских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа.
- Казаков Е.П., 1988. О некоторых элементах языческой культуры утров Урало-Поволжья // Проблемы древних утров на Южном Урале. Уфа.
- Казаков Е.П., 1994. Культура ранней Волжской Болгарии: Научный доклад, представленный в качестве дисс. ... докт. ист. наук. М.
- Казаков Е.П., 1996. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закавказья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.
- Казаков Е.П., 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культура евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Самара.
- Казаков Е.П., 2000. О роли миграций в формировании этноса и культуры волжских болгар // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М.
- Казаков Е.П., 2000–2001. О художественном металле утров Урало-Поволжья в средневековых комплексах Восточной Европы // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 11.
- Казанцева О.А., 1996. Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. (по данным некрополей): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай.
- Кан Ин Ук, 1998. Кинжалы скифского времени из Восточного Туркестана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь, 1998 г.). Новосибирск.
- Кан Ин Ук, 1999. Проблема выделения кинжала «типа Цинь» из ордовских комплексов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Материалы VII годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь, 1999 г. Новосибирск.
- Кантемирова Э.Ф., 2000. История изучения средневековой археологии Южного Урала (конец XVIII в. – 90-е годы XX в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Караханий А.С., Трифонов В.Г., Азизбеков О.Г., Хондакрян Д.Г., 1999. Соотношения позднечетвертичной тектоники и вулканизма в Ханасарской зоне актив-

- ных разломов (Армянское нагорье) // Теоретические и региональные проблемы геодинамики. М.
- Каргалы, 2002. Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология (ред. Е.Н. Черных). Т. II. М.
- Кернер В.Ф., 1991. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997а. Изучение курганов раннескифского времени, раскопанных на могильнике Тыткесень-VI в Горном Алтае // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск.
- Киселев С.В., 1947. Алтай в скифское время // ВДИ. № 2.
- Киселев С.В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Князюна Т.П., 1976. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе.
- Кларк Дж.Г.Д., 1953. Доисторическая Европа. Экономические очерки. М.
- Клейн Л.С., 1973. Археологические признаки миграций // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, 1973). Доклады советской делегации. М.
- Кленгель Х., 1985. Архивы Эблы и история Сирии: проблемы и перспективы // Древняя Эбла. М.
- Кленовицкий Н.П., Нестерова Т.Г., Разумихина Н.В., 1962. Эволюция формы гальки в зависимости от пройденного пути // Атлас текстур и структур осадочных горных пород. М.
- Климанов В.А., 1996. Климат Северной Евразии в позднеледниковом и голоцено (по палинологическим данным): Автореф. дисс. ... докт. географ. наук. М.
- Климанов В.А., 2002. Климат Северной Евразии в неогляциале (около 2500 лет назад) // Доклады Академии наук. Т. 386. № 5.
- Климанов В.А., Тарасов П.Е., Тарасова И.В., 1994. Колебания климата степной зоны Казахстана в голоцене (по данным споро-пыльцевого анализа) // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 1.
- Клименко В.В., 1998. Климат и история в эпоху первых высоких культур (3500–500 гг. до н. э.) // Восток. № 4.
- Клименко В.В., 2000. Климат и история от Конфуция до Мухаммеда // Восток. № 1.
- Ключникова Р.М., Сташенков Д.А., 1996. Ново-Троеское погребение. // Краеведческие записки. Вып. V. II. Самара.
- Кляшторный С.Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
- Кляшторный С.Г., 1986. Кипчаки в рунических памятниках // *Turcologica*. Л.
- Кляшторный С.Г., 2002. Кипчаки, кипчаки и половцы // История татар с древнейших времен. Т. I. Казань.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994. Степные империи Евразии. СПб.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1998. Пазырыкская узда. К предистории хунно-юечжйских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 1992. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата.
- Ковалев А.А., 1996. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Нессена. СПб.
- Ковалев А.А., 1998. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии. СПб.
- Ковалев А.А., 1999. О связях населения Саяно-Алтая и Орды в V–III веках до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Ковалев А.А., 2000. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеогеография Евразии. М.
- Ковалева В.Т., 1989. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск.
- Ковалева В.Т., 2003. Неолит Среднего Зауралья: реалии и интерпретация // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы Международной научной конференции. Пермь, Свердловск.
- Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М., 1991. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАН. Вып. 20. Екатеринбург.
- Ковалев В.Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пражский // САИ. Вып. E1–2.
- Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А., 1988. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье // СА. № 2.
- Ковригин А.А., Ражев Д.И., 1997. К вопросу о социальной структуре населения Зауралья в раннем железном веке // Россия и Восток: археология и этническая история: Материалы IV Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск.
- Кожин П.М., 1997. Показатели кочевого быта культур Причерноморско-Прикаспийских степей эпохи бронзы // Степь и Кавказ. М.
- Кожомбердиев И., 1960. Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИИМК. Вып. 80.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.
- Козаченко А.П., 1999. Обоснование приемов рационального использования, обработки и мелиорации земель сельскохозяйственного назначения Челябинской области. Челябинск.
- Козловский А.О., 1992. Историко-культурный развоток Південного Подніпрівя в IX–XIV ст. Кіев.

- Колев Ю.И., 1999. Керамические комплексы поселений позднего бронзового века в нижнем течении р. Сок // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара.
- Колев Ю.И., 2000. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.
- Колпаков Е.М., 1991. Теория археологической классификации. СПб.
- Комар А.В., 2000. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гунинского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк.
- Комиссаров С.А., 1995. Новая датировка начала железного века в Китае // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г. Тезисы докладов. Новосибирск.
- Комиссаров С.А., 1998. Бронзовое зеркало с узором из Восточного Туркестана (Синьцзяна) // Международная конференция по первобытному искусству. Тезисы докладов. Кемерово.
- Комиссаров С.А., 1999. О культуре яньбулак (Восточный Туркестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Материалы VII годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1999 г. Новосибирск.
- Комиссаров С.А., 2000. Культура раннего железного века в Южном Прибайкалье на территории Восточного Туркестана (Синьцзяна) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Материалы годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г. Новосибирск.
- Комиссаров С.А., 2002. О бронзовых изделиях культуры чаху (Восточный Туркестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г. Новосибирск.
- Кондратенко А.П., 1994. Западные хунны (опыт этноисторической идентификации) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетиях н. э. Кемерово.
- Кондрашин В.В., 2003. Железообработка в Среднем Поволжье и Прикамье в III в. до н. э. – VII в. н. э. (технологический аспект): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Кондукторов Т.С., 1962. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. Вып. 11.
- Коновалов П.Б., 1976. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ.
- Коновалов П.Б., 1996. О происхождении и ранней истории хунну // 100 лет гунинской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гунинский феномен (тезисы докладов). Улан-Удэ.
- Коновалов А.Н., 1958. Родословная туркмен. Сочинение Абу – л – Гази, хана Хивинского. М. – Л.
- Константин Багрянородный, 1934. Об управлении государством // ИГАИМК. Вып. 91.
- Кореневский С.Н., 1983. Наследство каменного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.
- Коренюк С.Н., 2000. Азанынская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. ТТИ. Вып. 122. М.
- Коренюк В.А., 1982. О погребениях времени перехода от бронзы к железу в Приуральских степях // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа.
- Коренюк В.А., 1985. Погребения перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) // СА. № 4.
- Коренюк В.А., 1990. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА. № 2.
- Корочкова О.Н., 2002. Алакульско-федоровские комплексы Зауралья: к постановке проблемы // Проблемы археологии Евразии. М.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 2001. О федоровских древностях Зауралья // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Оренбург.
- Коржикова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск.
- Коржикова Л.Н., 1993. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века): Дисс. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск.
- Коржикова Л.Н., 1997. Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург.
- Коржикова Л.Н., Ражен Д.И., Ковригин А.А., Шаралова С.В., Берсенев Н.А., 1999. Средневековый комплекс Большеказакбаевского 2 курганного склона Урала. Часть 2: Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург.
- Косарев М.Ф., 1986. Экологические аспекты археологического исследования (по западно-сибирским материалам) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск.
- Косинцев П.А., 1999. Эволюция животноводства в лесостепной и степной зонах Урало-Поволжья в III-II тыс. до н. э. // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э. Челябинск-Архангельск.
- Косинцев П.А., 2000. Костные останки животных из укрепленного поселения Архангельск // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск.
- Косинцев П.А., Ражен Д.И., 1999. Лошади из комплекса Курган с «усамми» Сологичанка I // Курган с «усамми» Сологичанка I. Челябинск.
- Костюков В.П., Алаева И.П. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Проблемы археологического изучения Южного Зауралья. Челябинск. (В печати).

- Костюков В.П. Кыпчаки в Улусе Джучи. (В печати).
- Костюков В.П. По страницам «Путешествия в Восточные страны» (юбилейные заметки) // (В печати).
- Костюков В.П., 1989. Отчет о полевых археологических исследованиях в Каргинском районе Челябинской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13473.
- Костюков В.П., 1994. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетиях н. э. Кемерово.
- Костюков В.П., 1997. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Костюков В.П., 1998. Улус Шибана в XIII-XIV вв. (по письменным источникам) // Проблемы истории, филологии, культуры. Выпуск VI. Москва-Магнитогорск.
- Костюков В.П., 1999. Кыпчаки и Золотая Орда // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск.
- Костюков В.П., 1999. Новые материалы к проблеме мировоззрения населения финальной бронзы Южного Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции. Челябинск.
- Костюков В.П., 2000. О центральноазиатских элементах в культуре населения Улуса Шибана в XIII-XIV вв. // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы Международной конференции. Т. I. Улан-Удэ.
- Костюков В.П., 2002. Когда и кем на Южном Урале оставлены «древнетюркские поминальные оградки» // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск.
- Костюков В.П., 2003. Комплекс позднетюркских оградок Каменный Амбар-20 // Человек в пространстве древних культур. Тез. докл. региональной научно-практической конф. Челябинск.
- Костюков В.П., 2004. О кыпчаках в джунгидском государстве // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск.
- Костюков В.П., Гудалов С.Ю., 2003. Замечания о роли «пастбищно-кочевых систем» в истории кочевников степей Казахстана // XVI Уральское археологическое совещание. Пермь.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В., 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоевропейские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В., 1996. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Крайин Н.Н., 1996. Империя хунну. Владивосток.
- Крайнов Д.А., 1960. Пещерная стоянка Таш-Аир как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА. № 91.
- Крайнов Д.А., Брюсов А.Я., 1961. Проблема северного мезолита // Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т. I.
- Кременский К.В., Тарасов П.Е., Черкинский А.Е., 1994. История островных боров Казахстана в голоцене // Ботанический журнал. Т. 79. № 3.
- Кригер В.А., 1984. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедька Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.
- Кригер В.А., 1993. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Крижевская Л.Я., 1972. К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия // МИА. № 185.
- Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А., 1991. Неолитическое поселение Сумпаны VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск.
- Крылатова Н.Б., 2000. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья (VII-XI вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Крылатова Н.Б., 2001. История прикаспийского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь.
- Кубарев В.Д., 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыла. Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1997. Погребение раннескифского времени на реке Каракол // Гуманитарные науки в Сибири. № 3.
- Кубарев В.Д., 1998. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.
- Кубарев В.Д., 2001. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул.
- Кубарев В.Д., 2002. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (11).
- Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В., 1979. Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточноалтайского отряда в полевом сезоне 1975 г.) // Сибирь в древности. Новосибирск.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990. Курганы Урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
- Кубарев В.Д., Цвездорж Д., 2002. Древнетюркские материалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1.
- Кубышев А.И., Черняков И.Т., 1982. К проблеме существования весовых систем у племен катакомбной культуры (По материалам погребения литейщика у с. М. Терновка в Приазовье) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Кубышев А.И., Черняков И.Т., 1985. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века Восточной Европы (по материалам погребения литейщика катакомбной культуры) // СА. № 1.
- Кузеев Р.Г., 1971. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности // АЭБ. Т. IV.

- Кузеев Р.Г., 1974. Происхождение башкирского народа. М.
- Кузеев Р.Г., 1987. Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй пол. I тысячелетия. н. э. до XVI в. Тезисы доклада. Уфа.
- Кузеев Р.Г., Иванов В.А., 1983. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа.
- Кузнецов П.Ф., 1999. О роли культур Южного Урала в культурогенезе эпохи поздней бронзы // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Кузнецова М.В., 1997. Возможные подходы к реконструкции сырьевой базы ткацкого производства эпохи бронзы (по материалам поселения Аркаим) // XXIX Урало-поволжская археологическая студенческая конференция. Тезисы докладов. Челябинск.
- Кузнецова Т.М., 1991. Начальная дата тагарской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Барнаул.
- Кузнецова Т.М., 1993. Восточные музыкальные зеркала // ПАВ. № 7.
- Кузьмин Я.В., 2002. Изучение древнейшей в мире керамики и начало неолита в Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (12). Новосибирск.
- Кузьмина Е.Е., 1975. СА. № 2. Рец. на кн.: Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н. э. // ТХАЭЭ. Т. VIII.
- Кузьмина Е.Е., 1980. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // НАА. № 6.
- Кузьмина Е.Е., 1985. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // БМАИКСА. Вып. 9. М.
- Кузьмина Е.Е., 1986. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. М.
- Кузьмина Е.Е., 1990. Финно-угры и индоиранцы: динамика культурных связей // *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-й балто-славянской конференции. Ч. II. М.
- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.
- Кузьмина Е.Е., 1999. Методика этнической атрибуции и хронология памятников бронзового века Центральной Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э. Челябинск-Аркаим.
- Кузьмина Е.Е., 1999а. Некоторые дискуссионные проблемы культуры степей Урала и сопредельных территорий в эпоху неолита и бронзы // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Кузьмина Е.Е., 2000. Коня и колесницы Южного Урала и индоевропейские мифы // Проблемы изучения неолита и бронзового века Южного Урала. Орск.
- Кузьмина Е.Е., 2000. Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ. № 4.
- Кузьмина Е.Е., 2001. Место андроновской культурной общности в Евразии // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Оренбург.
- Кузьмина О.В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Урале. Самара.
- Кузьмина О.В., 1999. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1, Самара.
- Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.
- Кузьминых С.В., 1993. Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: проблема соотношения // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археологического совещания. Екатеринбург.
- Кульпин Е.С., 1995. Генетические коды цивилизаций // Генетические коды цивилизаций. М.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр., 1997. Екатеринбург.
- Кумесов Б.Е., 1972. Государство кымаков IX-XI вв. (По арабским источникам). Алма-Ата.
- Кумесов Б.Е., 1995. О соотношении этнонима и этноса кыпчак (V-XIII вв.) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации: Тезисы докладов Международной конференции. Алматы.
- Кунгуров А.Л., 1999. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-1 в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Курманкулов Ж.К., 1989. Новые материалы VIII-VII вв. до н. э. из Центрального Казахстана // Маргулановские чтения (Сборник материалов конференции). Алма-Ата.
- Курочкин Г.Н., 1991. Начальная дата тагарской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Барнаул.
- Курочкин Г.Н., 1993. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве // КСИА. Вып. 207.
- Курочкин Г.Н., 1994. Раннескифские зеркала с центральной ручкой: происхождение, распространение, назначение // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. Т. II. Запорожье.
- Курочкин Г.Н., Субботин А.В., 1993. Боевые чеканы (клевцы) с головкой хищной птицы между бойком и итушкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск.
- Кушаев Г.А., 1968. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Ленинград.
- Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. // САИ. Вып. ЕЗ-18.

- Кызласов Л.Р., 1975. Археологические данные о происхождении сакской культуры // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тез. докл. конф. Л.
- Кызласов Л.Р., 1977. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. № 2.
- Кызласов Л.Р., 1978. К изучению оленних камней и менгиров // КСИА. Вып. 154.
- Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.
- Кызласов Л.Р., 1987. Торговые пути и связи древнеказахского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. Душанбе.
- Кюнер Н.В., 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.
- Лаурушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1995. Геологическая история зоны евразийских степей в последние 10000 лет // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Челябинск.
- Лаурушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1999. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала. Челябинск.
- Ларичев В.Е., Комиссаров С.А., 2002. Драконический мир, драконическое время (к проблеме семантики свернутого кольца хищника) // История и культура Востока Азии / Материалы Международной научной конференции (г. Новосибирск, 9 – 11 декабря 2002 г.). Том 1. Новосибирск.
- Латышев В.В., 1993. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 1.
- Лебедева Е.Ю., 1996. О земледелии в степях и лесостепях Восточной Европы в эпоху бронзы // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. 1. Уфа.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н., 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. № 4.
- Левина Л.М., 1966. Керамика и вопросы хронологии памятников джетысарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Левина Л.М., 1979. Поселения VII–V вв. до н. э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. IX. М.
- Левина Л.М., 1994. Джетысарская культура (Могильники Алтынасар 4). Ч. 3–4. М.
- Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья: I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.
- Левит А.И., 2001. Южный Урал: география, экология, природопользование. Челябинск.
- Лещинская Н.А., 1995. Вятский бассейн в I–начале II тысячелетий н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Линь Юн, 1990. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. Новосибирск.
- Литвиненко Р.А., 1993. Курганный могильник Возрождение II на Донетчине // РА. № 3.
- Литвиненко Р.А., 1998. Была ли абашевская культура на Украине? // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Литвиненко Р.А., 1999. К проблеме хронологического соотношения памятников синташтинского круга и КМК // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск–Арханг.
- Литвиненко Р.А., 1999а. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приаралья // Древности Северо-Восточного Приаралья. Донецк.
- Литвинский Б.А., 1961. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г. // Тр. ИИ АН Тадж. ССР. Т. XXXI. Душанбе.
- Литвинский Б.А., 1967. Джунский могильник и некоторые аспекты кангуйской проблемы // СА. № 2.
- Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Литвинский Б.А., 1972. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.
- Литвинский Б.А., 1976. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.
- Логин В.Н., 1977. Новый памятник каменного века Кустанайской области // СА. № 4.
- Логин В.Н., 2002. Тургайский прогиб в эпоху мезолита–неолита: Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. Новосибирск.
- Ломан В.Г., 1987. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Ломан В.Г., 2003. Общие принципы выделения историко-культурной информации по данным гончарной технологии // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана.
- Лохович В.А., 1979. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. М.
- Лохович В.А., Хазанов А.М., 1979. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гьур // Кочевники на границах Хорезма. М.
- Лукьяшко С.И., 1984. О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Лынина В.А., 1991. Понятие мезолита в современной археологии // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск.
- Лю Душэн и др., 1984. Природная обстановка пустынных и лесовых областей Китая // Доклады 27-го Международного геологического конгресса. Секция С. 03. Четвертичная геология и геоморфология. М.
- Любянский И.Э., 1998. Хронологические аспекты комплексов «курганов с усами» Евразийской степи // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Самара.
- Любянский И.Э., 1998. Хронологические аспекты комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции. Самара.

- Любчанский И.Э., 2000. Керамика Южноуральской лесостепи середины первого тысячелетия н. э. как источник по этнокультурной реконструкции: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Любчанский И.Э., 2003а. Место Южного Зауралья в этнополитической истории Евразии в середине I тысячелетия н. э. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья: проблемы хронологии и этнической истории. Тезисы докладов II межрегиональной научной конференции. Саранск.
- Любчанский И.Э., 2003б. Проблемные вопросы археологии уральских степей в первой половине I тысячелетия н. э. // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы Международной научной конференции. Пермь.
- Любчанский И.Э., Бытковский О.Ф., 2004. Новые комплексы курганов с «кусами» Южного Зауралья. (В печати).
- Любчанский И.Э., Наумов А.М., 1996. Городище Иртышское II // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Любчанский И.Э., Таиров А.Д., 1999. Археологическое исследование комплекса курган с «кусами» Солончанка I // Курган с «кусами» Солончанка I. Челябинск.
- Ляшко С.М., Фридман М.И., 1987. Сюфьска антропоморфна скульптура Нижнего Подняров'я // Археология. № 60.
- Мажитов Н.А., 1977. Южный Урал в VII–XIV вв. М.
- Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VII–XII вв. М.
- Мажитов Н.А., 1988. Южный Урал в VII–XIV вв.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск.
- Мажитов Н.А., 2003. Урало-Алтайская языковая общность: миф или реальность – с точки зрения историка-археолога? // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа.
- Мажитов Н.А., 2003. Уральская археология на пороге концептуальных новинок // Международное (XVI Уральское) Археологическое совещание. Материалы международной научной конференции. Пермь.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 1994. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа.
- Макаров Л.Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск.
- Максименко В.Е., 1983. Сарматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.
- Максимова А.Г., 1956. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1. Археология.
- Максимова А.Г., 1969. Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
- Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968. Древности Чарлары. Алма-Ата.
- Макунина А.А., 1974. Ландшафты Урала. М.
- Малашев Б.Ю., Яблонский Л.Т., 2004. Поздние сарматы Южного Приуралья и Кавказ (по материалам могильника Покровка-10) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Тезисы докладов. М.
- Малов Н.М., 1999. Копья – знаки архаических лидеров покровской археологической культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск–Архангельск.
- Малотина Т.С., 1990. Поселения и жилища федоровской культуры урало-казахстанских степей // Археология волго-уральских степей. Челябинск.
- Малотина Т.С., 1994. Федоровская культура урало-казахстанских степей: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Малотина Т.С., Зданович Г.Б., 2003. Керамика укрепленного поселения Аркан // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. Челябинск.
- Мамандаков Ю.Т., 1985. Новые материалы гуно-сарматского времени в горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Горно-Алтайск.
- Мамонова Н.Н., 1980. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Исследования по палеоантропологии и краеведению СССР. СМАЭ. Т. XXXVI.
- Мамонтов В.И., 1986. Памятники эпохи бронзы Волго-Донского междуречья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.
- Мандельштам А.М., 1971. Межтерхазинский могильник // КСИА. Вып. 128.
- Мандельштам А.М., 1978. К восточным аспектам истории ранних кочевников в Средней Азии и Казахстана // КСИА. Вып. 151.
- Мандельштам А.М., 1978. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М.
- Мануйлов А.Н., 1993. Сюнну: Традиции и обычаи // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар.
- Маратханов С.Н., 2003. К вопросу об одном типе клеймов ананьинской культурно-исторической области // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы Международной научной конференции. Пермь.
- Маргулан А.Х., 1978. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
- Маргулан А.Х., 1979. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадирбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Мариковский П.Н., 1983. К изучению астрономического значения курганов с «кусами» // Вестник АН КазССР. № 4.
- Маркевич В.И., 1974. Буто-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев.
- Марков В.И., 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.
- Марсадолов Л.С., 1998. Основные тенденции в изменении форм узда, псалов и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н. э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.
- Марсадолов Л.С., 2000. Археологические памятники IX–III веков до н. э. горных районов Алтая как культурно-

- исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дисс. ... докт. культурологии. СПб. Мартынов А.И., 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск.
- Мартынов А.И., Алексеев В.П., 1986. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Учебное пособие. Кемерово.
- Мартынов О.И., Зданович С.Я., 1985. Погребальные памятники позднего бронзового века в Кокчетавской области // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Масанов Н. э., 1987. Эволюция кочевого хозяйственно-культурного типа и проблема этногенеза казахского народа // Вестник АН КазССР. № 8.
- Массон В.М., 1999а. О продвижении носителей культуры степной бронзы и процессах культурогенеза в древней Средней Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск-Арханг.
- Массон, В.М., 1999. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // *Stratum plus*. № 2.
- Массон, В.М., 2000. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.
- Матвеев А.В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск.
- Матвеев Ю.П., 1998. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Дно-Донецкий регион с эпохой средней и поздней бронзы. Археология Восточно-европейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Матвеева Г.И., 1964. Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка // АЭБ. Т. II.
- Матвеева Г.И., 1995. О происхождении памятников Ногайского типа // Культура степей Евразии второй половины I тыс. Самара.
- Матвеева Г.И., 2000. Памятники именковской культуры (V-VII века н. э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.
- Матвеева Г.И., 2003. Этнокультурные контакты племен именковской культуры // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара.
- Матвеева Н.П., 1994. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в древности // Западная Сибирь - проблемы развития. Тюмень.
- Матвеева Н.П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск.
- Матвеева Н.П., 1996. О гороховской культуре в Зауралье // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа.
- Матвеева Н.П., 1999. Гипотетическая реконструкция социальных структур населения гороховской культуры // XIV уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Матвеева Н.П., 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск.
- Материалы по истории Казахских ханств XV-XVII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), 1968. Вып. 1. М.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), 1973. Вып. 2. М.
- Матюшин Г.Н., 1965. Стоянка Мурат на оз. Узул-Куль // СА. № 1.
- Матюшин Г.Н., 1969. Раскопки неолитических поселений Урала // КСИА. Вып. 117.
- Матюшин Г.Н., 1970. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье // Древности Башкирии. М.
- Матюшин Г.Н., 1973. Раннеолитическая стоянка Карабалыкты 8а (Урта-Тюбе) на Урале // КСИА. Вып. 137.
- Матюшин Г.Н., 1973а. Энеолит Башкирии // АЭБ. Т. V. Уфа.
- Матюшин Г.Н., 1973б. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты // КСИА, № 136.
- Матюшин Г.Н., 1976. Мезолит Южного Урала. М.
- Матюшин Г.Н., 1976а. Поселение с мастерской Карабалыкты V на Южном Урале // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Матюшин Г.Н., 1982. Энеолит Южного Урала. М.
- Матюшин Г.Н., 1988. Экологические кризисы и их роль в смене культур каменного века // Природа и человек. М.
- Мачинский Д.А., 1971. О времени первого активного выступления сарматов Приднепровья по данным письменных свидетельств // АСГЭ. Вып. 13.
- Мачинский Д.А., 1974. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. - I в. н.э. // АСГЭ. Вып. 16.
- Медведев А.П., 1997. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.
- Медведев В.Е., 2003. Когда и как была открыта на востоке древнейшая керамика // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Материалы Международной конференции «Из века в век». Новосибирск.
- Медведев Г.И., Мухомов Г.Н., Шмыгул П.Е., 1975. Мезолит юга Восточной Сибири. Иркутск.
- Медведская И.Н., 1992. Периодизация скифской арханки и Древний Восток // РА. № 3.
- Мезолит СССР. 1989. М.
- Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М.
- Мерперт Н.Я., 1995. К вопросу о древнейших круглоплановых укрепленных поселениях Евразии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 1. Челябинск.
- Мерперт Н.Я., 1995а. О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) // СА. № 3.
- Мештержаш К., 1984. Памятники аскнической культуры у с. Ракамз. // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.

- Мещеряков Д.А., 1996а. Новый памятник раннего железного века Урало-Илековского междуречья // XIII археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть 2. Уфа.
- Мещеряков Д.А., 1996б. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // АПО. Вып. 1.
- Минаева Т.М., 1927. Погребения с сожжением близ города Покровска // Уч. зап. СГУ. Т. VI. Вып. 3.
- Миняев С.С., 1990. Азиатские аспекты «гуинской проблемы» // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул.
- Михайлов Н.Н., Чернова Г.М., Амосов М.Н., Денисенков В.П., Козырева М.Г., 1992. Владыны Юго-Западного Алтая в среднем и позднем голоцене // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. География. География. Вып. 1.
- Михайлов Ю.И., 2001. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово.
- Могильников В.А., 1981. Сроггинская культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР. М.
- Могильников В.А., 1982. Особенности этнокультурного развития населения лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тезисы докладов к региональной конференции. Иркутск.
- Могильников В.А., 1983. К состоянию вопроса об этнической интерпретации культур Западной Сибири эпохи железа // Этнические процессы на Урале и в Западной Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.
- Могильников В.А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.
- Могильников В.А., 1988. Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н. э.) // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Могильников В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.
- Могильников В.А., 1999. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Могильников В.А., 1999а. Тенденции этнокультурного развития населения северо-западных предгорий Алтая в эпоху раннего железа // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск.
- Мозолевский Б.Н., 1975. Скифский курган у с. Ерковца на Княппине // СМ. Киев.
- Моисеев В.А., 1991. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата.
- Молодин В.И., 1988. О кожных связях носителей кротовской культуры // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск.
- Молодин В.И., 1998. Находки керамики бегазы-данбаевской культуры в Сивильяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1998 г.). Новосибирск.
- Молодин В.И., 2001. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т. I. Новосибирск.
- Молодин В.И., Кан Ин Ук, 2000. Памятники Ярхото в контексте гуинской проблемы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3(3). Новосибирск.
- Молодин В.И., Комиссаров С.А., 2001. Соотношение древних культур Восточного Туркестана и Сибири (к историографии проблемы) // Восток–Россия–Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М.
- Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородинский А.П., Новикова А.В., Ким А.Р., Чикишев Т.А., Беланов П.И., 1988. Бараба в тюркское время. Новосибирск.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1990. Погребение воина IV–V вв. н. э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Моргунова Н.Л., 1989. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского Междуречья. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халилин М.В., Хохлова О. С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В., 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского курганного могильника // АПО. Вып. III. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., 1993. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.
- Моргунова Н.Л., Халилин М.В., Халипина О.А., 2001. II Кузьминское поселение эпохи бронзы // АПО. Вып. V. Оренбург.
- Мордович В.Г., 1982. Степные экосистемы. Новосибирск.
- Морозов В.М., 1994. Поселения и жилища таежной зоны Зауралья и Западной Сибири в эпоху средневековья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Морозов В.Ю., 1996. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.
- Морозов Ю.А., 1982. Энеолитические памятники Приуралья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Морозов Ю.А., 1987. Средневековые захоронения II Тавлыкаевского могильника // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа.

- Мосин В.С., 1990. К вопросу о преемственности энеолита-бронзы в Южном Зауралье // Археология волгоуральских степей. Челябинск.
- Мосин В.С., 1996. Нео-энеолитические стоянки лесостепи Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Мосин В.С., 1996а. Стоянка Бурли II и некоторые вопросы энеолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Мосин В.С., 2000. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1. Челябинск.
- Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А.Д., Боталов С.Г., Самгулов Г.Х., 2002. История археологии Южного Зауралья. Челябинск.
- Мочалов О.Д., 1995. К вопросу о происхождении керамических артефактов Волго-Уралья эпохи средней бронзы // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 1. Челябинск.
- Мочалов О.Д., 1996. О керамике полтавской культуры Среднего Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.
- Мочалов О.Д., 1999. Сравнительно-статистический анализ погребальных керамических комплексов рубежа эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Вып. 3. Самара.
- Мочалов О.Д., 1999а. Сравнительный анализ керамических погребений приуральской абашевской культуры и керамических комплексов конца средней – начала поздней бронзы Волго-Уралья и Зауралья. О роли абашевских древностей в культурогенезе // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Мочанов Ю.А., 1969. Многослойная стоянка Бельячи I и периодизация каменного века Якутии. М.
- Мошкова М.Г., 1962. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орск // МИА. № 115.
- Мошкова М.Г., 1963. Памятники раннесарматской (прохоровской) культуры // САИ. Вып. Д1–10.
- Мошкова М.Г., 1966. Работы Казахского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 г. // КСИА. Вып. 107.
- Мошкова М.Г., 1969. Погребения VI–IV вв. до н. э. в Челябинской группе курганов // Древности Восточной Европы. МИА. № 169.
- Мошкова М.Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника // МИА. № 153.
- Мошкова М.Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.
- Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1964. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника // КСИА. Вып. 101.
- Мурзин В.Ю., 1984. Скифская арханка Северного Причерноморья. Киев.
- Набиуллин Н.Г., 2000. Город Джукетау X–XIV вв. по археологическим исследованиям: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Наговицин Л.А., 1984. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.
- Наговицин Л.А., 1993. Дискуссионные проблемы в изучении новоиньской культуры // ВАУ. Вып. 21.
- Напольских В.В., 1997. Введение в историческую уральистику. Ижевск.
- Научная сессия по этногенезу башкир, 1969. Уфа.
- Неверов С.В., 1988. История племени сарматской культуры VII–XII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Неолит Северной Евразии. 1996. М.
- Неолитические памятники Урала, 1991. Екатеринбург.
- Нефедов Ф.Д., 1889. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // МАВГР. Т. III.
- Никитин А.Б., 1984. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История, культура, связи. М.
- Никитин В.В., 1984. Раннеэнеолитические поселения у поселка Дубовский // Новые памятники археологии Волго-Камья. АЭЖМ. Вып. 8. Йошкар-Ола.
- Николаев Р.В., 1980. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово.
- Новгородова Э.А., 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. М.
- Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.
- Новгородова Э.А., 1989. Кыпчакское святилище на юге Казахстана // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизации древнего и средневекового Востока. М.
- Новоженов В.А., 1989. Колесный транспорт эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Новоженов В.А., 1994. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алматы.
- Нохрина Т.И., 1974. Каменный инвентарь стоянки Синташта XIX // VI Уральская научная студенческая археологическая конференция. Тезисы докладов. Ижевск.
- Нурмуханбетов Б.Н., 1974. Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрыктобе // В глубь веков. Алма-Ата.
- Нурмуханбетов Б.Н., 1994. Некоторые черты раннего ислама в Средней и Нижней Арalse // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 5.
- Обеличенко О.В., 1961. Лавандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2.
- Обеличенко О.В., 1967. Погребения сарматского типа под Самаркандом // СА. № 2.
- Обеличенко О.В., 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. № 4.
- Обеличенко О.В., 1981. Курганы древнего Согда. Ташкент.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург.
- Обыденнова Г.Т., 2002. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье (XVIII–конец XX вв.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ижевск.

- Обыденков М.Ф., 1998. Межовская культура. Уфа.
- Овчинникова Б.Б., 1987. О зуральских памятниках сып-ленской этнокультурной области конца I – начало II тысячелетия н. э. // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Овчинникова Б.Б., 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск.
- Окладников А.П., 1963. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (согдийская колония на р. Унге?) // Тюркологические исследования. М.–Л.
- Окладников А.П., 1966. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.–Л.
- Оконникова Т.И., 1999. Формирование научно-исследовательских традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Ольховский В.С., 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СКА. № 4.
- Ольховский В.С., 1997. Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР I. М.
- Ольховский В.С., 1999. Каменные храмы Устюрта // Наука в России. № 4.
- Ольховский В.С., Ложкин М.Н., 1992. К истории монументального искусства древнего населения Предкавказья // РА. № 3.
- Опалев В.О., 2000. Новые материалы по проблеме саку-усунской культуры в Синьцзяне // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы IV-ой региональной археолого-этнографической конференции. Новосибирск.
- Орфинская О.В., Голиков В.П., Шипилова Н.И., 1999. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. М.
- Остапина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск.
- Отрощенко В.В., 1996. Культурная принадлежность погребений Потаповского могильника в Заволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейской бронзового века. Волгоград.
- Отрощенко В.В., 1998. К вопросу о доно-волжской абашевской культуре // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Отрощенко В.В., 2000. К вопросу о памятниках новокумского типа // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орс.
- Отчеты Актобинского областного историко-краеведческого музея.
- Очир-Гориева М.А., 1987. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI–IV вв. до н. э. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста.
- Очир-Гориева М.А., 1988. Савроматская культура Нижнего Поволжья VI–IV вв. до н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- Памятники эпохи мезолита, 1977 // КСИА. Вып. 149.
- Панова Н.К., 2001. История озер и растительности в центральной части Среднего Урала в позднее и послеледниковое время // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург.
- Пань Дакиангли и др., 2003. Микроморфологические и геохимические признаки изменений климата в почвах Лёссового плато в голоцене // Почвоведение. № 2.
- Пархимович С.Г., 1994. Индоиранский компонент в мировоззрении обских угуров // Сургут, Сибирь, Россия. Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута. Тезисы докладов. Екатеринбург.
- Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. Волжские ананьины (Старший Ахмыловский могильник). М.
- Перевощиков С.Е., 2000. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Перевощиков С.Е., 2002. Железообрабатывающее производство Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск.
- Пересветов Г.Ю., Куропятникова С.В., 2002. Тасмолинское погребение у станции Шидерты // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар.
- Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифы VII–III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д 4–5.
- Петренко В.Г., 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.
- Петрин В.Т., 1985. Памятники эпохи палеолита верхнего течения реки Урал // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск.
- Петрин В.Т., 2002. Об истоках западносибирских микроиндустриальных комплексов раннего голоцена // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург, Ханты-Мансийск.
- Петров К.И., 1975. Проблема проживания тюркоязычного этноса на Тянь-Шане и в Средней Азии на рубеже н. э. // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период). Фрунзе.
- Петров Ф.Н., 2002. Гора Чека: природный и сакральный объект Зуральской степи // Вестник общества открытых исследований древности. Научный альманах. Вып. 2. Челябинск.
- Пигарев В., 1992. Материалы охранных раскопок безрокового кургана Мачный 1 // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды» (Тезисы докладов). Волгоград.
- Пиков Г.Г., 1995. Специфика конфессиональной ситуации в кочевой империи (на примере Ляо) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск.
- Плано Карпини, 1993. История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы.
- Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам // МИА. № 142.
- Плетнева С.А., 1981. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

- Плетнева С.А., 1982. Кочевники средневековья. Понски исторических закономерностей. М.
- Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитровский археологический комплекс. М.
- Плетнева С.А., 1990. Половцы. М.
- Плетнева С.А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1988. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. М.
- Подушкин Н.Н., 2000. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. – VI н. э. М.
- Полидович Ю.Б., 1994. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» // РА. № 4.
- Полидович Ю.Б., 2001. К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // РА. № 3.
- Полин С.В., 1987. Хронология раннеоскифских памятников // Археология. Вып. 59.
- Полин С.В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.
- Полосымак Н.В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.
- Полосымак Н.В., 1990. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодунцзы и проблема происхождения сюаньцзунской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск.
- Полосымак Н.В., 1994. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахские курганы). Новосибирск.
- Повоморенко Н.Н., Черный Н.В., 2001. Коневодство: Учебное пособие. Харьков.
- Поталов В.В., 2001. Хронология стоянок нурского типа // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Оренбург.
- Потемкина Т.М., 1969. Раскопки у с. Раскатиха на р. Тобол // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. 4. Челябинск.
- Потемкина Т.М., 1973. К вопросу о соотношении фелдоровских и алакульских комплексов // ИС. Вып. 7. Новосибирск.
- Потемкина Т.М., 1976. Камышное-П – многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА. Вып. 147.
- Потемкина Т.М., 1987. К вопросу о миграции на юг степных племен эпохи бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тез. докл. Советско-французского симп. по арх. Центр. Азии и соседних регионов. Алма-Ата.
- Проклов Ю.В., 1994. Культура Цинцзя и ранние бронзовые изделия в Китае // Гуманитарные науки в Сибири. № 3.
- Прахин А.Д., 1996. Мосоловское поселение металлургических эпох поздней бронзы. Кн. 2. Воронеж.
- Прахин А.Д., Беседин В.И., 1998. Острореберные абашевские сосуды доно-волжского региона // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Прахин А.Д., Беседин В.И., 1998а. Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской лесостепи и степи // РА. № 3.
- Прахин А.Д., Беседин В.И., 1999. Погребения с дисковидными псалмами эпохи средней бронзы сараянской лесостепи // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э. Челябинск-Арханг.
- Прахин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998. Селезни-2. Курганы доно-волжской абашевской культуры. Воронеж.
- Пустовалов С.Ж., 1998. О ростниках на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж.
- Пустовалов С.Ж., 1999. Моделирование лица по черепу у населения ингульской катакомбной культуры // Stratum plus. № 2.
- Пшеничников А.Х., 1973. Кара-Абыльская культура (Население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V.
- Пшеничников А.Х., 1976. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа.
- Пшеничников А.Х., 1982. Археологические поиски // В научном поиске. Уфа.
- Пшеничников А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.
- Пшеничников А.Х., 1993. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
- Пшеничников А.Х., 1995. Перевелочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.
- Пшеничников А.Х., 2000. Деревянная посуда из погребений ранних кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 2.
- Пьянков И.В., 1975. Массажеты Геродота // ВДИ. № 2.
- Пьянков И.В., 1994. Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж. Р. Гардинера-Гардена) // ВДИ. № 4.
- Пятак Г.Г., 2003. К проблеме принадлежности Потаповского могильника к «Синташтинской культуре» // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы Международной научной конференции. Чебоксары.
- Раевский Д.С., 1993. Культурно-историческое единство или культурно-исторический континуум? // КСИА. Вып. 207.
- Рашид ад-Дин, 1952. Сборник летописей. Т. I. Книга вторая. М.-Л.
- Рогачев А.Н., 1966. Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы // У истоков древних культур (эпоха мезолита). МИА. № 126.
- Родюнов В.В., Гуцалов С.Ю., 2000. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Ахтобинского краеведческого музея // УАВ. Вып. 2.

- Ростовцев М.И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. № 37.
- Ростовцев М.И., 1918б. Эллинизмо и иранство на юге России. Пгр.
- Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Пгр.
- Рубрук Г., 1993. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы.
- Руденко К.А., 1995. Материальная культура булгарских селищ XII–XIV вв. низовьев р. Кама: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Руденко К.А., 2001. Торжский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань.
- Руденко С.И., 1952. Горноалтайские находки и скифы. М.–Л.
- Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.
- Рутто Н.Г., 1987. К вопросу о срубно-алакульских контактах // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа.
- Рутто Н.Г., 1992. Новые срубно-алакульские памятники Южного Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железного века. Уфа.
- Рыжов Ю.Ф., 1973. Отчет об археологических исследованиях Магнитогорского отряда в Агаповском и Верхнеуральском районах Челябинской области.
- Рыжов П.С., 1925. Суслевский курганный могильник // Уч. зап. СГУ. Т. IV. Вып. 3.
- Рыжов П.С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов.
- Рыкушина Г.В. Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху (краниологический очерк) // Палеоантропология Сибири. Новосибирск. 1980.
- Рысков Я.Г., Демкин В.А., 1997. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене (опыт реконструкции с использованием методов геохимии стабильных изотопов). Пущино.
- Рычков Ю.Г., 1969. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М.
- Рычков Ю.Г., 1969. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М.
- Савельев Н.С., 2000. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // УАВ. Вып. 2.
- Савинов Д.Г., 1976. Расселение кымаков в IX–X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
- Савинов Д.Г., 1979. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск.
- Савинов Д.Г., 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Савинов Д.Г., 1984. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. М.
- Савинов Д.Г., 1991. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции. Барнаул.
- Савинов Д.Г., 1994. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово.
- Савинов Д.Г., 2003. Система хронологии сибирских древностей в трудах М.П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. I. СПб.
- Садыкова М.Х., 1962. Сарматские памятники Башкирии // МИА. № 115.
- Садыкова М.Х., Васильева В.Н., 2000. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // УАВ. Вып. 3.
- Салангит Д.А., 1999. Крутовая неполновальная посуда Вятского края в XII–XVIII вв. (по археологическим источникам): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Сальников К.В., 1950. Сарматские погребения в районе Магнитогорска // КСИИМК. Вып. XXXIV.
- Сальников К.В., 1951. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. № 21.
- Сальников К.В., 1952. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск.
- Сальников К.В., 1966. Об этническом составе лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. № 6.
- Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Самашев З.С., Жумабекова Г., Ермолаева А., Омаров Г., 1998а. Раннесакские наконечники стрел из Казахстана Алтая // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Самашев З.С., Франкфорт А.П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгатай С., Жетисбаев Ж.М., Омаров Г.К., 1998. Исследование культуры древних кочевников Казахского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия (материалы Международной археологической конференции). Алматы.
- Сарваниди В.И., 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.
- Сарваниди В.И., 1993. Ахейская Греция и Центральная Азия (вновь к постановке проблемы) // ВДИ. № 4.
- Сарваниди В.И., 2001. Некрополь Голтура и иранское язычество. М.
- Седова М.С., 1995. Исследование Шелехметовского II кургано-грунтового могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Семенов А.А., 1952. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи хорезмшахов в XII в. н. э. (по актам того времени) // Известия АН ТаджССР. Сер. общ. наук. № 2.
- Семенов А.А., 1954. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Труды АН ТаджССР. Т. XII, Сталинабад.
- Семенов А.И., 1988. К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 29.

- Семенов Вл. А., 2001. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. СПб.
- Сергачков И.В., 1998. О некоторых обстоятельствах появления аланов в Восточной Европе // Нижне-волжский археологический вестник. Волгоград.
- Сергачков И.В., 2000. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград.
- Сергачков И.В., 2002. Анализ сарматских погребальных памятников I–II вв. н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М.
- Серигов Ю.Б., 1988. Минеральное сырье и его использование в каменном и бронзовом веках Среднего Зауралья // Минералы в материальной культуре древних уральских народов. Свердловск.
- Серигов Ю.Б., 2000. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил.
- Ситов А.П., 1969. Геоморфология Урала // Геология СССР. Т. II. М.
- Ситов А.П., Шуб В.С., Гузовский В.А., 1968. Комплексное геолого-геоморфологическое картирование Урала с целью поисков гипергенных ископаемых. Саратов.
- Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Сиротин С.В., 1997. Историческая география Южного Урала в VII в. до н. э. – V в. н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Ситников С.М.; Шульга П.И., 1995. Работы на Юго-Западном Алтае // ПОИИКНА. Барнаул.
- Скворцов С.А., 1992. К методике раскопок лесостепных курганов скифского времени // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.
- Скворцов С.А., 1993. Киммерийцы в украинской лесостепи // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар.
- Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
- Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторического аспекта. Саратов.
- Скрипкин А.С., 1997. Этноды по истории и культуре сарматов: Учебное пособие. Волгоград.
- Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Мошкова М.Г., 2002. Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // РА. № 1.
- Сляднев А.М., 2001. Погребальные памятники финальной бронзы Южного Зауралья // Материалы XXXIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Ижевск.
- Смагулов Е., Павленко Ю.В., 1996. Гунны на пути в Европу // Известия МН АН РК. Сер. гуманитарные науки. Вып. 2. Алматы.
- Смирнов А.С., 1995. Компьютерные базы данных в археологии // Базы данных в археологии. Компьютер в археологических исследованиях. М.
- Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.
- Смирнов К.Ф., 1974. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Волги и Дона в IV вв. н. э. – II в. н. э. // СА. № 3.
- Смирнов К.Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.
- Смирнов К.Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.
- Смирнов К.Ф., 1979. Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Смирнов К.Ф., 1980. О мече синдо-меотского типа // КСИА. Вып. 162.
- Смирнов К.Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Памятники савроматской культуры Поволжья и Южного Приуралья // САИ. М. Вып. Д1–9.
- Советский энциклопедический словарь. 1985. М.
- Современные этнические процессы в СССР, 1977. М.
- Сорокин С.С., 1956. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. № XXVI.
- Сорокин С.С., 1969. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // ТГЭ. Т. X.
- Сорокин С.С., 1969. Новый памятник VII–VI вв. до н. э. на Южном Алтае // СА. № 2.
- Сорокин С.С., 1974. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) // АСГЭ. Вып. 16.
- Сорокин С.С., 1977. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Паза // АСГЭ. Вып. 18.
- Сорокин С.С., 1981. К вопросу о толковании внекурганых памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. Вып. 22.
- Соснов В.И., Эбель А.В., 1998. Курганы скифского времени с черепами животных на могильнике Кызыл-Таш в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.
- Соснов В.И., Эбель А.В., 1998. Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш // Древности Горного Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3. Горно-Алтайск.
- Сташенков Д.А., 1995. Новые детали погребального обряда раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Степанова Н.Ф., 1996. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, 1981. М.
- Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, 1992. М.
- Стефанов В.И., 1996. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Арханг. Челябинск.

- Стефанов В.И., Корочкова О.Н., 2000. Андроновские древности Тюменского Приобья. Екатеринбург.
- Столос В.С., 1958. Отчет об археологической экспедиции Челябинского музея в 1957 г. Челябинск.
- Столос В.С., 1970. О стратиграфии поселения Кипель // СА. № 3.
- Столос В.С., 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.
- Страхов, 1964. География: в 17 кн. М.-Л.
- Султанов Т.И., 1982. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М.
- Султанова А.Н., 2000. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Сунгатов Ф.А., 1995. Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989-1992 гг.): // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.
- Сунгатов Ф.А., 1998. Население среднего течения реки Белой в V-VIII вв. (турбаслинская культура): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Сунгатов Ф.А., 1998. Турбаслинская культура. Уфа.
- Сунгатов Ф.А., 2003. Султантимировский I курган с «кусами» // УАВ. Вып. 4.
- Суразяков А.С., 1983. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Тельня I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. Горно-Алтайск.
- Суразяков А.С., 1987. Раскопки могильника Айрыдаш I // АО - 1985. М.
- Тайров А.Д., 1987. Большой Климовский курган // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов областной научной конференции по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск.
- Тайров А.Д., 1987. Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Тайров А.Д., 1988. Исследование Большекараганского могильника в Брединском районе Челябинской области в 1987 году // Архив ЛАИ ЧелГУ. Р-1, № 98.
- Тайров А.Д., 1990. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII-II вв. до н. э.: Дисс. ... канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2, № 2483, а.
- Тайров А.Д., 1991. Ранние кочевники Южного Зауралья в VI-II вв. до н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Тайров А.Д., 1993. Пастбищно-кочевая система и историческая судьба кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до нашей эры // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Тайров А.Д., 1995. Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй половине I тысячелетия до нашей эры и расселение ранних сарматов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы 3-й Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Ч. V. Кн. 2. Челябинск.
- Тайров А.Д., 1995. Торговые коммуникации западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Тайров А.Д., 1998. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. Вып. II. Оренбург.
- Тайров А.Д., 2000. Погребальный обряд ранних кочевников Южного Зауралья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара.
- Тайров А.Д., 2000а. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск.
- Тайров А.Д., 2000б. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура. Формирование. Развитие. Хронология. Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара.
- Тайров А.Д., 2001. Кочевники Южного Зауралья и Средней Азии в конце IV - II вв. до н. э. // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия 10: Востоковедение. Евразийство. Геополитика. Челябинск.
- Тайров А.Д., 2002. «Киммерийские» князья из Южного Зауралья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград.
- Тайров А.Д., 2002. К вопросу о взаимодействии племен степи и лесостепи Южного Зауралья в раннем железном веке // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Тез. докладов региональной научно-практической конференции. Челябинск.
- Тайров А.Д., 2002. Кочевники Южного Зауралья и Средняя Азия в конце IV - II вв. до н. э. // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. Челябинск.
- Тайров А.Д., 2002а. История изучения раннего железного века Южного Зауралья // История археологии Южного Зауралья: Учебное пособие. Челябинск.
- Тайров А.Д., 2002а. О двух направлениях ананьинско-сакских связей в VII-VI вв. до н. э. // Древние этнокультурные связи финно-угров. Материалы российской археологической конференции, посвященной 30-летию Марийского государственного и 10-летию Центра археолого-этнографических исследований. Йошкар-Ола.
- Тайров А.Д., 2003. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II-I тыс. до н. э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск.
- Тайров А.Д., 2003. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степей Евразии // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана.
- Тайров А.Д., 2004. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII-II вв. до н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар.
- Тайров А.Д., Боталов С.Г., 1988. Курган у с. Варна // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.

- Тайров А.Д., Боталов С.Г., 1996. Могильник Карсабас // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара.
- Тайров А.Д., Бушмакин А.Ф., 2001. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана и их возможное использование // РА. № 1.
- Тайров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.
- Тайров А.Д., Гуцалов С.Ю., 1999. Стелы и антропоморфия изваяния раннего железного века Южно-уральских степей // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Тайров А.Д., Гуцалов С.Ю., 2001. О генезисе каменных антропоморфных изваяний Арало-Каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград.
- Тайров А.Д., Любчанский И.Э., 1995. Археологический комплекс курган с «усами» эпохи Великого переселения народов на Южном Урале // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. Тезисы докладов Международной научной археологической конференции. Самара.
- Тайров А.Д., Любчанский И.Э., 1999. Курган «с усам» Солончанка I. Челябинск.
- Тайров А.Д., Ульянов И.В., 1996. Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского государственного университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Тарасов П.Е., 1992. Палеогеография степной зоны Северного и Центрального Казахстана в голоцене: Автореф. дисс. ... канд. географ. наук. М.
- Тарасов П.Е., Кременецкий К.В., 1995. Взаимодействие природы и человека в степной зоне Казахстана в голоцене // Водные ресурсы. Т. 22. № 3.
- Телегин Д.Я., 1977. О критериях выделения мезолитических памятников на юго-западе Европейской части СССР // КСИА. Вып. 149.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.
- Терехова Л.М., Чемякин Ю.П., 1983. Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов. Саратов.
- Тер-Мкртчян Л.Х., 1979. Армянские источники о Средней Азии (V-VII вв.). М.
- Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XIV-X вв. до н. э. М.
- Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. СПб.
- Тизенгаузен В.Г., 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений. Т. II. М.-Л.
- Титов В.С., 1982. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света. М.
- Тишкин А.А., 1996. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул.
- Тишкин А.А., 1998. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий. (Материалы Международного симпозиума): Т. 1. Новосибирск.
- Тишков В.А., 2003. Реконструкция по этносу. М.
- Ткачев А.А., 2002. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень.
- Ткачев А.А., 2002а. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень.
- Ткачев А.А., Тишкин А.А., 1999. Курганы раннескифского времени на могильнике Герасимовка в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1999. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994-1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2. Тюмень.
- Ткачев В.В., 1995. О соотношении синташтинских и петровских погребальных комплексов в степном Приуралье // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. IV. Кн. 1. Челябинск.
- Ткачев В.В., 2000. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск.
- Ткачев В.В., 2000а. Начальный этап позднего бронзового века в степном Приуралье (западноакульская группа) // Культурное наследие степей Северной Евразии. Вып. 1. Оренбург.
- Ткачев В.В., 2003. Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана.
- Токарев С.А., 1949. К постановке проблем этногенеза // СЭ. № 3.
- Толстов С.П., 1937. Города гузов // СЭ. № 3.
- Толстов С.П., 1947. К вопросу о происхождении каракалпакского народа // КСИЭ. Вып. 2.
- Толстов С.П., 1948. Древний Хорезм. М.
- Толстов С.П., 1949. Периодизация древней истории Средней Азии // КСИИМК. XXVIII.
- Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А., 1963. Работы Хорезмской археологической экспедиции АН СССР в 1958-1960 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. / МХЭ. Вып. 6.
- Трепаалов В.В., 2002. История Ногайской Орды. М.
- Трибуновский С.А., 2003. Позднесарматская культура урало-казахстанских степей: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Трифонов В.А., 1996. К абсолютному датированию «михенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории. Вып. 1 / Археологические изыскания. Вып. № 37. Санкт-Петербург.

- Троицкая Т.Н., 1984. Курганы Быстровского могильника // СА. № 4.
- Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994. Большебереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск.
- Трофимова Т.А., 1963. Приаральские саки (краниологический очерк) // МХЭ. Вып. 6.
- Трофимова Т.А., 1967. Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии // Anthropos. № 19 (N.S. 11). Вгю.
- Трубачев О.Н., 1976. О скифах и их языках // ВЯ. № 4.
- Трубачев О.Н., 1978. Некоторые данные об индоевропейском языковом субстрате Северного Кавказа // ВДИ. № 4.
- Трубачев О.Н., 1987. Indoarica в Северном Причерноморье. *kank - uta - a graubus fugatos / pulsos // Азиатская балканистика. М.
- Трубачев О.Н., 1999. Indoarica в Северном Причерноморье. Москва.
- Тур С.С., 1997. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Тур С.С., 1997. Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул.
- Турсунов Е.Д., 1973. Генезис казахской бытовой сказки. Алма-Ата.
- У истоков древних культур, 1966 // МИА. № 126.
- Уманский А.П., 1978. Погребения эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Уманский А.П., 1992. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.
- Усачук А.Н., 1998. Трасологический анализ щитковых псалев из погребений лесостепного Подонья // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж.
- Усачук, 1999. Региональные особенности технологии изготовления щитковых псалев // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э. Челябинск-Арханг.
- Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В., 1998. Уйдаз-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы, Москва.
- Утемиш-хаджи, 1992. Чингиз-наме. Алма-Ата.
- Фаллах ибн Рузбихан Исфахани, 1976. Мухаммад-и Бухара (Записки бухарского гостя). М.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1964. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // АЭБ. Т. II.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1973. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Л.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Погребения казаского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1998. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология. М.
- Филиппов М.Н., 1989. Культурные взаимодействия оседлого и кочевого мира и формирование архитектурных традиций (по материалам Шаштепа в Ташкентском регионе) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Флеров В.С., 1984. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М.
- Формозов А.А., 1949. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. XXV.
- Формозов А.А., 1951. Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. Вып. XXXVI.
- Формозов А.А., 1959. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М. – посм. в тексте.
- Формозов А.А., 1970. О термине «мезолит» и его эквивалентах // СА. № 3.
- Формозов А.А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.
- Формозов А.Н., 1981. Проблемы экологии и географии животных. М.
- Фукаши Наньцзоань «Хусюй» му, 1997 // Синьцзян вонь каогу яньцзосю. (Могилы «Хусюй» в Наньцзоань, город Фукаш // Институт культуры и археологии Синьцзяна).
- Хабдулина М.К., 1987. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII–II вв. до н. э.) // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Хабдулина М.К., 1993. Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Хабдулина М.К., 1994. Стенное Припильное в эпоху раннего железа. Алматы.
- Хабдулина М.К., 1999. Хуннские памятники на пути миграции на запад // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск-Арханг.
- Хабдулина М.К., Зданович Г.Б., 1984. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Хазанов А.М., 1963. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. № 4.
- Хазанов А.М., 1966. Сложносоставные луки евразийских степей в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

- Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов: основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М.
- Хворова И.В., 1983. Кремнистые породы // Справочник по литологии. М.
- Хлопин И.Н., 1983. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.
- Хлопин И.Н., 1989. Могильники Пархай II (некоторые итоги исследования) // СА. № 3.
- Ходжайов Т.К., 1983. Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии (неолит – нач. XX в.) // СЭ. № 3.
- Хотинский К.А., Немкова В.К., Сухова Т.Г., 1982. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск.
- Худуд – ал – Алси, 1930. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Т. I, II. Л.
- Худяков Ю.С., 1980. Вооружение Енисейских кыргызов. Новосибирск.
- Худяков Ю.С., 1986. Вооружение средневековых кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Худяков Ю.С., 1993. Традиционные элементы в погребальной обрядности коренного населения южной части Минусинской котловины в XVIII–XIX вв. // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Часть II. СПб.
- Худяков Ю.С., Комиссаров С.А., 2002. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана: Учебное пособие. Новосибирск.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эриган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
- Цуп Дэсньи, Чэнь Гэ, 1991. Краткий отчет о втором и третьем сезонах раскопок могильника Цюньбаэ, уезд Лунтай (Синьцзян Лунь тайсянь Цюньбаэ муцзун дай эр, сань цы фалзю цзеньбаэ) // Каогу. № 8 (на кит. яз.).
- Цзвэндорж, Д., 1985. Новые данные по археологии хунь // Древние культуры Монголии. Новосибирск.
- Чагдуров С.Ш., 1980. Происхождение Гэсэриды. Новосибирск.
- Чайкина Н.М., 1995. Энеолит Среднего Зауралья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Чайкина Н.М., 1997. Зауральско-Североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита // Уральский исторический вестник. № 4. Екатеринбург.
- Чайкина Н.М., 2002. Торфяниковые памятники Зауралья // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург, Ханты-Мансийск.
- Чижина Е.Ф., 1983. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып. 23.
- Черненко Е.В., 1984. Скифо-персидская война. Киев.
- Черненко Е.В., 1987. Военное дело скифов // Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докладов. Ч. II. Кемерово.
- Черников С.С., 1949. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата.
- Черников С.С., 1951. К вопросу о составе древних бронз Казахстана // СА. Т. XV.
- Черников С.С., 1954. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане // КСИИМК. Вып. 53.
- Черников С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88.
- Черников С.С., 1975. К вопросу о хронологических периодах ранних кочевников (по археологическим материалам Казахстана) // Первобытная археология Сибири. Л.
- Чернова Г.М., Михайлов Н.Н., Денисенко В.П., Козырева М.Г., 1991. Некоторые вопросы палеогеографии голоцена Юго-Западного Алтая // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 123. Вып. 2. М.
- Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.
- Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- Черных Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4.
- Черных Е.Н., 1987. От доклассовых обществ к раннеклассовым (к итогам деятельности Методологического семинара Института археологии АН СССР в 1976–1984 гг.) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.
- Черных Е.Н., 1997. Каргалы. Забытый мир. М.
- Черных Е.Н., Кузминых С.В., 1989. Древняя металлургия северной Евразии. М.
- Чернышнев С.С., Иванов И.В., Демкин В.А., Таиров А.Д., 1999. Черномысы и солонцы Зауралья во второй половине голоцена: результаты почвенно-археологических исследований // Курган с «усами» Солончайка I. Челябинск.
- Чжун Сук-Бэ, 2000. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.
- Чибилев А.А., 1990. Лик степи. Л.
- Чибилев А.А., 1998. Степи Северной Евразии (эколого-географический очерк и библиография). Екатеринбург.
- Чикишев А.Г., 1966. Физико-географическое районирование Урала // Проблемы физической географии Урала. М.
- Чикишева Т.А., 1997. К вопросу об антропологическом составе населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы V годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь, 1997 г.). Новосибирск.
- Чикишева Т.А., 2000. Антропология носителей пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. Новосибирск.
- Чикишева Т.А., 2000а. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. Новосибирск.
- Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

- Членова Н.Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. № 182.
- Членова Н.Л., 1976. Карасукские кинжалы. М.
- Членова Н.Л., 1980. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Обсуждение. // НАА. № 6.
- Членова Н.Л., 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.
- Членова Н.Л., 1983. Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. № 1.
- Членова Н.Л., 1988. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, Новомосковских стел и «отделившихся скифов» // КСИА. Вып. 194.
- Членова Н.Л., 1993. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. № 7. СПб.
- Членова Н.Л., 1997. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.
- Членова Н.Л., 1998. Минусинская котловина и Сибирь: контакты и изоляция // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы Международного симпозиума): Т. 1. Новосибирск.
- Членова Н.Л., 2004. Северный Кавказ – Синьцзян – Монголия («Общевразийские» оленные камни) // Археологические памятники раннего железного века юга России. МИАР. Вып. 6. М.
- Чугунов К.В., 2000. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. IX. Барнаул.
- Чугунов К.В., 2000. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб.
- Чугунов К.В., 2001. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н. э. // Евразия сквозь века. СПб.
- Чугунов К.В., 2002. Херексуы Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул.
- Чугунов К.В., Парциггер Г., Наглер А., 2002. Элитные погребения эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российской-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (10). Новосибирск.
- Чураков В.С., 2001. Южные удмурты в X–середине XVI века (проблемы социально-политической истории): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Шаниязов К.Ш., 1974. К этнической истории узбекского народа. Ташкент.
- Шапран И.Г., 1995. Удмуртские и марийские могильники в бассейнах Камы и Вятки: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Шевченко А.В., 1986. Антропология населения Южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.
- Шелов-Кобелев В.Ф., 1990. О составе противоборствующих сторон в битве при Фате IV в. дохристианской эры // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Старочеркесская, Ростов-на-Дону.
- Шер Я.А., 2003. М.П. Грязнов и некоторые вопросы археологии ранних кочевников // Степи Евразии в древности и средневековье. Книга I. СПб.
- Шилю Н.А., 1981. Основы учения о россыпях. М.
- Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Шилов В.П., 1983. Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Л.
- Широков В.Н., 1989. Об открытии двух палеолитических памятников на Южном Урале // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.
- Шихаб ад-Дин ан-Насави Мухаммад, 1973. Жизнеописание султана Джалад ад-Дина Манкурны. Баку.
- Шишлина Н.И., 2000. Потенциальный сезонно-хозяйственный цикл носителей катакомбной культуры северо-западного Прикаспия // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 120. М.
- Шишлина Н.И., Булатов В.Э., 2000. К вопросу о сезонной системе использования пастбищ носителями ямной культуры прикаспийских степей в III тыс. до н. э. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 120. М.
- Шорин А.Ф., 1994. К этнической характеристике черкасской культуры (состояние проблемы) // РА. № 4.
- Шорин А.Ф., 1999. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург.
- Шульга П.И., 1998. Раннескифская упряжь VII – начала VI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул.
- Шульга П.И., 1998а. Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.
- Шульга П.И., 1999. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семибратов В.П., Ситников С.М., 1997. Аварийные работы на реке Чарыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Материалы научно-практической конференции). Вып. VIII. Барнаул.
- Шутова Н.И., 2000. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.
- Эрдэли И., 1986. Археология Венгрии VI–XI вв. // Археология Венгрии. М.

- Юсупов Р.М., 1991. Расо-генетические связи Южного Урала и Приаралья в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 4. Антропология. М.
- Юсупов Р.М., 2001. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Междунар. науч. конф. Оренбург.
- Юсупов Р.М., 2002. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа.
- Ютина Т.К., 1994. Археологические памятники VI–XIV вв. Южной Удмуртии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Яблонский Л.Т., 1988. Этноисторическая ситуация в Южном Приаралье эпохи ранних саков // Тезисы докладов и сообщений III Всесоюзной конференции востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций, культур на Востоке». Т. 1. М.
- Яблонский Л.Т., 1990. «Скифская триада» и проблема этничности археологических признаков // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Тез. докл. VIII Западно-сибирского археологического совещания. Томск.
- Яблонский Л.Т., 1991а. Формирование культуры саков Южного Приаралья // СА. № 1.
- Яблонский Л.Т., 1991б. Население раннесакского времени в Приаралье: археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 4. Антропология. М.
- Яблонский Л.Т., 1993. Археологические разведки на территории совхоза «Южный» в 1990 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.
- Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.
- Яблонский Л.Т., 1996а. К проблеме формирования краинологического типа древнейших скотоводов Средней Азии и Казахстана // ЗО. № 6.
- Яблонский Л.Т., 1997. Арало-Уральские этногенетические параллели в исторической ретроспективе // 2-й Междунар. конгресс этнологов и антропологов России. Резюме докл. и сообщ. Ч. 1. Уфа.
- Яблонский Л.Т., 1998а. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // РА. № 4.
- Яблонский Л.Т., 1998б. Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамшья эпохи железа // УАВ. Вып. 1.
- Яблонский Л.Т., 1999а. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М.
- Яблонский Л.Т., 1999б. Некоторые итоги работ комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Грязнову: архивные материалы, публикации, статьи. М.
- Яблонский Л.Т., 2000. Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара.
- Яблонский Л.Т., 2000а. Культура этноса, этническая культура и археологическая культура // Российская археология: достижения XX века и перспективы XXI в. Материалы научной конференции. Ижевск.
- Яблонский Л.Т., 2000б. О происхождении скифской культуры Причерноморья по данным современной палеоантропологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеозология, антропология и археология. М.
- Яблонский Л.Т., 2001. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. № 1.
- Яблонский Л.Т., 2002. Восстановление лица по черепу человека из погребения на стоянке Шидерты 3 и проблема раннего расо-генеза на территории Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Приишимья. Павлодар.
- Яблонский Л.Т., 2003а. Археология и скифология в этноисторической реконструкции // РА. № 4.
- Яблонский Л.Т., 2003б. Эпоха поздней бронзы – раннего железа в Приаралье и проблема происхождения культур сакского типа // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Книга II. СПб.
- Яблонский Л.Т., 2004а. Хронология древнейших памятников раннего железного века Средней Азии и Казахстана (по материалам из Приаралья) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар.
- Яблонский Л.Т., 2004б. Прохоровская эпопея: момент истины // Від Кімерії до Сарматії. Київ.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., 1995. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю., 1996. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М.
- Яблонский Л.Т., Мешеряков Д.В., Вальчик С.Б., Тришина И.В., 2004. Раскопки эпонимного могильника раннесарматской культуры у с. Прохоровка // АО – 2003. М.
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.П., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М.
- Ягодина В.Н., Ходжайов Т., 1970. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент.
- Яминин А.Ф. «Кыпчакский ренессанс» VIII – XIV вв.: был ли желаемое? // Международное (XVI Уральское) Археологическое совещание. Тезисы докладов. Пермь.
- Яминин А.Ф., 1995. Южный Урал в XIII–XIV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Яценко С.А., 1993. Алавы в Восточной Европе в сер. I – сер. IV в. н. э. // Скифы, сарматы, славяне. СПб.
- Яценко С.А., 1998. «Былинные массакеты» на новой Родине в Западном Прикаспии (II–IV вв. н. э.) // Историко-археологический альманах. № 4. Армавир.

Яценко С.А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья.
 Яшина В.Б., 1997. Еще раз о митранских истоках культа Мир-сусне-хума у обских уюгов // Народы Сибири: история и культура (Сер. «Этнография Сибири»). Новосибирск.

ЛИТЕРАТУРА НА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Abay E., 1997. Die Keramik der Frühbronzezeit in Anatolien mit «syrischen Affinitäten». Ugarit-Verlag. Münster.
 Anderson J., 1932. Hunting Magic in the Ainal Styl // BMFEA. 4. Stockholm.
 Anthony D.W. & Vinogradov N.B. Birth of the chariot // Archaeology, 1995, March/April.
 Bahadır Alkım U., Alkım H., Bilgi Ö., 1988. İkiztepe I. Birinci ve ikinci dönem kazıları. The first and second seasons' excavations (1974-1975). Türk Tarih Kurumu. Basimevi-Ankara.
 Bailey H.W., по Фасмер М., 1986. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и доп. О.Н. Трубачева. Издание 2-е. Т. 3. М.
 Bashilov V.A., Yablonsky L.T., 1995. Introduction. Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age. Berkeley.
 Bashilov V.A., Yablonsky L.T., 2000. Some current problems Concerning the History of Early Iron Age Eurasian Steppe Nomadic societies // (J.Davis-Kimball, E.Murphy, L.Koryakova and L.Yablonsky ed.) Kurgans, Ritual Sites, and settlements. Bronze and Iron Age. Oxford.
 Basilov V.N. (editor), 1990. Nomads of Eurasia. Los Angeles.
 Baykal-Secher A., Obladen-Kauder Ju. Demircihöyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-1978. (Herausgegeben von Manfred Korfmann). Band IV. Die Kleinfunde. Philipp von Zabern: Mainz am Rhein.
 Ben-Tor A., 1992. Early Bronze Age dwellings and installations // The architecture of ancient Israel from the prehistoric to the Persian periods. Jerusalem.
 Bertemes F., 1991. Untersuchungen zur Funktion der Erdwerke der Michelsberger Kultur im Rahmen der kupferzeitlichen Zivilization // J. Lichardus (Hrsg.). Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Ottenhausen. T. I. Bonn.
 Bona István, 1979. Aszégúváz-sapoldali lovassz. Adatok a Korai avaz temetkezési Szoká // Archaeologiai Ertesito. 106.
 Boroffka N., 1998. Bronze- und frühisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen // Eurasia Antiqua. Bd. 4, 1998. Mainz am Rhein.
 Burney C., 1977. From Village to Empire. An Introduction to Near Eastern Archaeology. Oxford.
 Cavalli-Sforza L.L., Menozzi P., Piazza A., 1994. The History and Geography of Human Genes. Princeton.
 Coghlan H.H., 1975. Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World. 2-nd ed. Oxford.
 Coles J.M., Harding A.F., 1979. The Bronze Age in Europe. London: Methue and Co LTD.

Craddock P.T., 1999. Paradigms of metallurgical innovation in prehistoric Europe // A. Hauptmann, E. Pernicka, Thilo Rehren, Ünsal Yalcin (ed.) The beginnings of metallurgy. Bochum: Deutschen Bergbaumuseum Bochum, № 84 (Der Anschnitt. Beiheft: 9).
 Das Gräberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Kokel, Tuva, Süd-Sibirien. 1984. Buch München Band 25.
 Djaparidze O., 1993. Über die ethnoökulturelle Situation in Georgien gegen Ende des 3. Jahrtausends v. Chr. // Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica. Alba Palmieri Dedicata. Roma.
 Dubouloz J., 1991. Le village fortifié de Berry-au-Bac (Aisne) et sa signification pour la fin du Néolithique dans la France du Nord // J. Lichardus (Hrsg.). Die Kupferzeit als historische Epoche; Symposium Saarbrücken und Ottenhausen. T. I. Bonn.
 Duru R. Kurucay Höyükü Kazıları 1988 Çalışma raporu // Höyük. S. 1.
 Egami N., Masuda S., 1962. Marv-Dasht. I. The Excavation at Tall-I-Bakun. 1956. The University of Tokyo.
 Enoki K., 1959. The Such-scythians. A hypothesis. Interetional Sugmposion on history of Eastern and Wester Cultural contacts. Tokio.
 Enoki K., 1959a. Sogdiana and Hsinng-nu // Central asiatique. Jt. I.4.
 Epimakhova M., Epimakhov A., 2003. The Problem of Cultural Identification of the Final Bronze Sites of the Trans-Urals // Abstracts book of the 9th Annual Meeting. European Association of archaeologists. Sankt-Peterburg.
 Erkanal H., 1977. Die Äxte und Beile des 2. Jahrtausend in Zentralanatolien. München: Beck.
 Esin U., 1976. Tülin tepe excavations 1972. Keban Project 1972. Activities. Ankara.
 Fugmann E., 1958. Hama. Fouilles et recherches de la fondation Carlsberg 1931-1938. III. L'architecture des périodes pre-hellenistiques. Copenhagen.
 Früh- und hochmittelalterliche Grabern von Kudyrg in Alta://ava-materriallien Band 3, 1982.
 Frühtitelalterliche Graber aus West-Tuva// ava-materriallien Band 4. München.
 Gebers W., 1978. Endneolithikum und Frühbronzezeit im Mittelheingebiet. Bonn: Habelt.
 Gerloff S., 1993. Zu Fragen mittelmeerländischer Kontakte und absoluter Chronologie der Frühbronzezeit in Mittel- und Westeuropa // Prehistorische Zeitschrift. 68. Bd, Heft 1. Berlin.
 Gray R. D., Atkinson Qu. D., 2003. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature, Nov.
 Grigoriev, S.A., 2002. Ancient Indo-Europeans. Chelyabinsk. Gutschmidt A., 1888. Geschichte Irans.
 Hauptmann A., Palmieri A., 2000. Metal Production in the Eastern Meditetranean at the transition of the 4th/3rd millennium: Case Studies from Arslantepe // Yalcin Unsal (Hrsg.) Anatolian Metal I. Bochum. Deutsches Bergbau-Museum. Der Anschnitt, Beiheft 13.
 Hirth F., 1885. China and the roman Orient. Gongkong.
 Hirth F., 1909. Mr. Kingsmill and the Hiong-nu. Jais. V.30.
 Hood S., 1981. Excavation in Chios 1938-1955. Prehistoric Emporio and Ayio Gala. Oxford: Thames and Hudson.

- Ingholt H., 1940. Sur sept campagnes de fouilles a Hama en Syrie (1932—1938). København: Ejnar Munksgaard.
- Kaiser E., 1997. Der Hort von Borodino. Kritische Anmerkungen zu einem berühmten bronzezeitlichen Schatzfund aus dem nordwestlichen Schwarzmeergebiet. Bonn: Habelt.
- Kaschau G., 1999. Lidar Höyük. Die Keramik der Mittleren Bronzezeit. Tafeln. Archaeologica Euphratica. Band 3. Philipp von Zabern: Mainz am Rhein.
- Kempinski A., 1992. The Middle Bronze Age // The Archaeology of Ancient Israel. New Haven, London.
- Kenyon K.M., 1960. Excavations at Jericho. V. 1. The Tombs excavated in 1952-54. British School of Archaeology in Jerusalem.
- Kenyon K.M., 1971. Syria and Palestina c. 2160-1780 BC. The Archaeological Sites // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). The Cambridge Ancient History. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.
- Korfmann M., 1983. Demircihöyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-1978. Bl. Architektur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein.
- Kristiansen, K., 1993. The Emergence of the European World System in the Bronze Age: Divergence, Convergence and Social Evolution during the First and Second Millennia BC in Europe // Europe in the First Millennium BC. Sheffield Archaeological Monographs 6.
- Kristiansen, K., 1999. The Emergence of Warrior Aristocracies in Later European Prehistory and Their Long-Term History // Carman J., Harding A. (eds.) Ancient Warfare. Sutton publishing.
- Kroll S., 1984. Archäologische Fundplätze aus Iranisch-Ost-Azərbaydan // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Band 17. Berlin.
- Krumland J., 1998. Die Bronzezeitliche Siedlungskeramik zwischen Elsaß und Böhmen: Studien zur Formenkunde und rekonstruktion der Besiedlungsgeschichte in Nord und Südwürttemberg. Rahden/Westf.: M.Leidorf.
- Kull Brigitte, 1988. Die Mittelbronzezeitliche Siedlung // Korfmann M. (ed.) Demircihöyük. Bd.V. Mainz am Rhein.
- Kulturen der frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. 1984. Beograd.
- Kunc S., 1986. Analyses of Ikitzepe metal artifacts // Anatolian Studies. Vol. XXXVI.
- Kuzmina E., 1998. Three Chronological Methods and Three Ways of Synchronisations of Bronze Age Sites in the Eurasian Steppe // Abstracts Book. 4-Th Annual Meeting EAA. Göteborg.
- Linduff K.M., 2002. Why have Siberian artifacts been excavated inside the ancient dynastic Chinese borders? // Creni Евразия в древности и средневековье. Книга I. СПб.
- Littauer M.A. & Crouwel J.H. The origin of the true chariot // Antiquity, Volume 70, Number 270, 1996, December.
- Loehr M., 1956. Chinese Bronze Age Weapons University Michigan. London.
- Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. V. I. London.
- Lutz et al., 1991. Lutz J., Pernicka E., Wagner G.A. Chalkolitische Kupferverhüttung in Murgul // Handwerk und Technologie in Alten Welt (Hrsg. R.-B. Wartke). Mainz.
- Lőrinczy Gabor, 1992. Vorläufiger Bericht über die Freilegung des Graberfeldes aus dem 6-7 Jahrhundert in Szegvár-örömdűlő // Communications Archaeological Hungariae.
- Mallory J.P., 2001. Uralics and Indo-Europeans: Problems of Time and Space // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Helsinki.
- Manchen-Helfein O., 1973. The World of Huns. L.
- Mellaart J., 1971. Anatolia c. 4000-2300 BC // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). The Cambridge Ancient History. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.
- Mellaart J., 1971a. Anatolia c. 2300-1750 BC // Edwards I.E.S., Gadd C.J., Hammond N.G.L. (eds.). The Cambridge Ancient History. V. I, Part 2. Cambridge: University Press.
- Mellink M.J., 1992. Anatolian Chronology // Ehrlich R.W. (ed.). Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, London: University of Chicago Press.
- McGovern W.M., 1939. The Early Empires of Central Asia: a study of the Scythian and the Huns and the past they played in world History. Chapd Hill: The Univ of Norton Carolina Press. N.Y.
- Midgley M.S., 1992. TRB culture. The First Farmers of the North European Plain. Edinburgh.
- Milojevic V., 1961. Samos. Bd. I. Die Prähistorische Siedlung unter dem Heraion. Grabung 1953 und 1955. Bonn: Habelt.
- Miron E., 1992. Axes and Adzes from Canaan. Stuttgart: F.Steiner.
- Molodin W.I., 1995. Sopka 2, Grab 688 – ein reichesbunno-sarmatisches Männergrab in der Westeuropäischen Waldsteppe // Anticivitis. Reihe 3. Band 34.
- Moorey P.R.S., 1975. The Near Eastern Origin of Metallurgy // Coghlan H.H. Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World. 2-nd ed. Oxford.
- Muhly J.D., 1980. The Bronze Age Setting // The Coming of the Age of Iron. New Haven, London.
- Müller-Karpe A., 1994. Anatolisches Metallhandwerk. Neumünster: Wachholtz Verlag.
- Müller-Karpe H., 1974. Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit. Bd. III. München.
- Müller-Karpe H., 1980. Handbuch der Vorgeschichte. Bd. IV. München.
- Neugebauer J.-W., 1994. Bronzezeit in Österreich. St. Pölten – Wien: Niederösterreichisches Pressehaus.
- Palmieri A., 1981. Excavations at Arslantepe (Malatya) // Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. Vol. XXXI.
- Palmieri A.M., Sertok K., Chernykh E., 1993. From Arslantepe metalwork to arsenical copper technology in Eastern Anatolia. // Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicata (ed. Frangipane M., Hauptmann H., Liverani M., Matthiae P., Mellink M.). Roma.
- Parpola A., 1988. The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the Dasas // SO, vol. 64, Helsinki.
- Pelliot P., 1949. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Oeuvres posthumes. Vol. II. Paris.

- Picchelauro K., 1997. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien. Archäologie in Eurasien. Bd. 4. Espelkamp: M.Leidorf.
- Piggot S., 1983. The Earliest Wheeled Transport (From the Atlantic Coast to the Caspian Sea). London.
- Pyankov I.V., 2002. Arkaim and the Indo-Iranian Var // K. Jones-Bley, D.G. Zdanovich (ed.). Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Journal of Indo-European Studies Monograph Series 45. Institute for the Study of Man. Washington D.C.
- Rau P.D., 1927. Die Hügelgräber römischen Zeit an den unteren Volga. Pokrovsk.
- Rittershofer K.-F., 1984. Der Hortfund von Bühl und seine Beziehungen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 64. Mainz am Rhein: Zabern.
- Schubert E., 1974. Studien zur frühen Bronzezeit an der mittlerem Donau // 54. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1973. Berlin: Gruyter.
- Seeliger et al., 1985. Seeliger T.C., Pernicka E., Wagner G.A., Begemann F., Schmitt-Strecker S., Eibner C., Öztanali Ö., Baranyi I. Archäometallurgische Untersuchungen in Nord- und Ostanatolien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. 32 Jahrgang. Mainz.
- Sherratt A., 1998. The Emergence of Elites: Earlier Bronze Age Europe, 2500–1300 BC // Prehistoric Europe. Oxford, N.-Y.: Oxford University Press.
- Stein F., 1979. Katalog der vorgeschichtlichen Hortfunde in Süddeutschland. Bonn: Habelt.
- Stronach D.B., 1957. The Development and Diffusion of Metal Types in Early Bronze Age Anatolia // Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. Vol. VII.
- Sulimarski T., 1970. The Sarmatians. New-York-Washington.
- Tairov A., Bushmakina A.F. The Composition, Function and Significance of the Mineral Paints from the Kurgan Burial Mounds of the South Urals and North Kazakhstan // Colouring the Past: the significance of colour in archaeological research. Oxford-New-York, 2002. Pp. 175–193.
- Talton F., 1987. Metallurgie susienne I. De la fondation de Suse au XVIIIe avant J.-C. Catalogue et illustrations. Paris.
- Teggart F., 1939. Rome und China. Berkeley.
- Tylecote R.F., 1981. Chalcolithic metallurgy in the Eastern Mediterranean // Chalcolithic Cyprus and Western Asia (ed. J.Reade). British Museum Occasional Paper No 26.
- Vainshtain S., 1984. Das Graberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Kokel, Tuva, süd-Sibirien. Vol. 25. München.
- Vinogradov N.B., Epimakhov A.V., 2000. From a settled way of life to nomadism: Variants in models of transition // Kurgans, ritual sites and settlements Eurasian Bronze and Iron Age. Oxford.
- Whittle A.W.R., 1985. Neolithic Europe: a survey. Cambridge.
- Yablonsky L.T., 2000. »Scythian Triad« and Scythian World» // (J.Davis-Kimball, E.Murphy, L.Koryakova and L.Yablonsky ed.) Kurgans, Ritual Sites, and settlements. Bronze and Iron Age. Oxford.
- Yablonsky L.T., 2002. The culture of ethnics, ethnic culture and archaeological culture // 8th EAA Annual Meeting. Abstracts book. Mougos. Fessaloniki.
- Yalcin Unsal, 2000. Anfänge der Metalverwendung in Anatolien // Yalcin Unsal (Hrsg.) Anatolian Metal I. Bochum. Deutsches Bergbau-Museum. Der Anschnitt, Beiheft 13.
- Yalcin Unsal, 2000. Anfänge der Metalverwendung in Anatolien // Yalcin Unsal (Hrsg.) Anatolian Metal I. Bochum. Deutsches Bergbau-Museum. Der Anschnitt, Beiheft 13.
- Yule P., 1982. Neolithische und kupferzeitliche Siedlung in Nordostiran. München.
- Zdanovich D.G., 2002. Introduction by Russian Editor // K. Jones-Bley, D.G. Zdanovich (ed.). Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Journal of Indo-European Studies Monograph Series 45. Institute for the Study of Man. Washington D.C.

ЛИТЕРАТУРА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

- Гуныши, Бэйяовань Хань, Цзинь, Тан, Удай муцзан / Хэньаньшэнь зэньу каогу яньцзюсю, Гуныши зэньу боугуаньсю, 1996 // Каогу сюэбао. № 3. (Могилы перидов Хань, Цзинь, Тан и Пяти династий в Бэй-яовань, г. Гуныш / Институт культуры и археологии провинции Хэньань, Управление охраны древних памятников г. Гуныш).
- Дун Гао, 1995. Гуань 3 ижи 6 ишэи мужуг, Гаогуоли, Чаосянь, Жи бэнь музюй и чен биню хинцю (сравнительные стадин конской упряжи из Муронга Хайвей, Гаогуоли, Кореи и Японии) // Веню. № 10.
- Лю Баошань, Доу Сюйяо. Цинхай Хуалунся Сяньбаньчжуа Каогу зэньхуа муди диеэрцы фэцзюэ зэньбао // Каогу юй зэньу. 1998. № 4. (Лю Баошань, Доу Сюйяо. Краткий отчет о Вторых раскопках культуры Каогу в Сяньбаньчжуа, уезд Хуалун, провинция Цинхай)
- Нинся Гуоюань Янлун цинтун зэньхуа муди / Нинся зэньу каогу яньцзюсю, Нинся Гуоюань боугуань // Каогу сюэбао. 1993. № 1.
- Nesterov S.P. Old jerks in the central Asia and Southern Siberia // Ханьго шан ушэи сюэбао. Ди 19 хао. Бе шуа, 1995. Нянь (Вестник древней истории Кореи). № 19. 1995. (культура эпохи бронзы кладбища Ялун в Гуоюань, Нинся / Нинсяский институт культуры и археологии, Нинсяский музей г. Гуоюань).
- Нинся Пэньлу Юйцзэчжуан муди / нинся зэньу каогу яньцзюсю // Каогу сюэбао. 1995. № 1. С. 79–107. (Кладбище Юйцзэчжуан в Пэньлу, Нинся / Нинсяский институт культуры и археологии, Нинсяский музей г. Гуоюань).
- Синьцзян Алагу шу саоэ му фэцзюэ зэньбао // Веню. 1981, № 1.
- Синьцзян Каогу Саньши нянь, 1983. (Археология Синьцзяна за 30 лет). Урумчи.
- Се Дуань Цзюй, 1987. Шилуэ Вого цзюэци тудун му (Изучение ранних катакомб Китая) // Каогу. № 12.
- Синьцзян Каогу Саньши нянь, 1983 (Археология Синьцзяна за 30 лет). Урумчи.

- Синьцзян Куэрайши Шанху гу муцзан (Древнее захоронение у деревни Шанхусян у г. Куэрай, Синьцзян), 1999 // Вэнь. № 2.
- Синьцзян Луньтайсянь Цюнь Бакэ муцзан диэр сань цы фауэюэ цзянь бао (Бюллетень проведения раскопок во 2-1 и 3-1 сезон захоронений Цюньбака, уезд Луньтай, Синьцзян), 1991 // Каогу. № 8.
- Синьцзян Синьюань Гунайсы чжуняичан ши гуань му. / Синьцзян шэжуй жэсюэюань каогу яньцзюсю // Каогу юй вэнь. / 1985. № 2. (Могила с каменными гробами из района Кюнякского племенного овцеводческого хозяйства, уезд Кюняк, Синьцзян / ИА АОН Синьцзяна)
- Синьцзян Синьюань Тэмуликэ гему уюнь (Древнее захоронение у д. Темуликэ уезда Синьюань, Синьцзян), 1988 // Вэнь. № 8.
- Синьцзян Тулуфань Айдин хугу муцзан (Древние захоронения у оз. Айдин, район Тулуфань, Синьцзян), 1982 // Каогу. № 4.
- Синьцзян Хэузин сян Чэуху гоу хоу эрхао муди фауэюэ цзянь бао (Раскопки двух погребений у д. Чэухутоукоу, уезд Хэузин, Синьцзян), 1990 // Каогу. № 6.
- Синьцзян Хэцзинсянь Чэухутоукоу эр хао муди фауэюэ цзяньбао Чжунго Шехуэйжэ сюань каогу яньцзюсю синьцзяндуй (Раскопки могилы 2 Чэухутоукоу, Неджан Хиньян), 1990 // Каогу. № 6.
- Синьцзян Шаньшань Субаши гумуцзан (Древнее захоронение Субаши, уезда Шаньшань, Синьцзян), 1984 // Каогу. № 1.
- Синьцзян Чабучаэрсян Содунбулакэ гу муцзюнь. / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю // Каогу. 1999. № 8. Скопление древних могил в Содунбулаке, уезд Чапчал, Синьцзян / Институт культуры и археологии Синьцзяна.
- Синьцзян Шихэцзы Няньшань гу муцзан. / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю, Шихэцзыши цзюньжэнь боугуань // Вэнь. 1999. № 8. (Древние могилы в Няньшане, г. Шихэцзы / Институт культуры и археологии Синьцзяна, Военный музей г. Шихэцзы)
- Сунь Цзи, 1993. Лушэ Цзинь Нянь Нэй Мэнгу чуту дэгуэюэ юй туцзюэ ши цзинь цзи (Золотые и серебряные изделия торговцев и торговца, найденные во Внутренней Монголии в последние годы) // Вэнь. № 8.
- Тянь Гуаньцзинь, Го Сысинь, Бяньчжун, 1986. Эрдосы ши цингун ши (Бронзы ордосского стиля). Пекин.
- Тянь Гуаньцзинь, 1983. Циньнянь лай нэй Мэнгу гичюй сюнну каогу / Археология сюнну в районе Внутренней Монголии за последние годы // Каогу сюэбао. № 1.
- Фукайши Наньцзюань «Хусюй» му / 1997. // Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю. Могила «Хусюй» в Наньцзюань, город Фукай / Институт культуры и археологии Синьцзяна.
- Хэнань Яньши Синьюаньцунь Тан муди фауэюэ (Раскопки могил Танской эпохи в Хиньян, дер. Яньши, Хэнань) // Каогу. № 12.
- Хэцзинсянь Чэухутоукоу ухао муди фауэюэ цзяньбао. / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю, Хэцзинсянь вэньхуа гуань.
- Краткий отчет о раскопках кладбища 5 в Чарвингуле, уезд Хотунсумбул (Хэцзин / Институт культуры и археологии Синьцзяна, Управление культуры уезда Хотунсумбул (Хэцзин)).
- Чабучаэрсян Содунбулакэ гу муцзюнь. 1997. / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю. С. 371. Скопление древних могил в Содунбулаке, уезд Чапчал / Институт культуры и археологии Синьцзяна.
- Чжан си Ин, 1984. Шилунь во го бэйфан хэдуэмэй дичюй дэ чу цзю ши цзянь (Мечи с антенновидными навершиями из Северного и Северо-восточного Китая) // Каогу. № 8.
- Шаньшань Субэйша муцзюнь ихао муди фауэюэ цзяньбао / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю, Тулуфань дичюй вэньгуаньсю.
- Краткий отчет о раскопках кладбища 1 в скоплении могил в Субеши, уезд Пичан (Шаньшань) / Институт культуры и археологии Синьцзяна, Турфанское районное управление охраны памятников культуры.
- Шаньшаньсянь Субэйша мудиоу саяхао муди / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю, Тулуфань дичюй вэньгуаньсю.
- Кладбище 3 в скоплении могил в Субеши, уезд Пичан (Шаньшань) / Институт культуры и археологии Синьцзяна, Турфанское районное управление охраны памятников культуры.
- Шень Си Лон сянэ Дянь цзы цунь Хань Тан Му цзан (Захоронение династии Хань и Тан, провинция Шенсян, уезд Лон, деревня Дяньцзы), 1999 // Вэнь. № 4.
- Шеньши Шаосян, 1987. Синь Хань цзюэ цзабао (Раскопки могил династий Цинь и Хань в Шаохсяни провинция Шансян) // Вэнь. № 6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЖ – Антропологический журнал. Москва.
 АО – Археологические открытия. Москва.
 АПО – Археологические памятники Оренбуржья.
 АПО – Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
 Архив ИА НАН РК – Архив Института археологии Национальной академии наук Министерства науки Республики Казахстан. Алматы.
 АС Ш. ТИЭ – Антропологический сборник. Труды Института этнографии.
 АСТЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург.
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа.
 БГУ – Башкирский государственный университет. Уфа.
 БМАИЦКА – Бюллетень международной ассоциации изучения Центральной Азии и Казахстана.
 ВА – Вопросы антропологии. Москва.
 ВА – Вопросы антропологии. Москва.
 ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск.
 ВДИ – Вестник древней истории. Москва.
 ВЯ – Вопросы языкознания. Москва.
 ЗКО ЦИА – Западно-казахстанский областной центр истории и археологии.
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
 ИА МОН РК – Институт истории Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы.
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук. Москва.
 ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры.
 Известия МН АН РК – Известия Министерства науки Академии наук Республики Казахстан. Алматы.
 Известия МОН НАН РК – Известия Министерства образования и науки и национальной Академии наук Республики Казахстан. Алматы.
 ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
 ИС – История Сибири.
 КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва.
 КСИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва.
 КСИЭ – Краткие сообщения института этнографии. Москва.
 ЛАИ ЧелГУ – Лаборатория археологических исследований Челябинского государственного университета.
 МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. Москва.
 МАР – Материалы по археологии России. Санкт-Петербург; Петроград.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград.
 МИАР 1 – Материалы Института археологии России. Москва.
 МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции. Москва.
 НАА – Народы Азии и Африки. Москва.
 ПАВ – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
 ПОИИКА – Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая.
 РА – Российская археология. Москва.
 СА – Советская археология. Москва.
 САИ – Археология СССР: Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
 СМ – Скифский мир. Киев.
 СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Москва-Ленинград.
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
 СЭ – Советская этнография. Москва.
 Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея. Москва.
 Тр. ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
 Тр. ИИ АН Тадж. ССР – Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
 Тр. ИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
 Тр. ИЭ – Труды Института этнографии. Москва.
 Тр. ТКАЭЭ – Труды Тувынской комплексной археолого-этнографической экспедиции.
 ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.
 УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа.
 УЗСГУ – Ученые записки Саратовского государственного университета.
 ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет.
 ЭО – Этнографическое обозрение. Москва.
 ЮАО V – Южный берег Андреевского озера.

Stone Age

The first chapter is devoted to summation of studying and a substantiation of a concept of cultural genesis in the steppe area of the Southern Urals throughout the Stone Age. The basic criteria in definition of the concept «the Mesolithic» are considered, as the most complicated problem in studying this epoch. The most acceptable criterion can be a cultural-chronological one: «The Mesolithic is a certain stage in development of a primitive culture of the Stone Age, which is transitional from the Paleolithic to the Neolithic, but chronologically this stage was heterogeneous in various areas and, especially, in those removed from each other» (Bader, 1966. p. 194).

Specifying this definition in conformity with an area of the Urals and adjacent territories of the Volga region and Western Siberia, it is possible to state, that detachment of the Mesolithic as an epoch here is certainly rightful. The Mesolithic period characterizes Early Holocene sites, whose basic stone industry was the microblades technics that had arisen in the Late Paleolithic. The upper boundary of the Mesolithic is the appearance of complexes with ceramics and bifacial implements, organically combined with the traditional microblades industry.

One of important problems in studying the Stone Age of any area is determination of sources of raw material for manufacturing tools by an ancient population, ways of distribution of raw material within territory of any archeological culture and a possibility to use this raw material in different archeological periods. The population of the Stone Age in the Southern Urals was using the flint material located in an immediate proximity to places of their sites and settlements. The provenance of this material was connected with washouts of sediment in ancient streams or with local native deposits. The Magnitogorsk geological structural zone during Meso-Kainozoi and up to the present was the main source of qualitative siliceous rocks, which form here the dominating heights, from which these rocks get into hydrodynamic conditions of rivers and lakes of the Eastern slope of the Urals and the Transurals.

New materials are published in the chapter on the Neolithic and the Chalcolithic. The last years the sites of Chernikov Brod I, Novokumak, Udarnik have been investigated. Museum collections of the site of Bolshoi Bugodak IV have been studied. The data obtained allow important conclusions on chronology and

periodization of the Neolithic and the Chalcolithic of the Southern Urals to be drawn.

In the final paragraph the basic problems in studying the Stone Age of the steppe zone are elucidated, and the concept of the basic stages of cultural genesis is in detail considered. The flint industry of the Mesolithic, the Neolithic and the Chalcolithic of the Southern Transurals is characterized by a uniform line of development, both in technology of cleavage, and in typological sets of tool. The basic set of tools had started to be formed of blades in the end of the Paleolithic, took its final shape as a standard set in the Mesolithic and existed up to the Late Chalcolithic with small modifications. Ceramic complexes of the Neolithic and the Chalcolithic show us also a single line of development. Originally we see the ceramics with incised waves, incised-and-combed, combining smooth incisions and combed impressions (often so-called «walking» and rare with stabbed ornament. The ceramics with incised waves without the use of the combed stamp is earliest, later we see a combination of incisions and impressions of the combed stamp, and in the Late Neolithic – the prevalence of combed stamp. Ceramics of the end of the Neolithic is ornamented by impressions of the combed stamp with some elements of geometrical ornamentation. In the Late Chalcolithic two components in ornamentation of combed ceramics is visible: simple and geometric.

The appearance in the Chalcolithic of the first traces of copper metallurgy and metalworking did not break the process of evolution of stone tools and were completely entered in a general line of development of material culture.

Considering the cultural genesis in the Mesolithic, the Neolithic and the Chalcolithic of the Southern Transurals we can ascertain that this process was proceeding evolutionary, without visible migratory interventions, in a vein of a uniform line of development of material culture from the Mesolithic to the Chalcolithic.

At the same time, the cultures of the Southern Transurals were not isolated, and the local processes were synchronous and comparable with historico-cultural changes in the Middle Transurals in the Mesolithic, Neolithic and Chalcolithic. The unity of history of the Transurals at the end of the Stone Age had been caused by a lot of factors: a geographical situation in the area of the eastern slope of the Urals, similar natural and climatic processes, a common general line in development of lithic industry and ceramic production,

common features of funeral rites and, that the most important, possibly, generality of the origin on the basis of the Late Paleolithic of the Urals and Western Siberia. This unity was expressed in the formation of related cultures of the Mesolithic, the Neolithic and the Chalcolithic in the Southern and Middle Transurals. This relationship can be identified in originality and easy identification of archeological materials of the Early Holocene in the Transurals against a background of surrounding archeological cultures.

Bronze Age

In the introduction S.A. Grigoriev and G.B. Zdanovich describe a modern state of investigations of the Bronze Age in the Southern Transurals. This territory is investigated irregularly. If earlier the forest and forest-steppe areas of the region were studied much more better, today the steppe area is the most investigated. Besides, 20 years ago sites of the Middle Bronze Age were unknown in the Southern Transurals. Against this background sites of the Late Bronze Age were studied well enough, and they were very important for understanding cultural processes in other regions of Northern Eurasia. During recent years the main interests of archeologists from Chelyabinsk were concentrated on investigation of the Sintashta culture of the Middle Bronze Age, that has been discovered in the steppe area of the Transurals.

In the paragraph «Burial sites of the Bronze Age» its authors A.G. Gavriluk, S.A. Grigoriev and S.S. Markov describe results of excavations of several cemeteries in the steppe area of the Transurals: Ak-Mulla I, Ak-Mulla II, Narovchatskii I, Gorodishenskoe IX. These cemeteries belong to the Alakul culture of the Late Bronze Age. However, these cemeteries contain some features of the Timber-grave culture, whose main area is located to the west of the Urals. A special interest has an alley of menhirs that has been excavated on the cemetery of Narovchatskii I. This is a new type of sites in the Urals which reflects a presence of the megalithic tradition here. Recently a number of these sites have been found and studied.

The paragraph «The settlement of Bersuat XVIII and problems of study of the final stage of the Bronze Age in the Southern Transurals» written by T.S. Malyutina, G.B. Zdanovich, M.K. Khabullina and L.Yu. Petrova publish the result of old excavations (1977) on the steppe river of Bersuat. This period is poorly studied, and it is very important for understanding of the appearance of new systems which had been formed throughout steppe Eurasia in the beginning of the Early Iron Age (i.e.

the rise of nomadic systems and societies). Some archaeologists believe that these new systems came from Central Asia together with a new population, other suppose that it was a result of local developments. The settlement of Bersuat XVIII contains materials of this very important period. However its ceramic complex is different than those on settlements of the final stage of the Late Bronze Age in Kazakhstan presented by ceramics of the so-called Sargari culture. That allows the authors to distinguish a new ceramic type of this period, the Bersuat type dated to the early 1st millennium BC. They wrote that it is impossible to trace directly features of the Early Iron Age in settlements of the final stage of the previous period. The formation of the Bersuat type was connected probably with the development of local types of the so-called cultures with cordoned ware and their interactions with forest-steppe (Mezhovskaya culture) and southern (Amirabad culture) populations.

The paragraph «Eurasian chariots: design features and possibilities of functioning» (the authors A.V. Epimakhov and I.V. Chechushkov) is devoted to study of the Eurasian chariots found mainly in cemeteries of the Sintashta culture of the Middle Bronze Age in the Southern Transurals. Some chariots have been found in cemeteries of other cultures of the region (early Alakul culture and Petrovka culture). The paragraph contains descriptions of these chariots. In addition, the authors suggest a formalized base of date that may be used for statistical processing by means of a computer. They suggested a set of qualitative and quantitative features, which have been divided into four groups. All the date have been placed in two tables: «The catalogue of chariots» and «The chariots: sources». A special mark of chariots (or charioteers) is the presence of cheek-pieces in graves, but there is no direct correlation between the presence of cheek-pieces and remains of chariots. The authors demonstrate that the Eurasian chariots belong to the same type, which was typical in antiquity in areas of the Mediterranean (the Near East, Egypt, Greece, Rome). A reconstruction of chariots suggested is based on evidences from the Sintashta cemetery and morphology of horse, etc. A special conclusion has been drawn about an imitation of chariots in burial tombs and the authors distinguish these imitations and actual chariots.

The paragraph «Historico-cultural situation in the Transurals in the Middle and Late Bronze Age» written by S.A. Grigoriev describes the history of the area during the 2nd – early 1st millennium BC. The rise of the culture of the Bronze Age had been connected here with the appearance of the Sintashta culture of

the Middle Bronze Age in the late 3rd millennium BC in the system of the calibrated radiocarbon chronology (18th century BC in a traditional system). The formation of the culture resulted from the penetration of the area by a population, which came from the Near East. Different interactions with populations from Eastern Europe caused the presence of Eastern European features in the Sintashta culture.

Impulses of this culture to the east, in Kazakhstan, resulted in the formation of the Petrovka culture in the early 16th century BC. The impulses to the west provoked the formation in the Volga area of sites of the Potapovo type and then of the early Timber-grave complexes. These processes mark the beginning of the Late Bronze Age in the area.

In the Southern Urals, on the base of the Sintashta culture the early Alakul culture formed. This culture is considered by archaeologist as a part of the so-called Andronovo culture of the Eurasian Late Bronze Age. But, indeed, it consists of two separate parts with different origin: Alakul and Fyodorovka cultures. The Alakul culture forming on the Sintashta base spreads to the East interacting with the Petrovka culture, which was having the same origins. However, the appearance of classic Alakul complexes had been influenced by contacts with the Fyodorovka tribes moving from the east. On the other hand, the Fyodorovka culture absorbed a number of the Alakul features. These complicated interactions resulted in the appearance of phenomenon, called in archaeology «Andronovo culture».

In the forest-steppe and forest areas of the Urals transformation of the Fyodorovka culture in the mid-2nd millennium BC resulted in the formation of Cherkaskul and Mezhevskaya cultures. In the steppe area it was a time of an absolute predominance of the Alakul culture. Only in the beginning of the final stage of the Late Bronze Age this culture was replaced by complexes of the so-called «Cordoned ware horizon», which were forming partly on the Alakul base. However, we are not able to trace the development of this tradition to the beginning of the Early Iron Age. We see a break between complexes of the Late Bronze Age and this period. So, the appearance of the following nomadic culture was connected with the coming of populations from Central Asia.

Early Iron Age

In the first part (the authors A.D. Tairov and S.Y. Gutsalov) of the chapter the modern state of studying the Early Iron Age of the Southern Urals is characterized, and some unsolved problems are discussed.

The second part of the chapter (the authors A.G. Gavriluk and A.D. Tairov) is devoted to publication of newest investigations on the Early Iron Age of the Urals.

One of the earliest evidences of the military activity of the Transural nomads on the southern border of the Itkul world in the forest area is the burial 3 of the mound 2 in the 14th Irtyash cemetery. Judging from its artifacts and burial rite this burial is dated to the 7th century BC (perhaps the second half of the century) and belongs to sites of the Bobrovka (Saka) stage of history of the early nomads in the steppe Transurals.

It is worthy of comment the coincidence of processes of the rise of the Itkul culture and its metal production with the beginning of penetration the forest-steppe by the nomads. The nomads were in need of non-ferrous metal, and this determined the rise and further development of the Itkul culture and its metallurgy. The result of the military activity of nomads in the 7th – 6th centuries BC was the appearance of tribute relations: for guarantees of peace the Itkul tribes supplied nomads with metal.

The military and predatory character of the first contacts, and then the tribute relations resulted in a full absence of cultural and ideological contacts between Itkul-people and nomads. Their relations were limited by permanent economic contacts, which were realizing mostly by their elite groups.

The mound 7 of the cemetery of Sarytau-1 (excavated and described by S.Y. Gutsalov) is dated to the late 5th – early 4th century BC. The mound contained an iron sword with butterfly-shaped guard and claw-shaped head, a massive iron spearhead with leaf-shaped blade and conical socket of the North-Caucasian type. Geography and chronology of these swords' and spearheads' distribution allow a conclusion to be drawn about a coming to the Southern Urals of the Scythian military elite from the North Pontic area. The movement of this population was realised through a forest-steppe corridor of Eastern Europe.

The burial rite found in the mound 2 (the author S.Y. Gutsalov) of the cemetery of Solyanka II (a buried had been placed diagonally in a square grave) was typical of the Middle Sarmatian culture. This culture is dated in the Lower Volga area and Lower Don area to the mid-1st – early 2nd century AD. The archaeologists connect it with the Alans of written sources. Our burial is dated to the 1st century BC. This gives no possibility to connect this complex with the Alans. The author believes that this diagonal position has its roots in Siberia and may be traced down to the Verkhneobskaya culture of the second half of the 1st century BC in the Upper Ob'

area. Probably, groups of cattle breeders of Western Siberia and descendants of bearers of traditions of the Prokhorovka culture of the Western Urals took part in formation of the Middle Sarmatian culture of the Southern Urals and Eastern Europe.

The third part of the chapter starts from a paragraph (written by A.D. Tairov) which is devoted to genesis of cultures of the Early Saka period of the Southern Ural steppe area.

In 7th – 6th centuries BC steppes of the Urals and Kazakhstan were occupied by peoples of three related cultures: Tasmola in Central Kazakhstan, Ulubai-Tasmola in Northern Kazakhstan and Bobrovka-Tasmola in the Southern Transurals. These cultures may be considered within framework of a united Tasmola historico-ethnic family, where the main part was playing by tribes of Central Kazakhstan.

Burial complexes of this Tasmola family may be clearly distinguished from contemporary sites left by nomads of other contiguous areas: the south of the Western Urals, Aral area, Eastern Kazakhstan and the Altai. In addition, burial sites of these areas have some common features in burial rites and artifacts with cultures of early nomads from the Altai to the Urals. The process of the rise of earliest Saka cultures of Eurasia was a base of this closeness.

A comparative analysis of burial sites of the late 2nd – first half of the 1st centuries BC of Ural-Kazakhstan steppes allows a conclusion to be drawn that the cultures of early nomads could not be formed on the base of cultures of the Late Bronze Age. We may discuss an appearance of heterogeneous unions of horsemen-migrants, who have no ethno-genetic roots in the area. They brought proper elements of ethnic culture.

An initial area of the migration was in Northern and Northwestern China (Sinkiang) and Mongolia. The movement of nomadic tribes from Eastern Turkistan and Mongolia had several stages having different intention and directions. The first migratory wave in the late 9th – early 8th century BC was directed mainly to the Altai highlands. The second, more mass migratory wave took place in the late 8th century BC (or early 7th century BC). A group of nomads of this wave was directed through the Ili basin to the Aral area. The second wave moved through the valley of Black Irtysh, along the western and north-western slopes of the Altai to Central and Northern Kazakhstan and further to the Southern Urals.

This common origin and paths of migration resulted in closeness of burial rites in these areas. A heterogeneity of migrants and local populations determined formations of different cultures of the early Saka period in particular areas.

The reason of the migrations was not in politic events on the border of China and nomadic world, but in changes of climatic conditions in Mongolia and Eastern Turkistan.

In the paragraph «Phases of cultural genesis of the Ural-Kazakhstan steppes in the Early Iron Age» its author S.G. Botalov suggests a periodization of these phases within a vast region. This periodization is based on tendencies and dynamics of ethnic and cultural developments of the 1st millennium BC – 1st millennium AD in Asian steppes, and on an idea of a migration as the main reason of cultural transformations of nomadic cultures.

The Early Saka historico-cultural stage (the 7th – late 6th centuries BC). A migration from Southern Mongolia and Northern China resulted in the appearance of Saka cultures in Eastern Turkistan and sites of the Kara-Koba type in the Altai.

A disintegration of barbarous cultures of Northern China provoked a movement of the Tasmola-people to the west (to Kazakhstan and the Southern Urals) and formation in Sinkiang of cultures with Saka features. The next stage of the Saka migrations in the 5th – 4th centuries BC was directed to the Ili basin, the Northern and North-western Altai.

The Scytho-Sarmatian historico-cultural stage (the late 6th – late 3rd centuries BC). The most significant Sarmatian migrations within the area had been started in the last third of the 1st millennium BC and lasted for the first centuries AD. However, already in the late 6th – 5th centuries BC we see a coming of nomads from Central Asia to the Southern Transurals. At this time the rise of the Prokhorovka culture was proceeding in the Transurals. The rise of the culture was influencing also by a Scythian component from the North Pontic area. However, the main component was that came from Southern Kazakhstan and Central Asia. The Southern Transurals was a transit zone in the period of early Yueh-chih migrations in the late 6th century BC. Most probable, this Scythian – early Sarmatian migration was a finale in the rise of ancient Prokhorovka population (the late 6th – 5th centuries BC) in the Southern Urals. Besides, the Scythian – early Sarmatian movements in the Turkistan – Caspian region resulted in establishment of cultural uniformity, which is known as «Scytho-Siberian» and then «Sarmatian world».

The flourishing of the Early Sarmatian culture was in the 4th – 3rd centuries BC, when a mass movement of nomads from the Southern Transurals to the west and south-west to steppes of the Western Urals was started, and then (in the late 4th – early 3rd century BC) to forest-steppes. Contemporary, a movement of nomads from the Aral area to the Lower Volga beg-

un. These migrations of the Prokhorovka people were caused by dramatic climatic changes and aridity in steppe in the 4th century BC.

The written sources allow «the Upper Aorsi» to be placed in the Volga-Ural area, who were bordering in the south with Caspian Dahae. Judging from archaeological sources, the eastern border of «the Upper Aorsi» was in Northern Kazakhstan.

Yueh-chih-Alanian historico-cultural stage (the late 3rd BC – 1st centuries AD). The stage started with a powerful migratory wave of nomadic tribes from Western Mongolia and Eastern Turkestan, which had been provoked by the formation of Hunian Empire. Its main component was Yueh-chih-Sarmatian tribes moving to the west. The appearance in the late 3rd century BC of sites of the Lyavandak type in Ural-Kazakhstan steppes was connected with this migratory wave. On the northern and western periphery of oases of the South of Central Asia new sites at this time appeared which mark a new Sarmatian migratory wave from the Transurals and Northern Kazakhstan. Common features of these sites are niche-grave and catacomb burials and southern orientation of buried, as well as chronologically and culturally united complex of finds. These sites mark southern borders of a great Sarmatian area that included in the late 3rd – 2nd centuries BC Kazakhstan (from Ural to Irtysh rivers), the Southern Urals and the Volga area. Migrants from Northern and North-western China brought catacombs to Ural-Kazakhstan steppes in the late 3rd – early 2nd centuries BC. These catacomb have a burial chamber joined to a side wall of the entrance pit.

Analysis of written tradition allows us to connect a country Yantsai of Chinese sources with the «Upper Aorsi» of classical sources. Such a supposition gives us a possibility to place the country Yantsai in the Southern Urals, in the Lower Volga area and in areas bordering with them areas of the south of Central Asia. However, it is illegitimate to identify the country Yantsai with the country Alania, as the appearance of the Alans as an independent political power in the late 1st century AD took place at the moment when the most part of Aorsian population of Yantsai migrated far to the west, to Eastern European steppes.

In the next paragraph its authors A.D. Tairov and S.Y. Gutsalov characterize ethnic and cultural processes in the Southern Urals in the 7th – 2nd centuries BC, especially those concerning developments of nomadic societies of the region. The role and place of nomads in history of steppe and forest-steppe Eurasia was determined here, in particular, the main stages, forms, character and evolution of interactions between nomads of the Southern Urals with tribes of

Northern and Central Kazakhstan and populations of the forest-steppe Transurals and Western Siberia.

Connections of nomads of the Southern Urals with settled agricultural centers of the south of Central Asia have been revealed and demonstrated. Significance of politic events in the south of Central Asia for cultural genesis of the nomads in the Southern Urals is discussed and their role in history of early states of the south of Central Asia has been specified.

The migratory processes in steppes of the Urals and Kazakhstan have been demonstrated on archaeological materials, and the characters, initial areas and main directions of these migrations have been described, as well as their reasons and ethnic consequences.

A special attention is paid in the paragraph to forms of interaction of the early nomads of the Southern Urals with nomadic societies of the East and West of steppe Eurasia.

In the next paragraph L.T. Yablonskii discusses the ethnic genesis of the Southern Aral area in the beginning of the Early Iron Age. The author has drawn a conclusion that the process of the nomadic societies' formation began as a result of migrations. Archaeological and anthropological evidences demonstrate prevalence of an eastern impulse in these migrations. This migratory impulse to the west resulted in global changes in an ethno-cultural map of Eurasia. However, it did not change the anthropological features of populations in the Volga and North Pontic areas, the south of the Western Urals and the Northern Caucasus (the Kuban' and Kuma basins).

In the second half – the end of the 6th century BC a change of typology of weapons and stylistic of «Anymal Style» took place in the Aral area. This may be explained not only by genetic connections of the nomads of the area with local semi-settled sheep-and-horse breeders and farmers, but also by reorientation to new metallurgical centers. These centers were common for populations in the Aral area and the south of the Western Urals.

In the late 6th – early 5th century BC a new migratory impulse from the Transurals reached the Southern Aral area and resulted in development by nomads of steppes of the area, which were unsettled from the Bronze Age.

During the 5th century BC the migratory activity of the cattle breeders from the Transurals resulted in the appearance of some new populations of the Lower Syr-Darya, left-bank Khorezmia, and Ustyurt. New materials from burial mounds of the south of the Western Urals demonstrate an incessant line of development of cultural complexes of local cattle breeders during the 5th – early 3rd centuries BC.

During the 4th-3rd centuries BC steppes and forest-steppes of the south of the Western Urals became an arena of cultural and genetic interactions of heterogeneous anthropologically populations.

The Middle Ages

Chapter IV. Nomads of the late antiquity and the Middle Ages. The introduction of the chapter is devoted to the most urgent problems of archeology of nomads in the late antiquity and the Middle Ages. S.G. Botalov proves the historico-cultural succession of the Xiong-nu in Mongolia and Transbaikalia with the Huno-Sarmatian population of Ural-Kazakhstan steppes.

Sites of the Early Turkic stage (the late 5th - 9th centuries AD) are briefly characterized. These sites include barrows with stone paving («with moustaches») and sites of the Selentash type. The general description of sites of the 11th - early 13th centuries AD and complexes of the Mongolian and Zolotaya Orda periods is adduced.

In the section «Material culture: the newest researches» S.G. Botalov publishes new materials from the collection of the Magnitogorsk museum. The bronze cauldron, a bronze mirror, and also a set of harness concern to the Huno-Sarmatian culture, and are dated to the 2nd - 4th centuries AD.

Paragraph 2 is devoted to barrows with stone paving («with moustaches»). I.E. Ljubchansky and O.F. Bytkovsky publish a new site, the barrow of Novoakhtubinsk I. In encompassing paragraph on sites of this type I.E. Ljubchansky gives typology of barrows «with moustaches» and their cultural and chronological characteristics. The author draws a conclusion that these barrows relate to the Early Middle Ages period.

A.A. Bisembaev, E.R. Usmanova and S.G. Botalov (paragraph 3) publish rare sites of the 11th - early 13th centuries AD, the complexes of the Keepchak-Polovetsk stage from the cemeteries of Ilekshar I (barrow 1), Ilekshar III (barrow 1) and Lisakovsk (barrow 4). The sites are dated well enough by harness (bit, stirrups), arrowheads and ornaments (earrings, pendants, finger-rings).

In section 4, devoted to the sites of the Zolotaya Orda period, S.G. Botalov and K.N. Babenkov publish materials from barrows on the Agapovka hills, and results of excavations research on the bank of the Kirsia River (in outskirts of Magnitogorsk). These sites belong to the 13th - 14th centuries AD. They contain a great number of the local Kipchak features (the western and northwestern orientation, the presence of a horse-skin). Some barrows have Mongolian features.

The paragraph 4.2 (the author A.F. Jaminov) is devoted to typology and classifications of burials of the

Zolotaya Orda period. The suggested classification enables to trace back dynamics of the process of Islamization of the steppe population in the Southern Urals. A direct transformation from pagan funeral rites to Muslim canons is typical of such types of burials, as ÄIV, ÄVIII, ÄII, ÄIII, ÄI, ÄI, ÄII, ÄII, ÄII. Burials of the types ÄVI, ÄV, ÄII were typical only of the pagan period. For the Early Islamic period a distinctive feature is distribution of burials with niches in a southern wall (types ÄIII, ÄIV, ÄIII, ÄXII, ÄIX), and the appearance just at this time of burials of types ÄI, ÄII, ÄIV, ÄI. As to typological and territorial comparison of pagan and early Islamic burials, frequently, all they are situated in the same cemeteries (I Linevskii, II Ishkulovskii, Pocrovskii, etc.), that, quite naturally, assumes not only chronological and ethno-cultural affinity and continuity of the populations which left these sites, but also demonstrates stability of their residence here in the 13th - 14th centuries AD.

In the part «Cultural transformations in the Ural-Kazakhstan steppe in first half of the 2nd millennium AD» its author V.P. Kostyukov considers, mainly, changes in the religious sphere, their reasons and historical conditions. This study is in a considerable degree based on recent results in studying of this theme and previous conclusions: a) local Keepchak tribes before the Mongolian expansion were pagans; b) equally, the population of the Zolotaya Orda, whose main component were the Kipchaks, before the beginning of reign of Uzbek-khan were pagans; c) the impulse to the distribution of Islam in steppes was given by reforms of the khan Uzbek; d) Islam turned into an absolutely dominating religion after the middle of the 15th century AD.

In paragraph 3.2 S.G. Botalov considers the basic stages of development of culture during the periods of late antiquity and the Middle Ages and suggests the following chronological scheme of the historical development:

1. The Hunian period and its stages:
 - Huno-Sarmatian stages (The Early Hunian, 2nd - 4th centuries AD)
 - Hunian, Posthunan stage 5th (late 4th) - 6th centuries AD
2. The Early Turkic period, 6th (late 5th) - early 13th centuries AD:
 - the Turko-Telessk stage, 6th (late 5th) - 7th centuries AD
 - the Turgesh-Oguz stage, 7th - 9th centuries AD
3. The Kimako-Keepchak period, 9th - early 13th centuries AD:
 - the Kimako-Keepchak stage, 9th - 10th centuries AD
 - the Keepchako-Polovetsk stage, 11th - early XI - 13th centuries AD
4. The Zolotaya Orda period, 13th - 14th centuries AD

In the V.A. Ivanov's final section the basic modern problems in archeology of the Middle Ages in the Southern Urals are considered.

In the 4th – 5th centuries AD the forest Kama area was penetrated by the settled West-Siberian Ugrians – a population which left here sites of the type of Brodovski barrows.

All these migrations had been caused by the Hunian invasion to Eastern Europe whose last echo for the region was the coming of people, the bearers of the Turbasly culture of the 5th – 7th centuries AD.

The ethno-geographical situation in the Southern Urals and adjacent areas in the end of the third quarter of the 1st millenium AD allows us to fix here the presence of all basic peoples which defined an ethnic map of the Ural-Volga region in the subsequent centuries: the Slavs – in the Volga-Kama basin; the Turks – in the steppe Transurals; the Ugrians – on the Middle Kama area; and the Finno-Permian people presented in the forest area between the rivers Izhd and Ufa by sites of the Mazunino and Bachmutino cultures.

The situation in the late 1st millenium AD was following: the population of the forest-steppe Southern Urals was belonging to an ethno-cultural area (ECA) of the ancient Ugrians (the cultures with incised and combed ceramics), which was occupying an area from the Middle Ob' basin in

the east to the Lower Kama basin (Volga Bulgaria) in the west. The population of the Middle Kama area in this period was represented by a complex enclave in which Finnish, Ugrian and even Turkic ethnic components (with an Ugrian ethno-linguistic dominant) were present.

In the steppe Transurals the sites of the Selentash type, connected with the Turkish population, appeared. In modern Khakassia they are represented by the Tukhtyak archeological culture. The south of the Volga-Ural forest-steppe is penetrated at this time by the Turkish-speaking Bulgars, represented on the Middle Volga by sites of the Novinki type. The area of this type includes the basin of the Middle Samara and Sok, as it follows from results of investigations of archeologists from Samara.

The evidences adduced assume also an ethnic heterogeneity of nomads of the Zolotaya Orda period in steppes of the region. To solve this question modern archeologists try, mainly, to distinguish the Keepchak-Polovtsk ethnic component and sites corresponding to it. They identify with these sites so-called «earthen barrows». These barrows form a united ethno-cultural area (ECA) with those in the Middle Volga area dated to the 13th – 14th centuries AD. But proper Keepchak-Polovtsk burials are rare among the Volga barrows (so-called «Bykovo» and «Tsarevo» groups).

Научное издание

Археология Южного Урала. Степь
(проблемы культурогенеза)
Коллектив авторов

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

Редактор Н.О. Иванова
Оригинал-макет: Г.В. Терсков
Художники: А.М. Федоров, Н.Н. Бойко, М.А. Меньшенина
Обложка: В.Н. Чесноков
Корректор Л.А. Ильина

Подписано в печать 30.08.06. Формат 60х84/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 62,82. Уч.-изд. л. 79,70.
Тираж 150 экз. Заказ № 3164

Издательство ООО ЦИКР «Рифей»

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в ОАО «Челябинский Дом печати»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60

